Уилбур Смит

ЗОЛОТО
ОХОТНИКИ ЗА АЛМАЗАМИ
СВИРЕПАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ОРЕЛ В НЕБЕ

Охотники за алмазами

Уилбур Смит

ЗОЛОТО • ОХОТНИКИ ЗА АЛМАЗАМИ
СВИРЕПАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ • ОРЕЛ В НЕБЕ

Охотники за алмазами

Уилбур Смит

Уилбур Смит

Охотники за алмазами

Золото

Охотники за алмазами

Свирепая справедливость

Орел в небе

издательство
Астрель
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С50

Wilbur Smith

GOLD MINE
THE DIAMOND HUNTERS
WILD JUSTICE
EAGLE IN THE SKY

First published in 1970, 1971, 1974, 1979 by William Heinemann Ltd
Reprinted in 1998 by Macmillan an imprint of PanMacmillan Ltd.

Перевод с английского Д. Арсеньева («Охотники за алмазами», «Свирепая справедливость», «Орел в небе»), Н. Берденникова («Золото»)

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Charles Pick Consultancy Limited и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 19.05.11. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 61,92. Тираж 2000 экз. Заказ № 5929.

Смит, У.

С50 Золото. Охотники за алмазами. Свирепая справедливость. Орел в небе : [сборник: пер. с англ.] / Уилбур Смит. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 765, [3] с.

ISBN 978-5-17-073023-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-36305-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Лучшие приключенческие романы Уилбура Смита!

В погоне за прибылью южноафриканские золотопромышленники готовы пойти на страшное преступление...

Смерть владельца прибыльной компании по добыче алмазов становится началом кровавой войны между его наследниками...

Четыреста ни в чем не повинных пассажиров «боинга» оказываются в заложниках у террористов, которые подчиняются таинственному Калифу...

Отважный летчик мстит преступникам, по вине которых его возлюбленная лишилась зрения...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Wilbur Smith, 1970, 1971, 1974, 1979
© Перевод. Д. Арсеньев, 2011
© Перевод. Н. Берденников, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Золото

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо, бесценному сокровищу моей жизни,
с бесконечной любовью и искренней признательностью
за благословенные годы нашей совместной жизни.

1

Все началось, когда мир был еще очень молод, когда человека еще не было, да и сама жизнь не успела зародиться на планете.

Земная кора была еще тонкой и мягкой, деформированной и изломанной чудовищным давлением изнутри.

Плоская сейчас материковая плита Африки в то время представляла собой горный массив. Хребет за хребтом то поднимались ввысь, то рассыпались под воздействием движений магмы на огромной глубине. Таких гор человек не видел никогда, по сравнению с ними даже Гималаи выглядели бы карликами. Гигантские, окутанные паром горные громады, из щелей и зияющих ран которых сочилась лава.

Она поднималась от центра Земли сквозь трещины земной коры, постепенно остывая, таким образом менее летучие минералы оставались внизу, а вещества с более низкой точкой плавления выносились на поверхность.

В один из моментов бесконечного течения времени открылась серия трещин в одном из безымянных горных хребтов, и из них хлынули реки расплавленного золота. В результате каприза природы изменение температуры и химические реакции привели к грубому, но достаточно эффективному процессу обогащения. Материнская порода остыла и затвердела на поверхности Земли, и концентрация золота в ней была очень высокой.

Человек просто не в состоянии представить размеры гор того времени, сила ветров и ливней была им под стать.

Золотая жила была зачата на фоне дьявольского пейзажа – голые скалы, отвесно уходившие в облака, темные от сернистого газа, отрыгнутого землей, плотные и непроницаемые для солнечных лучей.

Атмосфера была насыщена влагой, которой впоследствии суждено было стать морями.

В течение многих миллионов лет дождь и ветер разрушали безымянный горный хребет с золотыми склонами, дробили его и уносили ручейками и целыми реками грязи и песка вниз в ущелье.

Скалы постепенно остывали, вода задерживалась на них дольше, и вскоре в долине образовалось озеро размером с внутреннее море.

В это озеро дождевые потоки с золотых склонов несли мельчайшие частицы желтого металла, которые вместе с песком и кварцевым гравием образовали на дне плотный пласт.

Со временем все золото со склонов хребта было перенесено на дно озера.

Затем, как случалось примерно каждые десять миллионов лет, Земля вступила в очередной период сейсмической активности. Поверхность сотрясали чудовищные землетрясения – одно за другим.

Один из ужасных толчков расколол дно озера от берега до берега, вода ушла, а осадочный пласт распался на множество фрагментов, разбросанных беспорядочно в виде гигантских, многомильных торосов.

Снова и снова землетрясения властвовали на Земле. Скалы качались и падали, заполняя обломками бывшую котловину озера, погребая под собой одни обломки золотоносного пласта, превращая в пыль другие.

Период сейсмической активности прошел, нисколько не повлияв на царственное течение времени. Приходили и уходили потопы и засухи. Вспыхнула и ярко разгорелась волшебная искра жизни, которая, пройдя гигантский путь от чудовищных рептилий, сквозь многочисленные изгибы и повороты эволюции, породила к середине плейстоцена человека-обезьяну – австралопитека, впервые поднявшего с земли берцовую кость бизона, чтобы использовать ее в качестве оружия или инструмента.

Австралопитек стоял в центре раскаленной солнцем равнины, простиравшейся на многие сотни миль во всех направлениях, так как горы давно были разрушены, а озера и русла рек засыпаны их обломками.

Восемьсот тысяч лет спустя на этом же самом месте оказался дальний, но прямой потомок австралопитека с инструментом в руке. Человека звали Харрисон, а его инструмент был более сложным, чем у предка. Это был изыскательский молоток, изготовленный из металла и дерева.

Харрисон наклонился и отбил молотком образец породы, обнажившейся из сухой коричневой африканской земли. Выпрямившись, он стал рассматривать его в лучах солнца.

Это был не представляющий никакого интереса конгломерат с серо-черными прожилками. Харрисон разочарованно что-то пробурчал, потом, уже почти потеряв надежду, лизнул одну из граней. Это был старый старательский прием, позволявший выявить зерна металла в руде.

Его глаза удивленно сузились, увидев сверкнувшие в глубине золотистые частицы.

История сохранила только его имя. Никто не знает ни его возраста в то время, ни цвета его глаз, ни то, как он умер. Через месяц Харрисон продал этот участок всего за десять фунтов и исчез, возможно, в поисках по-настоящему богатого месторождения.

Лучше бы он оставил право собственности на этот участок за собой.

За восемьдесят лет примерно пятьсот миллионов унций чистого золота было добыто на месторождениях Трансвааля и Свободной Оранжевой Республики. И это лишь малая часть того, что осталось в земле, что будет отобрано у нее, так как людей, разрабатывающих месторождения Южной Африки, по праву считают самыми настойчивыми и упрямыми из всех наследников Вулкана.

Эта масса драгоценного металла является основой процветания энергичного молодого народа численностью в восемнадцать миллионов человек.

Правда, Земля отдает свои сокровища неохотно, человеку приходится отбирать их силой.

2

Электрический вентилятор гнал воздух из угла, но, несмотря на его старания, в кабинете Рода Айронсайдса было безумно жарко.

Он потянулся к серебристому термосу с ледяной водой, стоявшему на столе, но замер, так как сосуд вдруг заплясал на полированной поверхности. Потом задрожал стол. Зашелестели бумаги на нем. Завибрировали стены кабинета, зазвенели стекла в рамах. Дрожь продолжалась четыре секунды, потом все стихло.

– Черт! – Род схватил трубку одного из трех телефонов, стоявших на столе. – Говорит начальник подземных работ. Соедини меня с лабораторией механики грунтов и побыстрее, пожалуйста.

Он нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Дверь в соседний кабинет приоткрылась, из нее выглянул Дмитрий.

– Ты почувствовал, Род? Судя по всему, серьезная авария.

– Почувствовал. – Род услышал голос в трубке.

– Доктор Вессел.

– Питер, это Род. Есть данные?

– Пока нет. Можешь подождать минуту?

– Могу. – Род едва сдерживал нетерпение, но понимал, что Питер Вессел – единственный человек, способный разобраться в массе электронного оборудования лаборатории механики грунтов. Лаборатория являлась совместным научно-исследовательским проектом четырех основных золотодобывающих компаний, они вложили четверть миллиона рандов в исследования грунтов и сейсмической активности под давлением. Местом размещения лаборатории была выбрана шахта компании «Сондер дитч». Микрофоны и датчики Питера Вессела размещались на тысячах футов земной толщи, а магнитофоны и самописцы готовы были зафиксировать любое подземное колебание.

Прошла еще одна минута, Род развернулся в кресле и принялся рассматривать гигантский шахтный копер № 1 высотой с десятиэтажный дом.

– Давай, Питер, давай, – пробормотал он нетерпеливо. – У меня там двенадцать тысяч мальчиков.

По-прежнему прижимая трубку к уху, Род взглянул на часы:

– Два тридцать. Самое неподходящее время. Они все еще в забоях.

Он услышал, как на другом конце взяли трубку, потом прозвучал почти извиняющийся голос Питера Вессела:

– Мне очень жаль, Род, но произошел выброс породы под давлением силой семь баллов на глубине девять с половиной тысяч футов в секторе S7C2.

– Черт! – Род бросил трубку и резко вскочил с кресла. Лицо его выражало решимость и гнев. – Дмитрий! – бросил Род все еще стоявшему в дверях помощнику. – Звонка ждать не будем. Аварийная ситуация высшей категории сложности. Семибалльный выброс с эпицентром точно в середине восточного длинного забоя на девяносто пятом уровне.

– Пресвятая Дева Мария! – Дмитрий бросился в свой кабинет. Склонив покрытую черными как смоль кудрями голову над аппаратом, он начал обзванивать службы, причаст-

ные к ликвидации аварии высшей категории сложности. Больница... спасательная команда... главный специалист по вентиляции... кабинет генерального директора.

Род отвернулся, и в этот момент в его кабинет вошел Джимми Патерсон – главный электрик.

– Я почувствовал его, Род. Твое мнение?

– Скверно.

В кабинет стали заходить другие главные специалисты. Они закуривали, кашляли, переминались с ноги на ногу, но все не сводили глаз с белого телефона на столе Рода. Время тянулось мучительно медленно.

– Дмитрий, – попытался разрядить напряжение Род, – ты предупредил, чтобы нас ждала клеть?

– Да, нам подготовили «Мэри-Энн».

– У меня на девяносто пятом уровне пять человек проверяли высоковольтный кабель, – сказал Джимми Патерсон, но никто не отреагировал на его слова. Все смотрели на белый телефон.

– Дмитрий, тебе удалось найти босса? – Род нетерпеливо расхаживал перед своим столом. Теперь, когда в комнате были другие люди, был особенно заметен его огромный рост.

– Он под землей, Род. Спустился в двенадцать тридцать.

– Передай по всем станциям просьбу, чтобы он связался со мной.

– Уже сделано.

Зазвонил белый телефон.

В первое мгновение резкий звон полоснул по нервам Рода, но уже в следующий момент трубка была поднята.

– Начальник подземных работ...

Он услышал лишь тяжелое дыхание на другом конце провода.

– Говори, что случилось?

– Все обрушилось... – прозвучало в ответ. – Все обрушилось к чертовой матери. – Голос был хриплым, грубым от страха и пыли.

– Откуда ты говоришь? – спросил Род.

– Они все еще там. Они кричат там. Из-под камней. Они стонут.

– Назови свою станцию. – В тоне Рода появились металлические нотки. Он пытался пробиться к сознанию говорившего сквозь туман шока.

– Весь забой обрушился на них. Весь проклятый забой.

– Черт тебя возьми! – взревел Род. – Глупый ублюдок! Назови свою станцию.

На минуту воцарилась тишина. Потом вновь раздался голос, более уверенный, немного раздраженный от выслушанного оскорбления.

– Девяносто пятый уровень, главный штрек. Секция сорок три. Восточный длинный забой.

– Мы идем. – Род положил трубку и схватил со стола желтый фибергласовый шлем с лампой. – Сорок третья секция. Обрушился висячий бок, – объявил он Дмитрию.

– Жертвы? – спросил маленький грек.

– Несомненно. Слышны крики из завала.

Род надел шлем.

– Остаешься здесь за старшего, Дмитрий.

3

Род, застегивая белый комбинезон, подошел к зданию копра. Машинально он прочитал вывеску над входом:

БУДЬ НАЧЕКУ – ОСТАНЕШЬСЯ ЖИВЫМ
С ТВОЕЙ ПОМОЩЬЮ ЭТА ШАХТА ПРОРАБОТАЛА 16 ДНЕЙ БЕЗ ЖЕРТВ

«Снова придется менять цифры», – мрачно усмехнувшись, подумал Род.

«Мэри-Энн» ждала их. В тесной клети, предназначавшейся для спуска и подъема спасательной и аварийной команд, уже стояли люди. Здесь размещалось не более сорока человек, и, хотя на шахте были еще две большие клети вместимостью до ста двадцати человек, в данной ситуации было достаточно и маленькой «Мэри-Энн».

– Поехали, – сказал Род, войдя в клеть.

Стволовой закрыл решетчатые двери. Раздался один звонок, два, и пол ушел из-под ног, а желудок прижало к ребрам. Спуск представлял собой нескончаемое падение в темноту. Гремела и лязгала клеть, менялись вкус и запах воздуха, они становились более химическими, искусственными, быстро повышалась температура.

Род стоял, ссутулившись и прижавшись спиной к металлической решетке клети. Высота клети была всего шесть футов и три дюйма, а Род был значительно выше, особенно в шлеме. «Итак, – подумал он с яростью, – сегодня мы получим очередной счет от мясника».

Он всегда приходил в ярость, когда земля требовала плату искалеченной плотью и переломанными костями. Вся изобретательность человека и опыт, полученные за шестьдесят лет глубинных шахтных разработок в Витуотерсрэнде, были направлены на то, чтобы цена, выплачиваемая кровью, была как можно ниже. Но когда вы уходите в толщу земли на глубины свыше восьми тысяч футов и вынимаете оттуда четверть миллиона тонн породы ежемесячно, вырабатывая наклонный пласт и оставляя за собой низкие и огромные по площади полости, расплата неизбежна. Напряжение в грунтах нарастает, точки приложения давлений меняются, пока ситуация не становится критической, и тогда происходят обвалы, погибают люди.

Род едва не потерял равновесие, когда клеть начала торможение и наконец остановилась у ярко освещенной станции на шестьдесят шестом уровне.

Здесь всем следовало перейти к другому стволу – вспомогательному. Дверь открылась, и Род зашагал по главному ярко освещенному штреку, напоминающему размерами железнодорожный тоннель.

Аварийная команда шагала следом. Никто не бежал, но в движениях каждого чувствовалась едва сдерживаемая нервная энергия людей, идущих навстречу опасности. Род вел всех к вспомогательному стволу.

Есть предел глубины, до которой возможно пробурить ствол, служащий для подъема и спуска людей в клети, подвешенной на стальном тросе. Этот предел составляет примерно семь тысяч футов.

На этой глубине следует начинать все сначала. Вырубать помещение для копра в породе и бурить новый ствол – вспомогательный.

Вспомогательная клеть уже ждала их. Все встали плечом к плечу, загремела закрывающаяся дверь, и снова захватывающее дыхание, падение в темноту.

Вниз, вниз, вниз.

Род включил фонарь. В воздухе запрыгали крошечные пылинки, а ведь раньше он был практически стерильным.

Пыль! Один из смертельных врагов горняка. Пыль от обвала. Вентиляция пока не успела очистить воздух.

Падение казалось бесконечным. Поднималась температура и увеличивалась влажность, лица вокруг, как черные, так и белые, заблестели от пота.

Пыли стало еще больше, кто-то закашлялся. Мелькали ярко освещенные станции – 76, 77, 78 – вниз, вниз. Пыль превратилась в туман.

85, 86, 87. Никто не произнес ни слова с самого начала спуска. 93, 94, 95. Торможение и остановка.

Загрохотала дверь. Они опустились на глубину 9500 футов.

– Вперед! – сказал Род.

4

В помещении девяносто пятой станции толпились люди, человек сто пятьдесят, возможно, двести. Грязные после работы в забое, в пропитанной потом одежде, они смеялись и болтали с несдержанностью людей, только что избежавших смертельной опасности.

На свободном пространстве в центре помещения лежали пять носилок, на двух из них ярко-красные одеяла закрывали лица людей. Лица трех оставшихся выглядели так, будто их только что присыпали мукой.

– Двое, – пробормотал Род, – пока.

На станции царил беспорядок, люди бесцельно бродили взад-вперед, каждую минуту из неповрежденных, но потенциально опасных штреков прибывали новые горняки.

Род быстро огляделся и узнал одного из своих мастеров.

– Макги! – закричал он. – Командуй здесь. Рассади всех по очереди. Начнем эвакуацию смены немедленно. Скажи там, на подъемнике, что сначала я хочу эвакуировать раненых.

Он подождал немного, чтобы убедиться в том, что Макги уже контролирует ситуацию, и взглянул на часы. Два пятьдесят шесть. Он с изумлением понял, что прошло всего двадцать шесть минут с того момента, как он почувствовал толчки у себя в кабинете.

Макги удалось навести на станции некое подобие порядка. Он кричал что-то в телефонную трубку, требуя от имени Рода первоочередной эвакуации людей со станции 95.

– Отлично, – сказал Род. – Вперед! – Он повел людей в штрек.

Пыль висела плотно. Он закашлялся. Висячая стена проходила здесь совсем низко. Ему пришлось пригнуться, и он вдруг подумал о неудачном выборе термина для потолка выработки – «Висячая стена». Название навевало мысли о виселице или в лучшем случае привлекало внимание к миллионам тонн породы, висящих над головой.

Штрек разветвился, и Род не задумываясь повернул направо. В его голове находилась точная трехмерная карта тоннелей протяженностью в сто семьдесят шесть миль, составляющих разработки шахты «Сондер дитч». Штрек привел к Т-образному перекрестку. Ответвления были уже и ниже. Правый вел к секции 42, левый – к секции 43. Пыль висела в воздухе так плотно, что видимость снизилась до десяти футов.

– Здесь вентиляция вышла из строя. – Род крикнул через плечо: – Ван дер Берг!

– Здесь, сэр. – Старший аварийной команды подошел ближе.

– Мне нужен воздух в этом штреке. Займитесь этим. При необходимости используйте брезентовые рукава.

– Слушаюсь, сэр.

– Затем я хочу, чтобы подали давление в водопровод и убрали эту пыль.

– Слушаюсь.

Род повернулся к штреку. Здесь пол, или, как называют его горняки, подошва, был неровным, шаг пришлось замедлить. Вскоре они подошли к ряду стальных вагонеток, груженных рудой и брошенных посреди штрека.

– Немедленно убрать их отсюда, – бросил через плечо Род, не замедляя шага.

Еще пятьдесят шагов, и он замер на месте. Почувствовал, как встали дыбом волосы на руках. Сколько раз он слышал этот звук, но привыкнуть к нему было невозможно.

На умышленно грубом языке горняков таких людей называли «пискунами». Эти звуки издавал взрослый мужчина, у которого ноги были раздроблены сотней тонн породы, позвоночник, возможно, сломан, нос и рот забиты пылью, а разум выведен из строя смертельной опасностью положения. Он звал на помощь, призывал Бога, звал жену, детей или мать.

Род вновь двинулся вперед, а звук становился все громче и громче, ужасный звук, почти нечеловеческий, то переходящий от рыданий и бормотания к тишине, то вдруг взрывающий эту тишину леденящим кровь воплем.

Впереди в тоннеле показались люди – темные силуэты в пыльном тумане. Их фонари пронзали этот туман лучами желтого, фантастического, искаженного света.

– Кто здесь? – спросил Род, и люди узнали его голос.

– Слава Богу! Слава Богу, вы пришли, мистер Айронсайдс.

– Кто ты?

– Барнард. Сменный мастер сорок третьей секции.

– Доложи о разрушениях.

– Висячая стена всего забоя обрушилась.

– Сколько человек было в забое?

– Сорок два.

– Сколько осталось сейчас?

– Пока обнаружили шестнадцать человек невредимыми, двенадцать легкораненых, трех тяжелораненых и двух покойников.

«Пискун» закричал снова, но голос его значительно ослабел.

– Что с ним? – спросил Род.

– Двадцатитонный камень упал на поясницу. Сделал уже два укола морфия. Пока не помогло.

– К забою есть проход?

– Есть небольшая дыра. – Барнард направил луч лампы на груду обломков голубоватого кварцита, перегородившую штрек как рухнувшая стена сада. Там была видна дыра, сквозь которую, возможно, мог проскочить фокстерьер. Из дыры пробивался рассеянный свет, доносились звуки передвигаемых камней, приглушенные голоса людей.

– Барнард, сколько человек у тебя там работает?

– Я.... – Барнард медлил с ответом, – я думаю, человек десять – двенадцать.

Род схватил его за грудь и едва не оторвал от земли.

– Ты думаешь! – Лицо Рода побелело от ярости. – Послал туда людей, даже не записав их номера? Послал двенадцать моих мальчиков для того, чтобы спасти девять? – Род рывком оторвал сменного мастера от земли и прижал к стене штрека. – Ублюдок! Ты же знаешь, что те девять уже превратились в фарш. Ты знаешь, что забой опасен как никогда, и посылаешь двенадцать человек за фаршем, даже не записав их номера. Как мы узнаем, кого искать, если снова произойдет обвал? – Род отпустил мастера и отошел назад. – Немедленно выведи всех из забоя.

– Но, мистер Айронсайдс, генеральный директор там. Мистер Леммер там. Он инспектировал забой.

Род опешил на мгновение, потом прорычал:

– Да хоть сам президент республики. Выводи людей. Начнем сначала, но по всем правилам.

В течение нескольких минут спасатели были отозваны и начали вылезать из дыры – белые от пыли, похожие на опарышей, вылезающих из гнилого сыра.

– Хорошо, – сказал Род. – Я рискну только четверыми одновременно.

Среди совершенно белых, словно мельники, людей он быстро отобрал четверых, в том числе огромного чернокожего с бронзовым значком босс-боя на плече.

– Большой Король, и ты здесь? – спросил Род на фаникало – языке горняков, позволяющем общаться людям множества этнических групп.

– Я здесь, – ответил Большой Король.

– Хочешь получить очередную награду?

Месяцем раньше Большой Король спустился по канату на глубину двести футов за телом белого горняка. Награда за храбрость от компании составила 100 рандов.

– Кто думает о наградах, когда земля пожрала плоть людей? – мягко упрекнул Рода Большой Король. – Сегодня, впрочем, не работа, а забава для детей. Нкози пойдет в забой? – Это был уже вызов.

Место Рода было не в забое. Он был координатором, организатором. Тем не менее не ответить на вызов он не мог. Ни один банту не поверит, что он не испугался и послал на смерть других людей.

– Да. Я пойду в забой.

И он повел людей в забой. Род едва смог протиснуться в дыру и оказался в помещении размером со среднюю комнату, правда, потолок был всего три с половиной фута высотой. Он быстро скользнул по нему лучом лампы и понял, насколько опасна ситуация. Весь потолок был испещрен трещинами, горняки называли их «гроздьями винограда».

– Просто прелестно. – Род быстро опустил лампу.

«Пискун» находился от Рода на расстоянии вытянутой руки. Его тело, от поясницы и выше, торчало из-под камня размером с «кадиллак». Кто-то обмотал его тело красным полотенцем. Сейчас он затих и не шевелился. Но как только его коснулся луч лампы Рода, поднял голову. Взгляд его был лишен рассудка, по лицу струился пот от ужаса и безумия. Рот широко раскрылся, глубокий и розовый, на черном фоне лица. Он начал кричать, но вдруг звук захлебнулся в потоке хлынувшей изо рта крови.

Род не мог отвести взгляда от этой ужасной картины: банту с откинутой назад головой, с широко открытым ртом, из которого, как дождевая вода из горгульи, хлещет кровь. Постепенно голова повисла, лицо ткнулось в пыль. Род подполз к нему, приподнял голову и подложил под нее красное одеяло.

На руках осталась кровь, и он вытер ее о комбинезон.

– Три, – произнес он, – пока. – И, оставив умершего, пополз вперед к обвалившемуся забою.

К Роду подполз Большой Король с двумя ломами, один из которых он передал ему.

Уже через час работа превратилась в поединок, в пробу сил двух великанов. За их спинами три человека едва успевали отбрасывать и передавать назад камни, которые Большой Король и Род высвобождали из завала. Род знал, что ведет себя по-детски, что ему нужно вернуться в главный штрек, руководить спасательными работами и принимать ряд других необходимых в такое время решений. Компания платила ему за ум и опыт, а не за мускулы.

«Ну и черт с ним, – подумал он, – пусть даже мы пропустим взрыв сегодня. Я остаюсь». Он бросил взгляд на Большого Короля и наклонился, чтобы взять самый большой обломок в завале. Напрягся, используя сначала лишь силу рук, затем включив все тело. Камень не пошевелился. Большой Король положил на обломок гигантские черные ладони, и они потянули вместе. Вызвав поток более мелких камней, глыба сдвинулась с места. Они отбросили ее назад и улыбнулись друг другу.

В семь часов Род и Большой Король вышли из забоя, чтобы съесть бутерброды и попить кофе из термоса. Род воспользовался случаем и связался с Дмитрием по полевому телефону.

– Род, мы вывели смены из обоих стволов. Все подготовлено к взрыву, кроме вашей секции. У вас там пятьдесят восемь человек. – Голос Дмитрия по телефону звучал пронзительно.

– Подожди. – Род обдумал ситуацию. На это ушло несколько больше времени, чем обычно. Он устал, был вымотан морально и физически. Если он запретит взрывы в обоих

стволах, опасаясь следующего обвала в сорок третьей секции, это будет стоить компании дневной выработки – десять тысяч тонн золотоносной породы по шестнадцать рандов за тонну – внушительная сумма в сто шестьдесят тысяч рандов, или восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, или двести тысяч долларов, как ни считай.

Весьма вероятно, все оставшиеся в забое уже умерли. Случившийся выброс перераспределил напряжения в грунтах вокруг девяносто пятого уровня, и очередной обвал был маловероятен.

Тем не менее там мог остаться кто-то – живой и невредимый в полной темноте и с нависшими «гроздьями винограда» над незащищенным телом. Когда будут нажаты все кнопки, в «Сондер дитч» взорвется восемнадцать тонн динагеля. Удар будет значительным, и «грозди» могут упасть.

– Дмитрий, – Род принял решение, – взорви все длинные забои ствола номер два ровно в семь тридцать. – Ствол № 2 находился в трех милях. Это должно было спасти компании восемьдесят тысяч рандов. – Затем, через пятиминутные интервалы, взорви южный, северный и западный длинные забои здесь, в стволе номер один. – Распределенный взрыв уменьшит смещение породы и сохранит акционерам еще шестьдесят тысяч рандов. Общие потери в денежном выражении составят всего двадцать тысяч.

«Не так уж плохо, – мрачно подумал Род. – Кровь стоит совсем недорого. Ее можно купить на центральной станции переливания всего по три ранда за пинту».

– Хорошо, – сказал он, поднимаясь и разминая затекшие плечи, – на время взрыва все отходят в безопасное место к главному стволу.

5

Когда земля наконец успокоилась после серии взрывов, Род привел людей назад к забою, и в девять часов они обнаружили тела двух проходчиков, расплющенные о металл их собственного бура. Пройдя еще десять футов, они нашли белого горняка. На теле не было ни единой царапины, а голова была разбита вдребезги.

В одиннадцать часов были найдены еще два проходчика. Род находился в штреке, когда их вытаскивали из дыры. Ничего человеческого в них не осталось. Они выглядели как куски сырого мяса, вывалянные в пыли.

Чуть позже полуночи Род и Большой Король вновь сменили работавшую в забое команду, а через двадцать минут им удалось, разбросав каменную стену, попасть в чудом оставшееся нетронутым помещение.

Воздух там был горячим и влажным. Род инстинктивно отпрянул назад, почувствовав его дуновение, потом заставил себя проползти вперед и осмотреть открывшийся участок.

Буквально в десяти футах от него лежал Фрэнк Леммер – генеральный директор шахты «Сондер дитч». Он лежал на спине. Шлем слетел с головы, лоб рассекла глубокая рана. Кровь из раны, стекавшая по седым волосам, запеклась черной коркой. Фрэнк открыл глаза и болезненно прищурился от яркого света. Род быстро отвел лампу.

– Мистер Леммер.

– Что, черт тебя возьми, ты делаешь в аварийной команде? – прорычал Фрэнк Леммер. – Это не твое дело. Или ты так ничему и не научился за двадцать лет работы?

– Сэр, с вами все в порядке?

– Вызывай врача, – ответил Леммер. – Придется резать руку, чтобы освободить меня.

Род подполз поближе и понял, что имел в виду Фрэнк Леммер. Его рука была прижата огромной каменной глыбой. Род ощупал ее руками. Только взрыв мог сдвинуть ее с места. Фрэнк Леммер, как всегда, был прав.

Род выполз обратно в штрек и отдал приказ:

– Принесите мне телефон.

Через несколько минут он связался со станцией девяносто пятого уровня, которая служила пунктом оказания первой помощи и отдыха спасательных команд.

– Говорит Айронсайдс. Дайте мне доктора Стандера.

Прошло несколько секунд.

– Хелло, Род. Здесь Дэн.

– Дэн, мы нашли старика.

– Как он? В сознании?

– Да, но его прижало. Придется резать.

– Ты уверен?

– Конечно, уверен! – рявкнул Род.

– Осади, мальчик.

– Извини.

– О'кей. Где его прижало?

– Рука. Придется резать чуть выше локтя.

– Прелестно!

– Жду тебя здесь.

– Буду через пять минут.

6

– Смешно, смотришь, как перемалывает других, но остаешься в полной уверенности, что с тобой такого никогда не случится. – Голос Фрэнка был спокойным и ровным.

«Видимо, рука онемела», – подумал лежавший рядом с ним Род.

Фрэнк повернулся к Роду лицом:

– Почему ты не стал фермером, мальчик?

– Вы знаете почему.

– Да. – Фрэнк чуть заметно, только губами, улыбнулся и свободной рукой вытер рот. – Знаешь, мне оставалось всего три месяца до пенсии. Мне почти удалось. Ты тоже так кончишь, мальчик, мордой в пыли и с переломанными костями.

– Это еще не конец.

– Еще не конец? – Фрэнк усмехнулся. – Правда?

– Можно и я посмеюсь? – В проломе показалась голова Дэна Стандера.

– Не слишком же ты сюда торопился, – проворчал Леммер.

– Помоги мне, Род. – Дэн передал свою сумку, потом подполз сам, бросив вскользь Фрэнку Леммеру: – Акции «Юнион стил» сегодня выросли до девяноста восьми центов. Я же советовал вам покупать.

– Слишком высокая цена, слишком большой капитал, – фыркнул Леммер.

Дэн лег рядом и разложил инструменты, не переставая обсуждать ситуацию на бирже. Когда он наполнил шприц пентатолом и стал протирать спиртом жилистую старческую руку, Леммер вновь повернулся к Роду:

– Мы неплохо покопались здесь, Родни, – ты и я. Мне бы очень хотелось, чтобы шахту отдали тебе, но они не отдадут. Ты еще слишком молод. Кого бы они ни поставили на мое место, присматривай за ним, ты знаешь шахту. Не дай ему все испортить.

Игла вонзилась в вену.

Дэн отрезал руку за четыре с половиной минуты. А еще через двадцать семь минут Фрэнк Леммер умер от шока и перегрева в «Мэри-Энн» на пути к поверхности.

7

После выплаты алиментов Патти остаток зарплаты Рода не располагал к излишествам, и все-таки он не смог отказаться от покупки большого кремового «мазерати». Несмотря на то что модель была 1967 года и пробег составлял почти тридцать тысяч миль, каждый взнос за машину наносил ощутимый удар по его бюджету.

Но в дни, подобные сегодняшнему, он считал расходы оправданными. Род спустился по извилистой дороге с хребта Краалкоп, а когда национальное шоссе к Йоханнесбургу стало прямым, дал машине волю. Машина, казалось, прижалась к шоссе подобно бегущему льву, рокот двигателя изменился, стал более глубоким, напряженным.

Дорога от «Сондер дитч» до Йоханнесбурга на обычной машине занимала один час, Род добирался до города на двадцать минут быстрее.

Наступило субботнее утро, и он пребывал в радужном настроении.

С момента развода Род вел жизнь Джекила и Хайда. Пять дней в неделю он был примерным высокопоставленным администратором компании, но на оставшиеся два дня отправлялся в Йоханнесбург с клюшками для гольфа в багажнике «мазерати», ключами от шикарной квартиры в районе Хиллброу в кармане и с усмешкой на губах.

Сегодня предвкушение удачи было сильным как никогда. Мало того, что сногсшибательная двадцатидвухлетняя светловолосая модель была готова весь вечер развлекать Родни Айронсайдса, ему предстояло нанести визит загадочному доктору Манфреду Стайнеру.

Приглашение поступило от безымянной женщины, назвавшейся секретаршей доктора Стайнера. Это случилось через день после похорон Фрэнка Леммера, и встреча была назначена на одиннадцать часов в субботу.

Роду не приходилось встречаться с Манфредом Стайнером, но он, конечно, слышал о нем. Каждый служащий любой из пятидесяти или шестидесяти компаний, а стало быть, и «Сондер дитч», входивших в состав «Сентрал ранд консолидейтед гроуп», не мог не слышать о Манфреде Стайнере.

Манфред Стайнер получил степень бакалавра экономики в Берлинском университете, а потом степень доктора менеджмента в Корнелле. Он стал работать на «СРК» всего двенадцать лет назад в возрасте тридцати лет и сейчас был одним из руководителей. Харри Хершфилду, каким бы вечным он ни казался, все же предстояло предпринять попытку сместить с трона Аида, и тогда, по мнению большинства, кресло председателя «СРК» должен был занять Манфред Стайнер.

Стремились к этому многие, так как занявший этот пост автоматически становился одним из самых влиятельных людей Африки, включая глав государств.

Предпочтение, отдававшееся доктору Стайнеру, было вполне оправданно. Благодаря своему мозгу он заработал прозвище «Компьютер» – никто не смог распознать в нем ни малейшего намека на какую-либо из человеческих слабостей, и, что самое главное, десять лет назад он сумел жениться на единственной внучке Харри Хершфилда – выпускнице Кейптаунского университета.

Положение доктора Стайнера казалось незыблемым, и Род был весьма заинтригован перспективой встречи с ним.

Под эстакадой шахты «Клуф голд» Род пролетел на скорости сто двадцать пять миль в час.

– Йоханнесбург, я иду! – Род громко рассмеялся.

Только без десяти одиннадцать Род разыскал бронзовую табличку с надписью «Д-р М.К. Стайнер» на уединенной улице Сэндауна – фешенебельного пригорода Йоханнесбурга. Дом с дороги виден не был, и Род плавно повернул в высокие белые ворота, являвшиеся плохим образцом подражания стилю «Кейп датч».

Ворота, как отметил для себя Род, поражали полным отсутствием вкуса, а сад, находившийся за ними, оказался просто раем. Род разбирался в камнях, но слабостью его были цветы. В ярко-желтых и красных, на фоне зеленых лужаек, цветах он узнал пушницу, но названий остальных ослепительно красивых растений вспомнить не смог.

– Ничего себе, – пробормотал он почтительно. – Кто-то неплохо здесь потрудился.

За поворотом вымощенной щебнем дороги он увидел дом. Он тоже был построен в стиле «Кейп датч», и Род простил доктору Стайнеру его ворота.

– Ничего себе! – теперь уже с восхищением повторил он и непроизвольно остановил машину.

Стиль «Кейп датч» является наиболее сложным для подражания – здесь одна линия из сотни может нарушить гармонию, но этот дом был выше всяческих похвал. Он навевал мысли о вечности, о незыблемости, поражая при этом изяществом линий и грацией. Род почти не сомневался, что ставни и балки были сделаны из настоящего желтого дерева, а свинцовые оконные переплеты изготовлены вручную.

Род смотрел на все это великолепие и не мог не почувствовать зависть. Он любил хорошие вещи, например свой «мазерати», но здесь был совершенно иной уровень материального благосостояния. Он завидовал человеку, владеющему всем этим, отдавая себе отчет, что его годового дохода едва ли хватит на покрытие авансового платежа за одну лишь землю.

– Поэтому я купил квартиру. – Род горько усмехнулся, поехал дальше и припарковал машину у гаражей.

Он не знал, каким именно входом следует воспользоваться, поэтому выбрал наугад одну из дорожек, ведущих к дому.

За поворотом его взору открылось еще одно не менее привлекательное зрелище, оказавшее на Рода более глубокое воздействие, чем дом. Это был женский зад, обтянутый лыжными брюками и торчащий из зарослей экзотических растений.

Род был не в силах сдвинуться с места. Он замер, наблюдая за движениями столь привлекательной части женского тела.

Вдруг из кустов раздалось не подобающее леди ругательство, правда произнесенное подобающим леди голосом, и владелица зада выпрямилась, громко посасывая палец.

– Он укусил меня! – пробормотала она, не вынимая пальца изо рта. – Этот вонючий клоп укусил меня!

– Не надо было его дразнить, – заметил Род.

Она резко повернулась к нему лицом, и Род сразу же заметил ее глаза. Они были огромными, совершенно непропорциональными по сравнению с другими чертами лица.

– А я и не... – начала было она, но остановилась. Вынув палец изо рта, она инстинктивно поправила прическу, а другой рукой разгладила блузку, отряхнула с нее прилипшие листья. – Кто вы? – спросила она, рассматривая Рода огромными глазами. Это была стандартная реакция любой женщины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, впервые увидевшей Родни Айронсайдса. Род всегда принимал подобные знаки внимания благосклонно.

– Меня зовут Родни Айронсайдс. Доктор Стайнер назначил мне встречу.

– О, – она торопливо заправляла блузку в брюки, – мой муж, вероятно, ждет вас в кабинете.

Род, конечно, узнал ее. Раз пятьдесят он видел ее фотографии в газете компании, но на них она обычно была в вечернем длинном платье и в бриллиантах, а не в блузке с дырой на рукаве, не заправленной в брюки. На фотографиях лицо было безупречным под слоем косметики, сейчас же его покрывали лишь румянец и легкая испарина.

– Вероятно, я выгляжу ужасно, – зачем-то попыталась оправдаться Тереза Стайнер. – Я ухаживала за цветами.

– Вы сами ухаживаете за садом?

– Делаю лишь незначительную часть физической работы, но я спланировала его. – В первый момент Тереза решила, что он большой и некрасивый, но тут же поняла, что это не так. «Нет, на самом деле у него просто несколько усталый вид».

– Он прекрасен.

– Благодарю вас.

«Впрочем, его это нисколько не портит, он выглядит настоящим мужчиной. Особенно хорошо смотрятся волосы на груди, выбивающиеся из открытого ворота рубашки».

– Это протеа? – спросил Род, указывая на заросли, из которых она только что поднялась.

– Нутаны, – ответила она. «Ему, пожалуй, около сорока, на висках уже появилась седина».

– А я решил, что это протеа.

– Вы совершенно правы. Просто «нутаны» более точное название. Существует более двухсот разновидностей протеа, – ответила она абсолютно серьезно. «А голос не подходит к внешности. У него вид профессионального боксера, а говорит он как адвокат. Наверное, он и есть адвокат. К Манфреду обычно приходят либо адвокаты, либо бизнес-консультанты».

– Правда? Они прелестны. – Род дотронулся до одного из бутонов.

– Они вам действительно нравятся? Я выращиваю более пятидесяти разновидностей.

Через мгновение они уже улыбались друг другу.

– Я провожу вас в дом, – сказала Тереза Стайнер.

8

– Манфред, мистер Айронсайдс уже здесь.

– Очень хорошо.

Он сидел за столом из сандалового дерева в комнате, пропахшей воском для мебели, и не сделал ни малейшей попытки даже приподняться с кресла.

– Принести вам кофе или чай? – спросила Тереза.

– Нет, благодарю, – ответил Манфред Стайнер, не спросив мнения Рода.

– Тогда я вас оставлю.

– Спасибо, Тереза.

Она ушла, а Род принялся рассматривать человека, о котором столько слышал.

Манфред Стайнер выглядел моложе своих сорока двух лет. Его светло-каштановые волосы были зачесаны назад. Он носил очки в тяжелой черной оправе, а лицо его выглядело по-детски гладким, без малейших признаков растительности. Руки, лежащие перед ним на столе, были такими же гладкими, и Род задал себе вопрос, не пользуется ли он средством для удаления волос.

– Входите, – сказал Манфред, и Род подошел к столу. Сорочка на Стайнере была шелковой, белоснежной и тщательно отутюженной. В манжетах – запонки из оникса, на шее – клубный галстук Йоханнесбургского королевского гольф-клуба. Род вдруг понял, что ни рубашку, ни галстук раньше ни разу не надевали, значит, то, что он слышал об этом человеке, хотя бы частично подтверждалось. Стайнер заказывал свои сорочки оптом и надевал каждую лишь один раз.

– Садитесь, Айронсайдс. – Стайнер слегка глотал гласные, в его речи чувствовался едва заметный тевтонский акцент.

– Доктор Стайнер, – мягко заметил Род, – у вас есть выбор. Вы можете называть меня Родни или мистер Айронсайдс.

Выражение лица Стайнера совершенно не изменилось.

– Мне хотелось бы, прежде чем начать обсуждение, еще раз проверить ваши анкетные данные. У вас нет возражений, мистер Айронсайдс?

– Нет, доктор Стайнер.

– Вы родились шестнадцатого октября тысяча девятьсот тридцать первого года в Баттеруорте в Транскее. Ваш отец был торговцем, мать умерла в январе тридцать девятого. Ваш отец был призван капитаном в полк легкой пехоты Дурбана и умер от ран на реке По в Италии зимой сорок четвертого года. Вас воспитывал дядя с материнской стороны в Восточном Лондоне. Окончив Королевский колледж в Грэмстауне в сорок седьмом году, вы не смогли стать стипендиатом министерства горной промышленности по специальности «горное дело» в университете Витуотерсрэнда. Вас зачислили в государственную школу, и вы получили удостоверение взрывника в сорок девятом году. В том же году вы начали работу в качестве ученика в компании «Бливооритцихт голд майнинг».

Доктор Стайнер встал из-за стола, подошел к обшитой деревянными панелями стене и нажал скрытый выключатель. Часть стены сдвинулась в сторону, открыв раковину и вешалку с полотенцем. Продолжая говорить, Стайнер начал тщательно намыливать и мыть руки.

– В том же году вам присвоили квалификацию горняка, в пятьдесят втором году – сменного мастера, в пятьдесят четвертом – мастера шахты. Вы успешно сдали экзамен на администратора в пятьдесят девятом году. В шестьдесят втором вы пришли к нам на должность помощника начальника секции, в шестьдесят третьем стали начальником секции, в шестьдесят пятом – помощником начальника подземных работ, в шестьдесят восьмом году заняли ваш сегодняшний пост начальника подземных работ.

Доктор Стайнер принялся вытирать руки белоснежным полотенцем.

– Вы совсем неплохо запомнили мой послужной список, – признал Род.

Стайнер скомкал полотенце и бросил его в мусорную корзину под раковиной. Затем нажал кнопку, панель встала на место, а он вернулся за стол, осторожно ступая по отполированному паркетному полу. Он был совсем небольшого роста, не более пяти с половиной футов, так же как и его жена.

– Неплохие достижения, – продолжил Стайнер. – Следующему за вами по возрасту начальнику подземных работ сорок шесть лет, а вам нет еще и тридцати девяти.

Род кивком поблагодарил его.

– Сейчас, – доктор Стайнер положил перед собой на стол свежевымытые руки, – мне хотелось бы затронуть некоторые аспекты вашей личной жизни. Нет возражений?

Род снова кивком выразил согласие.

– Причиной отказа в назначении вас стипендиатом, несмотря на ваши отличные оценки, была рекомендация директора вашего колледжа, обратившего внимание отборочной комиссии на ваш нестабильный взрывной характер.

– А вы-то откуда это знаете? – воскликнул Род.

– У меня есть доступ к архивам комиссии. Судя по записям, вы набросились на вашего бывшего директора, как только получили свидетельство об окончании.

– И славно поколотил ублюдка, – весело согласился Род.

– Непростительная роскошь, мистер Айронсайдс. Она стоила вам диплома университета.

Род промолчал.

– Продолжим. В пятьдесят девятом году вы женились на Патриции Энн Харвей. Результатом вашего брака стало рождение в том же году, точнее, через семь с половиной месяцев после свадьбы, дочери.

Род заерзал на стуле, доктор Стайнер продолжал:

– В шестьдесят четвертом году брак закончился разводом. Ваша жена обвинила вас в измене, ребенок остался на ее попечении, ей были назначены алименты в сумме четырехсот пятидесяти рандов в месяц.

– К чему все это? – спросил Род.

– Я просто пытаюсь нарисовать как можно более точную картину вашего сегодняшнего положения. Это необходимо, уверяю вас. – Доктор Стайнер снял очки и стал протирать линзы белоснежным носовым платком. На переносице были видны следы от оправы.

– Тогда продолжайте. – Роду уже самому не терпелось узнать, насколько много Стайнер знает о нем.

– В шестьдесят восьмом году мисс Дианна Джонсон подала в суд иск о признании вас отцом ее ребенка. По решению суда вы выплачиваете ей сто пятьдесят рандов ежемесячно.

Род промолчал.

– Я должен упомянуть еще кое о чем. Против вас были возбуждены два дела об оскорблении действием, но прекращены в связи с обнаружением оправдывающих обстоятельств или непревышением пределов самообороны.

– Это все? – с усмешкой спросил Род.

– Почти. Следует только отметить текущие расходы в сумме сто пятьдесят рандов ежемесячно за европейскую спортивную машину и в сумме сто рандов ежемесячно за аренду квартиры, расположенной по адресу 596, Глен алпин найтс, Корнер-лейн, Хиллброу.

Род пришел в ярость: он-то считал, что никто в «СРК» не знает о существовании квартиры.

– Черт вас возьми! Вы суете свой нос в мою личную жизнь.

– Именно так, – спокойно согласился Стайнер. – Я виновен, но действую из лучших побуждений. Вы поймете это, если выслушаете меня до конца.

Доктор Стайнер вдруг вскочил из-за стола, прошел к умывальнику и принялся снова мыть руки. Вытирая их полотенцем, он продолжил:

– Ваши обязательные расходы составляют восемьсот пятьдесят рандов в месяц. Ваша зарплата, после вычета налогов, составляет менее тысячи рандов. У вас нет диплома по специальности, и шансы получить очередную должность генерального директора весьма туманны. Вы достигли предела, мистер Айронсайдс. Самостоятельно вам не удастся подняться выше. Через тридцать лет вы будете не самым молодым начальником подземных

работ в «СРК», а самым старым. – Доктор Стайнер на мгновение замолчал. – И то только в том случае, если ваши экстравагантные привычки не приведут вас в долговую тюрьму или ваш взрывной и горячий характер, а также бешеная любвеобильность не станут причиной более серьезных неприятностей.

Стайнер бросил полотенце в корзину и вернулся за стол. Целую минуту они рассматривали друг друга в полной тишине.

– Вы вызвали меня сюда только для того, чтобы сообщить все это? – Напряжение Рода достигло предела, даже голос стал немного хриплым, достаточно было малейшей провокации, и он бросился бы через стол и вцепился Стайнеру в горло.

– Нет. – Стайнер покачал головой. – Я вызвал вас сюда, чтобы сообщить, что использую все свое влияние, смею надеяться значительное, чтобы гарантировать ваше назначение, причем немедленное, на должность генерального директора золотодобывающей компании «Сондер дитч».

Род отпрянул, как будто Стайнер плюнул ему в лицо, и не смог произнести ни слова.

– Почему? – спросил он наконец. – Что вы хотите получить взамен?

– Ни вашу дружбу, ни вашу благодарность, – ответил доктор Стайнер, – а безоговорочное исполнение всех моих распоряжений. Вы будете моим человеком полностью.

Род не сводил с него глаз, а мозг его лихорадочно работал. Без вмешательства Стайнера он будет ждать повышения еще лет десять как минимум, если вообще дождется. А он хотел его, Господи, как он хотел его. Успех, повышение дохода, власть. Его собственная шахта! Его собственная шахта в тридцать восемь лет и дополнительные десять тысяч рандов годового дохода.

Род был не настолько доверчив, чтобы не понимать, что придется заплатить Стайнеру высокую цену. Он не сомневался, что распоряжения, которые ему придется беспрекословно выполнять, будут смердеть как десятидневный труп. Но вступив в должность, он сможет отказаться от их исполнения. Сначала надо было получить назначение, а потом решать, выполнять распоряжения или нет.

– Согласен, – сказал он.

Манфред Стайнер поднялся из-за стола.

– Я дам вам знать. Можете идти.

9

Ничего не видя и не слыша, Род пересек широкую, вымощенную плитами веранду перед домом и прямо через лужайку направился к машине. Его мозг проигрывал только что закончившийся разговор, разрывая его на части, как свора псов тушу животного. Он едва не столкнулся с Терезой Стайнер и тут же забыл о возможном директорстве.

Тереза переоделась, подкрасила лицо и глаза, подвязала волосы шелковым шарфом цвета лайма, и это всего за полчаса, прошедших после их встречи. Она стояла, склонившись над клумбой, с лейкой в руке, похожая на яркую и беспечную колибри.

Род был поражен и польщен, так как понимал, что перемены были вызваны его присутствием, и как знаток не мог не оценить их.

– Хелло.

Она посмотрела на него, и ей удалось взглядом выразить искреннее удивление. Ее глаза были действительно огромными, а грим еще больше подчеркивал их размеры.

– Вы похожи на маленькую трудолюбивую пчелку. – Род скользнул взглядом по цветастому брючному костюму. Ее щеки покрылись легким румянцем.

– Встреча прошла успешно? – поспешила спросить она.

– Очень.

– Вы адвокат?

– Нет, работаю на вашего дедушку.

– Что же вы делаете?

– Добываю его золото.

– На какой шахте?

– «Сондер дитч».

– В какой должности?

– Если верить словам вашего мужа, я буду генеральным директором.

– Вы слишком молоды.

– И я так думаю.

– Попс обязательно что-нибудь скажет по этому поводу.

– Попс?

– Мой дедушка.

Род, не удержавшись, рассмеялся.

– Что в этом смешного?

– То, что председателя «СРК» называют «Попс».

– Только мне это позволено.

– Не сомневаюсь. Думаю, вы позволяете себе многое, на что другие не смеют решиться.

Двусмысленность последней фразы вдруг стала ясна им обоим, и воцарилась неловкая тишина. Тереза склонила голову и сорвала цветок.

– Я совсем не это имел в виду, – попытался извиниться Род.

– Что «не это», мистер Айронсайдс? – спросила она с озорной невинностью в голосе, и они оба рассмеялись, обрадованные тем, что неловкость исчезла.

Она проводила его к машине, ведя себя абсолютно непринужденно, а когда он садился за руль, заметила:

– На следующей неделе мы с Манфредом приедем в «Сондер дитч». Манфред будет вручать награды за долгую службу и храбрость. – Она уже отказалась сопровождать Манфреда, теперь ей предстояло найти повод, чтобы быть приглашенной снова. – Возможно, там я увижусь с вами.

– С нетерпением жду этой встречи. – Род снял ногу с педали сцепления.

Он взглянул в зеркальце заднего вида. Она была чрезвычайно привлекательной и соблазнительной женщиной. Беспечный мужчина легко мог утонуть в этих глазах.

«У доктора Стайнера здесь большие проблемы, – решил про себя Род. – Но Манфред, видимо, так часто намыливает и трет свой прибор, что времени использовать его по назначению уже не остается».

10

Сквозь стекло доктор Стайнер наблюдал за исчезающим за поворотом «мазерати», ожидая, пока стихнет шум его двигателя.

Он снял трубку с телефона и тщательно протер ее белым носовым платком, прежде чем поднести к уху. Набрал номер и стал скрупулезно рассматривать ногти на свободной руке.

– Стайнер, – наконец произнес он в трубку. – Да... да... – Он замолчал на мгновение. – Да... Он только что уехал... Да, мы обо всем договорились... Нет, никаких проблем не будет. Я уверен. – Разговаривая, он рассматривал свою ладонь и вдруг с ужасом увидел выступившие на коже мельчайшие капли пота. – Да, я полностью понимаю серьезность возможных последствий, не беспокойтесь.

Он закрыл глаза и следующую минуту только слушал, оставаясь абсолютно неподвижным.

– Все будет сделано, когда придет время, уверяю вас. До свидания.

Он повесил трубку и бросился мыть руки. «Итак, – подумал он, взбивая пену, – осталось только получить одобрение старика».

11

Сейчас он стал стариком, прожив долгих тяжелых семьдесят восемь лет. Волосы и брови побелели, кожа стала морщинистой, покрытой веснушками и пятнами, свисающей мешками под глазами и подбородком.

Тело высохло, он был костлявым и сутулым, как потрепанное бурей дерево, но скрытая энергия чувствовалась в том, как он держал себя, и именно эта настойчивость заслужила ему кличку Быстрый Хершфилд шестьдесят лет назад, когда он впервые появился в районе золотых месторождений.

Этим утром он стоял у окна во всю стену своего кабинета на последнем этаже небоскреба и смотрел на Йоханнесбург. «Риф-Хаус», где располагался его офис, находился рядом с массивным Шлесинджер-билдинг на нависшем над городом хребте Браамфонтейн. Глядя с такой высоты, казалось, что Йоханнесбург распластался у ног Харри Хершфилда, что, впрочем, было недалеко от истины.

Давным-давно, еще до Великой депрессии тридцатых, он перестал измерять свое богатство деньгами. Он владел более чем четвертью выпущенных акций «СРК». При сегодняшней цене сто двадцать рандов за акцию их стоимость была невообразимой. В дополнение, посредством сложнейшей системы трастов, доверенностей и связанных между собой правлений, он контролировал еще двадцать процентов голосов.

Тишину комнаты, выполненной в приглушенных тонах, нарушил мягкий звонок интеркома. Харри чуть заметно вздрогнул.

– Да, – бросил он, не отворачиваясь от окна.

– Мистер Хершфилд, пришел мистер Стайнер, – прошептал лишенный плоти и эмоций голос секретарши.

– Пусть войдет! – рявкнул Харри. «Меня просто колотит от этого интеркома, а от всей комнаты еще больше». Она была похожа, как Харри часто говорил, на сказочный бордель.

Пятьдесят пять лет он работал в скромном, лишенном ковров кабинете, стены которого украшали только пожелтевшие фотографии людей и механизмов. Потом его перевезли сюда. Харри вновь оглядел кабинет с нескрываемым отвращением, которое не ослабили прошедшие пять лет. Кем они его считают, черт возьми? Дамским парикмахером?

Фанерованная дверь скользнула в сторону, и в кабинет осторожно вошел доктор Манфред Стайнер.

– Доброе утро, дедушка. – Десять лет, начиная с того дня, когда Тереза со своими куриными мозгами умудрилась выйти за этого мозгляка, он называл его только так, и Харри Хершфилд ненавидел каждый день из этих десяти лет. Он вдруг вспомнил, что Манфред Стайнер отвечал за оформление помещений «Риф-Хауса» и, стало быть, был причиной его раздражительности.

– Что бы ты ни попросил – ответ «нет»! – Харри быстро прошел к панели управления кондиционера. Регулятор температуры уже стоял на отметке «высокая», Харри повернул его в положение «самая высокая». Через несколько минут в комнате можно будет выращивать орхидеи.

– Как вы себя чувствуете сегодня, дедушка? – Манфред, казалось, не услышал выпада в свой адрес. Выражение лица его оставалось нейтральным, тон – вежливым. Он подошел к столу и принялся выкладывать на него документы.

– Исключительно плохо.

«Этого ублюдка невозможно вывести из себя, – подумал Харри. – С таким же успехом можно выкрикивать оскорбления в адрес хорошо отлаженного механизма».

– Мне очень жаль это слышать. – Манфред вынул из кармана носовой платок и прикоснулся им к подбородку и лбу. – Я принес отчеты за прошлую неделю.

Харри сдался и прошел за стол. Бизнес есть бизнес. Быстро пробежал глазами бумаги. Задаваемые им вопросы были резкими, прямыми, требующими немедленного ответа. К этому времени платок Манфреда находился в постоянном движении. Дважды Манфред снимал очки и протирал стекла от пара.

– Дедушка, можно мне немного снизить температуру на кондиционере?

– Только посмей дотронуться, сразу получишь под зад, – ответил Харри, не поднимая головы от бумаг.

Прошло еще пять минут, и Манфред вскочил с кресла.

– Прошу прощения, дедушка. – Он бросился через кабинет в ванную комнату. Харри склонил голову и прислушался. Услышав, как зашипела вода в кранах, он счастливо улыбнулся. Кондиционер был его единственным орудием против Манфреда Стайнера, а за последние десять лет он испробовал различную тактику.

– Только не используй все мыло, – крикнул он весело. – Сам всегда бурчишь о необходимости снижения расходов на хозяйственные нужды.

Харри совсем не считал нелепой ситуацию, при которой один из самых богатых и влиятельных людей Африки тратил столько времени и энергии на травлю своего личного помощника.

В одиннадцать часов Манфред Стайнер собрал бумаги и принялся их аккуратно складывать в украшенный монограммой портфель из свиной кожи.

– К вопросу о назначении нового генерального директора шахты «Сондер дитч» взамен покойного Фрэнка Леммера. Вы читали мою записку, касающуюся необходимости назначения на ключевые посты более молодых людей...

– Никогда не читал эту ерунду, – солгал Харри. Оба знали, что он читал и помнил все.

– Ну... – Манфред пояснял свои соображения в течение минуты, затем подвел итог: – В свете вышеизложенного мой отдел и я лично настаиваем на назначении на этот пост Родни Барри Айронсайдса, в настоящее время занимающего должность начальника подземных работ. Надеюсь, вы подпишете наши рекомендации, и они будут утверждены на совете директоров в пятницу.

Манфред ловко подсунул Харри желтый документ, отвернул колпачок ручки и протянул ее старику. Харри взял записку за угол большим и указательным пальцами, словно это был чей-то грязный носовой платок, и выбросил в корзину для мусора.

– Хочешь, чтобы я в деталях объяснил, чем стоит заняться тебе лично и твоему отделу?

– Дедушка, – мягко возразил Манфред, – вы не можете управлять компанией как барон-разбойник. Вы не можете игнорировать мнение команды высококвалифицированных людей, являющихся вашими советниками.

– Так я управлял этой компанией в течение пятидесяти лет. Может, покажешь, кто собирается менять порядки? – Харри с довольным видом откинулся в кресле и достал из внутреннего кармана огромную сигару.

– Дедушка, эта сигара!.. Врач сказал...

– А я говорю, что директором «Сондер дитч» будет Фред Пламмер.

– Но он уходит на пенсию в будущем году, – попытался возразить Манфред.

– Да, – согласился Харри, – но что это меняет?

– Но он – такая старая развалина. – В голосе Манфреда послышались нотки отчаяния. Он не ожидал, что одна из причуд старика расстроит все его планы.

– Он на двенадцать лет моложе меня, – угрожающе прорычал Харри. – Как он может быть старой развалиной?

12

Уик-энд закончился, и квартира стала производить на Рода гнетущее впечатление. Ему не терпелось уехать из нее.

Он побрился, стоя голышом перед зеркалом, постоянно чувствуя вонь из пепельниц и полупустых бокалов. Уборщица увидит обычную для понедельников картину. Все громче и громче становился шум уличного движения с авеню Луис-Бота. Род взглянул на часы: шесть часов утра. «Хорошее время для того, чтобы разобраться в собственной душе», – решил Род и, наклонившись вперед, вгляделся в собственное отражение.

«Ты слишком стар для такой жизни, – сказал он себе. – Четыре года ты так живешь, уже четыре года со дня развода. Вполне достаточно. Было бы совсем неплохо лечь в постель две ночи подряд с одной и той же женщиной».

Он промыл бритвы и включил душ.

«Возможно, я смогу позволить себе такую жизнь, если наш мальчик Манфред сдержит свое слово». Род не позволял себе безоговорочно верить обещаниям Манфреда Стайнера, но весь уик-энд, несмотря на это, чувствовал странное волнение.

Он встал под душ, намылился, затем открыл только холодную воду. Чуть позже, тяжело дыша, закрыл кран и потянулся за полотенцем. Вытираясь, прошел через гостиную в спальню и остановился в ногах кровати, чтобы разглядеть девушку, лежащую на скомканных простынях.

Благодаря загару – цвета карамели – она казалась одетой в прозрачные лифчик и трусики. Волосы, разметавшиеся по подушке, были светлыми и золотистыми и совершенно не гармонировали с треугольником черных волос внизу живота. Розовые губы по-детски надуты во сне. Она показалась Роду слишком молодой. Он даже встревожился. Только сделав заметное усилие, он вспомнил ее имя – начинал уик-энд он совсем с другой девушкой.

– Люсиль, – позвал он, присаживаясь на кровать, – просыпайся. Пора уезжать.

Она открыла глаза.

– Доброе утро. – Род нежно ее поцеловал.

– Ммм... – Она часто заморгала. – Который час? Я не хочу потерять работу.

– Шесть.

– Замечательно. У меня еще масса времени. – Она отвернулась и попыталась зарыться в простыни.

– Ничего подобного. – Род легонько шлепнул ее по заду. – Шевелись, девочка. Готовить умеешь?

– Нет.... – Она подняла голову. – Напомни, как тебя зовут.

– Род.

– Ах да, Поршень Род. – Она хихикнула. – Чуть не умерла! Ты уверен, что не работаешь на паровой тяге?

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать. А тебе?

– Тридцать восемь.

– Папочка, ты просто прелесть! – горячо воскликнула она.

– Да, иногда на меня находит. – Он встал. – Собирайся.

– Ты уезжай, а я закрою дверь, когда буду уходить.

– Не выйдет. – Когда последний раз он оставил девушку в квартире, она вынесла все: еду, спиртное, бокалы, полотенца, даже пепельницы. – Пять минут на сборы.

К счастью, она жила по пути и показала дорогу к запущенному кварталу многоквартирных домов в районе Боойсенс, рядом с отвалами породы.

– Я пытаюсь дать образование трем слепым сестренкам. Не хочешь помочь? – спросила она, когда Род остановил «мазерати».

– Конечно. – Он протянул ей пятирандовую банкноту.

– Спасибо. – Она соскользнула с красного кожаного сиденья, закрыла за собой дверь и зашагала прочь. Она даже не обернулась и вскоре скрылась за домом, а на Рода накатила странная волна одиночества. Чувство было настолько сильным, что прошла целая минута, прежде чем он смог стряхнуть с себя оцепенение и отъехать от поребрика.

– Моя пятирандовая подруга. Она действительно любит меня!

Он ехал очень быстро, и, когда поднялся на хребет Краалкоп, тени были еще длинными, а на траве серебрилась роса. Остановив «мазерати» на придорожной стоянке, он вышел из машины. Присев на капот, закурил, поморщился и посмотрел на раскинувшуюся внизу долину.

Ничто не выдавало огромных сокровищ, спрятанных под землей. Она ничем не отличалась от многих других равнин Трансвааля. В центре равнины возвышался город Китченервилль, который уже более полувека радовался тому факту, что лорд Китченер останавливался здесь лагерем на одну ночь в погоне за коварными бурами. Три дюжины домов превратились, как по волшебству, в три тысячи домов, расположенных вокруг прекрасной ратуши и торгового центра. Огромные парки и сады, широкие улицы, новые дома – все было оплачено золотодобывающими компаниями, арендованные участки которых располагались рядом с городом.

На блеклом вельде, окружающем город, стояли колоссальные монументы человеческой жажде золота – шахтные копры. Вокруг них были видны здания цехов и обогатительных заводов. Всего в долине можно было насчитать четырнадцать копров. Месторождение было разделено на пять частей и эксплуатировалось соответственно пятью компаниями, носящими имена ферм, когда-то расположенных в этой местности: Торнфонтейн, Блаауберг, Уэст Твифонтейн, Дип-голд-левелс и Сондер дитч.

Естественно, все внимание Рода привлекла последняя.

– Красавица, – прошептал он. И действительно, огромные горы голубой породы казались ему прекрасными. Сложные, но тщательно продуманные узоры шахтных построек и даже ядовито-желтые акры отстойника обладали функциональной красотой.

– Отдай ее мне, Манфред, – громко произнес Род. – Отдай, мне очень нужно.

На двадцати восьми квадратных милях, являющихся собственностью «Сондер дитч», проживало четырнадцать тысяч человек. Двенадцать тысяч были банту, нанятые из разных областей Южной Африки. Они жили в многоэтажных общежитиях, стоявших рядом с копрами, и каждый день опускались через две дыры под землю на глубину, которую невозможно было себе представить, потом поднимались на поверхность. Двенадцать тысяч человек

вниз, двенадцать тысяч человек наверх. Но это еще не все. Через эти же две дыры на поверхность поднимали десять тысяч тонн породы ежедневно, а опускали пиломатериалы и инструменты, трубы и взрывчатку, многие тонны материалов и оборудования. Человек, совершивший такое, мог гордиться собой.

Род взглянул на часы: без двадцати пяти восемь. Они были уже внизу, все двенадцать тысяч. Спуск начался в три тридцать и уже закончился. Смена была на месте. «Сондер дитч» уже грызла скалы и выдавала породу.

Род довольно улыбнулся. Чувство одиночества и тоски, которое он испытывал всего час назад, испарилось. Его сменило чувство гордости из-за причастности к такому великому делу. Он понаблюдал, как вращаются колеса копров, замирают на мгновение, чтобы вновь начать бесконечное вращение.

Каждый из стволов стоил пятьдесят миллионов рандов, надземные постройки – еще пятьдесят миллионов. «Сондер дитч» представляла собой капиталовложение в размере ста пятидесяти миллионов рандов, или двухсот двадцати миллионов долларов. И все это могло принадлежать ему.

Род отбросил окурок. Спускаясь с хребта, он бросил взгляд на восток. Вся деятельность прекращалась у воображаемой черты, проведенной произвольно с севера на юг. Поверхность не давала ни малейшего представления о том, почему так произошло. Причины находились глубоко под землей.

По этой линии проходило странное геологическое образование – дайка – стена твердой скальной породы, которую назвали «Биг Диппер». Она рассекала месторождение словно топором. За стеной тоже существовал золотоносный пласт, все знали об этом, но ни одна из пяти компаний не занималась его разработкой. Каждая начинала пробные изыскательские работы, но потом сворачивала их, так как результаты бурения нескольких скважин просто пугали своей противоречивостью.

Часть участка, арендованного «Сондер дитч», находилась по ту сторону стены. Сейчас там работала бригада бурильщиков. Было пробурено пять скважин.

Род точно помнил результаты бурения.

Скважина СД № 1: работы прекращены на глубине 4000 футов из-за воды; СД № 2: работы прекращены на глубине 5250 футов, «сухая» скважина; СД № 3: проводник жилы на глубине 6600 футов, проба 27 323 пеннивейто-дюймов, отклонение 1–6,212 пеннивейто-дюймов, отклонение 2–2,114 пеннивейто-дюймов; СД № 4: работы прекращены на глубине 3500 футов из-за артезианской воды; СД № 5: проводник жилы на глубине 8116 футов, проба 562 пеннивейто-дюймов.

Сейчас они бурили первое отклонение на пятой скважине.

Самым трудным было составить полное представление по результатам таких изыскательских работ. Вырисовывалась картина разорванных водоносных грунтов, с фрагментами золотоносной породы, с исключительно высокой концентрацией металла в одном месте и практически несуществующей всего в пятидесяти футах от него.

«Когда-нибудь разработка начнется, – подумал Род, – но я к тому времени, слава Богу, буду уже на пенсии».

За дамбой отстойника была видна ажурная конструкция бурильной вышки на фоне травы.

– Вперед, ребята, – пробормотал Род. – Что бы вы там ни нашли, мне абсолютно безразлично.

Он въехал во внушительные ворота на границе собственности шахты и остановился ровнехонько у железнодорожного переезда, показав два растопыренных пальца притаившемуся за воротами полицейскому.

Полицейский усмехнулся и помахал рукой. На прошлой неделе ему удалось поймать Рода, так что он пока вел в счете.

Род поехал в свой офис.

13

Утром в понедельник Аллен Попай Уорт готовился бурить первое отклонение скважины СД № 5. Он был родом из Техаса, но не являлся типичным техасцем. При небольшом росте – пять футов четыре дюйма – он был крепок, как алмазный бур. Тридцать лет назад он начал учиться на нефтяных месторождениях рядом с Одессой и обучился ремеслу очень хорошо.

Теперь он мог пробурить четырехдюймовую скважину сквозь земную кору на глубину тринадцать тысяч футов без отклонения от вертикали – практически невозможная задача, учитывая крутящий момент и вибрацию составного бура такой длины.

Если, как случалось иногда, стальной бур разрывало на глубине несколько тысяч футов, Аллен умел специальным инструментом зацепить его там и поднять на поверхность. Если ему встречался проводник жилы, Аллен умел отклонять бур от вертикали и брать образцы породы на площади несколько сотен футов. Именно такой операцией он и был занят сейчас.

Аллен был одним из лучших. Он сам мог назначать себе зарплату, вести себя как примадонна, а боссы все равно заискивали перед ним, потому что своим алмазным буром он мог творить чудеса.

Он определял угол первого отклонения. За день до этого он опустил в скважину высокую бронзовую бутыль, наполовину наполненную концентрированной серной кислотой. Достав бутыль из скважины, он по следу от кислоты мог определить угол отклонения бура от вертикали.

Он как раз закончил измерения в небольшой бытовке из металла и дерева рядом с буровой вышкой и отошел от рабочего стола, что-то довольно бормоча себе под нос.

Из кармана брюк он достал трубку из стержня кукурузного початка и кисет. Набив трубку, он закурил, и сразу стало ясно, почему его прозвали Попай. Сходство с персонажем мультфильма было полным. Такая же агрессивная челюсть, глаза-пуговки, потрепанная морская фуражка.

Попыхивая трубкой, он наблюдал сквозь окно, как его бригада опускает в скважину бур. Задача была не из легких. Аллен вынул трубку изо рта и аккуратно сплюнул в окно, потом снова зажал трубку зубами и склонился над столом, чтобы еще раз проверить вычисления.

В дверях показался буровой мастер.

– Босс, все готово к бурению.

– Правда? – Попай взглянул на часы. – Опускали бур целых два часа и сорок минут. Не слишком же вы надрывались!

– Это не так уж плохо, – попытался возразить мастер.

– И уж конечно, не слишком хорошо! О'кей! Хватит трепаться, пора начинать.

Он вылетел из бытовки и быстро зашагал к вышке, внимательно осматривая площадку по пути. Вышка представляла собой стальную ажурную конструкцию сорок футов высотой, с вершины которой свисал и уходил в устье скважины стальной бур. Два дизеля мощностью двести лошадиных сил каждый глухо рокотали в ожидании, их выхлопные газы окутали синеватым туманом всю площадку. Рядом с вышкой высился штабель насадок бура, чуть дальше располагался резервуар с водой емкостью десять тысяч галлонов. Вода постоянно подавалась в скважину для охлаждения и смазки бура.

– Приготовились к началу бурения, – отдал команду Попай.

Все разошлись по местам. В каждой фигуре, одетой в синий комбинезон, фибергласовый шлем и кожаные перчатки, чувствовалось напряжение. Это был критический момент для всей бригады. Следовало начать вращение бура длиной полторы мили очень нежно, почти любовно, иначе инструмент могло сорвать.

Попай легко вскочил на платформу к устью скважины и еще раз огляделся, чтобы убедиться в полной готовности оборудования. Буровой мастер замер у панели управления, он не сводил с Попая глаз, положив руки на рычаги.

– Повысить мощность! – закричал Попай и покрутил рукой над головой. Дизели взревели. Попай положил ладонь на бур. Именно так он это и делал – чувствовал инструмент голой рукой, определял напряжение на слух и на глаз.

Он махнул правой рукой, и буровой мастер плавно отпустил сцепление. Стержень дернулся под ладонью Попая, потом начал вращение. Аллен почувствовал, что напряжение вот-вот достигнет точки разрыва, и мгновенно снизил мощность, потом вновь повысил ее. Его правая рука находилась в постоянном движении, как палочка дирижера, и буровой мастер мгновенно выполнял каждое распоряжение, как хороший оркестрант.

Постепенно напряжение оставило людей, скорость же вращения бура вскоре возросла. Попай жестом показал, что все в порядке, и спрыгнул с вышки. Все занялись своим делом, а Попай с мастером направились к бытовке. Бур вгрызался в грунт на постоянной скорости четыреста оборотов в минуту.

– У меня кое-что для вас есть, босс, – сказал мастер, когда они вошли в бытовку.

– Что именно?

– Последний номер «Плейбоя».

– Шутишь? – не поверил ему Попай, но мастер достал свернутый журнал из коробки с завтраком.

– Давай сюда! – Попай выхватил журнал и сразу же раскрыл его на развороте.

– Вот это да! – присвистнул он. – Эта куколка легко может устроиться на бойню и забивать быков своими буферами.

Мастер тоже живо принялся обсуждать анатомию девушки, таким образом прошло еще две минуты, прежде чем они уловили изменившийся звук бурения. Первым сквозь эроти-

ческий туман уловил изменение Попай. Он побледнел, отбросил в сторону журнал и рванулся к выходу.

Бытовку и вышку разделяли пятьдесят ярдов, но даже на таком расстоянии была заметна вибрация буровой штанги. Попай услышал натужный рев дизелей, работавших под непомерной нагрузкой, и, как фокстерьер, метнулся к панели управления в надежде выключить моторы прежде, чем случится беда.

Он знал, что именно произошло. Бур попал в одну из многочисленных трещин, вода ушла, а инструмент продолжил работу без охлаждения и смазки. Из-за трения поднялась температура, пыль не смывалась, и бур заклинило. Один конец оказался закрепленным намертво, второй пытались повернуть два мощных дизеля. Лишь секунды оставались до срыва.

У панели управления должен был находиться оператор, но он был в сотне ярдов: как раз вылетал из уборной, пытаясь надеть штаны, застегнуть ремень и бежать одновременно.

– Ах ты, сучий ночной горшок! – взревел на бегу Попай. – Какого черта...

Он уже добежал до двери машинного отделения, но в этот момент штанга разорвалась с пушечным грохотом, и мгновенно облегченно взревели избавленные от нагрузки дизели. Слишком поздно. Попай заземлил магнето, и двигатели остановились.

Воцарившуюся тишину нарушали только полные отчаяния и ярости рыдания Попая.

– Срыв! – кричал он. – Глубокий. Господи, нет! Только не это.

Две недели могло уйти на извлечение инструмента из скважины и бетонирование трещины.

Он сорвал фуражку с головы и бросил ее на пол машинного отделения. Потом начал топтать ее. Это была стандартная реакция. Попай топтал фуражку не реже одного раза в неделю, и мастер знал, что потом он набросится на любого, кто подвернется под руку.

Мастер тихо сел за руль грузовика, остальные забрались в кузов. Такие моменты они всегда пережидали в небольшой закусочной на шоссе за чашкой кофе. Когда туман ярости рассеивался в мозгу Попая до такой степени, что он уже не жаждал крови, оказывалось, что на буровой, кроме него, никого нет.

– Глупые трусливые бабуины! – проорал он вслед удалявшемуся грузовику и бросился в бытовку звонить управляющему.

Джентльмен, сидящий в оборудованном кондиционером офисе компании «Карт дриллинг энд сементейшн» в небоскребе на Риссик-стрит в Йоханнесбурге, был несколько поражен, узнав от Попая, что именно он несет ответственность за срыв дорогостоящего алмазного бура в скважине СД № 5.

– Даже если у вас башка набита кремом, а не мозгами, и то следовало понять, что нельзя бурить скважины в клубках из ниток, – проорал Попай в трубку. – Да я лучше отца засуну в мясорубку, чем опущу бур в эту поганую землю. Там скверно, говорю я вам. Очень скверно. Пусть Господь поможет тем глупцам, которые попытаются ее разрабатывать.

Он набил свою трубку дрожащими пальцами. Через десять минут дыхание пришло в норму, руки перестали дрожать. Он набрал номер закусочной.

– Хосе, скажи моим ребятам, что все в порядке. Они могут возвращаться домой.

14

Решение накопившихся бумажных проблем доставило Роду значительно больше удовольствия, чем обычно. Вероятно, Манфред сдержит свое слово, у него есть для этого все возможности. И тогда «Сондер дитч» будет принадлежать ему. Решив последнюю проблему, Род откинулся в кресле. Он более не ощущал последствий бурно проведенного уик-энда и чувствовал себя просто замечательно.

«Если я ее заполучу, она станет лучшей шахтой на всем месторождении, – подумал он. – О ней будут говорить все от Уолл-стрит до Парижской фондовой биржи, а также о человеке, который руководит ею. Я знаю, что нужно сделать и как. Я снижу производственные расходы до минимума. Наведу порядок. Фрэнк Леммер был хорошим человеком, умел отнимать породу у земли, но не сделал все возможное. Обработка стоила почти девять рандов за тонну.

Я буду добывать породу не хуже, чем он, но дешевле. Успех любой операции зависит от характера человека, который ее возглавляет. Фрэнк Леммер часто говорил о снижении расходов, но действиями подкреплять не собирался, и мы все знали это. Расходы возрастали потому, что мы разрабатываем богатую породу – можем позволить себе тратить много. Я тоже буду говорить о снижении расходов, но сдеру кожу с задницы любого, кто решит, что я шучу.

В прошлом году Хамилтон в компании «Вестерн холдинг» сумел снизить производственные расходы до шести рандов за тонну. Здесь я могу сделать то же самое! Я могу повысить прибыль на двенадцать миллионов рандов за один год. Если мне дадут эту должность, о «Сондер дитч» будут говорить на всех финансовых рынках мира».

Проблема, над которой ломал голову Род, была кошмаром всей золотодобывающей промышленности. С 1930 года цена на золото была фиксированной – 35 долларов за унцию. Производственные расходы постоянно возрастали. Тогда прибыльной считалась концентрация четыре пеннивейта на тонну породы. Сейчас при концентрации даже восемь пеннивейтов следовало сильно задуматься, стоит ли начинать дело.

Таким образом, многие миллионы тонн породы, содержание золота в которой находилось в пределах между четырьмя и восемью пеннивейтами на тонну, находились вне досягаемости человека до того момента, когда будет повышена цена на золото.

Огромное количество рудников с резервами, исчисляемыми миллионами рандов, не могли работать, так как содержание золота в руде не превышало магическую цифру «восемь». Эти рудники стояли заброшенными, ржавчина поедала их копры, железные крыши цехов медленно проседали. Возросшие производственные расходы лишили их жизни, они были обречены, и причиной этого стали два слова:

НЕПРОМЫШЛЕННАЯ РАЗРАБОТКА

«Сондер дитч» работала с породой, содержание золота в которой находилось в пределах двадцати – двадцати пяти пеннивейтов на тонну. Она была богатой, но могла быть еще богаче.

Раздался стук в дверь.

– Входите! – крикнул Род и взглянул на часы. Уже девять часов. Время еженедельной встречи руководителей всех подразделений.

Они вошли по одному и парами. Их было двенадцать. Это были солдаты первой линии обороны, боевые офицеры Рода. Они спускались вниз каждый день, каждый в свою секцию, и непосредственно руководили атакой на скалы.

Пока они разговаривали между собой, ожидая начала совещания, Род внимательно рассмотрел каждого и вспомнил о словах Германа Коха из компании «Англо-Американ»: «Горное дело – жестокая игра, и она привлекает подобных себе людей».

Это были люди именно такой породы, физически и умственно жесткие, и Род вдруг понял, что и он принадлежит к этой породе. Нет, не только принадлежит, но и является лидером. С чувством гордости и расположения к этим людям он начал совещание:

– Итак, послушаем ваши жалобы. Кто первый разобьет мое сердце?

Есть люди, наделенные талантом управлять другими людьми и добиваться от них максимальных результатов. Род был именно таким человеком. Причем высокий рост, повелительный голос и сердечный смех не являлись в этом случае главными. Требовались особый магнетизм, личное обаяние и непогрешимое чувство времени. Под его председательством совещание иногда перерастало в перебранку, но все замолкали и согласно кивали головами, когда начинал говорить Род.

Они знали, что он такой же жесткий, как и они, и уважали его за это. Они знали, что в его словах всегда есть смысл, и потому слушали. Знали, что он выполняет свои обещания, и потому не беспокоились. А еще они знали, что, приняв решение, он не отступит, и потому каждый знал свое место.

Каждый из этих руководителей выразил бы свое мнение скупо: «Айронсайдс – настоящий мужик». Такие слова были равнозначны благодарности президента.

– Отлично, – закончил совещание Род. – Добрых два часа вы только мололи языками. А теперь, если не возражаете, отрывайте задницы от стульев, спускайтесь вниз и начинайте выдавать породу.

15

Пока руководители планировали работу на неделю, их подчиненные уже работали глубоко под землей.

На восемьдесят седьмом уровне по тускло освещенному штреку шел похожий на огромного медведя Ковальский. Лампу на каске он выключил и двигался неожиданно бесшумно для человека таких габаритов. Впереди он услышал голоса, остановился и прислушался. Не было слышно скрежета лопат, никто не перекидывал породу, и неандертальские черты лица Ковальского перекосила гримаса ярости.

– Ублюдки, – едва слышно пробормотал он. – Думают, что я в забое. Думают, что могут сидеть на жирных задницах и не ворочать камни.

Он снова двинулся вперед – медведь на кошачьих лапах.

– Сейчас поймут, что ошибаются.

Он вышел из-за поворота штрека и включил лампу. Трое горняков были поставлены им здесь убирать щебень и камни с пола и грузить их в вагонетки. Двое сидели, прислонившись к вагонеткам, и курили, третий рассказывал им, как хорошо попил пива на прошлое Рождество. Лопаты и кувалды валялись у стены.

Все трое замерли, как только их коснулся луч лампы Ковальского.

– Так! – взревел Ковальский и, схватив могучей рукой одну из кувалд, одним движением сбил ее с рукоятки. В руках Ковальского оказалась четырехфутовая палка из отборного железного дерева. – Ты, босс-бой! – Он схватил за горло ближайшего банту. Одним рывком он бросил его на колени и потащил по штреку. Даже в ярости Ковальский позаботился о том, чтобы сделать все без свидетелей. Двое оставшихся горняков замерли в ужасе, они не могли пошевелиться, тем более помочь товарищу, крики которого доносились из темноты.

Первый удар гулко разнесся в замкнутом пространстве штрека, за ним последовал душераздирающий крик.

Следующий удар, следующий крик.

Удары следовали один за другим, крики превратились в стоны, слабые рыдания, потом стихли совсем.

Ковальский вернулся один, он сильно вспотел, а рукоятка кувалды в его руке блестела от свежей крови.

Он бросил ее к ногам горняков.

– Работать! – рявкнул он еще раз и ушел, огромный и похожий на медведя, по темному штреку.

16

На сотом уровне Джозеф М'Кати поливал водой и подметал пыль под гигантским конвейером. Джозеф занимался этим уже пять лет и чувствовал себя уверенно и счастливо.

Джозеф был шангааном, ему было около шестидесяти, первая седина уже тронула его виски. Морщины появились в уголках глаз и рта. Каска была сдвинута на затылок, комбинезон украшен ручной вышивкой и орнаментами в красно-синих тонах. Он шел чинно, но слегка подпрыгивая.

Длина конвейера составляла много сотен ярдов. На всех верхних уровнях добытая золотоносная порода в вагонетках доставлялась к рудоспускам – вертикальным шахтам, опускающимся до сотого уровня, – и попадала на ленту конвейера. Система стальных дверей регулировала поток породы, а ремень переносил ее и высыпал в гигантские емкости. Отсюда порода автоматически каждые четыре минуты поднималась на поверхность клетью емкостью в пятнадцать тонн.

Джозеф весело работал под бегущей лентой конвейера и считал свой труд очень важным. Золото ведет себя странно, оно всегда движется вниз, из-за высокой удельной массы находя себе путь вниз практически сквозь любой материал. Оно способно просочиться сквозь любую трещину или впадину в полу. Возможно, оно способно уйти и в землю, если его оставить лежать на ней достаточно долго.

Это странное поведение золота в значительной степени объясняло довольный вид Джозефа М'Кати. Он уже приблизился к концу конвейера, выпрямился, потирая поясницу, отложил в сторону швабру и быстро огляделся, чтобы убедиться, что, кроме него, в тоннеле никого нет. Он находился рядом с емкостью, в которую по конвейеру поступала порода. В этой емкости помещалось много тысяч тонн.

Убедившись, что рядом никого нет, Джозеф быстро опустился на четвереньки и полез под емкость, не обращая внимания на грохот падающих в нее камней. Скоро он подполз к отверстиям.

Несколько месяцев потребовалось Джозефу на то, чтобы спилить головки четырех заклепок на шве днища емкости. Но в результате трудов у него появился примитивный, но эффективный сепаратор тяжелых веществ.

Свободное золото в породе быстро перемещалось вниз сквозь камни, причем движение ускорялось постоянной вибрацией конвейера и емкости. Достигнув дна емкости, золото начинало искать путь, по которому могло продолжить путешествие вниз, и находило четыре отверстия от заклепок, под которыми Джозеф расстелил полиэтиленовую пленку.

Золотой песок образовал четыре конические кучки на листе полиэтилена и выглядел точно сажа.

Джозеф аккуратно пересыпал песок в свой кисет, снова расстелил пленку, положил кисет в карман и вылез из-под емкости. Насвистывая песню племени, Джозеф поднял швабру и снова занялся своим обычным трудом.

17

Джонни Деланж отмечал шпуры для закладки зарядов. Лежа на боку в низком забое секции 27, он на глаз определял угол и глубину закладки боковых зарядов для того, чтобы выровнять небольшую выпуклость в длинном забое.

В «Сондер дитч» производился только один взрыв. Один взрыв с центрального пульта ежедневно. Джонни платили за объем, за кубические футы породы, извлеченные из его забоя. Таким образом он должен был расположить заряды так, чтобы обеспечить максимальный выброс породы из забоя.

– Так и так. – Он точным движением кисти обозначил красной краской точку и угол закладки заряда, по которым оператор должен будет бурить шпур.

– Шайа, мадода! – Джонни похлопал по плечу лежащего рядом оператора. – Начинай, парень.

Главными для операторов были физическая сила и выносливость. По этим признакам их и отбирали. Этот был похож на греческую статую, выполненную из полированного черного дерева.

– Нкози! – улыбнулся в ответ оператор и вместе с помощником подтащил бурильный молоток к забою. Машина была похожа на гигантскую версию крупнокалиберного пулемета.

Когда банту открыл клапан, молоток оглушительно загрохотал в замкнутом низком пространстве забоя. Сжатый воздух, с ревом вырываясь из молотка, с болью бил по барабанным перепонкам. Джонни показал сжатый кулак, выражая свое одобрение, и с минуту они улыбались друг другу, ощущая, как общий труд сближает их. Потом Джонни пополз дальше отмечать следующие шпуры.

Джонни было двадцать семь лет, он был лучшим горняком на «Сондер дитч». Его группа, состоящая из сорока восьми человек, представляла собой крепко сбитую команду специалистов. Люди боролись за место в двадцать седьмой секции, так как там платили деньги. Джонни мог выбирать себе людей, поэтому, когда маркшейдеры каждый месяц спускались в шахту и производили необходимые измерения, он всегда оказывался далеко впереди других горняков.

Ситуация здесь была достаточно интересной: человек, находящийся в самом низу иерархической лестницы компании, зарабатывал больше, чем высокопоставленный администратор. Джонни Деланж зарабатывал больше, чем генеральный директор «Сондер дитч». В прошлом году он выплатил дополнительный налог за доход свыше двадцати двух тысяч рандов. Даже такой горняк, как Ковальский, постоянно издевающийся и относящийся грубо к своим людям и в результате оставшийся с отбросами шахты, зарабатывал восемь-девять тысяч рандов в год – столько же, сколько администратор ранга Рода Айронсайдса.

Джонни дополз до края длинного забоя и отметил последний шпур. Ниже грохотали бурильные молотки, все операторы, лежа или на корточках, выполняли свою работу. Он подпер голову ладонью, снял шлем, вытер пот с лица и позволил себе немного отдохнуть.

Внешность Джонни была не совсем обычной. Длинные иссиня-черные волосы были собраны на затылке в косичку и перетянуты кожаным шнурком. Чертами лица он напоминал американского индейца. Рукава комбинезона отрезаны так, что были видны мускулистые, жилистые, похожие на питонов руки, татуированные от локтей до ладоней, чрезвычайно сильные и гибкие. Тело было таким же – жилистым и сильным.

На правой руке он носил восемь перстней – по два на пальце. С первого взгляда было видно, что перстни не являются просто украшениями. Это были тяжелые золотые перстни с черепами, перекрещенными костями, волчьими мордами и прочими подобными ужасами. Вся эта масса металла представляла собой неснимаемый кастет. Однажды Род Айронсайдс спросил Джонни о глазах одного из черепов:

– Джонни, ты уверен, что эти рубины настоящие?

– Конечно, мистер Айронсайдс, иначе окажется, что меня наказали на триста пятьдесят рандов, – совершенно серьезно ответил Джонни.

Еще восемь месяцев назад Джонни Деланж был очень буйным молодым человеком. Но тогда он встретил Хетти и женился на ней. Ухаживание и свадьба заняли одну неделю. Он успокоился и даже десять дней ни с кем не дрался.

...Джонни позволил себе целых пять минут думать о Хетти. Она была почти такого же роста, как и он. А какое у нее было восхитительно пышное тело! Какие каштановые волосы! Джонни ее боготворил. Он не был самым искусным оратором в Китченервилле, поэтому возмещал недостаток слов подарками.

Он покупал ей платья и украшения, купил морозильную камеру и кондиционер, купил «крайслер-монако» с отделкой салона под леопарда и кухонный комбайн «Кенвуд». Было практически невозможно войти в его квартиру и не споткнуться об один из подарков Джонни. Теснота стала еще более очевидной, потому что вместе с ними жил брат Джонни Дэйви.

– Черт меня возьми! – Джонни весело покачал головой. – Она – девчонка что надо.

В субботу он увидел в мебельном магазине Китченервилля настенную духовку.

– Она ей понравится, – пробормотал он. – Да и стоит всего четыреста рандов. Обязательно куплю с получки.

Приняв решение, он надел каску и начал вылезать из забоя. Пора было возвращаться на станцию за взрывчаткой.

Босс-бой должен был ждать его в штреке, и Джонни рассвирепел, не увидев там ни его, ни его помощника.

– Ублюдок! – воскликнул Джонни, посветив лампой в обе стороны штрека. – Он ответит за свои фокусы.

Босс-боем был свази с покрытым оспинами лицом, небольшого роста, но чрезвычайно сильный и умный. Покладистым характером он тоже не отличался, никогда не улыбался. Для такого неисправимого экстраверта, каким был Джонни, работать с постоянно угрюмым и мрачным человеком было серьезным испытанием. Он терпел свази за напористость и надежность, но это был единственный человек в бригаде, который ему не нравился.

– Ублюдок! – В штреке никого не было, даже грохот молотков звучал здесь не так громко. – Куда он подевался, черт возьми! – Джонни нетерпеливо поморщился. – Шкуру сдеру, когда найду.

И тут он вспомнил об уборной.

– Он точно там. – Джонни зашагал по штреку. Уборная представляла собой углубление в стене, занавешенное брезентом, за которым стояли четыре ведра.

Джонни отдернул брезент и шагнул внутрь. Босс-бой с помощником были там. Джонни несколько мгновений не мог понять, что они делают, а они были настолько поглощены своим занятием, что не заметили его присутствия.

И вдруг он понял, и его перекосило от отвращения.

– Ах ты, грязный.... – Джонни схватил босс-боя за плечи и прижал к стене. Он отвел назад свой металлический кулак и уже собирался ударить парня в лицо.

– Ударь меня, и ты знаешь, что произойдет, – сказал босс-бой. Выражение его лица оставалось нейтральным, он смотрел прямо в глаза Джонни. Джонни замялся. Он знал правила компании, знал, как отнесутся к этому правительственные чиновники, знал, что сделает полиция. Один удар, и его распнут.

– Ты – свинья! – прошипел Джонни.

– У тебя есть жена, – спокойно возразил босс-бой. – А моя живет в Свазиленде, и я не видел ее два года.

Джонни опустил кулак. Двенадцать тысяч мужчин, и ни одной женщины. Это факт. Реальность вызывала отвращение, но он понимал ее причины.

– Одевайтесь. – Он отпустил босс-боя и шагнул назад. – Одевайтесь оба. Увидимся на станции, там и поговорим.

18

Уже неделю, прошедшую после обвала в секции 43, Большой Король не спускался в забой.

Так приказал Род, объяснив, что белый горняк, с которым работал Большой Король, погиб, и ему следовало дождаться назначения в другую секцию. На самом деле Род хотел, чтобы он отдохнул. Он видел, каким нагрузкам, моральным и физическим, подвергался Большой Король во время спасательной операции. Когда они вместе откопали тело горняка, с которым Большой Король вместе работал и смеялся, слезы потекли по щекам огромного банту, и он прижал тело белого товарища к груди.

– Хамба гале, мадода, – пробормотал Большой Король, – иди с миром.

Большой Король был легендой «Сондер дитч». Им хвастались: сколько пива он может выпить за раз, сколько породы выбросить за одну смену, как может перетанцевать любого. Он получил более тысячи рандов в качестве награды за храбрость. Большой Король устанавливал темп, остальные пытались за ним угнаться.

Род определил его в транспортную бригаду. Несколько дней Большой Король был доволен возможностью продемонстрировать свою силу и общаться с таким большим количеством людей. Транспортная бригада передвигалась по всем секциям, и у Большого Короля появилась возможность общения с многочисленными друзьями. Потом Большой Король заскучал. Ему захотелось обратно в забой.

– Это, – говорил он своей бригаде, – работа для стариков и женщин.

Одним движением он поднял и поставил на платформу сорокачетырехгаллонную бочку с дизельным топливом.

Такая бочка весит чуть больше восьмисот фунтов.

19

«Вся суета из-за этого». Дэйви Деланж закладывал заряды динагеля в шпуры. Он чуть наклонился и рассмотрел золотоносный пласт. На поверхности забоя он представлял собой тонкую черную линию на фоне голубоватого кварцита.

Он назывался углеродистым проводником жилы. Тонкий слой углерода, не более нескольких дюймов толщиной, обычно – полдюйма. Черная копоть, и только. Дэйви покачал головой. Даже золота внутри не видно.

Дэйви был старше Джонни на два года и совершенно не походил на брата ни физически, ни интеллектуально. Светлые волосы Дэйви были коротко пострижены с боков и на затылке. Он не носил украшений и вел себя тихо и сдержанно.

Джонни был высоким и сухощавым, Дэйви – коренастым и мускулистым. Джонни был расточительным, Дэйви – бережливым на грани скупости. Единственной общей чертой являлся первоклассный профессионализм. Если Джонни и выдавал больше породы, то только потому, что Дэйви был более осторожным, не рисковал без надобности, соблюдал все меры безопасности, которыми Джонни часто пренебрегал.

Дэйви зарабатывал меньше, но берег каждое пенни. Копил на ферму. Он уже накопил чуть больше сорока девяти тысяч рандов. Через пять лет он наберет необходимую сумму. И тогда у него будут ферма и жена. Джонни, напротив, тратил все до последнего пенни и часто одалживал деньги у Дэйви в конце месяца.

– Дэйви, дай нам сотню до зарплаты.

Дэйви скрепя сердце давал деньги. Он не одобрял стиль жизни Джонни, его внешний вид, одежду, привычки.

Дэйви перестал рассматривать пласт и продолжил закладывать взрывчатку. Он работал точно и аккуратно, соблюдая все правила техники безопасности к этой непростой операции. Шашки были оснащены взрывателями и подготовлены к взрыву. По закону никто, кроме бригадира горняков, не имел права производить эту операцию, а Дэйви делал все автоматически, не переставая думать о последней выходке Джонни – увеличении платы за жилье.

– Сто рандов в месяц! – вслух произнес Дэйви. – У меня достаточно ума, чтобы переселиться в другое место.

Но он знал, что никуда не уедет. Хетти слишком хорошо готовила, к тому же ее присутствие было ему настолько приятно, что он останется с ними.

20

– Род. – Голос Дэна Стандера был очень серьезным. – У меня очень плохие новости.

– Спасибо тебе. – Род постарался, чтобы его голос по телефону звучал устало. – Я собирался на подземный обход. Может, подождешь?

– Не могу, – заверил его Дэн. – В любом случае тебе по пути. Говорю из пункта оказания первой помощи в здании копра. Зайди сюда.

– Что случилось?

– Нападение. Белого на банту.

– Черт! – Род подскочил в кресле. – Плохо дело?

– Чрезвычайно. Обработал его рукояткой четырнадцатифунтовой кувалды. Я наложил сорок семь швов, но боюсь, череп проломлен.

– Кто это сделал?

– Горняк по фамилии Ковальский.

– Ах он! – Род тяжело задышал. – Хорошо, Дэн. Он может дать показания?

– Нет и не сможет еще день-два.

– Буду там через несколько минут.

Род положил трубку и прошел к соседнему кабинету.

– Дмитрий.

– Босс?

– Вызови Ковальского из забоя. Хочу видеть его в своем кабинете как можно скорее. Найди замену, чтобы закончить смену.

– Хорошо, Род, а что случилось?

– Избил одного из своих парней.

Дмитрий присвистнул.

– Позвони в отдел кадров, пусть сообщат в полицию, – продолжил Род.

– О'кей, Род.

– Пусть Ковальский будет здесь, когда я вернусь с обхода.

Дэн ждал его в пункте оказания первой помощи.

– Взгляни. – Он указал на носилки.

Род опустился на колени, губы его растянулись в тонкую линию. Аккуратные швы стянули ужасные раны на темной распухшей плоти. Одно ухо было оторвано, Дэну пришлось пришить его. Вместо зубов за разбитыми лиловыми губами зияла черная дыра.

– С тобой все будет хорошо, – сказал Род, и человек на носилках скосил взгляд в его сторону. – Человек, сделавший это, понесет наказание.

Род поднялся.

– Дэн, мне нужна официальная справка о нанесенных ранах.

– Подготовлю. После работы выпьем в клубе?

– Конечно, – спокойно сказал Род, хотя внутри весь кипел от ярости, которая не оставляла его на протяжении всего обхода.

21

Род сразу же опустился на сотый уровень. Его главной обязанностью являлась выдача породы, и он решил проверить резервы в емкостях для хранения. Он вышел в ярко освещенный тоннель рядом с рудоспуском и остановился. Монотонно скрипела лента конвейера, несущая руду к емкостям.

В тоннеле никого не было, если не считать одинокой фигуры уборщика в дальнем конце. Это свидетельствовало о хорошо отлаженной работе на шахте: во время обхода можно встретить всего несколько человек. Многие мили штреков и стволов, казалось, были лишены жизни, а ведь здесь работали двенадцать тысяч человек.

Род направился к емкостям в конце тоннеля.

– Джозеф, – с улыбкой приветствовал он старого уборщика.

– Нкози. – Джозеф поклонился и смущенно улыбнулся.

– Все в порядке? – Джозеф был любимцем Рода – он всегда был веселым, никогда не жаловался, был честным и лишенным даже намека на коварство. Род обычно старался остановиться и поговорить с ним.

– Нкози, у меня все в порядке. А у Нкози все в порядке?

Улыбка исчезла с лица Рода, когда он вдруг заметил мельчайшую белую пыль на верхней губе Джозефа.

– Старый мошенник! – принялся ругать его Род. – Сколько раз я говорил тебе, что прежде, чем подметать, нужно смочить пол водой. Водой! Ты должен пользоваться водой! Пыль съест твои легкие.

Силикоз – страшная неизлечимая профессиональная болезнь горняков, вызываемая частицами кремния, окаменевшими в легких.

Джозеф смущенно улыбался, переминаясь с ноги на ногу. Его всегда поражала детская одержимость борьбы с пылью. С точки зрения Джозефа, это был один из немногих недостатков Рода. Он был бы совсем неплохим боссом, если б не это нелепое заблуждение по поводу того, что пыль может убить шахтера.

– Мокрую пыль подметать гораздо труднее, чем сухую, – терпеливо начал объяснять Джозеф. Род никогда не мог понять такой очевидный факт, и Джозефу приходилось объяснять все заново при каждом разговоре.

– Послушай меня, старик. Без воды пыль проникнет в твое тело. – Род уже выходил из себя. – Пыль убьет тебя.

Джозеф снова поклонился и улыбнулся, чтобы успокоить Рода:

– Очень хорошо. Я буду лить много воды. В доказательство он схватил шланг и стал обильно поливать пол.

– Хорошо, – подбодрил его Род. – Лей много воды.

Род прошел к емкостям для хранения.

Когда Род скрылся из виду, Джозеф немедленно перекрыл воду и оперся на швабру.

– Пыль убьет тебя, – передразнил он Рода, хихикнул и покачал головой, поражаясь его глупости. – Пыль убьет тебя, – повторил он и захохотал, хлопая себя по ляжкам. Он даже попытался станцевать, настолько ему было смешно. Правда, движения получились неловкими, так как к коленям были привязаны два тяжелых полиэтиленовых пакета, заполненных золотым песком.

22

Род вышел из «Мэри-Энн» и остановился, чтобы посмотреть, как Большой Король грузит на платформу пакет древесины под почтительными взглядами отошедших в стороны остальных членов бригады. Обернувшись, Большой Король заметил стоявшего на площадке Рода.

– Я вижу тебя, – приветствовал он начальника. Большому Королю было несвойственно принимать поспешные решения – только после спасательных работ в сорок третьей секции он решил, что Род – настоящий мужчина, и был готов признать в нем равного себе.

– Я тоже вижу тебя, Король Нкулу, – ответил на приветствие Род.

– Найди мне работу среди мужчин, мне плохо от этой.

– Еще до конца недели окажешься в забое, – пообещал Род.

– Ты – мой отец. – Большой Король вернулся к бригаде.

23

Джонни Деланж заметил приближавшегося к нему начальника подземных работ. Высокую широкоплечую фигуру и свободную пружинящую походку не узнать было невозможно.

Облегченно присвистнув, он еще раз поблагодарил судьбу за то, что совсем недавно уложил картонные коробки в специальный ящик, а не оставил, как обычно, в беспорядке на платформе в нарушение всех мыслимых правил безопасности.

– Стоп! – отдал он приказ босс-бою и его помощнику, толкавшим платформу.

– Доброе утро, Джонни.

– Приветствую, мистер Айронсайдс.

– Как дела?

Джонни чуть помедлил с ответом, а Род сразу же ощутил напряженность в отношениях между этими тремя людьми и бросил взгляд на двух свази. Вид у них был мрачный, как будто в ожидании большой беды.

«Что-то случилось, – подумал Род. – Не похоже на Джонни. Он слишком умен, чтобы позволить плохим отношениям в бригаде снизить выработку».

– Послушайте, мистер Айронсайдс, – вновь заговорил Джонни, – избавьте меня от этого ублюдка. – Он ткнул пальцем в сторону босс-боя. – Дайте мне кого-нибудь другого.

– А в чем дело?

– Ни в чем, просто не могу работать с ним.

Род удивленно поднял брови, потом повернулся к босс-бою:

– Ты доволен работой в этой секции или хочешь перевестись?

– Хочу перевестись, – пробурчал босс-бой.

– Хорошо. – Род был доволен: иногда в подобных ситуациях свази отказывались переводиться в другую бригаду. – Завтра ты узнаешь новое место работы.

– Нкози! – Босс-бой бросил взгляд на своего помощника. – Мой друг желает перевестись вместе со мной.

«Вот в чем дело, – подумал Род. – Это то, что мы игнорируем, так как не способны предложить решение. Джонни, вероятно, застукал их».

– Твой друг будет работать с тобой, – кивнул Род, а про себя подумал, что это не потворство, а проверенная практикой политика. Если бы он их разделил, босс-бой нашел бы очередную жертву, возможно, не такую покладистую. Возникли бы беспорядки, драки, межплеменная вражда.

– Я дам тебе замену, – пообещал Род Джонни, и тут его осенило: «Господи! Конечно! Какая это будет команда!»

– Джонни, что скажешь насчет Большого Короля?

– Большого Короля? – Его мрачное до этого момента лицо расплылось в широчайшей улыбке. – Босс, вот это разговор.

24

В три часа Род закончил обход и уже поднимался на поверхность. Клеть была забита людьми, запах пота забивал все другие запахи. На поверхность поднималась вся смена. Дневная работа закончилась. Забои были выметены и политы водой, заряды заложены, взрыватели подсоединены к электрической цепи.

Люди покидали забои, шли ротами и батальонами по штрекам к своим станциям, чтобы терпеливо дождаться своей очереди и подняться в клетях на поверхность.

Род мысленно прокручивал множество проблем, с которыми он столкнулся в течение дня, и уже придумывал решения некоторых из них. В своем блокноте, на последних страницах, он открыл новый раздел и назвал его «РАСХОДЫ».

Две записи были уже внесены в этот раздел. «Только дайте мне эту должность, – горя от нетерпения, думал Род, – хотя бы на месяц, и я переверну мир».

– Мистер Айронсайдс, – обратился к нему стоящий рядом человек. Род быстро повернул голову и узнал его.

– Привет, Дэйви, – поздоровался Род, еще раз поразившись, как непохожи были эти два брата.

– Мистер Айронсайдс, у моего босс-боя заканчивается контракт. В конце месяца он уезжает домой. Не могли бы вы дать мне хорошего человека на его место?

– Босс-бой твоего брата попросил о переводе. Он тебе подойдет?

– Да! – обрадовался Дэйви. – Я его знаю, хороший парень.

«Еще одна проблема решена», – подумал Род, шагнув из клети на ярко залитую летним солнцем площадку и глубоко вдохнув свежий воздух. Теперь оставалось лишь подчистить кое-какие мелочи, и можно было выпить с Дэном.

В коридоре, рядом с дверью кабинета, его встречал Дмитрий.

– Ковальский в моем кабинете.

– Отлично, – мрачно произнес Род.

Он прошел в свой кабинет и присел на край стола.

– Пусть войдет! – крикнул он Дмитрию.

Ковальский вошел и остановился. Длинные руки его свисали чуть ли не ниже колен, живот вываливался из-под ремня.

– Ты звать меня? – спросил он на едва понятном английском. Лицо было грубым, черты лица – крестьянскими, взгляд – тупым. Он не брился, пыль забоя густо осела на черной густой щетине.

– Ты сегодня избил человека? – мягко спросил Род.

– Он не работать. Я его бить. Потом его братья будут работать. Я их заставлять.

– Ты уволен, – сказал Род, – получай расчет и выметайся.

– Ты увольнять? – Ковальский удивленно заморгал.

– Компания выдвигает против тебя обвинение в уголовном преступлении, – продолжил Род, – но сейчас я хочу, чтобы ты убрался отсюда.

– Полиция? – взревел Ковальский. Его лицо приобрело хоть какое-то выражение.

– Да, – подтвердил Род, – полиция.

Ладони размером с лопату медленно сжались в огромные кулаки.

– Ты звонить полиция! – Ковальский шагнул к столу с угрожающим видом.

– Дмитрий, – резко крикнул Род, – закрой дверь!

Дмитрий, прислушивавшийся к разговору, соскочил со своего стола и закрыл дверь, соединяющую кабинеты, потом прижался к ней ухом. Первые тридцать секунд были слышны только голоса, рычание, потом послышался звук удара, звериный рев, еще один удар и звук падения тела.

Дмитрий поморщился.

– Дмитрий! – раздался голос Рода. – Заходи.

Род сидел на краю стола, покачивая ногой и посасывая костяшки пальцев на правой руке.

– Дмитрий, распорядись, чтобы не натирали так сильно пол. Наш друг поскользнулся и ударился челюстью об стол.

Дмитрий сочувственно хмыкнул и склонился над валявшимся на полу огромным поляком. Ковальский громко хрипел.

– Вон какую шишку набил, – сказал Дмитрий. – Как не стыдно!

25

Доктор Стайнер спокойно работал все утро в понедельник. Он предпочитал использовать магнитофон, что позволяло избегать вызывающих у него отвращение контактов с другими людьми. Ему не нравилось открывать свои мысли женщине, сидящей с задранной выше колен юбкой и постоянно поправляющей волосы. Но особенно непереносимым был для него их запах. Манфред был очень чувствителен к запахам, даже запах собственного пота выводил его из себя. Женщины же, как он обнаружил, источали особый назойливый запах, который он чувствовал, несмотря на всевозможные косметические ухищрения. Этот запах вызывал у него тошноту. Именно поэтому он настоял на раздельных спальнях. Терезе, разумеется, он не назвал истинную причину, сказал только, что слишком чутко спит и потому не может делить спальню с другим человеком.

В его кабинете преобладали белые и холодно-голубые тона, воздух благодаря кондиционеру был исключительно чистым и прохладным. Тихо жужжал магнитофон, голос Манфреда был четким и лишенным эмоций, а часть его сознания была занята магическими

трюками с цифрами и деньгами, результатами проделанной работы и прогнозами на будущее – трехмерной структурой переменных величин, сложить которую подвластно только гениальному мозгу. Но под оболочкой внешнего спокойствия и беспристрастности чувствовались едва сдерживаемое нетерпение, ожидание чего-то. Внешне это проявлялось лишь в нежном, почти нарциссическом поглаживании внутренней поверхности бедра ладонью.

За несколько минут до полудня зазвонил прямой незарегистрированный телефон на столе, и рука его замерла на бедре. Только один человек мог позвонить сюда, только один человек знал этот номер. Несколько секунд Манфред не шевелился, оттягивал момент, затем выключил магнитофон и снял трубку.

– Доктор Манфред Стайнер, – представился он.

– Наш человек уже назначен? – спросил голос в трубке.

– Еще нет, Эндрю.

Тишина в трубке, лишь легкое потрескивание и угрожающая тишина.

– Для беспокойства нет причин. Обычная задержка, а не полная неудача.

– Задержка насколько?

– На два дня, в крайнем случае – до конца недели.

– Будете в Париже на следующей неделе?

– Да. – Манфред был советником правительственной делегации на переговорах с Францией о ценах на золото.

– Встретитесь с ним там. Будет лучше, если вы к тому времени выполните свои обязательства. Понимаете?

– Понимаю, Эндрю.

Разговор был закончен. Манфред почувствовал, что звонивший вот-вот повесит трубку, и воскликнул:

– Эндрю!

– Да?

– Вы не спросите его, могу ли я... – тон его слегка изменился, появились умоляющие нотки, – могу ли я играть сегодня?

– Подождите.

Прошло несколько минут, потом в трубке раздался тот же голос:

– Да, вы можете играть. Саймон проинформирует вас о пределах ставок.

– Спасибо, передайте ему мою благодарность.

Манфред и не пытался скрыть облегчения и восторга. Горящим взглядом он смотрел на противоположную холодно-голубую стенку, и даже стекла его очков сверкали.

26

В роскошно обставленной комнате их было пятеро. Один, самый молодой, несомненно, был слугой и следил за исполнением причуд и желаний остальных. Из четверых оставшихся один, так же, несомненно, являлся хозяином. Внимание всех было обращено на него. Он

был грузен, но не слишком, жировая прослойка свидетельствовала скорее о хорошей жизни, чем об обжорстве. Сейчас он говорил, обращаясь к своим гостям:

– Вы выразили сомнения относительно надежности человека, служащего инструментом в нашем грядущем предприятии. Я договорился о маленьком представлении, которое, как я надеюсь, продемонстрирует вам всю беспочвенность опасений. Это и является причиной, по которой Эндрю пригласил вас сюда сегодня.

Хозяин повернулся к слуге:

– Эндрю, надеюсь, тебе не составит труда подождать, когда придет доктор Стайнер, попросить Саймона указать ему место за столом и сообщить об этом нам. – Он отдавал приказание вежливо и с достоинством, как человек, привыкший повелевать. – Господа, позвольте предложить вам что-нибудь выпить, чтобы скрасить ожидание.

Разговор, завязавшийся между ними, свидетельствовал о хорошей информированности каждого. Предметом же его было богатство. Богатство, выраженное полезными ископаемыми, промышленными предприятиями, продуктами земли и моря: нефтью, сталью, рыбой, зерном и... золотом.

О высоком положении этих людей в обществе свидетельствовали их дорогие костюмы, камни, поблескивающие на пальцах, уверенные, не терпящие возражений голоса, небрежное упоминание в разговоре высокопоставленного чиновника.

– Сэр, – прервал их беседу Эндрю, – он пришел.

– Спасибо, мой мальчик. – Хозяин поднялся. – Прошу вас следовать за мной, господа.

Он пересек комнату и отдернул пурпурно-золотую штору. За ней гости увидели окно.

Все четверо подошли поближе и принялись рассматривать комнату за стеклом. Это был зал фешенебельного игорного дома. Мужчины и женщины сидели за столом для игры в «баккара» и совершенно не обращали внимания на окно над их головами.

– С той стороны ничего не видно, господа, – успокоил всех хозяин. – Можете не опасаться быть замеченными в этом логове порока.

Все вежливо хихикнули.

– Какую прибыль вы получаете от этого предприятия? – спросил один из гостей.

– Мой дорогой Роберт. – Хозяин выглядел шокированным. – Неужели вы подумали, что я каким-то образом связан с незаконным бизнесом?

Все снова захихикали, на этот раз с нескрываемым удивлением.

– А! – воскликнул хозяин. – Вот и он!

Через зал к столу Манфреда Стайнера провожал высокий молодой человек с землистым лицом, выглядевший в вечернем костюме сотрудником похоронного бюро.

– Я попросил Саймона посадить его так, чтобы мы могли видеть его лицо, – пояснил хозяин.

Все чуть наклонились вперед и не сводили глаз с человека, раскладывающего на столе фишки, любезно предоставленные Саймоном.

Доктор Стайнер начал играть. Лицо его было полностью лишено выражения, но бледность просто поражала. Каждые несколько секунд он облизывал губы розовым языком. В перерывах между играми он замирал, напоминая ящерицу или игуану. Только жилка дергалась на шее да блестели, как змеиные глаза, стекла очков.

– Прошу вас обратить внимание на его правую руку, – едва слышно произнес хозяин.

Открытая ладонь лежала рядом со стопкой фишек, но пальцы начали сжиматься, как только крупье стал раздавать карты.

– Carte, – беззвучно произнесли губы Манфреда, а пальцы сжались в кулак так, что побелели костяшки, а сама рука задрожала от напряжения. Выражение же лица по-прежнему оставалось нейтральным.

Крупье передал карту.

– Septe! – произнесли его губы, а в следующее мгновение он уже забирал ставку Манфреда. Пальцы Стайнера разжались, ладонь безвольно упала на стол, мягкая и безволосая, как дохлая рыба на зеленом сукне.

– Думаю, мы видели уже достаточно, – сказал хозяин, и все вернулись к столу в несколько подавленном настроении.

– Господи! – пробормотал кто-то. – Какая гадость! Я чувствовал себя соглядатаем, как будто я наблюдал за человеком, занимающимся онанизмом.

Хозяин быстро взглянул на говорившего, удивленный наблюдательностью и точностью определения.

– В сущности, именно это вы и видели. Простите мне роль лектора на несколько минут, но я немного знаю этого человека. Один из ведущих психиатров составил мне за четыреста рандов аналитический доклад.

Хозяин помедлил, чтобы убедиться, что внимание всех сконцентрировано на нем.

– Причины такого поведения не ясны, возможно, виной всему событие или серия событий, происшедших, когда оставшийся сиротой Манфред Стайнер бродил по руинам разрушенной войной Европы. – Хозяин закашлялся и сам прервал свой поток красноречия на несколько секунд. – Как бы то ни было, результат виден всем. Коэффициент умственного развития Манфреда Курта Стайнера – сто пятьдесят восемь. Он – гений. Он не пьет, не курит. У него нет увлечений, он никогда не занимался спортом, никогда не делал непристойных предложений какой-либо женщине помимо жены, впрочем, и здесь существуют сомнения, касающиеся того, как часто и до какого предела удостаивается она его внимания.

Хозяин сделал глоток из бокала, чувствуя, что все внимание присутствующих сконцентрировано на нем.

– Механически, если можно так выразиться, – продолжил он, – Манфред Стайнер не является импотентом или неполноценным в этой области. Тем не менее любой телесный контакт, а особенно выделения, сопутствующие такому контакту, вызывают у него чувство отвращения. Для возбуждения он предпочитает игру в баккара, для облегчения может прибегнуть к быстрому контакту с представительницей противоположного пола, но с большим удовольствием обслужит себя сам.

Все молчали некоторое время.

– Если быть точным, он – маниакальный игрок. Более того, маниакальный неудачник.

– Вы имеете в виду, он стремится проиграть? – недоверчиво спросил Роберт.

– Нет, – покачал головой хозяин. – По крайней мере на сознательном уровне. Ему кажется, что он пытается выиграть, но он делает крупные ставки в ситуациях, которые

посчитает самоубийственными даже человек, не обладающий таким уникальным мозгом. Это глубокое подсознательное желание проиграть, быть наказанным. Особая форма мазохизма.

Хозяин открыл черный кожаный блокнот и проверил его содержимое.

– За период с тысяча девятьсот пятьдесят восьмого по шестьдесят третий год доктор Стайнер проиграл за этим столом двести двадцать семь тысяч рандов. В шестьдесят четвертом году он пришел к соглашению со своим единственным кредитором, по которому долг и проценты по нему считались выплаченными.

Можно было заметить, как изменились выражения лиц гостей, когда они пытались сопоставить даты и главных участников событий. Первым к правильному выводу пришел Роберт. В 1964 году хозяин продал контрольный пакет акций компании «Норт-маун-коппер» группе «СРК» по чрезвычайно выгодной цене. Совсем незадолго до этого доктор Стайнер был назначен главой финансового и планового отделов «СРК».

– «Норт-маун-коппер»! – восхищенно произнес Роберт. «Вот как было дело! Ах, старая лиса! Заставил Стайнера скупить акции по сверхвысокой цене».

Хозяин лишь мягко улыбнулся, ничего не подтверждая, ничего не опровергая.

– С шестьдесят четвертого года по сегодняшний день, – продолжил он, – доктор Стайнер остается постоянным клиентом этого заведения. Его проигрыш за этот период составил... – Он заглянул в блокнот и удивленно, как будто впервые увидел цифру, произнес: – Чуть больше трехсот тысяч рандов.

Все глубоко вздохнули и заерзали в креслах. Даже для этих людей сумма была весьма значительной.

– Думаю, мы можем на него положиться. – Хозяин захлопнул блокнот и улыбнулся.

27

Тереза лежала в постели. В комнате было темно и тихо. Тишину нарушало лишь кваканье лягушки со стороны пруда, а темноту – лунный свет, причудливо игравший тенями на стене, пробиваясь сквозь ветви росшей за окном кельрейтерии.

Она отбросила простыню и свесила ноги с кровати. Сон не приходил, было слишком жарко, мешала ночная рубашка. Тереза встала, сдернула с себя рубашку, бросила ее на пол и вышла на широкую террасу. Здесь все было залито лунным светом, плиты приятно холодили босые ноги, ночной воздух ласкал кожу сотнями маленьких рук.

Ей вдруг захотелось побегать по лужайке перед домом, захотелось, чтобы кто-нибудь застал ее за этим занятием. Она засмеялась, не понимая до конца, что с ней происходит. Ее поведение так не соответствовало представлениям Манфреда о примерной жене – хранительнице домашнего очага.

– Он пришел бы в ярость, – прошептала она и вдруг услышала шум мотора приближающейся машины.

Сначала она замерла, а когда свет фар пронзил заросли и заскользил все ближе к дому, в панике бросилась в спальню, упала на колени, отыскала ночную рубашку на полу, быстро надела ее и юркнула в постель.

Лежа в темноте, она услышала, как закрылась дверь машины, через несколько мгновений послышались его шаги в коридоре. Он почти бежал. Тереза узнала симптомы – позднее возвращение домой, едва сдерживаемое нетерпение – и замерла под простыней.

Медленно текли минуты, потом бесшумно распахнулась дверь, ведущая в спальню Манфреда.

– Манфред, это ты? – Она села и потянулась к выключателю лампы.

– Не включай свет! – произнес он, задыхаясь и глотая окончания, как пьяный, но она не почувствовала запаха алкоголя, когда он наклонился и поцеловал ее. Губы его были сухими и плотно сжатыми. Потом на пол скользнул его халат.

Через две с половиной минуты он поднялся и, повернувшись к Терезе спиной, быстро надел свой шелковый халат.

– Тереза, я оставлю тебя на минуту, – сказал он уже своим обычным спокойным голосом, прошел на свою половину, и через несколько секунд она услышала шум воды в душе.

Она лежала на спине, ногти впились в ладони. Тело сотрясала дрожь отвращения и желания. Мимолетный контакт пробудил в ней желание, но одновременно она чувствовала себя использованной и грязной. Она знала, что остаток ночи будет тянуться бесконечно долго. Напряжение, раскаяние, жалость к самой себе будут сменяться приступами необъяснимого восторга и безумными эротическими фантазиями.

«Будь он проклят! – беззвучно кричала она. – Проклят! Проклят!»

Шум душа стих, Манфред вернулся в ее комнату и аккуратно присел на край кровати в ногах. От него пахло одеколоном «4711».

– Тереза, можешь включить свет.

Тереза с трудом разжала пальцы и потянулась к выключателю. Манфред часто заморгал, привыкая к свету. Его волосы были влажными и причесанными, щеки блестели как спелые яблоки.

– Надеюсь, день прошел удачно? – спросил он и с серьезным видом выслушал ответ. Несмотря на охватившее тело напряжение, Тереза почувствовала, что вновь попадает под его гипнотическое воздействие. Его голос был монотонным, построение фраз точным. Поблескивали очки, тело и лицо замерли без движения.

Она, как и много раз до этого, вдруг почувствовала себя маленьким беззащитным пушистым кроликом, замершим перед коброй.

– Уже поздно, – сказал он наконец и встал с кровати. Потом, глядя на ее закутанное в простыню тело, вдруг спросил безразлично, будто просил передать сахар: – Тереза, ты можешь найти триста тысяч рандов, чтобы об этом не узнал твой дед?

– Триста тысяч! – Она резко села.

– Да. Можешь?

– Господи, Манфред, да это же маленькое состояние. – Такое определение казалось ей вполне уместным. – Ты же знаешь, все мои деньги в доверительной собственности, по крайней мере большая часть. Да я не найду и половины, чтобы об этом не узнал Попс.

– Очень жаль, – пробормотал Манфред.

– Манфред... у тебя проблемы?

– Нет, слава Богу, нет. Так, просто подумал. Забудь об этом. Спокойной ночи, Тереза. Хорошего тебе сна.

Машинально она подняла руки, приглашая его в свои объятия.

– Спокойной ночи, Манфред.

Он развернулся и вышел, руки ее бессильно упали. Для Терезы Стайнер началась бесконечно длинная ночь.

28

– Дамы и господа! По протоколу генеральный директор должен представлять высокого гостя, прибывшего к нам для вручения специальных наград за службу. На прошлой неделе наш генеральный директор трагически погиб при исполнении служебных обязанностей. Мы горько скорбим об этой утрате, и, я надеюсь, вы присоединитесь ко мне в выражении искренних соболезнований миссис Эйлин Леммер. – Род немного помолчал, а вместе с ним и все двести человек, собравшиеся в зале клуба компании.

– Таким образом, я, как исполняющий обязанности генерального директора, имею честь представить вам доктора Манфреда Стайнера – старшего управляющего группы «СРК», нашего учредителя. Он является также главой финансового и планового отделов.

Сидящая рядом с мужем Тереза Стайнер не могла не заметить раздражения Манфреда, когда Род упомянул имя Фрэнка Леммера. Компанией не поощрялось привлечение внимания общественности к смерти служащего, наступившей в результате несчастного случая при исполнении служебных обязанностей. Ей же Род стал нравиться еще больше.

Тереза надела темные очки, так как глаза ее припухли и покраснели. На рассвете, после бессонной ночи, она вдруг разрыдалась, как ей казалось, без видимой причины, потом наступило состояние хрупкого покоя, а ее огромные глаза всегда выглядели плохо еще несколько часов после того, как она плакала.

Она сидела, плотно сжав колени, в элегантном кремовом чесучовом костюме, а ее волосы, перехваченные черным шелковым шарфом, блестящим каскадом падали на плечи. Опершись подбородком на ладонь, она не сводила глаз с говорившего и выглядела идеальной леди с бриллиантами на пальцах и жемчугом на груди. Услышав, как Род назвал ее «прелестной внучкой нашего председателя», она чуть заметно улыбнулась.

Только темные очки слегка нарушали образ идеальной молодой матроны – утонченной, избалованной, бесконечно нравственной и недоступной простому смертному.

Тем не менее мысли, которыми была занята ее голова, а также волнующие ее тело и душу чувства вызвали бы у многих присутствующих ужас. Героем бесформенных фантазий и эмоциональных переживаний прошлой ночи стал один-единственный человек – Родни Айронсайдс.

Внезапно, с тревогой и удивлением, она почувствовала реакцию тела, которой не испытывала уже несколько лет. Ей пришлось немедленно сменить позу, так как любая жидкость оставляла на чесуче заметные пятна.

«Терри Стайнер!» – мысленно пригрозила она себе и тут с облегчением увидела, что Род закончил свое выступление и его сменил Манфред. Она энергично захлопала в ладоши вместе со всеми, чтобы хоть как-то отвлечься от волнующих мыслей.

Манфред кратко отметил заслуги шестерых служащих, сидящих в первых рядах, преданность и храбрость которых он приехал отметить, потом углубился в перспективы повышения цены на золото. Выверенными, точными фразами он объяснил преимущества этого и выгоды, ожидающие промышленность, нацию и мир в целом. Это было научно обоснованное и убедительное выступление, записанное многими присутствующими журналистами. О выступлении доктора Стайнера пресса была предупреждена отделом по связям с общественностью «СРК», и в клубе присутствовали представители всех главных ежедневных и еженедельных финансовых газет и журналов.

Иногда к платформе подходил фоторепортер, чтобы сделать снимок гениального доктора Стайнера, обещавшего быть в центре внимания, особенно в связи с предстоящими переговорами о цене золота во Франции.

Шестеро героев сидели в первых рядах в своих лучших костюмах, причесанные и намытые, как школьники на церемонии вручения призов, и не понимали ни слова, но сохраняли напыщенный, важный вид.

Род поймал взгляд Большого Короля и подмигнул ему. В ответ тот, сохраняя важность, медленно опустил и поднял веко. Род был вынужден быстро отвести взгляд, чтобы не расхохотаться.

Он посмотрел Терезе Стайнер в глаза, застав ее врасплох. Даже темные очки не могли скрыть ее мысли и чувства, они были так же очевидны, как если бы она выразила их словами. Прежде чем она опустила глаза, Род понял, чего он мог бы добиться, если бы захотел.

Он стал рассматривать ее потихоньку – уже как доступную, чрезвычайно желанную женщину, но тем не менее по-прежнему внучку Харри Хершфилда и жену Манфреда Стайнера. Последние обстоятельства делали ее не менее опасной, чем десятибалльный выброс породы, но желание и соблазн были слишком велики, опасность скорее усиливала их, а не приглушала.

Он заметил, как она покраснела, как смущенно затеребила край юбки. Она взволновалась как школьница под его взглядом. Род Айронсайдс, всего пять минут назад думавший только о своей речи, неожиданно для себя вдруг понял, что его занимают совершенно другие мысли.

Награды были вручены, чай выпит, бисквиты съедены, толпа начала расходиться. Род провожал Стайнеров через зеленую лужайку к ждавшему их «даймлеру».

– Как превосходно сложен этот огромный шангаан, – говорила Тереза. – Как его имя? Король?

– Король Нкулу. Большой Король, так мы его называем.

Род вдруг понял, что говорит с трудом, заикается. Напряжение между ним и Терри затмило все остальные чувства, казалось, воздух гудел и искрился. Манфред, наверное, был глухим, если ничего не замечал.

– Это легендарная личность, – продолжал Род. – Он все делает лучше и быстрее, чем его ближайший соперник. Вы бы видели, как он танцует!

– Танцует? – переспросила Тереза с интересом.

– Да, танцы племени, понимаете?

– Да, конечно. – Тереза надеялась, что никто не заметил, как облегченно она вздохнула, ведь уже несколько минут она судорожно пыталась придумать, как ей еще раз приехать на «Сондер дитч» или пригласить Рода в Йоханнесбург.

– Одна моя подруга, – продолжила она, – безумно интересуется танцами, надоедает мне при каждой встрече.

Она быстро выбрала имя из списка подруг, на тот случай, если Манфред спросит.

– Они танцуют каждую субботу, привозите ее в любое время, – подхватил игру Род.

– А в эту субботу? – Терри повернулась к мужу: – Ты не будешь возражать?

– Что? – Манфред совершенно не следил за ходом разговора, его тревожил тот факт, что оставалось всего два дня, за которые он должен был выполнить свои обязательства и назначить своего человека на должность генерального директора «Сондер дитч».

– Приедем сюда в субботу, чтобы посмотреть на танцы?

– Ты забыла, что утром в субботу я улетаю в Париж?

– Ах да, милый. – Тереза прикусила губу. – Совсем выскочило из головы. А как бы мне хотелось приехать.

Манфред нахмурился.

– Моя дорогая Тереза, не вижу причин, по которым ты не можешь приехать сюда без меня. Уверен, в руках мистера Айронсайдса ты будешь в полной безопасности.

Тереза густо покраснела, услышав последние слова мужа.

29

После церемонии награждения Большой Король сначала направился в вербовочное агентство, находящееся у входа в общежитие шахты №1. У входа толпились люди, но все они почтительно расступились. Большой Король всех подряд хлопал по спинам и спрашивал:

– Куньяне, мадода? Как дела, приятели?

Клерк в окошке поспешил обслужить его. В клубе шахты Большой Король был не в своей лиге, а здесь к нему относились как к царствующему монарху.

– Двадцать пять рандов ты пошлешь моей старшей жене, – распорядился Большой Король, – а двадцать пять положишь на мой счет.

Большой Король поступал безупречно честно. Половину всего заработанного переводил старшей жене, половину – клал на свой счет, где уже скопилась солидная сумма.

Агентство поставляло рабочую силу постоянно голодным шахтам Витуотерсрэнда и Свободной Оранжевой Республики. Его представители работали по всей южной оконечности континента. Из болот, пропитанных малярийными туманами лагун вдоль Замбези,

из пальмовых зарослей, окаймляющих берег Индийского океана, от испепеленных солнцем пустынь, называемых бушменами «огромной сушью», с гор Басутоленда, с зеленых лугов Свазиленда и Зулуленда на шахты текли ручейки людей, которые первую часть своего путешествия проходили пешком. Сначала они встречались на тропах, затем приходили к магазину, единственному на многие километры дикой природы, где встречались еще с тремя-четырьмя подобными себе, ждали грузовик, в котором уже сидели несколько человек с багажом, долго тряслись по пустыне, часто останавливаясь, чтобы подобрать других попутчиков. К железнодорожной станции грузовик привозил уже человек пятьдесят – шестьдесят.

Здесь ручейки превращались в реки, а в первом же крупном центре реки соединялись в могучие потоки, несшие людей к золоту.

Однако даже после прибытия в Йоханнесбург и распределения по шестидесяти основным шахтам агентство продолжало заботиться о новобранцах. По договору между работодателем, рабочим и агентством последнее обеспечивало завербованного человека работой, профессиональной учебой, советом, жилищем, поддерживало контакт с семьей, так как весьма немногие умели писать, успокаивало, когда человек начинал волноваться, что его козы заболели, а жена неверна. Агентство обеспечивало такое банковское обслуживание, которое и не снилось обычным коммерческим учреждениям. Если говорить коротко, агентство забирало человека из привычной для него среды обитания, оставшейся неизменной многие тысячи лет, и помещало в сложное, оснащенное разнообразной техникой общество, гарантируя при этом сохранность здоровья и хорошее настроение, чтобы, вернувшись домой, он мог всем рассказать, как прекрасно было на золотых шахтах. Он должен был показать своим землякам каску, набитый одеждой чемодан, транзисторный приемник и маленькую голубую книжечку с магическими цифрами, а те должны были воспылать желанием совершить такое же путешествие, поддержать людской поток в прекрасную золотую страну.

Большой Король, покончив с финансовыми делами, направился в общежитие. Воспользовавшись тем, что не выходил сегодня на работу, он постарался опередить возвращавшуюся смену в душевой и столовой.

Прямо по зеленой лужайке он направился к своему блоку. Несмотря на то что и здесь жили порядка шести тысяч человек, компания старалась придать общежитию как можно более привлекательный вид. В результате появилось нечто среднее между мотелем и улучшенной тюрьмой.

Как старший босс-бой, Большой Король занимал отдельную комнату. Обычный работник делил такую же с пятью-шестью другими горняками.

Большой Король тщательно почистил костюм и повесил его во встроенный шкаф, затем почистил и поставил на полку туфли. Обернув пояс полотенцем, он направился в душевую, в которой, к его неудовольствию, оказалось слишком много новобранцев из акклиматизационного центра.

Большой Король оценивающим взглядом окинул их голые тела и заключил, что эта партия уже заканчивает восьмидневный курс акклиматизации. Тела были гладкими и блестящими, под кожей упруго перекатывались мускулы.

Нельзя было взять из деревни человека, возможно, ослабленного недоеданием, и сразу же послать его в шахту, где воздух накалялся до девяносто одного градуса по Фаренгейту, а относительная влажность поднималась до восьмидесяти четырех процентов, без риска смерти от теплового удара или истощения.

Каждый новобранец, признанный по состоянию здоровья годным к работе под землей, проходил акклиматизацию. Восемь дней по восемь часов в день сотни новобранцев в одних только набедренных повязках, в огромной, похожей на ангар постройке по сигналу поднимались на платформы и спускались с них. Высота платформ подбиралась по росту и весу каждого, движения регулировались световыми сигналами, температура поддерживалась на уровне девяносто одного градуса, влажность – не выше и не ниже восьмидесяти четырех процентов. Каждые десять минут дипломированные медики регистрировали температуру тела каждого рекрута.

В конце восьмидневного курса каждый рекрут был не хуже олимпийского атлета подготовлен к физическому труду в условиях высокой температуры и влажности без риска для здоровья или жизни.

– Гвендели! – прорычал Большой Король, и ближний к нему новобранец, покрытый мыльной пеной, быстро освободил душевую кабину, почтительно пробормотав: «Кешле!», что вполне соответствовало рангу и высокому положению Большого Короля. Король сбросил полотенце и встал под душ, наслаждаясь ударами струй горячей воды по коже, напрягая и расслабляя огромные мышцы рук и груди.

Здесь и нашел его посыльный.

– Король Нкулу, я принес тебе слово. – Человек говорил на языке шангаанов, а не на примитивном фаникало.

– Говори, – сказал Большой Король, намыливая живот и ягодицы.

– Индуна желает, чтобы ты пришел к нему после ужина.

– Передай индуне, что я выполню его желание. – Большой Король подставил лицо под водяные струи.

Одевшись в белую рубашку с открытым воротом и черные брюки, Большой Король направился в столовую. Вновь впереди него оказались новобранцы, выстроившиеся с мисками в руках к раздаточным окошкам. Король прошел мимо, прямо в дверь с надписью: «Вход воспрещен. Только для персонала».

Помещение было огромным, стены покрывал белый кафель. Кругом сверкали нержавеющие котлы, в которых готовилось до восемнадцати тысяч порций горячей пищи каждый день.

Когда Большой Король вошел, все сразу же заметили его присутствие, даже в таком огромном помещении. Один из помощников повара быстро схватил миску, размерами не уступающую детской ванночке, и поспешил к ближайшему сверкающему котлу. Он поднял крышку и вопросительно посмотрел на Короля, и, когда тот кивнул, в миску было положено не менее двух литров распаренных сахарных бобов. Помощник поспешил к другому котлу, вновь дождался одобрительного кивка Короля и добавил в миску такое же количество овощной смеси. Захлопнув крышку, он поспешил к следующему помощнику, уже стоявшему наготове с лопатой в руках.

Лопата ничем не отличалась от тех, что использовались под землей для погрузки золотоносной породы, правда, эта была отшлифована до зеркального блеска. Второй поваренок опустил лопату в котел и достал оттуда запеченную маисовую кашу, запахом и видом напоминающую свежий хлеб. Положив кашу в миску, он вопросительно взглянул на Короля.

– Я голоден, – сказал тот. Поваренок положил в миску еще одну лопату каши, и все прошли в конец кухни, где их поджидал повар у котла размером с приличную стиральную машину.

Повар, извинившись, протянул руку, и Большой Король передал ему талон на мясо. Только выдача мяса была нормированной. Каждому человеку полагалось по фунту мяса в день. Компания очень давно узнала, что любой банту, если его не ограничивать, легко мог за месяц съесть количество мяса, равное собственному весу.

Удостоверившись в том, что Король имеет право получить свою порцию, повар положил в его миску не менее пяти фунтов источавшего аппетитный запах мяса.

– Ты – мой брат, – поблагодарил повара Король, и процессия направилась в другую сторону, где очередной повар наполнял густым почти безалкогольным местным пивом огромную, емкостью не менее полгаллона, кружку.

Миска и кружка были торжественно вручены Большому Королю, и он вышел на крытую террасу, где стояли столы и скамьи для обедов на свежем воздухе, если позволяла погода.

Пока он обедал, терраса постепенно заполнялась народом. Смена поднялась на поверхность. Каждый человек здоровался с ним, но лишь немногие имели право сесть за тот же стол. Одним из таких был Джозеф М'Кати – маленький пожилой уборщик с сотого уровня.

– Неделя была удачной, Король Нкулу.

– Если ты так говоришь, – безразлично заметил Король. – Сейчас я иду к Старику. Потом узнаем.

Старик – индуна шангаанов – жил в принадлежащем компании доме, состоявшем из гостиной, спальни, столовой, кухни и ванной. Компания платила ему хорошее денежное содержание, снабжала слугами, пищей, мебелью и другими аксессуарами, подобающими его положению в обществе.

Он являлся главой сообщества шангаанов на «Сондер дитч», старейшиной и главой совета племени. В таких же домах и с такими же привилегиями жили старейшины других племенных групп, составляющих основу рабочей силы «Сондер дитч». Это были номинальные главы общества, юристы племен, отправляющие правосудие в рамках обычаев и закона. Компания не могла и надеяться на порядок в обществе без помощи этих людей.

– Баба! – поприветствовал Большой Король индуну с порога дома, прикоснувшись ко лбу в знак уважения не только к самому человеку, но и к тому, кем он являлся для общества.

– Мой сын, – улыбнулся в ответ индуна, – входи и садись рядом со мной. – Он жестом приказал слугам удалиться, а Большой Король присел в ногах индуны.

– Это правда, что ты будешь работать с Безумцем? – Это была кличка Джонни Деланжа.

Они долго беседовали, обсуждали многие проблемы, от которых зависело благосостояние народа. Во время беседы Большой Король чувствовал себя спокойно, ощущая лишь чуть заметную ностальгию, так как индуна сейчас заменял ему отца.

Наконец Старик приступил к обсуждению других проблем.

– Посылка будет готова сегодня вечером. Кривая Нога ждет тебя.

– Я пойду к нему.

– Тогда иди с миром, мой сын.

Выходя из ворот общежития, Большой Король остановился поболтать с охранниками. Они имели право обыскивать любого. Особенно их беспокоили женщины, переодетые в мужчин, а также спиртное. Это были два главных фактора, нарушавших спокойное течение жизни в обществе. Искали они, конечно, и украденную собственность компании. Большой Король делал все возможное для того, чтобы им и в голову не могло прийти когда-либо его обыскивать.

Пока он стоял у ворот, поблекли последние лучи заката и в долине зажглось электричество. Замигали на копрах красные предупредительные огни, засветились огромные кубы отелей, цепочки уличных фонарей, отдельные огни частных домов на хребте.

Когда совсем стемнело, Большой Король попрощался с охранниками и зашагал по шоссе. Скрывшись за поворотом, он сошел с дороги и стал подниматься по склону. Он двигался уверенно, как ночной зверь, прекрасно знающий свою тропу.

Он прошел мимо частных домов начальников служб, с их огромными лужайками и плавательными бассейнами, остановившись только раз, когда рядом залаяла собака. Потом продолжил подъем по редкой растительности и камням верхней части хребта, поднявшись на вершину, спустился с противоположной стороны и остановился у заросшей травой кучи мусора. Здесь он стал двигаться более осторожно, пока не подошел к ограде из колючей проволоки, закрывающей вход в скалу. Легко перепрыгнув ее, он скрылся в тоннеле.

Пятьдесят лет назад давно прекратившая существование компания заподозрила наличие золотоносного пласта в этой части хребта и начала изыскательские работы. Полностью истощив финансовые ресурсы, компания прекратила работы, оставив в скале целую сеть тоннелей.

Большой Король достал из кармана фонарь и пошел дальше. Скоро мерзко запахло летучими мышами, над головой начали шуршать их крылья. Не обращая на них ни малейшего внимания, Большой Король продолжил путь, безошибочно выбирая нужные ответвления. Скоро впереди забрезжил желтоватый свет, и Большой Король выключил фонарь.

– Кривая Нога! – крикнул он, и голос его гулко зазвучал в замкнутом пространстве тоннеля. Никакого ответа. – Это я, Большой Король!

От стены отделилась тень и заковыляла ему навстречу, пряча в ножны страшного вида нож.

– Все готово. – Маленький калека подошел ближе и позвал Большого Короля: – Пойдем, я все тебе отдам.

Кривая Нога получил увечье и кличку во время обвала двенадцать лет назад. Он владел фотографической студией на территории шахты, и дело его процветало, так как

банту очень любили видеть себя на снимках. Впрочем, прибыли от легального бизнеса не шли ни в какое сравнение с доходом от его ночной деятельности в заброшенной шахте.

Он привел Большого Короля в небольшое помещение, освещенное подвешенной к потолку керосиновой лампой. Здесь пахло не только летучими мышами, но и серной кислотой.

Дощатый стол, занимающий почти все пространство, был уставлен керамическими мисками, сосудами из толстого стекла, полиэтиленовыми пакетами и еще массой разнообразного, явно бывшего в употреблении лабораторного оборудования. Центральное место занимала большая бутылка с винтовой пробкой, заполненная грязно-желтым порошком.

– Ха! – радостно воскликнул Большой Король. – Много!

– Да, – согласился Кривая Нога, – неделя была удачной.

Большой Король взял в руку бутылку и уже в который раз поразился ее небывалой тяжести. Золото не было чистым, так как процесс очистки был достаточно грубым, но его содержание было не ниже шестидесяти четырех процентов.

Содержимое бутылки являлось результатом труда множества таких людей, как уборщик Джозеф М'Кати, сумевших найти уязвимые места в системе безопасности шахты. Некоторые из них выносили золото прямо из цеха мимо вооруженных до зубов охранников.

Все люди, занятые в тайных операциях по похищению золота компании, были шангаанами. Единственным человеком, обладающим властью и пользующимся уважением, достаточными для предотвращения склок и вражды, всегда пробуждаемых золотом в людях и грозящих уничтожить всю операцию, был индуна. Единственным человеком, обладающим достаточной физической силой и знающим португальский язык, необходимый для удачной продажи золота, был Большой Король.

Большой Король положил бутылку в карман.

– Беги как газель, Кривая Нога. – Он направился в темный тоннель.

– Охоться как леопард, Король Нкулу, – хихикнул калека и слился с тенями в тоннеле.

30

– Пачку табака «Боксер», – сказал Большой Король, и глазки Хосе Алмейды, владельца магазина и закусочной, превратились в узкие щелочки. Он снял желтую пачку с полки, кинул ее на прилавок, взял у Большого Короля деньги и отсчитал сдачу.

Хосе проводил взглядом огромного банту, который скользнул равнодушным взглядом по полкам с товарами и вышел в ночь.

– Замени меня, – бросил он своей пухлой жене с шелковистыми чёрными усиками под носом, и та, понимающе кивнув, заняла место у кассы. Хосе прошел в кладовую, находившуюся рядом с жилыми помещениями.

На улице его ждал Большой Король. Он быстро скользнул в приоткрывшуюся и сразу же захлопнувшуюся за ним дверь. Хосе провел его в маленький кабинет, достал из шкафа ювелирные весы и под наблюдением Большого Короля начал взвешивать золото.

Хосе Алмейда скупал золото у неофициальных распространителей всех компаний, расположенных в районе Китченервилля, по цене пять рандов за унцию и перепродавал по шестнадцать. Столь высокую личную прибыль он оправдывал тем фактом, что даже простое хранение незарегистрированного золота считалось уголовным преступлением в Южной Африке и наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет.

Алмейде было лет тридцать пять. Свои жидкие черные волосы он постоянно отбрасывал со лба. Взгляд его маленьких карих глаз был подозрительным, а ногти на руках – грязными. Несмотря на неряшливый внешний вид и прическу, он был весьма состоятельным человеком.

Он заплатил наличными сорок тысяч рандов, которые компания потребовала за монопольное право на торговлю на своей территории. Таким образом, у него появилось двенадцать тысяч высокооплачиваемых клиентов, а начальные инвестиции окупились за первый же год торговли. На самом деле не было никакой необходимости заниматься незаконной деятельностью, но золото всегда странным образом влияло на людей – заражало каждого прикоснувшегося к нему неизлечимой алчностью.

– Двести шестнадцать унций, – объявил результат Хосе. Его весы были настроены с двадцатипроцентной погрешностью, разумеется, в пользу Хосе.

– Тысяча восемьдесят рандов, – согласился Большой Король, и Хосе направился к большому зеленому сейфу в углу комнаты.

31

Терри Стайнер вошла в бар «Грейп энд Гейбл» отеля «Президент» в четырнадцать минут второго, а поднявшийся из-за стола ей навстречу Харри Хершфилд вдруг подумал, что четырнадцатиминутное опоздание вполне оправданно для такой прелестной женщины. Бабушка Терри посчитала бы, что пришла рано, если бы опоздала на такое время.

– Ты опоздала, – проворчал Харри, посчитав, что все же не стоит прощать ей все подряд.

– А ты – огромный, приятный, ворчливый, бесподобный старый медведь, – ответила Терри и быстро поцеловала его в кончик носа, прежде чем он успел увернуться.

Харри выпрямился и заурчал от удовольствия. Ему стало наплевать, что сидящие за соседним столиком и с трудом сдерживающие улыбки Марэс и Харди разболтают о случившемся всем членам «Ранд-клуба».

– Добрый день, миссис Стайнер. – Бармен в алом пиджаке вежливо улыбнулся. – Приготовить вам «Манхэттен»?

– Не искушайте меня, Томас. Я на диете. Принесите стакан содовой.

– На диете, – проворчал Харри. – И так одни кожа да кости. Сделай ей «Манхэттен», Томас, и не забудь положить вишню. Ни одна женщина из семьи Хершфилдов не выглядела мальчиком, и ты не будешь первой. – Он подумал и добавил: – Обед я тоже заказал, не позволю тебе умирать с голоду в моем присутствии.

– Какой ты вредный, Попс.

– А теперь, моя молодая леди, расскажи, чем ты занималась все это время.

Они беседовали как друзья, добрые, верные друзья. Их привязанность друг к другу объяснялась не одними лишь кровными узами. Это было родство не только тел, но и духа. Они сидели, наклонившись друг к другу, разговаривали, наслаждаясь близостью, и неторопливый ход беседы нарушали только звонкий смех Терри или низкий хохот Харри.

Они так увлеклись беседой, что метрдотель был вынужден подойти к их столику.

– Мистер Хершфилд, шеф-повар – в слезах.

– Господи! – воскликнул Харри, взглянув на старинные часы над стойкой бара. – Почти два часа. Почему мне не сказали?

Устрицы только утром доставили из Мосселбая, и Терри, попробовав их, зажмурилась от удовольствия.

– В среду я ездила с Манфредом на шахту «Сондер дитч».

– Да, я видел фотографию в газете. – Харри съел двенадцатую, последнюю, устрицу.

– Должна сказать, мне понравился твой новый генеральный директор.

Харри отложил вилку, его морщинистые щеки слегка покраснели от приступа гнева.

– Ты имеешь в виду Фреда Пламмера?

– Не глупи, Попс. Я говорю о Родни Айронсайдсе.

– Это твой вечно умывающийся придурок муж подговорил тебя? – Харри рассердился не на шутку.

– Манфред? – Она была искренне удивлена вопросом, Харри видел это. – А он здесь при чем?

– Хорошо, забудь об этом. – Харри выбросил Манфреда из головы. – Что тебе нравится в Айронсайдсе?

– Ты слышал, как он говорит?

– Нет.

– Просто здорово. Уверена, он первоклассный горняк.

– Так оно и есть. – Харри ждал, что еще она скажет.

Питер убрал тарелку Терри, предоставив ей так необходимые несколько секунд. Она вдруг поняла, что назначение Рода на должность генерального директора не является окончательно решенным. В действительности Попс уже выбрал на эту должность краснолицего Пламмера. Короткое раздумье, и она решилась. Она пойдет на что угодно, используя даже запрещенные приемы, лишь бы Рода не обошли вниманием.

Питер подал холодного лангуста, а когда он ушел, Терри посмотрела Харри прямо в глаза. Она так искусно умела увеличивать свои и без того огромные глаза, а сейчас они к тому же наполнились слезами. Эффект был просто потрясающим.

– Знаешь, Попс, он так мне напомнил фотографии отца.

Полковник Бернард Хершфилд – отец Терри – сгорел в танке у Сиди-Резех. Она увидела, как лицо Харри исказила гримаса боли, и почувствовала себя виноватой. Стоило ли прибегать к столь сильному оружию?

Харри ковырял лангуста вилкой, так низко опустив голову, что она не видела его лица. Терри коснулась ладонью его руки.

– Попс.... – прошептала она.

Он поднял голову, и она увидела, как возбужденно горят его глаза.

– Ты совершенно права! Он немного похож на Берни. А я рассказывал тебе, как мы с твоим отцом однажды...

Терри облегченно вздохнула. «Я не обидела его, не причинила боль, – подумала она. – Ему самому понравилась идея, действительно понравилась». Чисто женским чутьем она выбрала единственно возможный способ убедить его и заставить изменить свое решение.

32

Манфред Стайнер застегнул пристежные ремни и откинулся в кресле «Боинга-707». Его немного мутило, так сильно было чувство облегчения.

Айронсайдс получил назначение, а сам он был в безопасности. Харри Хершфилд вызвал его два часа назад, чтобы пожелать счастливого пути и удачи на переговорах. Манфред стоял перед ним и лихорадочно размышлял, как естественно перевести разговор в нужное ему русло. Харри сам спас его:

– Кстати, я отдаю «Сондер дитч» Айронсайдсу. Думаю, пора внести свежую струю в высшие эшелоны.

Все очень просто. Манфред до сих пор не мог поверить, что кошмары и тревога за собственную жизнь, преследовавшие его последние четыре дня, закончились. Айронсайдс получил назначение. Он мог сказать им в Париже: «Айронсайдс получил назначение. Мы готовы начать работу».

Звук двигателей изменился, «боинг» покатился вперед. Манфред повернул голову и посмотрел в иллюминатор. Он не смог разглядеть Терри на смотровой площадке аэропорта Яна Смутса. Затем вид заслонил огромный «боинг» компании «Пан-Ам», и он отвернулся от иллюминатора. Вдруг ноздри его раздулись, и он быстро огляделся вокруг.

Пассажир в соседнем кресле снял пиджак. Это был грузный человек, который явно не пользовался дезодорантом. Манфред в отчаянии оглядел весь салон. Самолет был полон, вероятность поменяться с кем-нибудь местами весьма невысока. К его ужасу, сосед достал из кармана пачку сигарет.

– Вы не можете курить! – закричал Манфред. – Знак еще не погас.

Запах смеси табачного дыма и пота будет просто невыносимым.

– А я и не курю, – ответил пассажир. – Пока. – Он зажал сигарету губами и уже приготовил зажигалку.

«Почти две тысячи миль до Найроби», – в отчаянии подумал Манфред, чувствуя подступающую к горлу тошноту.

33

– Терри, дорогая, объясни, почему я должна ехать в Китченервилль и смотреть на толпу скачущих дикарей?

– Джой, сделай мне одолжение, – взмолилась Терри в трубку.

– Это нарушает все мои планы на уик-энд. Я отвезла детей к бабушке, специально купила книгу «Маленький городок в Германии», собиралась славно провести время за чтением и...

– Джой, умоляю, ты моя последняя надежда.

– Когда мы вернемся домой? – Джой уже сдавалась, и Терри, почувствовав слабину, безжалостно бросилась в атаку.

– Возможно, ты встретишь настоящего мужчину, и он увлечет тебя...

– Нет, спасибо, – прервала ее Джой. Она развелась год назад, но до сих пор не оправилась от потрясения. – Сыта настоящими мужчинами по горло.

– Джой, не собираешься же ты тосковать всю оставшуюся жизнь. Взбодрись, заеду за тобой через полчаса.

Джой обреченно вздохнула:

– Я тебя проклинаю, Терри Стайнер.

– Через полчаса, – повторила Терри и быстро положила трубку, пока подруга не передумала.

– Я играю в гольф. Сегодня суббота, и я играю в гольф, – упрямо повторил доктор Дэниел Стандер.

– Ты помнишь, как я поехал в Блумфонтейн, чтобы только... – начал было Род, но Дэн прервал его:

– Хорошо, хорошо, я помню. Не стоило снова напоминать об этом.

– Ты многим обязан мне, Стандер, – напомнил Род. – А я прошу всего лишь провести со мной один субботний день. Для тебя это слишком много?

– Я не могу обманывать ребят. Давно обещал им, – пытался выкрутиться Дэн.

– Я уже позвонил Бену, он с удовольствием заменит тебя.

Воцарилась зловещая тишина, которую нарушил Дэн:

– А на что хоть похожа эта птичка?

– Прекрасная богатая нимфоманка, к тому же владелица пивоварни.

– Да, конечно, – с издевкой произнес Дэн, – ты наговоришь. Хорошо, я согласен, но официально заявляю, что все мои обязательства и долги теряют силу.

– Дам тебе расписку.

Дэн все еще хмурился, когда к дверям клуба шахты подкатил «даймлер». Они с Родом стояли в «Ледис-баре» и ждали своих гостей.

Дэн как раз заказал третье пиво.

– Вот они, – сказал Род.

– Это они? – спросил Дэн. Его плохое настроение улетучилось, как только он увидел девушек сквозь цветное стекло бара. Обе были одеты в цветастые брючные костюмы, обе – в темных очках.

– Они, – подтвердил Род.

– Ничего себе. – Дэн восхищенно присвистнул, что случалось с ним крайне редко. – А которая из них моя?

– Блондинка.

– Ха! – Он улыбнулся впервые за все утро. – А какого дьявола мы здесь стоим?

– Действительно. – Желудок Рода и так был завязан узлами, которые затянулись еще туже, когда он стал спускаться по ступеням навстречу Терри.

– Миссис Стайнер, я так рад, что вы смогли приехать. – Он с восторгом понял, что чувство не исчезло, как показалось ему, оно по-прежнему было в ее глазах и улыбке.

– Благодарю вас, мистер Айронсайдс. – Она снова почувствовала себя смущенной маленькой школьницей. – Позвольте представить вам миссис Олбрайт. Джой, это Родни Айронсайдс.

– Привет. – Он легонько пожал ее руку. – Думаю, пора выпить джина.

Дэн ждал их в баре, и Род представил его девушкам, а девушек ему.

– Джой просто сгорала от нетерпения увидеть эти танцы, – сказала Терри, когда все устроились за стойкой. – Целыми днями не давала мне покоя.

Джой на несколько мгновений лишилась дара речи.

– Вам понравится, – произнес Дэн, придвигаясь к ней поближе и беря за локоть. – Лично я не променяю это зрелище ни на что другое.

Джой была высокой стройной девушкой, с длинными, падающими на плечи золотистыми волосами, с кажущимися холодными зелеными глазами, но с теплыми и мягкими губами. Она улыбнулась, глядя Дэну прямо в глаза.

– Я тоже, – ответила она, и Род с облегчением понял, что спокойно может уделить все свое внимание Терри Стайнер. Джой Олбрайт не будет страдать от недостатка внимания. Он заказал напитки, и все резко потеряли всякий интерес к танцам.

Через некоторое время Род сказал Терри Стайнер:

– Сегодня вечером я поеду в Йоханнесбург. Нет смысла держать вашего шофера целый день. Отпустите его, я довезу вас до дома.

– Отлично, – мгновенно согласилась Терри. – Скажите ему об этом сами.

Когда Род в очередной раз взглянул на часы, была уже половина четвертого. Он не заметил, как пролетело время.

– Боже праведный! – воскликнул он. – Если не поторопимся, ничего не увидим.

Дэн и Джой, мило беседовавшие, едва не прижавшись щеками, неохотно отодвинулись друг от друга.

В зале они попали в самую толпу, кричащую, жестикулирующую, возбужденную чувственным зрелищем танцев, позабывшую все запреты, как часто происходит на корриде.

Род и Дэн с трудом пробили для девушек дорогу в толпе и подвели к забронированным местам в первом ряду. Все четверо возбужденно смеялись, зараженные общим настроем толпы и испытывая эмоциональный подъем, усиленный алкоголем.

Толпа возбужденно гудела.

– Шангааны! – раздался громкий голос ведущего, и все зрители как один наклонились вперед. На арене появились барабанщики, вставшие кругом, с длинными деревянными барабанами, висевшими на кожаных ремнях.

Тап-тап-тап – заиграл один из них, и гомон толпы стих.

Тап-тап-тап – задали ритм танцу практически голые, в одних набедренных повязках, склонившиеся над зажатыми между колен инструментами барабанщики. Это был рваный, волнующий ритм, который дрожал как разорванный нерв. Повелительный, требовательный звук – пульс континента и его народа.

Потом появились танцоры. Они медленно шли в высоких головных уборах из перьев – развевались юбки из звериных хвостов, гремели боевые браслеты на запястьях и лодыжках, черные мышцы уже блестели от пота – шеренга за шеренгой, величественные, они появлялись на сцене так, будто барабанная дробь вдыхала в них жизнь.

Резкий звук рога, и шеренги рассыпались, танцоры завертелись, как осенние листья на ветру, перестроились, и в центр сцены вышла гигантская фигура.

– Большой Король! – выдохнула толпа, и мгновенно изменился ритм. Он стал более быстрым, еще более требовательным, танцоры зашипели в унисон. Звук был подобен прибою, накатывающемуся на каменистый берег.

Большой Король широко распахнул руки, расставил толстые, похожие на черные колонны ноги, закинул голову назад и проревел единственное слово команды. Немедленно все танцоры подняли правые колени на уровень груди и замерли. Через мгновение двести мозолистых ступней с силой опустились на землю, сотрясая арену до основания. Шангааны начали танец, и реальность исчезла в круговороте наступающих, отступающих, крутящихся шеренг.

Только однажды Род сумел оторвать взгляд от представления и посмотреть на Терри. Она сидела чуть наклонившись вперед, глаза ее горели, губы чуть приоткрылись. Терри была полностью захвачена эротизмом и варварским великолепием представления.

Джой и Дэн сидели, крепко взявшись за руки и плотно прижавшись друг к другу плечами и бедрами, и Род вдруг почувствовал, что завидует им.

Потом они вернулись в бар, но разговор не клеился, все были напряжены, чувствовали себя беспокойно из-за странных скрытых чувств, противоборства примитивных желаний и моральных ограничений.

– Итак, – произнес наконец Род, – уважаемые дамы, если вы хотите попасть в Йоханнесбург в подобающее вашему социальному положению время...

Дэн и Джой заговорили одновременно:

– Не волнуйся, Род, я...

– Дэн сказал, что он...

Они замолчали и несколько глуповато улыбнулись друг другу.

– Как я понимаю, Дэн внезапно вспомнил, что у него неотложные дела в Йоханнесбурге, и предложил вас подвезти? – сухо спросил Род, а они рассмеялись в ответ.

– Похоже, миссис Стайнер, мы поедем в город вдвоем.

– Я вам доверяю, – сказала Терри.

– Значит, вы сошли с ума, – заметил Дэн.

За окнами «мазерати» быстро темнело. Темная земля переходила на горизонте в черное небо, из раскинувшегося вокруг вельда подмигивали одинокие огоньки.

Род включил фары, панель приборов засветилась, превратив салон машины в изолированное от внешнего мира теплое, уютное гнездышко. Что-то тихо напевал ветер за окном, ему вторили шуршащие по шоссе шины и басовито гудящий двигатель.

Терри сидела на мягком сиденье из красной кожи, поджав под себя ноги. Ее глаза были устремлены вперед, на скользящие по шоссе световые круги от фар, и она казалась одновременно близкой и далекой. Каждые несколько минут Род смотрел на ее профиль. Один раз она повернулась к нему и взглянула прямо в глаза.

– Вы понимаете, что происходит?

– Да, – честно ответил он.

– Понимаете, как это опасно для вас?

– И для вас.

– Нет, не для меня. Я – Хершфилд, потому неуязвима. Вас же это может уничтожить.

Род лишь пожал плечами:

– Если бы мы задумывались над последствиями прежде, чем сделать что-либо, никто ничего бы не делал.

– Вы не задумывались над тем, что я могу оказаться испорченной богатой девушкой, жаждущей приключений? Что я могу постоянно заниматься этим?

– Можете.

Они помолчали, затем Терри впервые назвала его по имени:

– Род?

– Да.

– Я не такая, ты знаешь, совсем не такая.

– Догадываюсь.

– Спасибо.

Она открыла сумку.

– Хочу закурить. Я будто стою на краю обрыва и чувствую непреодолимое желание прыгнуть вниз.

– Прикури и мне, Терри.

– Хочешь курить?

– Очень.

Они курили в тишине, глядя прямо на дорогу, потом Терри опустила стекло и выбросила окурок.

– Знаешь, ты получил эту работу. – Весь день ей хотелось сообщить ему об этом, и наконец она не удержалась. Она увидела, как сжались его губы, глаза превратились в узкие щелочки.

– Ты понял? – переспросила она.

Род резко затормозил и остановил «мазерати» на обочине. Дернув на себя рычаг ручного тормоза, он резко повернулся к ней:

– Терри, что ты сказала?

– Сказала, что ты получил эту работу.

– Какую работу? – хрипло спросил он.

– Попс подписал приказ сегодня утром. Ты получишь его в понедельник. Ты назначен генеральным директором шахты «Сондер дитч».

Ей так хотелось добавить: «Я сделала это для тебя. Я заставила Попса дать тебе эту работу». «Я никогда так не поступлю, – поклялась она сама себе. – Он должен верить, что получил эту должность честно, а не как подарок от меня».

34

Субботняя ночь всегда была особой для Мусор-сити.

Шахта «Блауберг» являлась старейшей в районе Китченервилля. Некоторые секции были полностью выработаны, на их месте остались гигантские холмы пустой породы. Между этими рукотворными горами среди кустарников и сорняков, достигавших в высоту человеческого роста, вырос поселок. Жители назвали его Мусор-сити. Дома, если их так можно было назвать, строились здесь из старых оцинкованных листов и расплющенных бочек. И естественно, ни водопровода, ни канализации.

Расположенный вдали от основных дорог, других поселков, шахт да и самого Китченервилля, спрятанный среди гор мусора, город, до которого можно было добраться только пешком и который никогда не посещали полицейские, идеально служил своему предназначению, выбранному тремястами жителями.

Каждая из хижин являлась притоном, обдираловкой, где по завышенным ценам продавалось разбавленное спиртное, где легко можно было купить марихуану, где собирались для пьяного разгула мужчины.

Они приходили сюда не ради выпивки. В каждом общежитии был бар с прекрасным выбором напитков по клубным ценам. Очень немногие приходили сюда за марихуаной. Среди этих сытых, работящих и уверенных в себе людей было мало наркоманов. Они шли сюда из-за женщин.

На каждой из пяти шахт в районе работали по десять – двенадцать тысяч человек. Здесь, в Мусор-сити, жили двести женщин, единственных доступных в радиусе двадцати миль. Молодым леди Мусор-сити не нужно было приставать к клиентам – даже самые жирные или, наоборот, иссохшие, беззубые могли вести себя словно королевы.

Большой Король спустился к Мусор-сити по дороге, ведущей от одного из отвалов. Он был не один, с ним шли пара дюжин приятелей, огромных шангаанов в боевых костюмах, с боевыми палками, еще не успокоившихся после танцев. Они почти бежали, и вел их впе-

ред Большой Король. Они пели, но это были не мягкие мелодичные песни о любви, урожае или работе и не приветственный гимн.

Они пели боевые песни, как их предки, отправлявшиеся с копьями на поиски скота и рабов. Неистовый, зажигательный ритм, горячие патриотические слова так влияли на поведение простых шангаанов, что компания была вынуждена запретить эти песни.

Как шотландец при звуке волынки, шангаан, услышав эти песни, был готов к насилию.

Они замолчали, когда Большой Король подвел их к ближайшему бараку и откинул в сторону служащий дверью кусок брезента. Он наклонился, вглядываясь внутрь, а товарищи столпились за его спиной.

В бараке воцарилась хрупкая наэлектризованная тишина. Дым был настолько густым, а свет керосиновых ламп настолько слабым, что невозможно было разглядеть противоположную стену. В бараке развлекались сорок – пятьдесят мужчин. Запах пота и дешевого спиртного был почти осязаемым. Кое-где мелькали яркие пятна женских платьев, но постепенно и другие женщины, привлеченные пением, начали выходить из задних комнат, натягивая на себя одежду и прижимаясь к недавним партнерам. Увидев Большого Короля и его воинов, все замерли в ожидании.

Один из шангаанов прошептал на ухо Большому Королю:

– Басуто! Они все – басуто!

Он был прав, Большой Король и сам понял, что здесь собрались представители этого маленького независимого горного племени.

Большой Король вошел, покачиваясь, чтобы качались хвосты леопардов на юбке и шелестели перья цапли на голове, и подошел к примитивной стойке.

– Летящую птицу, – бросил он старой карге – владелице заведения, и та поставила на стойку бутылку бренди «Игл*».

Большой Король налил стопку и, чувствуя на себе взгляды всех клиентов притона, выпил.

Он медленно повернулся и внимательно оглядел комнату.

– Кто сидит на вершине горы, – произнес он голосом, слышным даже в дальних помещениях притона, – и вычесывает блох? Бабуин или басуто?

Шангааны взревели от восторга и бросились к стойке под недовольное ворчание других клиентов.

– У кого, – вскочил из-за стола один басуто, – перья на голове, и он каркает с навозной кучи? У петуха или шангаана?

Молниеносным движением Большой Король схватил со стойки бутылку и бросил ее. Она попала говорившему прямо в лоб, разбилась на сотни осколков, а басуто упал, увлекая за собой двоих товарищей.

Старуха схватила кассовый аппарат и куда-то убежала. Барак просто взорвался.

Теснота не позволяла использовать боевые палки, и Большой Король, поняв это, оторвал часть стойки и побежал по бараку, сметая всех и все на своем пути как ножом бульдозера.

От треска мебели, криков и воплей людей Большой Король обезумел совсем, им овладела атавистическая жажда крови.

---

* Eagle – орел *(англ.)*.

Басуто, как и шангааны, были племенем воинов. Эти жилистые горцы бросались в драку с таким же диким восторгом, что и шангааны. А межплеменной конфликт вышел за пределы одного барака и охватил население всего Мусор-сити.

Девушка в одних разорванных трусиках – платье с нее уже сорвали в драке – залезла на остатки стойки и, покачивая огромными грудями, принялась пронзительно завывать. Таким криком женщины банту могли вызвать у воинов безумную жажду крови. К ней присоединились другие девушки, и Большой Король уже не мог вынести этого звука.

Держа перед собой стойку, он бросился прямо на стену, легко прорвал ее как бумажный мешок и побежал по узкой грязной улице, сбивая с ног всех на своем пути, разгоняя куриц и лающих собак.

В конце поселка он остановился и развернулся. Его недовольство росло. На улице никого не было, если не считать несколько валявшихся в пыли тел. Сквозь проломленную стену он вошел в притон, но и здесь драка уже прекратилась. Несколько человек лежали и стонали на ковре из битого стекла.

Большой Король обвел комнату свирепым взглядом: выместить ярость было больше не на ком.

– Король Нкулу! – Девушка все еще была на столе. Глаза ее горели от возбуждения, ноги дрожали.

Большой Король взревел и отбросил в сторону стойку. Та загрохотала у дальней стены.

– Ты – лев! – подбадривала его девушка. Потом она сжала ладонями огромные бархатистые черные груди и наставила их на него, поглаживая пальцами соски и дрожа от нетерпения. – Съешь меня! – закричала она.

Большой Король одним движением смахнул ее со стойки, забросил на плечо и выбежал на улицу. Легко удерживая девушку одной рукой, он побежал в кусты под отвалом, срывая на бегу юбку из хвостов леопардов.

35

В Париже тоже стоял субботний вечер, но некоторые люди еще работали, судя по ярко освещенным окнам верхнего этажа одного из посольств на рю Рояль.

Толстяк, который был хозяин в игорном доме в Йоханнесбурге, сейчас являлся гостем. Он сидел, развалившись, в кожаном кресле, а дородность и седина на висках подчеркивали его солидность. Его загорелое умное лицо было мрачным, взгляд – горящим и жестким, как бриллиант на пальце.

Он внимательно слушал человека примерно его же возраста, стоящего у экрана на одной из стен комнаты. Судя по манере поведения и речи, человек был ученым, и сейчас он адресовал свое выступление непосредственно тому, кто развалившись сидел в кресле.

– Сейчас вы видите план выработок пяти золотых рудников в районе Китченервилля. – Он поднял к экрану указку: – «Торнфонтейн», «Блаауберг», «Твифонтейн», «Дип-голд-левелс» и «Сондер дитч».

Человек в кресле кивнул:

– Я уже неоднократно изучал эту схему.

– Отлично, значит, вы знаете, что «Сондер дитч» расположена в центре месторождения и имеет общие границы с четырьмя другими компаниями. – Он показал указкой. – А здесь ее пересекает дайка, называемая Биг Диппер.

Толстяк снова кивнул.

– Именно поэтому мы выбрали «Сондер дитч» как отправную точку нашей операции.

Докладчик нажал кнопку на пульте, и изображение на экране сменилось.

– А этого вы никогда не видели.

Человек в кресле резко наклонился вперед:

– Что это?

– Карта, составленная на основании результатов изыскательских работ, проведенных пятью компаниями к востоку от дайки. Эти результаты были суммированы и обработаны лучшими специалистами в области геологии и гидрофизики. Здесь представлена наиболее точная картина того, что в действительности находится за Биг Диппером.

Толстяк заерзал в кресле.

– Чудовищно!

– Именно так. За дайкой находится подземное озеро, нет, скорее море размером, скажем, с озеро Эри. Водой пропитан огромный массив пористого доломита.

– Господи! – Спокойствие впервые оставило толстяка. – Если это так, почему компании не пришли к такому же выводу и не убрались оттуда?

– Потому что, – докладчик выключил проектор и зажег свет, – из-за сильной конкуренции одна компания не сообщает о результатах исследований другим. Только сопоставив все результаты, можно получить ясную картину.

– Как ваше правительство получило эти материалы?

– Не важно, – резко бросил докладчик, недовольный тем, что его прервали. – У нас также есть результаты исследований некоего доктора Питера Вессела – начальника лаборатории механики грунтов, находящейся у шахты «Сондер дитч». Это секретная информация, в частности, она содержит доклад доктора Вессела о распределении напряжений в скальных породах. Исследования относятся к кварцитам, преобладающим в районе разработок «Сондер дитч».

Докладчик взял папку со стола.

– Не буду утомлять вас техническими деталями, а изложу доклад в сжатой форме. Доктор Вессел пришел к заключению, что колонка кварцита толщиной сто двадцать футов разрушится под боковым давлением четырех тысяч фунтов на квадратный дюйм.

Он бросил папку на стол.

– Как вы знаете, по закону выработки различных компаний должны разделять стены не менее ста двадцати футов толщиной. Это все, что разделяет выработки. Вы понимаете?

– Конечно, все очень просто.

– Просто? Конечно, просто! Этот доктор Стайнер, которого вы контролируете, прикажет новому генеральному директору «Сондер дитч» пробурить тоннель через Биг Диппер. Этот тоннель пробьет огромный подземный резервуар, и вода затопит все выработки «Сондер дитч». Давление воды к тому времени намного превысит критическую величину, разрушит стены и затопит шахты «Твифонтейн», «Блаауберг», «Дип-голд-левелс» и «Торнфонтейн». Добыча золота в районе Китченервилля будет прекращена навсегда. Последствия для экономики Южно-Африканской Республики окажутся катастрофическими.

Толстяк был заметно потрясен:

– Зачем вам это нужно?

– Мой коллега, – докладчик кивнул на сидевшего в углу комнаты человека, – объяснит вам все через несколько минут.

– Но люди! Там будут тысячи людей.

Докладчик улыбнулся и удивленно поднял брови:

– Если я скажу вам, что утонут шесть тысяч человек, вы выйдете из игры и откажетесь от обещанного вам моим правительством миллиона долларов?

Толстяк повесил голову и едва слышно прошептал:

– Нет.

– Отлично! – Докладчик довольно хохотнул. – Тем не менее могу вас успокоить. Мы не думаем, что погибнет больше сорока – пятидесяти человек. Естественно, погибнут проходчики тоннеля. Впрочем, смерть их будет мгновенной, без мучений. Что касается остальных, они будут достаточно быстро эвакуированы и имеют превосходные шансы выжить. В распоряжении других шахт будет несколько дней, прежде чем вода разрушит разделяющие их стены.

В течение минуты никто не произнес ни слова.

– У вас есть вопросы? – нарушил тишину докладчик.

Толстяк молча покачал головой.

– Отлично, в таком случае мой коллега полностью введет вас в курс дела. Он обоснует необходимость проведения данной операции, обговорит условия оплаты и ограничения в вашей деятельности. – Докладчик собрал бумаги со стола. – Мне же остается лишь пожелать вам удачи. – Он снова хохотнул и быстро вышел.

Невысокий мужчина, до этого момента тихо сидевший в углу, резко вскочил на ноги и быстро заходил по ковру. Он говорил быстро, иногда бросал резкие взгляды на толстяка, шевелил усами как кролик и часто попыхивал сигаретой. Его лысина поблескивала в свете флюоресцентных ламп под потолком.

– Первая причина. Буду краток, хорошо? Южноафриканцы и французики договорились. Ставят последнюю точку здесь, в Париже. Мы знаем, что они замышляют. Они хотят выступить широким фронтом против валюты моего правительства. Повышается цена на золото, понимаете? Очень сложно, очень плохо для нас, верно? Возможно, им это удастся. Южная Африка – крупнейший производитель золота. С помощью французиков им удастся поднять цену.

Он остановился напротив толстяка и вдруг погрозил ему пальцем, будто обвиняя во всех перечисленных бедах.

– А мы будем сидеть смирно и позволим им обтяпать свои гнусные делишки? Никогда! У нас свои методы! Через три месяца синдикат будет готов к атаке. В нужный момент выбьем из-под южноафриканцев стул, сократив их добычу золота вдвое. Мы затопим район Китченервилля, и их атака на нас затухнет, как мокрый фитиль, верно?

– Так просто? – спросил толстяк.

– Так просто! – Лысая голова энергично закивала. – Далее, я должен пояснить, что обещанный вам миллион долларов будет единственной наградой. Ни вы, ни ваши агенты не имеют права совершать какие-либо финансовые операции, которые могут вызвать подозрения в том, что эта операция была спланирована. Понятно?

– Понятно.

– Вы можете гарантировать, что не станете манипулировать акциями компаний, занятых в операции?

– Даю вам честное слово. – Толстяк в очередной раз поразился, как легко и безболезненно можно было обещать все что угодно.

С помощью троих коллег, вместе с ним наблюдавших за игрой доктора Стайнера в Йоханнесбурге, он собирался провернуть величайшее наступление на биржи мира.

В тот день, когда тоннель достигнет дайки, они выбросят в продажу миллионы акций пяти золотодобывающих компаний и сорвут крупнейший куш за всю историю существования денег.

– Значит, мы пришли к соглашению. – Лысая голова одобрительно закивала. – Перейдем к этому доктору Стайнеру. У нас есть результаты тестов, отчет психиатров, но мы сомневаемся, что он отдаст приказ бурить Биг Диппер, если будет знать о последствиях, несмотря на то, что вы полностью его контролируете. Таким образом мы подготовили второй геологический отчет, – он достал из портфеля пухлую картонную папку, – содержащий знакомые ему цифры. Я имею в виду результаты бурения компании «Сондер дитч». Все остальные данные являются полной фикцией. Отчет имеет целью доказать существование за дайкой сказочно богатого золотоносного пласта. – Он передал папку толстяку: – Возьмите. Это поможет вам убедить доктора Стайнера, а ему, в свою очередь, – нового генерального директора шахты «Сондер дитч».

– Вы основательно подготовились.

– Всегда стараемся обслужить клиентов по высшему разряду.

36

Играли в покер, за столом удача сопутствовала только двоим – Манфреду Стайнеру и алжирцу.

Манфред специально прилетел в Париж пораньше, чтобы отдохнуть по-настоящему до прибытия остальных членов делегации в понедельник.

Он поселился в отеле «Генрих V», принял ванну, отдохнул до восьми часов вечера, потом взял такси и поехал в клуб «Черный кот».

Он играл уже пять часов, шла хорошая карта, и выигрыш вырос до солидной суммы. Перед ним лежала высокая стопка цветастых французских купюр. Напротив сидел алжирец – стройный темнокожий араб с карамельными глазами и узкими шелковистыми усиками. Белые зубы выделялись на темной коже лица. Он был одет в тонкий шелковый розовый бадлон и нежно-голубой льняной костюм. Тонкими темными пальцами араб нежно перебирал лежащие перед ним банкноты.

На подлокотнике его кресла сидела девушка в обтягивающем брючном золотистом костюме. У нее были блестящие волосы, спадающие на плечи. Она не сводила с Манфреда темных глаз, и он чувствовал себя неуютно.

– Десять тысяч! – резко, как тевтонский вояка, выкрикнул Манфред. Он делал ставку на четвертую карту, которую ему только что сдали. Они играли вдвоем, все остальные, сложив на груди руки, безучастно наблюдали за происходящим.

Глаза алжирца превратились в узкие щелки, девушка наклонилась и что-то прошептала ему на ухо. Араб раздраженно мотнул головой и глубоко затянулся сигаретой. У него на руках были пара дам и шестерка.

Раздался невозмутимый голос крупье:

– Ставка – десять тысяч франков. На руках четверка, пятерка и семерка треф. Возможен стрит флеш.

– Либо делайте ставку, либо выходите из игры, – заметил один из зрителей. – Даром теряете время.

Араб бросил на него полный злобы взгляд.

– Играю, – наконец сказал он и отсчитал десять тысячефранковых банкнот.

– Carte. – Крупье сдал по одной карте. Алжирец молниеносным движением приподнял у своей карты один угол и быстро закрыл.

Манфред сидел неподвижно, карта лежала всего в нескольких дюймах от его правой руки. Внутри все кипело. У него на руках были четверка, пятерка, семерка треф и восьмерка червей. Спасти его могла только шестерка, причем одна шестерка была на руках у алжирца, таким образом шансы Манфреда были весьма невысоки.

Нижняя часть живота была напряжена до предела, он с трудом дышал от возбуждения. Он наслаждался этим ощущением, хотел, чтобы оно длилось вечно.

– Ставка со стороны двух дам, – произнес крупье.

– Десять тысяч. – Алжирец передвинул банкноты к центру стола.

«Он получил еще одну даму, – подумал Манфред, – но не уверен, есть ли у меня стрит».

Он легонько прикоснулся к пятой карте, нежно погладил ее, потом поднял.

– Банк, – едва слышно произнес Манфред, и зрители возбужденно заерзали в креслах. Девушка вцепилась в плечо алжирца, ее взгляд, устремленный на Манфреда, сейчас был полон ненависти.

– Господин объявил о том, что ставит на кон все лежащие перед ним деньги, – безучастно произнес крупье. – По правилам так может поступить любой игрок. – Он наклонился и стал пересчитывать банкноты, лежащие перед Манфредом.

Через минуту крупье назвал сумму:

– Двести двенадцать тысяч. – Он взглянул на алжирца: – Ваше слово.

Девушка стала что-то горячо шептать арабу на ухо, но тот произнес одно-единственное слово, и она резко отшатнулась. Араб обвел глазами комнату, как будто искал совета, потом еще раз посмотрел на свои карты.

Его лицо стало суровым, он не спускал с Манфреда глаз.

– Отвечаю! – рявкнул он, и рука Манфреда, до боли сжатая в кулак, расслабилась.

Араб показал свои карты. Три дамы. Все зрители перевели взгляд на Манфреда.

Он перевернул последнюю карту. Двойка бубен. Его карты выиграть не могли.

С триумфальным воплем араб лег грудью на стол и стал собирать с него деньги обеими руками.

Манфред встал, девица произнесла что-то явно оскорбительное по-арабски. Он быстро повернулся и почти бегом спустился по лестнице в туалет. Через двадцать минут расслабленный и испытывающий легкое головокружение Манфред садился в такси.

– «Генрих V», – сказал он водителю.

Как только он вошел в вестибюль, высокий мужчина поднялся из кожаного кресла и направился вслед за ним к лифту.

Они вместе вошли в кабину, и, как только дверь закрылась, высокий мужчина произнес:

– Добро пожаловать в Париж, доктор Стайнер.

– Благодарю вас, Эндрю. Полагаю, вы хотите передать мне инструкции.

– Именно так. Он хочет видеть вас завтра в десять. Я заеду за вами.

37

В субботу вечером к стойке бара отеля «Лорд Китченер» в Китченервилле было практически не подойти.

Танцы продолжались уже три часа. За столиками на террасе сидели с важным видом дамы и попивали лимонад, а некоторые – портвейн. Судя по виду, отсутствие мужчин их совершенно не трогало, на самом же деле дверь в мужской бар находилась под неусыпным наблюдением. Некоторые дамы уже отобрали у мужей и положили в свои сумочки ключи от машин.

Из обеденного зала была вынесена мебель, пол был обильно посыпан тальком. Местный ансамбль под дурацким названием «Ветреные псы» разродился очередной зажигательной мелодией, и из бара на призывные звуки потянулись мужчины в разной степени опьянения.

Многие уже сняли пиджаки и ослабили узлы галстуков. Громко говоря, на несколько нетвердых ногах они вели дам к центру зала, и сразу же становилось ясно, к какой школе танцев кто принадлежал.

Мужчины, которых можно было условно назвать кавалеристами, зажимали партнерш под мышкой, как пику, и бросались в атаку. По краю зала продвигались приверженцы другой школы – эти танцоры с мрачным видом смотрели прямо перед собой и не разговари-

вали ни с кем, даже со своими партнершами. Кроме того, были подчеркнуто общительные типы, свободно передвигающиеся по площадке, двигающиеся совершенно независимо от музыки, постоянно что-то кричащие знакомым и незнакомым и норовящие ущипнуть за задницу любую женщину, неосторожно к ним приблизившуюся. Их непредсказуемые действия мешали истинным ценителям танцев.

Истинные ценители прочно занимали самый центр зала и танцевали твист. Несколько лет назад этот танец захватил планету, словно эпидемия гриппа, потом исчез отовсюду, кроме городков, подобных Китченервиллю. Здесь этот танец приняли и сделали неотъемлемой частью культурной жизни общества.

Но даже здесь был один общепризнанный и непревзойденный мастер.

– Джонни Деланж? Черт, как он танцует твист! – говорили все благоговейно.

Извиваясь, как кобра, только с большим эротизмом, Джонни танцевал твист с Хетти. Его костюм из искусственного шелка блестел в свете люстр, кружевной воротник трепетал на горле, украшенные камнями пряжки на туфлях посылали лучи света во все стороны, на горбоносом лице застыла довольная улыбка.

Хетти очень легко двигалась по площадке, несмотря на свои внушительные размеры. У нее была тонкая талия и обтянутая зеленой юбкой сногсшибательная задница. Она смеялась в танце, и смех был громким и здоровым, как и ее тело.

По их слаженным движениям было видно, что они часто танцевали вместе. Хетти предугадывала каждое движение Джонни, а он одобрительно улыбался в ответ.

С террасы за ними наблюдал Дэйви Деланж. Он стоял в тени, сжимая в руке высокую кружку с пивом, недовольно бурчал что-то каждый раз, когда другая пара заслоняла бешено вращающиеся ягодицы Хетти, и переходил на другое место.

Музыка смолкла, и пары потянулись на террасу, смеясь и вытирая потные лица. Мужчины подводили раскрасневшихся дам к столикам, а сами исчезали за дверью бара.

– Скоро буду. – Джонни не хотелось уходить от Хетти, он с удовольствием остался бы с ней, но в то же время он понимал, что скажут ребята, если он проведет весь вечер только со своей женой.

Он влился в мужскую толпу и сразу же включился в разговор. Когда подошел Дэйви, он с серьезным видом обсуждал достоинства и недостатки нового «форда-мустанга», который подумывал купить.

– Константин, – прошептал Дэйви, и Джонни резко поднял голову. Константин был греческим эмигрантом, забойщиком с шахты «Блауберг». Он был мощным черноволосым мужчиной со сломанным носом. Нос сломал ему Джонни десять месяцев назад. Будучи холостяком, Джонни дрался с ним в среднем раз в месяц. Ничего особенно серьезного, обычные дружеские потасовки.

Константин не понимал, что теперь молодая жена строго-настрого запретила Джонни ввязываться в драки. Он выдумал целую теорию, конечно же, ошибочную, что Джонни его боится.

Сейчас он выходил из бара. В массивной, поросшей черными волосами ладони с манерно отставленным мизинцем был зажат бокал. Он мелкими шажками шел сквозь толпу, а на гранитном лице с отливающей синевой щетиной играла самодовольная улыбка.

Остановившись у зеркала, он поправил волосы, подмигнул своим дружкам и подошел к Джонни. Он стал его передразнивать, крутить бедрами, часто моргать, а дружки чуть не умирали от хохота, повиснув друг на друге.

Все так же вихляя бедрами, Константин, под жуткий хохот дружков, удалился в уборную, чтобы через несколько минут появиться в зале и послать Джонни воздушный поцелуй. Дружки за доставленное удовольствие угостили его выпивкой, а Джонни несколько натянуто улыбнулся и вновь углубился в обсуждение преимуществ «мустанга».

Через двадцать минут и шесть бокалов бренди Константин повторил выступление по пути в уборную. У него был достаточно ограниченный репертуар.

– Не обращай внимания, – прошептал Дэйви. – Пойдем посидим на террасе.

– Он напрашивается, я тебе точно говорю! – Улыбка исчезла с лица Джонни.

– Пойдем, Джонни.

– Нет, все подумают, что я сбежал. Мне нельзя уходить.

– Ты же знаешь, что скажет Хетти, – предупредил Дэйви, и Джонни на секунду замялся.

– Ну и черт с ней! – сказал он наконец, сжал кулак с золотыми кольцами на пальцах и подошел к стоявшему у стойки Константину. – Херби, – крикнул он бармену, указывая на грека, – налей даме портвейна и лимонада.

Стоявшие рядом люди поспешили убраться, Дэйви бросился на террасу и нашел Хетти.

– Джонни! – хрипло зашептал он ей на ухо. – Он снова дерется.

– Да?! – Хетти вскочила на ноги как разъяренная валькирия. Однако в мужской бар ей быстро пройти не удалось – все окна и дверь были забиты зрителями. Многие забирались на стулья и столы и сопровождали каждый удар и треск мебели одобрительными возгласами.

Хетти зажала сумку в правой руке и, размахивая ею как мачете в джунглях, пробила себе путь сквозь толпу.

В дверях бара она остановилась. Конфликт достиг критической точки. Грек и Джонни ходили по кругу, хрустя битым стеклом под ногами, и не спускали друг с друга глаз. Окружающий мир перестал для них существовать. У обоих были отметки на лице: у грека была рассечена губа, и кровь тонкой струйкой стекала по подбородку на рубашку, у Джонни же красная опухоль закрывала один глаз. Толпа замерла в ожидании развязки.

– Джонни Деланж! – Голос Хетти прозвучал как выстрел «маузера» из засады. Джонни виновато съежился, опустил руки, начал поворачиваться к ней, и в этот момент кулак грека ударил его в скулу. Джонни крутанулся на месте и сполз по стене на пол.

С триумфальным ревом Константин рванулся вперед, чтобы попинать ногами бесчувственного Джонни, но сам лег рядом – Хетти ударила его по голове бутылкой с водой, которую схватила с одного из столиков.

– Пожалуйста, помогите мне донести мужа до машины, – взмолилась она, внезапно превратившись в беспомощную девочку.

Она села на переднее сиденье рядом с Дэйви.

Джонни лежал на заднем сиденье и громко храпел.

– Не сердись, Хетти, – сказал Дэйви.

– Я же говорила ему. Говорила сотню раз. – Голос Хетти звенел от ярости.

– Он не виноват, грек сам начал, – попытался оправдать брата Дэйви. Он положил руку ей на колено.

– Защищаешь, потому что он твой брат.

– Нет, ты не права. – Дэйви нежно поглаживал ее ногу. – Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Я тебе не верю.

Рука продвинулась выше.

– Вы все такие, всегда держитесь вместе и защищаете друг друга.

Ее гнев быстро переходил в чувство обиды на Джонни, которому она не могла не отомстить. Она знала, что рука Дэйви уже не пытается успокоить ее. До свадьбы Хетти пользовалась каждой предоставленной ей возможностью получше узнать мужчин, а ученицей она была старательной и прилежной. Она не считала плотские утехи чем-то предосудительным. Ее благосклонностью пользовались многие. Она одаривала мужчин ласками с такой легкостью, словно угощала сигаретами.

«Почему бы и нет? – подумала она. – Отомщу мистеру Джонни Деланжу. Не до конца, конечно, а так, чтоб получить удовольствие».

– Нет, Хетти, правда, я тебе точно говорю. – Дэйви вдруг охрип, почувствовав, как разошлись колени под его рукой, и прикоснулся к шелковистой нежной коже выше края чулка.

Машина катилась теперь со скоростью пешехода, и только через десять минут они подъехали к дому на окраине Китченервилля.

Джонни застонал на заднем сиденье. Рука Дэйви мгновенно оказалась на руле, а Хетти выпрямилась и одернула юбку.

– Помоги занести его в дом. – Голос ее дрожал, щеки покраснели. Она уже не сердилась.

38

Они были немножко пьяны. Зайдя отметить назначение Рода в отель «Саннисайд», они заняли отдельную кабинку, пили, возбужденно болтали, смеялись, сидя рядом, но не касаясь друг друга.

Терри Стайнер не могла вспомнить, когда еще она вела себя подобным образом. Наверное, десять лет назад, на последнем курсе Кейптаунского университета, когда она с друзьями пила разливное пиво в баре «Свинья и свисток» отеля «Рендалл». Вся степенность почтенной женщины, которую так хотел в ней видеть Манфред, куда-то испарилась, она чувствовала себя первокурсницей на первом свидании с капитаном сборной команды по регби.

– Пойдем отсюда, – вдруг сказал Род, и она сразу же встала. Он взял ее за руку, и прикосновение его пальцев обожгло кожу.

В «мазерати» она снова почувствовала изолированность от внешнего мира.

– Род, как часто ты видишься с дочерью? – вдруг спросила она.

– Каждое воскресенье, – не скрывая удивления, ответил он.

– И завтра?

– Да.

– Сколько ей лет?

– Будет девять.

– Что ты с ней делаешь?

– В каком смысле?

– Чем вы занимаетесь, когда встречаетесь?

– Ходим в зоопарк, едим пломбир с орехами или фруктами. Если погода плохая, сидим в квартире и играем в китайское домино. – Он отпустил педаль сцепления и отъехал от поребрика. – Она жульничает.

– В квартире? – переспросила Терри.

– У меня в городе есть тайное убежище.

– Где?

– Я покажу, – тихо ответил Род.

Она села на диван и с интересом огляделась. Любовь, с которой он обставлял квартиру, чувствовалась во всем. Она не ожидала увидеть такое. Преобладали тона спелой пшеницы, шоколада и меди. На дальней стене висел отличный осенний пейзаж, как она поняла чуть позже, кисти Дино Паравано.

С некоторой печалью она понаблюдала, как Род настраивал освещение для достижения максимального романтического эффекта, как потом прошел к бару.

– Где ванная? – спросила она.

– Вторая дверь налево по коридору.

Она задержалась в ванной, тайком открыла аптечку, увидела там три зубные щетки и аэрозольную упаковку «Бидекс». Терри быстро закрыла шкафчик, чувствуя то ли ревность, то ли вину.

Дверь в спальню была открыта, и она не могла не увидеть огромную двуспальную кровать. Вернувшись в гостиную, она остановилась у картины.

– Мне нравятся его работы.

– Они не кажутся тебе слишком фотографичными?

– Нет, мне они просто нравятся.

Он передал ей бокал и встал рядом. Она позвенела льдом, он повернулся к ней. Ощущение нереальности происходящего усилилось, когда он взял бокал из ее руки.

Она чувствовала только его руки, сильные и опытные. Он прикоснулся к ее плечам, потом опустил руки на спину. Сладострастная дрожь пронзила все ее тело, его губы коснулись ее, и ощущение нереальности стало полным.

Все вокруг стало теплым и туманным, она позволила ему взять контроль в свои руки.

Она не знала, как быстро вернулась в реальный холодный мир. Они сидели на диване, вернее, она лежала в его объятиях. Пуговицы жакета и бюстгальтер были расстегнуты, он

склонился над ней, а она, зажав в кулаке его жесткие пружинистые волосы, направляла его теплые губы к груди.

– Я, должно быть, сошла с ума! – Она с трудом вырвалась из его объятий, дрожа от страха, от ярости к самой себе. Такого с ней не случалось никогда. – Безумие! – Ставшие просто огромными от страха глаза казались бездонными. Она судорожно застегивала пуговицы на жакете, и когда последняя скользнула в петлю, страх сменила ярость.

– Скольких женщин вы соблазнили на этом диване, Родни Айронсайдс?

Род поднялся, протянул к ней руку.

– Не прикасайтесь ко мне! Я хочу домой.

– Я отвезу тебя домой, Терри. Успокойся. Ничего не случилось.

– Но не по твоей вине! – выкрикнула она.

– Да, не по моей, – согласился Род.

– Если б не я, ты бы... – Она замолчала.

– Да. – Род кивнул. – Но только если бы ты хотела того же.

Она некоторое время молчала, начиная приходить в себя и успокаиваться.

– Мне не следовало приходить сюда, я знаю. Сама напросилась. Отвези меня домой.

39

Рода разбудил телефонный звонок. Взглянув на часы, он, не одеваясь, прошел в гостиную. Восемь часов.

– Айронсайдс! – Он зевнул, но мгновенно проснулся, услышав ее голос.

– Доброе утро, Родни. Как твое похмелье?

Честно говоря, он не ожидал услышать ее.

– Терпимо.

– Хочу поблагодарить тебя за удивительный... и поучительный вечер.

«Вот это женщина! – Род усмехнулся и почесал грудь. – Изменчива как ветер. Вчера мне показалось, что я получу пулю между глаз».

– Вчера я очень испугалась, – призналась она. – Я была просто шокирована, когда вдруг поняла, что способна быть такой чувственной. Забудь, что я тебе говорила.

– Прошу меня извинить за причиненные страдания.

– Не надо извиняться, ты произвел на меня глубокое впечатление. – Она быстро сменила тему. – Ты будешь встречаться с дочерью сегодня?

– Да.

– Мне бы хотелось увидеть ее.

– Можно устроить, – осторожно заметил Род.

– Она любит лошадей?

– Просто безумно.

– Хочешь съездить со мной и с ней на мою племенную ферму на реке Ваал?

– А это разумно? Что, если нас увидят вместе?

– О своей репутации я позабочусь сама.

– Отлично! Поехали на ферму.

– Встретимся у тебя. Во сколько?

– В половине десятого.

Патти была еще в халате, в волосах – бигуди. Она равнодушно подставила щеку для поцелуя, и Род увидел по глазам, что она поздно легла вчера.

– Привет. Ты сильно похудел. Мелли одевается. Хочешь кофе? Твой чек в этом месяце опять пришел поздно. – Она ногой отбросила присевшего на ковер щенка спаниеля. – Проклятая собака гадит где попало. Мелани! – закричала она. – Поспеши! Твой папа пришел.

– Привет, папочка, – донесся откуда-то из глубин квартиры голос Мелани.

– Привет, крошка.

– Не входи сюда, я еще не оделась.

– Поторопись. Я проехал миллион миль, чтобы увидеть тебя.

– Вовсе не миллион. – Мелани Айронсайдс обмануть было трудно.

– Так ты будешь кофе? – переспросила Патти. – Он все равно уже сварен. – Она проводила его в гостиную.

– Спасибо.

– Как дела? – Она передала ему чашку кофе.

– Меня назначили генеральным директором «Сондер дитч». – Он не удержался, просто не мог не похвастаться.

Патти от удивления не могла сказать ни слова.

– Ты шутишь! – наконец выдавила она из себя, и Род заметил, что ее мозг перешел в режим калькулятора.

– Нет. Это правда. – Он с трудом сдерживал смех.

– Господи! – Она без сил опустилась на диван. – У тебя зарплата почти удвоится.

Он равнодушно смотрел на нее и в очередной раз в душе порадовался, что его с ней уже ничего не связывало.

– В таких случаях принято поздравлять человека.

– Ты этого не заслуживаешь. – Она не на шутку рассердилась. – Ты – самодовольный развратный ублюдок, Родни Айронсайдс, и не заслуживаешь ничего хорошего в жизни.

Он опять обманул ее. Она могла стать первой леди компании, а в итоге оказалась разведенной женой, довольствующейся жалкими четырьмя с половиной сотнями в месяц. Раньше эти деньги казались ей вполне приличными, но теперь...

– Надеюсь, у тебя хватит совести добавить некоторую сумму мне и Мелани. Мы тоже имеем право на долю.

Дверь с треском распахнулась, и Мелани галопом ворвалась в комнату и бросилась отцу на шею. У нее были длинные светлые волосы и зеленые глаза.

– У меня четверка по языку!

– Ты не просто умна, ты – гениальна, к тому же красива.

– Папочка, донесешь меня до машины?

– А в чем дело? Ноги в гипсе?

– Ну пожалуйста, тридцать три раза пожалуйста.

Патти прервала любовную сцену:

– Где твоя кофта?

Мелани убежала.

– Привезу ее к семи часам, – пообещал Род.

– Ты не ответил на мой вопрос. Мы получим долю?

– Конечно. Все те же четыре с половиной сотни.

Они пробыли в квартире всего десять минут, когда звонок возвестил о приходе Терри. Она была в джинсах и клетчатой рубашке и выглядела почти такой же девчонкой, как дочь Рода.

Они внимательно изучали друг друга. Мелани вдруг стала сдержанной и воспитанной, Терри, как с облегчением заметил Род, принялась ей подыгрывать.

Они проехали уже полпути к поселку Парис на реке Ваал, когда Мелани завершила скрупулезное исследование Терри.

– Могу я сесть к вам на колени? – спросила она.

– Конечно. – Терри с трудом сдержала радость и облегчение. Мелани перелезла через сиденье и свернулась у Терри на коленях.

– Вы красивая, – очень серьезно сказала Мелани.

– Спасибо. Ты тоже.

– Вы – папина подружка?

Терри быстро взглянула на Рода и рассмеялась.

– Почти.

Теперь рассмеялись все трое.

Они часто смеялись. Это был день солнца и смеха.

Род и Терри гуляли по зеленым лугам на поросших ивами берегах Ваала. Мелани бежала впереди и радостно кричала, глядя на игры жеребят.

Они прошли к конюшням, и Мелани кормила сахаром и целовала в бархатистые губы победителя кейптаунского гандикапа.

Они купались в пруду рядом с элегантным белым домом, и смех их сливался с плеском воды. На обратном пути в Йоханнесбург Мелани заснула у Терри на коленях, положив голову ей на грудь.

Терри подождала в «мазерати», пока Род относил спящую дочку матери, а когда он вернулся и сел за руль, прошептала:

– Моя машина стоит у твоей квартиры, тебе придется меня туда отвезти.

Они не произнесли ни слова, пока не вошли в гостиную. Потом он сказал:

– Спасибо за чудесный день, – обнял и поцеловал ее.

В темноте она лежала, крепко прижавшись к нему, как будто боялась, что их разлучат. Она никогда не испытывала столь сильных эмоций – это была смесь благоговейного удивления и благодарности. Она только что была допущена на новый уровень существования человека, ранее для нее недоступный.

Она задрожала от почти невыносимого удовольствия, когда вспомнила, как он описывал ее тело, заставил гордиться им впервые в жизни. Она вспоминала слова, которыми он описывал каждое их действие, его руки, такие уверенные, нежные, любящие.

Он не испытывал ни малейшего стыда и наслаждался ее телом. Ему удалось смести все барьеры, воздвигнутые годами супружеской жизни, увлечь ее в бурю чувств, а потом погрузить в умиротворенное состояние, при котором тело и душа находятся в полной гармонии.

Она почувствовала, что он проснулся, и коснулась его губ и глаз кончиками пальцев.

– Спасибо, – сказала она.

Он все понял и нежно привлек ее к себе.

– Спи, – сказал он едва слышно.

Она закрыла глаза, но не стала спать – не хотела пропустить ни одной секунды близости с ним.

40

Письмо о назначении лежало на его столе, когда он вернулся на шахту в семь тридцать утра в понедельник.

Он сел и закурил, потом стал медленно читать его, смакуя каждое слово.

«По поручению совета директоров... – начиналось письмо и заканчивалось: – Остается только передать поздравления членов совета и выразить их уверенность в ваших способностях».

Из соседнего кабинета показался озабоченный Дмитрий:

– Привет, Род! Черт, неплохо началась неделя! Представляешь, вышел из строя высоковольтный кабель на девяностом уровне, и...

– Нечего мне жаловаться, – оборвал его Род. – Я больше не начальник подземных работ.

Дмитрий открыл рот от удивления:

– Какого дьявола? Тебя уволили?

– Еще хуже. – Род протянул ему письмо. – Посмотри, что эти ублюдки со мной сделали.

Дмитрий пробежал глазами письмо и подпрыгнул.

– Черт возьми! Черт возьми! – Он побежал по коридору, чтобы донести новость до всех начальников отделов. Потом все пришли к нему в кабинет, жали руку, поздравляли. Род видел, что их реакция была искренней, и лишь пару раз он уловил фальшивые нотки. В одном случае причиной была элементарная зависть, во втором же человек, уже получавший нагоняи, теперь опасался за свою работу. Зазвонил телефон. Род снял трубку и, махнув рукой, попросил всех выйти из кабинета.

– Хершфилд говорит.

– Доброе утро, мистер Хершфилд.

– Ты получил свой шанс, Айронсайдс.

– И благодарен вам за это.

– Я хочу тебя видеть. Сегодня разбирайся с делами. Завтра в девять часов в моем кабинете в «Риф-Хаусе».

– Буду у вас.

– Отлично.

Род положил трубку. День прошел в неразберихе проблем, связанных с реорганизацией, и в постоянном приеме поздравлений от доброжелателей. Он по-прежнему руководил подземными работами в дополнение к исполнению обязанностей генерального директора. Пройдет достаточно времени, прежде чем с другой шахты сюда переведут другого начальника подземных работ. Он договаривался о переезде в большое административное здание на хребте, когда в кабинет вошла бывшая секретарша Фрэнка Леммера мисс Лили Жордан, выглядевшая в строгом сером костюме как узница Равенсбрюка.

– Мистер Айронсайдс, мы не слишком с вами ладили в прошлом. – Это было слишком мягко сказано. – Не думаю, что поладим в будущем. Таким образом, я пришла уведомить вас о том, что увольняюсь. Все необходимое уже сделано.

Зазвонил телефон. Из трубки раздался веселый и беззаботный голос Дэна Стандера:

– Род, я влюбился.

– Нет, – простонал Род, – только не сегодня.

– Я должен поблагодарить тебя за то, что ты познакомил меня с самой красивой, самой чудесной....

– Да, понятно, – оборвал его Род. – Послушай, Дэн, я занят сейчас. Как-нибудь в другое время, хорошо?

– Ах да! Я забыл. Ты же теперь новый генеральный директор. Поздравляю. Можешь угостить меня сегодня в шесть часов в клубе.

– Хорошо, к тому времени мне уж точно необходимо будет выпить.

Род повесил трубку и посмотрел на мрачное, как у палача, лицо мисс Лили Жордан.

– Мисс Жордан, в прошлом наши интересы часто вступали в конфликт. В будущем этого не произойдет. Вы – лучшая личная секретарша в радиусе ста миль от «Сондер дитч». Вы мне нужны, вы нужны компании.

Это были волшебные слова. Мисс Жордан отработала в компании двадцать пять лет и была заметно потрясена.

– Прошу вас, мисс Жордан, дайте мне шанс. – Род без стеснения призвал на помощь свою самую обворожительную улыбку. Женственность мисс Жордан не до конца атрофировалась, улыбка не могла не оказать на нее нужного воздействия.

– Хорошо, мистер Айронсайдс. Я останусь до конца месяца. Потом посмотрим. – Она поднялась. – Я позабочусь о том, чтобы ваши вещи перенесли в новый кабинет.

– Благодарю вас, мисс Жордан. – Переложив на нее часть проблем, Род занялся остальными. Один человек – две должности. Теперь он отвечал как за подземные работы, так и за наземные. Звонил телефон, люди толпились в коридоре, нескончаемым потоком шли сообщения из кабинета Дмитрия. Он не успел даже пообедать, а когда она позвонила, просто валился с ног от усталости.

– Привет, – сказала Терри, – увидимся сегодня? – Ее голос подействовал на него так освежающе, как мокрое полотенце на профессионального боксера.

– Терри. – Он только произнес ее имя в ответ.

– Да или нет? Если нет, я прыгну с крыши «Риф-Хауса».

– Да. Попс вызвал меня к себе. Ночевать я буду в квартире. Позвоню тебе, как только приеду.

– Жду тебя!

В пять тридцать в приоткрытой двери появилась голова Дмитрия.

– Род, я ухожу к стволу номер один, чтобы проследить за взрывом.

– Господи, а сколько времени? – Род взглянул на часы. – Так поздно?

– Здесь время летит быстро, – согласился Дмитрий. – Я ушел.

– Подожди! Я сам взорву ее.

– В честь чего? – возразил Дмитрий. Согласно инструкции компании, за каждым взрывом должен был следить либо начальник подземных работ, либо его помощник.

– Я взорву ее, – повторил Род.

Дмитрий хотел было возразить еще раз, но увидел выражение лица Рода и промолчал.

– Хорошо, тогда до завтра.

Род усмехнулся, пораженный своей собственной сентиментальностью. «Сондер дитч» теперь принадлежит ему, и он должен произвести первый взрыв.

Его уже ждали у стальной двери в здании копра, которая вела в небольшое бетонное помещение, напоминающее долговременное огневое сооружение военного времени. Было всего два ключа от этой комнаты: один – у Дмитрия, второй – у Рода.

Дежурные мастер и электрик присоединили свои поздравления к сотням других, уже полученных Родом, после чего он открыл дверь и они подошли к пульту управления взрывом.

– Начинайте проверку, – отдал приказ Род, и сменный мастер позвонил контролерам обоих копров, чтобы убедиться в том, что людей в шахтах не осталось, что каждый человек, спустившийся вниз утром, поднялся на поверхность.

В то же время электрик проверял пульт управления. Он посмотрел на Рода:

– Готов замкнуть цепи, мистер Айронсайдс.

– Начинай, – кивнул Род, и электрик коснулся выключателя. На пульте загорелся зеленый огонек.

– Длинный северный забой номер один к взрыву готов.

– Включай в цепь.

Электрик коснулся другого выключателя.

– Длинный восточный забой номер один к взрыву готов.

– Включай в цепь.

Зеленый огонек указывал на то, что электрическая цепь, соединяющая детонаторы, не нарушена. Красный цвет указал бы на нарушение цепи и невозможность ее включения.

Так они проверяли цепь за цепью, пока электрик не отошел от пульта.

– Все цепи к взрыву готовы.

Род взглянул на дежурного мастера.

– Все уровни очищены, мистер Айронсайдс. Можно взрывать.

– Чииса! – сказал Род. Эта команда пришла из тех незапамятных времен, когда фитили поджигались вручную.

«Чииса» на языке банту означало «поджигай».

Дежурный мастер подошел к пульту и открыл решетчатую крышку, под которой находилась большая красная кнопка.

– Чииса! – повторил дежурный мастер и ударил по кнопке.

Мгновенно ряд зеленых огоньков на пульте погас, вместо него загорелся ряд красных. Каждая цепь была разорвана взрывом.

Земля под ногами задрожала. Каждый заряд вырывал из скалы десятитонный кусок породы.

В конце каждого штрека заряды были заложены в достаточно сложном порядке. Сначала взрывались заряды в центре забоя, потом верхние заряды, за ними – нижние. Несколько секунд тишины, и последуют взрывы боковых зарядов, придающие штреку форму. Еще задержка, и самые нижние заряды поднимут и вынесут обломки из штрека.

Род все это ясно себе представлял. Хотя ни один человек никогда не видел взрыва внизу, он точно знал, что там происходило.

Все стихло.

– Все, – сказал дежурный мастер. – Полный взрыв.

– Благодарю вас. – Род вдруг почувствовал крайнюю усталость. Ему действительно захотелось выпить, хотя он подозревал после утреннего звонка, что Дэн будет невыносим. Как он предполагал, темой разговора станет новая любовь Дэна Стандера.

Он улыбнулся, вспомнив, что ждет его вечером в Йоханнесбурге, и вдруг почувствовал, что не так уж сильно устал.

41

Они сидели в ванне и смотрели друг на друга.

– Меня беспокоят только три вещи, – сказала Терри.

– Какие именно? – спросил Род, намыливая губку.

– Во-первых, у тебя слишком длинные для этой ванны ноги.

Род попытался передвинуть ноги, и Терри с криком чуть не выпрыгнула из воды.

– Родни Айронсайдс, в следующий раз смотри, куда суешь свои пальцы!

– Извини. – Он наклонился и поцеловал ее. – Что еще тебя беспокоит?

– Еще меня беспокоит то, что я совершенно спокойна.

– Из какой части Ирландии ты родом? Графство Корк?

– Понимаю, это ужасно, но я не испытываю ни малейших угрызений совести. Раньше мне казалось, что я не смогу больше смотреть людям в глаза, настолько мне будет стыдно. – Она взяла у него губку и стала намыливать его плечи и грудь. – Более того, я готова встать посреди Элофф-стрит в час пик и закричать: «Родни Айронсайдс – мой любовник».

– За это стоит выпить. – Родни смыл мыло с рук и взял с пола рядом с ванной два бокала. Один он дал Терри, налил рубиновое вино, и они чокнулись.

– Родни Айронсайдс – мой любовник! – произнесла тост Терри.

– Теперь моя очередь, – сказал Род.

– За что? – спросила она, держа бокал наготове. Род наклонился и вылил немного вина из хрустального бокала ей на грудь. Оно побежало как кровь по белой коже, а Род торжественно произнес:

– Благословляю сей корабль и всех, кто плавает на нем.

Терри довольно рассмеялась.

– Пусть его капитан твердо держит руку на руле.

– Пусть его днище никогда не напорется на рифы.

– Пусть его торпедируют регулярно.

– Терри Стайнер, ты просто несносна.

– Правда? И я так думаю.

Они выпили вино.

– А теперь, – сказал Род, – скажи, что еще тебя беспокоит?

– В субботу возвращается Манфред.

Они перестали смеяться, Род взял бутылку и снова наполнил бокалы.

– У нас есть еще целых пять дней.

42

Манфред мог считать прошедшую неделю триумфальной для себя. Его доклад стал основой переговоров, все обсуждения крутились вокруг него. Он удостоился чести быть приглашенным на заключительный банкет, на котором присутствовал сам генерал Де Голль, а потом пил кофе и коньяк с президентом в одной из приемных. Генерал был очень любезен, задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы. Дважды заострял внимание своего министра финансов на ответах Манфреда.

Их прощание было сердечным, в голосе президента чувствовалось признание его заслуг, что само по себе являлось наградой. Манфред, как любой немец, был неравнодушен к униформам и наградам. Он даже представил себе, как хорошо будут смотреться звезда и лента на фоне его белоснежной рубашки.

Отзывы прессы были блестящими, как во Франции, так и дома. Даже хронически пессимистический журнал «Тайм» поместил на своих страницах статью с фотографией, на которой озабоченный Де Голль склонился над Манфредом, по-отечески положа руку ему на плечо. Подпись гласила: «Охотник и его сокол. Добыча – доллар?»

Манфред стоял, беззаботно посвистывая, в туалете в хвосте «боинга» Южно-Африканской авиакомпании. Он только что снял с себя сорочку и майку, скомкал их и бросил в корзину для мусора.

Затем, помывшись до пояса холодной водой, освежился одеколоном «4711» и достал из портфеля электрическую бритву.

Мысленно он перелистывал доклад, доставленный Эндрю в номер отеля. Память Манфреда была абсолютной, когда дело касалось документов. И хотя сам доклад лежал в портфеле, он помнил каждую его букву, каждую цифру.

Это был труд, достойный восхищения. Каким образом авторы получили доступ к результатам изыскательских работ пяти золотодобывающих компаний, можно было только догадываться – режим секретности был более строгим, чем у многих разведывательных служб. Но цифры были настоящими. Он особенно тщательно проверил данные, якобы полученные от компании «Сондер дитч». Все было правильно. Значит, и в данных других четырех компаний не следовало сомневаться.

Имена авторов доклада были легендарными. Это были лучшие специалисты в данной области. Их мнение высоко ценилось на Харли-стрит. Вывод, к которому они пришли, был крайне убедительным. Он заключался в следующем: если пробурить тоннель с уровня шахты «Сондер дитч» сквозь дайку Биг Диппер, он пройдет под водоносным слоем известняка и попадет в немыслимо богатый золотоносный пласт.

В лекции, которую ему прочел тучный кредитор, не было необходимости. Манфред и так прекрасно понимал открывающиеся перед ним возможности. Человек, приказавший пройти сквозь Биг Диппер, станет героем. Он неизбежно будет председателем группы, когда эта должность станет вакантной.

Впрочем, на этом возможности не исчерпывались. Человек, купивший акции «Сондер дитч» перед проходом дайки, становился сказочно богатым после ее прохода. Он уже не зависел от жены, мог вести жизнь согласно своим вкусам и пристрастиям.

Манфред продул бритву и убрал ее в портфель. Надевая свежую рубашку, он напевал:

Heute ist der shonste Tag
In meinem Leben*.

Он собирался позвонить Айронсайдсу прямо из аэропорта, как только пройдет таможню. Айронсайдс приедет в воскресенье утром и получит приказ.

Завязывая шелковый галстук, Манфред вдруг понял, что стоит на пороге новой жизни, что события следующих нескольких месяцев возвысят его над обычными людьми.

Это был шанс, которого он ждал, ради которого работал все эти годы.

43

«С момента последнего визита обстоятельства изменились полностью», – подумал Род, подъезжая к уже знакомому дому.

Он припарковал «мазерати», выключил двигатель и посидел несколько минут, оттягивая встречу с человеком, который обеспечил ему продвижение по службе и которого он, в свою очередь, наградил парой развесистых рогов.

«Крепись, Айронсайдс», – подбодрил он себя мысленно и направился через лужайку к дому.

---

* Сегодня самый удачный день в моей жизни *(нем.)*.

Терри сидела в шезлонге на террасе. Вокруг были раскиданы воскресные газеты.

– Доброе утро, мистер Айронсайдс, – сказала она, когда он поднялся по ступеням, – мой муж в кабинете. Надеюсь, вы помните, как туда пройти.

– Благодарю вас, миссис Стайнер, – ответил Род подчеркнуто официальным тоном, а потом прорычал, поравнявшись с шезлонгом: – Я готов съесть тебя без соли.

– Не потеряй аппетит, мой прекрасный зверь. – Терри облизала губы кончиком языка.

Через пятнадцать минут похолодевший от напряжения Род с каменным лицом стоял перед столом Манфреда Стайнера. Когда он заставил себя заговорить, ему показалось, что губы вот-вот лопнут от усилия.

– Вы хотите, чтобы я прошел сквозь Биг Диппер? – прохрипел он.

– И не только, мистер Айронсайдс. Я хочу, чтобы вы завершили проходку в течение трех месяцев, причем в полной тайне. – Тон Манфреда был официальным.

Даже в воскресенье он был одет как для торжественного приема – белая сорочка, темный костюм.

– Тоннель должен пройти от ствола шахты номер один на шестьдесят шестом уровне до соединения со скважиной СД номер три в двухстах пятидесяти футах за дайкой.

– Нет. – Род покачал головой. – Ничего не выйдет. Никто не отважится на такое. Бог знает что находится по ту сторону, но наверняка что-то скверное.

– Почему вы так в этом уверены? – мягко спросил Манфред.

– Это знают все в Китченервилле.

– Все же объясните.

– Тяжело объяснить. – Род с трудом подбирал слова. – Это нужно чувствовать. Если ты давно занимаешься этим делом, приходит шестое чувство, которое предупреждает тебя...

– Чепуха, – прервал его Манфред. – Мы, слава Богу, давно уже не верим в колдовство.

– Это не колдовство, а опыт, – сердито возразил Род. – Вы видели результаты изыскательских работ по ту сторону дайки?

– Конечно. Содержание золота в пробах СД номер три составило несколько тысяч пеннивейтов.

– А в других скважинах не было обнаружено ничего, кроме поганого грунта, брызжущего конской мочой.

Манфред густо покраснел.

– Прошу вас впредь не говорить в этом доме на кабацком языке.

Род потерял дар речи от удивления, а Манфред продолжил:

– Чему вы поверите больше – вашему шестому чувству или мнению этих трех человек? – Он назвал имена.

– Они лучшие специалисты в этой области, – неохотно согласился Род.

– Прочтите это. – Манфред бросил на стол папку и отправился мыть руки.

Род взял папку, открыл ее и немедленно ушел с головой в чтение. Через десять минут, не отрывая глаз от доклада, он достал из кармана пачку сигарет.

– Не курить! – рявкнул Манфред.

Через три четверти часа Род закрыл папку. Все это время Манфред неподвижно сидел за столом, единственным признаком жизни был блеск его глаз.

– Как вам удалось получить все эти цифры? – удивленно спросил Род.

– Вас это не касается. – Манфред забрал у него папку. Это было первое его движение за последние три четверти часа.

– Вот оно что, – пробормотал Род. – Вода содержится только в известняке, в ближних к поверхности слоях. А мы пройдем под ними! – Он вскочил со стула и быстро заходил перед столом Манфреда.

– Вы удовлетворены? – спросил Манфред, но ответа не дождался. – Благодаря мне вы получили повышение, хотя, уверяю вас, были более достойные кандидатуры. Я могу вас уничтожить, разорвать на части и рассказать всем, что вы не способны работать. В этом случае никто никогда не рискнет связаться с вами.

Род это прекрасно понимал.

– В то же время, если мы откроем богатейший пласт, часть славы достанется и вам.

И это было правдой. Род остановился в нерешительности. Можно ли было верить докладу, если интуиция говорила совершенно обратное? Когда он думал о том, что могло находиться за дайкой, все его тело пронзала дрожь. Тем не менее доклад был весьма убедительным. А он мог ошибаться. Авторы доклада действительно были специалистами, а Манфред, несомненно, мог выполнить угрозы.

– Вы дадите мне письменное распоряжение? – спросил он наконец.

– А что вам даст такое распоряжение? – ответил вопросом на вопрос Манфред. – Решение проводить изыскательские работы или нет принимает генеральный директор. В случае неудачи, в чем я сомневаюсь, мое письменное распоряжение не послужит вам оправданием. Если бы вы, допустим, убили мою жену, мое письменное распоряжение сделать это не спасло бы вас от виселицы.

Опять правда. Род понимал, что его загнали в угол. Он мог отказаться и погубить свою карьеру. Или согласиться и нести полную ответственность за последствия.

– Нет, – сказал Манфред, – никаких письменных инструкций не будет.

– Ублюдок, – едва слышно произнес Род.

– Я же предупреждал, что вы не сможете отказать мне, – почти ласково сказал Манфред.

Род больше не испытывал чувства вины от связи с Терезой.

– Вы дали мне три месяца на проходку тоннеля сквозь Биг Диппер. Хорошо, Стайнер. Вы получите этот тоннель!

Он резко развернулся и вышел из комнаты.

Терри ждала его у зарослей протея на дальней лужайке. Увидев его лицо, она сразу же подбежала к нему.

– Род, что случилось? – Она схватила его за руку и заглянула в глаза.

– Осторожно!

Она виновато отступила.

– В чем дело?

– Этот поганый гестаповец, – прорычал Род и тут же извинился: – Прости, Терри. Он – твой муж.

– Что он сделал?

– Я не могу сказать тебе здесь. Когда мы увидимся?

– Я могу найти предлог и уехать из дома чуть позже. Жди меня в квартире.

Потом она сидела на диване под картиной Паравано и слушала его. Он рассказал ей все: о докладе, об угрозах, о приказе пройти сквозь Биг Диппер.

Она выслушала, но ничего не сказала, ни одобрив, ни осудив принятое им решение.

Манфред отошел от окна и вернулся к столу. Он видел, как жена протянула руку, видел, как задала вопрос, потом виновато отступила. Даже на таком расстоянии никаких сомнений в мотивах ее поведения не было.

Он опустился в кресло и сложил перед собой руки на столе. Впервые он задумался о Роде Айронсайдсе как о человеке, а не инструменте.

Наказание не могло быть физическим и немедленным, особенно учитывая рост, ширину плеч и очевидную физическую силу противника. Сначала нужно было пройти сквозь Биг Диппер.

«Остальное может подождать, – подумал он холодно. – В этой жизни хватит времени на все».

44

Джонни и Дэйви Деланж сидели на стульях перед столом Рода. Оба очень неуютно чувствовали себя в этом огромном кабинете с огромными, во всю стену, окнами, выходящими на долину Китченервилля.

«Неудивительно, – подумал Род, – даже я еще не привык к нему. Ковер от стены до стены, кондиционер, оригиналы картин на стенах, отделанных ценными породами дерева».

– Я вызвал вас потому, что вы являетесь лучшими работниками на этой шахте, – начал он.

«Оловянные Ребра что-то задумал», – подумал Дэйви, испытывая природную подозрительность члена профсоюза к руководителю компании.

«Для начала несколько слов от нашего спонсора, потом приступаем к основной программе», – усмехнулся про себя Джонни.

Род по их лицам мгновенно понял, что именно они думают. Ему самому когда-то платили сдельно. «Прекрати рассыпать комплименты, – остановил он себя. – На этих двух крутых парней они не произведут никакого впечатления».

– Я вывожу вас из забоя и поручаю выполнение специального задания. Будете по очереди работать в дневную и ночную смены. Задание – секретное, и о результатах вы будете докладывать только мне.

Они ничего не сказали, но в их взглядах чувствовалась настороженность.

– Один взрыв в день, с обычными процедурами? – наконец нарушил молчание Джонни. Он, как всегда, думал только о деньгах. При такой проходке он мог заработать чуть больше обычной зарплаты.

– Нет, – покачал головой Род. – Сверхскоростная проходка, несколько взрывов в день, максимальные расценки.

Оба брата мгновенно сосредоточились и наклонились вперед.

– Несколько взрывов? – переспросил Дэйви. Это значило, что можно было взрывать породу по готовности. Хорошая бригада могла произвести три-четыре взрыва за смену.

– Сверхскоростная? – уточнил Джонни. Такой язык он понимал. Такая проходка обычно применялась в аварийных случаях, например, когда было необходимо спасти людей из завала. Подразумевалось молчаливое согласие руководства на нарушение правил безопасности ради скорости. «Черт, – подумал он, – я сделаю четыре-пять взрывов за смену».

– Максимальные расценки? – спросили они вместе. Это означало двадцатипроцентную надбавку к обычным ставкам забойщика. Им было предложено целое состояние.

Род кивнул и подождал реакцию, которая, как он знал, последует незамедлительно.

Оба брата стали искать подвох. Они обдумывали предложение так же тщательно, как домохозяйка осматривает помидоры, предложенные по слишком низкой цене.

– Какова длина тоннеля? – спросил Джонни. Если тоннель будет коротким – всего несколько сотен футов – предложение не заслуживало внимания. Они только успеют разогнаться.

– Примерно шесть тысяч футов, – ответил Род.

– Направление? – уточнил Дэйви.

– Мы пройдем сквозь Биг Диппер к пласту на глубине шесть тысяч футов.

– Господи! Биг Диппер. – Джонни был поражен, но не напуган. Его возбуждала опасность. Родись он раньше, Джонни стал бы превосходным пилотом истребителя.

– Биг Диппер, – пробормотал Дэйви. Ничто в этом мире не могло заставить его проложить тоннель сквозь дайку. Он испытывал почти религиозный ужас. Само название таило в себе скрытую угрозу и необъяснимый ужас. Вода, газ, хрупкие породы, прорывы: кошмар для любого горняка.

Но риск был оправдан. Он мог заработать десят – одиннадцать тысяч рандов.

– Хорошо, мистер Айронсайдс, – сказал Дэйви, – я выхожу в ночную смену, Джонни берет на себя дневную.

Он принял решение продолжать работу, пока тоннель не подойдет к дайке, а потом отказаться. Проходить сквозь Биг Диппер его не заставит никто, пусть это даже грозит увольнением.

Потом, учитывая безукоризненный послужной список, его с радостью возьмет любая компания. Убедить брата последовать за собой не составит большого труда.

– Отлично, Дэйви! – облегченно воскликнул Джонни. Он думал, что брат откажется от работы.

Теперь-то он точно купит Хетти «мустанг», а может быть, даже «эм-джи-би джи-ти». Они поедут в Дурбан, а потом...

Род был удивлен быстрым согласием Дэйви, потом заметил его бегающий взгляд. «Этот парень что-то задумал, – решил он. – Нужно не спускать с него глаз».

Подготовка заняла всего одну смену. Род сам выбрал стартовую точку. Штрек отходил от ствола шахты на шестьдесят шестом уровне под углом. В трехстах футах находилось небольшое помещение, раньше служившее ремонтной мастерской для вагонеток, а теперь заброшенное. Для обеспечения секретности навесили две огромные двери, и главный геодезист шахты еще раз все проверил с помощью инструментов и указал направление проходки прямо на дайку, за которой находилось неведомое.

У входа в бывшую мастерскую развесили предупредительные плакаты:

ВНИМАНИЕ!
ВЕДУТСЯ ВЗРЫВНЫЕ РАБОТЫ.

Начальники отделов получили распоряжение не посылать сюда людей, движение вагонеток было организовано по запасному штреку.

На дверях висел еще один плакат:

ОПАСНО! ГАЗ!
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОТКРЫТЫМ ОГНЕМ ЗАПРЕЩЕНО.

Из-за включений угля и других органических веществ в верхних пластах шахта «Сондер дитч» считалась газоопасной, и работы на ней регулировались соответствующими инструкциями. Спички, зажигалки или другие производящие огонь или искры приспособления нельзя было вносить на территорию новых разработок, так как риск появления метана был постоянным.

Не имеющий цвета, запаха и вкуса газ, обнаружить наличие которого можно было только при помощи специальной лампы, представлял собой реальную постоянно присутствующую опасность. Наличие всего девяти процентов метана в воздухе грозило взрывом. Принимались все возможные меры для предотвращения случайного взрыва газа, который мог попасть в забой из любой трещины или полости в породе.

От главной магистрали были подведены трубопроводы, подающие сжатый воздух для отбойных молотков под давлением шестьдесят футов на квадратный дюйм. В помещение бывшей мастерской подвезли отбойные молотки, кирки, ломы, кувалды, лопаты и другие необходимые инструменты.

В самую последнюю очередь опустили и сложили в красные металлические ящики взрывчатку. И 23 октября 1968 года через полчаса после главного взрыва Дэйви Деланж с бригадой вышел из клети и прошел в бывшую мастерскую.

Дэйви и мрачный босс-бой подошли к стене, на которой геодезист отметил контур будущего тоннеля, остальные начали подготовку к работе. Каждый точно знал, что именно от него требовалось.

Бурильщики и их помощники уже подтаскивали тяжеленные отбойные молотки.

– Здесь, здесь, здесь и здесь! – указал Дэйви каждому из них место бурения и отступил назад. – Шайа! – отдал он команду. – Начали.

С оглушительным грохотом заработали отбойные молотки. Проходка началась.

Пробурив шпуры, бурильщики отступили, Дэйви заложил заряды. Шнуры висели как хвосты белых мышей из нор. Каждый был строго определенной длины – для обеспечения необходимой последовательности взрывов.

– Очистить штрек! – По ушам резанул пронзительный свист дудки босс-боя, тяжело затопали башмаки по штреку, потом в стерильной чистоте штрека воцарилась тишина.

– Чииса! – Дэйви и босс-бой поднесли сыплющие искрами, как бенгальские огни, воспламенители к концам шнуров, и вся комната озарилась голубоватым пламенем. На стенах заплясали уродливые тени Дэйви и его помощника. – Все горят. Уходим! – Они присоединились к бригаде, ожидавшей их в конце штрека.

Взрыв ударил по ушам, и легкая, установившаяся следом тишина была поразительной.

Дэйви взглянул на часы. По закону в забой можно было входить только через тридцать минут после взрыва. Риск был велик. Запоздалый взрыв мог выжечь глаза. В любом случае ядовитые азотистые пары, висящие в воздухе, могли уничтожить волосяные мешочки в ноздрях человека и сделать его более уязвимым для частиц пыли, стремящихся попасть в легкие.

Дэйви подождал эти тридцать минут, пока вентиляторы очищали воздух от паров и пыли.

Потом один пошел к забою, захватив с собой индикаторную безопасную лампу. Крохотный голубоватый огонек горел за мельчайшей бронзовой сеткой, закрывающей доступ метана в воздухе к огню.

Остановившись перед круглым провалом в стене, Дэйви проверил воздух на содержание газа. Он несколько минут не сводил глаз с язычка пламени, потом, удовлетворенный, погасил лампу.

– Босс-бой! – крикнул он, и сваи быстро подошел, разматывая за собой шланг. – Поливай!

Только когда сама стена и обломки породы под ногами заблестели от воды, Дэйви позволил бригаде приблизиться к забою.

– Начали! – Первыми приблизились члены бригады с огромными двенадцатифутовыми ломами. – Убрать! Обеспечить безопасность! – Они набросились на груды обломков. Разбившись по двое, они ворочали огромные глыбы, высекая концами ломов ослепительные искры. Поток обломков становился все слабее и слабее, наконец скала над их головами стала чистой и прочной.

Только после этого Дэйви перелез через гору камней к забою и наметил следующие шпуры.

За его спиной бригада грузила камни в вагонетки, бурильщики уже готовили к работе отбойные молотки.

За ночь бригада Дэйви сделала три взрыва. Поднимаясь в клети навстречу розоватому рассвету, он был доволен результатами.

«Возможно, завтра удастся сделать четыре взрыва», – подумал он.

В раздевалке он принял душ, такой горячий, что кожа ощетинилась и покраснела, густо намылил волосы на голове, под мышками и в паху. Потом он вытерся грубым толстым

полотенцем и быстро оделся. Садясь за руль своего потрепанного «форда-англиа», он чувствовал себя счастливым, усталым и голодным. Ему безумно хотелось спать.

Он въехал в Китченервилль на скорости сорок миль в час. Солнце уже показалось над хребтом Краалкоп. Воздух был туманно-розовым, тени на земле – длинными, и он вдруг подумал, как прекрасно будет встречать рассвет на собственной ферме.

На окраине города он повстречал «монако» Джонни. На бешеной скорости тот мчался в сторону города. Джонни помахал рукой и прокричал что-то, но Дэйви не расслышал его из-за шума ветра и мотора.

– Он доиграется. – Дэйви неодобрительно покачал головой. – Здесь предел скорости – сорок пять миль.

Он поставил «форд» в гараж и вошел в дом через кухню. Там возилась у плиты служанка.

– Три яйца, – сказал он ей и прошел в свою спальню. Снял и бросил на кровать куртку, потом быстро вернулся к двери и проверил, есть ли кто-нибудь в коридоре. Все тихо, только гремит посудой служанка на кухне.

Дэйви скользнул взглядом по стене. Дверь в спальню Джонни была приоткрыта. Сердце его забилось сильнее, он тяжело задышал, чувствуя возбуждение и вину одновременно.

Заглянув в комнату, он едва не ахнул от радости. Сегодня было еще лучше, чем обычно.

Хетти всегда спала крепко. Джонни часто говорил, что разбудить ее можно только шашкой динагеля. Она никогда не надевала ночную рубашку и никогда не просыпалась раньше десяти тридцати. Она лежала на животе, прижав подушку к груди. Ее волосы выглядели особенно яркими на фоне зеленых простыней. Утро было теплым, она откинула одеяло во сне.

Дэйви замер у двери. Задрожало от возбуждения веко, потом он почувствовал, как по коже из-под мышки заскользила капля пота.

На кровати Хетти что-то пробормотала во сне, подтянула к груди колени и перевернулась. Поднялась и упала на лицо рука, прикрыв глаза.

Она глубоко вздохнула. Тяжелая грудь качнулась и замерла, изменив форму под собственным весом. Волосы в подмышках и внизу живота были блестящими и красно-золотистыми, словно языки пламени, а сама она была высокой, гладкой, шелковистой и белой.

Она снова томно задвигалась в постели, потом успокоилась, видимо, глубоко заснула.

– Завтрак готов, хозяин! – крикнула с кухни служанка.

Дэйви виновато вздрогнул и ушел из коридора. К своему изумлению, он понял, что практически задыхается, как будто пробежал огромное расстояние.

46

Джонни Деланж в лихо заломленной каске и с сигаретой во рту стоял, прислонившись к стене штрека.

Раздались взрывы в забое. Джонни распознал каждый из них, а когда стих рокот последнего, оторвался от стены и зашагал к забою.

– Все в порядке, Большой Король, – бросил он через плечо. – За мной.

Джонни не собирался тратить впустую тридцать минут. Сейчас он и Большой Король обмотали лица шарфами и смело вошли в туман паров и пыли. Босс-бой тащил за собой шланг и распылял воду, чтобы побыстрее осадить пыль.

Подойдя к забою, Джонни склонился над индикаторной лампой. Даже он уважал метан.

– Ломы! – крикнул он наконец, не дожидаясь, пока Большой Король обольет водой все камни. Они подошли, похожие на привидения в густом тумане. За их спинами уже были видны бурильщики с отбойными молотками.

Слегка нарушив правила безопасности и рискнув, Джонни на сорок пять минут быстрее Дэйви ввел бурильщиков в забой.

Потом он ушел готовить заряды и шнуры, а когда вернулся через несколько минут, вся бригада пыталась сдвинуть с места гигантский камень, отвалившийся целиком от стены. Пятеро молотили по камню четырнадцатифунтовыми кувалдами, пытаясь раздробить его на более мелкие куски. Большой Король стоял рядом и издевался:

– Вы похожи на толпу девственниц, дробящих просо.

Кувалды гремели и высекали искры из камня. Пот струился из каждой поры на теле рабочих, разлетался веером с волос при каждом ударе.

– Шайа! – подбадривал их Большой Король с издевкой. – Да вы не в силах разбить и яичную скорлупу. Бейте по-настоящему. Бейте!

Рабочие по очереди отходили от камня, тяжело ловя воздух широко открытыми ртами, ослепшие от пота.

– Хорошо, – вмешался Джонни. Камень задерживал следующий взрыв. Придется применить крайние меры. – Я взорву его, – сказал Джонни.

Любой правительственный инспектор по технике безопасности побледнел бы, услышав эти слова.

– Отойдите и отвернитесь, – приказал босс-бой бригаде. Он снял с одного из рабочих сетчатые очки, защищающие глаза от осколков камня, и протянул их Джонни.

Джонни достал из полотняной сумки шашку динагеля. Она была похожа на свечу, завернутую в желтую промасленную бумагу.

Он аккуратно отрезал кусочек толщиной не более двух однопенсовых монет, остальное положил в сумку и передал ее Большому Королю.

– Отходи.

Босс-бой повиновался.

Джонни внимательно осмотрел камень и положил кружок взрывчатки точно в центр. Потом он опустил очки на глаза и взял кувалду.

– Отвернитесь все. – Он прицелился, потом одним плавным и быстрым движением опустил кувалду на динагель.

Взрыв прогремел оглушительно в замкнутом пространстве штрека. У Джонни еще долго звенело в ушах. По щеке, рассеченной крошечным осколком, потекла капля крови, запястья ныли от только что испытанного удара.

– Гвениама! – восхищенно пробормотал Большой Король. – Это не человек, а лев.

Взрыв расколол камень на три клиновидных куска. Джонни поднял очки на лоб и вытер кровь со щеки ладонью.

– Убирайте его к чертовой матери. – Он довольно усмехнулся и повернулся к Большому Королю. – Пойдем, – он кивнул в сторону забоя, – поможешь мне заложить заряды.

Они работали быстро – закладывали заряды в шпуры и проталкивали их на место специальными палками.

Для человека, не получившего лицензию взрывника, подобное занятие могло закончиться штрафом в сто рандов, или двухмесячным заключением, либо и тем и другим. У Большого Короля лицензии не было, но его помощь позволила сэкономить еще пятнадцать минут.

Джонни и его бригада произвели за смену пять взрывов. Но он в отличие от своего брата поднимался на поверхность недовольный.

– Завтра мы взорвем скалу шесть раз, – сказал он Большому Королю.

– А может быть, семь, – ответил тот.

Хетти ждала его в гостиной. Она быстро подбежала и прыгнула ему на шею.

– Принес мне подарок? – спросила она, щекоча губами его ухо.

Джонни не мог удержаться от смеха. Очень редко он приходил домой без подарка.

– Принес! – Она принялась ощупывать его карманы. – Здесь! – Из внутреннего кармана пиджака была мгновенно извлечена белая коробочка для ювелирных украшений.

– Ого! – Хетти открыла коробочку, и выражение ее лица немного изменилось.

– Они тебе не нравятся? – спросил Джонни обеспокоенно.

– Сколько они стоят? – спросила она, рассматривая пару фарфоровых серег с яркими изображениями попугаев.

– Ну, – Джонни смущенно замялся, – понимаешь, Хетти, сейчас конец месяца, у меня мало денег, поэтому я не могу до зарплаты...

– Сколько?

– Ну, понимаешь, – он затаил дыхание, – два ранда пятьдесят.

– Очень миленькие. – Она мгновенно потеряла к ним всякий интерес, небрежно бросила коробку на каминную доску и направилась на кухню.

– Слушай, Хетти, – крикнул ей вслед Джонни, – может, поедем в Фочвилль? Там сегодня танцы. Что скажешь?

Хетти быстро вернулась.

– Отлично! – Она снова ожила. – Поехали. Бегу переодеваться.

Из своей спальни вышел Дэйви. Ему пора было заступать на смену.

– Эй, Дэйви, у тебя есть деньги? – остановил его Джонни.

– Опять ничего не осталось?

– Только до зарплаты.

– Послушай, Джонни, в начале месяца ты получил одиннадцать сотен рандов. Неужели все истратил?

– За следующий месяц я получу две или три тысячи рандов, – подмигнул ему Джонни. – Тогда увидишь, как надо тратить деньги. Ну, Дэйви, дай полтинник. Я веду Хетти на танцы.

47

Для Рода дни мелькали как телеграфные столбы за окнами несущейся машины. Каждый день приносил ему еще большую уверенность в себе. Он никогда не сомневался в том, что справится с подземными работами, а сейчас начал понимать, что для него нет ничего невозможного и на поверхности. Он знал, что начатая им кампания по снижению стоимости производства приносит свои результаты, но они станут очевидны для всех только после опубликования квартального отчета.

Тем не менее он часто не мог заснуть в своем новом доме на хребте, в таком просторном, что немногочисленная мебель терялась в нем. Помимо миллионов мелких проблем были и весьма серьезные.

Утром в его кабинет вошла Лили Жордан.

– Мистер Иннес хотел бы быть принятым в девять.

– Что ему нужно?

Херберт Иннес был менеджером обогатительного производства «Сондер дитч».

– Мне он не сказал, – ответила Лили. Прошел один месяц, за ним другой, но Лили от него не ушла, и Род полагал, что она его приняла.

Херберт Иннес, дородный и краснолицый, с удовольствием пил чай, принесенный мисс Жордан, и детально описывал Роду соревнования по гольфу, в которых он принял участие в воскресенье. Род в конце концов не выдержал:

– О'кей, Херби. В чем проблема?

– У нас утечка, Род.

– Серьезная?

– Достаточно. – Для него потеря одной-единственной унции золота уже была катастрофой.

– Можете назвать цифры?

– Примерно пара сотен унций в неделю.

– Да, достаточно серьезные потери, – согласился Род.

Двадцать тысяч рандов в месяц, двести сорок тысяч – в год.

– Есть идеи?

– Это продолжается довольно долго, еще со времен Фрэнка Леммера. Мы все испробовали.

Род имел весьма туманное представление об этом производстве, но никогда никому в этом не признавался. Он знал, что руда взвешивалась и исследовалась после подъема на поверхность. Определялась концентрация золота, и составлялся достаточно точный прогноз, который потом сравнивался с реальными результатами. Если расхождение было значительным, производилось расследование.

– Каков процент извлечения за последний квартал? – поинтересовался Род.

– Девяносто шесть и семьдесят три сотых.

– Совсем неплохо, – признал Род.

Невозможно извлечь все золото из руды, но Херби удавалось извлечь почти все, а именно девяносто шесть и семьдесят три сотых процента. Это говорило о том, что лишь незначительная часть недостающих двухсот унций попадала на свалку и в канализацию.

– Знаешь что, Херби, – принял решение Род, – я зайду к тебе сегодня. Пройдем вместе по всей цепочке, и может быть, я свежим глазом что-нибудь увижу.

– Возможно. – Херби был настроен скептически. – Все остальное мы уже испробовали. Кстати, сегодня мы разливаем металл. В какое время тебя ожидать?

– В два часа.

Они начали со здания копра, куда каждые четыре минуты поднималась вагонетка с рудой или пустой породой и сбрасывала свое содержимое в бетонный тоннель.

Руду сбрасывали в массивные емкости для хранения, а пустая порода конвейером подавалась на промывку, а потом сбрасывалась на свалку. Таким образом собирались и не пропадали даже те немногочисленные крупинки золота, которые попали в пустую породу.

Херби наклонился к уху Рода, чтобы перекричать грохот падающей вниз руды.

– Здесь не о чем волноваться. Слишком много камней и мало блеска. – Так называли на шахтах золото. – Чем ближе к концу цепочки, тем опасней.

Род кивнул и последовал за Хербертом по стальной лестнице к двери под емкостями для хранения. Они вошли в подземный тоннель, очень похожий на такой же на сотом уровне.

Такой же бесконечный конвейер, непрерывно забирающий руду из емкостей. Род и Херберт прошли вдоль него и подошли к гигантскому электромагниту. Здесь они остановились ненадолго. Магнит извлекал из руды все случайно попавшие туда куски черного металла.

– Сколько вытащили на прошлой неделе? – поинтересовался Род.

– Четырнадцать тонн. – Он подвел Рода к двери, и они вошли в просторное помещение, напоминающее склад металлолома. Горы ломов, деталей отбойных молотков, лопат, стальных канатов, блоков, цепей, кувалд и других неузнаваемо искореженные кусков металла. Все было ржавым, большая часть не поддавалась восстановлению. Металл был извлечен из руды магнитом.

Род сердито сжал губы. Ему предъявили неоспоримое доказательство небрежности его рабочих, их отношения к собственности компании. Эта груда металлолома представляла собой убытки, исчисляемые сотнями тысяч рандов в год.

– Я займусь этим! – пробормотал он мрачно.

– Если бы один из этих молотков попал в мою дробилку, – печально произнес Херби, – она разлетелась бы на мелкие кусочки.

Конвейерная лента шла дальше резко вверх, и они прошли вдоль нее по узким мосткам. После пятиминутного подъема Херби запыхтел как паровоз. Сквозь отверстия в стальных мостках Род увидел, что они уже поднялись на несколько сотен футов от поверхности.

Конвейер поднимался на самую вершину высокой башни и сбрасывал свой груз в разверстые пасти грохотов. Руда там сортировалась по размеру, и самые большие обломки направлялись в дробилки, где размалывались на куски величиной с кулак, не более.

– Что-нибудь заметил? – спросил Херберт, не скрывая сарказма.

Род только усмехнулся.

Они прошли по казавшимся бесконечными стальным лестницам. Уши Рода скоро взмолились о пощаде от шума грохотов и дробилок.

Наконец они ступили на землю и вошли в цех мельниц. Это было огромное, похожее на авиационный ангар помещение длиной не менее сотни ярдов, а высотой – пятьдесят футов, со стенами из оцинкованного железа, занятое длинными рядами трубных мельниц.

Всего их было сорок, толстых, как котел паровоза, но гораздо более длинных. В один конец каждого цилиндра подавалась руда, предварительно измельченная в дробилках. Трубные мельницы вращались, и стальные шары внутри превращали руду в порошок.

Если раньше шум был сильным, в этом помещении он стал просто невыносимым. Род и Херби даже не пытались разговаривать, пока не оказались в сравнительной тишине цеха первичной очистки.

– Здесь, – пояснил Херберт, – можно начинать волноваться. – Он указал на шестидюймовые трубы, ведущие от мельниц. – По ним подается паста из измельченной руды и воды. Сорок процентов золота уже находится в свободном состоянии.

– Но в эти трубы никто не мог проникнуть, и вы ведь проверили все места возможных утечек? – спросил Род.

Херби кивнул.

– Посмотри лучше сюда, – сказал он.

Вдоль дальней стены размещался ряд клеток. Они были сделаны из толстой стальной сетки с такими маленькими ячейками, что сквозь них невозможно было просунуть даже палец. Тяжелые стальные двери были заперты. Около каждого отсека дежурил банту в белой униформе. Все они манипулировали запорными кранами, которые регулировали поток пасты, подаваемой по трубам.

Херби остановился около одной из клеток.

– Золото! – Он указал внутрь. За сетчатым экраном сероватая паста вытекала на гофрированный резиновый лист, в углублениях которого удерживалось собственным весом свободное золото. Слой его был толстым, как масло на бутерброде, а цвет – маслянисто-желтым на фоне черной резины.

Род схватился за решетку и попробовал ее потрясти.

– Нет, – рассмеялся Херби, – так сюда не попасть.

– Как вы снимаете золото с резины? У кого есть доступ за решетку?

– Лист резины очищается автоматически, – пояснил Херби. – Смотри.

Род впервые заметил, что резиновый лист очень медленно движется, – он представлял собой конвейерную ленту между двумя роликами. Когда лента переворачивалась, тонкие струи воды смывали золото в специальные емкости.

– Сюда есть доступ только у меня, – пояснил Херберт. – Емкости мы меняем ежедневно.

Род вынужден был признать, что здесь утечки быть не может.

Он повернулся и посмотрел на служащих. Они были поглощены своей работой, и Род знал, что каждый из них прошел тщательнейшую проверку, как и все другие рабочие обогатительного комплекса.

– Удовлетворен? – спросил Херби.

– О'кей. – Род кивнул, они вышли и заперли за собой дверь.

* * *

Четыре банту среагировали на их уход мгновенно. Они выпрямились, выражение полной сосредоточенности сменили улыбки облегчения. Один сказал что-то, остальные засмеялись и расстегнули пояса формы. Из брюк они достали длинные куски медной проволоки диаметром в четверть дюйма и просунули их сквозь отверстия защитных экранов.

Кривоногому фотографу понадобился почти год, чтобы изобрести способ изъятия золота из тщательно охраняемых сепараторов. Метод, им разработанный, был, как всегда, до гениального прост.

Ртуть впитывает золото, как промокашка воду. К ней прилипает даже мельчайшая пылинка драгоценного металла. У ртути было еще одно очень полезное свойство: ее можно было намазать на медную проволоку, как масло на хлеб. Этот тонкий слой ртути на проволоке сохранял свои свойства.

Кривая Нога придумал этот способ воровства. Проволока просовывалась сквозь сетку до резинового листа, где начинала притягивать к себе все входившие с ней в контакт крупинки золота. Удобство заключалось и в том, что проволоку можно было легко спрятать в штанах при приближении начальства и таким же образом вынести за территорию цеха.

Каждый вечер Кривая Нога собирал покрытые золотом куски проволоки и выдавал своим сообщникам новые. Каждую ночь в заброшенной шахте за хребтом он выпаривал ртуть и собирал золото.

– Таким образом, – Херберт мог уже нормально разговаривать в цехе химической очистки, – мы забрали свободное золото, но осталось еще сульфидное. – Он предложил Роду сигарету, и они пошли между огромными емкостями, занимающими многие акры. – Мы закачиваем его в емкости и добавляем цианид. Цианид растворяет золото. Затем мы прогоняем получившийся раствор через порошок цинка. Золото осаждается на цинке, который мы потом выжигаем и получаем чистое золото.

Род закурил. Он все это знал, но Херби умышленно устроил ему экскурсию для высокопоставленных лиц. Он протянул зажигалку Херби.

– Может кто-нибудь похитить раствор?

Херберт затянулся и покачал головой.

– Помимо всего прочего, цианид является сильным ядом. – Он взглянул на часы: – Три тридцать. Уже началась разливка. Пойдем в плавильный цех?

Плавильный цех был единственным кирпичным зданием среди построек из оцинкованного железа. Он стоял чуть в отдалении. Окна располагались высоко и были защищены толстыми решетками.

Херби позвонил, открылся глазок в двери. Его и Рода немедленно узнали, и дверь открылась. Они вошли в маленькую клетку, открыть которую было возможно, только закрыв входную дверь.

– Добрый день, мистер Айронсайдс, мистер Иннес. Извините, вам следует расписаться вот здесь. – Охранником здесь служил отставной полицейский с брюшком и кобурой на боку.

Они расписались, и охранник подал знак своему коллеге в вышке на территории цеха. Тот зажал помповое ружье под мышкой и нажал на кнопку.

Дверь клетки распахнулась.

Вдоль дальней стены размещались электрические печи, очень похожие на обычные в пекарне.

На бетонном полу находились только литейные формы и механическая разливочная машина с тигелем в стальных руках.

Рабочие литейного цеха даже не подняли голов, когда к ним подошли Род и Херби.

Разливка уже началась, тигель был наклонен, и из его носика в форму лилась тонкая струйка расплавленного золота. Золото шипело, дымило и трещало, по его остывающей поверхности пробегали красные и голубые искорки.

Сорок или пятьдесят готовых слитков уже лежали на стоящей рядом тележке на резиновых колесах. Каждый слиток был чуть меньше, чем коробка из-под сигар. Поверхность была грубой, как у любого только что отлитого металла.

Род остановился и погладил один из слитков. Он был еще горячим, маслянистым на ощупь, как и положено «новоиспеченному» золоту.

– Сколько? – спросил он Херби.

Тот пожал плечами:

– Около миллиона рандов, может, больше.

«Вот как выглядит миллион рандов, – удивился Род. – Я ожидал большего».

– Что будете делать дальше?

– Взвесим, выбьем вес и номер партии на каждом слитке, – пояснил Херби и указал на бронированную круглую дверь сейфа в стене. – Там оно пролежит одну ночь, а утром его заберет бронированный грузовик и увезет в Йоханнесбург. – Херби направился к выходу из цеха. – Проблема не здесь, утечка возникает задолго до того, как золото попадет в плавильный цех.

– Мне нужно несколько дней, чтобы все обдумать, – сказал Род. – Потом снова встретимся и попробуем найти решение.

Он продолжал думать об этом и сейчас, лежа в тишине и выкуривая сигарету за сигаретой.

Пока на ум пришло только одно решение – следовало расставить полицейских по всем цехам обогатительного комплекса.

Это была бесконечная игра, в которой были заняты все компании и рабочие их обогатительных цехов. Чей-то изобретательный ум придумывал новый способ кражи золота. Компания узнавала об этом при сравнении прогнозируемых и действительных объемов производства и начинала искать решение, на что уходили иногда неделя, иногда месяц, иногда год. В конце концов способ кражи раскрывался, следовали наказания, суровые приговоры, компания ставила в известность о случившемся своих соседей, и все замирали в ожидании очередного изобретателя.

Золото обладало многими замечательными свойствами: весом, коррозиестойкостью, но не последним из них была способность вызывать у человека алчность.

Род потушил сигарету, повернулся на бок и натянул одеяло до шеи. Прежде чем сон сморил его, в голову пришла еще одна главная проблема, не дававшая покоя уже многие дни.

Братья Деланж прошли почти тысячу пятьсот футов за две недели. При такой скорости они упрутся в Биг Диппер через семь недель, и тогда даже кража золота покажется не проблемой, а детской забавой.

48

В то время как Род Айронсайдс пытался заснуть, Большой Король пил вино со своим деловым партнером и соплеменником Филемоном Н'Габаи по кличке Кривая Нога.

Они сидели друг напротив друга на паре расшатанных бамбуковых стульев, поставив на пол между собой керосиновую лампу и галлонную бутыль джерепиго. Запах помета летучих мышей был не слишком хорошим фоном для аромата вина, что, впрочем, не сильно их волновало, так как пили они не ради вкуса, а ради результата.

Кривая Нога наполнил протянутый Большим Королем дешевый стакан, а пока вино булькало из бутылки, продолжил свою атаку на личность и моральные качества португальца Хосе Алмейды.

– Я давно уже носил эти слова в сердце, хотел поговорить с тобой, но ждал, когда смогу устроить западню этому человеку. Он как лев, убивающий наши стада. Мы слышим его рычание по ночам, видим его следы рядом с трупами наших животных, но не можем встретиться лицом к лицу.

Большому Королю нравились речи Кривой Ноги. Он слушал его и пил как воду вино, которое услужливо подливал ему фотограф.

– И я сказал себе так: «Филемон Н'Габаи, подозревать этого человека недостаточно. Необходимо собственными глазами увидеть, как он ест твое мясо».

– Как, Кривая Нога? – Голос Большого Короля стал хриплым – уровень в бутылке падал постоянно, оставалось уже меньше половины. – Скажи мне, как мы возьмем этого человека? – Он сжал кулак размером с хорошую гроздь бананов. – Я готов...

– Нет, Большой Король, – фотограф был шокирован предложением гиганта, – ты не должен причинять ему вреда. Как мы будем тогда продавать наше золото? Мы должны доказать, что он обманывает нас, показать ему, что мы знаем это. Потом продолжим работать как всегда, а он будет нам выплачивать нормальную цену.

Большой Король на некоторое время задумался, потом вздохнул с сожалением:

– Ты прав, Кривая Нога. А я бы все-таки... – Он снова показал ему кулак, а калека торопливо продолжил:

– Для этого я послал за моим братом, который работает водителем грузовика на компанию «С. А. Скейл» в Йоханнесбурге, и он привез мне гирьку весом точно в восемь унций. – Он достал из кармана металлический цилиндр и передал его Большому Королю, который принялся рассматривать предмет с интересом. – Сегодня, когда португалец взвесит твое золото, скажи ему: «Друг мой, взвесь для меня это на своих весах», – и ты увидишь, как точны его весы. В дальнейшем он всегда будет взвешивать это на своих весах, перед тем как взвесить наше золото.

– Хау! – Большой Король довольно хмыкнул. – Ловко придумано, Кривая Нога.

Взгляд Большого Короля был туманным, глаза налились кровью. Джерепиго – это дешевое крепленое вино, а он выпил его почти галлон. Он сидел напротив португальца в задней комнате магазина и следил, как тот пересыпает золотой песок на тарелку ювелирных весов. Желтый конус тускло заблестел под одной-единственной лампочкой под потолком.

– Сто двадцать три унции. – Алмейда бросил взгляд на Большого Короля из-под сальной прядки черных волос. Лицо его было бледным от недостатка солнца, на нем четко выделялась синеватая щетина.

– Верно, – подтвердил Большой Король. Перегар во рту был таким же сильным, как и чувство неприязни к этому человеку.

Алмейда снял тарелку с весов и аккуратно пересыпал песок в бутылку с винтовой пробкой.

– Принесу деньги, – сказал он, вставая со стула.

– Подожди! – воскликнул Большой Король, и португалец удивленно остановился.

Гигант достал гирю из кармана куртки и положил ее на стол.

– Взвесь это на своих весах.

Алмейда бросил быстрый взгляд на гирьку, потом посмотрел на Большого Короля. Он опустился на стул и откинул волосы со лба. Он хотел что-то сказать, но в горле запершило.

– Почему? Что-нибудь не так? – наконец выдавил он из себя. Он впервые понял, как огромен сидящий перед ним человек, к тому же уловил запах спиртного.

– Взвесь! – Голос Большого Короля звучал спокойно, без злобы, лицо же совсем ничего не выражало, только взгляд налитых кровью глаз был убийственным.

Алмейда почувствовал жуткий страх. Он понял, что произойдет, если откроется его обман.

– Хорошо, – сказал он, но в голосе его прозвучала фальшь. Пистолет лежал в ящике стола рядом с правым коленом. Он был заряжен, но поставлен на предохранитель, впрочем, это задержит его всего на мгновение. Возможно, стрелять не придется, с пистолетом в руке он вновь будет контролировать ситуацию.

Если же стрелять все-таки придется, пуля сорок пятого калибра остановит даже такого гиганта, как этот банту. «Самооборона. – Мозг его уже искал оправдание. – Грабитель. Я поймал его с поличным, он бросился на меня. Самооборона. Должно сработать. Мне поверят. Но как достать пистолет? Попытаться сделать это незаметно или выхватить из ящика?»

Между ними стоял стол. Португалец решил, что несколько секунд потребуется банту для того, чтобы понять, что происходит, еще несколько на то, чтобы обойти стол. Времени должно было хватить.

Он дернул ручку ящика, тот открылся. Ногти царапали дерево, пока он судорожно пытался нащупать огромный черный американский пистолет. Наконец пальцы сжали рукоятку.

Большой Король перелетел через стол, как черная лавина. Весы и бутылка с золотом с грохотом свалились на пол.

Алмейда, с пистолетом в руке, был сбит с ног вместе со стулом и оказался под банту. Большой Король несколько лет работал в компании по организации сафари и знал, какие раны может нанести огнестрельное оружие.

Увидев оружие в руке португальца, он безумно испугался, не меньше, чем чуть раньше владелец пистолета. Страх подстегнул его, заставив свирепо атаковать лежащее под ним тело португальца.

Левой рукой он схватил руку с пистолетом за запястье и тряс ее, стараясь выбить оружие. Правой он сжал горло и инстинктивно применил всю свою силу. Он услышал, как что-то хрустнуло, как скорлупа ореха, и пальцы его правой руки вошли глубже в дрожащую плоть. Пистолет выпал из внезапно обессилевших пальцев.

Потом к нему стал возвращаться рассудок, помутившийся от страха. Он почувствовал, как неподвижно лежит под ним португалец, разжал пальцы и встал на колени. Португалец был мертв. Его шея находилась под совершенно немыслимым углом по отношению к плечам. Глаза были удивленно выпучены, струйка крови вытекала из ноздри на верхнюю губу.

Большой Король медленно отступал к двери, не сводя глаз с кошмарной картины. Почувствовав спиной дверь, он помедлил, с трудом поборов желание немедленно бежать. Вернулся к столу, опустился на колени. Сначала он нашел металлический цилиндр, ставший причиной спора, потом стал сметать ладонями золотой песок и осколки бутылки. Собрал их в два конверта, которые нашел на столе среди бумаг. Через десять минут он выскользнул из двери магазина и скрылся в ночи.

49

В то время как Большой Король спешил в общежитие, Род Айронсайдс метался в постели среди скомканных и мокрых от пота простыней. Он стал пленником собственной фантазии, не мог вырваться из самим же созданного кошмара. Кошмар был безграничным, зеленым, дрожащим, неземным, полупрозрачным. Он знал, что его отделяет от этого ужаса только тонкая стеклянная стена. Он сжался перед ним, перед его ледяным холодом, перед светом, едва просачивающимся сквозь него, сжался от страха. Вдруг на стекле появилась едва заметная трещина, и сквозь нее просочилась одна-единственная капля. Большая жемчужная капля, идеальная по форме, словно выписанная маститым художником. Она сверкала как драгоценный камень.

Ничего более ужасного Род никогда не видел. Он закричал во сне, стараясь всех предупредить, а трещина все увеличивалась, капля скользнула по стеклу, за ней последовали другие. Внезапно стекло лопнуло тысячей осколков, и из стены хлынул поток воды.

Потом с грохотом рухнула сама стена, и его захлестнула волна воды высотой с гору, с белыми барашками на гребне.

Он проснулся с криком ужаса на губах и мокрый от пота. Сердце вот-вот должно было выпрыгнуть из груди и успокоилось лишь через несколько минут. Он прошел в ванную, налил стакан воды и посмотрел сквозь него на свет.

– Вода. Она там, – пробормотал он. – Я знаю, что она там!

Пот высыхал на теле и холодил кожу, он поднес стакан к губам, и тут его осенило. Правда, никто и никогда не пробовал так делать, но не находилось же до сих пор идиотов, стремившихся пробурить Биг Диппер.

«Я заложу заряд взрывчатки в потолок тоннеля. Заставлю братьев немедленно этим заняться. Тогда в случае необходимости я смогу взорвать этот заряд и намертво завалить тоннель».

Род почувствовал громадное облегчение и удивился этому. Он понял, что именно волновало его все эти дни. Вернулся в спальню, поправил простыни, но сон не приходил. Его воображение перегрелось, в мозгу мелькали проблемы и идеи, но вдруг появилось лицо Терри Стайнер.

Он не видел ее почти две недели, со дня возвращения Манфреда из Европы. Дважды разговаривал по телефону, но разговоры получались торопливыми и путаными. Ему стало казаться, что он ее неминуемо потеряет. Единственная попытка поискать утешения на стороне закончилась полной неудачей. Он потерял интерес еще на стадии ухаживания и вернул молодую даму в лоно семьи в немыслимое для себя время – одиннадцать часов вечера.

Только работа не позволяла ему улизнуть в Йоханнесбург и, рискнув всем, повстречаться с ней.

– Знаешь, Айронсайдс, пора брать себя в руки. Не стоит терять голову из-за этой женщины. Вспомни о своей клятве: «Никогда больше!»

Терри тихо лежала и ждала. Был уже час ночи. Одна из тех ночей. Скоро он приедет. Никогда раньше она не испытывала подобного ужаса. Ощущение чего-то холодного и скользкого в животе. Впрочем, ей еще повезло. Он не прикасался к ней со дня возвращения из Парижа. Больше двух недель. Но это должно было случиться. Сегодня.

Терри услышала шум подъезжающей машины, и ее чуть не стошнило. «Я не смогу, ни сегодня, ни потом. Все должно быть по-другому, теперь я знаю. Не так грязно, воровато и ужасно... Все должно быть так, как это было с Родом...»

Она услышала, как он вошел в свою спальню, быстро села в постели, почувствовав крайнее отчаяние.

Бесшумно открылась дверь.

– Манфред? – спросила она резко.

– Это я, не волнуйся. – Он быстро подошел к кровати – темная безликая тень, развязывающая пояс халата.

– Манфред, – выпалила Терри, – извини, у меня рано началась менструация.

Он остановился. Терри увидела, как безвольно повисли его руки, как все тело замерло.

– А! – сказал он наконец. Она услышала, как он шаркает ногой по ковру. – Я зашел сказать тебе, – он судорожно искал оправдание, – что... что я уезжаю на пять дней. В пятницу. Нужно ехать в Дурбан и Кейптаун.

– Я соберу твои вещи.

– Что? Ах да, спасибо. – Он снова зашаркал ногой. – Ну, тогда спокойной ночи, Тереза. – Он быстро наклонился и чмокнул ее в щеку.

– Спокойной ночи, Манфред.

«Пять дней, – она лежала в темноте и ликовала, – целых пять дней с Родом».

50

Детектив-инспектор Ханнес Гроббелаар из уголовного розыска сидел на краю стула в заломленной на затылок шляпе и прижимал к уху обернутую носовым платком телефонную трубку. Это был высокий мужчина с длинным печальным лицом и траурными усами с проседью.

– Скупка золота, – сказал он, затем ответил на очевидный вопрос: – Золотой песок рассыпан по полу, ювелирные весы, пистолет сорок пятого калибра с полной обоймой, на предохранителе, с отпечатками пальцев покойника. – Он помолчал. – Да, да. Конечно, да. Сломана шея, судя по всему.

Инспектор Гроббелаар развернулся на стуле и посмотрел на труп, лежащий у его ног.

– Немного крови на губе. Больше ничего.

Один из экспертов подошел к столу, и Гроббелаар встал, давая ему возможность работать.

– Отпечатки? – спросил он с отвращением в голосе. – Они есть практически на всем. Пока нам удалось снять сорок различных отпечатков. – Он несколько секунд слушал. – Нет, мы его поймаем. Вероятно, какой-нибудь банту с шахты, а у нас есть отпечатки пальцев всех въехавших в республику. Остается только сравнить их и допросить подозреваемого. Да, в течение месяца мы его поймаем обязательно. Вернусь на площадь Джона Ворстера, как только закончу здесь. – Он положил трубку и еще раз посмотрел на труп.

– Глупый ублюдок, – сказал сержант Хуго, стоявший рядом. – Сам напросился. Скупать золото так же скверно, как и бриллианты. – Он показал конверт. – Я собрал достаточное количество стеклянных осколков. Похоже, от сосуда, в котором принесли золото. Убийца пытался замести следы, но не сильно в этом преуспел. Эти я нашел под столом.

– Отпечатки?

– Только один осколок достаточно крупный. Отпечаток смазан, но, возможно, удастся использовать его.

– Отлично. Займись им немедленно.

С улицы раздался женский крик, и Хуго поморщился.

– Снова начала. Черт, я думал, она уже выдохлась. Эти португальские бабы любого доконают.

– Ты бы послушал, как они орут при родах, – усмехнулся Гроббелаар.

– А ты где слышал?

– Жена лежала в роддоме, а в соседней палате рожала португалка. Думали, крыша рухнет.

Усы Гроббелаара совсем обвисли, когда он подумал о предстоящей работе. Часы, дни, недели допросов и проверок замкнутых, не желающих сотрудничать подозреваемых.

Он вздохнул и указал пальцем на труп:

– С ним мы закончили, скажи ребятам из мясного отдела, что можно забирать.

51

Роду потребовалось почти два дня, чтобы разработать проект предохранительного заряда. Угол и глубина заложения должны были обеспечить максимальное разрушение потолка. Кроме того, он решил заложить заряды в стены тоннеля, которые должны были взорваться после разрушения потолка. В результате мелкие обломки должны были полностью перекрыть тоннель.

Род знал, какую разрушительную силу представляет собой вода под давлением, превышающим две тысячи фунтов на квадратный дюйм, поэтому решил заблокировать по меньшей мере триста футов тоннеля. Заряд был достаточным, но даже он не мог обеспечить герметичность, а только должен был ослабить поток так, чтобы ремонтные бригады смогли закончить работу.

Братья Деланж не разделяли энтузиазма Рода.

– Потребуется не меньше трех дней, чтобы заложить заряд! – воскликнул Джонни, увидев тщательно выверенный проект Рода.

– Ни черта подобного, – прорычал Род. – Все должно быть сделано правильно. Потребуется не менее недели.

– Вы сказали, что проходка будет сверхскоростной. Ничего не говорили о том, что в потолке нужно будет просверлить дырок больше, чем в сыре.

– Значит, говорю сейчас. Кроме того, вы пробурите шпуры, но не заложите заряды, пока я не удостоверюсь, что они пробурены на нужную глубину.

Он не верил ни Джонни, ни Дэйви. Они могли заложить заряды на глубине шесть футов, и никто ничего бы не заметил. Пока не стало бы слишком поздно.

Раньше не проронивший ни слова Дэйви вдруг заговорил:

– Премия за выработку будет, пока мы возимся с этим дерьмом?

– Четыре сажени за смену, – пообещал Род.

– Восемь? – спросил Дэйви.

– Никогда! – Это был чистый грабеж.

– Не знаю. – Лисьи глазки Дэйви забегали. – Может быть, мне стоит поговорить с братом Дювенажем, спросить его совета.

Дювенаж был профсоюзным боссом рабочих шахты номер два. Он довел в свое время Фрэнка Леммера до нервного срыва, а сейчас принялся за Рода. Род молил руководство компании найти Дювенажу денежную и необременительную работу, лишь бы он не мешал. Меньше всего Роду хотелось, чтобы подобный тип совал свой нос в секретное дело о проходке Биг Диппера.

– Шесть, – уступил он.

– Ну, не знаю, – замялся Дэйви.

– Шесть – нормально, – вмешался Джонни и тут же удостоился свирепого взгляда брата, упустившего по его вине столь очевидную для него победу.

– Договорились. – Род поспешил закончить переговоры. – Работу начать немедленно.

По проекту Рода следовало просверлить почти тысячу двести шпуров и заложить в них две с половиной тонны взрывчатки. Работы предстояло произвести в тысяче футов от основного штрека на шестьдесят шестом уровне.

Тоннель представлял собой уже хорошо освещенную просторную выработку, к потолку которой были прикреплены вентиляционные трубы, трубопровод сжатого воздуха и электрические кабели. На рельсах стояли вагонетки.

Работа в забое полностью прекратилась, пока братья закладывали предохранительный заряд. Работа была легкой, практически не требующей усилий от людей. Дэйви замерял глубину каждого пробуренного шпура и затыкал его клочком бумаги. Оставалось достаточно времени на то, чтобы попить кофе из термоса и подумать.

В эти свободные минуты три темы занимали все мысли Дэйви. Иногда он представлял, как выглядят пятьдесят тысяч рандов. Все налоги были уплачены, деньги, накопленные за долгие годы, принадлежали только ему и сейчас находились в сейфе местного отделения Йоханнесбургского строительного банка. Он видел перед собой аккуратные пачки зеленоватых банкнот, помеченные его именем.

Потом его мысли автоматически переключались на ферму, которую можно было купить на эти деньги. Он сидел на широкой веранде, солнце садилось за вершины хребта Свартберг, скот возвращался с пастбищ в загоны.

И всегда рядом с ним была женщина. Женщина с рыжими волосами.

На пятый день Дэйви вернулся домой на рассвете. Он совсем не устал. Ночная смена прошла легко, без проблем.

Дверь в спальню Хетти и Джонни была закрыта. За завтраком Дэйви просмотрел свежие газеты и особенно тщательно изучил нравившийся ему комикс о приключениях Модести Блэйз и Вилли Гарвина. В этой серии Модести была изображена в бикини, и Дэйви принялся сравнивать ее тело с цветущим телом жены брата. Мысли об этом еще не скоро оставили его, он лег спать, но долго ворочался на кровати, представляя себя героем комикса, в котором Хетти заменила Модести Блэйз.

Прошел еще час, сон не приходил. Дэйви завязал на поясе полотенце и пошел по коридору в ванную комнату. Как только он прикоснулся к ручке, дверь распахнулась, и он оказался лицом к лицу с Хетти.

На ней были только белый кружевной халат и тапочки из страусиных перьев. Она еще не успела накраситься, только причесалась и перетянула волосы лентой.

– Ой! – вскрикнула она испуганно. – Как ты меня напугал.

– Извини меня, Хетти, – смущенно пробормотал Дэйви, придерживая рукой полотенце. Хетти скользнула взглядом по его груди.

Дэйви был сложен как профессиональный боксер. Волосы на груди были жесткими и курчавыми. Татуировка на обеих руках подчеркивала размеры и твердость мускулов.

– А ты неплохо сложен, – промурлыкала Хетти, и Дэйви инстинктивно втянул живот.

– Ты правда так думаешь? – Он уже плохо соображал.

– Конечно. – Хетти протянула руку и потрогала его мускулы. – Какие твердые!

От этого движения ее халат распахнулся. Дэйви густо покраснел, хотел сказать что-то, но не смог. Хетти заметила, куда устремлен его взгляд, и начала поглаживать его руку, постепенно подходя все ближе.

– Дэйви, я тебе нравлюсь? – томно спросила она, и Дэйви, издав звериный рык, набросился на нее.

Прижав ее к стене, Дэйви лихорадочно пытался стянуть с нее халат и губами найти ее губы. Он тяжело дышал, взгляд стал диким.

Хетти рассмеялась. Именно такими она любила мужчин. Когда они теряли голову, становились безумными, увидев ее тело.

– Дэйви, – прошептала она и сдернула полотенце. – Дэйви!

Она увертывалась от ударов его бедер, зная, что это только еще больше возбудит его. Пальцы Дэйви впивались в ее тело, взгляд стал совсем безумным.

– Да! – прошипела она прямо ему в губы и, потеряв равновесие, упала на пол. – Подожди, – задыхаясь, прошептала она, – пойдем в спальню.

Но было уже слишком поздно.

Остаток дня Дэйви провел, закрывшись в своей комнате. Он лежал на кровати и корил себя за случившееся.

Угрызения совести и чувство вины были настолько сильны, что он даже зарыдал. С каждым вздохом что-то разрывалось в груди, слезы катились по щекам. Когда приступ прошел, он почувствовал себя совершенно измотанным.

– Мой брат, – повторял он. – Джонни – мой брат.

Он не мог понять, как все произошло, поскольку считал себя неспособным на подобную измену.

– Мой родной брат. Я не могу здесь оставаться, нужно уезжать.

Он подошел к раковине и вымыл лицо холодной водой.

– Я должен сказать ему, – принял нелегкое решение Дэйви. Тяжесть вины становилась невыносимой. – Я напишу ему, напишу обо всем и уеду.

Он лихорадочно стал искать бумагу, как будто поверил, что признание сделает сам проступок несущественным. Потом сел за стол у окна и долго мучительно писал. К трем часам он закончил и почувствовал себя лучше.

Вложив четыре страницы в конверт, он заклеил его и положил во внутренний карман пиджака. Быстро оделся и выскользнул из дома, боясь повстречать Хетти. Ее нигде не было, как не было в гараже ее белого «монако». Облегченно вздохнув, Дэйви завел машину и поехал на шахту. Он хотел приехать туда до того, как Джонни поднимется из забоя.

Приехав на шахту, он переоделся и заперся в кабинке туалета. Скоро в раздевалку вошли закончившие смену шахтеры. Он услышал, как Джонни шутит и смеется. Голос брата вызвал новую волну угрызений совести, еще более сильную, чем раньше.

Дэйви вскрыл конверт и еще раз перечитал письмо.

– Ну, пока, ребята, – услышал он веселый голос брата. – Увидимся завтра.

В ответ раздались голоса шахтеров, потом хлопнула дверь.

Дэйви просидел еще двадцать минут в кабинке, пропитанной запахами грязных носков и мочи, пота, дезинфектантов. Потом убрал письмо в карман и вышел из туалета.

Бригада уже ждала его у начала тоннеля. Рабочие шутили и смеялись. Они знали, что предстояла еще одна легкая смена.

Они приветливо поздоровались с Дэйви – оба брата пользовались заслуженной популярностью у горняков – и были весьма удивлены, ничего не услышав в ответ. Дэйви даже не улыбнулся.

Босс-бой протянул ему индикаторную лампу. Что-то буркнув в ответ, Дэйви, волоча ноги, направился в тоннель, не осознавая до конца, где находится и что происходит вокруг, – столь сильным было чувство вины и жалости к себе.

Пройдя тысячу футов, он подошел к рабочей зоне. Бригада Джонни оставила отбойные молотки подключенными к трубопроводу и готовыми к работе. Дэйви остановился в центре рабочей зоны, и руки автоматически включили индикаторную лампу.

За мелкой сеткой вспыхнул крошечный голубоватый огонек, и Дэйви, подняв лампу на уровень глаз, пошел по тоннелю. Его глаза смотрели на огонек, но не видели его.

Воздух в тоннеле был прохладным и чистым, без запаха и вкуса. Дэйви шел вперед как лунатик. Жалость к себе просто разрывала его на части. Он уже считал себя полугероем, одним из величайших любовников в истории, попавшим в полную трагизма ситуацию. Мозг полностью отключился от реальной жизни. Глаза ничего не видели вокруг. Он слепо повторял ритуал, с которого начинал смену тысячи раз.

Огонек за сеткой медленно поменял очертания. Его вершина стала плоской, над ней появилась призрачная линия. Глаза Дэйви увидели ее, но мозг отказался принимать донесение.

Линия над пламенем называлась на жаргоне «кепкой». Ее появление говорило о том, что в воздухе содержится не менее пяти процентов метана. Последний шпур, пробуренный сменой Джонни, угодил в наполненную газом каверну. Газ шел в тоннель уже три часа. Вентиляция не справлялась с его удалением, и он постепенно распространялся по тоннелю. Дэйви, сам того не ведая, вдыхал эту адскую смесь. Достаточно было одной искры.

Дэйви наконец дошел до конца тоннеля и машинально выключил лампу.

– Все в порядке, – пробормотал он сам себе и вернулся к бригаде. – Все в порядке, – сказал он босс-бою, и сорок человек, весело болтая, вошли в тоннель.

Дэйви поплелся следом, доставая на ходу пачку сигарет «Лексингтон». Зажав одну губами, он положил пачку в карман и нащупал зажигалку.

Он шел от звена к звену, указывая, в каком месте и в каком направлении следует бурить шпуры, рукой с зажатой в ней зажигалкой. Сигарета плясала в губах.

На подготовку ушло двадцать минут. Он отошел и еще раз оглядел бригаду. Бурильщик и его помощник представляли собой единую скульптурную группу из лакированного черного дерева.

Дэйви поднес руки к лицу и чиркнул зажигалкой.

Воздух в тоннеле превратился в пламя. За мгновение он раскалился до температуры сварочной горелки. Пламя сожгло кожу на лицах и полуобнаженных телах рабочих, волосы на головах. Оно превратило уши в обугленные обрубки, зажарило глаза в глазницах. Одежда загоралась на падающих людях, продолжала дымиться уже на телах.

В тот же момент Дэйви Деланж широко раскрыл рот, и пламя скользнуло вниз по горлу в легкие. Раздался взрыв, и его грудная клетка лопнула как бумажный пакет, ребра раскрылись кошмарным цветком вокруг огромной раны.

Сорок один горняк умерли мгновенно. Воцарилась гробовая тишина. Рабочие лежали, как обугленные насекомые на полу. Двое из них еще двигались, выгибали спины, вытягивали ноги, распрямляли обугленные пальцы. Через минуту все замерло.

Через полчаса врач Дэн Стандер и Родни Айронсайдс первыми вошли в тоннель. Запах паленого мяса был нестерпимым. Оба едва сдерживали тошноту.

52

Дэн Стандер сидел за столом и смотрел на стоянку машин перед больницей. Казалось, он постарел на десять лет всего за одну ночь. Дэн завидовал некоторым своим коллегам, их беспристрастности. Ему никогда не удавалось оставаться равнодушным. Он только что закончил обследование сорока одного трупа.

Он работал врачом на шахте уже пятнадцать лет и, казалось, должен был привыкнуть к смерти в самых извращенных ее проявлениях. Но подобного ужаса он прежде не видел никогда. Сорок один человек стали жертвой страшных ожогов и травм от взрыва.

Он чувствовал себя вымотанным, изнуренным этим кошмаром. Помассировав виски пальцами, он стал рассматривать личные вещи, сложенные на подносе. Их извлекли из карманов Деланжа. Работа была грязной, одежда прилипла к телу. Под комбинезоном на нем была надета дешевая нейлоновая рубашка, ткань расплавилась и соединилась с кожей в единое целое.

Связка ключей на бронзовом кольце, перочинный нож с костяной ручкой, зажигалка «Ронсон», которая была зажата обугленными пальцами руки, бумажник из кожи антилопы и мятый конверт, обгоревший по краям.

Дэн уже передал личные вещи рабочих в вербовочное агентство, которое, в свою очередь, передаст их родным и близким погибших. Еще раз тяжело вздохнув, он открыл бумажник.

В одном отделении лежали почтовые марки и пять рандов банкнотами. Другое отделение было буквально набито бумагами. Дэн просмотрел чеки магазинов, квитанции из химчистки, вырезки из газет с предложениями покупки ферм, сложенную страницу из еженедельника «Фермер» со статьей о разведении молочного стада, чековую книжку Йоханнесбургского строительного банка.

Открыв книжку, Дэн присвистнул от удивления, увидев сумму накоплений, и пролистал оставшиеся страницы.

За картонной обложкой книги он нашел засаленный конверт. Дэн открыл его и поморщился. Такие фотографии легко можно было купить в районе порта Лоуренсу-Маркиш в Мозамбике. Ради таких бумаг Дэн и просматривал вещи погибших.

Дэн не хотел, чтобы родственники, которым будут возвращены вещи, узнавали о подобных человеческих слабостях. Он сжег фотографии и конверт в пепельнице, растолок почерневшие листы и выбросил пепел в корзину для мусора.

Он подошел к окну и открыл его, чтобы проветрить кабинет. Постоял немного, поискал «альфа-ромео» Джой на стоянке, потом вернулся за стол.

Оставался еще один конверт. Небольшое пятно крови на белой бумаге, обгоревшие края. Дэн вытащил четыре страницы и разложил их на столе.

«Дорогой Джонни!

Когда умер папа, ты был совсем маленьким, и я относился к тебе скорее как к сыну, а не брату.

Но настало время, Джонни, сказать тебе кое-что...»

Дэн углубился в чтение и не услышал, как в кабинет вошла Джой. Она остановилась в дверях и некоторое время наблюдала за ним с улыбкой влюбленной женщины на губах. Потом она бесшумно подошла к нему сзади и поцеловала в ухо. Дэн вздрогнул от неожиданности и повернулся к ней.

– Любимый, – Джой поцеловала его в губы, – чем ты так увлечен, что даже не заметил, как я вошла?

Дэн немного помолчал, потом сказал:

– Ночью в шахте погиб человек. Это нашли в кармане.

Он передал ей письмо.

– Он собирался передать его брату? – спросила она чуть позже.

Дэн кивнул.

– Стерва! – прошептала Джой.

– Кто? – удивленно спросил Дэн.

– Эта девчонка, она во всем виновата. – Она достала из сумочки платок и вытерла глаза. – Дьявол, теперь тушь потечет. – Она высморкалась. – Следовало бы отдать письмо мужу, чтобы проучить эту дрянь.

– Ты имеешь в виду, что я не должен его отдавать? – спросил Дэн. – Нельзя брать на себя функции Бога.

– Уже взяла. – Джой разорвала письмо на мелкие клочки и выбросила их в корзину.

– Ты просто чудо. Выйдешь за меня замуж?

– На этот вопрос я уже ответила, доктор Стандер. – Она снова поцеловала его.

53

Хетти Деланж пребывала в крайнем смятении.

Все началось с телефонного звонка, поднявшего Джонни с постели. Он сказал что-то об аварии на шахте и ушел, а она ничего не поняла в полусне.

Вернулся он через несколько часов, тяжело сел на кровать, зажал ладони коленями и опустил голову.

– Да что с тобой? – воскликнула она. – Не сиди как истукан, иди ко мне.

– Дэйви умер, – едва слышно произнес Джонни.

Мгновенный шок заставил ее проснуться, но потом она ощутила невероятное облегчение.

«Он мертв. Как все просто!» Она волновалась весь день. Корила себя за минутную слабость. Представляла, как Дэйви будет таскаться всюду, глядя на нее щенячьими глазами, пытаясь прикоснуться, пока Джонни обо всем не догадается. Она получила наслаждение, но одного раза было вполне достаточно. Она не хотела продолжения, особенно последствий, которые могли бы усложнить ей жизнь.

Теперь волноваться было не о чем. Он мертв.

– Ты уверен? – спросила она. И он принял ее беспокойство за сочувствие.

– Я его сам видел! – Джонни вздрогнул и вытер губы ладонью.

– Господи, – Хетти вспомнила, какую роль ей следует играть сейчас, – как ужасно!

Ночью она не могла заснуть. Ее почему-то возбудил быстрый переход Дэйви из ее объятий в объятия смерти. Как в кино или в книгах. Как будто он был пилотом, она – его девушкой, и его сбили. Она носила его ребенка, никого больше у нее не было, и она вынуждена была пойти в Букингемский дворец и получить за него награду. А королева сказала...

Она фантазировала до самого рассвета, а Джонни беспокойно ворочался рядом и стонал во сне.

Она растолкала мужа, как только взошло солнце.

– Джонни, расскажи, как он выглядел?

Джонни снова вздрогнул, но рассказал. Голос его был хриплым, слова – невнятными, фразы обрывались на полуслове. Хетти трепетала от возбуждения.

– Какой ужас, – постоянно повторяла она, – какой ужас. Она прижалась к нему, и через какое-то время Джонни занялся с ней любовью. Такого наслаждения Хетти не испытывала никогда.

Телефон звонил все утро. Четыре подружки пришли к ней пить кофе. Звонил корреспондент «Йоханнесбург стар». Хетти была в центре внимания и постоянно повторяла историю со всеми отвратительными подробностями.

После обеда домой вернулся Джонни, но не один, а с темноволосым мужчиной в темно-сером костюме и итальянских туфлях с темно-серым же портфелем в руке.

– Хетти, это мистер Боарт. Он был адвокатом Дэйви и хочет сказать тебе кое-что.

– Миссис Деланж, позвольте выразить мои искренние соболезнования в связи с тяжелой утратой, которую понесли вы и ваш муж.

– Да, просто ужас, не правда ли? – Хетти насторожилась. Дэйви все рассказал своему адвокату? Этот человек принес ей беду?

– Я являюсь исполнителем завещания вашего деверя. Он был состоятельным человеком. На его счету более пятидесяти тысяч рандов. – Боарт сделал многозначительную паузу. – Единственными бенефициарами являетесь вы и ваш муж.

Хетти с подозрением смотрела то на Боарта, то на Джонни.

– Бенефициар? – переспросила она. – Что это такое?

– Это означает, что наследство будет поделено между вами.

– Я получу половину пятидесяти тысяч рандов? – недоверчиво спросила Хетти.

– Именно так.

– Здорово! – воскликнула Хетти. – Сказочно! – Скорее бы Джонни и адвокат ушли, чтобы позвонить подружкам.

Они снова пили кофе, болтали, но разговор все время крутился вокруг нежданного богатства Хетти.

– Двадцать пять тысяч рандов, – повторяли они благоговейно.

– Черт, ты ему действительно сильно нравилась, – многозначительно заметила одна из подружек. Хетти лишь загадочно опустила глаза.

Джонни вернулся домой после шести, он едва держался на ногах, и от него разило перегаром. Подружки неохотно разошлись по домам, а через несколько минут к дому подъехал белый спортивный автомобиль. Достойное завершение триумфального дня для Хетти. Никто не мог похвастаться, что принимал генерального директора «Сондер дитч» у себя дома.

Она распахнула дверь, едва Род прикоснулся к звонку. Ее приветствие было целиком позаимствовано из кинофильма, с успехом демонстрировавшегося в местном кинотеатре.

– Мистер Айронсайдс, мы так польщены вашим визитом.

Когда Род вошел в заставленную мебелью гостиную, Джонни поднял голову, но не встал со стула.

– Привет, Джонни, я пришел сказать, что мне очень жаль, что так получилось с Дэйви...

– Хватит пороть чушь, Оловянные Ребра, – оборвал его Джонни Деланж.

– Джонни, – воскликнула Хетти, – нельзя так разговаривать с мистером Айронсайдсом. – Она повернулась к Роду и положила руку ему на плечо. – Вы должны извинить его, мистер Айронсайдс. Он пьян.

– Уходи! – рявкнул на нее Джонни. – Выметайся на кухню и не показывайся оттуда.

– Джонни!

– Выметайся! – Джонни привстал со стула.

Хетти убежала.

Джонни, покачиваясь, прошел к стеклянному бару, занимавшему целый угол комнаты. Налил виски в два стакана и передал один Роду.

– Счастливого пути на небеса моему брату, – сказал он.

– За Дэйви Деланжа, одного из лучших горняков в Китченервилле, – сказал Род и выпил виски залпом.

– Лучшего, – поправил его Джонни, выпил и, наклонившись, заговорил Роду прямо в лицо: – Ты пришел узнать, продолжу я твой поганый тоннель или сдамся. Дэйви ничего для тебя не значил. Я ничего для тебя не значу. Тебя волнует только одно – этот поганый тоннель. – Он наполнил свой стакан. – Так вот, друг, выслушай меня, и внимательно. Джонни Деланж никогда не сдается. Тоннель сожрал моего брата, но я добью его, так что не волнуйся. Поезжай домой и спи, потому что Джонни Деланж завтра утром заступит на смену и будет крошить скалу.

54

Стояло туманное утро, «роллс-ройс силвер клауд» стоял среди деревьев недалеко от белой изгороди ипподрома, уходящей к поросшему ивами берегу реки. Над рекой туман был гуще, зеленая трава казалась особенно яркой на его фоне.

Шофер в униформе отошел от машины, предоставив двоим пассажирам возможность поговорить наедине. Они сидели на заднем сиденье, накрыв колени пледом из ангорской шерсти. На раскладном столике перед ними стояли термос с кофе, тончайшие фарфоровые чашечки и тарелка с бутербродами с ветчиной.

Толстяк постоянно жевал, запивая бутерброды кофе. Маленький лысый мужчина, напротив, не ел ничего, только нервно попыхивал сигаретой и разглядывал сквозь стекло лошадей. Конюхи водили лошадей в попонах по кругу, жокеи, в каскетках и трикотажных рубашках поло, внимательно слушали тренера. У всех в руках были плетки. Тренер что-то возбужденно говорил, глубоко засунув руки в карманы пальто.

– Обслуживание было превосходным, – сказал вдруг лысый. – Особенно мне понравилась остановка в Рио. Я там никогда раньше не был.

Толстяк хмыкнул. Им не следовало посылать сюда своего агента. Это было проявлением подозрительности, недоверия, к тому же этот визит мог серьезно осложнить его операции на рынке.

Совещание тренера с жокеями закончилось. Низкорослые наездники пошли к своим лошадям, тренер направился к «роллс-ройсу».

– Доброе утро, сэр, – поздоровался он через окно. Толстяк снова хмыкнул. – Я решил, будет лучше, если он пройдет полную дистанцию. Эмералд Айл установит темп на первых пяти кругах, затем Патер Ностер сменит ее, а на финише его подгонит Тайгер Шарк.

– Отлично.

– Быть может, вы хотите засечь время. – Тренер протянул секундомер.

К толстяку, похоже, вернулись обычные обходительность и вежливость.

– Спасибо, Генри. – Он улыбнулся. – Выглядит он совсем неплохо.

Тренеру понравился такой тон.

– Да! Он уже раскалился докрасна! К субботе я доведу его до состояния лезвия. – Он отошел от машины. – С вашего разрешения, я начинаю.

– У вас есть сообщение для меня? – спросил толстяк.

– Конечно. – Лысый зашевелил усами, как кролик. – Не прилетел же я сюда, чтобы поглазеть на пару ослов, скачущих по кругу.

– Так передавайте мне его. – Толстяк едва сдерживал раздражение. Этот агентишка посмел назвать ослами лучших лошадей в Африке.

– Они хотят знать все о взрыве газа.

– Ерунда. – Толстяк небрежно махнул рукой. – Единичный взрыв. Погибло несколько человек. Никакого ущерба шахте. Причина – халатность бригадира.

– Это никак не повлияет на выполнение наших планов?

– Нет.

Две лошади сорвались со старта, рассекая туман. Ближе к изгороди легко бежала гнедая лошадь, рядом рвался вперед серый жеребец.

– Мои хозяева весьма обеспокоены.

– И напрасно, – отрезал толстяк. – Я же сказал, происшествие не будет иметь никаких последствий.

– Взрыв не произошел из-за ошибочного решения, принятого этим Айронсайдсом?

– Нет. – Толстяк покачал головой. – Только из-за халатности бригадира. Он должен был обнаружить наличие газа.

– Жаль. Мы надеялись, что ошибку совершил Айронсайдс.

Серый жеребец заметно устал, а гнедая бежала по-прежнему легко и уходила вперед. Из бокового загона появилась третья лошадь, заменившая жеребца.

– Почему Айронсайдс так вас беспокоит?

– Мы слышали о нем много неутешительного. Он не пешка, которую можно передвигать по доске. Он чрезвычайно серьезно относится к работе. Наши источники сообщили, что он уже снизил производственные расходы на два процента. В это трудно поверить. Он кажется нам неутомимым, изобретательным человеком, с которым следует считаться.

– Согласен, – подтвердил толстяк. – Тем не менее я не вижу причин для беспокойства. Не думают же ваши хозяева, что он сможет остановить прорвавшуюся воду усилием воли.

Третья лошадь тоже начинала выдыхаться, гнедая все так же бежала впереди, а вдалеке у столба ее поджидала четвертая, последняя, лошадь.

– Я совершенно не разбираюсь в лошадях, – признался лысый, – но только что видел, как одна лошадь загнала двух других. Она по очереди разбила их сердца и заставила плестись за собой. Человека, обладающего такими качествами, мы назвали бы непредсказуемым, нестандартным. – Он глубоко затянулся. – Нам кажется, к такой категории людей можно отнести и Айронсайдса. Скорее всего он может расстроить наши планы не усилием воли, как вы ехидно заметили, а сделав нечто непредвиденное, поступив непредсказуемо.

Оба замолчали, наблюдая, как лошади выходят на финишную прямую.

– Смотрите, – едва слышно проговорил толстяк, и гнедая, словно услышав его слова, увеличила темп, начала уходить от соперницы. Ее голова раскачивалась, как молот, из раздувающихся ноздрей вылетал пар, грязь летела из-под копыт. Опередив соперницу на пять корпусов, она пересекла финишную линию. Толстяк остановил секундомер.

Несколько мгновений он изучал циферблат, потом весело, как ребенок, рассмеялся:

– А ведь это не предел ее возможностей!

Он постучал пальцем по стеклу, и шофер мгновенно сел за руль.

– В контору, – приказал толстяк, – и закройте перегородку.

Когда стеклянная звуконепроницаемая панель скользнула на место, отделив шофера от пассажиров, он повернулся к гостю:

– Итак, мой друг, вы считаете Айронсайдса непредсказуемым. Как мне следует поступить?

– Избавьтесь от него.

– Вы имеете в виду то, что я думаю? – удивленно поднял брови толстяк.

– Нет. Никаких крутых мер. – Лысый затряс головой. – Вы начитались романов о Джеймсе Бонде. Просто позаботьтесь о том, чтобы он был далеко, когда тоннель пронзит Бит Диппер, в противном случае у него будет блестящая возможность совершить что-то непредсказуемое и расстроить наши планы.

– Это можно устроить, – согласился толстяк, отправляя в рот очередной бутерброд.

55

Манфред, как и обещал, вылетел вечерним рейсом в Кейптаун. В субботу Род и Терри, рискуя быть узнанными, провели вечер в отеле «Киалами-ранч». Они танцевали, поужинали в африканском зале и к полуночи приехали в квартиру Рода.

На рассвете Род шлепнул Терри по голой заднице воскресной газетой, и это стало причиной шумной шутливой драки, в процессе которой они сорвали со стены картину, перевернули кофейный столик, а их крики и смех вызвали бурный протест соседей сверху, выразившийся в стуке по полу.

Задыхаясь от смеха, Терри сделала непристойный жест в сторону потолка, и они вернулись на кровать, чтобы предаться занятию, требующему не меньшего напряжения сил и едва ли менее шумному.

Позже они забрали Мелани и провели чудесный воскресный день на ферме на реке Ваал. Мелани впервые каталась на лошади, и это почти перевернуло ее представление о мире. После обеда они сели на катер и прокатились до плотины. Род и Терри, сменяя друг друга, вели катер и катались на водных лыжах. Род решил, что Терри прекрасно выглядит в белом бикини. Было уже темно, когда он доставил спящую дочь матери.

– Кто такая эта Терри, о которой все время твердит Мелани? – спросила Патти, которая еще не отошла от шока, вызванного продвижением Рода по службе. Ее памяти позавидовал бы любой сборщик налогов.

– Терри? – нарочито удивленно переспросил Род. – Я думал, ты знаешь. – И он как ни в чем не бывало стал спускаться по лестнице под свирепым взглядом бывшей жены.

Терри, поджав под себя ноги, сидела на переднем сиденье «мазерати». Только кончик носа торчал из роскошной шубы.

– Я люблю твою дочь, мистер Айронсайдс, – промурлыкала она.

– И кажется, тебе отвечают взаимностью.

Род медленно вел машину к хребту, Терри положила ладонь ему на колено.

– Было бы здорово, если бы у нас была собственная дочь.

– Конечно, – машинально согласился Род и вдруг понял, что действительно так думает.

Все еще размышляя о своей странной, по его мнению, реакции, он припарковал машину в подземном гараже своего дома и обошел ее, чтобы открыть Терри дверь.

Манфред Стайнер увидел, как жена выходит из машины, как поднимает лицо для поцелуя, как Айронсайдс затем закрывает машину и они вместе идут к лифту.

– Детективное бюро Петерсона всегда выполняет свои обязательства, – сказал человек за рулем черного «форда», припаркованного в темном углу гаража. – Дадим им полчасика, чтобы разогрелись хорошенько, а потом поднимемся и постучимся в дверь.

Манфред Стайнер сидел абсолютно неподвижно рядом с частным детективом. В Йоханнесбург его вызвало агентство, он вернулся всего три часа назад.

– Вы оставите меня здесь. Машину припаркуете на углу площади Кларендон и будете ждать меня там.

– Что? А вы не собираетесь... – Детектив не ожидал такого поворота событий.

– Делайте так, как я сказал. – Голос Манфреда жалил, как кислота, но детектив не сдавался:

– Вам понадобятся доказательства в суде, я буду нужен вам как свидетель.

– Убирайтесь! – рявкнул Манфред, выходя из машины и захлопывая за собой дверь. Детектив еще помедлил немного, потом завел двигатель и выехал из гаража.

Манфред медленно пошел к сверкающей спортивной машине. Из кармана он достал позолоченный перочинный нож и открыл самое большое лезвие.

Он понимал, что машина имеет особое значение для этого человека. В данный момент это был единственный способ мести. Пока Родни Айронсайдс не закончит тоннель через Биг Диппер, Манфред не мог открыто выступить ни против него, ни против Терезы Стайнер. Он не мог даже намеком дать им понять, что ему все известно.

Человеческие чувства, такие, как любовь, ненависть, ревность, он испытывал редко, да и то в самых слабых формах. Терезу Хершфилд он не любил никогда, как и любую другую женщину. Он женился на ней из-за денег и положения в обществе. То, что он испытывал сейчас, нельзя было назвать ни ненавистью, ни ревностью. Он чувствовал себя оскорбленным тем, что эти два никчемных человечка посмели обмануть его.

Он не собирался врываться в квартиру с угрозами физической расправы и развода. Нет, наказание будет анонимным, но чрезвычайно болезненным для Айронсайдса. Пока что расплата будет частичной, а когда Род выполнит свое задание и станет ненужным, Манфред раздавит его хладнокровно, как муравья.

Что касается женщины, он даже почувствовал облегчение. Из-за своего безответственного поведения она оказалась полностью в его власти, как с юридической, так и с моральной точки зрения. Как только тоннель сквозь Биг Диппер сделает его финансово независимым, он выбросит ее из своей жизни. Свою функцию она выполнила полностью.

Поездка, которую пришлось так спешно прервать, была связана с покупкой акций «Сондер дитч». Он объезжал все главные центры и договаривался с различными брокерскими фирмами о том, что в названное им время они скупят все имеющиеся в наличии акции этой компании.

Закончив дела в гараже, он попросит детектива отвезти его в аэропорт, где у него был заказан билет на ночной рейс в Дурбан.

«Все получилось не так уж плохо», – подумал он, просовывая лезвие ножа в резиновое уплотнение бокового стекла «мазерати». Быстро повернув нож, он открыл замок, а затем и форточку. Потом открыл сквозь форточку дверь и сел на водительское сиденье.

Лезвие ножа было острым как бритва. Он начал с пассажирского сиденья, потом перешел к водительскому и, наконец, к заднему. Изрезав дорогую кожу в клочья, он достал ящик с инструментами и выбрал монтировку, которой раскрошил все приборы, засыпав пол битым стеклом, потом острым концом расщепил обшивку из розового дерева.

Он вылез из машины и ударил монтировкой по лобовому стеклу. Стекло пошло трещинами. Он обрушил на него град ударов, но разбить не смог.

Он отбросил монтировку и снова выхватил нож. Опустившись на колени, он ударил ножом по переднему колесу. Резина оказалась крепче, чем он думал. Он нанес еще удар, нож повернулся в руке, и лезвие сложилось, почти отрезав ему подушечку большого пальца. Манфред с жутким криком вскочил на ноги, прижимая к груди раненую руку.

– Майн готт! Майн готт! – Зрелище собственной крови почти лишило его рассудка. Он, шатаясь, побрел из подвала, пытаясь завязать палец носовым платком.

Подойдя к «форду» детектива, он открыл дверь и упал на переднее сиденье.

– Врача! Бога ради, скорее, мне нужно к врачу! Я серьезно ранен. Быстрее! Быстрее!

56

«Сегодня прилетает муж Терри», – подумал Род, усаживаясь за стол. Не слишком радостная мысль, учитывая то, что день обещал быть на редкость напряженным.

Квартальный отчет следовало подать на следующее утро. В связи с этим вся администрация пребывала в легкой панике. В приемной образовалась толпа, и, похоже, Лили Жордан скоро уже не сможет обходиться без кнута. В три часа он должен был присутствовать на заседании консультантов в головном офисе компании, но прежде ему необходимо было спуститься в шахту и проверить, правильно ли Джонни Деланж заложил предохранительный заряд.

Телефон зазвонил именно в тот момент, когда Лили Жордан вводила в кабинет первого посетителя – мрачного худого мужчину с обвисшими усами.

– Мистер Айронсайдс? – услышал Род голос в трубке.

– Да.

– Компания «Портерс моторс». Мы произвели приблизительную оценку ремонта вашего «мазерати».

– Сколько? – Род скрестил пальцы.

– Тысяча двести рандов.

– Ничего себе!

– Мы можем начинать ремонт?

– Нет, я должен связаться со страховой компанией. Позвоню чуть позже. – Род положил трубку. Он не мог объяснить себе этот акт вандализма, а все необъяснимое тревожило его. Кроме того, он был вынужден довольствоваться принадлежащим компании «фольксвагеном» неопределенный период времени. – Слушаю вас, – обратился он к посетителю.

– Детектив-инспектор Гроббелаар, – представился тот. – Я расследую дело об убийстве Хосе Алмейды – владельца магазина.

Они пожали друг другу руки.

– Вы подозреваете кого-нибудь? – спросил Род.

– Мы всегда подозреваем кого-нибудь, – ответил инспектор печально, и Род на мгновение подумал, что его имя тоже включено в список подозреваемых. – Мы считаем, что убийца является рабочим одной из компаний нашего района, возможно, «Сондер дитч». Мой визит вызван желанием заручиться вашей поддержкой в ходе следствия.

– Считайте, что вы ее уже получили.

– Мне предстоит допросить огромное количество ваших работников. Надеюсь, вы предоставите мне помещение для этого.

Род немедленно снял трубку.

– Я звоню нашему начальнику жилищной службы, – пояснил он Гроббелаару. – Говорит Айронсайдс. Сейчас к вам подойдет инспектор Гроббелаар, предоставьте ему кабинет и обеспечьте максимальное содействие.

Гроббелаар встал и протянул Роду руку:

– Не смею больше занимать ваше время. Благодарю вас, мистер Айронсайдс.

Следующим посетителем был начальник отдела кадров Ван дер Берг. Он размахивал отчетом словно выигрышным лотерейным билетом:

– Все готово! Требуется только ваша подпись.

Род снял колпачок с авторучки, и в это время зазвонил телефон.

– Господи! – проворчал он, держа ручку в одной руке и телефонную трубку – в другой. – И зачем мне все это нужно?

Во втором часу Род оставил свой кабинет, предоставив Лили Жордан сдерживать натиск посетителей. В здании копра № 1 его приветствовали, как блудного сына, Дмитрий и другие начальники отделов. Им не терпелось узнать, кто именно займет пост начальника подземных работ. Род пообещал непременно это выяснить в головном офисе компании и быстро переоделся в комбинезон.

На месте гибели Дэйви Деланжа бригада устанавливала предохранительный экран из стальной сетки под заложенным зарядом. Электрический кабель в ярко-зеленой изоляции, соединяющий взрыватели с общей цепью, был надежно прикреплен к потолку.

В помещении пульта управления взрывом электрик уже установил отдельный рубильник для этой цепи. Цепь была готова к взрыву в любую минуту. Будто гора упала с плеч Рода, и он пошел по штреку, чтобы поговорить с Джонни Деланжем.

На полпути ему повстречалась гигантская фигура Большого Короля, идущего ему навстречу с бригадой грузчиков. Род поздоровался с ним, но Большой Король заговорил, только когда его бригада удалилась на значительное расстояние.

– Я хочу поговорить.

– Говори. – Род вдруг заметил, как провалились глаза всегда здорового банту, как посерела его кожа.

– Я желаю вернуться к моим женам в Португальский Мозамбик.

– Почему? – Роду совсем не улыбалась перспектива потерять столь ценного босс-боя.

– Моя кровь стала жидкой. – Такой ответ мог означать что угодно, но суть его заключалась в следующем: «Причины касаются только меня, и я не собираюсь раскрывать их».

– Когда кровь вновь станет густой, ты вернешься ко мне? – спросил Род.

– Все во власти Бога. – Ответ был не менее уклончивым, чем предыдущий.

– Я не могу тебя удерживать против желания. Подай заявление начальнику жилищной службы.

– Я уже сообщил ему о своем решении, а он сказал, что я должен отработать еще тридцать три дня.

– Правильно. Контракт есть контракт, ты должен отработать его.

– Я хочу уехать немедленно, – заупрямился Большой Король.

– Тогда ты должен назвать вескую причину. Я не могу позволить тебе разрывать контракт без оснований. – Род прекрасно осознавал, чем грозит подобный прецедент.

– Оснований нет, – сдался Большой Король. – Я отработаю контракт.

Большой Король почти не спал с ночи убийства португальца. Приступы нервного поноса не позволяли ему ни танцевать, ни петь. Слова Кривой Ноги и шангаана не приносили облегчения. Он ждал прихода полиции, и ждал его значительно раньше, чем истечет срок контракта через тридцать три дня.

Обращение к Роду было последней отчаянной попыткой. Теперь все кончено. Полиция не отступит. Скоро она придет, наденет на него серебристые наручники и увезет в закрытом фургоне. Многих на его памяти увозили подобным образом, и он знал по рассказам, что потом случалось с этими людьми. Законы белых людей не отличались от законов шангаанов. За жизнь нужно было платить жизнью.

Они сломают ему шею петлей. Предки раздробили бы череп боевой дубиной, исход один.

Джонни Деланж пил холодный чай из фляги, а его бригада заканчивала очистку забоя.

– Как дела? – спросил Род.

– Сдвинулись наконец после того, как закончили заниматься ерундой. – Джонни вытер губы ладонью и закрыл пробкой флягу. – Прошли почти полторы тысячи футов со дня смерти Дэйви.

– Неплохие результаты. – Род решил не обращать внимания на упомянутые Джонни взрыв метана и закладку предохранительного заряда.

– Работали бы лучше, если б Дэйви был рядом. – Джонни не нравился Кэмпбелл, сменивший Дэйви и работавший в ночную смену. – Ночная смена работает спустя рукава.

– Я их подгоню, – пообещал Род.

– Да уж, пожалуйста. – Джонни отвернулся и прокричал очередное распоряжение бригаде.

Род посмотрел на конец тоннеля: менее чем в тысяче футов находился Биг Диппер, а за ним что? Род вдруг вспомнил ночной кошмар, и по его коже побежали мурашки. Холодное зеленое прозрачное нечто притаилось с другой стороны дайки.

– Отлично, Джонни. – Род заставил себя забыть о кошмаре. – Как только упретесь в дайку, останавливай работы и жди моих указаний, понятно?

– Скажите то же самое Кэмпбеллу, это вполне может произойти и в ночную смену.

– Скажу, но ты запомни мои слова. Я должен быть здесь, когда вы пронзите Биг Диппер.

Род взглянул на часы. Почти два. До встречи консультантов в головном офисе компании оставался один час.

– Вы опоздали, мистер Айронсайдс. – Манфред сидел во главе стола в комнате для заседаний.

– Примите мои извинения, господа. – Род занял свое место за дубовым столом. – Масса дел.

Люди за столом понимающе закивали, Стайнер некоторое время изучал его молча, потом произнес:

– Буду весьма признателен, если вы задержитесь на несколько минут после совещания.

– Я в вашем распоряжении, доктор Стайнер.

– Отлично. – Манфред кивнул. – Теперь, когда мистер Айронсайдс наконец почтил нас своим присутствием, можно начинать совещание.

Присутствующие впервые услышали, чтобы доктор Стайнер попытался пошутить.

Когда совещание закончилось, за окнами уже стемнело. За столом, уставленным переполненными пепельницами, остались лишь Манфред и Род. Все остальные, надев пальто, попрощались и ушли.

Манфред Стайнер подождал еще три минуты, после того как дверь закрылась за последним участником совещания. Род, хотя и привык к таким периодам молчания, почувствовал себя неловко. Он ощущал враждебность к себе и попытался скрыть беспокойство, закурив очередную сигарету и выпустив струю дыма по направлению к портрету Нормана Градски – первого президента компании. Рядом висели два других портрета. На одном был изображен худощавый светловолосый мужчина с голубыми глазами. Подпись гласила; «Даффорд Чарливуд. Директор «СРК». 1867–1872 гг.». На другом портрете в массивной позолоченной раме был изображен мужчина мощного телосложения с коротко остриженными усиками и ирландскими чертами лица. «Шон Кортни». Даты были те же, что и под портретом Чарливуда.

Эти три человека основали компанию. Род немного знал их историю. Подобным мошенникам место было в тюрьме. Градски обманул двух других при помощи биржевой аферы и практически украл их пакет акций.

«Мы стали более изощренными в игре, – подумал Род и бросил взгляд на Манфреда. – Впрочем, кто знает, что за пакость задумал этот приятель».

Стайнер беспристрастно рассматривал Рода. Полностью лишенный эмоций, он намеревался использовать отношения между Родом и своей женой для выполнения инструкций, полученных им утром.

– Насколько вы приблизились к дайке? – спросил он наконец.

– Осталось менее тысячи футов.

– Сколько времени потребуется на проходку?

– Десять дней, возможно, меньше.

– Как только подойдете к дайке, немедленно прекратить все работы. Фактор времени чрезвычайно важен, вы понимаете?

– Я уже отдал соответствующий приказ.

– Отлично.

Манфред замолчал еще на минуту. Сегодня утром Эндрю передал ему инструкции хозяина. Айронсайдса следовало удалить на момент прохода дайки. Причину должен был придумать Манфред.

– Должен вам сообщить, что приказ на проходку сквозь дайку последует не ранее чем через три недели. Я вынужден буду улететь в Европу дней на десять. Все работы в тоннеле на это время должны быть прекращены.

– Вас не будет здесь на Рождество? – удивленно спросил Род.

– Да. – Манфред отлично понимал, о чем подумал Род.

«Терри останется одна. – Род был вне себя от счастья. – Мы будем вместе на Рождество. «Сондер дитч» будет остановлена на рождественские каникулы, и мы проведем вместе целую неделю».

Манфред подождал, пока Род примет решение, к которому он его так мастерски подводил.

– Вы поняли? Дайку бурить только по моему приказу, то есть не раньше середины января.

– Я понял.

– Можете идти.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Род.

В торговом центре «Риф-билдинг» на первом этаже было кафе. Род оттеснил от телефона бородатого хиппи и набрал номер в Сэндауне. Звонить туда было вполне безопасно – Манфред остался в офисе.

– Тереза Стайнер, – услышал он в трубке.

– Целую неделю мы будем вместе. Целую неделю.

– Когда?

Он сказал.

– Куда поедем?

– Придумаем что-нибудь.

57

16 декабря в 11.16 Джонни Деланж подошел к забою, когда еще не осела пыль после взрыва.

Осколки породы, вынесенные взрывом, отличались от кварцита Вентерсдорпа, с которым ему приходилось иметь дело до этого момента. Они были стеклянистыми, черно-зелеными, пронизанными тончайшими белыми линиями.

– Мы подошли к дайке! – сказал он Большому Королю и наклонился, чтобы подобрать осколок породы. – Мы сделали! Подошли к ублюдку! – воскликнул он, взвешивая камень в руке.

Большой Король, казалось, не разделял энтузиазма Джонни.

– Отлично. – Джонни отшвырнул обломок в груду камней. – Разгребайте, потом вывести всех из тоннеля. Ждем дальнейших указаний.

– Отличная работа, Джонни, – поблагодарил его Род. – Зачисти забой и выводи всех из тоннеля. Не знаю точно, когда мы получим приказ на проходку дайки. Пока отдыхайте. Буду выплачивать премию за четыре сажени в смену, пока вы отдыхаете. – Он нажал на рычаг, не отрывая трубку от уха. – Соедините меня с доктором Стайнером. Говорит Родни Айронсайдс. – Он подождал несколько секунд, пока Манфред не взял трубку. – Мы уперлись в Биг Диппер.

– Я улетаю в Европу утренним «боингом». Ничего не делать до моего возвращения.

Манфред положил трубку и нажал кнопку на пульте внутренней связи:

– Отмените все встречи. Меня нет.

– Слушаюсь, доктор Стайнер.

Манфред снял трубку незарегистрированного прямого телефона.

– Алло. Эндрю? Передай ему, что я выполнил свои обязательства. Мы подошли к Биг Дипперу. – Он замолчал на несколько секунд, потом заговорил снова: – Хорошо. Жду дальнейших указаний.

Эндрю повесил трубку и вышел через стеклянную дверь на террасу. Стоял солнечный, пропитанный зноем день. Лучи играли на зеркальной поверхности бассейна. В густых кустах, окаймлявших террасу, жужжали насекомые.

Толстяк стоял перед мольбертом. На нем был голубой берет и свободный плащ, ниспадавший складками по огромному животу.

Модель лежала на надувном матрасе у края бассейна. Это была грациозная брюнетка с лицом феи и телом куклы. Сброшенный второпях купальник валялся на плитах террасы. Капли воды сверкали на пышных ягодицах, придавая ей невинный и одновременно по-восточному эротический вид.

– Звонил Стайнер. Они подошли к Биг Дипперу.

Толстяк ничего не сказал, по-прежнему сосредоточенно нанося мазки на холст.

– Милочка, приподнимите правое плечо, ваш восхитительный бюст совершенно не виден.

Девушка повиновалась немедленно.

Наконец он отошел от мольберта и критически осмотрел свое произведение.

– Можешь отдохнуть. – Он вытер кисти, а девушка, потянувшись как кошка, нырнула в бассейн. Когда она вынырнула у дальнего конца бассейна, ее коротко остриженные волосы блестели как мех выдры. – Отправьте телеграммы в Нью-Йорк, Париж, Лондон, Токио и Берлин. Кодовое слово – «Готика». – Это означало начало гигантской игры на понижение на всех финансовых биржах мира. Получив такую телеграмму, агенты в основных финансо-

вых центрах мира должны были начать продажу миллионов акций компаний, занимающихся добычей золота в районе Китченервилля. – Затем прикажите Стайнеру удалить Айронсайдса и начать проходку дайки.

Манфред выслушал инструкции Эндрю. Потом некоторое время сидел неподвижно, как ящерица, пытаясь найти малейшие изъяны в собственных планах.

Пора было начинать скупку акций «Сондер дитч». Он вызвал секретаршу и поручил ей связаться немедленно с агентами в Кейптауне, Дурбане и Йоханнесбурге. Он намеревался осуществить скупку через нескольких брокеров: на рынке не должны были заподозрить, что за всем этим стоит один человек. К тому же существовала проблема банковских кредитов – он не мог покрыть всю сумму гарантиями. Брокеры покупали акции только благодаря его репутации и положению, занимаемому в «СРК». Слишком большой заказ на покупку в одной фирме потребовал бы предоставления гарантий, которых у Манфреда не было.

Таким образом, он разместил средние по объему заявки в нескольких компаниях. К трем часам заказ на покупку акций превысил три четверти миллиона рандов. Он никогда не смог бы расплатиться за подобный заказ, но знал, что ему и не придется этого делать. Всего через несколько недель стоимость акций должна была по меньшей мере удвоиться.

Через несколько минут после его разговора с конторой «Сверлинг и Райт» в Кейптауне его вызвала по внутренней связи секретарша:

– Авиакомпания «Ю. А. А.» подтвердила бронирование билета на сто двадцать шестой рейс в Солсбери. Вылет в девять утра. Обратный билет забронирован на шесть вечера в «Родезиан эйруэйз».

Манфреду не хотелось терять целый день, но Тереза должна была поверить в то, что он улетел в Европу.

– Соедините меня с женой. Тереза, я вынужден вылететь в Лондон завтра утром. Боюсь, Рождество тебе придется справлять без меня.

Ее удивление и сожаление показались ему неубедительными. Он был уверен, что она и Айронсайдс уже договорились приятно провести время в его отсутствие.

«Все не так уж и плохо получается, – подумал он, положив трубку. – Совсем не плохо».

58

«Даймлер» остановился на крытой галерее аэропорта Яна Смутса, и шофер, выскочив из машины, открыл дверь сначала для Терри, потом – для Манфреда.

Пока носильщик доставал чемоданы из багажника, Манфред быстро осмотрел стоянку. В такой ранний час машин почти не было, и он быстро заметил кремовый «фольксваген» с китченервилльскими номерами. Такими служебными машинами пользовались почти все старшие администраторы компании.

«Итак, пчелка уже прилетела к горшочку с медом». Манфред мрачно усмехнулся. Взяв Терри под руку, он повел ее вслед за носильщиком, нагруженным чемоданами из крокодиловой кожи, в главный зал аэропорта.

Терри подождала, пока Манфред зарегистрирует билет и пройдет паспортный контроль. Она тоже заметила кремовый «фольксваген» и вся трепетала от предвкушения встречи с Родом, хотя и старалась выглядеть скромной и преданной женой.

Казалось, целую вечность простояла она на продуваемой всеми ветрами обзорной площадке, но, как только похожий на акулу «боинг» начал разбег с дальнего конца полосы, резко развернулась и побежала в главный зал.

Род, поджидавший у дверей, сразу же обнял ее и крепко прижал к себе.

Болтая ногами, она обвила руками его шею и поцеловала в губы.

Люди останавливались, улыбаясь смотрели на них, так что на лестнице скоро возникла небольшая пробка.

– Пойдем, – прошептала она, – не хочу терять ни секунды.

Он опустил ее на землю, и они, взявшись за руки, побежали к выходу. Терри отпустила свою машину, и они, смеясь словно дети, побежали к «фольксвагену». Багаж уже лежал на заднем сиденье.

– Гони, – сказала Терри, – как можно быстрее.

Через двадцать минут «фольксваген» с визгом колес остановился рядом с ангаром на частном аэродроме.

Двухмоторная «сессна» была готова к полету. Двигатели мерно урчали, из кабины, увидев Терри, спустился механик.

– Добрый день, Терри, как всегда, вовремя.

– Привет, Хэнк. Ты просто прелесть, уже прогрел моторы.

– Полетный лист тоже заполнил. Все, что угодно, для любимой клиентки. – Коренастый седой механик с любопытством взглянул на Рода: – Давайте помогу поднести ваши сумки.

Через минуту сумки лежали в багажном отделении, а Терри уже связывалась с диспетчером.

Род устроился на сиденье рядом.

Терри выключила рацию и, перегнувшись через Рода, высунулась в окно:

– Спасибо, Хэнк. – Она помедлила мгновение, потом быстро добавила: – Если тебя спросят, я была здесь одна. Хорошо?

– Хорошо. – Хэнк улыбнулся. – Мягкой посадки.

Терри вырулила на взлетную полосу.

– Он твой? – спросил Род. Самолет стоил не меньше ста тысяч рандов.

– Попс подарил на день рождения. Нравится?

– Конечно.

Терри развернула самолет против ветра, затормозила колеса и дала полный газ. Род вдруг осознал, что вверил свою жизнь женщине, замолчал и напрягся.

– Поехали, – сказала Терри и отпустила тормоза.

«Сессна» рванулась вперед, а Род вцепился в подлокотники, не сводя глаз с бегущей навстречу полосы.

– Успокойся, Айронсайдс, – успокоила его Терри. – Я летаю с шестнадцати лет.

На трех тысячах футов она повернула самолет на восток.

– А сейчас нам мое умение сильно пригодилось, верно? – спросила она.

– Верно. Ты просто все умеешь.

– Ты не видел еще и половины, – предупредила она.

Они молча пронеслись над Хайвельдом, и внизу развернулся темно-зеленый плотный ковер Бушвельда.

– Я разведусь с ним, – нарушила тишину Терри, и Род в очередной раз поразился телепатической связи между ними – он тоже думал о ее муже.

– Хорошо.

– Как думаешь, у нас получится жить вместе?

– Если будешь хорошо себя вести.

– Самодовольная свинья. Не знаю, почему я тебя люблю.

– А ты любишь? – спросил он.

– Да. А ты?

– Конечно.

Они замолчали, и Терри вдруг начала снижение.

– Что случилось? – заволновался Род.

– Ничего, просто хочу посмотреть на зверей.

Они летели над оливково-зеленым бушем, прерываемым золотисто-коричневыми полями.

– Смотри! – Род указал на лениво передвигающиеся по полю жирные черные точки. – Буйволы!

– Посмотри сюда! – Терри указала налево. – Зебры и антилопы гну. А там – жираф. – Длинная шея животного торчала из буша словно перископ. Испугавшись самолета, жираф неуклюже, на прямых ногах, побежал прочь. – Прилетели, – сказала Терри, указывая на две круглые гранитные скалы. Они были симметричными, как груди девушки. Когда они подлетели поближе, Род увидел соломенную крышу дома во впадине между скалами. За домом виднелась посадочная полоса, рядом с которой на мачте был виден толстый ветровой конус.

Терри сбросила газ и облетела дом. Люди помахали самолету, а две крошечные фигурки забрались в игрушечный «лендровер» и поехали в сторону полосы, поднимая клубы белой пыли.

– Это Ганс, – объяснила Терри. – Можно садиться.

Она выровняла «сессну» и начала снижение, постепенно сбрасывая газ. Потом шасси коснулись земли, и они покатились навстречу «лендроверу».

У человека, вылезшего из машины, были седые волосы и закаленная солнцем и ветром кожа, казавшаяся дубленой.

– Миссис Стайнер! – Он не скрывал радости. – Как давно вас здесь не было. Где вы пропадали?

– Была занята, Ганс.

– В Нью-Йорке? Зачем? – удивился Ганс.

– Это мистер Айронсайдс, – представила Рода Терри. – Род, это Ганс Крюгер.

– Ван Бреда? – переспросил Ганс, пожимая Роду руку. – Родственник ван Бреда из Каледона?

– Не думаю, – пробормотал Род и повернулся к Терри за объяснениями.

– Он глухой, – пояснила Терри. – Лишился слуха во время взрыва в шахте в тридцатом году. Правда, ни за что в этом не желает признаваться.

– Очень рад, – счастливо заулыбался Ганс. – Вы всегда отличались отменным здоровьем. Помню вас совсем маленькой.

– Он замечательный человек, как и его жена. Следят за охотничьим домиком Попса.

– Отличная мысль, – с радостью согласился Ганс. – Сейчас перегрузим сумки в «ленд-ровер» и поедем к дому. Думаю, мистер ван Бреда тоже не откажется выпить. – Он подмигнул Роду.

Крыша дома была соломенной поверх грубо отесанных досок. Пол из каменных плит был покрыт шкурами животных и восточными коврами. По бокам от огромного камина стояли оружейные шкафы, в которых было представлено не менее пятидесяти образцов искусства оружейников. Обитая кожей мебель была массивной и низкой. На оштукатуренных стенах висели охотничьи трофеи, рогатые головы, африканское оружие.

Широкая деревянная лестница вела к спальням, двери которых выходили на террасу над главным залом. Спальни были оборудованы кондиционерами, и Род с Терри, отослав Ганса и его дородную жену, решили проверить кровать на прочность.

Через полтора часа испытаний кровати была поставлена высшая оценка, и они спустились вниз, где жена Ганса уже приготовила обед, которым можно было накормить толпу великанов.

– Мистер Айронсайдс, – заметила Терри, – мне кажется, что у вас железные не только ребра, но и еще кое-что. – Она хихикнула и едва слышно добавила: – Благодарю тебя, Господи, за это.

После обеда Терри заметила, что нет никакого смысла ехать в буш раньше четырех часов, так как все животные будут прятаться от полуденной жары, и они поднялись в спальню.

В четыре часа Род выбрал винтовку «холланд-энд-холланд» 357-го калибра, набил патронов в патронташ, и они вышли к машине.

– Поместье большое? – спросил Род, углубляясь в девственный буш.

– Двадцать миль в любую сторону. Граничит с Национальным парком Крюгера, – ответила Терри.

Они поехали по песчаному берегу реки, кое-где поросшему тростником. Вода то бурлила между черных камней, то лениво разливалась широкими заводями.

Каждые сто ярдов они останавливались, чтобы понаблюдать за многочисленными представителями животного мира.

– Попс, видимо, не разрешает здесь никому стрелять, – заметил Род, наблюдая за огромным куду со спиральными рогами, смотревшими на них темными влажными глазами с расстояния тридцати футов. – Звери ведут себя как домашние.

– Только членам семьи разрешено здесь охотиться. Ты тоже к ним относишься.

Род покачал головой:

– Это будет убийством, а не охотой. Его можно кормить с рук.

– Я рада, что ты так думаешь, – сказала Терри, и они медленно поехали дальше.

Вечер был достаточно прохладным, и они развели огонь в огромном камине. Впрочем, они разожгли бы его в любом случае, так как Род подумал, что ему будет очень приятно сидеть у огня, пить виски и обнимать любимую женщину.

59

Инспектор Гроббелаар опустил чашку, тщательно слизал с усов сливки и посмотрел на сержанта Хуго:

– Кто следующий?

Хуго заглянул в блокнот:

– Филемон Н'Габаи.

Гроббелаар вздохнул:

– Сорок восьмой, осталось всего шестнадцать.

Смазанный отпечаток пальца на осколке бутылки был исследован в криминалистической лаборатории. В число подозреваемых попали шестьдесят четыре человека. Каждого следовало допросить. Это было утомительным, пока не принесшим никаких результатов занятием.

– Что мы знаем о нашем друге Филемоне? – спросил Гроббелаар.

– Около сорока лет. Шангаан из Мозамбика. Рост – пять футов семь с половиной дюймов, вес – сто сорок шесть фунтов. Травма правой ноги. Две судимости. В пятьдесят шестом году – шестьдесят дней тюремного заключения за кражу автомобиля. А в шестьдесят втором – девяносто дней тюремного заключения за кражу фотоаппарата из машины.

– При весе сто сорок шесть фунтов много шей не сломаешь, – вздохнул Гроббелаар и снова опустил усы в чашку. – Пусть войдет, побеседуем.

Хуго кивнул сержанту-африканцу, тот открыл дверь, и в кабинет вошел Кривая Нога в сопровождении констебля.

Они подошли к столу, за которым, сняв пиджаки, сидели детективы. Никто не произнес ни слова. Следователи специально молча рассматривали подозреваемого, чтобы вывести его из равновесия.

Гроббелаар гордился своей способностью чувствовать виновность человека за пятьдесят шагов, но сейчас этого и не требовалось. На лице Филемона Н'Габаи, казалось, было написано: виновен. Он не мог стоять спокойно, сильно потел, глаза его виновато бегали по сторонам. Он совершенно очевидно был виновен, но не обязательно в убийстве. Инспектор решил пойти до конца, хотя и не чувствовал ни малейшей уверенности. Он печально покачал головой и сказал:

– Зачем ты это сделал, Филемон? Мы обнаружили твои отпечатки на бутылке из-под золота.

Эффект был мгновенным и сильным. Губы Кривой Ноги раскрылись и задрожали, на подбородок потекла слюна. Совсем недавно трусливо бегающие глазки широко раскрылись от испуга и уставились на инспектора.

«Так-так!» – подумал Гроббелаар, выпрямляясь в кресле. Сержант Хуго тоже зашевелился.

– Ты же знаешь, как поступают с убийцами, Филемон. Их увозят... – Гроббелаар не успел закончить фразу.

Испуганно завыв, Кривая Нога рванулся к двери. Несмотря на травму ноги, он был быстр, как хорек. Он успел открыть дверь, но был схвачен сзади сержантом.

– Золото – да, но не человек. Я не убивал португальца.

Гроббелаар и Хуго переглянулись.

– Прямо в точку! – удовлетворенно воскликнул сержант.

– В десятку! – подтвердил инспектор и улыбнулся, что случалось с ним крайне редко.

60

– Видите, здесь загорается маленькая лампочка, чтобы вам было видно, куда вставлять ключ, – сказал продавец, указывая на замок зажигания на приборной доске автомобиля.

– Ого! Джонни, ты видел? – закричала Хетти, но Джонни даже не поднял голову – он рассматривал двигатель огромного сверкающего «мустанга».

– Почему бы вам не сесть на водительское сиденье, – предложил продавец.

«Он просто душка, – решила Хетти. – Какие у него мечтательные глаза, а бакенбарды просто сказочные».

– С удовольствием. – Она опустилась на кожаное сиденье спортивной машины. Юбка поползла вверх по бедрам, и мечтательные глаза продавца последовали за ней.

– Не могли бы вы отрегулировать сиденье, – невинно улыбаясь, попросила Хетти.

– Сейчас я все покажу. – Он склонился над ней и коснулся ладонью бедра Хетти, она сделала вид, что ничего не заметила. От продавца приятно пахло лосьоном «Олд спайс».

– Так лучше, – пробормотала Хетти, ерзая на кресле и принимая все более откровенные позы.

Продавец, поощренный таким поведением, поднял ладонь чуть выше по гладкой внутренней поверхности бедра.

– Какая у этого двигателя степень сжатия? – вдруг спросил Джонни, закрывая капот. Продавец резко отдернул руку и поспешил к нему.

Через полчаса Джонни подписал договор купли-продажи и пожал продавцу руку. Через секунду то же самое сделала Хетти.

– Позвольте дать вам визитную карточку. – Но Джонни был уже слишком занят своей новой игрушкой, поэтому карточку взяла Хетти. – Позвоните, всегда буду рад помочь вам в любом вопросе, – многозначительно произнес продавец.

– Деннис Лэнгли. Менеджер по продажам, – вслух прочитала Хетти. – Такой молодой, а уже менеджер.

– Ну, не такой уж молодой.

– Понятно. – Хетти облизала губы кончиком розового языка. – Я не потеряю, – сказала она, убирая карточку в сумку, и пошла к «мустангу», виляя бедрами и стуча каблуками.

На новой машине они доехали почти до Потчесфроома. Хетти постоянно заставляла Джонни идти на обгон, несмотря на встречное движение. Нажимая на клаксон, он вслепую преодолевал подъемы и только показывал унизанный перстнями средний палец рассерженно кричащим что-то водителям. На обратном пути спидометр показывал сто двадцать миль в час. Уже стемнело, когда Джонни подъехал к дому и едва успел затормозить, чтобы не врезаться в припаркованный там огромный «даймлер».

– Господи! – испуганно пробормотал Джонни. – Это же автобус доктора Стайнера!

– Кто такой доктор Стайнер? – спросила Хетти.

– Один из крутых боссов.

– Шутишь?

– Нет. Очень большой босс.

– Круче мистера Айронсайдса? – Хетти казалось, что выше генерального директора быть уже никого не может.

– Оловянные Ребра просто цыпленок по сравнению с этим джокером. Посмотри на этот автобус, он в пять раз лучше, чем потрепанный «мазерати» Рода.

– Здорово! – Такие слова были понятны Хетти. – А что ему от нас нужно?

– Не знаю, – с некоторым беспокойством в голосе признался Джонни. – Но скоро узнаю.

В гостиной дома Деланжа Манфред чувствовал себя не очень комфортно.

Он сидел на краю красно-золотого пластикового кресла неподвижно, как фарфоровые собаки, расставленные на всех полках серванта и на столе, или такие же утки, улетающие вдаль по розовой стене. На фоне блестящих рождественских украшений и развешанных на зеленых лентах открыток – гордости Хетти – черная фетровая шляпа и пальто с каракулевым воротником Манфреда выглядели нелепо.

– Прошу простить мою смелость, – сказал он, не вставая с кресла. – Вас не было, и служанка провела меня в гостиную.

– Рады вас видеть, правда, – с глуповатой улыбкой сказала Хетти.

– Конечно, доктор Стайнер, – поддержал ее Джонни.

– Значит, вы меня знаете? – Это упрощало задачу.

– Конечно, знаем. – Хетти протянула ему руку. – Я – Хетти Деланж, рада познакомиться.

С ужасом Манфред заметил влажные рыжеватые волосы у нее под мышкой. Хетти принимала душ прошлым вечером. Ноздри Манфреда затрепетали, он с трудом подавил приступ тошноты.

– Деланж, я хочу поговорить с вами наедине. – Присутствие Хетти лишало его уверенности.

– Конечно, – поспешил согласиться Джонни. – Дорогая, свари нам кофе.

Через десять минут Манфред облегченно опустился на мягкое заднее сиденье «даймлера». Деланжи махали руками на прощание, но он ничем не ответил и устало закрыл глаза. Все было сделано. Завтра утром Джонни в утреннюю смену начнет бурение Биг Диппера.

К полудню Манфред будет владеть четвертью миллиона акций «Сондер дитч».

Через неделю он станет богатым.

Через месяц он разведется с Терезой Стайнер. Возбудит дело на основании супружеской неверности и добьется публичного рассмотрения. Она ему больше не нужна.

Шофер повез его в Йоханнесбург.

61

Это началось на Йоханнесбургской фондовой бирже. Несколько месяцев вся активность ограничивалась предприятиями тяжелой промышленности, в частности группой компаний Алекса Сагова, и переговорами об их слиянии.

Единственной искрой жизни в сфере горного дела и финансов, с ним связанных, была новая договоренность о правах между Англо-Американской корпорацией и компанией «Де Бирс», но сейчас это были уже старые новости, и цены установились на новых уровнях. Никто не ожидал фейерверков, когда оживилась деятельность в золотом отделе. Биржевые маклеры, толпившиеся в центре зала, вели себя спокойно и чинно, когда взорвалась первая петарда.

– Покупаю «Сондер дитч», – раздалось из одного конца зала.

– Покупаю «Сондер дитч». – Совсем другой голос.

– Покупаю! – Толпа зашевелилась, головы завращались.

– Покупаю!

Брокеры концентрировались в группки, которые вновь рассыпались, как только сделка была заключена. Цена подскочила на пятьдесят центов, и один из брокеров умчался из зала, чтобы посоветоваться со своим клиентом. А еще один брокер хлопнул по спине другого, чтобы привлечь к себе внимание. Паника начинала разрастаться.

– Покупаю! Покупаю!

– Что происходит, черт возьми?

– Кто покупает?

– Кто-то местный.

Цена достигла десяти рандов за акцию, паника стала неудержимой.

– Покупатель заокеанский!

– Одиннадцать рандов!

Брокеры метнулись к телефонам, чтобы предупредить нужных клиентов о том, что началась игра на повышение.

– Двенадцать пятьдесят. Покупатель местный.

– Покупаю по лучшей цене. Пять тысяч акций.

Клерки носились по залу с последними, переданными по телефону инструкциями клиентов.

– Боже праведный! Тринадцать рандов! Пора продавать и делать деньги, цена не может стать еще выше!

– Тринадцать семьдесят пять. Покупают из-за океана. Покупай.

В пятидесяти брокерских конторах по всей стране профессионалы, всю жизнь посвятившие подобным махинациям, ругались, недоумевая, как могли пропустить подобную ситуацию, и вступали в игру. Другие, более благоразумные, заподозрив нечестную игру, избавлялись от накоплений, продавали акции как шахт, так и промышленных предприятий. Цены окончательно вышли из-под контроля.

В десять пятнадцать президенту биржи позвонил министр финансов из Претории:

– Что собираетесь предпринять?

– Пока не решили. Не хотелось бы прекращать торги, если этого можно избежать.

– Не выпускайте ситуацию из-под контроля. Держите меня в курсе.

Цена достигла шестнадцати рандов и все ползла вверх, когда в одиннадцать часов в игру включилась Лондонская биржа. Первые пятнадцать минут цены на ней росли так же стремительно, как в Йоханнесбурге.

Затем неожиданно на биржах появилось огромное количество акций не только «Сондер дитч», но и других компаний района Китченервилля. Цены покачнулись, упали на несколько шиллингов, вновь выросли и вдруг неудержимо покатились вниз.

– Продаю! – тут и там слышались крики.

Когда цена одной акции упала до пяти рандов семидесяти пяти центов, комитет Йоханнесбургской фондовой биржи прекратил торги из соображений национальной безопасности.

Но в Нью-Йорке, Париже и Лондоне инвесторы продолжали вбивать гвозди в крышку гроба акций золотодобывающей промышленности Южной Африки.

В кондиционированной прохладе кабинета на верхнем этаже небоскреба маленький лысый человек стучал по полированной поверхности стола крепко сжатым кулаком.

– Я же предупреждал, не верьте ему! – Он едва не плакал от ярости. – Алчная жирная свинья! Одного миллиона ему мало! Ему нужно было загубить все дело!

– Прошу вас, полковник, – попытался успокоить его начальник, – возьмите себя в руки. Давайте попробуем честно и беспристрастно оценить сложившуюся финансовую ситуацию.

Лысый рухнул в кресло и попытался закурить, но никак не мог дрожащими пальцами зажечь зажигалку.

– Все ясно даже слепому. – Он наконец прикурил и глубоко затянулся. – Первый всплеск активности на Йоханнесбургской бирже был вызван деятельностью нашего гениального доктора Стайнера. Он скупал акции, основываясь на выводах нашего липового доклада. Реакция вполне естественная, мы ожидали ее, даже надеялись, что именно так и произойдет. Это отводило от нас все подозрения. – Сигарета потухла, он швырнул ее в пепельницу и закурил другую. – Прекрасно! До этого момента все развивалось по плану.

Доктор Стайнер совершил финансовое самоубийство, мы же въезжали в рай на спине этого придурка. Затем наш толстый друг стал играть на понижение. Вышел на рынок с миллионами.

– Можно прекратить операцию?

– Нет. – Лысый покачал головой. – Я послал толстому приказ остановить работы в тоннеле, но он его, естественно, не выполнит. Он вложил несколько миллионов долларов и будет всячески охранять свои инвестиции.

– Быть может, нам следует предупредить руководство компании «Сондер дитч»?

– И все поймут, кто стоит за этой операцией.

– Гм. – Начальник кивнул. – Мы можем послать им анонимное предупреждение.

– Кто ему поверит?

– Верно. – Начальник вздохнул. – Нам остается только задраить люки и переждать шторм. Стоять на своем и все отрицать.

– Ничего другого нам не остается. – Сигарета снова потухла, к усам прилипли крупинки табака.

– Ублюдок! Жадный жирный ублюдок!

62

Джонни и Большой Король стояли плечом к плечу в клети. Смена прошла удачно. Несмотря на прочность породы дайки, снизившую скорость проходки почти вдвое, им удалось произвести пять взрывов. Джонни полагал, что они прошли уже половину дайки. В ночную смену никто не работал. Кэмпбелл вернулся в забой, и вся слава за проходку дайки достанется Джонни. Это его возбуждало. Завтра он углубится в неизвестное.

– До завтра, Большой Король, – сказал он, когда клеть поднялась на поверхность и они вышли на улицу.

Банту направился в общежитие, Джонни – к сверкающему «мустангу» на стоянке.

Большой Король, не переодеваясь, пошел прямо к коттеджу индуны. Он остановился в дверях и подождал, пока Старик заметит его.

– Какие новости, мой отец? – спросил он наконец.

– Самые плохие, – мягким голосом ответил индуна. – Полиция арестовала Кривую Ногу.

– Он не предаст меня, – не очень уверенно заявил Большой Король.

– Думаешь, он примет смерть вместо тебя? Он же должен себя защитить.

– Я не хотел его убивать. Я не хотел убивать португальца, во всем виноват пистолет.

– Я знаю, мой сын. – Голос индуны был полон жалости.

Большой Король развернулся и побрел к душевым, раскачиваясь, как старик, и волоча ноги.

63

Манфред Стайнер сидел за столом, положив ладони на папку, на один палец была наложена белоснежная повязка. Он сидел совершенно неподвижно – только жила пульсировала на шее и нервно подергивалось веко. Он был смертельно бледен, из-за тонкой пленки пота лицо казалось высеченным из мокрого мрамора.

Громкость приемника была включена на максимум, и голос диктора гулко разносился по всему кабинету:

– «Драма достигла пика в одиннадцать сорок пять по южно-африканскому времени, когда президент Йоханнесбургской биржи закрыл торги и временно прекратил заключение любых сделок.

По последним сообщениям с Токийской фондовой биржи, цена акции компании «Сондер дитч» не превышает четырех рандов сорока центов. Торги в Йоханнесбурге сегодня утром начались с цены девять рандов сорок пять центов.

Представитель правительства Южно-Африканской Республики заявил, что, несмотря на необъяснимость причин таких колебаний цен, министр горной промышленности доктор Карел Де Вет приказал провести полномасштабное расследование специально назначенной комиссией».

Манфред Стайнер встал из-за стола и прошел в ванную. Ему не требовались карандаш и бумага для того, чтобы определить, что приобретенные им утром акции к вечеру обесценились более чем на миллион рандов.

Он встал на колени перед унитазом, и его вырвало.

64

Небо быстро темнело, солнце давно уже скрылось за пылающим горизонтом.

Услышав шум крыльев, Род напряженно вгляделся в темноту. Они летели быстро, опускаясь к речной заводи.

Род быстро встал на ноги и прицелился с упреждением.

Бам! Бам! – выстрелил он из обоих стволов. Утки, нарушив строй, быстро взмыли вверх и исчезли.

– Черт их возьми! – выругался Род.

– В чем дело, стрелок, промахнулся?

– Слишком мало света.

– Отговорки! – Терри встала рядом, и Род легонько ударил ее кулаком по щеке.

– Хватит, женщина. Поехали домой.

Взяв ружья и убитых уток, они пошли вдоль берега к «лендроверу».

Было уже совсем темно, когда они подъехали к дому.

– Какой был чудесный день, – мечтательно произнесла Терри. – Я тебе благодарна уже за то, что ты меня научил наслаждаться жизнью.

Они приняли ванну и переоделись. На ужин им подали дикую утку, ананас и овощные салаты с огорода миссис Ганс. Потом они легли на шкуру леопарда перед камином, молча наблюдая за пляшущими языками пламени и чувствуя приятную усталость.

– Господи! – Терри взглянула на часы. – Почти девять. Пора в кровать. Что скажешь, мистер Айронсайдс?

– Давай послушаем новости.

– Род! Никто не слушает новости в этой сказочной стране.

Род включил приемник, и первые слова диктора заставили их замереть. «Сондер дитч».

Они выслушали все до конца. Лицо Рода окаменело, губы сжались в тонкую линию. Когда новости закончились, Род выключил приемник и закурил.

– Неприятности. Причем серьезные. Прости, Терри, но нужно возвращаться. Немедленно. Я должен быть на шахте.

– Понимаю, но я не смогу взлететь ночью, полоса не освещена.

– Вылетаем на рассвете.

Род плохо спал той ночью. Терри, просыпаясь, чувствовала, как он напряжен. Дважды он вставал и выходил в ванную.

Она проснулась на рассвете и увидела его силуэт на фоне освещенного звездами окна. Он курил и смотрел в темноту. Впервые они провели ночь вместе, но не занимались любовью.

В восемь часов они взлетели, в десять приземлились в Йоханнесбурге.

Род сразу же прошел в кабинет Хэнка и позвонил на шахту. Трубку взяла Лили Жордан.

– Мисс Жордан? Что происходит? На шахте все в порядке?

– Это вы, мистер Айронсайдс? Слава Богу! Слава Богу, вы вернулись. Случилось что-то ужасное!

65

Джонни Деланж дважды взорвал стеклянистую породу дайки, углубившись в нее еще на тридцать футов.

Он определил опытным путем, что, если заложить заряды на три фута глубже, скорость проходки можно увеличить, несмотря на прочность породы. Закладывая следующий заряд, он решил нарушить все правила безопасности и увеличить мощность вдвое. Нужна была дополнительная взрывчатка.

– Большой Король! – попытался он перекричать грохот отбойных молотков. – Принесите еще шесть ящиков динагеля.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, он закурил и стал наблюдать за работой бурильщиков. Их потные тела склонились над молотками. Темная порода дайки поглощала свет ламп, конец тоннеля выглядел темным и зловещим.

Джонни подумал о Дэйви. Внезапно почувствовав тревогу, нервно заходил. Мурашки забегали по телу. «Дэйви здесь». Он весь похолодел от ужаса. Джонни быстро обернулся, но увидел лишь пустой тоннель.

– Шайа, мадода! – крикнул он бригаде. Те ничего не услышали из-за грохота молотков, но Джонни почувствовал себя уверенней от звука собственного голоса.

Но странное чувство не оставляло его: Дэйви был здесь, пытался сказать ему что-то.

Джонни решил не обращать внимания на такую ерунду, прошел вперед и остановился рядом с бурильщиками, пытаясь обрести уверенность от их физической близости. Ничего не помогало. Нервы были напряжены до предела, пот выступил на коже.

Вдруг один из рабочих, буривших шпур в центре тоннеля, резко попятился назад.

– Эй! – закричал Джонни, потом увидел, как из-под стального бура начали выбиваться тончайшие струйки воды. Что-то выдавливало бур из отверстия, как зубную пасту из тюбика. – Эй! – снова закричал Джонни, и в этот момент тяжелый молоток вылетел из стены со скоростью пушечного ядра. Он оторвал голову бурильщику, отбросив его тело далеко назад по тоннелю. Из отверстия вырвалась мощная струя воды, проломившая грудную клетку помощника бурильщика, так велико было давление.

– Назад! Все назад! – закричал Джонни, и в этот момент скала взорвалась. Взрыв был более мощным, чем от заряда динагеля. Джонни Деланж погиб мгновенно. Обломки превратили его в фарш. Вместе с ним погибли все члены бригады, поток воды подхватил их тела и понес по тоннелю.

Большой Король в момент прорыва находился у начала тоннеля. Он услышал зловещий рев, будто на него мчался курьерский поезд. Вода выдавливала воздух, из тоннеля появился ураган пыли и мелких обломков.

Большой Король и другие рабочие замерли, и из тоннеля вырвался пенный поток, вынесший мусор и человеческие останки.

Напор воды, затопившей основной штрек шестьдесят шестого уровня, понизился, но глубина потока, покатившегося в обе стороны, все равно достигала человеку до пояса.

– Сюда! – Большой Король очнулся первым. Он прыгнул на аварийную лестницу, служащую для выхода на верхний уровень. Остальные рабочие не были столь ловки, и их тела поток размазал по стальной решетке, закрывавшей выход в штрек. Вода тянула Большого Короля за ноги, но он вырвался из ее смертельных объятий и полез наверх.

Внизу вода с ревом уходила в отверстие шахтного ствола, затапливала все выработки ниже шестьдесят шестого уровня.

66

Оставив Терри у механика Хэнка, Род немедленно поехал на шахту. Выпрыгнув из «фольксвагена» у здания копра № 1, он был мгновенно окружен взволнованной толпой.

Рядом с обезумевшим от происходившего Дмитрием черным колоссом возвышался Большой Король.

– Что произошло?

– Рассказывай, – приказал Большому Королю Дмитрий.

– Я был у выхода в штрек с бригадой, – медленно произнес огромный банту. – Могучая река выплеснулась из тоннеля. Она бежала быстрее, чем Замбези весной, рыча как лев, она съела всех моих людей. Только я сумел спастись.

– Род, – вмешался Дмитрий, – проблема более чем серьезная. По нашим расчетам, вода зальет все выработки ниже шестьдесят шестого уровня через четыре часа.

– Людей вывели?

– Всех, за исключением бригады Джонни Деланжа. Они были в тоннеле. Боюсь, от них остался только фарш.

– Предупредили другие компании, что возможен прорыв воды от наших выработок?

– Да, они уже выводят людей.

– Отлично. – Род быстро зашагал к комнате взрывников, Дмитрий едва успевал за ним. – Давай свои ключи и найди главного электрика.

Через несколько минут все уже были в маленьком помещении с бетонными стенами.

– Проверить специальную цепь, – отдал приказание Род. – Я хочу взорвать предохранительный заряд и завалить тоннель.

Главный электрик пробежал пальцами по клавишам управления.

– Готово!

– Проверить контакт!

Мастер включил рубильник, и все затаили дыхание.

– Красный! – воскликнул Дмитрий.

На контрольной панели специальной цепи загорелся циклопический красный глаз – символ бога отчаяния.

– Черт! – выругался главный электрик. – Цепь нарушена. Вода вырвала провода.

– Неисправность панели управления?

– Нет.

– Все кончено, – прошептал Дмитрий. – Прощай, «Сондер дитч».

Род вылетел на улицу и обвел глазами толпу.

– Джонсон! – Он увидел знакомое лицо начальника отдела. – Поезжай в яхт-клуб и возьми спасательный плот, быстрее!

Род повернулся к вышедшему из здания главному электрику.

– Взрывную машинку, моток провода, плоскогубцы, два нейлоновых каната. Быстро!

Электрик убежал.

– Род, – схватил его за руку Дмитрий. – Что собираешься предпринять?

– Хочу спуститься вниз, найти разрыв в цепи и взорвать заряд вручную.

– Да ты сошел с ума! Тебе не выбраться живым!

Его возражения остались незамеченными.

– Мне нужен помощник. Сильный. Самый сильный из присутствующих. Мы должны будем протянуть плот против течения. – Род огляделся. Большой Король стоял рядом с клетью. Их рост позволял смотреть друг другу в лицо поверх голов. – Ты пойдешь со мной?

– Да, – ответил Большой Король.

Не прошло и двадцати минут, как они были уже готовы выступать. Род и Большой Король разделись до маек и трусов. Костюм дополняли лишь брезентовые тапки на ногах и каски, так что выглядели они достаточно нелепо.

Спасательный плотик раньше стоял на вооружении военно-морского флота. Компактный, девять футов в длину – его легко можно было поднять одной рукой. Сейчас он был загружен снаряжением, необходимым для выполнения задачи. В герметичной сумке лежала взрывная машинка, рядом были сложены: моток изолированного провода, плоскогубцы, перчатки и запасная лампа. К ушкам на бортах были прикреплены два мотка нейлонового каната, небольшой ломик, топорик и острое как бритва мачете в кожаных ножнах. К корме были привязаны два буксировочных троса.

– Что тебе еще понадобится? – спросил Дмитрий.

Род покачал головой:

– Этого должно хватить. Второго шанса не будет.

– Верно. – Дмитрий подал знак, и четверо рабочих понесли плот к клети.

– Поехали. – Дмитрий вошел в клеть. За ним последовали Род и Большой Король. Род помедлил лишь мгновение, чтобы посмотреть на небо. Оно было таким голубым и ясным.

Стволовой уже собирался закрыть дверь, когда к зданию копра подлетел «роллс-ройс силвер клауд». Из него вышли сначала Харри Хершфилд, потом Терри Стайнер.

– Айронсайдс, – взревел Харри, – что, черт возьми, происходит?

– Прорыв воды.

– Воды? Откуда она взялась?

– Из-за Биг Диппера.

– Вы пробурили дайку?

– Да.

– Ублюдок, ты погубил «Сондер дитч». – Харри метнулся к клети.

– Пока нет, – возразил Род.

– Род, – Терри была бледна как смерть, – ты не должен туда спускаться.

Тот в ответ оттолкнул стволового и сам опустил дверь. Терри прижалась лицом к решетке, но клеть уже скользнула вниз.

– Род, – прошептала она. Харри обнял ее за плечи и повел к «роллс-ройсу».

Не выходя из машины, Харри провел суд «кенгуру» над Родни Айронсайдсом. Он вызывал по одному начальников отделов «Сондер дитч» и подвергал их допросу. Даже самые преданные Роду люди ничего не смогли сказать в его защиту, но были и другие, увидевшие в сложившейся ситуации прекрасную возможность свести с ним счеты.

Терри и представить себе не могла, что такие слова могли быть сказаны о любимом ею человеке. Не оставалось никаких сомнений, что Родни Айронсайдс предпринял действия, настолько рискованные и противоречащие политике компании, что их нельзя было не признать преступными.

– Почему он это сделал? – пробормотал Харри Хершфилд в полном недоумении. – Что хотел доказать, пробурив Биг Диппер? Похоже на умышленную попытку саботировать «Сондер дитч». – Харри начинал свирепеть. – Ублюдок! Затопил «Сондер дитч» и убил столько людей! Он заплатит за это. Я его уничтожу, сотру в порошок! Отдам под суд! Предумышленная порча имущества! Непредумышленное убийство! Преступная небрежность! Клянусь Богом, я его уничтожу!

Терри не могла молчать, услышав такое.

– Он не виноват, Попс. Клянусь тебе. Его заставили.

– Ха! Я видел, как ты вела себя у клети. Почему ты так рьяно бросаешься на его защиту?

– Попс, поверь мне. – Терри едва не плакала.

– Почему я должен тебе верить? Вы оба виноваты, раз ты его так защищаешь.

– Хотя бы выслушай меня, – взмолилась Терри, и Харри сменил гнев на милость.

Из-за волнения речь ее была сбивчивой. Не рассказав и половины, она вдруг поняла, что речь ее звучит неубедительно даже для нее самой. Харри мрачнел с каждой произнесенной ею фразой, пока наконец не оборвал на полуслове:

– Тереза, ты сошла с ума! Хочешь свалить всю вину на собственного мужа! Я просто не верю своим ушам...

– Я говорю правду! Бог свидетель. – Она была близка к истерике. – Рода заставили. У него не было выбора!

– У тебя есть доказательства? – сухо спросил Харри.

Тереза замолчала. Какие у нее могли быть доказательства?

68

Клеть замедлила свой бег и остановилась на шестьдесят пятом уровне. Свет горел, но людей в штреке не было. Вскоре плот был уже выгружен.

Слышался глухой рокот воды на нижнем уровне. От перемещения такой огромной массы жидкости по штрекам дул пронизывающий ветер.

– Большой Король и я спустимся по аварийной лестнице. Потом вы спустите нам плот, – сказал Род Дмитрию. – Проверь, чтобы все оборудование было надежно привязано.

– Понял.

Все было готово. Люди, спустившиеся с ними в клети, замерли в ожидании. Причин откладывать спуск не было, но Род никак не мог избавиться от странного тревожного чувства, не оставлявшего его.

– Пошли, Большой Король. – Он направился к лестнице.

– Счастливо, Род, – раздался за спиной голос Дмитрия, но Род был полностью поглощен стоящей перед ним задачей.

Свет на шестьдесят шестом уровне погас от короткого замыкания, и вода в свете лампы Рода казалась темной и угрожающей. Она безумным потоком стремилась по тоннелю,

грозя сорвать решетчатую перегородку, действовавшую сейчас как гигантское решето и собиравшую весь мусор. Среди обломков досок и бревен, обрывков мешковины и других не поддающихся узнаванию объектов Род увидел два трупа.

Он спустился вниз и осторожно вошел в воду. Сила потока, охватившего нижнюю часть тела, просто ошеломила его. Вода доходила ему до пояса, и он с трудом удерживался на ногах.

Большой Король спустился следом.

– С тобой все в порядке? – Род едва смог перекричать грохот воды.

– Да. Пускай спускают лодку.

Род направил луч лампы вверх, и через минуту плот уже закачался рядом.

Род быстро проверил снаряжение. Все было на месте.

– Отлично. – Обвязавшись нейлоновым канатом вокруг пояса, Род полез по решетке к потолку тоннеля. Большой Король постепенно стравливал веревку.

Потянувшись, Род схватился за воздухопровод, надежно привинченный к потолку. Труба была толщиной с запястье и легко выдерживала вес взрослого человека. Повиснув на ней и скользя ступнями по поверхности воды, Род стал продвигаться по тоннелю. Нейлоновый канат тянулся за ним как гигантский белый хвост. Ему предстояло пройти так триста футов, и в конце пути перенапряженные мышцы просто молили о пощаде. Руки как будто вывернулись из суставов, даже вес каната казался невыносимым.

В месте выхода тоннеля к главному штреку образовался небольшой водоворот. Опустившись в него, Род смог прижаться к стене и удержаться на ногах и даже привязать канат к одному из многочисленных болтов, торчавших из стены. Через несколько минут, увидев сигнал лампы, к нему присоединился Большой Король.

Схватившись за канат, к которому был привязан плот, они позволили себе немного отдохнуть.

– Готов? – спросил Род.

Большой Король кивнул.

Он налегли на канат. Несколько секунд ничего не происходило, как будто другой конец был привязан к горе.

– Еще раз! Вместе! – прохрипел Род, и им удалось подтащить плот на фут.

Когда плот был надежно привязан к болтам, их ладони кровоточили. Ни Род, ни Большой Король не в силах были говорить – повисли на канатах и с трудом переводили дыхание.

Род взглянул в глаза банту и увидел в них свои собственные сомнения. Предохранительный заряд находился в тысяче футов выше по тоннелю. Напор воды в нем был вдвое сильнее, чем в штреке. Смогут ли они противостоять первозданным силам природы?

– Я пойду первым, – сказал Большой Король.

Банту подтянулся на трубе, кожа его блестела, словно панцирь черепахи. Перебирая руками, он быстро исчез в зияющем чреве тоннеля.

Через несколько минут Род увидел сигнал Большого Короля и последовал за ним. Банту сумел закрепиться, но здесь сила потока была настолько велика, что канат раздирал их тела до крови, и все же им удалось подтащить к себе плот и закрепить его.

Род тихо плакал, подняв окровавленные ладони к глазам. Казалось, он не сможет сделать и шага вперед.

– Готов? – спросил Большой Король, и Род кивнул. Потом схватился окровавленными ладонями за трубу, чуть не взвыл от боли, но двинулся вперед.

Он понимал, что мгновенно погибнет, если сорвется с трубы. Поток унесет его, размажет по острым стенам и разобьет останки о железную решетку в конце штрека.

Он упрямо двигался вперед, пока не понял, что не может сделать ни малейшего движения. Он привязался к очередному болту и дал передышку изнуренным мышцам. Потом все начиналось сначала. Они подтягивали плот, закрепляли его, и Род сохранял уходившее сознание только усилием воли.

Пример Большого Короля не давал ему сдаться. Выражение лица огромного банту не менялось, лишь глаза наливались кровью и редкий стон срывался с губ, когда окровавленные ладони касались грубого каната.

Род знал, что не может опустить руки, пока держится Большой Король.

Действительность превратилась в наполненный болью черный кошмар. Перенапряженные сверх предела мышцы почему-то продолжали действовать. Роду казалось, что он уже вечность провел на этой трубе, все время карабкаясь вверх по тоннелю. Пот заливал глаза, и он даже не понял сначала, к чему они подобрались.

Прищурившись, он разглядел странную деревянную конструкцию. Болтам, крепившим ее к стенам, удалось противостоять натиску воды. Он вдруг понял, что видит остатки вентиляционных дверей. Сами двери сорвало, но рама осталась на месте. Он знал, что за дверями должен был находиться предохранительный заряд. Они дошли!

Тело наполнилось новой силой, и он бросился вперед. Закрепив канат на раме, он подал сигнал Большому Королю и позволил себе расслабиться на мгновение. Оглядевшись секундой позже, он понял, почему не сработала взрывная цепь.

Свет ламп выхватил из тьмы конец зеленого кабеля. Очевидно, он был прикреплен к дверям и его разорвало в момент прорыва воды. Тело Рода наполнилось еще большей энергией – он понял, что их мучительный поход по тоннелю завершен.

– Здесь! – крикнул он показавшемуся из темноты Большому Королю. Тот лишь закрыл глаза – говорить он уже не мог.

Целых пять минут потребовалось им для того, чтобы подтянуть плот и надежно привязать его к раме.

Они вынуждены были отдохнуть, силы покидали их с непостижимой скоростью.

– Постарайся поймать конец кабеля, – сказал Род Большому Королю. Сам он забрался на плот. Канат натянулся как струна из-за возросшей осадки.

Род начал готовить взрывную машинку, а банту попытался поймать конец кабеля. Он танцевал рядом с кончиками его пальцев, Большой Король еще больше нагнулся вперед, усилив и без того огромное давление на болты.

Наконец ему удалось поймать кабель, и он подтянул его к Роду.

Тот осторожно закрепил зажимы на концах проводов от машинки к зеленому кабелю. Он намеревался вместе с Большим Королем удалиться на плоту на безопасное расстояние и лишь затем взорвать заряд.

Пальцы Рода онемели от боли и холода. Простая работа заняла несколько минут, и все это время давление на болты не ослабевало.

– Все, Большой Король, – сказал он наконец, встав на колени и схватившись за раму. – Забирайся на плот. Все готово.

Банту успел сделать лишь один шаг. Болты вырвало из стены с одной стороны рамы, и она, складываясь, словно гигантские ножницы перерубила руки Рода. Раздался оглушительный хруст костей.

С безумным криком Род свалился на дно плота, бесполезные теперь руки повисли плетьми. В трех футах от него, по пояс в воде, замер Большой Король. Его рот был широко раскрыт, но из него не вылетало ни звука. Он стоял словно черная статуя, только глаза вылезали из орбит.

Под водой бруски рамы проделали такое же движение, как и на поверхности, и раздробили тазовые кости Большого Короля. Из их смертельных объятий невозможно было выбраться.

Белое лицо и черное лицо разделяли лишь несколько футов. Собратья по несчастью смотрели друг другу в глаза и понимали, что выхода нет. Они были обречены.

– Мои руки, – прохрипел Род. – Их как будто нет.

Большой Король молчал.

– Сможешь дотянуться до машинки? – прохрипел Род. – Поверни ручку! Взрывай, Большой Король! Взрывай!

Взгляд банту постепенно становился осмысленным.

– С нами все кончено, Большой Король! Уйдем как мужчины. Взрывай!

Скала над их головами была нашпигована взрывчаткой. Род попытался дотянуться до машинки, но лишь застонал от боли.

– Возьми ее, Большой Король.

Огромный банту схватил машинку и прижал ее к груди.

– Ручка! Поверни ручку!

Но Большой Король вытащил мачете из ножен.

– Что ты делаешь? – В ответ банту взмахнул рукой и опустил сверкающее лезвие на канат.

Поток мгновенно подхватил плот и унес его по тоннелю, Род услышал лишь громовой голос гиганта:

– Иди с миром, мой друг!

В свете лампы беспомощно лежащего на дне плота Рода замелькали в кошмарном водовороте стены, потом воздух содрогнулся от чудовищного взрыва. Он понял, что Большой Король взорвал заряд, и мгновенно провалился в пучину забытья, из которой, как он надеялся, ему не придется возвращаться.

69

Дмитрий сидел на корточках на шестьдесят пятом уровне. Он курил уже десятую сигарету и каждые несколько минут вставал и подходил к люку, чтобы направить луч своей лампы в стофутовую дыру, ведущую на шестьдесят шестой уровень.

– Сколько времени уже прошло? – спросил он.

Все как один рабочие посмотрели на часы.

– Один час десять минут, – сказал один.

– Нет, один час и четырнадцать минут, – возразил другой.

– Ну какое значение имеют четыре минуты!

Все снова замолчали. Вдруг зазвонил телефон. Дмитрий вскочил на ноги и побежал к нему.

– Нет, мистер Хершфилд, пока никаких новостей.

Несколько секунд он молчал, слушал, что говорил ему босс.

– Хорошо, спускайте его сюда.

Он положил трубку.

– К нам спускается полицейский, – объяснил он рабочим.

– Зачем?

– Чтобы арестовать Большого Короля.

– За что?

– За убийство.

– Убийство?

– Да, они решили, что именно он убил этого торговца-португальца.

– Ничего себе!

– Неужели это сделал Большой Король? – Все оживленно принялись обсуждать новость.

Из клети вышел полицейский инспектор, но вид его вызвал разочарование у рабочих. Он скорее был похож на потрепанного работника похоронного бюро и отвечал на посыпавшиеся на него вопросы лишь печальным взглядом.

В пятнадцатый раз Дмитрий подошел к люку, и в этот момент земля вздрогнула.

– Получилось! – Дмитрий запрыгал от счастья. Рабочие тоже принялись лупить друг друга по спинам, радостно крича и хохоча. Только полицейский оставался безучастным.

– Погодите! – закричал Дмитрий. – Замолчите все! Черт вас возьми! Замолчите! Слушайте!

Наступила тишина.

– В чем дело? – спросил один из рабочих. – Я ничего не слышу.

– Вот именно! – закричал Дмитрий. – Вода больше не течет.

Только теперь они поняли, что глухой гул водяного потока, к которому так привыкли их уши, исчез. Под землей было тихо, как в соборе. Все снова радостно закричали, а Дмитрий бросился к люку и стал спускаться по лестнице с ловкостью обезьяны.

С высоты тридцати футов он увидел плот, лежавший среди куч мусора, и скорчившуюся знакомую фигуру.

– Род! – закричал он, еще не спустившись на пол. – С тобой все в порядке?

Пол был мокрым, по нему к стволу продолжали стекать мелкие ручейки. Дмитрий подбежал к плоту, перевернул Рода на спину – и тут он увидел руки.

– Господи! – закричал он в ужасе и через секунду кричал уже рабочим наверху, чтобы те спустили носилки.

Род пришел в себя, когда его, укутанного в одеяло и привязанного к горным носилкам, поднимали в клети на поверхность. На руки были наложены шины и бинты.

Он услышал, как Дмитрий спорил с кем-то.

– Черт вас возьми! Оставьте его в покое, он без сознания и серьезно ранен.

– Я должен выполнить свои обязанности, – возражал ему незнакомый голос.

– Дмитрий, – подал голос Род, – что ему нужно?

– Род, как ты себя чувствуешь? – Дмитрий мгновенно бросился на колени рядом с носилками.

– Погано, честно говоря. Что нужно этому шутнику?

– Он офицер полиции и хочет арестовать за убийство Большого Короля.

– Опоздал немного, – прошептал Род, и вдруг это показалось ему настолько смешным, что он, несмотря на боль, громко рассмеялся. Каждый приступ смеха только усиливал боль в руках, но он не мог остановиться, трясясь от смеха и шока одновременно. – Он опоздал! – повторял он сквозь истерический хохот, и доктор Стандер вынужден был накачать его морфием.

70

Харри Хершфилд стоял на полу основного штрека шестьдесят шестого уровня в самом центре активности. Бригады из компании, специализирующейся на цементировании, уже разворачивали свое оборудование и подтаскивали его к заваленному тоннелю.

Компания была независимой, ей предстояло закачать тысячи тонн жидкого цемента в завал тоннеля. Цемент необходимо было подавать под давлением, превышающим три тысячи футов на квадратный дюйм, чтобы прочно замуровать тоннель на веки вечные. «Неплохой саркофаг для Большого Короля, – подумал Харри, – учитывая, что он спас компанию «Сондер дитч».

Он собирался установить на бетонной стене мемориальную доску, рассказывающую о человеке и его подвиге.

О родственниках тоже следовало позаботиться. Возможно, их стоило доставить сюда на открытие доски. Впрочем, решением этих проблем должны были озаботиться люди из службы кадров и связи с общественностью.

В штреке пахло грязью, было сыро и промозгло. «Люмбаго здесь не вылечить», – подумал Харри, направляясь к стволу, где отчетливо слышался шум мощных насосов, которые должны были выкачать всю воду, заполнившую нижние уровни шахты.

Вдоль стены были расставлены носилки с телами погибших. Выражение лица Харри стало еще более суровым, когда он проходил мимо.

«Я уничтожу человека, который в этом виноват», – поклялся он, входя в клеть.

Терри Стайнер вытерла грязь с лица Рода.

– Скажи мне правду о его состоянии, – попросила она Дэна.

– Терри, он встанет на ноги уже через несколько дней. Состояние рук, конечно, вызывает опасения, поэтому я и везу его в Йоханнесбург к лучшему ортопеду. Последствия шока, неглубокие раны на руках – с этим он справится.

Терри пыталась привести в порядок мокрые волосы бесчувственного Рода.

– Хочешь закурить? – спросил Дэн.

– Прикури мне, Дэн.

Он передал ей сигарету.

– Я и не знал, что вы с Родом настолько близки.

– Как ты деликатен, доктор Стандер.

– Впрочем, меня все это не касается, – поспешил ретироваться Дэн.

– Перестань, Дэн. Ты близкий друг Рода, а Джой – моя давняя подруга. Вы должны знать все. Я отчаянно, безумно люблю этого человека и хочу развестись с Манфредом как можно быстрее.

– Род женится на тебе?

– Пока он о женитьбе не сказал ни слова, но я своего добьюсь.

Дэн рассмеялся:

– Счастья вам обоим, уверен, Род найдет себе другую работу.

– Что ты имеешь в виду?

– Говорят, твой дед хочет дать ему такого пинка, что он приземлится на Луне.

Терри промолчала. Попс просил представить ему доказательства, а где их достать?

– Рентгенологи еще не представили свой отчет, нужно подождать, – сказала Джой Олбрайт. Подружившись с Дэном, она стала считать себя экспертом в области медицины и примчалась в центральную больницу Йоханнесбурга по просьбе Дэна, который хотел, чтобы она составила Терри компанию, пока Род находится в реанимации.

– Возможно. – Одно из произнесенных Джой слов чем-то заинтересовало Терезу, но она не могла понять, чем именно.

– Обычно на обработку пленок уходит минут двадцать. Рентгенолог изучает их и представляет свой отчет хирургу.

«Опять! Какое именно слово?»

И вдруг она поняла.

– Отчет! – воскликнула она. – Отчет – вот доказательство!

Она вскочила на ноги.

– Джой, дай мне ключи от машины.

– Зачем?

– Сейчас нет времени объяснять. Мне нужно немедленно попасть домой в Сэндаун. Дай мне ключи.

Джой достала из сумочки кожаный футляр.

– Где стоит твоя машина?

– На стоянке, рядом с главным входом.

– Спасибо, Джой. – Каблуки Терри уже стучали по коридору.

– Сумасшедшая, – прошептала Джой.

Через десять минут в холл вышел Дэн.

– С Родом все в порядке, а где Терри?

– Она как будто сошла с ума. – Джой объяснила ее внезапный уход. Дэн помрачнел.

– Думаю, нам надо ехать за ней.

– Пожалуй, ты прав, дорогой.

– Только возьму пальто.

Манфред мог положить отчет, о котором говорил ей Род, только в сейф за деревянной панелью в своем кабинете. Ее украшения лежали там же, поэтому у Терри был ключ и она знала шифр.

Даже на «альфа-ромео» Джой поездка в Сэндаун заняла тридцать пять минут, хотя Терри не слишком соблюдала правила дорожного движения. В шестом часу она остановила машину у гаражей.

В саду никого не было видно – рабочие заканчивали работу в пять. В доме она тоже не ожидала никого встретить, так как Манфред был еще в Европе, должен был приехать только через несколько дней.

Оставив ключ в замке зажигания, Терри побежала на веранду, там она нашла в сумочке ключи от входной двери и прошла прямо в кабинет Манфреда. Отодвинув деревянную панель, она долго возилась с замком. Для приведения механизма в действие требовалось ввести комбинацию цифр и вставить ключ одновременно.

Наконец дверь сейфа открылась. Терри принялась выкладывать многочисленные папки, тщательно просматривая их, на пол.

Она не знала, как выглядит отчет, не знала даже, в папке какого цвета он находится. Только через десять минут она обнаружила папку, открыв которую увидела название «Секретный отчет о геологической обстановке в районе месторождения Китченервилль и участках к востоку от дайки Биг Диппер».

Терри почувствовала безумное облегчение, прочитав заглавие, так как начинала уже сомневаться, что отчет находился в сейфе. Пробежав взглядом несколько страниц, она избавилась от последних сомнений.

– Это он! – воскликнула она радостно.

– Спасибо, именно он мне и нужен, – раздался за спиной знакомый голос, и Терри одним движением вскочила на ноги и прижала к груди папку.

Она с трудом узнала собственного мужа. Он был без пиджака. Воротник и манжеты сорочки не застегнуты. Брюки измяты, как будто он в них спал. Сорочка была вся в каких-то желтоватых пятнах. Жидкие светлые пряди свисали на лоб. Под глазами – мешки, щеки покрыты щетиной.

– Отдай его мне. – Он протянул руку.

– Манфред, – она сделала шаг назад, – что ты здесь делаешь? Когда вернулся?

– Отдай его мне, потаскуха.

– Почему ты меня так называешь? – Тереза пыталась выиграть время.

– Потаскуха! – повторил он и бросился вперед. Тереза легко увернулась.

Она побежала по коридору к входной двери, но зацепилась каблуком за персидский ковер и упала.

– Шлюха! – Он попытался вырвать из ее рук папку, но она вцепилась в нее изо всех сил. Взглянув ему прямо в глаза, Терри увидела в них безумие.

Вдруг Манфред отпустил ее, отступил назад и нанес кулаком удар в скулу. Терри ударилась затылком об стену, Манфред отвел руку назад и снова ударил ее. Терри почувствовала, как из носа брызнула теплая кровь, зашаталась, ввалилась в столовую и упала на тяжелый стол из красного дерева.

Манфред ринулся следом, перевернул ее на спину и сжал обеими руками горло.

– Я убью тебя, шлюха, – прошипел он, впиваясь скрюченными пальцами в ее горло.

Собрав последние силы, Терри полоснула его ногтями по лицу. Манфред, закричав от боли, отпустил ее и попятился назад.

Увидев кровь на своих ладонях, он зашатался.

– За это я убью тебя точно!

Как только он сделал первый шаг, Терри легко соскользнула со стола.

– Шлюха! Потаскуха! Сука!

На буфете рядом стояли два тяжелых хрустальных графина – один с портвейном, второй – с шерри. Терри схватила один из них и изо всех сил бросила его в голову Манфреда.

У того не было времени увернуться от удара, и он упал на спину, Терри схватила отчет, выбежала по коридору в сад и, шатаясь, побежала по саду к главной дороге.

За спиной взревел двигатель машины. Едва переведя дыхание, она обернулась и увидела за рулем «альфа-ромео» Манфреда. Потом она увидела, как задымились задние шины, и машина рванулась вперед. За лобовым стеклом сверкали безумные глаза Манфреда на окровавленном лице. Она поняла, что он хочет задавить ее.

Сбросив туфли, она побежала по лужайке.

Склонившись над рулем, Манфред не спускал глаз с бегущей фигуры.

Терри побежала быстрее, ее длинные загорелые ноги несли вперед тело, светлые волосы развевались за спиной.

Манфреда не интересовал отчет – он потерял для него значение. Он хотел только уничтожить эту женщину. В его воспаленном мозгу она стала олицетворением всех бед. Его унижение и крах были связаны только с ней. Он хотел уничтожить это отвратительно теплое тело, разбить его, разорвать стальным корпусом «альфа-ромео».

Манфред включил вторую передачу и повернул руль. Машину занесло на густой траве, но он сумел выровнять ее и направить на ускользающую спину Терри.

Она уже добежала до зарослей протеа на нижней террасе. «Альфа-ромео» взлетела в воздух, потом рухнула на склон, загремев подвеской. Колеса вцепились в мягкую почву, и машина вновь рванулась вперед.

Терри оглянулась, ее лицо было бледным, глаза – широко раскрытыми и полными страха. Манфред засмеялся. Он чувствовал власть, возможность даровать жизнь или смерть и направил машину прямо на Терри.

Впереди рос шестифутовый куст протеа. Манфред снес его машиной и снова засмеялся, увидев Терри совсем рядом. Она обернулась, споткнулась и упала.

Бессильно повесив голову, она стояла на коленях, словно ждала удара палача. Манфред не собирался заканчивать игру так быстро. Ему хотелось подольше наслаждаться своей властью над ней.

В самый последний момент он резко вывернул руль, и машина промчалась всего в нескольких дюймах от Терри, засыпав ее комьями грязи.

Манфред громко засмеялся и, развернувшись, смял еще один куст цветущего кустарника.

Терри вскочила на ноги и побежала. Манфред понял, что она пытается добраться до кирпичных раздевалок бассейна, и, возможно, ей это удастся.

– Сука! – взревел он и включил третью передачу, одновременно нажав на педаль газа.

Если бы Терри выбросила отчет, ей удалось бы перегнать спортивную машину и добежать до раздевалок. Ей оставалось пробежать еще двадцать ярдов, она уже бежала по краю бассейна, когда поняла, что машина настигла ее.

Терри прыгнула в сторону, упала в бассейн, и машина с ревом пронеслась мимо. Манфред резко нажал на тормоз, шины «Мишле» завизжали, и машина остановилась.

Он подбежал к бассейну. Терри отчаянно пыталась доплыть до дальнего края, но быстро теряла силы.

Манфред снова рассмеялся и бросился ей на спину. Терри едва не захлебнулась, но сумела вынырнуть, ловя широко раскрытым ртом воздух и кашляя, но почти мгновенно почувствовала, как руки Манфреда опустили ее голову в воду. Полминуты она яростно сопротивлялась, но потом ее движения ослабели. Манфред стоял по пояс в воде. Одной рукой он прижимал Терри к себе, другой удерживал ее голову за волосы под поверхностью воды. Он потерял очки и подслеповато моргал. Мокрый шелк сорочки прилип к телу.

Почувствовав, как ослабевает ее тело, он снова засмеялся. Это был истерический, пронзительный хохот безумца.

– Дэн! – Джой указала на деревья. – Смотри, моя машина стоит у бассейна!

– Что бы ей там делать?

– Что-то не так. Терри никогда бы не стала ездить на машине по своему любимому саду.

– Нужно посмотреть. – Дэн вылез из машины, Джой поспешила за ним.

Он увидел одетого мужчину в бассейне и узнал в нем Манфреда Стайнера.

– Что он делает! – Дэн бросился бежать. – Господи! Да он хочет ее утопить!

Дэн прыгнул в воду и не стал терять время на борьбу с Манфредом, просто нанес ему сильнейший боковой удар, от которого тот попятился и выпустил Терри.

Не обращая внимания на Манфреда, Дэн положил Терри на живот на край бассейна и стал делать искусственное дыхание. Через несколько минут она зашевелилась, закашлялась, ее вырвало.

Прибежала Джой и упала рядом с Дэном на колени.

– Боже! Что случилось?

– Этот ублюдок пытался утопить ее.

Дэн ни на секунду не прекращал движения рук. Терри застонала, ее снова вырвало.

Манфред вылез из бассейна, сел на край, свесив ноги, и потрогал пальцами скулу, по которой получил удар от Дэна. На коленях у него лежала мокрая масса бумаги, которая недавно была отчетом.

– Джой, справишься здесь без меня. Слава Богу, мы подоспели вовремя. С Терри все будет в порядке, а мне не терпится разобраться с этим маленьким гансом.

Джой склонилась над Терри, Дэн поднялся.

– Что ты собираешься с ним сделать?

– Превратить в фарш.

– Отлично, добавь ему и от меня.

Манфред слышал их диалог и поспешил к стоявшей рядом «альфа-ромео». Дэну не удалось остановить его.

– Последи за Терри, Джой!

Когда Дэн подбежал к своему «ягуару», «альфа» уже вылетела за ворота и скрылась за поворотом.

– Давай, дружище, – подбодрил Дэн свой автомобиль, – достанем его.

Без очков Манфред Стайнер практически ничего не видел. Все предметы выглядели туманными и размытыми.

Машинально он притормозил при выезде на улицу, не зная, куда направиться дальше. Вода стекала с одежды, хлюпала в туфлях. Рядом на сиденье лежал отчет, страницы которого уже начинали расползаться от воды и варварского обращения.

От папки следовало избавиться. Она была уликой против него. Это было единственной ясной мыслью. Впервые в жизни кристальная ясность мысленного процесса была нарушена. Он находился в смятении, мысли перескакивали с одного предмета на другой. Удовольствие от страданий, причиненных Терри, нарушали мысли о нанесенных ему самому ранах. Он не мог сосредоточиться, и все эмоции пересиливало чувство страха и неуверенности. Он ощущал себя уязвимым и потрясенным. Идеальный мозг отказывался работать, как компьютер после короткого замыкания, и выдавал бессмысленные ответы.

Он посмотрел в зеркало заднего вида – из ворот выезжал «ягуар».

– Господи! – Его охватила паника, нога сама нажала на педаль газа. «Альфа» вылетела на шоссе, с трудом избежала столкновения с тяжелым грузовиком и, выровнявшись, полетела в сторону Киалами.

Дэн пропустил грузовик и пристроился сзади. Следовало подождать, пока не будет встречного движения. Когда ему удалось обогнать грузовик, «альфа» превратилась в маленькое кремовое пятнышко на шоссе.

Дэн откинулся назад и нажал на газ. Он был взбешен после того, как увидел, что Манфред сделал с Терри. Ее опухшее окровавленное лицо стояло перед глазами.

Ладони крепко держали руль, нога давила на акселератор, скорость перевалила за сто миль в час, и он стал настигать кремовую спортивную машину.

Скоро он догнал ее. «Альфа-ромео» мешал зеленый школьный автобус. Дэн тоже вынужден был притормозить из-за постоянного встречного движения.

Он переключил скорость, чтобы пойти на обгон при первой же возможности. В этот момент Манфред взглянул в зеркало заднего вида. Дэн увидел его искаженное лицо, прилипшие ко лбу мокрые волосы, понял, что Манфред узнал его, так как «альфа» рванулась вперед по полосе встречного движения.

Автомобили отчаянно загудели, прижимаясь к обочине, и Манфреду удалось обогнать школьный автобус.

Дэн чуть притормозил, затем послал «ягуар» вперед по обочине, не обращая внимания на протестующие гудки водителя автобуса.

«Ягуар» был более скоростной машиной, и на прямом шоссе Дэн легко догнал кремовый автомобиль.

Он видел, как Манфред бросал беспокойные взгляды на зеркало заднего вида.

Впереди начинался резкий подъем. По обеим сторонам шоссе здесь росли высокие деревья. Параллельным с ними курсом двигался потрепанный микроавтобус. Пожилой водитель как раз пошел на обгон перегруженного грузовика с овощами, перегородив тем самым половину дороги.

Манфред, нажав на клаксон, попытался обойти обе машины. Он уже поравнялся с ними, когда на встречной полосе вдруг появился цементовоз.

Дэн изо всех сил нажал на педаль тормоза.

Цементовоз и «альфа-ромео» столкнулись с суммарной скоростью далеко за сто миль в час. В последний момент легковушка попыталась увернуться, но было слишком поздно.

Получив от цементовоза скользящий удар, «альфа» вылетела на обочину, чудом не задев ни микроавтобус, ни грузовик, и, оставив на шоссе черные полосы паленой резины, воткнулась в дерево.

Дэн остановил «ягуар», выключил мотор и медленно пошел к месту аварии.

Он знал, что торопиться некуда. Его опередили водители автобуса и грузовика, оба отчаянно жестикулирующие и пытающиеся перекричать друг друга.

– Я врач, – сказал Дэн, и они почтительно отошли в сторону.

– Ему нужен не врач, а гробовщик.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Манфред Стайнер мертв. Дэн взял промокшую папку с пассажирского сиденья, инстинктивно осознав ее важность.

Его ярость исчезла. Он почувствовал жалость, глядя на труп, который сейчас выглядел таким маленьким, хрупким и не имеющим совсем никакого значения.

71

Солнце было ярким. Его лучи распадались на мириады ослепительных фрагментов, отразившись от покрытой рябью поверхности залива.

Ветер был достаточно сильным, чтобы яхты класса «Эрроу», идущие по ветру, развернули свои спинакеры. Синие, желтые и алые паруса, надутые ветром, ярко выделялись на фоне приглушенных тонов крутого берега бухты Дурбана.

Под навесом на юте яхты было прохладно, но толстяк был одет только в льняные легкие брюки и темно-синие эспадрильи.

Развалившись в шезлонге, он подставил дуновению ветра тугой живот цвета красного дерева, густо поросший волосами.

– Будь добр, Эндрю. – Он протянул пустой бокал, и молодой человек поспешил к бару, чтобы наполнить его очередной порцией коктейля «Пиммс №1».

Член экипажа в белой форме спустился с мостика и почтительно прикоснулся к козырьку.

– Сэр, капитан просил передать, что мы готовы к выходу, как только вы прикажете.

– Благодарю. Передайте капитану, что выходим, как только мисс дю Майн взойдет на борт.

– Ага! – Толстяк довольно вздохнул, ощутив в руке бокал, протянутый Эндрю. – Я заслужил этот отдых. Последние несколько недель были чересчур нервными, мягко говоря.

– Несомненно, сэр, – поспешил согласиться Эндрю, – но вы, как и подобало, вырвали победу в последний момент.

– Именно в последний, – подтвердил толстяк. – Этот молодой Айронсайдс заставил нас поволноваться. Я едва успел вернуть собственные инвестиции, прежде чем цена подскочила. Прибыль оставляет желать лучшего, впрочем, дареному коню в зубы не смотрят.

– Жаль, что наши компаньоны потеряли все свои деньги, – рискнул выразить свое мнение Эндрю.

– Конечно, жаль. Но лучше они, чем мы, верно?

– Несомненно, сэр.

– Я даже рад, что все так получилось. В душе я – патриот и крайне доволен тем, что не пришлось разрушать экономику целой страны ради личной выгоды.

Он внезапно выпрямился в шезлонге, увидев, что к причалу яхт-клуба подъехало такси. Водитель открыл заднюю дверь, и из машины выпорхнула исключительно красивая девушка.

– Эндрю, наша гостья приехала. Предупреди капитана, что выходим буквально через несколько минут. Кстати, пошли кого-нибудь за ее багажом.

72

В середине лета жара в долине Замбези была просто невыносимой. В полдень все замирало под безжалостным солнцем.

В центре деревни рос огромный баобаб. Чудовищно раздутый ствол, уродливые, словно руки больного полиомиелитом, ветви, на которых сидели черные, похожие на тараканов, вороны. Дерево кольцами окружали соломенные хижины, за ними виднелись поля, засеянные просом.

По неровной дороге к деревне приближался «лендровер». Он подпрыгивал на ухабах, мотор ревел на низкой передаче. На его бортах были видны черные буквы «А. В. К.» – Африканская вербовочная корпорация.

Первыми услышали его приближение дети, мгновенно вылезли из хижин, и раскаленный воздух наполнился их возбужденными криками.

Они побежали навстречу машине, заплясали вокруг нее. «Лендровер» остановился в тени под баобабом, из него вышел белый мужчина преклонного возраста в костюме цвета хаки и широкополой шляпе. Все замолчали, а один из мальчиков постарше принес из хижины резной стул.

Белый мужчина сел. Вперед вышла девушка и, опустившись перед ним на колени, протянула тыквенную бутыль с деревенским пивом. Никто не произнес ни слова, никто не смел беспокоить почетного гостя, пока он не попьет, только взрослое население вышло из хижин, щурясь на солнце и поправляя набедренные повязки, и расположилось на корточках полукругом перед стулом.

Старик поставил бутыль на землю и обвел всех внимательным взглядом.

– Я вижу вас, друзья мои, – сказал он, и ответная реакция жителей была теплой.

– Видим тебя, отец.

– Пусть выйдут вперед жены Короля Нкулу, – сказал Старик, – и пусть приведут его старших сыновей.

Четыре женщины и четыре юноши смущенно вышли вперед. Некоторое время он смотрел на них сочувственно, потом встал и шагнул вперед, положив руки на плечи самых старших сыновей.

– Ваш отец ушел к своему отцу, – произнес Старик. Все затаили дыхание, кто-то вскрикнул, потом, как того требовал обычай, первой заголосила старшая жена.

Жены по очереди опускались на иссушенную солнцем землю и закрывали головы платками.

– Он умер, – повторил Старик, – но сделал это с такой честью, что имя его будет жить вечно. Так велик его подвиг, что женам его посмертно будут переводиться деньги, а для старших его сыновей уже приготовлены места в университете, чтобы они стали так же сильны умом, как их отец был силен телом. Образ Большого Короля будет увековечен в камне. Жены Большого Короля и его сыновья поедут на летающей машине в «Голди», чтобы самим увидеть каменное изображение своего мужа и отца. – Старик замолчал, чтобы перевести дыхание, вытер пот с лица. – Он был львом!

– Нгвениама! – прошептал крепкий двенадцатилетний юноша, стоявший рядом со Стариком. Из глаз по щекам потекли слезы, он быстро развернулся и убежал в поле.

73

Деннис Лэнгли – менеджер по продажам компании «Китченервилль моторс» – потянулся и забросил руки за голову. Неплохое начало рабочего дня.

– Счастлив? – спросила его лежавшая рядом Хетти. В ответ Деннис довольно улыбнулся и вздохнул.

Хетти села, простыня сползла с ее тела. Груди ее были большими, белыми и влажными от пота.

– А ты неплохо сложен, – сказала она, рассматривая его грудь и плечи.

– Ты тоже, – улыбнулся Деннис.

– Ты не похож на других мужчин, с которыми я имела дело. Говоришь приятно, как джентльмен.

Деннис так и не успел придумать достойный ответ, так как раздался звонок в дверь.

– Кто это? – испуганно спросил он, вскочив с кровати.

– Наверное, мясник привез мясо.

– Нет, это моя жена. Не подходи к двери!

– Вот еще! – Хетти встала во всей своей бело-золотой красе и начала искать халат. Ее тело на мгновение отвлекло его от тревожных мыслей, но, когда Хетти затянула пояс, он снова предупредил ее:

– Осторожно! Посмотри, не она ли это, прежде чем открыть дверь.

Хетти открыла дверь и мгновенно одной рукой запахнула халат поплотнее, а другой попыталась привести в порядок волосы.

– Привет! – хрипло произнесла она.

Молодой человек, стоявший в дверях, был достаточно привлекательным. К тому же на нем был дорогой темный костюм, а в руке – кожаный портфель.

– Миссис Деланж? – поинтересовался он.

«И голос приятный», – подумала Хетти.

– Да, я – миссис Деланж. – Ресницы ее затрепетали. – Не желаете войти?

Она провела его в гостиную, с удовольствием чувствуя на себе раздевающий взгляд.

– Чем могу помочь? – игриво спросила она.

– Я – местный представитель страховой компании «Санлам», миссис Деланж. Пришел выразить искренние соболезнования нашей компании по поводу постигшей вас утраты. Пришел бы раньше, но не смел нарушить покой скорбящей женщины.

– Ах! – Хетти опустила глаза, мгновенно войдя в роль безутешной вдовы.

– Тем не менее, надеюсь, я смогу немного развеять окружающий вас мрак. Вы знаете, что ваш муж был клиентом нашей компании?

Хетти покачала головой, но с интересом проследила за тем, как он достает документы из портфеля.

– Да, именно так. Два месяца назад он заключил договор о страховании жизни с удвоенной компенсацией. Полис был завещан вам. – Страховой агент протянул ей документы. – Передаю вам чек на полную сумму компенсации по полису. Распишитесь в получении, пожалуйста.

– Сумма большая? – Хетти уже надоела роль вдовы.

– Общая сумма удвоенной компенсации составляет сорок восемь тысяч рандов.

– Ого! Просто сказочно!

74

Планы Харри претерпели существенные изменения. Вместо мемориальной доски на цементной пробке глубоко под землей теперь на постаменте из черного мрамора перед административным корпусом возвышалась бронзовая статуя Большого Короля в натуральную величину.

Скульптору удалось уловить остроту момента, скрытую мощь человека. Надпись была простой: «Король Нкулу» и дата смерти.

Харри лично присутствовал на открытии памятника, хотя терпеть не мог официальные церемонии и всегда старался их избежать. В первом ряду, рядом с доктором Стандером и его новой светловолосой женой, сидела внучка. Она подмигнула ему, и Харри шутливо нахмурился в ответ.

Потом встал Айронсайдс и представил всем присутствующим председателя компании. Харри заметил, что все внимание внучки было устремлено на этого человека, руки которого все еще были в гипсе и на перевязи.

«Возможно, его все-таки стоило уволить, – подумал Харри, – пока он не увел внучку. Впрочем, сейчас уже поздно. – Он посмотрел на своего генерального директора и поспешил себя успокоить: – Как бы то ни было, потомство от него будет хорошим».

В этот момент ход его мыслей изменился.

«Пора подумать о переводе его в главный офис. Парню не хватает изысканности и лоска».

Так размышляя, он достал из нагрудного кармана огромную сигару и уже поднес ее ко рту, когда ощутил на себе взгляд Терри. Ее губы беззвучно произнесли слова: «Твой врач!»

Харри виновато убрал сигару в карман.

Охотники за алмазами

Эту книгу я посвящаю своей жене Низо, бесценному сокровищу моей жизни,
с бесконечной любовью и искренней признательностью
за благословенные годы нашей совместной жизни.

В Найроби вылет задержали на три часа, и, несмотря на четыре большие порции виски, он спал лишь урывками, пока межконтинентальный «боинг» не сел в Хитроу. Джонни Ленс чувствовал себя так, будто в глаза ему высыпали пригоршню песка, и когда он проходил через таможню и иммиграционные службы, настроение у него было отвратительное.

В главном зале международного аэропорта его встретил агент компании «Ван дер Бил дайамондз».

– Как полет, Джонни?

– Как в кошмаре, – ответил Ленс.

– Для вас прекрасная тренировка, – улыбнулся агент. В прошлом они не раз бывали вместе в переделках.

Джонни неохотно улыбнулся в ответ.

– Сняли мне комнату, арендовали машину?

– «Дорчестер» – и «ягуар». – Агент протянул ключи от машины. – И я зарезервировал два места первого класса на завтрашний девятичасовой рейс в Кейптаун. Билеты в отеле у портье.

– Молодец. – Джонни опустил ключи в карман кашемирового пальто, и они направились к выходу. – А где Трейси Ван дер Бил?

Агент пожал плечами.

– С тех пор как я вам писал в последний раз, она пропала из виду. Не знаю, где вам начать поиски.

– Замечательно, просто замечательно, – с горечью сказал Джонни, когда они подошли к стоянке. – Начну с Бенедикта.

– Старик знает о Трейси?

Джонни покачал головой.

– Он болен. Я ему не говорил.

– Вот ваша машина. – Агент остановился у жемчужно-серого «ягуара». – Выпьем вместе?

– Не сегодня, к сожалению. – Джонни сел за руль. – В другой раз.

– Ловлю на слове, – сказал агент и отошел.

К тому времени как Джонни пересек Хаммерсмитскую эстакаду во влажном сером вечернем смоге, стало уже почти темно, и он дважды запутывался в лабиринте Белгрейвии, пока отыскал за Белгрейв-сквер нужное место и остановил «ягуар».

В квартире горел свет, и Джонни несколько раз сильно стукнул дверным молотком. Звук удара гулко разнесся в тишине. Затем Джонни услышал шепот. В окне быстро промелькнула тень.

Джонни ждал на холоде три минуты, потом сделал шаг назад на газон.

– Бенедикт Ван дер Бил! – закричал он. – Открывай! Считаю до десяти, а потом – выставлю эту чертову дверь! – Он перевел дыхание и снова закричал: – Это Джонни Ленс, и ты знаешь – я не шучу!

Дверь почти сразу открылась. Не глядя на человека, открывшего ее, Джонни двинулся внутрь.

– Черт возьми, Ленс. Не ходи туда. – Бенедикт Ван дер Бил пошел за ним.

– А почему? – Джонни оглянулся. – Квартира принадлежит компании, а я главный управляющий.

И прежде чем Бенедикт смог ответить, Джонни оказался в комнате, где увидел двух девушек.

Квартира изменилась со времени его последнего посещения: она была отремонтирована и роскошно обставлена. Джонни скривил рот: «Наш мальчик Бенедикт, может быть, не очень усердно зарабатывает деньги, но уж на их трате он собаку съел».

Одна из девушек подобрала с пола одежду и, голая, побежала в ванную. Вторая, мрачно поглядывая на Джонни, не спеша натягивала платье через голову. Волосы у нее растрепались, и вокруг головы образовалось подобие нимба.

– Отличная вечеринка, – сказал Джонни. Он взглянул на проектор, потом на экран на стене. – Фильмы и прочее...

– Ты что, легавый? – спросила девушка.

– Джонни, ты нахал. – Бенедикт стоял рядом, затягивая пояс шелкового халата.

– Он легавый? – снова спросила девица.

– Нет, – успокоил ее Бенедикт. – Он работает у моего отца. – Это утверждение, казалось, придало ему уверенности, он выпрямился и одной рукой пригладил волосы. Голос его оставался спокойным и ровным. – В сущности, он папин мальчик на побегушках.

Джонни повернулся к нему, но обратился к девушке, не глядя на нее:

– Убирайся, крошка. Вслед за подружкой.

Она колебалась.

– Давай! – Голос Джонни прозвучал резко, как треск веток в пламени лесного пожара, и девушка ушла.

Двое мужчин стояли лицом друг к другу. Одного возраста – три десятка с небольшим, оба высокие, темноволосые, но в остальном абсолютно разные.

Джонни был широкоплечим, узкобедрым, с плоским животом, кожа его была оглажена солнцем пустыни. Четко выделялась тяжелая нижняя челюсть; глаза, казалось, всматривались в далекий горизонт. Говорил он с акцентом, проглатывая окончания слов и слегка гнусавя.

– Где Трейси? – спросил он.

Бенедикт приподнял бровь, выражая высокомерное недоумение. Кожа у него была бледной, не тронутой солнцем: уже много месяцев он не бывал в Африке. Губы красные, будто нарисованные, а классические черты лица слегка расплылись. Под глазами – неболь-

шие мешки, а выпуклость под халатом свидетельствовала, что он слишком много ест и пьет и очень мало занимается спортом.

– Приятель, с чего ты взял, будто я знаю, где моя сестра? Я уже несколько недель ее не видел.

Джонни отвернулся и подошел к картинам на дальней стене. Комната была увешана оригиналами известных южноафриканских художников: Алексиса Преллера, Ирмы Стерн и Третчикова – необычное смешение техники и стилей, но кто-то убедил Старика, что это хорошее вложение капитала.

Джонни повернулся к Бенедикту Ван дер Билу. Он изучал его, как только что изучал картины, сравнивая с тем стройным юным атлетом, которого знал несколько лет назад. В памяти всплыл образ: Бенедикт с грацией леопарда картинно бежит по полю, ловко подстраиваясь под высоко летящий мяч, аккуратно ловит его над головой и опускает для ответного удара.

– Толстеешь, парень, – негромко сказал он, и щеки Бенедикта гневно вспыхнули.

– Убирайся отсюда! – выпалил он.

– Потерпи. Сначала расскажи мне о Трейси.

– Я тебе уже объяснил: не знаю, где она. Распутничает где-нибудь в Челси.

Джонни чувствовал, как нарастает гнев, но его голос оставался ровным:

– Где она берет деньги, Бенедикт?

– Не знаю... Старик...

Джонни оборвал его:

– Старик платит ей десять фунтов в неделю. А я слышал, что она тратит гораздо больше.

– Боже, Джонни. – Голос Бенедикта звучал примирительно. – Не знаю. Это не мое дело. Может, Кенни Хартфорд...

Джонни снова нетерпеливо перебил:

– Кенни Хартфорд ничего не дает. Таково условие развода. Я хочу знать, кто оплачивает ее дорогу к забвению. Как насчет старшего брата?

– Меня? – Бенедикт возмутился. – Ты знаешь, мы не любим друг друга.

– Повторить по буквам? – спросил Джонни. – Ладно, слушай. Старик умирает, но силы пока еще не утратил. Если Трейси станет законченной наркоманкой, появится шанс, что наш мальчик Бенедикт вернет себе расположение отца. Тебе выгодно потратить несколько тысяч, чтобы отправить Трейси в ад. Отдалить ее от отца – и от его миллионов.

– Кто говорит о наркотиках? – вспыхнул Бенедикт.

– Я. – Джонни подошел к нему. – Мы с тобой не закончили одно маленькое дельце. Мне доставит массу удовольствия небольшая операция – вскрыть тебя и посмотреть, что там внутри.

Он несколько секунд смотрел Бенедикту в глаза, пока тот не отвел взгляд и не начал играть кисточками пояса.

– Где она, Бенедикт?

– Не знаю, черт тебя побери!

Джонни подошел к кинопроектору и выбрал одну из бобин. Отмотал несколько метров пленки и посмотрел на свет.

– Прекрасно! – сказал он, кривя от отвращения губы.

– Положи на место! – выпалил Бенедикт.

– Ты ведь знаешь, что Старик думает о таких вещах, Бенедикт?

Бенедикт неожиданно побледнел.

– Он тебе не поверит.

– Поверит. – Джонни швырнул бобину на стол и снова повернулся к Бенедикту. – Поверит, потому что я никогда не лгу ему.

Бенедикт заколебался, нервно вытер рот тыльной стороной ладони.

– Я ее две недели не видел. Она снимает квартиру в Челси. Старк-стрит. Номер двадцать три. Приходила повидаться со мной.

– Зачем?

– Я ей дал взаймы несколько фунтов, – пробормотал Бенедикт.

– Несколько фунтов?

– Ну, несколько сотен. В конце концов, она ведь моя сестра.

– Как мило с твоей стороны, – похвалил Джонни. – Напиши адрес.

Бенедикт подошел к обитому кожей письменному столу и написал адрес на карточке. Вернувшись, протянул карточку Джонни.

– Ты считаешь себя серьезным и опасным человеком, Ленс. – Говорил он негромко, но в его голосе звучала ярость. – Поверь, я тоже опасен – по-своему. Старик не будет жить вечно, Ленс. Когда он умрет, я тобой займусь.

– Ты меня чертовски испугал, – улыбнулся Джонни и пошел к своей машине.

На Слоан-сквер было сильное движение, и Джонни в своем «ягуаре» приближался к Челси медленно. Было время поразмыслить и вспомнить ту пору, когда они жили втроем. Он, Трейси и Бенедикт.

Как зверьки, бегали они вместе по бесконечным пляжам, горам и выжженным солнцем равнинам Намаквaленда – земли своего детства. Это было до того, как Старику повезло на реке Сленг. У них тогда даже на обувь денег не было, Трейси носила платья, сшитые из мешков для муки, и они втроем ежедневно ездили в школу верхом на одном пони, похожие на ряд оборванных ласточек на изгороди.

Он вспомнил, как Старик уезжал, часто и надолго, а для них это были длинные недели смеха и тайных игр. Они каждый вечер взбирались на деревья перед своим бараком с глинобитными стенами и смотрели на бесконечную землю цвета мяса, пурпурную на закате, высматривая появление облака пыли: это означало бы, что возвращается Старик.

Вспомнил он и почти болезненную суету, которая возникала, когда шумный грузовик «форд» с перевязанными проволокой крыльями оказывался во дворе, Старик выбирался из кабины – в пропотевшей шляпе, покрытый пылью, заросший щетиной – и поднимал над головой визжащую Трейси. Затем он поворачивался к Бенедикту и, наконец, к Джонни. Всегда в таком порядке: Трейси, Бенедикт, Джонни.

Джонни никогда не думал, почему он не первый. Так было всегда. Трейси, Бенедикт, Джонни. Точно так же он никогда не думал, почему его фамилия Ленс, а не Ван дер Бил. И все это неожиданно оборвалось, яркий солнечный сон его детства рассеялся и исчез.

– Джонни, я не твой настоящий отец. Твои отец и мать умерли, когда ты был совсем мал. – Джонни недоверчиво смотрел на Старика. – Ты понимаешь, Джонни?

– Да, папа.

К его руке под столом, как маленький зверек, прикоснулась теплая ладошка Трейси. Он отвел руку.

– Лучше тебе больше не звать меня так, Джонни.

Он помнил, каким спокойным, равнодушным тоном сказал это Старик, вдребезги разбивая хрупкий хрусталь его детства. Начиналось одиночество.

Джонни бросил «ягуар» вперед и свернул на Кингз-роуд. Он удивился тому, что воспоминание причинило такую боль: время должно было бы смягчить ее.

Скоро начались и другие перемены. Неделю спустя старый «форд» неожиданно приехал из пустыни ночью, и они, сонные, вскочили с постелей под лай собак и смех Старика.

Старик разжег лампу «Петромакс» и усадил их на кухне вокруг выскобленного соснового стола. Затем с видом фокусника положил на стол камень, похожий на большой обломок стекла.

Трое сонных детей серьезно и непонимающе смотрели на него. Резкий свет «Петромакса» отразился от граней кристалла и вернулся к ним огненно-голубыми молниями.

– Двенадцать карат, – воскликнул Старик. – Бело-голубой, чистейшей воды, и их там должен быть целый воз.

После этого был ворох обновок и блестящие автомобили, переселение в Кейптаун, новая школа и большой дом на Винберг-Хилл – и постоянное соперничество. Соревнование заслужило одобрение Старика, но зато вызвало ненависть и ревность Бенедикта Ван дер Била. Не обладая волей и целеустремленностью Джонни, Бенедикт не мог соперничать с ним ни в классе, ни на спортивном поле. Он отставал от Джонни – и возненавидел его за это.

Старик ничего не замечал: он теперь редко бывал с ними. Они жили одни в большом доме с худой молчаливой женщиной, экономкой, а Старик появлялся редко и всегда ненадолго. Он постоянно казался усталым и озабоченным. Иногда он привозил им подарки из Лондона, Амстердама и Кимберли, но подарки мало значили для них. Для них было бы лучше, если бы все оставалось, как когда-то в пустыне.

В пустоте, оставленной Стариком, вражда и соперничество Джонни и Бенедикта разрослись так, что Трейси пришлось сделать выбор. И она выбрала Джонни.

В своем одиночестве они цеплялись друг за друга.

Серьезная маленькая девочка и рослый долговязый мальчик построили собственную крепость для защиты от одиночества. Прекрасное безопасное место, где не было печали, – и Бенедикт туда не допускался.

Джонни свернул в сторону от движения по Олд-Черч-стрит и поехал к реке в Челси. Машину он вел автоматически, и воспоминания продолжали одолевать его.

Он пытался восстановить ощущение тепла и любви, окружавшее их в крепости, которую они выстроили с Трейси так давно, но тут же вспомнил ночь, когда все рухнуло.

Однажды ночью в старом доме на Винберг-Хилл Джонни проснулся от чьих-то рыданий. Босой, в пижаме, он пошел на эти горестные звуки. Он испугался, ему было четырнадцать лет, и ему было страшно в темном здании.

Трейси плакала, уткнувшись в подушку, и он наклонился к ней.

– Трейси! Что случилось? Почему ты плачешь?

Она вскочила, встала коленями на кровать и обняла его обеими руками за шею.

– Ох, Джонни. Мне снился сон, ужасный сон. Обними меня, пожалуйста. Не уходи, не оставляй меня. – В шепоте ее по-прежнему звучали слезы. Он лег с ней в постель и обнимал ее, пока она не уснула.

С тех пор он каждую ночь уходил к ней в комнату. Совершенно невинные детские отношения двенадцатилетней девочки и мальчика, который был ей братом, если не по крови, так по духу. Они обнимали друг друга, шептались, смеялись, пока оба не засыпали.

И вдруг их крепость взорвалась потоком яркого электрического света. В дверях спальни стоял Старик, а Бенедикт за ним приплясывал от возбуждения и торжествующе кричал:

– Я тебе говорил, папа! Я тебе говорил!

Старик дрожал от гнева, его седая грива торчала дыбом, как у рассерженного льва. Он вытащил Джонни из постели и оторвал цеплявшуюся Трейси.

– Маленькая шлюха! – взревел он, легко удерживая испуганного мальчика одной рукой и наклоняясь вперед, чтобы ударить дочь по лицу открытой ладонью. Оставив ее плачущей в постели, он выволок Джонни в кабинет на первом этаже. Он швырнул его туда с такой яростью, что мальчик отлетел к столу.

Старик подошел к стене и выбрал со стойки легкую малаккскую трость. Подошел к Джонни и, взяв его за волосы, бросил лицом на стол.

Старик и раньше бил его, но так – никогда. Он обезумел от ярости, и часть его ударов попадали мимо, часть – по спине Джонни.

Но для мальчика в его боли было почему-то очень важно не закричать. Он прикусил губу, ощутив во рту солоновато-медный вкус крови. «Он не должен услышать, как я кричу!» – Джонни подавил вопль, чувствуя, как пижамные брюки тяжелеют от крови.

Его молчание только разжигало ярость Старика. Отбросив трость, он поставил мальчика на ноги и набросился на него с кулаками. Голова Джонни под тяжелыми ударами моталась из стороны в сторону, в глазах ослепительно сверкали молнии.

Но Джонни держался на ногах, вцепившись в край стола. Губы его были разбиты, лицо распухло и покрылось кровоподтеками, но он молча терпел, пока Старик окончательно не вышел из себя. Он ударил Джонни кулаком прямо в лицо, и удивительное чувство облегчения охватило мальчика, боль ушла, и он погрузился во тьму.

Джонни услышал голоса. Сначала незнакомый:

– ...как будто на него набросился дикий зверь. Я должен поставить в известность полицию.

Потом знакомый. Потребовалось немного времени, чтобы узнать его. Он попытался открыть глаза, но те не раскрывались, лицо казалось огромным и горячим. Он с трудом разлепил веки и узнал Майкла Шапиро, секретаря Старика. Тот что-то негромко говорил второму человеку.

Пахло лекарствами, и на столе лежал открытый докторский чемоданчик.

– Послушайте, доктор. Я знаю, выглядит это ужасно, но, может, вы сначала поговорите с мальчиком, прежде чем вызывать полицию.

Они оба посмотрели на кровать.

– Он в сознании. – Доктор быстро подошел к нему. – Что случилось, Джонни? Расскажи нам, что случилось. Тот, кто это сделал, будет наказан, я тебе обещаю.

Это было неправильно. Никто не должен наказывать Старика.

Джонни попытался заговорить, но распухшие губы не шевелились. Он попробовал еще раз.

– Я упал, – сказал он. – Упал. Никто! Никто! Я упал.

Когда доктор ушел, Майкл Шапиро вернулся и наклонился к нему. Его еврейские глаза потемнели от жалости и еще чего-то, может быть, восхищения.

– Я заберу тебя к себе, Джонни. Все будет в порядке.

Две недели он провел под присмотром жены Майкла Шапиро Элен. Царапины заживали, синяки стали темно-желтыми, но нос так и остался сломанным, с горбинкой на переносице. Он рассматривал свой новый нос в зеркале, и он ему нравился. «Как боксер, – подумал Джонни, – или пират». Однако прошло много месяцев, прежде чем опухоль спала и он смог прикасаться к носу.

– Послушай, Джонни, ты отправляешься в новую школу. Хороший пансионат в Грэмстауне. – Майкл Шапиро старался говорить оживленно и бодро. Грэмстаун находился в пятистах милях к северу. – В каникулы будешь работать в Намаквaленде; узнаешь все об алмазах и о том, как их добывают. Тебе это должно понравится.

Джонни с минуту подумал, изучая лицо Шапиро и видя, что тому стыдно.

– Значит, домой я не вернусь? – Он имел в виду дом на Винберг-Хилл.

Майкл покачал головой.

– Когда я увижусь... – Джонни колебался, подбирая слова, – когда я снова с ними увижусь?

– Не знаю, Джонни, – честно ответил Шапиро.

Как Майкл и пообещал, школа оказалась хорошей.

В первое же воскресенье после церковной службы он вместе с остальными мальчиками пошел в класс для обязательного написания писем. Остальные немедленно начали писать родителям. Джонни с несчастным видом сидел, пока к нему не подошел дежурный учитель.

– Ты не хочешь писать домой, Ленс? – мягко спросил он. – Я уверен, там будут рады получить твое письмо.

Джонни послушно взял ручку и задумался над чистым листом.

Наконец он написал:

Надеюсь, вам будет приятно узнать, что я теперь в школе. Кормят нас хорошо, но постели очень жесткие.

Каждый день мы ходим в церковь и играем в регби.

Искренне ваш
Джонни.

С тех пор и в школе, и три года спустя в университете он каждую неделю писал Старику. Каждое письмо начиналось с одних и тех же слов: «Надеюсь, вам будет приятно узнать». Ни на одно письмо он не получил ответа.

В конце каждого учебного года он получал напечатанное на машинке письмо от Майкла Шапиро, в котором сообщалось, как он проведет каникулы. Обычно это означало поездку по железной дороге в сотни миль через пустыню Карру в какую-нибудь отдаленную деревню в обширной сухой местности, где его ждал легкий самолет компании «Ван дер Бил дайамондз», чтобы отвезти еще дальше в глушь – в одну из концессий компании. Как и пообещал Майкл Шапиро, Джонни узнал все об алмазах и их добыче.

И когда пришло время поступать в университет, было вполне естественно, что он выбрал геологию.

Все это время он не виделся с семьей Ван дер Билов, не встречал никого из них – ни Старика, ни Трейси, ни даже Бенедикта.

И вот в один полный событий день он увидел сразу всех троих. Это был его последний год в университете. С первого курса Джонни был лучшим. Его избрали старшим среди студентов Стелленбошского университета, но теперь его ждала еще большая честь.

Через десять дней национальные выборщики должны были объявить состав сборной команды по регби, которая встретится с «Олд блэк» из Новой Зеландии. И то, что Джонни достанется место крайнего нападающего, было так же верно, как и его грядущий диплом по геологии.

Спортивная пресса прозвала Джонни Собакой Джаг – в честь свирепого хищника африканских степей, охотничьей собаки кейпов, невероятно выносливого и целеустремленного животного, которое всегда настигает свою добычу. Прозвище подходило ему, и Джонни стал любимцем болельщиков.

В составе команды Кейптаунского университета был другой любимец болельщиков, чье место в национальной сборной во встрече с «Олд блэк» казалось тоже неоспоримым. В роли защитника Бенедикт Ван дер Бил господствовал на игровом поле с артистизмом и почти божественной грацией. Он вырос высоким и широкоплечим, с сильными длинными ногами и красивым смуглым лицом.

Джонни вывел команду гостей на гладкий зеленый бархат поля и, делая пробежки и разминая спину и плечи, посмотрел на заполненные трибуны, отыскивая там первосвященников регби. В специальной ложе возле прессы он увидел доктора Дейни Крейвена, который беседовал с премьер-министром, занимавшим кресло на ряд ниже.

Встреча двух университетов была одним из самых значительных событий в сезоне, и болельщики приезжали на нее за тысячи миль.

Премьер-министр улыбнулся и кивнул, потом, наклонившись, коснулся плеча большого седовласого человека, сидевшего перед ним.

Джонни почувствовал, как по спине пробежал электрический ток: белая голова поднялась и посмотрела прямо на него. Впервые за семь лет, прошедших с той ужасной ночи, Джонни увидел Старика.

Ленс приветственно поднял руку, и Старик несколько долгих секунд смотрел на него, потом отвернулся и что-то сказал премьер-министру.

На поле вышли ряды барабанщиц. Молодые хорошенькие девушки, одетые в цвета Кейптаунского университета, в белых ботинках, коротких развевающихся юбочках и высоких шляпах, раскрасневшись от возбуждения и усилий, шагали по полю, высоко поднимая ноги.

Рев толпы смешался у Джонни с гулом крови в ушах, потому что в первой шеренге барабанщиц шла Трейси Ван дер Бил. Он сразу узнал ее, несмотря на минувшие годы. Она превратилась в молодую женщину. Руки и ноги у нее были загорелыми, волосы свободно падали на плечи. Она подпрыгивала, топала, поворачивалась, выкрикивая традиционные приветствия, ее молодая грудь колыхалась с невинной непринужденностью. Толпа свистела и кричала, постепенно приходя в истерическое состояние. Джонни смотрел на Трейси. В поднявшемся реве он совершенно оцепенел. Он никогда не видел женщины прекрасней.

Представление окончилось, барабанщицы убежали под трибуны, и на поле вышла команда хозяев.

Присутствие Старика и Трейси взволновало Джонни, и он с ненавистью посмотрел на одетого в белое парня, который отбежал назад, на позицию защитника команды Кейптауна.

Бенедикт Ван дер Бил занял свое место и обернулся. Из носка, доходившего до середины икры, он достал расческу и провел ею по темным волосам. Толпа ревела и свистела: ей нравятся такие театральные жесты. Бенедикт вернул расческу на место и встал, подбоченясь, высокомерно рассматривая команду противников.

Неожиданно он перехватил взгляд Джонни и изменил позу: опустил взгляд и переступил с ноги на ногу.

Прозвучал свисток, и игра началась. Такой матч запоминается надолго, о нем потом много говорят. В нем было все, чего ждала толпа: мощные защитники, противостоящие нападающим, как броня, длинные проверочные рейды крайних, когда овальный мяч перелетает из рук в руки, пока сильный толчок не бросает игрока с мячом на поле. Жесткая быстрая игра перекатывалась с одной половины поля на другую; сотни раз зрители дружно вскакивали на ноги, выпучив глаза и разинув рты в невыносимом напряжении, – и со стоном опускались, когда отчаявшиеся было защитники останавливали мяч в дюймах от линии ворот.

Счет не открыт, до конца игры три минуты, нападающий Кейптауна начинает атаку из схватки, прорывается сквозь защиту и по крутой траектории посылает мяч вверх; крайний игрок хозяев на бегу ловит мяч. Его ноги мелькают на зеленом газоне. Зрители снова встают.

Джонни ударил его плечом – низко, над коленом. Они вдвоем покатились по полю, поднимая облако белой извести, которой прочерчены линии, и толпа со стоном снова опустилась на места.

Пока они ждали броска, Джонни шептал хриплые приказы. Его темно-бордовая с золотом футболка потемнела от пыли, кровь из пораненного бедра запачкала белые шорты.

– Отступайте побыстрей. Не бегите все за мячом. Передача на Дэви. Дэви, бросай повыше.

Джонни высоко подпрыгнул, прервал полет мяча и кулаком отправил его точно в руки Дэви, в то же мгновение повернувшись, чтобы преградить своим телом дорогу нападающим противника.

Дэви отскочил на два шага и пнул мяч. Сила удара была такова, что его правая нога взлетела выше головы, от толчка парень полетел вперед, раскидывая соперников. Мяч

поднимался медленно, летел, как стрела, не поворачивался, не качался в воздухе, над серединой поля достиг высшей точки своей траектории и полетел к земле.

Двадцать тысяч голов поворачивались вслед за его полетом, и в этой неестественной тишине Бенедикт Ван дер Бил с виду неторопливыми шагами отступал в глубину своей территории, предвидя место падения мяча; все его движения были рассчитаны, как у прирожденного спортсмена.

Мяч плавно опустился ему в руки, и он лениво начал отходить в сторону для броска. Над полем по-прежнему висела напряженная тишина. Все внимание сосредоточилось на Бенедикте Ван дер Биле.

– Собака Джаг! – прозвучал чей-то возглас, и тысячи голов повернулись.

– Собака Джаг! – Теперь ревела вся толпа. Джонни далеко оторвался от преследователей; размахивая руками, он широкими шагами несся на Бенедикта. Напрасная попытка – игрока класса Бенедикта невозможно перехватить на таком расстоянии, но Джонни напрягал все силы. Лицо его превратилось в залитую потом маску решительности, куски дерна летели из-под молотящих поле ног.

И тут случилось то, чего никто не мог предвидеть. Это было почти невероятно. Бенедикт Ван дер Бил оглянулся и увидел Джонни. Он сделал два неровных шага и попробовал увернуться. Вся уверенность, вся грация и мастерство покинули его. Он споткнулся, чуть не упал, мяч выскользнул из его рук и поскакал по полю.

Бенедикт тянулся за ним, лихорадочно шарил руками, оглядываясь через плечо. На лице его появилось выражение ужаса. Джонни был уже очень близко. На каждом шагу он ревел, как подстреленный лев, плечи его уже напряглись, готовясь к удару, губы растянулись в пародии на улыбку.

Бенедикт Ван дер Бил опустился на колени и закрыл лицо руками, прижимаясь к зеленому газону.

Джонни, не останавливаясь, пролетел мимо него, легко нагнувшись на бегу за мячом.

Когда Бенедикт отвел руки от лица и, все еще стоя на коленях, поднял голову, он увидел в десяти ярдах от себя, между штангами ворот, смотрящего на него Джонни. Потом медленно положил мяч на землю, формально обозначая тачдаун.

И тут, будто сговорившись, Джонни и Бенедикт посмотрели на главную трибуну. Они видели, как Старик встал и медленно начал пробираться сквозь возбужденную толпу к выходу.

На следующий день после матча Джонни отправился в пустыню.

Он стоял на дне пятнадцатифутового разведочного котлована в пустыне. Было угнетающе жарко, и Джонни разделся, оставшись в поношенных трусах цвета хаки. Его загорелое тело блестело от пота, но он работал безостановочно. Он устанавливал контуры и профиль древней морской террасы, тысячелетия назад погребенной под песком. Здесь, на дне, он надеялся обнаружить тонкий слой содержащего алмазы гравия.

Он услышал звук приближающегося джипа, потом шаги. Джонни выпрямился и растер ноющие мышцы спины.

На краю котлована стоял Старик и смотрел на него. В его руке была сложенная газета. Впервые за все эти годы Джонни видел его так близко, и был поражен переменами, про-

изошедшими с ним. Густые волосы побелели, лицо стало брыластым, как у мастифа, а большой крючковатый нос выделялся, как скала. Однако тело его было еще крепким, без признаков старости, а глаза сохранили загадочную холодную голубизну.

Он бросил в траншею газету. Джонни поймал ее, по-прежнему глядя на Старика.

– Прочти! – сказал Старик.

Газета была сложена так, что выделялся крупный заголовок:

СОБАКА ДЖАГ В КОМАНДЕ.
ВАН ДЕР БИЛ НЕ ВКЛЮЧЕН

Джонни почувствовал блаженство, будто погрузился в прекрасный горный ручей. Он в составе сборной и скоро наденет зелено-золотую форму с изображением газели...

Гордый и счастливый, с непокрытой головой, он стоял на солнцепеке и ждал, что скажет Старик.

– Прими решение, – негромко произнес тот. – Играть в регби – или работать в «Ван дер Бил дайамондз». Делать то и другое нельзя. – Он вернулся к своему джипу и уехал.

Джонни послал телеграмму об отказе от выступления в сборной команде лично доктору Крейвену. В национальной прессе поднялась буря гневных протестов и оскорблений, Джонни получил сотни ядовитых писем, его обвиняли в трусости, предательстве и еще больших грехах. Он радовался своему одиночеству в пустыне, которая послужила ему убежищем.

Ни Джонни, ни Бенедикт больше никогда не играли в регби. Думая об этом, даже спустя столько лет, Джонни испытывал боль разочарования. Он так хотел надеть почетный зелено-золотой значок. Он резко повернул «ягуар» к обочине, достал карту Лондона и отыскал Старк-стрит в районе Кингз-роуд. По дороге он вспоминал, что чувствовал, когда Старик отобрал у него это счастье. Тогда он с трудом переносил боль.

Его товарищами в пустыне были люди племени овамбо с севера и несколько молчаливых белых, таких же жестких и упрямых, как местная растительность или горные хребты.

Пустыни Намиб и Калахари принадлежат к наименее населенным районам Земли, а ночи там долгие. Даже ежедневный беспрестанный физический труд не мог избавить Джонни от снов о прекрасной девушке в короткой белой юбочке и высоких ботинках – или о старом седовласом человеке с лицом как гранитный утес.

Но эти долгие дни и еще более долгие ночи стали вехами, обозначившими дорогу его карьеры. Он обнаружил новое алмазное поле, небольшое, но богатое, в местности, которую никто не считал способной порождать алмазы. Он раскопал месторождение урановой руды, которое «Ван дер Бил дайамондз» продали за два с половиной миллиона. Были и другие результаты его усилий, почти такие же ценные, хотя и не столь заметные.

Когда ему было двадцать пять, имя Джонни Ленса произносилось в закрытых для посторонних кругах алмазной индустрии как имя одного из самых многообещающих молодых деятелей.

Были и предложения: младшее партнерство в фирме по геологическим консультациям, должность полевого управляющего в одной из небольших компаний, разрабатывающих

пограничные земли в пустыне Карру. Он отверг все эти предложения. Они были перспективными, но он оставался со Стариком.

Потом его приметила крупная компания. Сто лет назад на поле бура Де Бира была обнаружена первая алмазная трубка с «голубой землей». Старый Де Бир продал свою ферму за шесть тысяч фунтов; он и думать не мог, что под его сухой землей скрывается сокровище стоимостью в триста миллионов. Месторождение получило название «Новый прииск Де Бира», и орда шахтеров, мелких дельцов, бродяг, искателей удачи, мошенников и бандитов двинулась туда, чтобы купить и начать разрабатывать участки, каждый размером с большую комнату.

Из этого дивного общества охотников за удачей двое высоко поднялись над остальными. Вскоре они владели большинством участков на «Новом прииске Де Бира». Когда эти двое – Сесил Джон Родс и Барни Барнато – наконец объединили свои ресурсы, родилось гигантское финансовое предприятие. Скромно начатое, оно невероятно разрослось. Богатство его было сказочно, влияние огромно, доходы достигали астрономических сумм. Оно контролировало добычу алмазов во всем мире, владело концессиями на сотни тысяч квадратных миль в Центральной и Южной Африке, и его резервы еще не добытых, драгоценных и основных, ископаемых никто не мог бы сосчитать. Маленьким алмазным компаниям дозволено существовать рядом с гигантом, пока они не достигнут определенного размера, – а потом они становятся частью гиганта, проглоченные им, как тигровая акула проглатывает свою спутницу – рыбу-лоцмана, если та слишком вырастает и становится аппетитной. Большая компания может позволить себе покупать лучшие разработки, лучшую технику – и лучших людей. И вот одно из ее многочисленных щупальцев протянулось к Джонни Ленсу. Предложенная ему плата вдвое превышала нынешнюю, а вскоре должна была еще повыситься.

Джонни, не раздумывая, отказался. Возможно, Старик этого не заметил, возможно, простым совпадением было то, что неделю спустя Джонни был назначен полевым управляющим береговой операции.

«Ван дер Бил дайамондз» принадлежала концессия на тридцать семь миль береговой линии. Узкая полоса, сто двадцать футов от линии воды в глубь суши и сто двадцать футов морского дна. За ее пределами вся суша принадлежала большой компании. Компания купила эту землю, десятки огромных ранчо, просто чтобы сохранить за собой права на будущее. Концессия на морское дно вплоть до двенадцатимильной границы нейтральных вод также принадлежала крупной компании. Права были переданы правительством двадцать лет назад. «Ван дер Бил дайамондз» принадлежала лишь узенькая полоска – это ее разработка называлась «Король Канут».

Холодные воды Бенгуэльского течения порождали морской туман, покрывавший землю жемчужной пылью. Из тумана на желтый песок берега надвигались высокие неторопливые волны, обрушиваясь на утесы Намаквaленда.

На мелководье волны резко вырастали. Вершины их начинали дрожать, ветер уносил пену, они изгибались и с ревом обрушивались потоками белой воды.

Джонни стоял на шоферском сиденье открытого «лендровера». От утреннего холода и рассветного тумана его защищала овчинная куртка, но голова была не покрыта, и ветер трепал темные волосы.

Его тяжелая челюсть выдавалась вперед, руки в карманах куртки сжаты в кулаки. Он агрессивно хмурился, измеряя высоту и силу прибоя. Своим перебитым носом он напоминал боксера, ожидающего удара гонга.

Неожиданно неловким резким движением он выдернул левую руку из кармана и посмотрел на циферблат своих часов. До самой низкой точки отлива два часа три минуты. Джонни снова сунул руку в карман и повернулся к бульдозерам.

Одиннадцать больших, ярко-желтых «Катерпиллеров Д8» выстроилось в линию у воды. Бульдозеристы в темных очках напряженно застыли на жестких сиденьях. Все смотрели на него.

За ними на довольно значительном расстоянии стояли землепогрузчики. Неуклюжие, пузатые, словно беременные, машины на огромных колесах выше человеческого роста. Когда придет время, они со скоростью тридцать миль в час устремятся вперед, выпустят из-под животов стальные лезвия, зачерпнут пятнадцатитонный груз песка и гравия, понесутся обратно, сбросят груз, развернутся и ринуться обратно, чтобы сделать новый гигантский укус.

Джонни напрягся, рассчитывая точный момент, чтобы, в надежде отыскать несколько ярких камешков, бросить в глубины Атлантического океана механизмы стоимостью в четверть миллиона фунтов.

Момент наступил, но, прежде чем начать действовать, Джонни потратил еще полминуты драгоценного времени, проверяя все приготовления.

Затем выкрикнул в громкоговоритель: «Вперед!» – и яростно замахал руками, давая команду начинать.

– Вперед! – крикнул он снова, но не услышал своего голоса. Рев дизелей заглушил даже гром прибоя. Опустив массивные стальные лезвия, цепь чудовищ двинулась вперед.

Золотой песок завивался перед наклоненными отвалами, как масло на ноже. Он пятился перед чудовищными машинами, становясь грудой, а потом высокой горой. Толкая, отступая, наступая снова, ударяя с разбегу, бульдозеры двигали вперед песчаную стену. Бульдозеристы работали руками, как безумные бармены, наполняющие одновременно тысячу кружек пива; двигатели ревели, гремели, стонали.

Стена песка столкнулась с морем; невероятно, но море, пенясь и волнуясь, попятилось перед напором стали. На большей глубине море заволновалось; казалось, оно недоумевает; вспенившись, пожелтев, оно продолжало отступать перед песчаной насыпью.

Теперь бульдозеры исполняли сложный, но тщательно отрепетированный танец. Отвалы поднимались и опускались, сплетались и перекрещивались, машины наступали и отходили назад, и все под руководством главного хореографа Джонни Ленса.

«Лендровер» метался взад и вперед вдоль растущей огромной ямы, Джонни в мегафон выкрикивал приказы и распоряжения. Стена песка в форме полумесяца все дальше уходила в море, а за ней бульдозеры погружали свои лезвия на шесть, десять, пятнадцать футов в желтый песок.

И внезапно добрались до ракушечного слоя, который на берегах Южной Африки так часто содержит алмазы.

Джонни заметил это – он увидел, как от отвалов отлетают раковины.

Полдесятка приказов и сигналов руками – и бульдозеры сформировали с обоих концов ямы подъездные откосы, чтобы дать доступ погрузчикам. Потом Джонни отправил бульдозеры удерживать дамбу перед натиском моря.

Он взглянул на часы.

– Час тридцать, – пробормотал он. – Почти в срок.

Джонни еще раз взглянул на яму. Длиной в двести ярдов, глубиной в пятнадцать футов, весь верхний слой песка убран, ясно виден ракушечный слой, чистый и белый в свете солнца, бульдозеры со дна ямы убрались. Они продолжают сражаться с морем.

– Все правильно, теперь посмотрим, что мы имеем. – Джонни обернулся к двум ожидающим землепогрузчикам. – Вперед! Забирай! – закричал он и замахал руками.

Землепогрузчики немедленно покатили вперед, спустились по откосам на дно ямы, зачерпнули груз раковин и гравия, не сбавляя скорости, с ревом выползли наружу, сбросили груз выше линии прилива и вернулись назад.

Снова и снова спускались они в яму, а бульдозеры удерживали море, которое начинало сердиться, – его когорты устремлялись к насыпи, выискивая слабое место для нападения.

Джонни снова взглянул на часы.

– Три минуты до малой воды, – проговорил он вслух и улыбнулся. – Успеем – я думаю!

Он зажег сигарету, слегка успокоенный. Сел на место водителя, развернул «лендровер» и подвел его к растущей горе гравия, которую сооружали погрузчики.

Он вышел из машины и набрал горсть гравия.

– Прекрасно! – прошептал он. – То, что нужно!

Да, гравий был отличный. Все говорило об этом. В одной пригоршне он разглядел небольшой гранат и крупный кусок агата.

Джонни набрал еще одну пригоршню.

– Яшма! – восхитился он. – И полосатый железняк.

Все это спутники алмазов, их всегда находят вместе с ними.

И форма верная: камни отполированы и сверкают, как стеклянные шарики, не сплющены, как монета, что означало бы, что их промывало только в одном направлении. Круглые камни означают зону действия волн – ловушку для алмазов!

– Это сокровищница, спорю на что угодно!

Из тридцати семи миль береговой линии Джонни выбрал участок в двести ярдов длиной и попал точно. Но это был не просто удачный выбор, он основывался на тщательном изучении конфигурации берега и аэрофотографий прилегающих районов моря, отражающих направление движения волн, на анализах берегового песка и, наконец, на том неуловимом «чутье», которое есть у каждого подлинного охотника за алмазами.

Снова садясь в «лендровер», Джонни Ленс был крайне доволен собой. Погрузчики вычерпали все без остатка, обнажив скалу. Закончив работу, они выбрались из ямы и стояли, фыркая выхлопами, словно отдуваясь, рядом с огромной кучей гравия.

– На дно! – крикнул Джонни, и терпеливая армия негров племени овамбо, сидевших на корточках на берегу, устремилась в яму. Они должны очистить дно ямы, потому что

многие алмазы просочились сквозь гравий и застряли в щелях и шероховатостях скалы на дне.

Настроение моря изменилось; рассерженное грубым насилием над берегом, оно с шумом и свистом обрушивалось на песчаную дамбу. Прилив усиливался, и бульдозерам пришлось удвоить старания, чтобы поддерживать песчаную стену.

В яме лихорадочно работали овамбо, лишь изредка бросая опасливые взгляды на песчаную стену, отделявшую их от Атлантического океана.

Джонни снова ощутил напряжение. Если убрать их из ямы слишком рано, там останутся алмазы. Если не убрать вовремя, можно потерять машины и людей.

Он проделал все точно, в самый последний миг. Вывел рабочих, когда море уже начало переливаться через стену и подмывать ее основание.

Потом пришла очередь бульдозеров. Десять из них сразу устремились вперед, а один двигался сзади медленно, расплескивая лужи на дне ямы.

Море прорвалось одновременно в двух местах и, кипя, устремилось в яму.

Бульдозерист увидел это. Секунду он колебался, а затем, утратив присутствие духа, выпрыгнул из машины; оставив ее морю, он побежал перед волной, направляясь к ближайшей стене ямы.

– Сволочь! – выругался Джонни, глядя, как бульдозерист вылезает из ямы. – Он мог бы выбраться с машиной. – Но сердился он и на себя. Он слишком промедлил с приказом уходить, и теперь приходится жертвовать морю машину стоимостью в двадцать тысяч фунтов.

Ленс резко включил двигатель и погнал «лендровер» в яму. Машина перепрыгнула через край, упала на пятнадцать футов, ударившись о дно, но песок смягчил удар, и «лендровер» покатил вперед, навстречу волне.

Волна обрушилась на капот, разворачивая машину, но Джонни удержал ее носом вперед и продолжал двигаться к застрявшему бульдозеру.

Двигатель «лендровера» был загерметизирован как раз для таких случаев, и теперь машина продвигалась вперед, разбрасывая струи воды. Но скорость все время уменьшалась: слой воды становился больше.

Неожиданно вся песчаная дамба обрушилась под напором побелевшей воды, и Атлантический океан вступил в свои права. Высокая волна пронеслась по яме, ударила «лендровер», приподняв его, выбросив Джонни в торжествующий поток, а машина перевернулась, в знак поражения показывая небу все четыре колеса.

Джонни ушел под воду, но немедленно вынырнул. Наполовину плывя, наполовину шагая вброд, непрерывно осыпаемый ударами неистового моря, он пробивался к желтому стальному островку.

Море снова ударило, и он снова ушел с головой. На мгновение ощутил под ногами дно, потом его ударило снова.

Но тут он добрался наконец до бульдозера и с трудом вполз на сиденье. Кашляя, выплевывая морскую воду, он дотянулся до управления.

Бульдозер стоял неподвижно, удерживаемый на твердом скальном дне двадцатью шестью тоннами собственного веса. Море волновалось вокруг, перехлестывало через гусеницы, но не могло сдвинуть машину.

Глаза жгло от морской воды и слез, но Джонни быстро проверил показания приборов. Давление масла нормальное, двигатель в порядке, высокая труба над кабиной по-прежнему плюет дымом.

Джонни снова закашлялся. Рвота и морская вода обжигающим комом застыли в горле, но он открыл дроссельный клапан и ухватился за рычаги.

Громоздкая машина неуклюже двинулась вперед, почти презрительно разбрасывая воду. Гусеницы прочно цеплялись за скалу на дне.

Джонни быстро осмотрелся. Песчаные съезды по обе стороны ямы были уже размыты. Края стали круче, а сзади море непрерывным потоком продолжало врываться в яму.

Волна накрыла его с головой, Джонни, как спаниель, затряс волосами; с растущим отчаянием он оглядывался в поисках выхода.

И тут с удивлением увидел Старика. Ленс считал, что тот сейчас в четырехстах милях отсюда, в Кейптауне, но вот он стоит на краю ямы. Седые волосы светятся, как бакен.

Джонни инстинктивно повернул к нему бульдозер и двинулся по бушующей воде.

Старик руководил действиями двух других бульдозеров, подводя их как можно ближе к песчаному краю ямы, а от грузовика, стоявшего поодаль, рядом с утесом, торопилась толпа овамбо, таща тяжелую тракторную цепь. Они сгибались под ее чудовищным весом, с каждым шагом погружаясь в песок по щиколотку.

Старик кричал на них, заставляя торопиться, но его слова заглушал рев двигателей и шум ветра и моря. Но вот он повернулся к Джонни.

– Подводи машину ближе! – крикнул он в сложенные рупором ладони. – Я подтащу к тебе конец цепи!

Ленс махнул, показывая, что понял, и тут же ухватился за рычаги управления: следующая волна покачнула даже гигантский бульдозер, и Джонни впервые услышал, как захлебнулся двигатель – вода наконец нашла к нему доступ.

Но тут он оказался под высоким, в двадцать футов, крутым песчаным откосом и выбрался из кабины на капот, навстречу Старику.

Тот стоял на краю ямы, согнувшись под тяжестью наброшенного на плечи конца цепи. Он сделал шаг вперед, и песок под ним обрушился. Старик заскользил по крутому склону, зарываясь по пояс, тяжелая цепь потянулась за ним.

Оценивая натиск воды, Джонни прыгнул ему навстречу, чтобы помочь. Вдвоем, избиваемые морем, они подтащили цепь к бульдозеру.

– Закрепи на рычаге отвала, – выдохнул Старик, и они дважды обернули цепь вокруг прочного стального рычага.

– Скоба! – рявкнул Джонни и, пока Старик отвязывал веревку, крепившую цепь к скобе у него на поясе, посмотрел наверх, на возвышавшуюся перед ними стену песка. – Боже! – негромко сказал он. Море билось об эту стену, размывая ее, и она дрожала, готовая обрушиться и похоронить людей.

Старик протянул ему огромную скобу, и Джонни онемевшими руками начал закреплять конец цепи. Ему нужно было просунуть толстый закаленный болт сквозь два звена цепи и закрепить его. Вода то и дело накрывала его с головой, море тянуло цепь к себе, стена песка над головой ежесекундно угрожала рухнуть – его задача была невероятно

трудна. В двадцати футах над ним с беспокойством суетился помощник, готовый в любое мгновение передать приказ двум бульдозеристам, которые должны были потянуть цепь.

Но вот болт продет, сделаны с полдесятка оборотов, работа закончена, пора давать команду.

– Тащите! – выдохнул Джонни.

Старик поднял голову и заревел:

– Тащите!

Десятник кивком головы показал, что понял.

Его голова исчезла за краем стены, он побежал к бульдозерам, и в этот момент прибой приподнял цепь. Всего на несколько дюймов, но достаточно, чтобы зажать указательный палец левой руки Джонни между двумя звеньями цепи.

Старик заметил выражение его лица, увидел, что он пытается освободиться.

– Что случилось?

Вода на мгновение отхлынула, и он увидел, что произошло. Он отчаянно замахал руками, но сверху послышался рев двигателей, и цепь медленно двинулась вверх, извиваясь, как змея.

Старик схватил Джонни за плечи, чтобы поддержать его. Они в ужасе смотрели на застрявшую руку.

Цепь натянулась, отрезав палец, брызнула алая кровь, и Джонни упал на руки Старику. Большой желтый корпус бульдозера надвигался на них, грозя раздавить, но, использовав следующее отступление воды, Старик оттащил Джонни в сторону; их откинуло и прижало к стене силой потока, устремившегося вслед за бульдозером.

Джонни прижал раненую руку к груди, но кровь продолжала течь, вода вокруг порозовела. Он погрузился с головой, и соленая вода хлынула ему в легкие. Он чувствовал, что тонет, силы покидали его.

Джонни снова вынырнул и затуманенными глазами увидел бульдозер на полпути к краю ямы. Чувствуя на себе руки Старика, он снова погрузился в воду, и его зрение и разум окутала тьма.

Когда она рассеялась, он лежал на сухом песке берега, и первое, что увидел, – это склоненное к нему лицо Старика, морщинистое и помятое, серебристые седые волосы прилипли ко лбу.

– Мы его вытащили? – спросил Джонни.

– Ja, – ответил Старик, – вытащили. – Он встал, отошел к джипу и уехал, оставив десятника заботиться о Джонни.

Джонни улыбнулся этому воспоминанию; убрав левую руку с руля «ягуара», он лизнул обрубок указательного пальца.

– Дело стоило пальца, – пробормотал он. В поисках дорожных указателей ехал он по-прежнему медленно.

Он снова улыбнулся, вспомнив разочарование и боль, когда Старик ушел, оставив его лежать на песке. Он не ожидал, что тот упадет ему на грудь, зарыдает и попросит прощения за все эти годы страданий и одиночества – но все-таки чего-то он ждал.

Проделав двухсотмильное путешествие в джипе по ночной пустыне к ближайшей больнице, где ему обработали и перевязали рану, Джонни на следующий день вернулся как раз вовремя, чтобы присутствовать при первой пробной обработке гравия.

В его отсутствие гравий просеяли, чтобы отбросить все крупные камни и обломки, потом пропустили через бак с кремниевым раствором, в котором всплывают все материалы с удельным весом меньше двух с половиной, и наконец оставшееся поместили в шаровую мельницу – длинный цилиндр со стальными шарами размером с бейсбольный мяч. Цилиндр постоянно вращался, размельчая в порошок все вещества мягче четырех по шкале твердости Моуза.

Оставалась всего тысячная часть гравия, извлеченного со дна моря. Но именно здесь должны находиться алмазы – если они вообще тут есть.

Когда Джонни появился в расположенном высоко на берегу бараке из гальванизированного железа, служившим в качестве обогатительной фабрики, он по-прежнему испытывал головокружение после наркоза и от недосыпания.

Рука пульсировала с постоянством маяка, глаза покраснели, на подбородке – густая черная щетина.

Джонни остановился у покрытого специальной смазкой стола, занимавшего половину барака. Чуть покачиваясь, он осмотрел все приготовления. Массивный бункер во главе стола был заполнен обогащенным «алмазным» гравием, стол хорошо смазан, все стояли наготове.

– Начали! – кивнул Джонни десятнику, который тут же повернул рычаг, и стол задрожал, как наркоман в ломке.

Стол представлял собой серию стальных пластин, слегка наклоненных и покрытых грязно-желтым жиром. Когда стол задрожал, из бункера показалась тонкая струйка гравия с водой, размеры и постоянство этой струйки тщательно корректировались десятником. Как патока, она разлилась по столу, перетекая от одной пластины к другой и попадая наконец в бункер для отбросов у другого конца стола.

Погруженный в воду алмаз не смачивается, он выходит из воды сухим. Слой жира на пластинах тоже не смачивается. Гравий и раковины скользят по наклонному дрожащему столу.

Но алмаз, попадая на смазанную пластину, прилипает, как полурасжеванная ириска к шерстяному одеялу.

В волнении и беспокойстве от важности момента Джонни почувствовал, как отступает усталость. Даже боль в руке беспокоила меньше. Его глаза со всем вниманием были устремлены к блестящей желтой полоске смазки.

Маленькие камни весом менее карата и черные промышленные алмазы на столе не видны: встряхивание слишком частое, и поток пустой породы скрывает их.

Джонни был так поглощен зрелищем, что прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что рядом с ним кто-то есть. Он быстро оглянулся.

Рядом стоял Старик в своей обычной, слегка напряженной позе, которая так для него характерна.

Теперь Джонни осознал присутствие рядом Старика и почувствовал тревогу. Что если он ошибся? Алмазы ему теперь нужны, как ничто другое в жизни. Он осматривал дрожащие

желтые пластины, стремясь увидеть камень, который заслужил бы одобрение Старика. Гравий полз по столу, и Джонни почувствовал приступ паники.

И тут десятник напротив него испустил вопль и ткнул пальцем:

– Вон он!

Глаза Джонни устремились к голове стола. Там, у самого выхода, где из бункера вытекала струйка, полупогрузившись от собственного веса в смазку, застряв в ней, пока бесполезный гравий полз мимо, сидел алмаз.

Большой камень в пять карат блестел мрачно и желто, как глаз дикого зверя, протестующего против плена.

Джонни негромко вздохнул и покосился на Старика. Тот без всякого выражения смотрел на стол и, хотя должен был заметить взгляд Ленса, не повернулся к нему. А глаза Джонни снова устремились к столу.

По какой-то прихоти случая следующий алмаз упал точно на первый.

Когда алмаз ударяется об алмаз, он отскакивает, как мяч от гудрона дороги.

Второй алмаз, белый красавец размером с персиковую косточку, громко щелкнул, ударившись о первый, и взмыл высоко вверх.

Джонни и десятник невольно рассмеялись от радости при виде этой красоты, похожей на каплю солнечного света.

Джонни протянул здоровую руку и поймал алмаз в полете. Он потер его между пальцами, наслаждаясь ощущением маслянистой поверхности, повернулся и протянул камень Старику.

Тот взглянул на алмаз и кивнул. Затем поднял воротник пальто и посмотрел на часы.

– Уже поздно. Мне пора возвращаться в Кейптаун.

– Вы не останетесь до конца проверки, сэр? – Джонни понял, что говорит слишком энергично. – Потом сможем выпить. – И, сказав это, вспомнил, что у Старика алкоголь вызывает отвращение.

– Нет. – Старик покачал головой. – Я должен вернуться сегодня вечером. – И прямо взглянул Джонни в глаза. – Видишь ли, сегодня Трейси выходит замуж, и я должен быть там. – Он улыбнулся, увидев выражение лица Джонни, но никто бы не догадался о значении его улыбки, да никто ее и не видел. – Ты разве не знал? – спросил он, по-прежнему улыбаясь. – Я думал, ты получил приглашение. – И вышел из барака на яркий солнечный свет, где его ждал джип, чтобы отвезти на взлетную полосу в песчаных дюнах.

Боль в раненой руке и слова Старика не давали Джонни уснуть, хотя он отчаянно нуждался в сне. Было уже два часа ночи, когда он наконец отбросил одеяло и зажег лампу у своей походной кровати.

– Он сказал, что я приглашен. Клянусь Господом, я там буду.

Всю ночь и все следующее утро он провел за рулем. Первые двести пятьдесят миль шли по пустынной песчаной и каменной дороге, затем он добрался до скоростного шоссе и на рассвете повернул на юг по обширным равнинам и через горы. В полдень он увидел на фоне неба приземистый голубой силуэт Столовой горы, возвышавшейся над городом.

Он остановился в отеле «Вайнъярд», торопливо умылся, побрился и переоделся.

Все вокруг старого дома было заполнено дорогими автомобилями, машины были припаркованы по обеим сторонам улицы, но он нашел место для своего пыльного «лендровера». Джонни прошел через белые ворота и ступил на зеленый газон.

В доме играл оркестр, их открытых окон доносились голоса и смех.

Джонни вошел через боковую дверь. Коридоры были заполнены гостями, и он пробирался сквозь эту толпу громкоголосых жестикулирующих мужчин и хихикающих женщин в поисках знакомого лица. И наконец увидел одного знакомого.

– Майкл.

Майкл Шапиро оглянулся, и на лице его ясно отразились противоречивые чувства: радость, удивление и тревога.

– Джонни! Как я рад тебя видеть.

– Церемония закончилась?

– Да, и речи тоже – слава Богу. – Он взял Джонни за руку и отвел в сторону. – Позволь предложить тебе бокал шампанского. – Майкл подозвал официанта и вложил в руку Ленса хрустальный бокал.

– За новобрачных, – сказал Джонни и выпил.

– Старик знает, что ты здесь? – Майкл задал вопрос, который жег ему рот, и когда Джонни покачал головой, выражение Майкла стало задумчивым.

– Майкл, каков он, муж Трейси?

– Кенни Хартфорд? – Майкл обдумал вопрос. – Думаю, с ним все в порядке. Мальчик с виду приятный, много денег...

– Как он зарабатывает на кусок хлеба?

– Папа оставил ему целую буханку, но чтобы занять время, он занимается фотографией.

У Джонни опустились уголки рта.

Майкл нахмурился.

– С ним все в порядке. Старик сам выбирал.

– Старик? – У Джонни отвисла челюсть.

– Конечно. Ты его знаешь. Такое важное решение он не передаст никому.

Джонни молча допил шампанское, а Майкл с беспокойством смотрел на него.

– Где она? Они уже уехали?

– Нет. – Майкл покачал головой. – Они еще в танцевальном зале.

– Спасибо тебе. Пожалуй, пойду пожелаю счастья невесте.

– Нет. – Майкл удержал его за локоть. – Не делай глупостей, ладно?

Джонни стоял наверху мраморной лестницы, которая вела вниз, в бальный зал. Зал был заполнен танцующими парами, музыка играла громко и весело. Новобрачные сидели на возвышении.

Первым увидел Джонни Бенедикт Ван дер Бил. Лицо его вспыхнуло, и он быстро наклонился и что-то зашептал Старику, потом начал подниматься со стула. Старик положил руку ему на плечо и улыбнулся Джонни.

Тот спустился по лестнице и начал пробираться между танцующими. Трейси его не видела. Она разговаривала с ангелоподобным юношей, сидящим рядом с ней. У него были волнистые светлые волосы.

– Здравствуй, Трейси.

Она подняла голову, и у него перехватило дыхание. Она была гораздо красивее, чем он помнил.

– Здравствуй, Джонни, – ответила она почти шепотом.

– Можно пригласить тебя на танец?

Она побледнела и взглянула на Старика, а не на мужа. Сверкающая белая грива слегка склонилась, и Трейси встала.

Они сделали только один круг, когда оркестр смолк. Джонни собирался сказать ей сотни разных вещей, но онемел, а тут музыка кончилась, и у него больше не было такой возможности.

Оставалось всего несколько секунд, и Джонни торопливо заговорил:

– Надеюсь, ты будешь счастлива, Трейси. Но если тебе когда-нибудь нужна будет помощь... в любое время... я приду, обещаю тебе.

– Спасибо. – Голос ее звучал хрипло, на мгновение она стала похожа на маленькую девочку, плакавшую ночью. Он отвел ее назад к мужу.

Обещание было дано пять лет назад, и вот он прилетел в Лондон, чтобы его выполнить.

Номер 23 по Старк-стрит оказался аккуратным двухэтажным коттеджем с узким фасадом. Джонни остановил машину. Уже стемнело, и на обоих этажах горел свет. Джонни сидел в «ягуаре», и ему почему-то расхотелось выходить. Он откуда-то знал, что Трейси здесь и предстоящая встреча будет не очень приятной. На мгновение он вспомнил прекрасную молодую женщину в свадебном платье, потом вышел из «ягуара» и направился к дверям. Потянулся к звонку и тут заметил, что дверь приоткрыта. Он распахнул ее и вошел в небольшую гостиную, меблированную с женским вкусом.

Комнату недавно торопливо обыскивали, одна из занавесок лежала на полу, на ней – груды книг и украшений. Картины были сняты со стен и подготовлены к выносу.

Джонни поднял одну книгу и раскрыл ее. На форзаце от руки было написано «Трейси Ван дер Бил». Услышав шаги на лестнице, ведущей на второй этаж, он уронил книгу в кучу.

По лестнице спускался мужчина. Одет он был в грязные зеленые вельветовые брюки, кожаные ботинки и неряшливую рабочую куртку армейского образца. В руках он нес охапку женских платьев.

Он увидел Джонни и нервно остановился, его розовые губы удивленно раскрылись, но глаза-бусинки ярко сверкнули под челкой прямых светлых волос.

– Здравствуйте. – Джонни любезно улыбнулся. – Переезжаете? – Он спокойно придвинулся ближе к человеку и остановился, глядя в упор.

Неожиданно сверху долетел странный низкий звук, без страсти или боли, как будто пар вырывался из двигателя. С трудом можно было поверить, что это кричит человек. Джонни, услышав его, застыл, а человек на лестнице нервно оглянулся через плечо.

– Что вы с ней сделали? – негромко и без всякой угрозы спросил Джонни.

– Нет. Ничего. Она в отключке. В глубокой отключке, – лихорадочно заговорил человек. – В первый раз на кислоте.

– А вы очищаете квартиру? – все так же негромко спросил Джонни.

– Она мне много задолжала. Не платит. Обещала – и не платит.

– А, – сказал Джонни. – Это совсем другое дело. Я думал, вы крадете. – Он сунул руку в карман и вытащил бумажник, показал пачку банкнот. – Я ее друг. И сколько она вам должна?

– Пятьдесят фунтов. – Глаза человека при виде бумажника сверкнули. – Я давал ей в кредит.

Джонни отсчитал пять десятифунтовых банкнот и протянул ему. Тот уронил связку платьев и торопливо стал спускаться.

– Вы продавали ей наркотик – кислоту? – спросил Джонни. Человек остановился в шаге от него, на его лице появилось подозрительное выражение.

– О, ради Бога. – Джонни улыбнулся. – Мы не дети, я знаю счет. – Он протянул банкноты. – Вы добывали ей наркотик?

Человек в ответ слабо кивнул и потянулся за деньгами. Джонни свободной рукой схватил его за тонкое запястье и резко развернул, заломив руку за спину.

Потом сунул деньги в карман и повел человека вверх по лестнице.

– Пойдем взглянем.

В комнате стояла металлическая кровать с матрацем, накрытым серым армейским одеялом. На нем, скрестив ноги, сидела Трейси. На ней была только легкая комбинация, волосы свисали до пояса. Руки, скрещенные на груди, были тонкими и белыми, как мел. Лицо тоже бледное, кожа в ярком свете электрической лампы казалась прозрачной. Трейси слабо раскачивалась и негромко выла, дыхание облачком вырывалось в ледяном холоде комнаты.

Но больше всего Джонни поразили ее глаза. Они казались необыкновенно огромными, и под каждым – большое темное пятно. Зрачки расширились и тускло блестели, как неограненный алмаз.

Большие глянцевые зеленые глаза обратились к Джонни и человеку у двери, и вой перешел в громкий крик. Крик замер, она закрыла лицо руками.

– Трейси, – негромко сказал Джонни. – О Боже, Трейси...

– С ней все будет в порядке, – заскулил человек, извиваясь в хватке Джонни. – Это первый раз, все будет в порядке.

– Пошли. – Джонни вытащил его из комнаты и ногой захлопнул дверь. Прижал к стене, лицо его застыло и побледнело, глаза стали безжалостными – он заговорил негромко, терпеливо, как будто что-то объяснял ребенку: – Сейчас тебе будет больно. Очень больно. Я буду бить так сильно, чтобы только не убить. Не потому что мне это нравится; просто эта девушка для меня слишком много значит. В будущем, когда вздумаешь дать отраву другой девчонке, вспомни, что я с тобой сделал сегодня. – Джонни прижал его левой рукой к стене, а правой стал бить по ребрам, так, чтобы разорвать мышцы живота. Три или четыре удара пришлись слишком высоко, и он услышал, как треснули и сломались под его кулаком ребра.

Когда он сделал шаг назад, человек медленно сполз по стене, и Джонни нанес ему точный удар в челюсть, выбив зубы и расплющив губы, сделав их похожими на лепестки розы. Этот тип слишком шумел. Джонни заглянул в комнату Трейси, чтобы убедиться,

что они ее не потревожили, но она сидела в прежней позе, ритмично наклоняясь вперед-назад.

Он отыскал ванную, смочил платок и вытер кровь с рук и костюма. Снова вышел в коридор и наклонился к бесчувственному телу, проверяя пульс. Тот был сильным и правильным; Джонни почувствовал облегчение и вытащил лицо человека из лужи его собственной крови и рвоты, чтобы он не задохнулся.

Потом подошел к Трейси и, несмотря на сопротивление, завернул в грязное армейское одеяло и вынес к «ягуару».

Она успокоилась и лежала на заднем сиденье, как спящий ребенок; он укутал ее, потом вернулся в дом, набрал 999, сообщил адрес и немедленно повесил трубку.

Джонни оставил Трейси в машине у входа в «Дорчестер», а сам пошел поговорить с администратором. Через несколько минут девушку в инвалидном кресле переправили в двухкомнатный номер на втором этаже. Доктор появился спустя пятнадцать минут.

После его ухода Джонни вымылся в ванне; держа в руке стакан с «чивас ригал», он пошел в комнату Трейси и постоял у ее кровати. Доктор дал ей успокоительное. Она лежала, бледная и худая, но в ней была странная хрупкая красота, которую синяки под глазами лишь подчеркивали.

Он убрал волосы с ее щеки, его руки коснулось мягкое ровное дыхание. Он почувствовал к ней такую бесконечную нежность, какой не испытывал никогда в жизни. Его самого поразила сила этого чувства.

Он склонился к Трейси и легко коснулся губами ее губ. Они были сухими и шершавыми, будто наждак.

Джонни выпрямился и направился к креслу. Он устало опустился в него, прихлебывая виски, чувствуя, как тепло распространяется по телу, как расслабляются мышцы. Он смотрел на бледное измученное лицо на подушке.

– Мы с тобой в трудном положении, – сказал Джонни вслух и снова почувствовал приступ гнева. Вначале тот был беспредметным, но постепенно оформлялся и обретал фокус.

Впервые в жизни Джонни злился на Старика.

– Он довел тебя до этого, – сказал он девушке в кровати. – И меня...

Реакция наступила быстро, верность была составной частью его жизни. Он всегда считал, что любые действия Старика справедливы и мудры, даже когда их мудрость и справедливость были сокрыты от него. Смертный не сомневается во всемогуществе своих богов.

Чувствуя отвращение к собственному предательству, он принялся в свете разума рассматривать мотивы и действия Старика.

Почему тот отправил Шапиро привезти Джонни из пустыни?

– Он хочет, чтобы ты был в Кейптауне, Джонни. Бенедикт не справляется. Старик поручил ему лондонскую контору, это форма изгнания. Ты должен будешь руководить компанией, – объяснял Майкл. – Трейси не у дел. Она с мужем тоже в Лондоне. Я думаю, Старик считает, что тебе теперь можно появиться в Кейптауне. – Он увидел неприкрытую радость Джонни и медленно продолжал. – Возможно, я говорю необдуманно. Мистер Ван дер Бил – странный человек. Он не похож на других. Я знаю, что ты к нему испытываешь – видишь ли,

я наблюдал за тобой все это время. Но послушай, Джонни, теперь ты волен отправиться куда угодно. Многие другие компании предоставили бы тебе работу... – Майкл увидел выражение лица Джонни и тут же осекся: – Ну ладно, Джонни. Забудь, что я об этом говорил. Я так сказал только потому, что ты мне нравишься.

Вспоминая этот эпизод, Джонни понимал, что в предупреждении Майкла был смысл. Разумеется, теперь он – генеральный управляющий «Ван дер Бил дайамондз», но ближе к Старику он не стал. Джонни жил рядом с горой, но она по-прежнему была недоступна, и он не смог подняться даже на самые нижние склоны.

В городе он оказался таким же одиноким, как в пустыне, и попался в сети первой же привлекательной женщины, которая им заинтересовалась.

Руби Гранж, высокая и стройная, с волосами цвета, который, описывая алмаз, называют «секондкейп» – солнечный свет в бокале шампанского.

Теперь он дивился собственной наивности. Как он мог так заблуждаться, так легко попасть в ее сети? После свадьбы она перестала притворяться, обнаружив холодную расчетливую жадность, непреодолимое стремление к материальному благополучию и полную поглощенность самой собой – вначале Джонни даже не мог в это поверить. Месяцами боролся он с этим пониманием, пока больше уже не смог отрицать и с отчаянием смотрел на пустое эгоистичное мелкое существо, на котором женился.

Он отдалился от нее и всю свою энергию направил на работу в компании.

Это стало его жизнью, и тут же он понял, что это тоже полая раковина, и опустошила ее рука Старика.

Впервые в жизни ему пришло в голову, что все это – тщательно рассчитанная, садистская месть за невинный проступок подростка.

И, словно найдя спасение от этих ужасных мыслей, он заснул в кресле, и стакан выпал из его руки.

Якобус Исаак Ван дер Бил сидел в кожаном кресле перед рентгеновским аппаратом. Страх иссушил его лицо, оставив на нем трещины и провалы; оно было едва узнаваемо под сверкающей белой гривой.

Страх был и в его глазах, он шевелился в их глубине, как скользкое водное животное в бледно-голубом пруду. Со страхом, от которого стыли и немели члены, он смотрел на туманное изображение на экране.

Специалист говорил негромко, бесстрастно, как будто читал лекцию перед аудиторией.

– ...охватывая щитовидную железу вот здесь и распространяясь вдоль трахеи.

Конец золотого карандаша указывал на призрачные очертания на экране. Старик с усилием глотнул. Казалось, пока он слушал, опухоль в его горле разбухла, его голос звучал хрипло.

– Операцию будут делать? – спросил он, и специалист прервал объяснение. Он взглянул на сидевшего за столом хирурга. Они обменялись виноватыми взглядами, как заговорщики.

Старик повернулся в кресле лицом к хирургу.

– Ну? – хрипло спросил он.

– Нет. – Хирург виновато покачал головой. – Слишком поздно. Если бы только вы...

– Сколько? – прервал Старик его объяснения.

– Не больше шести месяцев.

– Вы уверены?

– Да.

Старик опустил подбородок на грудь и закрыл глаза. В комнате воцарилось полное молчание, врачи с профессиональной жалостью и интересом смотрели, как он принимает собственный смертный приговор.

Наконец Старик открыл глаза и медленно встал. Он попытался улыбнуться, но губы не слушались его.

– Спасибо, джентльмены, – прохрипел он своим новым грубым голосом. – Прошу прощения. Мне предстоит многое организовать.

Он спустился ко входу, где его ждал «роллс». Шел он медленно, волоча ноги, и шофер быстро поднялся ему навстречу, но Старик оттолкнул протянутые к нему руки и сел на заднее сиденье.

Майкл Шапиро ждал в кабинете его большого дома. Он сразу заметил перемену и вскочил со стула. Старик стоял у входа, тело его, казалось, съежилось.

– Шесть месяцев, – сказал он. – Они дали мне шесть месяцев. – Он подошел к столу и опустился в кресло. – После того, как я им столько заплатил. – Он сказал это так, будто надеялся откупиться от смерти, а его обманули. Он снова закрыл глаза, а когда открыл, в них блестела какая-то хитрая мысль и все лицо стало напоминать лисью морду.

– Где он? Вернулся?

– Да, «боинг» приземлился в девять утра. Он сейчас в своем кабинете. – Майкл был поражен: впервые он видел Старика без маски.

– А девчонка? – С момента ее развода он ни разу не назвал ее дочерью.

– Джонни поместил ее в частную больницу.

– Никакой пользы от этой суки, – негромко сказал Старик, и Майкл проглотил готовый сорваться с губ протест. – Возьми блокнот. Хочу, чтобы ты кое-что записал. – Старик хрипло засмеялся. – Посмотрим! – сказал он, и звучало это как угроза. – Посмотрим!

Врач ждал Джонни в аэропорту.

– Увезите ее к себе, Робин. Прочистите и хорошенько подкормите. Она по горло в наркотиках и, похоже, месяц не ела.

Трейси начала приходить в себя.

– Куда это?..

– В больницу. – Джонни предупредил ее следующий вопрос: – И будешь там столько, сколько необходимо.

– Я не...

– О да, обязательно. – Он взял ее за руку, врач – за другую. Все еще слабо протестуя, она пошла за ними к машине. – Спасибо, старина, займись ею как следует.

– Получишь назад как новенькую, – пообещал Робин и уехал.

Джонни несколько минут смотрел на массивный квадратный силуэт горы – это была его собственная, очень личная церемония возвращения. Потом вывел из гаража аэропор-

та свой «мерседес», решил, что не вынесет расспросов Руби, и направился на работу. Там у него была ванная, а в ней – всегда наготове чистая сорочка и бритвенные принадлежности.

Когда он появился в стеклянных дверях роскошно меблированного и украшенного коврами помещения главной конторы «Ван дер Бил дайамондз», на него набросилось племя амазонок, пожирательниц мужчин.

Две хорошенькие секретарши радостно загалдели:

– О, мистер Ленс, целая пачка бумаг...

– О, мистер Ленс, ваша супруга...

Стараясь не бежать, он почти добрался до двери своего кабинета, когда из засады показалась голова секретарши Старика.

– Мистер Ленс, где вы были? Мистер Ван дер Бил спрашивает...

Это привлекло внимание Летти Пинар, его личной секретарши.

– Мистер Ленс, слава Богу, вы вернулись.

Джонни остановился и, сдаваясь, поднял руки.

– Не все сразу, дамы. Теперь я здесь, не паникуйте.

«Встречающая делегация» захихикала, а церберша Старика, фыркнув, исчезла за своей дверью.

– Что самое важное, Летти? – спросил Джонни, садясь за свой стол и просматривая стопу почты. Одновременно он развязывал галстук и расстегивал пуговицы сорочки, собираясь в ванну.

Когда Джонни быстро брился и принимал душ, они с Лети перекрикивались через открытую дверь ванной. Она рассказывала ему обо всех событиях в жизни компании и дома.

– Постоянно звонила миссис Ленс. Когда я сказала, что вы в Картридж-Бей, она назвала меня лгуньей. – Летти помолчала, а когда Джонни вышел из ванной, спросила: – Кстати, а где же вы были?

– Хоть вы не начинайте. – Джонни склонился к столу и начал просматривать накопившиеся бумаги. – Вызовите мою жену, пожалуйста. Нет, подождите. Скажите ей, что я буду в семь.

Летти увидела, что он занят, встала и вышла. Джонни сел за стол.

Компания «Ван дер Бил дайамондз» переживала тяжелые времена. Несмотря на протесты Джонни, Старик вкладывал всю прибыль в другие свои предприятия – фирму по приобретению земельной собственности, в фабрику одежды, «Рыбные промыслы Ван дер Била», большую ирригационную систему на реке Оранжевой, – и теперь «шкаф» почти опустел.

Береговая концессия подошла к концу короткой, но славной жизни. Разработки подступили к линии сброса. Старик за крупную сумму продал концессию «Квиб Хоч» большой компании, но деньги тут же были выведены из-под контроля Джонни.

В его клетке оставалась лишь одна жирная гусыня, да и та пока не несла яиц.

Восемнадцать месяцев назад Джонни перекупил у разорившейся из-за собственного неумения компании два алмазоносных участка моря.

Добывать алмазы со дна моря примерно в восемь раз дороже, чем в открытых разработках на суше. Нужно извлечь гравий из первозданных непредсказуемых глубин открытых вод берега Скелетов, погрузить на баржи, транспортировать к базе, перегрузить и только тогда начинать процесс очистки. Так действовали все компании.

Джонни придумал другой метод. Он заказал постройку корабля, на котором можно было бы осуществлять все операции. Этот корабль мог стоять в море, всасывать гравий, обрабатывать его, выбрасывая пустую породу назад в море так же быстро, как она засасывалась. На нем должна была размещаться усовершенствованная обогатительная фабрика, полностью компьютеризированная, скрытая в огромном корпусе. Корабль не нуждался в большой команде и мог работать в любых погодных условиях, кроме сильнейшего урагана.

«Зимородок» отстраивался в доке Портсмута. Спуск был намечен на начало августа.

Финансирование этого проекта превратилось для Джонни в кошмар. Старик не только ничем не помогал, но даже препятствовал. Об этом замысле он всегда говорил с легкой усмешкой. Он так резко ограничил в него вложения «Ван дер Бил дайамондз», что Джонни вынужден был занять два миллиона на стороне.

Он нашел деньги, но Старик продолжал усмехаться.

«Зимородок» уже три месяца как должен был находиться в море и высасывать из него алмазы. Весь финансовый расчет строился на том, что корабль вовремя будет введен в строй, но работы выбились из графика на целых шесть месяцев, и теперь пошатнулись самые основы компании.

Сидя за столом, Джонни думал, как укрепить здание, как не дать ему рухнуть, пока не заработает «Зимородок». Кредиторы начинали протестовать, и лишь энтузиазм и репутация Джонни все еще сдерживали их.

Теперь ему предстоит попросить их отсрочить выплату процентов еще на три месяца. Он поднял трубку.

– Свяжите меня с мистером Ларсеном из финансово-кредитного отдела, – сказал он, внутренне напрягшись, выставив вперед челюсть и сунув сжатый кулак в карман.

В пять он встал из-за стола и направился к бару. Налил себе на три пальца виски и снова устало опустился во вращающееся кресло. Он получил еще одну отсрочку, но не чувствовал радости: слишком устал.

На его столе зазвонил незарегистрированный телефон, и он поднял трубку.

– Ленс слушает.

– Как Лондон? – Он сразу узнал голос и не удивился тому, что Старик знает о его путешествии. (Он все знает.) Прежде чем Джонни смог ответить, снова послышался хриплый голос: – Приходи ко мне – немедленно. – И телефон смолк.

Джонни с сожалением взглянул на виски и оставил стакан нетронутым. Старик почувствует запах и усмехнется.

Над горой стояло облако, заходящее солнце окрасило его в цвета мандарина и персика. Старик смотрел в окно на это облако; опускаясь в долину, оно таяло.

Когда Джонни вошел в кабинет, Старик отвернулся от окна, и Джонни сразу понял, что в его отсутствие произошло нечто важное.

В поисках ответа он быстро взглянул на Майкла Шапиро, но тот склонил поседевшую голову над бумагами, которые держал на коленях.

– Добрый вечер, – обратился Джонни к Старику.

– Садись сюда. – Старик указал на кожаное испанское кресло напротив своего стола. – Читай, – приказал он Шапиро.

Прежде чем начать, Майкл откашлялся и подровнял стопку бумаг.

Старик сидел, не отрывая взгляда от лица Джонни. Разглядывал он его откровенно и внимательно, но Джонни не испытывал никакого неудобства. Глаза Старика как будто ласкали его.

Майкл Шапиро читал внятно, подчеркивая значение запутанных юридических оборотов. Документ представлял собой последнюю волю и завещание Старика, и Майклу понадобилось двадцать минут, чтобы прочесть его. Когда он закончил, наступила тишина. Наконец Старик нарушил ее.

– Ты понял? – спросил он. Голос его звучал мягче обычного. Сам он, казалось, сморщился, плоть стаяла с костей, оставив их сухими и легкими, как высохший на солнце скелет давно погибшей морской птицы.

– Да, понял, – кивнул Джонни.

– Объясни попроще, без этой юридической тарабарщины, на всякий случай, – сказал Старик, и Майкл снова заговорил.

– Личное состояние мистера Ван дер Била, за исключением его доли в «Ван дер Бил дайамондз», после выплаты всех налогов и затрат, образует фонд, принадлежащий двум его детям. Трейси...

Старик нетерпеливо прервал, смахнув слова Майкла, как муху.

– Не это. Компания. Расскажи ему о долях по компании.

– Доля мистера Ван дер Била в компании делится на три равных части между тобой и его двумя детьми. Трейси...

Старик снова перебил:

– Черт возьми, он знает, как их зовут.

Впервые они услышали ругань из уст Старика. Майкл печально улыбнулся Джонни, как будто просил у него прощения, но тот внимательно смотрел на Старика, изучая его лицо, чувствуя, как в нем нарастает чувство удовлетворения.

Третья часть доли Ван дер Била в компании – не слишком большое состояние. Никто лучше Джонни этого не знал.

И все же имя Джонни упомянуто рядом с именами Бенедикта и Трейси, он опять среди них. Ради этого он трудился все эти годы. Это публичное провозглашение, признание перед всем миром.

Джонни Ленс наконец обрел отца. Он хотел протянуть руку и коснуться Старика. Грудь его вздымалась, горло перехватило от эмоций. В глазах защипало. Джонни мигнул.

– Это... – начал он. Голос его дрогнул, он откашлялся. – Не знаю, как сказать вам...

Старик нетерпеливо прервал его, повелительным жестом заставив замолчать, и прохрипел, обращаясь к Майку:

– А теперь прочти ему добавление к завещанию. Нет, не читай. Просто объясни.

Выражение лица Майкла изменилось; читая, он глядел только на бумаги, как будто не решался встретиться с Джонни взглядом, без надобности откашливался и ерзал на стуле.

– Согласно добавлению к завещанию, датированному тем же числом и должным образом подписанному мистером Ван дер Билом, передача доли «Ван дер Бил дайамондз» Джону Ригби Ленсу осуществляется при том условии, что вышеназванный Джон Ригби Ленс лично гарантирует все долги компании, включая все нынешние и прошлые долги, а также проценты по ним, плату за разработку недр и опцион.

– Боже, – сказал Джонни, застыв в кресле и недоверчиво глядя на Старика. Стеснение в груди прошло. – Что вы хотите со мной сделать?

Старик отпустил Майкла Шапиро, даже не взглянув на него:

– Позвоню, когда ты мне понадобишься. – И, когда Майкл вышел, повторил вопрос Джонни: – Что я хочу с тобой сделать? Хочу, чтоб ты отвечал за долги в два с половиной миллиона рандов.

– Но никто ко мне не обратится за ними. Я на своем личном счете не смогу наскрести даже десяти тысяч. – Джонни раздраженно покачал головой. Вся эта история казалась ему нелепостью.

– Есть один кредитор, который явится к тебе и потребует, чтобы ты отвечал по закону. Не для того, чтобы получить деньги, а для личного удовлетворения. Он раздавит тебя – и будет ликовать при этом.

Джонни недоверчиво прищурился.

– Бенедикт?

Старик кивнул.

– На этот раз у Бенедикта на руках будут все карты. Он не сможет лишить тебя должности управляющего, потому что тебя поддержит Трейси, как она это всегда делала, но сможет со своего места председателя совета директоров следить за каждым твоим шагом. Он сможет преследовать тебя, разорить тебя и компанию, сам не понеся при этом финансового ущерба. А когда ты падешь – сам знаешь, ждать от него милосердия не стоит. Тебя пожрет созданное тобой же чудовище.

– Созданное мной? – пораженно переспросил Джонни. – Что это значит?

– Ты сделал его таким, каков он сейчас – слабым и никчемным...

– Вы сошли с ума. – Джонни вскочил на ноги. – Я никогда ничем не вредил Бенедикту. Это он...

Но Старик хриплым голосом оборвал протесты Джонни.

– Он старался бежать наравне с тобой – и не мог. Он сдался, стал слабым, порочным. О, я знаю, каков он, – таким его сделал ты.

– Пожалуйста, послушайте. Я не...

Но Старик безжалостно продолжал:

– Трейси тоже, ты разрушил и ее жизнь. Ты поработил ее в своем грехе...

– Той ночью! – закричал Джонни. – Вы никогда не давали мне возможности объяснить. Мы никогда...

Голос Старика прозвучал как удар хлыста:

– Молчи!

Джонни не мог не повиноваться, слишком глубоко въелась привычка. Старик дрожал, глаза его страстно сверкали.

– Обоих моих детей! От тебя чума на меня и на всю мою семью. Мой сын – слабовольный развратник, который тщится спрятаться среди развлечений и удовольствий. Я даю ему возможность уничтожить тебя, и когда он это сделает, может, он станет мужчиной. – Голос Старика теперь звучал напряженно и болезненно. Он с усилием глотнул, у него перехватило горло, но глаза его не смягчились. – Мою дочь преследует похоть. Ты разбудил эту похоть, и она пытается уйти от своей страсти, от своей вины. Твое уничтожение освободит ее.

– Вы ошибаетесь, – крикнул Джонни, отчасти протестующе, отчасти с мольбой. – Позвольте мне объяснить...

– Вот как все будет. Я сделал тебя уязвимым, привязал тебя к гибнущей, парализованной и терпящей крах компании. На этот раз мы от тебя избавимся. – Старик дышал тяжело и быстро, как бегущая собака. Дыхание у него прерывалось, было видно, что ему больно. – Бенедикт уничтожит тебя, а Трейси будет свидетелем этого. Она не сможет помочь тебе, ее наследство я тщательно обезопасил, у нее нет контроля над капиталом. Твоя единственная надежда – «Зимородок». Но он превратится в вампира и выпьет всю твою кровь! Ты спрашивал, почему я систематически переводил деньги «Ван дер Бил дайамондз» в другие мои компании? Теперь ты знаешь ответ.

Губы Джонни шевельнулись. Он побледнел. Голос его прозвучал негромко, он почти шептал.

– Я могу отказаться подписать гарантию.

Старик мрачно улыбнулся, в его улыбке не было ни тепла, ни радости.

– Подпишешь, – хрипло сказал он. – Гордость и тщеславие не позволят тебе отказаться. Видишь ли, я тебя знаю. Я изучал тебя все эти годы. Но даже если ты откажешься, все равно я тебя уничтожу. Твоя доля перейдет к Бенедикту. Тебя выбросят. Выбросят. Мы наконец-то с тобой покончим. – Голос его упал. – Но ты подпишешь. Я знаю.

Джонни невольно умоляюще протянул к Старику руки.

– И все это время... Когда я оставался с вами, когда я... – У него сел голос. – Неужели вы никогда ничего ко мне не чувствовали, вообще ничего?

Старик сел в свое кресло. Казалось, самообладание вернулось к нему. Теперь он заговорил тихо, кричать больше не было необходимости.

– Вон из моего гнезда, кукушонок. Убирайся – лети! – сказал он.

Выражение лица Джонни медленно изменилось, на скулах заходили желваки. Он расправил плечи, агрессивно выставил вперед челюсть, сунул руки в карманы, сжав их в кулаки.

Кивнул в знак того, что понял.

– Понимаю. – Снова кивнул и вдруг улыбнулся. Улыбка вышла неубедительная, рот у него дергался, в глазах застыло выражение преступника, убегающего от преследователей. – Ладно, злобный старый ублюдок. Я вам покажу.

Повернулся и, не оглядываясь, вышел.

Лицо Старика отобразило глубокое удовлетворение. Он захихикал, но тут у него перехватило дыхание. Он закашлялся, и боль в горле заставила его ухватиться за край стола.

Он чувствовал, как рак – смерть – ворочается в его плоти, все глубже погружая клешни в горло и легкие, – и боялся.

От боли и страха он закричал, но во всем доме никто его не услышал.

«Зимородок» был спущен на воду в августе и направился в Северное море. Согласно недвусмысленному приказу Старика на борту находился Бенедикт. Диво, если бы корабль с такими сложными механизмами и такой новаторский по конструкции сразу стал бы функционировать нормально. Август в этом году не стал месяцем чудес. В конце рейса Джонни получил список из двадцати трех необходимых усовершенствований.

– Сколько? – спросил он представителя кораблестроительной фирмы.

– Месяц. – В ответе звучало сомнение.

– Вы хотите сказать два, – заметил Бенедикт и громко рассмеялся.

Джонни задумчиво посмотрел на него; он догадывался, что Старик побеседовал с сыном.

– Вот что я тебе скажу, Джонни. – Бенедикт все еще смеялся. – Я рад, что эта корова – не мое представление о рае.

Джонни застыл. Бенедикт, как попугай, повторил слова Старика. Другого подтверждения не требовалось.

Ленс улетел в Кейптаун и там застал своих кредиторов на грани бунта. Они хотели добиться распродажи, чтобы возместить свои убытки.

Джонни провел два драгоценных дня на винной ферме Ларсена в Стелленбоше, чтобы успокоить его страхи. Когда Фифи Ларсен, которая была на двадцать лет моложе мужа, стиснула под обеденным столом его бедро, он понял, что все будет в порядке – на два ближайших месяца.

В следующую лихорадочную, полную изнурительных трудов неделю Джонни едва сумел выбрать время, чтобы повидаться с Трейси.

Она уже месяц как вышла из больницы и жила с друзьями на маленькой ферме вблизи Сомерсет-Вест.

Когда Джонни вышел из «мерседеса», а Трейси спустилась к нему с веранды, он впервые за долгое время испытал истинное удовольствие.

– Боже, – сказал он, – ты прекрасно выглядишь.

Она была в летнем платье, на ногах открытые сандалии. Друзья ее уехали на день, поэтому они бродили по саду только вдвоем. Он откровенно разглядывал ее и заметил, что руки ее пополнели, на щеки вернулся румянец. Волосы Трейси блестели на солнце, но под глазами еще виднелись темные круги, и улыбнулась она только раз, когда сорвала веточку цветущего персика. Казалось, она боится Джонни, а в себе не уверена.

Наконец он посмотрел ей в лицо и положил руки ей на плечи.

– Ну ладно. В чем дело?

Она разразилась потоком слов.

– Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты меня отыскал. Хочу объяснить, почему я стала... такой. Не желаю, чтобы ты поверил в то, что могут обо мне рассказывать.

– Трейси, тебе ничего не нужно объяснять.

– Я должна. – И она начала рассказывать, не глядя ему в лицо, теребя ветку, обрывая цветки персика. – Видишь ли, я не понимала, считала, что все мужчины такие. Не любят, не делают этого... – Она замолчала, потом начала снова: – Понимаешь, он добрый. И каждый вечер было множество друзей, приемы. Потом он захотел, чтобы мы отправились в Лондон – ради его карьеры. Здесь ему не хватало размаха. И даже тогда я ничего не знала. Да, я видела, что у него много друзей, и среди них есть какие-то близкие ему, но... И вот я зашла к нему в студию и застала их, Кенни и парня, они смеялись, обнимались, перевились, как змеи. «Да неужели ты не знала?» – сказал он. У меня в голове что-то щелкнуло, я почувствовала себя грязной, порочной, я хотела умереть. Мне не к кому было обратиться, да я и не желала никого видеть... просто хотела умереть. – Она замолчала и ждала, чтобы он заговорил.

– Ты по-прежнему хочешь умереть? – мягко спросил Джонни.

Она удивленно взглянула на него и отрицательно покачала головой с сияющей шапкой волос.

– Я тоже не хочу, чтобы ты умерла.

Они вдруг оба рассмеялись. После этого все стало хорошо, они проговорили дотемна – как друзья.

– Мне нужно идти, – сказал Джонни.

– Жена? – спросила она, и ее смех замер.

– Да. Жена.

Было уже темно, когда Джонни вошел в двери своего нового, построенного террасами ранчо в Бишопскорте – здесь он жил, но это не был его дом. Звонил телефон. Он поднял трубку.

– Джонни?

– Привет, Майкл. – Он узнал голос.

– Джонни, немедленно отправляйся в старый дом. – Голос Майкла Шапиро звучал напряженно.

– Что-то со Стариком? – беспокойно спросил Джонни.

– Разговаривать некогда, приезжай немедленно!

Занавеси были задернуты, в каменном очаге ревел огонь. Но Старику было холодно. Холод засел глубоко внутри, туда не могло проникнуть тепло очага. Дрожащими руками Старик брал из ящика листы бумаги, просматривал и бросал в огонь. Они взрывались оранжевым пламенем, затем сворачивались и превращались в пепел. Наконец ящик опустел, осталась только пачка разноцветных конвертов, перевязанная лентой. Старик развязал узел, взял первый конверт и достал из него листок бумаги.

Дорогой сэр, надеюсь, вам будет приятно узнать, что я теперь в школе. Кормят нас хорошо, но постели очень жесткие...

Он бросил конверт и листок в огонь и взял другой. По одному он перечитывал их и сжигал.

* * *

...что меня отобрали для игры в числе первых пятнадцати...

Иногда он улыбался, один раз рассмеялся.

...я первый по всем предметам, кроме истории и Закона Божьего. Надеюсь в будущем на лучшие...

Последний конверт он долго держал в перевитой голубыми венами руке. Потом нетерпеливым движением бросил в огонь и его и потянулся к каминной доске, чтобы подняться. Встав, посмотрел в зеркало в позолоченной раме.

Он изучал свое отражение, слегка удивленный произошедшими за последние несколько недель изменениями. В глазах погас огонь жизни, они стали грязновато-бледно-синекарими – цвета разложения. Они выпирали из глазниц, и в них была стеклянистость, характерная для рака в последней стадии.

Он знал, что слабость в ногах, внутренний холод – не результат действия обезболивающего. И шаркающая медлительная походка, которой он пересек толстый ковер, направляясь к письменному столу, тоже не от них.

Он посмотрел на продолговатый кожаный футляр с отделанными медью углами и закашлялся, приступ разрывал ему горло. Он ухватился за край стола, чтобы не потерять равновесия, ожидая, пока боль схлынет, потом щелкнул замком и открыл футляр.

Руки его не дрожали, когда он взял в них ствол и рукоять двенадцатизарядного дробовика и соединил их.

Он умер, как и жил, – в одиночестве.

– Боже, как я ненавижу черный цвет. – Руби Ленс стояла в центре своей спальни, глядя на платье, лежавшее на двуспальной кровати. – Я в нем выгляжу ужасно. – Она покачала головой, отчего ее волосы цвета шампанского растрепались. Повернулась и лениво двинулась по комнате к зеркалу. Улыбнулась своему отражению и через плечо спросила: – Ты говоришь, Бенедикт Ван дер Бил прилетел из Англии?

– Да. – Джонни кивнул. Он сидел в кресле у входа в гардеробную, массируя пальцами веки.

Руби встала на цыпочки, втянула живот и выпятила маленькие твердые груди.

– Кто еще там будет? – спросила она, обхватив груди руками и выставив между пальцами соски, критически осматривая их. (Джонни отвел руки от глаз.) – Ты меня слышал? – В голосе Руби звучали повелительные нотки. – Я ведь не с собой разговариваю. – Она отвернулась от зеркала и посмотрела на Джонни. Высокая и стройная, золотая, как леопард, даже в глазах – желтая напряженность, как во взгляде большой хищной кошки. Казалось, в любое мгновение она может зарычать.

– Это похороны, – спокойно ответил он. – Не прием с коктейлями.

– Ну, не жди, что я буду умирать от горя. Я его терпеть не могла. – Она подошла к кровати, выбрала трусики и потерла гладкий материал о щеку. Потом двумя изящными

движениями надела их. – По крайней мере под траур можно надеть что-нибудь красивое. – Она защелкнула пряжку на загорелом животе, и ткань прижала почти бесцветные светлые завитки волос.

Джонни медленно встал и прошел в свою гардеробную. Она презрительно бросила ему вслед:

– Ради Бога, Джонни Ленс, перестань ходить всюду с вытянутым лицом, будто наступил конец света. Никто ничего не должен этому старому дьяволу – он задолго до срока собрал со всех долги.

Они приехали на несколько минут раньше и стояли под сводами у входа в церковь.

Когда жемчужно-серый «роллс» въехал в ворота, брат с сестрой вышли из него и двинулись по мощеной дорожке, Руби не могла скрыть своего интереса.

– Это Бенедикт Ван дер Бил?

Джонни кивнул.

– Он прекрасно выглядит.

Но Джонни смотрел на Трейси. Перемена в ее внешности со времени их последней встречи оказалась поразительной. Она снова шла как девочка из пустыни, прямо и гордо. Подошла к Джонни, остановилась перед ним. Сняла темные очки, и он увидел, что она плакала: глаза у нее слегка припухли. Косметикой она не воспользовалась, и, повязанная темным шарфом, как платком, походила на монахиню. От горя лицо ее повзрослело.

– Никогда не думала, что этот день придет, – негромко сказала она.

– Да, – согласился Джонни. – Он как будто должен был жить вечно.

Трейси шагнула к нему, протянула руку, но ее пальцы остановились в дюйме от его рукава. Джонни понял жест: она делилась с ним горем, пониманием общей потери и невысказанным предложением утешения.

– Мне кажется, мы с вами не встречались. – В голосе Руби смешались сахар и мышьяк. – Вы ведь мисс Ван дер Бил?

Трейси повернула к ней голову, и лицо ее стало бесстрастным и равнодушным. Она надела темные очки, спрятав глаза.

– Здравствуйте, миссис Ленс, – сказала она.

В церкви Майк Шапиро стоял рядом с Джонни. Не шевеля губами, он сказал, так, чтобы слышать мог только Джонни:

– Бенедикт знает условия завещания. От него можно ожидать немедленных действий.

– Спасибо, Майк.

Джонни не отрывал взгляда от массивного черного гроба. Огоньки свечей отражались на серебряных рукоятках.

И все же его не занимал предстоящий конфликт. Интерес придет позже. А сейчас он слишком глубоко ощущал уход целой эры, его жизнь достигла поворотного пункта. Он знал, что она изменится, уже изменилась.

Он неожиданно, движимый чутьем, взглянул в проход между скамьями.

На него смотрел Бенедикт Ван дер Бил. В этот момент священник дал сигнал к выносу тела.

Они стояли у гроба, Бенедикт и Джонни, по разные стороны полированного черного ящика, украшенного множеством лилий аронника. Осторожно посматривали друг на друга. Джонни казалось, что вся эта сцена имеет особое значение. Они вдвоем стояли над телом Старика, а Трейси с беспокойством смотрела на них.

Джонни оглянулся в поисках Трейси. Но вместо этого увидел Руби. Она смотрела на них обоих, и Джонни вдруг понял, что позиция на доске изменилась сильнее, чем он сознавал. В игру вступила новая фигура.

Он почувствовал, как Майк Шапиро подталкивает его, и взялся за серебряную ручку. Они вместе вынесли Старика на солнце.

От тяжести ручка врезалась ему в ладонь. Уже после того, как гроб опустили, он продолжал массировать кисть. Холм свежей земли скрылся под одеялом цветов и ярко-зеленой искусственной травой. Все постепенно разошлись, но Джонни продолжал стоять с непокрытой головой. Наконец Руби коснулась его руки.

– Пошли. – Голос ее звучал негромко, но язвительно. – Ты выставляешь себя на посмешище.

Бенедикт и Трейси ждали в церковном дворе под соснами, они пожимали руки и негромко разговаривали с участниками похорон.

– Вы, конечно, Руби. – Бенедикт взял ее за руку, улыбаясь уголками губ, вежливо и обольстительно. – Те восхищенные рассказы, которые я слышал, уступают действительности.

Руби раскраснелась; она затрепетала, будто бабочка, расправившая на солнце свои крылья.

– Джонни, – обратился к нему Бенедикт, и Ленс был удивлен дружеским теплом его улыбки и крепким рукопожатием. – Майкл Шапиро сказал, что ты принял условия завещания отца, подписал гарантию. Это замечательная новость. Не знаю, что бы мы без тебя делали в «Ван дер Бил дайамондз». Ты один сможешь вытащить компанию из трудностей. Я хочу, чтобы ты знал: я тебя во всем поддерживаю, Джонни. Теперь я собираюсь больше заниматься делами компании и помогу тебе всем, чем смогу.

– Я знал, что смогу положиться на тебя, Бенедикт. – Джонни принял вызов точно так же, как он был послан. – Думаю, все будет в порядке.

– В понедельник у нас собрание, а в четверг я возвращаюсь в Лондон, но надеюсь, до этого мы сможем пообедать вместе – я, ты и твоя очаровательная жена, разумеется.

– Спасибо. – Руби поняла, что Джонни собирается отказаться, и быстро вклинилась в разговор. – Мы охотно придем.

– Ты ведь собирался отказаться? – Она сидела, поджав ноги, на пассажирском сиденье «мерседеса» и смотрела на него раскосыми глазами персидской кошки.

– Ты чертовски права, – угрюмо кивнул Джонни.

– Почему?

– Бенедикт Ван дер Бил – это яд.

– Это ты так говоришь.

– Да, это я так говорю.

– Может, ты ревнуешь? – Руби зажгла сигарету с золотым обрезом и выпустила дым сквозь сжатые губы.

– Великий Боже! – Джонни коротко рассмеялся. Они замолчали и стали смотреть вперед.

– Мне он кажется таким мечтательным.

– Можешь прибрать его к рукам. – Джонни говорил равнодушным тоном, но ее ответ прозвучал резко.

– Да, могу – если захочу. И уж вы-то с этой нюней Трейси...

– Прекрати, Руби.

– О Боже, что я сказала. Дражайшая миссис Хартфорд...

– Я сказал, прекрати. – Голос Джонни звучал резко.

– Маленькая мисс Красивые Трусики. Боже! Она готова была скинуть их перед тобой прямо в церковном дворе...

– Заткнись, черт побери!

– Не смей так говорить со мной! – И она, наклонившись, открытой ладонью ударила его по лицу. Его нижняя губа ударилась о зубы, и он ощутил во рту вкус крови. Достал из нагрудного кармана платок и поднес к губам, удерживая руль «мерседеса» одной рукой.

Руби свернулась в углу машины, лихорадочно куря. Они молчали, пока Джонни не остановился у гаража. Тогда Руби выскользнула из «мерседеса» и побежала по газону к двери. Она захлопнула ее за собой так, что задребезжало дверное стекло.

Джонни поставил «мерседес», закрыл дверь гаража и медленно пошел в дом. Руби сбросила туфли на ковре в гостиной и пробежала во дворик, к сверкающему бассейну. Она стояла босая, глядя в чистую воду, обхватив себя за плечи руками.

– Руби. – Он остановился за ней, с усилием заставляя себя говорить спокойно, примирительно. – Послушай...

Она повернулась к нему, глаза ее горели, как у загнанного леопарда.

– Не пытайся уговаривать меня, сволочь. Кто я, по-твоему? Служанка? Когда я наконец смогу делать все, что хочу?

Он давно уже понял, что соглашаться на ее требования – самый короткий путь к миру. Успокаивать Руби бесполезно.

– Я никогда не мешал тебе...

– Прекрасно! Просто прекрасно! Значит, и уйти мне тоже не помешаешь.

– Что ты имеешь в виду? – Он почувствовал удивление и надежду. – Ты говоришь о разводе?

– О разводе? Ты в своем уме? Я знаю, какой жирный кусок оставил тебе Старик в своем завещании. Что ж, маленькая Руби запустит свои пальчики в этот кусок – и начнет прямо сейчас.

– Чего именно ты хочешь? – Голос его звучал холодно и спокойно.

– Новый гардероб и поездка по всем тем местам, где ты так хорошо проводишь время, – Лондон, Париж и все остальное. Для начала сойдет.

Он ненадолго задумался, взвешивая, как далеко может зайти в превышении кредита: со времени женитьбы его банковский счет редко печатался черным цветом. «Но дело того

стоит», – решил он. Следующие несколько месяцев он не сможет себе позволить отвлекаться. Если Руби Ленс не будет сидеть у него на шее, он получит возможность действовать и передвигаться гораздо быстрее.

– Хорошо, – кивнул он. – Если это все, чего ты хочешь.

Ее глаза слегка сощурились, рот сжался. Руби внимательно изучала его лицо.

– Слишком ты сговорчивый, – сказала она. – Хочешь от меня избавиться? Не мечтай, деточка. Только сунь мне палец – или что-нибудь еще, и я откушу его.

– К вам миссис Хартфорд, – послышался в интеркоме шепот Летти Пинар, и еле слышно она добавила: – Удачи!

Джонни улыбнулся.

– Вы уволены за нахальство, но прежде чем уйдете, пригласите ее войти.

Он встал навстречу Трейси и обошел вокруг стола. На ней был деловой серый костюм, волосы зачесаны назад. Она должна была бы выглядеть школьной учительницей, но не выглядела.

– Ты слишком рано, Трейси. Директорат в два часа.

– Какое любезное приветствие. – Она села в яйцеобразное вращающееся кресло, скрестив длинные ноги, от которых Джонни отвел взгляд с большим усилием. – Я ищу работу.

– Работу? – Он смотрел на нее, не понимая.

– Да, работу. Трудоустройство. Наем.

– Чего ради?

– Ну, теперь, когда ты, со всей вежливостью пещерного человека, вытащил меня из мира ярких огней, ты ведь не хочешь, чтобы я умерла со скуки? К тому же твой ручной доктор считает, что работа полезна для завершения моего... лечения.

– Понятно. – Он вернулся на место. – Ну... и что же ты умеешь делать?

– Мистер Ленс. – Трейси соблазнительно закатила глаза, но голос ее звучал чопорно. – Ну, знаешь ли!

– Ну ладно, – усмехнулся Джонни. – Какова твоя квалификация?

– Ты, может, не в курсе, но у меня диплом Кейптаунского университета.

– Не в курсе.

– К тому же мне пришло в голову, что в течение следующих нескольких месяцев тебе понадобится человек, которому ты мог бы доверять. – Теперь она говорила серьезно, и Джонни перестал улыбаться. – Как в прежние дни, – негромко добавила она.

Они помолчали.

– Так уж случилось, что мы как раз сейчас подбираем кандидатуру на место личного помощника в юридическом отделе, – сказал Джонни и негромко добавил: – Спасибо, Трейси.

Зал заседаний «Ван дер Бил дайамондз» был оформлен в мягких лесных тонах, коричневых и зеленых. Длинный респектабельный зал напоминал об изобилии той поры, когда компания ворочала огромными капиталами. Но времена переменились, и в возду-

хе чувствовалось напряжение – казалось, вот-вот раздастся треск электрического разряда и вспыхнет молния.

Предметом обсуждения был алмазодобывающий корабль «Зимородок». Последняя надежда компании. Ее единственное надежное вложение и личный крест Джонни.

– Этот корабль должен работать вот уже девять месяцев. На этом основаны все расчеты... и тем не менее он все еще в Портсмутском доке. – Бенедикт говорил с нескрываемым удовольствием. – Следовательно, накопившиеся проценты по долгам ставят нас в положение...

– Док в течение четырех месяцев не работал из-за забастовки, вдобавок там выработали правило... – Джонни выставил вперед челюсть – он был готов к схватке.

– Я думаю, нас не интересует непредсказуемость английских рабочих. Контракт следовало заключить с японской компанией. Они запрашивали меньше...

– Так бы и было, – сказал Джонни, – но твой отец настоял...

– Пожалуйста, не надо все валить на покойного. – Бенедикт повысил голос с неприкрытым лицемерием. – Давайте лучше оценим серьезность ситуации. Когда «Зимородок» сможет выйти в море?

– Тринадцатого сентября.

– Лучше бы ему выйти в этот срок. – Бенедикт опустил глаза к своим заметкам. – Теперь, этот человек, которого ты назначил капитаном... Серджио Капоретти... давайте немного послушаем о нем.

– Пятнадцать лет опыта командования нефтеразведочными судами в Красном море. Три года в качестве капитана морской драги в компании «Алмазы Атлантики» на западном берегу. Он один из лучших, несомненно.

– Хорошо. – Бенедикт неохотно согласился и снова посмотрел в записи. – Теперь относительно морских концессий. Номер один – район Картридж-Бей, номер два в двадцати милях севернее. Судя по результатам разведки, ты предпочтешь начать с района номер один.

Джонни кивнул, ожидая следующей атаки. Бенедикт откинулся в кресле.

– «Алмазы Атлантики» разорились именно на концессии номер один. Почему ты считаешь, что сможешь работать там, где они потерпели неудачу?

– Мы это уже обсуждали, – выпалил Джонни.

– Я при этом не присутствовал, вспомни-ка! И спокойнее, пожалуйста. Объясни еще раз.

Джонни быстро объяснил, что у «Алмазов Атлантики» стоимость обработки была высокой из-за применяемых методов. Их драги не обладали собственным ходом, их нужно было передвигать буксирами. Гравий, который они добывали, требовалось перегружать, потом перевозить на берег на обогатительную фабрику. «Зимородок» не только способен передвигаться самостоятельно, но и производит всю работу по очистке прямо на борту. Он всасывает гравий, обрабатывает на самом совершенном оборудовании с помощью рентгеновских лучей, а отходы выбрасывает за борт.

– Стоимость обработки у нас составит четверть стоимости для «Алмазов Атлантики», – закончил он.

– А наш долг уже свыше двух миллионов, – сухо заметил Бенедикт. Потом посмотрел на сидевшего за столом Майка Шапиро. – Господин секретарь, занесите в протокол следующее предложение: «Компания приступает к продаже корабля «Зимородок», сооружаемого на верфи в Портсмуте. Затем она продаст по наиболее выгодным ценам принадлежащие ей концессии и самоликвидируется». Записали?

Это было прямое нападение. Разумеется, если они продадут «Зимородок», компания погибла. При вынужденной продаже они не смогут реализовать корабль по такой цене, чтобы вернуть затраты. Образуется огромный дефицит, а Джонни подписал гарантии. Теперь ясно, к чему стремится Бенедикт. Они противники. Трейси помалкивает. Но теперь ей придется высказаться.

Бенедикт следил за ней, когда его предложение поступило на голосование. С легкой улыбкой на полных красных губах он подался вперед в своем мягком кожаном кресле. Прекрасно одетый и постриженный, ухоженный, обладающий той грацией, которую дают человеку богатство и положение и которую невозможно подделать. Но спортивные линии его тела расплылись от излишеств, под нижней челюстью многовато плоти, и это придает ему вид капризного и раздражительного ребенка.

Трейси, не колеблясь ни секунды, проголосовала против. Она спокойно улыбнулась Бенедикту и увидела, как его ответная улыбка стала походить на волчий оскал – ее брат не любил проигрывать.

– Прекрасно, милая сестренка. Теперь мы по крайней мере знаем, кто за что. – Он повернулся к Джонни. – Я полагаю, ты предпочел бы, чтобы я продолжил выполнение своих обязанностей в Лондоне.

Уже несколько лет Бенедикт руководил продажей алмазов компании в Лондоне. Старик считал, что это в пределах его возможностей.

– Спасибо, Бенедикт, – кивнул Джонни. – У меня тоже есть предложение: «Директора компании в качестве жеста солидарности отказываются от своей доли выплат, пока финансовое положение компании не улучшится».

Слабая контратака, но в тот момент он ничего лучше не придумал.

Взлетели на рассвете с аэродрома Юнгсфилд, и Джонни повернул двухмоторный «бичкрафт» на север, огибая голубой массив Столовой горы слева.

Трейси поверх розовой кофточки надела куртку с капюшоном, брюки заправила в голенища мягких сапог, перевязала темные волосы кожаной ленточкой.

Она сидела неподвижно, глядя через ветровое стекло вперед, на чуть тронутую рассветом землю. На сиреневые и пурпурные горы, на обширные, цвета львиной шкуры равнины, расстилающиеся до самых холодных туманов с Атлантики.

Джонни чувствовал ее возбуждение и сам заражался им.

Солнце взорвалось над горизонтом, раскрасив равнины ярким золотом и воспламенив горы.

– Намаквеленд. – Джонни указал вперед.

Она возбужденно рассмеялась, как ребенок на Рождество, и повернулась к нему.

– Помнишь... – начала она и смущенно замолкла.

– Да, – ответил Джонни, – помню.

Они приземлились почти в полдень на грубой посадочной полосе, выровненной в пустыне бульдозерами. Их ждал «лендровер», чтобы отвезти на берег, где обрабатывали гравий.

На тридцатисемимильной полоске берега оставалось разрабатывать немного. Подчищались остатки, проект завершался.

Когда управляющий операцией «Король Канут» протянул им пакет с алмазами – это была месячная добыча, – голос его звучал виновато:

– Вы сняли сливки, Джонни. Теперь не то, что в прежние дни.

Джонни указательным пальцем коснулся жалкой кучки мелких, низкого качества камней.

– Да, не то, – согласился он. – Но каждая мелочь нам теперь помогает.

Они снова сели в «бичкрафт» и полетели на север.

Теперь они пролетали над районом, где вся поверхность пустыни была распахана и раскопана.

Трактора повсюду оставили следы гусениц.

– Наши? – спросила Трейси.

– Хотел бы я, чтобы это было так. Тогда не о чем было бы беспокоиться. Нет, все это принадлежит большой компании. – Джонни взглянул на часы, сверяя пройденное расстояние со своей оценкой. Потом взял микрофон. – Контроль Александра-Бей. Говорит Зулу Шугар Питер Танго Бейкер.

Он знал, что появился на радарах и за ним следят – не потому, что заботятся о его безопасности, а потому, что он находится над территорией, принадлежащей крупнейшей алмазной компании Африки, и эта территория тщательно охраняется.

Радио немедленно ожило, потребовали номер его разрешения, направление и цель полета.

Убедив контроль в своей благонадежности и получив разрешение продолжать полет, он выключил радио и подмигнул Трейси.

Это небольшое столкновение раздосадовало Джонни. Он знал, что в основном это объясняется профессиональной ревностью. Ему больно было осознавать, что он работает на территориях, которые большая компания сочла слишком бедными, чтобы из-за них беспокоиться.

Иногда Джонни мечтал о каком-нибудь неверно оформленном документе на владение или ошибке в описаниях, сделанных семьдесят лет назад, до того, как люди осознали ценность этой обожженной голой земли. Он представлял себе, как предъявляет права на участок в несколько миль в самой середине богатейшего поля компании. Он сладострастно вздрогнул при этой мысли, и Трейси вопросительно взглянула на него.

Он покачал головой, и его мысли вернулись к их нынешней цели.

– Трейси, я хочу тебе кое-что показать.

Он повернул самолет, пересек береговую линию с кремовой лентой прибоя, набегающей на застывшие белые пески пляжа.

– Что? – Она оживилась, почувствовав перемену в его тоне.

– Молнию и Самоубийство, – ответил он, и она, не понимая, скорчила легкую гримасу.

– Вот там. – Он показал вперед, и сквозь легкую дымку морского тумана она увидела их, белых, сияющих, точь-в-точь пара китов-альбиносов.

– Острова? – спросила она. – А что в них особого?

– Их форма, – ответил он. – Видишь между ними пролив, похожий на воронку с узким горлышком?

Она кивнула. Острова были почти близнецами: два узких гранитных клина, каждый примерно в три мили длиной, лежащие под углом друг к другу, но их концы не соединялись. Могучий Атлантический океан накатывал с юга и врывался в воронку. Оказавшись в ловушке, огромные волны обрушивались на берега взрывами пенных бомб и наконец устремлялись в узкий пролив между островами.

– Понимаю, откуда название Молния. – Трейси со страхом смотрела на ревущий прибой. – А Самоубийство?

– Сборщики гуано в старину назвали его так после попыток высадиться.

– Гуано. – Трейси кивнула. – Вот почему белый цвет.

Джонни провел «бичкрафт» низко, над самыми волнами. Перед ними в тревоге взлетали морские птицы, длинными черными полосами они устремлялись в небо. Бакланы разных видов, чьи испражнения в течение веков окрасили гранит в ослепительно белый цвет.

Когда они на уровне утесов пролетали через пролив, Трейси воскликнула:

– Тут какая-то башня, посмотри! В глубине острова.

– Да, – подтвердил Джонни. – Старый деревянный портал, с его помощью гуано нагружали в баркасы.

Он начал плавно поднимать «бичкрафт», набирая высоту, чтобы еще раз осмотреть острова.

– Видишь, где прибой проходит через проливчик? Взгляни под воду. Видишь там на дне рифы?

Они напоминали длинные зеленые тени, расположенные под прямым углом к потоку белой пены.

– Ты видишь лучшую природную ловушку для алмазов.

– Объясни, – попросила Трейси.

– Вот там, – он указал на юг, – большие реки. Некоторые высохли миллионы лет назад, но успели перенести в море массу алмазов. Все эти века прибой и ветер передвигали их на север. Некоторые выбрасывало на берег, но остальные уносило дальше. – Джонни выровнял «бичкрафт» и возобновил прерванный полет на север. – И вот они неожиданно оказываются между Молнией и Самоубийством. Собираются и протискиваются в отверстие, но тут поперек их дороги встают рифы. Они их не могут преодолеть, оседают в желобах и ждут, пока кто-нибудь не придет и не высосет их вместе с гравием. – Он вздохнул, как безнадежно влюбленный.– Боже, Трейси, запах этих алмазов забивает мне ноздри. Я почти вижу, как они сверкают под стошестидесятифутовым слоем воды. – Джонни встряхнулся, будто очнувшись от сна. – Всю жизнь я в этом деле, Трейси. У меня есть «чутье», как у лозоходца. Я совершенно уверен, что в проливе между Молнией и Самоубийством лежат миллионы карат.

– А что мешает? – спросила Трейси.

– Двадцать лет назад концессию получила большая компания.

– Кто дал концессию?

– Правительство Юго-Западной Африки.

– А почему они не разрабатываются?

– Будут – где-нибудь в течение следующих двадцати лет. Они не торопятся.

Они замолчали, глядя вперед; один раз Джонни раздраженно прищелкнул языком и покачал головой: он все еще думал о Молнии и Самоубийстве.

Чтобы отвлечь его, Трейси спросила:

– А откуда они приходят, алмазы?

– Из вулканических трубок, – ответил Джонни. – В Южной Африке известно свыше ста. Не во всех находят камни, но в некоторых – да. Новый прииск, Финч, Дьютойспан, Блумфонтейн, Премьер, Мвади. Большие сокровищницы овальной формы, заполненные легендарной «синей землей». Здесь рождаются алмазы.

– Но ведь здесь нет трубок? – Трейси снова повернулась к нему.

– Нет, – согласился Джонни. – Мы отыскиваем аллювиальные камни. Некоторые древние трубки взрывались с силой водородной бомбы, разбрасывая алмазы на сотни квадратных миль. Подводные трубки выбрасывали алмазы в беспокойное море. Более пассивные вулканические трубки просто подвергались выветриванию, и содержащиеся в них алмазы обнажались.

– И их вымывало в море? – догадалась Трейси.

Джонни кивнул.

– Верно. Миллионы лет их бесконечно медленно передвигали земные сдвиги, наводнения, реки и дождевая вода. Простые булыжники и камни стирались в порошок, превращались в ничто, а алмазы в четыреста раз тверже любого другого природного материала на земле, и они остались неизменными. И вот наконец они достигли моря и смешались с другими алмазами из подводных трубок, чтобы в конце концов волны выбросили их на берег или занесли в такое место, как пролив между Молнией и Самоубийством.

Трейси открыла рот, собираясь задать новый вопрос, но Джонни опередил ее:

– Прилетели. Это Картридж-Бей. – И он слегка наклонил нос самолета. Перед ними находилась скорее лагуна, чем залив. Отделенная от моря узкой песчаной полосой безлесной пустыни, она представляла собой обширное пространство спокойной мелкой воды, резко контрастирующее с неудержимым прибоем, обрушивавшимся на противоположный берег. На полосе виднелись озерцо и канал, вода в котором отливала зеленью. Канал змеился от лагуны к тому месту, где на краю пустыни располагалась горстка одиноких белых строений.

Джонни резко повернул к этим строениям, и под самолетом в панике поднялась стая черных и белых пеликанов и розовых фламинго.

Джонни посадил «бичкрафт» и подрулил к ожидавшему «лендроверу», на бортах которого виднелось изображение белой молнии – знак компании «Ван дер Бил дайамондз».

Прихватив с собой сумку-холодильник с ленчем, Джонни провел Трейси к машине и познакомил с десятником. Они сели в «лендровер» и направились к строениям на берегу лагуны. Джонни выслушал доклад о ходе работ. Здания были оставлены разорившейся компанией «Алмазы Атлантики». Джонни отремонтировал их, и они будут служить базой

«Зимородка», центром отдыха для экипажа, радиоцентром, складом горючего и мастерскими для необходимых ремонтных работ. Вдобавок сооружался причал для семидесятифутового сардинного траулера, который будет вспомогательным судном «Зимородка», действуя одновременно и как паром.

Они внимательно осмотрели базу. Джонни понравился проявленный Трейси интерес, он с удовольствием отвечал на ее вопросы, потому что сам испытывал прилив энтузиазма. Было уже почти два часа, когда они закончили.

– Как сторожевые вышки? – спросил Джонни.

– Все построены, оборудованы и ждут.

И вдруг у Джонни мелькнула мысль.

– Можем пойти взглянуть. – Он произнес это самым обычным тоном.

– Я поведу «лендровер», – согласился десятник.

– Я знаю дорогу, – остановил его Джонни. – А вы лучше пообедайте.

– Мне нетрудно... – начал десятник, но заметил, как нахмурился Джонни, быстро взглянул на Трейси и замолк. – Да! Конечно! Прекрасно! – Он протянул ключи от машины и исчез в своей квартире.

Джонни проверил коробку с едой, и они сели в открытый «лендровер».

– Куда мы? – спросила Трейси.

– Осмотрим сторожевые вышки на полосе.

– Сторожевые вышки?

– Мы соорудили линию сорокафутовых деревянных вышек вдоль берега. Чтобы следить за «Зимородком», когда он будет в море. По радио будем связываться с кораблем и сообщим ему местонахождение с точностью до нескольких футов, все будет рассчитано на компьютере.

– Ах, какой ты умный. – Трейси в шутливом восхищении раскрыла глаза.

– Глупая девчонка, – ответил Джонни и передвинул рычаг. Минуя радиорубку, он выехал на твердый влажный песок на краю лагуны; включил вторую скорость, третью – и вот уже они с Трейси мчались к береговой линии дюн.

Трейси встала на сиденье, ухватившись за край ветрового стекла, ветер подхватил ее волосы. Она сняла кожаную ленточку и встряхнула волосами, которые развевались за ней, как блестящий черный флаг.

– Смотри! Смотри! – воскликнула она, когда стая испуганных фламинго взлетела белыми, розовыми и черными полосами над стеклянно-серебристой водой.

Джонни, смеясь вместе с ней, повернул «лендровер» к дюнам.

– Держись! – закричал он, и Трейси крепче ухватилась за ветровое стекло, крича от восхищения и ужаса, когда они взлетали на крутую дюну, выбрасывая задними колесами тучи песка, и тут же, перевалив через вершину, устремлялись вниз в захватывающем дух пике. Они пересекли песчаную полоску, добрались до берега и поехали вдоль него, играя в пятнашки с набегающими волнами.

Через пять миль Джонни остановил машину на высоком берегу, и они перекусили холодными цыплятами и выпили бутылку охлажденного белого вина, сидя рядом на песке, опираясь на снятые с «лендровера» подушки сидений. Потом направились к воде, чтобы смыть жир с рук.

– Ого! Холодная! – Трейси набрала в пригоршню воды, взглянула на Джонни, и на ее лице появилось дьявольское выражение.

Он попятился, но недостаточно быстро. Ледяная вода ударила ему в грудь, и у него захватило дух.

– Война! – Это был клич их детства.

Трейси побежала вдоль берега, Джонни за ней. Чувствуя, что он догоняет, она закричала:

– Я нечаянно! Я не хотела! Прости!

В последний момент, когда он уже догнал ее, она увернулась и вбежала по колено в воду. Повернувшись лицом к Джонни, с отчаянным криком и смехом она принялась поливать его водой.

– Ну ладно, получай!

Увертываясь от пенных струй, он добрался до нее, схватил, невзирая на сопротивление – она лягалась, – и занес в воду, погрузившись в нее по пояс.

– Ой, нет, Джонни, пожалуйста! Сдаюсь! Согласна на все!

И в этот момент случайная волна, больше и сильнее других, сбила Джонни с ног. Они ушли с головой под воду и покатились на берег, насквозь промокшие, вцепившись друг в друга, обессилев от смеха.

Они стояли у «лендровера», пытаясь выжать воду из одежды.

– Ты чудовище! – сквозь смех и слезы сказала Трейси. Волосы у нее превратились в спутанную мокрую массу, капли воды повисли на ресницах, как роса.

Джонни обнял ее и поцеловал, и они сразу перестали смеяться.

Она прижалась к его груди, закрыв глаза, ее губы, соленые от морской воды, раскрылись навстречу ему.

Рядом, в «лендровере», загудел сигнал вызова, тревожно вспыхнула красная лампочка.

Они неохотно оторвались друг от друга и смотрели ошеломленными глазами.

Джонни потянулся к машине, достал микрофон и поднес его к губам.

– Да? – хрипло произнес он. Откашлялся и повторил: – Да?

Послышался искаженный помехами голос десятника:

– Простите, мистер Ленс, что я... – он запнулся, – вас отрываю... – Он замолк и начал снова: – Я думаю, вам нужно знать, что дано штормовое предупреждение. На севере быстро собирается буря. Если хотите вернуться в Кейптаун, вам лучше вылететь немедленно, иначе застрянете здесь на несколько дней.

– Спасибо. Мы возвращаемся. – Он повесил микрофон и слегка улыбнулся Трейси. Ее голос звучал тоже хрипло и неестественно:

– Очень вовремя!

Волосы у Трейси все еще были мокрыми, она тонула в одолженной водолазке; брюки на ней тоже были чужие, она подвернула их, обнажив ноги.

Трейси сидела тихо и неподвижно на пассажирском сиденье «бичкрафта». Далеко внизу под ними виднелся небольшой рыболовецкий корабль, над ним вилось белое облако

морских птиц, и она с преувеличенным вниманием смотрела туда. Теперь между ними чувствовалось напряжение, они старались не смотреть друг другу в глаза.

– Сардинный траулер. – Джонни перехватил ее взгляд.

– Да, – ответила Трейси, и они снова замолчали.

– Ничего не произошло, – снова заговорил Джонни.

– Да, – согласилась она. – Ничего не произошло. – Потом стыдливо потянулась и взяла его за руку. Слегка потерла сустав недостающего пальца. – По-прежнему друзья? – спросила она.

– По-прежнему друзья. – Он облегченно улыбнулся, и они полетели в Кейптаун.

Хьюго Крамер в бинокль следил за самолетом, прочно стоя на мостике.

– Полицейский патруль? – спросил стоявший рядом рулевой.

– Нет, – ответил Хьюго, не опуская бинокль. – Красно-белый двойной «бичкрафт». Регистрационный знак «ZS-PTB». Частный самолет, вероятно, принадлежит одной из алмазных компаний. – Он опустил бинокль и подошел к борту. – Ну во всяком случае, мы далеко за пределами территориальных вод.

Гул самолета замер вдали, и Хьюго перенес внимание на лихорадочную деятельность на нижней палубе.

Траулер «Дикий гусь» кренился под тяжестью наполненной рыбой сети. Не менее ста тонн серебряных сардин распирало эту сеть, превратив ее в шар диаметром пятьдесят футов. А над ним вилось множество птиц, кричащих от жадности.

Три члена экипажа поднялись на грузовую стрелу и потоком направляли рыбу в трюм корабля. Вспомогательный двигатель лебедки хрипло ворчал в такт их движениям.

Хьюго смотрел с удовлетворением. У него хороший экипаж, и, хоть рыбная ловля – лишь ширма для основной деятельности «Дикого гуся», Хьюго гордился тевтонской тщательностью, с которой он сделал прикрытие неотличимым от реальной работы. Во всяком случае, прибыль от продажи рыбы шла на его личный счет. Это было особо оговорено в его договоре с Кругом.

Он аккуратно спрятал бинокль в кожаный футляр и повесил на стену рядом с картой. Потом по стальной лестнице быстро спустился на палубу, двигаясь с кошачьей грацией, несмотря на тяжелые резиновые сапоги.

– Я тут посмотрю немного, – сказал он человеку у лебедки. Говорил он на африкаанс, но с акцентом немецкой Юго-Западной Африки.

Широкоплечий, в голубой рыбачьей робе, он действовал спокойными экономными движениями. Руки, лежавшие на рукоятях лебедки, загрубели и покраснели от ветра и солнца: у него была слишком тонкая кожа для такой погоды. Лицо тоже покраснело, обожженное солнцем, а под глазами и на щеках виднелись темные пятна и полосы.

Волосы, выбившиеся из-под шапки, были бесцветными, как сизаль, брови, густые и тоже бесцветные, придавали ему вид чуть близорукого человека. Глаза – цвета бледно-голубого василька, но не водянистые, как у большинства альбиносов; он прищурил их, оценивая качку корабля, готовый в любую минуту пустить в ход тормоз лебедки.

– Капитан! – крикнули с мостика.

– Ja. – Хьюго, отвечая, не отводил взгляда от сети. – В чем дело?

– Штормовое предупреждение! С севера идет буря.

Хьюго улыбнулся, потянул рычаг и перекрыл дроссель.

– Ладно, кончаем. Перерезайте веревку мотни, пусть рыба уходит. – Он повернулся, поднялся по лестнице и направился в штурманскую рубку. – Потребуется три часа, чтобы добраться до нужного места, – вслух пробормотал он, склонившись над картой, потом снова вышел наружу, чтобы проследить за действиями экипажа.

Веревку уже перерезали, раскрыв сеть, как женскую юбку, рыба темной полосой лилась через отверстие в воду. Два матроса струей под давлением смывали рыбу с палубы в море, остальные закрывали люки.

Через сорок минут «Дикий гусь» полным ходом шел на юг, чтобы занять выжидательную позицию.

Алмазный берег Юго-Западной Африки лежит в полосе тропических ветров. Преобладает юго-восточный ветер, но время от времени система ветров полностью меняется, и буря приходит с севера, с берега.

Это ветер типа сирокко, вроде хамсина в Ливийской пустыне или самума в Триполи.

Именно этот обжигающий сухой ветер пустыни заполнял небо тучами пыли и песчаных облаков, заволакивая все адской пеленой, похожей на дым пожарища.

Облака пыли входили в систему, Круг учитывал их при расчетах: поднятая в воздух слюдяная пыль выводила из строя радарные экраны службы безопасности алмазных компаний, создавая ложные сигналы и делая невозможным обнаружение небольшого летящего объекта.

Поворотный Пункт находился в трех милях от берега и в шестидесяти милях к северу вверх по реке Оранжевая. Название было дано первыми путешественниками и выражало их взгляды на продолжение пути на север. Эти люди не знали, что находятся в центре морской террасы, древнего дна, теперь поднявшегося выше уровня моря и такого богатого алмазами, что его окружили сплошной изгородью, непрерывно патрулировали на джипах с собаками и на самолетах, охраняли с оружием и радарами; в лагере были такие строгие правила, что выходящий оттуда подвергался осмотру с помощью рентгеновских лучей и не мог вынести ничего кроме собственной одежды.

В Поворотном Пункте находилась одна из четырех больших обогатительных фабрик, где обрабатывался гравий с разработок большой компании на многие мили вокруг. Поселок был относительно большой, с фабрикой, мастерскими и складами, с жилищами для пятисот рабочих и их семей. Но никакие усилия компании сделать его привлекательным не могли изменить того факта, что Поворотный Пункт был адской дырой в мрачной и опасной пустыне.

При северном ветре то, что обычно было просто неприятным, становилось непереносимым. Здания были загерметизированы, даже стыки окон и дверей плотно закупорены тряпками или бумагой, и все же красная пыль покрывала мебель, столы, кровати, проникала даже внутрь холодильников, устилая все тонкой хрустящей пленкой. Она оседала в волосах, скрипела на зубах, забивалась в ноздри, а вместе с ней приходила иссушающая жара, от которой высыхали даже глазные яблоки.

Снаружи пыль висела красным туманом, который сокращал видимость до десяти ярдов. Люди, вынужденные выходить наружу в этот удушливый сухой суп, надевали пылезащитные

очки, чтобы предохранить глаза, и слюдяная пыль покрывала их одежду блестящим слоем, который сверкал даже в тусклом свете.

За поселком в пыльном тумане шел человек, неся небольшой цилиндрический предмет. Он наклонялся вперед, упорно продвигаясь в сторону пустыни. Наконец он добрался до небольшой впадины и спустился в нее. Опустив ношу на песок, немного отдохнул. Затем склонился к цилиндру. В своем кожаном костюме и шлеме, с лицом, закрытым очками и шарфом, он казался каким-то неведомым чудовищем.

Фибергласовый цилиндр был окрашен желтой флуоресцентной краской. На одном его конце помещался прозрачный пластмассовый контейнер с электрическим указателем курса, на другом – конверт, сделанный из резиноподобного нейлонового материала и прикрепленный к цилиндру стальной муфтой. К конверту была присоединена стальная бутылочка с водородом. Все вместе достигало восемнадцати дюймов в длину и трех в диаметре и весило чуть больше пятнадцати фунтов.

Внутри цилиндра было два раздельных отсека. В большем находился сложный электронный механизм, который должен был передавать поисковый сигнал, включать и выключать лампы согласно радиоприказам, а также – по команде – выпустить водород из баллона в бутылочку через соединительную муфту.

В меньшем отсеке находился запечатанный пластиковый пакет с двадцатью семью алмазами. Самый маленький из них весил четырнадцать карат, самый большой – пятьдесят шесть. Каждый из камней был отобран специалистами за цвет, яркость и совершенство формы. Все алмазы чистейшей воды; ограненные, они могли бы уйти на рынке по цене от семисот тысяч до миллиона фунтов, в зависимости от обработки.

В Поворотном Пункте находились четверо членов Круга. Двое из них, опытные рабочие, много лет отдали сортировке алмазов и трудились под охраной на обогатительной фабрике. Они работали вместе, проверяя друг друга, потому что в компании действовала система взаимоконтроля, совершенно бессмысленная, поскольку рабочие могли сговориться друг с другом. Эти люди отбирали лучшие камни и выносили их с фабрики.

Третий член Круга работал механиком в мастерских компании. Его работа заключалась в сборке необходимых механизмов из запчастей, прибывавших в контейнерах с тракторной смазкой. Он помещал камни в цилиндр и передавал все человеку, который теперь в пустыне пригнулся к земле, готовясь отправить цилиндр в бушующее пыльное небо.

Завершив последнюю проверку, человек распрямился, подошел к краю впадины и выглянул наружу, в пыльную бурю. Удовлетворенный, он заторопился к желтому цилиндру. Резко повернул конусообразное кольцо, открывая водороду доступ в баллон. Со змеиным шипением тот начал раздуваться. Наполняясь, он потрескивал. Приподнялся, готовый улететь, но человек удерживал его, пока баллон не надулся полностью. Тут человек выпустил его, и баллон вместе с висящим под ним цилиндром взлетел в небо и сразу исчез в облаках пыли.

Человек стоял, глядя в темное небо. Очки его слепо блестели, но поза выражала торжество. Наконец он повернулся и пошел легким шагом того, кто избавился от опасности.

– Еще один пакет, – пообещал он себе. – Только один, и я выхожу из игры. Куплю ферму на Слоновьей реке, буду рыбачить, охотиться...

Он все еще мечтал об этом, когда подошел к ожидавшему «лендроверу» и сел на место водителя. Включил двигатель, зажег фары и медленно направился к поселку по своему следу.

На машине сзади была белая надпись, хорошо заметная даже в пыльной буре.

Она гласила: «Служба безопасности».

«Дикий гусь» стоял неподвижно, двигатели негромко работали, удерживая корабль на ветру. Даже в двадцати милях от берега ветер был обжигающе горяч, и лишь редкие брызги пены освежали лицо Хьюго.

Он стоял в углу мостика, откуда мог следить одновременно за морем и за рулевым, но испытывал беспокойство. «Дикий гусь» ждал уже пятнадцать часов и в течение десяти часов подвергался ударам северного ветра.

Хьюго тревожился в ожидании начала перехвата. Могло помешать многое, начиная с полицейской проверки и кончая неполадками в электронном оборудовании.

– Который час, Ханси? – крикнул он, и рулевой взглянул на хронометр над головой.

– Шесть часов три минуты, капитан.

– Через полчаса стемнеет, – с отвращением сказал Хьюго, вновь всматриваясь бесцветными глазами в облака пыли, потом пожал плечами и вернулся в рубку.

Он склонился над приборами. Даже для опытного взгляда это были обычные устройства для обнаружения рыбы, переделанные из военных приборов, обнаруживавших подводные лодки. Обычно они сканировали морские глубины в поисках косяков сардины.

Однако эти устройства прошли дорогостоящее и сложное усовершенствование. Для этой работы Круг нанял специалиста в Японии.

Приборы негромко гудели, панель освещалась зеленоватым внутренним светом, но звук был нейтральным, и стеклянный экран оставался пустым.

– Хочешь кофе, Ханси? – спросил Хьюго старика негра у руля. Он сам отбирал экипаж, это все были верные и преданные люди. Так и должно быть – одно неосторожное слово могло загубить многомиллионное дело.

– Ja, dankie, капитан. – Старик в ожидании сморщил обветренное лицо.

Хьюго крикнул вниз, на камбуз:

– Повар, как насчет чашки кофе?

Но ответа он не услышал, потому что в этот момент ожили приборы. Наверху зажегся ряд огоньков, глухой звук сменился короткими резкими сигналами, а экран стал призрачно зеленым.

– Летит! – с облегчением вздохнул Хьюго. В рубку, заправляя рубашку в незастегнутые брюки, влетел первый помощник, лицо его выглядело помятым после сна.

– Вовремя, – сказал он еще сонным голосом.

– Возьми у Ханси руль, – приказал Хьюго и сел в кожаное кресло перед приборами. – Поворот два румба право.

«Дикий гусь» развернулся в сторону моря, его движение изменилось: на смену ленивым подъемам и спускам вместе с волнами пришло продвижение вперед, и пена брызнула на стекло рубки.

Сидя за приборами, Хьюго следил за полетом баллона, держа «Дикого гуся» на курсе перехвата.

Увлекаемый северным ветром со скоростью сорок узлов, баллон пересек береговую линию и быстро поднялся на три тысячи футов. Хьюго, управляя баллоном, заставил его выпустить часть газа и оставаться на прежней высоте. Ответ немедленно отразился на экране.

– Хорошо, – сказал Хьюго. – Хороший мальчик. – Потом громче: – Немного поверни, Оскар: баллон движется на юг.

Свыше двадцати минут они пробивались сквозь волны.

– Хорошо, – нарушил молчание Хьюго, – сейчас я его сброшу. – Он медленно повернул кнопку по часовой стрелке, выпустив весь газ из нейлонового баллона. – Ja. Он внизу. – Хьюго посмотрел в иллюминатор.

Под покровом свинцово-черных облаков преждевременно наступила ночь. Снаружи было темно, сквозь низкие тучи не видно было ни одной звезды.

Хьюго снова обратился к приборам.

– Хорошо, Оскар. Иди по курсу. Держи его.

Потом посмотрел на старого Ханси и второго моряка, помоложе. Они терпеливо сидели на скамье у дальней переборки. Оба были в длинных желтых пластиковых дождевиках и резиновых сапогах.

– Ну, Ханси, – кивнул Хьюго. – Идите на нос. Мы всего в миле.

Они спустились на промываемую волнами палубу; Хьюго видел, как они укрывались от очередной волны у борта. Волны перехлестывали через головы, желтые пластиковые дождевики были ясно видны в полумраке.

– Включаю, – предупредил Хьюго рулевого. – Мы должны его увидеть.

– Понял, – сказал Оскар.

Хьюго повернул ручку, приказывая баллону включить сигнальный огонь.

Почти сразу Оскар крикнул:

– Вон он. Прямо впереди!

Хьюго вскочил и выбежал на палубу. Потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли, и он разглядел впереди в черноте неба и моря крошечный красный огонек. Он показался на секунду и исчез за очередной волной.

– Я постою за рулем. – Хьюго сменил Оскара. – Включай прожектор.

Луч прожектора казался сплошным белым столбом в темноте. Флюоресцирующая краска цилиндра ярко сверкнула в этом луче.

Хьюго удерживал «Дикого гуся» против ветра, давая возможность цилиндру приблизиться. Ханси и его товарищ ждали у отпорного крюка.

Хьюго осторожно подвел корабль к подпрыгивающему желтому цилиндру и издал довольное восклицание, когда крюк подцепил специальное кольцо и цилиндр начали поднимать на борт.

Он смотрел, как две фигуры в дождевиках поднялись по лестнице на мостик и положили цилиндр на стол.

– Хорошо! Хорошо! – Хьюго от души хлопнул их по спине. – Теперь идите просушитесь – оба!

Они отправились в кают-компанию, а Хьюго передал руль Оскару.

– Домой! – приказал он. – Как можно быстрее. – И ушел к себе.

Сидя у раскладного стола в своей каюте, Хьюго открыл цилиндр и извлек пластиковый пакет. Раскрыл его и высыпал содержимое на стол.

Он негромко присвистнул и взял самый большой камень. Хоть он и не был специалистом, но инстинктивно понял, что это необычайно ценный алмаз. Даже грубая необработанная поверхность не могла скрыть таящийся в глубине огонь.

Для него этот камень бесполезен, продать его невозможно. У Хьюго не было искушения обмануть Круг – давали о себе знать пятнадцать лет тяжелой работы.

Круг основывался на взаимозависимости, ни один его элемент не мог действовать самостоятельно. И в то же время каждая его часть была самодостаточна и надежно изолирована. Только один человек знал их все, и никто не знал, кто это.

Хьюго извлек из ящика свои инструменты и разложил их на столе. Зажег спиртовку и поставил на нее чашку с воском.

Потом высыпал алмазы в блестящую металлическую банку, самую обычную, консервную.

Легко удерживая равновесие в корабельной качке, он снял со спиртовки чашку и вылил на алмазы расплавленный воск, заполнив банку до края.

Воск быстро застыл и затвердел, став белым и непрозрачным. Теперь камни прочно впаяны в него, он не позволит им передвигаться и дребезжать и придаст банке нужный вес.

Хьюго зажег сигарету и выглянул. Рулевой подмигнул ему, Хьюго улыбнулся.

Когда он вернулся к столу, банка уже остыла. Он закрыл ее круглой жестяной крышкой и перешел к миниатюрным тискам, прикрепленным к верстаку. Тщательно закрепил крышку, глаза щипало от сигаретного дыма.

Наконец, удовлетворенный, он поставил запечатанную банку на стол и подошел к стене, на которой висел его пиджак. Достал из внутреннего кармана конверт, а оттуда типографскую многоцветную этикетку. Вернулся к столу и аккуратно наклеил ее на банку. На этикетке было прекрасно стилизованное изображение прыгающей сардины, похожей на шотландского лосося.

– Сардины в томатном соусе. – Хьюго прочел надпись и откинулся в кресле, восхищенно рассматривая собственную работу. – Сделано в Юго-Западной Африке. – Он довольно улыбнулся и начал убирать инструменты.

– Сколько? – крикнул десятник, стоящий у рыбного насоса, через сужающуюся щель между «Диким гусем» и причалом.

– Около пятидесяти тонн, – крикнул в ответ Хьюго. – Потом нас прогнал северный ветер.

– Ja, ни один из кораблей не остался. – Десятник проследил, как его люди закрепляют причальные тросы, и ввел шланг вакуумного насоса в трюм «Дикого гуся», чтобы начать перекачку сардин.

– Прими командование, Оскар. – Хьюго надел пиджак и шляпу. – Вернусь завтра. – Он спрыгнул на причал и направился к консервной фабрике, пропитанной отвратительным запахом сардинного масла. Пиджак он нес на плече, пропустив палец в петлю.

Он прошел между коптильнями и фабрикой сушки рыбы, пересек широкий двор, где на высоту двухэтажного дома громоздились мешки с рыбьей мукой. Через широкие двойные двери вошел в пещеру склада, до потолка заполненного картонными коробками с надписями:

1 гросс банок «Сардины в томатном соусе»
Предназначение: Агентство ВДБ Лтд,
32 Бермондси-стрит, Лондон SE 1

Он прошел в небольшое помещение, которое служило конторой склада.

– Привет, Хьюго. Как поплавал? – Кладовщик был его двоюродным братом.

– Пятьдесят тонн. – Хьюго повесил пиджак на крюк у двери. – Надо отлить, – сказал он и пошел в уборную через весь склад.

Вернувшись, выпил с братом кофе. Потом встал и сказал:

– Дженни ждет.

– Передай ей, что я ее люблю.

– Это ей ни к чему. Дженни и моей любви хватит с избытком. – Хьюго подмигнул и взял с крюка пиджак. Теперь пиджак полегчал – банка из кармана исчезла.

Он вернулся в гавань и, обменявшись приветствиями с таможенниками, подошел на стоянке к старому автомобилю с откидывающимся верхом.

Поцеловав сидящую за рулем девушку, он бросил пиджак на заднее сиденье и сел в машину.

– Ты поведешь, – улыбнулся он. – Хочу, чтобы обе руки были свободны.

Она пискнула, почувствовав под юбкой его руку.

– Не можешь подождать до дома?

– Я был в море целых пять дней и проголодался, как волк.

– Никогда не знаешь, чего от тебя ждать. – Она рассмеялась и тронула машину с места.

Серджио Капоретти, человек, которого Джонни выбрал в капитаны «Зимородка», фигурой напоминал снеговика. Он заполнил весь дверной проем в кабинете Джонни; впереди торчал большой живот. Лицо его было круглым, как у ребенка, на нем выделялись прекрасные глаза с длинными, как у девушки, ресницами.

– Входите, Серджио, – приветствовал его Джонни. – Рад вас видеть.

Итальянец с неожиданным проворством пересек кабинет, и рука Джонни утонула в его огромной волосатой лапе.

– Ну, наконец мы готовы, – сказал Серджио. – Три месяца я бездельничаю, ничего не делаю. Только посмотрите на меня. – Он хлопнул себя по животу, послышался резкий звук, похожий на пистолетный выстрел. – Жирный! Нехорошо!

– Ну, не совсем готовы, – поправил Джонни. Он собирался отправить Серджио с экипажем в Англию до спуска корабля. Хотел, чтобы итальянец смог изучить все новое оборудование, которым был оснащен «Зимородок». А когда корабль будет готов к плава-

нию, капитан приведет его в Африку. – Садитесь, Серджио. Давайте еще раз посмотрим список экипажа.

Когда час спустя итальянец уходил, Джонни проводил его до лифта.

– Если возникнут какие-нибудь проблемы, немедленно звоните мне.

– Si. – Серджио пожал ему руку. – Не беспокойтесь. Капоретти за всем присмотрит. Все будет в порядке.

Возвращаясь в кабинет, Джонни задержался на пороге.

– Миссис Хартфорд здесь? – спросил он у одной из двух секретарш, но те ответили хором, как Траляля и Труляля:

– Нет, мистер Ленс.

– Она сообщила, где находится?

– Нет, мистер Ленс.

Трейси исчезла. Пять дней от нее не было никаких известий, ее новый кабинет пустовал. Джонни беспокоился и сердился. Беспокоился, опасаясь, что она вернулась к наркотикам, сердился, потому что ему ее не хватало.

Вернувшись в кабинет, он гневно хмурился.

– Боже! – сказала Летти Пинар, останавливаясь у его стола с грудой почты. – Экий вы радостный! Вот это вас подбодрит.

Она протянула ему открытку с цветным изображением Эйфелевой башни. Первая весточка от Руби со времени ее отъезда. Джонни быстро прочел ее.

– Париж, – проронил он, – там, кажется, весело. – Бросил открытку на стол и погрузился в дела.

Работал он допоздна, заморил червячка в закусочной и поехал в молчаливый дом в Бишопскорте.

Скрип шин на гравии и свет фар в окнах спальни разбудили его. Он сел в постели и услышал настойчивый дверной звонок. Включил лампу. «Два часа – Боже!»

Он набросил на голое тело халат и пошел к двери, включая по дороге свет. Звонок продолжал заливаться.

Он повернул ключ. Дверь распахнулась, ураганом влетела Трейси, прижимая к груди чемоданчик.

– Где ты была? – Джонни испытывал одновременно гнев и облегчение.

– Джонни! Джонни! – Она приплясывала от возбуждения, глаза ее сверкали, щеки пылали. – Я их получила, оба!

– Где ты была? – Джонни не так-то легко было сбить. С видимым усилием Трейси справилась со своим возбуждением, но продолжала улыбаться. Казалось, она негромко гудит, как электрический мотор.

– Пойдем. – Она взяла его за руку и отвела в гостиную. – Налей себе большую порцию виски и садись, – приказала она, величественная, как королева.

– Мне не нужно виски, и я не...

– Нужно, – прервала она его, пошла к бару, налила в хрустальный стакан большую порцию, добавила содовой и принесла Джонни.

– Трейси, что происходит?

– Пожалуйста, Джонни. Это так прекрасно. Не нужно портить. Садись.

Джонни неохотно сел, а Трейси открыла чемоданчик и достала оттуда стопку документов. Она встала в центре гостиной, приняв позу викторианской актрисы.

– Это, – объяснила она, – перевод с немецкого документа, выданного губернатором в Виндхуке и датированного третьего мая тысяча восемьсот девяносто девятого года. Преамбулу я опущу и перейду к сути. – Она откашлялась и начала читать: – В соответствии с суммой в десять тысяч марок, которая должным образом выплачена и получена, все права на разведку, добычу, обработку и вывоз всех металлов, драгоценных и недрагоценных; камней, драгоценных, полудрагоценных и недрагоценных; всех минералов, гуано, растительности и других материалов органического и неорганического происхождения на период в девятьсот девяносто девять лет гарантируется господам Фарбену, Хендрику и Мозенталю, Южная Африка, торговцам гуано, Бергенштрассе, четырнадцать, Виндхук, на площади в форме окружности радиусом в десять километров, центр окружности находится на самой высокой точке острова, лежащего на двадцати трех градусах пятнадцати минутах южной широты и пятнадцати градусах двенадцати минутах восточной долготы.

Трейси замолкла и посмотрела на Джонни. Он застыл с каменным лицом, внимательно слушая. Она быстро продолжила:

– Все старые германские концессии ратифицированы объединенным парламентом, когда Южно-Африканский Союз принял на себя мандат после войны.

Он кивнул, не в состоянии вымолвить ни слова. Трейси продолжала улыбаться.

– Эта концессия по-прежнему законна. А все последующие права недействительны, и хотя первоначальную концессию брали для разработки гуано, в нее включены и драгоценные камни.

Джонни снова кивнул, и Трейси достала из пачки другой документ.

– Компания «Фарбен, Хендрик и Мозенталь», Южная Африка, все еще существует. Помимо этой давно забытой концессии, ей принадлежит только старое здание на Бергенштрассе, четырнадцать, в Виндхуке. – Неожиданно Трейси сменила тему. – Ты спрашиваешь, где я была, Джонни. Ну, я была в Виндхуке и ездила по самым плохим в Южной Африке дорогам. Компания «Фарбен, Хендрик и Мозенталь» теперь принадлежит братьям Хендрик, паре фермеров, разводящих каракулевых овец. Ужасные старики. Я видела, как они перерезают горло бедным персидским ягняткам, чтобы у них не завивалась шерсть... – Трейси замолчала и сглотнула. – В общем, я не стала объяснять им насчет концессии. Просто предложила купить компанию, они запросили двадцать тысяч, я сказала: «Подписывайте», они подписали, и я оставила их смеяться от радости. Они считают себя ужасно хитрыми. Вот! И теперь это твое! – Трейси протянула соглашение Джонни, и пока он читал, продолжила: – Я написала соглашение от имени «Ван дер Бил дайамондз» и подписала его как директор. Надеюсь, ты не возражаешь...

– Боже! – Джонни сделал большой глоток виски, потом поставил стакан и встал. – Не возражаю? – повторил он. – Приносишь мне концессию на Молнию и Самоубийство и спрашиваешь, не возражаю ли я? – Он потянулся к ней, и она пошла ему навстречу. – Трейси, ты удивительна.

Они в экстазе обнялись, Джонни приподнял Трейси, и они незаметно для себя оказались на диване, все еще в объятиях друг друга. Потом они поцеловались, и смех сменился нечленораздельными звуками и вздохами.

Наконец Трейси оторвалась от него и соскользнула с дивана. Дыхание ее прерывалось. Волосы спутались.

– Хватит!

– Трейси. – Он двинулся к ней, испытывая страстное желание, но она удержала его на расстоянии вытянутой руки, упираясь ладонями в грудь и пятясь.

– Нет, Джонни, нет! – Она настойчиво покачала головой. – Послушай меня.

Он остановился. Огонь в его глазах медленно гас.

– Послушай, Джонни, Бог видит, я не святая, но... ну, я не хочу, чтобы мы... не на диване в доме другой женщины. Так я не хочу.

Бенедикт вывел большой «бентли» цвета меда из потока уличного движения на Бермондси-стрит и въехал в ворота склада. Остановился у погрузочной платформы и вышел.

Снимая перчатки, он огляделся. На платформе возвышались готовые к распределению груды товаров. Ящики южноафриканского вина и спирта, фрукты в коричневых картонных коробках, консервированная рыба, сорокагаллонные бочки рыбьего жира, связки сырых кож – все то, что производит Южная Африка.

«Агентство ВДБ» необыкновенно разрослось за те десять лет, что им управлял Бенедикт.

Перепрыгивая через три ступеньки, он поднялся на платформу, прошел между товарами и, наконец, оказался в полутьме под высоким потолком. Он шел с уверенностью человека, шагающего по своей территории, – широкоплечий, высокий, полы пальто развеваются. Кладовщики и носильщики почтительно приветствовали его, а когда он вошел в главную контору, все зашевелились, машинистки начали перешептываться: как будто ветер пронесся по лесу.

Управляющий выскочил из кабинета навстречу Бенедикту, чтобы проводить его внутрь.

– Здравствуйте, мистер Ван дер Бил. Сейчас принесут чай. – Он стоял наготове, чтобы принять пальто Бенедикта.

Встреча продолжалась полчаса; Бенедикт прочел недельный отчет о движении товара, время от времени задавая вопросы, с удовольствием или неудовольствием отмечая отдельные моменты. Многие знавшие его были бы удивлены. Это не был знакомый им вялый плейбой – бизнесмен с жестким взглядом холодно и безжалостно добивался от своего предприятия наибольшей прибыли.

Кое-кто удивился бы, откуда Бенедикт взял капитал, чтобы финансировать дело такого размаха, особенно если не знать, что он владел и недвижимостью и что «Агентство ВДБ» – не единственная его ставка в мире бизнеса. Он не получал денег от отца: Старик считал Бенедикта неспособным продать с выгодой фунт масла.

Встреча закончилась, Бенедикт встал, надевая пальто, а управляющий подошел к серому стальному сейфу в углу, набрал комбинацию и распахнул тяжелую дверцу.

– Прибыла вчера, – объяснил он, доставая банку. – На «Лох Эльсиноре» из Уолвис-Бей.

Он протянул банку Бенедикту, который мельком осмотрел ее, слегка улыбнувшись рисунку и надписи «Сардины в томатном соусе».

– Спасибо. – Он положил банку в «дипломат», и управляющий проводил его к машине.

Бенедикт оставил «бентли» в гараже на Броадвик-стрит и через суету Сохо добрался до мрачного кирпичного здания за площадью. Нажал звонок против таблички «Аарон Коэн, гранильщик алмазов» и, когда дверь открылась, поднялся по лестнице на четвертый этаж. Снова позвонил. Немного погодя кто-то взглянул на него в глазок, и почти тут же дверь открылась.

– Здравствуйте, мистер Ван дер Бил. Входите! Входите! – Молодой привратник закрыл за ним дверь. – Папа вас ждет! – продолжал он, когда они оба взглянули в глазок видеокамеры над железной решеткой, преградившей вход.

Тот, кто увидел их на экране, остался доволен, – зажужжал электромотор, и решетка отъехала. Привратник провел Бенедикта по коридору.

– Дорогу вы знаете. Папа в своем кабинете.

Бенедикт оказался в убогой приемной с вытертым ковром и парой стульев, похожих на списанные министерством труда. Он свернул в правую дверь и через нее прошел в длинную комнату, очевидно, занимавшую большую часть этажа.

Вдоль стены тянулся узкий верстак, к которому крепились двадцать маленьких токарных станков. К каждому станку вела трансмиссия с центрального вала, проходившего под верстаком. На человеке, обслуживавшем машину, был белый халат; этот человек улыбнулся Бенедикту:

– Здравствуйте, мистер Ван дер Бил, папа вас ждет.

Но Бенедикт на мгновение задержался, наблюдая за процедурой опилки. В шпинделе станка был зажат алмаз, рядом кружилась циркулярная пила из фосфорной бронзы. На глазах у Бенедикта человек вернулся к своему занятию – смазывать лезвие каждой пилы пастой из оливкового масла и алмазной пыли, потому что алмаз резала вовсе не бронза. Только алмаз может резать алмаз.

– Прекрасные камни, Ларри, – заметил Бенедикт, и Ларри Коэн кивнул.

– Все – от четырех и пяти карат.

Бенедикт склонился ниже, разглядывая один из камней. На камне тушью была нанесена линия разреза. Бенедикт знал, какие размышления и обсуждения, какие споры, с привлечением всего богатого опыта мастерской, предшествуют появлению каждой такой черной линии. Требуется не меньше двух дней, чтобы распилить один алмаз, поэтому Бенедикт осмотрел станок и пошел дальше.

На другой половине комнаты сидели остальные братья Коэны. Восемь человек. Старый Аарон произвел на свет много сыновей. Им было от девятнадцати до сорока, и еще двое пока ходили в школу, только готовясь вступить в дело.

– Как вам понравится этот, мистер Ван дер Бил? – поднял голову Майкл Коэн, когда подошел Бенедикт. Майкл обрабатывал прекрасный камень, делая его круглым и используя

в качестве резца другой алмаз. Под станком в небольшой поднос собиралась пыль от двух камней. Позже пыль пойдет на шлифовку и распилку.

– Красавец, – сказал Бенедикт. Они принадлежали к одному братству, всю жизнь занимались алмазами и любили их, как другие любят женщин, лошадей или картины.

Он пошел по комнате, здороваясь с братьями, задерживаясь на минуту, чтобы посмотреть, как старшие, все мастера своего дела, вытачивают фасеты, из которых состоят стороны идеально обработанного бриллианта. Пятьдесят восемь фасет: столы, звезды, павильоны – вся эта огранка наделяет камень мистической «жизнью» и «огнем».

Оставив их сгибаться над кругами, похожими на гончарный, Бенедикт прошел к двери в конце комнаты.

– Бенедикт, друг мой. – Аарон Коэн вышел из-за стола, чтобы обнять его. Это был высокий худой человек лет шестидесяти, с густой серебристо-серой гривой, согбенный за годы, проведенные у алмазного круга. – Я не знал, что вы в Лондоне, мне сказали, вы в Кейптауне. Вчера был день рождения Руфи. Если бы мы знали...

Бенедикт достал из кармана конверт и высыпал из него на стол двадцать семь алмазов.

– Что скажете об этом, папа?

– Ай-ай! – Папа от удовольствия похлопал себя по щекам и невольно потянулся к самому крупному камню. – Я дожил до того, что вижу такой камень! – Он вставил в глаз ювелирную лупу, повернул алмаз, чтобы подставить его под естественное освещение, и принялся внимательно разглядывать. – Ага, да. Вот тут небольшое перо.* ООНД.** Но мы проведем через него грань. Да, из этого камня нужно сделать два бриллианта. Два превосходных бриллианта от десяти до двенадцати карат каждый. И может быть, пять поменьше. – Больше половины объема камня уйдет при обработке. – Да! Да! Из этого камня мы сделаем ограненных бриллиантов на сто тысяч фунтов. – Аарон подошел к двери. – Мальчики! Идите сюда! Я покажу вам принца среди алмазов.

Сыновья собрались в кабинете. Майкл взглянул первым и высказал свое мнение:

– Да, хороший камень. Но не такой чистой воды, как в последней партии. Помните тот октаэдр...

– О чем ты говоришь! – прервал его отец. – Ты не отличишь алмаз от куска сыра горгонзола!

– Он прав, папа, – вступил в обсуждение Ларри. – Тот камень был лучше.

– Значит, Великий Любовник спорит со своим отцом. Все, что вы знаете, это только шиксы*** с задранными на тохес**** юбками. Вам лишь бы плясать ватуси и ча-ча-ча. Да! Но алмазы вы не знаете.

Это заявление предшествовало горячему семейному спору, в котором с жаром участвовали все братья.

– Тише! Тише! Все за работу! Вон! Вон! – прервал спор Аарон, выгнал сыновей из кабинета и захлопнул за ними дверь.

---

* Дефект в виде полупрозрачной полоски. – *Примеч. авт.*

** Очень-очень небольшой дефект. – *Примеч. авт.*

*** Девки, девчонки (идиш). – *Примеч. пер.*

**** Зад (идиш). – *Примеч. пер.*

– Ай! – Он возвел очи горе. – Что за дело! Теперь можно взвесить камни.

Когда алмазы были взвешены и Аарон запер их в сейф, Бенедикт сказал:

– Я думаю, с Кругом пора кончать.

Аарон застыл и через стол посмотрел на Бенедикта. Они всегда делали вид, что их отношения законны. Никогда не говорили о Круге или о том, откуда поступают незарегистрированные камни, или как обработанные камни отправляются в Швейцарию.

– Почему? – осторожно спросил Аарон.

– Теперь я богат. У меня деньги отца и то, что я добыл при помощи Круга. Очень богат. Мне больше не нужен риск.

– Мне бы ваши проблемы... Но вероятно, вы поступаете мудро... я не стану спорить с вами.

– Будет еще одна или две поставки, и все кончено.

Аарон кивнул.

– Понимаю, – сказал он. – Все хорошее когда-нибудь кончается.

Вскоре после полудня Бенедикт припарковал машину на газоне у своей квартиры на Белгрейв-сквер. Дома он сразу пошел в душ. За все годы жизни в Лондоне он так и не привык к смогу и принимал ванну не менее трех раз в день.

Под душем он напевал, потом завернулся в большую купальную простыню и, оставляя цепочку мокрых следов, прошел в гостиную, смешал себе мартини и закрыл от удовольствия глаза, отхлебнув напиток.

Зазвонил телефон.

– Ван дер Бил! – сказал он в трубку, и тут выражение его лица изменилось. Он быстро поставил бокал. – Что вы здесь делаете? – Изумление его было искренним. – Какой приятный сюрприз. Когда мы сможем увидеться? Прямо сейчас – за ленчем? Прекрасно! Нет, ничего не надо откладывать – такая прекрасная возможность. Где вы остановились? В «Ланкастере»? Прекрасно. Послушайте, дайте мне сорок пять минут, и я вас встречу в зеркальном зале на верхнем этаже. Да, десять минут первого. Боже, как приятно... – я это уже говорил. Увидимся через три четверти часа.

Он положил трубку, проглотил остатки мартини и направился в спальню. «Этот день станет по-настоящему памятным», – подумал он, подбирая шелковую сорочку. Он посмотрел на свое отражение в зеркале и улыбнулся.

– Мяч сам идет тебе в руки, Бенедикт, – прошептал он.

Ее не было ни в баре, ни в зеркальной комнате. Бенедикт подошел к высокому окну, чтобы бросить взгляд на один из лучших видов Лондона – на Гайд-парк и Серпентин. День был туманно-голубой, и солнце добавляло бронзы к красным и золотым тонам осеннего парка.

Он отвернулся от окна – она шла к нему через комнату. Внутри у него все дрогнуло от удовольствия: она тоже была золотой, с медным блеском солнца на длинных ногах и обнаженных руках. Он вспомнил грацию ее походки, точные движения ног по ковру.

Он стоял неподвижно, давая ей возможность подойти. Все в комнате повернули головы: это было прекрасное золотое создание. Бенедикт вдруг осознал, что хочет эту женщину.

– Здравствуйте, Бенедикт, – сказала она, и он сделал шаг ей навстречу, протянув руку.

– Руби Ленс! – Он мягко сжал ее длинные пальцы. – Как приятно снова встретиться с вами!

Ее фамилия была ключом к его реакции. Она принадлежала тому, кому Бенедикт больше всего завидовал и кого ненавидел. И поэтому была бесконечна желанна.

– Давайте отпразднуем нашу встречу. Думаю, такой случай стоит нескольких бокалов шампанского.

Она сидела, аккуратно скрестив длинные стройные ноги, откинувшись в кресле, держа пенный бокал пальцами с острыми коготками. Волосы ложились на плечи, как редкий шелковый гобелен белого золота, глаза смотрели на Бенедикта с кошачьей прямотой; она будто заглядывала ему в душу.

– Мне не следовало вас беспокоить, – сказала она. – Но у меня здесь так мало знакомых.

– Сколько вы пробудете? – Он словно не услышал. – Я могу отменить все свои встречи.

– Неделю. – Это прозвучало так, будто она собиралась торговаться.

– О нет! – В его голосе звучало преувеличенное отчаяние. – Так нельзя, мы не сделаем и половины всего, что я запланировал. Вы ведь сможете остаться подольше?

– Может быть, – согласилась она и слегка приподняла бокал. – Приятно с вами встретиться.

– И мне с вами, – подчеркнуто согласился Бенедикт.

Глядя друг на друга, они пригубили игристое вино.

Там, где другому пришлось бы ждать недели и месяцы, Бенедикт все получал немедленно, будто имел на это право. Улыбка, несколько слов шепотом, и билеты в театр у него в руках, а двери фешенебельных ресторанов раскрываются как по волшебству.

В первый вечер он сводил ее в Национальный театр, а затем на ужин в «Ле Кур де Франс», где к их столику подошел очень известный киноактер.

– Привет, Бенедикт. Мы отправляемся на яхте на прием. Не хотите присоединиться к нам? – Легендарные глаза обратились к Руби. – И возьмите с собой вашу очаровательную подругу.

Завтракали они под навесом на корме яхты – яичницей с беконом и шампанским «Вдова Клико» – и смотрели на оживленную Темзу. Руби на приеме была единственной девушкой без мехов, а утро на реке прохладное. Бенедикт отметил про себя этот факт.

По пути домой она сидела в «бентли», подобрав под себя длинные ноги, по-прежнему свежая и золотая, несмотря на бессонную ночь, только под глазами появилась легкая синева.

– Не помню, когда мне было так хорошо, Бенедикт. – Она прикрыла ладошкой зевок. – Вы прекрасный спутник.

– Сегодня вечером снова? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – прошептала она.

* * *

Спустившись вечером в фойе «Ланкастера», она почувствовала в Бенедикте напор. Он быстро пошел ей навстречу, когда она вышла из лифта, и уверенность, с какой он взял ее за руку и поцеловал в щеку, удивила ее.

Они молчали, пока он протискивался в своем «бентли» по запруженным автомобилями улицам. Руби сознавала, что рядом с ней – рукой подать – находится богатство, о котором она и мечтать не смела. Она до смерти боялась. Неверное движение, даже неверное слово могут отобрать у нее это богатство. Другого такого шанса у нее не будет, и она боялась пошевелиться, почти парализованная страхом. Она знала, что решение, которое предстоит принять очень скоро, будет роковым. «Надо ли изображать неприступность или ответить с той же откровенностью, с какой он поведет себя?»

Она так глубоко погрузилась в эти мысли, что, когда «бентли» остановился, с удивлением подняла голову. Они стояли на газоне у роскошного дома.

Бенедикт обошел машину, открыл дверцу и провел ее – Руби не протестовала – в квартиру.

Она с любопытством огляделась, узнавая кое-что из произведений искусства в прихожей. Бенедикт проводил ее в большую гостиную и заботливо усадил в большое, покрытое ковром кресло, которое господствовало в комнате, как трон. Неожиданно весь ее страх исчез. Она, как королева, полностью владела собой. И точно знала, что все это будет принадлежать ей.

Бенедикт стоял посреди комнаты, как проситель; он начал говорить. Она спокойно слушала, ничем не выдавая испытываемого торжества, и, когда он остановился в ожидании ее ответа, ни секунды не колебалась.

– Да, – сказала она.

– Я буду с тобой, когда ты ему скажешь, – пообещал Бенедикт.

– Не нужно, – заверила его Руби. – Я сама справлюсь с Джонни Ленсом.

– Нет. – Бенедикт быстро подошел к ней и взял ее за руки. – Я должен быть с тобой. Обещай мне это.

И тут Руби поняла, что положение ее неуязвимо. Бенедикту она нужна не по физиологическим причинам – но потому, что она принадлежит Джонни Ленсу.

Глядя прямо в глаза Бенедикту, она решила проверить свое предположение.

– Он может вообще ничего не знать, – сказала она. – Я договорюсь с ним о разводе.

– Он должен знать обо мне! Я этого хочу, понятно?

– Понятно. – Она почувствовала уверенность.

– Договорились? – Он едва скрывал беспокойство.

– Да, – кивнула она. – Договорились. – И они улыбнулись друг другу: оба были довольны.

– Идем. – Он почтительно провел ее в спальню, и Руби с легким возгласом восхищения остановилась на пороге.

На двуспальной кровати лежала гора сверкающих мехов всех оттенков: от мягкого розовато-желтого через беж, цвет устриц и бледный дымчато-серый к полуночно-черному.

– Выбирай! – приказал он. – Закрепим наш договор.

Она как во сне подошла к кровати, но, когда протянула руку, Бенедикт негромко сказал:

– Подожди.

Она послушно остановилась, и он подошел к ней сзади. Она почувствовала его руки у себя на шее, опустила подбородок, свесив вперед волосы, так чтобы он смог расстегнуть ее платье.

Когда оно упало на пол, Руби переступила через него и покорно ждала, пока Бенедикт снимал с нее бюстгальтер.

– Теперь надевай, – сказал он.

В одних чулках и туфлях на высоких каблуках она подошла к кровати и взяла первую шубку.

Когда она оглянулась, Бенедикт сидел в кресле с наголовником. Лицо его пылало, его черты казались распухшими и застывшими. Он смотрел на нее. И она поняла, что они совершают нечто вроде ритуала. Как победоносный римский полководец, он получил триумф и теперь осматривает добычу. В этом не было сексуального или физического желания, но скорее культ поклонения самому Бенедикту. Она – жрица этого культа.

И однако, понимая это, Руби не возмущалась. Скорее чувствовала легкое возбуждение от холодной языческой извращенности. Поворачиваясь, наклоняясь, меняя меха, она все время чувствовала на своем теле его взгляд. Она знала, что тело ее совершенно, и этот взгляд впервые в жизни пробудил в ней физическое желание. Она почувствовала, как быстрее течет кровь, как шумит в ушах, чувствовала, как, подобно плененной птице, бьется в грудной клетке сердце, поясница ее напряглась. Ритуал был в то же время актом нарциссизма, удовлетворял ее глубокую внутреннюю эмоциональную потребность.

Примеренные вещи она бросала в центр комнаты, и скоро там уже по колено лежала гора драгоценных мехов.

Наконец она взглянула на него, плотно прижимая к обнаженному телу светло-желтое облако. Потом развела руки, распахнув шубу, приподнялась на цыпочках, мышцы ее ног и живота напряглись.

– Вот эта, – прошептала она, и он встал с кресла, взял ее на руки и положил, все еще завернутую в норку, на большую груду мехов.

Руби проснулась в двуспальной кровати возбужденная. С того времени, как она была девочкой и начинались каникулы, она не чувствовала себя лучше.

Утро было позднее, бледный солнечный свет, как на сцене, вливался квадратом в открытое окно.

Бенедикт в желтом шелковом халате стоял рядом, глядя на нее с непостижимым выражением, которое немедленно изменилось, как только он понял, что она проснулась.

– Мой человек забрал твой багаж из «Ланкастера». Туалетные принадлежности в ванной, одежда в гардеробной.

Он осторожно сел на край кровати, поцеловал ее в лоб и в обе щеки.

– Когда будешь готова, позавтракаем. – Он продолжал смотреть на нее; было совершенно очевидно, что он ждал – она скажет нечто очень важное.

Она тут же насторожилась, опасаясь совершить ошибку, ища разгадку в выражении его лица.

– Ночью тебе было так же хорошо, как мне? – спросил он.

Теплой волной ее залило понимание. Он хотел уверенности, сравнения между собой и Джонни Ленсом.

– Никогда в жизни, – она особо подчеркнула это, – я ничего подобного не испытывала.

Он, довольный, с облегчением кивнул и встал.

– После завтрака поедем в город.

В это утро за рулем «бентли» сидел слуга Бенедикта Эдмунд. Когда они вышли из машины в северном конце Бонд-стрит и рука об руку пошли по тротуару, Эдмунд медленно сопровождал их в «бентли», не обращая внимания на движение.

Утро было прохладное, на Руби была ее новая светло-кремовая норка, и восхищенные и завистливые взгляды прохожих радовали Бенедикта. Он хотел произвести на нее впечатление, поразить богатством.

– У жены человека алмазов должны быть алмазы, – неожиданно проговорил он, когда они остановились у дорогого ювелирного магазина. Руби схватила его за руку и повернулась, чтобы посмотреть на витрину.

– Боже, – рассмеялся Бенедикт, – только не здесь!

Руби удивленно взглянула на него. Бенедикт насмешливо стал читать надпись на окне:

– «Райские алмазы». Большой выбор бело-голубых камней. Сертификаты, подтверждающие безупречность каждого алмаза. Совершенные камни по договорным ценам, объявленным в прессе и на ТВ. Небольшая сумма, и вы станете обладателем кольца. Бриллиант навсегда – покажите ей, что вы действительно ее любите.

– Но ведь это такая известная фирма. У нее отделения по всему миру, даже в Южной Африке! – возразила Руби, слегка возмущенная покровительственной улыбкой Бенедикта.

– Позволь объяснить насчет алмазов. Их покупают по двум причинам, и делают это два типа людей. Прежде всего их покупают богатые люди – как вложение, которое не подвержено инфляции и со временем становится только дороже. Эти люди покупают известные камни по совету специалистов, лучшие произведения алмазной промышленности уходят к ним. Поэтому когда Ричард Бертон покупает для своей Лиз Тейлор алмаз за триста тысяч фунтов, он не экстравагантен, напротив, он ультраконсервативен и бережно относится к своим деньгам.

– Мне нравится такая скупость, – рассмеялась Руби, и Бенедикт улыбнулся ее откровенности.

– Я тоже умею быть таким скупым, – пообещал он.

– Давай, – сказала она, – расскажи мне еще об алмазах.

– Есть и другой тип покупателей алмазов. Обычно такой человек покупает один бриллиант за всю жизнь и почти никогда не продает его снова, иначе он испытает сильный шок.

Это Джо Каждый – когда он хочет жениться. Тогда он идет к кому-нибудь вроде «Райских алмазов». – Бенедикт насмешливо указал пальцем на витрину. – Он слышал по телевизору, что может купить алмаз в рассрочку. Во многих случаях аванс покрывает продавцу стоимость камня, остальное идет на рекламу, налоги и, конечно, на прибыль.

– Откуда ты знаешь, что «Райские алмазы» из этих? – У Руби глаза были широко раскрыты, как у девочки.

– Их можно узнать прежде всего по рекламному бахвальству, затем по языку. – Он снова принялся изучать надписи в витрине. – «Большой выбор бело-голубых камней». Из тысячи алмазов ювелирного качества бывает только один, достойный называться бело-голубым. Вряд ли у них большой выбор. Для таких камней есть специальный термин – гемма. «Безупречные камни по доступным ценам». Отсутствие дефекта у алмаза – лишь один из признаков, определяющих его цену. А что касается договорных цен – такого зверя нет в природе. Цены держатся на нижнем уровне из-за яростной конкуренции среди опытных и знающих торговцев, и никаких договорных цен не бывает.

– Но где же тогда покупать алмазы? – Слова Бенедикта произвели на Руби впечатление.

– Не здесь. – Бенедикт усмехнулся. – Идем, я тебе покажу. – И, не успела она возразить, он взял ее за руку и провел в магазин, где его с энтузиазмом встретил управляющий, заметивший норку Руби и сопровождающий «бентли», из-за которого, кстати, у магазина образовалась небольшая пробка.

– Доброе утро, мадам и сэр. Не могу ли я вам помочь?

– Да, – кивнул Бенедикт. – Ваши бело-голубые камни. Лучшие из них.

– Сюда, пожалуйста. – Управляющий пятился перед ними, щелкая при этом пальцами, как танцор фламенко: вызывал помощников.

– Ну вот, – сказал Бенедикт, когда они сидели в кабинете управляющего перед подносом с алмазными кольцами. – Алмаз нельзя рассматривать в оправе. – Он выбрал самый большой камень, достал из кармана перочинный нож с инкрустацией золотом, снабженный особым инструментом, и под испуганные возгласы продавцов разжал оправу. – Я заплачу за ущерб! – рявкнул он, и они смирились, а Бенедикт извлек камень и положил его на крытый бархатом поднос. – Прежде всего размер. Этот камень примерно в один карат. – Он взглянул на управляющего, который кивнул. – Допустим, цена этого камня пятьсот фунтов. Десять таких камней будут стоить пять тысяч фунтов, верно? Однако цена камня в десять карат не менее семидесяти пяти тысяч фунтов. Стоимость камня резко возрастает с его общим весом. Если бы я собирался вкладывать деньги, я не притронулся бы к камню меньше трех карат.

Продавцы слушали теперь не менее внимательно, чем Руби.

– Далее цвет, – сказал Бенедикт и посмотрел на управляющего. – Дайте, пожалуйста, лист белой бумаги.

Управляющий порылся в ящике и выложил перед Бенедиктом листок, на который тот положил камень дном вверх.

– Посмотрим, какой цвет «вытягивает» камень из белой бумаги при естественном освещении. – Он посмотрел на управляющего. – Выключите, пожалуйста, лампы и отодвиньте занавеси.

Управляющий с готовностью повиновался.

– Это вопрос опыта. Цвет оценивается по стандартам. Забудем о редких расцветках: синих, красных, зеленых – и примем за основной стандарт бело-голубой. Камень, настолько белый, что кажется слегка голубоватым. Затем идет «красивый белый» и просто «белый». Затем камни, «вытягивающие» желтоватый цвет различных оттенков, – их мы называем «кейп». И наконец, камни, «вытягивающие» коричневый цвет, что уменьшает стоимость камня на восемьдесят процентов. – Бенедикт порылся в кармашке для часов, достал кошелек и открыл его. – Каждый эксперт носит с собой специальный алмаз, который использует как шаблон и по нему судит о цвете других камней. Вот мой камень.

Продавцы обменивались взглядами, а Бенедикт положил свой небольшой алмаз рядом с первым. Некоторое время он изучал их, потом вернул свой камень в кошелек.

– Второй серебряный кейп, я сказал бы, – заявил он; окружающие смотрели сконфуженно. – Теперь оценим совершенство камня. – Он взглянул на управляющего: – Будьте добры, одолжите мне вашу лупу.

– Лупу? – Управляющий удивился.

– Да, ювелирное увеличительное стекло.

– Я... – Управляющий выглядел смущенным.

– Вы продаете алмазы – и у вас нет лупы. – Бенедикт неодобрительно покачал головой. – Не важно, у меня есть своя. – Бенедикт достал из внутреннего кармана стекло и поднес его к глазу, вставив наподобие монокля. – Дефект может быть почти незаметен: «нейчурал» – необработанная материнская порода в экваториальной плоскости, пузырек или точка углерода в камне, с другой стороны могут быть более заметные огрехи: «трещины», «облака», «лед» или «перья», которые уничтожают ценность камня. Но этот камень действительно хорош – так что когда на него выпишут сертификат, в нем не будут указаны искажения. – Бенедикт закрыл лупу и убрал ее в карман. – Однако чтобы сделать безупречный бриллиант, его еще нужно огранить. – Он зажал камень между большим и указательным пальцами. – Огранка, или «форма», камня – четвертый и окончательный фактор его стоимости. «Форма» должна быть близка к идеальной. Этот камень был огранен таким образом, чтобы ликвидировать дефект, соответственно у него плохие пропорции – он тяжел и далек от круглой формы. Я предпочел бы этому калеке меньший камень даже с небольшим дефектом. – Он положил алмаз на стол. – «Райские алмазы» просят за этот камень пятьсот фунтов, что было бы справедливо, если бы речь шла о гемме. Однако цвет у него бедный и, хотя дефектов нет, форма неправильная. Его истинная стоимость... примерно сто восемьдесят пять фунтов.

Послышался новый хор протестующих возгласов, громче всех протестовал управляющий.

– Уверяю вас, сэр, все камни оценены самым тщательным образом.

– Давно ли вы служите в «Райских алмазах»? – резко спросил Бенедикт. – Четыре месяца, верно?

Управляющий уставился на него.

– А до того служили продавцом в большой фирме бальзамировщиков и гробовщиков.

– Я... то есть... – Управляющий слабо взмахнул руками. – Откуда вы это знаете?

– Я стараюсь все знать о своих служащих.

– Ваших служащих? – ошеломленно спросил управляющий.

– Верно. Меня зовут Бенедикт Ван дер Бил. Я владелец «Райских алмазов».

Руби захлопала в ладоши и одобрительно заворковала.

– А теперь, – сказал Бенедикт, вставая и помогая встать Руби, – пойдем купим настоящие бриллианты.

Аарон Коэн продал им два прекрасных белых близнеца огранки «шатер», а в качестве оправы Руби выбрала из переплетенного в кожу каталога пару сережек белого золота.

Бенедикт отдал Аарону чек на двадцать тысяч фунтов и повернулся к Руби.

– Теперь, – предложил он, – ленч в «Селесте». Еда там ужасная, зато изумительная обстановка. Нам лучше позвонить и заказать столик – вообще-то это не обязательно, но они ужасно обижаются, если этого не делаешь.

Когда они снова садились в роскошный «бентли», Бенедикт сказал шоферу:

– Поезжай мимо Трафальгарской площади. Хочу прихватить газеты из Южной Африки.

Эдмунд остановился у входа в посольство, привратник узнал машину и торопливо скрылся внутри, чтобы снова появиться с пачкой газет.

Они направились к Хаймаркету, и Бенедикт достал «Кейп Аргус».

– Посмотрим, что происходит дома. – Он взглянул на первую страницу и заметно напрягся.

– Что случилось? – Руби с беспокойством потянулась к нему, но он не обратил на нее внимания. Глаза его метались по странице, как челнок ткацкого станка. Она увидела, как краска отхлынула от его лица, оно стало бледным и напряженным. Он дочитал и протянул ей газету. Руби развернула ее.

«ВАН ДЕР БИЛ ДАЙАМОНДЗ» ПОЛУЧАЕТ
ЦЕННУЮ КОНЦЕССИЮ

СУД ПОДТВЕРЖДАЕТ
КАЙЗЕРОВСКУЮ КОНЦЕССИЮ

ЛЕНС ПОЛУЧИЛ МОЛНИЮ
И САМОУБИЙСТВО

Блумфонтейн, четверг.

Сегодня, в связи со срочной апелляцией «Сентрал дайамонд майнз ЛТД» с целью предотвратить разведку и добычу в районе концессии на юго-западном берегу Африки компанией «Ван дер Бил дайамондз ЛТД», судья Тромп заявил: «Первоначальная концессия дана имперским указом Германии в 1899 году и должным образом ратифицирована актом Объединенного парламента № 24 от 1920 года; соответственно, она является законной и имеет преимущество перед всеми последующими концессиями, выданными министерством горнодобывающей промышленности или любым другим учреждением», тем самым отклонив вышеуказанную апелляцию.

Спорный район занимает сто квадратных километров, в него входят два небольших острова в пятнадцати милях к югу от Картридж-Бей и около пяти километров береговой линии. Острова известны как Молния и Самоубийство и в начале столетия активно разрабатывались «Германской компанией гуано». Мистер Джон Ригби Ленс, генеральный управляющий «Ван дер Бил дайамондз компани ЛТД», получил права, перекупив их у недействующей компании по добыче гуано.

Сегодня в Кейптауне мистер Ленс заявил: «Этой возможности я ждал всю жизнь. Все указывает на то, что Молния и Самоубийство станут одной из богатейших минеральных концессий в мире».

«Ван дер Бил дайамондз компани ЛДТ» завершают в Соединенном Королевстве строительство специального судна, и мистер Ленс заявил, что надеется начать разработку месторождения еще до конца этого года.

Руби опустила газету и взглянула на Бенедикта. То, что она увидела, вызвало у нее сильное физическое потрясение.

Бенедикт скорчился на сиденье. Вся его уверенность и savoir faire* исчезли. Лицо смертельно побледнело, губы дрожали, и она с отвращением заметила в его глазах слезы. Он сжимал руки и безнадежно качал головой.

– Ублюдок, – прошептал он, и голос его звучал глухо. – Он всякий раз побеждает. Я думал, на этот раз возьму верх, но... о Боже, как я его ненавижу! – Бенедикт жалобно смотрел на нее. – Всегда одно и то же. Я столько раз думал, что победил его, но он каждый раз...

Она удивилась его реакции.

– Разве ты не доволен? «Ван дер Бил дайамондз» теперь заработает миллионы...

– Нет! Нет! – свирепо перебил он ее, и наружу хлынули копившиеся годами ненависть, досада и чувство унижения. Руби молча слушала, постепенно начиная понимать все, удивляясь тому количеству боли и ненависти, какое он обнажал перед ней. Он вспоминал разговоры двадцатилетней давности. Незначительные эпизоды детства, невинные замечания, которые терзали его десятилетиями.

– Значит, ты не хочешь его успеха? – спросила она.

– Я хочу уничтожить его, стереть в порошок, унизить.

Секунд десять Руби молчала.

– И как мы это сделаем? – спокойно спросила она.

– Вероятно, никак. – Тон Бенедикта раздражал ее. – Он всегда побеждает, мы просто не сможем...

– Вздор! – выпалила Руби. Теперь она рассердилась. – Нужно все тщательно обдумать и решить, как его остановить. Он обычный человек, а ты уже доказал, что ты умный и преуспевающий бизнесмен.

Выражение лица Бенедикта изменилось, он снова оживился. Почти энергично повернулся к ней. Мигнул.

– Ты на самом деле в это веришь?

---

* Такт, находчивость (*фр.*). – *Примеч. пер.*

* * *

«Койка узкая, – решил Серджио Капоретти, – слишком узкая. Завтра нужно вызвать плотника».

Он лежал на спине, накрытый одеялом живот мешал ему смотреть на юг. Он лежал и оценивал свое физическое состояние. Как ни странно, хорошее. Немного болели глаза, во рту держался вкус застоявшегося сигарного дыма и кислого вина, но это вполне терпимо. Вначале его тревожила свинцовая тяжесть в ногах, но потом он вспомнил, что на нем по-прежнему тяжелые рыбацкие сапоги. Одна из девиц жаловалась на это.

Он приподнялся на локте и взглянул на жриц любви. Те лежали по бокам, зажав его своими массивными телесами. Большие сильные девушки, он их тщательно подбирал, ни на унцию легче двадцати стоунов. Серджио удовлетворенно вздохнул: уик-энд вышел удивительный. Девушки храпели так гармонично, как будто заранее отрепетировали. Несколько минут он с восхищением слушал, потом выбрался из койки и встал посреди каюты, одетый только в тяжелые сапоги. Преувеличенно широко зевнул, почесал густые черные завитки на груди и животе и скосил глаза на настенные часы. Четыре утра, понедельник. Уик-энд получился замечательный.

Стол был уставлен пустыми бутылками и завален грязными тарелками. На одной из них застыла масса спагетти «Болоньезе». Он прихватил тарелку с собой. Поднимаясь на мостик «Зимородка», капитан пальцами брал холодные спагетти и отправлял в рот.

Постоял у перил – обнаженная фигура в больших сапогах, прижимающая к груди тарелку спагетти, – и осмотрел док.

«Зимородок» получал последние усовершенствования, указанные Джонни Ленсом. Он стоял гораздо выше того уровня, на котором будет находиться в океане. Хотя водоизмещение корабля составляло всего три тысячи тонн, в лучах прожекторов, освещавших док, он казался чудовищным. По необычному силуэту было ясно, что корабль спроектирован для специальных целей. Надстройки сдвинуты к корме, как на нефтяном танкере, на передней палубе располагались большой портальный кран, который будет контролировать драгу, и массивные танки для сжатого воздуха.

В этот утренний час док был пуст, завитки морского тумана касались борта «Зимородка».

Стоя в пятидесяти футах над доком, по-прежнему пожирая холодные спагетти, Серджио помочился через перила, получая простое честное удовольствие от длинной изогнутой струи и звона жидкости о бетон внизу.

Вернувшись в каюту и добродушно поглядывая на спящих валькирий, он прикончил спагетти. Тщательно вытер пальцы о волосы на груди и разбудил девушек.

– Вставайте, мои кошечки, мои маленькие голубки, время игры прошло, теперь время работы.

С латинской галантностью он усадил их в такси у ворот дока, смачно поцеловал каждую, дал чек, бутылку шампанского и пообещал еще одну встречу, в следующую пятницу вечером.

Пробираясь обратно по лабиринту механизмов и зданий, он зажег длинную черную сигару, с удовольствием вдохнул дым, но когда увидел «Зимородок», остановился в удивлении и досаде. У трапа, ведущего на палубу корабля, стоял большой «бентли» цвета меда. Серджио ненавидел визиты боссов компании, особенно в такой утренний час.

* * *

Шланг уходил в зеленую мглу; они двигались вдоль него, придерживаясь руками. Трейси все еще слегка нервничала. Это не Средиземное море, где теплая голубая вода по-дружески обнимает ныряльщика, – это дикий Атлантический океан, холодно-грозный, зеленый и неприрученный. Он пугал ее, но присутствие Джонни успокаивало.

Насос, накачивающий воздух, гудел, холодная вода пробивалась у рукавов и шеи костюма Трейси.

На глубине в шестьдесят футов Джонни задержался и всмотрелся в стекло ее маски. Улыбнулся, хотя рот был прикрыт нагубником. Она подняла вверх большой палец. Оба посмотрели наверх. Поверхность казалась серебряной, как неправильное зеркало, черная сигарообразная тень корабля была окутана странным светом. Шланг и якорная цепь пронизывали серебряный потолок и уходили в тенистую зеленую бездну.

Джонни указал вниз, и Трейси кивнула. Они опустили головы, подняли ласты к поверхности и, по-прежнему держась за руки, стали опускаться на дно.

Трейси услышала щелкающие свистящие звуки – снизу, из зеленой темноты, к поверхности устремлялись облака серебристых пузырьков. Напрягая зрение, она смотрела вниз, и во мраке медленно материализовались две черные, одетые в резину фигуры – два человека работали у конца шланга. Они казались мрачными и загадочными, словно черные жрецы, исполняющие сатанинский ритуал.

Трейси с Джонни добрались до дна и повисли над ним чуть в стороне от двоих у шланга. Ленс протянул им манометр, который носил на руке, как часы. Глубина сто двадцать футов. Джонни повернулся и показал в сторону.

Они находились в углублении между двумя черными подводными рифами, теми самыми, которые Трейси видела с воздуха. Чувствовалось сильное течение, направленное под прямым углом к рифам.

Джонни схватил девушку за руку и потянул вниз. Они легли животами на дно; Джонни набрал горсть морского песка, быстро промыл его, так что мелкие частицы уплыли облачком по течению, и показал оставшийся гравий. Улыбнулся, и Трейси вернула ему улыбку.

По-прежнему держа ее за руку, он медленно поплыл к работающим и остановился, наблюдая за ними.

К концу шланга была прикреплена прочная стальная труба двух дюймов в диаметре и двадцати футов длиной, хотя сейчас над морским дном виднелась только ее половина. Двое водолазов проталкивали трубу в песок, к самому скальному основанию. А шланг соединялся с компрессором, который создавал вакуум и засасывал по стальной трубе песок и гравий.

Так производилась разведка месторождения «Молния и Самоубийство». Через каждые пятьсот футов брали двухдюймовые образцы, чтобы установить глубину, толщину слоя наносных пород и состояние дна. Одновременно на карту наносились рифы, и к приходу «Зимородка» они получат достаточное представление о топографии и рельефе морского дна. Станет ясно, где начинать работы и приблизительно чего от них ожидать.

Пока результаты подтверждали наиболее оптимистические оценки Джонни. Во всех желобах между рифами обнаруживался толстый слой гравия. Как Ленс и ожидал, самый крупный гравий находился ближе к проливу между Молнией и Самоубийством, более легкий

и мелкий течением уносило дальше. В некоторых желобах толщина слоя гравия достигала пятнадцати футов, и обнаруживавшиеся породы были многообещающими. Джонни выделил гранат, яшму, железняк, берилл и титановую пыль.

Но заключительное и самое неопровержимое доказательство было получено при помощи двухдюймового шланга. Добыты первые алмазы месторождения «Молния и Самоубийство». Если подсчитать вероятность нахождения алмаза в двухдюймовых образцах, взятых на расстоянии в пятьсот футов (а гравий считается достойным обработки при соотношении одна часть алмазов к пятидесяти миллионам), то очень обнадеживало, что они обнаружили сразу четыре. Конечно, камни мелкие, все меньше половины карата, но это все же алмазы, и некоторые превосходного качества.

Один из водолазов повернулся к Джонни и сделал знак рукой. Труба достигла дна. Джонни кивнул, показал пальцем вверх и, таща за собой Трейси, поплыл к поверхности.

Они поднялись на борт, неуклюже передвигаясь под тяжестью цилиндров с воздухом, прикрепленных к спине, и к ним протянулось множество рук, помогая снять тяжелые костюмы и оборудование.

Трейси с благодарностью взяла у одного из членов экипажа полотенце; наклонив голову, чтобы просушить волосы, она посмотрела на зеленое море и два белых острова, похожих на спины китов, с вьющимися над ними морскими птицами. Волны ударялись об их берега со звуком, напоминавшим артиллерийскую канонаду или далекий гром.

– Боже, какое дикое и прекрасное место! – В ее голосе звучало возбуждение. – Тут чувствуешь себя по-настоящему живым.

Джонни понимал ее чувства: беспокойное море и негостеприимная земля обещали тревоги и опасности. Он хотел ответить, но в этот момент появились два водолаза, более высокий из них снял нагубник, опустив его на грудь.

– Передвинемся в следующий пункт, если разрешите, мистер Ленс. – Человек снял маску и капюшон, обнажив светлые волосы и обожженное солнцем лицо.

– Хорошо, Хьюго, – согласился Джонни и одобрительно проследил, как Хьюго Крамер приказывает поднять якорь и шланг, прежде чем переместиться севернее, к следующему пункту разведки.

Вначале Джонни не хотел делать «Дикого гуся» разведочным кораблем, а потом вспомогательным судном для «Зимородка», он не был знаком с Крамером, а то, что Бенедикт Ван дер Бил настаивал на его кандидатуре, вызывало у Джонни подозрение.

Однако было вполне естественно использовать одного из капитанов «Ван дер Бил дайамондз», и теперь Джонни готов был признать, что ошибался. Крамер – способный и добросовестный работник, изобретательный и преданный, прекрасный моряк, искусно руководивший «Диким гусем». Он в любую погоду вполне справится с задачей подвести его к «Зимородку». Его необычную внешность Джонни больше не замечал, хотя, впервые увидев розовое лицо, светлые волосы и глаза, казалось, принадлежащие слепцу, испытал сильный шок.

Трейси оказалась не столь снисходительной. Этот человек ей не нравился. В нем чувствовалась какая-то звериная свирепость, едва скрываемая жажда насилия. Он иногда так поглядывал на нее, что у нее мурашки ползли по коже. Вот и сейчас: перестав отдавать

приказы, он пробежал глазами по ее телу. В черном обтягивающем костюме были отлично видны ее большие груди, и Хьюго Крамер смотрел на них своими светлыми глазами. Она машинально прикрыла их полотенцем, и ей показалось, что он, повернувшись к Джонни, усмехнулся.

– Говорят, эта ваша новая драга, мистер Ленс, – нечто совсем необычное.

– Да, Хьюго. Она не похожа на те полусобранные баржи, которые испытывали другие компании. Этот корабль специально предназначен для поиска алмазов.

– В чем же его отличия?

– Почти во всем. Шланг насоса управляется с портального крана на передней палубе, он проходит через корпус корабля.

– Что за шланг?

– Восемнадцатидюймовая закаленная стальная труба с резиновой прокладкой. Ее можно опускать на сотню фатомов, и есть специальное устройство, предотвращающее ее перемещение волнами.

– Восемнадцать дюймов – это очень много. Как создается вакуум?

– В том-то и дело, Хьюго. Мы не всасываем, мы выдуваем. Вытесняем воду из трубы, накачивая в нее сжатый воздух, а потом врывающаяся вода засасывает гравий.

– Остроумно. Значит, чем глубже, тем выше давление.

– Верно.

– А как насчет очистки? Обычное просвечивание, шаровая мельница и вибрирующий стол?

– Это и погубило другие компании – попытка действовать старыми методами. Нет. У нас есть циклон.

– Циклон?

– Знаете, как действует сепаратор молока?

– Да.

– Тот же принцип. В круглом барабане вращается гравий, и все с удельным весом меньше двух с половиной отбрасывается. Остаток просушивается, помещается на ленту конвейера и проходит под рентгеновскими лучами, засекающими каждый алмаз. Как вы знаете, алмазы в рентгеновских лучах флюоресцируют и становятся хорошо видны. Рентгеновский аппарат сообщает об алмазах центральному компьютеру. – В голосе Джонни звучал энтузиазм, приковывающий внимание слушателей. Трейси была очарована, она смотрела ему в глаза, улыбалась вместе с ним, ее губы что-то шептали.

– Здесь размещается циклон, – объяснял Бенедикт Ван дер Бил, помогая Руби спуститься по трапу. – Я тебе говорил, как он работает.

– Да, – кивнула Руби Ленс, с интересом осматриваясь. Грубо склепанные и окрашенные листы обшивки корпуса «Зимородка» образовывали прямоугольный металлический ящик, в центре которого стоял циклон. Коническая десятифутовая башня, тоже выкрашенная серой краской.

– Гравий всасывается вот здесь. – Бенедикт указал на восемнадцатидюймовый шланг, выходивший из передней переборки и исчезающий в дне циклона. – Он идет вверх. – Бенедикт поднял руку. – И вокруг. – Он сделал вращательное движение. – Тяжелые матери-

алы уходят сюда. – Из стены циклона, исчезая в дальней переборке, выходила меньшая труба. – А легкие уходят вверх и выбрасываются за борт.

– Понимаю. Но где же слабое место? – спросила Руби.

– Идем. – Бенедикт провел ее по помещению, пробираясь между многочисленными рабочими, суетившимся по всему «Зимородку».

Они добрались до стальной двери в переборке.

– Осторожнее.

Нагнувшись, они прошли в длинный коридор с дверями в обоих концах. Справа вдоль всего коридора шел закрытый тоннель.

– Это помещение конвейера, – объяснил Бенедикт. – Обогащенный гравий проходит через поток горячего воздуха от электропечи и просушивается. Потом собирается на ленте конвейера, размещенного в этом тоннеле, и проходит через помещение с рентгеновским аппаратом.

– Здесь ты и поместишь его?

– Да, в конвейерном тоннеле. Придется передвинуть дверь назад на двенадцать футов.

Руби кивнула.

– Можно ли доверять человеку, который это сделает?

– Да. Он уже работал со мной.

Бенедикт не стал говорить, что этот человек разработал электронное оборудование для баллонов, использовавшихся Кругом, и специально прилетел из Японии, чтобы установить поисковое оборудование на «Диком гусе».

– Хорошо. – Руби казалась довольной. Она все больше становилась движущей силой их союза, подкрепляя решимость Бенедикта, когда он проявлял робость или пытался уклониться от действий, которые со временем могли привести его к столкновению с Джонни Ленсом.

– Посмотрим рентгеновское помещение.

Это была крошечная комнатка, похожая на шкаф. Пол, потолок и все четыре стены были выложены толстыми плитами свинца. С потолка свисал рентгеновский аппарат, стальной стол под ним состоял из множества ячеек, похожих на ячейки пчелиного улья.

– Обогащенный гравий попадает на этот стол, который вращается под рентгеновскими лучами. Аппарат высвечивает каждый алмаз и сообщает компьютеру его вес и точное расположение на столе. Компьютер командует вот этим... – Бенедикт указал на лес жестких пластиковых трубок, каждая из которых крепилась к металлической руке, – приказывает им опуститься к столу точно над алмазом и всосать его. Компьютер подбирает размер трубки для каждого алмаза, и после того как трубка выполнила приказ компьютера, стол проходит под вторым рентгеновским аппаратом – тот подтверждает, что алмаз взят. Если трубка случайно не засосет алмаз, компьютер пускает стол по второму кругу. Когда все алмазы отобраны, пустая порода убирается со стола, стол возвращается за новой порцией гравия, и вся операция повторяется. Система эффективна на сто процентов. Отбираются все алмазы. Даже камешки размером с сахарную песчинку.

– Где компьютер? – спросила Руби.

– Здесь. – Бенедикт указал на небольшое закрытое свинцовым стеклом окно, выходящее на рентгеновский аппарат. За ним оказалось еще одно небольшое помещение.

Руби прижалась носом к стеклу и всмотрелась. Большую часть помещения занимал компьютер, большой эмалированный шкаф, похожий на холодильник, со множеством шкал и кнопок. Бенедикт тоже посмотрел туда.

– Компьютер руководит всей операцией. Он контролирует поток сжатого воздуха в трубе, регулирует работу циклона, командует поворотами рентгеновского аппарата и стола, взвешивает и подсчитывает обнаруженные алмазы перед помещением их в сейф и даже управляет движением «Зимородка» и сообщает на мостик точное местонахождение корабля в море, проверяет состояние смазки и температуру всех механизмов и двигателей и по требованию дает точные и немедленные сообщения о состоянии любой части операции.

Руби по-прежнему всматривалась в компьютерную комнату.

– А что происходит с алмазами, когда их снимают с вращающегося стола? – спросила она.

– Они проходят через электронную шкалу, которая взвешивает каждый камень, затем перемещаются в сейф. – Бенедикт указал на стальную дверь в одной из переборок. – Сейф с двумя замками, с цифровой комбинацией и с указанием времени. Система работает таким образом, что к алмазам ни разу не прикасается человеческая рука.

– Пойдем поговорим с этим итальянским крестьянином, – предложила Руби и отвернулась от окна.

Бенедикт с видом собственника положил руку ей на плечо.

– Не сейчас, – раздраженно сказала Руби, сбросив его руку, и вышла из помещения. На нее произвело сильное впечатление сложное оборудование, но то, что его сконструировал Джонни Ленс, рассердило ее.

Руби полностью сменила свои привязанности, они перешли к тому, кто предложил большую сумму.

Впервые увидев Руби Ленс, Серджио Капоретти почувствовал жалость. «Худющая, фигура как у мальчишки. В холодную ночь от нее мало радости мужчине. – Он передвинул сигару из одного угла рта в другой, смочив ее при этом слюной. – И слишком хладнокровная». У Серджио была прекрасная интуиция, когда нужно было измерить температуру женской страсти. «Холодная, как змея», – решил он и почувствовал отвращение. Сдерживая легкую дрожь, он смотрел, как она садится на койку в его каюте, аккуратно скрестив длинные золотистые ноги. «Точно змея, и проглотит мужчину, как маленькую лягушку. Можно восхищаться Джонни Ленсом, но даже он, – понял Серджио, – в опасности рядом с такой женщиной».

– Понравился корабль? – спросил он, пытаясь изобразить дружелюбие. – Очень хороший корабль.

На самом деле Серджио выразился несколько иначе, подчеркнув продуктивные способности «Зимородка», и Руби скривила с отвращением губы. Пропустив вопрос мимо ушей, она зажгла сигарету, нетерпеливо качнула ногой и повернулась к иллюминатору.

Серджио обидела ее реакция, но сердиться было некогда, потому что Бенедикт Ван дер Бил остановился в центре каюты, скрестив руки за спиной.

– Мистер Капоретти, – негромко спросил он, – любите ли вы деньги?

Серджио улыбнулся и сдвинул назад свою морскую шапочку.

– Очень люблю, больше матери, а маму я люблю больше жизни, – сказал он.

– Хотите стать богатым человеком? – осведомился Бенедикт, и Серджио тоскливо вздохнул.

– Si, – кивнул он. – Но это невозможно. Слишком много vino, слишком много красивых девушек, а карты бывают ко мне жестоки... – Серджио остановился, подыскивая подходящее сравнение, и взглянул на Руби, – как тощая женщина. Нет. Деньги не остаются у меня надолго, они приходят и уходят.

– А что вы скажете о двадцати пяти тысячах фунтов? – спросил Бенедикт.

– Нет ничего в мире, – глаза Серджио потемнели и заполнились обожанием, как глаза газели или влюбленной женщины, – чего бы я не сделал ради двадцати пяти тысяч фунтов.

«Зимородок» отплыл в Африку четвертого октября. Как представитель владельца, Бенедикт Ван дер Бил приехал из Лондона пожелать ему bon voyage и провел за закрытыми дверьми час с Серджио Капоретти.

«Зимородок» быстро проделал первую часть пути, но неожиданно на десять дней задержался на острове Лас-Пальмас. Это рассердило Джонни. Он срочно телеграфировал, добиваясь ответа о причинах задержки, и получил сообщение, что возникли неполадки в двигателе, которыми занимаются в доке Лас-Пальмаса. Как только их устранят, переход будет возобновлен.

В Лас-Пальмасе на борт «Зимородка» поднялся японец по имени Каминикото. Для Серджио это было слишком длинно, и он называл его Камми.

Экипаж отправили на берег под предлогом, что на борту предстоят опасные работы. Моряков поселили в лучшем отеле и в избытке снабдили горячительным. В следующие десять дней Серджио никого из них не видел, вместе с Камми занимаясь переделками компьютера и оборудования «Зимородка».

За эти дни они обнаружили, что, несмотря на внешние различия, очень похожи.

Вместе с японцем на борт поступило множество загадочных ящиков, и Серджио и Камми вдвоем лихорадочно работали каждый день с рассвета до темна. Потом отдыхали.

Камми был вдвое меньше Серджио, с лицом шаловливой мартышки. И всегда в фетровой шляпе. Один раз Серджио застал его в ванне без шляпы и обнаружил, что Камми лыс, как купол собора Святого Петра.

У Камми по отношению к женщинам оказались те же вкусы, что и у Серджио. Поэтому им было легко подбирать партнерш: то, что устраивало одного, устраивало и другого. Серджио отплыл на юг, тепло вспоминая одетого только в фетровую шляпу Камми, испускающего страстные крики верхом на женщине размером с першерона.

Когда наконец Серджио вызвал экипаж на борт, единственным очевидным признаком изменений был передвинутый на двенадцать футов смотровой люк конвейерной ленты.

– Это моя лучшая работа, – сказал Камми Серджио. Его печалило предстоящее расставание. Они стали братьями. – Я подписался. Вспоминай меня, увидев мою подпись.

– Ты хороший парень, Камми. Лучше всех! – Серджио обнял его, поднял в воздух и сердечно расцеловал в обе щеки, а Камми в это время отчаянно прижимал свою фетровую шляпу.

Он остался на причале, одинокая маленькая фигурка, а «Зимородок» вышел в океан и повернул на юг.

Джонни печально смотрел на груду пустых бутылок от шампанского у шашлычных ям. Счет за прием пойдет на тысячи, но это не экстравагантность. Список гостей включал основных кредиторов компании «Ван дер Бил дайамондз» с женами. Ленс хотел показать им, что их деньги к ним вернутся. Видимость процветания для кредитора почти так же важна, как само процветание. Джонни собирался досыта накормить их, напоить шампанским, показать «Зимородок» и отвезти самолетами домой, искренне надеясь, что произведенное впечатление на какое-то время избавит его от навязчивых требований. И он сможет заняться делами компании.

Трейси поймала его взгляд. Она в комическом отчаянии закатила глаза: ее окружала толпа банкиров и финансистов средних лет, которых шампанское сделало уязвимыми для ее чар. Он подмигнул ей и виновато оглянулся в поисках Руби, но с облегчением увидел, что та занята разговором с Бенедиктом Ван дер Билом в дальнем углу навеса.

Он выбрался из толпы на край холма и зажег сигарету, поглядывая на залив Картридж-Бей.

Чартерные «дакоты», которые перенесли сюда из Кейптауна гостей и обслуживающий персонал, стояли на полосе за строениями.

Навес разместили на вершине песчаного холма, откуда открывался вид на узкий вход в залив. Дюну соорудили с помощью бульдозеров; на ней поставили складные столы, вырыли ямы для шашлыков, вокруг которых суетились одетые в белое официанты; туши трех оленей и молодого быка были разделаны и уже источали приятный аромат.

Трейси смотрела на стоящего на краю холма Джонни. «У него усталый вид, – подумала она. – Сказывается напряжение последних месяцев». Оглядываясь назад, она поняла, что каждые несколько дней ему приходилось преодолевать очередной кризис. Едва кончились треволнения из-за суда, который подтвердил их права на Молнию и Самоубийство, как начались проволочки в сооружении «Зимородка», требования кредиторов, придирки Бенедикта и сотни других беспокойств и неприятностей.

«Он похож на профессионального боксера, выходящего по звуку гонга на последний раунд», – подумала она с нежностью, изучая лицо Джонни в профиль. Он в это время смотрел в море. Его поза по-прежнему оставалась агрессивной: нижняя челюсть выдавалась вперед, рука с отсутствующим пальцем, в которой он держал сигарету, сжата в кулак. Однако под глазами виднелись синяки, а в углах рта – морщины.

Неожиданно Джонни напрягся, приставил ладонь к глазам, потом повернулся к навесу.

– Внимание все! – крикнул он, заглушая гул голосов. – Вот он!

Гул стих, все вышли на солнце, общее возбуждение и предвкушение обострило шампанское «Поммери», которое они в изобилии пили с утра.

– Смотрите! Вон он!

– Где? Где?

– Я не вижу!

– Чуть левее того облачка на горизонте.

– О да! Смотрите! Смотрите!

Трейси взяла у одного из официантов второй бокал шампанского и отнесла его Джонни.

– Спасибо. – Он улыбнулся ей с пониманием, которое теперь установилось между ними.

– Долго же он добирался. – Трейси разглядела на горизонте точку – «Зимородок». – Когда он начнет работать?

– Завтра.

– И когда мы узнаем... ну... получилось ли?

– Через неделю. – Джонни повернулся к ней. – Через неделю определенно, но вообще-то будем знать через день-два.

Они замолчали, глядя на постепенно увеличивающуюся точку. Толпа быстро утратила к ней интерес и вернулась к напиткам, а от ям уже несли тарелки с аппетитно пахнущим мясом.

Трейси наконец нарушила долгое дружеское молчание. Она заговорила неуверенно, опасаясь затрагивать болезненную тему.

– Как давно вернулась Руби – десять дней?

– Примерно, – подтвердил Джонни, быстро оглянувшись. – Я с ней мало виделся, – признался он. – Но она кажется довольной, во всяком случае не очень мне мешает.

– Они очень подружились с Бенедиктом. – Трейси посмотрела на эту пару, окруженную толпой возбужденных кутил.

– Они столкнулись в Лондоне, – согласился Джонни с отсутствующим видом. – Руби говорит, что несколько раз обедала с ним.

Трейси ждала продолжения, полагая, что он выскажет какие-нибудь подозрения, но, казалось, эта тема больше не интересует Джонни; он начал обсуждать предстоящие дела.

– Надеюсь, ты позаботишься о женах, когда вы полетите назад. Особенно следи за миссис Ларсен – она по горло налилась шампанским.

В следующие два часа, которые потребовались «Зимородку», чтобы приблизиться и войти в узкий пролив Картридж-Бей, Ленс не отрывал взгляда от необычного силуэта судна. Не слишком изящный корабль, но белая молния на трубе – символ «Ван дер Бил дайамондз» – придавала ему в глазах Джонни особую красоту. Когда «Зимородок» проходил мимо них, приближаясь к заливу, Ларсен предложил тост за его успешную работу; потом все спустились с холма, сели в ожидавшие «лендроверы» и направились вокруг залива навстречу кораблю. Когда они подъехали, «Зимородок» уже причалил и капитан Серджио Капоретти готов был приветствовать их на борту.

Он стоял наверху трапа и, чувствуя значительность момента, был одет в свой лучший наряд: двубортный костюм с желто-лиловым зажимом на томатно-красном галстуке; черно-

белые башмаки крокодиловой кожи привлекали внимание к его большим ногам и походке императорского пингвина. Огромное количество бриолина с резким запахом фиалок превратило его волосы в прилизанную черную массу, разделенную прямым белым пробором. Запах бриолина смешивался с амбре сигар особого сорта, которые Серджио приберегал для исключительных случаев: свадеб, похорон и других чрезвычайных обстоятельств.

Его прекрасные газельи глаза страстно потемнели при взгляде на Фифи Ларсен. Плотно натянутые брюки миссис Ларсен создавали такое впечатление, будто под ними шевелится множество живых кроликов, а розовый свитер трещал по швам. Глаза ее горели от шампанского, и она без всякой причины хихикнула, вспыхнув под пристальным взглядом капитана Капоретти.

Начался осмотр «Зимородка». Серджио занял позицию непосредственно за миссис Ларсен. Они едва успели спуститься с первой лестницы, как миссис Ларсен слабо пискнула и, подпрыгнув в воздух на восемнадцать дюймов, с дрожью опустилась на землю.

– Фифи, лапочка, что случилось? – Ее муж был сама заботливость, а на лице Серджио появилось выражение ангельской невинности. У Джонни от тревоги закружилась голова, потому что он заметил, как волосатая лапа Серджио удобно разместилась на одной из могучих ягодиц миссис Ларсен и ущипнула ее.

С радостным облегчением Джонни услышал ответ, сопровождаемый очередным хихиканьем:

– Кажется, я подвернула ногу. Нельзя ли мне здесь где-нибудь посидеть?

Джонни лихорадочно отыскивал Трейси, чтобы вырвать Фифи из лап Серджио, но прежде чем он сумел дать ей знак, миссис Ларсен захромала, опираясь на руку Капоретти и храбро отказываясь от помощи остальных.

– Не хочу мешать вашему веселью. Посижу несколько минут в каюте капитана.

Джонни быстро подошел к седовласому Ларсену, решив ни за что не отходить от него. Если уж он не может помешать Фифи навестить каюту Серджио, он сделает все, чтобы ее муж к ним не присоединился.

– Это подрывной склад. – Джонни взял Ларсена за руку и отвел в сторону. – У нас тут запас пластиковой взрывчатки для подводных работ...

Ларсен перестал беспокоиться о жене и продолжил осмотр «Зимородка». Джонни объяснял ему процесс с того момента, как гравий засасывается в трубу.

Они осмотрели циклон, и Джонни открыл дверь, пропуская Ларсена вперед.

– Из циклона обогащенный гравий поступает сюда... – Он в изумлении смолк, когда они оказались в узком проходе за циклоном.

– Что случилось, Ленс? – спросил Ларсен.

– Ничего, – заверил его Джонни. После первого приступа удивления, вызванного тем, что смотровой люк конвейерной ленты оказался перемещен, он решил, что с точки зрения безопасности это выгодно. Вероятно, это усовершенствование ввели в последний момент. – Обогащенный гравий проходит в следующее помещение, попадая под рентгеновские лучи. Сюда, пожалуйста.

Но идя к следующей двери, Джонни решил побеседовать с конструкторами судна. Ларсен задал какой-то вопрос, Джонни ответил, и конвейерный тоннель был забыт. Они прошли в рентгеновскую камеру.

* * *

– Он заметил. – Бенедикт быстро и нервно затягивался, держа сигарету в руке. – Он ничего не упускает. Ублюдок.

– Да, заметил. Но принял изменение. – Руби говорила уверенно. – Я его знаю. И я следила за ним. Он на секунду встревожился, потом придумал какое-то объяснение. Я почти видела, как работает его мысль. Он принял перемену.

Они вдвоем стояли на мостике «Зимородка». Руби вдруг рассмеялась.

– У тебя слишком встревоженное лицо, – весело предупредила она. – На нас опять смотрит твоя сестра. Она на палубе. Идем. – По-прежнему улыбаясь, она провела его за угол рубки, где их не могли увидеть, и тут же снова стала серьезной. – Твоя сестра что-то подозревает. Надо держаться подальше друг от друга, пока ты не скажешь Джонни.

Бенедикт кивнул.

– Когда ты ему скажешь?

– Скоро.

– Как скоро? – Руби не могла спать спокойно, пока Бенедикт не связал себя обещанием, но сейчас нельзя было слишком подталкивать его.

– Как только «Зимородок» полностью разорит компанию. Я подожду, пока Джон кончится как бизнесмен, и тогда скажу. Я хочу coup de grace.*

– Когда это будет, Бенедикт, дорогой? Я так хочу быть с тобой без всего этого притворства.

Бенедикт открыл рот, собираясь ответить, и застыл, на лице его появилось такое выражение, будто он не верил собственным глазам. Он смотрел через плечо Руби.

Та быстро повернулась. Занавеска на иллюминаторе капитанской каюты слегка приоткрылась. Руби увидела такую монументальную сцену, какую можно увидеть лишь на Олимпе между Юпитером и Юноной.

В каюте Фифи Ларсен получала лекарство от подвернутой ноги.

– Ну, ты получил свою игрушку. Надеюсь, что-нибудь получишь и от нее. – Бенедикт приятно улыбнулся Джонни, который стоял с Ларсеном под большим, в форме виселицы, портальным краном на передней палубе «Зимородка». Этот кран будет поднимать и опускать трубу насоса.

– Игрушку, мистер Ван дер Бил? – Белые брови Ларсена поднялись. – Значит, у вас есть сомнения? Но ведь теперь вы получили концессию на Молнию и Самоубийство.

– Я бы не назвал это сомнениями, мистер Ларсен. Оговорки, возможно, но не настоящие сомнения. Мистер Ленс защищал этот проект. Его энтузиазм помог ему преодолеть сопротивление. Даже моего покойного отца. – Бенедикт повернулся к Джонни.

– Ваш отец был противником проекта? Я не знал! – Ларсен встревожился.

– Нет, мистер Ларсен. – Бенедикт успокаивающе улыбнулся. – Но заметьте: он готов был рискнуть вашими деньгами, не своими. Это дает вам возможность понять его отношение.

Наступило напряженное молчание. Потом Ларсен повернулся к Джонни.

---

* Последний, решающий удар (*фр.*). – *Примеч. пер.*

– Ну, Ленс, благодарю за интересный день. Очень интересный. Я внимательно буду следить за вашим проектом, очень внимательно. – Он отвернулся и направился к покорной и скромной Фифи, ждавшей его в группе других женщин.

– Спасибо. – Джонни хмуро улыбнулся Бенедикту.

– Не за что. – Бенедикт ответил очаровательной мальчишеской улыбкой.

– В конце недели я возьму эту твою маленькую речь, сверну ее в комок и засуну тебе в глотку, – негромко пообещал Джонни, и выражение лица Бенедикта изменилось. Глаза его сощурились, он оскалил зубы, линия челюсти напряглась.

– Много разеваешь рот, Ленс.

Они смотрели друг на друга с открытой враждебностью, как пара оленей-самцов во время гона, и вдруг стали центром всеобщего внимания. Гости с любопытством уставились на них, чувствуя, что являются свидетелями драмы, но не понимая ее сути.

Руби быстро подошла, взяла Джонни за руку, заговорила медовым голосом:

– О, Бенедикт, вы не возражаете, если я немного поговорю с Джонни? Мне нужно знать, вернется ли он со мной сегодня в Кейптаун.

Она отвела его в сторону, и напряжение спало. Разочарованные гости начали спускаться на причал.

В суматохе посадки на две «дакоты» Джонни сумел обменяться несколькими словами с Трейси.

– Ты останешься, пока не будешь знать? – спросила она. Он кивнул. – Удачи, Джонни. Я буду за тебя молиться, – прошептала Трейси и вслед за Руби Ленс исчезла в фюзеляже «дакоты».

Джонни смотрел, как два больших самолета подрулили к началу полосы, затем один за другим поднялись в пурпурно-красное вечернее небо.

После их отлета все стихло; все поглотила тишина пустыни. Джонни сидел в открытом «лендровере», курил, а вокруг сгущалась ночь.

Его тревожило какое-то дурное предчувствие, но он не мог точно проанализировать свое состояние.

На западном небосклоне погас последний луч заката, пустынные звезды, низкие, яркие, неласковые, придали куполу небес такое великолепие, о каком горожанин и не подозревает.

Джонни по-прежнему сидел в «лендровере», стараясь определить причину своего беспокойства, но смог вспомнить только напряжение и усталость последних нескольких месяцев, свое увлечение Трейси, неуклонно ухудшающиеся отношения с Руби и, наконец, столкновение с Бенедиктом.

Он отбросил окурок, мрачно посмотрел, как тот ударился о землю, разбросав снопы искр, потом включил мотор и медленно поехал к причалу.

Огни «Зимородка» отбрасывали на воду залива серебристые и желтые полосы. Все иллюминаторы были ярко освещены, придавая кораблю праздничный вид.

Джонни оставил «лендровер» на причале и пошел на «Зимородок». Приглушенный гул двигателей немного подбодрил его. Корабль готовится к завтрашней работе.

На палубе Джонни задержался у гигантских баков со сжатым воздухом и проверил показания манометров. Стрелки продвигались по шкале, и настроение Джонни улучшилось.

Он поднялся по лестнице на мостик и вошел в рубку, где Серджио и Хьюго пили кофе.

– Не моя вина, – начал, обороняясь, итальянец. – Я джентльмен, не могу отказать леди.

– Когда-нибудь собственной лопатой выкопаете себе могилу, – мрачно предупредил его Ленс, подошел к столу и склонился над ним. – Ну, начнем. – Джонни взглянул на крупномасштабную адмиралтейскую карту, на которой четко видны были Молния и Самоубийство, и забыл свои предчувствия. – Хьюго, где данные разведки?

– На столе.

Хьюго и Серджио встали по обе стороны от Джонни, а он раскрыл папку с машинописными листками.

– Наши данные отличаются от показателей Адмиралтейства. Введем свои данные, прежде чем разрабатывать график.

И они занялись картой, отмечая будущий маршрут «Зимородка» через лабиринт рифов и подводных ущелий.

Уже далеко за полночь Джонни усталой походкой добрался до гостевой каюты под мостиком. Он сбросил туфли, лег, не раздеваясь, чтобы минутку передохнуть, и заснул мертвым сном.

Разбудил его один из членов экипажа, пришедший с чашкой кофе. Джонни, собираясь на мостик, надел водонепроницаемую куртку.

«Зимородок» как раз выходил из залива Картридж-Бей в открытое море. Серджио улыбнулся Джонни со своего места за рулем.

Рассвет только еще окрасил небо в лимонный цвет, море было черным, как промытый антрацит, легкий утренний ветер покрывал его зыбью. Они стояли на темном мостике, прихлебывая горячий кофе и грея руки о кружки.

Корабль повернул и пошел на юг, параллельно пустынному берегу, теперь жаркого, красного и оранжевого, оттенков. Морские птицы уже поднялись, утреннее солнце превратило стаю бакланов в огненные стрелы.

С театральной внезапностью солнце повисло над горизонтом и осветило далеко впереди белые как мел утесы Молнии и Самоубийства, так что они засверкали, как маяки, в холодном зеленом море. Над ними вспыхивали и гасли фонтаны пены, устремляясь в небо.

«Дикий гусь» ждал «Зимородка», держась под защитой утесов, но вышел навстречу, раскачиваясь и театрально ныряя на неспокойном море, которое билось об острова, кипело в узком проливе между ними.

Затрещал и заскрипел радиотелефон: с наблюдательных вышек на берегу начали поступать данные, которые давали возможность точно определить положение «Зимородка» над дном. Последовал короткий разговор между Серджио и Хьюго на «Диком гусе», и маленький траулер подошел ближе, чтобы в случае необходимости помочь при спуске шланга.

Капоретти, находившийся в углу мостика, полностью владел ситуацией. Сдвинув на затылок грубую морскую шапку, непрерывно передвигая сигару из угла в угол рта, он стоял твердо, оценивая состояние моря, читая сообщения компьютера, слушая доклады с берега и реплики с «Дикого гуся».

Следя за тем, как работает Серджио, Джонни остался доволен своим выбором. «Зимородок» медленно подполз к острову Самоубийство и остановился в полумиле от жемчужно-белых утесов. Капитан нажал кнопку.

С носа послышался резкий металлический звук, «Зимородок» попятился, оставив желтый буй, подпрыгивающий на волнах, и одна из массивных палубных лебедок начала автоматически выпускать якорную цепь.

«Зимородок» отступал, продвигался вперед, шел то по течению, то против него: продолжалась трудная и тонкая операция по установке всех четырех якорей. Над каждым из них плавал большой желтый буй, от которого тянулись к лебедкам на палубе стальные тросы. По команде компьютера лебедки будут ослаблять или натягивать тросы, чтобы корабль во время работы стоял над дном неподвижно.

Только к полудню «Зимородок» был готов, пришпилен к месту, как насекомое к доске, и компьютер доложил, что он точно над желобом, который Джонни выбрал для начала работы. Под кораблем было двадцать пять фатомов глубины, а дальше толстый слой гравия.

– Все готово. – Серджио повернулся к Джонни, который все это время стоял молча, не вмешиваясь. – Начнете вводить программу?

– Да, – очнулся Ленс.

– Я бы хотел посмотреть, – сказал Серджио.

Джонни согласно кивнул.

– Тогда пошли. – Капитан передал управление рулевому, после чего направился вместе с Ленсом к стальной двери, ведущей в помещение компьютера.

Джонни открыл замок. От этой двери было только два ключа: один у Ленса, второй у Бенедикта Ван дер Била, который настоял на том, чтобы у него был дубликат. Джонни неохотно согласился, не подозревая, как этот ключ будет использован в Лас-Пальмасе.

Тяжелая стальная дверь распахнулась, Джонни переступил порог и сел перед консолью компьютера. Завернутые в целлофан, над клавиатурой висели карточки с различными программными кодами.

Джонни выбрал карточку, озаглавленную: ПЕРВИЧНЫЕ ОПЕРАЦИИ. ВСАСЫВАНИЕ И ОЧИСТКА, и начал вводить код в компьютер, нажимая на клавиши.

Бета, пробел, ноль, ноль, пробел, альфа.

Изменившийся звук свидетельствовал о запуске новой программы, вертелись катушки, щелкали селекторы, на контрольной панели вспыхивали и гасли огоньки.

Экран дисплея откликнулся на новую программу, сообщения поступали как из пишущей машинки:

Новая программа.
Первичные операции. Всасывание и очистка.
Фаза один.
Начало процедур проверки безопасности:
доклад о давлении воздуха 1
доклад о давлении воздуха 2

Джонни откинулся на спинку кресла и смотрел, как компьютер тщательно проверяет состояние оборудования «Зимородка», выводя результаты на экран.

– Что он делает? – с любопытством спросил Серджио, как будто не провел десять дней в компьютерной, помогая своему японскому другу.

Джонни кратко объяснил процедуру.

– Откуда вы это так хорошо знаете? – осведомился Серджио.

– Я провел месяц в ведущей компьютерной компании США в прошлом году, когда разрабатывалась эта машина.

– Вы в нашей компании только один можете с нею работать?

– Мистер Бенедикт Ван дер Бил тоже прошел курс, – ответил Джонни и наклонился вперед. – Он готов.

Компьютер вывел на экран сообщение, что удовлетворен:

Фаза 1 завершена.
Начало фазы 2.
Спуск и установка всасывающей головки.

Джонни встал.

– Ну хорошо. Пойдемте наверх.

Он закрыл дверь и вслед за Серджио поднялся на мостик.

В рубке находился монитор, который точно повторял сигналы, поступающие на экран компьютера. Джонни стоял перед ним, а в окно ему видно было, что происходит на палубе.

Портальный кран двинулся вперед, стальные руки подняли шланг с его опор вместе с головкой. Кран повернулся и механическими движениями втолкнул головку в отверстие в палубе. Этот колодец проходил через весь корпус. Шланг начал вползать в него, чудовищный черный питон, исчезающий в норе. Огромные колеса, державшие его, ровно вращались, драгу опускали на морское дно.

«Головка на дне», – сообщил экран, и шланг замер.

Фаза 2 завершена.
Начало фазы 3.
Вращение циклона 300.
Продувка насоса.

Послышался высокий, похожий на гул приближающегося реактивного самолета, пронзительный вой. Он достиг пика, и тут же раздался другой звук – тупой рев пузырей воздуха под высоким давлением в воде, – такой силы и мощи, что у Джонни встали дыбом волоски на руках. Он, неподвижный, возвышался как статуя, чуть улыбаясь. Этот звук означал кульминацию двух лет планирования и усилий, сладкую награду за отданные силы, превращение мечты в реальность.

Вдруг ему захотелось, чтобы рядом была Трейси, но он тут же понял, что она сознательно оставила его одного, не желая мешать ему в минуту торжества.

Он улыбнулся, глядя, как толстый черный шланг, живя собственной жизнью, начинает пульсировать, как гигантская артерия, – сосет, сосет, сосет.

В своем воображении Джонни видел, как густая похлебка из смеси морской воды с грязью и гравием поднимается вверх по шлангу во вращающийся циклон, представлял, как

головка на дне под корпусом корабля ритмично всасывает песок, высвобождая гравий, который под давлением превращается в конгломерат.

Из трубы на корме «Зимородка» полился поток желтой грязной воды, смешанной с песком и гравием, выброшенными из циклона. Он испачкал море, как выброс сточных вод.

Три дня и две ночи непрерывно ревели насосы «Зимородка», корабль двигался вдоль подводного желоба, как домохозяйка, убирающая пылесосом все пылинки с пола. Когда наступил третий вечер, Джонни Ленс сидел перед компьютером. Поставив локти на консоль, положив голову на руки, он просидел целый час в позе крайнего отчаяния.

Когда он поднял голову, лицо его осунулось, на лбу ясно прорезались морщины поражения.

По тому мизерному количеству крошечных алмазов, которые «Зимородок» добыл за три дня, было совершенно ясно, что месторождение Молнии и Самоубийства не окупит стоимости корабля, невозможно будет выплатить даже проценты по ссудам.

Компания «Ван дер Бил дайамондз» погибла, а Джонни Ленс разорен без всякой надежды на спасение.

Теперь остается только собраться шакалам, рвать тело на части.

Серджио Капоретти стоял на мостике, выпуская из носа и рта густые облака синего сигарного дыма, чтобы побыстрее отравить утро, которое и так было заполнено густым и серым морским туманом. Острова Молния и Самоубийство скрылись в этой пелене, но прибой, разбивавшийся об их утесы, звучал, как далекая канонада, а сверху доносились голоса морских птиц, жалобные и негромкие.

Из тумана вынырнул «Дикий гусь» и подошел вплотную к «Зимородку», удерживаясь на месте работой двигателя.

Из иллюминатора рубки высунулась светловолосая голова Хьюго Крамера, который крикнул вверх, на палубу «Зимородка»:

– Готово, босс! Перебирайтесь!

Серджио увидел, как высокий человек вздрогнул, будто очнувшись ото сна. Джонни Ленс поднял голову и посмотрел на мостик, и Серджио заметил, что тот не брит, подбородок зарос темной щетиной, подчеркивающей мощную выдающуюся вперед челюсть. Джонни выглядел так, будто совсем не спал, он кутался в водонепроницаемую куртку, высоко подняв воротник. Он не улыбнулся, но поднял руку в прощальном приветствии Серджио, который в этот не очень подходящий момент заметил, что на руке нет указательного пальца. Почему-то эта трогательная маленькая деталь поразила его. Ему было жаль, по-настоящему жаль. Но в любой игре есть проигравший, а двадцать пять тысяч фунтов – большие деньги.

– Удачи, Джонни.

– Спасибо, Серджио. – Ленс подошел к поручню и перелез через него; быстро спустился по стальным кольцам в борту «Зимородка» и перепрыгнул узкую полоску воды, разделявшую корабли.

Двигатель траулера взревел, и тот отошел, направляясь в Картридж-Бей. Джонни стоял на открытой палубе, глядя назад, на «Зимородок».

– Он хороший парень. – Серджио с сожалением покачал головой.

– Он босс, – ответил рулевой. – А босс не бывает хорошим.

– Эй, ты! Я тоже босс.

– Я это и сказал. – Рулевой сдержал улыбку.

– Целовал я твою маму, – с достоинством оскорбил его Серджио и сменил тему. – Пойду вниз, принимай руль.

Серджио открыл дубликатом ключа дверь центра управления. Закрыл ее за собой, сел перед консолью и достал из кармана листок бумаги, озаглавленный «Вторичная программа очистки Каминикото».

Десять минут спустя он вышел оттуда.

– Камми, я тебя люблю, – усмехался он, закрывая герметичную дверь, изолирующую эту палубу от верхней. Потом поставил запоры в такое положение, чтобы никто из экипажа даже случайно не мог ему помешать.

В шкафу у переборки он выбрал пару гаечных ключей и прошел в помещение конвейера. Потребовалось двадцать минут, чтобы отвернуть тяжелые большие болты, крепившие люк. Все должно было помешать легкому доступу, но Серджио наконец удалось поднять стальную плиту.

Он с отвращением осмотрел небольшое квадратное отверстие и рефлекторно втянул свой огромный живот. Люк не предназначался для человека его пропорций.

Серджио снял шапку и куртку, повесив их на кран одной из труб, потом растоптал окурок, обеими руками отвел со лба волосы, проверил, есть ли в кармане фонарик, и, наконец, полез внутрь.

Он извивался и кряхтел, через пять минут весь покрылся потом, но все же ему удалось протиснуться в конвейерный тоннель. Здесь он присел на корточки, тяжело дыша и светя вокруг фонариком. Над его головой двигался, перенося гравий, конвейер; остаточный жар от печи создавал невыносимую температуру. Серджио быстро пополз.

Изнутри невозможно было догадаться, что внутренний тоннель на двенадцать футов короче внешнего.

Конец тоннеля был фальшивым, за ним располагалось потайное помещение, вмещавшее оборудование Каминикото, через которое проходил весь гравий, прежде чем попасть под рентгеновские лучи.

Это оборудование отчетливо демонстрировало величие японского гения миниатюризации. Оно представляло собой точную копию основного сортирующего устройства, но только в десять раз меньше, что, впрочем, не сказывалось на его эффективности. К тому же оно не позволяло пройти ни одному камню крупнее четырех карат, но некоторое количество меньших камней пропускало. Это было удивительное достижение электроники, и на Серджио оно произвело сильное впечатление. Лежа на боку в тесном жарком тоннеле, он начал отворачивать болты меньшего люка в фальшивой переборке.

Наконец он открыл его и просунул внутрь руку. Спустя несколько секунд, тяжело дыша, он нащупал и вытащил стальную чашку вместимостью примерно в две пинты, которую придерживало под машиной Каминикото специальное крепление.

Чашка оказалась тяжелой, и Серджио поставил ее на пол, оперся на локоть и посветил в нее фонариком. Выражение его лица изменилось, он что-то достал из чашки, посмотрел и положил обратно.

– Клянусь кровью всех святых! – потрясенно выдохнул он, тут же раскаялся в своем богохульстве и неуклюже перекрестился рукой с фонариком. Потом снова посветил в чашку и недоверчиво покачал головой. Быстро достал из кармана мешочек с тесемками и, лежа на боку, осторожно высыпал в него содержимое чашки, плотно завязал мешочек и сунул его в карман. Поставил чашку обратно, закрыл отверстие и на четвереньках начал пятиться по тоннелю.

Ему страшно хотелось курить.

Спустя четыре часа Хьюго Крамер по лестнице поднялся на палубу «Зимородка», а его рулевой тем временем отвел траулер, ожидая его.

Серджио крикнул с мостика:

– Джонни улетел?

– Ja! – крикнул в ответ Хьюго. – Он уже, наверно, в Кейптауне. «Бичкрафт» – быстрый самолет.

– Хорошо.

– Как у тебя?

– Пойдем, покажу.

Серджио провел его в свою каюту под мостиком, тщательно закрыл дверь. Потом задраил оба иллюминатора и опустил занавески. После этого подошел к столу и включил лампу.

– Садись. – Серджио указал на стул напротив стола. – Хочешь выпить?

– Давай, – нетерпеливо сказал Хьюго. – Перестань увиливать, я хочу взглянуть.

– Ах! – печально произнес итальянец. – Вы, немцы, всегда торопитесь. Не умеете отдыхать, наслаждаться жизнью...

– Перестань болтать! – Бледные глаза Хьюго были устремлены на Серджио, и тот вдруг подумал, что это человек опасен, как тигровая акула. Холодно опасен, без злобы или страсти. Серджио удивился, что не замечал этого раньше. «Надо быть с ним поосторожнее», – подумал он, открыл ящик стола и достал полотняный мешочек.

Капитан развязал его и высыпал алмазы на стол. Самые маленькие были размером со спичечную головку – вероятно, одна десятая карата; самые плохие – черные, похожие на зерна, некрасивые промышленные камни. Чтобы никто ничего не заподозрил, Камми постарался отбирать не только лучшие. Их были сотни, этих маленьких кристаллов, каждый ценой около двух фунтов на промышленном рынке; но были и другие камни, всех степеней качества, всех размеров и форм – как незрелая горошина, как стеклянный шарик, некоторые еще больше. Среди них были и кристаллы совершенной формы – октаэдры. Встречались и источенные водой, расколотые или бесформенные.

Они образовали тусклую мерцающую груду в центре стола, всего около пятисот алмазов, но все казались карликами по сравнению с единственным камнем, лежавшим в самом центре холмика, поднимающимся, как Эверест на своем подножии.

Очень редко встречаются алмазы, которые из-за своей величины становятся легендой. Они имеют собственные имена, и их история – особый сюжет, полный романтики. Большие «парагоны» – камни чистой воды, которые в ограненном виде достигают веса в сто и больше карат. Африка произвела их немало: алмаз «Джонкер», который в необработанном виде

весил 726 карат, а ограненный – 125, теперь украшает шею королевы Непала; алмаз «Юбилей», великолепный камень в форме подушки, небесного цвета, весом в 245 карат, высеченный из 650-каратного необработанного алмаза; и, наконец, самый крупный из них, чудовищный «Куллинан» весом в 3 106 карат, из которого получился не один, а целых два парагона: «Великая звезда Африки» в 530 карат и «Куллинан-2» в 317 карат. Оба эти камня украшают корону королевы Англии.

На столе Серджио лежал необработанный камень, который добавит к этому списку еще один парагон.

– Ты его взвесил? – спросил Хьюго, и Серджио кивнул.

– Сколько?

– Триста двадцать карат, – негромко ответил Серджио.

– Господи Иисусе! – прошептал Хьюго, и Серджио быстро перекрестился, чтобы не участвовать в богохульстве.

Хьюго Крамер наклонился и взял большой алмаз. Он заполнил всю ладонь, его плоское основание было гладким, как лезвие топора. Истории известны и большие камни, но этот имел особенность, которая делала его совершенно необычным и придавала особую ценность.

У него был цвет высокого, безоблачно ясного летнего неба.

Один этот алмаз мог оплатить половину стоимости сооружения «Зимородка» – если бы его использовали для этой цели.

Хьюго положил камень на стол и закурил сигарету, не сводя с него глаз.

– Это поле... оно богаче, гораздо богаче, чем мы думали.

Серджио кивнул.

– В три дня мы получили столько алмазов, сколько надеялись получить за пять лет, – продолжал Хьюго, беря один за другим крупные камни из груды и укладывая их в ряд на крышке стола по порядку в зависимости от размера, а Серджио тем временем достал коробку со своими особыми сигарами. – Надо сказать боссу, – предложил Хьюго. Он начал раскладывать камни аккуратным кружком вокруг голубого гиганта, продолжая усиленно размышлять. – Он должен знать об этом, прежде чем будет говорить с Ленсом. Должен подготовиться. Он знает, что делать, он умный.

– Как насчет этих? – Серджио указал на сокровища на столе. – Возьмешь с собой?

Хьюго колебался.

– Нет, – решил он. – Нам никогда не избавиться от «Голубого» по обычным каналам, он слишком велик, слишком заметен. Пусть остается на борту. Когда босс приберет к рукам компанию, он просто объявит о нем – вполне законно. Никаких трудностей. – Он встал. – Присмотри за ними. Я должен поторопиться, чтобы успеть передать сообщение в Кейптаун.

– Компания носит имя моего отца, мистер Ларсен. – В хриплом голосе Бенедикта слышалось волнение. Он опустил взгляд. – У меня долг перед его памятью.

– Мой мальчик, ну... – Ларсен положил ладонь на руку Бенедикта. – Ну, просто не знаю, что сказать. Честь – такая редкая и дорогая вещь в наши дни. – Свободной рукой он

почти лихорадочно нащупывал за спиной кнопку звонка. «Надо подписать документы, пока этот молодой человек не передумал».

– Я пытался предупредить вас, мистер Ларсен. Ни отец, ни я не верили в этот проект по разработке морских месторождений. Ленс провел его помимо...

– Да, да, вы правы, – согласился Ларсен, поворачиваясь к помощнику, который явился на его вызов. – А, Саймон. Кредит «Ван дер Бил дайамондз». Немедленно подготовьте соглашение – весь долг этой компании, включая выплату процентов, передается мистеру Ван дер Билу. – Закатывая глаза, Ларсен пытался разъяснить помощнику всю срочность своего распоряжения. Молодой человек понял, и через пятнадцать минут соглашение лежало на столе. Ларсен снял колпачок со своей ручки и протянул ее Бенедикту.

Банкир и трое его молодых помощников проводили Ван дер Била до стеклянных входных дверей и оттуда к «роллсу» на автостоянке. Когда машина отъехала, Руби Ленс пожала Бенедикту руку.

– Порядок? – спросила она.

Ван дер Бил счастливо улыбнулся.

– Я напугал старого Ларсена до смерти. Он в спешке чуть не сломал шею.

– Теперь у тебя есть все. – Руби подвинулась на мягкой кожаной обивке и прижалась к нему. Бенедикт кивнул и посмотрел на часы.

– Заседание через пятнадцать минут. Я пройду через главный вход, но хочу, чтобы ты из гаража поднялась на моем личном лифте и ждала в моем кабинете. Мы соберемся в конференц-зале. Я позвоню тебе в нужный момент.

«Роллс» медленно пробрался по Хиренграхт и остановился. Шофер открыл дверцу, но, прежде чем выйти, Бенедикт улыбнулся Руби.

– Это будет пик моей жизни, – негромко сказал он. – На этот раз я уложу ублюдка.

– Я буду ждать, – сказала Руби, и он вышел из «роллса».

Бенедикт подождал, пока машина, завернув за угол, скроется в подземном гараже, и прошел в вестибюль небоскреба. Большими энергичными шагами направился к лифту, продолжая возбужденно улыбаться.

Зал заседаний располагался высоко, его окно выходило прямо на большую прямоугольную гору, чьи крутые утесы сразу за первыми зданиями города переходили в заросшие лесом склоны.

Джонни Ленс стоял во главе стола. За последние несколько дней он похудел, его плечи под белой шелковой сорочкой казались костлявыми. Он снял пиджак и на дюйм приспустил узел галстука. Скулы и челюсть образовывали прямой угол, который подчеркивали, а не смягчали густые тени усталости под глазами. Руки он сунул в карманы и говорил, не глядя в лежавший на столе листок бумаги.

– Стоимость работ приближается к ста фунтам за час, верно, Майк?

Шапиро кивнул.

– Мы отрабатывали главный желоб Самоубийства в течение шестидесяти шести часов и получили около двухсот карат худших в мире алмазов. Если мы получим за них тысячу фунтов, это хорошо. А стоили работы шесть с половиной тысяч фунтов.

Джонни помолчал и оглядел сидящих за столом. Майкл Шапиро что-то сосредоточенно чертил в блокноте: Трейси Ван дер Бил побледнела, ее взгляд не отрывался от лица Джонни, в нем смешались жалость и сочувствие; Бенедикт Ван дер Бил смотрел через окно на гору. Он удобно расположился в кресле и вежливо слушал, неприметно улыбаясь.

– Главный желоб Самоубийства – одна из наиболее многообещающих частей всей концессии. Если он беден, остальные части не лучше. У нас есть еще две концессии на морском дне. Однако потребуется три-четыре дня, чтобы переместить туда «Зимородок».

Джонни замолчал, и Бенедикт, по-прежнему улыбаясь, повернулся в кресле.

– Тридцатого надо выплачивать проценты. Где ты собираешься найти сто пятьдесят тысяч рандов?

– Да, – кивнул Джонни. – Думаю, что смогу убедить Ларсена подождать еще две недели: он очень заинтересован в успехе нашего проекта...

– Подожди, – сказал Бенедикт. – Ларсен больше не имеет к этому отношения.

Джонни молчал, внимательно глядя на него.

– Объясни.

– Я перекупил долг у Ларсена. И не заинтересован в отсрочке платежей.

– Ларсен не стал бы вести переговоры, не предупредив меня. – Джонни был поражен.

– Шапиро? – Бенедикт повернулся за подтверждением к Майклу.

– Прости, Джонни. Это правда. Я видел документы.

– Спасибо, Майкл, – горько сказал Джонни. – Спасибо, что дал мне знать.

– Он показал их мне за несколько минут до встречи, Джонни. Клянусь, я не знал, – с отчаянием сказал Майкл.

– Верно. – Бенедикт выпрямился в кресле, голос его звучал резко. – Теперь о главном. Ты разорил компанию моего отца, Джонни, но, слава Богу, мне удалось исправить положение. Назови это сентиментальностью, но мне нужна твоя доля – и твоя. – Он повернулся к Трейси.

– Нет, – резко сказала она.

– Хорошо, – усмехнулся Бенедикт. – Тогда я стребую с Ленса весь долг. Я все равно получу компанию, но позабочусь, чтобы он оставался безнадежным банкротом до конца жизни.

Трейси поднесла руку к горлу и посмотрела на Джонни. Ждала от него сигнала – что делать. Наступило долгое молчание, потом Джонни опустил глаза.

– У меня остается три дня. – Голос его звучал хрипло и устало.

– Три дня у тебя есть. – Бенедикт холодно улыбнулся. – Пользуйся.

Джонни собрал бумаги, снял пиджак со спинки стула и повесил через плечо.

– Подожди, – приказал Бенедикт.

– Что еще? – Улыбка Джонни вышла кривой. – Ты уже повеселился.

Бенедикт поднял телефонную трубку и быстро набрал номер.

– Входи, дорогая, – сказал он в трубку и улыбнулся Джонни. Дверь открылась, Бенедикт пошел навстречу Руби и поцеловал ее в губы. Они стояли, взявшись за руки, и смотрели на Джонни.

– Компания – не единственное, что я у тебя отбираю, – сказал Бенедикт.

– Я хочу развода. – Руби смотрела прямо в глаза Джонни. – Мы с Бенедиктом поженимся.

Все смотрели на Джонни и видели, как он вздрогнул. Он переводил взгляд с одного на другого, потом рот его отвердел, лоб нахмурился.

Трейси видела приближающуюся вспышку гнева и посмотрела на Бенедикта: тот подался вперед, губы его дрожали, в глазах горело торжество. Трейси хотела крикнуть, предупредить Джонни, помешать ему попасть в ловушку, так тщательно подготовленную Бенедиктом.

Джонни шагнул вперед, сжав кулаки. Казалось, он сделает свое поражение полным и безвозвратным. Но тут Бенедикту захотелось еще больше унизить Джонни, и он сам испортил свое торжество.

– Игра, сет и матч, Джонни Ленс, – крикнул он.

Джонни – на его лице не отразилось то огромное усилие воли, которым он сдержал себя, – как ни в чем не бывало пошел к двери.

– Дом записан на тебя, Руби, поэтому, пожалуйста, отошли мои вещи в отель «Талбаг», – негромко сказал он. – Остановился перед парой и добавил: – Ты, конечно, захочешь сохранить свою репутацию, поэтому я согласен на обвинение в измене. Скажем, что я тебя оставил.

– Ленс не может удержать свою женщину, – насмехался Бенедикт. – Ван дер Бил отбирает ее у него. Нет, пусть весь мир узнает об этом.

– Как хочешь, – согласился Джонни.

И пошел из конференц-зала к лифтам.

Джонни упал на постель одетый и потер закрытые глаза. Он был в смятении, его мозг, который обычно быстро и решительно справлялся с любой проблемой, сейчас оцепенел. Проблемы были многочисленными и настолько переплелись, что он чувствовал себя как человек, пытающийся выбраться из африканской чащи с помощью тупого мачете.

Не открывая глаз, он нащупал трубку; ответила телефонистка отеля. Он дал ей номер в Кимберли.

– Разговор личный, с мистером Ральфом Эллисоном.

– Через пятнадцать минут, мистер Ленс, – сказала девушка.

– Хорошо, – ответил Джонни. – Попросите обслуживание прислать мне «Чивас ригал» и соду. – Ему вдруг захотелось выпить, как-то притупить боль. – Пусть будет двойная порция, милая, нет, две двойных.

К тому времени, как вызвали Кимберли, он осушил оба стакана.

– Ральф? – произнес Джонни в трубку.

– Джонни, как хорошо, что ты позвонил. – В тоне Ральфа Эллисона звучали нотки сдерживаемого смеха, и Джонни сразу понял, что он в курсе.

«Черт побери, – подумал он, – конечно, Бенедикт постарался обложить меня со всех сторон».

– Вы по-прежнему интересуетесь Молнией и Самоубийством? – в отчаянии забросил удочку Джонни.

– Конечно, вы знаете, что мы ими всегда интересуемся, – ответил Ральф.

– Цена два миллиона. – Джонни расслабился и лег, снова закрыв глаза. Он знал, что Ральф собирается отомстить ему – нельзя было надеяться, что, проиграв дело в суде и отступив, он не заминирует пути отхода.

– Два миллиона, – повторил Ральф. – Пожалуй, многовато – за поле, которое пока дало всего двести карат промышленных алмазов. Нет, многовато. Конечно, этот ваш крейсер нам не нужен, мы не собираемся заводить собственные военно-морские силы. – Он жизнерадостно рассмеялся. – Ну, пятьдесят тысяч фунтов – тут еще можно поговорить, но не больше, Джонни.

– Ладно, Ральф, – устало сказал Джонни. – Все равно спасибо. Выпьем как-нибудь вместе.

– В любое время, Джонни, – согласился Ральф. – В любое время. Только позвоните.

Джонни положил трубку и посмотрел в потолок. Он слышал, что в первые минуты после ранения тело немеет: именно это с ним и происходило. Вся энергия покинула его, он не знал, что делать.

Снова зазвонил телефон, он поднял трубку. Телефонистка вежливо спросила:

– Отбой, мистер Ленс?

– Да, – ответил Джонни, – можно сказать и так.

– Вам нужно еще что-нибудь? – Голос девушки звучал удивленно.

– Да, милая, пошлите мне цикуту.

– Простите?

– Еще два виски, пожалуйста.

Он выпил их в ванной, а когда вытирался, прозвенел дверной звонок. Обернув полотенце вокруг талии, он открыл.

В спальню вошла Трейси и закрыла за собой дверь. Они долго стояли, глядя друг на друга. Глаза Трейси казались большими и темными, в них отражалась его боль.

– Джонни... – Голос ее был хриплым, она протянула руку и положила ладонь ему на грудь. Плечи его обвисли, он придвинулся к ней, опустив голову ей на плечо. Вздохнул с рваным разбитым хрипом.

– Пойдем, – сказала она и отвела его к кровати. Уложила, подошла к окнам и задернула занавеси.

В комнате было полутемно, безопасно, тепло, они держали друг друга в объятиях, как когда-то, много лет назад. Их дыхание смешивалось, и не нужно было говорить.

Они стали любовниками. Казалось, этого они ждали всю жизнь.

Потом он лежал рядом с ней и чувствовал, как силы возвращаются к нему, он черпал их у Трейси. Когда он наконец сел, выражение лица его изменилось, стало спокойным. Он снова выставил вперед челюсть, глаза его горели.

– У нас еще есть три дня, – сказал Джонни.

Она села рядом.

– Иди, Джонни. Быстрее. Не трать времени.

– Я выведу «Зимородок» из главного желоба. Алмазы там есть. Я знаю, что они там есть. Введу корабль прямо между Молнией и Самоубийством, найду эти проклятые алмазы – будь я проклят, если не сделаю этого. – Он спустил ноги с кровати, потянулся за

одеждой, одновременно глядя на часы. – Четыре. Могу добраться до Картридж-Бей за несколько минут до темноты. Пожалуйста, позвони в Картридж-Бей, чтобы осветили поле, а «Дикий гусь» пусть ждет меня.

– Позвоню прямо отсюда. Потом приму ванну, а ты иди. Не трать времени. – Трейси энергично кивнула, и Джонни окинул взглядом ее тело. Потянулся и почти робко коснулся большой белой груди.

– Ты прекрасна... как мне не хочется идти!

– Я буду ждать тебя.

– Все не так, как я думал. Не так, как я мечтал. – Бенедикт гневно расхаживал по кабинету Старика, поворачиваясь к окну и останавливаясь, чтобы взглянуть на гору через долину.

– Ты причинил ему боль. Ты его раздавил. – Руби беспокойно пошевелилась. Она сидела в большом кресле, подобрав под себя длинные золотые ноги, как кошка. Она беспокоилась, и это выдавали морщинки в углах глаз и то, как она поджимала губы. Ей следовало бы это предвидеть, понять, что момент торжества не удовлетворит его, а вслед за местью придет отвращение и разочарование. Она понимала, что лучше всего сейчас оставить его одного. Не следовало возвращаться с ним в старый дом на Винберг-Хилл. Она встала. – Дорогой. – Она подошла к нему. – Сейчас я пойду домой. Соберу его вещи, хочу от них избавиться. Хочу стереть всякую память о нем. Отныне мы с тобой – вместе.

Она потянулась поцеловать его. Бенедикт отвернулся.

– Ах! Значит, уходишь? – Не скрывая раздражения, он злобно надул губы.

– Мы оба устали, дорогой. Отдохнем немного, я вернусь сегодня же к вечеру.

– Значит, теперь ты уже отдаешь приказы? – Он язвительно рассмеялся.

– Дорогой...

– Хватит сюсюкать. Мы заключили сделку, но, как выяснилось, зря. Ты должна была окончательно сломить его. Но знаешь что? Ему было все равно. Я следил за ним, он даже был доволен. Да! Он обрадовался, что может избавиться от тебя.

– Бенедикт. – Она сделала шаг назад.

– Слушай. – Он подошел к ней ближе, придвинул лицо. – Если тебе так хочется уйти, чего же ты ждешь? Иди – и не задерживайся. Он не хотел тебя... и я тоже тебя не хочу.

– Бенедикт, – прошептала она. Кровь отхлынула от ее лица, оно стало белым, как прибрежный песок. Руби в ужасе смотрела на Бенедикта, все ее мечты рушились. – Ты шутишь...

– Неужели? – Он откинул голову и снова рассмеялся. – Послушай, ты получила несколько превосходных бриллиантов и норковую шубку. У тебя большой дом в Бишопскорте – отличная плата для шлюхи.

– Бенедикт. – Она задохнулась от оскорбления, но он не слушал.

– Я доказал, что могу тебя получить, верно? Доказал, что могу отобрать тебя у него, – и все. А теперь будь хорошей девочкой и отправляйся домой.

– Машина. Я знаю об установке на «Зимородке».

Это была ошибка. До того у нее еще был шанс. Лицо его исказилось, налилось кровью и словно бы распухло. Он заговорил голосом, прерывистым от гнева.

– Попробуй, – прошептал он. – Давай, попробуй. Тебе дадут пятнадцать лет. Ты в этом по уши, как и я. Подумай об этом – пятнадцать лет в женской тюрьме, моя красавица. И об этом подумай. – Он поднял руку, как лезвие. – Я тебя убью. Клянусь Богом, я убью тебя собственными руками. Ты знаешь, что я это сделаю... ты теперь меня достаточно знаешь.

Она пятилась, а он шел за нею, по-прежнему держа руку у ее горла.

– Тебе заплатили. Теперь убирайся.

Она еще несколько секунд стояла перед ним, но Бенедикт в пылу гнева не заметил, что страх в ее взгляде смешался с чем-то другим, что она оскалила маленькие острые зубы.

– Хорошо, – сказала Руби. – Я ухожу. – И вышла из кабинета, грациозно ступая длинными золотистыми ногами и покачивая бедрами.

Руби ехала медленно, глаза ее были полны слез. Дважды ей сигналили, но она вцепилась в руль и смотрела вперед, вдоль Де Вааль Драйв, на нижние склоны горы. Не доезжая до университета, она свернула с дороги и через сосновую рощу вырулила к стоянке за мемориалом Сесила Родса. Тут она оставила машину и спустилась сначала по широкой мощеной террасе между греческими колоннами, потом по каменным ступеням – туда, где конная статуя вечно осматривает горизонт, заслоняя левой рукой глаза.

Она подошла к парапету и посмотрела на далекие голубые горы Хельдерберга. Поежилась: холодный ветер забирался под летнее платье, жгучий, как ее горе.

Слезы наконец брызнули из ее глаз, покатились по щекам и упали на шелковое платье. Это были слезы жалости к самой себе, но и слезы гнева, холодного и яростного.

– Скотина, – прошептала она дрожащими губами. Поблизости на парапете сидела парочка, двое студентов обнимались в порыве первой любви. Они повернулись и взглянули на нее.

Парень что-то шепнул девушке, и та с неосознанной жестокостью хихикнула. Руби злобно посмотрела на нее, девушка отвела взгляд. В замешательстве парочка слезла с парапета и ушла, оставив ее в одиночестве.

Ни на минуту Руби не думала отступать, угроза Бенедикта ничего для нее не значила, единственной ее заботой было действовать так, чтобы причинить ему наибольший ущерб. Последствия для нее самой не входили в ее соображения. Выбрать самое быстрое и верное средство мести! Темные облака, затмившие ее разум, постепенно рассеивались, она приняла решение.

Джонни остановился в отеле «Талбаг».

Она повернулась и побежала к машине, длинные желтые волосы знаменем развевались сзади, как вымпел на пике у кавалериста. Руби быстро добралась до заполненной в этот час дороги нижнего города. Слезы высохли; сгорая от нетерпения, она ползла по медленной реке уличного движения.

Уже в шестом часу она остановилась у входа в «Талбаг» и вбежала в фойе отеля.

– В каком номере мистер Ленс? – спросила она у девушки за столом.

– Мистер Ленс выехал примерно час назад. – Девушка с любопытством рассматривала размазанную косметику Руби.

– Он сказал, куда? – выпалила Руби, чувствуя сильнейшее разочарование.

– Нет, мадам. – Девушка покачала головой. – Но он очень торопился.

– Черт возьми! – горько выругалась Руби. Она повернулась, не зная, что делать дальше. Может, Джонни вернулся в свой кабинет?

Напротив открылась дверь лифта, и из него вышла Трейси Хартфорд. Даже в своем нетерпении Руби заметила исходящее от нее сияние: эта женщина только что встала из постели любовника. И у Руби не было ни малейшего сомнения в том, кто этот любовник.

На мгновение ее парализовало от потрясения. Потом ей захотелось подойти и ударить самодовольно улыбающуюся Трейси по лицу. Она подавила это желание и встала перед ней, когда та подошла к стеклянной двери.

– Где Джонни? – спросила она.

Трейси от неожиданности остановилась. Легкий виноватый возглас подтвердил подозрения Руби.

– Где он, черт вас возьми? – Голос Руби звучал низко и хрипло, полный чувств.

– Его здесь нет. – Трейси приходила в себя, выражение ее лица быстро менялось.

– Где он? Я должна его видеть.

– Он полетел в Картридж-Бей.

– Когда он улетел? Это важно, очень важно.

– Час назад. Он уже в воздухе.

– Можете связаться с ним? – Руби нетерпеливо схватила Трейси за руку и больно сжала.

– Могу попробовать по радио... – Трейси вырвала руку.

– Нет, – быстро прервала Руби. Нельзя разглашать такое сообщение на весь свет. – А можете последовать за ним, нанять самолет?

Трейси покачала головой.

– Самолет вне расписания после наступления темноты не выпустят.

– Вы должны поехать за ним – на машине. И побыстрее.

– Зачем? – Трейси смотрела на нее, удивленная странной настойчивостью, заметила высохшие слезы и дикий взгляд Руби. – Туда восемь часов езды.

– Я объясню. Нельзя ли воспользоваться номером Джонни?

Трейси колебалась, вспомнив неубранную постель. Но тут в фойе появился управляющий отеля, и Трейси с облегчением повернулась к нему.

«Бичкрафт» неожиданно клюнул носом и лег на крыло. Джонни машинально выправил положение и в поисках объяснения взглянул на приборную панель. Там все было в порядке, он посмотрел через крыло и впервые заметил на большой равнине под собой пыльные облака. Они длинными полосами двигались над землей, садящееся солнце окрашивало их в розовато-лиловый и золотой цвет. Джонни с тревогой осмотрел горизонт впереди и увидел надвигающуюся стену пыли, похожую на голубые горы. В этот момент пыль накатилась на солнце, превратив его в тусклый красный шар. В кабине стало полутемно, как будто в темной комнате приоткрыли заслонку печки.

«Бичкрафт» снова вздрогнул: его подхватил новый порыв ветра с севера, и в тот же миг ожило радио.

– Зулу Шугар Питер Танго Бейкер, это контроль Александра-Бей. Отвечайте, пожалуйста.

Голос диспетчера был почти неразличим в треске атмосферного электричества. Джонни протянул руку, собираясь включить передатчик, но остановился. Он лихорадочно соображал. Вероятно, пытаются отменить разрешение на полет. Из пустыни идет сильная буря. Либо его полет отменят, либо дадут маршрут, ведущий далеко в сторону.

Он посмотрел на часы. До Картридж-Бей двадцать минут полетного времени. Нет, теперь он летит при сильном встречном ветре, значит, двадцать пять или тридцать минут. Он быстро осмотрел берег с правой стороны и увидел в сгущающемся сумраке длинные полосы прибоя. Берег еще чист и может остаться таким тридцать минут.

– Зулу Шугар Питер Танго Бейкер, говорит Александра-Бей. Повторяю, отвечайте. Отвечайте. – Голос диспетчера звучал тревожно.

У него есть хороший шанс опередить бурю и добраться до Картридж-Бей. Он свернет на запад и прилетит со стороны моря, используя в качестве маяка огни «Зимородка». Проскочит по краю пыльного облака. Если промахнется, сможет повернуть и лететь по ветру назад. Радио теперь свистело и хрипело гневно, голос диспетчера иногда пропадал, иногда слышался ясно.

– ...запрещен. Повторяю: полет запрещен. Вы меня слышите, Зулу Шугар Питер Танго Бейкер? Отзовитесь... буря силой в семь баллов... видимость в области бури... повторяю: нулевая видимость в области...

Теперь северный ветер установится на многие дни и уничтожит всякую возможность ввести «Зимородок» в пролив между Молнией и Самоубийством.

Джонни выключил радио, прервав связь с диспетчерской, и сразу в кабине стало удивительно тихо. Он уселся поудобнее и слегка приоткрыл дроссели, следя за стрелками на шкалах приборов.

Теперь он находился на высоте в триста футов, и «бичкрафт» прыгал, как марлин на крючке. Он летел по приборам в абсолютной темноте. Не видно было даже концов крыльев, но наверху все еще светили звезды. Джонни летел вперед, навстречу буре, а облака пыли двигались встречным курсом, уже закрыв Картридж-Бей.

Каждые несколько секунд он бросал быстрый взгляд вперед, надеясь увидеть огни, потом его взгляд снова устремлялся к приборам.

«Пора, – мрачно думал он. – Пора показаться огням. Я скоро буду над сушей. Еще тридцать секунд, и я промахнулся».

Он снова поднял голову – прямо перед ним был «Зимородок». Все его огни горели, он казался пылающим бакеном во тьме. Корабль слегка раскачивался: ветер еще не успел поднять настоящие волны.

Джонни пролетел над «Зимородком», чуть не задев надстройки, и стал с беспокойством отыскивать освещение на поле.

Оно появилось как полоса менее густой темноты в абсолютной черноте ночи. Он выправил курс, глядя, как полоса превращается в двойную линию костров, коптивших и колебавшихся на ветру.

Джонни, снизившись, перелетел через канаву; сила толчка, казалось, оторвет шасси. Но тут самолет покатился по дорожке, костры мелькали мимо концов крыльев.

– Ленс, старина, – пробормотал он с благодарностью, – дело было нелегкое!

Ветер бил по корпусу автомобиля, шины визжали на гудронированном шоссе – «мерседес» двигался по извивам горной дороги, – и все эти звуки вторили ударам пульса и усиливали биение сердца Трейси.

Она правила с вдохновенной непринужденностью, глядя, как выпрыгивают из тьмы повороты, ощущая мощные утесы, нависавшие над дорогой и закрывавшие половину ночного неба.

В серебряном полотне озера Гленвильям отразились звезды, и вскоре озеро осталось позади. Трейси спустилась с гор, переправилась через Слоновью реку и сделала короткую остановку в Ванринсдорпе для заправки. Трейси внимательно изучала карту дорог. С отчаянием она смотрела на цифры указателей расстояния: каждая миля увеличивала ее нетерпение.

И вот она снова за рулем, и перед ней обширные пустоши Намаквaленда. «Мерседес» устремился вперед.

...Там установлена какая-то машина, я точно не знаю, как она действует, но она отбирает алмазы. Бенедикт приказал установить ее в Лас-Пальмасе...

Огни фар стали маленькими столбами света, голубая лента дороги тянулась бесконечно. Трейси одной рукой прикурила сигарету, по-прежнему слыша голос Руби:

...среди них один алмаз. Он назвал его «Большой Голубой». Бенедикт говорит, что он стоит миллионы...

Трейси не могла в это поверить. Такое невероятное предательство, такой обман она не могла себе представить.

Итальянец, капитан... будьте с ним осторожнее. Он работает на Бенедикта. И второй тоже – Хьюго – они все заодно. Предупредите Джонни.

«Бенедикт! Слабый, порочный Бенедикт, плейбой, транжира. Неужели он спланировал и осуществил все это?»

Сбоку в машину ударил порыв ветра, сталкивая ее с гудрона на обочину. Трейси с трудом удержала руль. Под колесами визжал гравий. Трейси вернулась на дорогу и снова устремилась на север.

Предупредите Джонни! Предупредите Джонни!

Бенедикт Ван дер Бил сидел в отцовском кресле, в отцовском доме, совершенно один. Одиночество терзало его.

Перед ним на столе стояли хрустальный бокал и графин. Коньяк не утешал, рожденное им тепло в горле и животе только усиливало ледяной холод одиночества. В своем воображении он видел себя опустошенным. Оболочкой, наполненной холодом тоски.

Он осмотрел комнату с ее темными деревянными панелями, с ее пыльным запахом смерти. Подумал, сколько раз так, в одиночестве, сидел его отец. В страхе перед пожиравшим его раком.

Бенедикт встал и принялся бесцельно шагать по комнате, касаясь мебели, как будто пытался связаться с человеком, жившим и умершим здесь. Остановился у зашторенного окна. Ковер на полу новый. Им заменили тот, который не смогли отчистить.

– Старик правильно поступил, – сказал он вслух. Его голос странно прозвучал в его собственных ушах.

Повинуясь неожиданному порыву, он быстро подошел к массивному шкафу у камина и попытался открыть дверцу. Она была заперта на ключ.

Бенедикт спокойно отступил на шаг и пнул дверцу. Дерево раскололось, он ударил снова, сорвав дверцу с петель.

Продолговатый кожаный футляр лежал на верхней полке, Бенедикт взял его и отнес на стол. Открыл защелки и отбросил крышку.

Вынул синеватый металлический двуствольный «Парди ройял», выпачкав смазкой руки.

– Якобус Исаак Ван дер Бил. – Он вслух произнес имя, выгравированное на стали среди изображений фазанов и охотничьих собак. – Улыбнулся. – Старый черт. – Бенедикт покачал головой, как будто услышал забавную шутку, потом начал медленно собирать дробовик. Взвесил его в руках, восхищаясь сбалансированностью оружия. – Старый ублюдок принял решение. – По-прежнему улыбаясь, он отнес дробовик на новый ковер. Поместил приклад между ног, так что ствол был направлен в потолок, медленно наклонился, открыв рот, сунул ствол меж зубов, потом положил палец на курок.

«Щелк! Щелк!»

Курок ударил в пустой затвор, Бенедикт распрямился, вытер смазку с губ. Снова улыбнулся.

– Вот как он это сделал. Оба ствола в горло. Прекрасное лекарство от тонзиллита! – усмехнулся он и взглянул на разбитую дверцу шкафа. На второй полке стояли коробки с патронами.

Он сунул ружье под мышку и снова подошел к шкафу, на этот раз более целеустремленно. Схватил одну коробку, открыл. Руки у него вдруг задрожали, и толстые красные патроны упали на пол. Он наклонился и поднял два.

С растущим возбуждением и ужасом он раскрыл ружье и сунул патроны в темные гнезда стволов. Они с глухим стуком аккуратно заняли свое место, и Бенедикт торопливо вернулся к окну.

Глаза его теперь ярко горели, дыхание стало порывистым, он отвел предохранитель и снова поставил приклад на пол.

Вновь взял стволы в рот – непристойный поцелуй – и потянулся к куркам. Они были холодны и маслянисты. Он слегка погладил их, ощущая металлические желобки, дрожа от прикосновения к ним, как никогда не дрожал, касаясь женского тела.

Потом неожиданно распрямился. С трудом перевел дыхание.

Неуверенно донес оружие до стола и положил на полированную поверхность.

Наливая себе коньяк, он с извращенным наслаждением не отрывал взгляда от прекрасного сверкающего дробовика.

Пар затуманил зеркальные стены ванной, сделав отражение неясным. Руби Ленс медленно вытерлась толстым пушистым полотенцем. Она не торопилась: хотела дать Трейси возможность часа на четыре удалиться от Кейптауна. С глубоким нарциссическим удо-

вольствием она увидела в зеркале, как ее тело после горячей ванны блестит мягким розоватым светом.

Завернувшись в полотенце, она прошла в гардеробную, взяла одну из оправленных серебром щеток и начала расчесывать волосы, расхаживая перед открытым гардеробом, чтобы выбрать подходящий к случаю наряд. Обязательно что-нибудь особенное; возможно, платье от Луи Феро, длинное, из бледно-желтого атласа, которое она еще ни разу не надевала.

Так и не приняв решение, она села у туалетного столика и начала сложный процесс накладывания косметики. Работала она очень тщательно, пока наконец не одобрила свое отражение в зеркале довольной улыбкой.

Она бросила полотенце, вернулась к гардеробу и стояла перед ним, нагая и стройная. Слегка надув губы, Руби сосредоточенно думала, решив отказаться от платья Феро. И вдруг улыбнулась и потянулась к норковой шубке Бенедикта.

Закуталась в бледное облако меха, взбила воротник, чтобы обрамлял лицо. Прекрасно. Только мех и пара золотых туфелек, бледно-золотых, отлично соответствующих цвету волос.

Неожиданно она заторопилась. Выбежала из дома к машине. Огибая старый дом на Винберг-Хилл, включила фары. Ненавязчиво зашумел мотор, смешиваясь с шепотом ночного ветерка в каштанах, обрамлявших подъездную аллею.

Она остановилась во дворе, заметила «роллс» Бенедикта в гараже, увидела свет в его окне. Передняя дверь была открыта. Ее туфельки бесшумно ступали по темным коридорам; она потянула дверь кабинета, та распахнулась. Руби вошла, закрыла за собой дверь и остановилась, прижавшись спиной к темной деревянной панели. В комнате была полутьма, горела одна затененная лампа.

Бенедикт сидел за столом. Вокруг витал тяжелый запах сигаретного дыма и коньячных паров. Лицо у него раскраснелось, рубашка была расстегнута. На столе перед ним лежал дробовик. Руби удивило присутствие оружия, она смутилась и забыла приготовленные заранее слова.

Бенедикт взглянул на нее. Взгляд его слегка плыл, он медленно мигнул. Потом улыбнулся, скривив губы, и неуверенно заговорил:

– Прибежала, значит.

К ней мгновенно вернулась вся ненависть. Но она сохранила бесстрастное выражение лица.

– Да, – согласилась она. – Прибежала.

– Иди сюда. – Он повернул стул.

Она не двинулась, прижимаясь спиной к деревянной панели.

– Иди сюда. – Теперь Бенедикт говорил увереннее.

Неожиданно Руби улыбнулась и послушалась.

Она остановилась перед ним, кутаясь в меха.

– На колени, – приказал Бенедикт.

Она колебалась.

– Ну! – хлестнул его голос. – Ну, черт побери!

Руби опустилась перед ним на колени, а он выпрямился. Она стояла перед ним в покорной позе, склонив голову, золотые волосы упали на лицо.

– Ну, давай, – насмехаясь, произнес он, – проси у меня прощения.

Она медленно подняла голову и посмотрела ему в лицо. Негромко заговорила.

– Трейси сегодня в пять тридцать выехала в Картридж-Бей.

Выражение лица Бенедикта изменилось.

– Она выехала четыре часа назад, теперь она уже на полпути.

Он смотрел на нее, раскрыв губы, красные, мягкие, слабые.

– Она едет к Джонни, – продолжала Руби. – Она все знает об установке на «Зимородке». Знает о большом голубом алмазе.

Он начал недоверчиво качать головой.

– К утру Джонни тоже будет знать. Так что, дорогой мой, ты опять проиграл, не так ли? Тебе его никогда не победить, Бенедикт. Ну как, дорогуша? – В голосе ее звучало торжество.

– Ты? – прохрипел он. – Ты?

И она рассмеялась, кивая в знак согласия, неспособная из-за смеха говорить.

Бенедикт неуклюже наклонился, протянув руки к ее горлу. Она упала, он на нее. Смех ее захлебнулся.

Они покатились по полу. Бенедикт сжимал горло Руби, крича от ярости и отчаяния. Она била его длинными ногами, царапала лицо, сражалась с силой загнанного животного.

Неожиданно они подались назад, и Бенедикт с размаху ударился головой о ножку стола. Он разжал руки; Руби вырвалась, шумно дыша. Откатилась от него, одним гибким движением встала на ноги, воротник норковой шубы был разорван, спутанные волосы свисали на лицо.

Бенедикт, держась за стол, встал на колени. Он по-прежнему кричал, испуская яростные бессвязные звуки, а Руби повернулась и устремилась к выходу.

Ослепленная собственным гневом, задыхаясь, она дергала ручку двери.

Бенедикт схватил со стола ружье. Не поднимаясь с колен, он прицелился. Отдача причинила Бенедикту боль, выстрел громко прозвучал в закрытой комнате, длинный язык желтого пламени осветил сцену, как вспышка фотографа.

Тяжелый заряд ударил. На таком расстоянии он пробил Руби спину и таз, образовав огромное отверстие. Разорвал живот, развернув ее у стены. Она соскользнула вниз и осталась сидеть, глядя на него через изрешеченную норку.

Пока она падала, Бенедикт опускал ружье, и теперь выстрелил из другого ствола. Снова короткий гром и желтое пламя.

С еще более близкого расстояния, чем первый, второй выстрел поразил ее в прекрасное золотое лицо.

Бенедикт стоял в гараже, прижавшись лбом к холодному металлу «роллс-ройса». Он все еще держал в руках дробовик, карманы были набиты патронами, которые он подобрал с пола, перед тем как выйти из кабинета.

Он сильно дрожал, как в лихорадке.

– Нет! – простонал он, опираясь на большую машину, повторяя это отрицание снова и снова.

Неожиданно его вырвало: он вспомнил, какую учинил бойню. Его рвало смесью коньяка и ужаса.

Он побледнел и ослаб, но почувствовал себя лучше. Через открытое окно бросил ружье на заднее сиденье, сам расположился на месте шофера.

Он сидел, склонившись к рулю, и постепенно инстинкт самосохранения взял верх.

Казалось, у него только один путь к спасению. «Дикий гусь» способен переправить его через океан – может быть, в Южную Америку, а в Швейцарии у него достаточно денег.

Он вывел «роллс» из гаража. Шины негромко визжали на бетоне, в свете фар поднимался голубоватый дымок.

«Мерседес» полз по толстому слою песка, фары безуспешно пытались разогнать ярко-оранжевую завесу пыли, скрывающую дорогу впереди. Горячий песчаный ветер бил по корпусу, покачивая машину на рессорах.

Трейси всматривалась вперед. Глаза горели от усталости и пыли.

Эта дорога была единственным путем, ведущим от главной магистрали к Картридж-Бей. Сотни миль мучительного пути в глубоких песчаных колеях и по треснувшим плитам, когда приходилось пересекать каменистые хребты.

Радиатор «мерседеса» закипел, он перегрелся от горячего ветра и от усилий, которых требовало преодоление толстых песчаных заносов. Местами приходилось прорываться сквозь жесткую пустынную растительность по колено высотой.

Каждые несколько минут перед машиной, как вспугнутое животное, пролетало гонимое ветром перекати-поле.

Временами Трейси казалось, что она пропустила очередной поворот и теперь мчит прямо в пустыню, но потом в свете фар перед ней снова показывалась песчаная колея. Однажды она действительно съехала с дороги, и «мерседес» немедленно засел, его колеса безрезультатно проворачивались в песке. Ей пришлось выйти из машины, голыми руками выгрести песок из-под задних колес, натолкать в углубления обломки дерева, чтобы дать колесам точку опоры. Когда «мерседес» неуклюже выполз обратно на дорогу, Трейси чуть не расплакалась от облегчения.

Сквозь облака пыли медленно пробивался рассвет, Трейси выключила фары и ехала дальше, пока вдруг, совершенно неожиданно, не увидела Картридж-Бей. Перед ней появились здания, она выбежала из машины и бросилась к жилым помещениям. Заколотила в дверь, открыл десятник, впустил ее внутрь и удивленно уставился на нее. Трейси опередила его расспросы.

– Где «Дикий гусь»?

– Отвез мистера Ленса на «Зимородок», но уже вернулся и стоит у причала.

– А капитан, Хьюго Крамер?

– На борту, в своей каюте.

– Спасибо. – Трейси открыла дверь и выбежала в бурю.

«Дикий гусь» стоял у причала, пришвартованный к чалкам прочными тросами, и все же дрожал и качался на ветру. На палубу вел трап, в иллюминаторах горел свет. Трейси поднялась на борт.

Из своей каюты появился Хьюго Крамер в мятой пижаме. Трейси прошла мимо него.

– Вы отвезли Ленса на «Зимородок»? – волнуясь, тревожно спросила она.

– Да.

– Идиот, разве вы не поняли, что этого нельзя делать? Он что-то учуял. Иначе зачем бы он сюда полетел в бурю?

Хьюго смотрел на нее, и Трейси поняла, что Руби сказала правду.

– Не знаю, о чем вы говорите, – наконец сказал он.

– Прекрасно знаете! Когда мы все окажемся за решеткой, у вас будет долгих пятнадцать лет, чтобы обо всем подумать. Ленс вот-вот все узнает, вы, глупец. Я должна его остановить. Отвезите меня на «Зимородок».

Он был смущен – и испуган.

– Я ничего не знаю... – начал он.

– Вы зря тратите время, – резко прервала его Трейси. – Отвезите меня на «Зимородок».

– Ваш брат – где он? Почему не приехал сам?

Трейси предвидела этот вопрос.

– Ленс избил его, очень сильно. Он в больнице. Он послал меня.

Неожиданно Хьюго поверил.

– Gott! – выкрикнул он. – Что нам делать? Эта буря... я смогу доставить вас туда, но не смогу оставить «Дикого гуся». Экипаж не справится с кораблем в море. А что вы сделаете в одиночку?

– Увезите меня отсюда, – сказала Трейси. – Доставьте на борт «Зимородка» и можете возвращаться. Итальянец, Капоретти... мы с ним вдвоем справимся с Ленсом. В такую бурю человека легко может смыть за борт.

– Ja. – На лице Хьюго появилось облегчение. – Верно. Итальянец! – И он взял свою непромокаемую куртку. Надел ее поверх пижамы, с уважением поглядывая на Трейси.

– Вы, – сказал он, – я не знал, что вы с нами.

– Вы думаете, мы с братом допустим, чтобы чужак отобрал у нас то, что принадлежит нам по праву?

Хьюго улыбнулся.

– А у вас железная выдержка. Чуть не одурачили меня. – И он пошел на мостик.

Джонни Ленс и Серджио Капоретти плечом к плечу стояли на мостике «Зимородка». Море перехлестывало через нос корабля сплошной стеной воды, ветер рвал пену и бросал ее на бронированные стекла рулевой рубки.

«Зимородок» освобождался от уз, оставив над якорными цепями большие желтые буи. Теперь его с помощью двигателей и руля удерживал на месте компьютер.

– Нехорошо, – мрачно заметил Серджио. – Мы слишком близко подошли к скалам. У меня болит сердце, когда я на это смотрю.

Даже сильнейший ветер не мог пригнать облака пыли так далеко в море. Видимость была свыше мили – вполне достаточно, чтобы разглядеть мрачные утесы Молнии и Самоубийства. О них ударялись гонимые бурей волны, бросая столбы пены на двести футов в небо – и отступали, обнажая сверкающие белые скалы.

– Держите его, – проворчал Джонни. Дважды за ночь они меняли дислокацию, каждый раз приближаясь к щели между островами. «Зимородок» храбро сопротивлялся сильному всасывающему течению, которое добавлялось к волнам и ветру.

Джонни не собирался основательно обрабатывать какой-нибудь желоб, он хотел за оставшееся ему время взять как можно больше образцов. Буря его не остановит – «Зимородок» приспособлен для работы в таких условиях. Компенсирующая часть шланга фиксировала головку на дне, несмотря на колебания корпуса.

– Успокойтесь, Серджио, – слегка смягчился Джонни. – Компьютер предусмотрит опасность.

– У проклятого компьютера нет глаз, чтобы видеть эти скалы. У меня глаза есть. И от этого болит сердце.

Дважды за ночь Джонни спускался в центр управления и приказывал компьютеру доложить о найденных алмазах. Каждый раз ответ был неудовлетворительным: ни одного камня крупнее четырех карат, несколько более мелких.

– Пойду взгляну. Смотрите за ним, – сказал Джонни Серджио и вошел в рубку.

Он задержался у монитора и увидел, что компьютер проводит начальные фазы и все идет нормально. Он миновал экран и склонился к столу.

Там была закреплена большая крупномасштабная карта Юго-Западной Африки от Людерица до Валвис-Бей. Карандашом были отмечены глубины и координаты кораблей.

Джонни взял измерительный циркуль и мрачно посмотрел на карту. Неожиданно в нем поднялась волна гнева. Эти острова так много обещали и так мало дали.

Он смотрел на названия «Молния» и «Самоубийство», написанные курсивом среди множества данных, и его гнев превратился в безудержную ненависть.

Ножками циркуля он ударил по карте, разорвав толстую прочную ткань, ударил вторично, сделав крестообразный надрез.

От этих действий его гнев улегся. Он почувствовал замешательство и смущение от такого детского жеста. Попытался расправить края пореза и в щель увидел листок бумаги, который кто-то сунул под карту. Джонни запустил палец в дыру и вытащил этот листок. Посмотрел на заголовок «Вторичная программа очистки Каминикото», на ряды цифр и букв.

Удивленный, он узнал программу для компьютера. Надпись была сделана заостренным почерком Серджио Капоретти. Легче всего разрешить загадку, спросив его. Джонни пошел обратно на мостик.

– Босс, – с беспокойством позвал Серджио, когда Ленс вышел. – Смотрите!

Он указывал вперед, прямо по направлению ветра. Джонни торопливо подошел к нему, забыв о зажатом в руке листке.

– «Дикий гусь». – Серджио узнал маленький корабль, который приближался к ним в полутьме.

– Какого дьявола он здесь делает? – вслух удивился Джонни.

«Дикий гусь» на несколько секунд исчез за стеной зеленого моря. Потом взлетел высоко на волне, показав красное днище; вода лилась сквозь желобы, потом корабль погрузил нос в кипящую пучину и снова исчез между двумя волнами. Он быстро приближался, огибая корму «Зимородка».

– Что там происходит? – сказал Джонни и тут же увидел, как из рубки появилась стройная фигура и подошла к ближнему борту. – Это Трейси! – крикнул он.

Девушка ухватилась за поручни: волна обрушилась на палубу и захлестнула ее. Джонни думал, что ее смоет, но она продолжала держаться.

Сунув листок в карман, Джонни побежал через мостик, скатился по лестнице на палубу, прыжком преодолел последние десять футов и, приземлившись, снова побежал.

Он добрался до борта и посмотрел вниз на мокрую Трейси.

– Возвращайся! – крикнул он. – Возвращайся! Не пытайся перепрыгнуть!

Она что-то крикнула в ответ, но он не услышал: в него ударил фонтан брызг; когда он протер глаза, то увидел, что она приготовилась преодолеть через пропасть между двумя кораблями.

Он перелез через борт «Зимородка» и быстро спустился вниз по кольцам.

Он был еще в десяти футах, когда она решилась.

– Вернись! – в отчаянии крикнул он.

Она прыгнула, не дотянулась до кольца и упала в кипящую воду между кораблями. Голова ее показалась над поверхностью прямо под Джонни, и он увидел, что надвигается следующая волна. Она бросит «Дикого гуся» на «Зимородок», и корабли раздавят между собою Трейси.

Джонни преодолел последние десять футов; держась одной рукой за кольцо, второй он обхватил Трейси и с усилием, от которого затрещали мышцы и суставы, вырвал ее из воды в тот самый момент, когда корпуса кораблей с грохотом соприкоснулись: обшивка «Дикого гуся» затрещала, на борту «Зимородка» остались следы краски.

«Дикий гусь» отвернул и в реве двигателей начал удаляться.

Трейси стояла в центре гостевой каюты «Зимородка» в луже морской воды, набежавшей с ее мокрой одежды. Темные волосы прилипли к лицу и шее, она так сильно дрожала от шока и холода, что не могла говорить. Зубы ее стучали, губы посинели.

Не отрывая взгляда от Джонни, она отчаянно пыталась что-то сказать.

Он быстро раздел ее, набросил ей на плечи полотенце и начал сильно растирать, чтобы вернуть телу тепло.

– Дуреха, – бранился он. – Совсем с ума спятила?

– Джонни, – выдохнула она, несмотря на стучащие зубы.

– Боже, да ведь ты чуть не погибла! – прикрикнул он и склонился, растирая ей ноги.

– Джонни, послушай.

– Замолчи и вытри волосы.

Она покорно повиновалась, дрожь уменьшилась; он подошел к шкафу и отыскал в нем толстый свитер, который натянул на Трейси через голову. Свитер доходил ей почти до пят.

– Ну, теперь выкладывай, – сказал Джонни, грубо взяв ее за плечи. – Что случилось?

И из нее, как вода из прорванной плотины, полился поток слов. Потом она расплакалась и стояла, маленькая и жалкая в необъятном свитере, мокрые волосы свисали на плечи. Она рыдала, будто у нее разбилось сердце.

Джонни обнял ее.

Несколько долгих минут Трейси наслаждалась его теплом и силой, но отпрянула первой.

– Сделай что-нибудь, Джонни, – умоляла она, в ее голосе все еще звучали слезы. – Останови их. Они не должны уйти с этим.

Он вернулся к шкафу и, роясь в нем, напряженно обдумывал услышанное.

Джонни смотрел, как она надевает брюки из саржи и подвязывает их на талии куском веревки. Трейси закатала штанины и заправила их в толстые шерстяные носки. Потом сунула ноги в сапоги всего на два размера больше, чем нужно.

– С чего начнем? – спросила она, и Джонни вспомнил о листке бумаги. Достал его из кармана и расправил на столе. Быстро пробежал глазами по столбцам чисел. Его догадка оказалась верной – это действительно программа для компьютера.

– Оставайся здесь, – приказал он Трейси.

– Нет. – Она ответила сразу, и он улыбнулся.

– Послушай, я собираюсь на мостик, чтобы дать им там указания. А потом вернусь к тебе, обещаю. Ты ничего интересного не пропустишь.

– Как она, босс? – Тревога Серджио Капоретти была искренней. Джонни понял, что итальянец, должно быть, страшно беспокоился, гадая о причинах появления Трейси.

– Она сильно потрясена, – ответил Джонни.

– А что ей нужно? Она страшно рисковала. Чуть не пошла на корм рыбам.

– Не знаю. Оставайтесь здесь. Пусть «Зимородок» продолжает работу. Хочу уложить ее в постель. Как только узнаю, в чем дело, дам вам знать.

– Ладно, босс.

– Да, Серджио, поглядывайте на эти скалы. Не дайте кораблю подойти к ним ближе.

Джонни выбрал мощный мотив, чтобы удержать Серджио на мостике.

Он оставил капитана и спустился вниз, на минуту заглянув в гостевую каюту.

Трейси пошла за ним, раскачиваясь вместе с «Зимородком» на волнах.

Двумя палубами ниже они достигли центра управления компьютера, и Джонни открыл ключом тяжелую стальную дверь, а потом закрыл ее за собой.

Трейси примостилась у переборки и смотрела, как Джонни сел к консоли и достал помятый лист бумаги.

Заглядывая в него, он набрал первый ряд чисел. Компьютер немедленно выразил протест.

«Ошибка оператора», – напечатал он.

Джонни не обратил на это внимания и набрал второй ряд. Ответ был более выразительным:

«Процедура отсутствует. Ошибка оператора».

И Джонни напечатал следующий ряд. Он догадывался, что тот, кто составлял программу, должен был поместить в компьютер ряд запретов, чтобы помешать случайному обнаружению. На экране снова вспыхнула надпись:

«Ошибка оператора».

Джонни пробормотал:

– Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься...

Цитата из Библии прозвучала в напряженной тишине комнаты неуместно.

Он набрал последний ряд цифр, и надпись с экрана исчезла. Консоль щелкнула, как чудовищный краб, и неожиданно появилась надпись:

ВТОРИЧНАЯ ПРОГРАММА ОЧИСТКИ КАМИНИКОТО. УСТАНОВЛЕНА В ОКТЯБРЕ 1969 В ЛАС-ПАЛЬМАСЕ ХИДЕКИ КАМИНИКОТО, ДОКТОРОМ НАУК, ТОКИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.

Маленький японец не устоял перед честолюбивым желанием утвердить свое авторство. Трейси и Джонни подались к экрану, зачарованно глядя на начавшие поступать сообщения. Сначала появилось количество часов работы и вес обработанного за это время гравия. Затем вес обогащенного гравия, поступившего из циклона, и, наконец, вес и размеры всех алмазов, полученных из моря. На почетном месте помещался «Большой Голубой», и Трейси молча показала пальцем на число 320. Джонни угрюмо кивнул.

Компьютер закончил тем, что указал общий вес добычи в каратах, и Джонни впервые за все время заговорил.

– Это правда, – сказал он негромко. – Кажется невероятным, но это так.

Щелканье и шум компьютера стихли, экран опустел.

Джонни распрямился.

– Где они это спрятали? – спросил он себя, быстро оглядывая линию обработки. Встал со стула и сквозь свинцовое стекло заглянул в рентгеновскую камеру. – Должно быть по эту сторону от циклона и печи. – Он размышлял вслух. – Между печью и рентгеновским аппаратом.

И тут в его памяти всплыло то усовершенствование в расположении, о котором он собирался спросить, но забыл.

– Смотровой люк в конвейерном тоннеле! – Он ударил кулаком по ладони. – Они передвинули смотровой люк! Вот оно! Эта штука в конвейерном тоннеле.

И он торопливо принялся отпирать дверь центра управления.

Серджио Капоретти расхаживал по мостику, как пойманный медведь, так яростно затягиваясь сигарой, что с ее кончика сыпались искры. Ветер дико завывал вокруг рубки, волны катились на север.

Неожиданно он принял решение и повернулся к рулевому.

– Следи за этими проклятыми скалами, хорошенько следи.

Рулевой кивнул, и Серджио через рубку затопал в свою каюту. Закрыл за собой дверь и подошел к столу. Порывшись в кармане, достал ключ и отпер ящик. Под коробкой сигар лежал холщовый мешочек.

Серджио задумчиво взвесил его в руке и осмотрел каюту в поисках более надежного тайника. Сквозь ткань прощупывалась неправильная форма камней.

– Этот Джонни умный ублюдок, – пробормотал Серджио. – Надо бы спрятать получше. – Наконец он сделал выбор. – Лучше всего там, где я смогу постоянно присматривать. – Он расстегнул куртку и спрятал мешочек во внутренний карман. Застегнул куртку и

похлопал по выпуклости в области сердца. – Отлично! – сказал он. – Хорошо! – Он встал и заторопился назад.

Капитан запер каюту и направился на мостик. Остановился посреди рубки, повернув голову в сторону монитора. Горела красная лампа начала новой процедуры.

Серджио боязливо подошел к экрану и склонился к нему. Одного взгляда было достаточно, и он бросился из рубки. И тут увидел разрез в карте.

– Мать Мария! – Он отогнул края и пошарил за ними. Отступил от стола и ударил себя в грудь. – Дурак! – сказал он. – Идиот! – Десять секунд он потратил на самоосуждение, затем стал искать оружие. Ручка рубки представляла собой двенадцатидюймовый стальной прут с тяжелой головкой. Он вывернул удерживающий болт и высвободил ручку. Сунул за пояс брюк. Вернувшись в рубку, он коротко бросил рулевому: – Я вниз. – И побежал по лестнице.

По кораблю он передвигался быстро, легко сохраняя равновесие при качке. Добравшись до нижней палубы, капитан пошел осторожнее. Теперь он сжимал стальной прут в руке. Через каждые несколько шагов он останавливался и прислушивался, но все заглушал скрип корпуса «Зимородка» и удары волн.

Других звуков он не слышал. Серджио осторожно подкрался к центру управления компьютера и заглянул через глазок. Комната была пуста. Он нажал на ручку – дверь закрыта.

И тут он услышал голоса – из открытой двери конвейерной. Он быстро подкрался и прижался к косяку.

Донесся еле слышный приглушенный голос Джонни:

– Здесь есть еще один люк. Дай мне полудюймовый ключ из инструментального шкафа.

– На что похож этот ключ?

– Он самый большой. Размер на нем указан.

Серджио одним глазом заглянул за косяк. Смотровой люк конвейерного тоннеля был снят, в отверстии торчала голова Трейси. Ясно, что Джонни Ленс внутри и что он нашел тайник.

Девушка полезла из люка. Серджио попятился, но осмотрел помещение. Инструментальный шкаф крепился к переборке под лестницей. Серджио спрятался за углом.

Трейси вышла из конвейерной и направилась к шкафу. Открыла дверцу, обнажив ряды инструментов, укрепленных каждый в своем гнезде.

Пока она стояла, разглядывая инструменты в поисках нужного, Серджио вышел из-за угла и осторожно подошел к ней.

Он поднял стальной прут и привстал на цыпочки, готовый нанести удар.

Трейси что-то бормотала, слегка склонив голову. Серджио знал, что железка размозжит ей голову.

Он постарался не думать об этом, тщательно прицеливаясь в основание черепа. Начал опускать руку и тут же сдержал ее. Он не мог этого сделать.

С довольным восклицанием Трейси нашла то, что искала. Серджио успел отступить за угол, и она снова скрылась в конвейерном помещении.

– Нашла, Джонни, – крикнула она в люк.

– Принеси мне. Быстрее. Серджио может что-нибудь заподозрить, – крикнул он в ответ, и Трейси, подтянув свои мешковатые брюки, протиснулась в люк.

На четвереньках она подползла к нему. В узком тоннеле было жарко и тесно. Джонни взял у нее ключ.

– Подержи фонарик.

Она взяла его и светила на стену, пока Джонни отвинчивал болты и снимал крышку.

Лежа на боку, он всматривался в отверстие.

– Тут что-то вроде контейнера, – сказал он и протянул руку. С минуту он сражался с зажимами, потом медленно поднял стальную чашку.

В этот момент «Зимородок» качнуло на большой волне, чашка выскользнула из рук Джонни, и из нее выскользнули алмазы. Они покатились прямо на них – поток камней всех цветов и размеров. Некоторые застряли во влажных волосах Трейси, остальные разлетелись по полу, луч фонарика отражался от них яркими солнечными отблесками.

– Боже! – выдохнула Трейси и рассмеялась, услышав триумфальный вопль Джонни. – Посмотри на этот! – воскликнула она.

– А этот!

Они обезумели от возбуждения, руки их были полны алмазов. Трейси и Джонни обнялись и страстно поцеловались, смеясь.

Джонни первым пришел в себя.

– Пошли. Нужно выбираться отсюда.

– А как же алмазы?

– Оставь их. Для них найдется время потом.

Они поползли назад по тоннелю, по-прежнему смеясь и восклицая, и один за другим выбрались в помещение конвейера. Поправили одежду, отдышались, и Трейси спросила:

– Что теперь?

– Прежде всего посадим под замок Серджио и его экипаж. – Лицо Джонни застыло. – Сволочи! – гневно добавил он.

– А потом? – спросила Трейси.

– Потом поднимем шланг и поплывем в Картридж-Бей. Вызовем по радио полицию. Нужно будет рассчитаться со всей бандой, включая твоего братца. – Джонни пошел к выходу, спрашивая: – Зачем ты закрыла дверь, Трейси?

– Я не закрывала, – ответила она и поспешила за ним.

Выражение лица Джонни изменилось. Он подбежал к тяжелой стальной двери и всем телом навалился на нее. Она не шелохнулась, и он повернул к той, что вела в помещение циклона.

Она тоже оказалась заперта. Джонни побежал через комнату, стал отчаянно дергать ручку.

Наконец он прекратил эти безнадежные попытки и в отчаянии оглядел длинное помещение. Других выходов нет, никакого люка или иллюминатора, ничего, кроме крошечного смотрового окошка в стальной двери, которая вела в помещение циклона. Окошко закрыто трехдюймовым стеклом, прочным, как сталь. Он посмотрел в него.

Высокий циклон господствовал в помещении, занимая его от пола до потолка. Сверху в камеру входила стальная труба, которая доставляла гравий с морского дна. В помещении никого не было.

Джонни сразу отрезвел.

– Иди сюда, – сказал он и обнял Трейси за плечи. – У нас проблемы.

Закрыв обе двери, ведущие в конвейерное помещение, Серджио быстро вернулся на мостик. Рулевой с любопытством взглянул на него.

– Как дамочка?

– Хорошо, – рявкнул Серджио. – Цела. – И затем с неожиданной яростью добавил: – Ты чего лезешь не в свое дело? Думаешь, ты капитан?

Удивленный рулевой снова посвятил все свое внимание шторму, ревевшему вокруг. Серджио принялся расхаживать взад и вперед по мостику, легко и привычно удерживая равновесие на качающейся палубе. Его гладкое детское лицо сморщилось, он яростно пыхтел сигарой. Серджио от всей души проклинал свое участие в этом деле. Лучше бы он никогда не слышал о «Зимородке». Он отдал бы все свои надежды на будущую безбедную жизнь за то, чтобы сидеть сейчас спокойно на берегу в Остии, прихлебывать граппу и смотреть на проходящих девушек.

Он порывисто распахнул штормовую дверь мостика и вышел на открытую палубу. Налетел ветер, растрепал волосы.

Из внутреннего кармана капитан достал мешочек.

– Вот в чем беда, – пробормотал он, глядя на мешочек в руке. – Проклятые камни!

Он отвел руку, как игрок в мяч, собираясь бросить мешочек в ревущее зеленое море внизу, но опять не смог завершить движения. Негромко бранясь, он спрятал мешочек обратно в карман и вернулся в рубку.

– Вызови радиста, – приказал он, и рулевой быстро потянулся к переговорной трубе.

Заспанный радист, застегиваясь, поднялся на мостик.

– Свяжись с «Диким гусем», – велел Серджио.

– Не получится, – возразил радист, глядя на бурю.

– Вызывай. – Серджио угрожающе шагнул к нему. – Вызывай, пока не свяжешься.

«Дикий гусь» раскачивался на волнах, борясь с течением у входа в Картридж-Бей, потом прошел в безопасные воды залива.

Хьюго заметно расслабился. Переход от Молнии и Самоубийства был длинным и трудным. Но беспокойство осталось. Он надеялся, что девушка справится с Ленсом. Крепкий парень, этот Ленс, хорошо бы вернуться к ней и помочь. Пятнадцать лет – очень большой срок, ему будет почти пятьдесят.

Хьюго следил за знаками на обоих берегах канала, пока не увидел впереди здание склада и причал, на котором рядом с грудой пустых бочек от горючего виднелась фигура. Хьюго тревожно напряг глаза – видимость была отвратительная.

– Кто это? – спросил он сам себя.

Человек выпрямился и подошел к краю причала. С непокрытой головой, в мятом деловом костюме, человек этот держал в руке дробовик – и прошло еще несколько секунд, прежде чем Хьюго узнал его.

– Боже! Это босс! – Хьюго почувствовал, как стеснило грудь и подвело живот, стало труднее дышать.

Бенедикт Ван дер Бил прыгнул на палубу, едва «Дикий гусь» коснулся причала.

– Что происходит? – спросил Бенедикт, как только они оказались в рубке.

– Я думал, вы в больнице, – ответил Хьюго.

– Кто вам сказал?

– Ваша сестра.

– Вы ее видели? Где она?

– Я отвез ее на «Зимородок». Как вы и велели. Она отправилась кончать с Ленсом.

– Кончать с Ленсом! Она с ним заодно, идиот, она не с нами! Она все знает! Все!

– Но она сказала... – Хьюго пришел в ужас. Бенедикт оборвал его.

– Все раскрылось. Надо убираться. Прикажите экипажу принять в трюм это горючее. Как резервуары с водой?

– Полны.

– Продовольствие?

– Полный запас.

– На сколько?

– Недели на три. Если экономить, на четыре.

– Слава Богу. – Бенедикт вздохнул с облегчением. – Шторм продлится еще три дня. У нас есть время. Нас никогда в нем не найдут. К тому времени, как прояснится, мы будем далеко.

– Куда мы? В Анголу?

– Боже, нет! Надо убраться подальше. В Южную Америку.

– В Южную Америку!

– Да, мы сможем дойти, если запастись топливом.

Хьюго помолчал, привыкая к этой мысли.

– Сможем, – повторил Бенедикт.

– Да, – согласился Хьюго, – сможем.

Он впервые внимательно взглянул на Бенедикта и увидел, что тот взвинчен, глаза налились кровью и глубоко ввалились, подбородок покрывает щетина, и вообще у него загнанный вид – как у преследуемого зверя.

Он был грязен, и на костюме виднелась какая-то полоска. Похоже на высохшую рвоту.

– Ну, а куда потом? – Впервые с того времени, как он познакомился с Бенедиктом, Хьюго почувствовал себя хозяином положения. Пора поговорить, договориться об условиях.

– Высадимся где-нибудь в пустынном месте, разойдемся и исчезнем.

– А деньги? – Хьюго говорил негромко. Посмотрел на ружье. Руки Бенедикта суетливо скользили по поверхности оружия.

– Деньги у меня есть.

– Сколько?

– Достаточно, – осторожно ответил Бенедикт.

– Для меня тоже? – попробовал почву Хьюго, и Бенедикт кивнул.

– Сколько моих? – продолжал Хьюго.

– Десять тысяч.

– Фунтов?

– Фунтов, – подтвердил Бенедикт.

– Мало, – покачал головой Хьюго. – Мне нужно больше.

– Двадцать. – Бенедикт понимал, что теперь сила на стороне Хьюго. Руби, изуродованная, лежит в его кабинете, а на него, вероятно, уже расставляют сети.

– Пятьдесят, – решительно сказал Хьюго.

– У меня нет столько.

– Не шутите, Кутила! – фыркнул Хьюго. – Вы их копили годами.

Бенедикт направил ствол ружья в живот Хьюго.

– Давайте, – улыбнулся Хьюго, подняв бесцветные глаза. – Тогда вам придется добираться на каноэ. Хотите попробовать? Утонете у берега, вот и вся поездка.

Бенедикт отвел ствол.

– Пятьдесят, – согласился он.

– Хорошо! – резко сказал Хьюго. – Пора убираться отсюда.

«Дикий гусь» отошел от берега и выбрался из ослепляющих пылевых облаков. Волны подгоняли его, ветер кричал: «Торопись».

– Почему бы вам не спуститься вниз и не поспать? – сказал Хьюго. Присутствие Бенедикта мешало ему.

Но тот не обратил внимания на его предложение.

– Включите радио, – сказал он.

– Зачем? Сейчас ни с кем не свяжешься.

– Мы выбрались из пыли, – ответил Бенедикт. – Можем перехватить сообщения полиции.

В своем сознании он ясно видел Руби. Хотел знать, нашли ли ее. К горлу опять подступила рвота. Голова – о Боже – голова! Он быстро подошел к радиоустановке и включил ее.

– Им еще рано искать нас, – сказал Хьюго, но Бенедикт не отвечал, он поворачивал ручки, искал на всех волнах. Кричало, улюлюкало, вопило атмосферное электричество – словно умалишенный.

– Выключите! – рявкнул Хьюго, но в этот миг они услышали голос.

– «Дикий гусь», – отчетливо произнес голос в динамике.

Бенедикт присел, настраивая приемник, Хьюго подошел к нему.

– «Дикий гусь», ответьте. Это «Зимородок». Повторяю, «Дикий гусь», ответьте...

Бенедикт и Хьюго переглянулись.

– Не отвечайте, – сказал Хьюго, но не сделал попытки помешать, когда Бенедикт снял микрофон.

– «Зимородок», говорит «Дикий гусь».

– Подождите, «Дикий гусь», – пришел немедленный ответ. – Будет говорить капитан Капоретти.

– Ждем.

Хьюго схватил Бенедикта за плечо, в голосе его звучала неуверенность.

– Оставьте, не валяйте дурака.

Бенедикт вырвался, и тут прозвучал голос Серджио.

– Говорит Капоретти, кто это?

– Никаких имен, – предупредил Бенедикт. – Где ваши гости?

– В безопасности, надежно заперты.

– Заперты? Вы уверены? Оба заперты?

– Si. Я их закрыл.

– Подождите. – Бенедикт напряженно думал: «Джонни Ленс в моей власти. Это мой последний шанс». В его мозгу начал созревать план.

– Бриллианты. Бриллианты у Капоретти. Один этот «Голубой» стоит миллион, – сказал Хьюго. – Если Капоретти о них позаботится, стоит рискнуть.

– Да. – Бенедикт повернулся. Он как раз раздумывал, как бы заставить Хьюго вернуться. Он забыл про алмазы. – Стоит, – согласился он.

– Подойдем к «Зимородку», примем на борт Капоретти с алмазами и тут же уйдем.

– Мне нужно будет подняться на борт, – сказал Бенедикт.

– Зачем?

– Стереть программу в компьютере – там имя японца. По нему нас могут найти. Я платил ему через швейцарский банк. Найдут счет.

Хьюго колебался.

– Никаких убийств, ничего подобного. У нас и так хватает неприятностей.

– Вы думаете, я с ума сошел?

– Ладно, – согласился Хьюго.

– «Зимородок», – заговорил в микрофон Бенедикт. – Мы идем к вам. Я поднимусь на борт, чтоб завершить дела.

– Хорошо. – Сквозь помехи в голосе Серджио слышалось облегчение. – Жду.

«Дикому гусю» потребовалось почти два часа, чтобы вернуться туда, где между утесами Молнии и Самоубийства стоял «Зимородок», и Хьюго Крамер подвел траулер к борту большого корабля уже после полудня.

– Не тратьте времени, – предупредил Хьюго Бенедикта. – Чем скорее мы уйдем, тем лучше для нас всех.

– Вернусь через полчаса, – ответил Бенедикт. – Ждите.

– Ружьишко берете с собой?

Бенедикт кивнул.

– Зачем?

Но Бенедикт не ответил и посмотрел на небо. Солнце за пеленой тумана казалось слабым серебряным пятном, шторм по-прежнему ревел над морем.

– Оно вам помешает на лестнице. – Хьюго коснулся ствола. Он очень хотел избавить Бенедикта от ружья. Выбросить его в море, потому что его присутствие на борту могло помешать осуществлению планов, которые за последние два часа начали созревать в мозгу Хьюго. Они учитывали большой спрос на алмазы в Южной Америке и нежелание делиться выручкой от их продажи с двумя партнерами.

– Я возьму его. – Бенедикт сжал ружье. Без него он чувствовал себя голым и уязвимым; к тому же оно играло определенную роль в его собственных планах. В прошедшие два часа Бенедикт тоже задумывался о будущем.

– Как хотите. – Хьюго смирился с отказом Бенедикта: еще не вечер, впереди долгий переход в Южную Америку. – Вам лучше пройти вперед.

На этот раз Хьюго подошел точно: в промежутке между двумя большими волнами он коснулся корпуса «Зимородка». Бенедикт перешагнул пропасть, поднялся по лестнице и оказался на палубе «Зимородка» раньше, чем обрушилась следующая волна.

Он помахал Хьюго и, держась за поручень, добрался до мостика.

– Где Ленс? – спросил он у Серджио, едва его увидел, но тот выразительно оглянулся на прислушивавшегося рулевого и провел Ван дер Била в свою каюту.

– Где Ленс? – повторил Бенедикт, как только закрылась дверь.

– Он с вашей сестрой в конвейерной.

– В конвейерной? – не поверил Бенедикт.

– Si. Они нашли машину Камми. Открыли люк и пробрались внутрь. Я закрыл обе двери. Прочно закрыл.

– Они еще там? – спросил Бенедикт, чтобы выиграть время и скорректировать свои планы.

– Si. Там.

– Хорошо. – Бенедикт принял решение. – Теперь слушайте, Капоретти, вот что мы сделаем. Все раскрылось. Мы должны уничтожить как можно больше доказательств и убираться. Мы отправляемся на «Диком гусе» в Южную Америку. Алмазы у вас?

– Si. – Серджио похлопал себя по груди.

– Дайте их мне.

Итальянец улыбнулся.

– Я думаю, что лучше присмотрю за ними. От них мне теплее.

Бенедикт нахмурился.

– Ладно, – говорил он по-прежнему дружески. – Вам нужно спуститься в центр управления и стереть программу Каминикото. Сотрите это имя из памяти. Он показывал вам, как это делать?

– Si. – Серджио кивнул.

– Сколько это займет?

– С полчаса, не больше, – ответил Серджио.

Бенедикт посмотрел на часы и решил, что успеет.

– Хорошо! Действуйте!

– Босс. – Серджио остановился у двери. – А мои парни, мой экипаж? Они хорошие парни. Им ничего не будет?

– Они чисты, – раздраженно ответил Бенедикт. – Я сейчас соберу их и объясню, что вам пришлось отправиться на берег. Они будут на «Зимородке» ждать вашего возвращения. Когда кончится шторм, они свяжутся с базой и узнают, что мы исчезли. С ними все будет в порядке.

Серджио довольно кивнул.

– Сейчас соберу их на мостике. Поговорите с ними.

* * *

Пять членов экипажа «Зимородка» собрались на мостике, а Серджио исчез внизу.

– Кто из вас говорит по-английски? – спросил Бенедикт.

Откликнулись двое.

– Хорошо. – Ван де Бил обратился к ним. – Вас удивляют все эти передвижения в бурю. Я хочу, чтобы вы были готовы покинуть корабль. Соберите все свои вещи – немедленно!

Двое быстро пересказали это остальным, опасливо поглядывая на Бенедикта. Тот – дикий взгляд, под мышкой ружье – представлял собой пугающее зрелище.

– Шевелитесь.

Никто не возражал, все двинулись вперед.

Бенедикт шел за ними по узкому коридору, ведущему к каютам экипажа. Он быстро взглянул на часы. Прошло семь минут. Он посмотрел на людей перед собой.

Их затылки представляли отличную цель. В Намаквaленде он стрелял дичь, которая убегала от него гуськом – вставал на колено, целился в головы и выстрелом из обоих стволов укладывал половину стаи.

Он знал, что мог бы уложить всех пятерых двумя залпами. Отпустить их немного подальше, чтобы заряд разлетелся. Но он вспомнил Руби, и в животе у него все перевернулось.

«Ну, ничего, другой способ так же безопасен».

– Стоп! – приказал он, и все пятеро остановились у склада краски и повернулись лицом к нему. Теперь он держал ружье так, чтобы никто не усомнился в его намерениях.

Команда испуганно смотрела на него.

– Откройте дверь! – Он указал на дверь склада.

Никто не шелохнулся.

– Ты. – Бенедикт выбрал одного из говоривших по-английски.

Как во сне, тот подошел к стальной двери и повернул ручку. Открыл дверь.

– Внутрь! – Бенедикт красноречиво взмахнул ружьем.

Все пятеро неохотно вошли в крошечное, без окон, помещение, и Бенедикт захлопнул за ними дверь. Всей тяжестью навалился на рукоять, чтоб защелкнуть замок.

Теперь поле деятельности расчищено, а времени у него еще двадцать минут. Бенедикт заторопился, ему хотелось как можно дальше уйти от центра управления и от Серджио Капоретти.

Он спустился на рабочую палубу, перебрал связку дубликатов ключей.

ОСТОРОЖНО. ВЗРЫВЧАТКА.
ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Он открыл дверь и, отложив дробовик, поднял двадцатипятифунтовый барабан с пластиковой взрывчаткой.

В спешке, снимая с него крышку, он сорвал ноготь, но не почувствовал боли. Раскрыл шестифутовую полоску мягкого, темного, похожего на тянучку материала и повесил себе на

шею. Затем выбрал коробку с карандашными зарядами, рассчитанными на определенное время. Прочел этикетку.

– Взрыв через четырнадцать минут. Хватит.

Кровь из-под сорванного ногтя оставляла темные пятна на крышке коробки, когда он доставал оттуда четыре заряда. Бенедикт подобрал дробовик и заторопился наружу. Приближаясь к циклону, он все яснее слышал вой его мотора.

Трейси свернулась на голой стальной плите стола, подложив под голову куртку Джонни. Она спала свинцовым сном усталости, похожим на смерть.

Каждые пять минут Джонни переставал нарезать бесконечные круги по конвейерной, останавливался и смотрел на спящую. Напряженное выражение его лица слегка смягчалось всякий раз, как он всматривался в любимое бледное лицо. Один раз он наклонился и нежно поднял со щеки прядь темных волос, потом продолжил поход по узкой каюте.

Оказываясь возле стальной двери, он непременно всматривался в крошечное окошко. Оно не поддалось ударам гаечного ключа. Джонни хотел разбить его, чтобы позвать на помощь, но толстое бронированное стекло успешно сопротивлялось его усилиям.

Выхода из помещения не было. Джонни обдумал все возможности. Вход в конвейерную систему преграждали с одной стороны печь, с другой – движущиеся механизмы, которые разорвут на клочки всякого, кого в них втянет. Его с Трейси заперли в прочной клетке, и Джонни без устали метался по ней.

Он снова остановился перед окошком, и на этот раз бросился на дверь со сжатыми кулаками и заколотил по ней, но боль в разбитых пальцах отрезвила его. Он прижался лицом к стеклу и увидел, как в помещение вошел Ван дер Бил и, даже не оглянувшись на окошко, направился к циклону.

Бенедикт положил дробовик, который принес с собой, и несколько мгновений смотрел на толстую стальную трубу, доставлявшую гравий со дна. Когда он снял с шеи толстую веревку пластита, Джонни понял, что тот задумал.

Оцепенев, он смотрел, как Бенедикт прислонил к корпусу циклона стальную лесенку. Держась за нее одной рукой, другой он неуклюже обмотал пластитовую веревку вокруг трубы. Она висела, как ожерелье на шее какого-то доисторического чудовища.

– Ты, ублюдок! Убийца! Проклятая сволочь! – закричал Джонни и снова ударил по двери кулаками. Но толщина двери и вой циклона заглушили его голос. Бенедикт ничем не показал, что что-то услышал, но Трейси села и сонно осмотрелась. Потом встала на ноги и, стараясь приспособиться к качке, подошла к Джонни и прижалась к стеклу рядом с ним.

Бенедикт втыкал в мягкий пластит зарядные карандаши. Он воткнул все четыре, решив не допускать никаких случайностей.

– Что он делает? – спросила Трейси, опомнившись от изумления, вызванного появлением брата.

– Собирается перерезать трубу, чтобы «Зимородок» наполнился гравием.

– Затопить его? – В голосе Трейси звучала тревога.

– Вода и гравий ворвутся под давлением и сметут все внутренние переборки.

– И эту? – Трейси указала на стальную плиту.

– Она лопнет, как бумажная. Боже, ты себе представить не можешь мощь этой машины.

– Нет. – Трейси покачала головой. – Он мой брат. Он этого не сделает, Джонни. Он не убьет нас.

– После того, как все закончится, – мрачно возразил Джонни, – «Зимородок» будет лежать на глубине в двести футов. Корпус его будет так забит гравием, что превратится в цементный блок. Мы и все в корабле, включая его маленькую машину, будет расплющено до неузнаваемости. Потребуются миллионы, чтобы поднять «Зимородок», никто и не подумает об этом.

– Нет, Бенедикт на это не способен. – Трейси почти умоляла. – Он не такой плохой.

Джонни резко перебил.

– Он сможет выйти сухим из воды. Это его последний шанс. Замуровать все свидетельства против него в бетоне и утопить их.

– Нет, Бенедикт. – Трейси смотрела, как тот слезает с лестницы и берет дробовик. – Пожалуйста, Бенедикт, не делай этого.

И как будто услышав ее, Ван дер Бил повернулся и увидел два лица в окне. От неожиданности он застыл – бледные губы Трейси произносили слова, которые он не слышал, взгляд Джонни обвинял.

Бенедикт потупился, сделал нерешительный, почти жалобный жест. Посмотрел на взрывчатку с зарядами – и улыбнулся. Губы его сардонически дернулись, он подошел к двери и вышел из помещения циклона.

– Он вернется, – прошептала Трейси. – Он не допустит, чтобы это случилось.

– На твоем месте я бы на это не рассчитывал, – сказал Джонни.

Бенедикт схватился за поручень. Он посмотрел туда, где на волнах качался «Дикий гусь». Увидел лицо Хьюго – белое пятно за стеклом рулевой рубки. Но когда траулер начал приближаться, Бенедикт знаком велел не делать этого. Он снова взглянул на часы, потом беспокойно посмотрел на мостик.

Проходили долгие минуты.

«Где этот итальянец?» Бенедикт не мог его оставить – у него ведь алмазы. К тому же он мог бы освободить пленников.

Бенедикт снова взглянул на часы. Двенадцать минут, как он установил взрыватели.

«Надо вернуться и найти Капоретти». Он двинулся обратно, придерживаясь за поручень, и в этот миг на крыле мостика появился Серджио. Он что-то крикнул Бенедикту, но ветер не позволил услышать.

– Сюда! – лихорадочно манил его Ван дер Бил. – Сюда! Быстрей!

Бросив последний взгляд на мостик, Серджио бегом спустился по лестнице.

– Где мои парни? – крикнул он. – Почему там никого нет? Что вы с ними сделали?

– Они в безопасности, – заверил его Бенедикт. Он повернулся и замахал руками, призывая «Дикий гусь».

– Где они? Где мои парни?

– Я послал их...

Ответ Бенедикта прервал толчок, выбивший из-под их ног палубу «Зимородка». Взрыв глухо прозвучал в брюхе корабля. Серджио разинул рот. Бенедикт пятился от него, по-прежнему цепляясь за поручень.

– Мразь! – выдохнул Серджио и захлопнул рот. Казалось, все его тело разбухло от гнева. – Ты их убил, грязная свинья! Убил моих парней. Убил Джонни – и девушку.

– Держись от меня подальше. – Бенедикт прижался к поручню, освободив обе руки и подняв дробовик.

Даже Серджио не решился приблизиться при виде двух смертоносных стволов. Он остановился в нерешительности.

– Я разметаю твои кишки по палубе, – предупредил Бенедикт, держа палец на курке.

Они смотрели друг на друга, а ветер развевал их волосы, рвал одежду.

– Отдай алмазы, – приказал Бенедикт и, поскольку Серджио не двинулся, добавил: – Не строй из себя героя, Капоретти. Я могу пристрелить тебя, и все равно заберу их. Отдай алмазы, и наш договор остается в силе. Ты отправишься с нами. Я тебя отсюда вытащу. Клянусь.

Гневное выражение исчезло с лица Серджио. Он колебался.

– Давай, Капоретти. У нас мало времени.

Возможно, это было всего лишь воображение, но Бенедикту показалось, что движения «Зимородка» изменились, он медленнее поднимался на волнах, больше обычного задерживался в фазах качки.

– Ладно, – сказал Серджио и начал расстегивать куртку. – Ваша взяла. Отдам.

Бенедикт облегченно расслабился. Итальянец сунул руку в карман и сделал шаг вперед. Он схватил мешочек и поднял его как дубину.

Серджио был близко, слишком близко, чтобы Бенедикт успел повернуть к нему дробовик. Лицо капитана приобрело свирепое выражение, его намерения ясно читались в сверкавших темных глазах. Он поднял мешочек и приготовился ударить им Бенедикта по голове, но не учел отличной реакции прирожденного спортсмена, противостоявшего ему.

Когда Серджио наносил удар, Бенедикт отвел в сторону плечи и голову, подняв навстречу рукоять дробовика. Серджио приложился рукой о закаленное ореховое дерево и ахнул от боли. Пальцы его разжались, мешочек выпал и, скользнув по виску Бенедикта, покатился по палубе, остановившись в тридцати футах, возле одного из баков со сжатым воздухом.

Бенедикт отпрыгнул, подняв ружье. Теперь Серджио смотрел прямо в стволы.

– Ну ладно, ублюдок, – сказал Бенедикт. – Ты сделал выбор. Посмотрим, на что похожи твои кишки.

Серджио согнулся, прижимая ушибленную руку к животу. Бенедикт пятился туда, где у бака лежали алмазы. Лицо его горело от гнева, но он все время искоса поглядывал на мешочек.

В этот момент нос «Зимородка» поднялся на очередной волне, вода хлынула на палубу, подхватила мешочек и потащила его к желобам.

– Смотри! – крикнул Серджио. – Его смывает!

Бенедикт прыгнул, растянувшись во всю длину. Свободной рукой он дотянулся до промокшего мешочка, который уже исчезал за бортом, оставаясь в тридцати футах от Серджио и по-прежнему сжимая в руке дробовик. Капоретти не мог добраться до Ван дер Била, не получив при этом оба заряда картечи в живот.

Серджио повернулся и побежал к мостику.

Бенедикт, стоя на коленях, лихорадочно засовывал мешочек в боковой карман пиджака. Он крикнул:

– Остановись! Стой, или я стреляю!

Серджио не оглянулся, не остановился. Бенедикт наконец засунул алмазы в карман и освободил обе руки. Он поднял дробовик и прицелился, стараясь сохранить равновесие при качке.

В момент выстрела Серджио слегка споткнулся, но продолжал бежать. Добрался до трапа и стал подниматься по нему.

Бенедикт опять прицелился. Выстрел на ветру прозвучал глухо. На этот раз по крупному телу Серджио пробежала судорога боли, и он застыл на трапе.

Бенедикт рылся в карманах в поисках патронов, но прежде чем он их нашел, Серджио снова начал подниматься. Бенедикт переломил ружье и сунул патроны в гнезда. Он захлопнул дробовик и поднял голову как раз в тот момент, когда Серджио исчез за штормовой дверью. Два новых выстрела лишь поцарапали краску и разбили стекло рубки.

– Кретин! – сказал Крамер в рубке «Дикого гуся». – Он спятил. – Хьюго услышал взрыв и увидел стрельбу. – Пятнадцать лет и так много, а уж веревка мне ни к чему.

Он повернул руль, и «Дикий гусь» направился к «Зимородку». Глядя в залитый водой иллюминатор, Хьюго видел, как Бенедикт встал и двинулся вслед за Серджио к рубке.

Хьюго схватил громкоговоритель, раскрыл иллюминатор и поднес трубу ко рту:

– Эй, ты, тупица, ты с ума сошел? Что ты творишь?

Бенедикт оглянулся на траулер, но потом перестал обращать на крики внимание и перезарядил ружье. И продолжал идти вслед за Серджио.

– Нас всех из-за тебя вздернут, ты, придурок! – крикнул Хьюго в громкоговоритель. – Оставь его. Надо убираться.

Бенедикт продолжал двигаться к мостику «Зимородка».

– Я ухожу – немедленно! Слышишь? Варись сам в своем котле. Я ухожу.

Бенедикт остановился и снова посмотрел на траулер. Он что-то крикнул и указал на мостик. Хьюго разобрал одно слово: «Алмазы».

– Ну ладно, приятель! Как знаешь! Пока! – крикнул Хьюго и открыл дроссель. Рев двигателя и ускорившееся движение винта убедили Бенедикта.

– Погодите! Подождите меня, я возвращаюсь! – Он повернул к борту и начал спускаться.

Хьюго закрыл дроссель и аккуратно подвел «Дикого гуся» к лестнице.

– Прыгайте! – крикнул он. Бенедикт послушно прыгнул и тяжело приземлился на палубу. Дробовик вылетел у него из рук и упал в воду. Бенедикт тоскливо посмотрел ему вслед и пополз к рубке.

«Дикий гусь» уже отчалил и пошел по ветру. Когда Бенедикт вошел, Хьюго повернул к нему розовое лицо альбиноса и рявкнул:

– Что ты там делал, ублюдок? Ты мне солгал! Что это за взрыв?

– Взрыв? Не знаю. Какой взрыв?

Хьюго ладонью хлестнул его по лицу.

– Мы договорились: никаких убийств... а ты что натворил?

Бенедикт попятился в угол. Потер красные следы пальцев на щеке.

– Ты установил на «Зимородке» заряды, грязный сукин сын! Боже, страшно подумать, что ты сделал с Ленсом и девушкой.

Снаружи шторм бушевал в полную силу. Полил дождь – верный знак, что ветер скоро стихнет.

Хьюго машинально включил дворники, расчищавшие стекло рубки, продолжая обвинять Бенедикта:

– Я видел, как ты пытался убить итальянца. Боже! За что? Он один из нас! Я следующий в твоем списке?

– У него алмазы, – промямлил Бенедикт. – Я хотел отобрать их у него.

Выражение лица Хьюго изменилось. Он отвернулся от руля и посмотрел на Бенедикта.

– У тебя нет алмазов? Я не ослышался? – Голос его звучал почти болезненно.

– Закрой уши, крепче. – Джонни прижал Трейси к переборке в самом дальнем от циклона углу. – Там двадцать пять фунтов пластита – взорвется, как вулкан. Он использовал короткий фитиль – четырнадцать минут. Ждать недолго.

Джонни тесно прильнул к Трейси – хотел защитить своим телом.

Они смотрели в глаза друг другу, стиснув зубы, закрыв уши руками.

Проходили минуты, самые длинные минуты в жизни Трейси. Она не перенесла бы их, забилась бы в истерике, если бы не это большое тренированное тело, закрывавшее ее; но все равно она чувствовала нарастающий ужас.

Неожиданно ударила взрывная волна, и Трейси чуть не задохнулась. Джонни бросило на нее. Воздух надавил на барабанные перепонки, перед глазами сверкнули яркие огни, Трейси почувствовала, как стальная переборка за ней дрогнула.

Потом в голове прояснилось, и, хотя в ушах звенело, она с облегчением поняла, что еще жива.

Она поискала Джонни, но его не было. Она в страхе протянула руки, потом открыла глаза. Он бежал по длинному помещению к противоположной стене; добежав, прижался к окошку.

Дым после взрыва все еще заполнял помещение, клубящийся голубоватый дым, но сквозь него Джонни смог рассмотреть последствия.

Огромный циклон был сорван со своего основания и теперь упирался в дальнюю переборку – разбитый. Достаточно было одного взгляда – и Джонни застыл в полном ужасе.

Стальная труба, подающая гравий, была перерезана точно перед соединением с верхним люком. Она торчала на шесть футов, но теперь изгибалась и раскачивалась, как будто была не из стали, а из резины.

Из нее била толстая, в восемнадцать дюймов, струя коричневой грязи и желтого гравия вместе с морской водой; она с грохотом ударяла в стену корпуса.

За несколько секунд, прошедших со взрыва, помещение циклона уже наполовину заполнилось скользкой колеблющейся похлебкой, которая билась о стены в такт движениям судна. Как чудовищная медуза, с каждой секундой набиравшая силу и вес.

Трейси добралась до Джонни, и он обнял ее за плечи. Она посмотрела через окошко, и он почувствовал, как напряглось ее тело.

В этот момент желтое чудовище добралось до окна, закрыв его полностью. Джонни почувствовал, как дрожат у него под руками стальные плиты. Они начали выгибаться, громко протестуя против страшного давления. Появилась щель, и тонкая струйка грязной воды со свистом ударила из нее, обдав Джонни ледяным холодом.

– Назад. – Джонни оттащил Трейси от выгибающейся стонущей переборки. Они двигались с трудом: палуба под их ногами наклонилась, «Зимородок» начал крениться.

По-прежнему обнимая Трейси, Джонни добрался до стальной двери и сдержал стремление ударить по ней кулаками. Вместо этого он заставлял себя думать, старался предвидеть последовательность событий, которая приведет к гибели «Зимородка» – и всех на его борту.

Бенедикт оставил второй выход из помещения циклона открытым. Вязкая смесь воды и грязи уже устремилась в трюм по линии наименьшего сопротивления, находя слабые места и прорываясь в них.

Даже если стены конвейерного помещения выдержат, остальная часть корпуса будет заполнена, и они окажутся в щупальцах огромного желтого чудовища – крошечный пузырь воздуха, застрявший внутри, уйдет в глубины вместе с этой массой, когда она вернется на дно, откуда ее извлекли.

Но выдержат ли переборки конвейерной? Ответ он узнал почти немедленно: послышался скрежет металла, треск лопающихся плит.

Чудовище нашло слабое место – отверстие в сушильной печи, – смело хрупкие препятствия, в облаке пара прошло сквозь печь и хлынуло в конвейерную, принеся с собой запах морской глубоководной грязи.

«Зимородок» медлительно покачнулся – это движение разительно отличалось от его обычных проворных действий, – и грязь стеной высотой по колено устремилась по наклону.

Она со страшной силой прижала их к стальной двери, и они ощутили холод и отвращение, как будто угодили в какую-то гниль.

«Зимородок» наклонился в другую сторону, грязь покатилась к дальней стене, потом снова устремилась вперед.

На этот раз она покрыла их по пояс и пыталась утащить с собой при следующем повороте.

Трейси кричала, ее нервы не выдерживали, мышцы отказывали. Она вцепилась в Джонни, по пояс покрытая зловонным месивом, в ужасе раскрыв глаза и рот: она смотрела на грязь, собиравшуюся для следующего нападения.

Джонни ощупью искал какую-нибудь точку опоры. Они должны удержаться на ногах, если хотят пережить следующий натиск. Он отыскал ручку двери и навалился на нее, изо всех сил прижимая к себе Трейси.

Грязь опять двинулась на них – молчаливая, смертоносная. Она покрыла их с головой и с сокрушительной силой прижала к переборке.

Потом снова отошла, оставаясь им по колено и не утащив только потому, что Джонни держался за ручку.

Трейси выплевывала смрадную жижу, которая залепила ей глаза, уши и ноздри, забив их так, что трудно было дышать.

Джонни чувствовал, как Трейси в его объятиях слабеет; она все менее энергично пыталась удержаться на ногах.

Его тоже покидали силы. Они ушли на то, чтобы оставаться у двери.

Ручка в его руке повернулась. Стальная дверь, в которую он упирался, открылась; лишившись опоры, он пошатнулся, по-прежнему поддерживая Трейси.

Потребовалось мгновение, чтобы узнать крупную фигуру Серджио Капоретти, почувствовать поддержку его большой, как сосновый ствол, руки, но тут из конвейерной вырвалась новая волна грязи. Она сбила всех троих с ног и покатилась, теряя силу, по вновь завоеванному пространству.

Джонни поднимался, держась за переборку. Он потерял Трейси. Ошеломленно и отчаянно он искал ее, бормоча ее имя.

Он увидел ее лежащей вниз лицом. Взял за слипшиеся волосы и поднял голову, но грязь удерживала ее, лишала его равновесия.

– Серджио, на помощь! – прохрипел он. – Ради Бога, Серджио!

Итальянец поднял ее на руки, как ребенка, и побрел к трапу, ведущему вверх на палубу.

Несмотря на резь в глазах от грязи и морской воды, Джонни видел, что широкая спина Серджио, от плеч до бедер, пробита в десятках мест, как будто кто-то много раз колол его шилом. Из каждой ранки сочилась кровь.

Наверху Серджио остановился, по-прежнему держа Трейси на руках; он стоял, как колосс, и смотрел вниз на скользящего в грязи Джонни.

– Эй, Ленс, выключите вашу проклятую машину. Она потопит мой корабль. Теперь я сам его поведу – поведу куда нужно. Без этой проклятой машины.

Джонни, придерживаясь за переборку, крикнул:

– Серджио, что случилось с Бенедиктом Ван дер Билом? Где он?

– Думаю, на «Диком гусе» – но сначала он прострелил меня. Выключайте машину, некогда болтать.

И он унес Трейси.

Поток грязи снова потащил Джонни по коридору и бросил на дверь центра управления. Все его тело превратилось в один гигантский болезненный кровоподтек, и пока он пытался проникнуть внутрь, избиение продолжалось.

Наконец, воспользовавшись засасывающим движением грязи, он сумел открыть дверь и влетел в центр управления, подгоняемый волной желтой взвеси, доходившей ему до шеи.

Вцепившись в консоль, он начал нажимать клавиши.

Стоп драга.
Стоп двигатель драги.
Главный двигатель – на ручное управление.
Навигационная система – на ручное управление.
Завершение всех программ.

Немедленно стих рев перерезанной трубы, который сопровождал все их попытки спастись. Наступила тишина. Конечно, относительная, потому что корпус продолжал скрипеть и стонать под тяжестью, которую нес, и от ударов воды и грязи о переборки.

Испытывая слабость и головокружение, Джонни цеплялся за консоль. Он дрожал от холода, каждая мышца его тела болела.

Неожиданно характер движения корабля изменился, он вздыбился, как загарпуненный кит, и повернул по ветру. Джонни в тревоге встал.

Путь к мостику через полузатопленные коридоры принес новые мучения мозгу и телу: «Зимородок» вел себя теперь странно и неестественно.

Картина, которую Джонни увидел с мостика, вызвала тот же леденящий ужас, что и волна ледяной грязи.

Менее чем в фарлонге впереди и чуть справа лежали Молния и Самоубийство. Оба острова были затянуты сплошным потоком брызг и пены: об их подножия с пушечным громом бился океан.

Рев ветра смешивался с грохотом прибоя, создавая симфонию, достойную залов ада, но сквозь этот дьявольский шум слышался крик Капоретти:

– Отказал левый главный двигатель!

Джонни повернулся к нему. Серджио склонился над рулем, Трейси лежала на столе с картами, как выброшенная кукла.

– Вода убила левый двигатель. – Капитан пытался включить судовой телеграф. Оставив эти попытки, он посмотрел направо.

Белые утесы теперь были ближе, гораздо ближе – казалось, до них можно дотянуться рукой. Корабль быстро дрейфовал к ним по ветру.

Серджио переложил руль влево, пытаясь развернуться носом к волнам и ветру. «Зимородок» раскачивался так, как не должен этого делать ни один корабль: задерживался на каждой волне, кренился, и в эти мгновения рубка находилась лишь в нескольких футах от зеленых гребней. «Зимородок» зависал, как будто не собирался подниматься. Потом медленно, неохотно начинал обратное движение, постепенно ускоряясь, становясь вертикально, а огромная масса воды и грязи в корпусе удерживала корабль, так что спустя всего несколько секунд он снова начинал медленно заваливаться.

Серджио мертвой хваткой вцепился в руль, но «Зимородок» продолжало нести в сторону Молнии и Самоубийства. Ветер тащил корабль, как собака несет в зубах кость. С одним двигателем, затопленный водой, «Зимородок» не мог вырваться.

Джонни оставался беспомощным зрителем; оцепенев от ужаса, он не мог даже подойти и оказать помощь Трейси. Он видел все со сверхъестественной ясностью: от кровоточащих ранок в спине Серджио до мощного, непреодолимого натиска воды на белые утесы, которые теперь виднелись совсем рядом.

– Не слушается руля. Плохо дело. – Капитан говорил теперь обычным тоном, но голос его, как ни странно, легко пробивался сквозь бурю. – Ладно. Попробуем по-другому. Пройдем в щель.

Мгновение Джонни не понимал, потом увидел, что нос «Зимородка» находится почти посередине между двумя островами.

Это был пролив всего в сто ярдов в самом узком месте, где сильные встречные течения сталкивались, взметая фонтаны воды. Вся поверхность здесь была покрыта пеной, громоздившейся горами, как будто океан под этим толстым одеялом боролся за глоток воздуха.

– Нет. – Джонни покачал головой, глядя на страшный проход. – Мы не сможем. Не пройдем.

Но Серджио уже взялся за руль, и, как ни странно, «Зимородок» откликнулся. Теперь ему помогал ветер, и корабль медленно поворачивался, казалось, задевая бортами утесы. Он нацелился в щель. И тут Джонни увидел:

– Боже, прямо впереди судно!

Крутые волны до сих пор скрывали его, но теперь его вынесло на гребень. Крошечный траулер бился в челюстях Молнии и Самоубийства.

– «Дикий гусь»! – закричал Серджио и потянулся к туманному горну, висевшему у него над головой. – Теперь позабавимся! – И он поднес к губам горн. Хриплый звук отразился от утесов, сближавшихся по обе стороны. – Убил моих парней, да? Стрелял в меня, да? Обманывал меня, да? Теперь я тебя обману, хорошо обману! – Серджио подчеркивал свои торжествующие крики звуками горна.

– Боже, нет! Не нужно! – Джонни схватил итальянца за плечо, но Серджио отбросил его руку и направил корабль прямо на траулер, застрявший в узком проходе.

– Я его предупредил. – Серджио опять протрубил в горн. – А он меня не предупреждал, когда стрелял, ублюдок!

На палубе траулера видна была группа людей. На глазах у Джонни они потащили к ближайшему борту надувной спасательный плот, толстый матрац из черной резины. Услышав туманный горн «Зимородка», они застыли, глядя на надвигающийся на них высокий стальной утес. Их лица казались в полутьме бледными пятнами.

– Серджио. Это убийство. Отверните, черт возьми, мы можем разойтись с ними. Отворачивайте! – Джонни устремился через рубку и схватился за руль.

Серджио нанес боковой удар, который пришелся Джонни по виску и отбросил его к штормовой двери.

– Кто капитан этого проклятого корабля? – На губах Серджио выступила кровь: крик что-то разорвал у него внутри.

Нос «Зимородка» нависал над траулером, как топор палача. Они теперь были настолько близко, что Джонни мог узнать людей на палубе – но только один из них привлек его внимание.

Бенедикт Ван дер Бил укрывался у поручня, цепляясь за него обеими руками. Волосы его, темные и мягкие, распластались на ветру. Глаза напоминали темные дыры на мертвенно-бледном лице, а округленные в крике губы – ярко-красное кольцо.

Траулер внезапно исчез под массивным носом «Зимородка», и сразу донесся оглушительный треск раскалывающейся обшивки. «Зимородок», не замедляя хода, прошел в щель между утесами.

Джонни нащупал запор штормовой двери и распахнул ее. Шатаясь, он прошел на крыло мостика и вцепился в поручень.

Ветер рвал его одежду, а он стоял и смотрел на обломки, которые появились за кормой «Зимородка».

Среди обломков виднелись человеческие головы; волна, поднятая «Зимородком», несла людей к утесам.

Она подхватила одного из пловцов и бросила на утес; бросила высоко, отступив и оставив тело на гладком белом граните.

Человек был жив: Джонни видел, как он цепляется за гладкий камень пальцами, стараясь уползти подальше от моря.

Это был Хьюго Крамер; даже в облаке пены ни с чем нельзя было спутать эту светловолосую голову и стройное тело.

Налетела следующая волна и еще выше подняла его на утес, он пытался уцепиться, но волна легко отбросила его.

Хьюго смыло в воду, он погрузился, а очередная волна снова подхватила его и бросила на гранит. Силой удара ему сломало ногу у колена, и ее нижняя часть повисла, как крыло ветряной мельницы.

Волна вновь оставила распростертое тело на граните, но на этот раз Хьюго не шелохнулся. Он лежал, раскинув руки, нога торчала под неестественным углом.

И тут из моря поднялась гигантская зеленая масса, в сравнении с которой прежние волны казались карликами.

Она медленно и величаво надвинулась и нависла над утесом, прежде чем обрушиться на изломанное тело Хьюго с грохотом, потрясшим основание скалы.

Когда гигантская волна отступила, Хьюго не было.

Та же волна, что уничтожила его, прошла по проходу между утесами, по-матерински нежно подняла «Зимородок» и вынесла в открытое море, за пределы бушующей, покрытой пеной воды.

Оглянувшись на пролив, Джонни увидел последнее, что осталось от «Дикого гуся», – черный резиновый плот, который прыгал на волнах в самом бурном месте.

– Им от него никакой пользы, – сказал он вслух. Поискал уцелевших, но никого не увидел. Челюсти Молнии и Самоубийства поймали их и утянули в холодную зеленую утробу моря.

Джонни отвернулся и пошел в рубку. Он поднял Трейси со стола и отнес ее в каюту Серджио.

Укладывая девушку на койку, он прошептал:

– Я рад, что ты этого не видела, дорогая.

В полночь ветер по-прежнему ревел, швыряя на мостик струи дождя. Сорок минут спустя он повернул на сто восемьдесят градусов и стал легким юго-восточным ветерком. Черное небо раскрылось, как театральный занавес, среди бледных звезд показалась полная луна. Хотя высокие волны по-прежнему воинскими рядами маршировали на север, мягкий ветерок успокаивал и сглаживал их.

– Серджио, отдохните. Я возьму руль. Пусть Трейси займется вашей спиной.

– Вы возьмете руль! – презрительно фыркнул капитан. – Я спас корабль – а вы его потопите. Нет.

– Послушайте, Серджио. Мы не знаем, как тяжело вы ранены. Вы убиваете себя.

Спор этот вспыхивал и затихал на протяжении долгих ночных часов. Серджио упрямо держался за руль, терпеливо направляя с трудом двигавшийся корабль в Картридж-Бей. Он настоял на том, чтобы сделать большой круг в открытом море, избегая островов, так что, когда пришел рассвет, земля проступала далекой линией на горизонте, над которой возвышались синие горы.

Час спустя Джонни связался по радио с взволнованным дежурным в Картридж-Бей.

– Мистер Ленс, мы пытаемся связаться с вами со вчерашнего вечера.

– Я был занят. – Несмотря на усталость, Джонни улыбнулся своему утверждению. – Теперь послушайте. Мы возвращаемся в Картридж-Бей. Будем часа через два. Я хочу,

чтобы из Кейптауна прилетел врач – доктор Робин Сазерленд. Вызовите также полицию. Пусть пришлют кого-нибудь из отдела алмазов, а также из отдела по расследованию убийств и грабежей. Вы поняли?

– Полиция уже здесь, мистер Ленс. Ищут мистера Бенедикта Ван дер Била. Здесь нашли его машину, у них ордер на арест... – Дежурный смолк, и Джонни услышал чьи-то отдаленные голоса. – Мистер Ленс, вы слушаете? С вами хочет говорить инспектор Стендер из отдела по расследованию убийств.

– Нет! – Джонни прервал разговор. – Я ни с кем не буду разговаривать. Он может подождать, пока мы вернемся в Картридж-Бей. Немедленно вызовите доктора Сазерленда. На борту тяжелораненый. – Джонни выключил радио и медленно вернулся на мостик. Каждая мышца его тела была напряжена и болела, от усталости кружилась голова, но он снова начал спорить с Серджио: – Послушайте меня наконец. Вы должны лечь. Вы нас вывели из трудного положения; теперь вам нужно отдохнуть.

Серджио не оставил руль, но согласился раздеться по пояс, чтобы Трейси осмотрела его спину.

На всей спине виднелись черные дырочки, каждая была окружена кровоподтеком. Некоторые запечатала засохшая кровь, из других все еще сочилась жидкость – прозрачная или розовая, и от ран шел слабый сладковатый запах.

Джонни и Трейси обменялись тревожными взглядами, девушка раскрыла медицинскую сумку и принялась за работу.

– Как я там? Красавчик? – Землистое лицо противоречило жизнерадостному тону Серджио.

– Смотря как относиться к сырому мясу, – в тон ему ответил Джонни, и Серджио засмеялся, но тут же сморщился от боли.

Ленс вставил итальянцу в рот сигару и поднес спичку. Серджио запыхтел в полумраке, а Джонни как бы невзначай спросил:

– Что вас заставило передумать?

Серджио быстро и виновато взглянул на него сквозь облако сигарного дыма.

– Вы ведь нас закрыли. И могли уйти, – спокойно продолжал Джонни. – Почему же вы вернулись?

– Послушайте, Джонни. Я... мне приходилось делать ужасные вещи, но я никогда не убивал... никогда. Он сказал, убийств не будет. Отлично, я согласился. Потом услышал взрыв пластита. Я знал, что вы в конвейерной. Подумал, к черту все это. Хотел выпрыгнуть из вагона, но он шел слишком быстро. Получил полный заряд в спину.

Они немного помолчали. Трейси заклеивала пластырем раны.

Джонни нарушил молчание.

– Был среди них большой алмаз? Большой голубой алмаз?

– Si, – вздохнул Серджио. – Такой больше никогда не увидишь.

– Он у Бенедикта?

– Si. У Бенедикта.

– Где он его держал?

– В кармане пиджака. Он его положил в карман.

Трейси отступила.

– Это все, что я могу сделать, – сказала она и, уловив взгляд Джонни, тревожно помотала головой. – Чем быстрее его осмотрит врач, тем лучше.

Вскоре после полудня Серджио провел «Зимородок» в Картридж-Бей. Он держался с апломбом старого морского волка, но, когда прошли первый поворот канала, заметно сник, и штурвал вырвался из его рук.

Перехватить руль Джонни не успел, и «Зимородок» уперся в стену канала. Он прошел совсем небольшое расстояние и остановился с легким толчком, накренившись на несколько градусов.

Джонни остановил двигатель.

– Помоги мне, Трейси. – Он склонился к Серджио и взял его под мышки. Девушка схватила капитана за ноги. Полутаща, полунеся, они доставили его в каюту и уложили на койку.

– Эй, Джонни. Прости, – бормотал Серджио. – Я впервые посадил корабль на берег. Дурак! Так близко – и вот. Прости, Джонни.

Моторный катер отошел от причала и направился к «Зимородку» по каналу между песчаными берегами, на одном из которых лежал корабль. Катер был забит людьми, и шум его двигателя поднял целые стаи водяных птиц.

Когда катер подошел ближе, Джонни кое-кого узнал: Майк Шапиро, рядом с ним Робин Сазерленд. Кроме них присутствовали два полицейских в форме и один человек в штатском, который крикнул в сведенные рупором руки:

– Я полицейский офицер. У меня ордер на арест Бенедикта...

Майк Шапиро коснулся его руки и что-то негромко сказал. Офицер заколебался и снова посмотрел на Джонни, потом кивнул в знак согласия и сел.

– Робин, поднимайтесь как можно быстрее, – крикнул Джонни и, когда доктор поднялся на палубу, торопливо повел его к мостику, однако следом устремился Майк Шапиро.

– Джонни, я должен с тобой поговорить.

– Это подождет.

– Нет. – Майк Шапиро повернулся к Трейси: – Не возьмете доктора на себя? Я должен поговорить с Джонни до полиции.

Майк отвел его в сторону и предложил сигарету. Полицейские остановились на приличном расстоянии.

– Джонни, у меня ужасная новость. Я хочу рассказать тебе сам.

Ленс заметно напрягся.

– Да?

– Руби...

Джонни сделал заявление для полиции в гостевой каюте «Зимородка». Его рассказ занял два часа, и за это время один из полицейских обнаружил закрытый в кладовой экипаж. Матросы отравились запахом краски, но смогли дать показания.

Инспектор оставил их в соседней каюте ждать окончания разговора с Джонни.

– Еще два вопроса, мистер Ленс. Было ли столкновение между судами, по вашему мнению, случайным или намеренным?

Джонни взглянул в серо-стальные глаза и впервые солгал:

– Оно было неизбежно.

– Последний вопрос. Каковы шансы на то, что кто-нибудь на траулере выжил?

– В такую бурю никаких. Мы не могли их спасти, так как «Зимородок» не слушался руля, к тому же там сильное течение и прибой.

– Понимаю. – Инспектор кивнул. – Спасибо, мистер Ленс. Пока все.

Джонни вышел из каюты и быстро пошел на верхнюю палубу. Трейси и Робин все еще хлопотали у койки Серджио, но доктор поднял голову и сразу подошел к остановившемуся в двери Джонни.

– Как он, Робин?

Сазерленд покачал головой.

– Он умирает. Не понимаю, как он продержался так долго.

Джонни подошел к койке и положил руку на плечо Трейси. Она придвинулась к нему, и они стояли, глядя на Серджио.

Глаза его были закрыты, темная щетина покрывала нижнюю часть лица, щеки лихорадочно горели, в каюте слышалось громкое дыхание.

– Старый мошенник, ты великолепен, – негромко сказал Джонни.

Серджио открыл глаза.

Джонни быстро склонился к нему.

– Серджио. Экипаж – ваши парни живы.

Итальянец улыбнулся. Он закрыл темные газельи глаза, потом снова открыл их и с трудом прошептал:

– Джонни, дашь мне работу, когда я выйду из тюрьмы?

– Тебя не возьмут в тюрьму – тюрьма этого не выдержит.

Серджио хотел рассмеяться. Он умудрился напряженно улыбнуться и приподнялся на локтях, выпучив глаза и судорожно хватая ртом воздух. Зашелся в ужасном лающем кашле, и кровь густым потоком хлынула с его губ.

Он упал на подушку и умер, прежде чем Робин успел подойти к нему.

Трейси спала в соседней комнате. Робин дал ей сильное снотворное, так что она должна была проспать не менее двенадцати часов.

Джонни нагой лежал на узкой койке второй гостевой комнаты главного здания Картридж-Бей; он включил лампу у кровати: на часах было два сорок шесть ночи.

Он оглядел свое тело. На ребрах и боках виднелось множество синяков: волна грязи сильно побила его о стальные переборки. Он жалел, что отказался от предложенного Робином снотворного: боль в теле и вихрь мыслей всю ночь не давали ему уснуть.

Мозг его крутился в кошмарной карусели. Джонни все время вспоминал две смерти, виновником которых был Бенедикт Ван дер Бил, и думал о тех мрачных местах, куда он теперь отправился.

Руби и Серджио. Руби и Серджио. Он видел, как умер Серджио, а смерть Руби представлял во всех ужасных подробностях.

Джонни сел и закурил, стараясь отвлечься от жутких картин, которые создавал его перенапряженный мозг.

Он старался сосредоточиться на необходимых практических шагах, которые следовало предпринять, чтобы смягчить последствия этих катастрофических дней.

Вечером он говорил по радио с Ларсеном, и тот пообещал ему полную финансовую поддержку до тех пор, пока из корпуса «Зимородка» не будет убрана грязь, а сам корабль не будет отремонтирован и сможет снова приступить к жатве богатых полей Молнии и Самоубийства.

Ремонтная команда прилетает завтра и немедленно начнет работу. Джонни вызвал также специалиста из IBM, чтобы ликвидировать повреждения, нанесенные водой компьютеру.

По оценке Джонни, через шесть недель «Зимородок» снова мог выйти в море.

Но тут взбудораженное воображение подсунуло ему картину похорон Руби. Они были назначены на следующий четверг. Джонни беспокойно ворочался, стараясь ни о чем не думать, но мысли толпились, как призрачное войско.

Руби, Бенедикт, Серджио, большой голубой алмаз.

Он снова сел, погасил сигарету и потянулся выключить лампу.

И застыл: ему в голову пришла новая мысль.

Он услышал голос Серджио: «*Такой больше никогда не увидишь*».

У Джонни зашевелились волосы от возбуждения.

– Красные Боги! – воскликнул он. И снова вспомнил голос Серджио: «*В кармане пиджака. Он его положил в карман*».

Джонни спустил ноги с кровати и потянулся к одежде. Застегивая рубашку, он пальцами ощущал биение своего сердца. Надел брюки и свитер, завязал шнурки ботинок и, выбегая из комнаты, схватил овчинную куртку.

Надевая ее, он вошел в пустынную радиорубку и зажег свет. Подошел к карте и всмотрелся в нее. Отыскал на карте название и произнес вслух:

– Красные Боги.

К северу от Картридж-Бей берег тридцать миль шел прямо, затем эту прямую нарушал выступ красных скал, выдающихся в океан, как указующий перст.

Джонни хорошо знал этот район. Его работой было находить и изучать такие места, где преобладающее прибрежное течение встречает преграды. Тут на берег выбрасывает алмазы и другую добычу моря.

Он вспомнил красные каменные утесы, превращенные ветром и волнами в гротескные природные статуи, которые и дали местности название, но что гораздо важнее, он вспомнил огромное количество обломков, выброшенных океаном на берег к подножию утесов. Доски, куски обшивки, пустые бутылки, пластиковые контейнеры, обрывки нейлоновых сетей, пробки – все, что бросают за борт, течение уносит к этому мысу.

Он пробежал пальцами по карте и задержался на двух точках – Молнии и Самоубийстве. Прочел лаконичные надписи возле маленьких стрелок, которые указывали от островов на Красных Богов.

– Направление течения юго-юго-запад, скорость пять узлов.

Над столом с картами на крючках висело множество ключей; Джонни выбрал два, с надписями «гараж» и «лендровер».

Полная луна стояла высоко. Ночь была тихая, ни ветерка. Джонни открыл двойные двери гаража и включил фары «лендровера». При их свете проверил машину: бак полон бензина, запасные пятигаллонные канистры тоже, как и баллон с питьевой водой. Опустил палец в горлышко баллона и попробовал. Вода чистая и пресная. Поднял пассажирское сиденье и посмотрел, что там лежит: домкрат, гаечные ключи для шин, аптечка, фонарик, сигнальные ракеты, дымовые шашки, фляжка, брезент, два пакета с сухим пайком, верев-

ка, сумка с инструментами, рюкзак, нож и компас. «Лендровер» был экипирован с учетом всех неожиданностей пути.

Джонни сел за руль и запустил двигатель. Он медленно и тихо проехал мимо строений, не желая никого будить, но когда добрался до первой полоски песка на берегу лагуны, включил фары и двигатель на полную мощность.

По песчаным дюнам он проехал к краю залива и повернул вдоль берега на север. Фары отбрасывали в морской туман два прямых столба света, испуганные морские птицы, как призраки, взлетали перед «лендровером».

Отлив обнажил берег, жесткий и влажный, как гудронная дорога. Джонни ехал быстро; фары слепили береговых крабов, и те хрустели под колесами.

Ранний рассвет обозначил загадочные силуэты дюн на фоне неба.

Один раз Джонни спугнул берегового волка – из тех коричневых гиен, что охотятся в полосе отлива. Волк, причудливо выгнув холку, в страхе умчался в безопасность дюн. Даже в спешке, Джонни при виде этого уродливого создания почувствовал приступ отвращения.

Холодный ветер в лицо освежил Джонни. Глаза перестали гореть, легче бился пульс бессонницы в висках.

Солнце поднялось над горизонтом и осветило в пяти милях впереди Красных Богов, как театральный прожектор сцену. Они пламенели в рассветных лучах, огромные получеловеческие фигуры, марширующие в море.

«Лендровер» приближался к ним. Свет и тени играли на поверхности утесов, и Джонни увидел высокую стофутовую фигуру Нептуна, наклонившегося, чтобы окунуть красную бороду в воду, а рядом с ним примостился карлик с головой волка. Ряд девственных весталок в длинных красных платьях уходил в море среди теней. Все было странно и тревожно. Джонни обуздал воображение и все внимание устремил на берег у подножия утесов.

От того, что он увидел, по спине вновь побежали мурашки. Джонни нажал на акселератор и помчался по мокрому песку туда, где белое облако морских птиц кружило, ныряло и прыгало вокруг чего-то на самом краю воды.

Когда он приблизился, мимо пролетела чайка. Из ее клюва свисало что-то длинное и красное, и в полете чайка жадно глотала. Зоб ее раздулся и был выпачкан кровью.

Когда «лендровер» подъехал, птицы с хриплыми возмущенными криками разлетелись, оставив в центре песчаного пятна, усеянного их следами, перьями и испражнениями, человеческое тело.

Джонни остановил машину и выпрыгнул. Он только раз взглянул и, отвернувшись, согнулся, держась за крыло «лендровера».

Его вырвало.

Тело было обнажено, если не считать нескольких обрывков ткани и сапога на одной ноге. Птицы исклевали всё, кроме черепа. Лицо было неузнаваемо. Нос исчез, на месте глаз чернели пустые впадины. Губ не было, были видны оскаленные зубы.

Над исчезнувшим лицом торчала копна белых волос, как парик в чьей-то непристойной шутке.

Хьюго Крамер завершил свой долгий путь от Молнии и Самоубийства до Красных Богов.

Джонни достал из-под сиденья брезент. Отводя взгляд, тщательно завернул тело, перевязал веревкой и оттащил от воды.

Толстый брезент предохранит от птиц, но для большей надежности Джонни собрал обломки дерева и досок, разбросанные по всему берегу, и засыпал труп.

Некоторые куски обшивки были выброшены на берег недавно, краска на них была совсем свежая. Джонни предположил, что это следы крушения «Дикого гуся».

Он вернулся к «лендроверу» и, не отдаляясь от берега, поехал к Красным Богам, расположенным в миле отсюда.

Солнце уже стояло высоко, жара становилась трудноперенosимой. Джонни, не останавливаясь, стащил с себя куртку.

Он искал стаи чаек, но вместо этого увидел большой черный предмет, лежавший перпендикулярно береговой линии.

Он подъехал на пятьдесят ярдов, прежде чем понял, что это.

Внутри у него что-то дернулось и сжалось.

Черный резиновый надувной плот – и его вытащили на берег, далеко за линию воды.

Выбираясь из «лендровера», Джонни чувствовал, как дрожат ноги, будто он только что поднялся на гору. Напряжение внутри мешало дышать.

Он медленно шел и рассматривал следы на песке.

Полоса от плота и две полоски человеческих следов. Одна оставлена босыми ногами, широкими ступнями, с плоскими пальцами – отпечатки человека, привыкшего ходить босиком.

Это следы одного из цветных матросов с «Дикого гуся», решил Джонни, забыл о них и обратился к другому следу.

Ноги обутые, следы длинные и узкие, отпечатки кожаных ботинок; края следов четкие, значит, обувь новая, ношенная мало, длина следа и глубина отпечатков свидетельствуют о том, что прошел высокий человек плотного сложения.

С некоторым удивлением Джонни понял, что у него затряслись руки и даже губы. Он был как в лихорадке, голова кружилась, он ослаб и дрожал. Бенедикт Ван дер Бил. Джонни с полной уверенностью понял, что это так. Бенедикт уцелел в катастрофе у Молнии и Самоубийства.

Джонни сжал кулаки, выставил вперед челюсть, сжал губы. Ненависть темными волнами заливала его мозг.

– Слава Богу! – прошептал он. – Слава Богу! Теперь я могу убить его своими руками.

Песок вокруг плота был испещрен следами. Рядом лежала доска, с помощью которой сорвали контейнер с водой и ящик с пищей, прикрепленные к настилу плота.

Ящик был опустошен и брошен. Пакеты унесли в карманах, чтобы уменьшить вес, но контейнер с водой исчез.

Два следа уходили прямо в дюны. Джонни побежал по ним, но на первой же обдуваемой ветром дюне сбился с пути.

Но он не пал духом. Дюны тянулись всего на тысячу ярдов, сменяясь затем равниной и солончаками.

Джонни вернулся к «лендроверу». Теперь он полностью владел собой. Ненависть тугим комком засела где-то в районе ребер, и он несколько секунд глядел на микрофон, раздумывая, не связаться ли с Картридж-Бей.

У инспектора Стендера есть полицейский вертолет. Он стоит у главного здания. Инспектор мог бы быть здесь через тридцать минут. Еще час – и они отыщут Бенедикта Ван дер Била.

Джонни отказался от этой идеи. Официально Бенедикт мертв, утонул. Никто не станет искать его в неглубокой могиле в пустыне Намиб.

Конечно, матрос представлял собой проблему; но его можно было подкупить или запугать. Ничто не должно стоять между Джонни и местью. Ничто.

Джонни раскрыл багажник «лендровера» и отыскал нож. Подошел к плоту и в десятке мест пропорол толстую резину. Воздух со свистом вышел, плот осел.

Джонни сложил его и спрятал в багажник. Зароет плот в пустыне: нельзя оставлять свидетельств того, что Бенедикт добрался до берега.

Он запустил двигатель, включил передачу на все колеса и поехал по цепочке следов.

Он пробирался среди долин и по острым, как нож, гребням песчаных холмов.

Спускаясь с последней дюны, Джонни почувствовал, как его обступают гнетущая тишина и необъятность. Здесь, всего в миле от моря, смягчающее влияние холодного Бенгуэльского течения уже не чувствовалось.

Жара стояла страшная. Джонни чувствовал, как пот, выступив из пор, мгновенно высыхает в сухом смертоносном воздухе.

Он развернул «лендровер» параллельно линии дюн и пополз на скорости пешехода, свесившись из машины и всматриваясь в землю. Яркие пятна слюды обдавали его лицо волнами тепла.

Он снова обнаружил след, ведущий от дюн, и поехал вдоль него прямо к далекой линии гор, которые уже растаяли в голубой дымке: к полудню зной усилился.

Джонни двигался урывками, которые перемежались остановками и утомительными поисками на каменистых плоскостях и пересеченной местности. Дважды приходилось оставлять «лендровер» и двигаться на сложных участках пешком, чтобы не потерять след, но однажды он проехал за несколько минут целых четыре мили по солончаку. Следы, как цепочка бус в ожерелье, отчетливо выделялись на блестящей поверхности.

За солончаком следы увели в лабиринт черных скал, перерезанных ущельями и охраняемых высокими монолитами неправильной формы.

В одном из таких ущелий Джонни нашел Ханси, маленького цветного матроса с «Дикого гуся». Череп его был разбит окровавленным камнем, лежавшим рядом. Кровь уже засохла, и Ханси пустыми глазами смотрел в безжалостное небо. На его лице застыло удивление.

На песчаном дне ущелья отчетливо читалась история этого нового преступления. Вот множество перепутанных следов – тут двое спорили. Джонни догадывался, что Ханси хотел повернуть назад. Он, должно быть, знал, что дорога за горами – в сотнях миль отсюда. Он хотел добираться до Картридж-Бей берегом.

Спор кончился, когда Ханси повернулся спиной к Бенедикту и пошел обратно по своим следам.

В песке виднелось углубление: здесь Бенедикт подобрал камень и пошел за матросом.

Стоя над Ханси и глядя на его разбитую голову, Джонни впервые понял, что преследует безумца.

Бенедикт Ван дер Бил сошел с ума. Он больше не человек, он озлобленный бешеный зверь.

– Я убью его, – пообещал Джонни седой кудлатой голове старого Ханси. Больше не было нужды увиливать.

Если он догонит Бенедикта и убьет его, ни один суд в мире не усомнится, что он действовал в пределах самообороны. Бенедикт сам поставил себя вне человеческих законов.

Джонни достал сдутый резиновый плот и накрыл им Ханси. Края плота он прижал камнями.

Теперь он ехал посреди стен удушливой жары с новым настроением – взвинченный, полный смертоносного ожидания. Он знал, что сейчас и сам отчасти стал зверем, заразился жестокостью человека, за которым охотился. Он хотел, чтобы Бенедикт Ван дер Бил заплатил сполна – и той же монетой. Жизнь за жизнь, кровь за кровь.

Проехав милю, он увидел контейнер для воды. Его отшвырнули в ярости, вода вылилась из горлышка, оставив в жаждущей земле сухую выемку.

Джонни недоверчиво смотрел на это. Даже безумец не может обречь себя на такую страшную смерть.

Ленс подошел к лежавшей на боку пятигаллонной бочке. Подобрал ее, потряс: внутри оставалось около пинты жидкости.

– Боже! – прошептал он, чувствуя, вопреки всему жалость. – Теперь он погиб. – Джонни поднес контейнер к губам и сделал глоток. Рот и нос обожгло, он с отвращением сплюнул, бросив контейнер и вытирая губы ладонью. – Морская вода! – произнес он. Заторопился к «лендроверу» и промыл рот сладкой пресной водой.

Он никогда не узнает, как это произошло. Плот, вероятно, годами лежал на «Диком гусе», и никто не проверял его снаряжение.

С этого момента Бенедикт должен был знать, что обречен. Его отчаяние легко читалось в неуверенных следах. Сначала он побежал, гонимый паникой. Через пятьсот ярдов тяжело упал на дно высохшего ручья и некоторое время лежал, потом выбрался на берег.

Он сбился с пути и начал отклоняться к северу. Сделав круг и наткнувшись на собственные следы, Бенедикт сел: отпечатки ягодиц виднелись совершенно отчетливо. По всей видимости, он справился с паникой: следы снова повели к горам.

Однако через полмили Бенедикт споткнулся и упал. Он снова сбился с направления, двинувшись на юг. Еще раз упал и потерял ботинок.

Джонни подобрал его и вслух прочел на внутренней стороне подошвы золотые печатные буквы: «Швейцария. Специально для магазинов "Харродз"».

– Да, это наш мальчик Бенедикт. Ботинки за сорок восемь гиней, – мрачно сказал Джонни и снова сел в «лендровер». Возбуждение его все нарастало. «Скоро, очень скоро».

Бенедикт оказался в сухом русле, повернул и пошел по нему. Правую ногу он порезал об острые камни, о чем свидетельствовали капли черной запекшейся крови. Судя по следу, он шатался, как пьяный.

Джонни с трудом вел «лендровер» по камням, устилавшим русло. Оно углубилось, с обеих сторон нависли острые гребни. Воздух превратился в тяжелое удушливое одеяло. Он жег горло, сушил рот. С гор подул легкий ветерок, который не принес облегчения, а только усилил удары солнца и нестерпимую духоту.

Вдоль русла были разбросаны низкие кусты. Уродливые маленькие растения, которые выдержали долгие годы засух.

На одном из кустов перед «лендровером» летаргически медленно замахала крыльями хищная черная птица. Джонни заслонил глаза, не уверенный, что именно увидел. Может, мираж?

Неожиданно птица превратилась в темно-синий пиджак. Он висела на кусте, ветер раскачивал полы из дорогой материи.

В кармане пиджака. Он его положил в карман.

Не отрывая взгляда от пиджака, Джонни вдавил акселератор, и «лендровер» прыгнул вперед. Ленс не заметил на пути большой, по колено, обломок железняка. Он столкнулся с ним на скорости в двадцать миль, и, под скрежет разрываемого металла, «лендровер» застыл. Джонни ударился грудью о руль, отчего из его легких вырвался воздух.

Он все еще сгибался от боли, с трудом сражаясь за глоток воздуха, когда нагнулся и схватил пиджак с куста.

Пиджак был тяжел от груза в кармане.

И вот увесистый холщовый мешочек у Джонни в руках, содержимое скрипело, когда он разрывал веревку. Ничто на земле не дает такого ощущения.

Такой больше никогда не увидишь.

Узел оказался тугим. Джонни побежал к «лендроверу». Лихорадочно порылся под сиденьем и нашел нож. Перерезал веревку и высыпал содержимое на капот машины.

– О Боже! О милосердный Боже! – шептал он растрескавшимися губами. Все вокруг расплывалось, и большой голубой алмаз смутным пятном виднелся сквозь слезы, набежавшие на глаза Джонни.

Прошло не менее минуты, прежде чем он решился тронуть его. И почтительно прикоснулся – как будто это священная реликвия.

Джонни Ленс всю жизнь работал, чтобы найти такой камень.

Держа его в обеих руках, он сел в тени «лендровера».

Еще через пять минут его сознание отметило острый запах машинного масла.

Он повернул голову и увидел под шасси автомобиля тонкую струйку масла. Быстро лег на живот и, по-прежнему сжимая алмаз, заполз под машину. Обломок железняка разбил поддон картера. «Лендровер» «истек кровью» в сухом русле.

Джонни выбрался из-под машины и оперся на переднее колесо. Посмотрел на часы и удивился: шел уже третий час пополудни.

Он удивился также тому, каких усилий ему стоило сфокусировать взгляд на циферблате. Два дня и две ночи без сна, неослабевающее эмоциональное напряжение этих дней и ночей, удары, которые вынесло его тело, долгие часы жары и убивающей душу пустоты этого лунного ландшафта – все это сказывалось. У него кружилась голова, как при легком опьянении, он начинал действовать нерационально. Это неожиданное безрассудное движение по руслу, погубившее машину, было серьезным симптомом.

Он поиграл большим алмазом – поднес к губам, провел пальцами по его теплой поверхности, перекладывая из руки в руку, – а в это время все мышцы в его теле, сам костный мозг – все просило отдыха.

Мягкое предательское оцепенение сковывало тело, окутывало сознание. Джонни закрыл глаза – на мгновение, чтобы отдохнуть от блеска, но когда снова открыл их, было уже четыре. Он с трудом встал. Тень в русле стала длиннее, ветер улегся.

Хотя он все еще двигался с медлительностью старика, сон освежил мозг. Поглощая из пачки галеты, намазанные паштетом, и запивая их тепловатой водой, Джонни принял решение.

Он закопал мешочек с алмазами в песке возле «лендровера», но не смог заставить себя расстаться с «Большим Голубым». Положил его в карман брюк, который надежно застегнул.

В легкий рюкзак сунул двухпинтовую фляжку с водой, аптечку, небольшой наручный компас, две дымовые шашки и нож. Проверил карманы: зажигалка на месте.

И, даже не взглянув на радио на приборной доске «лендровера», повернулся и пошел по следу Бенедикта Ван дер Била.

Через полмили немота в теле прошла, он ускорил шаг и теперь шел быстро. Ненависть и жажда мести, которые превратились в пепел, когда он нашел алмазы, теперь вспыхнули новым огнем. Этот огонь давал силу его ногам и обострял чувства.

След резко повернул к стене. Джонни потерял его, но тут же нашел снова.

Бенедикт был теперь близко. Очевидно, он быстро слабел: часто падал и полз на окровавленных коленях по жесткому гравию и камням, оставляя на колючках клочья одежды.

Потом след вынырнул из ущелий и кустарников и углубился в оранжевые песчаные холмы, и Джонни побежал рысцой. Солнце садилось, дюны отбрасывали голубоватые тени, и жар слегка спал, так что пот несколько охлаждал Джонни на бегу.

Ленс всматривался в неровный след, начиная опасаться, что найдет Ван дер Била уже мертвым. Все свидетельствовало о крайнем отчаянии, однако Бенедикт упрямо плелся вперед.

Джонни не замечал других следов, спускающихся с дюн, пока те не пересекли человеческий след.

Ленс остановился и опустился на колени, осматривая отпечатки широких, похожих на собачьи лап.

– Гиена! – Он почувствовал прилив отвращения. Быстро оглянулся и слева от себя увидел еще одну цепочку следов. – Пара! Они почуяли запах крови.

Джонни снова побежал. По коже его поползли мурашки: он представлял себе, что сделают гиены с беззащитным человеком. Самое грязное и самое трусливое животное Африки, но его мощные челюсти способны расколоть берцовую кость взрослого быка; из-за диеты – падали – его зубы несут такое количество бактерий, что укус гиены так же смертелен, как укус черной мамбы.

– Боже, дай мне успеть!

Он услышал их. За гребнем следующей дюны. Ужас, внушенный этим звуком, остановил его на полушаге. Резкий хохот нарушил тишину.

Джонни стоял, прислушиваясь и тяжело дыша после бега.

Крик раздался снова. Смех демонов, возбужденный, кровожадный.

– Они добрались до него.

Джонни ринулся вверх по мягкому песчаному склону. Поднялся на гребень, и его взору открылась блюдцеобразная арена на вершине дюны.

Бенедикт лежал на спине. Белая рубашка была разорвана до пояса. Синие брюки от костюма превратились в клочья, обнажив колени. На одной ноге – ком из окровавленного носка и грязи.

Пара гиен протоптала вокруг тела тропу. Они давно кружили около, и жадность мало-помалу побеждала трусость.

Одна гиена сидела в десяти футах от Бенедикта, непристойно согнувшись, опустив змееподобную голову так, что лопатки торчали горбом. Коричневая, местами более темная, неопрятно косматая, круглые уши выставлены вперед, черные глаза горят возбуждением и жадностью.

Вторая гиена положила передние лапы на грудь Бенедикту, опустила голову, и челюсти сомкнулись перед его лицом. Она упиралась лапами в грудь, готовясь ухватить полную пасть плоти. Голова Бенедикта дергалась. Ноги его слабо двигались, руки бились на песке, как раненые белые птицы.

Гиена разорвала ему лицо. Джонни ясно услышал это в полной тишине пустынного вечера. Разорвала с мягким шорохом треснувшего шелка – и Джонни закричал.

Гиены бросились бежать, в ужасной шутовской панике взбираясь на склоны дюны. Бенедикт лежал, лицо его превратилось в кровавую маску. Глядя на него, Джонни понял, что не может убить его, не может мстить этому существу с изуродованным лицом и больным рассудком. Что вообще не сможет убить человека.

Он опустился рядом с ним на колени и неуклюжими пальцами развязал рюкзак.

Одно ухо и щека Бенедикта свисали на полоске кожи, закрывая рот, зубы с одной стороны обнажились, на них пузырилась кровь.

Джонни разорвал бумажную обертку впитывающей повязки и уложил оторванный кусок на место, плотно прижимая ладонью. Кровь пробилась сквозь ткань, но текла медленнее.

– Все в порядке, Бенедикт. Я здесь. Все будет в порядке, – хрипло шептал Джонни, работая. Свободной рукой он разорвал другой пакет и аккуратно заменил новым тампоном промокший. Продолжая удерживать пакет, он поднял Бенедикта и положил к себе на колени. – Сейчас кровотечение прекратится, и я дам тебе попить. – Он достал из аптечки марлю и начал осторожно вытирать кровь и песок с ноздрей и губ Бенедикта.

Тот задышал свободнее, хотя воздух вырывался по-прежнему со свистом. Язык у него распух, заполнив рот, как пурпурная губка.

– Так-то лучше, – сказал Джонни. Придерживая тампон, он достал фляжку. Прикрывая большим пальцем горлышко, чтобы регулировать струю, он позволил нескольким каплям упасть в сухую яму рта.

Еще десять капель, потом он закрепил фляжку в песке и начал мягко массировать горло Бенедикта, чтобы вызвать глотательный рефлекс. Человек, лежавший без сознания, болезненно глотнул.

– Молодец, – подбодрил его Джонни и снова начал капать воду в рот, негромко приговаривая при этом: – Все будет в порядке. Вот так, глотай еще.

Потребовалось двадцать минут, чтобы влить в Бенедикта полпинты теплой пресной воды. К этому времени кровотечение прекратилось. Джонни снова порылся в аптечке и достал две таблетки соли и две глюкозы. Он положил их в рот и разжевал, превратив в пасту, затем склонился к изуродованному лицу человека, которого поклялся убить, и прижал губы к распухшим губам Бенедикта. Ввел раствор соли и глюкозы, распрямился и снова начал вливать воду.

Дав Бенедикту еще четыре таблетки и половину фляжки, он закрыл ее и вернул в рюкзак. Смочил компресс ярко-желтым обеззараживающим раствором и крепко перевязал рану. Это оказалось труднее, чем он думал, и после нескольких неудачных попыток он провел повязку под подбородком и по глазам, полностью закрыв голову Бенедикта, оставив свободными только рот и нос.

К этому времени солнце уже лежало на горизонте. Джонни встал и, распрямляя спину и плечи, смотрел на смерть красно-золотого пустынного дня.

Он знал, что откладывает принятие решения. Ему казалось, что, оставив «лендровер», он прошел около пяти миль, что по трудной дороге – часа четыре, может быть, пять в темноте. Можно ли оставить здесь Бенедикта, добраться до машины, вызвать по радио помощь из Картридж-Бей и возвратиться?

Джонни повернулся и взглянул на дюны. Вот и ответ. Одна из гиен сидела на гребне, внимательно глядя на него. Голод и приближающаяся ночь сделали ее неестественно смелой.

Джонни выкрикнул ругательство и сделал угрожающий жест. Гиена подпрыгнула и скрылась за вершиной.

«Луна восходит сегодня в восемь. До этого времени отдохну – потом пойдем по холодку», – решил он и лег на песок рядом с Бенедиктом. Ощутил давление в кармане, достал алмаз и подержал его в руке.

В темноте гиены начали приближаться с кашлем и криками, и когда луна поднялась, она осветила на вершине их силуэты.

– Пошли, Бенедикт. Мы идем домой. С тобой очень хотят поговорить несколько милых полицейских. – Джонни посадил Бенедикта, положил его руку себе на плечо, подлез под нее и встал. – Постоял так, глубоко погрузившись в песок, удивляясь весу своей ноши. – Будем отдыхать каждую тысячу шагов, – пообещал он себе и побрел по дюне, считая про себя, но зная, что снова поднять Бенедикта не сможет, если только не удастся обо что-нибудь опереться. Придется за один переход выбраться из песчаных холмов.

– ...Девятьсот девяносто девять, тысяча. – Он считал про себя. Берег силы, сгибаясь под тяжестью, спина и плечи болели, песок задерживал каждый шаг. – Еще пятьсот. Пройдем еще пятьсот шагов.

За ним двигались гиены. Они проглотили окровавленные тампоны, оставленные Джонни, и вкус крови привел их в истерическое возбуждение.

– Хорошо. Еще пятьсот. – И Джонни начал считать в третий раз, потом в четвертый, в пятый.

Он чувствовал, как что-то капает ему на ноги. Кровотечение возобновилось, и гиены глотали песок.

– Почти дошли, Бенедикт. Держись. Почти дошли.

Навстречу плыла первая группа залитых лунным светом скал, Джонни добрался до них и упал лицом вниз. Прошло немало времени, прежде чем он набрался сил, чтобы снять с плеч Бенедикта.

Он заново его перевязал и дал ему немного воды, которую тот сразу проглотил. Потом Джонни сам сжевал пригоршню таблеток соли и глюкозы и запил их двумя отмеренными глотками из фляжки. Он отдохнул двадцать минут по часам, затем, опираясь на одну из скал, снова взвалил Бенедикта на плечи и пошел дальше.

Каждый час Джонни десять минут отдыхал. В час ночи они выпили последнюю воду, в два часа Джонни был абсолютно уверен, что пропустил сухое русло и заблудился.

Он лежал у плиты железняка, отупевший от усталости и отчаяния, и вслушивался в кашляющий смертоносный хор среди скал. Пытался понять, где он сбился с пути. Может, он шел параллельно руслу, может, пересек его, не узнав. Возможно. Он слышал, что иногда заблудившийся натыкается на гудронированное шоссе и не узнает его.

Сколько дюн преодолел он по пути? Он не мог вспомнить. В одном месте он оцарапал ногу о колючий куст. Может, это и было русло.

Он подполз к Бенедикту.

– Держись, парень. Мы идем назад.

В последний раз Джонни упал незадолго до рассвета. Повернул голову и взглянул на часы: света было достаточно, чтобы разглядеть циферблат. Пять часов.

Он закрыл глаза и долго лежал. Он сдался. Попытка была неплохая, но не удалась. Через час взойдет солнце. И тогда все будет кончено.

Что-то мягко и вкрадчиво двигалось рядом. «Неинтересно, – решил он. – Теперь, когда все кончено, хочется только лежать спокойно».

Тут он услышал фыркающие звуки. Раскрыл глаза. Гиена сидела в десяти футах, глядя на него. Нижняя челюсть ее отвисла, розовый язык свешивался из пасти. Джонни ощутил звериный запах, запах клетки в зоопарке, запах помета и гниения.

Он хотел крикнуть, но изо рта не донеслось ни звука. Горло перехватило, язык заполнил весь рот. Джонни с трудом приподнялся на локтях. Гиена отскочила, но без нелепой паники, как раньше. Лениво отошла, развернулась и села в двадцати шагах. Улыбнулась, проглотив слюну.

Джонни подполз к Бенедикту и посмотрел на него.

Перевязанная голова медленно повернулась, черные губы зашевелились.

– Кто здесь? – Сухой хриплый шепот.

Джонни попытался ответить, но голос снова изменил ему. Он болезненно откашлялся, пожевал, вырабатывая во рту хоть немного влаги. Теперь, когда Бенедикт пришел в себя, ненависть вспыхнула в нем снова.

– Джонни, – прохрипел он. – Это Джонни.

– Джонни? – Бенедикт поднял руку и коснулся бинтов на голове.

– Что? – Ленс протянул руку и, лежа на боку, снял бинт с глаз Бенедикта. Тот замигал. Свет стал ярче.

– Воды, – попросил Бенедикт.

Джонни покачал головой.

– Пожалуйста.

– Нет.

Бенедикт закрыл глаза и потом снова открыл, в ужасе глядя на Джонни.

– Руби! – прошептал Джонни. – Серджио! Ханси!

Лицо Бенедикта дернулось, Джонни наклонился и крикнул ему в ухо одно слово:

– Ублюдок!

Потом Джонни отдохнул, с трудом сглотнул и снова заговорил:

– Вставай! – Он посадил Бенедикта. – Смотри.

В двадцати шагах в ожидании сидели две гиены, идиотски улыбаясь и щуря в нетерпении глаза.

Бенедикт задрожал. Он издал слабый мяукающий звук. Джонни медленно прислонил его к скале.

Снова отдохнул, опираясь на скалу.

– Я ухожу, – прошептал он. – Ты остаешься.

Бенедикт снова замычал, слабо покачал головой, глядя на двух пускающих слюну зверей.

Джонни надел рюкзак. Призвал последние остатки сил. С усилием поднялся на колени. В глазах у него потемнело. Потом прояснилось, и он рывком встал. Колени подогнулись, и он ухватился за скалу.

– Забавляйся, – прошептал он. И, шатаясь, побрел в дикую черноту скал.

За его спиной мяукающий звук перешел в отчаянный вопль.

– Джонни! Пожалуйста, Джонни!

Ленс будто не слышал, он продолжал идти.

– Убийца! – закричал Бенедикт.

Обвинение остановило Джонни. Он прислонился к скале, чтобы не упасть, и оглянулся.

Лицо Бенедикта было перекошено, тонкая струйка крови стекала по губам. Слезы бесстыдно лились по окровавленным забинтованным щекам.

– Джонни... Брат мой... Не оставляй меня.

Ленс оттолкнулся от скалы. Покачнулся, чуть не упал. Побрел назад к Бенедикту и сел рядом с ним.

Достал из рюкзака нож и положил себе на колени. Бенедикт стонал и всхлипывал.

– Заткнись, черт тебя побери! – прошептал Джонни.

Солнце поднялось высоко. Оно светило прямо Джонни в лицо. Он чувствовал, как съеживается кожа щек. Полосы тьмы проходили перед глазами, но он отгонял их. Единственное движение, какое он сделал за последний час, – это дрожь ресниц.

Гиены были совсем рядом. Они нервно расхаживали взад и вперед перед Джонни и Бенедиктом. Время от времени одна из них останавливалась и принюхивалась к смоченным кровью бинтам Бенедикта, каждый раз подбираясь все ближе.

Джонни шевельнулся, и гиена отскочила, раздраженно качая головой, виновато улыбаясь.

Подошло время последней обороны. Джонни надеялся, что еще не поздно. Он слишком ослаб. Зрение и слух подводят его, перед глазами все плывет, в тишине слышится какой-то дребезжащий звук, как будто в пустыне появился сад, полный пчел. Джонни повернул колесико зажигалки, вспыхнул огонек, который он осторожно поднес к фитилю дымовой шашки. Тот затрещал и загорелся.

Джонни подбросил шашку к гиенам, и, когда показались облака розового дыма, они в ужасе бежали.

Час спустя гиены вернулись. Слонялись по скалам, снова приближаясь – очень осторожно. Джонни видел их лишь изредка, между полосами тьмы. Гул насекомых стал громче, он мешал думать.

Ему потребовалось десять минут, чтобы зажечь вторую шашку. Бросок был так слаб, что пламя вспыхнуло всего в нескольких дюймах от его ног. Их накрыл розовый дым.

Джонни чувствовал, как пульсирует в ушах кровь. Дым заполнил горло. Странные звуки обратились барабанным рокотом, каким-то свистом. Тишь пустыни нарушил сильный ветер. Он чудесным образом разогнал удушливый дым.

Джонни посмотрел в небо, откуда пришел этот ветер. В двадцати футах над ним на сверкающем журавлином крыле ротора висел полицейский вертолет.

В круглом окне вертолета показалось лицо Трейси. Джонни увидел, как шевелятся ее губы, и потерял сознание.

Свирепая справедливость

В аэропорте Виктория острова Маэ, входящего в состав Республики Сейшельские Острова, на самолет «Британских авиалиний» сели всего пятнадцать человек.

В очереди на таможенный досмотр отдельно от остальных расположились две парочки – молодые, загорелые, спокойные, явно довольные своим пребыванием в этом тропическом раю. Среди четверки сразу бросалась в глаза сногсшибательная красотка.

Высокая, длинноногая, с красивой шеей и гордо посаженной головой. Густые золотистые светлые волосы заплетены и уложены короной; кожа сияет на солнце здоровьем и молодостью; движения мягкие, плавные, грациозные, точно у большой хищной кошки. На голых ногах – открытые сандалии, выгоревшие подрубленные джинсы обтягивают крепкие округлые ягодицы, тонкая ткань майки с крупной надписью: «ПОМЕШАНА НА ЛЮБВИ» над изображением большого кокосового ореха* обтягивает большие острые груди.

Девушка ослепительно улыбнулась темнокожему сейшельскому таможеннику и протянула ему американский паспорт с золотым орлом, однако, повернувшись к своему спутнику, бегло заговорила по-немецки. Получив свой паспорт обратно, она вместе с остальными прошла в зону спецконтроля.

Здесь она вновь улыбнулась, теперь уже двум сейшельским полицейским, проверявшим наличие оружия, и сняла с плеча сумку.

– Хотите проверить? – спросила она, и все рассмеялись. В сумке лежали самые популярные островные сувениры – два кокосовых ореха, крупные, вдвое больше человеческой головы. Такие же орехи были и у спутников девушки, и полицейские оставили эти более чем знакомые предметы без внимания. Они небрежно провели металлоискателем вдоль сумки, которая представляла основной багаж молодых людей. Прибор загудел, и один из парней смущенно достал и предъявил небольшой фотоаппарат. Снова раздался смех, и полицейский пропустил группу в накопитель.

Там уже толпились транзитные пассажиры, летевшие с Маврикия, а за окном виднелся огромный «Боинг-747 Джамбо»,** освещенный прожекторами; вокруг него сновали заправщики.

---

* Игра слов: слово nut по-английски «свихнувшийся, помешанный» и «орех». – *Примеч. пер.*

** Слон. – *Примеч. пер.*

В зале яблоку негде было упасть, и четверо встали кружком под одним из больших вентиляторов: ночь была жаркая, в душном помещении пахло табаком и разгоряченными потными телами.

Блондинка – она была на два дюйма выше обоих мужчин и на целую голову выше второй девушки – весело болтала со своими спутниками, смеялась. Эта четверка стала центром внимания сотни пассажиров. Когда молодые люди оказались в накопителе, их манера держаться едва заметно изменилась: им определенно полегчало, словно они одолели серьезное препятствие, смех выдавал почти лихорадочное возбуждение. Не в силах стоять неподвижно, они беспрестанно переступали с ноги на ногу, поправляли волосы или одежду.

Хотя это несомненно была компания близких друзей, державшаяся особняком, один из пассажиров оставил жену и через весь зал направился к ним.

– Послушайте, вы говорите по-английски? – спросил он, приближаясь.

Это был полный мужчина лет под пятьдесят – густая седая шевелюра, очки в темной роговой оправе; уверенные манеры выдавали человека успешного и состоятельного.

Четверка неохотно расступилась, и высокая блондинка ответила, словно остальные уполномочили ее на это:

– Конечно. Я американка.

– Серьезно? – Мужчина усмехнулся. – Тут вот какое дело... – Он смотрел на девушку с нескрываемым восхищением. – Хотел спросить, что это за штуки. – Он кивнул на сумку с орехами.

– Кокосы, – ответила блондинка.

– Ах да. Я о них слышал.

– Их еще называют «орехи любви», – продолжала девушка, наклоняясь и открывая тяжелую сумку. – Видите почему? – Она показала на один из плодов. Двойные сросшиеся полушария очень походили на человеческие ягодицы. – Вот зад. – Блондинка улыбнулась. Зубы у нее были такие белые, что казались сделанными из прозрачного фарфора. – А вот перед. – Она повернула орех и показала мужчине точное подобие mons veneris,* вплоть до курчавых волос. Было ясно, что девушка слегка кокетничает, но не без издевки. Она изменила позу, подав бедра чуть вперед, и мужчина невольно увидел ее собственный mons, отчетливо обрисовавшийся под хлопчатобумажной тканью брюк, – треугольник, разделенный складкой ткани.

Щеки пассажира порозовели, губы раскрылись в непроизвольном легком выдохе.

– У мужского растения тычинка – с вашу руку. – Глаза девушки широко распахнулись и стали похожи на фиалки. На другом конце зала жена ее собеседника, предупрежденная извечным женским чутьем, встала и направилась к ним. Она была гораздо моложе своего мужа и двигалась тяжело и неуклюже из-за беременности.

– Сейшельцы говорят, что в полнолуние мужское дерево вытягивает из земли корни и идет совокупляться к женскому...

– Длиной и толщиной с руку... – вторя насмешке, улыбнулась рядом с блондинкой красивая миниатюрная брюнетка. – Вот это да!

---

* Женский лобок (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Девицы демонстративно уставились на ширинку назойливого пассажира. Тот поежился, и при виде его смущения парни заулыбались.

К мужчине подошла жена, потянула его за руку. Шея у нее покраснела, на верхней губе, как прозрачные волдырьки, выступили капельки пота.

– Гарри, мне нехорошо, – тихонько пожаловалась она.

– Мне пора, – с облегчением пробормотал тот. Вся его самоуверенность исчезла. Он взял жену за руку и увел.

– Узнали? – спросила брюнетка по-немецки, по-прежнему улыбаясь; говорила она еле слышно.

– Гарольд Маккевитт, – на том же языке и так же негромко ответила блондинка. – Нейрохирург из Форт-Уорта. Читал заключительный доклад на последнем заседании съезда в субботу, – продолжала она. – Крупная рыба, очень крупная. – И, как кошка, провела кончиком языка по верхней губе.

В это утро понедельника в накопителе из четырехсот одного пассажира триста шестьдесят были хирургами (среди прочих – врачи с мировым именем из Европы и Англии, Соединенных Штатов и Японии, Южной Америки и Азии) или женами хирургов. Все они участвовали в работе съезда, который завершился двадцатью четырьмя часами раньше на острове Маврикий, в пятистах милях к югу от острова Маэ. Почти все билеты на первый после съезда рейс были закуплены заранее.

– Объявляется посадка на рейс ноль семь ноль «Британских авиалиний» в Найроби и Лондон; транзитных пассажиров просят пройти через главный выход. – В голосе диктора звучал резкий креольский акцент. Все двинулись к выходу.

– Диспетчер, говорит «Спидберд* ноль семь ноль», прошу разрешения на взлет.

– «Ноль семь ноль», взлет разрешен с полосы один.

– Прошу внести изменения в полетный план рейса на Найроби. Наш код для автоматического контроля будет четыреста один. Все пассажирские места заняты.

– Принято, «Спидберд», изменение внесено.

Огромный самолет набирал высоту. В салоне первого класса горели надписи «Пристегнуть ремни» и «Не курить». Блондинка и ее спутник сидели в просторных креслах «1а» и «1б», сразу перед переборкой, отделяющей салон первого класса от кабины пилотов и кухни. Места, которые занимала молодая пара, были забронированы за несколько месяцев.

Блондинка кивнула спутнику, и тот наклонился вперед, заслоняя ее от пассажиров, сидящих через проход. Девушка открыла сумку, достала кокос и положила его себе на колени.

Орех был аккуратно распилен по естественной перемычке, «молоко» и белая мякоть плода убраны, половинки скорлупы снова склеены, так же аккуратно. Место соединения можно было разглядеть только при внимательном осмотре.

---

* Speedbird (*англ.*) – быстрая птица. – *Примеч. пер.*

Девушка вставила в шов маленький металлический инструмент и резко повернула. С негромким щелчком половинки разошлись, точно створки раковины.

Внутри на полосках пенопласта лежали два гладких, серых яйцевидных предмета размером с бейсбольный мяч.

Это были гранаты восточно-германского производства с маркировкой: «МК1У(С)», принятой в армиях Варшавского договора. Наружная оболочка каждой гранаты представляла собой пластиковую броню того типа, что используется в противопехотных минах, чтобы их нельзя было обнаружить электронными металлоискателями. Желтая полоска, опоясывавшая каждую гранату, указывала, что граната не осколочная, а предназначена для создания сильной взрывной волны.

Блондинка взяла гранату в левую руку, отстегнула ремень и встала. Остальные пассажиры не проявили никакого интереса к тому, что она направилась за портьеру, в кабину пилотов. Однако техник и две стюардессы, тоже пристегнувшиеся ремнями, пристально взглянули на нее.

– Простите, мадам, но я попрошу вас вернуться на место и не вставать, пока горит надпись.

Блондинка подняла левую руку и показала им блестящее серое яйцо.

– Это специальная граната, предназначенная для уничтожения экипажа танка, – негромко сообщила девушка. – Она порвет фюзеляж этого самолета, как бумажный мешок, или убьет взрывной волной всех в радиусе пятидесяти ярдов. – Блондинка следила за их лицами и увидела, как там ядовитым цветком расцвел страх. – Если я отниму руку, через три секунды произойдет взрыв. – Девушка смолкла. Ее глаза возбужденно блестели, дышала она быстро и неглубоко. – Вы, – блондинка выбрала техника, – отведете меня к пилотам, остальным оставаться на местах. Ничего не делать, ничего не говорить.

Когда она вошла в небольшую кабину, с трудом вмещавшую экипаж и огромное количество приборов и электронного оборудования, трое мужчин с легким удивлением оглянулись. Красотка подняла руку и показала, что в ней.

Ее поняли мгновенно.

– Я принимаю командование самолетом, – объявила она и добавила, обращаясь к бортинженеру: – Выключите все оборудование связи.

Бортинженер быстро оглянулся на командира и, когда тот коротко кивнул, послушно начал отключать радио: сверхвысокие частоты, высокие частоты, ультравысокие частоты.

– Спутниковую связь тоже, – приказала девушка.

Бортинженер взглянул на нее, удивленный такими познаниями.

– И не трогайте кнопку.

Он моргнул. Никому, ни одной живой душе, если та не работала в компании, не полагалось знать о специальном реле: стоит ему нажать на кнопку у своего колена, и в Хитроу немедленно получат особый сигнал, объявят чрезвычайное положение и смогут прослушивать все, что делается в пилотской кабине. Инженер убрал руку.

– Уберите предохранитель контура реле. – Блондинка безошибочно указала на ящик над головой инженера.

Тот снова взглянул на командира, но голос девицы ударил, как жало скорпиона:

– Делайте, что я говорю.

Он осторожно извлек предохранитель, и блондинка заметно успокоилась.

– Прочтите разрешение на полет, – приказала она.

– Нам разрешен перелет в Найроби по радару и безостановочный подъем на крейсерскую высоту в тридцать девять тысяч футов.

– Когда следующий сигнал «Все в норме»?

Сигнал «Все в норме» – стандартный сеанс связи с аэропортом Найроби, подтверждение, что полет проходит по плану.

– Через одиннадцать минут тридцать пять секунд. – Бортинженер был молодой, симпатичный, темноволосый и крутолобый, с бледной кожей и быстрыми четкими движениями, выработанными специальными тренировками.

Девушка повернулась к командиру «боинга». Их взгляды встретились, эти двое изучали друг друга. У командира короткостриженные почти седые волосы плотно прилегали к большой круглой голове. Толстая шея, мясистое румяное лицо крестьянина или мясника – но глаза холодные. Держался он спокойно, без суеты; с ним следовало считаться, и девушка сразу это поняла.

– Я хочу, чтобы вы поняли: я настроена решительно, – сказала она, – и с радостью пожертвую жизнью. – Бесстрашно глядя в глаза летчику, она заметила, как в них появляется уважение. Отлично – все, как она рассчитала.

– Верю. – Командир кивнул.

– Вы отвечаете за четыреста семнадцать человек на борту самолета, – продолжала она. (Летчик смолчал.) – Они в безопасности, пока вы точно выполняете мои приказы. Обещаю.

– Хорошо.

– Вот наш пункт назначения. – Блондинка протянула маленькую белую карточку с машинописным текстом. – Мне нужен новый курс с учетом метеопрогноза и расчетное время прибытия. Курс измените сразу после очередного контрольного сигнала, через... – Она взглянула на бортинженера.

– Девять минут тридцать восемь секунд, – быстро ответил тот.

– ...и измените мягко. Плавненько. Мы ведь не хотим, чтобы пассажиры расплескали шампанское, верно?

За те несколько секунд, что девушка провела в кабине пилотов, у нее установился странный контакт с командиром: открытая враждебность, к которой примешивались невольное взаимное уважение – и сексуальное влечение. Блондинка сознательно оделась так, чтобы ничего не скрывать; от возбуждения ее соски затвердели, потемнели и красноречиво выделялись под тонкой тканью платья. Кабину заполнил мускусный женский запах, усиленный возбуждением.

Несколько минут все молчали, затем бортинженер нарушил тишину:

– Тридцать секунд до контрольного сигнала.

– Хорошо, включи высокие частоты и передай сигнал.

– Аэропорт Найроби, говорит «Спидберд ноль семь ноль».

– Слушаем вас, «Спидберд ноль семь ноль».

– Все в норме, – сказал инженер в микрофон.

– Принято, «ноль семь ноль». Следующий сеанс связи через сорок минут. Отбой.

– Отбой.

Девушка с облегчением вздохнула:

– Ладно. Выключите радио. – И обратилась к командиру: – Отключите автопилот и ложитесь на новый курс. Посмотрим, умеете ли вы быть нежным.

Поворот был выполнен за две минуты и выполнен великолепно: при развороте на 76 градусов стрелка указателя направления не отклонилась ни на волос, и, когда все было кончено, блондинка впервые улыбнулась.

Великолепной солнечной улыбкой, сияя белоснежными зубами.

– Хорошо, – сказала она, улыбаясь командиру в лицо. – Как вас зовут?

– Сирил, – после мгновенного колебания ответил он.

– Можете называть меня Ингрид, – сказала она.

Никакого точного расписания, кроме часов огневой подготовки (пистолет и автоматическое оружие), у Питера Страйда не было. Но в отряде «Тор» от стрельб не освобождали никого, даже техников.

В остальное время Питер постоянно был чем-то занят, и главное место в его непрерывной деятельности отводилось знакомству с новейшим электронным оборудованием связи, установленным в его командирском самолете. Это заняло половину утра, и он едва успел присоединиться к своей штурмовой группе в салоне транспортного «Геркулеса»: предстояла тренировка.

Питер ушел с борта в составе первой десятки. Прыгали с пятисот футов, парашюты раскрывались, казалось, лишь за мгновение до того, как люди касались земли. Однако боковой ветер задувал достаточно сильно, чтобы разбросать десант даже при высадке с такой высоты. С точки зрения Питера, первое приземление прошло недостаточно кучно: группе потребовалось две минуты сорок восемь секунд, чтобы проникнуть в покинутое административное здание, одиноко стоящее на территории военной базы на равнине Солсбери.

– Если бы там держали заложников, мы бы успели только подтереть их кровь, – мрачно сказал Питер своим людям. – Повторить высадку!

На этот раз здание окружили за минуту пятьдесят, на десять секунд улучшив результат подразделения Колина Нобла.

Чтобы отметить это событие, Питер с пренебрежением отказался от военного транспорта и пять миль до взлетной полосы отряд бежал – в полной боевой выкладке, с огромными кипами парашютного шелка.

«Геркулес» ждал, чтобы отвезти их на базу, но уже стемнело, когда он приземлился и вырулил на закрытую площадку отряда «Тор» в конце главной полосы.

Питера так и подмывало предоставить подведение итогов Колину Ноблу. Шофер уже должен был забрать на станции Ист-Кройдон Мелиссу-Джейн, и сейчас та ждала Питера в его новом коттедже всего в полумиле от ворот базы – одна.

Он не видел ее уже шесть недель, с тех пор как принял «Тор», поскольку за все это время не дал себе ни дня передышки. Однако, испытывая некоторую неловкость оттого, что потакает своим слабостям, он задержался еще на несколько минут, чтобы коротко переговорить с Колином Ноблом.

– Что думаешь делать в выходные? – спросил тот.

– Сегодня меня ведут на какую-то попсу... На «Живых мертвецов», что ли. – Питер усмехнулся. – Она думает, я жить не смогу, если не услышу «Мертвецов».

– Передай Эм Джи мой привет и поцелуй, – сказал Колин.

Питер высоко ценил возможность побыть в одиночестве. Большую часть взрослой жизни он провел в офицерских казармах и столовых, постоянно окруженный людьми. Но нынешняя должность иногда позволяла ему уединяться.

Коттедж находился всего в четырех с половиной минутах езды от базы, но словно на острове. Дом сдавался с обстановкой, а арендная плата приятно удивила Питера. За высокой живой изгородью из шиповника, на тихой аллее среди заброшенного сада, коттедж за несколько дней стал его домом. Питеру даже удалось распаковать книги. Книги, собранные почти за двадцать лет и хранимые как раз на такой случай. Приятно было громоздить их на столе в небольшом кабинете или на ночном столике в спальне, хотя возможности читать у него по-прежнему почти не было. Слишком много времени и сил отнимала новая работа.

Мелисса-Джейн, должно быть, услышала скрип гравия под колесами «ровера» – она, разумеется, ждала – и выбежала из дверей на подъездную дорогу, прямо в лучи фар. Питер забыл, до чего она милая. У него сжалось сердце.

Когда он вышел из машины, Мелисса-Джейн бросилась к нему и обхватила, крепко-крепко. Он тоже обнял ее, и они долго стояли так, молча, не в силах говорить. Эм Джи была ужасно нежная и теплая. И живая.

Наконец Питер взял ее за подбородок и заглянул в лицо. Огромные фиолетовые глаза наполнились слезами счастья, Мелисса-Джейн громко засопела. В ней уже проступала старомодная английская фарфоровая красота; этой девочке не грозили страдания из-за угрей или мучительное созревание.

Питер серьезно поцеловал ее в лоб.

– Простудишься, – сварливо сказал он.

– Ой, папа, какой ты ворчун. – Она улыбнулась сквозь слезы, встала на цыпочки и поцеловала его в губы.

Они ели лазанью и кассату* в итальянском ресторане в Кройдоне. Говорила в основном Мелисса-Джейн. Питер смотрел и слушал, наслаждаясь ее свежестью и молодостью. Трудно было поверить, что ей нет еще четырнадцати – физически очень развитая (груди под белым свитером с высоким воротником больше не казались нераспустившимися бутонами), Мелисса-Джейн вела себя как вполне зрелая женщина, и лишь изредка смешки и молодежный жаргон выдавали ее.

Вернувшись в коттедж, она приготовила «Овалтин»,** и они выпили его у огня, заранее планируя каждую минуту выходных и старательно обходя пропасти и негласные табу в своих отношениях, средоточием которых была «мама».

Когда пришла пора ложиться спать, Эм Джи села к Питеру на колени и пальцами разгладила ему морщинки на лице.

---

* Блюда итальянской кухни. – *Примеч. пер.*

** Шоколадно-молочный напиток из порошка. – *Примеч. пер.*

– Знаешь, на кого ты похож? – спросил она.

– Говори, – подбодрил он.

– На Гэри Купера*... только моложе, конечно, – торопливо добавила она.

– Да уж, – усмехнулся Питер. – Ты-то откуда знаешь о Гэри Купере?

– По телику в воскресенье показывали «Полдень».

Эм Джи снова поцеловала его. У ее губ был вкус сахара и «Овалтина», а волосы пахли чистотой и свежестью.

– Сколько тебе лет, пап?

– Тридцать девять.

– Ну, это ведь не так уж много, – неуверенно утешила она.

– Иногда я кажусь себе старым, как динозавр...

В этот миг возле пустой чашки загудело – резко, назойливо, – и Питер почувствовал, как внутри у него все сжалось.

«Не сейчас, – взмолился он про себя. – Не сегодня. Я ведь так давно с ней не виделся».

Приборчик был размером с пачку сигарет, с одним-единственным гневно алеющим глазком. Питер неохотно взял приспособление и, по-прежнему держа дочь на коленях, включил миниатюрную рацию и нажал кнопку приема.

– Тор один, – сказал он.

Едва слышный из-за помех – прибор работал почти на пределе дальности – пришел ответ:

– Генерал Страйд, «Атлас» объявил «Альфу».

«Опять ложная тревога, – с горечью подумал Питер. За последний месяц «Альфу» объявляли раз десять... – Но почему именно сегодня?»

«Альфой» назывался сигнал к началу антитеррористической операции, по которому группа собиралась и ждала команды «Браво» – приказа на вылет.

– Передайте «Атласу», через семь минут мы будем в состоянии «Браво».

Четыре с половиной минуты из этих семи нужны ему, чтобы добраться до базы. Решение снять дом вдруг показалось опасным излишеством. За четыре с половиной минуты могут погибнуть невинные люди.

– Дорогая, – он нежно прижал к себе Мелиссу-Джейн, – прости.

– Да ладно, – напряженно бросила она.

– Скоро мы опять увидимся, я обещаю.

– Ты всегда обещаешь, – прошептала девочка, хотя видела, что отец ее уже не слушает. Питер выпустил ее и встал, стиснув зубы; густые темные брови почти сошлись над узким прямым аристократическим носом.

– Закрой за мной, дорогая. Если это «Браво», я пришлю за тобой шофера. Он отвезет тебя в Кембридж, и я позвоню маме, чтобы она тебя ждала.

Натягивая теплую армейскую шинель, он вышел в ночь; Мелисса-Джейн услышала, как заработал стартер, заскрипели по гравию шины и шум мотора стал удаляться.

---

* Американский киноактер. – *Примеч. пер.*

* * *

Диспетчер в Найроби выждал пятнадцать секунд после назначенного для сейшельского рейса времени и вызвал борт сам – раз, другой, третий, – но не получил ответа. Он проверил другие каналы, в том числе чрезвычайный, для непрерывной связи с рейсом 070. Тщетно.

Прошло сорок пять секунд с тех пор, как «Спидберд 070» должен был появиться в эфире. Диспетчер взял желтую карточку рейса из гнезда «все в норме» и переложил в другое – «нет связи». Немедленно включились системы поиска и оповещения.

Через две минуты тринадцать секунд после того, как «Спидберд 070» не вышел на связь, на стол диспетчера в Хитроу легло срочное сообщение, а еще шестнадцать секунд спустя был информирован «Атлас», и команда «Тор» получила сигнал «Альфа».

До полнолуния остается три дня, лишь верхний край лунного диска чуть заслонен земной тенью. Но с высоты полета он кажется большим, как солнце, а его золотистый свет определенно красивее.

В тропической летней ночи небо затянули большие серебряные облака; они собирались в величественные грозовые тучи, еще более великолепные в лунном свете.

Самолет стремительно скользил в тучах, как огромный стриж.

Слева под крылом вдруг открылась темная пропасть в облаках, и в ее глубине замерцали огоньки, точно свет умирающей звезды.

– Мадагаскар, – сказал капитан; его голос прозвучал в тихой кабине неожиданно громко. – Мы на курсе.

Девушка у него за спиной пошевелилась и, прежде чем заговорить – впервые за последние полчаса, – осторожно переложила гранату в другую руку.

– Пассажиры могли проснуться и заметить это. – Она взглянула на часы. – Пора их разбудить и сообщить приятную новость. – Блондинка повернулась к бортинженеру. – Пожалуйста, включите свет в салоне и дайте мне микрофон.

Сирил Уоткинс, командир, вновь подумал, что захват тщательно спланирован заранее. Девушка выбрала время для объявления так, чтобы пассажиры меньше всего были способны к сопротивлению. Их разбудят в два часа ночи после беспокойного сна в трансконтинентальном лайнере, и реакцией их скорее всего будет мрачная покорность.

– Свет включен. – Бортинженер передал Ингрид микрофон.

– Доброе утро, леди и джентльмены. – Голос блондинки звучал тепло, ясно и четко. – Жаль будить вас в столь непривычное время, однако мне необходимо сделать очень важное объявление, и я хочу, чтобы все его внимательно выслушали. – Она помолчала. Пассажиры в огромном салоне зашевелились, начали поднимать головы, приглаживали волосы, моргали, еще не вполне проснувшись. – Как видите, горит свет. Пожалуйста, убедитесь, что ваши соседи проснулись и пристегнуты. Стюардессы, проверьте, все ли в порядке. – Она снова помолчала. Ремни помешают неожиданным действиям, вызванным шоком. Девушка отсчитала по своим часам шестьдесят секунд и продолжила: – Прежде всего позвольте представиться. Меня зовут Ингрид. Я командир группы Армии борьбы за права человека...

Услышав столь напыщенное название, капитан Уоткинс цинично скривил губы, но смолчал, глядя в темное звездное небо.

– Самолет находится под моей командой. Отныне ни при каких обстоятельствах вам нельзя покидать свои места; это можно делать только с разрешения моих подчиненных, иначе самолет будет взорван и все находящиеся на борту погибнут, – закончила она и тут же повторила свое объявление на беглом немецком, потом на менее беглом, но вполне сносном французском и вернулась к английскому. – Бойцы Армии борьбы одеты в красные рубашки, чтобы их можно было узнать, и вооружены.

Тем временем ее спутники открывали двойное дно своих сумок. Там обнаружилось небольшое пространство глубиной два и площадью четырнадцать на восемь дюймов, тем не менее вполне достаточное, чтобы вместить двенадцатизарядный пистолет и десять обойм. Складной ствол пистолета, гладкий, длиной четырнадцать дюймов, был сделан из пластмассовой брони. Этот материал не выдержал бы напора газов новейших взрывчатых веществ; он рассчитан на меньшую скорость и давление бездымного пороха. Казенник и двойная рукоять тоже из пластика, собирались мгновенно. Металлическими в этом оружии были только стальной ударник и небольшая пружина, не крупнее заклепки; металлоискатель в аэропорту Маэ их не обнаружил. У патронов гильза и основание тоже пластиковые, металлический – только капсюль из алюминиевой фольги, вообще не вызывающий возмущений в электрическом поле. Патроны упакованы в специальные пояса. Пистолет, черный и уродливый, заряжался как обычный дробовик, гильзы не выбрасывались, а отдача была такая, что могла сломать стрелку руку, если слабо ухватить рукоять. Но на расстоянии в тридцать футов у этих патронов развивалась огромная убойная сила, с двенадцати футов они выпускали человеку кишки, а с шести – сносили голову. В то же время корпус межконтинентального воздушного лайнера таким патроном не пробьешь. Идеальное оружие для захвата.

За несколько секунд были собраны и заряжены три таких пистолета. Двое мужчин натянули поверх маек ярко-алые рубашки и заняли посты – один в конце салона первого класса, второй в конце туристического салона; они стояли, подчеркнуто демонстрируя свое уродливое оружие.

Стройная, хорошенькая темноволосая немка оставалась на своем месте чуть дольше; она быстро и аккуратно вскрыла остальные кокосы и переместила их содержимое в две сумки. Гранаты отличались от той, что держала в руках Ингрид, двойной красной полосой посередине. Это означало, что они снабжены электронным детонатором.

Снова послышался ясный молодой голос Ингрид, и длинные ряды пассажиров – все они теперь окончательно проснулись – слушали напряженно и неподвижно, на всех лицах читались потрясение и тревога.

– Боец, идущий сейчас по салону, размещает гранаты большой ударной силы...

Брюнетка двинулась по проходу; через каждые пятнадцать шагов она открывала над головой пассажиров один из багажных ящиков, вкладывала туда гранату и закрывала. Пассажиры дружно поворачивали головы, с ужасом следя за ней.

Одной такой гранаты довольно, чтобы разрушить самолет; их конструкция позволяет уничтожить взрывной волной экипаж танка за шестидюймовой броней. Боец разместит четырнадцать таких гранат вдоль всего самолета. Их можно взорвать одновременно электронным взрывателем – вот он, у меня под рукой... – В голосе зазвучало озорство, легкий смешок. – Тогда взрыв услышат даже на Северном полюсе!

По рядам пассажиров прошло движение, словно бродячий ветерок взъерошил листья на дереве; заплакала женщина. На этот приглушенный невыразительный звук никто не оглянулся.

– Но не волнуйтесь. Этого не произойдет. Ведь все будут точно выполнять указания... а когда все закончится, вы будете гордиться своим участием в операции. Мы все – участники благородного, великого дела, борцы за свободу и достоинство человека. Сегодня мы делаем большой шаг в новый мир – мир, очищенный от несправедливости и тирании, мир общего блага и процветания.

Женщина все плакала; к ее всхлипам присоединился детский, более резкий и громкий плач.

Брюнетка вернулась на место и взяла фотоаппарат, на который среагировал металлоискатель в аэропорту Маэ. Повесив его на шею, она принялась собирать два оставшихся пластмассовых пистолета. Собрав оружие, она побежала в кабину пилотов, где рослая блондинка поцеловала ее – страстно и бесстыдно, прямо в губы.

– Карен, liebling,* ты чудо. – Ингрид взяла у брюнетки фотоаппарат и повесила себе на шею. – Это вовсе не то, что вы думаете, – объяснила она. – Это радиовзрыватель гранат, размещенных в фюзеляже.

Капитан молча кивнул, и Ингрид с явным облегчением нажала кнопку предохранителя на гранате, которую так долго продержала в руке. Гранату она отдала второй девушке.

– Сколько до берега? – спросила она, надевая пояс с патронами.

– Тридцать две минуты, – быстро ответил бортинженер. Ингрид раскрыла казенник пистолета, зарядила оружие и снова защелкнула.

– Теперь вы с Генри можете сесть, – сказала она Карен. – Постарайтесь уснуть.

Операция может затянуться на много дней, и главной опасностью для них станет усталость. Именно поэтому они действовали такой большой группой. Отныне, за исключением крайних случаев, двое всегда будут дежурить, двое – отдыхать.

– Пока у вас все проходит очень профессионально, – сказал Сирил Уоткинс, капитан.

– Спасибо. – Ингрид рассмеялась и дружески положила руку ему на плечо. – Мы очень тщательно готовились к этому дню.

Подъезжая к базе, Питер Страйд трижды мигнул фарами, часовой вовремя открыл ворота, и машина миновала их, не снижая скорости.

Никаких прожекторов, никакой суматохи – только два самолета рядом в гулком просторном ангаре.

«Геркулес», казалось, целиком занимал здание, построенное для меньших по размерам бомбардировщиков времен Второй мировой войны. Высокий вертикальный плавник хвоста заканчивался в нескольких футах от балок потолочного перекрытия.

Рядом с ним командный реактивный «Хокер Сиддли – 125» казался хрупким и бесполезным. Различное, американское и английское, происхождение самолетов подчеркивало, что группа представляет объединенные усилия двух государств.

---

* Любимая, любимица (*нем.*). – *Примеч. пер.*

О том же напоминало и присутствие Колина Нобла. Питер выключил мотор, и Колин подошел:

– Прекрасная ночь, Питер.

Невозможно было не узнать акцент американца со Среднего Запада, хотя Колин больше походил на преуспевающего торговца подержанными машинами, чем на полковника морской пехоты США. Вначале Питеру казалось, что такое строгое распределение сил и средств между двумя государствами ослабит действенность «Атласа». Теперь эти сомнения исчезли.

На Колине был невзрачный синий комбинезон и кепи, и то, и другое – с вышитой эмблемой «Тор Коммьюникейшнз»; было сделано все возможное, чтобы Колин выглядел скорее техником, чем военным.

Колин – заместитель Питера. Они знакомы всего шесть недель, с тех пор, как Питера назначили на должность. После короткого периода взаимной настороженности между ними возникли взаимное уважение и приязнь.

Колин среднего роста и тем не менее производит впечатление крупного человека. На первый взгляд он может показаться толстым; его тело чем-то напоминает жабье – однако у него нет ни капли жира, лишь мышцы и кости. В свое время Колин выступал в тяжелом весе за Принстон и позднее за морскую пехоту; его нос над большим смешливым ртом сломан сразу под переносицей и кривоват.

Колин сознательно культивирует шумные манеры спортсмена-профессионала, но его глаза цвета жженого кофе умны и все замечают. Он крепок и хитер, как старый бродячий кот. Завоевать уважение Питера Страйда нелегко; Колин добился этого за шесть недель.

Сейчас он стоял между самолетами и смотрел, как его люди с привычной сноровкой готовятся к «Альфе».

Оба самолета, выкрашенные, как принято на коммерческих авиалиниях, – в синее, белое и золотое, со стилизованным портретом бога грома на хвосте и надписью «Тор Коммьюникейшнз» на фюзеляже, могли совершить посадку в любом аэропорту мира, не вызвав особого любопытства.

– Что стряслось, Колин? – спросил Питер Страйд, захлопнув дверцу «ровера» и торопясь навстречу американцу. Ему потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к языку и привычкам своего заместителя. Он давно уже понял, что полковник Колин Нобл не будет всякий раз называть его «сэр», пусть он и самый молодой в английской армии генерал-майор.

– Исчез самолет.

«Это мог быть и поезд, посольство, океанский лайнер – все, что угодно», – подумал Питер.

– «Британские авиалинии». Ради Бога, давай уйдем с холода. – Колин поежился. Ветер трепал его комбинезон, дергал за рукава.

– Где?

– В Индийском океане.

– Все готово для «Браво»? – спросил Питер, когда они забрались в командирский самолет.

– Все.

Изнутри «Хокер» был переоборудован и превращен в удобный штаб и центр связи.

Непосредственно за рубкой располагались четыре удобных кресла для офицеров. Отдельный отсек в тылу занимали два инженера-электронщика со своим оборудованием, дальше помещались небольшой туалет и кухня.

Один из техников увидел входящего Питера.

– Добрый вечер, генерал Страйд. Мы установили прямую связь с «Атласом».

– Давайте его на экран, – приказал Питер, усаживаясь в кожаное кресло за небольшим рабочим столом.

Прямо перед Питером располагался четырнадцатидюймовый главный экран, над ним еще четыре небольших экрана для телесовещаний. Главный экран осветился, и на нем возникло изображение большой благородной головы с львиной гривой волос.

– Добрый день, Питер. – Улыбка – теплая, обаятельная, располагающая.

– Добрый вечер, сэр.

Доктор Кингстон Паркер слегка наклонил голову, принимая это указание на разницу во времени между Вашингтоном и Англией.

– Пока что мы в полном неведении. Знаем только, что борт ноль семь ноль «Британских авиалиний» – четыреста один пассажир, шестнадцать членов экипажа, – совершающий рейс Маэ – Найроби, тридцать две минуты назад не вышел на связь.

Паркер, помимо множества других обязанностей, возглавлял специальную службу контроля и в этом качестве докладывал непосредственно президенту США. Он был личным и очень близким другом президента. Они учились в одной группе в Аннаполисе,* окончили курс в числе двадцати лучших, но в отличие от президента Паркер сразу пошел на правительственную службу.

Он был прекрасным актером, талантливым музыкантом, автором четырех научных работ по философии и политологии и известным шахматистом, вдобавок человеком необыкновенного обаяния и огромного интеллекта. И в то же время это была таинственная личность: он старательно избегал пристального внимания средств массовой информации и старательно скрывал свое честолюбие – а Паркер был честолюбив: для него даже пост президента Соединенных Штатов не был несбыточной мечтой. Паркер на редкость искусно и настойчиво брался за любое дело, которое ему поручали.

Несколько раз Питер встречался с ним лично. Он даже провел неделю в нью-йоркском доме Паркера, и его уважение к этому человеку стало безграничным. Питер понимал: Паркер прекрасно подходит на роль главы столь сложной организации, как «Атлас», – тут требовался философ, не просто служака, плюс такт и обаяние дипломата, чтобы непосредственно общаться с главами двух правительств и при необходимости быстро принимать решения, от которых зависят сотни невинных жизней, решения, влекущие за собой самые серьезные политические последствия.

Быстро и четко Паркер сообщил Питеру все, что было известно о рейсе 070 и о тех стандартных процедурах, которые уже осуществлялись. Потом он сказал:

– Я не хотел бы казаться паникером, но, по-моему, на этот раз цель исключительно удачная. На борту известнейшие хирурги мира, об их съезде объявлено восемнадцать ме-

---

* Военно-морская академия США. – *Примеч. пер.*

сяцев назад. Врачи обычно пользуются большим вниманием общественности, и среди них представители самых разных национальностей: американцы, англичане, французы, скандинавы, немцы, итальянцы. Самолет английский, а значит, место посадки будет выбрано так, чтобы еще усложнить дело и помешать контрмерам. – Паркер смолк, его лоб прорезала легкая морщинка тревоги. – Я привел «Меркурий» в состояние «Альфа»: если это действительно теракт, место посадки может оказаться и в восточных регионах.

«Атлас» располагал тремя одинаковыми группами. «Тор» использовали только в Европе и Африке. «Меркурий» обосновался на американской военно-морской базе в Индонезии, и зоной его действий считались Азия и Австралия, а «Диана» находилась непосредственно в Вашингтоне, готовая к контрмерам в любом районе американских континентов.

– У меня на связи Таннер из «Меркурия». Питер, я свяжусь с вами через несколько секунд.

– Хорошо, сэр.

Экран потемнел; в соседнем кресле Колин Нобл закурил дорогую голландскую сигару и положил ноги на стол.

– Говорят, великий бог Тор однажды явился на Землю поразвлечься. Закончив забавляться с девственницей, он решил сообщить ей, какую честь он ей оказал. «Я Тор», – сказал он. «Я тоже, – ответила она, – но все равно было приятно».

Питер печально покачал головой.

– И это смешно? – спросил он.

– Надо же как-то скоротать время. – Колин взглянул на часы. – Если тревога опять ложная, это будет тринадцатая подряд. – Он зевнул. Делать было нечего. Все уже сделано. Все готово. В огромном транспортном «Геркулесе» готов к немедленному использованию сложный арсенал разнообразного оборудования. На борт погрузились тридцать отлично натренированных бойцов. Экипажи обоих самолетов на местах, установлена спутниковая связь с компьютерами разведки в Вашингтоне и Лондоне. Оставалось только ждать – большая часть жизни солдата проходит в ожидании, но Питер так и не смог к этому привыкнуть. Теперь ему помогало общество Колина Нобла.

Когда жизнь проходит среди множества мужчин, трудно установить близкие отношения. Но в более ограниченных рядах «Тора», на общей работе, они сдружились, и их беседы всегда носили непринужденный и отчасти непристойный характер. Сейчас они переходили от одной темы к другой, но оба оставались настороже, готовые к немедленным действиям.

Кингстон Паркер снова появился на экране и сообщил, что, несмотря на все принятые меры, установить местонахождение борта 070 пока не удалось; со спутника сделана фотография местности, но с ней можно будет ознакомиться только через четырнадцать часов. Прошел уже час шесть минут с тех пор, как «Спидберд 070» не дал сигнал «Все в норме», и Питер неожиданно вспомнил Мелиссу-Джейн. Он попросил связать его с коттеджем. Ответа не было: значит, шофер уже забрал ее. Питер повесил трубку и позвонил Синтии в Кембридж.

– Черт возьми, Питер. Как нехорошо с твоей стороны. – Синтия только что проснулась, говорила капризно, и неприязнь Питера к ней мигом ожила. – Мелисса так ждала этого...

– Да, я знаю, я тоже ждал.

– ...а мы с Джорджем договорились... – Джордж был новым мужем Синтии, профессором политической истории; Питеру он, несмотря ни на что, нравился. Прежде всего тем, что очень хорошо относился к Мелиссе-Джейн.

– Трудности службы, – сказал Питер, и Синтия заговорила резче.

– Как часто я это слышала – и надеялась никогда больше не услышать.

«Знакомая песня». – Он решил прекратить разговор.

– Послушай, Синтия. Мелисса уже возвращается...

Большой телеэкран перед ним вспыхнул. В глазах Кингстона Паркера светилось сожаление, он словно горевал обо всем человечестве.

– Мне пора, – сказал Питер женщине, которую когда-то любил, и тут же прервал связь и повернулся к экрану, весь внимание.

– Южноафриканский радар ПВО зафиксировал неопознанную цель, приближающуюся к их воздушному пространству, – сказал Кингстон Паркер. – Скорость и положение указывают на «ноль семь ноль». Южноафриканцы направили на перехват «мираж». Я не сомневаюсь, что мы имеем дело с террористическим актом. Пора переходить к состоянию «Браво», Питер.

– Мы готовы, сэр.

Колин Нобл, по-прежнему с сигарой в зубах, снял ноги со стола.

Цель была хорошо видна на экране. Пилот ведущего истребителя «Мираж Ф-1» дал полетному компьютеру команду «атака», приведя вооружение – ракеты и авиационную пушку – в боевую готовность. Компьютер рассчитал время перехвата – 33 секунды, курс цели – постоянный, скорость относительно поверхности – 483 узла.

Перед пилотом театрально поднимался занавес рассвета. С неба, пронизанного золотыми копьями, сходили лавины серебряных и розовых облаков. Пилот подался вперед, натягивая привязные ремни, и рукой в перчатке поднял дымчатую лицевую пластину шлема, стараясь увидеть цель.

Глаз опытного стрелка различил на фоне облаков и солнечного света темную точку, и пилот сделал еле уловимое движение, свернув с лобового курса.

Точка быстро увеличивалась. Самолеты сближались на общей скорости полторы тысячи миль в час; опознав цель, пилот истребителя мгновенно начал вертикальный подъем, прошел в пяти тысячах футов над целью и тотчас сбросил скорость, уравнивая ее со скоростью большого самолета внизу.

– Чита, говорит ведущий «Бриллианта», вижу цель, это «Боинг-747» «Британских авиалиний».

– Ведущий «Бриллианта», говорит Чита, продолжайте полет над целью, высота – пять тысяч футов, никаких угрожающих действий. Рапортуйте каждые шестьдесят секунд.

Командирский реактивный самолет генерал-майора Питера Страйда стремительно несся на юг, обгоняя своего громоздкого спутника. С каждой минутой расстояние между самолетами росло, и к тому времени, как Питер достигнет пункта назначения, где бы это ни было, их будут разделять тысячи миль.

Однако невысокая скорость огромного «Геркулеса» становится преимуществом, когда возникает необходимость доставить тяжелый груз людей и оборудование в самые неожиданные уголки земли, на короткие необустроенные посадочные полосы, да еще в труднейших условиях, которых больше всего опасаются пилоты.

Задача «Хокера» – как можно быстрее доставить Питера Страйда к месту действия, задача генерала – тянуть, медлить, торговаться, пока не прибудет штурмовая группа во главе с Колином Ноблом.

Однако они оставались на связи, и на маленьком телеэкране перед Питером время от времени появлялось изображение главного трюма «Геркулеса». Отрываясь от работы, Питер мог видеть своих людей: все в неприметных комбинезонах «Тора», они спокойно сидели или лежали в трюме «Геркулеса» – ветераны, искушенные в недоброй игре «ожидание». В глубине за небольшим рабочим столом сидел Колин Нобл, просматривая длиннейший контрольный список состояния «Чарли»* – этапа, следующего за подтверждением факта деятельности террористов.

Глядя на Колина Нобла за работой, Питер в который раз подумал об огромной стоимости «Атласа» – платили в основном США из бюджета своей разведки – и о тех препятствиях, которые пришлось преодолеть, чтобы осуществить этот проект. Только успех израильтян в Энтеббе и немцев в Могадишу сделал это возможным, но и те и другие по-прежнему оказывали ожесточенное сопротивление идее совместных антитеррористических действий.

Центральный экран на консоли перед Питером щелкнул, загудел, осветился, и Кингстон Паркер, еще не появившись на нем, заговорил.

– Боюсь, мы на этапе «Чарли», – негромко сказал он. Питер почувствовал, что кровь быстрее потекла по жилам. Что естественно для солдата, чья жизнь – лишь подготовка к единственному мгновению. Приветствуя этот миг, Питер в то же время презирал себя за это: ни один нормальный человек не станет радоваться предстоящему насилию, смертям и связанным с ними несчастьям и страданиям.

– ...южноафриканцы опознали «ноль семь ноль». Самолет вошел в их воздушное пространство сорок пять секунд назад.

– Радиоконтакт установлен? – спросил Питер.

– Нет. – Паркер покачал крупной головой. – Лайнер не выходит на связь; вероятно, боевики контролируют ситуацию, поэтому я останусь за своим столом, пока дело не завершится.

Кингстон Паркер никогда не пользовался эмоционально окрашенным словом «террористы» и не любил слышать его из уст подчиненных. «Никогда не допускайте слепой ненависти к противнику, – сказал он однажды Питеру. – Поймите его мотивы, признайте и уважайте его силу... и вы будете лучше подготовлены к встрече с ним».

– На какое сотрудничество мы можем рассчитывать? – спросил Питер.

– Все африканские государства, с которыми мы успели связаться, пообещали полную поддержку, в том числе разрешение на пролет над их территорией, посадки и за-

---

* По-английски Альфа, Браво, Чарли и четвертая стадия – Дельта – начинаются с четырех первых букв алфавита: A, B, C, D. – *Примеч. пер.*

правку. Обещана помощь и со стороны Южной Африки. Я говорил с их министром обороны, и он предложил любое возможное сотрудничество. Разумеется, «ноль семидесятому» в посадке откажут, и самолет, надо полагать, полетит дальше к северу, в одно из черных государств. Вероятно, это и есть цель боевиков. Думаю, мое мнение о Южной Африке вам известно, но должен сказать, что в данном вопросе они проявили себя очень хорошо.

На экране появилась большая черная трубка из бриара, и Паркер начал набивать ее табаком. Руки у него были крупные, под стать остальному, но пальцы длинные и тонкие, как у пианиста – впрочем, он и был пианистом. Питер вспомнил аромат табака, который курил Паркер. Сам он не курил, но тем не менее этот запах не казался ему отталкивающим. Оба молчали, погрузившись в раздумья. Паркер слегка хмурился, сосредоточенно разглядывая трубку. Потом вздохнул и поднял голову.

– Ну хорошо. Посмотрим, что вы приготовили.

Питер просмотрел записи.

– Я подготовил четыре возможных сценария и план наших действий в соответствии с каждым из них, сэр. Важнее всего определить, в каком стиле действуют угонщики: в немецком или итальянском.

Паркер кивнул. Хоть все это хорошо знакомо обоим, нужно пройтись еще раз. С «захватом по-итальянски» разобраться легче: обычно это простое требование денег. Немецкая традиция требовала освобождения заключенных, социальных и политических уступок, затрагивающих не одно государство.

Они работали около часа, потом их прервали.

– Боже! – Это крепкое для Паркера выражение выдало глубину его волнения. – Есть новости...

Только когда борт 070, не обращаясь за разрешением к диспетчерам, начал снижение и прочие стандартные процедуры, предшествующие посадке, командование Южно-Африканских Военно-воздушных сил сообразило, *что* сейчас произойдет.

Немедленно поступил приказ хранить молчание на всех частотах, после чего на подлетающий самолет обрушился град требований покинуть воздушное пространство ЮАР. Никакого ответа не последовало. В ста пятидесяти морских милях от международного аэропорта Яна Смита «боинг» еще больше снизил скорость и вошел в контролируемое воздушное пространство.

– Борт ноль семь ноль «Британских авиалиний», говорит диспетчерская аэропорта Яна Смита, вам повторно отказано в посадке. Вы слышите меня, ноль семь ноль?

– Борт ноль семь ноль «Британских авиалиний», говорит командование военно-воздушных сил. Вы нарушили границы национального воздушного пространства. Немедленно поднимитесь до тридцати тысяч футов и возьмите курс на Найроби.

Теперь «боинг» находился на расстоянии в сто морских миль и снизился до пятнадцати тысяч футов.

– Ведущий «Бриллианта», говорит Чита. Попытайтесь заставить цель повернуть.

Длинный, стройный самолет в пятнистой коричнево-зеленой маскировочной окраски стремительно снижался, быстро догоняя гиганта с несколькими двигателями. Сразу за

хвостом «боинга» он нырнул и появился перед его весело раскрашенным в красное, белое и синее носом.

Пилот «миража» искусно подвесил свою проворную машину в ста футах перед «боингом» и покачал крыльями – «следуйте за мной».

«Боинг» спокойно продолжал движение, словно ничего не видел и не понял. Пилот «миража» слегка подтолкнул рычаг управления, и зазор между самолетами сузился до пятидесяти футов. Истребитель вновь покачал крыльями и по приказу Читы начал поворот на север.

«Боинг» невозмутимо летел к Йоханнесбургу, вынудив пилота «миража» отказаться от попыток увести его.

«Мираж» вернулся, держась чуть выше выхлопов левых двигателей «боинга», поравнялся с рубкой – и пилот получил возможность заглянуть в нее через разделявшие их пятьдесят футов.

– Чита, говорит «Бриллиант-один». Мне хорошо видна их рубка. В ней четвертый человек. Женщина. Кажется, с автоматическим пистолетом.

Видны были мучнисто-белые лица двух пилотов: они смотрели на перехватчик. Женщина наклонилась над левым сиденьем и иронически подняла свое черное оружие. Она улыбнулась. Пилот «миража» был так близко, что разглядел ее белые зубы.

– ...молодая женщина, светлые волосы, mooi, baie mooi, – доложил пилот и тут же перевел: – Хорошенькая, очень хорошенькая.

– «Бриллиант-один», говорит Чита. Попробуйте лобовую атаку.

«Мираж» с громом унесся, стремительно набирая высоту; четыре истребителя повторили маневр, выстроившись «пятерней»; теперь все они висели перед «боингом».

– Чита. Позицию для лобовой атаки заняли.

– «Бриллиант». Ложная атака. В линию. Интервал пять секунд. Минимальное разделение. Повторяю, огонь не открывать. Повторяю, атака ложная.

– «Бриллиант-один». Понял. Ложная атака.

«Мираж Ф-1» качнул крыльями, опустил нос. Его скорость мгновенно возросла, и он с громом преодолел звуковой барьер, приближаясь к «боингу» с явно агрессивными намерениями.

Сирил Уоткинс увидел его на расстоянии в семь миль.

– О Господи! – закричал он. – Они не шутят! – Он качнулся вперед, собираясь взять на себя управление «боингом», прервать сближение, которым руководил автопилот.

– Идем прежним курсом. – Ингрид впервые за все время повысила голос. – *Прежним.* – Она прицелилась в бортинженера. – Штурман нам теперь не нужен.

Командир замер. «Мираж» стремительно приближался. Вот он заполнил собой все лобовое стекло, но в самое последнее мгновение, чуть приподняв нос, промчался несколькими футами выше. Воздушная волна подхватила большую машину и закачала ее, как пушинку одуванчика.

– Второй! – закричал Сирил Уоткинс.

– Я серьезно! – Ингрид ткнула стволом в шею бортинженера, тот ударился лбом о край консоли компьютера, и на его бледной коже выступила алая кровь.

Воздушные волны ударяли в «боинг» одна за другой: «миражи» продолжали атаку. Ингрид крепко держалась свободной рукой, чтобы не упасть, но по-прежнему прижимала пистолет к шее бортинженера.

– Я серьезно! – кричала она. – Я его убью!

В кабину из салона доносились крики пассажиров.

Последний «мираж» пролетел мимо. Автопилот «боинга» быстро пришел в норму и снова взял курс на маяк аэропорта Яна Смита.

– Все, цирк кончился, – сказала Ингрид. Отступив от бортинженера, она позволила ему поднять голову и рукавом рубашки вытереть кровь. – Тут им ничего такого не позволят. Мы в контролируемом пространстве. – Она указала вперед. – Смотрите!

«Боинг» летел на высоте пять тысяч футов. Горизонт затянуло смогом и знойным маревом. Слева поднимались гладкие силуэты градирен Кемптонской электростанции, а еще ближе – ядовито-желтые терриконы, рассевшиеся на однообразном африканском высоком вельде. Шахты окружало множество поселков, сотни оконных стекол сверкали на утреннем солнце, словно огни маяков.

Еще ближе чернели длинные, прямые посадочные полосы аэропорта Яна Смита.

– Садитесь на полосу двадцать один, – приказала Ингрид.

– Нельзя...

– Выполняйте, – рявкнула девушка. – Диспетчеры расчистят нам дорогу. Они не могут остановить нас.

– Могут, – ответил Сирил Уоткинс. – Посмотрите на площадку.

Они были так близко, что легко рассмотрели пять бензозаправщиков с надписью «Шелл» на кузовах.

– Они перекрывают полосу.

Вместе с огромными бензозаправщиками ехали пять ярко-красных пожарных машин и две белые машины «скорой помощи». Они мчались по траве вдоль края полосы, а потом все: и бензозаправщики, и пожарные, и санитарные машины – выстроились вдоль осевой линии полосы через каждые пятьсот ярдов.

– Нам не сесть, – сказал командир.

– Отключите автопилот и ведите вручную. – Голос девушки изменился, теперь он звучал жестко и резко.

«Боинг» снизился на тысячу футов и нацелился на полосу двадцать один. Прямо перед его носом вызывающе вспыхивали красные мигалки пожарных машин.

– На таран не пойду, – решительно сообщил Сирил Уоткинс, и в его голосе больше не было ни колебаний, ни сомнений. – Мы уходим.

– Садитесь на траву! – крикнула девушка. – Слева от полосы открытое пространство. Садитесь туда!

Но Сирил Уоткинс наклонился вперед и начал передвигать рычаги. Двигатели взвыли, «боинг» задрал нос и начал подъем.

Молодой бортинженер повернулся в кресле и смотрел через ветровое стекло вперед, напрягшись всем телом. Алая полоска на лбу резко выделялась на бледной коже.

Правой рукой он держался за край стола, костяшки пальцев побелели и блестели, как яичная скорлупа.

Почти не пошевелившись, блондинка прижала к этой окостеневшей руке ствол пистолета.

Послышался грохот, такой оглушительный в замкнутой кабине, что от него едва не лопнули барабанные перепонки. Отдача высоко отбросила оружие, и оно оказалось вровень с золотистой головой девушки; резко запахло сгоревшим бездымным порохом.

Бортинженер недоуменно смотрел на стол. В крышке образовалась дыра с чайную чашку величиной, с блестящими рваными краями из обнажившегося металла.

Выстрел разорвал бортинженеру руку по запястью. Отстреленная кисть валялась в стороне, между креслами пилотов, из размозженной плоти торчала кость. Кисть дергалась, как искалеченное насекомое.

– Идите на посадку, – велела девушка. – На посадку – или следующим выстрелом я разнесу ему голову.

– Гадина! – рявкнул Сирил Уоткинс, глядя на оторванную руку.

– Если не сядете, будете виноваты в его смерти.

Бортинженер прижал обрубок руки к животу и молча согнулся, лицо его исказилось.

Сирил Уоткинс с трудом оторвал взгляд от искалеченной руки и посмотрел вперед. Между сигнальными огнями взлетной полосы и узкой рулежной дорожкой расстилалось большое открытое пространство, покрытое скошенной травой высотой по колено. Командир знал: почва здесь твердая и ровная.

Рука Сирила – как будто бы сама по себе – мягко отвела назад дроссели. Гул двигателей стих, нос машины вновь опустился.

Командир вел лайнер над полосой, пока не оказался над огнями разметки. Он не хотел, чтобы водители машин догадались о его намерении и успели помешать ему.

«Сука, убийца, – твердил он про себя. – Грязная сволочь!»

Он круто наклонил «боинг», нацелил его на полоску заросшей травой земли и, отключив дроссели, удерживая самолет в чуть приподнятом положении, полетел над самой травой.

Огромная машина коснулась земли и заходила ходуном. Сирил Уоткинс отчаянно вцепился в руль, пытаясь удержать его; в то же время второй пилот переключил двигатели на реверс и до упора вдавил педаль главного тормоза.

Мимо правого крыла промелькнули пожарные машины и бензозаправщики. Самолет едва не задел их. Изумленные лица водителей показались очень близкими и бледными – и борт 070 пронесся мимо. Скорость быстро снижалась, «боинг» встал на носовое колесо, его закачало, но он остановился прямо перед кирпичным зданием, где размещался главный радар.

Было 7 часов 25 минут по местному времени. «Спидберд 070» совершил посадку.

– Они сели, – объявил Кингстон Паркер. – Как вы понимаете, чтобы помешать им приземлиться, мы шли на самые крайние меры. Кстати, выбор места посадки дает ответ на один из ваших вопросов, Питер.

– Немецкий стиль, – кивнул тот. – Дело политическое. Я согласен, сэр.

– Значит, нам с вами предстоит увидеть наяву тот ужас, который мы обсуждали только как отвлеченную теорию... – Паркер поднес к сигаре тонкую восковую свечу, дважды затянулся и только потом продолжил: – ...морального оправдания подобных действий.

– Мы снова разойдемся во мнениях, сэр, – перебил Питер. – Морального оправдания таким действиям нет.

– Правда? – спросил Паркер, качая головой. – А как же немецкие офицеры, убитые на улицах Парижа бойцами Сопротивления?

– Была война! – воскликнул Питер.

– Может быть, группа, захватившая «ноль семидесятый», тоже считает, что ведет войну...

– С невинными жертвами?

– «Хагана»* тоже приносила в жертву невинных, хотя сражалась за правое дело.

– Я англичанин, доктор Паркер: не ждите, что я стану потворствовать убийству английских женщин и детей. – Питер напрягся.

– Конечно, – согласился Паркер. – Поэтому не будем говорить о мау-мау в Кении** и о современной Ирландии. Но как же Французская революция или насаждение католицизма посредством немилосердных преследований и изощреннейших пыток? Имели ли эти действия моральное оправдание?

– Я назвал бы их понятными, но достойными осуждения. Терроризм же нельзя морально оправдать ни при каких обстоятельствах. – Питер сознательно использовал это слово и увидел, как густые брови Паркера слегка приподнялись.

– Есть терроризм сверху – и снизу. – Паркер намеренно повторил нелюбимое слово. – Определим терроризм как крайнюю форму физического или психологического принуждения, направленного на подчинение других людей воле террориста. Существует террор закона – страх перед виселицей, террор религии – страх перед адом, родительский террор – страх порки. Оправдано ли все это с точки зрения нравственности, и если да, то в большей ли степени, чем устремления слабых, бедных, политически угнетенных, бессильных жертв несправедливого общества? Если мы хотим задушить их крик протеста...

Питер неловко подвинулся в кресле.

– Протест, выходящий за рамки закона...

– Законы пишут люди – почти всегда богатые и могущественные, люди их меняют – обычно после военных действий. Движение суфражисток, борьба за гражданские права в этой стране... – Паркер смолк и усмехнулся. – Простите, Питер. Я порой увлекаюсь. Гораздо труднее быть либералом, чем тираном. Тиранов редко терзают сомнения. – Паркер откинулся на спинку кресла и сделал такой жест, словно отбрасывал нечто ненужное. – Я думаю оставить вас на пару часов. Пересмотрите свои планы в связи с новым развитием событий. Но сам я уже не сомневаюсь, что мы имеем дело с политически обоснованными действиями боевиков, а не с обычной бандой похитителей, которые, как в старые добрые времена, гонятся только за наживой. Я уверен, что, прежде чем мы с вами встретимся, нам придется до некоторой степени пересмотреть свои убеждения и нравственные принципы.

---

* Еврейская военизированная националистическая организация, созданная во времена владычества Англии в Палестине. – *Примеч. пер.*

** Революционная террористическая организация, созданная в Кении в начале 1950-х годов; добивалась изгнания всех европейцев. – *Примеч. пер.*

* * *

– Второй поворот направо, – негромко скомандовала Ингрид, и «боинг» повернул по траве к рулежной дорожке. Шасси, по-видимому, не пострадало, но теперь, когда самолет покинул свою естественную среду, он утратил грацию и красоту и стал тяжелым и неуклюжим.

Девушка никогда раньше не бывала в кабине севшего «Джамбо», и высота над поверхностью произвела на нее впечатление. Эта высота пробудила в ней ощущение отстраненности, неуязвимости.

– Теперь налево, – приказала она, и «боинг» отвернул от главного здания аэропорта к южному концу полосы. На балконе и на смотровой площадке аэровокзала уже толпились сотни любопытных, но на самой площади аэропорта всякое движение прекратилось. Брошенные машины и бензозаправщики, на бетоне ни души.

– Остановитесь здесь. – Ингрид указала на открытую площадку в четырехстах ярдах от ближайшего здания, на полпути от накопителей к ангарам и хранилищу горючего. – На перекрестке.

Сирил Уоткинс в мрачном молчании выполнил приказ и повернулся на сиденье:

– Мне нужно вызвать санитарную машину, чтобы его увезли.

Второй пилот и стюардесса уложили бортинженера на пол рубки, у самого выхода. С помощью льняных салфеток они пытались перевязать рану и остановить кровотечение. Запах бездымного пороха смешивался теперь с запахом свежей крови.

– Из самолета никто не выйдет. – Девушка покачала головой. – Он слишком много знает о нас.

– Господи, Ингрид, ему нужна медицинская помощь!

– На борту триста врачей, – равнодушно ответила она. – Лучших в мире. Двое из них могут пройти сюда и заняться им.

Она присела боком на окровавленный стол бортинженера и взяла в руки микрофон внутренней связи. Даже в гневе Сирил Уоткинс отметил: всего один раз посмотрев, что к чему, она уверенно справилась со сложным оборудованием связи. Очень сообразительная и хорошо обученная дамочка.

– Дамы и господа, мы совершили посадку в аэропорту Йоханнесбурга. Здесь мы пробудем долго, может быть, несколько дней или даже недель. Потребуется все наше терпение, и должна предупредить, всякое непослушание будет сурово наказано. Уже была предпринята попытка сопротивления. В результате один из членов экипажа получил серьезное ранение и может умереть. Подобные случаи нам больше не нужны. Однако я снова предупреждаю вас, что при необходимости мои бойцы и я станем стрелять не колеблясь или даже взорвем гранаты, размещенные над вашими головами.

Она помолчала и подождала, пока войдут два врача. Они склонились над раненым. От шока тот дрожал, как в лихорадке, белая рубашка была обильно забрызгана кровью. Девушка не проявила никакой озабоченности, никакого колебания, и спокойно продолжала:

– Двое моих бойцов сейчас пройдут по рядам и соберут паспорта. Пожалуйста, приготовьте документы.

Она чуть повела глазами, уловив какое-то движение. Из-за служебных ангаров появились четыре бронированных машины. Это была местная версия французских броневиков: высо-

кие тяжелые шины, башня и непропорционально длинный орудийный ствол, нацеленный вперед. Бронемашины осторожно повернули и остановились за триста ярдов от «боинга» в четырех точках – против концов крыльев, хвоста и носа; теперь длинные стволы смотрели на самолет.

Девушка презрительно следила за тяжелой техникой, пока перед ней не остановился один из врачей, полный, невысокий, лысеющий – но храбрый.

– Этого человека нужно немедленно отправить в больницу.

– Об этом не может быть и речи.

– Я настаиваю. Его жизнь в опасности.

– Все наши жизни в опасности, доктор. – Она помолчала и подождала, чтобы до него дошло. – Напишите, что вам необходимо. Я позабочусь, чтобы вы все получили.

– Они уже шестнадцать часов на земле, но единственный контакт до сих пор – требование медикаментов и подключения к магистральной электролинии. – Кингстон Паркер снял пиджак и расслабил узел галстука – это единственное говорило о длительном бдении.

Питер Страйд кивнул, глядя на экран.

– Какие выводы сделали ваши врачи по списку медикаментов? – спросил он.

– Похоже на огнестрельное ранение. Группа крови – третья положительная, довольно редкая, но она указана в служебных данных у одного члена экипажа. Десять литров плазмалита В, установка для переливания крови, шприцы, морфий, пенициллин для инъекций, противостолбнячная сыворотка – все необходимое для лечения серьезной травмы.

– Они подключены к стационарному источнику питания? – спросил Питер.

– Да, иначе четыреста человек уже задохнулись бы без кондиционирования. Администрация аэропорта провела кабель и подключила его к внешнему источнику питания. Теперь все системы самолета, даже кухонное оборудование, действуют.

– Значит, мы в любое время можем отключить их. – Питер сделал пометку в блокноте. – Никаких требований? Никаких переговоров?

– Нет, ничего. Они вроде бы хорошо понимают, как вести себя в таких обстоятельствах... в отличие от наших друзей – страны, где они сели. Похоже, нам придется иметь дело с менталитетом типа Уайатта Эрпа...* – Паркер помолчал. – Простите, Уайатт Эрп – шериф с Дикого Запада...

– Я видел фильм и читал книгу, – бросил Питер.

– Ну так вот. Южноафриканцы горят желанием взять самолет штурмом, а наш и ваш послы с трудом удерживают их от этого. Эти ребята готовы пинком открыть двери салуна и ворваться туда, паля из шестизарядных револьверов. Наверно, они тоже видели этот фильм.

По спине Питера прошел холодок ужаса.

– Это была бы катастрофа, – быстро сказал он. – Те, в самолете, настроены решительно.

---

* Известный американский стрелок, действовавший в пограничных территориях в первой половине XIX века. – *Примеч. пер.*

– Убеждать *меня* вам не нужно, – хмыкнул Паркер. – Сколько вам еще лететь до «Яна Смита»?

– Семь минут назад мы пересекли реку Замбези. – Питер искоса бросил взгляд в перплексовое окно, но землю внизу скрывали облака и дымка. – Лететь еще два часа десять минут, а штурмовая группа – в трех часах сорока минутах за нами.

– Ну хорошо, Питер. Мне снова пора связаться с ними. Правительство Южной Африки назначило срочное заседание всех членов кабинета, на нем в качестве советников и наблюдателей присутствуют оба наших посла. Мне кажется, пора сообщить им о существовании «Атласа». – Он ненадолго умолк. – По крайней мере теперь у нас есть оправдание существования «Атласа», Питер. Единая организация, способная действовать, невзирая на границы, быстро и самостоятельно. Вы должны знать, что я уже получил согласие президента и вашего премьер-министра на операцию «Дельта» – под мою ответственность...

Операция «Дельта» – это собственно боевая операция.

– ...но еще раз должен подчеркнуть, что разрешу «Дельту» только в самом крайнем случае. Вначале я хочу услышать и обдумать их требования, и в этом смысле мы готовы к переговорам...

Кингстон Паркер продолжал говорить, а Питер Страйд опустил голову и закрыл подбородок рукой, скрывая раздражение. Они вновь затронули спорную тему, и ему снова придется выразить несогласие.

– Всякий раз как вы позволяете боевику уйти невредимым после теракта, вы создаете условия для новых.

– Разрешение на этап «Дельта» у меня есть, – повторил Паркер резко, – но я хочу, чтобы вам было ясно: я использую его только в крайнем случае. Мы не банда убийц, генерал Страйд. – Паркер кивнул своему помощнику за пределами экрана. – Я на связи с Южно-Африканским правительством, расскажу об «Атласе».

Экран потемнел.

Питер Страйд вскочил и попробовал походить между сиденьями, но места для его высокой фигуры было мало, и он в досаде опять упал в кресло.

В одном из помещений западного крыла Пентагона Кингстон Паркер встал из-за стола связи. Два техника-связиста уступили ему дорогу, а личный секретарь открыл дверь во внутренние помещения.

Для такого крупного человека Паркер двигался с удивительным изяществом, в его теле не было ни капли лишнего жира, только крупные крепкие кости и поджарая плоть. Одет он был в дорогой костюм, отлично сшитый – лучший, какой могла предложить Пятая авеню, – но заношенный почти до дыр. Воротничок рубашки тоже чуть махрился, носы итальянских туфель сносились. По-видимому, Паркер был совершенно равнодушен к одежде. Но носил он ее с определенным щегольством и выглядел лет на десять моложе своих пятидесяти трех, лишь несколько серебряных прядок сверкали в его густой шевелюре.

Внутренние помещения, меблированные со спартанской скромностью, создавали впечатление утилитарности и безликости, как во всяком правительственном учреждении. Паркеру здесь принадлежали только книги, занимавшие множество полок, и рояль. «Бехштейн»

казался чересчур большим для кабинета; проходя мимо него, Паркер легко провел рукой по клавишам, но не задержался и направился дальше, к столу.

Усевшись во вращающееся кресло, он принялся просматривать десятки лежавших на столе папок с разведданными, последние затребованные им распечатки. Биографии, оценки и характеристики всех участников операции со «Спидберд 070».

Здесь были досье на обоих послов – розовые обложки с пометкой «Только для руководителей департаментов» свидетельствовали о высочайшем уровне секретности. Четыре зеленые папки – меньший уровень секретности – содержали материалы по членам Южно-Африканского правительства, имеющим право принимать решения в условиях чрезвычайного положения. В самой толстой папке хранились данные на премьер-министра Южно-Африканской Республики. Паркер в который раз бегло отметил: во время Второй мировой войны этот человек был брошен пробританским правительством генерала Яна Смита в тюрьму за то, что вел вооруженную борьбу против участия свой страны в этой войне. Паркер задумался о том, как теперь этот человек отнесется к вооруженным боевикам нового поколения.

Лежали здесь и досье на министров обороны и юстиции, тонкие папки начальника полиции и его заместителя, облеченных властью принимать необходимые решения на месте. Из всех этих людей только премьер-министр отличался сильным характером – мощный, похожий на бульдога, на него нелегко повлиять, нелегко разубедить. Кингстон Паркер инстинктивно чувствовал: высшая власть – здесь.

В самом низу стопки ждала еще одна розовая папка; ее листали так часто, что картонная обложка протерлась на сгибе. Первые записи были сделаны два года назад, и с тех пор папка ежеквартально пополнялась.

Заголовок: «СТРАЙД ПИТЕР ЧАРЛЬЗ»; и пометка: *только для руководителя «Атласа»*.

Кингстон Паркер, вероятно, мог бы процитировать содержимое этой папки наизусть. Тем не менее он развязал тесемки и раскрыл папку у себя на коленях.

Попыхивая трубкой, он начал перелистывать страницы досье.

Вначале основные жизненные вехи. Родился в тридцать девятом, имеет брата-близнеца, отец – военный, погиб через три года после рождения сыновей, когда танковая бригада, которой он командовал, встретилась в пустынях Северной Африки с сокрушительным ударом корпуса Эрвина Роммеля. Старший из близнецов унаследовал титул баронета, Питер пошел по хорошо известному в таких семьях пути: Харроу и Сандхерст*; впрочем, Питер уже тогда изумлял семью необыкновенными успехами в учебе и явным нежеланием заниматься командными видами спорта, которым предпочитал гольф, теннис и длительные пробежки.

Тут Кингстон Паркер ненадолго задумался. Вот первые проявления норова, который порой приводит в замешательство даже его. Паркер, испытывавший общее для интеллектуалов презрение к военным, предпочел бы иметь дело с человеком, который больше отвечает расхожему представлению о крепколобом солдате.

---

* Харроу – одна из старейших привилегированных мужских гимназий в Англии; там учатся дети аристократов и высших чиновников; Сандхерст – Королевское военное училище. – *Примеч. пер.*

Когда юный Питер Страйд пошел служить в часть, которой когда-то командовал его отец, казалось, что его недюжинный интеллект наконец-то направлен в обычное русло, а тяга к независимости в мыслях и действиях усмирена, хотя и не забыта... А потом часть направили на Кипр в момент предельного обострения внутренней политической обстановки. Через неделю молодой Питер Страйд был временно откомандирован в распоряжение армейской разведки, причем командир дал ему самую похвальную рекомендацию. Вероятно, он тоже начал понимать: трудно удержать чудо-дитя рядом с офицерской столовой.

В тот раз военное ведомство сделало удивительно верный выбор. За следующие шестнадцать лет Страйд не допустил ни единой ошибки, если не считать брака, завершившегося через два года разводом. Останься он в своей части, это могло бы отразиться на его карьере, но после Кипра продвижение Страйда по служебной лестнице оказалось таким же нетиповым и стремительным, как его мышление.

С тех пор он отточил свои способности и приобрел новые при выполнении десятков сложных заданий; вопреки традициям британской армии он еще до тридцати лет стал старшим офицером.

У него появились влиятельные друзья и сторонники по обе стороны Атлантики и в штаб-квартире НАТО. Проведя три года в Брюсселе, он был произведен в генерал-майоры и назначен начальником английской разведки в Ирландии. Этой работе он отдавал все свои способности, вкладывал в нее всю свою одержимость.

Именно ему Англия была обязана значительным прогрессом в подавлении ирландского терроризма; Питер серьезно изучил вопросы партизанской войны в городе, психологию и менталитет боевиков и внес очень большой вклад в эту область исследований.

В конце концов была сформулирована концепция «Атласа», и Питер, естественно, возглавил список возможных претендентов на пост главы новой организации. Казалось, изберут именно его: американцев поразила глубина его исследования, а друзья по НАТО не забыли о нем. В принципе его кандидатуру одобрили. Однако в последний момент возникло ожесточенное сопротивление назначению профессионального военного на такую деликатную должность. Сопротивление возникло одновременно и в Уайтхолле, и в Вашингтоне – и победило.

Кингстон Паркер выколотил трубку, пересек комнату и положил папку на пюпитр рояля. Сел и, по-прежнему глядя в печатные страницы, заиграл.

Поток музыки, прекрасные воздушные звуки Листа не мешали ему думать, скорее помогали.

Паркер с самого начала не хотел назначения Страйда, считая его опасным и предчувствуя, что честолюбие и устремления генерала трудно будет контролировать. Паркер предпочел бы собственных выдвиженцев: Таннера, который командовал сейчас «Меркурием», или Колина Нобла; он ожидал, что Страйд откажется от должности, которая явно не соответствует его возможностям и таланту.

Однако Страйд принял назначение и возглавил «Тор». Паркер подозревал, что за этим скрывается необычная мотивировка, и постарался при первой же возможности лично изучить Страйда. В пяти различных случаях он приказывал Страйду прибыть в Вашингтон и сосредоточивал на нем всю силу своего личного обаяния. Он даже пригласил генерала пожить в

своем нью-йоркском доме, немало часов посвятил беседам на самые разные темы – и вынес из этих бесед опасливое уважение к уму этого человека, в то же время придя к твердому заключению относительно его будущего в «Атласе».

Паркер перелистнул страницу «Оценка личности». Он давно привык начинать поиск слабых мест своих противников с промежности. Страйд не выказывал никаких необычных сексуальных предпочтений. Несомненно не гомосексуалист, напротив. В досье имелся список женщин, с которыми у Страйда после развода была связь: свыше десяти имен. Но все в тайне и с соблюдением приличий. Три дамы из списка были замужем, но не за его подчиненными и вообще не имели отношения к военным или к людям, которые могли бы как-то повлиять на карьеру Страйда.

У всех этих женщин было нечто общее: все высокие, умные и преуспевающие. Одна – журналистка, чью колонку печатало множество изданий, другая – бывшая модель, занявшаяся конструированием и изготовлением одежды и завоевавшая себе место на этом специфическом рынке в Лондоне и в Европе. Примадонна Шекспировского королевского театра... Паркер просмотрел список: сам он не уважал и не терпел людей, которые уступали требованиям своей плоти. Приучив себя к монашескому целомудрию, всю свою сексуальную энергию Паркер преобразовал в умственную; с другой стороны, этот человек, Страйд, вполне мог иметь две или даже три связи одновременно.

Паркер перешел ко второй слабости. Наследство Страйда очень пострадало от грабительских английских налогов, но и сейчас годовой доход генерала превышал двадцать тысяч фунтов стерлингов, а если прибавить к этому генерал-майорское жалованье и различные надбавки, Страйд вполне мог позволить себе жить безбедно. И даже экстравагантное хобби: он собирал редкие книги (а также, ядовито отметил про себя Паркер, еще более экстравагантную коллекцию редких женщин).

Впрочем, никаких следов незаконных доходов не было: ни счетов в швейцарских банках, ни вкладов в золоте, ни собственности за рубежом, ни владения компаниями, во главе которых стояли бы подставные лица, – а Паркер чрезвычайно тщательно искал эти следы: они означали бы получение дополнительной платы, возможно, от иностранных государств. Такому человеку, как Страйд, было что предложить, и цены он мог назначать сам, но, кажется, этого не делал.

Страйд не курил; Паркер вытащил изо рта свою старую вересковую трубку и несколько мгновений любовно разглядывал ее. Одна из его немногих слабостей, достаточно безобидная, что бы ни утверждал главный военный хирург США. Паркер вновь крепко зажал трубку в зубах.

Страйд употреблял алкоголь – умеренно, и слыл знатоком вин. Иногда играл на скачках, но для него это было скорее своего рода социальное общение, нежели серьезное увлечение. Никаких следов пристрастия к другим азартным играм. Вдобавок генерал не охотился и не стрелял, то есть пренебрегал двумя исконными развлечениями английского джентльмена. «Возможно, он по неким нравственным соображениям не одобряет виды спорта, связанные с кровопролитием, – подумал Паркер, – хотя это маловероятно, поскольку Страйд великолепно владеет ружьем и пистолетом. На Мюнхенской олимпиаде он входил в английскую сборную, завоевал золотую медаль в стрельбе из пистолета с пятидесяти метров и до сих пор ежедневно не менее часа проводил в тире».

Паркер обратился к медицинским документам. Великолепная физиология. В тридцать девять лет Страйд весил на один фунт меньше, чем в двадцать один год, и по-прежнему был тренированным, как солдат на передовой. Паркер отметил, что за последний месяц Страйд шестнадцать раз прыгал с парашютом. А вот времени на гольф после прихода в «Атлас» у генерала не оставалось, хотя во время службы в штабе НАТО Страйд давал другим игрокам большую фору.

Паркер закрыл досье и негромко заиграл, но ни прикосновение к прохладным клавишам, ни чарующие звуки знакомой музыки не могли хотя бы отчасти унять его беспокойство. Досье было подробное, но давало ответ не на все вопросы. Например, почему Страйд согласился принять «Тор» – он был не из тех, кто действует необдуманно. Но больше всего Паркера занимал навязчивый вопрос, насколько в этом человеке сильна привычка к независимому мышлению, до какой степени развито честолюбие, куда способен привести острый ум. Короче говоря, какую угрозу этот человек способен представлять для «Атласа» на пути к выполнению этой организацией ее главной задачи.

– Доктор Паркер, сэр... – Помощник негромко постучался и вошел. – Есть новости.

Паркер негромко вздохнул.

– Иду, – сказал он, из-под длинных сильных пальцев вырвались последние печальные и прекрасные звуки, и он поднялся.

«Хокер» почти неслышно снижался. На высоте пять тысяч футов пилот выключил двигатели и более не касался рычагов управления. Самолет, планируя, пролетел над самой автостоянкой, над оградой летного поля и коснулся земли в двадцати ярдах за полосатой разметкой начала взлетно-посадочной полосы «один пять». И сразу включил максимальное торможение. «Один пять» – вспомогательная поперечная полоса, а у «Хокера» очень короткий пробег. От «Спидберда 070», стоявшего на главной полосе, его полностью скрывали здания аэропорта.

Пилот развернул «Хокер» на 360 градусов и осторожно, на самой малой скорости, лишь бы самолет двигался, вернулся на полосу «один пять».

– Отлично, – похвалил Питер Страйд, сидевший в кресле позади пилота. Он был почти уверен, что никто на борту 070 не заметил их появления. – Нам приготовили укрытие, там можно будет подключиться к магистрали, это в северной части... – Питер смолк, увидев, что им машет работник аэропорта; дальше виднелась тесная кучка ожидающих – четыре человека. Трое в камуфляже, а четвертый – в аккуратном синем мундире с золотыми нашивками старшего офицера Южно-Африканской полиции и в фуражке.

Офицер первым встретил Питера, когда тот спустился по трапу.

– Принслоу, – представился он, и они обменялись рукопожатием, – генерал-лейтенант.

Старше Питера по званию, но не армейский, а из полиции. Крепкий, чуть полноватый, не моложе пятидесяти пяти. Очки в стальной оправе. Тяжелые черты лица, мясистые щеки и губы – такие Питер часто видел у голландских и бельгийских крестьян, когда служил в Голландии. Человек земной, суровый и консервативный.

– Позвольте представить коммандантa Бунзайера.

«Коммандант» – армейское звание, равное полковнику. Этот моложе, но с таким же сильным акцентом и такими же тяжелыми чертами лица. Высокий, всего на дюйм ниже Питера. Оба южноафриканца смотрели недовольно, с подозрением, и причина этого сразу же стала ясна.

– Мне сообщили, что я поступаю в ваше распоряжение, генерал.

Офицеры слегка передвинулись и теперь стояли лицом друг к другу. Питер сразу понял: не вся враждебность нацелена на него. И здесь армия не дружила с полицией. Питер снова подумал, как выгодно отличается в этом отношении «Атлас».

Одна-единственная четко проведенная вертикаль подчиненности и ответственности совершенно необходима. Питер вспомнил перестрелку в аэропорту Ларнаки между египетскими коммандос и национальной гвардией Кипра. Террористы ушли без единой царапины, а взлетное поле было усеяно горящими обломками египетского транспортного самолета и десятками мертвых и умирающих египтян и киприотов.

Первый принцип стратегии террористов – наносить удар там, где перекрываются зоны ответственности разных государств. «Атлас» преодолевал эту трудность.

– Спасибо. – Питер без всякой рисовки принял командование. – Моя штурмовая группа высадится через три часа. Разумеется, мы используем силу только в крайнем случае, но если до этого дойдет, я задействую исключительно бойцов «Атласа». Хочу, чтобы вы поняли это с самого начала. – Он увидел, как разочарованно дернулся рот одного из офицеров.

– Мои люди специально обучены...

– Самолет английский, большинство заложников англичане и американцы. Это политическое решение, полковник. Но я буду приветствовать вашу помощь в других сферах, – тактично отверг его предложение Питер. – Прежде всего подскажите, пожалуйста, где нам разместить оборудование для наблюдения. А потом вместе осмотрим местность.

Питер без труда нашел, где разместить свой передовой наблюдательный пункт – в кабинете управляющего службами аэропорта, просторной и скудно обставленной комнате на третьем этаже здания аэровокзала. Оттуда открывался вид на всю зону обслуживания и южную часть полосы, где стоял «боинг».

Когда отсюда эвакуировали служащих, окна оставили открытыми, и менять что-либо в помещении не требовалось.

Сверху нависал смотровой балкон, он затенял кабинет, и любому наблюдателю, даже с помощью сильной оптики, не удалось бы заглянуть внутрь. Очевидно, похитители ожидали, что за ними будут наблюдать сверху, из стеклянной башни диспетчерской. Любое преимущество, пусть даже такое незначительное, могло оказаться важным.

Оборудование для наблюдения было компактным и легким, телевизионные камеры – не больше восьмимиллиметровой модели для домашнего использования; такую камеру вместе с алюминиевым треножником человек может унести в одной руке. Однако камера давала электронное увеличение изображения до эквивалента 800-миллиметровой фокусной длины; это изображение выводилось на панель управления «Хокера» и одновременно записывалось на видео.

Усилитель звука был более громоздким, но тоже легким, четырехфутовая тарелка-антенна с микрофоном в центре. Телескопический прицел позволял нацелить усилитель на источник звука со снайперской точностью. Направив его на губы человека в восьмистах ярдах от наблюдателя, можно было слышать речь нормальной громкости; звук также передавался в оперативный штаб и записывался на магнитофон.

В кабинете разместились два связиста Питера с достаточным запасом кофе и пончиков, а Питер в сопровождении южноафриканского полковника и своего штаба отправился наверх, в стеклянную диспетчерскую.

Из башни открывался вид на все летное поле, ангары и зону обслуживания. Сейчас там оставались только военные.

– Все въезды в аэропорт перекрыты. Впускают только пассажиров с билетами и разрешением на вылет; никаких любителей ужасов; используется только северное крыло аэровокзала.

Питер кивнул и повернулся к старшему диспетчеру.

– Что с вылетами?

– Мы отказали всем частным рейсам, прилетающим и улетающим. Все местные рейсы перенесены в аэропорты Лансерия и Джермистон. Сейчас мы принимаем и обслуживаем только международные полеты по расписанию, но примерно с трехчасовым опозданием.

– Не приближаются ли к «ноль семидесятому» другие самолеты?

– К счастью, зал международных вылетов расположен дальше всех, подъездные пути в южной части аэропорта закрыты. Как видите, мы очистили всю зону; три самолета «Южно-Африканских авиалиний» проходят осмотр и обслуживание, но ближе чем в тысяче ярдов от «ноль семидесятого» никаких самолетов нет.

– Возможно, придется перекрыть все движение, если... – Питер помолчал, – ...вернее, когда начнутся осложнения.

– Хорошо, сэр.

– А пока продолжайте действовать в том же духе. – Питер поднял бинокль и снова очень тщательно осмотрел огромный «боинг».

Тот стоял особняком, тихий и с виду пустой. Яркая веселая раскраска придавала ему праздничный вид. Красные, синие и белые полосы сверкали на солнце высокого вельда. Самолет стоял боком к башне, все иллюминаторы и двери были закрыты.

Питер медленно прошелся взглядом по длинному ряду перплексовых иллюминаторов на фюзеляже, но на каждом была опущена темная шторка, и круглые окна походили на глаза мертвого насекомого.

Питер перевел взгляд чуть выше – на фонарь пилотской кабины. Он был завешен изнутри одеялами, не позволявшими видеть экипаж или похитителей – или стрелять по кабине, хотя до ближайшего угла аэровокзала было не больше четырехсот ярдов. С новыми оптическими прицелами опытные снайперы «Тора» могли с такого расстояния вогнать пулю в любой глаз человека, на выбор.

По бетону рулежной дорожки вился тонкий черный электрический кабель, соединявший самолет с источником электроэнергии, – длинная уязвимая пуповина. Питер задумчиво рассмотрел кабель, потом оглядел четыре броневика и, озабоченный, слегка наморщил лоб.

– Полковник, пожалуйста, отзовите эти машины. – Он старался скрыть раздражение. – С задраенными башнями ваши экипажи там поджариваются, как рождественские гуси.

– Генерал, считаю своим долгом... – начал Бунзейер, но Питер опустил бинокль и улыбнулся. Очаровательная дружеская улыбка застала полковника врасплох: до сих пор лицо Питера оставалось строгим и неулыбчивым. Но глаза Страйда не улыбались, они смотрели сурово.

– Я хочу по возможности разрядить атмосферу. – Необходимость давать объяснения раздражала Питера, но он продолжал улыбаться. – Тот, на кого нацелены четыре пушки, более склонен к жестким решениям и может сам спустить курок. Держите их поблизости на всякий случай, если угодно, но уберите с глаз долой – и дайте им отдохнуть.

Полковник с недовольным видом передал приказ по рации, висевшей у него на поясе, и броневики тотчас ожили и медленно скрылись за ангарами. Питер без всяких угрызений совести продолжил:

– Сколько людей вы развернули? – Он указал на цепь солдат вдоль смотрового балкона, а после на головы у ангаров, заметные на голубом фоне африканского неба.

– Двести тридцать человек.

– Уберите, – приказал Питер, – и пусть в самолете видят, что ваши люди уходят.

– Всех? – недоверчиво переспросил полковник.

– Всех, – подтвердил Питер, и его улыбка превратилась в оскал, – да поживее.

Бунзейер усваивал быстро, а потому сразу поднес рацию ко рту. Несколько минут солдаты на балконе строились, потом строем ушли. Над парапетом отчетливо просматривались стальные каски и стволы. Все это должны были увидеть в «боинге».

– Вы обращаетесь с этими... с этими скотами... – в голосе полковника звучал сдерживаемый гнев, – ...чересчур мягко.

Питер прекрасно знал, что его ожидает.

– Если вы не прекратите размахивать пистолетом у них под носом, полковник, они все время будут настороже. Пусть немного успокоятся, расслабятся, почувствуют себя уверенней.

Он говорил, не отрываясь от бинокля, выбирая взглядом опытного солдата позиции для своей четверки снайперов. Вряд ли их удастся задействовать – их задача уложить всех террористов одновременно, – но по дренажной канаве можно подобраться к небольшой постройке, где размещается один из радаров и маяки срочной посадки. Постройка находится в тылу противника. Вряд ли похитители ожидают обстрела оттуда. Точка за точкой Питер рассматривал диспозицию, записывал наблюдения в небольшой переплетенный в кожу блокнот, разглядывал крупномасштабную карту аэропорта, рассчитывал градиенты и углы полей обстрела, подыскивал укрытия, определял «время выполнения задачи», если боевики выйдут из ближайшего укрытия; пытался найти новые решения, перехитрить врага, по-прежнему безликого и потому бесконечно грозного.

Потребовался час напряженной работы, прежде чем он почувствовал удовлетворение. Теперь он может сообщить о своем решении Колину Ноблу, приближающемуся на борту «Геркулеса», и через четыре минуты после того, как шасси самолета коснется земли, все его люди с их разнообразными умениями и сноровками займут нужные позиции.

Питер оторвался от карты и сунул блокнот в нагрудный карман. Снова внимательно оглядел в бинокль безмолвный самолет с зашторенными иллюминаторами – но на этот раз позволил себе роскошь эмоций.

Он почувствовал, как из недр его души поднимаются гнев и ненависть, как убыстряется ток крови и напрягаются мышцы живота и бедер.

Снова перед ним многоглавое чудовище. Залегло в засаде, готовое к прыжку, ждет, как бывало уже не раз.

Ему вдруг вспомнились осколки стекла на булыжных мостовых Белфаста, сверкавшие под фонарями, как алмазы; вспомнился густой запах взрывчатки и крови.

Вспомнилась мертвая молодая женщина у тротуара перед развороченным нутром фешенебельного лондонского ресторана. Взрыв обнажил ее прекрасное юное тело, оставив только обрывки кружевного французского белья.

Вспомнилась семья – отец, мать, трое маленьких детей, – сгоревшая в своей машине; их обугленные тела корчились в пламени, словно исполняя жуткий медленный танец. С того дня Питер не мог есть жареную свинину.

Вспомнились испуганные глаза ребенка, глядящие сквозь кровавую маску; рядом с девочкой – ее оторванная рука, бледные пальцы еще сжимают маленькую грязную тряпичную куклу.

Эти разрозненные картины мелькали в его памяти, питая ненависть, пока та не заполнила все его существо; от нее защипало глаза, и пришлось опустить бинокль и вытереть их тыльной стороной ладони.

Вот враг, с которым он уже встречался. Однако чутье предостерегало: с их последней встречи враг стал сильнее, потерял последнее сходство с человеком. Питер старался обуздать ненависть, чтобы та не мешала ему рассуждать здраво – впереди ждали трудные часы и дни. Но чувство было слишком сильно, а он сдерживал его слишком долго.

Ему чудился в этой ненависти вражий голос. Именно ненависть питала извращенную философию и чудовищные действия врага; опуститься до ненависти значило опуститься на дочеловеческий уровень. Но ненависть не сдавалась.

Питер Страйд полностью отдавал себе отчет в том, что источник этой ненависти – не только память об ужасной смерти и искалеченных телах, которых он навидался в прошлом. Скорее ее породила угроза, которую враг представлял для всего общества, цивилизованных порядков, законности. Если позволить злу восторжествовать, писать законы станут революционеры с безумным взглядом и зажатым в кулаке пистолетом, править миром – разрушители, а не созидатели. Подобная возможность вызывала у Питера Страйда еще большее отвращение, чем кровь и насилие, и ненависть его была ненавистью солдата. Ибо только солдат знает, что такое ужасы войны.

Инстинкт бойца призывал его немедленно выступить и уничтожить врага, но ученый и философ в нем предупреждал: еще не время – и огромным усилием воли Питер обуздал свое желание.

В то же время он понимал, что поставил под угрозу всю свою карьеру именно ради этого момента, этой непосредственной встречи со злом.

Когда ему не дали возглавить «Атлас» и взамен назначили политика, Питеру следовало бы отклонить назначение на меньшую должность в той же организации. Перед ним от-

крывались иные возможности, но он предпочел остаться в проекте – и надеялся, что никто не почувствовал глубину его негодования. Бог свидетель, у Кингстона Паркера с тех пор не было оснований жаловаться. Никто в «Атласе» не работал с большей отдачей, и Питер много раз доказывал свою верность.

Теперь ему казалось, что все это было не зря – миг, ради которого трудился Питер, наконец наступил. Там, на раскаленном бетоне под африканским солнцем, его ждал враг – не на тихом зеленом острове под дождем, не на грязных улицах густонаселенного города, но это был все тот же старый враг, и Питер знал: его время пришло.

Когда Питер забрался в салон «Хокера», превращенный в его штаб-квартиру, и опустился в кожаное кресло, связь уже установили, и на главном экране был Колин Нобл. На правом верхнем экране помещалось панорамное изображение южной части главной полосы; в самом его центре, как орел в гнезде, сидел «боинг». На другом экране виднелась пилотская кабина самолета при максимальном увеличении, с такими четкими подробностями, что Питер без труда прочел на ярлычке название фирмы, изготовившей одеяло, которым занавесили окно. На третьем экране была диспетчерская: на переднем плане перед экранами радаров – сотрудники в рубашках с коротким рукавом, а у них за спиной, за большими окнами, все тот же «боинг». Камеры час назад установили в здании аэропорта. Еще один экран оставался темным. Главный экран заполнило знакомое добродушное лицо Колина Нобла.

– Будь у тебя кавалерия, а не десант, – усмехнулся Питер, – ты был бы здесь еще вчера...

– Куда торопиться, приятель? Я вижу, веселье еще не началось. – Колин улыбнулся с экрана и сдвинул бейсболку на затылок.

– В точку, – согласился Питер. – Мы даже не знаем, кто организовал эту гулянку. Какова последняя оценка времени прибытия?

– Ветер попутный... Будем через час двадцать две, считая с этого момента, – ответил Колин.

– Ну хорошо, перейдем к делу, – сказал Питер и начал знакомить Нобла со своими решениями, сверяясь с записями в блокноте. Иногда он просил операторов сменить кадр, и те в соответствии с его указаниями давали панораму или крупный план, показывали радарную станцию или вентиляторы служебного ангара, за которыми Питер решил поместить снайперов. Изображение передавалось и в просторный трюм «Геркулеса», чтобы те, кто займет ту или иную позицию, могли заранее изучить ее и тщательно подготовиться. Оно же с незначительным искажением передавалось через спутник на экран в центральном штабе «Атласа» в западном крыле Пентагона. Развалившись в кресле, точно старый лев, Кингстон Паркер следил за каждым словом разговора и отвлекся лишь однажды, когда помощник принес ему телексы. И немедленно распорядился выйти на связь с Питером.

– Простите за вмешательство, Питер, но у нас есть полезные сведения. Предположив, что боевики сели на «ноль семидесятый» в Маэ, мы связались с сейшельской полицией и попросили проверить список пассажиров. Там на борт поднялось пятнадцать человек, десять из них – жители Сейшел. Местный торговец с женой и восемь детей в возрасте от восьми

до четырнадцати лет. Это дети служащих, нанятых правительством Сейшел для работы по контракту; они возвращаются в свои школы к новому учебному году.

Питер ощутил, как на него огромной тяжестью наваливается ужас. Дети. Почему-то юные жизни казались более важными и хрупкими. Но Паркер продолжал говорить, держа в левой руке ленту телекса, в правой – трубку и почесывая шею черенком.

– Далее, английский бизнесмен из компании «Шелл Ойл» – он хорошо известен на острове – и четверо туристов: американка, француз и двое немцев. Эти четверо держались вместе, и таможенники и полицейские их хорошо запомнили. Две женщины и двое мужчин, все молодые. Салли-Энн Тейлор, двадцати пяти лет, американка; Хайди Хоттшаузер, двадцати четырех, и Гюнтер Ретц, двадцати пяти лет, немцы; Анри Ларусс, двадцати шести лет, француз. Полиция собрала сведения об этой четверке. Они провели две недели в отеле «Риф» близ Виктории, женщины в одном двухместном номере, мужчины – в другом. Большую часть времени плавали и загорали – до тех пор, пока пять дней назад в порт Виктории не пришла небольшая океанская яхта: тридцать пять футов, одиночное кругосветное плавание, на борту американец. С тех пор четверка все время проводила на яхте; за двадцать четыре часа до отправления «ноль семидесятого» та отплыла.

– Если яхта доставила им вооружение и взрывчатку, значит, операцию планировали заблаговременно, – задумчиво сказал Питер. – И чертовски хорошо планировали. – Он снова почувствовал укол возбуждения: враг начинал обретать лицо, зверь обрисовался яснее – и стал еще уродливее и отвратительнее. – Имена по компьютеру пробили? – спросил он.

Паркер кивнул:

– Результат нулевой. Либо о них нет никаких данных, либо имена и паспорта поддельные...

Он замолчал: на экране, показывающем диспетчерскую, возникло какое-то движение; по второму каналу связи послышался голос. Он звучал чересчур пронзительно, и техник быстро подстроил частоты. Голос оказался женским, свежим, чистым, молодым и звучал по-английски с еле заметным западно-американским акцентом.

– Диспетчерская «Яна Смита», говорит командир группы Армии борьбы за права человека. «Спидберд ноль семь ноль» в наших руках. Примите сообщение.

– Контакт! – выдохнул Питер. – Наконец-то контакт!

На малом экране Колин Нобл улыбнулся и ловко перекатил сигару из одного угла рта в другой.

– Начинается гульба, – заявил он, но в его голосе прозвучали острые, как лезвие бритвы, ноты, и этого не мог скрыть веселый тон.

Трое членов экипажа были удалены из кабины пилотов и заняли освободившиеся места четверки.

Ингрид превратила рубку «боинга» в свой штаб. Она быстро просматривала груду паспортов, отмечая на схеме размещения пассажиров имя и национальность каждого.

Дверь в кухню оставалась открытой, но, если не считать гудения кондиционеров, в большом самолете было совершенно тихо. Разговоры в салонах были запрещены, и по проходам живым напоминанием об этом прохаживались коммандос в красных рубашках.

Установили распорядок пользования туалетом: пассажир обязан вернуться на место, и только после этого можно встать следующему. Двери туалета должны были постоянно оставаться открытыми, чтобы коммандос видели вошедшего туда.

Несмотря на тишину, в самолете царило напряжение. Мало кто из пассажиров спал – в основном дети, остальные, с напряженными осунувшимися лицами, сидели неподвижно и с ненавистью и страхом наблюдали за своими похитителями.

В кабину вошел Анри, француз.

– Броневики отходят, – сказал он. Стройный, с очень юным лицом и мечтательными глазами поэта. Светлые усы подковкой казались на этом лице наклеенными.

Ингрид взглянула на него.

– Зря ты так нервничаешь, cheri.* – Она покачала головой. – Все будет в порядке.

– Я не нервничаю, – напряженно ответил юноша.

Она добродушно усмехнулась и погладила его по щеке.

– Я не хотела тебя обидеть. – Она притянула его лицо к себе и поцеловала Анри, глубоко просунув язык ему в рот. – Ты доказал свою храбрость – часто доказывал, – прошептала она.

Он со стуком положил пистолет на стол и потянулся к ней. Три верхние пуговицы красной хлопчатобумажной рубашки Ингрид были расстегнуты. Она позволила ему просунуть руку и нащупать ее груди.

Тяжелые, круглые; Анри тяжело задышал, касаясь сосков, которые сразу напряглись. Но, когда он свободной рукой хотел расстегнуть Ингрид брюки, она грубо оттолкнула его.

– Потом, – бросила она, – когда все будет кончено. – И, наклонившись вперед, приподняла краешек одеяла, закрывавшего лобовое стекло кабины. Солнце светило очень ярко, но глаза Ингрид быстро привыкли, и она увидела над парапетом смотрового балкона цепочку голов в шлемах.

«Значит, войска тоже убирают. Пора начинать переговоры... но пусть еще немного поварятся в собственном соку».

Она встала, застегнулась, поправила на шее фотоаппарат, ненадолго задержалась у выхода, приводя в порядок копну золотистых волос, и медленно прошлась по всему проходу, изредка останавливаясь – то чтобы получше укрыть спящего ребенка, то чтобы внимательно выслушать жалобы беременной жены техасского нейрохирурга.

– Вас и детей первыми выпустят из самолета, обещаю.

Дойдя до лежащего бортинженера, она склонилась над ним.

– Как он?

– Сейчас спит. Я сделал ему укол морфия, – ответил толстый маленький врач, пряча глаза, чтобы она не увидела в них ненависть. Раненая рука, поднятая, чтобы остановить кровотечение, неподвижно торчала в коконе повязки. Она казалась странно короткой, на белых бинтах алела просочившаяся кровь.

– Вы молодец. – Ингрид коснулась руки врача. – Спасибо.

Он удивленно взглянул на нее, и она улыбнулась – такой ясной, милой улыбкой, что он смягчился.

---

* Дорогой (*фр.*). – *Примеч. пер.*

– Это ваша жена? – негромко, так, чтобы слышал только врач, спросила Ингрид, и он кивнул, покосившись на пухлую маленькую еврейку в соседнем кресле. – Я постараюсь, чтобы она была в числе первых, кто выйдет из самолета, – пообещала девушка. Тронутый, он поблагодарил. Ингрид встала и двинулась дальше.

Рыжеволосый немец стоял в начале пассажирского салона, рядом с портьерой, отгораживавшей вторую кухню. Черные длинные волосы падали на плечи, на напряженном осунувшемся лице религиозного фанатика горели темные глаза. Из-за шрама поперек верхней губы казалось, что парень постоянно улыбается.

– Курт, все в порядке? – спросила Ингрид по-немецки.

– Жалуются на голод.

– Покормим через два часа – но хуже, чем они ожидают. – И она презрительным взглядом обвела салон. – Толстые, – негромко сказала она, – раскормленные, жирные буржуазные свиньи. – Уходя за портьеру, она приглашающе взглянула на Курта. Тот сразу прошел туда, задернув за собой занавеску.

– Где Карен? – спросила девушка, пока он расстегивал пояс. Ей это было очень нужно, возбуждение и кровь воспламенили ее.

– Отдыхает – в конце салона.

Ингрид расстегнула пуговицу на шортах и потянула вниз молнию.

– Хорошо, Курт, – хрипло сказала она, – только быстро, очень быстро.

Ингрид сидела на месте бортинженера, за ней стояла темноволосая девушка. Поверх красной рубахи на брюнетке был патронташ, а на бедре висел пугающе большой пистолет.

Ингрид поднесла микрофон ко рту и заговорила, пальцами другой руки расчесывая золотистую путаницу своих прядей.

– ...Сто девяносто восемь граждан Британии. Сто сорок шесть американцев... – Она читала список заложников. – На борту сто двадцать две женщины и двадцать шесть детей моложе шестнадцати лет. – Она говорила минут пять, потом смолкла, поерзала в кресле и через плечо улыбнулась Карен. Темноволосая девушка улыбнулась в ответ, протянула узкую руку и погладила блондинку по голове.

– Мы записали ваше сообщение.

– Зовите меня Ингрид. – Девушка улыбнулась в микрофон, и ее улыбка стала злой. Наступило молчание. Потрясенный диспетчер приходил в себя.

– Принято, Ингрид. Хотите еще что-нибудь сказать?

– Да, диспетчерская. Поскольку самолет английский и свыше трехсот пассажиров – англичане и американцы, мне нужны представители посольств этих стран. В течение двух часов они должны выслушать мои условия освобождения пассажиров.

– Оставайтесь на связи, Ингрид. Мы вернемся, как только свяжемся с послами.

– Не шутите со мной, диспетчерская, – хлестнул голос девушки. – Мы оба прекрасно знаем, что они сейчас дышат вам в шею. Передайте, что их человек нужен мне через два часа – иначе я вынуждена буду прикончить первого заложника.

Питер Страйд разделся до трусов. На ногах у него были только матерчатые тапочки. Ингрид настаивала на личной встрече, и Питера обрадовала возможность приблизиться к противнику.

– Мы будем прикрывать каждый дюйм твоего пути туда и назад, – сказал Питеру Колин Нобл, суетясь около него, как тренер возле боксера перед гонгом. – Я лично подбирал стрелков.

Снайперы были вооружены специальными, ручной сборки, «Магнумами-222» с подогнанными стволами: это оружие стреляло маленькими легкими пулями, развивающими огромную скорость и обладающими страшной убойной силой. Боеприпасы были под стать стволам: каждый патрон был изготовлен и доведен вручную. Обычные оптические прицелы и телескопические прицелы инфракрасного видения делали это оружие одинаково смертоносным и днем, и ночью. Траектория пули на протяжении семисот футов оставалась четкой и ровной. Превосходно сделанное оружие, точные механизмы, уменьшающие опасность для заложников и случайных зрителей. Легкая пуля повалит человека на землю со свирепой силой, точно напавший носорог, но застрянет в его теле и не убьет того, кто стоит за ним.

– Ты уже весь в мыле, – хмыкнул Питер. – Они собираются говорить, не стрелять – пока.

– Эта женщина, – предупредил Колин, – вот кто опасен.

– Гораздо важнее стволов камеры и звукозаписывающее оборудование.

– Я уже прошелся и раздал десяток пинков. За эти съемки ты легко получишь «Оскара» – ручаюсь. – Колин взглянул на часы. – Пора. Не заставляй даму ждать. – Он легонько сжал плечо Питера. – Держись спокойно, – сказал он, и Питер вышел на солнечный свет, подняв обе руки с раскрытыми ладонями и растопыренными пальцами.

Тишина давила не меньше, чем сухая жара, но так и было задумано. Не желая создавать помех своему записывающему оборудованию, Питер остановил всякое движение, распорядившись выключить машины и механизмы по всей зоне обслуживания.

Слышался только звук его шагов; Питер шел быстро, но это был самый долгий переход в его жизни, и чем ближе он подходил к самолету, тем больше тот нависал над ним. Питер понимал, его заставили раздеться почти догола не только, чтобы не дать спрятать оружие, но и стремясь поставить в невыгодное положение, вынудить чувствовать себя уязвимым. Старый трюк – в гестапо пленных всегда раздевали перед допросом, поэтому Питер держался вызывающе прямо, довольный тем, что тело у него поджарое и крепкое, а мышцы, как у спортсмена. Не хотел бы он пройти эти четыреста ярдов пузатым стариком с отвислыми грудями.

Он прошел половину пути, когда передняя дверь, сразу за кабиной пилотов, отодвинулась назад, и в квадратном проеме появилось несколько фигур. Питер прищурился: двое, нет, трое в форме «Британских авиалиний»: два пилота и между ними – стройная фигура стюардессы.

Они стояли плечом к плечу, но за ними виднелась еще одна голова, светловолосая. Однако освещение и угол зрения мешали разглядеть подробности.

Подойдя ближе, он увидел: у того пилота, что постарше (справа), седые волосы, круглое румяное лицо – это Уоткинс, командир экипажа. Хороший человек. Питер читал его личное дело. Бегло скользнув взглядом по второму пилоту и стюардессе, он сосредоточил все свое внимание на том, кто стоял за ними, но только когда встал непосредственно под открытым люком, сумел ясно увидеть лицо.

Питера поразила красота этой золотой головы, гладкое молодое загорелое лицо, потрясающая невинность широко расставленных спокойных голубых глаз... в первое мгновение он не поверил, что перед ним террористка, но тут девушка заговорила.

– Я Ингрид, – представилась она. И Питер подумал, что самые красивые цветы бывают ядовитыми.

– Я полномочный представитель английского и американского правительств, – ответил он и перевел взгляд на мясистое румяное лицо Уоткинса. – Сколько на борту угонщиков?

– Никаких вопросов! – яростно рявкнула Ингрид. Сирил Уоткинс, не меняя выражения лица, вытянул вдоль бедра четыре пальца правой руки.

Это было очень важное подтверждение тому, что они уже заподозрили, и Питер почувствовал благодарность.

– Прежде чем мы обсудим ваши условия, я из чистой человечности хотел бы обеспечить благополучие заложников.

– О них хорошо заботятся.

– Нужны ли вам пища или питьевая вода?

Девушка запрокинула голову и рассмеялась.

– Чтобы вы подмешали туда слабительное – и мы сидели бы в дерьме? Хотите выкурить нас вонью?

Питер не стал настаивать. Врач уже подготовил судки с начиненной препаратом едой.

– У вас на борту раненый?

– Никаких раненых на борту нет, – отрубила девушка, сразу перестав смеяться, но Уоткинс сложил большой и указательный палец кольцом, тем самым противореча ей, и Питер заметил на рукавах его белой рубашки засохшую кровь. – Хватит, – предупредила Ингрид Питера. – Еще один вопрос, и переговорам конец.

– Хорошо, – не раздумывая согласился Питер. – Больше вопросов не будет.

– Цель нашей группы – свержение жестокого, бесчеловечного неоимпериалистического фашистского режима, который держит эту страну в рабстве и нищете, отказывая большинству населения и пролетариату в основных человеческих правах.

«А вот это, – с горечью подумал Питер, – самое скверное, что могло случиться, хоть и выражено в духе левых безумцев». Миллионы людей во всем мире мгновенно проникнутся сочувствием к угонщикам, и Питеру станет еще труднее работать. Террористы избрали «благородную» цель.

Девушка продолжала говорить – напряженно, с почти религиозной страстностью, и, слушая ее, Питер все более убеждался, что перед ним фанатичка, отстоящая на волосок от безумия. Она выкрикивала свои обвинения и проклятия неожиданно визгливым голосом, а когда смолкла, Питер понял: эта способна на все, никакая жестокость, никакая низость ее не отпугнут. Такая не остановится и перед самоубийством, а заодно уничтожит «боинг» со всеми его пассажирами; Питер заподозрил, что она даже приветствует возможность самопожертвования, и почувствовал, как по спине прошел холодок.

Теперь они молча глядели друг на друга; лихорадочное, фанатичное выражение сошло с лица девушки. Ингрид перевела дух. Питер, борясь с дурными предчувствиями, ждал, пока она окончательно успокоится и продолжит.

– Первое наше требование. – Девушка наконец овладела собой и проницательно посмотрела на Питера. – Наше заявление должно быть передано по всем телепрограммам Англии и Соединенных Штатов, а также по местным телеканалам. – Питер почувствовал, как его обычная ненависть к телевизору перекрывает все остальные чувства. Опустошающая разум электронная подмена мыслей, смертельно опасное изобретение, предназначенное для промывания мозгов и навязывания мнений! Он ненавидел этот ящик не меньше, чем насилие, которое тот с такой легкостью поставлял в каждый дом. – Нас должны услышать в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Лондоне и Йоханнесбурге в девятнадцать часов по местному времени...

«Ну разумеется – в лучшее время, и средства массовой информации зубами и когтями ухватятся за новость, ибо это их хлеб насущный... порнографы насилия!» – подумал Питер.

Высоко над ним девушка в открытом люке махнула толстым светло-желтым конвертом.

– Здесь текст заявления и список. Сто двадцать девять имен. Все эти люди арестованы бесчеловечным полицейским режимом. В этом перечне – подлинные руководители Южной Африки. – Она бросила конверт. Он упал у ног Питера.

– Второе наше требование – всех указанных в этом списке посадить на самолет, который предоставит местное правительство. Доставить на борт того же самолета один миллион золотых крюгеррэндов. Самолет полетит в страну, на которой остановят свой выбор освобожденные политические лидеры. Золото пойдет на создание правительства в изгнании, пока подлинные вожди местного населения не получат возможность вернуться на родину.

Питер наклонился и поднял конверт. Он быстро подсчитывал. Один крюгеррэнд стоит по меньшей мере 170 долларов. Следовательно, угонщики требуют выкуп по меньшей мере в сто семьдесят миллионов долларов.

Посчитал он и другое.

– Миллион крюгеров весит больше сорока тонн, – сказал он девушке. – Как это можно поместить в самолет?

Девушка замялась. Питер слегка утешился – оказывается, не все так тщательно продумано. Если они допустили одну небольшую ошибку, могли быть и другие.

– Правительство предоставит достаточно транспорта для золота и арестованных, – после недолгого колебания отрезала девушка.

– Это все? - спросил Питер; солнце жгло его обнаженную кожу, капли пота стекали по бокам. Он не ждал такого скверного поворота событий.

– Самолет должен вылететь завтра до полудня, или мы начнем казнь заложников.

Питера захлестнула волна ужаса: «Казнь». Девушка воспользовалась юридическим термином, и Страйд понял, что она выполнит свое обещание.

– Когда самолет с заключенными прибудет в избранный его пассажирами пункт назначения, нам дадут условный сигнал, и мы немедленно освободим всех детей и женщин.

– А мужчин? – спросил Питер.

– В понедельник, шестого – через три дня – Генеральная Ассамблея ООН в Нью-Йорке должна принять резолюцию об обязательных для всех экономических санкциях по отношению к Южной Африке: полное эмбарго на торговлю нефтью и торговлю вообще, прекращение

всех транспортных и иных сообщений, блокада границ и портов миротворческими силами ООН. Проведение всеобщих свободных выборов под наблюдением инспекторов ООН...

Питер пытался предугадать требования Ингрид. Он, конечно, знал о проекте этой резолюции – его предложили Шри-Ланка и Танзания. Совет Безопасности ее, несомненно, отклонит. Однако выбор времени для выдвижения требований натолкнул Питера на новые и чрезвычайно тревожные соображения. У него защемило сердце. Зверь вновь сменил обличье. Захват самолета, вне всяких сомнений, не случайно произошел через три дня после выдвижения проекта резолюции. Вывод напрашивался пугающий, слишком страшный, чтобы задумываться над ним: попустительство – если не прямое пособничество террору – со стороны глав правительств разных стран...

Девушка снова заговорила.

– Если какой-либо член Совета Безопасности ООН – США, Британия или Франция – использует свое право вето, чтобы отклонить резолюцию, самолет и все его пассажиры взлетят на воздух.

Питер, утратив дар речи, оцепенело глядел на светловолосую красавицу – она казалась совсем девочкой, юной и свежей.

Когда способность говорить вернулась к нему, он прохрипел:

– Вряд ли у вас на борту хватит взрывчатки, чтобы осуществить эту угрозу.

Блондинка что-то сказала человеку, стоявшему за ней, и через несколько мгновений бросила к ногам Питера что-то темное и круглое.

– Ловите! – крикнула она, и Питер удивился тяжести этого предмета. Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы он понял, что это.

– С электронным взрывателем! – Ингрид рассмеялась. – Их у нас столько, что я могу дать вам образец.

Пилот, Сирил Уоткинс, пытался что-то сообщить Питеру, касаясь груди, но того занимала взрывчатка, которую он держал в руках. Он знал: одной такой гранаты достаточно, чтобы уничтожить «боинг» и всех находящихся на борту.

«Что хочет сказать Уоткинс?»

Пилот дотронулся до своей шеи. Питер посмотрел на шею девушки. Маленький фотоаппарат.

«Что-то связывает этот аппарат с гранатами? Это пытается сообщить пилот?»

Но вот девушка заговорила снова.

– Отнесите это своим хозяевам – пусть трепещут. Их ждет гнев масс. Революция грянула, – сказала она, и дверь самолета закрылась. Питер услышал щелчок замка.

Он повернулся и начал долгий обратный путь, держа в одной руке конверт, в другой гранату. Внутри у него все переворачивалось.

Угловатая фигура Колина Нобла почти полностью загораживала вход в кабину «хокера». На этот раз его лицо было серьезным, ни следа смеха в глазах или углах широкого дружелюбного рта.

– На связи доктор Паркер, – сказал Колин Питеру, и тот, торопливо застегивая комбинезон, устремился в кабину, их оперативный штаб. – Мы записали каждое слово, и он, считай, присутствовал при этой сцене.

– Дело плохо, Колин, – проговорил Питер.

– Это хорошая новость, – отозвался тот. – Поговоришь с Паркером, сообщу тебе плохую.

– Спасибо, приятель. – Питер протиснулся мимо Колина в кабину и опустился в кожаное кресло командира.

На экране за своим столом, просматривая распечатку разговора Питера с Ингрид, сидел Кингстон Паркер – в зубах погасшая трубка, широкий лоб в хмурых складках. Паркер изучал требования террористов.

Связист предупредил:

– Генерал Страйд, сэр.

Паркер поднял голову и посмотрел в камеру.

– Питер. Мы с вами одни. Я блокировал все остальные каналы связи, а единственную запись мы потом изымем. Мне хочется сперва узнать о вашей первой реакции, а потом уже связаться с сэром Уильямом и Констеблом... – Сэр Уильям Дэвис был английским послом, а Келли Констебл – послом США в Южной Африке. – Мне нужна ваша первая, непосредственная реакция.

– У нас серьезные неприятности, сэр, – сказал Питер, и большая голова кивнула. – Мои специалисты по оружию сейчас занимаются гранатой, но нет никаких сомнений, что угонщики в силах физически уничтожить «ноль семидесятый» со всеми, кто на борту. И по-моему, не один раз.

– А психологически?

– Думаю, наша террористка – последовательница Бакунина и Жана-Поля Сартра.

Паркер снова угрюмо кивнул, и Питер продолжал:

– Анархисты верят, что уничтожение – единственный созидательный акт, верят, что в насилии человек воссоздает себя. Вспомните слова Сартра: когда революционер убивает, умирает тиран и рождается свободный человек.

– Пойдет ли она этим путем? – настаивал Паркер.

– Да, сэр, – без колебаний ответил Питер. – Прищучьте ее, и она пойдет на любую крайность – вы знаете этот образ мыслей. Разрушение прекрасно, самоуничтожение дает бессмертие. По-моему, она выберет именно этот путь.

Паркер вздохнул и постучал черенком трубки по крупным белым зубам.

– Да, это согласуется с нашими сведениями о ней.

– Вы разыскали данные? – немедленно спросил Питер.

– Мы получили первоклассную запись голоса, и компьютер сопоставил ее с изображением.

– Кто она? – нетерпеливо перебил Питер; ему не нужно было напоминать, что, как только блондинка начала высказывать свои требования, увеличенное изображение и запись голоса ушли в компьютеры разведки.

– Ее настоящее имя Хильда Бекер. Американка в третьем поколении, немецкого происхождения. Отец – преуспевающий дантист, овдовел в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Тридцать один год...

Питеру показалось, что она моложе: обманула свежая, чистая кожа.

– Коэффициент интеллекта – сто тридцать восемь. В шестьдесят пятом – шестьдесят восьмом годах училась в Колумбийском университете. Магистр современной политической истории. Член СДО – «Студенты за демократическое общество».

– Да, – нетерпеливо сказал Питер, – знаю.

– Активистка антивоенных кампаний периода войны во Вьетнаме. Работала над планом переправки обвиняемых в Канаду. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году арестована за хранение марихуаны, осуждена не была. Руководила беспорядками в кампусах в шестьдесят восьмом. Арестована за изготовление бомбы в университете Батлера. Освобождена. В семидесятом покинула Америку, чтобы продолжить образование в Дюссельдорфе. С семьдесят второго – доктор политэкономии. Известны ее связи с Гудрун Энслин и Хорстом Малером из группы Баадера-Мейнхоф. После обвинения в причастности к похищению и убийству Генриха Кохлера, западногерманского промышленника, ушла в подполье...

«Ее биография – почти классический пример формирования современного революционера», – с горечью подумал Питер, – прекрасное изображение зверя».

– По-видимому, прошла подготовку в лагерях ООП в Сирии в семьдесят шестом или семьдесят седьмом. С тех пор явных контактов нет. Принимает наркотики – производные каннабиса; бисексуальна, чрезвычайно активна в этом отношении... – Паркер поднял голову. – Это все, что у нас есть.

– Да, – негромко повторил Питер, – такая пойдет до конца.

– Ваши предположения и прогнозы?

– Я считаю, что операция организована на очень высоком уровне, возможно, правительственном...

– Доказательства! – рявкнул Паркер.

– Совпадение во времени с принятием резолюции ООН, предложенной несколькими государствами.

– Хорошо, продолжайте.

– Мы впервые имеем дело с прекрасно организованным и имеющим серьезную поддержку терактом, цель которого ясна и отвечает не только скрытым интересам той или иной группировки боевиков. Нам предъявили требования, по поводу которых сто миллионов американцев и пятьдесят миллионов англичан скажут: «Черт возьми, это разумно!»

– Продолжайте, – сказал Паркер.

– Боевики выбрали удачную мишень – ЮАР, парию западной цивилизации. Резолюция получит сотню голосов, а массы американцев и англичан спросят себя, должны ли они жертвовать четырьмя сотнями жизней своих самых достойных граждан ради поддержки правительства, чья политика им отвратительна.

– И? – Паркер наклонился над столом, внимательно глядя на экран. – По-вашему, они пойдут на сделку?

– Боевики? Могут. – Питер помолчал и продолжил: – Вам известны мои взгляды, сэр. Я вообще против переговоров с этими людьми.

– Даже в таких обстоятельствах? – спросил Паркер.

– Особенно в таких обстоятельствах. Мои взгляды на политику этой страны совпадают с вашими, доктор Паркер. Нам выпало испытание. Какими бы справедливыми ни каза-

лись нам требования боевиков, мы должны до последнего противиться той манере, в какой они предъявлены. Если эти люди одержат победу, мы подвергнем опасности все человечество.

– Ваша оценка возможности успешного противодействия? – вдруг спросил Паркер, и хотя Питер понимал, что этот вопрос будет задан, он некоторое время колебался.

– Полчаса назад я ставил бы десять против одного, что смогу осуществить этап «Дельта» ценой жертв только среди захватчиков.

– А теперь?

– Теперь я знаю, что это не одурманенные фанатики. Они, вероятно, подготовлены и вооружены не хуже нас, а операция готовилась годами.

– Каковы же наши возможности?

– Я сказал бы, что золотой середины нет. Потерпев неудачу, мы получим сто процентов жертв. Погибнут все на борту и вся команда «Тора», участвующая в операции.

– Ладно, Питер. – Паркер откинулся в кресле, что означало конец беседы. – Я переговорю с президентом и премьер-министром, они поддерживают со мной связь. Затем поставлю в известность послов и в течение часа вернусь к вам.

Экран опустел, и Питер почувствовал, что сумел подавить свою ненависть. Теперь он был холодно спокоен и готов к эффективным действиям, как скальпель хирурга. Готов к работе, к которой так тщательно готовился, и способен хладнокровно оценивать свои шансы на успех и поражение.

Он нажал кнопку вызова. Колин ждал за звуконепроницаемой переборкой в командной кабине и появился немедленно.

– Парни разобрали гранату. Первый сорт. Предположительно взрывчатка новейшего советского производства, граната фабричного изготовления. Профессиональное оружие – и оно сработает. Сработает, парень, не сомневайся.

Питер в общем-то не нуждался в этом подтверждении. Колин, усевшись в кресло напротив Питера, продолжал:

– Мы пропустили запись через телепринтер Вашингтона... – Он наклонился и проговорил в микрофон: – Пустите запись, вначале без звука. – И мрачно сказал Питеру: – Это и есть дурная новость, которую я пообещал.

На центральном экране пошла запись, сделанная из кабинета, выходящего на зону обслуживания.

Изображение «боинга». Задний план искажен увеличением и волнами нагретого воздуха, поднимающимися от раскаленного бетона.

На переднем плане голые плечи и спина Питера, он идет к самолету. Пленку проматывают с замедлением, так что Питер почти не сдвигается с места.

Неожиданно передняя дверь самолета начала отодвигаться, и оператор мгновенно еще увеличил изображение.

Показались два пилота и стюардесса. Несколько кадров, и изображение опять увеличилось. Объектив быстро приспособился к темноте внутри, показалась голова великолепной блондинки. Но вот эта голова чуть повернулась, милые губы шевельнулись: прежде чем снова повернуться лицом к камере, девушка что-то сказала – как будто два слова.

– Хорошо, – сказал Колин. – Прогоните еще раз, со звуком.

Снова пошла запись: открылась дверь, показались трое заложников, золотая голова повернулась, и на фоне сильного треска и шипения послышались слова Ингрид: «Нет слайда».

– Нет слайда? – переспросил Питер.

– Давайте еще раз и пропустите звук через фильтр, – приказал Колин.

На экране знакомое изображение, золотая голова на длинной шее поворачивается.

– Это слайд? – Питер был не вполне уверен, что расслышал верно.

– Хорошо, – сказал Колин технику. – Пустите снова с резонансной модуляцией.

Снова то же изображение: голова девушки, полные губы раскрылись, девушка что-то говорит кому-то невидимому в салоне.

Теперь слышно было ясно и четко. Террористка сказала: «Это Страйд». И Питеру показалось, что его ударили кулаком в живот.

– Она тебя узнала, – сказал Колин. – Нет, дьявольщина, она рассчитывала, что придешь ты!

Мужчины переглянулись. На красивом жестком лице Питера отразилось дурное предчувствие. «Атлас» был одной из самых засекреченных организаций. Лишь двадцать человек за ее пределами знали о ее существовании. В том числе президент США и премьер-министр Великобритании.

Несомненно, всего четверо или пятеро знали, кто командует отрядом «Тор» в «Атласе». И тем не менее слова девушки не вызывали сомнений.

– Прокрутите еще раз, – резко приказал Питер.

Они напряженно ждали этих двух слов, и вот свежий молодой голос произнес их.

«Это Страйд», – сказала Ингрид, и экран потемнел.

Питер закрыл глаза и помассировал веки. С легким удивлением он понял, что не спал уже сорок восемь часов, но его беспокоила не физическая усталость, а нежданное и отчетливое сознание предательства и неслыханного зла.

– Кто-то выдал «Атлас», – негромко сказал Колин. – Какой-то подонок. Теперь они должны все о нас знать.

Питер опустил руку и открыл глаза.

– Я должен снова поговорить с Кингстоном Паркером.

Паркер на экране казался рассерженным и взвинченным.

– Вы перебили президента!

– Доктор Паркер, – спокойно сказал Питер, – обстоятельства изменились. По моему мнению, вероятность успешного проведения «Дельты» значительно уменьшилась. Теперь шансы по крайней мере равные.

– Понятно. – Паркер сдержал гнев. – Это важно. Я сообщу президенту.

Сливные баки в уборных давно заполнились, чаши унитазов тоже. Несмотря на кондиционеры, вонь пропитала салоны.

От строгого распределения и ограничения пищи и воды большинство пассажиров впало в оцепенение или страдало от голода, дети капризничали и плакали.

Страшное напряжение начинало сказываться и на похитителях. Они несли без преувеличения непрерывную вахту: четыре часа беспокойного сна, потом четыре часа бдитель-

ности и действий. Красные хлопчатобумажные рубашки измялись и – следствие нервного и физического напряжения – под мышками потемнели от пота, глаза налились кровью, настроение упало.

Незадолго до полуночи темноволосая Карен сорвалась – пожилой пассажир не сразу подчинился ее требованию вернуться на место после похода в туалет. Впав в истерический гнев, она несколько раз ударила старика по лицу рукоятью пистолета и рассекла ему щеку до кости. Только Ингрид смогла успокоить ее, увела в отгороженную портьерой кухню туристского салона, ласкала и обнимала.

– Все будет хорошо, liebchen. – Она погладила Карен по голове. – Надо еще чуточку потерпеть. Ты же сильная. Еще несколько часов, и мы примем дозу. Уже скоро.

В течение нескольких следующих часов Карен старательно сдерживала дрожь в руках и, хотя была бледна, смогла снова занять свое место в конце салона.

Казалось, силы Ингрид неиссякаемы. Ночью она медленно расхаживала по проходу, тихонько разговаривая с теми пассажирами, кто не мог уснуть, успокаивая их обещанием немедленного освобождения.

– Завтра утром мы получим ответ на свои требования, и все женщины и дети будут освобождены – все будет в порядке. Подождите немного и увидите.

В самом начале первого к ней в кабину пилотов пришел толстячок врач.

– Бортинженер очень плох, – сказал он. – Если его немедленно не увезти в больницу, он умрет.

Ингрид прошла к бортинженеру и склонилась над ним. Кожа у него была сухая и обжигающе горячая, дыхание неровное и поверхностное.

– У него отказывают почки, – пояснил врач. – Последствия шока. Здесь мы не можем ему помочь. Его нужно отправить в больницу.

Ингрид взяла бортинженера за здоровую руку.

– Увы, это невозможно.

– Разве вам не жаль его? – горько спросил врач.

– Жаль – но жаль и все человечество, – ответила она. – Он один. А там миллионы.

Гору с плоской вершиной освещали прожектора. Был самый разгар отпускного сезона, и прекраснейший залив мира демонстрировал свои прелести десяткам тысяч туристов и отпускников.

В пентхаусе высокого здания, названного, как многие строения и общественные сооружения в Южной Африке, в честь политической посредственности, допоздна заседал кабинет министров и его советники по особым вопросам.

Во главе длинного стола виднелась плотная, грузная фигура премьер-министра с бульдожьей головой, мощная и неподвижная, как гранитная скала в южноафриканском вельде. Премьер-министр главенствовал в этой большой, обшитой панелями комнате, хотя почти ничего не говорил, лишь изредка одобрительно кивал или хрипло ронял несколько слов.

На другом конце стола плечом к плечу, подчеркивая свою солидарность, сидели два посла. Иногда около них звонили телефоны, и они выслушивали последние сообщения из посольств или инструкции глав своих правительств.

Справа от премьер-министра сидел красивый, с ухоженными усами, министр иностранных дел, человек огромного обаяния, известный своей умеренностью и здравомыслием – однако сейчас он был мрачен и напряжен.

– Ваши правительства не раз заявляли о политике отказа от переговоров с террористами и о полном непринятии их требований – почему же сейчас вы настаиваете на более мягком подходе?

– Мы не настаиваем, господин министр, мы лишь напоминаем об огромном интересе общественности к этому делу как в Соединенном Королевстве, так и в моей стране, – сказал Келли Констебл – стройный, привлекательный, умный и умеющий убеждать представитель демократической партии, назначенный новой американской администрацией. – Благополучный исход дела отвечает интересам вашего правительства даже больше, чем нашего. Мы просто предлагаем пойти на некоторые уступки.

– Командир «Атласа», находящийся на месте действия, оценивает вероятность успеха боевой операции всего как пятьдесят процентов. Мое правительство считает такой риск неприемлемым. – Это вступил в разговор сэр Уильям Дэвис – профессиональный дипломат, почти достигший пенсионного возраста, седой, увядший человек в очках в золотой оправе, говоривший высоким ворчливым голосом.

– Мои люди считают, что мы могли бы добиться большего, – сказал министр обороны, тоже в очках; говорил он с сильным и резким африканерским акцентом.

– «Атлас» – самая подготовленная и оснащенная антитеррористическая организация в мире, – напомнил Келли Констебл, и премьер-министр хрипло вмешался:

– На этой стадии, джентльмены, попытаемся найти мирное решение.

– Согласен, господин премьер-министр, – энергично кивнул сэр Уильям. – Однако должен заметить, что требования террористов отчасти совпадают с предложениями правительства Соединенных Штатов...

– Сэр, вы выступаете в поддержку этих требований? – тяжело, но довольно равнодушно спросил премьер-министр.

– Я только хочу подчеркнуть, что их требования будут встречены в моей стране с сочувствием и что моему правительству легче будет использовать свое право вето на Генеральной Ассамблее в понедельник, если будут сделаны некоторые уступки в других отношениях.

– Это угроза, сэр? – спросил премьер-министр. Легкая невеселая улыбка не смягчила вопрос.

– Нет, господин премьер-министр, обычный здравый смысл. Принятие и проведение в жизнь упомянутой резолюции означало бы для вашей страны экономический крах. Она погрузится в анархию, в политический хаос, станет уязвимой для проникновения Советов. Мое правительство не хочет этого – однако и подвергать опасности жизнь четырехсот своих граждан тоже не хочет. – Келли Констебл улыбнулся. – Боюсь, мы должны найти мирное решение этой трудной проблемы.

– Министр обороны предложил выход.

– Господин премьер-министр, если ваши военные нападут на самолет без предварительного согласия глав американского и английского правительств, наши страны откажутся от своего права вето и, к сожалению, к вашей стране будут применены жесткие санкции.

– Даже если штурм удастся?

– Даже в этом случае. Мы настаиваем на том, чтобы решение о начале штурма принимал исключительно «Атлас», – серьезно сказал Констебл и более мягко добавил: – Давайте обсудим минимальные уступки, на которые готово пойти ваше правительство. Чем дольше мы будем вести переговоры с террористами, тем выше вероятность мирного решения. Неужели нельзя хоть в чем-то пойти им навстречу?

Ингрид лично наблюдала за раздачей завтрака. Каждому пассажиру выдали по куску хлеба, одному печенью и чашке сладкого кофе. Голод ослабил способность заложников к сопротивлению, и даже после еды все остались вялыми и равнодушными.

Ингрид прошлась между пассажирами, раздавая сигареты из не облагаемого таможенной пошлиной запаса самолета. Негромко поболтала с детьми, остановилась, чтобы улыбнуться одной из матерей. Заложники уже прозвали ее «хорошая». Пройдя по салону первого класса, она по одному вызывала к себе товарищей, и те по очереди съели сытный завтрак, состоящий из яиц, хлеба с маслом и копченой рыбы. Ингрид хотелось, чтобы ее товарищи сберегли как можно больше сил и энергии. Использовать стимуляторы до полудня они не могли. Наркотики обеспечивали нужный эффект только в течение семидесяти двух часов. Затем человек становился непредсказуемым в своих действиях и решениях. Санкции, предложенные в проекте резолюции, Совет Безопасности должен был ратифицировать в следующий понедельник, в полдень по нью-йоркскому времени – то есть в семь вечера по местному.

До тех пор все ее люди должны быть активны и в хорошей форме, и потому Ингрид не решалась слишком рано прибегнуть к стимуляторам, хотя понимала, что недостаток сна и напряжение сказываются и на ней. Она нервничала и раздражалась, а разглядывая свое лицо в зеркале в зловонном туалете, заметила, что глаза покраснели, и впервые увидела морщинки в углах рта и глаз. Это разозлило ее. Ингрид была ненавистна мысль о старости, и даже в вонючей уборной она слышала запах своего немытого тела.

Немец Курт полулежал в кресле пилота, положив пистолет на колени; он громко храпел, красная рубашка была расстегнута до пояса, волосатая грудь поднималась и опускалась. Он был небрит, длинные черные волосы падали на глаза. Ингрид уловила запах его пота и отчего-то почувствовала возбуждение. Она принялась внимательно разглядывать Курта. В нем чувствовалась жестокость и грубость, мужественность революционера, что всегда сильно привлекало ее – возможно, именно поэтому много лет назад она заинтересовалась радикалами. И она вдруг ужасно захотела Курта. Но когда разбудила его, положив руку ему между ног, глаза у немца были налиты кровью, изо рта дурно пахло, и даже искусный массаж не помог завести его. Через минуту с разочарованным возгласом блондинка отвернулась.

Чтобы унять возбуждение, Ингрид взяла микрофон и включила динамики в пассажирских салонах. Она понимала, что действует неразумно, но начала говорить.

– Внимание. Очень важное сообщение. – Она внезапно страшно разозлилась на всех. Они принадлежат к классу, который она ненавидит и презирает, к классу, олицетворяющему несправедливое больное общество, с которым она поклялась бороться. Жирные самодовольные обыватели. Они похожи на ее отца, и она ненавидит их, как ненавидела

его. Начав говорить, Ингрид сообразила, что они не поймут ее языка, языка нового политического порядка, и ее гнев и раздражение, направленные против них и всего общества, усилились. Она не сознавала, что неистовствует, пока вдруг словно со стороны не услышала свой крик, похожий на крик смертельно раненного животного, – и тут же замолчала.

У нее кружилась голова, так что пришлось ухватиться за край стола; сердце частило и бухало о ребра. Ингрид тяжело дышала, словно пробежала большое расстояние. Ей потребовалась целая минута, чтобы взять себя в руки.

Когда она снова заговорила, голос ее все еще звучал прерывисто.

– Сейчас девять, – сказала она. – Если в течение трех часов тираны не уступят нам, мне придется начать казнь заложников. Три часа, – зловеще повторила она, – всего три часа.

Теперь она бродила по самолету, как большая кошка по клетке перед кормлением.

– Два часа, – сообщила девушка.

Пассажиры отшатывались, когда она проходила мимо.

– Один час. – В ее голосе звучала садистская радость предвкушения. – Сейчас выберем первых.

– Но вы обещали, – взмолился маленький врач, когда блондинка вытащила из кресла его жену, а француз повел ее в кабину.

Ингрид не обратила на него внимания и повернулась к Карен.

– Возьми ребенка, мальчика или девочку, – приказала она, – ах да, и еще беременную. Пусть видят ее большой живот. Перед этим они не устоят.

Карен увела заложников в кухню переднего салона и под дулом пистолета заставила сесть рядком на откидные места членов экипажа.

Дверь в салон была открыта, и в кухню ясно доносился голос Ингрид, которая по-английски объясняла французу Анри:

– Чрезвычайно важно, чтобы срок ультиматума не истек без последствий. Если это сойдет им с рук, нам перестанут верить. Совершенно необходимо хотя бы на первый раз показать зубы. Пусть поймут, что наши ультиматумы не подлежат обсуждению, они окончательны...

Девочка заплакала. Ей было тринадцать, и она понимала опасность. Жена маленького врача обняла ее за плечи и нежно прижала к себе.

– «Спидберд ноль семь ноль», – неожиданно ожило радио, – сообщение для Ингрид.

– Говорите, диспетчерская, Ингрид слушает. – Девушка схватила микрофон, предварительно захлопнув дверь.

– Представитель правительств Англии и Америки хочет передать вам предложения. Готовы записывать?

– Ответ отрицательный, – спокойно и невыразительно ответила Ингрид. – Повторяю: ответ отрицательный. Передайте представителю, что я согласна только на личные переговоры – и еще передайте, что осталось всего сорок минут до срока. Пусть поторопится, – предупредила она. Положила микрофон и повернулась к Анри.

– Все в порядке. Сейчас примем дозу. Наконец они зашевелились.

* * *

Снова безоблачный день, солнечные лучи ярко отражаются от металлических частей самолета. Жар проникает сквозь матерчатые подошвы тапочек, жжет голую шею.

Как и в первый раз, передняя дверь открылась, когда Питер прошел половину пути по бетону.

На этот раз заложников не было, люк оставался темным пустым прямоугольником. Сдерживая желание поспешить, Питер шел с достоинством, высоко подняв голову, крепко сжав челюсти.

Он был в пятидесяти ярдах от самолета, когда в проеме появилась девушка и остановилась, с ленивой грацией перенеся весь вес на одну длинную, загорелую голую ногу, слегка согнув вторую. На бедре – большой пистолет, узкая талия обвязана патронташем.

Она с легкой улыбкой следила за приближением Питера. Вдруг по ее груди заползала яркая точка, похожая на броско окрашенное насекомое. Девушка презрительно взглянула на Страйда.

– Это провокация, – заявила она. Было совершенно ясно: она знает, что это лазерный прицел одного из снайперов, укрывшихся в здании аэропорта. Легкое нажатие пальца, и пуля калибра 0.222 войдет точно в грудь, превратит сердце и легкие в кровавые лохмотья.

Питер разозлился – снайпер включил прицел без приказа – но в то же время невольно восхитился храбростью девушки, способной смеяться над печатью смерти на своей груди.

Питер резко махнул правой рукой, и светлое пятнышко почти мгновенно исчезло: снайпер выключил прицел.

– Так-то лучше. – Девушка улыбнулась и одобрительно оглядела Питера. – Ты в хорошей форме, малыш, – сказала она. Под ее взглядом гнев генерала вспыхнул снова.

– Отличный плоский живот, – не унималась Ингрид, – сильные ноги, да и такие мышцы не наработаешь за письменным столом. – Она задумчиво поджала губы. – Знаешь, я думаю, ты полицейский или военный. Вот что я думаю, малыш. Я думаю, ты вонючий легавый. – Теперь ее голос звучал резко, а кожа словно утратила прежнюю свежесть и потускнела. Вообще она казалась старше.

Питер тем временем подошел достаточно близко, чтобы разглядеть своеобразный алмазный блеск глаз, заметить, что тело угонщицы сводит от напряжения, заставляющего делать неожиданные резкие движения. Девушка, несомненно, находилась под действием наркотиков. Он столкнулся с политической фанатичкой, за которой тянется длинный шлейф насилия и смерти, и наркотик уничтожает последнее, что в ней остается человеческого. Он понял: эта девица опаснее раненого зверя, опаснее загнанного в угол леопарда или акулы-людоеда, почуявшей одуряющий запах крови.

Он смолчал, глядя ей в глаза и держа руки на виду, остановился под открытым люком и стал хладнокровно ждать следующего хода противника.

Наркотик в крови не давал девушке стоять спокойно. Она переминалась с ноги на ногу, брала в руки оружие, трогала висящий на шее фотоаппарат. Сирил Уоткинс хотел что-то сообщить про эту камеру, и Питер неожиданно понял, что именно. «Взрыватель гранат? – подумал он и решил: – Почти наверняка. Вот почему аппарат все время при ней». Девушка заметила, куда он смотрит, и виновато опустила руку, подтвердив его вывод.

– Заключенные готовы к отправке? – спросила она. – Золото погружено? Трансляцию подготовили?

– Правительство Южной Африки учло настоятельные просьбы правительств Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

– Хорошо, – кивнула она.

– Проявив гуманность, правительство Южной Африки согласилось освободить заключенных, указанных в вашем списке...

– Да.

– Они вылетят в ту страну, какую выберут.

– А золото?

– Правительство Южной Африки решительно отказывается финансировать незаконную оппозицию, опирающуюся на иностранную помощь, и снабжать освобожденных средствами.

– А наш телеэфир?

– Правительство Южной Африки считает, что ваше заявление не соответствует действительности, что оно чревато нежелательными последствиями, угрожающими закону и порядку в стране, и не дает согласия на передачу вашего заявления.

– Значит, они приняли только одно наше требование... – Девушка заговорила еще резче и судорожно передернула плечами.

– Заключенных освободят при одном непременном условии... – быстро вставил Питер.

– А именно? – На щеках девушки выступили два ярких пятна.

– В ответ на освобождение политических заключенных правительство требует полного освобождения всех заложников – не только женщин и детей, всех, кто находится на борту самолета. Вам и вашим товарищам гарантируют беспрепятственный отлет за пределы страны вместе с освобожденными заключенными.

Тряхнув золотом волос, девушка запрокинула голову и безудержно расхохоталась. Ее смех звучал дико, безумно, но в глазах не было веселья. Это были свирепые, жестокие глаза орла. Смех неожиданно смолк, и девушка заговорила, ровно, твердо и невыразительно:

– Значит, нам вздумали ставить условия? Им кажется, что они в силах выхолостить резолюцию ООН, верно? Что после освобождения заложников фашистским правительствам Америки и Англии удастся безнаказанно наложить на нее вето?

Питер молчал.

– Отвечай! – неожиданно взвизгнула Ингрид. – Нас не приняли всерьез?

– Я только посыльный, – ответил он.

– Нет, – обвиняюще крикнула девушка. – Ты убийца. Ты натаскан убивать. Ты легавый! – Она обеими руками подняла пистолет и направила Питеру в лицо.

– Какой ответ передать? – спросил Питер, никак не реагируя на нацеленное на него оружие.

– Ответ... – Девушка снова заговорила почти обычным тоном. – Ну да, ответ. – Она опустила пистолет и посмотрела на наручные часы из нержавеющей стали. – В три минуты

первого – через три минуты по окончании срока ультиматума. Они обязательно получат ответ. А как же.

Она огляделась почти недоуменно.

Питер заподозрил, что наркотик оказывает побочное действие. Может быть, она приняла слишком много, а может, тот, кто рассчитывал дозы, не учел предыдущих сорока восьми бессонных часов напряжения.

– Ответ, – мягко напомнил он, не желая провоцировать новый взрыв.

– Да. Подожди, – сказала Ингрид и неожиданно исчезла в полутьме внутри самолета.

Карен с горящими темными глазами стояла перед четырьмя заложниками, рассаженными на откидных местах. Она оглянулась на Ингрид, та коротко кивнула, и Карен снова повернулась к пленникам.

– Пошли, – негромко приказала она, – сейчас мы вас выпустим. – И осторожно помогла встать беременной женщине.

Ингрид оставила ее и быстро прошла в задний салон. Снова коротко кивнула, теперь Курту, и тот отбросил волосы со лба и сунул пистолет за пояс.

Из ящика у себя над головой он извлек две пластиковые гранаты. Держа по гранате в каждом кулаке, он зубами вытащил чеки и надел кольца на мизинцы.

Раскинув руки, как распятый, он пошел по проходу.

– Гранаты на взводе. Никому не двигаться, никому не покидать свои места – что бы ни случилось. Оставайтесь на местах.

Четвертый похититель тоже держал в руках две гранаты.

– Никому не двигаться. Никаких разговоров. Все остаются на местах. – Он повторил это по-немецки и по-английски, в его глазах был тот же жесткий, стеклянный наркотический блеск.

Ингрид вернулась в кабину.

– Пойдем, милая. – Она обняла девочку, чтобы вывести ее в проем люка, но девочка в ужасе отшатнулась.

– Не трогай меня, – прошептала она, и глаза ее широко раскрылись от ужаса.

Мальчик оказался моложе и доверчивее. Он с готовностью взял Ингрид за руку. У него были густые курчавые волосы и глаза цвета темного меда.

– Папа здесь? – спросил он.

– Да, дорогой. – Ингрид сжала его руку. – Ты хороший мальчик и скоро увидишь папу.

Она вывела его в открытый люк.

– Стой тут, – велела она.

Когда высоко над ним в двери показался мальчик, Питер Страйд растерялся. Чуть позже рядом с мальчиком встала полная женщина средних лет в дорогом, но мятом шелковом платье. «Вероятно, от Нины Риччи», – мелькнула у Питера неуместная мысль. Волосы женщины, уложенные в сложную прическу и залитые лаком, растрепались, лицо было доброе и мягкое. Она ободряюще положила мальчику руку на плечи.

Следом показалась женщина повыше и помоложе, с бледной чувствительной кожей; ноздри и веки у нее покраснели от слез или от аллергии, а шея и плечи пошли пятнами от гнева. Под свободным хлопчатобумажным платьем нелепо торчал огромный живот. Неуклюже расставив тонкие белые ноги, она стояла, моргая на ярком свету, еще не успев отвыкнуть от полумрака салона.

Четвертой и последней вышла девочка, и Питер с внезапной болью в груди подумал: «Мелисса-Джейн». Потребовалось не меньше десяти бешеных ударов сердца, прежде чем он понял, что это не его дочь... но у девочки было такое же милое викторианское лицо, классическая кожа англичанки – как лепесток розы, и холеное, почти зрелое тело с небольшой грудью, узкими мальчишескими бедрами и длинными ногами.

В ее огромных глазах застыл ужас, и она почти сразу поняла, что Питер – ее надежда на спасение. Взгляд девочки обратился к нему с немой мольбой.

– Пожалуйста, – прошептала она. – Не позволяйте им обижать нас. – Она говорила так тихо, что Питер с трудом разбирал слова. – Пожалуйста, сэр. Помогите нам.

Но Ингрид уже вернулась и резко заговорила:

– Вам придется поверить, что мы держим слово. Вам и вашим злобным хозяевам-капиталистам придется понять, что на любое нарушение сроков ультиматума у нас один ответ – казнь. Мы докажем, что ради революции не остановимся ни перед какими жертвами. Вам придется понять, что наши требования необходимо выполнять точно, без изъятий – и они не подлежат обсуждению. Мы продемонстрируем вам, какова цена просрочки. – Она помолчала. – Новый срок – полночь. Если наши условия и тогда не будут выполнены, вы будете знать, какую цену придется заплатить. – Она снова смолкла, но ее голос тут же перешел в истерический крик: – Вот эта цена! – И Ингрид скрылась в полутьме.

Беспомощный от ужаса, Питер Страйд пытался придумать что-нибудь, чтобы предотвратить неизбежное.

– Прыгай! – крикнул он, поднимая обе руки к девочке. – Прыгай, быстрее! Я поймаю!

Но девочка колебалась – высота составляла почти тридцать футов. Она неуверенно остановилась на краю.

В десяти шагах за ней плечом к плечу стояли темноволосая Карен и светловолосая девушка с пышной гривой. Они одновременно подняли большие пистолеты с короткими стволами, держа их низко, обеими руками, и встали таким образом, чтобы мягкие тяжелые свинцовые пули ударили в спины всех четырех пассажиров.

– Прыгай! – отчетливо долетел до кабины голос Питера, и рот Ингрид искривился в страшной пародии на улыбку.

– Давай! – сказала она, и женщины одновременно нажали на курок. Два выстрела слились в громовой рев, стволы изрыгнули облака синего порохового дыма, по всей кабине разлетелись обрывки горящего поролона, и удар пуль о живую плоть прозвучал так, словно о стену разбили арбуз.

Во второй раз Ингрид выстрелила на мгновение раньше Карен. Снова ошеломляющий взрыв звука – и в наступившей ужасной тишине послышался истошный крик террористов в салонах:

– Никому не шевелиться! Сидеть!

* * *

Питеру Страйду показалось, что эти несколько мгновений растянулись на много часов. Они бесконечно повторялись в его сознании, как ряд стоп-кадров из какого-то чудовищного фильма. Каждый кадр обособлялся от остальных, так что впоследствии всегда можно будет воссоздать их все, полностью, без искажений, и снова во всей полноте испытать парализующую тошнотворность этих мгновений.

Первая пуля досталась беременной. Женщина раскололась, точно переспелый плод – выстрел развалил ее разбухшее тело от позвоночника до пупка, – ее бросило вперед, она перевернулась в воздухе, ударилась о бетон и безжизненно застыла, неловко сплетя незагорелые руки и ноги.

Полная женщина крепко обхватила мальчика. Они стояли на самом краю люка, вокруг клубился сизый пороховой дым. Хотя женщина сохраняла равновесие, туго натянутый бежевый шелк ее платья покрылся десятками крошечных прорех, словно его десятки раз проткнули острой швейной иглой. Такие же дырочки испещрили белую школьную рубашку мальчика, и вокруг каждой стремительно расцвели, все шире расползаясь на ткани, маленькие алые цветы. Оба молчали, изумленные, недоумевающие. Грянул следующий выстрел, и они мягко, словно в их телах не было костей, повалились вперед, по-прежнему держась друг за друга. Их падение казалось бесконечно долгим, но наконец закончилось. Они упали на труп беременной.

Питер кинулся вперед, подхватил падающую девочку, и тяжесть ее тела заставила его опуститься на колени. Он мгновенно вскочил и побежал, держа ее, как спящего ребенка, одной рукой под колени, другой – за плечи. Ее хорошенькая головка билась о его плечо, тонкие шелковистые волосы лезли ему в лицо, мешая видеть.

– Не умирай. – Питер обнаружил, что твердит это в такт бегу. – Не умирай. – Но он чувствовал, как теплая кровь течет по его животу, пропитывает трусы, скатывается по бедрам.

Из здания аэропорта выбежал Колин Нобл и попытался перехватить у него девочку, но Питер не отдал.

Он передал хрупкое неподвижное тело врачу «Тора» и молча стоял рядом, пока доктор быстро работал. Лицо Питера оставалось каменным, губы превратились в тонкую полоску. Наконец врач поднял голову.

– Боюсь, она мертва, сэр.

Питер коротко кивнул и отвернулся. Его шаги гулко прозвучали на мраморе пустынного зала аэропорта. Колин Нобл молча шел рядом. Его лицо было таким же пустым и невыразительным, как у Питера. Они поднялись в кабину командирского «хокера».

– Сэр Уильям, вы упрекнули нас в том, что мы содержим врагов государства в заключении без суда. – Министр иностранных дел подался вперед и, обвиняя, поднял палец. – Но вы, англичане, сами нарушили гражданские права и «Хабеас корпус»,* приняв закон о предотвращении терроризма, а задолго до того, на Кипре и в Палестине, тоже бросали в

* Английский закон 1679 года о неприкосновенности личности. – *Примеч. пер.*

тюрьмы без суда. А ваш блок «Н» в Ольстере – чем это лучше того, что мы вынуждены делать здесь?

Сэр Уильям, английский посол, негодующе забормотал, собираясь с мыслями.

Келли Констебл спокойно вмешался:

– Джентльмены, мы пытаемся найти общую почву, а не спорные области. Под угрозой сотни жизней...

Резкий телефонный звонок перекрыл гул кондиционеров, и сэр Уильям с терпеливым облегчением поднес трубку к уху, но, по мере того как он слушал, кровь отливала от его лица, и оно приобрело землистый оттенок.

– Понятно, – сказал он наконец. – Благодарю. – Он положил трубку и через длинный стол из полированного гринхарта посмотрел на внушительную фигуру премьера. – Господин премьер-министр... – голос его дрогнул, – ...с прискорбием сообщаю, что террористы отвергли компромиссные предложения вашего правительства и десять минут назад убили четверых заложников.

Слушатели недоверчиво ахнули.

– Заложникам – двум женщинам и двум детям, мальчику и девочке – выстрелили в спину, а тела выбросили из самолета. Террористы установили новый срок ультиматума – их требования должны быть приняты сегодня в полночь. В противном случае последуют новые жертвы.

Тишина длилась почти минуту. Один за другим присутствующие поворачивали головы, и наконец все посмотрели на большую понурую фигуру во главе стола.

– Обращаюсь к вам во имя человечности, сэр, – нарушил молчание Келли Констебл. – Нужно спасти хотя бы женщин и детей. Мир не позволит нам сидеть сложа руки, пока их убивают.

– Мы возьмем самолет штурмом и освободим пленных, – тяжело сказал премьер-министр.

Но американский посол покачал головой.

– Мое правительство непреклонно, сэр, как и правительство моего английского коллеги... – Он взглянул на сэра Уильяма. Тот утвердительно кивнул. – Мы не можем допустить и не допустим риска массового убийства. Если вы пойдете на штурм самолета, наши правительства откажутся от попыток смягчить условия резолюции ООН и не наложат на нее вето в Совете Безопасности.

– Однако если мы согласимся с требованиями этих... этих нелюдей, – последнее слово премьер-министр выговорил с яростью, – мы подвергнем наш народ чудовищной опасности.

– Господин премьер-министр, у нас всего несколько часов, чтобы найти решение. Потом убийства начнутся снова.

– Вы сами оценили шансы на успех «Дельты» как половинные, – заметил Кингстон Паркер, хмуро глядя на Питера Страйда с экрана. – Ни президент, ни я не считаем это приемлемым.

– Доктор Паркер, они убивают детей и женщин здесь, на этом самом бетоне. – Питер старался говорить нейтрально, держа себя в руках.

– Сейчас на Южно-Африканское правительство оказывают очень серьезное давление, чтобы убедить его принять условия освобождения женщин и детей.

– Это ничего не решит. – Питер больше не мог сдерживаться. – Завтра ночью мы окажемся точно в такой же ситуации.

– Если удастся освободить женщин и детей, число жизней, подвергающихся опасности, уменьшится, а за сорок часов ситуация может измениться – мы выигрываем время, Питер, даже если за это придется дорого платить.

– А если южноафриканцы не согласятся? Если к полуночи согласие не будет получено, что тогда, доктор Паркер?

– Трудно сказать, Питер, но если это произойдет... – длинные, изящные пальцы Паркера изобразили жест покорности, – ...мы можем потерять еще четыре жизни, однако это лучше, чем ускорять убийство четырехсот. А после южноафриканцы не выдержат. Им придется согласиться на освобождение женщин и детей – любой ценой.

Питер не верил своим ушам. Он знал, что вот-вот сорвется; ему требовалось несколько секунд, чтобы успокоиться. Он опустил взгляд к столу, к своим сцепленным рукам. На правой под ногтями темнели полумесяцы засохшей крови девочки, которую он принес от самолета. Вдруг Питер расцепил пальцы и сунул руки в карманы синего «торовского» комбинезона. Глубоко вдохнул, на мгновение задержал дыхание, медленно выдохнул.

– Если об этом трудно говорить, доктор Паркер, утешайтесь тем, что смотреть на это гораздо труднее.

– Я понимаю ваши чувства, Питер...

– Не думаю, сэр. – Питер медленно покачал головой.

– Вы солдат...

– ...и только солдат может по-настоящему ненавидеть насилие, – закончил за него Питер.

– Личным чувствам здесь категорически не место. – Паркер говорил резко. – Вынужден еще раз напомнить, что «добро» на переход в состояние «Дельта» – с согласия президента и вашего премьер-министра – даю только я. Без моего приказа никаких активных действий не будет. Ясно, генерал Страйд?

– Ясно, доктор Паркер, – спокойно ответил Питер. – Мы надеемся получить отличную видеозапись следующего убийства. Я пришлю экземпляр в вашу личную коллекцию.

Незадолго до объявления чрезвычайного положения всего в тысяче ярдов от «Спидберд 070» сел другой «Боинг-747», но служебные ангары и угол здания аэровокзала полностью скрыли его от похитителей.

Он был раскрашен оранжевыми и синими полосами «Южно-Африканских авиалиний», на хвосте красовалась летящая газель, но в остальном он представлял собой почти точную копию захваченного самолета. Даже расположение кабин соответствовало плану «Спидберд 070», переданному телепринтом из Хитроу, штаб-квартиры «Британских авиалиний». Удачное совпадение – и Колин Нобл немедленно его использовал. Он провел в этом самолете уже семь учебных «Дельт».

– Ну, ладно, парни, попробуем еще наддать. Мне нужно, чтобы от начала до вторжения прошло меньше четырнадцати секунд.

Бойцы штурмового отряда, сидевшие кружком на бетоне, переглянулись, и кое-кто театрально закатил глаза. Колин не обратил на это внимания.

– Попробуем уложиться в девять, – сказал он и встал.

В штурмовую группу входило шестнадцать человек – семнадцать, когда к ним присоединялся Питер Страйд. Остальные сотрудники «Тора» были техническими специалистами: электронщики и связисты, четыре лучших снайпера, оружейник-квартирмейстер, сержант – специалист по взрывчатке и разминированию, врач, повар, три сержанта-техника под командой лейтенанта, пилоты и другой летный персонал. Большой отряд, и каждый человек незаменим.

У бойцов – цельный костюм, из одного куска; облегающий черный нейлон, чтобы растворяться в темноте. На шеях болтаются готовые к немедленному использованию газовые маски. Черные брезентовые ботинки с высокой шнуровкой, с мягкими резиновыми подошвами для неслышного бега. У каждого свое особое оружие и оборудование либо на спине, либо на черном поясе. Никаких громоздких бронежилетов, которые так затрудняют движения и цепляются за препятствия, никаких жестких шлемов, которые могут ударом о металл предупредить противника.

Почти все здесь молодые люди двадцати с небольшим лет, отобранные из морской пехоты США и британских коммандос, того самого отряда, которым когда-то командовал Питер. Все отлично подготовлены и чрезвычайно опасны.

Колин Нобл молча смотрел, как его подчиненные занимают обозначенные мелом на бетоне позиции, представляющие выходы из аэровокзала и ближайших к борту 070 служебных ангаров. Он искал проявлений небрежности, малейших отступлений от немыслимо жестких стандартов, которые сам установил в «Торе». И ничего не находил.

– Ну хорошо, до ракет – десять секунд, – сказал он.

«Дельта» начинается с отвлекающего маневра: по носу штурмуемого самолета выпускают осветительные ракеты, которые спускаются на маленьких парашютах. Расчет делается на то, что террористы соберутся в кабине и попытаются выяснить, что происходит. Яркий свет к тому же обожжет им сетчатку глаз и на много минут лишит их способности видеть в темноте.

– Ракеты! – крикнул Колин, и штурмовая группа перешла к действиям.

Первыми к хвосту покинутого самолета ринулись двое с «палками» – длинными зондами из нержавеющей стали с гибкой пластмассовой муфтой, прикрепленными к баллону с газом на плече у бегущего. В баллоне у первого находился воздух, сжатый под давлением в 250 атмосфер, а к концу двадцатифутового зонда крепился алмазный резец пневматического сверла. Этот боец падал на одно колено под гигантским брюхом самолета, в десяти футах за шасси, поднимал зонд и прижимал сверло точно к месту, выбранному по чертежам изготовителя «боинга»: толщина корпуса там минимальна, и сразу за тонким сплавом начинается пассажирский салон. Скрежет сверла должен был скрывать рев двигателей самолета, стоящего на южной стороне аэровокзала. На то, чтобы прорезать корпус и вставить в отверстие, проделанное сверлом, второй зонд, ушло три секунды.

– Питание отключено, – объявил Колин: описанные действия отключали электропитание самолета, тем самым прекращая работу кондиционеров.

Второй номер изобразил, как выпускает из своего баллона в помещения самолета газ. Этот газ с легким запахом свежевыкопанных трюфелей назывался просто: «ФАКТОР В»; при пятипроцентной концентрации в воздухе он за десять секунд частично парализовал человека. Начальными симптомами отравления были утрата контроля над мышцами, раскоординация движений, нарушение речи и расстройство зрения. Вдыхание «Фактора В» на протяжении двадцати секунд приводило к полному параличу, тридцати – к потере сознания; за две минуты отказывали легкие и наступала смерть. Противоядием служил свежий воздух или – еще лучше – чистый кислород; восстановление происходило быстро, без каких бы то ни было побочных эффектов.

За людьми с «палками» следовал штурмовой отряд, разбитый на четыре группы. Эти группы садились и ждали под крыльями – в масках, с оружием и оборудованием, готовым к немедленному использованию.

Колин следил за стрелкой секундомера. Подвергать пассажиров действию «Фактора В» дольше десяти секунд он не мог. На борту были старики, дети и больные астмой; когда стрелка достигла отметки десять секунд, он рявкнул: «Питание включено!»

Кондиционеры немедленно начали вытягивать газ из самолета: сигнал к началу проникновения.

Две группы по складным алюминиевым лестницам поднялись на основания крыльев и разбили стекла люков экстренной эвакуации. Две другие занялись главным входом, но могли лишь изображать действие специальных молотов, прорывающих металл; не могли они и пустить в ход парализующие гранаты.

– Пошли! – Командир группы, изображавший на этой тренировке Питера Страйда, дал сигнал к штурму самолета, и Колин остановил секундомер.

– Время? – послышался негромкий голос у него за плечом, и он быстро обернулся. Колин был так поглощен своей задачей, что не слышал, как подошел Питер.

– Одиннадцать секунд, сэр. – Ответ по уставу свидетельствовал о том, что полковника Колина Нобла застали врасплох. – Неплохо – но и не очень хорошо. Повторим.

– Пусть отдохнут, – приказал Питер. – Я переговорю с ними.

Все встали у выходящего на юг окна башни диспетчерской и в сотый раз за день принялись разглядывать большой красно-бело-синий самолет.

Полуденный зной поднял облака. На небе громоздились серебряные грозовые тучи; с завесой тропических ливней в кильватере они плыли на горизонте, создавая грандиозный фон, чересчур театральный, чтобы быть настоящим, а закатное солнце, нашарив в этих тучах просветы, просовывало туда длинные золотые пальцы, усиливая впечатление ненастоящести.

– Шесть часов до срока. – Колин Нобл нашарил в карманах очередную черную сигару. – Есть новости от местных властей?

– Никаких. Вряд ли они согласятся.

– До следующего расстрела. – Колин откусил кончик сигары и гневно выплюнул его. – Два года я ради этого ломаю спину на тренировках, а теперь нам связывают руки.

– Если разрешат «Дельту», когда бы ты начал? – спросил Питер.

– Как только стемнеет, – сразу ответил Колин.

– Нет. Они еще под сильным действием наркотиков, – рассуждал Питер. – Дадим им возможность пройти через вершину и начать спуск. Я думаю, следующую дозу они примут незадолго до того, как истечет срок ультиматума. Я бы напал чуть раньше... – Он помолчал, подсчитывая. – Без четверти одиннадцать, за семьдесят пять минут до окончания срока.

– Если объявят «Дельту», – сказал Колин.

– Если объявят «Дельту», – согласился Питер, и оба ненадолго замолчали. – Слушай, Колин. Меня мучает вот что. Если они узнали меня, что еще они знают о «Торе»? Может, они знакомы и с нашим планом штурма самолета?

– Господи, я об этом не подумал!

– Я ищу возможность изменить план, как-то сменить шаблон, сделать что-то такое, чего они не ожидают.

– Мы два года надрывались, чтобы все шло точно по плану... – Колин засомневался. – Ничего нельзя менять.

– Ракеты, – сказал Питер. – Обойдемся без сигнала о начале штурма. Пойдем без ракет.

– Эти уроды разбегутся по всему самолету, смешаются с пассажирами и экипажем...

– На Ингрид была красная рубашка. Я думаю, они все в таких, чтобы отличаться от заложников. Если моя догадка неверна, придется действовать в израильском стиле.

Израильский стиль – это приказ всем лечь и расстрел тех, кто не подчинился или проявляет агрессию.

– По-настоящему важна только девка. Девка с фотоаппаратом. Парни посмотрели записи с ней?

– Знают ее физиономию лучше собственных, – ответил Колин и добавил: – Эта дрянь чертовски красива... Пришлось трижды прокручивать запись казни, дважды замедленно, чтоб задавить в них рыцарей. – Трудно заставить мужчину убить красивую девушку, но с такой отлично обученной фанатичкой, как Ингрид, секундное колебание могло оказаться критическим. – И еще я приказал им посмотреть на девочку, прежде чем ее отвезли в морг. Теперь у них нужный настрой. – Колин пожал плечами. – Но, дьявольщина, «Атлас» не разрешит «Дельту». Мы зря тратим время.

– Хочешь проиграть подготовительный этап? – спросил Питер и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Будем считать, что мы получили от «Атласа» «добро» на «Дельту». Начни подготовку к операции точно в двадцать два сорок пять по местному времени. Делай все по-настоящему, до мельчайших подробностей.

Колин медленно повернулся и взглянул в лицо командиру; тот смотрел спокойно, открыто, честно; энергичные очертания рта и подбородка не дрогнули.

– Проиграть? – негромко переспросил Колин.

– Конечно, – коротко и нетерпеливо ответил Питер Страйд, и Колин пожал плечами.

– Дьявольщина, я ведь здесь только работаю. – И он отвернулся.

Питер поднял бинокль и медленно осмотрел огромную машину от хвоста до носа: никаких признаков жизни, все иллюминаторы плотно закрыты. Питер неохотно опустил бинокль чуть ниже и увидел груду тел, все еще сиротливо лежащих на бетоне под передним входом.

Приблизиться к самолету боевики позволили лишь четырежды: для подключения электричества, доставки медикаментов и два раза – Питеру. Всем прочим в доступе было отказано. Ни заправки горючим, ни очистки туалетов, ни поставки продовольствия – угонщики не разрешили даже убрать тела расстрелянных заложников, усвоив уроки прошлых угонов: в Могадишу жизненно важная информация о самолете была получена при очистке туалетов и канализации, а в аэропорте Лод спецназ проник в самолет под предлогом доставки пищи.

Питер продолжал смотреть на трупы, и, хоть он привык к смерти в самых уродливых формах, вид этих тел подействовал на него на редкость сильно. Они свидетельствовали о презрении к строжайшим табу общества. Теперь Питер был полностью согласен с решением Южно-Африканской полиции не пропускать в ворота аэропорта журналистов и телеоператоров. Он знал, пресса всего мира гневно, в самых сильных выражениях, протестует против попыток лишить ее исконного, от Бога, права нести в дома всех цивилизованных людей безобразные картины страшных смертей и зла, любовно запечатленные в цвете, с дотошным профессиональным вниманием к самым жутким подробностям. Без этой восторженной хроники своих деяний международный терроризм утратил бы большую часть своего влияния, значительно облегчив работу Питера. Страйд на миг позавидовал местной полиции, у которой была возможность действовать в интересах общества, потом мысли унесли его на шаг дальше, и он снова задумался о том, кто же имеет право принимать такие решения от лица общественности. Если полиция приняла и претворила в жизнь такое решение, нельзя ли признать их действия очередной разновидностью терроризма, того самого, который она стремится искоренить? «Боже! – сердито подумал Питер. – Я сойду с ума».

Он подошел к старшему диспетчеру.

– Хочу попробовать еще раз, – сказал Питер, и диспетчер передал ему микрофон.

– «Спидберд ноль семь ноль», говорит диспетчерская. Ингрид, вы меня слышите? Отзовитесь, Ингрид.

За последние несколько часов он десятки раз пытался установить контакт, но похитители хранили зловещее молчание.

– Ингрид, пожалуйста, ответьте, – не сдавался Питер, и неожиданно послышался чистый свежий голос:

– Говорит Ингрид. Что вам нужно?

– Ингрид, мы просим разрешения убрать тела.

– Диспетчерская, ответ отрицательный. Повторяю: ответ отрицательный. К самолету никто не подойдет. – Она сделала паузу. – Мы подождем, пока накопится больше для уборки... – Девушка хихикнула, все еще под действием наркотиков. – Дождитесь полуночи, и тогда вам будет чем заняться.

Радио щелкнуло, и наступила тишина.

– Сейчас мы накормим вас обедом, – весело крикнула Ингрид, и пассажиры с интересом зашевелились. – Сегодня у меня день рождения. Вы получите шампанское – здорово, правда?

Но полный маленький врач-еврей неожиданно вскочил на ноги. Его светлые редкие волосы свисали комичными космами, убитое, искаженное горем лицо оплыло, словно растопленный воск. Казалось, он перестал понимать, где он.

– Вы не имели права убивать ее, – заговорил он старческим голосом. – Она была хорошим человеком. Никогда никого не обижала... – Он смущенно огляделся, взгляд у него был туманный, рассеянный. Старик провел рукой по встрепанным волосам. – Вам не следовало убивать ее, – повторил он.

– Она была виновна, – ответила Ингрид. – Невиновных нет, вы все – раболепствующие пособники международного капитала... – Лицо девушки перекосилось, передернулось от ненависти. – Вы виновны – вы все – и заслуживаете смерти... – Она вдруг замолчала, огромным усилием воли справилась с собой и вновь улыбнулась; подошла к маленькому врачу и обняла его за плечи. – Садитесь, – сказала она почти нежно. – Я понимаю, что вы чувствуете, пожалуйста, поверьте. Жаль, что иного пути нет.

Он медленно сел, глаза его были полны горя.

– Сидите спокойно, – мягко сказала Ингрид. – Сейчас я принесу вам шампанского.

– Господин премьер-министр, – голос Келли Констебла охрип за двое суток почти непрерывного напряжения, – уже начало одиннадцатого. У нас меньше двух часов на то, чтобы принять решение...

Премьер-министр поднял руку, заставив его замолчать.

– Да, мы все знаем, что тогда произойдет.

За тысячу миль, из Йоханнесбурга, самолет военно-воздушных сил доставил копию видеозаписи, и правительство и послы во всех подробностях увидели жестокое убийство, снятое 800-миллиметровым объективом. У всех сидящих за столом были дети. Дрогнули даже крайне правые, даже черствый, жестокий министр внутренних дел старался не смотреть в глаза послу.

– Мы знаем также, что никакой компромисс невозможен. Либо мы выполняем их требования от и до, либо не выполняем совсем.

– Господин посол, – наконец нарушил молчание премьер-министр, – если мы примем их условия, то исключительно по соображениям гуманности. Мы очень дорого заплатим за жизнь ваших соотечественников, но если мы решимся на это, можете ли вы гарантировать нам поддержку – Великобритании и Соединенных Штатов – в Совете Безопасности послезавтра в полдень?

– Президент Соединенных Штатов уполномочил меня дать такое заверение в обмен на ваше сотрудничество, – сказал Констебл.

– Правительство Ее Величества уполномочило меня заверить, что оно вас поддержит, – заявил сэр Уильям. – Мое правительство намерено также возместить сто семьдесят миллионов долларов, затребованных похитителями.

– И все же я не могу принять решение в одиночку. Это слишком тяжело, – вздохнул премьер-министр. – Я призываю всех министров, все правительство, – он указал на напряженные лица вокруг, – проголосовать. И попрошу вас, джентльмены, оставить нас на несколько минут. Мы примем решение.

Два посла дружно встали, слегка поклонились мрачной фигуре во главе стола и вышли.

– Где полковник Нобл? – спросил Кингстон Паркер.

– Ждет... – Питер кивком указал на звуконепроницаемую дверь командирской кабины «хокера».

– Пусть присутствует, – сказал Паркер с экрана, и Питер нажал кнопку вызова.

Колин Нобл тут же вошел, слегка пригибаясь из-за низкого потолка, – мощная угловатая фигура в синем «торовском» кепи, низко надвинутом на глаза.

– Добрый вечер, сэр, – приветствовал он изображение на экране и сел рядом с Питером.

– Я рад, что полковник Нобл здесь. – Питер говорил четко и деловито. – Думаю, он поддержит мое мнение, что шансы на успех «Дельты» значительно возрастут, если мы начнем действия не позже чем без десяти одиннадцать. – Он отвернул манжет и взглянул на часы. – То есть через сорок минут. Мы надеемся застать боевиков, когда действие наркотика предельно ослабнет, но раньше, чем они примут новую дозу перед окончанием срока. Я считаю, что, если ударить в этот момент, риск вполне приемлем...

– Спасибо, генерал Страйд, – спокойно прервал его Паркер, – но я попросил полковника Нобла присутствовать именно для того, чтобы мой приказ был понят совершенно точно. Полковник Нобл, – взгляд Паркера чуть сместился к новому объекту внимания, – командир «Тора» запросил разрешение немедленно начать против «Спидберд ноль семь ноль» операцию «Дельта». В вашем присутствии я отказываю в этом. Переговоры с правительством Южной Африки достигли критической стадии, и открытые или скрытые враждебные действия против боевиков не должны быть предприняты ни при каких условиях. Вы меня поняли?

– Да, сэр, – с каменным лицом ответил Колин Нобл.

– Генерал Страйд?

– Понял, сэр.

– Очень хорошо. Прошу ждать. Я посовещаюсь с послами. Как только будут какие-нибудь конкретные сведения, я снова свяжусь с вами.

Изображение исчезло, экран померк. Полковник Колин Нобл медленно повернулся и посмотрел на Питера Страйда. Выражение его лица тут же изменилось, и он быстро нажал на командной консоли кнопку, останавливающую запись звука и изображения, чтобы его слова не попали на пленку.

– Слушай, Питер, все знают, что тебя ждет высокая должность в НАТО. Выше только небо, парень. Станешь хоть начальником штаба – если захочешь.

Питер ничего не ответил, только еще раз взглянул на золотой «Ролекс». Десять часов семнадцать минут.

– Подумай, Питер. Ради Бога, парень. Тебе понадобилось двадцать лет напряженной работы, чтобы так подняться. Тебя никогда не простят, приятель. Поверь. Сломают тебя и твою карьеру. Не надо, Питер. Не надо. Ты слишком хорош, чтобы пустить все псу под хвост. Просто притормози на минуту и подумай.

– Я думаю, – негромко ответил Питер. – Думаю не переставая и всегда прихожу к одному выводу. Если я позволю им умереть, я так же виновен, как женщина, нажимающая на курок.

– Питер, не губи себя, не надо. Не ты принял это решение...

– Складно у тебя выходит! – ответил Питер. – Вот только людей этим не спасешь.

Колин наклонился, положил свою лапищу Питеру на плечо. И слегка сдавил.

– Знаю, но сил нет смотреть, как ты все рушишь. По-моему, ты на самом верху, приятель. – Нобл впервые признал это, и Питер был тронут.

– Можешь не участвовать, Колин. Тебе не обязательно рисковать карьерой.

– Я от работы не бегаю. – Колин убрал руку. – Я с тобой...

– Запиши-ка официальный протест – ни к чему нам всем вылететь со службы. – Питер включил запись – и звука, и изображения. Теперь каждое слово фиксировалось.

– Полковник Нобл, – отчетливо сказал он, – я немедленно начинаю штурм самолета «ноль семь ноль» согласно плану «Дельта». Подготовьтесь.

Колин повернулся к камере.

– Генерал Страйд, я заявляю официальный протест против не санкционированного руководством «Атласа» начала «Дельты».

– Полковник Нобл, ваш протест зарегистрирован, – серьезно сказал в камеру Питер, и Колин Нобл выключил запись.

– Ну, для одного дня достаточно вздора. – Он встал. – Пойдем повяжем этих ублюдков.

Ингрид сидела за столом бортинженера и держала перед собой микрофон внутренней системы оповещения. Золотистая от загара кожа словно подернулась серым налетом, девушка морщилась от глазной боли, рука, сжимавшая микрофон, слегка дрожала. Ингрид понимала, все это симптомы наркотического похмелья. Теперь она жалела, что увеличила начальную дозу, решив принять больше, чем значилось на ярлычке, однако, чтобы провести первую казнь, ей понадобилось встряхнуться. Теперь она и ее бойцы расплачивались за это, но через двадцать минут она даст позволение принять очередную дозу, на этот раз без превышения рекомендованного количества. Ингрид заранее предвкушала, как кровь живее побежит по жилам, как обострится зрение, предвкушала прилив энергии и возбуждения – восхитительные результаты приема наркотика. Скоро она вновь получит власть в высшем ее выражении – власть распоряжаться жизнью и смертью. Ради этого стоило жить. Сартр, Бакунин и Мост открыли глубокую правду жизни – акт разрушения, полного уничтожения рождает катарсис, он созидателен, он пробуждает душу. Ингрид с нетерпением ждала следующей казни.

– Друзья мои, – заговорила она в микрофон, – мы не получили никакого отклика от тирана. Его не заботят ваши жизни, что очень характерно для фашиствующих империалистов. Его не волнует безопасность людей, хотя сам он жиреет на крови и поте...

Снаружи стояла темная ночь. Грозовые тучи закрыли половину неба, каждые несколько минут вспыхивали молнии. После захода солнца по корпусу «боинга» дважды простучали яростные тропические ливни, и теперь огни маяков аэропорта отражались в мокром бетоне.

– Мы должны продемонстрировать тирану непреклонную храбрость и железную целеустремленность. Мы не можем допустить даже малейших колебаний. Сейчас мы выберем еще четверых заложников, выберем совершенно беспристрастно. Прошу вас понять, что все вы теперь – часть революции и можете гордиться этим...

Неожиданно совсем рядом вспыхнула молния, с неба сошло зеленоватое радужное пламя; оно озарило поле безжалостным светом, и на самолет тут же обрушился раскат грома. Девушка Карен невольно вздрогнула, вскочила, быстро подошла и встала рядом с Ингрид. От усталости и наркотического похмелья ее темные глаза обвело еще более тем-

ными кругами, она сильно дрожала, и блондинка рассеянно погладила ее, как гладят испуганного котенка, одновременно продолжая говорить в микрофон:

– ...Мы все должны научиться приветствовать приближающуюся смерть, должны радоваться возможности внести свой, пусть самый скромный, вклад в величайшее пробуждение человечества.

Снова сверкнула великолепная молния, но Ингрид продолжала вещать в микрофон. Ее бессмысленные слова гипнотизировали, убаюкивали, и пленники сидели оцепенело, как в летаргии, молча, не шевелясь, – казалось, они утратили способность думать самостоятельно.

– Чтобы выбрать следующих жертв революции, я брошу жребий. Я назову номера мест, и мои бойцы придут за вами. Избранных прошу быстро пройти в кухню переднего салона. – Наступила пауза, затем снова послышался голос Ингрид. -- Место номер «63 б». Пожалуйста, встаньте.

Немцу в красной рубашке, с длинными, нависающими на глаза волосами, пришлось силой поднять с места худого мужчину средних лет и завести ему руки за спину. Белая рубашка мужчины измялась, немодные узкие брюки держались на эластичных подтяжках.

– Не позволяйте им, – взмолился мужчина, обращаясь к остальным пассажирам, когда Курт, подталкивая, погнал его вперед. – Не позволяйте им убить меня.

Все опустили головы. Никто не пошевелился, не заговорил.

– «43 ф».

Это оказалась красивая темноволосая женщина лет тридцати; когда назвали номер ее кресла, лицо пассажирки словно бы медленно растеклось. Она зажала себе рот, чтобы не закричать, но тут по другую сторону прохода поднялся аккуратный пожилой джентльмен с великолепной серебряной шевелюрой. Он поправил галстук.

– Не угодно ли поменяться со мной местами, мадам? – негромко спросил он с сильным английским акцентом и зашагал по проходу на длинных, худых журавлиных ногах. Он презрительно миновал усатого француза, который заторопился к нему, и, не глядя по сторонам, расправив плечи, исчез за портьерой, отгораживавшей кухню.

У «боинга» есть слепое пространство – от боковых окон кабин под углом в двадцать градусов к хвосту, но похитители очень хорошо подготовились и, казалось, предусмотрели все возможности; они могли учесть и это и найти способ держать слепое пространство под наблюдением.

Питер и Колин, стоя за углом служебного ангара, негромко обсуждали такую возможность; оба внимательно разглядывали хвост и провисшее брюхо «боинга», выискивая блеск зеркала или какого-нибудь оптического прибора.

Они находились непосредственно за самолетом, и им предстояло преодолеть около четырехсот ярдов: половину этого расстояния – по колено в траве, половину – по бетону.

Поле освещали только голубые боковые огни рулежных дорожек и свет из окон аэропорта.

Питер раздумывал, не погасить ли все огни, но решил, что тем самым выдаст себя. Это, несомненно, насторожит похитителей и замедлит продвижение штурмовой группы.

– Ничего не вижу, – сказал Колин.

– Я тоже, – согласился Питер, и оба отдали свои приборы ночного видения стоявшему рядом сержанту: больше они не понадобятся. Штурмовая группа брала с собой лишь самое необходимое оборудование.

У Питера при себе были только автоматический «Вальтер П38» в быстро расстегивающейся кобуре на бедре и легкий, весом всего одиннадцать унций, высокочастотный передатчик для связи с «торовцами» в здании аэровокзала.

Каждый член штурмовой группы сам выбирал себе оружие. Колин Нобл, единственный, кто менял свои предпочтения, пользовался то девятимиллиметровым «парабеллумом браунингом», который любил за тринадцатизарядный магазин, то командирским «Кольтом .45 АСП» (небольшой вес и огромная убойная сила). Питер же неизменно брал «вальтер» – из-за точности боя и малой отдачи: с ним он всегда был уверен, что с двадцати метров попадет в цель.

Но один вид вооружения был стандартным для всех бойцов штурмовой группы. Оружие у всех было заряжено разрывными пулями «Супервелекс»: всю ударную силу они расходуют при первом контакте, и пуля застревает в теле; тем самым снижается риск для невиновных. Питер никогда не позволял забывать, что работать придется там, где террористы и их жертвы находятся рядом.

Колин Нобл снял с шеи цепочку, на которой висела золотая звезда Давида, обычно скрытая в густых волосах на груди, сунул украшение в карман и застегнул клапан.

– Ну, старина, – Колин Нобл передразнил манеру выражаться курсантов Сандхерста, – айда?

Питер взглянул на светящийся циферблат своего «Ролекса». Без шестнадцати одиннадцать. «Точное время смерти моей карьеры», – мрачно подумал он, вскинул правую руку со сжатым кулаком и еще дважды опустил ее и поднял – старый кавалерийский сигнал атаки.

Двое с «палками», абсолютно неслышные на мягких резиновых подошвах, тотчас устремились вперед, высоко подняв зонды, чтобы не зацепить бетон или части самолета, – ссутуленные под тяжестью газовых баллонов фигуры.

Питер медленно сосчитал до пяти – в кровь хлынул адреналин, каждый нерв и каждая мышца напряглись – и вновь услышал собственные слова, сказанные Кингстону Паркеру. Теперь они звучали как пророчество: «Середины нет. Альтернатива – сто процентов жертв. Мы потеряем самолет, пассажиров и всех бойцов «Тора».

Он отогнал эту мысль и повторил сигнал к наступлению. Группа побежала – двумя шеренгами, кучно. Трое несли по алюминиевой складной лестнице, у четверых были мешки с парализующими гранатами, у остальных – молоты для открывания дверей, и у каждого выбранное им оружие – ручное, большого калибра: Питер никому не позволил бы пользоваться автоматическим оружием в тесноте захваченного самолета. Минимальным требованием ко всем бойцам группы было умение многократно поразить маленькую движущуюся цель из пистолета и не задеть окружающих.

Бежали почти бесшумно: самым громким звуком было слышное Питеру собственное дыхание. Он почувствовал укол сожаления. Ему не выиграть в этой игре; в лучшем случае он погубит дело всей своей жизни... но Питер резко одернул себя, отогнал эту мысль. И побежал в темноту.

Впереди, на фоне огней аэропорта, виднелись два силуэта с «палками»: бойцы заняли позиции под выпуклым серебристым брюхом самолета. Неожиданно сверкнула молния, нестерпимо ярко озарив грозовую тучу; на мгновение осветилось и поле, на траве отчетливо обрисовался двойной ряд фигур в черном. Если их заметили, сейчас начнется... раскат грома ударил по нервам Питера: он в любой миг ожидал взрыва десятка гранат.

Снова стало темно, пружинистую влажную траву под ногами сменил гладкий жесткий бетон. Внезапно они оказались под фюзеляжем «боинга», как цыплята под крылом у курицы; две колонны аккуратно разделились на четыре группы, сохраняя строгий порядок; каждый опустился на левое колено, и одновременно, с точностью, выработанной многочисленными тренировками, все бойцы надели газовые маски, прикрыв рот и нос.

Питер быстро оглянулся и отключил передатчик. Отныне до самого конца операции он не произнесет в него ни слова: всегда существует возможность, что похитители прослушивают эту частоту.

Щелчок отключения послужил сигналом для тех, кто остался в аэропорту: почти мгновенно взвыли двигатели самолета.

Хотя самолет стоял на северном краю зоны обслуживания, его развернули так, чтобы двигатели смотрели на юг, и немедленно заработали турбины еще пяти межконтинентальных лайнеров. Рев двадцати двигателей оглушал даже на таком расстоянии – и Питер снова дал знак рукой.

Человек с «палкой» напряженно ждал; по сигналу он поднял зонд и прижал сверло к дну фюзеляжа. Шума сжатого воздуха и работы сверла совершенно не было слышно, зонд лишь чуть вздрогнул, пройдя сквозь корпус. В отверстие мгновенно был вставлен другой зонд, и второй «палочник» оглянулся на Питера. Снова знак рукой, и в корпус пошел газ. Питер следил за секундной стрелкой своих часов.

Два щелчка тумблера рации, и свет за занавешенными иллюминаторами самолета одновременно погас: отключили электроэнергию. Кондиционеры «боинга» перестали работать.

Двигатели ревели еще несколько секунд. Питер дал сигнал людям с лестницами.

Обшитые резиной концы лестниц мягко коснулись крыльев и зазоров дверей, и одетые в черное фигуры мгновенно подняли их, двигаясь с обманчивой небрежностью и легкостью.

Десять секунд «Фактор В» поступал в корпус. Питер щелкнул трижды. В «боинге» мгновенно вспыхнули огни. Снова заработали кондиционеры, быстро высасывая газ из салонов и кабины.

Питер глубоко вдохнул, коснулся плеча Колина, и они одновременно, единым духом взлетели по лестницам, возглавив группы, штурмующие крылья.

– Без девяти одиннадцать, – сказала Ингрид, обращаясь к Карен. Она чуть повысила голос, чтобы перекрыть рев двигателей, работающих где-то в ночи. В горле у нее пересохло от наркотического похмелья, в углу глаза билась жилка. Голова болела так, словно ее медленно и безжалостно стягивали веревкой. – Похоже, Калиф чего-то не учел. Южноафриканцы не думают сдаваться... – Она с легкой дрожью предвкушения взглянула через открытую дверь на четверых заложников, сидящих на откидных местах. Седовласый англичанин курил

виргинскую сигару в длинном мундштуке из янтаря и слоновой кости и ответил на ее взгляд презрением. Ингрид разозлилась и еще больше повысила голос, чтобы он услышал ее следующие слова: – Необходимо снова расстрелять несколько человек.

– Калиф до сих пор никогда не ошибался, – яростно мотнула головой Карен. – Еще целый час до срока... – И тут свет мигнул и погас. Поскольку иллюминаторы были закрыты, наступила полная тьма, гудение кондиционеров смолкло, в тишине послышались встревоженные и удивленные голоса.

Ингрид ощупью нашла на консоли тумблер автономного питания кабины, и мягкий красноватый свете озарил ее нервное, напряженное лицо.

– Отключили питание! – воскликнула она. – Кондиционеры!.. Должно быть, это «Дельта»!

– Нет! – резко ответила Карен. – Не было ракет.

– Надо... – начала Ингрид, но запнулась, услышав пьяную расслабленность собственного голоса. Язык словно распух и заполнил весь рот, лицо Карен поплыло у нее перед глазами, взгляд отказывался фокусироваться. – Карен... – произнесла она и тут же безошибочно узнала запах свежих трюфелей, а на языке ощутила вкус грибов. – Боже! – дико вскрикнула Ингрид и бросилась за кислородным оборудованием. Над каждым сиденьем открылся ящичек, и оттуда на гофрированном шнуре свесилась кислородная маска. – Курт! Анри! – крикнула девушка в микрофон. – Кислород! Наденьте маски! Это «Дельта»! Они начали «Дельту»!

Она схватила одну из висящих масок, надела и принялась глубоко дышать кислородом, выгоняя парализующий газ из организма. В кухне за салоном первого класса один из заложников потерял сознание и упал на пол, другой свесился набок. По-прежнему дыша кислородом, Ингрид сняла с шеи фотоаппарат, и Карен, глядя на нее огромными от ужаса глазами, отняла маску ото рта и спросила:

– Ты ведь не взорвешь нас, Ингрид?

Та не обратила на нее никакого внимания; набрав в легкие кислорода, она закричала в микрофон:

– Курт! Анри! Они появятся, как только снова включат энергию. Берегите глаза и уши – против нас используют парализующие гранаты – и следите за дверьми и хвостовыми окнами. – Ингрид снова надела маску и глубоко задышала.

– Не взрывай нас, Ингрид! – взмолилась Карен. – Пожалуйста. Если мы сдадимся, Калиф через месяц освободит нас. Нам незачем умирать.

В этот миг в салонах вновь ярко вспыхнул свет, зашумели кондиционеры. Ингрид в последний раз вдохнула кислород и побежала в салон первого класса, перепрыгивая через потерявших сознание заложников и стюардесс. Она схватила висящую над пассажирским креслом кислородную маску и посмотрела вдоль фюзеляжа.

Курт и Анри выполнили ее приказ. Они дышали кислородом. Немец ждал у правого крыла, Анри – у заднего люка, оба с короткоствольными пистолетами наготове, но за желтыми кислородными масками Ингрид не могла увидеть выражение лиц молодых людей.

Мало кому из пассажиров хватило проворства и сообразительности, чтобы успеть надеть маски и не лишиться чувств. Сотни людей лежали откинувшись в своих креслах или свесившись набок.

Салон заполнила путаница свисающих шлангов, похожих на лианы, они закрывали видимость, искажали картину, а свет казался после тьмы ослепительно ярким.

Ингрид держала фотоаппарат в свободной руке, потому что знала: нужно и дальше дышать кислородом. Кондиционерам потребуется несколько минут, чтобы удалить «Фактор В». Она опять прижала маску ко рту и стала ждать.

Рядом с ней оказалась Карен, в одной руке она держала пистолет, другой прижимала маску.

– Возвращайся назад и прикрывай передний люк! – рявкнула на нее Ингрид. – Там...

– Ингрид, нам не надо умирать, – взмолилась Карен, и в это мгновение двери экстренной эвакуации одновременно открылись, и в них влетели два маленьких темных предмета.

– Парализующие гранаты! – закричала Ингрид. – Ложись!

Питер Страйд взлетел по лестнице, едва притрагиваясь к перекладинам; он двигался легко и стремительно, как орел в полете. Теперь, с началом операции, сомнения бесследно покинули его, он избавился от нерешительности, был собран и испытывал огромное облегчение.

Одно движение плеч и бедер – и он перемахнул через закругленный край крыла и, сразу оказавшись на ногах, неслышно двинулся по блестящему металлу. Под ногами алмазами горели капли дождя, свежий ветер ерошил волосы.

Питер добежал до фюзеляжа и занял позицию у входа, пальцами нащупав тонкую щель. Второй номер пригнулся позади него. Люди с гранатами уже ждали наготове, удерживая равновесие на скользкой поверхности крыла, как акробаты.

«Примерно шесть секунд», – подумал Питер, оценивая время, прошедшее с начала движения. На тренировках его люди никогда не действовали так быстро и аккуратно; все понимали, что их могут ждать смерть и ужас.

Питер и его второй номер изо всех сил налегли на дверь экстренной эвакуации, та легко подалась внутрь – не мешало повышенное давление в корпусе, – и в то же мгновение в открывшееся отверстие полетели гранаты, а все спецназовцы, точно мусульмане на молитве, разом пригнули головы и закрыли глаза и уши.

Взрыв оглушал и вне салонов, даже если заткнуть уши – грохот молотом обрушился на мозг; в слепящем свете фосфорного порошка Питер сквозь закрытые веки увидел рентгеновское очертание собственных пальцев. В следующий миг гранатометчики закричали в отверстие: «Лежать! Всем лежать!» Этот призыв, часть израильского сценария, они будут повторять без конца.

Оглушенный взрывом Питер на сотую долю секунды замешкался, чуть медленнее обычного выхватил «вальтер», взвел курок и прыгнул в проем ногами вперед. Еще в полете он увидел девушку в красной рубашке: она бежала вперед, размахивая фотоаппаратом и выкрикивая что-то бессмысленное. Питер выстрелил раньше, чем его ноги коснулись пола, и первая же пуля попала ей в рот, пробила неровную темную брешь в ряду белых зубов и с такой силой отбросила назад голову угонщицы, что Питер услышал хруст шейных позвонков.

* * *

Когда ошеломляющий шквал звука и света пронесся по тесному салону, Ингрид скорчилась, обеими руками обхватив голову, чтобы закрыть сразу и глаза, и уши; когда все кончилось, она, цепляясь за спинку сиденья, попыталась выпрямиться и определить, когда спецназ ворвется в корпус.

Взрыв, который она собиралась устроить, мало затронул бы людей вне самолета, оставляя им шанс уцелеть. Ингрид хотелось дождаться того момента, когда вся штурмовая группа окажется внутри, хотелось максимальных жертв, хотелось как можно больше прихватить с собой – и она обеими руками подняла фотоаппарат над головой.

– Ну, давайте! – крикнула она. В салоне клубились густые облака едкого белого дыма, дергались и извивались, как змеи на голове Медузы, свисающие шланги кислородных масок. Ингрид услышала одиночный выстрел и крик:

– Лежать! Всем лежать!

Все было в дыму, повсюду шум и смятение, но она следила за темным отверстием люка экстренной эвакуации, ждала с пальцем на детонаторе фотоаппарата. В салон ногами вперед прыгнула гибкая черная фигура в нелепой маске, и в то же мгновение рядом крикнула Карен:

– Нет, не убивай нас!

Она выдернула фотоаппарат за ремень, оставив Ингрид безоружной, и, держа его перед собой, как знак мира, побежала по проходу сквозь дым с отчаянным криком: «Не убивайте нас! Калиф не даст нам умереть!»

Фигура в черном легко извернулась в воздухе, выгнула спину, приземляясь на ноги в проходе; ступни этого человека еще не успели коснуться пола, а он уже он вскинул пистолет. После громовых разрывов гранат выстрел прозвучал глухо.

Карен бежала по проходу к черной фигуре, крича и размахивая аппаратом. Пуля попала ей в рот и запрокинула голову под невероятным углом. Следующие два выстрела прозвучали так быстро, что слились в один, и так близко, что даже разрывные пули «Велекс» пробили тело Карен, выйдя у нее между лопатками. Аппарат полетел через салон и упал на колени лежавшего без сознания пассажира в центральном ряду.

Ингрид с проворством дикой кошки нырнула вперед и скользнула над ковром в проходе, ниже уровня огня, под защитой белого порохового дыма гранат. Отчаянно извиваясь, она поползла по-пластунски, пытаясь добраться до аппарата.

До него было двадцать футов, но Ингрид двигалась резво, как змея. Она понимала, что дым скрывает ее, но осознавала и другое: чтобы перегнуться через двоих лежащих без сознания пассажиров и взять аппарат, придется встать.

Питер приземлился на ковре в проходе, убил черноволосую и отскочил в сторону, освобождая пространство для второго номера.

Тот легко прыгнул на место, которое освободил для него Питер, и тут из кухни выскочил немец в красном и выстрелил ему в спину. На таком расстоянии заряд крупной дроби едва не разорвал тело пополам. Боец сложился вдвое и упал у ног Питера.

Питер обернулся на выстрел и оказался спиной к Ингрид, которая ползла вперед сквозь фосфорный дым.

Курт отчаянно старался вернуть пистолет: отдача отбросила его далеко за голову. Его расстегнутая до пупка красная рубашка открывала твердые, поросшие кудрявым черным волосом мышцы груди; глаза за упавшими на лицо прядями горели безумным огнем, изрезанные шрамами губы кривились в рычании.

Питер, не желая рисковать, выстрелил ему в грудь, и Курт отлетел назад, все еще стараясь дотянуться до пистолета. Питер выстрелил опять, в голову, в левый висок; безумные глаза закрылись, лицо исказилось, приобрело сходство с резиновой маской – и Курт ничком упал в проход.

– Два. – Питер, как всегда в такие моменты, обнаружил, что действует в высшей степени хладнокровно и эффективно. Стрелял он так точно и быстро, словно практиковался на прыгающих мишенях.

Он даже считал выстрелы: теперь в его «вальтере» оставалось четыре патрона.

«Еще двое», – подумал он, но дым по-прежнему был таким густым, что видимость сократилась до пятнадцати футов, а колеблемые взрывной волной шланги кислородных масок еще ухудшали ее.

Питер перепрыгнул через тело своего второго номера – под резиновыми подошвами хлюпнула кровь, – и тут же в салоне появилась угловатая черная фигура Колина Нобла. Он был в дальнем проходе и вошел через правое крыло. В зыбком дыму он походил на дьявола из ада, отвратительного и грозного в своей газовой маске. Он присел, точно снайпер, обеими руками держа большой «браунинг», и выстрелы прогремели, как удары колоколов Нотр-Дам.

Колин стрелял по третьей одетой в красное фигуре, полускрытой дымом и свисающими шлангами, – в мужчину с круглым мальчишеским лицом и светлыми усами подковкой. Большие пули «Велекс» со свирепостью когтей хищника разорвали террориста на куски. Они пригвоздили его к центральной перегородке, как насекомое, и вырвали куски плоти из груди и обломки белой кости из черепа.

«Три, – подумал Питер. – Остался один, и я должен взять фотоаппарат».

Он видел аппарат в руках темноволосой девушки, которую убил, видел, как тот падал, и понимал, как важно забрать детонатор, прежде чем он попадет в руки второй девицы, светловолосой, самой опасной.

Питер проник в самолет всего четыре секунды назад, но ему казалось, что прошла целая вечность. Он слышал стук молотов, вскрывающих переднюю и заднюю двери, еще несколько мгновений – и все бойцы «Тора» окажутся внутри, а он все еще не отыскал четвертого террориста.

– Вниз! Все вниз! – закричали гранатометчики. Питер гибко повернулся и побежал к кабине. Он был уверен, светловолосая там.

Перед ним лежала та, которую он застрелил, длинные темные волосы закрывали бледное, перекошенное от ужаса лицо. Они уже пропитались темной кровью, а во рту чернела дыра, как у беззубой старухи. Девушка лежала, как тряпичная кукла, перегораживая проход.

Передняя дверь подалась, но впереди все по-прежнему закрывал густой дым. Питер хотел перепрыгнуть через труп угонщицы, но прямо перед ним появилась вторая девушка, блондинка. Казалось, она чудом возникла из дыма, как прекрасное, но злое видение.

* * *

Блондинка нырнула к сиденьям, пытаясь достать фотоаппарат, а Питер на мгновение потерял равновесие и не успел прицелиться в нее. Он быстро сменил руку, поскольку одинаково точно стрелял с обеих, но это отняло у него десятую долю секунды, и девушка успела схватить фотоаппарат за ремень и теперь отчаянно тянула его к себе. Аппарат как будто застрял, и Питер повернулся к ней, собираясь стрелять в голову – девушка была в десяти шагах, а на таком расстоянии он не промахнется даже в дыму.

Один из пассажиров, дышавших кислородом и не потерявших сознание, не послушался приказа лежать и вскочил с истерическим криком:

– Не стреляйте! Выпустите меня отсюда! Не стреляйте!

Он оказался между Питером и светловолосой девушкой, перекрыв линию огня, и Питер в последний момент отдернул ствол. Пуля ударила в потолок, а пассажир налетел на Питера, по-прежнему крича:

– Выпустите меня! Я хочу выйти!

Питер отчаянно пытался высвободить руку с пистолетом, потому что девушка разорвала ремень и теперь возилась с черной коробочкой. Пассажир висел на руке Питера, тряс его, плакал и кричал.

Колин Нобл открыл огонь через центральный проход. Он все еще находился в правом проходе, и угол был немыслимый, стрелять приходилось мимо плеча Питера и сквозь путаницу шлангов.

В первый раз он промахнулся, но пуля прошла достаточно близко, чтобы девушка дернула головой. Волна воздуха, поднятая пулей, всколыхнула золото волос. Девушка пошатнулась, неловкими пальцами пытаясь привести в действие детонатор.

Вытянутыми пальцами правой руки Питер ударил впавшего в истерику пассажира по горлу и отбросил его на сиденье, пытаясь прицелиться в девушку. Он знал, чтобы мгновенно остановить пальцы, надо вогнать пулю в мозг.

Во второй раз Колин выстрелил на сотую долю секунды раньше Питера, и большая пуля отбросила девушку в сторону, уведя ее из-под прицела полковника.

Питер видел, как пуля Колина поразила цель: войдя в место соединения правой лопатки с плечом, она раздробила кость с такой силой, что рука дернулась вперед в пародии на коммунистический салют, неестественно изогнулась, взлетела над головой; фотоаппарат снова отлетел в сторону, а тело девушки было с силой отброшено назад по проходу, как будто ее сбил идущий на большой скорости автомобиль.

Питер прицелился, ожидая возможности попасть в голову, а девушка попыталась встать, но в это мгновение из дыма появилось множество черных фигур, они закрыли девушку, прижали ее, пинающуюся и кричащую, к ковру в проходе. Группа «Тор» прорвалась в передний люк как раз вовремя, чтобы спасти ей жизнь, и Питер спрятал «вальтер» в кобуру, наклонился и осторожно подобрал фотоаппарат. Потом другой рукой стянул маску.

– Все. С ними кончено! – крикнул он. – Мы всех взяли. Прекратить огонь. Все кончено. – В передатчик он сказал: – Посадка! Посадка!

Это кодовое слово означало полный успех. Трое его людей прижимали девушку к полу, а она, несмотря на рану в плече, сопротивлялась, как тигрица, угодившая в западню.

– Спустить эвакуационные желоба! – приказал Питер, и из всех выходов развернулись и опустились на бетон широкие пластмассовые трубы. Бойцы уже вели к ним сохранивших сознание пассажиров и помогали соскользнуть вниз.

От здания аэропорта, ревя сиренами, мчался десяток санитарных машин. Одетые в черное сотрудники «Тора» бежали по бетону, размахивали руками и кричали: «Посадка! Посадка!»

С севера, точно доисторические чудовища, показались передвижные трапы и направились к корпусу «боинга».

Питер подошел к девушке, по-прежнему держа в руках аппарат, и стоял, глядя на нее. Он еще не утратил ледяного хладнокровия схватки, мозг работал как компьютер, он видел все четко и ясно, в мельчайших подробностях. Все чувства были обострены.

Блондинка затихла и посмотрела на него. Полное сходство с пойманным леопардом. Питер никогда еще не видел таких свирепых и безжалостных глаз. Но вот она отвела назад голову, как кобра перед броском, и плюнула. Белая пенистая слюна упала к ногам Питера.

Рядом остановился Колин Нобл, стянул маску.

– Прости, Питер. Я целился в сердце.

– Вы меня не засадите! – неожиданно закричала девушка. – Я выйду еще до Дня благодарения!

И Питер понял, что она права. Одурманенное общество обычно наказывает таких людей лишь несколькими месяцами заключения, да и то часто условно. Он вспомнил умирающую девочку у себя на руках, теплый поток крови на животе и бедрах.

– Мои люди придут за мной! – Ингрид снова плюнула, на этот раз в лицо одному из тех, кто держал ее. – Вам меня не удержать. Мои люди силой освободят меня!

И снова она была права. Ее арест – начало новым жестокостям, колесо мщения пришло в движение. Жизнь этой злобной хищницы будет стоить страданий сотням других людей, а десятки умрут.

Начиналась реакция, боевая ярость стихала, и Питер почувствовал, что его тошнит, выворачивает наизнанку. «Все напрасно, – подумал он, – я отказался от усилий и стараний всей жизни ради временной победы. Я остановил силы зла, но не разбил их, они перегруппируются и нападут снова, более сильные и коварные, чем прежде, и эта женщина опять поведет их».

– Мы революция. – Девушка подняла здоровую руку со сжатым кулаком. – Мы власть. Никто и ничто не остановит нас.

Она стреляла в спину беременной, страшно изуродовав ее тело. Память Питера запечатлела подробности: оно лопнуло, как перезрелый плод.

Блондинка размахивала кулаком перед лицом Питера.

– Это только начало – грядет новая эра!

В ее голосе звучали насмешка, угроза и полная уверенность – и Питер знал, что для этого у нее есть основания. В мире высвободилась новая сила, более смертоносная, чем ему казалось возможным, и Питер не питал никаких иллюзий относительно своей временной победы. Зверь попросту ранен, в следующий раз он станет сильнее, изворотливее,

извлечет урок из неудачи. Питера накрыла мощная волна ужаса и отчаяния, которая, казалось, поглотила его душу. Все напрасно!

– Вам не победить, – насмехалась девушка, плюясь собственной кровью; бесстрашная и нераскаявшаяся, она, казалось, читала его мысли. – Мы никогда не проиграем, никогда! – кричала она.

– Джентльмены. – Премьер-министр Южной Африки говорил с болезненной медлительностью. – Мое правительство и я считаем: принять требования террористов – все равно что сесть на спину тигру, откуда мы никогда не сможем спрыгнуть. – Он умолк, на мгновение понурил крупную, словно из гранита, голову, потом посмотрел на послов. – Однако у нас есть обязательства перед человечеством и перед нашим народом. Две могучие державы оказывают чрезвычайно сильное давление на наш небольшой народ, и потому мы единодушно решили сделать все необходимое для освобождения женщин и детей...

На столе перед американским послом настырно зазвонил телефон, и премьер-министр чуть нахмурился.

– Мы полностью доверяем обещаниям ваших правительств... – Он снова умолк: телефон настойчиво звонил. – Пожалуй, вам лучше послушать, сэр, – сказал он Келли Констеблу.

– Прошу прощения, господин премьер-министр. – Американец снял трубку, прислушался, и на его лице медленно появилось выражение абсолютного изумления. – Минуту, – сказал он в трубку, прикрыл ее рукой и поднял голову. – Господин премьер-министр, с большой радостью сообщаю, что три минуты назад штурмовая группа «Тора» ворвалась на борт «ноль семьдесят» и убила трех террористов. Четвертый ранен и арестован, среди пассажиров жертв нет. Все освобождены, все до одного. Здоровы и в безопасности.

Большой человек во главе стола облегченно осел в кресле, вокруг разразилась буря восторженных возгласов и поздравлений. Он улыбнулся. Эта улыбка преобразила его грозное лицо, превратив в отечески доброе.

– Спасибо, сэр, – сказал он, улыбаясь. – Большое спасибо.

– Вы виновны в открытом неподчинении приказу, генерал Страйд, – мрачно провозгласил Кингстон Паркер.

– Я думал только о жизни заложников и о поддержании закона и порядка, – негромко ответил Питер. Прошло всего пятнадцать минут с тех пор, как он, пылая яростью, проник в самолет. Руки еще слегка дрожали, и его по-прежнему мутило.

– Вы сознательно нарушили мой точный приказ. – Паркер походил на рассерженного льва. Грива серебристых волос словно бы вздыбилась, он сердито смотрел с экрана. Огромная сила его личности проникла в кабину «хокера». – Я всегда серьезно сомневался и в вашей надежности, и в том, что вы соответствуете доверенной вам высокой должности, о чем в письменном виде известил ваше начальство. И мои опасения полностью оправдались.

– Судя по вашим словам, я отстранен от командования «Тором», – резко перебил Питер. Его гнев готов был прорваться, но Питер еще сдерживался.

Он понимал, что даже Кингстон Паркер не может немедленно уволить героя столь успешной операции. На это нужно время, возможно, не один день, но судьба Питера определенно была решена. И Паркер подтвердил это.

– Отныне вы будете руководить отрядом под моим непосредственным наблюдением. И не имеете права принять без непосредственного обращения ко мне ни одного решения. Ни одного. Вам понятно, генерал Страйд?

Питер не потрудился ответить. Его обуяла какая-то бесшабашная лихость, никогда прежде не испытанное чувство свободы, возможности широкого выбора. Впервые в своей карьере он сознательно не подчинился приказу старшего и – повезло ему или нет – одержал блистательную победу.

– Сейчас ваша первейшая обязанность – быстро и по возможности сохраняя порядок отозвать все подразделения «Тора». Захваченного вами боевика следует доставить в Лондон для допросов и суда...

– Она совершила свои преступления здесь. Здесь ее и следует судить за убийство... Я уже получил требование местных властей...

– Сейчас вырабатывается договоренность с Южно-Африканским правительством. – Гнев Паркера не утих, но теперь глава «Атласа» лучше владел собой. – Девушка вернется в Англию на борту вашего командного самолета; врач «Тора» должен постоянно находиться рядом с ней.

Питер вспомнил, что произошло с террористкой Лейлой Халед, захваченной агентами израильской службы безопасности на борту самолета компании «Эль Аль».* Шесть коротких дней она провела в гостях у британской полиции, в заключении...и вышла на свободу. Вышла в блеске славы – героиня средств массовой информации, Жанна д'Арк террора, – вышла, чтобы планировать уничтожение сотен других невинных, подрывать самые основы цивилизации, потрясать столпы, на которых держатся закон и порядок.

– Эта женщина должна быть в Лондоне через двадцать четыре часа. Обеспечьте ей постоянную охрану, чтобы исключить всякую возможность мести. Мы не допустим новой кровавой бани вроде той, что вы устроили на борту «ноль семидесятого».

Питер Страйд, прямой и высокий, шел по гулкому, с мраморными колоннами залу аэропорта, а его люди со всех сторон выкрикивали:

– Отличная работа, сэр!

– Здорово, генерал!

«Торовцы» занимались освобожденными пассажирами, собирали разбросанное оборудование, демонтировали и паковали оборудование связи и системы безопасности. Через час группа будет готова к отлету. Но сейчас все побросали дела и принялись поздравлять командира.

Пассажиры смекнули: вот он, зодчий их спасения, и, пока Питер медленно шел по залу, приветствовали его; он с улыбкой принимал их трогательную благодарность и один раз остановился поговорить с пожилой дамой, вытерпел ее слезные объятия.

---

* Израильские авиалинии. – *Примеч. пер.*

– Благослови вас Бог, мой мальчик. Благослови вас Бог. – Она задрожала всем телом. Питер мягко отстранил ее и пошел дальше, улыбаясь одними губами, – в сердце у него была сталь.

Вход в административные помещения аэропорта охраняли бойцы «Тора», вооруженные ручными пулеметами; они расступились, и Питер прошел внутрь.

Колин Нобл, по-прежнему в черном облегающем штурмовом костюме, с большим пистолетом калибра .45 на бедре, сжимал в зубах сигару.

– Взгляни-ка, – сказал он Питеру. Стол был завален взрывчаткой и оружием. – Большая часть – из-за железного занавеса, но где они получили *это*, бог весть. – Он указал на пистолеты с двумя короткими стволами. – Сделаны специально для прохождения через контроль и стоят очень дорого.

– Денег у них хватает, – сухо ответил Питер. – Выкуп за министров ОПЕК составил сто пятьдесят миллионов долларов, за братьев Браун – двадцать пять миллионов, за барона Альтмана – еще двадцать миллионов. Это оборонный бюджет целого государства. – Он взял один из короткоствольных пистолетов и раскрыл казенник. Пистолет не был заряжен. – Из такого она расстреливала заложников?

Колин пожал плечами:

– Вероятно, стреляли из обоих.

Колин был прав: вдоль коротких гладких стволов виднелись черные точки сгоревшего пороха.

Питер зарядил пистолет патронами с картечью из груды лежащих на столе и пошел по длинному кабинету с зачехленными пишущими машинками на пустых столах и рекламными плакатами авиакомпаний на стенах.

У одной стены аккуратным рядом лежали тела троих угонщиков, каждое в отдельном прозрачном пластиковом мешке.

Два человека из «Тора» извлекали содержимое их карманов – украшения, скудные пожитки – и упаковывали в пластиковые пакеты с ярлычками.

Тело напарника Питера лежало у дальней стены, тоже в пластиковом мешке, и Питер наклонился к нему. Сквозь пластик виднелось мертвое лицо: глаза вытаращены, челюсть отвисла. «Смерть всегда лишена достоинства», – подумал Питер и выпрямился.

По-прежнему держа пистолет, Питер прошел во внутренний кабинет, Колин Нобл – за ним.

Ингрид лежала на передвижных носилках, под капельницей с плазмой, вокруг суетились медик «Тора» и двое санитаров. Когда открылась дверь, молодой врач с досадой поднял голову, но при виде Питера выражение его лица сразу изменилось.

– Генерал, если мы хотим спасти ей руку, нужно немедленно оперировать. Плечевой сустав раздроблен...

Девушка повернулась к Питеру. Ее густые золотистые волосы были перепачканы засохшей кровью, на одной щеке виднелась ссадина. Лицо Ингрид сейчас казалось совершенно бесцветным, точно у изваянной из белого мрамора головы ангела. Кожа приобрела восковой блеск, стала почти прозрачной, и лишь глаза оставались свирепыми, болеутоляющее, которым напичкали девушку, не притушило их блеск.

– Я попросил южноафриканцев о помощи, – продолжал врач, – и нас ждут два хирурга-ортопеда. Ее перевезут на вертолете в Центральную больницу в Эденвейле.

Ей уже оказали первую помощь, весь «Тор» занимался ею, как главной знаменитостью. Она сделала первый шаг по усыпанной розами дороге славы, и Питер живо представил себе, как газеты будут расписывать ее красоту... они сходили с ума из-за смуглой Лейлы Халед с глазами хорька и темными усиками... а тут и вовсе полезут из кожи вон.

Никогда Питер не испытывал такого сильного чувства, как сейчас.

– Выйдите, – велел он врачу.

– Сэр?

Молодой человек удивился.

– Выйдите, – повторил Питер, – выйдите все.

Он дождался, пока за ними закроется непрозрачная стеклянная дверь, и заговорил с девушкой – обычным тоном.

– Вы заставили меня отказаться от своих принципов и опуститься до вашего уровня.

Ингрид неуверенно посмотрела на Питера, устремив взгляд на короткоствольный пистолет у него в руке.

– Вы заставили меня, профессионального солдата, нарушить перед лицом неприятеля приказ. – Он помолчал. – Я привык гордиться собой, но когда я сделаю то, что должен сделать, мне нечем будет гордиться.

– Я требую встречи с американским послом, – хрипло сказала блондинка, по-прежнему не сводя глаз с пистолета. – Я американская гражданка. Я требую защиты...

Питер перебил ее и быстро сказал:

– Это не месть. Я достаточно стар и опытен, чтобы понимать: из всех человеческих роскошеств у мести самый горький вкус.

– Ты не посмеешь... – испуганно выкрикнула девушка. – Тебя уничтожат.

Питер продолжал, словно не слыша:

– Это не месть, – повторил он. – Вы сами назвали причину. Если вам сохранить жизнь, вас освободят. Пока вы живы, другие будут умирать... умирать, лишившись человеческого достоинства. Умирать в ужасе, как те, кого вы убивали...

– Я женщина. Я ранена. Я военнопленная, – закричала Ингрид, пытаясь приподняться.

– Это старые правила, – сказал ей Питер. – Вы уничтожили их и создали новые. Отныне я играю по вашим правилам. Я опустился до вашего уровня.

– Ты не убьешь меня. – В голосе девушки зазвучали исступленные нотки. – У меня еще много дел...

– Колин, – негромко сказал Питер, не глядя на американца. – Тебе лучше выйти.

Колин Нобл заколебался, положив правую руку на рукоять «браунинга», и блондинка умоляюще повернула к нему голову.

– Не позволяйте ему.

– Питер... – сказал Колин.

– Ты был прав, Колин, – тихо сказал Питер. – Та девочка очень похожа на Мелиссу-Джейн.

Колин Нобл убрал руку от пистолета и пошел к двери. Голосом, полным ужаса и ненависти, девушка начала выкрикивать непристойности и угрозы.

Колин неслышно закрыл дверь и встал спиной к ней. Единственный выстрел прозвучал оглушительно громко, и поток гнусных оскорблений внезапно оборвался. Наступившая тишина была даже ужаснее, чем предшествовавшие ей звуки. Нобл не шевелился. Он ждал четыре, пять секунд; наконец дверь открылась, вышел генерал Питер Страйд. Он протянул Колину пистолет, ствол которого был горячим на ощупь.

Красивое аристократическое лицо Питера осунулось, он словно пережил долгую опустошительную болезнь. Это было лицо человека, прыгнувшего в пропасть.

Питер Страйд отворил стеклянную дверь и вышел не оглядываясь. Несмотря на жуткое выражение отчаяния, он по-прежнему вел себя как солдат и походка его была твердой.

Колин Нобл даже не заглянул за дверь.

– Теперь она ваша, – сказал он врачу. И пошел вслед за Питером Страйдом по широкой лестнице.

Предстоял долгий трудный галоп по ровной местности, потом по пастбищу к вершине подъема, и на пути – ворота, только одни. Мелисса-Джейн гнала свою гнедую кобылку, рождественский подарок дяди Стивена. Она, как почти все девочки на пороге созревания, испытывала страстную любовь к лошадям и прекрасно смотрелась на лоснящемся породистом животном. От холода ее щеки разрумянились, прядь волос медового цвета весело раскачивалась в такт аллюру. За те несколько недель, что Питер ее не видел, Мелисса-Джейн расцвела, и он с некоторой опаской, но и с большой гордостью понял: дочь становится красавицей.

Питер сидел на одном из своих гунтеров, рослом, длинноногом, способном выдержать его вес, но мерину стоило большого труда не отставать от стремительной пары, которая легко гарцевала впереди.

У живой изгороди Мелисса-Джейн не снизошла до ворот, крепче стиснула поводья и направила гнедую к кустам. Маленький круглый круп приподнялся в прыжке, из-под копыт полетели комья земли.

Одолев изгородь, девочка оглянулась на отца, и Питер понял, что ему брошен вызов. Изгородь тут же показалась очень высокой, и он впервые заметил, под каким большим углом уходит назад земля. Он почти два года не ездил верхом, а на этом мерине вообще сидел впервые, но конь храбро пошел на прыжок, они перелетели через изгородь и неуклюже приземлились, Питер ухватился за шею коня, и на мгновение ему показалось, что он упадет на глазах у дочери; однако удержался в седле, натянул поводья, конь запрокинул голову, и они остановились.

– Супер! – со смехом крикнула Мелисса-Джейн. К тому времени как Питер догнал ее, она уже спешилась под тисом на самой вершине и ждала, пар ее дыхания вился в холодном неподвижном воздухе.

– Наша земля когда-то тянулась до самой церкви, – Питер показал на далекую серую каменную иглу, воткнутую в брюхо неба, – а там – почти до самого края равнины. – Он повернулся в другую сторону.

– Да. – Мелисса-Джейн просунула свою ладонь в его.

Они стояли под деревом.

– Семья продала ее, когда умер дедушка. Ты рассказывал. И правильно. Одна семья не должна иметь так много.

Питер удивленно посмотрел на нее.

– Боже мой, коммунистка в семье. Пригрели на груди змею!

Она сжала его пальцы.

– Не волнуйся, папусик. Разжиревший плутократ – это дядя Стивен. А ты не капиталист. Ты у нас безработный... – Девочка тут же смолкла, ее смех затих, она виновато посмотрела на него. – Ой, я не хотела. Правда.

Прошел почти месяц после отставки Питера, но скандал еще не утих.

Хвалебные заголовки, посвященные операции «Дельта» и успеху «Тора», продержались лишь несколько дней. Восторженные редакторские колонки, обложки и развороты, главная новость на всех телеканалах, бурные поздравления от руководителей всех западных держав, мгновенный триумф Питера Страйда и его героев – во все это быстро проникли странные ноты, и экстаз как будто выдохся.

Расистское правительство Южной Африки действительно согласилось освободить политических заключенных до нападения, один из террористов был захвачен живым и умер от огнестрельного ранения в здании аэровокзала. Один из освобожденных заложников оказался журналистом. Он освещал ход съезда хирургов на Маврикии, возвращался на похищенном самолете и, опираясь на личные впечатления, опубликовал сенсационную статью, а десяток пассажиров подтвердили его показания, что четвертый террорист, женщина, просила о снисхождении и была застрелена уже после ареста.

Буря проклятий и поношений, поднятая левым крылом лейбористов, потрясла британский парламент и эхом отозвалась в обвинениях демократов в американском конгрессе. Существование «Тора» подверглось тщательному анализу и в самых диковинных выражениях было объявлено незаконным. Коммунистические партии Франции и Италии организовали массовые протесты. Взрыв ручной гранаты М-26, одной из тех, что группа Баадера-Мейнхоф похитила на американской базе в Меце – во время футбольного матча на стадионе «Парк де Принс» в Париже, – убил одного и ранил двадцать три зрителя. В редакцию «Франс суар» позвонил человек, говоривший по-французски с акцентом, и заявил, что это – первая месть за убийство четверых похитителей наймитами империалистов.

Вначале отставки Питера потребовал Пентагон, и не было никаких сомнений, что за этим стоит доктор Кингстон Паркер, хотя о нем как о главе «Атласа» никогда не объявлялось публично и организацию по-прежнему окружала полная тайна. Газеты начали требовать полного расследования всех обстоятельств, связанных с деятельностью «Тора». «И если будет установлено, что в ходе операции действительно имели место преступные нарушения закона, человек или люди, ответственные за это, должны быть преданы суду или военному трибуналу». К счастью, существование «Атласа» оставалось для средств массовой информации тайной. Критике подвергли только «Тор»; о существовании «Меркурия» и «Дианы» никто не подозревал.

В английском военном министерстве и в правительствах Великобритании и США у Питера было много сочувствующих и сторонников, но он облегчил жизнь своим друзьям и

себе, подав прошение об отставке. Отставку приняли, но левые требовали большего. Они жаждали крови. Крови Питера Страйда.

Фиалковые глаза Мелиссы-Джейн наполнились слезами стыда.

– Я не хотела, правда, не хотела.

– Ну, не так-то плохо оказаться без работы. У меня теперь много времени для доченьки. – Он улыбнулся, но девочка не успокаивалась.

– Я не верю в те ужасные вещи, о которых говорят. Я знаю, что ты человек чести, папа.

– Спасибо. – В его груди больно защемило от чувства вины и печали. Они долго стояли рядом и молчали. Наконец Питер заговорил.

– Ты собираешься стать палеонтологом...

– Нет. Это было месяц назад. Я передумала. Старые кости меня больше не интересуют. Я буду врачом, детским врачом.

– Это хорошо. – Питер серьезно кивнул. – Но давай ненадолго вернемся к старым костям. К веку больших ящеров. Почему вымерли динозавры?

– Не смогли приспособиться к изменившейся обстановке, – сразу ответила Мелисса-Джейн.

Питер сказал:

– Вот и с чувством чести то же самое. Уж не устарело ли это понятие в современном мире? – И сразу увидел в ее взгляде изумление и боль – и понял: они ступили на опасную почву.

Его дочь страстно любит все живое, особенно людей. Несмотря на возраст, у нее сформировавшиеся политические и социальные взгляды, она верит в идеалы и в основополагающую красоту и доброту человечества. Конечно, впереди ее ждут годы болезненной утраты иллюзий. Слова «человек чести» для Мелиссы-Джейн звучали как посвящение в рыцари, к кому бы ни прилагалось это определение: к принцу Уэльскому или популярному певцу с нелепым именем, которое Питер никак не может запомнить, к Вирджинии Уэйд, недавней чемпионке Уимблдона, или к учителю из Роудин,* который пробудил в ней интерес к медицине. Питер знал, он должен быть благодарен за то, что его включили в это избранное общество.

– Я постараюсь оправдать твое мнение обо мне. – Он наклонился и поцеловал ее, удивленный силой собственного чувства к этому ребенку-женщине. – А сейчас слишком холодно, чтобы стоять тут дальше, и Пат никогда не простит нас, если мы опоздаем на ленч.

Их лошади процокали по булыжникам двора конюшни. Ехали рядом, нога к ноге, и, прежде чем спешиться, Питер окинул взглядом здание, которое всегда было его домом, хотя теперь и отошло вместе с титулом к Стивену, его старшему брату. Правда, всего на три часа, но тем не менее старшему.

Дом из красного кирпича, с крышей, наклоненной под пятьюдесятью самыми разными углами. Еще чуть-чуть, и дом стал бы уродливым, но именно это чуть-чуть делало его вол-

---

* Роудин-скул – одна из самых привилегированных женских частных гимназий в Англии. – *Примеч. пер.*

шебным, сказочным. Питер никогда не завидовал Стивену, который любил это расползшееся здание едва ли не страстно.

Может быть, именно желание владеть этим домом и вернуть ему былую славу подвигло Стивена на сверхчеловеческие усилия, которые должен приложить житель Англии, чтобы вопреки налогам и социалистическим ограничениям заработать состояние.

Стивен не пожалел сил, и теперь «Тисовое аббатство» процветает, аккуратное и ухоженное, с великолепным садом, а Стивен живет так, как и подобает баронету.

Дела его столь сложны и разбросаны по стольким континентам, что, должно быть, даже английские налоговые инспекторы устрашились. Питер однажды поднял эту тему в разговоре, и Стивен спокойно ответил:

– Когда закон явно несправедлив, как наше налогообложение, долг честного человека нарушать его.

Старомодная порядочность Питера встала на дыбы, но он промолчал.

Странно, что жизнь братьев сложилась именно так, ведь более умным всегда считался Питер, а Стивена в семье называли не иначе, как «бедный Стивен». Никто не удивился, когда Стивен ушел из Сандхерста с последнего курса (при этом о нем ходили всякие темные слухи), однако спустя два года он уже был миллионером, а Питер – всего лишь скромным вторым лейтенантом английской армии. Питер беззлобно улыбнулся этому воспоминанию; он всегда очень любил старшего брата. Но в этот миг течение его мыслей прервалось: краем глаза он увидел блестящий, как зеркало, зад серебристого лимузина, припаркованного у конюшни. Длинный «мерседес-бенц», какие любят поп-звезды, шофер в синей форменной тужурке деловито драит кузов до еще большего блеска. Даже у Стивена не было такой машины, и Питер был заинтригован. Гости «Тисового аббатства» всегда интересны. Стивен Страйд не приглашал тех, у кого нет власти, большого богатства или исключительного таланта. За «шестисотым "мерседесом"» стоял другой, поменьше, черный, и в нем двое с жесткими лицами – телохранители.

Мелисса-Джейн тоже увидела машину.

– Похоже, еще один разжиревший плутократ, – сказала она. У нее это выражение обычно означало крайнее неодобрение. Помогая дочери снять седло и растирая лошадей, Питер думал о ее жаргоне. Они рука об руку прошли через розарий и, смеясь, вошли в главную гостиную.

– Питер, старина! – Стивен пошел им навстречу; высокий, как брат, когда-то он был таким же стройным, но от благополучной жизни округлился, а обычные для крупного дельца стрессы выбелили волосы на висках и вплели в усы серебряные нити. Лицо баронета, более мясистое и красное, чем у Питера, не повторяло черты брата, как в зеркале, но все же сходство было очень сильно, особенно теперь, когда это лицо светилось удовольствием. – Я думал, ты сломал себе шею, черт полосатый! – Стивен тщательно культивировал грубоватые манеры деревенского сквайра, чтобы скрыть свой острый, проницательный ум. – Он повернулся к Мелиссе-Джейн и с удовольствием обнял ее. – Как дела у Флоренс Найтингейл?

– Она душка, дядя Стивен. Я никогда не смогу отблагодарить тебя.

– Питер, я хотел бы познакомить тебя с очаровательной дамой...

Она разговаривала с Патрицией Страйд, женой Питера, но теперь повернулась, и зимнее солнце, лившееся через окно за ее спиной, окружило ее мягким романтическим ореолом.

Питер почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Кто-то словно сжал его сердце в кулаке, не давал дышать.

Он сразу узнал ее по фотографии, которую видел в досье о похищении ее мужа. На одном этапе расследования казалось, что похитители вместе со своей жертвой пересекли Ла-Манш, и «Тор» целую неделю провел в состоянии «Альфа». Питер изучал фотографии, собранные из десятка источников, но даже глянцевые цветные снимки из «Вог» и «Жур де Франс» не могли передать великолепие этой женщины.

Удивительно, но он заметил, что и она его узнала. Выражение ее лица не изменилось, но глаза на мгновение вспыхнули темно-зеленым изумрудным светом. Подойдя к ней, он понял, что она высокая, но прекрасные пропорции скрадывают рост. Юбка из тонкого шерстяного крепа подчеркивала длинные, красивые ноги балерины.

– Баронесса, позвольте представить вам моего брата. Генерал Страйд.

– Здравствуйте, генерал. – Почти безупречный английский, голос низкий и чуть хриплый, очень привлекательный легкий акцент, но его звание она произнесла отчетливо, в три слога.*

– Питер, это баронесса Альтман.

Густые блестящие черные волосы зачесаны назад (их линия образует надо лбом небольшой мысик), широкие славянские скулы, безупречное совершенство кожи. Но при этом чересчур сильный и квадратный для красавицы подбородок и чуть высокомерный рисунок рта. Великолепная, но не прекрасная. Питер сразу понял, что его неудержимо тянет к этой женщине. Такого чувства, от которого захватывает дух, он не испытывал уже лет двадцать.

Она, казалось, воплощала все, чем он восхищался в женщинах.

Тело как у тренированного спортсмена. Под нежным шелком блузки обнаженные руки с четко выделяющимися мышцами, узкая талия, груди маленькие и ничем не стесненные, прекрасной формы, что хорошо заметно сквозь тонкий материал. Чистая свежая загорелая кожа светится от здоровья и тщательного ухода. Все это вносит свой вклад в ее привлекательность.

И все же главное крылось в сознании Питера. Он знал, что это женщина исключительной силы и поразительных достоинств, и это усиливало его тягу к ней – как и то, что ее окружал ореол неприступности. Она насмешливо оценивала его мужественность взглядом королевы или богини, недосягаемая и далекая. Казалось, она внутренне улыбается – холодно, покровительственно – его откровенному восхищению, но принимает его как должное. Питер быстро припомнил все, что знал о ней.

Она начала работать у барона личным секретарем и за пять лет стала незаменимой. Барон признал ее способности, продвинув в совет директоров – быстро, первой из группы младших служащих, – и в конце концов поручил ей руководство своей главной хол-

---

* В английской разговорной речи слово general, «генерал», может произноситься как двусложное и даже односложное. – *Примеч. пер.*

динговой компанией. Когда в безнадежной схватке с раком жизненные силы барона стали иссякать, он все чаще искал в ней опору и, как оказалось, с полными на то основаниями. К тому времени она руководила империей мощных промышленных компаний, корпораций по производству электроники и вооружения, банками, распоряжалась торговыми сделками и вложением капиталов – ни дать ни взять сын, которого у барона никогда не было. Он женился на ней – ему было пятьдесят восемь, на тридцать лет больше, чем ей, – и она стала прекрасной женой, как была прекрасным деловым партнером.

Именно баронесса собрала и лично доставила огромный выкуп, который требовали похитители, одна, без охраны вопреки советам французской полиции пошла на встречу с безжалостными убийцами, а когда ей вернули изуродованный труп барона, оплакала его, похоронила и продолжала править унаследованной империей с проницательностью и властностью, которые совершенно не соответствовали ее возрасту.

Теперь ей было двадцать девять. Нет, прошло уже два года, понял Питер, склонившись к ее руке, но почти не касаясь губами гладких холодных пальцев. Ей тридцать один. На руке – одно кольцо с бриллиантом, не очень большим, не больше шести карат, но такой превосходной белизны и блеска, что он, кажется, наделен собственной жизнью. Выбор женщины, обладающей огромным богатством и превосходным вкусом.

Распрямившись, Питер понял, что баронесса оценивает его так же тщательно, как он ее. Ему казалось, что от этих чуть раскосых изумрудных глаз ничего нельзя скрыть, но он уверенно ответил на ее взгляд, зная, что способен выдержать любую проверку; впрочем, он был заинтригован: откуда она его знает?

– Не так давно ваше имя часто мелькало в новостях, – словно объясняя, сказала она.

На ленч собралось шестнадцать человек, в том числе трое детей Стивена, Пат и Мелисса-Джейн. Обстановка была приятная и спокойная, но баронесса сидела далеко от Питера, и он не мог беседовать с ней, она же, хотя он пытался прислушиваться к ее словам, говорила негромко и обращалась в основном к Стивену и к издателю одной из общенациональных ежедневных газет, сидевшему рядом с ней. А Питеру пришлось изо всех сил обороняться от восхищенного внимания своей соседки слева, хорошенькой, но совершенно пустоголовой блондинки.

Однако он успел заметить, что хотя баронесса подносила к губам бокал, уровень красного вина в нем не понижался, а ела она совсем немного.

Питер украдкой поглядывал на нее, а вот баронесса ни разу не посмотрела в его сторону. Но за кофе обратилась прямо к нему:

– Стивен сказал, что в поместье есть развалины римских построек.

– Могу показать. Прекрасная прогулка по лесу.

– Спасибо. Но сперва мне нужно кое-что обсудить со Стивеном; мы можем встретиться в три часа?

Баронесса переоделась в твидовую юбку и жакет свободного покроя, который на менее высокой и более полной женщине сидел бы плохо, и в высокие сапоги, как и одежда лиловато-розовые. Под жакетом был кашемировый трикотажный джемпер, на шее шарф из тонкой шерсти. Шляпа с широкими полями и ярким пером за лентой была надвинута почти на глаза.

Шла она молча, глубоко засунув руки в большие карманы, не делая попыток уберечь дорогие сапожки от грязи, шипов и сломанных ветвей. Двигалась она грациозной плавной походкой, чуть покачиваясь, ее плечи и голова плыли чуть ниже плеч и головы самого Питера. Он решил, что, не будь она признанным лидером в сфере мировой промышленности и финансов, из нее вышла бы отличная манекенщица. Она обладала способностью придавать одежде элегантность и значимость, в то же время относясь к ней равнодушно.

Питер уважал ее молчание, довольный тем, что идет с ней рядом; они шагали по темному лесу, пропахшему плесенью и холодным дождем, с ветвей капало, стволы дубов заросли мхом, казалось, они о чем-то молят серое небо, высоко воздев скрюченные артритом руки.

Наконец Питер и баронесса вышли на открытое возвышенное место, ни разу не остановившись, хотя тропа была крутая, а почва мягкая.

Баронесса дышала глубоко, но ровно, и раскраснелась лишь чуть-чуть. Он решил, что она в отличной физической форме.

– Вот они. – Питер указал на едва заметную, поросшую травой канаву на вершине холма. – Не очень впечатляют, но я не хотел заранее разочаровывать вас.

Теперь она улыбнулась.

– Я бывала здесь раньше, – сказала она своим интригующим хрипловатым голосом.

– Ну, мы с вами времени не теряем. Обманываем друг друга с первой встречи... – усмехнулся Питер.

– Я прилетела из Парижа, – объяснила баронесса. – Что было совсем не обязательно. Дело можно было обсудить с сэром Стивеном за пять минут по телефону. Но то, о чем я хочу поговорить с вами, можно обсуждать только наедине... – И тут же поправилась: – Простите, лицом к лицу.

Редкая оговорка. Стивен проявил странную настойчивость, приглашая Питера на этот уик-энд в «Тисовое аббатство». Несомненно, он приложил руку к организации этой встречи.

– Мне льстит интерес такой красавицы...

Баронесса мгновенно нахмурилась и досадливым жестом оборвала комплимент.

– Недавно отделение «Нармко» компании «Седдлер Стил» обратилось к вам с просьбой возглавить их торговый отдел, – сказала она, и Питер кивнул. Со времени своей отставки он получил много предложений. – На исключительно щедрых условиях.

– Верно.

– Быть может, вы предпочитаете уединенную жизнь ученого? – спросила она, и хотя выражение лица Питера не изменилось, он опешил. Невозможно, чтобы она знала о предложении одного американского университета занять кафедру новейшей военной истории, о котором он все еще размышляет между делом.

– Есть книги, которые я хотел бы прочесть и написать, – сказал Питер.

– Книги. У вас хорошее собрание, и я читала написанное вами. Вы человек противоречивый, генерал Страйд. Человек действия и в то же время глубоко мыслящий политически и социально.

– Иногда я сам себя не понимаю, – улыбнулся Питер. – Как же вам меня понять?

Она не клюнула на его улыбку.

– Многое из того, что вы пишете, совпадает с моими убеждениями. А что касается ваших действий, то, будь я мужчиной и на вашем месте, я поступила бы так же.

Питер напрягся, отгоняя всякие ассоциации с «ноль семидесятым», и снова баронесса инстинктивно поняла его.

– Я имею в виду всю вашу карьеру, генерал. От Кипра до Йоханнесбурга – включая Ирландию.

Он слегка успокоился.

– Почему вы отвергли предложение «Нармко»? – спросила баронесса.

– Во-первых, за ним скрывалось невысказанное убеждение, что я не смогу отказаться. Во-вторых, условия были столь щедрыми, что от них попахивало. В-третьих, мне показалось, что от меня потребуют оправдать репутацию, которую я приобрел после захвата рейса «ноль семьдесят».

– Какую репутацию? – Она чуть подалась к нему, и Питер ощутил ее особый запах. Запах гладкой, как лепесток, кожи, разогретой ходьбой и подъемом на холм. Легкий запах раздавленных цветков лимона и чистой здоровой зрелой женщины. Он почувствовал физическое возбуждение, почти непреодолимое желание коснуться ее, ощутить тепло и гладкость ее кожи.

– Например, репутацию человека, способного добиться сговорчивости, – сказал он.

– А что, по-вашему, от вас потребовали бы?

На этот раз он пожал плечами.

– Вероятно, предлагать взятки моим бывшим коллегам по НАТО, чтобы ускорить покупку вооружения, производимого «Нармко».

– Почему вы так думаете?

– В НАТО мне приходилось принимать такие решения.

Она отвернулась от него и посмотрела на своеобразную зелень английского зимнего ландшафта, аккуратные поля и пастбища, темные клинья и геометрические очертания лесов и рощ.

– А вы знаете, что через «Альтман Индастриз» и другие компании я контролирую большую часть акций «Седдлер Стил» и, естественно, «Нармко»?

– Нет, – сознался Питер. – Но нельзя сказать, что я удивлен.

– А что предложение «Нармко» исходило от меня лично, вы знаете?

На этот раз он ничего не ответил.

– Вы правы – конечно, ваши связи с верхними эшелонами НАТО, с военными ведомствами Великобритании и Соединенных Штатов стоят той щедрой суммы, что вам предложили, всей, до последнего сантима. А что касается взяток... – Она вдруг улыбнулась, и улыбка совершенно изменила ее лицо: оно стало казаться гораздо моложе, в нем появились теплота и озорство, о которых Питер и не подозревал. – Это капиталистическое общество, генерал. Мы предпочитаем говорить о комиссионных и представительских.

Он обнаружил, что улыбается ей в ответ, не из-за ее слов, а потому что ее улыбка неотразима.

– Однако торжественно обещаю вам, что от вас никогда этого не потребуют. Нет, с тех пор как «Локхид» проявил неосторожность, правила изменились. Ничто незаконное не может быть связано с «Нармко», в особенности с ее руководителями. Прежде всего с вами.

– Вопрос представляет чисто академический интерес, – заметил Питер. – Я уже отказался.

– Я не согласна, генерал Страйд. – Поля шляпы скрывали ее глаза, и смотрела она в землю. – Возможно, узнав, чего я хотела добиться, вы передумаете. Прежде всего я допустила ошибку, не связавшись с вами непосредственно. Я рассчитывала, что щедрость предложения убедит вас. Обычно я не ошибаюсь в людях так серьезно... – Она подняла взгляд и снова улыбнулась, но на этот раз взяла Питера за руку. Пальцы ее, как и руки, были длинными и тонкими, но заостренными к концу, ногти прекрасной формы покрыты розовым лаком. Держа Питера за руку, она продолжала говорить. – Мой муж был исключительным человеком. Человеком широких взглядов, сильным, способным к сочувствию. Поэтому его пытали и убили, – ее голос перешел в хриплый порывистый шепот, – убили самым подлым образом. – Она смолкла, но не отвернулась, не стыдясь слез, которые навернулись на глаза, но не сорвались с век. Она даже не моргнула, и первым отвел взгляд Питер. Только теперь баронесса выпустила его ладонь, взяла его под руку и встала совсем близко, почти касаясь его бедром. – Скоро пойдет дождь, – сдержанно, ровным голосом сказала она. – Пора спускаться.

Когда они пошли вниз, она продолжала говорить.

– Мясники, сотворившие это с Аароном, остались на свободе, а общество только наблюдало за их действиями – бессильное, упорно лишающее себя возможности защититься от следующего нападения. Америка буквально упразднила свои разведывательные службы; она так связала им руки и выставила напоказ, что они практически безоружны. Вашу страну, как и все прочие европейские страны, тревожат только собственные проблемы. Нет международного подхода к проблеме, общей по своей сути. «Атлас» – отличная идея, но то, что он используется только для возмездия и только в исключительных обстоятельствах, ограничивает его возможности. Однако стоит общественности заподозрить, что подобная организация существует, левые разорвут ее на клочки, как стая голодных гиен. – Баронесса легонько сжала руку Питера и искоса посмотрела на него серьезными раскосыми изумрудными глазами. – Да, генерал, я знаю об «Атласе», но не спрашивайте, откуда.

Питер промолчал. Они вошли в лес, осторожно ступая по скользкой крутой тропе.

– После смерти мужа я много думала о том, как, оставаясь в рамках закона, уберечь знакомый нам мир. Вместе с «Альтман Индастриз» я унаследовала обширную международную систему сбора информации, настроенную, естественно, исключительно на коммерцию и промышленность... – Ее негромкий напряженный голос действовал на Питера гипнотически. Баронесса описала, как с помощью денег и влияния сумела проникнуть в пределы, недоступные большинству людей, и увидеть цельную картину нового мира насилия и страха. – Ограничения Интерпола – самоубийственное правило не иметь дела с преступлениями, имеющими политическую подоплеку, – меня не связывали. И лишь узнав все, я вновь столкнулась с самоуничтожительным образом мысли, который прикрывается демократией и свободой индивидуума. Я сумела предвосхитить удар террористов и предупредила власти, но «намерение не преступление», сказали мне, и обоих преступников тихо проводили до границы и освободили, чтобы они открыто готовились к следующему удару. Мир должен ждать этого удара, ему запрещено принимать превентивные меры, а когда наступает время

этих мер, мешает неразбериха с ответственностью разных государств и усложненная концепция минимальных затрат... – Баронесса смолкла. – Но все это вы знаете. Вы много писали на эту тему.

– Интересно услышать еще раз.

– Скоро я подойду к самому интересному... но мы почти дошли до дома.

– Пойдемте. – Питер повел баронессу мимо конюшен к павильону с плавательным бассейном. От подогретой воды поднимался пар, роскошные тропические растения представляли странный контраст с зимним пейзажем за стеклянными стенами.

Они устроились на качелях, рядышком, чтобы не повышать голоса; напряжение отчасти спало. Баронесса сняла шляпу, шарф и жакет, бросила на плетеное кресло напротив, вздохнула и опустилась на подушки.

– Со слов сэра Стивена я поняла: он хочет, чтобы вы работали в банке. – Она искоса взглянула на Питера. – Должно быть, трудно, когда за тобой так присматривают.

– Боюсь в отличие от Стивена мне не свойственно почтение к деньгам.

– Это приходит со временем, генерал Страйд, – заверила его собеседница. – И может войти в привычку.

Внезапно в павильоне разразилась буря острот, криков и смеха – появились дети обоих Страйдов; вид Питера и баронессы на качелях их немного угомонил.

Младший сын Стивена – упитанный, отчего костюм казался ему тесным, с серебряными скобками на зубах – закатил глаза, указывая на них взглядом, и громким драматическим шепотом сказал Мелиссе-Джейн:

– Je t'aime, ma cherie,* падай в обморок!

За чудовищное произношение он получил отповедь хриплым шепотом и толчок в спину, от которого отлетел в глубокую часть бассейна.

Баронесса улыбнулась.

– Ваша дочь очень заботится о вас. – Она повернулась и посмотрела в лицо Питеру. – Или это ревность? – И, не дожидаясь ответа, задала другой вопрос. Дети смеялись и шумели, и Питеру показалось, что он ослышался.

– Что вы сказали? – осторожно спросил он, стараясь не выдать себя выражением лица, и баронесса повторила:

– Означает ли для вас что-нибудь имя Калиф?

Питер слегка нахмурился, делая вид, что задумался, и в его памяти всплыли страшные микросекунды смертельной схватки: дым, пламя, выстрелы, темноволосая девушка в красной рубашке кричит: «Не убивайте нас! Калиф сказал, что мы не умрем! Калиф...» Его пуля не дала ей договорить, влетев в открытый рот. С тех пор это слово преследовало его, он испробовал тысячи вариаций, искал смысл и значение, рассматривал возможность того, что расслышал неправильно. Теперь он знал, что это не так.

– Калиф? – переспросил он. Ему казалось, что важно не соглашаться, ведь нужно что-то оставить в резерве, не дать унести себя потоку воли этой личности, этой женщины. – Это мусульманский титул. Мне кажется, он буквально означает «наследник Мухаммеда, преемник Пророка».

---

* Я люблю тебя, дорогая (*фр.*). – *Примеч. пер.*

– Да. – Она нетерпеливо кивнула. – Титул религиозного и гражданского руководителя. Но слышали ли вы, чтобы его использовали как кодовое имя?

– Нет. Простите, не слышал. А что оно означает?

– Как знать – даже мои собственные источники не дают точных сведений. – Баронесса вздохнула, и они стали молча следить за Мелиссой-Джейн. Девочка ждала, когда Питер обратит на нее внимание, а когда дождалась, легко пробежала по мостику, легкая, как ласточка, исполнила прыжок в полтора оборота, войдя в воду почти без брызг, тут же вынырнула с прилипшими к лицу волосами и посмотрела на Питера в ожидании одобрения.

– Прекрасный ребенок, – сказала баронесса. – У меня нет детей. Аарон хотел сына – но нет. – В ее глазах была настоящая печаль, и она постаралась ее скрыть. На другой стороне павильона Мелисса-Джейн выбралась из бассейна и быстро завернулась в полотенце, прикрыв грудь, уже довольно большую и в то же время настолько непривычную, что она составляла для девочки постоянный источник замешательства и стыдливой гордости.

– Вы говорили о Калифе, – напомнил Питер, и баронесса повернулась к нему.

– Впервые я услышала это имя два года назад в обстоятельствах, которые никогда не забуду... – Она помолчала. – Я полагаю, вы в курсе подробностей похищения и убийства моего мужа. Не хочу без необходимости повторять эту ужасную историю.

– Я все знаю, – заверил Питер.

– Вы знаете, что я лично доставила выкуп.

– Да.

– Встреча происходила на покинутом летном поле близ восточно-германской границы. Меня ждали в легком двухмоторном самолете-разведчике советского производства, но со стертыми обозначениями...

Питер вспомнил тщательное планирование угона и особое оборудование, использованное при похищении «ноль семидесятого». Все совпадало.

– Их было четверо, в масках. Говорили они по-русски, вернее, двое говорили по-русски. Двое других вообще не сказали ни слова. Русский был ломаный...

Питер вспомнил, что баронесса, родом из Восточной Европы, говорит по-русски и еще на пяти языках, и пожалел, что, работая в разведке, не ознакомился с ее досье. Отец сбежал вместе с ней из ее родной Польши, когда она была еще ребенком.

– Почти несомненно и самолет, и этот русский язык должны были скрыть истинную принадлежность похитителей, – продолжала баронесса. – Я провела с ними немного времени. Мне нужно было передать им сорок пять миллионов швейцарских франков, и, хотя они были в крупных купюрах, все равно на борт предстояло погрузить громоздкий и тяжелый багаж. За первые несколько минут они поняли, что у меня нет полицейской охраны, успокоились и, когда грузили деньги, перешучивались. Слово «Калиф» прозвучало в английской транскрипции; в переводе с русского получалось: «Калиф снова прав», а ответ: «Калиф всегда прав». Возможно, я запомнила это так отчетливо из-за того, что они воспользовались английским словом... – Она снова замолчала, в ее глазах плескалось неприкрытое горе.

– Вы рассказали полиции? – мягко спросил Питер, и она покачала головой.

– Нет. Не знаю почему. Полиция тогда показала себя такой беспомощной. Я ужасно рассердилась, расстроилась, недоумевала. Именно тогда я решила, что буду искать сама, – и это имя было единственной отправной точкой.

– А больше вы никогда не слышали это имя? – спросил Питер, и она ответила не сразу. Они смотрели на играющих детей, и то, что в таком окружении, на фоне смеха и невинных детских шуток, они обсуждают, где корень зла, казалось невероятным, нелепым.

Когда баронесса ответила, она заговорила совершенно о другом.

– Международный терроризм временно притих. Казалось бы, заключив соглашение с Кубой и при помощи тщательных проверок в аэропортах, американцы справились с воздушным терроризмом. Ваша собственная успешная кампания против «временного» крыла Ирландской республиканской армии, рейд израильтян в Энтеббе и немцев в Могадишу – все это были несомненные победы. Арабы были слишком заняты войной в Ливане и внутренними разногласиями. – Она покачала головой. – Но терроризм – очень выгодное занятие. Риск здесь меньше, чем при финансировании большого кинофильма. Вероятность успеха – шестьдесят семь процентов, минимальные капиталовложения, огромная прибыль наличными, известность, немедленный результат. А возможные последствия невозможно оценить. Даже если теракт завершается неудачей, процент потерь среди участников меньше пятидесяти. – Она вновь улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке ни было ни веселья, ни теплоты. – Любой бизнесмен скажет вам, что это лучше, чем рынок обычных товаров.

– Единственный недостаток этого бизнеса: им занимаются либо любители, либо профессионалы, ослепленные ненавистью, с узкими ограниченными интересами и целями, – сказал Питер.

Тут она повернулась к нему, подобрав под себя длинные ноги, как это умеют только женщины.

– Вы меня опережаете, Питер. – Она спохватилась. – Простите, но генерал Страйд – слишком длинно, к тому же у меня такое чувство, будто я вас знаю очень давно. – Теперь улыбка ее была легкой, но теплой. – Меня зовут Магда, – просто сказала она. – Будете называть меня так?

– Спасибо, Магда.

– Пожалуйста. – Она вернулась к теме разговора. – Бизнес в руках любителей, но он слишком заманчив, чтобы такое положение сохранялось долго.

– И тут вступает Калиф, – догадался Питер.

– До меня дошли только шушуканья, имена обычно не назывались. Просто слухи о встречах в Афинах, в Амстердаме, в Восточном Берлине или Адене – только раз я снова услышала имя Калифа. Но если он существует, сейчас это один из богатейших людей в мире, а скоро станет самым влиятельным.

– Это один человек? – спросил Питер.

– Не знаю. Может быть, группа. Может быть, даже правительство. Россия, Куба, одна из арабских стран? Кто знает?

– А цель?

– Прежде всего деньги. Богатство, чтобы добиваться политических целей... а в конечном счете власть, абсолютная власть. – Магда Альтман остановилась и легко махнула

рукой, словно умаляя серьезность своих слов. – Все это догадки, мои собственные догадки, основанные на нескольких происшествиях. Теперь у них есть деньги – деньги ОПЕК, и мои, и многих других. Теперь он или они заинтересованы в политических целях. И начали с наиболее легкой. Расистское правительство меньшинства в Южной Африке, не имеющее могущественных союзников. Успех гарантирован. Ценой нескольких жизней они захватили бы всю страну – исключительно богатую ресурсами. И, даже не достигнув основной цели, получали утешительный приз – сорок тонн золота. Хороший бизнес, Питер. Дело должно было окончиться успешно. Оно и шло успешно. Западные державы надавили на жертву, заставили принять требования – все сработало великолепно. Если бы не один человек.

– Я никогда в жизни так не боялся, – негромко сказал Питер.

– Да. Я тоже, Питер. Я боюсь все время с того ужасного ночного звонка, когда похитили Аарона, и чем больше узнаю, тем сильнее боюсь.

– Что же дальше?

– Не знаю – но избранное им имя говорит о мании величия; возможно, он представляется себе Богом... – Она протянула узкие ладони, белым огнем сверкнул бриллиант. – Мы не можем постичь логику и рассуждения человека, вставшего на такой путь. Вероятно, он верит, что действует во благо человечества. Возможно, он хочет победить богатых, собрав огромное богатство, уничтожить тиранов жестокой тиранией, освободить человечество, сделав его рабом террора. Может быть, с помощью зла и несправедливости он стремится исправить мир. – Баронесса снова коснулась его руки, и на этот раз Питера удивила сила ее длинных пальцев. – Вы должны помочь мне найти его, Питер. Я все вкладываю в эту охоту, никаких ограничений, все мое богатство и влияние будут в вашем распоряжении.

– Вы выбрали меня из-за того, что верите, будто я убил раненую террористку? – спросил Питер. – *Это* мои рекомендации?

Она немного отстранилась, посмотрела своими слегка раскосыми монгольскими глазами, потом чуть ссутулила плечи.

– Ну что ж, отчасти и из-за этого, но лишь отчасти. Вам известно, что я прочла написанное вами, и вы должны понимать, я изучала вас очень внимательно. Вы лучший из доступных для меня людей и доказали, что все это вам небезразлично. Я знаю: вам хватит силы, искусства и безжалостности найти Калифа и уничтожить его... прежде чем он уничтожит нас и весь мир, такой, каким мы его знаем.

Питер задумался. Он считал, что у зверя тысяча голов и вместо каждой отрубленной отрастает новая. Но теперь он впервые более отчетливо представил себе очертания зверя, еще не очень ясные: зверь в засаде. Но у него только одна голова. Возможно, он все же смертен.

– Вы поможете мне, Питер? – спросила баронесса.

– Вы знаете, что помогу, – негромко ответил он. – У меня нет выбора.

В ярком солнечном свете, отраженном от ослепительно белых снежных полей, она, едва заметно раскачиваясь, точно в сложном танце, спускалась с горы, летела, с гибкой элегантностью проходя повороты, заставляя снег шумно хрустеть.

На ней был жемчужно-серый облегающий лыжный костюм с черными полосами на плечах и манжетах, черные горнолыжные ботинки и черные же лыжи – длинные, марки «Россиньоль», какими пользуются профессионалы.

Питер спускался следом, очень стараясь не слишком отставать, но поворачивал по старинке, не отклоняясь, хотя это отчасти уменьшает вес, и поэтому на каждом повороте немного проигрывал.

Вороной несется как раненый бык,
А кобыла как лань летит...*

Стихи Киплинга словно описывали их. У опушки леса она опередила его на сто ярдов.

На тропу падали тени сосен, хрупкий наст скрипел под лыжами. Она все время была впереди, как серебристо-серый призрак, мелькали длинные стройные ноги, крепкие круглые ягодицы уравновешивали узкую талию и ритмично покачивались на поворотах. Она прекрасно владела своим телом, двигалась быстро и легко, словно подхваченная ветром, и до Питера долетал ее легкий смех. «Должно быть, она на лыжах с детства, – подумал он и вспомнил: – она полька – небось встала на лыжи еще до того, как ее отняли от груди». И подавил досаду, неизменно охватывавшую его, когда кто-то другой в чем-то его превосходил. Особенно если этот кто-то – женщина.

Питер прошел очередной крутой поворот: справа – пятнадцатифутовая снежная стена, слева, вровень с ним, вершины больших сосен. Гора очень круто уходит здесь вниз.

Мимо промелькнули предупредительные знаки, впереди показался деревянный мост, покрытый зеленоватым льдом. Попав на твердую, гладкую поверхность, Питер почувствовал, что теряет контроль. Под переброшенным через глубокое мрачное ущелье мостом был приколочен собственными сосульками к склону горы, словно гвоздями к кресту, замерзший водопад.

Любая попытка затормозить вела к катастрофе, откинуться назад значило быть прижатым к прочным деревянным перилам. Влетев на узкий мост, Питер устремился вперед, испытывая сразу и возбуждение и ужас. Он мчался, громко хохоча, хотя сердце грозило выскочить из груди, а дыхание стало таким же шумным, как рев ветра в ушах.

Баронесса ждала его там, где тропа выходила на открытую равнину. Передвинула очки на лоб, сняла перчатки, прочно воткнула палки в снег.

– Вам никогда не понять, как мне это нужно. – Она прилетела в Цюрих сегодня утром на личном реактивном «Лире», Питер – самолетом швейцарской авиакомпании из Брюсселя, и они вместе поднялись на гору. – Знаете, чего я хочу, Питер?

– Скажите, – попросил он.

– Хочу получить в свое распоряжение целый месяц, тридцать великолепных дней, и делать только то, что хочется. Быть обычной, подобной всем остальным людям, и не испытывать чувства вины.

После встречи в «Тисовом аббатстве» он за шесть недель видел ее лишь трижды. Три коротких и совершенно неудовлетворительных для Питера встречи.

---

* Баллада о Востоке и Западе. *Пер. Е. Полонской.*

Одна – в его новом кабинете в административном здании «Нармко» в Брюсселе, вторая – в «Ла Пьер Бенит», ее загородном доме под Парижем, но там за обедом было еще двадцать гостей. А третья – в обшитом панелями и со вкусом украшенном салоне ее реактивного «Лира» на пути из Брюсселя в Лондон.

За это время Питер не добился особых успехов в охоте на Калифа, хотя забросил несколько лесок с крючками и приманкой.

Во время третьей встречи Питер обсуждал с баронессой необходимость изменений в организации ее личной охраны. Он уволил четверых ее прежних телохранителей, заменив их оперативниками из одного тайного агентства в Швейцарии, где тренировались и его собственные подчиненные. Директор агентства был его старым и доверенным другом.

Сейчас они встретились, чтобы Питер доложил Магде о своих успехах. Но снег сманил их на несколько часов.

– До темноты еще целых два часа. – Питер взглянул на долину за деревенской церковью. Золотые стрелки часов показывали самое начало третьего. – Хотите подняться на Рейнхорн?

Она колебалась недолго.

– Уверена, что жизнь не остановится. – Зубы у нее были очень белые, один слегка кривой – недостаток, который казался странно привлекательным, когда она улыбалась. – Пару часов мир, конечно же, подождет.

Питер знал, что она работает невероятно много, начиная свой рабочий день, когда весь остальной мир еще спит, и продолжая трудиться, когда все помещения здания «Альтман Индастриз» на бульваре Капуцинов пустеют, и лишь в кабинете баронессы на самом верху горит свет. Даже во время подъема на гору она просматривала корреспонденцию и что-то негромко диктовала одному из своих секретарей. Он знал, что в шале за долиной ее уже ждут два помощника с грудой телексов, которые ей надо было рассмотреть; в ожидании ее ответов установлены линии связи.

– Уработаться до смерти не лучший способ свести счеты с жизнью. – Его вдруг рассердила ее целеустремленность, и баронесса легко рассмеялась, щеки ее раскраснелись, в зеленых глазах блеснули искорки.

– Да, вы правы, Питер. Мне следует держать вас при себе, чтобы вы постоянно напоминали мне об этом.

– Впервые за шесть недель вы проявляете здравый смысл. – Питер имел в виду упорное нежелание баронессы усилить охрану. Он пытался убедить ее изменить устоявшееся поведение, и хотя она улыбалась, глаза ее, когда она изучала его лицо, оставались серьезными.

– Муж передал мне долг, который я обязана выполнить. – Неожиданно за ее смехом послышалась печаль. – Когда-нибудь я объясню вам, в чем он состоит, но сейчас у нас всего два часа.

Когда они возвращались через деревню, пошел легкий снег и солнце скрылось за горами из камня и снега, в пышно украшенных витринах магазинов горели огни. Питер и Магда шли в потоке возвращавшихся со склонов лыжников – те несли лыжи и палки на плечах и весело болтали, все еще во власти возбуждения скоростного спуска, которое не могли унять даже сгущающиеся сумерки.

– Как славно ненадолго освободиться от моих «волков». – Ботинки Магды скользнули по льду, и она схватила Питера за руку. Восстановив равновесие, она не убрала руку в перчатке.

«Волками» она именовала подобранных Питером телохранителей, молчаливых, внимательных, всюду следовавших за ней – пешком или во второй машине. Пока она работала, они ждали у ее кабинета, и охраняли ее дом, когда она спала.

Однако этим утром она сказала Питеру:

– Сегодня меня сопровождает олимпийский чемпион по стрельбе, и волки мне не нужны.

«Нармко» выпустила на рынок собственную версию девятимиллиметрового пистолета «парабеллум». Он назывался «кобра», и, проведя с ним одно утро в тире, Питер полюбил это оружие. «Кобру», более легкую и плоскую, чем «вальтер», к которому он привык, удобнее было прятать, а единый механизм взвода при первом выстреле сберегал долю секунды, поскольку не было надобности предварительно взводить курок. Питер без всяких трудностей получил разрешение на ношение такого пистолета в качестве торгового образца, хотя каждый раз перед посадкой в самолет его приходилось предъявлять. «Кобра» прекрасно укладывалась в жесткую, быстро раскрывающуюся кобуру «Аллесси».

Вначале постоянное ношение пистолета казалось Питеру театральным и мелодраматичным, но со временем его успокоила трезвая мысль, что идти по следам Калифа безоружным – значит уменьшать собственные шансы на успех.

Постепенно он привык и не замечал тяжести под мышкой. И вспомнил о пистолете, только когда Магда заговорила.

– Умираю от жажды, – сказала она, и, прислонив лыжи к стене, они вошли в веселое тепло и облака пара, валившего из одного из многочисленных кафе главной улицы, нашли место за столом, где уже сидела молодежь, и заказали по стакану горячего дымящегося глинтвейна.

Оркестр из четырех человек заиграл популярный танцевальный мотив, и их соседи по столику перешли на маленькую танцплощадку.

Питер вызывающе поднял бровь, и баронесса со смехом спросила:

– Вам приходилось танцевать в лыжных ботинках?

– Регулярно что-то приходится делать впервые.

Она танцевала, как делала все остальное – с полным самозабвением, и тело ее было сильным, гибким и стройным.

В полной темноте они поднялись по тропе над деревней и вошли через контролируемые электроникой ворота в защитной стене шале.

Баронесса старательно избегала фешенебельных курортов и ее шале ничем особенным не отличался от других, стоящих в сосновом лесу.

Свита при ее возвращении испытала терпеливое облегчение, а она держалась почти вызывающе, словно что-то доказала себе самой, но все же, не сменив спортивного костюма, тут же исчезла в кабинете со своими двумя секретарями. Однажды она сказала Питеру: «С мужчинами мне работается лучше».

Приняв обжигающий душ, Питер надел широкие брюки, блейзер и шелковую рубашку с высоким воротником. Переодеваясь, он слышал стук телекса на первом этаже, а час спустя баронесса позвонила ему по внутреннему телефону.

Верхний этаж шале целиком был отдан в ее распоряжение. Когда Питер вошел, она стояла у окна и смотрела на огоньки на заснеженной долине.

На ней были заправленные в теплые мягкие сапожки зеленые брюки, превосходно гармонировавшие с цветом ее глаз. Когда он переступил порог, баронесса нажала скрытую кнопку. Опустилась портьера. Магда повернулась к нему.

– Хотите выпить, Питер? – спросила она.

– Нет, если мы собираемся поговорить.

– Собираемся, – решительно ответила она и указала на мягкое кожаное кресло у очага. Она устояла перед традиционным швейцарским стилем с обязательной кукушкой и узловатой сосной, и пол в кабинете закрывал толстый «уилтон»* под цвет занавесей; мебель была низкая и удобная, но современная, спортивная, гармонирующая со стенами и удачно сочетающаяся с абстрактными скульптурами и раскрашенного под мрамор дерева.

Неожиданно она улыбнулась.

– Я понятия не имела, что нашла для «Нармко» такого одаренного руководителя торгового отдела. То, чего вы достигли за такое короткое время, произвело на меня впечатление.

– Мне пришлось делать свое прикрытие убедительным, – не принял комплимент Питер. – К тому же я был солдатом, меня интересует оружие.

– Англичанин! – с притворным раздражением сказала баронесса. – Всегда такая скромность. – Она не села, но стала расхаживать по комнате; не останавливалась и в то же время не производила впечатления обеспокоенной. – Мне сообщили, что НАТО собирается принять на вооружение «кестрел» – и это после двух лет проволочек.

«Кестрел», пехотную передвижную ракетную установку класса «земля-земля», производила «Нармко».

– Мне сообщили также, что это решение было принято после вашей встречи с некоторыми прежними коллегами.

– Весь мир держится на старых друзьях, – усмехнулся Питер. – Вы это знаете.

– Вы старый друг иранцев? – Она наклонила голову.

– Ну, тут мне просто повезло. Пять лет назад я проходил стажировку вместе с нынешним военным советником иранского правительства.

– Повезло. – Она улыбнулась. – Странно, что везет обычно умным и работоспособным, тем, кто опережает свору.

– В других отношениях мне повезло меньше, – напомнил Питер, и ее лицо и глаза сразу стали серьезными, а он продолжал: – До сих пор мне не удалось установить никаких контактов с тем, о ком мы говорили на последней встрече...

---

* Шерстяной ковер с низким ворсом и восточным узором, производившийся в графстве Уилтон. – *Примеч. пер.*

Тогда они обсуждали возможность доступа к компьютерной памяти «Атласа», чтобы получить сведения о Калифе из центрального банка данных разведки. Конечно, если там содержались такие сведения.

– Как я уже объяснял, некоторая возможность доступа была – через человека, который у меня в долгу. Но он не смог мне помочь. Он считает, что если там и есть сведения о Калифе, доступ к ним блокирован, к тому же к базе подключена сторожевая программа. Это означает, что любой запрос этих сведений поднимает тревогу. Если мы сделаем это, «Атлас» тут же перейдет к «Дельте».

– Вы не назвали имя? – резко спросила Магда.

– Нет. Никаких имен, только общий разговор за обедом у «Брукса» – но имел я в виду именно его.

– Есть у вас еще какие-то подходы?..

– Мне кажется, да. Еще один, хотя это последний резерв, – сказал Питер. – Но может быть, сначала вы расскажете мне, что получили из своих источников?

– Мои источники... – Магда никогда не говорила о них конкретно, и Питер знал, что докапываться не стоит. В том, как она об этом вела речь, была своего рода окончательность. – Мои источники по большей части дают отрицательные ответы. Захват нидерландского посольства в Бонне не связан с Калифом. Оба захвата самолетов: китайского и «Транзитных авиалиний» – произведены любителями, о чем говорят и их методы и исход происшествий. – Она сухо улыбнулась, прошлась по комнате, подошла к коллажу Хандервассера, висящему на стене, и чисто женским жестом поправила раму. – Только один недавний теракт совершен в стиле Калифа.

– Принц Хасид Абдель Хаек? – спросил Питер, и баронесса повернулась к нему лицом, упираясь рукой в бедро; красные ногти четко выделялись на светло-зеленой ткани, бриллиант сверкал.

– Что вы об этом думаете? – спросила она.

Принц получил три пули двадцать второго калибра в затылок, он был застрелен во сне в своей квартире в Кембриджском кампусе. Девятнадцатилетний внук короля Саудовской Аравии Халида, причем не из числа любимых, молодой человек в очках, склонный к уединению и наукам, всегда остававшийся вне дворцовых интриг и политики. Никаких попыток похищения, никаких признаков борьбы или ограбления; у молодого принца не было ни явных врагов, ни близких друзей.

– Не видно никаких мотивов, – признался Питер. – Поэтому я и подумал о Калифе.

– Коварство Калифа... – Магда повернулась, выставив бедро, обтянутое эластичной зеленой тканью. На брюках ни одной складки, ягодицы женщины – совершенные полукружья, сквозь тонкий материал видна ложбинка между ними. Питер смотрел на ноги баронессы и думал, что они такие же длинные и стройные, как руки, такие же изящные, прекрасных пропорций.

– Если я скажу вам, что на прошлой неделе Саудовская Аравия ясно дала понять остальным членам ОПЕК, что не только не поддержит дальнейшее повышение цен на сырую нефть, но на следующем совещании организации будет настаивать на снижении мировой цены на пять процентов... – Питер медленно выпрямился в кресле, а Магда негромко продолжала: – ...если я вам скажу это, что вы подумаете?

– Что у короля есть другие – любимые – внуки, а также сыновья, братья, племянники...

– Всего семьсот, – согласилась баронесса и задумчиво продолжала: – А король Саудовской Аравии – араб. Вы знаете, что говорил Мухаммед о сыновьях и внуках. – Магда подошла к Питеру, и он почувствовал через разделявшее их пространство тепло ее тела, аромат ее духов, легко подчеркивающий сладкий запах зрелой женщины, тревожащий, но одновременно обостряющий чувства. – Возможно, королю Халиду вдобавок напомнили и о том, что он тоже смертен.

– Хорошо. – Питер шевельнул плечами и сосредоточенно нахмурился. – Что мы предполагаем? Калиф опять ударил по легкой цели? По человеку, в чьих руках экономика западного мира? По человеку, который лично принимает решения и не связан правительством?

– И поэтому особенно уязвим для терроризма. Он уже пытался умиротворить террористов. – Магда помолчала. – Прежняя истина остается верной: «Непрочно держится на плечах голова в короне». Халиду знаком страх перед ножом убийцы. Он поймет закон ножа, потому что сам всегда жил по нему.

– Дьявол, этим можно восхищаться. – Питер покачал головой. – Не нужно брать заложников. Не нужно обнаруживать себя. Убиваешь одного не очень значительного члена большой королевской семьи и обещаешь убивать других, каждый раз все более важных и близких к ее главе.

– Королевская семья живет открыто: всякий раз попадая в «Дорчестер», можно наткнуться в гостиной на одного из его сыновей или внуков, пьющих кофе. Они все легкая мишень, и их много. Можно убить двух или даже трех принцев, а мир втайне подумает: и поделом. Никто не станет оплакивать людей, взимающих дань со всей планеты.

Питер перестал хмуриться и сухо улыбнулся.

– Тут не только восхитишься, но и посочувствуешь. Тормоз на пути мировой инфляции, уменьшение разрушительного дисбаланса в торговле.

Выражение лица Магды стало свирепым, такого он у нее еще не видел.

– Это ловушка, Питер, – видеть только результат и пользоваться любыми средствами. Такую ловушку Калиф устроил, захватив «ноль семидесятый». Его требования совпадали с требованиями западных держав, и те оказали добавочное давление на жертву. Если мы правы и Калиф заставляет нефтяных диктаторов умерить свои аппетиты, на какую поддержку западных капиталистических держав он может теперь рассчитывать?

– Вы сами капиталистка, – заметил Питер. – Если Калиф добьется своего, вы тоже будете в выигрыше.

– Да, я капиталистка. Но прежде всего я человек, мыслящий человек. Неужели вы думаете, что, если Калиф добьется своего, мы больше о нем не услышим?

– Конечно, нет. – Питер примирительно развел руками. – Его требования будут возрастать... с каждым успехом он будет становиться все смелее.

– Я думаю, сейчас мы можем выпить, – мягко сказала Магда и отвернулась. При ее прикосновении черная ониксовая крышка кофейного стола скользнула в сторону, явив батарею бутылок и стаканов.

– Виски? – спросила она и налила солодового напитка в граненый хрустальный стакан. Когда она подала стакан Питеру, их пальцы соприкоснулись и он поразился тому, какая у нее прохладная и сухая кожа.

Налив в узкий высокий бокал белого вина, баронесса добавила «Перье». Бутылка отправилась в ведерко со льдом, и Питер увидел этикетку. «Монтраше» 1969-го года. Вероятно, лучшее белое вино в мире, и Питер должен был возразить против такого его осквернения.

– Александр Дюма сказал, что такое вино нужно пить, преклонив колени и почтительно склонив голову...

– Он забыл про минеральную воду, – со смехом ответила Магда. – И вообще, нельзя верить тому, кто нанимал других, чтобы они писали за него книги. – Она подняла свой бокал. – Я давно решила жить по собственным правилам. К дьяволу господ Дюма и Калифа.

– Выпьем за это? – спросил Питер, и они посмотрели друг на друга через край бокалов. Магда отставила бокал – уровень вина в нем не понизился – и подошла поправить букет оранжерейных тюльпанов в хрустальной вазе.

– Если мы правы, если это дело рук Калифа... это меняет мое представление о нем, – нарушил молчание Питер.

– Каким образом? – спросила баронесса, глядя на цветы.

– Калиф – арабское слово. Он нападает на руководителей арабского мира.

– Коварство Калифа. Может быть, имя выбрано сознательно, чтобы запутать преследователей... а может, он требует не только снижения цены на нефть... может, он требует от Халида большей поддержки палестинцев и других арабских экстремистов. Мы ведь не знаем, что еще нужно Калифу от Саудовской Аравии.

– И все же цены на нефть... Это требование ориентировано на Запад. Всегда считалось, что терроризм – оружие крайне левых, – заметил Питер, качая головой. – Похищение «ноль семидесятого», даже похищение вашего супруга – все это нацелено против капиталистического общества.

– Он похитил Аарона ради денег и убил его, чтобы скрыть свою личность. Нападение на Южно-Африканское правительство, нападение на нефтяной картель, выбор имени – все указывает на претензию стать Богом. – Магда вдруг гневно оборвала головку одного из тюльпанов и раздавила ее в кулаке. Уронила лепестки в глубокую ониксовую пепельницу. – Я чувствую себя ужасно беспомощной. Мне кажется, что мы бесцельно ходим кругами. – Магда подошла к Питеру; он стоял у задернутой портьеры. – Вы сказали, есть только один путь отыскать Калифа.

– Да, – кивнул Питер.

– Какой?

– У индийских шикари* есть старая уловка. Когда охотник долго не может выследить тигра, он привязывает в джунглях козу и ждет, когда тигр сам придет к ней.

– Козу?

– Мой знак зодиака – козерог, – улыбнулся Питер уголками губ.

---

* Туземный охотник. – *Примеч. пер.*

– Не понимаю.

– Если я распущу слух, что охочусь на Калифа... – Он снова улыбнулся. – Тот меня хорошо знает. Похитительница самолета сразу назвала мое имя. Ее предупредили обо мне. Думаю, Калиф отнесется ко мне серьезно и задумается о необходимости убрать меня.

Он увидел, как побледнели ее щеки, увидел внезапную тень в глубине глаз.

– Питер...

– Это единственный способ подобраться к нему.

– Питер... – Она положила руку ему на предплечье, но не смогла продолжить, только молча смотрела зелеными, мрачными, непостижимыми глазами. Страйд увидел, что на ее длинной грациозной шее, под самым ухом, бьется жилка. Губы баронессы раскрылись, словно она собиралась заговорить, губы прекрасной формы. Она коснулась их кончиком розового языка, отчего они стали влажными, мягкими и какими-то беззащитными, и снова сжала, по-прежнему молча. Но давление ее пальцев усилилось, и положение тела изменилось. Спина чуть изогнулась, нижняя часть тела качнулась к Питеру. Магда приподняла подбородок.

– Я была так одинока, – прошептала она. – Так одинока – и так долго. Я только сегодня поняла это... с вами.

Питер почувствовал, что задыхается, в висках болезненно пульсировала кровь.

– Я тоже не хочу больше быть одиноким.

Она распустила волосы, как оказалось очень густые и длинные: их волнующаяся искристая завеса ниспадала до талии.

Баронесса расчесала их на пробор; прямая тонкая белая линия разделила два больших черных крыла, и лицо в их обрамлении казалось бледным, детским, глаза – чересчур большими и беспомощными; когда она шла к лежащему Питеру, блестящие пряди скользили по парчовому халату.

Подол задевал за ковер, из-под него при каждом шаге выглядывали босые ступни, узкие и красивые, ногти на пальцах коротко острижены и покрыты бесцветным лаком. Рукава халата, широкие, как крылья летучей мыши, были на атласной подкладке, высокий воротник – в китайском стиле.

У постели она остановилась. Храбрость и самообладание, казалось, покинули ее, и, чуть сутулясь, она длинными узкими пальцами обхватила себя за плечи, словно защищаясь.

– Питер, наверное, я не очень хороша в этом, – раздался едва слышный хриплый шепот, губы ее дрожали. – А мне так хочется тебе понравиться.

Он молча протянул к ней руку ладонью вверх. Простыня закрывала его по пояс, оставляя обнаженными грудь и руки, покрытые легким загаром и поросшие темными волосами. Когда он протянул руку, мышцы напряглись, и она увидела, что ни на талии, ни на плечах и предплечьях у него ни грамма лишнего жира. Он казался стройным, подтянутым и закаленным, но в то же время осторожным и легким, и она не сразу ответила на его приглашение. Он был неотразимо привлекательным мужчиной.

Он откинул пуховое одеяло, открывая крахмальную отглаженную простыню.

– Иди сюда, – мягко приказал он.

Баронесса отвернулась и, стоя спиной к нему, расстегнула пуговицы парчового халата, сверху вниз.

Он соскользнул с плеч, но она удержала его локтями. Сквозь темные волосы светилась бледная гладкая кожа; казалось, баронесса собиралась с силами, как прыгун в воду перед погружением в неведомые глубины.

Наконец она позволила халату упасть, и он лег вокруг ее ног мелкой лужицей, пестрой, как павлинье перо.

Питер громко вздохнул, и она, мотнув головой на длинной лебединой шее, отбросила волосы за спину, и те повисли до пояса, заканчиваясь ровной линией; мраморная кожа круглых, аккуратных, безупречных ягодиц у него на глазах покрылась от волнения пупырышками, словно его взгляд физически ласкал ее, и она отвечала высоким накалом чувств. Питер почувствовал, как у него сжимается сердце. Ему захотелось броситься к ней, сжать в объятиях, но чутье предупредило: она сама должна сделать последний шаг, и он лежал неподвижно, опираясь на локоть, чувствуя, как желание разливается по всему телу.

Магда нагнулась за халатом, и на мгновение ноги ее стали по-детски неуклюжими, а ягодицы изменили форму. Они больше не были симметричными, но слегка разошлись, в кремовом углублении на мгновение показался единственный завиток волос, и свет окрасил его в красноватый цвет. Но она тут же выпрямилась, вновь стала стройной и гибкой и, бросив халат на низкий диван, повернулась к Питеру.

Он снова вздохнул, и непрерывность бытия разбилась на мозаику внешне как будто бы не связанных картин и ощущений.

Груди, маленькие, как у только что созревшей девочки, но соски отчетливо выделяются, они точно созревающие ягоды, цвета темно-красного вина, уже поднявшиеся и твердые, как камешки.

Бледная равнина ее тела с глубокой впадиной пупка, и в конце – темный пушистый холмик меж бедер, подобный зверьку, укрывающемуся от нападения сокола.

Ее лицо, прижатое к его груди, теплое дыхание, колеблющее волосы на его теле, почти болезненная хватка рук, которыми она отчаянно обняла его за пояс.

Вкус ее рта, когда губы раскрылись, движения языка, бархатистого сверху и скользкого и мягкого внизу, которые становятся все смелее.

Звук ее дыхания – глубинное мелодичное биение, повинующееся собственному ритму.

Запах ее дыхания, смешанный с мускусным женским запахом ее возбужденного тела и с апельсиновым ароматом духов.

И ощущение этого тела – его теплоты и мягкости, твердости тренированных мышц, скольжение длинных прядей по его лицу, резкий электрический шорох плотных завитков внизу, расступающихся и дающих доступ к немыслимому жару; погружение в такую глубину, где, казалось, кончаются реальность и разум.

А после – неподвижность полнейшего спокойствия, умиротворения, средоточие которого – она; это умиротворение исходит от нее и затекает в самые дальние уголки его души.

– Я знала, что мне одиноко, – прошептала она. – Но не сознавала насколько. – И она сжала его, словно больше никогда не собиралась отпускать.

* * *

Магда разбудила его в полной темноте за три часа до рассвета, и, когда они покидали шале, было еще по-прежнему темно. Фары едущего следом «мерседеса» с «волками» освещали их салон на каждом повороте горной дороги.

Во время полета из Цюриха Магда заняла в своем «Лире» кресло пилота и вела могучую машину без всякой рисовки, со спокойной уверенностью опытного летчика. Ее личный пилот, седой молчаливый француз, выполнявший сейчас обязанности второго пилота, очевидно, полностью доверял ее мастерству и наблюдал за ней с почти отцовской гордостью, когда она выбралась из контролируемого воздушного пространства цюрихского аэропорта и взяла курс на парижский Орли. После этого она включила автопилот и вернулась в главный салон. Она села в черное кожаное кресло рядом с Питером, но держалась так же, как в рейсе на Цюрих, – вежливо и сдержанно, и ему с трудом верилось в чудеса, которые они пережили прошлой ночью.

Перед ней сидели два секретаря в темных костюмах; во время работы она бегло говорила по-французски, с тем же легким акцентом, что и по-английски. После прихода в «Нармко» Питеру пришлось заново оценить собственный французский, но теперь он снова мог если не с блеском, то вполне уверенно обсуждать технические и финансовые вопросы. Один или два раза Магда спросила его мнение, взгляд ее оставался серьезным и отчужденным, она казалась безликой и деловитой, как компьютер, – и Питер понял, что они определенно не будут демонстрировать служащим свои новые отношения.

Но Магда тут же доказала ему, что он ошибается. Второй пилот сказал по громкой связи:

– Связь с Орли через четыре минуты, баронесса.

Она повернулась, легко и естественно поцеловала Питера в щеку и сказала – по-прежнему по-французски:

– Прости, дорогой. Я сама хочу посадить самолет. Нужно поддерживать форму.

Она посадила стройную быструю машину на полосу так гладко, словно намазала масло на горячий хлебец. Второй пилот заранее сообщил об их приближении, так что когда Магда отвела самолет в частный ангар, там уже ждали иммиграционный policier* в форме и douanier.**

Поднявшись на борт, они с уважением поздоровались с нею и бегло взглянули на ее красный дипломатический паспорт. Синий с золотом английский паспорт Питера они рассматривали немного дольше, и Магда с улыбкой сказала:

– Надо оформить тебе красную книжечку. С ней гораздо легче. – И, обращаясь к чиновникам, добавила: – Утро сегодня холодное, господа, – может быть, по рюмочке? – Рядом уже ждал стюард в белой куртке. Французы остались в самолете. Они сняли кепи, отстегнули пояса с пистолетами, удобно расположились в кожаных креслах и задумались над богатым выбором сигар и коньяков, которые предложил им стюард.

В ангаре ждали три машины – с шоферами и охраной. Питер скривил губы, увидев «мазерати».

---

* Полицейский (*фр.*). – *Примеч. пер.*

** Таможенник (*фр.*). – *Примеч. пер.*

– Я тебе говорил, чтобы ты не ездила в этой штуке, – мрачно сказал он. – Все равно что написать твое имя неоновыми буквами.

Они уже спорили об этом, когда Питер переформировывал охрану Магды, потому что серебристо-серая «мазерати», сверкающая металлическая стрела, была ее любимой машиной. Баронесса с коротким хрипловатым смешком прижалась к Питеру.

– Как приятно, что мной снова командует мужчина. Я чувствую себя женщиной.

– У меня есть другие способы дать тебе это почувствовать.

– Знаю, – согласилась она с озорной усмешкой в зеленых глазах. – И они мне нравятся даже больше, но только не сейчас – умоляю! Что подумает обо мне мой штат? – И серьезно сказала: – «Мазерати» поведешь ты, я заказала его для тебя. Пусть хоть ты им насладишься. И пожалуйста, вечером не опаздывай. Я специально освободила этот вечер для нас. Постарайся быть в «Ла Пьер Бенит» к восьми – очень прошу.

К тому времени как пришлось затормозить на въезде в Париж у Пон-Невиль, Питер уже привык к мощному мотору и резкому разгону «мазерати» и – баронесса угадала – наслаждался ездой. Даже в плотном потоке машин на улицах Парижа он умудрялся с помощью коробки скоростей втискиваться в малейший просвет, уверенный в скорости и мощи великолепного автомобиля и в его послушности водителю.

Он понял, за что Магда любила «мазерати», и, когда припарковал машину в подземном гараже на Елисейских полях, рядом с площадью Согласия, улыбнулся своему отражению в зеркале.

– Проклятый ковбой! – сказал он и взглянул на свой «Ролекс». До первой встречи оставался час, и Питер вдруг снял кобуру с «коброй» и запер в бардачке. И снова улыбнулся, подумав о том, как, вооруженный до зубов, входил бы в штаб Французских Военно-морских сил.

Когда он вышел на площадь Согласия, дождь прекратился, ветви каштанов на Елисейских полях обсыпали первые зеленые почки. Из автомата на станции метро «Площадь Согласия» он позвонил в английское посольство, две минуты поговорил с военным атташе и, когда повесил трубку, знал, что мяч, вероятно, уже в игре. Если Калиф настолько проник в систему «Атласа», что знал имя командира «Тора», очень скоро он узнает, что бывший командир идет по следу. Военный атташе английского посольства не только целовал ручки женщинам на дипломатических приемах, у него были и другие, более секретные дела.

Питер добрался до здания штаба флота на рю Руаяль за несколько минут до назначенного времени, но под развевающимся трехцветным флагом его уже ждал секретарь. Он помог Питеру миновать охрану и провел его на третий этаж, в помещение Комитета по вооружениям, откуда открывался туманный серый вид на Сену и позолоченные арки Пон-Неф. Два помощника Питера из «Нармко» уже ждали там, разложив содержимое своих дипломатов на полированном столе из каштана.

Французский флаг-капитан бывал в Брюсселе и в один незабываемый вечер в сопровождении Питера совершил волшебный обход борделей города. Теперь он встретил его галльскими возгласами радости и обращался к нему на ты – все это предвещало очень хороший результат встречи.

Ровно в полдень капитан перенес совещание напротив, в закрытый кабинет ресторана «Максим», в блаженной уверенности, что счет оплатит «Нармко», если компания действительно хочет продать ракеты «кестрел» французскому флоту.

Питеру потребовался весь его такт, чтобы не показать, что он почти не притрагивается к «Кло де вужо» и к «Реми мартен»; тем не менее он обнаружил, что ему все труднее следить за обсуждением, которое становится все более шумным. Его мысли занимали изумрудные глаза и маленькие свежие груди.

Из «Максима» они вернулись в здание Морского министерства, а позже снова потребовалось дипломатическое искусство, когда капитан пригладил усы и подмигнул Питеру.

– Есть очаровательный маленький клуб, очень близко, там к нам прекрасно отнесутся...

В шесть часов Питер наконец освободился от общества француза, заверив его в своей искренней дружбе и пообещав снова встретиться через десять дней. Час спустя после быстрого, но тщательного разбора достижений дня он оставил своих помощников в отеле «Морис». Все трое сошлись на том, что начало неплохое, но впереди еще длинная-длинная дорога.

Обратно Питер пошел по Риволи, и шел быстро. Несмотря на усталость, вызванную долгим днем, бесконечными переговорами и необходимостью быстро думать на чужом языке, несмотря на легкую боль в глазах от вина и коньяка, а также сигарного и сигаретного дыма, которым Питер дышал весь день, он испытывал острое волнение предвкушения, ведь его ждала Магда.

Остановившись на переходе в ожидании зеленого света, он увидел собственное отражение в стекле витрины. Он улыбался, не сознавая этого.

Ожидая своей очереди, чтобы заплатить за стоянку и влиться в поток уличного движения, Питер посмотрел в зеркало заднего обзора. Он приобрел эту привычку давно, когда у захваченного террориста обнаружил список приговоренных к смерти и свое имя в этом списке; с тех пор он привык оглядываться.

Он запомнил «ситроен» в двух машинах позади: у того была трещина на ветровом стекле, а на крыле царапина, в которой сверкал металл.

Ожидая на Елисейских полях, когда пройдут пешеходы, он снова увидел маленький черный «ситроен» – по-прежнему отделенный двумя машинами; Питер наклонил голову, пытаясь рассмотреть водителя, но «ситроен» включил фары, мешая ему, и тут загорелся зеленый свет и Питер поехал дальше.

На площади Звезды «ситроен» приотстал, но Питер снова увидел его в серых дождливых сумерках ранней осени, когда был на полпути к авеню де ла Гран Арми, потому что теперь уже искал его. «Ситроен» сразу же затерялся на боковой улице, и Питер забыл бы о нем, сосредоточившись на удовольствии вести «мазерати», но его охватило какое-то мрачное предчувствие, и, преодолев путаницу пригородных улиц и выбравшись на дорогу, ведущую к Версалю и Шартру, он обнаружил, что непрерывно меняет ряды и все время оглядывается.

Миновав Версаль и выехав на дорогу к Рамбуйе, он получил возможность просматривать ее на милю вдоль ровной линии деревьев позади и убедился, что других машин нет. Он успокоился и начал готовиться к последнему повороту, который выведет его к «Ла Пьер Бенит».

Впереди развертывал кольца гладкий черный питон дороги, потом начинался резкий подъем. Питер миновал его на скорости в 150 километров в час и тут же начал искусно действовать тормозом и сцеплением, борясь с искушением ускорить спуск из боязни рисковать на скользком неровном бетоне. Впереди показался жандарм в блестящем белом пластиковом плаще, влажном от дождя, он размахивал красным фонариком; виднелись красные предупредительные огни. В кювете лежал «пежо», его фары смотрели в небо. Дорогу перекрывал синий полицейский фургон, и в свете его фар виднелись два тела, аккуратно положенные рядом; все это затуманивала пелена дождя. Типичная картина дорожного происшествия.

Питер прекрасно умел управлять «мазерати». Он сбавил скорость, так что машина начала ползти, опустил боковое стекло. Мотор негромко взвыл, и в теплую машину ворвался порыв ледяного ветра. Жандарм фонариком просигналил ему, чтобы он проехал в узкую щель между живой изгородью и полицейской машиной, и в этот момент Питер краем глаза уловил неожиданное движение. Одно из тел, лежащих у дороги, шевельнулось. Спина слегка изогнулась, как у собирающегося сесть.

Питер увидел, что этот человек слегка поднял руку, чуть-чуть, но достаточно, что он держит за бедром какой-то предмет, и даже в дождь, в сумерках Питер узнал охладительный кожух с отверстиями, в котором помещается короткий ствол складного ручного пулемета.

Его мысли тотчас хлынули таким быстрым потоком, что происходящее вокруг показалось замедленной киносъемкой.

«Мазерати», – подумал он. – Они охотятся за Магдой».

Жандарм обошел «мазерати» со стороны водителя; правую руку он положил на рукоять пистолета.

Питер нажал на газ, и «мазерати» взревел, как бык, которому прострелили сердце. Задние колеса завертелись на влажной поверхности, и легким прикосновением Питер направил серебряную машину к жандарму. Она перерезала бы его надвое, но тот оказался слишком проворным. Он отпрыгнул к изгороди, и Питер увидел у него в руке пистолет, но жандарм был слишком занят, чтобы стрелять.

«Мазерати» боком задел изгородь, зашелестела листва, Питер убрал правую ногу с педали газа, справился с рассерженной машиной и повернул ее в сторону. Едва автомобиль выровнялся, Питер снова нажал на газ; «мазерати» взвыл. На этот раз от задних колес пошел синеватый резиновый дымок.

За рулем синего полицейского «комби» сидел водитель, он пытался полностью перекрыть дорогу, но не успел.

Две машины соприкоснулись со звоном и хрустом раздираемого металла, отчего у Питера заныли зубы. Однако беспокоило его другое: тел на обочине больше не было. Ближайший «покойник», опустившись на колено, разворачивал короткоствольный ручной пулемет – что-то вроде чешского «Скорпиона» или немецкого ВП-70, но этот человек пользовался складным прикладом и потратил несколько мгновений на то, чтобы поднести пулемет к плечу. К тому же он перекрывал линию огня второму, который скорчился за ним, тоже с ручным пулеметом, готовый к стрельбе. Питер узнал работу профессионалов, и мозг его заработал так быстро, что он даже успел восхититься.

«Мазерати» прорвался мимо полицейского «комби», Питер поднял правую ногу, чтобы уменьшить трение задних колес, и резко развернул руль вправо. Взвизгнули шины, «мазерати» повернулся и перескочил на левую полосу к двум людям на дороге. Питер пригнулся. Он сознательно свернул налево, чтобы прикрыться двигателем и кузовом.

И тут же услышал знакомый звук, словно великан рвал толстый брезент: стрельбу из автоматического оружия со скоростью без малого две тысячи выстрелов в минуту. Пули разорвали бок «мазерати», с оглушительным звоном ударяясь о металл; стекло разбилось и осыпало Питера блестящей пеной, как волна, гонимая бурей, ударяет о скалу. Осколки впивались Питеру в спину, жалили щеки и шею, алмазной тиарой сверкали в волосах.

Стрелявший в несколько секунд опустошил магазин, и Питер поднялся на сиденье, защищая глаза от осколков стекла. Он увидел впереди темную линию изгородей и вывернул руль, чтобы удержать «мазерати». Машина покачнулась, Питер мельком увидел двоих стрелков, барахтающихся в полном воды кювете, но в этот миг заднее колесо ударилось о бордюр, и Питера бросило на ремни безопасности с силой, которая выдавила воздух из легких. «Мазерати» встал на дыбы, точно жеребец, учуявший кобылу, и начал выписывать зигзаги на дороге, а Питер отчаянно вцепился в руль и ударил по тормозам, чтобы справиться с машиной. Должно быть, он описал полный круг, потому что перед ним мелькнули фары, бегущие и катящиеся фигуры и снова показалась открытая дорога. Он бросил машину вперед, одновременно взглянув в зеркало.

Питер увидел синие облака дыма и пара, валившего от покрышек его автомобиля, а сквозь них – фигуру второго стрелка, стоящего по пояс в кювете. Он держал ручной пулемет, у ствола расцвела яркая вспышка.

По «мазерати» ударила первая очередь, но Питер не мог пригнуться – впереди был поворот, он приближался с ошеломляющей скоростью – и в ожидании стиснул зубы.

Второй залп накрыл машину, простучал по металлической крыше, как град, и что-то рвануло тело.

«Зацепило!» – с уверенностью понял он: опыт по этой части у него имелся. В самый первый раз Питера ранило очень давно, когда он со своим патрулем попал в засаду на Кипре. Сейчас он спокойно оценил рану: он по-прежнему владел обеими руками и нормально видел и слышал. Либо рикошет, либо пуля потеряла убойную силу, пробивая заднее стекло и сиденье.

«Мазерати» аккуратно вписался в поворот, и только тогда Питер услышал перебои в двигателе. И сразу салон заполнил резкий запах бензина.

– Подача топлива, – сказал себе Питер, почувствовал теплый неприятный поток собственной крови на спине и боку и понял, что ранен в левое плечо. Если пуля проникла глубоко, она могла задеть легкое, и он прислушался, нет ли соленого вкуса во рту и не выбивается ли из груди воздушная пена.

Двигатель заглох, снова заработал, снова заглох, словно ему не хватало топлива. Первый залп, должно быть, начисто разнес систему подачи горючего, и Питер бесстрастно подумал, что в кино «мазерати» уже вспыхнул бы во всем великолепии пиротехники, как миниатюрный Везувий. Хотя в жизни ничего подобного не бывает, бензин тем не менее мог пролиться на клапаны и не только.

Последний взгляд назад перед тем, как поворот полностью скроет его: Питер увидел троих, бегущих к полицейскому фургону. Трое плюс водитель: дело плохо, они сразу погонятся за ним. Искалеченная машина сделала последний мужественный рывок, который пронес его еще пятьсот ярдов, и двигатель окончательно заглох.

Впереди в свете фар «мазерати» Питер видел белые ворота «Ла Пьер Бенит». Засаду устроили там, где почти не бывает постороннего транспорта, и в западню попал только серебряный «мазерати».

Питер быстро осмотрелся, вспоминая характер местности за главными воротами поместья. Он был здесь только раз, и тогда тоже было темно, но местность он фиксировал в памяти, как солдат, и помнил густой лес по обе стороны дороги вплоть до низкого моста через узкий быстрый ручей с крутыми берегами, левый поворот и подъем к дому. От ворот до дома полмили – долгий путь, когда ты ранен, а у тебя на хвосте четверо вооруженных преследователей. И никакой гарантии, что в доме безопасно.

«Мазерати» катился по пологому склону к воротам, постепенно останавливаясь. Запахло разогретым маслом и горящей резиной. Краска на капоте двигателя пошла пузырями и потемнела. Питер выключил зажигание, чтобы электрический насос больше не подавал горючее в горящий двигатель, и сунул руку под пиджак. Рана оказалась там, где он и предполагал: низко слева. Она начинала болеть, рука стала влажной и липкой от крови. Питер вытер ладонь о брюки.

За ним в ореоле дождя показались отраженные огни фар. Свет становился все ярче. Преследователи могли показаться из-за поворота в любой момент, и Питер открыл бардачок.

Он достал девятимиллиметровую «кобру» из кобуры и сунул за пояс. Слабое утешение: запасного магазина нет, а казенник пуст. Теперь Питер жалел о своей чрезмерной осмотрительности: у него оставались всего девять патронов – один лишний мог иметь сейчас огромное значение.

Из-под капота двигателя, найдя зазор, вырвались язычки пламени. Питер расстегнул ремень безопасности, открыл дверцу и свободной рукой направил машину к бордюру. За ним земля круто уходила вниз.

Питер вывернул руль в противоположную сторону, и резкая смена направления выбросила его из машины, а «мазерати» пошел к центру дороги и покатил дальше, постепенно останавливаясь.

Приземлившись, точно парашютист – колени сведены, ноги подогнуты, чтобы смягчить удар, – Питер покатился по земле. В плече вспыхнула боль, он почувствовал, как что-то рвется. Привскочив, Питер, пригибаясь, побежал к краю леса; горящий автомобиль озарил темные деревья оранжевым мерцающим светом.

Пальцы левой руки распухли и онемели; он ощутил это, вставляя магазин в «кобру», и в этот миг из-за поворота показались яркие фары и Питеру почудилось, что он на освещенной сцене «Палладиума».* Он упал на живот в мягкую, влажную от дождя траву (рана болела, под рубашкой текла кровь) и пополз к деревьям.

---

* Известный лондонский эстрадный театр. – *Примеч. пер.*

По дороге с ревом несся полицейский фургон. Питер распластался и прижался лицом к земле; она пахла прелыми листьями и грибами. Фургон пролетел мимо.

«Мазерати» остановился в трехстах ярдах ниже по дороге; два его колеса удержались на покрытии, а два съехали, он накренился и горел.

Фургон остановился поодаль – те, кто находились в нем, сознавали опасность взрыва; только жандарм в пластиковом плаще побежал вперед, бросил один взгляд на машину и что-то крикнул. Язык походил на французский, но огонь разгорелся и шумел, да и расстояние было слишком велико, чтобы расслышать ясно.

Фургон начал разворот, перевалил через бордюр и медленно поехал обратно. Две мнимые жертвы происшествия, по-прежнему с ручными пулеметами в руках, бежали перед ним, как псы на поводке, опустив головы и разглядывая обочины в поисках следов. Жандарм в белом плаще, стоя на подножке, время от времени подбадривал охотников.

Питер уже поднялся и, пригнувшись, бежал к лесу. С маху налетел на ограду из колючей проволоки. Тяжело упал. Ощутил, как стальные шипы разрывают ткань его брюк и, поднимаясь, с горечью подумал: «Сто сорок семь гиней».

Костюм был сшит на Сэвил-роу.* Питер перебрался через ограду и услышал позади крик. Преследователи напали на след. Когда он преодолевал последние ярды открытого пространства, послышался другой крик, торжествующий.

Питера выдал свет горящего «мазерати». Его заметили, и снова послышался треск очередей. Но для такого оружия – короткий ствол, малая скорость стрельбы – дальность была слишком велика. Питер услышал над собой словно шорох крыльев летучих мышей – это пролетали пули – и тут же добрался до первых деревьев и нырнул за них.

Дышал он тяжело, но ритмично и ровно, рана пока не очень мешала. Питера, как всегда в бою, охватила холодная ярость, от которой не теряют голову.

«До изгороди пятьдесят метров», – прикинул он. Это была одна из лучших его дистанций, международный стандарт для стрельбы из пистолета по круглой мишени диаметром 50 миллиметров, но судей здесь не было, и он взял пистолет обеими руками и позволил преследователям наткнуться на изгородь.

Двое, налетев на изгородь, упали, громко чертыхаясь явно по-французски, а когда поднялись, пламя, пожирающее «мазерати», прекрасно высветило их сзади. У «кобры» же, как известно, есть световодная мушка. Питер прицелился одному из пулеметчиков в живот.

Пуля ударила в тело с огромной силой. Звук был такой, словно кто-то стукнул бейсбольной битой по арбузу. Удар приподнял пулеметчика и отбросил его назад, Питер повернулся ко второй мишени... но он имел дело с профессионалами. Выстрел со стороны леса стал для них полной неожиданностью, но они отреагировали мгновенно и исчезли, прижались к земле. Цель пропала, а у Питера было слишком мало патронов, чтобы огнем удерживать противников на земле.

Один из них дал очередь. Полетели ветви, листья, кора деревьев. Питер дал предупредительный выстрел в ту сторону, где из ствола вылетало пламя, нырнул и, пригибаясь, чтобы не получить шальную пулю, побежал в глубь леса.

---

* Улица в Лондоне, на которой расположены ателье модных мужских портных. – *Примеч. пер.*

Изгородь и угроза обстрела должны были на две-три минуты задержать погоню, и Питер хотел, чтобы к тому времени между ними оказалась открытая местность.

Горящий «мазерати» служил отличным ориентиром. Питер быстро двигался в сторону реки; не успел он пройти и двух ярдов, как его зазнобило. Городской костюм промок на дожде и под водопадами, которыми Питера обдавал каждый куст. Туфли у него были легкие, из телячьей кожи, с кожаными же подошвами, а идти приходилось по лужам грязи и через мокрую высокую траву. Холод пробирался сквозь одежду, болезненно пульсировала рана; Питер ощутил первые приступы тошноты. Каждые пятьдесят ярдов он останавливался и прислушивался к звукам погони. Один раз от дороги долетел шум мотора. Вероятно, проехала машина, и только; интересно, что подумают о брошенном полицейском фургоне и горящем «мазерати»? Если даже сообщат в полицию – настоящую, – то, когда прибудет патруль, все уже закончится. И Питер отбросил мысль о том, что помощь придет с этой стороны.

Пять минут он лежал совершенно неподвижно, напрягая зрение и слух, и, держа «кобру» в вытянутых руках, ждал, готовый мгновенно откатиться вправо или влево.

Еще через десять минут ему вдруг пришло в голову: преследователи могли сообразить, что гонят не ту дичь. Им нужна была Магда Альтман, а теперь им, должно быть, стало ясно, что перед ними мужчина, вдобавок вооруженный. Он задумался, как они поведут себя. Почти несомненно уйдут. Возможно, уже ушли.

Разобрались, что перед ними не женщина, стоящая двадцати – тридцати миллионов выкупа, а один из ее работников, вероятно, вооруженный телохранитель, который оказался за рулем «мазерати» либо для отвода глаз, либо просто перегоняя его в имение.

«Да, – решил Питер, – они уйдут. Заберут своего раненого и исчезнут. – Он был уверен, что не дал им никаких намеков на то, кто он такой на самом деле. – Хорошо бы допросить одного из них, подумал он и поморщился от острой боли в плече».

Он ждал еще десять минут, неподвижный и настороженный, подавляя накатывавший приступами озноб, потом неслышно встал и пошел к реке. «Мазерати», должно быть, догорел, потому что небо было совершенно черным и, ориентируясь, приходилось полагаться только на чувство направления. И хотя Питер считал, что остался один, тем не менее через каждые пятьдесят ярдов он останавливался, чтобы прислушаться и оглядеться.

Наконец он услышал реку. Она шумела прямо перед ним, очень близко. Питер прибавил шагу и в темноте едва не свалился с берега. Там он немного посидел – плечо теперь болело немилосердно, а холод отнимал силы.

Особенно неприятной представлялась перспектива переправляться через речку вброд. Уже несколько дней непрерывно льет дождь, течение быстрое и мощное; вода, несомненно, ледяная и будет ему не по пояс, а скорее по плечи. Всего в нескольких сотнях ярдов ниже по течению должен был быть мост, и Питер встал и пошел по берегу.

Холод и боль не давали сосредоточиться, и Питеру приходилось прилагать большие усилия, чтобы оставаться начеку. При каждом шаге, прежде чем ступить, он ощупывал поверхность перед собой, «кобру» держал в вытянутой правой руке, чтобы не промедлить с выстрелом, и постоянно моргал, выгоняя из глаз капли дождя и холодный пот боли и страха.

Но предупредило его обоняние, острый запах турецкого табака. Этот запах ему никогда не нравился. Питер ощутил его мгновенно, хотя тот был очень слабым, и застыл на полушаге, пытаясь осмыслить неожиданность. Он почти убедил себя, что остался один.

Теперь он вспомнил шум мотора на дороге и понял, что люди, устроившие такую сложную засаду – поддельное дорожное происшествие, полицейский фургон, мундиры, – конечно, постараются заранее изучить район между засадой и тем местом, куда направляется жертва.

Они теперь лучше Питера знают расположение реки и моста и сразу поняли тщетность преследования по лесу в темноте. Умнее было проехать вперед и подождать, и они решили затаиться на берегу или на мосту.

Теперь Питера тревожила только их настойчивость. Сейчас они уже должны были знать, что перед ними не Магда Альтман... и вдруг, напряженно размышляя, он припомнил «ситроен», увязавшийся за ним от Елисейских полей. Ничего случайного тут не было, и Питер медленно завершил шаг, посередине которого замер.

Он стоял совершенно неподвижно, сгруппировавшись, приведя мышцы и нервы в боевую готовность, но вокруг было темно, а шум воды заглушал все звуки. Если замереть надолго, противник обязательно зашевелится, и Питер ждал, терпеливо, точно леопард в засаде, хотя холод пронизывал до костей, а по щекам и шее текли струи дождя.

И человек наконец выдал себя. Хлюпнула грязь, зашелестела об одежду ветка. Потом наступила тишина. Он был очень близко, футах в десяти, но их окутывала кромешная тьма, и Питер очень осторожно повернулся на звук. Старый фокус: выстрелить и при свете вспышки сразу же выстрелить вторично. Но их было трое, а очередь из ручного пулемета с десяти футов рвет пополам. Питер ждал.

И тут выше по течению снова послышался шум двигателя, слабый, но приближающийся. И сразу кто-то негромко свистнул: двойной восходящий сигнал в сторону моста, явно условный знак. Хлопнула дверца машины – гораздо ближе, чем шумел мотор, взвыл стартер, заработал другой двигатель, более мощный, за пеленой дождя зажглись фары, и Питер, моргая, уставился на высветившуюся перед ним картину.

В ста ярдах впереди через реку был переброшен мост. Между его опорами струилась вода – сверкающая, черная, как только что добытый уголь. У въезда на мост стоял синий фургон; вероятно, он поджидал Питера, но теперь отъезжал, по-видимому, вспугнутый шумом мотора машины, приближавшейся со стороны «Ла Пьер Бенит». Водитель гнал фургон обратно к главной дороге, фальшивый жандарм бежал рядом, пытаясь на ходу запрыгнуть в открытую дверцу, его плащ хлопал на ветру. Из темноты, совсем рядом с Питером, вдруг послышался тревожный возглас:

– Attendez!*

Третий не хотел оставаться и побежал вперед, уже не таясь. Питер видел его со спины: он бежал, отчаянно размахивая ручным пулеметом, хорошо освещенный фарами фургона, всего в десяти футах от Питера. Промахнуться было невозможно. Питер машинально поднял пистолет – и лишь перед тем, как нажать на курок и прострелить бегущему спину, сумел побороть искушение. Выстрел в спину, с такого расстояния – просто убийство? Питер дав-

* Подождите! (*фр.*) – *Примеч. пер.*

но избавился от подобных джентльменских рассуждений. От выстрела его удержала необходимость получить информацию. Следовало узнать, кто эти трое, кто их послал и за кем.

«Брошенный» оставил всякие попытки конспирации и бежал так, словно догонял автобус. Питер увидел возможность взять его. Они поменялись ролями, и теперь уже Питер бросился вперед, переложив «кобру» в раненую левую руку.

В четыре шага, пригибаясь, чтобы не попасть в поле периферического зрения, он догнал бегущего и хотел, обхватив его здоровой рукой за горло, провести полунельсон с поворотом, который лишил бы противника ориентировки, и только потом ударить его пистолетом по виску.

Однако этот человек оказался проворным, как кошка. Что-то предупредило его – может быть, хлюпанье промокших туфель Питера. Он пригнул подбородок к груди, ссутулил плечи и начал разворачиваться лицом к нападающему.

Питеру не удалось схватить «брошенного» за горло. Он ударил его локтем в зубы, но неожиданный разворот противника слегка выбил его из колеи. Имей Питер возможность свободно действовать левой рукой, он все же уложил бы противника на лопатки, но тут сразу понял, что потерял преимущество. Противник напряг шею, вырываясь, и Питер ощутил, что у него стальные мышцы.

Ствол у ручного пулемета короткий. Как только разворот будет завершен, его можно прижать к телу Питера, и очередь разрежет того на куски, точно пила.

Питер слегка изменил захват: больше не сопротивляясь повороту, он перенес всю свою тяжесть и силу здоровой руки в том же направлении. Противники развернулись, слаженно, как пара вальсирующих, но Питер знал – едва они оторвутся друг от друга, как «брошенный» снова получит смертельно опасное преимущество.

Единственный шанс – река, подсказало чутье, и, не дожидаясь, пока преимущество перейдет к противнику, Питер, не выпуская головы «брошенного», метнулся в сторону.

Они полетели в темноту, Питер – первым. Он подумал, что, если внизу камни, он будет раздавлен весом противника.

Они упали в быструю черную воду, леденящий холод оглушил, как дубиной, и у Питера невольно захватило дух.

Шок, вызванный погружением в холодную воду, как будто бы на миг привел его противника в оцепенение. Было слышно, как у того из легких вырывается воздух. Питер сменил хватку, просунув локоть ему под подбородок, но схватить за горло все же не сумел – противник отчаянно забился, как человек, который с пустыми легкими оказался под поверхностью ледяной воды. Оружие он выронил и теперь рвал лицо Питера обеими руками, а вода несла их обоих к мосту.

Питер не давал ему вдохнуть; удерживая в легких драгоценный воздух, он старался остаться сверху.

Пальцы впились ему сперва в закрытые глаза, потом в губы: противник отчаянно пытался выбраться наверх. Питер приоткрыл рот, и человек глубже просунул пальцы, пытаясь вырвать язык. Питер мгновенно сжал зубы с такой силой, что заболела челюсть, и его рот наполнился тошнотворной теплой кровью.

Борясь с отвращением, он продолжал сжимать зубы и руки. Свое оружие он тоже потерял, выронил из онемевших пальцев в темную воду, а противник бился исступленно,

точно дикий зверь; всякий раз, как он пытался вырвать руку изо рта, с треском рвалась плоть, и Питер давился свежей кровью.

Они вынырнули на поверхность. Питер смутно различил над собой мост. Синий фургон исчез, зато посреди моста стоял мерседес Магды Альтман, и в свете его фар он узнал двоих телохранителей. Они перегнулись через перила, Питер с ужасом подумал, что кто-нибудь из них может выстрелить – и тут их с «брошенным» ударило об опору моста с такой силой, что они оторвались друг от друга.

Водоворот понес их к берегу. Тяжело дыша, борясь с изнурением, холодом и болью, Питер пытался нащупать дно. Пулеметчик уже сделал это и шатаясь брел к берегу. При свете фар лимузина Питер увидел, как телохранители бегут по мосту, чтобы перехватить его.

Питер понял, что этот человек раньше его доберется до берега.

– Карл! – крикнул он телохранителю, бежавшему первым. – Задержи его! Не дай ему уйти!

Телохранитель перемахнул через перила и приземлился по-кошачьи ловко, держа пистолет обеими руками.

Перед ним пулеметчик уже выбрался из воды по пояс. И только тут Питер осознал, что происходит.

– Нет! – Он подавился кровью и водой. – Возьми его живым! Не убивай его, Карл!

Телохранитель не услышал или не понял. Выстрел соединил его и бредущую по воде фигуру кроваво-оранжевой полосой пламени. Пули ударили пулеметчика в грудь и живот, и он упал как подкошенный.

– Нет! – беспомощно кричал Питер. – О Боже, нет! Нет!

Он бросился вперед и перехватил тело, прежде чем оно погрузилось в воду. Вытащил за руку на берег. Телохранитель принял тело и понес наверх. Голова мертвеца болталась, кровь в свете фар стала бледно-розовой.

Питер трижды пытался взобраться на берег, но каждый раз соскальзывал в воду. Потом Карл спустился и подал ему руку.

На берегу Питер согнулся, давясь водой и проглоченной кровью, и его вырвало.

– Питер! – послышался встревоженный голос Магды. Он поднял голову и вытер рот тыльной стороной ладони. Баронесса выбралась из задней двери лимузина и бежала по мосту, длинноногая, в высоких черных ботинках и лыжных брюках. Лицо у нее было мертвенно-белое, в глазах тревога.

Питер с трудом выпрямился и пошатнулся, как пьяный. Она подхватила его и удержала на ногах.

– Питер, о Боже, дорогой! Что случилось?..

– Этот красавец и горстка его друзей хотели пригласить тебя на прогулку, но ошиблись адресом.

Они посмотрели на труп. Карл стрелял из «Магнума .357», и рана была страшная. Марта отвернулась.

– Отличная работа, – с горечью сказал Питер телохранителю. – Теперь он уже ни на какие вопросы не ответит.

– Вы приказали остановить его, – проворчал Карл, пряча пистолет в кобуру.

– Интересно, что бы вы сделали, если бы я велел его убить. – Питер с отвращением отвернулся, но боль остановила его. Он охнул.

– Ты ранен. – Магда снова встревожилась. – Возьмите его за другую руку, – приказала она Карлу, и они помогли Питеру перебраться через парапет к лимузину.

Питер снял изорванную одежду, и Магда, осмотрев в освещенном салоне его рану, закутала Питера в шерстяной ангорский плед.

Пуля оставила небольшое посиневшее отверстие и застряла между ребрами и твердой плоской трапециевидной мышцей. Ее было хорошо видно – с крупный желудь, раздувшийся и пурпурный.

– Слава Богу... – прошептала баронесса, сняла с шеи шарф от Жана Пату и осторожно перевязала рану. – Мы сейчас же отвезем тебя в Версаль, в больницу. Поезжайте быстрей, Карл.

Она открыла бар с крышкой из каштана и налила полбокала виски из хрустального графина.

Виски смыл вкус крови, от него стало теплее внутри, перестало сводить живот.

– Зачем ты приехала? – спросил он севшим от крепкого виски голосом. Такое своевременное ее появление показалось ему странным.

– Полиции в Рамбуйе сообщили о дорожном происшествии. Там знают мой «мазерати», и инспектор сразу позвонил в «Ла Пьер Бенит». Я заподозрила неладное...

Они уже добрались до ворот и выезда на главную дорогу. Сбоку лежали обгорелые останки «мазерати», вокруг, как бойскауты у костра, расположились с десяток жандармов в белых пластиковых плащах и кепи. Они как будто не знали, что им делать дальше.

Карл остановил лимузин, и Магда через окно поговорила с сержантом, который обращался с ней с огромным почтением.

– Oui, Madam la Baronne, d'accord. Tout a fait vrai...*

Она кивком отпустила его, и жандармы откозыряли проезжающему лимуз..ну.

– Они заберут тело у моста...

– Еще одно могут найти на краю леса...

– Ты очень хорош, верно? – Она искоса взглянула на Питера.

– Тех, кто по-настоящему хорош, не ранят, – ответил он и улыбнулся. Виски смягчил боль, снял напряжение. Хорошо быть живым, он снова начинал ценить это.

– Ты был прав насчет «мазерати», его ждали.

– Поэтому я и сжег его, – сказал он, но Магда не ответила на его улыбку.

– Ох, Питер. Тебе никогда не понять, что я почувствовала. Полиция сказала, что водитель «мазерати» сгорел. Я подумала... мне показалось, что какая-то часть меня умерла. Ужасное чувство... – Она вздрогнула. – Я почти решила не ездить, не хотела смотреть. Чуть не отправила своих «волков»... но мне нужно было знать... Когда мы свернули на мост, Карл увидел тебя в реке. Он сказал, что это ты, но я не могла поверить... – Она замолчала и вздрогнула. – Расскажи, что случилось, расскажи все, – попросила она и налила в бокал еще виски.

---

* Да, госпожа баронесса, хорошо. Совершенно верно... (*фр.*) – *Примеч. пер.*

По какой-то причине – Питер сам не понимал почему – он не упомянул про «ситроен», который вел его от Парижа. Он повторял себе, что, возможно, это чистая случайность. Наверняка совпадение. Ведь шофер «ситроена» мог позвонить и предупредить, что в «мазерати» не баронесса Магда Альтман; в противном случае это означало, что охотились не на нее, а на него, Питера Страйда... но это глупость, ведь он только сегодня утром решил стать приманкой и у них не было времени. Он остановил головокружительную карусель мыслей. «Шок и виски, – сказал он себе. – Нужно верить, что они охотились на Магду, а я просто попал в их сети». Так он и доложил баронессе, начав с того момента, как увидел полицейский фургон, стоящий на дороге. Магда слушала очень внимательно, не отрывая взгляда от его лица, и все время притрагивалась к нему, словно стараясь убедиться в его присутствии.

Когда Карл остановился у входа в больницу, санитары с каталкой уже ждали: их предупредила полиция.

Прежде чем открыть дверцу машины, Магда наклонилась и поцеловала Питера в губы.

– Я так рада, что ты есть у меня, – прошептала она и потом, когда ее губы были совсем рядом с его ухом, добавила: – Это ведь снова Калиф?

Питер слегка пожал плечами, сморщился от боли и ответил:

– Не могу с ходу назвать никого другого, кто выполнял бы работу так профессионально.

Магда шла рядом с каталкой до самой операционной и сидела у его постели, когда он боролся с удушливой ложной смертью наркоза.

С ней был врач-француз, он жестом фокусника предъявил ужасный окровавленный сувенир.

– Даже вырезать не пришлось, – с гордостью сказал он Питеру. – Вытащил зондом. – Пуля сплющилась: пробивая кузов «мазерати», она почти потеряла скорость. – Вы счастливчик, – продолжал врач. – Вы в отличной форме, мышцы как у беговой лошади, они не дали пуле пройти глубже. Скоро вы совсем поправитесь.

– Я пообещала присматривать за тобой, и он разрешил забрать тебя домой, – склонилась к нему Магда. – Правда, доктор?

– У вас будет самая прекрасная в мире сиделка. – Врач, чуть опечаленный, галантно повернулся к Магде.

Врач оказался прав: пулевое ранение причиняло меньше беспокойств, чем царапины от шипов колючей проволоки, но Магда Альтман вела себя так, словно Питер страдал от неизлечимой смертельной болезни.

Когда на следующий день ей пришлось отправиться в офис на бульвар Капуцинов, она трижды звонила оттуда, чтобы убедиться, что он жив, и узнать размер его одежды и обуви. Вереница автомобилей вернула Магду со свитой в «Ла Пьер Бенит» еще засветло.

– Ты работаешь, как государственный служащий, – упрекнул ее Питер, когда баронесса прошла прямо к нему, в комнаты для гостей, выходящие на расположенные террасами лужайки и искусственное озеро.

– Я знала, что тебе меня не хватает. – Она поцеловала его и только потом взялась отчитывать: – Роберто говорит, ты выходил под дождь. Врач велел тебе лежать! Завтра я останусь дома и сама буду за тобой присматривать.

– Это угроза? – улыбнулся он. – Ради такого наказания я готов позволить Калифу проделать во мне еще одну дыру...

Она быстро прижала пальцы к его губам.

– Питер, cheri, не шути так. – В ее глазах мелькнул страх, но она тут же улыбнулась. – Смотри, что я тебе купила.

Чемодан Питера остался в багажнике «мазерати», и взамен она купила ему чемодан из крокодиловой кожи у «Эрме». Чтобы заполнить его, ей, по-видимому, пришлось начать на Сент-Оноре и спуститься до самой Вандомской площади.

– Я забыла, как приятно покупать подарки для того, кого... – Она не закончила фразу и показала шелковую ночную пижаму. – Когда я выбрала это, у Сен-Лорана все поняли, о чем я думаю.

Она ничего не забыла. Бритвенный прибор, шелковые носовые платки, белье, синий блейзер, брюки и обувь от Гуччи, даже золотые запонки с маленьким сапфиром в каждой.

– У тебя такие синие глаза, – объяснила она. – Теперь я пойду и постараюсь достойно подготовиться к обеду. Я сказала Роберто, что мы пообедаем здесь, потому что сегодня никаких гостей не будет.

Она сменила деловой костюм стального цвета на плывущие облака тонкого шелка, распустила волосы до пояса.

– Шампанское открою я, – сказала она. – Для этого нужны две руки.

Питер – левая рука на перевязи – надел пижаму. Они залюбовались друг другом, глядя поверх бокалов с шампанским.

– Я не ошиблась, – довольно кивнула баронесса. – Твой цвет синий. Тебе нужно чаще надевать синее. – Он улыбнулся этому замысловатому комплименту, и их бокалы соприкоснулись. Хрусталь мелодично звякнул; они подняли бокалы, выпили. Баронесса сразу отставила бокал в сторону, и лицо ее стало серьезным.

– Я разговаривала со своими друзьями из «Сюрте».* Они тоже считают, что это была попытка похитить меня, но по моей просьбе не будут тревожить тебя вопросами, пока ты не поправишься. Завтра они пришлют к тебе человека. Никаких следов второго, в которого ты стрелял на краю леса, не нашли; должно быть, он ушел или его унесли товарищи.

– А другой? – спросил Питер. – Мертвый?

– Они его хорошо знают. У него отвратительное прошлое. Алжир и парашютисты. Мятеж. – Она красноречиво развела руками. – Мои друзья очень удивились, что он не убил тебя, хотя пытался это сделать. Я не рассказывала им о твоем прошлом. Думаю, так лучше.

– Лучше, – согласился Питер.

– Когда я с тобой, я забываю, что ты тоже очень опасный человек. – Она замолчала и внимательно посмотрела на него. – Или именно поэтому я нахожу тебя таким... – она поискала подходящее слово, – ...таким неотразимым? У тебя такие приятные манеры, Питер.

---

* «Сюрте Женераль» – французская разведывательная служба. – *Примеч. пер.*

Такой мягкий голос и... – Она пожала плечами. – Но иногда, когда ты улыбаешься, глаза у тебя становятся жесткими и жестокими. И тогда я вспоминаю, что ты убил много людей. Может, это привлекает меня в тебе?

– Надеюсь, нет.

– Некоторых женщин возбуждает кровь и насилие – бой быков, боксерские матчи; женщин на них всегда не меньше, чем мужчин, и я наблюдала за их лицами. Я думала о себе, но по-прежнему не знаю. Знаю только, что меня привлекают сильные, властные мужчины. Аарон был таким человеком. С тех пор я таких не встречала.

– Жестокость – это не сила, – сказал Питер.

– Конечно, по-настоящему сильный человек всегда мягок и способен сочувствовать. Ты очень силен, но, когда любишь меня – очень нежен, хотя я всегда чувствую твою силу и жесткость, которые ты сдерживаешь, как сокола под клобучком.

Она прошлась по комнате, выдержанной в кремовых, шоколадных и золотых тонах, и потянула за шнур звонка, свисавший с карниза под потолком. На потолке были нарисованы пасторальные сцены, которыми так восхищалась Мария-Антуанетта. Питер знал, что большая часть обстановки «Ла Пьер Бенит» куплена на аукционах, где распродавались сокровища дома Бурбонов. Были в комнате и цветы. Везде, где появлялась Магда Альтман, появлялись цветы.

Появился Роберто, итальянец дворецкий, с тележкой, уставленной блюдами. Роберто сам разлил вино. Он брал бутылки руками в белых перчатках и обращался с ними, как со священной реликвией на каком-то тайном обряде. Он стоял, готовый прислуживать, но Магда коротким жестом отослала его. Он молча поклонился и вышел.

Возле прибора Питера лежал подарочный пакет в тисненой бумаге, тщательно перевязанный красной лентой. Когда Магда разливала суп в хрупкие лиможские тарелки, Питер вопросительно взглянул на него.

– Начав покупать подарки, я не могла остановиться, – объяснила она. – К тому же я все время помнила, что пуля могла бы угодить в меня. – И нетерпеливо спросила: – Откроешь?

Он осторожно раскрыл пакет и замолчал.

– Африка – это ведь твоя тема, верно? – с беспокойством спросила она. – Африка девятнадцатого столетия?

Он кивнул и с трепетом раскрыл толстый том. Переплет красной кожи, состояние отличное, только дарственная надпись на форзаце, сделанная автором, чуть поблекла.

– Где ты ее нашла? – спросил он. – Эту книгу продавали на Сотби в семьдесят первом. Я участвовал в аукционе. – И отказался от торгов, когда цена перевалила за пять тысяч фунтов.

– У тебя ведь нет первого издания Корнуэлла Харриса? – с беспокойством спросила баронесса, и он покачал головой, рассматривая превосходно сохранившие цвет старые гравюры с изображением крупных африканских животных.

– Нет. Но откуда ты знаешь?

– О, я знаю о тебе не меньше, чем ты сам, – рассмеялась она. – Нравится?

– Великолепно. У меня нет слов.

Подарок был чересчур дорогой даже для такой богатой женщины. Это обеспокоило Питера, ему вспомнилась комедийная ситуация: муж неожиданно приносит домой цветы, и жена тут же начинает обвинять его: «Замучили угрызения совести?»

– Тебе правда понравилось? Я так мало знаю о книгах.

– Это единственное издание, которого мне не хватало для завершения собрания, – ответил он. – И вероятно, лучший экземпляр, кроме того, что в Британском музее.

– Я рада. – Магда испытывала явное облегчение. – Я очень беспокоилась. – Она положила серебряную ложку и подняла обе руки, встречая его объятие.

За едой она была весела и разговорчива, и, только когда Роберто увез тележку и они сели на низкий диван у камина, настроение ее вновь изменилось.

– Питер, сегодня я ни о чем не могла думать, кроме этого дела: ты, я и Калиф. Я боялась и сейчас тоже боюсь. Я думала об Аароне, о том, что с ним сделали... потом о тебе и о том, что чуть не случилось.

Они помолчали, глядя в огонь и прихлебывая кофе из маленьких чашечек, и баронесса вдруг снова сменила тему. Питер уже начинал привыкать к быстрым изменениям в ходе ее мыслей.

– У меня есть остров – даже не один, а девять маленьких островков, и среди них лагуна девять километров шириной. Вода такая чистая, что видно рыбу на глубине в пятьдесят футов. На главном атолле посадочная полоса. Всего два часа лету от Таити. Никто не будет знать, что мы там. Мы весь день станем плавать, бродить по песку, любить друг друга под звездами. Ты будешь королем островов, а я – твоей королевой. Больше никаких «Альтман Индастриз»... я найду человека, который меня заменит. Никакой опасности. Никакого страха. Больше не будет Калифа... не будет... – Она неожиданно замолчала, как будто не могла продолжать, но потом снова быстро заговорила: – Уедем туда, Питер. Забудем обо всем. Давай убежим и будем счастливы вместе, всегда.

– Мечтать приятно. – Он повернулся к ней, испытывая глубокое и искреннее сожаление.

– У нас получится. Получится.

Питер ничего не ответил, только смотрел ей в глаза, пока она не отвернулась и не вздохнула.

– Нет. – Сожаление ее было таким же искренним. – Ты прав. Никто из нас не сможет жить так. Нужно продолжать... Но, Питер, я ужасно боюсь. Боюсь того, что знаю о тебе и чего не знаю. Боюсь того, чего ты не знаешь обо мне, и того, что я тебе никогда не смогу сказать... Но останавливаться нельзя. Ты прав. Нужно найти Калифа и уничтожить. Но, Господи, я молюсь, чтобы при этом мы не уничтожили себя, не уничтожили то, что обрели... пусть это сохранится, останется нетронутым.

– Чтобы справиться с эмоциональной катастрофой, нужно поговорить о ней.

– Хорошо, поиграем в головоломки. Чур, я первая. Каково самое страшное испытание для женщины, по-твоему?

– Сдаюсь.

– Спать одной в зимнюю ночь.

– Спасение рядом, – пообещал он.

– Но как же твое плечо?

– Я уверен, соединив свою ловкость и разум, мы как-нибудь справимся.

– Пожалуй, ты прав, – мурлыкнула она и пристроилась рядом с ним, как шелковистая кошка. – Как всегда.

* * *

Покупка белья для красивой женщины всегда вызывает упоительное ощущение порочности. Питера забавлял понимающий вид продавщицы средних лет. Очевидно, у нее было свое представление об их отношениях. Она лукаво принесла поднос, полный кружев и невероятно дорогих кусочков шелка.

– Да, – восторженно одобрила Мелисса-Джейн. – То, что надо... – Она прижала к щеке одну из вещиц, и продавщица возгордилась своей догадливостью. Питеру не хотелось разубеждать ее. Он решил еще немного поиграть в богатого пожилого поклонника и посмотрел в зеркало за продавщицей.

Хвост по-прежнему был на месте – в глубине зала неприметная фигура в сером пальто с интересом знатока рылась в груде бюстгальтеров.

– Мне кажется, мама этого не одобрит, дорогая, – сказал он наконец, и продавщица удивленно посмотрела на него.

– Ну пожалуйста, папочка. Мне через месяц четырнадцать.

Хвост появился, когда он накануне днем прилетел в Хитроу, и Питер не мог понять, кто это. И уже пожалел, что не нашел замену утопленной в реке «кобре».

– Давай будем благоразумны, – сказал Питер дочери, и Мелисса-Джейн с продавщицей удрученно воззрились на него.

– А трусики? – заныла Мелисса-Джейн. – А эластичные чулки?

– Давай договоримся, – предложил Питер. – Чулки купим, но никаких кружев – исполнится шестнадцать, вот тогда... А пока достаточно накрашенных ногтей.

– Папа, это средневековье какое-то, честное слово!

Он снова посмотрел в зеркало: хвост сменился. Человек в потрепанном сером пальто и шерстяном шарфе отошел и исчез в одном из лифтов. «Потребуется некоторое время, чтобы обнаружить замену, – подумал Питер и тут же улыбнулся про себя. – Не потребуется. Вот он, в спортивном твидовом пиджаке, в брюках спортивного покроя и с улыбкой дружелюбно настроенной жабы».

– Сукин сын. Вот так сюрприз! – Он подошел к Питеру сзади и хлопнул по спине, да так, что тот вздрогнул. Теперь Питер по крайней мере узнал, откуда хвосты.

– Колин! – Он обернулся и пожал большую руку, поросшую черными волосками. – Да уж, сюрприз. Со вчерашнего дня чую твоих горилл.

– Ослы, – мирно согласился Колин Нобл. – Все ослы! – И подхватил Мелиссу-Джейн. – Красотка! – сказал он ей и поцеловал вовсе не как дядюшка.

– Дядя Колин, вас послало небо. – Мелисса-Джейн вырвалась из его объятий и продемонстрировала прозрачные штанишки. – Что вы о них думаете?

– Как раз то, что тебе нужно, милая. Бери.

– Скажите папе!

Колин осмотрел номер в «Дорчестере» и хмыкнул.

– Вот это настоящая жизнь. В армии такого никогда не получишь.

– Папочка стал настоящим разжиревшим плутократом, совсем как дядя Стивен, – согласилась Мелисса-Джейн.

– Я заметил, что и ты, и Ванесса, и все ваши подружки носите кружевные трусики, – парировал Питер.

– Это совсем другое дело, – быстро отступила Мелисса-Джейн, прижимая к себе зеленый пакет из «Хэрродс».* – Знаешь, можно быть сознательной гражданкой и не одеваться, как деревенщина.

– Ну ладно. – Питер бросил пальто на диван и подошел к бару. – Бурбон?

– Со льдом, – сказал Колин.

– А есть сладкий херес? – спросила Мелисса-Джейн.

– Есть кока-кола, – ответил Питер. – И извольте унести ее в свою комнату, барышня.

– Ну, па-апочка, я так давно не видела дядю Колина.

– Брысь! – сказал Питер, и, когда дочь ушла, добавил: – Сладкий херес, подумать только!

– Они те еще гаденыши, когда подрастут, – сказал Колин, – и выглядят соответственно. – Он взял у Питера стакан и поболтал кубики льда. – Не хочешь поздравить меня?

– С удовольствием. – Питер взял свой стакан и встал у окна, глядя на голые ветви и серый туман Гайд-парка. – А с чем?

– Послушай, Пит! «Тор»... мне отдали твое место... когда ты ушел.

– Когда меня ушли.

– Когда ты ушел, – твердо повторил Колин. Он отхлебнул виски и громко проглотил. – Мы многого не понимаем. «Не наше дело спрашивать почему, наше дело – действовать и умирать». Шекспир.

Он по-прежнему прикидывался шутом, но маленькие глазки были холодно-расчетливы и блестящи, как у нового игрушечного медведя в рождественское утро. Колин взмахнул стаканом, указывая на номер.

– Здорово! Действительно здорово! Ты зря тратил время в «Торе», все это знали. Теперь, наверно, получаешь больше, чем наши начальники штабов все вместе.

– Семь против пяти, что ты видел ксерокопию моего контракта с «Нармко»**.

– «Нармко»! – Колин свистнул. – Вот на кого ты работаешь? Не шутишь, Питер, приятель? Здорово!

Питеру пришлось рассмеяться – форма капитуляции. Он сел напротив Колина.

– Кто тебя послал, Колин?

– Что за глупый вопрос...

– Только для начала.

– Зачем кому-то посылать меня? Неужели нельзя просто поболтать со старым приятелем?

– Он послал тебя, потому что боится, что другому я могу сломать челюсть.

– Конечно, все знают, что мы по-братски любим друг друга.

– Так что ты мне должен передать, Колин?

---

* Один из самых дорогих и модных универсальных магазинов Лондона. – *Примеч. пер.*

** «Narmco» – сокращение от «Nothern Armaments Company». – *Примеч. пер.*

– Поздравления, малыш. Я пришел сказать тебе, что ты заработал билет в Большое Яблоко.* – Он прижал руку к сердцу и удивительно приятным баритоном запел: – Нью-Йорк, Нью-Йорк, какой замечательный город.

Питер спокойно смотрел на Колина, но при этом напряженно размышлял. Он знал, что лететь придется. Сквозь мутную воду что-то начинало просвечивать, головоломка начинала складываться. Именно на это он рассчитывал, насаживая на свой крючок приманку.

– Когда?

– В Кройдоне ждет военный самолет.

– А Мелисса-Джейн?

– У меня внизу шофер, он отвезет ее домой.

– Она тебя возненавидит.

– Такова моя жизнь, – вздохнул Колин. – Меня любят только собаки.

На всем пути через Атлантику играли в кункен** и пили крепкий черный кофе. Говорил в основном Колин Нобл – не выпуская изо рта сигары, он болтал о делах, о «Торе» (тренировки, рассказы об отдельных людях, небольшие анекдоты, все то, что они оба хорошо знали) и не делал никаких попыток расспрашивать Питера о его работе и о «Нармко», сказал только, что обратно в Лондон Питера доставят к началу встреч, организованных «Нармко» и намеченных на понедельник. Это был сознательный и не слишком завуалированный намек на то, что «Атласу» все известно о Питере и его деятельности.

Приземлились они в аэропорту Кеннеди вскоре после полудня. Их ждал военный шофер, который отвез их в местный «Говард Джонсон»,*** а потом в мотель.

После шести часов сна, больше похожего на глубокую черную кому, вызванную разницей во времени, у Питера кололо в глазах и пухла голова. Он с удивлением следил, как Колин поглощает гигантский американский завтрак: вафли, кленовый сироп, копченые сосиски, яичница с беконом, сдобное печенье и булочки. Все это он запивал галлонами фруктового сока и кофе. Затем закурил свою первую сигару и провозгласил:

– Ну, теперь я наконец дома. Только сейчас понял, что два года медленно умирал от недоедания.

У выхода из мотеля их ждал все тот же армейский шофер. Кадиллак указывал на их положение в военной иерархии. Питер отчужденно смотрел из снабженного кондиционером обитого кожей салона на проплывающие мимо мрачные гетто Гарлема. С высокого скоростного шоссе вдоль Ист-Ривер район напоминал Питеру покинутое поле боя, где немногие уцелевшие прячутся в темных подъездах или в холодное туманное утро бродят по замусоренным тротуарам. Только граффити на голых кирпичных стенах были полны страсти и живости.

Машина добралась до пересечения Пятой и Сто Одиннадцатой улиц и двинулась на юг, в парк, мимо музея Метрополитен, и свернула в подобную пещере пасть гаража под одним из огромных зданий, которое, казалось, касается серого холодного неба.

---

* Жаргонное название Нью-Йорка. – *Примеч. пер.*

** Карточная игра. – *Примеч. пер.*

*** Известная американская фирма, владеющая кафетериями во многих городах. – *Примеч. пер.*

При входе в гараж висела табличка: «Только для персонала», но привратник открыл управляемую электроникой решетку и махнул им: проезжайте. Колин отвел Питера к лифтам, и с ощущением пустоты в желудке они поехали наверх. Указатель над дверью сообщил, что они поднимаются на самый верх здания.

Они вышли в приемную, защищенную красивыми, но вместе с тем хорошо закрывающими экранами.

Охранник в полицейском мундире, с оружием на боку, рассмотрел их через решетку, проверил пропуск Колина Нобла, сверившись со своим списком, и только после этого пропустил их.

Учреждение занимало весь верхний этаж, за окнами виднелись висячие сады, а дальше открывался головокружительный вид на пустое пространство до другого высотного здания на Манхеттене – здания «Пан Ам» – и башен-близнецов Центра мировой торговли.

Убранство было восточное, в нишах – предметы искусства, которые, как Питер знал по своим предыдущим визитам, обладали огромной ценностью: старинные японские картины на шелке, резьба по гагату и слоновой кости, коллекция маленьких нецке, а в атриуме, через который они прошли, – целый миниатюрный лес деревьев бонсай в мелких керамических горшках; навсегда скрюченные стволы и ветви свидетельствовали об их древности.

Этому изысканному окружению совершенно не соответствовали громовые раскаты Героической симфонии Бетховена в исполнении Берлинского филармонического оркестра под управлением фон Карояна.

За атриумом была простая дверь из белого дуба. Колин Нобл нажал кнопку у карниза, и дверь почти сразу открылась.

Колин ввел Питера в длинную, убранную коврами комнату. Потолок здесь был покрыт звукопоглощающими плитками. Помимо многочисленных полок с книгами и рабочего стола, в комнате стоял большой концертный рояль, а у стены – несколько высококлассных проигрывателей и усилителей, которые скорее были бы на месте в коммерческой студии звукозаписи.

У рояля стоял Кингстон Паркер, фигура героическая: высокий, с мощными плечами, большая кудлатая голова опущена на грудь, глаза закрыты, на лице выражение почти религиозного экстаза.

Музыка владела его могучим телом, как сильный ветер – лесными великанами. Питер и Колин остановились у входа – казалось невозможным вмешиваться в столь личное переживание, – но через несколько секунд Паркер увидел их, поднял голову, стряхнул очарование музыки, как спаниель, добравшись до берега, стряхивает воду, и снял иглу звукоснимателя с вращающегося черного диска.

После мощных аккордов от тишины звенело в ушах.

– Генерал Страйд! – приветствовал Питера Кингстон Паркер. – Или мне можно по-прежнему называть вас Питер?

– Меня вполне устроит «мистер Страйд», – ответил Питер. Паркер сделал красноречивый жест сожаления и кивком указал на удобные кресла в глубине комнаты.

– По крайней мере вы пришли, – сказал он и кивнул, когда Питер усаживался в кресло.

– Я всегда становился жертвой своего ненасытного любопытства.

– На это я и рассчитывал, – улыбнулся Кингстон Паркер. – Вы уже завтракали?

– Чуть-чуть перекусили, – вставил Колин, но Питер кивнул.

– Ну, тогда кофе, – сказал Паркер, негромко поговорил по внутренней связи и снова повернулся к ним.

– С чего начнем? – спросил он, обеими руками расчесывая свои густые седеющие волосы, отчего они взлохматились еще больше.

– Начни с начала, – предложил Питер. – Как сказал Алисе Червовый король.

– С начала... – Паркер слегка улыбнулся. – Вначале я противился вашему приходу в «Атлас».

– Знаю.

– Я не ожидал, что вы примете командование «Тором». Это ведь было шагом назад в вашей карьере. Вы тогда удивили меня, но не в последний раз.

Слуга-китаец в белой куртке с медными пуговицами внес поднос. Все молчали, пока он разливал кофе, предлагал сливки и темный кристаллический сахар, а когда он вышел, Паркер продолжил:

– Тогда, генерал Страйд, я считал, что вы, несмотря на ваш послужной список, ум и несомненные достижения, – служака-консерватор с застывшими, устарелыми взглядами. Менталитет полковника Блимпа* скорее подходит для траншейной войны, чем для тайной. А именно такую войну мы ведем и будем вынуждены вести в будущем. – Он покачал большой косматой головой и, машинально поглаживая гладкую прохладную поверхность клавиш, уселся на табуретку у рояля. – Видите ли, генерал Страйд, мне казалось, что первоначальный круг полномочий «Атласа» излишне умаляет его роль. Я не верил, что, оставаясь исключительно орудием возмездия, «Атлас» способен осуществить то, ради чего создан. Вступая в игру лишь после того или иного враждебного акта, он ставил свои самые жизненные интересы в полную зависимость от других организаций, со всеми их внутренними спорами и пререканиями. Мне нужны были офицеры не только умные, но и способные на нетрадиционное мышление и независимые действия. Я не верил, что вы обладаете такими качествами, хотя изучал вас очень внимательно. Я не мог полностью доверять вам.

Тонкие пальцы Паркера, пробежавшись по клавишам, вызвали к жизни беглый пассаж, словно подчеркивая сказанное, и на мгновение показалось, что музыка совершенно увлекла его. Но вот он снова поднял голову.

– Доверяй я вам, операция по освобождению рейса «ноль семь ноль» проводилась бы совсем иначе. Мне пришлось полностью пересмотреть свое отношение к вам, генерал Страйд, и это далось мне нелегко. Продемонстрировав именно те качества, которые, с моей точки зрения, у вас отсутствовали, вы смутили меня. А к тому времени, как я вновь обрел способность размышлять спокойно, вы спровоцировали свою отставку...

– Мне известно, что мое прошение об отставке было направлено к вам, доктор Паркер, и вы рекомендовали его удовлетворить. – Питер говорил холодно, едва сдерживая гнев.

---

* Герой карикатур Д. Лоу, тучный и важный полковник предотставного возраста, символ консерватора. – *Примеч. пер.*

Паркер кивнул.

– Да, вы правы. Я одобрил вашу отставку.

– В таком случае мне кажется, что мы напрасно теряем время. – Губы Питера сжались в тонкую непримиримую полоску, кожа на щеках натянулась, ноздри раздулись и казались сделанными из тонкого фарфора. Он приподнялся.

– Пожалуйста, генерал Страйд... позвольте объяснить. – Паркер протянул к нему длинную руку, словно желая удержать, смотрел искренне – такому взгляду невозможно было сопротивляться. Питер вновь опустился в кресло, глядя по-прежнему сухо и не разжимая губ.

– Чтобы вы поняли суть происходящего, мне придется предпринять небольшой экскурс в прошлое. – Паркер встал из-за рояля и ушел за проигрыватели к стойке с трубками. Тщательно выбрал пенковую, поблекшую до цвета янтаря. Продул ее, прошелся по толстому ковру и остановился прямо перед Питером.

– За несколько месяцев до похищения «ноль семидесятого» – точнее, за шесть – я получил некоторые указания на то, что надвигается качественно новая волна международного терроризма. Вначале это были лишь туманные намеки, но они подтвердились, мы получили более веские доказательства. – Паркер набил трубку табаком из кожаного кисета, закрыл его и бросил на крышку рояля. – Налицо были признаки сплочения сил агрессии под неким единым руководством, но мы не знали точно, какую форму примет это руководство. – Он замолчал, посмотрел Питеру в лицо и, по-видимому, решил, что увидел там недоверие, потому что покачал головой. – Да, я знаю, это звучит натянуто, но я приведу факты. Появились сведения о встречах известных командиров групп боевиков с какими-то неопределенными фигурами, возможно, представителями восточных правительств. Мы не были уверены тогда, не уверены и сейчас. Сразу после этого произошло резкое изменение активности террористов – и в части методов, и в части мотивировок. Мне незачем перечислять вам подробности. Сначала – систематическое накопление огромных финансовых резервов путем тщательно спланированных и организованных похищений влиятельных лиц: министров ОПЕК, ведущих промышленников, финансистов... – Паркер зажег спичку, затянулся, и возле его головы заклубился ароматный дым. – Тогда еще можно было думать, что мотивировки в сущности не изменились и боевики преследуют корыстные и ограниченные политические цели. Но потом последовал захват «ноль семидесятого». До тех пор я вам не доверял, а когда вы вылетели в Йоханнесбург, было поздно. Мне не оставалось только одно: попробовать руководить вашими действиями посредством категорических приказов. Я не мог объяснить вам, что мы столкнулись с «новой волной» и должны дать боевикам проявить себя и узнать о них как можно больше. Страшное решение, однако я жертвовал несколькими людьми ради жизненно важной информации... и вот тут вы начали действовать так, как, с моей точки зрения, действовать не могли. – Паркер вынул трубку изо рта и улыбнулся, а когда он это делал, можно было поверить в любые его слова, какими бы нелепыми они ни казались. – Признаюсь, генерал, в первый миг я почувствовал гнев и досаду – а подать сюда Страйда со всеми потрохами! Выдать мерзавца головой! Но потом я задумался и рассудил так: вы

доказали, что вы именно тот человек, какой мне нужен, – мой солдат, способный мыслить и действовать не по шаблону. И если вас разжалуют и спишут, не исключено, что боевики «новой волны» распознают в вас те самые качества, какие поневоле признал за вами я. Если я позволю уничтожить вашу карьеру, превратить вас в парию, в человека озлобленного и ожесточенного, но обладающего бесценными умениями и знаниями, тем более, что вы доказали свою способность быть безжалостным, когда это необходимо... – Паркер смолк и сделал виноватый жест. – Простите, генерал Страйд, но я не мог не учитывать то обстоятельство, что вы будете лакомым куском для... – Снова жест, на этот раз нетерпеливый. – ...Нет необходимости называть имена, скажем просто – для «врага». Мне пришлось признать, что вы будете представлять для террористов огромный интерес. – Он серьезно кивнул. – Да, я принял вашу отставку, и, сами того не подозревая, вы стали вольным агентом «Атласа». Мне это казалось наиболее правильным. Вам не нужно было играть – вы верили, что стали парией, оклеветанным, опороченным человеком, созревшим для гибели.

– Я в это не верю, – сказал Питер.

Паркер прошел к своему рабочему столу, взял с японского керамического подноса конверт и протянул его Питеру.

Питеру потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: перед ним – номер банковского счета в швейцарском «Креди Сюис», счета на его имя, и несколько вкладов. Никакого снятия со счета или кредитов. Все вклады одинаковы – месячное жалование генерал-майора английской армии.

– Как видите, – Паркер улыбнулся, – вы по-прежнему получаете жалование в «Атласе». Вы по-прежнему один из нас, Питер. Могу только добавить: очень жаль, что пришлось прибегнуть к притворству – но мне казалось, игра стоит свеч.

Питер снова посмотрел на него, еще не вполне убежденный, но враждебное выражение его лица смягчилось.

– Что вы хотите этим сказать, доктор Паркер?

– Мне кажется, вы снова в игре.

– Я директор торгового отдела «Северной компании по производству вооружения».

– Да, конечно, а «Нармко» – часть империи «Альтман Индастриз», а барон Альтман и его прекрасная супруга – чрезвычайно интересная... вернее, были чрезвычайно интересной парой. Например, знаете ли вы, что барон был одним из главных агентов МОССАД* в Европе?

– Невозможно. – Питер раздраженно покачал головой. – Он был католиком. Израильская разведка не использует католиков.

– Да, – согласился Паркер. – Дед убедил его перейти в католичество и изменил название семейного поместья на «Ла Пьер Бенит». Решение, наверняка продиктованное деловыми соображениями. Во Франции девятнадцатого века оставаться евреем было не очень выгодно. Но дед и мать оказали на молодого Альтмана большое влияние. С самых юных лет он был сионистом и неуклонно использовал для этой цели все свое огромное влияние и богатство – до самой своей смерти. Но делал это так искусно, так тонко, что мало кто по-

---

* Израильская внешняя разведка. – *Примеч. пер.*

дозревал его в связях с иудаизмом. Он не сделал ошибки, не вернулся к религии своих предков, понимая, что может свободнее действовать, оставаясь христианином.

Питер быстро думал: «Если это правда, тогда картина совсем другая. Возможно, это объясняет причины смерти барона – и совершенно меняет роль Магды Альтман в его жизни».

– А баронесса? – спросил он. – Она знала об этом?

– Ах, баронесса! – Кингстон Паркер выпустил из зубов трубку и улыбнулся с неохотным восхищением. – Замечательная женщина! Нам известно о ней не очень много. Красива, исключительно талантлива. Родилась в Варшаве. Отец – доктор медицинских наук, университетский профессор. Бежал на Запад, когда баронесса была еще ребенком. Несколько лет спустя погиб – дорожное происшествие в Париже. Его сбила машина, когда он выходил из здания своего факультета в Сорбонне. Шофер скрылся. Гибель профессора все еще представляется довольно загадочной. После его смерти девочка как будто переходила из семьи в семью, жила у друзей отца, у дальних родственников. Она уже тогда проявляла склонность к наукам, музыкальные способности, в тринадцать лет была многообещающей шахматисткой – потом в течение определенного периода о ней нет никаких сведений. Как если бы она бесследно исчезла. Единственные сведения – слова ее приемной матери, пожилой дамы, у которой нелады с памятью: «По-моему, она на некоторое время уехала домой. Она говорила мне, что поедет домой». – Паркер развел руками. – Кто знает, что это значит – домой? В Варшаву? В Израиль? Куда-то на Восток?

– Вы занимались ею очень прилежно, – сказал Питер. То, что он услышал, заставило его встревожиться.

– Конечно. Мы изучали все ваши контакты после того, как вы оставили «Атлас». Не сделать этого было бы небрежностью. И особенно нас заинтересовала баронесса. Уж очень она очаровательна – вы понимаете это, я уверен.

Питер кивнул, утратив желание задавать вопросы, и продолжал ждать. Это казалось ему предательством по отношению к Магде, чем-то мелким и недостойным, и все-таки он ждал, а Паркер негромко рассказывал:

– Потом она вернулась в Париж. Ей было девятнадцать. Способный, компетентный личный секретарь, говорит на пяти языках, красавица, всегда модно и со вкусом одета... вскоре ее окружили влиятельные и богатые поклонники, в том числе ее наниматель барон Аарон Альтман. – Паркер снова смолк, ожидая вопросов, вынуждая Питера сделать шаг.

– Она тоже из МОССАД?

– Мы не знаем. Возможно – но она тщательно скрыла все следы. Мы надеемся, что вы сможете это установить.

– Понятно.

– Она не могла не знать, что ее муж – сионист. Не могла не заподозрить, что это имеет какое-то отношение к его похищению и убийству. А потом, остается вопрос о шести годах неизвестности – с тринадцати до девятнадцати лет. Где она была в это время?

– Она еврейка? – спросил Питер. – Ее отец был евреем?

– Мы так считаем, хотя профессор не интересовался религией и при поступлении в Сорбонну ничего не записал в этом пункте анкеты. Его дочь проявляет то же отсутствие

интереса к религии. Мы знаем только, что ее брак с бароном был заключен по католическому обряду, за которым последовало гражданское бракосочетание в Рамбуйе.

– Мы далеко ушли от международного терроризма, – заметил Питер.

– Я так не думаю. – Кингстон Паркер покачал косматой головой. – Барон стал жертвой террора. Стоило вам связаться с его вдовой – а вы один из крупнейших в мире специалистов по действиям групп боевиков и по партизанской городской войне, – и пытаются то ли убить вас, то ли похитить баронессу.

Питер не удивился тому, что Паркер знает о ночном происшествии на дороге в «Ла Пьер Бенит»: руку освободили от перевязи всего несколько дней назад.

– Скажите-ка, Питер. Как вы оцениваете это происшествие? Я видел ваше заявление французской полиции, но что вы можете добавить?

В памяти Питера всплыл «ситроен», который следовал за ним из Парижа, и почти одновременно – грохот автоматных очередей.

– Им была нужна баронесса, – твердо сказал Питер.

– А за рулем были вы?

– Да.

– Вы там и тогда, где и когда обычно проезжает баронесса?

– Да.

– Кто предложил это? Вы?

– Я сказал ей, что эта машина слишком заметна.

– И сами предложили отвести вечером «мазерати» в «Ла Пьер Бенит»?

– Да. – Питер солгал, не понимая, почему делает это.

– Кто-нибудь еще знал, что машину поведет не баронесса?

– Никто.

«Кроме двух телохранителей и двух шоферов, которые встречали их по возвращении из Швейцарии», – подумал Питер.

– Вы уверены? – настаивал Паркер.

– Да. Больше никто.

«Кроме Магды, одной только Магды». Питер сердито отбросил эту мысль.

– Ну хорошо, допустим, охотились за баронессой. Но для чего, убийства или похищения? Это может иметь значение. Если чтобы убить, это могло означать устранение опасного агента, и тогда баронесса – агент МОССАД и завербована мужем. С другой стороны, похищение означало бы, что цель – снова деньги. Так что это было, Питер?

– Они перекрыли дорогу, – ответил Питер. Но тут же вспомнилось: перекрыли не полностью. – Мнимый полицейский приказал мне остановиться... – «Вернее, замедлить ход, – подумал он, – чтобы в меня легче было стрелять». – Они не открывали огонь, пока не поняли, что я не собираюсь останавливаться. – Однако, когда Питер принял решение миновать преграду, они были готовы к стрельбе. Намерения двух пулеметчиков не вызывали сомнений. – Я сказал бы, что они преследовали цель захватить баронессу живой.

– Хорошо. – Паркер кивнул. – Пока примем эту версию. – Он взглянул на Колина. – Полковник Нобл. У вас есть вопрос?

– Спасибо, доктор. Питер не рассказал нам, какие условия предложили ему «Нармко» или баронесса. Кто первым вступил в контакт?

– В Лондоне ко мне обратилась фирма, которая занимается подбором руководителей высшего звена. Обращение исходило непосредственно от совета директоров «Нармко». – «И я отказался, – подумал он. – Только потом, в «Тисовом аббатстве»...

– Понятно. – Колин разочарованно нахмурился. – Никаких предложений встретиться с баронессой?

– На той стадии – нет.

– Вам поручили руководство продажами и не упоминали никаких других обязанностей: безопасность, промышленный шпионаж?

– Нет, тогда нет.

– Позже?

– Да. Встретившись с баронессой, я обратил внимание на ее плохо организованную личную охрану. И произвел изменения.

– Вы не обсуждали с ней убийство ее мужа?

– Обсуждали.

– И что же?

– Ничего. – Питеру становилось трудно с ходу придумывать ответы, но он использовал старое правило: говорить столько правды, сколько возможно.

– Баронесса не упоминала, что охотится за убийцами мужа? Не просила вас использовать ваши способности для этой вендетты?

Питеру нужно было быстро принять решение. «Паркер наверняка знает о том, что я сказал военному атташе в Париже, и о наживке, которая должна привлечь Калифа. Конечно, знает: он – глава «Атласа» и имеет доступ к компьютерам ЦРУ. Отрицать некоторые факты нельзя».

– Да, она просила меня собирать информацию, которая может привести к убийцам ее мужа. Я спросил Г2 в Париже, нет ли у него такой информации. Он не смог мне помочь.

Паркер хмыкнул.

– Да, Г2 упомянул об этом в своем обычном отчете. Впрочем, я полагаю, что такая просьба вполне естественна. – Он вернулся к письменному столу и заглянул в блокнот с какими-то записями.

– Мы знаем о восьми интимных контактах баронессы до замужества. Все это политически влиятельные или богатые мужчины. Шестеро из них женаты...

Питер обнаружил, что дрожит от гнева, такого сильного, что сам удивился. Он ненавидел Паркера за то, что тот так говорит о Магде. Ценой огромного усилия он сохранил нейтральное выражение лица, рука расслабленно лежала на колене, пальцы естественно вытянуты, хотя его снедало страстное желание дать Паркеру по морде.

– Все внебрачные связи поддерживались очень осторожно. Никаких свидетельств практически нет. После убийства барона были еще три: министр французского правительства, американский бизнесмен – владелец второй по размерам нефтяной компании в мире... – Паркер опустил блокнот на стол и повернулся к Питеру. – А недавно появилась еще одна. – Сверкающим проницательным взором он смотрел на Питера. – Дама определенно считает, что нужно сочетать бизнес с удовольствием. Все ее партнеры – мужчины, у которых есть возможность представить весьма реальные доказательства своей страсти. Я думаю, это положение применимо и в случае последнего сексуального партнера.

Колин Нобл неловко кашлянул и подвинулся в кресле, но Питер даже не взглянул на него – он продолжал бесстрастно смотреть на Кингстона Паркера. Они с Магдой не скрывали своих отношений – и все же говорить о них с кем-то еще было отвратительно.

– Я считаю, что теперь у вас есть возможность добывать важную информацию. Я считаю, что вы оказались близ самого центра безымянного и безликого влияния... Я считаю, что у вас появилась возможность вступить в контакт с врагом, даже если это будет вооруженное столкновение... единственный вопрос, не возникнут ли у вас эмоциональные или иные причины уклониться от выполнения своего долга. – Кингстон Паркер наклонил голову набок, превращая утверждение в вопрос.

– Я никогда не позволял своей личной жизни мешать этому, – спокойно сказал Питер.

– Да, – согласился Паркер. – Это верно. И я уверен, что, когда вы немного лучше узнаете баронессу Альтман, вы оцените наш интерес к этой даме.

Питер теперь полностью овладел собой.

– Вы хотите, чтобы я воспользовался личными отношениями для шпионажа за ней. Верно?

– Мы уверены, что сама она использует эти отношения в своих целях... – Паркер смолк; казалось, ему в голову пришла странная мысль. – Надеюсь, Питер, я не был слишком резок и не развеял тщательно лелеемые иллюзии? – Тон Паркера изменился. Встреча заканчивалась.

– В моем возрасте, доктор, у человека не остается иллюзий. – Питер встал. – Я должен докладывать непосредственно вам?

– О связи позаботится полковник Нобл. – Кингстон Паркер протянул руку. – Я не стал бы просить вас об этом, если бы у меня был выбор.

Питер без колебаний пожал эту руку. Она была холодной и сухой. Питер почувствовал силу твердых пальцев пианиста.

– Понимаю, сэр, – сказал Питер и тут же подумал: «Даже если это не так, я уж постараюсь понять, и очень скоро».

От партии в «джин-рамми» Питер отговорился усталостью и весь обратный перелет через Атлантику притворялся, что спит. Закрыв глаза, он пытался упорядочить мысли, но те всякий раз совершали полный круг и возвращались к исходной точке, и ему начинало казаться, что он, как собака, гоняется за своим хвостом. Теперь он даже не мог сказать ничего определенного по поводу своих чувств и преданности Магде Альтман. Стоило ему задуматься о своих чувствах к ней, как его мысли сворачивали в иное русло и он начинал думать о чем-нибудь не столь существенном. «Интимные контакты» – что за гнусное выражение использовал Паркер и почему это так разозлило Питера? Восемь связей до брака, из них шесть – с женатыми, еще две после брака – сплошь богатые и влиятельные мужчины. Он старался представить себе эту статистику, с горьким чувством разочарования воображал рядом со стройным телом, маленькими, превосходной формы грудями и длинным дымчатым водопадом сверкающих волос безликие, бесформенные фигуры, чувствовал себя преданным – и тут же начинал презирать себя за подобное ребячество.

Существовали более страшные вопросы и возможности, затронутые Кингстоном Паркером: связи с МОССАД, шесть пропущенных лет в жизни Магды – и все равно он всякий раз возвращался к тому, что произошло между ними. Способна ли она на такой искусный обман, или тут вообще нет обмана? Страдает ли он от уязвленной гордости, или неведомо как она сделала его более уязвимым? Неужели заставила его влюбиться в себя?

Что он чувствует к ней? Приходилось задать себе этот вопрос и постараться ответить на него прямо. Но, когда самолет приземлился, ответа у Питера по-прежнему не было, перспектива новой встречи с Магдой чрезвычайно радовала его, а мысль о том, что баронесса сознательно использует его и, едва необходимость в нем исчезнет, легко бросит, как поступала с другими, вызывала чувство отчаяния. Он боялся ответа, который искал, и неожиданно вспомнил ее приглашение на остров, куда они могли бы сбежать вдвоем. Питер вдруг понял, что ее мучает тот же страх, и, дрожа от дурного предчувствия, гадал, не предначертано ли им уничтожить друг друга. В «Дорчестере» его ждали три отдельных послания от Магды. Он позвонил сразу, как только вошел в номер.

– О Питер! Я так беспокоилась. Где ты был? – Трудно было поверить, что эта тревога – наигрыш. Еще труднее было не радоваться, когда на следующий день в полдень баронесса встретила его в аэропорту Руасси – встретила сама, а не просто прислала шофера.

– Мне нужно было хоть на час сбежать из офиса, – объяснила она, просунула руку ему под локоть и тесно прижалась. – Вру, конечно. Я приехала, потому что не могла еще час ждать встречи с тобой. – И хрипловато рассмеялась. – Какая я бесстыдница! Представляю, что ты обо мне думаешь!

Вечером в «Ла Пьер Бенит» после обеда на восемь персон они отправились в театр. Французский Питера еще не позволял читать Мольера, поэтому он с удовольствием украдкой наблюдал за Магдой и на несколько часов сумел отогнать отвратительные вопросы, но во время полуночного возвращения в «Ла Пьер Бенит» сделал очередной ход в сложной игре.

– Я не мог сказать тебе по телефону... – начал он в интимной темноте и тепле лимузина. – Ко мне обратились из «Атласа». Его глава вызвал меня в Нью-Йорк. Когда ты звонила, я был там. Они тоже охотятся на Калифа.

Она вздохнула и взяла его за руку.

– Я ждала, когда ты расскажешь, Питер, – просто сказала она и снова вздохнула. – Я знала, что ты улетел в Америку, и у меня было ужасное предчувствие, что ты мне солжешь. Не знаю, что бы я тогда сделала.

Питер почувствовал угрызения совести и в то же время встревожился: она знала о его полете в Нью-Йорк. Но откуда? И тут он вспомнил про ее «источники».

– Ну, рассказывай, – велела она, и он выложил ей все, умолчав лишь о тех вопросах, которые возникли у Кингстона Паркера в связи с ее именем. Годы неизвестности, связи с МОССАД и десять безымянных мужчин.

– Похоже, они не знают, что Калиф пользуется этим именем, – говорил Питер. – Но совершенно уверены, что ты охотишься за ним и наняла меня именно для этой цели.

Они негромко обсуждали это, пока небольшой кортеж машин ехал в ночи. Позже, когда она пришла к нему, они продолжили разговор, не размыкая объятий, и прошептались

всю ночь. Питер поразился, что может действовать так естественно. Все сомнения улетучивались, когда он оказывался с ней.

– Кингстон Паркер по-прежнему числит меня в составе «Атласа», – объяснял Питер. – Я не отказался, не возражал. Мы хотим найти Калифа, и мое положение в «Атласе» наверняка может сыграть нам на руку.

– Согласна. «Атлас» может нам помочь, особенно теперь, когда они тоже знают о существовании Калифа.

На рассвете они любили друг друга, страстно, с удовольствием, а потом, сохраняя тайну, она до света выскользнула из его комнаты, но часом позже они снова встретились за завтраком в оранжерее.

Баронесса налила Питеру кофе и указала на маленький пакет возле его тарелки.

– Мы не настолько скрытны, как думаем, cheri. – Она усмехнулась. – Кое-кто знает, где ты проводишь ночи.

Он взвесил пакет в правой руке: величиной с катушку тридцатипятимиллиметровой пленки, завернут в коричневую бумагу, запечатан красным воском.

– Доставлено специальной срочной почтой вчера вечером. – Магда разломила булочку и улыбнулась ему зелеными чуть раскосыми глазами.

Адрес напечатан на приклеенном ярлычке, штемпель английский, отправлено из южного Лондона накануне утром.

Питера вдруг охватило ужасное предчувствие; красивую комнату заполнило ощущение всепоглощающего зла.

– В чем дело, Питер? – В голосе баронессы звучала тревога.

– Ничего, – сказал он. – Ничего.

– Ты вдруг страшно побледнел. Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

– Да. Все в порядке.

С помощью столового ножа он снял восковую печать и развернул коричневую бумагу.

Маленькая стеклянная бутылочка, заткнутая пробкой, заполненная прозрачной жидкостью. Какой-то консервант, сразу понял он, спирт или формальдегид.

И в жидкости – какой-то мягкий белый предмет.

– Что это? – спросила Магда.

Питер почувствовал приступ тошноты.

Предмет медленно повернулся. Он свободно плавал в бутылочке, и на нем блеснула ярко-алая полоска.

«Мама разрешает тебе красить ногти, Мелисса-Джейн?» – вспомнил он собственный вопрос, когда впервые увидел алую краску на ее ногтях. Тот же цвет. – «Да, хотя, конечно, не в школе. Ты забываешь, что мне скоро четырнадцать, папочка».

В сосуде находился человеческий палец, срезанный по нижней фаланге. Консервирующая жидкость выбелила срез. Кожа сморщилась, как у утопленника. Только накрашенный ноготь не изменился, оставался веселым и праздничным.

Тошнота подступила к самому горлу. Питер продолжал смотреть на маленькую бутылочку.

* * *

Прежде чем подняли трубку, телефон прозвонил трижды.

– Синтия Барроу. – Питер узнал голос бывшей жены, хотя горе и напряжение изменили его.

– Синтия, это Питер.

– Ох, слава Богу, Питер. Я два дня пытаюсь найти тебя.

– В чем дело?

– Мелисса-Джейн с тобой, Питер?

– Нет. – Он почувствовал, как земля выскальзывает из-под ног.

– Она исчезла, Питер. Уже две ночи ее нет. Я схожу с ума.

– Ты известила полицию?

– Да, конечно. – В голосе слышались истерические нотки.

– Оставайся на месте, – сказал Питер. – Я немедленно лечу в Англию; если будут новости, оставляй мне сообщения в «Дорчестере». – Он быстро повесил трубку, чувствуя, что горе в любую минуту может сломить Синтию, а он ничем не может помочь.

За столом – золоченая бронза, Людовик XIV – сидела бледная напряженная Магда. Она ни о чем не спросила, вопрос был в огромных глазах на побелевшем лице.

Отвечать Питеру не нужно было. Он резко кивнул, потом снова набрал номер и, ожидая, не мог оторвать глаз от ужасного предмета в сосуде, стоявшем в центре стола.

– Колина Нобла! – рявкнул Питер в трубку. – Передайте ему, что звонит генерал Страйд и что дело срочное.

Через минуту Колин взял трубку.

– Питер, это ты?

– Они взяли Мелиссу-Джейн.

– Кто? Не понимаю.

– Враг. Они ее взяли.

– Боже! Ты уверен?

– Да, уверен. Мне прислали ее палец.

Колин несколько секунд молчал, а когда заговорил, голос его звучал сдавленно.

– Ужасно. Боже, какой ужас!

– Свяжись с полицией. Используй все свои возможности. И пусть молчат. Никаких сообщений в прессе. Я хочу лично участвовать в охоте на этих зверей. Используй «Тор», разузнай все, что можно. Я уже в пути. Дам тебе знать, каким рейсом прилечу.

– По этому номеру будет круглосуточно находиться дежурный, – пообещал Колин. – Я пришлю за тобой шофера. – Он колебался. – Питер, сочувствую. Ты знаешь.

– Да, знаю.

– Мы все с тобой, всегда.

Питер положил трубку. Магда решительно встала из-за стола.

– Я лечу с тобой в Лондон, – сказала она, однако Питер предостерегающе вытянул руку.

– Нет, – мягко сказал он. – Спасибо, но нет. Тебе нечего там делать.

– Питер, я хочу быть с тобой в это ужасное время. Я чувствую себя так, словно это моя вина.

– Неправда.

– Она такой прекрасный ребенок...

– От тебя больше пользы здесь, – твердо сказал Питер. – Проверь все свои источники, малейшие клочки сведений полезны.

– Хорошо. – Она без дальнейших споров приняла его решение. – Где тебя найти, если я что-нибудь узнаю?

Он дал ей личный номер Колина Нобла в «Торе», записав его в блокноте рядом с телефоном.

– Либо здесь, либо в «Дорчестере».

– Но по крайней мере в Париж я с тобой поеду, – сказала она.

К тому времени как Питер вышел из самолета в аэропорту Хитроу, новость уже распространилась. Она была на первой странице «Ивнинг стандард», и Питер на ходу схватил газету и по дороге в Лондон прочел.

Жертва была похищена у въездных ворот своего кембриджского дома на Лиденстрит, в одиннадцать утра в четверг. Соседка видела, как девочка говорила с пассажирами темно-бордового «триумфа», а затем села в машину, которая тут же ушла.

«Мне кажется, в машине были двое, – рассказала нашему корреспонденту миссис Ширли Келлон, тридцати двух лет, соседка, – и Мелисса-Джейн не казалась встревоженной. Она совершенно добровольно села в «триумф». Я знаю, что ее отец – крупный армейский чин, он часто посылает за ней разные машины. И потому мне это не показалось подозрительным».

Тревогу подняли лишь через двадцать четыре часа, поскольку мать девочки тоже считала, что та с ее бывшим мужем.

И только когда миссис Барроу не смогла связаться с генерал-майором Страйдом, отцом девочки, она обратилась к властям. Полиция Кембриджа нашла темно-бордовый «триумф» в парке у Кембриджской железнодорожной станции. Машина накануне была украдена в Лондоне. Немедленно по всей стране был объявлен розыск похищенной девочки.

Операцию по розыску возглавляет инспектор Алан Ричардс. Всех располагающих информацией просят звонить по телефону...

Далее был указан лондонский номер и давалось подробное описание Мелиссы-Джейн и одежды, которая была на ней в момент исчезновения.

Питер смял газету и бросил на сиденье. Он сидел прямо, сдерживая гнев, тщательно сберегая его, – жар гнева переносить гораздо легче, чем холодное отчаяние.

Инспектор Алан Ричардс был сухощав, небольшого роста и походил скорее на жокея, чем на полицейского. Его лицо покрывали ранние морщины, а длинные волосы он зачесывал на лысину, чтобы скрыть ее. Но глаза у него были быстрые и умные, и держался он открыто и решительно.

Когда Колин Нобл их знакомил, они с Питером обменялись рукопожатием.

– Я должен совершенно ясно дать понять, что это дело полиции, генерал. Однако в нашем особом случае я готов работать вместе с военными.

Ричардс быстро рассказал, что уже сделано. Он руководил расследованием из двух кабинетов, отведенных для него на третьем этаже Скотленд-Ярда; окна выходили на частокол труб, а за ними открывался вид на Вестминстерское аббатство и здание парламента.

В прессе и по телевидению сообщили два телефонных номера, и двое молодых полицейских отвечали на звонки. Их поступило уже около четырехсот.

– Звонят с чем угодно, от общих рассуждений до полного бреда, но нам приходится расследовать все. – Впервые выражение лица Ричардса смягчилось. – Дело будет долгим, генерал Страйд, но несколько ниточек у нас появилось. Идемте.

Внутренний кабинет был обставлен той же мебелью, что и любое гражданское учреждение, – типовой, непримечательной и прочной, на газовой плитке кипел чайник. Ричардс налил всем чаю.

– Трое моих людей обрабатывают машину похитителей. Мы уверены, что это именно она. Ваша бывшая супруга узнала найденный в ней кошелек. Он принадлежит вашей дочери. Мы сняли свыше шестисот отпечатков пальцев, их сейчас обрабатывают. Пройдет некоторое время, прежде чем мы сможем выделить нужные нам и постараемся идентифицировать их. Но два или три отпечатка соответствуют тем, что мы взяли в комнате вашей дочери... Сахар? Молоко? – Ричардс протянул Питеру чашку и продолжал. – Соседка, миссис Келлон, свидетельница похищения, сейчас составляет фоторобот похитителей, но она разглядела их не очень хорошо и, вероятно, мало чем нам поможет. – Инспектор отпил чай. – Однако мы покажем итоговый рисунок по телевидению; будем надеяться, он даст нам еще одну нить. Ждите контактов с похитителями. Мы не думаем, что они станут действовать через вашу бывшую жену, хотя, конечно, ее телефон прослушивается и наши люди приглядывают за ней. – Ричардс развел руками. – Это все, генерал Страйд. Теперь ваша очередь. Что вы можете сказать нам? Зачем кому-то похищать вашу дочь?

Питер переглянулся с Колином Ноблом и помолчал, собираясь с мыслями, но инспектор Ричардс не сдавался:

– Я знаю, что вы не очень богаты, генерал. Но ваша семья... Может быть, ваш брат?

Питер отрицательно мотнул головой.

– У моего брата есть свои дети. Они были бы более логичной целью.

– Месть? Вы очень активно действовали против террористов в Ирландии. И командовали штурмом «ноль семидесятого».

– Возможно.

– Я знаю, что вы больше не служите в армии.

Питер не собирался двигаться в этом направлении.

– Вряд ли подобные догадки могут нам помочь. Мы поймем мотив, как только похитители предъявят свои требования.

– Это верно. – Ричардс нервно звякнул чашкой. – Они не послали бы вам ее... – Он осекся, заметив выражение лица Питера. – Простите, генерал. Это ужасно, но мы должны принять этот палец как доказательство того, что ваша дочь еще жива и что контакт будет установлен с вами. Это – выражение серьезности их намерений и угроза, но...

На его столе резко зазвенел телефон, и инспектор поднял трубку.

– Ричардс! – рявкнул он, долго слушал, потом одобрительно хмыкнул. Повесив трубку, он заговорил не сразу, сначала предложил Питеру смятую пачку сигарет. Тот отказался. Полицейский закурил сам, и его голос изменился.

– Звонили из лаборатории. Вы знаете, конечно, что ваша дочь была донором костного мозга.

Питер кивнул. Это было частью социального сознания Мелиссы-Джейн. Если бы ее тактично не разубеждали, она поставляла бы кровь и костный мозг ведрами.

– Мы получили образцы из кембриджской больницы. Ампутированный палец соответствует типу тканей вашей дочери. Боюсь, нужно окончательно признать, что это ее палец... Не могу представить себе, чтобы похитители отыскали образец того же типа.

Питер втайне надеялся, что это блеф.

Что ему прислали палец трупа, медицинский образец, взятый у жертвы несчастного случая в каком-нибудь морге... Теперь, когда эта надежда рухнула, его охватило холодное отчаяние. Все целую минуту молчали. Наконец Колин Нобл заговорил:

– Инспектор, вы знаете, что такое группа «Тор»?

– Да, конечно. Во время йоханнесбургского похищения о ней много писали. Это антитеррористическая группа.

– Мы, вероятно, лучше всех в мире подготовлены к тому, чтобы забирать заложников невредимыми из рук террористов...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, полковник, – сухо ответил инспектор. – Но давайте вначале отыщем наших террористов. После этого любая попытка освобождения будет проводиться под контролем полиции.

В три часа ночи в отеле «Дорчестер» на Парк-лейн Питер подошел к ночному портье.

– Мы с полудня держим ваш номер, генерал.

– Простите. – Питер обнаружил, что говорит невнятно. Сказывались усталость и нервное напряжение. Он ушел из Скотленд-Ярда, только убедившись, что сделано все возможное и что он может доверять инспектору Ричардсу и его команде. И взял с того торжественное обещание, что как только будут новости, ему сообщат – в любое время дня и ночи.

Он расписался в книге, моргая, словно под веки ему насыпали пыли.

– Для вас есть сообщения, генерал.

– Еще раз спасибо и доброй ночи.

В лифте он проглядел почту.

Вначале телефонограмма: «Баронесса Альтман просит позвонить ей по парижскому номеру или в Рамбуйе».

Еще одна телефонограмма: «Звонила миссис Синтия Барроу. Позвоните ей в Кембридж 699-313».

И запечатанный конверт. Бумага хорошего качества, без герба или монограммы.

Его имя выведено прописными буквами, очень правильным почерком, старомодным, каллиграфическим. Штемпеля нет, значит, доставлено с нарочным.

Питер раскрыл конверт и достал один-единственный листок линованной писчей бумаги, опять-таки хорошего качества, но без всяких примет. Такую бумагу можно найти в любом издательстве Соединенного Королевства.

Листок был исписан все тем же аккуратным почерком. Питер заметил, что пишущий пользовался трафаретом для каждой буквы. Такие трафареты продаются в любом магазине игрушек. Очень эффективный метод маскировать почерк.

Палец вы уже получили. Далее последует рука, потом другая, потом нога, вторая нога – и, наконец, голова.

Следующий пакет получите 20 апреля, а потом еще через семь дней.

Чтобы помешать этому, вы должны купить жизнь ценой жизни. В тот день, когда доктор Кингстон Паркер умрет, вашу дочь доставят к вам, живой и в той или иной мере невредимой.

Уничтожьте это письмо и никому не говорите о нем, не то вам немедленно доставят голову.

Под письмом стояло имя, которое с некоторых пор стало играть в жизни Питера чрезвычайно заметную роль:

КАЛИФ.

Питер был потрясен до глубины души. Видеть это имя на бумаге. Получить полное подтверждение всем ужасам, которые они заподозрили. Видеть несомненный отпечаток лапы зверя. Содержание письма усугубляло потрясение, делая его почти непереносимым. Питер обнаружил, что такая жестокость, такая крайняя безжалостность испытывает пределы его веры.

Письмо заплясало в его руках; он с удивлением обнаружил, что весь дрожит, как в лихорадке. Носильщик, державший его чемодан из черной крокодиловой кожи, с любопытством посмотрел на Питера, и потребовалось огромное физическое усилие, чтобы унять дрожь и сложить листок белой бумаги.

Питер стоял неподвижно, как в строю, пока дверь лифта не раскрылась; потом напряженно прошел по коридору к своему номеру. Не глядя дал носильщику банкноту и, едва захлопнулась дверь, снова развернул листок. Стоя посреди гостиной, он жадно разглядывал почерк; слова сливались и теряли смысл.

Он понял, что впервые в жизни полностью поддался панике, утратил всякую решительность и не знает, что делать.

Он глубоко вдохнул, закрыл глаза, медленно досчитал до ста, прогнав из головы все мысли, и скомандовал: «Думай!»

Ну, ладно, Калиф прекрасно осведомлен о его передвижениях. Даже знает, когда он может появиться в «Дорчестере». Кто знал об этом? Синтия. Колин Нобл. Магда Альтман, ее секретарь, бронировавший номер, секретарь Колина в «Торе», штат «Дорчестера». Да всякий, кто наблюдал за Питером, знает, что он останавливается в «Дорчестере». Это тупик.

«Думай!»

Сегодня четвертое апреля. Через шестнадцать дней Калиф пришлет ему отрезанную руку Мелиссы-Джейн. Питер почувствовал, как его снова охватывает паника, но подавил ее.

«Думай!»

Калиф следит за ним, подробно изучает, оценивает. Ценность Питера в том, что он может бывать в местах первейшей важности и никто его не заподозрит. Он может встретиться с главой «Атласа», просто попросив об этой встрече. Более того, он, вероятно, может встретиться с главой любого государства, если очень захочет.

Впервые в жизни Питер испытал потребность выпить. Он быстро подошел к бару и поискал ключ. Из позолоченного зеркала над баром на него смотрело незнакомое лицо. Бледное, осунувшееся, с глубокими складками в углах рта. Усталые глаза, красные и опухшие, на костлявой нижней челюсти синева щетины. А в сапфирах глаз – дикий, безумный блеск. Он отвернулся от своего отражения. Оно лишь усиливало ощущение нереальности.

Питер налил себе полстакана шотландского виски и залпом выпил половину. От крепкой жидкости он закашлялся, с угла губ сорвалась капля и покатилась по подбородку. Питер вытер ее пальцем и снова принялся изучать белый листок. Бумага помялась, Питер слишком крепко ее сжимал. Он осторожно разгладил письмо.

«Думай!» – сказал он себе.

Вот как действует Калиф. Никогда не раскрывает себя. Подбирает агентов, обращая невероятное внимание на мелочи. Ищет фанатиков вроде той девицы, Ингрид, руководившей захватом «ноль семидесятого». Тренированных наемных убийц, вроде того, которого он убил в реке возле «Ла Пьер Бенит». Экспертов, имеющих доступ в самые высокие сферы, вроде генерала Питера Страйда. Изучает, оценивает их самих и их возможности и наконец определяет им цену.

Питер никогда не верил в древнее утверждение, что у каждого человека есть своя цена. Он считал, что сам не подпадает под это общее правило. Теперь он знал, что это не так, и от этого его начинало мутить.

Калиф определил ему цену, определил безошибочно. Мелисса-Джейн. Питер ясно увидел свою дочь верхом на лошади: вот она поворачивается в седле, смеется и кричит ему: «Супер!» И ее смех относит ветер.

Питер вздрогнул и, не сознавая этого, смял листок в кулаке.

Он увидел перед собой дорогу, по которой ему суждено идти. И в миг озарения понял, что уже сделал первые шаги по этой дороге. Сделал, когда направил пистолет на светловолосую убийцу в аэропорту Йоханнесбурга, когда сам себя назначил судьей и палачом.

Калиф виноват в его первом шаге к падению, и именно он теперь гонит его дальше.

Питер провидел: со смертью Кингстона Паркера дорога не кончится. Уступив Калифу, он будет принадлежать ему всегда – или до тех пор, пока один из них, Калиф или Питер, не погибнет.

Питер допил виски.

Да, его цена – Мелисса-Джейн. Калиф сделал правильный выбор. Ничем другим его не проймешь.

Питер взял из бара спички и как во сне прошел в ванную. Сложил листок конусом и поджег вершину, держа его над унитазом. В конце концов пламя обожгло ему пальцы. Он уронил пепел в унитаз и смыл.

Потом вернулся в гостиную и налил еще виски. Выбрал удобное кресло у окна и опустился в него. И только тогда понял, до чего устал. Бедренные мышцы непроизвольно подергивались.

Он подумал о Кингстоне Паркере.

«Такой человек мог многое предложить человечеству. Надо изобразить покушение на меня, – размышлял Питер. Как будто попали не в того. Бомба», – решил он.

Он ненавидел бомбы. Они казались ему символом бессмысленного насилия, столь же ненавистного. Он видел, как ими пользовались в Ирландии и в Лондоне. Уничтожение без цели, бессмысленное и безжалостное.

«Это будет бомба», – заключил он и с удивлением понял, что его ненависть нашла новую цель. Он – опять-таки впервые в жизни – ненавидел себя за то, что собирался сделать.

Калиф победил. Питер понимал, что с таким противником нет никаких шансов отыскать Мелиссу-Джейн. Калиф победил, и остаток ночи Питер просидел, планируя действия, предотвращению которых посвятил жизнь.

– Не понимаю, почему мы до сих пор не получили требований. – Инспектор Ричардс рассеянно провел рукой по лысине, взъерошив волосы, которые прикрывали ее; теперь они стояли дыбом. – Прошло уже пять дней. И никаких требований.

– Они знают, как связаться с Питером, – согласился Колин Нобл. – Он указал это в своем интервью.

Питер Страйд выступил по телеканалу Би-би-си и обратился с призывом к похитителям не калечить больше его дочь, а к публике – предоставить любую информацию, которая может привести к ее освобождению.

В той же передаче показали сделанный по показаниям единственной свидетельницы портрет водителя темно-бордового «триумфа».

В меблированных комнатах в Борнмуте полиция задержала четырнадцатилетнюю беглянку; она развлекалась в постели со своим тридцатидвухлетним любовником. Рыдая, девчонка вернулась в лоно семьи и через двадцать четыре часа снова сбежала.

В Северной Шотландии полиция провалила захват одинокого коттеджа, снятого мужчиной с такими же длинными темными волосами и висячими усами, как у преступника на портрете. Этот человек, как выяснилось – производитель самодельных таблеток ЛСД, жил там с четырьмя помощниками и девушкой, отдаленно напоминавшей Мелиссу-Джейн, а именно: она тоже была женского пола и светловолосой. «Фармацевты» скрылись на Северно-Шотландском нагорье, прежде чем запыхавшиеся полицейские добрались до коттеджа.

Питер Страйд был в ярости.

– Будь это Мелисса-Джейн, у них было бы целых пятнадцать минут, чтобы убить ее... – кричал он на Ричардса. – Следующий рейд должен проводить «Тор».

Через «Тор» он напрямую связался с Кингстоном Паркером.

– Мы используем все свое влияние, – заверил Паркер и с глубоким сочувствием добавил: – Питер, я переживаю вместе с вами. Не могу отделаться от мысли, что это я поставил вас в такое ужасное положение. Я не ожидал, что удар нанесут, используя вашу дочь. Вы знаете, что можете рассчитывать на любую мою помощь.

– Спасибо, сэр, – сказал Питер, и на мгновение его решимость поколебалась. Через десять дней он должен будет убить этого человека. Питер заставил себя вспомнить о сморщенном пальце в бутылочке.

Влияние Кингстона Паркера проявилось немедленно. Через шесть часов через комиссара полиции был получен приказ с Даунинг-стрит: следующий налет на предполагаемое убежище похитителей поручен «Тору».

Королевские ВВС на время операции предоставили «Тору» два вертолета, и боевая группа начала интенсивные тренировки по действиям в городских условиях. Питер тренировался вместе с бойцами, они с Колином быстро восстановили прежнюю связь и понимание.

Когда не было тренировок, не отрабатывалась быстрая посадка в вертолет и высадка с воздуха, Питер пропадал в тире, стараясь забыться в грохоте выстрелов, но дни летели стрелой, принося обильный урожай ложных тревог и бессмысленных наводок.

Каждую ночь Питер осматривал в зеркале над баром свое лицо: оно становилось все более осунувшимся, голубые глаза потускнели от усталости и ужаса ожидания того, что может принести новое утро.

До назначенного Калифом срока оставалось шесть дней, когда Питер вышел из отеля, сел в метро на Грин-парк и вышел на Финсбери-парк. В магазинчике садовых удобрений возле станции он купил двадцатифунтовый пластиковый мешок нитрата аммония. В закрытом чемодане принес его в «Дорчестер» и спрятал в шкафу под висящей шинелью.

Ночью он говорил с Магдой Альтман. Она снова попросила разрешения прилететь в Лондон.

– Питер, я знаю, что могу тебе помочь. Даже если просто буду стоять рядом и держать тебя за руку.

– Нет. Мы уже говорили об этом. – Он слышал жесткие нотки в своем голосе, но ничего не мог поделать, понимая, что вот-вот сорвется. – Ты что-нибудь узнала?

– Прости, Питер. Ничего, абсолютно ничего. Мои источники делают все возможное.

На заправке на Брюэр-стрит Питер купил солярки. Взял пять литров в пластиковый контейнер с плотной крышкой, где раньше держали моющее средство. Горючее ему равнодушно отпустил прыщавый подросток в грязном комбинезоне.

В ванной Питер смешал с соляркой нитрат аммония. И изготовил двадцать один фунт сильнейшей взрывчатки, которая тем не менее оставалась безопасной, пока не вставишь взрыватель. Взрыватель он изготовил из сигнального фонаря.

Такое количество взрывчатки способно полностью опустошить его многокомнатный номер, уничтожив всех, кто в нем находится. Но ущерб ограничится только этими комнатами.

Достаточно заманить Кингстона Паркера в номер под предлогом необходимости сообщить срочную информацию о Калифе. Это нетрудно. Сведения будут настолько важными, что их можно сообщить только лично и самому Паркеру.

Ночью Питер увидел в зеркале лицо человека, измученного неизлечимой болезнью. Бутылка с виски была пуста. Питер открыл новую. «Легче будет уснуть», – сказал он себе.

Ветер с Ирландского моря полосовал, как серп жнеца, низкие свинцовые тучи цеплялись за склоны холмов Уиклоу.

Сквозь прорехи в облаках на зеленые лесистые склоны падали холодные чахлые лучи солнца. На смену им приходил дождь, ледяной, серый, косой из-за ветра.

По пустынной деревенской улице шел человек. Ежегодное нашествие туристов еще не началось, но на многих коттеджах уже появилась надпись «Ночлег и завтрак».

Человек миновал паб,* выкрашенный в поразительный оранжево-розовый цвет, и поднял голову, чтобы прочесть надпись на доске объявлений над пустой автостоянкой: «Черное прекрасно – пейте «Гиннесс».** Человек не улыбнулся, только наклонил голову и побрел через мост, деливший деревню на две части.

Полуночный художник с помощью аэрозольной люминесцентной краски нанес на перила моста политические лозунги.

«ДОЛОЙ АНГЛИЧАН!» – было написано слева, а справа: «ПРЕКРАТИТЬ ПЫТКИ В БЛОКЕ ЭЙЧ!» На этот раз человек кисло усмехнулся.

Под ним у опор моста кипела, устремляясь к морю, стальная серая вода.

На человеке была пластиковая накидка мотоциклиста, высокие сапоги, на самые брови надвинута твидовая шляпа с узкими полями. Ветер немилосердно толкал путника, трепал полы накидки.

Сгибаясь на ветру, ежась под напором его холодной ярости, человек миновал последние дома деревни. Улица была пуста, но он знал, что из занавешенных окон за ним наблюдают.

Деревня располагалась на нижних склонах холмов Уиклоу, всего в тридцати километрах от Дублина. Это был не его выбор. Уединенность этих мест работала против них, делала их подозрительными. Он предпочел бы анонимность большого города. Однако его не спросили.

После их прибытия он выходил из дома всего в третий раз. Неизменно за чем-нибудь срочным, чем-то таким, что можно было предусмотреть заранее, что должно было ждать их в старом доме. Вот что значит полагаться на пьяницу – но и по этому поводу с ним не советовались.

Он был в дурном настроении. Почти все время льет как из ведра, а центральное отопление не работает, греться можно только у маленького камина, но он не протапливает большие помещения, где они живут. Высокие потолки и отсутствие мебели еще больше затрудняют обогрев, и с самого приезда он мерзнет. Они ютятся в двух комнатах, остальная часть дома закрыта, окна забраны ставнями. И день за дождливым днем единственное его

---

* Пивная. – *Примеч. пер.*

** Крепкое темное пиво. – *Примеч. пер.*

общество – нытик-пьяница. Человек давно дозрел до того, чтобы устроить тарарам, хоть как-то нарушить томительное однообразие. А его превратили в мальчика на побегушках и слугу. Ни темперамент, ни подготовка не позволяли ему играть эту роль, и он мрачно хмурился, бредя по мосту к деревенскому магазину, возле которого, как часовые, выстроились в ряд бензозаправочные автоматы.

Хозяин увидел его издали и крикнул в глубь магазина:

– Идет сам из Старого Поместья.

Вытирая руки о передник, показалась жена, низкорослая полная женщина с яркими глазами, бойкая на язык.

– У горожан никакого ума нет. В такое ненастье!

– Наверно, опять за бобами и виски «Джемисон».

Разговоры о новом жильце Старого Поместья скоро стали главным развлечением в деревне; регулярно поступали краткие сводки новостей: два телефонных звонка за море (от телефонистки); никакой почты (от почтальона); в мусорных баках главным образом жестянки от бобов и пустые бутылки виски «Джемисон» (от мусорщика).

– Мне кажется, он из этих, с севера, – сказала жена хозяина. – Похож на ольстерца.

– Тише, женщина, – предупредил ее муж. – Накличешь. Ступай на кухню.

Человек вошел, снял твидовую шляпу и отряхнул ее о косяк. Прямые, черные, коротко подстриженные волосы, смуглое ирландское лицо, яростные глаза, похожие на глаза сокола, которому впервые надели на голову кожаный клобучок.

– Доброго вам утра, мистер Барри, – сердечно приветствовал его хозяин. – Вот увидите, прояснеет, так и дождь перестанет.

Человек, которого они знали под именем Барри, хмыкнул, снял плащ и быстрым внимательным взглядом обвел магазин.

На нем был грубый твидовый пиджак поверх свитера и вельветовых брюк, заправленных в голенища высоких сапог.

– Книгу не дописали?

Барри сказал молочнику, что пишет книгу об Ирландии. Холмы Уиклоу всегда были оплотом литераторов, здесь, пользуясь либеральным ирландским налогообложением людей творческих профессий, в радиусе двадцати миль жили два десятка известных или эксцентричных писателей.

– Еще нет, – ответил Барри и пошел к ближайшим полкам. Выбрал с полдюжины предметов и выложил их на потертый прилавок.

– Как напишете и напечатаете, попрошу библиотеку прислать мне экземпляр, – пообещал хозяин, полагая, что именно это и хочет слышать всякий писатель, и начал выбивать чек.

Верхняя губа у Барри была неестественно гладкой и более бледной, чем все лицо. Накануне прибытия в деревню он сбрил висячие усы и подрезал волосы, свисавшие почти на глаза.

Хозяин взял в руки одну из покупок и вопросительно взглянул на Барри, но смуглое лицо ирландца оставалось бесстрастным, никакого объяснения он не дал, и хозяин смущенно опустил голову. Вместе с другими он положил в бумажный пакет и этот предмет.

– Три фунта двадцать пенсов, – сказал он и со звоном закрыл кассу, поджидая, пока Барри набросит на плечи накидку и наденет твидовую шляпу. – Бог в помощь, мистер Барри.

Ответа хозяин не получил. Он смотрел вслед покупателю, пока тот не добрался до моста, и только потом позвал жену.

– Мрачный тип, – заметила она.

– У него там подружка. – Хозяин раздулся от важности своего открытия.

– С чего ты взял?

– А зачем ему покупать женские штучки? – Он понимающе подмигнул.

– Не знаю.

– Знаешь. Женские штучки.

Жена начала развязывать передник.

– Ты уверен? – спросила она.

– Я тебе когда-нибудь врал?

– Схожу к Молли чайку попить, – оживленно объявила жена; через час новость будет знать вся деревня.

Человек, которого они знали как Барри, шел по узкой – с обеих сторон высокие стены – тропе к Старому Поместью. Высокие сапоги и просторная накидка делали его походку неуклюжей. Он был худой и стройный, в превосходной физической форме, а глаза под полями шляпы ни минуты не оставались неподвижными, это были глаза охотника, все время посматривающие по сторонам.

Высота стены – двенадцать футов, на камнях серебристо-серые лишайники; стена потрескалась и местами осела, но все же представляла значительную преграду и обеспечивала необходимые уединение и безопасность.

В конце дороги были прогнившие и просевшие двойные двери, но с новым латунным замком и заделанными свежим деревом щелями между досками, так что заглянуть внутрь было невозможно.

Барри открыл замок, прошел внутрь и тщательно запер за собой дверь. Он оказался в гараже.

Внутри стоял темно-синий «остин», прямо у двери, так чтобы можно было немедленно уехать. Он был угнан в Ольстере две недели назад, снабжен дополнительным багажником на крыше, чтобы изменить внешний вид, и новым номером. Двигатель проверен, Барри заплатил за машину вдвое дороже рыночной цены.

Теперь он сел за руль и повернул ключ в зажигании. Мотор сразу заработал. Барри довольно хмыкнул: успех и провал могут разграничивать секунды, а в его жизни смерть и провал – синонимы. Он с полминуты прислушивался к работе мотора, проверил подачу горючего и давление масла, выключил двигатель и через заднюю дверь гаража прошел на заросший задний двор.

У старого дома был печальный заброшенный вид. Плодовые деревья небольшого сада все были больны грибком и окружены сорняками.

Соломенная крыша прогнила, окна напоминали глаза слепца.

Барри вошел через кухню. Он бросил на пол накидку и шляпу и поставил сумку на доску для просушки у раковины. Сунул руку в соседний ящик и достал оттуда пистолет. Английский офицерский пистолет, захваченный три года назад в армейском арсенале в Ольстере.

Барри привычно проверил его и поместил за пояс. То короткое время, которое приходилось проводить без оружия, он чувствовал себя голым и уязвимым, но неохотно признавал, что рискованно брать с собой в деревню пистолет.

Он налил в чайник воды, и при этих звуках из темного внутреннего помещения послышался голос:

– Это ты?

– А кто еще? – сухо ответил Барри, и из глубины дома появился и встал на пороге кухни второй человек.

Худой, сутулый, лет под пятьдесят; опухшая красная физиономия алкоголика.

– Принес? – Голос у него был сиплый, пропитой, вид – потрепанный, лицо в пятнах и седой щетине.

Барри указал на сумку у раковины.

– Все там, доктор.

– Не зови меня так, я больше не доктор, – раздраженно сказал забулдыга.

– Ну как же, очень хороший доктор. Спроси у девиц, которые расстались со своим грузом...

– Оставь меня в покое, черт побери.

Да, он был хорошим врачом. Давно, еще до виски, а теперь только аборты, огнестрельные раны беглецов и такая работа, как эта. Об этой работе ему не хотелось думать. Он подошел к раковине и стал разбирать покупки.

– Я просил пластырь.

– У них нет. Я принес бинт.

– Я не могу... – начал человек, но Барри гневно повернулся к нему, и лицо его потемнело.

– Хорош ныть! Надо было взять все необходимое, а не гонять меня.

– Я ждал, что рана...

– Бутылку ты ждал, вот что. Пластыря нет. Перевяжешь сучку бинтом.

Старший быстро попятился, подобрал пакеты и исчез внутри.

Барри заварил чай, налил в толстую фарфоровую чашку, добавил четыре ложки сахару и шумно размешал, глядя в окно на неясные очертания сосен. Снова пошел дождь. Барри подумал, что дождь и ожидание сведут его с ума.

Врач вернулся в кухню с грудой бинтов, испачканных кровью и гноем.

– Она больна, – сказал он. – Ей нужны лекарства, антибиотики. Палец...

– Забудь об этом, – сказал Барри.

Из другой комнаты донесся приглушенный всхлип и невнятное бормотание – бред девочки, вызванный лихорадкой и наркотиками.

– Если за ней не будет должного ухода, я снимаю с себя ответственность.

– Ты будешь отвечать, – с угрозой сказал Барри. – Я об этом позабочусь.

Врач бросил бинты в раковину и пустил на них воду.

– Теперь я могу выпить? – спросил он.

Садист Барри сделал вид, что смотрит на часы.

– Еще нет, – решил он.

Врач насыпал в раковину стирального порошка.

– Я не смогу отрезать руку, – прошептал он, и голова у него затряслась. – И палец-то было жалко... а руку я не смогу.

– Отрежешь, – сказал Барри. – Слышишь, старый пьяница? Отрежешь руку и все остальное, что я прикажу.

Сэр Стивен Страйд предложил пятьдесят тысяч фунтов тому, кто предоставит информацию, которая позволит найти его племянницу, оповестив об этом широкую публику по телевидению и в газетах. Тут же печатали портрет преступника. Утихший было интерес к этому случаю вспыхнул снова.

За последние два дня Ричардс вчетверо сократил штат отвечающих на звонки, оставив одного человека, но обещание награды породило новый вал информации, и он попросил второго полицейского вернуться на третий этаж. Поступающий материал разбирали два секретаря.

– Я теперь словно «Литтлвудз»,* – пожаловался инспектор Питеру. – Вот опять берущие на себя ответственность. – Он взял листок. – Народно-демократическая партия освобождения Гонконга. Слышали о такой когда-нибудь?

– Нет, сэр. – Сержант поднял голову от списка. – Это у нас сто сорок восьмое признание.

– А полчаса назад опять звонил Генрих Восьмой. – Одна из телефонисток повернулась и улыбнулась из-за микрофона. – Ни дня не пропустит.

Генрихом Восьмым прозвали шестидесятивосьмилетнего пенсионера, живущего в одном из муниципальных домов Южного Лондона. Его хобби было сознаваться во всех самых громких преступлениях, от изнасилования до грабежа банка, и он звонил регулярно каждое утро.

– Приходите и попробуйте взять меня, – вызывающе говорил он всякий раз. – Но предупреждаю: я не стану мирно ждать...

Когда местный констебль наносил ему визит вежливости – а он делал это регулярно, – Генрих Восьмой ждал его с упакованным саквояжем. И ужасно разочаровывался, когда бобби тактично объяснял ему, что его не собираются арестовывать. Но потом констебль говорил, что за ним приказано постоянно наблюдать, так как комиссар полиции считает его очень опасным человеком, и пенсионер радовался и предлагал бобби чашку чаю.

– Беда в том, что мы не можем упустить ни один звонок, даже самый бредовый, все приходится проверять, – вздохнул Ричардс и пригласил Питера в свой кабинет. – По-прежнему ничего? – спросил он. Ненужный вопрос. Питер уже говорил с ним сегодня по телефону – и из отеля, и из штаб-квартиры «Тора», – справляясь о новостях.

– Ничего, – солгал Питер. Теперь ложь давалась ему легко: он принял ее, как и все остальное, что необходимо для освобождения Мелиссы-Джейн.

– Мне это не нравится, генерал. Мне очень не нравится, что до сих пор не было никаких попыток связаться с вами. Не хочу каркать, но каждый день молчания все больше делает наш случай похожим на месть... – Ричардс смолк и в замешательстве закурил сигаре-

---

* Крупнейшая английская фирма по рассылке товаров по почте. – *Примеч. пер.*

ту. – Вчера мне звонил заместитель комиссара. Он спрашивал, сколько еще дней, по моему мнению, нужно держать специальную группу.

– И что вы ответили? – спросил Питер.

– Что если в течение десяти дней не будет никаких сообщений, не поступят требования похитителей, я буду считать, что ваша дочь мертва.

– Понятно. – Питера охватило фаталистическое спокойствие. Он знал. Он – единственный – знал. До назначенного Калифом срока остается четыре дня. Завтра утром он попросит срочной встречи с Кингстоном Паркером. На подготовку, вероятно, уйдет меньше двенадцати часов. Предложение будет невероятно привлекательным для Паркера. Он прилетит.

Однако на всякий случай – вдруг Паркер все же откажется – Питер оставил три дня до окончания срока, чтобы привести в действие запасной план. Согласно этому варианту ему предстояло самому явиться к Кингстону Паркеру. Первый план был лучше, надежнее, но если он не сработает, Питеру придется рискнуть.

Он понял, что стоит посреди кабинета и с отсутствующим видом смотрит на стену поверх головы инспектора. Ричардс глядел на него со смесью жалости и тревоги.

– Простите, генерал, я понимаю, что вы испытываете, но я не могу держать здесь людей бесконечно. У нас их и так не хватает...

– Понимаю, – резко кивнул Питер и ладонью вытер лицо. Это был жест усталости и поражения.

– Генерал, я думаю, вам нужно показаться врачу. – Голос Ричардса звучал удивительно мягко.

– Не нужно, я просто немного устал.

– Человек не все может.

– Думаю, именно на это и рассчитывают ублюдки, – согласился Питер. – Со мной все будет в порядке.

За дверью слышались почти непрерывные звонки и женские голоса: две сотрудницы полиции регистрировали поступающие сигналы. Все это стало уже привычным, так что когда поступил звонок, которого они ждали и о котором молились, никто ничего не заподозрил и никакого ажиотажа не было.

Девушки сидели на вращающихся стульях перед временным коммутатором. Блондинка лет двадцати пяти, хорошенькая, цветущая, с крупным бюстом, распирающим темно-синий китель, заколола волосы в узел, чтобы не мешали. Наушники делали ее старше и серьезнее.

Раздался звонок, на панели перед ней вспыхнул огонек, она включила коммутатор и заговорила в микрофон:

– Доброе утро. Отдел специальной информации... – У нее был приятный культурный выговор девушки из среднего класса, но вежливость не могла скрыть скуку: блондинка уже двенадцать дней занималась этой работой. Послышался предупредительный гудок телефона-автомата, потом звон упавшей монеты.

– Вы меня слышите? – Иностранный акцент.

– Да, сэр.

– Слушайте внимательно. Она у Джилли О'Шоннеси...

Нет, это имитация, при произношении имени акцент исчез.

– Джилли О'Шоннеси, – повторила девушка.

– Верно. Он держит ее в Ларагхе.

– Пожалуйста, по буквам.

И снова, когда человек по буквам произносил название, акцент исчез.

– А где это, сэр?

– Округ Уиклоу, Ирландия.

– Спасибо, сэр. Как вас зовут?

Послышался щелчок: трубку повесили. Девушка пожала плечами и записала сообщение в блокнот, одновременно глядя на часы.

– Семь минут до чая, – сказала она. Вырвала страничку из блокнота и через плечо передала плотному коротко стриженному сержанту, сидевшему за ней.

– Я тебе куплю булочку, – пообещал тот.

– Я на диете, – вздохнула блондинка.

– Что за чушь, ты отлично вы... – Сержант смолк. – Джилли О'Шоннеси. Откуда я знаю это имя?

Старший сержант внимательно посмотрел на него.

– Джилли О'Шоннеси? – спросил он. – Ну-ка дай сюда. – Он выхватил листок и быстро просмотрел его, шевеля губами при чтении. Потом снова поднял голову. – Ты знаешь это имя, потому что видел его в списке разыскиваемых и по телевизору. Джилли О'Шоннеси! Клянусь Богом, это тот самый, что подложил бомбу в «Красного льва» в Лейчестере и застрелил главного констебля Белфаста.

Коротко подстриженный полицейский негромко присвистнул: «Похоже, есть. Клюнуло...» Но старший сержант уже ворвался в кабинет Ричардса, даже не постучавшись.

Ричардс связался с дублинской полицией через семь минут.

– Предупредите их, что не должно быть никаких попыток... – нервничал Питер, пока они ждали, но Ричардс оборвал его.

– Довольно, генерал, предоставьте это мне. Я знаю, что нужно делать...

В этот момент установили связь с Дублином, и инспектора быстро соединили с помощником комиссара. Минут десять он быстро и энергично говорил, потом положил трубку.

– Они воспользуются силами местной полиции, чтобы не терять времени на отправку людей из Дублина. Мне пообещали, что к тому месту, где находятся подозреваемые, никто не подойдет.

Питер кивнул.

– Ларагх, – сказал он. – Никогда не слышал. Там не должно быть больше нескольких сотен жителей.

– Я послал за картой, – ответил Ричардс, и, когда ее принесли, они вместе приступили к изучению.

– На склонах холмов Уиклоу, в десяти милях от берега...

Это все, что им удалось узнать из крупномасштабной карты.

– Придется ждать звонка из Дублина.

– Нет, – покачал головой Питер. – Позвоните им еще раз и попросите связаться с инспектором земельного отдела. У него должны быть триангуляционные карты деревни, аэрофотографии, планы улиц. Попросите доставить все это в аэропорт Эннискерри.

– Стоит ли? Вдруг это очередная ложная тревога?

– Мы потратим всего галлон бензина и время шофера... – Питер не мог больше сидеть, он вскочил с места и принялся расхаживать по кабинету, который внезапно стал слишком мал; ему казалось, что он вот-вот задохнется. – Не думаю. У меня чутье. Я чую зверя.

Ричардс удивленно взглянул на него, и Питер сделал виноватый жест.

– Это я образно, – объяснил он и остановился, сраженный новой мыслью. – Вертолетам придется заправляться – на одной заправке они не долетят, и скорость у них черепашья! – Он помолчал, что-то решая, потом наклонился над столом Ричардса, снял трубку с телефона и позвонил Колину Ноблу в «Тор».

– Колин. – Он говорил резко, отрывисто – напряжение сжимало горло, словно кулаком. – Мы получили сигнал. Подтверждения пока нет, но он кажется самым обещающим.

– Где? – сразу спросил Колин.

– В Ирландии.

– Далековато.

– Верно. Сколько вертолет летит до Эннискерри?

– Подожди.

Питер слышал, как Нобл заговорил с кем-то, вероятно, с одним из пилотов Королевского Военно-воздушного флота. Через минуту он снова взял трубку.

– В пути им придется заправляться...

– Да? – нетерпеливо спросил Питер.

– Четыре с половиной часа.

«Сейчас двадцать минут одиннадцатого, до Эннискерри они доберутся к трем. С такой погодой уже к пяти стемнеет. – Питер напряженно думал. – Если они пошлют «Тор» в Ирландию по ложной тревоге... а в это время преступники обнаружатся в Шотландии, или в Голландии, или...

Пахнет зверем. Это оно», – сказал он себе и глубоко вздохнул. Он не мог приказать Колину перейти к «Браво». Питер больше не командир «Тора».

– Колин, – сказал он. – Я думаю, это то самое. Я уверен. Ты поверишь мне? Объявишь «Браво»? Если подождать еще полчаса, мы не доберемся до Мелиссы-Джейн раньше полуночи... если она там еще будет...

Наступило долгое молчание, нарушаемое только дыханием Колина Нобла.

– Дьявольщина, мне это может всего лишь стоить работы, – легко сказал он наконец. – Питер, малыш, объявляю «Браво». Через пять минут мы в воздухе. Через пятнадцать минут подбираем тебя на вертолетной площадке. Будь готов.

Облака расходились, но по-прежнему дул сильный ветер, на открытой вертолетной площадке он проникал Питеру под пальто и пиджак. Ожидающие смотрели в небо над бурной Темзой, напрягая глаза в поисках вертолетов.

– Что если подтверждение придет раньше, чем вы доберетесь до Эннискерри?

– Свяжитесь с нами на частотах воздушного флота, – ответил Питер.

– Надеюсь, у меня не будет для вас дурных новостей. – Ричардс одной рукой придерживал котелок, полы пальто развевались вокруг тощего тела, лицо покраснело от холода. Послышался рокот, и показались два вертолета; пролетев над самыми крышами, они зависли на вращающихся серебряных винтах.

Питер даже за сто футов узнал в открытой двери рядом с яркими розетками Королевского Военно-воздушного флота массивную фигуру Колина Нобла. Вдруг налетел вихрь, поднятый винтами.

– Удачной охоты, – крикнул Ричардс. – Эх, жалко, я не лечу!

Питер легко побежал вперед и запрыгнул в вертолет раньше, чем тот коснулся площадки. Колин, не вынимая сигары изо рта, поймал его за руку и втянул внутрь.

– Добро пожаловать на борт, приятель. А теперь в дорогу. – И он снял с пояса большой пистолет 45-го калибра.

– Она не ест. – Врач появился из внутренней комнаты и выбросил еду с тарелки в мусорное ведро под раковиной. – Я беспокоюсь о ней. Очень беспокоюсь.

Джилли О'Шоннеси хмыкнул, но не поднял головы от тарелки. Коркой хлеба он тщательно вытер остатки кетчупа, сунул хлеб в рот, запил чаем, жуя, откинулся на стуле и принялся разглядывать врача.

Тот может сорваться. Вероятно, не продержится и недели, нервы вконец сдадут. Джилли О'Шоннеси видел, как при таком напряжении ломались и более сильные люди.

Он понял, что и его нервы сдают.

Сказывались не только дождь и ожидание. Всю жизнь он был лисой, и у него развилось чутье дикого зверя. Он чуял опасность, чуял преследователей, даже когда никаких доказательств не было. И не мог долго оставаться на одном месте, особенно во время работы. Здесь он уже двенадцать дней – слишком долго. Чем больше Джилли об этом думал, тем сильнее беспокоился. Почему ему приказали привезти мерзкую девчонку в этот изолированный и потому особенно подозрительный тупик? Сюда ведет только одна дорога, есть только один путь к отступлению. Почему его заставили сидеть здесь и ждать? Он предпочел бы постоянно перемещаться. Если бы он руководил операцией, то раздобыл бы подержанный автофургон и переезжал со стоянки на стоянку... Внимание Джилли немного рассеялось, пока он думал о том, как организовал бы дело. Если бы планировал он...

Он закурил сигарету и посмотрел в залитое дождем окно, рассеянно слушая сетования доктора. На самом деле нужно было отрубить этому отродью все пальцы и с перерывами посылать их папаше, а потом придушить девчонку подушкой и похоронить в огороде или выбросить в море; тогда не нужен был бы врач и все это лечение...

Все остальное было проделано с профессиональным мастерством, начиная с контакта, который установили с ним в фавеле Рио-де-Жанейро, где он скрывался в неряшливой однокомнатной развалюхе с индейской женщиной-полукровкой и истратил все до последнего фунта.

Его удивили. Он думал, что замел все следы, но его отыскали. Дали паспорт и билеты на имя Барри; документы ничуть не походили на подделку. Хорошие документы, он был в этом уверен. В документах он разбирался.

Все остальное тоже было прекрасно спланировано и быстро осуществлялось. Деньги – тысяча фунтов в Рио, еще пять тысяч в тот день, когда они схватили девчонку. Он был уверен, что получит и обещанные итоговые десять тысяч. Это гораздо лучше, чем «Серебряный город», как англичане называют зону в Мейзе* (Калиф пригрозил ему отсидкой, если он не справится).

«Калиф... что за идиотское имя, – в пятидесятый раз подумал Джилли О'Шоннеси, бросая окурок в свой недопитый чай. – Точно, идиотское, да только от него почему-то нападает мандраж». И Джилли вздрогнул, не только от холода.

Он встал и подошел к окну. Все было сделано невероятно быстро, с редкостной целеустремленностью, все тщательно планировали, обо всем подумали заранее – и прокол с доктором казался ему еще более тревожным.

Джилли О'Шоннеси казалось, что Калиф ничего не делает случайно – тогда почему ему приказано сидеть в этом опасном «бутылочном горлышке», откуда, случись что, не уйти? Просто сидеть и ждать?

Он поднял накидку и шляпу.

– Куда ты? – забеспокоился врач.

– Прогуляюсь, – ответил Джилли О'Шоннеси, надвигая шляпу на глаза.

– Ты все время бродишь вокруг, – сказал врач. – Я из-за этого нервничаю.

Смуглый ирландец достал пистолет и проверил, заряжен ли он, прежде чем сунуть за пояс.

– Ты сиделка, вот и сиди, – огрызнулся он. – А мужскую работу оставь мне.

Маленький черный «астон» медленно катил по пустынной деревенской улице. Дождь стучал по его крыше и капоту. Крошечные белые взрывы смазывали очертания автомобиля, поток, льющийся по ветровому стеклу, не позволял разглядеть сидящих в машине. Только когда «астон» остановился возле единственного деревенского магазина и обе его дверцы открылись, любопытство жителей, поглядывавших из окон, было удовлетворено.

На двух ирландских полицейских были синие зимние мундиры с темными эполетами. Полисмены торопливо направились к магазину; дождь окропил их кожаные фуражки.

– Мэйв, золотко, доброе утро, – приветствовал сержант полную краснолицую женщину за стойкой.

– Оуэн О'Нийл! – Она засмеялась, узнав сержанта: тридцать лет назад они заставляли исповедников ерзать. – Что привело тебя сюда из большого города?

Конечно, очень великодушно было называть так курортный городок Уиклоу в пятнадцати милях ниже по дороге.

– Твоя цветущая улыбка...

Минут десять они болтали, как старые друзья; на звон чайных чашек явился из кладовки муж.

– Что новенького в Ларагхе? – спросил наконец сержант. – Может, поселился кто?

– Нет, все те же самые. В Ларагхе, слава Богу, ничего не меняется. – Хозяин магазина покачал головой. – А вот внизу, в Старом Поместье, поселился какой-то малый с подружкой. – Он понимающе подмигнул. – Да только он приезжий, и мы его не считаем.

---

* Тюрьма в Северной Ирландии, где содержатся террористы. – *Примеч. пер.*

Сержант неуклюже извлек блокнот, открыл его и достал оттуда листок: обычный полицейский снимок анфас и в профиль. Прикрывая имя пальцем, он показал фотографию.

– Нет. – Женщина решительно покачала головой. – Тот, что из Поместья, на десять лет старше, и усов у него нет.

– Фото сделано десять лет назад, – ответил сержант.

– Почему ты сразу не сказал? Тогда это он. Это мистер Барри.

– Старое Поместье, говоришь? – Сержант надулся от важности и спрятал снимок в блокнот. – Разреши воспользоваться телефоном, дорогая.

– А ты потом куда? – подозрительно спросил хозяин.

– В Дублин, – ответил сержант. – Служба.

– Придется взять с тебя деньги за звонок, – быстро предупредил хозяин.

– Видишь, – сказала ему жена, пока сержант разговаривал с телефонисткой деревенского коммутатора, – я тебе говорила, вид у него подозрительный. Только увидела его и поняла, что он с севера и несет с собой беду, как черный ангел.

Джилли О'Шоннеси держался поближе к стене, чтобы укрыться от дождя и возможного наблюдения со склона за рекой. Двигался он осторожно и тихо, как кот ночью, останавливался, осматривая землю в тех местах под стеной, где можно укрыться, изучая влажную траву, где могли остаться следы.

В дальнем углу сада он забрался на старую яблоню и заглянул за стену, стараясь, чтобы его голова не выделялась на фоне неба.

Двадцать минут он ждал, с невероятным терпением хищника, потом спрыгнул вниз и снова обошел стену по периметру, ни на мгновение не расслабляясь, не обращая внимания на холод и усиливающийся дождь.

Ничего, ни малейшего признака опасности, никакой причины для грызущего беспокойства – но тревога не унималась. Он дошел до другого наблюдательного пункта, железной калитки, ведущей на узкую, огражденную с обеих сторон стенами дорогу, прислонился к каменному столбу, укрывая в горсти сигарету и спичку, и чуть пригнулся, чтобы в щель видеть дорогу до самого моста.

И снова стал терпеливо ждать, заставив себя забыть о физических неудобствах и напрягая глаза и мозг.

В который уже раз он удивился необычной системе связи и обмена информацией, на которой настоял Калиф. Он платил чеками на предъявителя, в швейцарских франках. Чеки приходили на адрес Джилли в Рио, а оттуда их пересылали в Лондон.

Однажды он доставил Калифу посылку – бутылочку с ее содержимым – и дважды звонил по телефону. Посылку приготовили через два часа после захвата девчонки, пока она еще находилась под действием большой дозы наркотика. Врач – доктор Джемисон, как нравилось его называть Джилли О'Шоннеси, – выполнил свою работу на заднем сиденье второй машины. Она ждала на стоянке у Кембриджской железнодорожной станции, маленький зеленый «форд» с полностью закрытым салоном. В осенних сумерках они перенесли девчонку из «триумфа» в «форд», а потом остановились на трассе А10 у придорожного кафе, и доктор сделал свое дело. Все инструменты уже ждали в машине, но

доктор работал плохо, руки у него дрожали, он нервничал и клянчил выпивку. Девчонка потеряла много крови, а теперь рана воспалилась.

Мысли о докторе вызвали у Джилли О'Шоннеси еще большую досаду.

Он доставил бутылочку в условленное место; как и договаривались, машина ждала и дважды мигнула фарами – условный сигнал. Джилли даже не остановился, просто медленно проехал мимо и протянул бутылочку, а потом покатил прямо на запад и уплыл на утреннем пароме задолго до того, как подняли тревогу.

Потом пришло время телефонных звонков. Они беспокоили Джилли О'Шоннеси, как и все остальное в этом проклятом деле. Первый раз он позвонил, как только они добрались до Ларагха. Звонок был международный. Джилли сказал всего два слова: «Мы прибыли», – и дал отбой. Неделю спустя он позвонил по тому же номеру, сказал единственную фразу: «Нам очень нравится», – и тут же повесил трубку.

Джилли вспомнил: местная телефонистка каждый раз звонила ему, спрашивала, хорошо ли он поговорил, и голос у нее был удивленный и заинтригованный.

До сих пор Калиф работал не так, здесь он оставлял след для охотников, и Джилли непременно высказал бы свои возражения, если бы было кому. Однако он знал только номер телефона. Никакой возможности связаться с Калифом не было. Здесь, у ворот, он решил, что пропустит очередной звонок. Позвонить следовало через четыре дня.

Тут Джилли вспомнил, что в этот день надо отрезать девчонке руку. Наверное, во время этого разговора он получит указания по доставке руки. Однако ему это не нравилось. Даже при таких деньгах. И он почему-то вспомнил один давний случай.

Они хотели передать англичанам дезу – подробности операции, которая на самом деле проводилась в другом месте и в другое время. Подробные, но вымышленные сведения передали молодому ненадежному бойцу, такому, который не выдержит допросов, и поместили его на явку в одном доме на Шенкилл-роуд. Там англичане его и взяли.

Джилли О'Шоннеси почувствовал легкое, этакое электрическое покалывание в спине, а это ощущение никогда не подводило его – никогда. Он посмотрел на свои дешевые японские часы: почти четыре, над холмами, серыми и холодно-зелеными, сгущаются вечерние сумерки. Подняв голову, он заметил на дороге движение.

С холма по дороге спускалась машина, она прошла поворот и поехала к мосту. Маленький черный фургон. Вот он исчез за стеной. Джилли О'Шоннеси, не особенно беспокоясь, ждал его появления. Его по-прежнему тревожили эти два телефонных звонка. Он пытался понять, зачем они нужны, почему Калиф заставил его рисковать.

Маленькая черная машина миновала мост и свернула на дорогу, ведущую к Старому Поместью, но видно было плохо, и Джилли сумел различить за ветровым стеклом, по которому скользили дворники, только очертания двух голов.

Машина затормозила и поползла немногим быстрее пешехода. Джилли инстинктивно выпрямился, неожиданно насторожившись и внимательно всматриваясь в щель. Он увидел бледные пятна повернутых в его сторону лиц. Машина пошла еще медленнее. Ближайшее боковое окно было чуть опущено, и Джилли впервые ясно разглядел салон машины, увидел форменную фуражку и серебряный блеск кокарды над белым лицом. По спине Джилли снова пробежало электрическое покалывание, и вдруг стало трудно дышать.

Машина свернула за угол стены, и он услышал, что она пошла быстрее.

Джилли О'Шоннеси круто развернулся, взметнув полы просторной накидки, и побежал к дому. В этот миг, когда пришла пора действовать, он вновь обрел хладнокровие, уверенность в себе и спокойствие.

В кухне было пусто. Он пересек ее в несколько скачков и рывком распахнул дверь в соседнюю комнату.

Врач работал у постели. Он гневно сказал:

– Я велел стучать.

Они уже спорили об этом. У доктора сохранились причудливые воспоминания о врачебной этике. Ради денег, в которых отчаянно нуждался, он мог изуродовать ребенка ампутацией, но яростно протестовал, заметив, что Джилли О'Шоннеси стал задерживаться и с вожделением глазеть на полувзрослое тело, когда врач раздевал девочку для мытья, лечения и отправления естественных потребностей.

Смуглый ирландец попробовал подавить этот бунт, но встретил на редкость упорное сопротивление и потому отказался от извращенного удовольствия и заходил во внутреннюю комнату, только когда его звали.

Сейчас девочка лежала лицом вниз на грязных простынях, светлые волосы перепачкались и спутались. Борьба врача за чистоту была такой же неэффективной, как и его хирургия.

Инфекция и наркотики обессилили девочку, на ее спине отчетливо выделялся каждый позвонок, обнаженные ягодицы казались трогательно уязвимыми, тощими и бледными.

Врач прикрыл ее простыней по плечи и повернулся в попытке защитить девочку. Нелепый жест, если посмотреть на грязную повязку на ее левой руке... Джилли О'Шоннеси яростно выкрикнул:

– Уходим!

– Ее нельзя сейчас трогать, – возразил врач. – Она серьезно больна.

– Одевайся, – мрачно согласился Джилли. – Придется ее оставить. – Он пошарил под накидкой и извлек пистолет. Взвел курок и шагнул к постели. Врач схватил его за руку, но Джилли легко оттолкнул его, отбросив к стене.

– Ты прав, сейчас она нам мешает. – Он приставил ствол пистолета к затылку девочки.

– Нет, – закричал врач. – Не делай этого. Возьмем ее с собой.

– Уходим, как только стемнеет. – Джилли отступил и разрядил пистолет. – К тому времени будь готов, – предупредил он.

Два вертолета летели почти рядом, второй чуть сзади и выше. Под ними свинцовой простыней с полосками белой пены лежал пролив Святого Георга.

В Карнарвоне они перезаправились и, покинув берег Уэльса, набрали скорость, но ночь обгоняла их, и Питер Страйд, нервничая, каждые несколько секунд поглядывал на часы.

Предстояло преодолеть всего девяносто миль открытой воды, но Питеру они показались Атлантическим океаном. Рядом с ним на скамье, тянувшейся вдоль всего салона, сидел Колин с погасшей сигарой в углу рта – на стене за кабиной пилота горела надпись: «Не курить». Остальные бойцы «Тора», как обычно, полностью расслабились: некоторые лежали на полу, используя в качестве подушек свое оборудование, другие легли на скамью.

Только Питер Страйд был на взводе, словно его кровь была перенасыщена нервной энергией. Он снова встал и посмотрел в перплексовое окно, измеряя количество дневного света, пытаясь сквозь толстый облачный покров определить высоту и положение солнца.

– Спокойней, – посоветовал ему Колин, когда он снова сел. – Заработаешь язву.

– Колин, нужно определиться с приоритетами при штурме. – Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть шум ветра и мотора.

– Никаких приоритетов. У нас только одна цель – забрать Мелиссу-Джейн и обеспечить ее безопасность.

– Пленных для допросов брать не будем?

– Питти, в районе цели мы ударим по всему, что движется, и ударим крепко.

Питер с удовлетворением кивнул.

– Все равно это наемники и ничего не знают о хозяине. Но как же Кингстон Паркер? Ему нужны пленные.

– Кингстон Паркер. – Колин извлек окурок изо рта. – Никогда о таком не слышал. Здесь решения принимает дядя Колин. – Он кривовато, но дружески улыбнулся Питеру, и в этот миг бортинженер вышел из кабины и крикнул:

– Впереди ирландский берег. Через семь минут приземлимся в Эннискерри, сэр.

В Эннискерри было объявлено чрезвычайное положение. Все остальные воздушные суда задержали над аэропортом в режиме ожидания, освобождая место для экстренного приземления вертолетов.

Те с громом появились из низких серых облаков и дождя и сели на площадку у ангаров. Между ними тотчас показалась полицейская машина с горящими мигалками и устремилась к вертолетам. Винты еще не замерли, а два представителя ирландской полиции и один – из отдела земельного инспектора уже поднялись на борт.

– Страйд, – быстро представился Питер, одетый в маскировочный черный костюм «Тора»; у его правого бедра на поясе висел пистолет.

– Генерал, мы получили подтверждение, – сказал инспектор полиции, когда они обменивались рукопожатием. – Местные жители опознали О'Шоннеси на фотографии. Он окопался здесь.

– Узнали, где именно? – спросил Питер.

– Да, сэр. В старом полуразвалившемся здании на краю деревни... – Он знаком подозвал очкастого работника земельного отдела, который прижимал к груди папку. В вертолете не было стола, и карты и фотографии расстелили прямо на полу.

Колин Нобл подозвал бойцов из второго вертолета, и двадцать человек сгрудились вокруг карт.

– Вот это здание. – Землемер синим карандашом начертил кружок.

– Хорошо, – сказал Колин. – У нас хорошие ориентиры – возьмем либо реку, либо дорогу и полетим вдоль них до моста и церкви. Цель – между ними.

– Плана здания или какой-нибудь схемы помещений нет? – спросил один из бойцов.

– Простите, но у нас не было времени искать, – извинился землемер.

– Несколько минут назад местные полицейские доложили, что рассматривали дом из-за каменной стены, но ничего не заметили. Никакого шевеления.

– Они не подходили близко? – встревожился Питер. – Им было строго приказано не приближаться к подозреваемым.

– Проехали мимо по дороге. Один раз. – Инспектор слегка смутился. – Хотели убедиться, что...

– Если это О'Шоннеси, ему нужен только намек и он исчезнет... – Лицо Питера словно окаменело, но глаза гневно сверкали. – Почему эти люди не могут точно выполнять приказы? – Он быстро повернулся к пилоту в желтом спасательном жилете и шлеме со встроенными наушниками и микрофоном.

– Можете доставить нас туда?

Пилот посмотрел в ближайшее окно – по стеклу ударил новый порыв дождя – и ответил:

– Стемнеет минут через десять, а то и раньше, облака очень низкие; мы сели только благодаря маякам аэропорта... – Он заколебался. – С борта цель никак не засечь... дьявол, не знаю... может, лучше полететь утром, как только рассветет?

– Мы должны быть там вечером. Немедленно.

– Пусть местная полиция обозначит место посадки, – предложил пилот, – факелами или кострами.

– Категорически нет – нам нужно подобраться незаметно, и чем дольше мы рассуждаем, тем меньше у нас шансов. Постараетесь? – Питер почти упрашивал: решается на вылет только пилот, даже диспетчерская не может заставить его поднять машину в воздух, если тот считает, что это невозможно.

– Нам придется все время следить за землей, условия хуже некуда: пересеченная местность и такая погода...

– Попробуйте, – уговаривал Питер, – пожалуйста.

Пилот колебался еще секунд пять.

– Летим! – вдруг сказал он. Группа «торовцев» мгновенно бросилась к люку второго вертолета, а полицейские и землемер убедились, что их не включили в список пассажиров.

Ветер лупил по вертолету, словно боксер по груше, машина ныряла и раскачивалась, вызывая тошноту.

Внизу проносилась земля – очень близкая и в то же время неразличимая в темноте ночи. Фары одинокой машины на сельской дороге, огни деревни, каждый желтый прямоугольник отчетлив и близок – единственные полезные, узнаваемые ориентиры, остальные – темные пятна леса, скалы, каменные стены, разгораживающие поля, – мало помогали в движении, но и они каждые несколько минут исчезали, когда новый порыв дождя уничтожал всякую видимость. Тогда пилот полностью сосредоточивал внимание на тусклом свете приборов, расположенных перед ним буквой «Т».

Всякий раз, как вертолет выныривал из туч, становилось темнее, земля выглядела все более угрожающе, им приходилось все больше снижаться, чтобы не потерять ее из вида. Питер втиснулся на откидное сиденье между двумя пилотами, Колин стоял за ним. Все смотрели вперед в напряженном молчании, а громоздкая машина тяжело летела над самой землей.

Они добрались до берега. Призрачная линия прибоя фосфорически засветилась всего в пятидесяти футах под ними, и пилот сразу повернул на юг – несколько секунд спустя внизу показались огоньки.

– Уиклоу, – сказал командир, а второй пилот назвал новый курс. Теперь они могли лететь прямо в Ларагх.

Вертолеты пошли над самой дорогой.

– Четыре минуты до цели, – крикнул второй пилот Питеру, тыча пальцем вперед, но тот не стал отвечать ему в грохоте и лязге винтов, только проверил свой «вальтер» в быстро расстегивающейся кобуре; пистолет легко лег в руку.

Джилли О'Шоннеси бросил в синюю брезентовую дорожную сумку свои скудные пожитки, смену белья и бритвенный прибор. Потом отодвинул от стены железную кровать и, вынув кирпич, опустошил тайник.

Там хранились новые паспорта. Калиф снабдил документами даже девчонку. Она значилась как Элен Барри, дочь. Калиф обо всем подумал. Вместе с документами лежали шестьсот фунтов в туристских чеках и запасной магазин для пистолета. Джилли положил все это в карман и в последний раз осмотрел мрачную унылую комнату. Он знал, что не оставил никаких следов: все, что может привести к нему охотников, он уносит с собой. Но потребность уничтожать все следы своего пребывания была его манией. Он уже давно перестал думать о себе как о Джилли О'Шоннеси. У него нет имени, и есть только одна цель – уничтожение. Захватывающая страсть уничтожения жизни.

Он мог наизусть прочесть строки из «Катехизиса революционера» Бакунина, особенно определение истинного революционера.

«Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией... Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира... Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность... Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады... Он каждый день должен быть готов к смерти... Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела».

Стоя в пустой комнате, он видел себя в один из редких моментов откровения, видел подлинным революционером, и ему на мгновение захотелось взглянуть на свое отражение в зеркале, укрепленном поверх обвисших обоев над кроватью.

Он увидел холодное смуглое лицо истинного борца и почувствовал гордость оттого, что принадлежит к избранным. Он – карающий меч, вот кто он такой.

Он взял брезентовую сумку и пошел на кухню.

– Готов? – спросил он.

– Помоги-ка.

Джилли поставил сумку и подошел к окну. Быстро темнело, в небе догорали последние розовые и перламутровые отблески заката. Облака казались такими низкими, что их можно коснуться рукой. Деревья в заросшем саду уже поглотили сумерки. Близилась ночь.

– Я не могу нести ее один, – занудил врач, и Джилли отвернулся от окна. Опять пора уходить. В его жизни так было всегда: он уходил, а охотники шли по его следу. Пора бежать, бежать, как бежит лиса.

Он прошел во вторую комнату. Врач завернул девочку в серое шерстяное одеяло и хотел поднять ее с кровати, но не смог. Она лежала, наполовину свесившись на пол.

– Помоги, – повторил врач.

– Отвали! – Джилли О'Шоннеси грубо оттолкнул его и наклонился к девочке. На секунду их лица оказались рядом.

Глаза у девчонки были открыты, она была в сознании, зрачки расширены из-за действия наркотика. Веки покраснели, в углах рта – комки желтой, как масло, слизи. Пересохшие губы покрылись белыми чешуйками, в трех местах потрескались до крови.

– Скажите папе, – прошептала она. – Пожалуйста, скажите папе, что я здесь.

Почуяв кислый болезненный запах ее тела, Джилли брезгливо раздул ноздри, однако легко поднял девчонку, подхватив одной рукой под колени, другой за плечи, и вынес в кухню, пинком открыв дверь, так что замок слетел, а дверь провисла на петлях.

Он быстро пронес девочку через двор к гаражу. Врач с коробкой с медикаментами и оборудованием торопился за ним, жалобно чертыхаясь на холоде, оскальзываясь и едва не падая.

Джилли О'Шоннеси подождал, пока врач откроет заднюю дверцу, и швырнул девочку на сиденье так грубо, что она слабо заплакала. Не обращая на это внимания, он распахнул ворота гаража. Теперь было уже так темно, что он не видел дальше моста.

– Куда мы? – заскулил врач.

– Я еще не решил, – резко ответил Джилли. – На севере есть безопасный дом... или можно вернуться через пролив в Англию... – Он снова подумал о фургоне. Хорошая мысль...

– Почему мы уходим? Так неожиданно?

Джилли не потрудился ответить, вышел из гаража и бегом вернулся на кухню. Он, как всегда, был одержим мыслью запутать следы, не оставить никакой подсказки охотникам.

Он разбил кухонный шкаф и ногами растоптал доски в щепы. Свалил их в центре комнаты, смял газеты, лежавшие на столе, и добавил к груде, сверху нагромоздил стол и стулья. Зажег спичку, поднес к смятым газетам. Те мгновенно вспыхнули. Джилли выпрямился, раскрыл окна и дверь. Холодный ветер раздул пламя, оно жадно поднялось, обломки досок вспыхнули.

Джилли О'Шоннеси взял сумку и вышел в ночь, сутулясь под ветром и дождем, но на полпути к гаражу вдруг выпрямился и прислушался.

Ветер донес от берега какой-то звук. Возможно, это грузовик поднимался по склону холма... но к шуму мотора примешивался какой-то странный свист, и звучал он все громче. Он быстро приближался, пронизывая все вокруг, и, казалось, исходил от самих облаков.

Джилли О'Шоннеси замер, подняв лицо к дождю, и всматривался в облака, пока ритмичный звук не заполнил все небо, и в тот миг, когда он его узнал, с низко летящего аппарата ударил прожектор; тут Джилли понял, что источник свиста – вертушки, несущие охотников.

И, почуяв предательство и неизбежную гибель, громко закричал:

– За что? Боже, за что? – Воззвав к Богу, от которого давно отрекся, он бросился наутек.

– Дело дрянь! – крикнул Питеру пилот, не отрывая взгляда от приборов, которые вели его нескладную большую машину по курсу. Связь со вторым вертолетом они потеряли. – Мы ослепли. – Впереди кипел белый туман. – Я поднимусь и полечу назад в Эннискерри, пока мы не столкнулись со вторым номером.

Риск столкновения со вторым вертолетом был теперь вполне реален.

На машине горит прожектор, свет отражается от непроницаемого облачного покрова, но вряд ли второй пилот успеет вовремя заметить его.

– Подождите! Еще минуту! – крикнул в ответ Питер. При свете приборной панели стало видно, как исказилось его лицо. Операция разваливалась на глазах и скоро должна была завершиться трагедией или поражением, но он не мог отступиться.

– Что за хрень... – начал пилот, испуганно вскрикнул и бросил вертолет в сторону, увеличив число оборотов и высоту; машина вздрогнула, встала на дыбы, словно столкнувшись с препятствием, и сразу ушла вверх на сто футов.

Из облака, как хищник из засады, появился шпиль церкви, он промелькнул всего в нескольких футах под ними и сразу исчез.

– Церковь! – закричал Питер. – Это здесь! Поворачивайте назад!

Пилот справился с машиной; та слепо повисла в хаосе дождя и тумана.

– Ничего не вижу! – крикнул он.

– По радиоальтиметру сто семьдесят футов, – сказал второй пилот, докладывая истинную высоту над поверхностью; по-прежнему ничего не было видно.

– Спуститесь ниже. Ради Бога, спуститесь ниже, – взмолился Питер.

– Не могу рисковать. Мы понятия не имеем, что под нами. – Лицо пилота в свете приборов казалось болезненно оранжевым, глаза – темными провалами в черепе. – Я поднимаюсь и иду обратно...

Питер опустил руку, и рукоять «вальтера» как будто сама прыгнула в нее. Он холодно подумал, что не задумываясь может убить командира и заставить второго пилота приземлиться – но тут в облаках появился просвет, и они увидели темную землю.

– Видна земля, – крикнул Питер. – Опускайтесь!

Вертолет пошел вниз, неожиданно вырвавшись на открытый воздух.

– Река. – Питер увидел блеск воды. – И мост...

– Вот кладбище! – кричал Колин. – А вон цель.

Показалась продолговатая черная соломенная крыша, освещенные окна с одной стороны, высокая стена вокруг. Пилот развернул вертолет на оси, как стрелку компаса, и нырнул к зданию.

Колин Нобл пробрался в салон и крикнул своей команде: ««Дельта»! Переходим к «Дельте»!» Бортинженер раскрыл люк. Салон тотчас заполнил редкий клубящийся туман, винты рвали пропитанный дождем воздух.

Бойцы «Тора» встали по обе стороны люка, Колин с бортинженером впереди – на «острие», как он всегда говорил.

Темная земля устремилась им навстречу. Колин выплюнул окурок и легко подскочил к люку.

– Бейте все, что движется! – крикнул он. – Но ради Бога, помните: там ребенок! Пошли, ребята! Вперед!

Питера прижало к сиденью, он не мог встать, теряя драгоценные секунды, но зато ясно видел все через лобовое стекло.

Свет в окнах дома был неестественно зыбким, и Питер понял, что это огонь. Пожар! Его тревога усилилась, но раздумывать над этим новым осложнением было некогда. В отблесках пожара и умирающем свете дня он уловил в тени двора за стеной движение, какое-то мелькание, и увидел: это человек, вот он побежал, пригнувшись, и сразу исчез в одной из пристроек, примыкающих к отгороженной стенами дороге.

Борясь с перегрузкой, Питер поднялся с места и неуклюже добрался до салона. Вертолет тем временем преодолел последние футы и повис над задним двором, слегка раскачиваясь; из него посыпались одетые в черное люди, они легко приземлялись на ноги, а коснувшись земли, срывались на бег и словно по мановению волшебной палочки исчезали в дверях и окнах здания. Даже в такой напряженный момент Питер ощутил гордость, настолько легко и слаженно все делалось; казалось, бойцы не прилагают никаких усилий: передний мешком с песком выбил стекла и деревянные ставни, а второй тут же устремился в это отверстие.

Питер еще оставался на борту, последний – что-то заставило его задержаться в открытом люке, не прыгать. Может быть, движение, которое он заметил за главным зданием. Питер оглянулся. Вдруг вспыхнул свет, осветив каменную стену, – фары автомобиля. В тот же миг машина вырвалась из продолговатой пристройки и помчалась по дороге.

Питер – он уже начинал прыжок – качнулся назад в открытом люке и отчаянно схватился за нейлоновый шнур у двери. Машина замедлила ход, сворачивая на главную дорогу к мосту. Питер схватил бортинженера за плечо и затряс, указывая на уходящий автомобиль. Его губы были всего в нескольких дюймах от лица бортинженера.

– Не дайте им уйти! – крикнул он. Бортинженер не стал медлить и заговорил в микрофон с пилотом в кабине над ними. Вертолет послушно развернулся, шум двигателя изменился, роторы взревели – и машина ринулась вперед, пролетела в нескольких футах над крышей гаража и устремилась в погоню за удаляющимся светом фар.

Питер высунулся из люка, чтобы посмотреть вперед, и ветер ударил по голове, толкал в грудь; машина неслась по извилистой дороге, но вертолет быстро нагонял ее.

Беглецы были всего в двухстах ярдах впереди; темные вершины деревьев пролетали совсем рядом. Сто ярдов до машины. Питер сквозь дождь увидел в свете ее фар изгороди и каменные стены.

Теперь они были достаточно близко, и Питер разглядел, что это небольшой фургончик. Водитель искусно вел его на большой скорости по узкой петляющей дороге, но вертолет теперь висел над самой машиной.

– Выключите прожекторы, – крикнул Питер бортинженеру, оборачиваясь. Он не хотел, чтобы водитель знал о вертолете, но, когда бортинженер поднес к губам микрофон, фары внизу погасли. Водитель узнал о погоне. После яркого света фар тьма показалась кромешной, и машина исчезла в ней.

Питер почувствовал, как вертолет тряхнуло: пилот был захвачен врасплох; сам Питер ощутил отчаяние.

«Мы их потеряем», – подумал он, понимая, что лететь в полной темноте в нескольких футах над деревьями – самоубийство. Но пилот выровнял машину, и землю внизу неожиданно залил ослепительный белый свет; Питер изумился, но тут же понял, что пилот включил посадочные прожекторы. Их два, по одному с каждой стороны фюзеляжа; они нацелены вниз и слегка вперед.

Уходящая машина попала в поток яркого света.

Вертолет спустился еще ниже и полетел по узкому просвету между телеграфными столбами и деревьями по обочинам дороги.

Теперь Питеру было видно, что машина – темно-синий «астон», с багажником на крыше. Именно этот багажник и решил дело. Без него человек не смог бы приземлиться на гладкую крышу стремительно мчащейся раскачивающейся машины.

Первым вертолет заметил доктор с заднего сиденья «астона». Шум мотора и ветер заглушали свист роторов, и Джилли О'Шоннеси мрачно и самодовольно усмехался. Он нарочно дождался, пока бойцы выгрузятся из вертолета, и только тогда включил фары и вылетел из гаража на дорогу.

Он знал: потребуется определенное время, чтобы боевая группа поняла, что здание пусто, перестроилась, опять погрузилась в вертолет и продолжила охоту – а он, пока суд да дело, уйдет, в Дублине у него есть безопасное убежище... вернее, было – четыре года назад. Может, его уже нет. В таком случае придется избавиться от отродья и доктора Джемисона: каждому пулю в затылок, и загнать «астон» в море.

От близости смертельной опасности его вновь охватило возбуждение – ожидание окончено, он снова живет так, как сам выбрал: лиса, убегающая от собак, снова живет. Правой ногой он жал на педаль, и «астон» летел в ночи.

Девочка на заднем сиденье слабо плакала от боли и страха; врач пытался успокоить ее. Джилли вслух рассмеялся.

– Они у нас на хвосте! – вскрикнул врач на очередном повороте, и Джилли оглянулся через плечо. И ничего не увидел в заднем окне.

– Что?

– Вертолет...

Джилли опустил стекло и, держа руль одной рукой, высунул голову. Позади наверху виднелись огни вертолета. Джилли втянул голову и посмотрел вперед, желая убедиться, что дорога ровная, поворотов нет. И выключил фары.

Несмотря на полную темноту, скорость он не уменьшил, а в его смехе зазвучали безумные нотки.

– Ты спятил! – закричал врач. – Ты нас угробишь!

– В точку, доктор! – Но глаза Джилли уже приспособились к темноте, он выровнял «астон», прежде чем тот ударился о каменную стену слева, и в то же мгновение вытащил из-под накидки и положил рядом с собой на сиденье пистолет. – Ничто не может... – Он осекся: вспыхнул ослепительный свет. Вертолет включил посадочные прожекторы, дорога впереди ярко осветилась. Машина, взвизгнув покрышками, миновала очередной поворот.

– Стой! – закричал доктор, удерживая полубессознательную девочку в раскачивающейся машине. – Сдадимся, пока нас не убили.

– На борту нет бойцов! – крикнул в ответ Джилли. – Нам ничего не могут сделать.

– Давай сдадимся! – взвыл доктор. – Останемся живы.

Джилли О'Шоннеси запрокинул голову и затрясся от хохота.

– Я сохраню три пули, доктор, для каждого из нас...

– Они над нами.

Джилли схватил пистолет и снова высунул наружу голову и плечи, глядя вверх.

Ослепительный свет горел совсем близко над ним. Больше он ничего не увидел и спустил курок. Грохот выстрелов утонул в громе роторов и свисте ветра.

Стоя в открытом люке, Питер увидел ярко-оранжевые вспышки выстрелов. Их было три, но ни свиста пролетающих пуль, ни ударов не было слышно.

– Ниже! – крикнул он бортинженеру, подкрепив приказ жестом, и вертолет послушно спустился еще ближе к «астону».

Питер сгруппировался, выжидая, и в нужный момент выпрыгнул из люка. Желудок подкатил к горлу.

Питер расставил ноги, готовясь к приземлению; на мгновение ему показалось, что он промахнулся, что упадет за «астоном», на покрытую щебенкой дорогу, и от инерции падения разобьется.

Но «астон» в этот миг повернул и чуть сбавил скорость. Питер с оглушающей силой ударился о крышу; металл под ним прогнулся, и Страйд покатился в сторону. Левый бок онемел от удара. Питер отчаянно цеплялся за крышу машины правой рукой, царапая ногтями краску, но продолжал катиться, дрыгая ногами.

В последнее мгновение, когда его должно было сбросить на дорогу, он вцепился пальцами в рейку багажника и повис на одной руке. Потребовалась доля секунды, чтобы водитель «астона» понял: на крыше кто-то есть, – и стал бросать машину из стороны в сторону. Взвизгнули шины, Питера мотало, мышцы и сухожилия правой руки трещали от напряжения, зато онемевший левый бок быстро приходил в норму.

Действовать нужно быстро, долго он эти повороты не выдержит. Питер напружинился, оценивая движения «астона», использовал очередной толчок, чтобы перевернуться, упира-

ясь мягкими подошвами в распорку багажника, и прильнул животом к металлу, руками и ногами вцепившись в бешено виляющую и кренящуюся машину.

В ярком свете прожекторов вертолета впереди показался очередной крутой поворот, и «астон» пошел ровно. Водитель свернул; впереди открылся пологий спуск, дальше дорога, петляя между холмами, уходила к берегу.

Питер приподнялся, готовясь свеситься на лобовое стекло, но в этот миг металл в шести дюймах перед его носом вывернуло наружу, и в крыше образовалось круглое отверстие; крошечный осколок клюнул Питера в щеку, и одновременно по барабанным перепонкам ударил грохот выстрела. Водитель «астона» стрелял вслепую и на несколько дюймов промахнулся. Питер отчаянно метнулся в сторону, на мгновение чуть не потерял опору – и крышу пробил еще один выстрел; эта пуля должна была войти Питеру в живот, и он на секунду представил себе рану: сплющившись о металл, пуля разворотила бы ему все внутренности.

Питер быстро перекатился, стараясь перехитрить боевика внизу. Снова грянул выстрел, на крыше вспучился маленький волдырь, краска отлетела, и края отверстия блеснули чистым металлом, как надраенный серебряный шиллинг. И снова, если бы Питер не увернулся, его бы зацепило.

Питер опять перекатился, напрягая мышцы живота в ожидании рвущего парализующего удара пули, но его не последовало. Только тут он вспомнил о стрельбе по вертолету. Водитель использовал все патроны, и, поняв это, Питер одновременно расслышал новый звук, едва различимый в реве двигателя и ветра, но не оставляющий сомнений. Плакала девочка. И этот плач взбудоражил Питера так, как не могла взбудоражить даже угроза смерти.

Мягко, по-кошачьи, он на четвереньках двинулся вперед и вправо и оказался непосредственно над водителем.

Девочка вновь закричала, и Страйд узнал голос Мелиссы-Джейн. Сомнений не было. Он достал «вальтер» из кобуры, взвел курок, бросил взгляд вперед, на узкую дорогу. Приближался очередной поворот. Водителю придется держать руль обеими руками, чтобы справиться с раскачивающейся и подпрыгивающей маленькой машиной.

«Пора!» – подумал он и свесился с крыши головой вперед. И прямо перед собой, всего в восемнадцати дюймах, увидел бледное лицо.

В тысячную долю секунды Питер узнал эти смуглые волчьи черты и холодные безжалостные глаза убийцы. С тех пор как поиски террористов стали целью его жизни, он много лет охотился на этого человека, бесконечно изучал его фотографии.

Джилли О'Шоннеси держал руль обеими руками, но и пистолета не выпустил. Магазин был открыт для перезарядки. Ирландец зарычал, как зверь через прутья решетки, и Питер выстрелил. Ствол «вальтера» при этом коснулся ветрового стекла. Оно покрылось сетью трещин, стало белым и непрозрачным, и тут же ветер вдавил его внутрь, заполнив «астон» тучей сверкающих осколков.

Джилли О'Шоннеси обеими руками закрыл лицо, из-под его пальцев брызнула кровь и потекла по груди, скрываясь в густых черных завитках.

По-прежнему вися вниз головой над кабиной «астона», Питер просунул «вальтер» в разбитое окно и еще дважды выстрелил ирландцу в грудь; разрывные пули «Велекс» за-

стрянут у костей и не пробьют сиденье, не повредят больше никому внутри. Убивая Джилли О'Шоннеси, Питер по-прежнему ясно слышал крик Мелиссы-Джейн. Он расправился с террористом хладнокровно, как ветеринар умерщвляет больное бешенством животное, и с таким же отсутствием удовольствия. Пули пригвоздили Джилли О'Шоннеси к спинке сиденья. Голова его болталась из стороны в сторону, и Питер подумал, что машина должна бы остановиться, поскольку нога мертвеца сползла с акселератора.

Но ничего подобного не произошло. Мотор по-прежнему работал, тело сползло вперед и застряло, упираясь коленом в приборную доску. Оно всей тяжестью налегало на педаль, и маленький автомобиль летел вниз по склону холма; с обеих сторон мелькали каменные стены, словно «астон» несся по тоннелю.

Питер свесился еще ниже, просунул руки в разбитое окно, ухватился за руль и принялся его вертеть. Он удержал машину и развернул ее к дороге. «Астон» бешено качало, он вилял, но все же выбрался на дорогу и продолжил спуск.

Рассчитать движения, чтобы не дать ему свернуть, было почти невозможно.

Вися вниз головой, держась только коленями и пальцами ног, Питер крутил руль, задевая руками неровные острые края лопнувшего ветрового стекла. Ветер словно старался оторвать Страйда от машины. В самый критический момент тело Джилли О'Шоннеси упало на руль, заклинив его, так что Питеру пришлось одной рукой отпихнуть его назад; послышался скрежет, скрип разорванного металла, и «астон», выбросив сноп оранжевых искр, боком задел каменную стену. Питер вернул машину на дорогу, и та бешено зарыскала из стороны в сторону, каждый раз касаясь стен.

Питер понял, что машина вот-вот перевернется и его раздавит металлической крышей, размажет по твердой щебенке дороги. Нужно было прыгать – но он, полный мрачной решимости, оставался на неуправляемой машине, ведь в ней везли Мелиссу-Джейн. Он не мог ее оставить.

Машина прошла очередной поворот, и Питер увидел впереди закрытые деревянные ворота в стене. Он сознательно повернул машину туда, уже не стараясь предотвратить столкновение, напротив, приближая его. Он правил прямо на ворота, и «астон» ударил в них.

Над головой Питера пронесся деревянный брус, обжигающий пар из разбитого радиатора ударил по лицу и рукам, и «астон», подпрыгивая на камнях, вылетел в поле. Влажная почва тормозила движение, мешал и крутой подъем на холм, и, проехав пятьдесят ярдов, маленькая машина остановилась у дренажной канавы, повиснув под нелепым углом.

Питер соскользнул в сторону и приземлился на ноги. Рывком открыл заднюю дверцу, и из машины выпал человек. Он упал на колени в грязь, бормоча что-то непонятное, и Питер коленом ударил его в лицо. Кость и хрящ хрустнули, послышался стук сломанных зубов. Голос человека резко оборвался, и Питер тут же нанес ему ребром правой ладони точно рассчитанный рубящий удар – от него человек теряет способность двигаться, но не умирает. Бесчувственное тело еще не успело коснуться земли, а Питер уже перепрыгнул через него и вынес дочь из «астона». Ее хрупкое тело показалось ему невесомым; он почувствовал, что она вся горит.

Питера охватило почти непреодолимое желание изо всех сил прижать девочку к груди, но вместо этого он бережно, словно драгоценную статуэтку, понес ее, осторожно перешагивая через камни, туда, где в темноте садился вертолет.

На борту был врач из «Тора»; он выпрыгнул, прежде чем вертолет коснулся земли, и в ярком свете посадочных прожекторов побежал навстречу Питеру.

Тот обнаружил, что негромко приговаривает:

– Все хорошо, дорогая. Все кончено. Все кончено, моя девочка... я здесь, малышка...

Тут он сделал еще одно открытие. Не пот тек по его щекам и капал с подбородка. Но Питер, ничуть не устыдившись, спросил себя: «Когда же я плакал в последний раз?» И не смог вспомнить, но это казалось не важным; не теперь, когда у него на руках лежала дочь.

В Лондон прилетела Синтия, и на Питера вновь обрушились ужасы их брака.

– Все, кто рядом с тобой, страдают, Питер. Теперь очередь Мелиссы-Джейн.

Он не мог не видеть ее, не слышать ее обвинений, потому что она все время была рядом с Мелиссой-Джейн. Он терпеливо сносил ее упреки и ядовитые обвинения и думал: «Неужели когда-то она была веселой, молодой и привлекательной?» Синтия на два года моложе его, но ее тело уже расплылось, а думает она, как дряхлая старуха.

Благодаря антибиотикам Мелисса-Джейн поправлялась с чудесной быстротой, и на третий день ее, хотя еще бледную и худенькую, выписали. Когда Питер и Синтия – в последний раз – затеяли свару, Мелисса-Джейн сидела между ними.

– Мама, я еще боюсь. Можно, я поеду с папой? Всего на несколько дней?

Наконец Синтия со вздохом обиженно согласилась, и они оба почувствовали себя виноватыми. По дороге в «Тисовое аббатство», где Стивен пригласил их пожить, пока Мелисса-Джейн не поправится, девочка сидела рядом с отцом тихо, как мышка: левая рука еще на перевязи, на пальце белая повязка. Она заговорила, только когда они возле Хитроу свернули на дорогу М4.

– Я все время знала, что ты придешь. Правда, я мало помню. Всегда было темно, и голова кружилась, все вокруг менялось. Я смотрела на лицо, а оно расплывалось, а потом оказывался кто-то другой...

– Тебе давали наркотики, – объяснил Питер.

– Да, я знаю. Помню уколы... – Она машинально потерла предплечье и вздрогнула. – Но даже тогда я знала, что ты придешь за мной. Помню, как лежала в темноте и слушала, ждала, что услышу твой голос...

Искушение делать вид, что ничего не случилось, было сильно, до сих пор сама Мелисса-Джейн молчала о случившемся, но Питер понимал, что надо дать ей выговориться.

– Хочешь рассказать мне, дорогая? – мягко спросил он, понимая, что это важно для выздоровления. И молча слушал, а девочка вспоминала обрывки разговоров и впечатлений, искаженные наркотическим дурманом. Когда она говорила о смуглом человеке, в ее голосе звучал прежний ужас.

– Он иногда смотрел на меня. Я помню, как он смотрел...

И Питер вспомнил холодные глаза убийцы.

– Сейчас он мертв, дорогая.

– Да, я знаю. Мне сказали. – Она помолчала, потом снова заговорила. – Он очень отличался от второго, седого. Тот, старый, мне нравился. Его звали доктор Джемисон.

– Откуда ты знаешь? – спросил Питер.

– Так его называл смуглый. – Она улыбнулась. – Доктор Джемисон. От него всегда пахло микстурой от кашля, и он мне нравился...

«Тот самый, что произвел ампутацию и отрезал бы и руку», мрачно подумал Питер.

– А еще одного я не видела. Я знала, что он здесь, но никогда его не видела.

– Еще одного? – Питер резко повернулся к ней. – Какого, дорогая?

– Был еще один. Даже смуглый его боялся. Они все его боялись.

– Ты его не видела?

– Нет, но они все время о нем говорили, спорили, что он сделает...

– Ты помнишь его имя? – спросил Питер.

Мелисса-Джейн сосредоточенно нахмурилась.

– У него было имя? – повторил отец.

– Обычно они просто говорили «он», но да, я помню. Смуглый называл его Каспером.

– Каспером?

– Нет, не Каспером. Не могу вспомнить. – В ее голосе послышался ужас, тон стал резким.

– Не волнуйся. – Питер хотел ее успокоить, но Мелисса-Джейн раздраженно покачала головой.

– Не Каспер, но что-то похожее. Я знаю, это из-за него со мной все произошло. Они просто делали, что он велел. Его я по-настоящему боялась. – Она всхлипнула и выпрямилась на сиденье.

– Все позади, дорогая. – Питер свернул к обочине, остановил машину и обнял дочь. Та была натянута, как струна, и дрожала. Питер встревожился и прижал ее к груди.

– Калиф! – прошептала она. – Вот как его звали. Калиф! – Мелисса-Джейн, прижимаясь к нему, обмякла и вздохнула. Дрожь унялась. Питер обнял ее, пытаясь справиться с нахлынувшим гневом, и не сразу понял, что Мелисса-Джейн уснула.

Как будто это имя вызвало катарсис, освобождение от ужаса, и теперь девочка была готова к быстрому выздоровлению.

Питер уложил ее на сиденье, укрыл шерстяным пледом и снова вывел машину на дорогу, но каждые несколько секунд посматривал на дочь, чтобы убедиться, что она спокойно спит.

Из «Тисового аббатства» Питер дважды звонил Магде Альтман, оба раза по ее личному номеру, но ее не было, и она не оставила для Питера никаких сообщений. Прошло уже пять дней после операции «Дельта», когда освободили Мелиссу-Джейн, а он все не мог связаться с баронессой. Она как будто растворилась. Питер размышлял над этим в те спокойные дни, которые проводил почти наедине с дочерью.

Потом в «Тисовое аббатство» приехал Кингстон Паркер, и сэр Стивен Страйд обрадовался, что у него в гостях такой видный политик.

Под влияние Кингстона Паркера подпал весь старый дом. Когда Паркер хотел этого, сопротивляться его обаянию было невозможно. Стивен восхищался им, особенно когда обнаружил, что, несмотря на репутацию либерала и борца за права человека, Паркер защищает капиталистическую систему и считает, что его стране следует серьезнее относиться к своему долгу перед западным миром. Оба они сожалели об отказе от программы со-

здания бомбардировщика B-1, о проволочках в изготовлении и испытании нейтронной бомбы, о перестройке американской системы разведки. Большую часть первого дня они провели в отделанном красным деревом кабинете Стивена, изучая взгляды друг друга, и вышли оттуда друзьями.

После этого Паркер завершил завоевание семьи Стивена, продемонстрировав, что разделяет научные познания Патриции Страйд и ее любовь к античной керамике. Его теплое отношение к Мелиссе-Джейн, радость, вызванная ее освобождением были слишком непосредственны, чтобы не быть искренними. Окончательно же он завоевал юную леди, когда вместе с ней сходил на конюшню, познакомился с Флоренс Найтингейл – и оказался знатоком лошадей.

– Он хороший. По-моему, он человек чести, – сказала Питеру Мелисса-Джейн, когда он вечером зашел к ней пожелать спокойной ночи. – Такой добрый и интересный... – И сразу, чтобы он не усомнился в ее верности, добавила: – Но ты по-прежнему мой самый любимый мужчина на свете.

Она почти совершенно оправилась, и Питер, присоединяясь к гостям, подивился сопротивляемости молодых тела и мозга.

Как обычно, за обедом в «Тисовом аббатстве» собралось блестящее общество, и душой его был Кингстон Паркер. Но потом они с Питером переглянулись над серебром и свечами, украшавшими стол Пат Страйд, оставили общество воздавать должное портвейну, коньяку и сигарам и незаметно выскользнули в огражденный стеной розарий.

Когда они пошли по скрипучему гравию тропинки, Кингстон Паркер достал свою пенковую трубку и негромко заговорил. Пахло весной, вечер был тихий, их беседе ничто не мешало, лишь однажды негромко кашлянул телохранитель Паркера, державшийся так, чтобы их не слышать. Разговор же совершенно не вязался с обстановкой – разговор о смерти и насилии, о правильном и неправильном использовании власти, об огромных суммах, которые перемещает какая-то одинокая загадочная фигура.

– Я уже пять дней в Англии... – Кингстон Паркер пожал плечами. – По гулким коридорам Уайтхолла трудно двигаться быстро. – Питер знал, что он дважды встречался с премьер-министром. – Дело не только в «Атласе». – Паркер был одним из самых близких к президенту людей, и американцы использовали его визит в Великобританию, чтобы обменяться с английским правительством мнениями по многим вопросам. – Но и о нем мы говорили очень серьезно и подробно. Вы хорошо знаете, что у «Атласа» есть противники по обе стороны Атлантики. Они попытались вообще устранить его, а когда это не получилось – сократить его возможности и полномочия... – Паркер помолчал и затянулся. Потом вытряхнул пепел на дорожку. – Противники «Атласа» – очень умные и информированные люди. Причины, по которым они противостоят «Атласу», достойны похвалы. Создавая такую мощную организацию, передавая ее в руки одного человека или группы избранных, вы, вполне вероятно, создаете чудовище Франкенштейна – еще более ужасное, чем то, которое должен уничтожить «Атлас».

– Все зависит от того, кто руководит «Атласом», доктор Паркер. Мне кажется, для этого подобрали нужного человека.

– Спасибо, Питер. – Паркер повернул к нему большую косматую голову и улыбнулся. – Может, будете называть меня Кингстоном? – Питер кивнул в знак согласия, и Паркер про-

должал: – «Атлас» добился целого ряда замечательных успехов – в Йоханнесбурге и теперь в Ирландии, но это делает его еще более опасным. Общество теперь более охотно примет факт существования этой организации, и, если она попросит больших полномочий, то их получит. Поверьте мне, Питер, чтобы справиться с поставленной задачей, нужна большая власть. Я разрываюсь...

– Однако, – заметил Питер, – только вооружившись как можно лучше, мы одолеем самого опасного зверя в мире, убийцу.

Кингстон Паркер вздохнул.

– Если «Атлас» получит такую власть, кто знает, как она будет использована, когда сила подавит закон?

– Законы меняются. Они часто бессильны перед теми, кто с ними не считается.

– Есть и другой аспект, Питер. Тот, о котором я думаю половину жизни. Как же быть с несправедливыми законами? Законами угнетения и жадности. Законами, которые порабощают человека, лишают прав из-за цвета кожи или из-за того, что он по-другому верит в Бога. Легитимный парламент принимает расистские законы... Генеральная Ассамблея Объединенных Наций принимает резолюцию, которая объявляет сионизм формой империализма и ставит его вне закона. Горстка людей получает доступ к мировым ресурсам и на самых законных основаниях распоряжается ими так, как диктует их алчность, в ущерб всему человечеству – ОПЕК и король Саудовской Аравии... – Кингстон Паркер беспомощно растопырил длинные чувствительные пальцы. – Должны ли мы уважать эти законы? Неужели законы, даже несправедливые, священны?

– Равновесие, – ответил Питер. – Необходимо равновесие между законом и силой.

– Да, но что такое равновесие, Питер? – Паркер сжал кулаки. – Я попросил для «Атласа» большей власти, больших полномочий, и думаю, мы их получим. И тогда нам понадобятся хорошие люди, Питер. – Кингстон Паркер с удивительной силой сжал его плечо. – Справедливые люди, которые умеют распознать, когда закон несправедлив или не действует, люди, у которых есть смелость и решимость восстановить упомянутое вами равновесие. – Его рука по-прежнему лежала на плече Питера, он не стал ее убирать. Совершенно естественный жест, никакой рисовки. – Я считаю вас одним из таких людей. – Он убрал руку, и его манера держаться изменилась. – Завтра мы встретимся с полковником Ноблом. Он анализирует ирландскую операцию и, надеюсь, найдет что-нибудь, за что можно зацепиться. Кроме того, нужно еще многое обсудить. В два часа в резиденции «Тора». Вас это устроит, Питер?

– Конечно.

– Тогда пойдемте к гостям.

– Подождите, – остановил его Питер. – Я должен сказать вам кое-что, Кингстон. Это не дает мне покоя. После вы, вероятно, измените свое мнение обо мне... о моей пригодности для «Атласа».

– Да? – Паркер повернулся к Страйду и спокойно ждал.

– Вы знаете, что похитители моей дочери не выдвинули никаких требований, не пытались связаться со мной или с полицией, вступить в переговоры.

– Да, – ответил Паркер. – Конечно. Это одна из загадок «ирландского дела».

– Это не так. Контакт был. И было требование.

– Не понимаю. – Паркер нахмурился и придвинулся ближе к Питеру, словно пытался рассмотреть выражение его лица в слабом свете, падающем из окон.

– Похитители связались со мной. Письмо я уничтожил.

– Почему?

– Подождите. Я объясню, – ответил Питер. – Они поставили единственное условие освобождения моей дочери и назначили срок: две недели. Если бы я отказался пойти им навстречу, дочь мне посылали бы по кускам: руки, ноги и, наконец, голову.

– Изверги, – прошептал Паркер. – Это бесчеловечно. И каково же было условие?

– Жизнь за жизнь, – сказал Питер. – Я должен был убить вас в обмен на свободу Мелиссы-Джейн.

– Меня! – Паркер вздрогнул, откинул назад голову. – Им нужен был я?

Питер не ответил; они стояли, глядя друг на друга. Наконец Паркер поднял руку и рассеянно пригладил волосы.

– Это все меняет. Мне нужно все обдумать... но складывается совершенно новый сценарий. – Он покачал головой. – Меня. Они нацелились на главу «Атласа». Почему? Потому что я защищал «Атлас», а они против его создания? Нет! Не то. Я вижу только одно логичное объяснение. В последнюю нашу встречу я говорил вам, что подозреваю наличие центральной фигуры – кукольника, который берет под свой контроль все организации боевиков и сливает их в единый мощный организм. Так вот, Питер, я искал этого кукольника. И со времени последней нашей встречи узнал много такого, что подтверждает мое мнение. Я считаю, что этот человек – или группа лиц – действительно существует, и дополнительные полномочия «Атласу» я просил для того, чтобы найти эту организацию и уничтожить ее, прежде чем она причинит сколько-нибудь серьезный ущерб, запугает народы настолько, что станет самой могущественной силой мира... – Паркер замолчал, словно собираясь с мыслями, потом продолжил, спокойнее и ровнее. – Я считаю, что теперь у нас есть неопровержимое доказательство ее существования и того, что эта организация, зная о моих подозрениях, хочет уничтожить меня. Делая вас свободным агентом «Атласа», я надеялся, что вы вступите в контакт с врагом, но Боже! – такого контакта я не ожидал. – Он снова помолчал, задумавшись. – Невероятно! Единственный человек, которого я никогда бы не заподозрил, Питер. Вы могли встретиться со мной в любое время. Вы один из немногих, кто имеет такую возможность. А какой рычаг! Дочь... растянутая во времени пытка... Я, должно быть, недооценил коварство и безжалостность врага.

– Вы слышали когда-нибудь имя Калиф? – спросил Питер.

– А вы где его слышали? – резко спросил Паркер.

– Так было подписано письмо, а Мелисса-Джейн слышала, как его упоминали похитители.

– Калиф. – Паркер кивнул. – Да, я слышал это имя, Питер. Слышал после нашей последней встречи. Да, да. – Он снова помолчал и принялся посасывать трубку. Потом поднял голову. – Расскажу завтра, когда мы встретимся в «Торе». Однако вы мне дали пищу для ночных размышлений.

Он взял Питера за локоть и повел к дому. Из нижних окон лился теплый свет, слышался смех, веселый и сердечный, но, шагая по гладкой, ровной дорожке, оба сосредоточенно молчали.

У двери Паркер остановился и придержал Питера.

– Страйд, вы бы сделали это? – спросил он.

Питер ответил, не пытаясь отвести взгляд:

– Да, Кингстон, сделал бы.

– Как?

– Взрывчатка.

– Это лучше яда, – кивнул Паркер. – Но все же хуже пистолета. – И гневно добавил: – Мы должны остановить его, Питер. Этот долг превыше всего остального.

– То, что я вам рассказал, не меняет наших отношений? – спросил Питер. – Я мог бы стать вашим убийцей... это ничего не меняет?

– Как ни странно, это только укрепило мою веру в вас, Питер. Вы достаточно безжалостны, а если мы хотим выжить, нам нужны такие. – Паркер мрачно улыбнулся. – Может быть, я теперь буду просыпаться по ночам в холодном поту... но это не отменяет того, что нам нужно сделать – вам и мне.

Колин Нобл со своей сигарой и Кингстон Паркер напротив, с пенковой трубкой, казалось, соревновались, кто быстрее сделает воздух в комнате непригодным для дыхания. Под потолком уже висел густой синий дым, а кондиционеров в помещениях «Тора» не было. Однако через несколько минут Питер был так поглощен разговором, что забыл об этом неудобстве.

Колин Нобл подробно анализировал ирландскую операцию и ее итоги.

– Дом, Старое Поместье, конечно, сгорел дотла. Двадцать ирландских полицейских разбирали пепелище... – Он развел руками. – Большой ноль. Ни-че-го. Далее, содержимое «астона» и его... происхождение. Как тебе нравится это слово, Питти? Происхождение? Классика!

Питер снисходительно улыбнулся.

– Пожалуйста, продолжай, Колин.

– «Астон» украден в Дублине, перекрашен и снабжен верхним багажником. В нем ничего не было, никаких документов, ни в бардачке, ни в других местах. Специалисты разобрали его на части...

– А люди? – поторопил Паркер.

– Да, сэр. Люди. Сперва о покойнике. Имя – Джералд О'Шоннеси, известен также как Джилли, родился в Белфасте в тысяча девятьсот сорок шестом году... – Колин взял лежавшую перед ним папку. – Нам нужны все эти подробности? Тут много. У парня богатое прошлое...

– Только то, что касается «Атласа», – сказал Паркер.

– Никаких свидетельств того, когда и как он оказался связан с этим делом... – Колин быстро и сжато излагал факты. – Итак, содержимое его карманов. Шестьсот фунтов стерлингов, тридцать восемь патронов тридцать восьмого калибра и документы на имя Эдварда и Элен Барри – документы поддельные, но качество очень высокое. – Колин с шумом

захлопнул папку. – Ничего, – повторил он. – Ничего такого, что мы смогли бы использовать. Теперь второй. Моррисон, Клод Бертрам Моррисон, известный абортмахер и алкоголик. В шестьдесят девятом году лишен права заниматься медицинской практикой... – Он быстро и точно изложил омерзительную историю. – За ампутацию пальца получил триста фунтов, половину авансом. Дьявольщина, дешевле, чем в «Синем Кресте».* – Колин улыбнулся, но глаза его гневно сверкали. – Рад сообщить, что его ожидает приговор – примерно пятнадцать лет. Дадут полный срок. Только одно обстоятельство в его показаниях представляет для нас интерес. Приказы он получал от Джилли О'Шоннеси. А сам О'Шоннеси получал приказы от человека по имени... – Он сделал драматичную паузу... – Да, совершенно верно. Мы слышали это имя. Калиф.

– Одно замечание, – прервал его Кингстон Паркер. – Калифу нравится пользоваться этим именем. Он подписывает им свою корреспонденцию. И сообщил его даже наемным убийцам. Почему?

– Думаю, у меня есть ответ. – Питер пошевелился и поднял голову. – Он хочет, чтобы мы знали о его существовании. У нас должен быть объект страха и ненависти.

– Думаю, вы правы. – Паркер серьезно кивнул. – Он работает на будущее. Отныне, если он сообщит, что намерен кого-то убить или искалечить, мы будем знать: он говорит серьезно, никакого компромисса не жди. Он сделает все, что пообещает. Этот человек – хороший психолог. Или люди.

– У ирландской операции есть один аспект, который мы еще не обсуждали, – вмешался Питер, сосредоточенно хмурясь. – А именно: кто навел нас, и чему служил этот телефонный звонок.

Все молчали. Наконец Паркер повернулся к Колину и спросил:

– Что вы об этом думаете?

– Разумеется, я обсуждал это с полицией. Первое, что нас удивило: полиция считает, что Джилли О'Шоннеси выбрал себе убежище в Ирландии, потому что знал местность и там у него друзья. Когда он состоял в Ирландской республиканской армии, здесь была его охотничья территория. Где он всегда мог исчезнуть. – Колин смолк, увидев скептическое выражение Питера. – Послушай, посмотри на это с такой стороны, малыш. Старое Поместье для него сняла женщина... Кейт Барри, так она назвалась и так подписала документ об аренде... Значит, один сообщник у него был. Должны были быть и другие, он ведь откуда-то взял перекрашенный и переоборудованный автомобиль... В Эдинбурге и Лондоне он не справился бы с этим, если бы ему не помогали.

Питер задумчиво кивнул.

– Да, допустим, ирландские связи помогли ему...

– Но у монеты есть и оборотная сторона. У О'Шоннеси были враги, даже среди провос.** Он безжалостный ублюдок, за ним тянется длинный кровавый след. Надо думать, один из его врагов увидел возможность свести счеты – может, тот, кто продал ему украденную машину. Мы попросили передать запись звонка экспертам-лингвистам и сличить с образ-

---

* Добровольное общество, оказывающее ветеринарную помощь домашним животным. – *Примеч. пер.*

** Сокращение от «provisionals» – «временные»; сторонники «временного» крыла партии Шин фейн, выступают за объединение Ирландии с помощью террористических методов. – *Примеч. пер.*

цами голоса в компьютере. Ничего определенного. Голос изменен, вероятно, говорили через носовой платок или с заткнутым носом, но общее впечатление, что звонил все-таки ирландец. Консультанты из телефонной компании смогли отчасти проследить звонок. Говорят, он из-за границы. Скорее всего из Ирландии, хотя уверенности нет.

Питер Страйд чуть приподнял бровь. Колин негромко рассмеялся и дружески махнул в его сторону сигарой.

– Ну ладно. Ничего лучше я не придумал, – сознался он. – Посмотрим, что получится у тебя. Раз тебе не нравятся мои теории, должно быть, есть собственная.

– Ты хочешь, чтобы я поверил, что О'Шоннеси по чистой случайности столкнулся со старым врагом, который выдал его за двадцать четыре часа до того, как Мелиссе-Джейн должны были ампутировать руку? И что мы совершенно случайно добрались до Ларагха именно в тот момент, когда О'Шоннеси решил пуститься в бега? Ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Вроде того, – согласился Колин.

– Прости, Колин, но я не верю в такие совпадения.

– Тогда выкладывай! – предложил Колин. – Послушаем, что было на самом деле.

– Не знаю, – примирительно улыбнулся Питер. – Просто у меня такое ощущение, что Калиф не допускает совпадений. И еще, что у Джилли О'Шоннеси с самого начала на лбу было клеймо смерти. И что это часть плана.

– Забавное, должно быть, ощущение, – едко заметил Колин. – Но мне оно не особенно помогает.

– Спокойней. – Питер протянул к нему руку. – Предположим, дело обстоит именно так...

– А какие «но»? – спросил Колин.

– Никаких – пока не получим твердых доказательств.

– Хорошо, парень. – Колин больше не улыбался, рот его был угрюмо сжат. – Тебе нужны твердые доказательства – попробуй...

– Подождите, Колин, – властно перебил Паркер. – Подождите, мы сейчас перейдем и к этому. – Колин с видимым усилием взял себя в руки, вздувшиеся было у него на шее жилы ушли, на лице появилась знакомая улыбка. Он взглянул на Кингстона Паркера.

– Давайте вернемся чуть назад, – предложил Паркер. – Питер узнал о Калифе. Одновременно мы получили сведения о нем совершенно из другого источника. Я пообещал Питеру рассказать об этом источнике, потому что это проливает совершенно особый свет на события в целом. – Он замолчал и принялся возиться со своей трубкой. Достал инструмент со множеством лезвий, крючков и щеточек, которыми вооружаются курильщики трубок. Выскреб чашечку, выколотил полусгоревший табак в пепельницу, потом заглянул в трубку, как стрелок в ствол.

Питер понял, что Паркер нарочно затеял возню с трубкой – так фокусник отвлекает внимание аудитории жестикуляцией и болтовней. Он в сотый раз подумал, что перед ним человек, которого нельзя недооценивать. Кингстон Паркер посмотрел на него и заговорщицки улыбнулся: Питер разгадал его нехитрый маневр.

– Наши сведения о Калифе пришли оттуда, откуда их можно было ожидать меньше всего... Хотя, если обратить внимание на его имя, оттуда, откуда их уместнее всего было бы

ожидать. С Востока, точнее из Эр-Рияда. Из столицы Саудовской Аравии, главного города нефтяной империи короля Халида. После убийства одного из его внуков – я уверен, вы помните это случай – Халид обратился с просьбой в наше обескровленное и бесправное ЦРУ.

У Питера появилось странное ощущение d j vu:* он слушал, как Кингстон Паркер излагает те самые соображения, какие они обсуждали с Магдой Альтман. «Неужели это было всего три недели назад?»

– Понимаете, король и его семья очень уязвимы. Да будет вам известно, что существует по меньшей мере семьсот саудовских принцев; все они мультимиллионеры, все близки к королю, к его структуре власти. Невозможно сколько-нибудь успешно охранять столько потенциальных жертв одновременно. Хорошо придумано. И рискованные захваты заложников не нужны. Рядом ходит буквально неограниченное количество жертв, и есть сколько угодно наемных убийц, которых давлением или подкупом можно заставить выполнить задание. Достаточно иметь информацию и нужный рычаг или просто деньги. Калиф как будто всем этим располагает.

– Что потребовали у Халида? – спросил Питер.

– Мы точно знаем, что ему предъявили требования и что он обратился к ЦРУ с просьбой помочь защитить его самого и его семью. Требования прислала организация или человек, подписавшийся «Калиф». Мы не знаем конкретно, чего именно потребовали... но можно довольно уверенно предположить, что от Халида требуют не поддерживать на следующей встрече ОПЕК увеличение цены на сырую нефть, а, напротив, настоять на снижении этой цены на пять процентов.

– Замысел Калифа снова осуществился, – сказал Питер.

– Похоже, что так. – Паркер кивнул и горько усмехнулся. – Снова, как и в случае с правительством Южной Африки, создается впечатление, что его требования отвечают общим интересам – хотя своего он добивается не вполне общепринятыми средствами, мягко выражаясь.

– Очень мягко, – спокойно согласился Питер, вспоминая, как прижимал к груди исхудавшую, сжигаемую лихорадкой Мелиссу-Джейн.

– Итак, нет никаких сомнений, что наши опасения оправданы. Калиф существует... – сказал Паркер.

– И не просто существует – процветает, – согласился Питер.

– Живет в прекрасном загородном доме. – Колин закурил новую сигару. – Дьявол! Он добился своего в Йоханнесбурге. Он добился своего в Эр-Рияде. Что дальше? Может, теперь его цель – Федерация работодателей Западной Германии? Или профсоюзные лидеры Англии? Это может оказаться любая группа, достаточно влиятельная, чтобы менять судьбы народа, и достаточно малочисленная, чтобы терроризировать ее членов поодиночке.

– Так можно изменить участь всего мира – немыслимо охранять всех, кто принимает решения, – согласился Питер. – И хотя первыми его целями были Южно-Африканское правительство и нефтяные монополисты, нет никаких оснований полагать, будто в конечном счете его действия принесут пользу человечеству. Несомненно, его конечная цель – сам

---

* Уже пережитое; когда кажется, что переживаемое теперь уже было (*фр.*). – *Примеч. пер.*

демократический процесс. Мне кажется, себе Калиф определенно кажется Богом. Он видит себя строгим отцом. Его цель – излечить все болезни мира радикальной хирургией и поддерживать здоровье с помощью неограниченной силы и страха.

Питер больше не мог сидеть. Он отодвинул свой стул, подошел к окну и остановился в солдатской стойке, заложив обе руки за спину. Из окна открывался мало вдохновляющий вид на изгородь из колючей проволоки, часть летного поля и гофрированную стену ближайшего ангара. У ворот стоял часовой в шлеме с буквами «МР»* и с пистолетом на поясе. Питер смотрел на него, не видя. Позади двое за столом обменялись многозначительными взглядами. Колин Нобл без слов задал вопрос, и Паркер ответил кивком.

– Ну, хорошо, Питер, – сказал Колин. – Ты просил фактов. Я пообещал сообщить их тебе.

Питер отвернулся от окна и ждал.

– Пункт первый. Во время пребывания в Старом Поместье Джилли О'Шоннеси дважды звонил по телефону. Оба раза за границу. Оба раза с местной телефонной станции. Первый звонок был сделан первого числа в семь утра по местному времени. Должно быть, в первый же день, как они добрались до убежища. Вероятно, это был отчет руководству – «Все в норме». Второй звонок был сделан ровно семь дней спустя, опять точно в семь утра по местному времени. Вероятно, очередное «Все в норме». Оба звонка очень короткие, меньше минуты. Только чтобы передать условный сигнал... – Колин замолчал и снова посмотрел на Кингстона Паркера.

– Продолжайте, – сказал Паркер.

– Звонили по французскому номеру – Рамбуйе сорок семь – восемьдесят семь – сорок семь.

Питер дернул головой – ему показалось, что он получил парализующий удар в живот – и на мгновение плотно закрыл глаза. Он так часто звонил по этому номеру, что цифры надежно отпечатались в памяти.

– Нет. – Он покачал головой и открыл глаза. – В это я не поверю.

– Это правда, Питер, – мягко сказал Паркер.

На дрожащих, подгибающихся ногах Питер вернулся на место и тяжело сел.

В комнате стало тихо. На него никто не смотрел.

Кингстон Паркер сделал знак Колину, и тот послушно достал красную папку с красными завязками.

Паркер развязал тесемки и раскрыл папку. Пролистал бумаги, бегло просматривая их. Он явно владел скорочтением и с одного взгляда воспринимал содержание каждого листка – сейчас он просто ждал, пока Питер оправится от шока. Содержание красной папки он знал почти наизусть.

Питер сидел на жестком стуле и незряче смотрел на стену, на доску объявлений.

Ему трудно было справиться с охватившим его отчаянием. Ему стало холодно, он весь оцепенел, глубина предательства опустошила его; закрыв глаза, он снова увидел стройное нежное тело с маленькими грудями, торчащими сквозь шелковую завесу темных волос.

---

* Военная полиция. – *Примеч. пер.*

Он выпрямился на сиденье, Кингстон Паркер уловил это движение, посмотрел на Питера, закрыл папку и протянул ее генералу.

Под грифом самой высокой степени секретности было напечатано: «АЛЬТМАН МАГДА ИРЕНА, урожденная КУЧИНСКАЯ». Питер понял, что не знал второго имени Магды – Ирена. Магда Ирена. Дьявол, какие отвратительные имена. Созданы специально для женщины, которая их носит.

Паркер забрал у него папку и негромко заговорил:

– Когда мы встречались в последний раз, я сказал вам, что у нас особый интерес к этой даме. Этот интерес с тех пор не ослаб, наоборот, с каждым новым фактом он все усиливался. – Паркер снова открыл папку и просмотрел бумаги, словно освежая их в памяти. – Колину удалось добиться полной поддержки со стороны разведывательных служб обеих наших стран, те, в свою очередь, получили данные из Франции и – хотите верьте, хотите нет – от русских. Усилиями разведок четырех стран удалось восстановить историю жизни этой женщины. – Он помолчал. – Замечательная женщина. – Паркер восхищенно покачал головой. – Совершенно невероятная. Может очаровать любого мужчину по своему выбору. Я понимаю, Питер, ваше явное отчаяние. Буду откровенен и груб: у нас нет времени проявлять тактичность и щадить ваши чувства. Мы знаем, что она сделала вас своим любовником. Обратите внимание на формулировку. Баронесса Альтман берет себе любовников, а не наоборот. И подбирает их сознательно, с дальним прицелом. Не сомневаюсь, что, приняв решение, все остальное она выполняет превосходно.

Питер вспомнил, как она пришла к нему, вспомнил ее слова: «Я не очень хороша в этом, Питер, но ужасно хочу тебе понравиться».

Слова были подобраны с точностью, о которой говорил Кингстон Паркер. Они должны были подействовать на Питера неотразимо – а потом она нежно лгала ему, лгала искусно и с дьявольским коварством, лгала руками, ртом, всем телом.

– Видите ли, Питер. Она получила специальную подготовку по части искусства любви. Мало женщин в западном мире умеют так понять мужчину и понравиться ему. Тому, что она умеет, она научилась не в Париже, Лондоне или Нью-Йорке... – Кингстон Паркер помолчал и нахмурился. – Все это теории и слухи, Питер. Вы лучше можете судить, насколько они соответствуют действительности.

«Лучший способ доставить мужчине удовольствие – заставить его поверить в себя», – подумал Питер, без всякого выражения глядя на Паркера. Он вспомнил, что с Магдой Альтман чувствовал себя гигантом, способным на все. Это ощущение она внушала ему словом, улыбкой, подарком, прикосновением – вот в чем состояло ее искусство.

На вопрос Паркера он не ответил.

– Пожалуйста, продолжайте, Кингстон, – попросил он. Питер полностью овладел собой. Его правая рука, полураскрытая, с вытянутыми пальцами, расслабленно лежала на столе.

– Я говорил вам, что еще ребенком она проявляла выдающиеся способности. Языки, математика – ее отец был известным математиком-любителем, – шахматы и другие игры. Она привлекала внимание. Особенно потому, что ее отец был членом коммунистической партии... – Он смолк.

Питер поднял голову и вопросительно взглянул на него.

– Простите, Питер, но, когда мы встречались в прошлый раз, я этого не знал. Мы узнали это от французов, у них, кажется, есть доступ к документам компартии Франции, а русские подтвердили эти сведения. По-видимому, девочка сопровождала отца на партийные собрания и вскоре стала демонстрировать не по летам развитое политическое сознание. Друзья ее отца тоже были в основном партийными, и после его смерти... Она до сих пор остается загадкой, ни французы, ни русские не помогли ее разгадать... Во всяком случае, после смерти отца о Магде Кучинской заботились эти друзья. Похоже, с тех пор она... – Кингстон Паркер достал из «мраморного» конверта фотографию паспортного формата и протянул Питеру... – переходила из семьи в семью.

С фотографии смотрела худенькая девочка в короткой юбке и темных чулках, платье с матросским воротником, соломенная шляпка французской школьницы. Волосы заплетены в две короткие косички, перевязаны лентами, в руках пушистая белая собачка. На заднем плане летний парижский парк, группа мужчин играет в шары, цветут каштаны.

У девочки тонкие черты и прекрасные огромные глаза, умные и сочувственные, совсем не соответствующие возрасту и в то же время по-детски невинные.

– Видите, она и тогда уже отличалась красотой. – Кингстон Паркер хмыкнул и хотел забрать снимок. На мгновение Питер инстинктивно стиснул пальцы: он хотел бы сохранить фотографию. Но потом разжал руку и вернул снимок. Паркер еще раз взглянул на фото и убрал его обратно в конверт.

– Да. Она вызывала интерес, и вскоре ей написал дядя с родины. Ей прислали снимки отца и матери, которые она никогда не видела, рассказали о случаях из ее детства, о юности отца. Девочка была очарована. Она не знала, что у нее есть дядя. Отец никогда не говорил с ней о родственниках, но теперь сирота поняла, что у нее есть семья. Потребовалось еще несколько писем, полных слов любви и радости, и все устроилось. Приехал дядя, и Магда Кучинская вернулась в Польшу. – Паркер развел руками. – Только и всего.

– Годы, о которых ничего не известно, – сказал Питер, и собственный голос прозвучал для него странно. Он откашлялся и неловко поежился под проницательным понимающим взглядом Паркера.

– Теперь уже нет, Питер. Нам сообщили кое-что об этих годах, а остальное мы заполнили сами.

– Русские? – спросил Питер, и когда Паркер утвердительно кивнул, с горечью в голосе сказал: – Как они полезны. Никогда не слышал, чтобы они с такой готовностью сообщали информацию.

– В данном случае у них были причины, – возразил Паркер. – Как оказалось, очень веские. Но о них позже.

– Хорошо.

– Девочка вернулась с дядей в Польшу, в Варшаву. Произошло воссоединение семьи. Мы не знаем, была ли это ее настоящая семья или ради такого случая ей подобрали приемных родственников. Во всяком случае, дядя вскоре объявил, что если Магда пройдет испытание, то получит возможность учиться в одной из лучших школ СССР. Нетрудно представить, что она прекрасно выдержала испытание, и ее новые хозяева поздравляли себя с таким открытием.

Школа располагалась на берегу Черного моря, под Одессой. Названия у нее нет, нет и школьного галстука.* Учеников подбирают очень тщательно, всесторонне проверяют и зачисляют только самых талантливых и умных. Они скоро узнают, что принадлежат к элите, и каждый выбирает свое направление, как подсказывают его способности. В случае с Магдой это были языки и политика, финансы и математика. Она преуспевала и в возрасте семнадцати лет перешла в высшее специальное отделение Одесской школы. Там она тренировала память, а свой и без того острый ум отточила, как лезвие бритвы. Я знаю, что одно из самых легких упражнений заключалось в том, чтобы за шестьдесят секунд запомнить список из ста различных предметов. Это список нужно было по памяти и в правильном порядке повторить двадцать четыре часа спустя. – Паркер снова покачал головой, выражая свое восхищение. – В то же время ее учили естественно вписываться в высшее западное международное общество. Одежда, пища, напитки, косметика, манеры, популярная музыка и литература, кино, театр, демократическая политика, деловые процедуры, операции на бирже и на рынке товаров, навыки секретарши, современные танцы, искусство любви и доставления удовольствия мужчинам и многое другое, и все преподавалось специалистами. Умение управлять самолетом, лыжи, оружие, знание электроники и инженерии и все остальное, что может потребоваться агенту высочайшего класса.

Она была звездой своего курса и окончила его почти той женщиной, какой вы ее знаете. Уравновешенной, искусной, прекрасной – и смертельно опасной. В девятнадцать лет она знала больше и была способна на большее, чем большинство мужчин и женщин вдвое старше ее. Превосходный агент, с одним небольшим недостатком, который проявился позже. Она оказалась чересчур умна и честолюбива. – Кингстон Паркер улыбнулся, впервые за двадцать минут. – Честолюбие в данном случае, конечно, псевдоним алчности. Хозяева вовремя не распознали это; впрочем, может быть, в те годы эта алчность была лишь латентной. Магда еще не познала привлекательность богатства – и неограниченной власти. – Кингстон Паркер замолчал, наклонился к Питеру через стол, умудренно глядя, словно обнажал некую скрытую истину, и как будто бы сменил тему разговора: – Жажда богатства как таковая – обычный продукт человеческого сознания, стоящего на низшей ступени развития. Но лишь развитой и мощный ум способен по достоинству оценить жажду власти... – Он увидел протестующее выражение Питера. – Нет, нет, я имею в виду не просто власть над своим ограниченным окружением, власть над жизнью и смертью каких-нибудь нескольких тысяч человек, нет. Истинную власть. Власть вершить судьбы народов, власть Цезаря и Наполеона, власть президента Соединенных Штатов. Вот что такое подлинная алчность, Питер. Великолепная и благородная. – Он помолчал, словно созерцал нечто великолепное. Потом продолжил: – Я отвлекся. Прошу прощения. – Он повернулся к Колину Ноблу. – У нас есть кофе, Колин? Я думаю, нам всем не помешает сейчас чашечка.

Колин прошел к машине, которая булькала и подмигивала красным глазом в углу, и, пока он наливал кофе, напряженная атмосфера отчасти разрядилась и Питер попытался

---

* В каждой привилегированной английской школе свой школьный галстук, обычно с эмблемой школы. – *Примеч. пер.*

привести мысли в порядок. Он искал в этой истории противоречия и слабые места и не мог найти; напротив, самому ему вспоминалось только ощущение ее рта, прикосновение рук к телу. «О Господи! – У Питера больно защемило в груди, заныло в паху. – Она охотилась на меня, словно на самца-оленя, проникала до самых неведомых глубин существа. Неужто этому можно обучить? – подумал он. – Если можно, то кто учил ее?» Он с ужасом представил себе специальную комнату где-то у Черного моря, где стройное, уязвимое нежное тело постигает искусство любви, словно это кулинария или рукоделие, но тут же отогнал эти мысли. Кингстон Паркер заговорил снова, прочно держа чашку крепкими пальцами, как старая дева за чаем.

– Она вернулась в Париж, и город пал к ее ногам. Это был триумф. – Кингстон Паркер свободной рукой перелистывал страницы, доставал снимки: Магда на балу на Елисейских полях, Магда выходит из «Максима» на рю Руаяль и идет к королевскому «роллс-ройсу», Магда на лыжах, Магда верхом, прекрасная, улыбающаяся, спокойная – и всегда рядом с ней мужчины. Богатые, упитанные, гладкие мужчины.

– Я говорил вам, что у нее было восемь интимных контактов. – Кингстон Паркер снова использовал это неприятное выражение. – Теперь приходится пересмотреть эти данные. Французы очень интересуются такими вещами, они увеличили список. – Он перебирал фотографии. – Пьер Амон, заместитель министра обороны... – Новый снимок. – Марк Винсент, американский посол...

– Да, – коротко оборвал его Питер, с нездоровой пристрастностью разглядывая лица этих мужчин. Почему-то именно такими он их себе и представлял.

– Ее хозяева были довольны – можете себе представить. С агентом-мужчиной иногда приходится ждать десятилетия, пока он терпеливо, как крот, прокладывает себе дорогу в общество. А молодая красивая женщина имеет тем большую ценность, чем свежее эти ее качества. Магда Кучинская использовала их в полную силу. Мы не знаем точно, как велики ее достижения: русские сообщили нам далеко не все. Но полагаю, что к тому времени они начали сознавать ее истинный потенциал. Она была великолепна, но молодость и красота не вечны... – Кингстон Паркер тонкими руками пианиста сделал легкий уничижительный жест. – Мы не знаем, был ли Аарон Альтман сознательным выбором ее хозяев. Но этого нельзя исключить. Подумайте: один из самых богатых и влиятельных людей Западной Европы, в значительной степени контролирующий производство стали, тяжелое машиностроение, огромный комплекс по производству вооружения и электроники, связанный с очень важными вторичными производствами. Вдовец, бездетный. По французским законам жена унаследовала бы все его состояние. Ведет тяжелую, но безнадежную борьбу с раком и долго не протянет. Вдобавок сионист и одно из самых надежных и доверенных лиц в МОССАД. Прекрасно. Поистине прекрасно, – сказал Кингстон Паркер. – Завладеть человеком с таким положением, а то и занять его место! Впрочем, это казалось пустой мечтой: самой прекрасной сирене в истории не стоило надеяться покорить Аарона Альтмана... Он тоже был образцом человека с невероятными способностями, с силой и мужеством льва... Пока рак не изнурил его. Я снова отвлекся, простите. Кто-то – глава НКВД в Москве, парижский шеф Магды из русского посольства (который, кстати, был главным резидентом НКВД в Западной Европе – такова была ее ценность), сама Магда Кучинская – выбрал Альтмана. Через два года она стала для него незаменимой. Альтман

мог получить любую женщину и обычно получал. Его сексуальные аппетиты вошли в легенду и, вероятно, были истинной причиной его бездетности. Юношеская неосторожность привела к венерической болезни с осложнениями. Позже болезнь, конечно, полностью ликвидировали, но урон оказался непоправимым, наследников у Альтмана не было. Будь Магда настолько неопытна, чтобы отдаться ему сразу, он поиграл бы с ней и выбросил, едва бы она ему наскучила. Но она вначале завоевала его уважение и восхищение. Вероятно, это была первая встреченная бароном женщина, чьи ум, сила и решительность не уступали его собственным...

Кингстон Паркер выбрал еще одну фотографию и протянул через стол. Питер увидел человека плотного телосложения, с бычьей шеей и мощной выступающей вперед челюстью. Подобно многим мужчинам с ненасытным сексуальным аппетитом, он был лыс, если не считать венчика отца Тука* вокруг блестящего купола черепа. Рот, способный весело смеяться, и глаза, свирепые, но в то же время готовые к смеху. «Воплощение силы», – подумал Питер.

– Когда она допустила его к телу, должно быть, это походило на грозу, электрическую бурю. – Кингстон Паркер, казалось, сознательно задерживается на прошлых любовных связях Магды, и Питер возразил бы, если бы информация, которую ему сообщали, не была столь важна. – И тут эти мужчина и женщина оказались достойны друг друга. Два великолепных образца, возможно, единственные на сотни миллионов... интересно было бы посмотреть, что получилось бы, если бы они сумели зачать ребенка. – Кингстон Паркер усмехнулся. – Вероятно, вышел бы дебил... Такова жизнь.

Питер раздраженно шевельнулся, донельзя раздосадованный таким поворотом беседы, а Паркер спокойно продолжил.

– Они поженились, и у НКВД появился крот в самом центре западноевропейской промышленности. «Нармко», комплекс Альтмана по производству вооружения, создавал для НАТО сверхсекретные ракеты по американским, французским и английским проектам. Новая баронесса вошла в совет директоров; в сущности она была заместителем председателя совета. Можно не сомневаться, что секретные чертежи уходили не отдельными листами, а целыми грузовиками. Каждый вечер руководители западного мира, те, кто принимает решения, сидели за столом баронессы и пили ее шампанское. Ее тренированная память фиксировала каждый разговор, каждый оттенок, каждое умолчание, а силы барона медленно и неумолимо иссякали. Он все больше и больше опирался на жену. Мы точно не знаем, когда она начала помогать в его деятельности в МОССАД, но, когда это произошло, русские достигли всего, чего желали. В сущности, теперь барон Альтман работал на них, они владели его правой рукой и сердцем. К этому времени Альтман был совершенно одурманен баронессой. Русские надеялись унаследовать большую часть тяжелой промышленности Европы. Цель была так близка... Но тут заявил о себе пресловутый скрытый изъян в характере баронессы. Можно себе представить, какой поднялся переполох, когда русские обнаружили, что баронесса работает только на себя. Она была гораздо умнее любого мужчины, который до тех пор давал ей указания, и познала вкус реальной власти. И вкус этот ей понравился. Вообразите, какая битва развернулась между куколь-

* Монах из легенд о Робин Гуде. – *Примеч. пер.*

никами и прекрасной куклой! Теперь она захотела стать самой богатой и влиятельной женщиной со времен Екатерины Великой, и эта цель была ей вполне доступна, вот только... – Кингстон Паркер, как прирожденный рассказчик, смолк: он чувствовал, когда нужно заставить аудиторию затаить дыхание, – и звякнул кофейной чашкой. – От разговоров хочется пить.

Питер и Колин с трудом опомнились. Рассказ и личность рассказчика их околдовали. Чашку Паркера снова наполнили, он сделал глоток кофе и продолжил.

– У ее русских хозяев оставался последний рычаг. Они пригрозили, что выдадут ее. Очень серьезная угроза. Если бы такой человек, как Аарон Альтман, понял, что его обманывают, он повел бы себя как разъяренный бык. Вполне предсказуемо. Он немедленно развелся бы с Магдой. Получить развод во Франции трудно – но не для такого человека, как барон. Без его защиты Магда становилась ничем, нулем без палочки, пустым местом, потому что утратила бы всякую ценность и для русских. Без империи Альтмана все ее мечты о власти развеивались, как дым. Русские – молодцы, с любым другим они, вероятно, добились бы своего. Но Магда Альтман не обычный человек... – Паркер снова помолчал; по-видимому, на него, как и на остальных, подействовал собственный рассказ: излагал он с удовольствием. – Я очень много говорю. – Он улыбнулся Питеру. – Хочу дать вам шанс. Вы немного знаете ее и очень многое услышали за последний час. Угадаете, что она сделала?

Питер покачал головой, и тут ему в голову пришла ошеломляющая догадка. Он взглянул на Паркера, и его зрачки расширились от отвращения.

– Похоже, вы догадались, – кивнул Паркер. – Да, можно себе представить, что к тому времени она и сама начала терять терпение. Барон умирал слишком долго.

– Боже, это ужасно! – сказал Питер. Он словно испытал физическую боль.

– С определенной точки зрения, я с вами согласен. – Паркер кивнул. – Но если посмотреть на это как на шахматную партию и вспомнить, что Магда – игрок гроссмейстерского ранга, удар был нанесен восхитительный. Она организовала похищение барона. Есть свидетели того, как она настаивала, чтобы барон в тот день сопровождал ее. Он чувствовал себя плохо и не хотел идти под парусами, но она настояла, что солнце и свежий воздух пойдут ему на пользу. Он в таких случаях никогда не брал телохранителей. Они были вдвоем. В открытом море ждал быстрый корабль... – Паркер развел руками. – Вам нужны подробности?

– Нет, – ответил Питер.

– Этот корабль протаранил яхту. Барона схватили, но баронессу оставили. Час спустя береговая охрана получила сообщение, ее подобрали на обломках, оставшихся после крушения. Похитители очень заботились о том, чтобы она уцелела.

– Может, им была нужна любящая жена, чтобы получить выкуп? – быстро предположил Питер.

– Конечно, это возможно, и она превосходно играла роль безутешной супруги. Когда пришло требование выкупа, именно она настояла, чтобы совет «Альтман Индастриз» собрал двадцать пять миллионов долларов. Она лично доставила выкуп – одна. – Паркер сделал многозначительную паузу.

– Ей не нужны были деньги.

– Напротив, очень нужны, – возразил Паркер. – Барон, видите ли, вовсе не впал в старческое слабоумие и прочно держал бразды правления. Магда имела все, о чем мечтает любая жена: меха, драгоценности, слуг, одежду, машины, яхты – и карманные деньги, примерно двести тысяч долларов в год, которые ей выплачивала «Альтман Индастриз». Любая жена была бы довольна... но она не была любой. Пожалуй, уже тогда она разработала планы завладения неограниченной властью, а для этого требовались деньги, и не тысячи, а миллионы. Двадцать пять миллионов – приличное временное пособие, пока она не возьмет в свои ладошки большое яблоко целиком. Она отнесла выкуп наличными, в швейцарских франках, тысячными купюрами. Отвезла на заброшенный аэродром, и туда прилетел самолет из Швейцарии. Все было проделано очень аккуратно.

Питер искал возможности оспорить эти слова.

– Но... ее муж был изуродован. Она не могла...

– Смерть есть смерть, а надругательство над трупом могло служить какой-то тайной цели. Бог весть – мы имеем дело с восточным умом, изобретательным, кровожадным... быть может, его изуродовали именно для того, чтобы окончательно отвратить подозрения от жены... ведь вы сейчас высказались в ее защиту.

«Конечно, он прав. Ум, который создал этот гнусный план, не остановился бы перед такими мелочами». – У Питера больше не было возражений.

– Давайте посмотрим, чего она достигла на этой стадии. Она избавилась от барона и установленных им для нее ограничений – приведу пример таких ограничений, потому что это важно. Баронесса настаивала, чтобы «Нармко» прекратила всякую продажу вооружения и боеприпасов правительству Южной Африки. Барон, который был прежде всего бизнесменом, смотрел на эту страну как на выгодный рынок. К тому же Южная Африка сочувствовала сионизму. Он поставил на своем, и «Нармко» продолжала продавать в эту страну самолеты, ракеты и легкое вооружение до тех самых пор, как ООН приняла резолюцию о полном эмбарго на поставки вооружения, а Франция ратифицировала ее. Запомните антиюжноафриканское настроение баронессы. Мы вернемся к этому позже.

Она избавилась от барона. Избавилась от контроля со стороны русских. И вполне могла содержать для самозащиты собственную небольшую армию. Даже прежние русские хозяева теперь не решались тронуть ее. Она стала французской дворянкой. Сколотила значительный капитал – двадцать пять миллионов, за которые ни перед кем не должна была отчитываться. Добилась огромной власти, основанной на влиянии «Альтман Индастриз». Конечно, ее по-прежнему отчасти сдерживал совет директоров, но она получила доступ ко всей информации, к огромным ресурсам. К тому же она пользовалась уважением и сочувствием французского правительства, а в качестве приятного преимущества имела ограниченный, но все же важный выход на французскую разведку. И связи в МОССАД. Разве она не унаследовала положение Аарона Альтмана?..

Питер неожиданно вспомнил, как Магда говорила о своих «источниках» – и никогда точно не называла их. «Неужели она могла свободно пользоваться возможностями французской и израильской разведок?» Это казалось невозможным. Но Питер уже понял: когда имеешь дело с Магдой Альтман, все возможно. Как заметил Кингстон Паркер, она не обычный человек. Но вот Паркер снова заговорил.

– Последовал период консолидации. В это время она собирала бразды правления, которые выронил Аарон. В верхних эшелонах «Альтман Индастриз» произошли изменения – тех, кто мог возражать ей, она заменила своими приспешниками. Затем последовал период планирования и организации, а затем первая попытка изменить судьбы народов. Выбранный баронессой народ больше прочих не соответствовал ее взглядам на новый мир, который она собиралась построить. Мы никогда не узнаем, почему она выбрала имя Калиф...

– Вы ошибаетесь. – Питер прижал пальцами веки. – Вы просто ее не знаете.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь *знал* ее, Питер, – ответил Кингстон Паркер и начал возиться с трубкой. – Простите, мы, очевидно, слишком торопимся. Хотите вернуться назад? Задать вопросы?

– Нет, все в порядке. – Питер открыл глаза. – Продолжайте, Кингстон.

– Один из главных уроков, усвоенных баронессой Альтман, заключался в том, как легко применить силу и насилие, какой огромный эффект они способны дать, какую выгоду принести. Опираясь на это знание, баронесса определила свой первый шаг в качестве нового властелина мира. Ее выбор диктовали политические убеждения, сложившиеся в детстве, когда она сидела на коленях у коммуниста-отца во время партийных собраний. Развитая не по годам девочка бывала на таких собраниях и в Париже. Дополнительным доводом в пользу этого выбора служила заинтересованность банка Альтмана в южноафриканском золоте – к этому времени баронесса добавила к своим коммунистическим убеждениям хорошую порцию капиталистического эгоизма. Можно только гадать, но нетрудно предположить, что, если бы план получения сорока тонн золота и организации черного правительства в изгнании удался, Калифу не потребовалось бы много времени, чтобы прибрать к рукам и то и другое... – Паркер пожал плечами. – Мы сейчас не можем сказать, сколь грандиозными и честолюбивыми были эти планы. Несомненно одно: команду для осуществления этого плана Калиф, или баронесса, подбирали с той же тщательностью, с какой делали все свои дела. – Он замолчал и улыбнулся. – Я думаю, мы все трое хорошо помним захват «ноль семидесятого», поэтому нет нужды вдаваться в подробности. Позвольте только напомнить, что план должен был успешно осуществиться – в сущности, и осуществился, – но тут Питер сделал свой непредвиденный ход, и все рухнуло. Однако план удался. Это было главное. Калиф мог поздравить себя. Баронесса добыла безукоризненно точную информацию. Выбрала подходящих исполнителей. Даже знала имя офицера, который будет командовать антитеррористической группой, посланной на перехват, и ее психологический расчет был безупречен. Казнь четверых заложников так шокировала и ошеломила оппозицию, что та оказалась бессильной. Баронесса уже поднесла чашку к губам, но ее выхватили – один-единственный человек. Это неизбежно пробудило в ней интерес к этому человеку. Возможно, женским чутьем она распознала в нем качества, которые могла бы использовать в своих целях. У нее есть очень важная особенность: она способна даже в обломках катастрофы найти залог будущих побед. – Паркер грузно пошевелился и слабо махнул рукой. – Надеюсь, вы не сочтете нескромностью то, что сейчас в этой истории появится ваш покорный слуга. Мне стало известно, что существует кто-то вроде Калифа. Вероятно, это было не первое ее действие после убийства Аарона Альтмана. В ее духе успешно выполнены и два других похищения,

одно из них – похищение министров ОПЕК в Вене, но уверенности тут нет. Я был предупрежден и ждал появления Калифа. И много бы отдал за возможность допросить одного из похитителей...

– Они ничего не сказали бы, – резко вмешался Питер. – Это были просто пешки, вроде того врача, которого мы захватили в Ирландии.

Паркер вздохнул.

– Возможно, вы правы, Питер. Но тогда я считал, что перерезана единственная нить, ведущая к Калифу. Однако позже, когда все закончилось и я опомнился от потрясения, мне неожиданно пришло в голову, что нить есть – и она даже прочнее, чем раньше. Этой нитью стали вы, Питер. Именно поэтому я рекомендовал принять вашу отставку. Если бы вы не подали прошение, я бы все равно настоял на этом, но вы прекрасно подыграли мне... – Он снова улыбнулся. – Я еще не поблагодарил вас за это.

– Не за что, – мрачно сказал Питер. – Рад помочь.

– Вы действительно очень помогли. Как только вы освободились, баронесса предприняла первую попытку. Вначале она собрала о вас сведения. Каким-то образом проникла даже в наш компьютер. Это доказано. Через четыре дня после вашей отставки был послан запрос в базу данных ЦРУ. То, что она узнала, ей, должно быть, понравилось, поскольку последовало предложение от «Нармко» – по обычным каналам. Ваш отказ разжег ее интерес, и она использовала свои связи, чтобы получить приглашение в сельское поместье сэра Стивена. – Паркер усмехнулся. – Мой бедный Питер, вы нежданно-негаданно угодили в когти одной из величайших чаровниц в истории. Я достаточно знаю эту дамочку, чтобы предположить: ее подход к вам был тщательно рассчитан и основывался на всем объеме полученных о вас сведений. Она точно знала, какой тип женщин вас привлекает. К счастью, она ему соответствовала...

– Это какому же? – спросил Питер. Он не знал, что у него есть особые предпочтения.

– Высокие стройные брюнетки, – сразу ответил Паркер. – Подумайте, – предложил он. – Все ваши женщины были такие.

«Конечно, он прав, – понял Питер. – Дьявольщина, даже в тридцать девять лет можно узнать о себе кое-что новое».

– Вы хладнокровный ублюдок, Кингстон. Вам кто-нибудь говорил об этом?

– К счастью, да. – Паркер улыбнулся. – Но это неправда. По сравнению с баронессой Альтман я Дед Мороз. – Он снова стал серьезен. – Она хотела выведать, что известно о ее деятельности нам, в «Атласе». К тому времени она уже знала, что у нас появились подозрения, и через вас могла следить за нами. Конечно, чем дольше вы не работали в «Торе», тем меньшую ценность для нее представляли, но она могла использовать вас и по-другому. Вдобавок вы могли оказаться полезным «Нармко». И вы оправдали все ее ожидания, даже превзошли их. Даже сорвали попытку покушения на ее жизнь...

Питер вопросительно поднял брови.

– На дороге в Рамбуйе тем вечером. Здесь мы вступаем в область догадок, но это вполне обоснованные догадки. Русские к тому времени отчаялись вернуть ее. Они тоже заподозрили, что она – Калиф. И решили применить к своему бывшему лучшему агенту радикальные меры. Они либо финансировали, либо сами организовали покушение, а может

быть, сообщили в МОССАД, что она убила Аарона Альтмана. Я склонен считать, что они сами наняли убийц, МОССАД обычно сам выполняет всю грязную работу. Ну, кто бы ни платил – НКВД или МОССАД, – на дороге в Рамбуйе была организована засада, и вы попали в нее. Я знаю, Питер, вы не любите совпадения, но, с моей точки зрения, то, что именно вы тем вечером ехали в «мазерати» баронессы – простое совпадение.

– Ладно, – согласился Питер. – Раз уж я проглотил все блюдо, то крошками не подавлюсь.

– Случившееся серьезно встревожило баронессу. Она не знала точно, кто стоит за покушением. Думаю, она решила, что это «Атлас». Или что мы имеем к этому какое-то отношение. Вслед за тем вы почти сразу подтвердили наш интерес к ней. Вернувшись из Америки, вы либо все рассказали ей, либо как-то иначе подтвердили ее подозрения относительно «Атласа» и Кингстона Паркера. Это опять-таки предположение, но насколько я близок к истине, Питер? Скажите честно.

Питер смотрел на него, стараясь сохранять непроницаемое выражение, но мысли его смешались: «Произошло именно это».

– Мы все охотимся на Калифа. И вы не видели ничего плохого в том, чтобы обсудить это с ней, – мягко подталкивал его Паркер.

– Она знала, что я летал в Америку на свидание с вами, до того, как я ей сказал. Не знаю откуда – но она знала, – сдержанно сказал Питер. Он чувствовал себя предателем.

– Понимаю, – просто ответил Паркер. Он опять положил руку Питеру на плечо. Сжал и посмотрел Питеру в глаза – это был жест искренности и доверия. Потом положил руки на стол. – Она знала, кто охотник, и достаточно знала обо мне, чтобы понять, насколько я опасен. Вы, вероятно, единственный в мире могли бы добраться до меня и выполнить заказ, но вам нужно было дать мотив. И она выбрала тот единственный рычаг, который мог заставить вас действовать. Выбрала безошибочно... так, как делала все остальное. И добилась бы своего: одним ударом избавилась бы от охотника и приобрела первоклассного убийцу. Выполнив это задание, вы вечно принадлежали бы Калифу. Она заставляла бы вас убивать снова и снова, и каждый раз, убивая, вы бы все больше запутывались в ее сетях. Вы были очень ценным призом, Питер. Настолько ценным, что она применила к вам свои женские чары. – Он увидел, как дернулся угол рта Питера, как гневно вспыхнули его глаза. – Вы к тому же очень привлекательный мужчина; кто знает, может быть, она чувствовала потребность соединить полезное с приятным? У этой мадам сильно развиты сексуальные аппетиты.

Питер почувствовал неудержимое желание ударить Паркера по лицу. Его гневу нужен был выход. Он чувствовал себя грязным и униженным.

– Она достаточно умна, чтобы понять: голый секс не заставит вас пойти на убийство. Тогда она похитила вашу дочь и не раздумывая искалечила ее – точно как в Йоханнесбурге, когда без колебаний были расстреляны заложники. Мир должен научиться бояться Калифа. – Теперь Паркер не улыбался. – Я верю, что если бы к назначенному сроку вы не доставили мою голову, она не колеблясь выполнила бы свое обещание: последовала бы вторая ампутация, потом третья.

Питер вспомнил сморщенный белый палец с алым ногтем, плавающий в той ужасной бутылочке, и его снова захлестнула волна тошноты.

– Нам просто невероятно повезло. Информатор среди прово, – сказал Паркер. – А также вполне понятное стремление русских сотрудничать с нами в этом деле. Для них было бы лучшим выходом, если бы мы решили их проблемы. Они передали нам почти исчерпывающие сведения об этой даме и ее жизни.

– Но что теперь делать? – спросил Колин Нобл. – У нас связаны руки. Неужели мы будем ждать следующего злодейства? Надеяться, что нам повезет, когда Калиф убьет очередного арабского принца?

– Это обязательно произойдет – если Саудовская Аравия не добьется своего на сессии ОПЕК, – спокойно предрек Паркер. – Дамочка очень быстро переметнулась в капиталистический лагерь и владеет теперь половиной европейской тяжелой промышленности. Снижение цены на сырую нефть ей выгоднее, чем любому другому человеку на Земле. И в то же время это большая услуга всему человечеству. Мадам отлично сочетает политические и личные интересы.

– Но если это сойдет ей с рук, – настаивал Колин, – дальше-то что будет?

– Этого никто не может предугадать, – ответил Паркер, и оба они посмотрели на Питера.

Он, казалось, постарел на двадцать лет. В углах рта обозначились глубокие морщины, как следы эрозии на граните. Только глаза оставались живыми – синими, свирепыми, как у хищной птицы.

– Я хочу, чтобы вы поверили в то, что я вам сейчас скажу, Питер. Я не говорил вам этого, чтобы не давить на вас, – спокойно сказал Паркер. – Я рассказал вам только то, что считал необходимым, чтобы вы могли защититься, если решите вернуться в логово льва. Приказать вам сделать это я не могу. Невозможно оценить связанный с этим риск. Имея дело с более слабым человеком, я назвал бы это самоубийством. Но теперь вы предупреждены, а я считаю вас единственным человеком, способным справиться с Калифом на его территории. Пожалуйста, поймите меня правильно. Об убийстве речи нет. В сущности, я категорически запрещаю вам действовать в этом направлении. Запрещаю – и если вы ослушаетесь, сделаю все возможное, чтобы передать вас в руки правосудия. Нет, я прошу вас быть как можно ближе к Калифу. Попытайтесь предугадать ее шаги. Заставьте ее проявить себя, чтобы мы могли законно воспрепятствовать ее действиям. Я хочу, чтобы вы забыли все эмоциональные соображения: заложников в Йоханнесбурге, вашу дочь – забудьте об этом, Питер. Помните, мы не судьи и не палачи... – Паркер продолжал говорить, громко и настойчиво, а Питер прищурившись смотрел на его губы и внимательно слушал, стараясь все обдумать и живо воображая себе то, что ему предстоит. Но его мысли безостановочно вертелись, как на детской карусели, и после каждого круга возвращались все к тому же решению.

Есть только один способ остановить Калифа. Мысль о том, чтобы вызвать баронессу Магду Альтман во французский суд, смехотворна. Питер старался внушить себе, что месть никак не связана с его решением, но слишком хорошо знал себя, чтобы обмануться. Да, месть имела к этому отношение, да, его трясло от гнева, стоило начать вспоминать, но мало того. Он убил ту немку, ту девушку Ингрид, убил Джилли О'Шоннеси и не жалел о том, что сделал. Их нельзя было оставлять в живых. Но в таком случае Калиф тысячекратно заслуживал смерти.

«И убить его может только один человек», – понял Питер.

* * *

Говорила она быстро, все с тем же едва заметным очаровательным акцентом, и ее голос был легким и теплым; он хорошо его помнил, но забыл, как этот голос на него действует. Сердце его билось так, словно он долго бежал.

– О Питер. Как приятно снова слышать твой голос. Я так беспокоилась. Ты получил мою телеграмму?

– Нет, какую?

– Узнав, что ты освободил Мелиссу-Джейн, я послала телеграмму из Рима.

– Не получил, но это не важно.

– Я послала через «Нармко» – в Брюссель.

– Вероятно, она меня там ждет. Я с ними не связывался.

– Как она, Питер?

– Все в порядке... – Питер обнаружил, что ему трудно называть ее по имени, трудно произносить ласковые слова. Он надеялся, что голос его звучит не слишком напряженно. – Но нам пришлось нелегко.

– Знаю. Я понимаю. Я чувствовала себя такой беспомощной. Я очень старалась – поэтому меня и не было, Питер, cheri, – но дни шли, а я не могла получить никаких сведений.

– Теперь все кончено, – хрипло сказал Питер.

– Не думаю, – быстро возразила она. – Откуда ты звонишь?

– Из Лондона.

– Когда вернешься.

– Час назад я звонил в Брюссель. «Нармко» срочно ждет меня. Лечу сегодня первым рейсом после полудня.

– Питер, мне нужно тебя увидеть. Мы слишком давно не виделись. Но, oh mon Dieu, мне сегодня вечером нужно быть в Вене. Подожди, сейчас подумаем. Если я пошлю за тобой «лир», мы можем встретиться, хотя бы на час. Ты полетишь поздним рейсом из Орли в Брюссель, а я в Вену на «Лире». Пожалуйста, Питер. Мне так тебя не хватает. Мы целый час пробудем вместе.

Питер вышел из «лира». Его встретили и провели в зал для особо важных пассажиров над главным залом аэровокзала.

Когда он вошел, Магда Альтман быстро пошла ему навстречу. Оказывается, он забыл, как в комнатах светлеет от ее присутствия.

На ней был безукоризненный костюм – жакет и юбка – строгий, металлически-серый и чрезвычайно деловой. Длинные изящные ноги, начинавшиеся, казалось, от самой талии, ступали как ноги балерины, и Питер почувствовал себя неуклюжим; его тяготило сознание того, что зло рядом.

– О Питер! Что с тобой? – тревожно спросила она; в ее огромных, полных сочувствия глазах светилась искренняя озабоченность. Баронесса протянула руку и коснулась его щеки.

Напряжение и ужас последних дней привели Страйда на грань физического истощения. Кожа посерела, стала нездорово-землистой, и на ней темнела щетина. На висках появилось

больше серебра, светлые нити видны были и в густых волосах, в глубоко ввалившихся глазах поселилось затравленное выражение.

– О дорогой, милый, – прошептала она тихо, так, чтобы никто в комнате не расслышал, и подставила ему губы.

Питер тщательно готовился к этой встрече. Он понимал, как важно ничем себя не выдать. Магда не должна догадаться, что он теперь знает о ней все. Это было бы смертельно опасно. Следовало действовать совершенно естественно. Это необходимо. На мгновение в памяти возникло страшно осунувшееся, бледное лицо Мелиссы-Джейн. Питер наклонился и поцеловал Магду.

Он заставил свои губы смягчиться, а ее рот оказался нежным, влажным, теплым, от ее губ пахло зрелой женщиной и раздавленными лепестками. Питер заставил свое тело радостно прильнуть к ней и думал, что ему это удалось, но Магда мягко высвободилась из его объятий, чуть отстранилась, по-прежнему прижимаясь к нему стройными сильными бедрами, и внимательно посмотрела ему в лицо. Один быстрый, проницательный взгляд – и Питер увидел, как в глубине ее глаз что-то промелькнуло. Они погасли, остался только холодный безжалостный огонь, как искра в глубине большого изумруда.

Она что-то заметила – но ведь замечать было нечего. И все же баронесса что-то учуяла, какую-то новую настороженность. Конечно, она искала чего-то в этом роде. Ей требовалось лишь самое ничтожное подтверждение – нечаянная складка губ, осторожность во взгляде, легкая сдержанность и отчужденность – все то, что он надеялся скрыть.

– Я рада, что ты в синем. – Она коснулась лацкана его пиджака. – Тебе идет, дорогой.

Он заказывал этот пиджак с мыслью о ней, но теперь в поведении Магды появилась едва заметная резкость. Как будто она отдалилась, воздвигла между ними невидимый барьер.

Она села на диван рядом с Питером, не касаясь его, и кивком отпустила секретаря. Тот пересек комнату и присоединился к двум телохранителям, ее «серым волкам». Все трое удалились за пределы слышимости и там негромко переговаривались.

– Рассказывай, Питер. – Магда наблюдала за ним, но холодный зеленый огонь в глазах погас. Дружелюбная, сочувствующая, она внимательно слушала, как он во всех подробностях рассказывал о похищении Мелиссы-Джейн.

Старое правило – говорить правду, когда это полезно. Сейчас это полезно, потому что Магда и так знает все до мелочей. Он рассказал о требовании Калифа убить Кингстона Паркера и о своей реакции.

– Я бы сделал это, – откровенно сказал он, и баронесса сжала его руку и чуть вздрогнула.

Питер рассказал о счастливом звонке, который помог найти Мелиссу-Джейн. Подробно описал, как с ней обращались, описал ее ужас и то, какую психологическую травму она перенесла, и при этом внимательно следил за Магдой. Он что-то уловил в ее взгляде, что-то, подчеркнутое легкой складкой между бровей. Он понимал, ожидать чувства вины не приходится. Калиф должен быть далек от земных переживаний... но что-то было – не только наигранное сочувствие.

– Мне нужно было побыть с ней. Мне казалось, я ей необходим, – объяснил он.

– Да. Я рада, что ты так поступил, Питер. – Магда кивнула и взглянула на часы. – Как мало времени осталось, – пожаловалась она. – Давай выпьем шампанского. Есть повод. Мелисса-Джейн жива, она молода и легко оправится.

Питер открыл бутылку; когда пробка хлопнула, он разлил светло-желтое «Дом Периньон» по бокалам и улыбнулся, поднимая свой.

– За встречу, Питер. – Она была поистине превосходной актрисой: это прозвучало невинно, словно нечаянно, и он про себя восхитился. Подавив это чувство, Питер подумал, что надо убить ее здесь и сразу. Оружие для этого не потребуется. Под мышкой у него «кобра» в мягкой кобуре, но он справится и голыми руками. И двое телохранителей тут же застрелят его. Одного из них он может прихватить с собой, но другой его точно пристрелит. Это лучшие. Он сам отбирал их. Они его убьют.

– Жаль, что мы так долго не виделись, – сказал он с улыбкой.

– О, cheri, знаю, мне тоже жаль. – Она коснулась его лба – первое прикосновение после объятия при встрече. – Хотела бы я, чтобы было по-другому. Но мы с тобой оба слишком многое должны сделать, и нам нужно прощать друг другу.

Возможно, ее слова имели особое значение; в глазах баронессы на мгновение вспыхнул теплый зеленый свет и что-то еще – может быть, глубокое искреннее сожаление. Она пригубила вино и опустила длинные изогнутые ресницы, прикрывая глаза от его взгляда.

– Надеюсь, нам никогда не придется прощать друг другу ничего ужасного...

Он впервые впрямую рассматривал необходимость убить ее. До того он рассуждал в принципе, абстрактно, избегая задумываться о самом действии. Но теперь Питер представил себе, как пули «Велекс» ударят по этому гладкому, красивому телу. Внутри у него все перевернулось, и он впервые усомнился, сможет ли это сделать.

– Ох, Питер, я тоже надеюсь. Больше всего в жизни я надеюсь на это. – Она на мгновение подняла ресницы, и ее глаза словно впились в него, о чем-то моля – о прощении?

«Но если не пистолет, то что? Выдержу ли, когда ее хрящи и кости затрещат под пальцами, смогу ли удержать нож в ее твердом плоском животе, смогу ли почувствовать, что она бьется, как марлинь на острие багра?»

Зазвенел телефон в баре, и после второго звонка секретарь взял трубку. Негромко сказал:

– Oui, oui. D'accord.* – Он повесил трубку. – Мадам баронесса, самолет заправлен и готов к вылету.

– Вылетаем немедленно, – приказала она и сказала Питеру: – Прости.

– Когда мы увидимся? – спросил он.

Магда пожала плечами, по ее лицу пробежала легкая тень.

– Трудно сказать. Не знаю. Я позвоню. А теперь мне пора, Питер. Adieu,** дорогой.

Когда баронесса вышла, Питер подошел к окну, выходящему на взлетное поле. Стояло великолепное весеннее утро, вдоль посадочных полос цвели ранние хризантемы, похожие на разбросанные золотые соверены, среди них прыгали черные птицы, клюя насекомых. Рев двигателей – взлетал самолет на Швейцарию – их ничуть не беспокоил.

---

* Да, да. Хорошо (*фр.*). – *Примеч. пер.*

** Прощай (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Питер мысленно прокрутил в уме их встречу. Точно определил момент, когда она изменилась. Когда перестала быть Магдой Альтман и стала Калифом.

Сомнений не оставалось.

«Да были ли они, – подумал Питер, – или просто мне хотелось сомневаться?»

Теперь он должен ожесточиться. Будет трудно, гораздо труднее, чем он представлял. Они ни разу не остались наедине: все время поблизости были «серые волки». Еще один признак ее нового знания. Окажутся ли они когда-нибудь снова наедине, теперь, когда она насторожилась?

Вдруг он вспомнил, что она сказала не «Au revoir,* дорогой», а «Adeiu, дорогой».

«Предупреждение? Тонкий намек на смерть – ибо если Калиф что-то заподозрил, понятно, что меня ждет. Угрожала она или просто отбросила за ненужностью, как предупреждал Кингстон Паркер?»

Он почувствовал отчаяние при мысли, что может больше никогда ее не увидеть. Разве что через прицел пистолета.

Питер стоял, глядя в окно, и думал о том, как начала рушиться его карьера да и сама жизнь с тех пор, как он впервые услышал имя Калиф.

И вздрогнул, услышав за плечом вежливый голос служащего:

– Объявили о посадке на рейс до Брюсселя, генерал Страйд.

Питер со вздохом повернулся и взял пальто и дипломат из крокодиловой кожи – подарок женщины, которую ему предстояло убить.

На длинном столе в его новом кабинете скопилась такая груда писем и возникло столько срочных дел, что у Питера появился предлог отложить подробное планирование упреждающего удара по Калифу.

К своему легкому удивлению, он обнаружил, что ему нравятся суета и споры, неистовый ритм работы и непрерывные требования торгового отдела. Он наслаждался, противопоставляя свой ум и характер уму и характеру конкурентов, наслаждался общением с людьми – и впервые понял, что в той жизни, которую ведет его брат Стивен, тоже есть своя привлекательность.

Через три дня после его возвращения в кабинет Военно-воздушные силы Ирана заказали «Нармко» первую партию ракет «кестрел». Сто двадцать ракет стоимостью сто пятьдесят миллионов долларов. Питер понял, что испытал при этом весьма сильное чувство, которое может стать еще сильнее и даже вызвать привыкание, как наркотик. На деньги он всегда смотрел как на докуку, ему скучны были беседы с управляющими банков и работниками налоговой службы, но теперь он понял, что здесь совсем другие деньги. Он заглянул в мир, где живет Калиф, и понял: когда человек оперирует такими суммами, мечты о власти, равной власти Бога, вполне возможны – как и желание претворить их в жизнь.

Он сумел понять, но не сумел простить, и вот наконец, семь дней спустя после своего возвращения в Брюссель, заставил себя посмотреть в лицо тому, что обязан был сделать.

Магда Альтман исчезла. После короткого неудачного свидания в аэропорту Орли она с ним не связывалась.

---

* До свидания (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Питер понял, что сам должен сделать первый шаг.

Он лишился своего особого положения, которое заметно облегчило бы выполнение задачи. Но он по-прежнему мог подойти к баронессе достаточно близко, чтобы убить, в этом Питер был уверен. У него ведь была возможность сделать это в Орли. Но такой путь – самоубийство. Даже если его не прикончат на месте проворные телохранители, неизбежно последует затяжной судебный процесс. Не требовалось долго ломать голову, чтобы понять: использовать историю Калифа для своего оправдания не удастся. Ни один суд в нее не поверит. Без показаний «Атласа» и американской и английской разведок Питера сочтут сумасшедшим. А их не будет, в этом он был уверен. Если он убьет Калифа, они обрадуются, но позволят ему пойти на гильотину, не сказав ни слова в его защиту. Питер хорошо представлял себе, как возмутилась бы мировая общественность, если бы стало известно, что столь неортодоксальная организация, как «Атлас», наняла убийцу для устранения выдающегося гражданина другой – дружественной – страны.

Нет. Он совершенно одинок, предоставлен самому себе. Паркер дал это понять со всей ясностью. Но Питер понял, что не хочет умирать, не готов пожертвовать своей жизнью, чтобы остановить Калифа, если есть другая возможность. Другое дело, если бы такой возможности не было.

Планируя ликвидацию, он думал о своей жертве как о Калифе и никогда – как о Магде Альтман. Только так он мог хладнокровно обдумывать возникающие вопросы. Где, когда, а потом и как.

Он сам усложнил себе задачу, усовершенствовав личную охрану баронессы; при этом он в первую очередь заботился о том, чтобы сделать ее передвижения как можно более непредсказуемыми. Расписание ее появлений на людях охранялось строго, как государственная тайна, о ее присутствии на светских или общественных мероприятиях никогда не объявлялось заранее.

Если ее приглашали пообедать в Елисейском дворце, об этом сообщалось через день после обеда, а не накануне. Но все же были такие ежегодные события, которые баронесса никогда не пропускала. Они вместе обсуждали слабые места в системе ее охраны.

– Но, Питер, нельзя же делать из меня заключенную, – протестующе рассмеялась баронесса, когда он упомянул о них. – У меня так мало подлинных удовольствий... ты ведь не лишишь меня их?

Она ни за что не пропустит первую в сезоне демонстрацию новой коллекции Ива-Сен-Лорана или начало сезона скачек и его главное событие – парижский Гран-при в Лоншане. В этом году она очень надеялась на победу своей гнедой кобылы-красавицы, Ледяной Пантеры. Магда будет там. Несомненно будет.

Питер набросал список возможных мест убийства, потом оставил только самые вероятные. Например, поместье «Ла Пьер Бенит». Преимущество было в том, что Питер хорошо его знал. Глазом солдата он рассматривал широкие террасы лужаек, спускающиеся к озеру, намечал возможные линии огня. На дальней стороне озера в прибрежном лесу могут разместиться снайперы; можно использовать маленький лесистый холм севернее дома, откуда открывается вид на двор и конюшни. Однако поместье хорошо охраняется, и даже внутри него передвижения жертвы непредсказуемы. Можно неделю пролежать в засаде, а она

в это время будет в Риме или Нью-Йорке. Вдобавок очень опасен отход через малонаселенную местность; из поместья ведут только две дороги, и полиция сразу их перекроет. Нет, «Ла Пьер Бенит» он вычеркнул из списка.

В конце концов остались только два пункта, которые первыми пришли ему в голову: помещение для участников скачек на ипподроме в Лонгшане и дефиле Сен-Лорана на авеню Виктора Гюго, 46.

Вероятно, понадобится снять контору в одном из этих зданий – дополнительный риск, даже если использовать вымышленное имя. Это делало скачки чуть более предпочтительными. Однако Питер медлил с принятием решения – ему хотелось сначала внимательно осмотреть место действия.

Важным преимуществом выбранных Питером мест было и то, что убийство можно было осуществить на расстоянии. Пистолет, нож или гаррота не избавляют от ужасных мгновений контакта с жертвой.

Он увидит Калифа издалека, в оптический прицел. Искаженная перспектива и измененные цвета придадут происходящему ощущение нереальности. Расстояние позволит избежать встречи. Ему не придется увидеть, как гаснет свет в этих огромных зеленых глазах, услышать, как с мягких прекрасных губ, которые дали ему так много радости, срывается последний вздох. Он быстро отбросил эту мысль. Она подтачивала его решимость, хотя гнев и желание отомстить не ослабевали.

Будь у него снайперское ружье калибра .222, какие используются в «Торе», это был бы лучший инструмент для решения задачи. Это ружье с длинным пригнанным стволом, с новым лазерным прицелом точно посылало пулю на семьсот ярдов. От снайпера требовалось только нажать указательным пальцем левой руки кнопку на ложе. Включался лазер, и луч вычерчивал траекторию пули. На цели появлялось яркое белое пятнышко размером с серебряную монету. Снайпер смотрел в прицел, и, когда пятнышко совмещалось с целью, нажимал на курок. С таким прицелом даже не очень подготовленный стрелок не промажет, а в руках Питера это оружие будет непогрешимо – и Колин Нобл даст ему такое ружье. Не только даст – вероятно, доставит с поздравлениями от корпуса морских пехотинцев США через старшего военного атташе американского посольства в Париже.

Однако Питер так критически продолжал анализировать свои планы, что понял: он оттягивает переход к активным действиям.

Шестнадцатый день после его возвращения в Брюссель пришелся на пятницу. Утро Питер провел на полигоне НАТО к северу от города; там демонстрировали новый электронный щит, созданный «Нармко»: он позволял скрыть от радаров ракеты ближнего действия и противотанковые ракеты. Вернулся он на вертолете с тремя иранскими офицерами, присутствовавшими на демонстрации, и в «Эполь де Мутон» они не спеша съели великолепный ленч. Питера, который провел три часа за обеденным столом, мучила совесть, и потому он до семи вечера работал над контрактом по продаже ракет.

Уже затемно он вышел через служебный вход, принимая все обычные предосторожности на случай, если убийцы Калифа ждут его на темных улицах. Он никогда не выходил в одно и то же время и не шел одним и тем же маршрутом. В этот вечер он купил у торговца

табаком на Гранд-Пляс газеты и решил просмотреть их в одном из открытых кафе, выходящих на площадь.

Начал он с английских. Заголовки на первых страницах, черные и четкие, провозглашали:

ПАДЕНИЕ ЦЕНЫ НА СЫРУЮ НЕФТЬ

Питер, прихлебывая виски, задумчиво прочел статью, потом заглянул на шестую страницу, где печаталось продолжение.

Он скомкал газету и невидящим взглядом уставился на поток туристов и первых вечерних гуляк.

Калиф добился своего первого международного триумфа. Отныне на пути безжалостного неистовства власти и насилия не будет никаких преград.

Питер понял: больше откладывать нельзя. Он принял решение действовать, и решение бесповоротное. В понедельник он слетает в Лондон, предлогов для этого достаточно. Пусть Колин встретит его в аэропорту; придется поделиться с ним своими соображениями. Питер знал, что может рассчитывать на полную поддержку. Потом он направится в Париж для последней разведки и выбора места. До весенних показов мод еще две недели – две недели тщательной подготовки, чтобы все прошло как надо.

Он вдруг ощутил сильное переутомление, словно на то, чтобы принять решение, у него ушли последние силы. Питер так устал, что короткий путь назад в отель пугал. Он заказал еще виски, выпил и только тогда смог собраться.

«Нармко» держала в «Хилтоне» два многокомнатных номера для своих старших менеджеров и важных посетителей. Питер еще не искал квартиру в городе и жил в меньшем из двух номеров. Здесь он мылся, спал, переодевался и не мог избавиться от ощущения временности, быстрой смены обстоятельств.

«Мои книги опять на складе», – подумал он тоскливо. Собрание прекрасных редких книг большую часть его жизни проводит на складах, а он носится по всему миру, куда призывают обязанности, живет в казармах и отелях. Книги – его единственное имущество, и, думая о них, Питер почувствовал непривычное желание осесть, завести собственный дом – и тут же, цинично улыбаясь, отогнал эту мысль – он снова на улицах чужого города, снова один.

«Должно быть, начинаю стареть», – решил он. Раньше он никогда не испытывал одиночества – но теперь, теперь? Совершенно не к месту вспомнилась Магда Альтман, как она пришла к нему в объятия и сказала: «О Питер, я так долго была одинока».

Вспомнив это, он застыл в свете уличного фонаря – высокий мужчина в пальто с поясом, с худым истощенным лицом.

Блондинка с порочно накрашенными губами подошла к нему, остановилась, делая предложение, и Питер вернулся к действительности.

– Mercі. – Он отрицательно покачал головой и пошел дальше.

Когда он вошел в вестибюль «Хилтона», его внимание привлекли журналы в киоске, и он остановился у полки с журналами для женщин. Там Питер рассчитывал найти объявление

о начале сезона высокой моды в Париже и стал пролистывать страницы «Вог», ища упоминаний о Сен-Лоране. И сразу, на первом же развороте потрясенно увидел женское лицо.

Тонкие элегантные черты, чуть раскосые славянские глаза. Сверкающий водопад темных волос, кошачья грация движений, остановленных фотокамерой.

На снимке она стояла в группе из четырех человек. Вторая женщина – жена известного поп-певца, живущая в разъезде с ним. Пухлое капризное личико, восточный тип глаз, ярко накрашенные губы – типичная парижская светская львица. Рядом – американский актер с веснушчатым мальчишеским лицом, в бархатном пиджаке, с золотой цепью на шее, более известный своими сексуальными пристрастиями, чем ролями в фильмах. Совсем не с такими людьми обычно общается Магда Альтман... а вот второй мужчина, к которому она прислонилась, больше в ее стиле. Лет сорока, смуглый и по-своему красивый, с тяжеловатым мясистым лицом и густыми, волнистыми светлыми волосами; от него исходило ощущение власти и уверенности, как и полагается главе крупнейшей немецкой автомобилестроительной компании.

В подписи под снимком сообщалось об открытии в Париже новой дискотеки – вновь нечто необычное для Магды Альтман; она сама ослепительно улыбалась высокому красивому немцу, так явно наслаждаясь, что Питер почувствовал укол какого-то чувства. Ненависти или ревности – он не понял. Захлопнув журнал, он вернул его на полку.

В безликом, стерильно чистом номере он разделся и принял душ, потом голый вышел в небольшую гостиную и налил себе виски. Третью порцию за вечер.

Он понял, что со времени похищения пьет гораздо больше обычного. Когда человек одинок и терзается глубокими сомнениями, выпивка действует на него коварно. Надо последить за собой. Он отхлебнул янтарной жидкости с привкусом дыма и повернулся, разглядывая себя в зеркале.

С возвращения в Брюссель он ежедневно тренируется в офицерском спортклубе НАТО, членом которого еще состоит, и тело у него поджарое, жесткое, живот как у борзой, только лицо изменилось от горя, напряжения – и как будто глубокого внутреннего сожаления.

Он ушел в спальню, и тут зазвонил телефон.

– Страйд, – сказал он в трубку, по-прежнему голый, со стаканом виски в руке.

– Генерал Страйд, минуточку, пожалуйста. Международный звонок.

Ожидание казалось бесконечным, на линии что-то гудело и щелкало, слышались голоса телефонисток – плохой французский и еще более плохой английский.

И вдруг ее голос, но слабый и далекий, как шепот в обширном пустом зале.

– Питер, это ты?

– Магда? – Услышав ее, Питер пережил потрясение; прежде чем она заговорила снова, послышался щелчок. Переключение несущей волны сказало ему, что они говорят по радиотелефону.

– Нам нужно увидеться, Питер. Так не может продолжаться. Ты приедешь ко мне, Питер?

– Где ты?

– Les Neuf Poissons.* – Голос был таким слабым, что он попросил повторить.

---

* Девять рыб (*фр.*). – *Примеч. пер.*

– Les Neuf Poissons. Девять Рыб, – еще раз сказала она она. – Прилетишь, Питер?

– Ты плачешь? – спросил он; наступило молчание, нарушаемое щелканьем и гудением; он подумал, что связь прервалась, и с тревогой повторил: – Ты плачешь?

– Да. – Точно легкий вздох, ему это могло показаться.

– Почему?

– Потому что мне грустно и страшно, Питер. Потому что я одна. Ты прилетишь? Пожалуйста, прилетай.

– Да, – сказал он. – Как туда добраться?

– Позвони Гастону в «Ла Пьер Бенит». Он все организует. Побыстрее, Питер. Как только сможешь.

– Да. Как только смогу... но где это? – Он ждал ответа, но наступила окончательная тишина. – Магда? Магда? – в отчаянии закричал он, но тишина насмехалась над ним. Он неохотно нажал пальцем на рычаг телефона.

– Les Neuf Poissoins, – негромко повторил он и снова поднял трубку. – Пожалуйста, дайте Францию, Рамбуйе сорок семь – восемьдесят семь – сорок семь. – Ожидая, он быстро думал.

Питер понял, что подсознательно ждал именно этого. Его охватило чувство предопределенности: колесо может только поворачиваться, оно не может откатиться в сторону. Так и должно быть.

У Калифа нет альтернативы. Это приглашение на казнь. Странно только, что оно не пришло раньше. Он понимал, почему Калиф не пробует устранить его в городах Европы или Англии. Одно такое покушение, хорошо продуманное, осуществлявшееся значительными силами, провалилось в памятный вечер на дороге в Рамбуйе. Это послужило для Калифа предостережением, он не будет недооценивать противника. А в остальном проблемы почти те же, что и у Питера, планировавшего удар по самому Калифу.

Когда, где и как – и здесь у Калифа преимущество. Магда могла вызвать его куда угодно – но как невероятно искусно это было сделано. Ожидая связи с Рамбуйе, Питер заново удивился этой женщине. Казалось, нет предела ее талантам и способностям; он понимал, что присутствует при тщательно отрепетированном представлении, но вопреки этому сердце его замирало от отчаяния в ее голосе, от сдавленных рыданий.

– Резиденция баронессы Альтман.

– Гастон?

– Да, сэр.

– Генерал Страйд.

– Добрый вечер, генерал. Я жду вашего звонка. Я только что разговаривал с баронессой. Она попросила меня организовать ваш прилет на Les Neuf Poissons. Я это сделал.

– А где это, Гастон?

– Les Neuf Poissons – острова баронессы в Тихом океане. Вам нужно будет рейсом УТА* добраться до Папеэте-Фааа на Таити, там вас будет ждать пилот баронессы. Оттуда до Les Neuf Poissons всего сто миль, но посадочная полоса на острове слишком коротка для «лира», приходится добираться на меньших самолетах.

---

* Французская авиакомпания. – *Примеч. пер.*

– А когда баронесса отправилась туда?

– Семь дней назад, генерал, – ответил Гастон и сразу ровным, уверенным секретарским голосом стал сообщать подробности: – Билет на рейс УТА ждет вас на контроле, генерал; я зарезервировал вам место у окна в салоне для некурящих.

– Вы обо всем подумали. Спасибо, Гастон.

Питер положил трубку и понял, что усталость прошла: он чувствовал себя полным жизни и энергии. «Душевный подъем опытного солдата перед началом действий, – подумал он, – или просто перспектива покончить с нерешительностью и страхом перед неизвестным?» Скоро – плохо или хорошо – все будет кончено, и его это радовало.

Он прошел в ванную и вылил в раковину остатки виски из стакана.

Самолет УТА «DC 10» заходил на посадку на Таити с востока, под левое крыло убегали острые вершины Муреа. Питер помнил великолепные мрачные горы острова-спутника Таити как фон снятого здесь музыкального фильма «Южный Тихий океан». Черные вулканические скалы не разрушены ветрами, а вершины остры, как плавники акулы.

Они пролетели над узким проливом между двумя островами, и посадочная полоса словно протянула руку в море, приветствуя большую серебряную машину.

Воздух был тяжелым, теплым, насыщенным ароматом цветов красного жасмина, красивые смуглые девушки грациозно раскачивались в приветственном танце. Острова встречали гостей с необыкновенным дружелюбием и радушием, но, когда Питер взял свою легкую сумку и пошел к выходу, произошло нечто необычное. Один из полинезийских таможенников у выхода обменялся несколькими словами с товарищем и преградил Питеру дорогу.

– Добрый день, сэр. – Он широко, дружески улыбался – но в глазах радости не было. – Будьте добры, пройдите сюда.

Двое таможенников проводили Питера в крошечный кабинет для досмотра.

– Пожалуйста, откройте сумки, сэр. – Быстро, но тщательно они просмотрели содержимое его сумки и крокодилового дипломата; один из них измерительной линейкой проверил наличие скрытых отделений.

– Должен поздравить вас: вы работаете очень эффективно, – заметил Питер, и голос его звучал напряженно.

– Выборочная проверка, сэр, – ответил, улыбаясь, старший офицер. – Вы, к несчастью, оказались десятитысячным пассажиром. А теперь, сэр... вы не против личного обыска?

– Обыска? – выпалил Питер. Он хотел возмутиться, но потом просто поднял руки и сказал: – Валяйте.

Он представлял себе, что Магда Альтман здесь – такая же знатная дама, как и во Франции, владелица целой группы островов. Достаточно ей просто кивнуть, как посетителя подвергнут самому тщательному обыску.

Таможенник прощупал его руки и бока от подмышек до пояса, а второй в это время пригнулся и проверял ноги.

«Кобру» Питер оставил в сейфе «Хилтона» в Брюсселе. Он ожидал чего-то подобного. Так и должен был действовать Калиф.

– Довольны? – спросил он.

– Спасибо за содействие, сэр. Желаем хорошо провести время на островах.

Личный пилот Магды ждал Питера в главном зале и торопливо пошел ему навстречу. Они обменялись рукопожатием.

– Я встревожился, когда вас не оказалось среди пассажиров.

– Небольшая задержка на таможне, – объяснил Питер.

– Мы должны лететь немедленно, если не хотим садиться на Les Neuf Poissons ночью. Это трудно.

На площадке для обслуживания стоял «лир» Магды, рядом с ним «Норман трислендер» казался маленьким и неуклюжим. Этот небольшой, похожий на журавля самолет способен взлетать с коротких полос и садиться на них.

В самолет уже погрузили коробки и ящики с припасами: от туалетной бумаги до шампанского «Вдова Клико». Все было увязано и упаковано в сеть с широкими ячейками.

Питер занял правое сиденье, пилот поговорил с диспетчером и повернулся к Питеру.

– Час полета. Едва успеем.

Солнце садилось у них за спиной, когда они подлетали с запада и перед ними открылись Les Neuf Poissons, как драгоценное изумрудное ожерелье на синем бархате океана.

Девять островов характерной круглой вулканической формы окружали лагуну с такой чистой водой, что все изгибы кораллов были видны чрезвычайно ясно, словно не под водой, а на суше.

– Когда барон в тысяча девятьсот сорок пятом году купил острова, у них было полинезийское название, – объяснил пилот на четком французском уроженца юга. – Один из местных королей подарил их своему любимому миссионеру, а барон купил их у вдовы того. Альтман не мог произнести полинезийское название и потому изменил его... – Пилот усмехнулся. – Барон диктовал миру свои условия.

Семь островов представляли собой просто полоски песка с цепочкой пальм, но два восточных были чуть больше, и их базальтовые вулканические холмы блестели на заходящем солнце, как шкура большой ящерицы.

Когда они зашли на посадку, Питер в иллюминатор у своего локтя увидел центральное здание с крышей, крытой пальмовыми листьями и по островной традиции изогнутой, как нос корабля, а вокруг, полускрытые в роскошной зелени, были рассыпаны небольшие бунгало. Самолет снова оказался над лагуной, и Питер увидел длинный причал, далеко уходящий в спокойные воды; у него стояли несколько яхт, большая моторная шхуна, которая, очевидно, использовалась для доставки с Папеэте тяжелых припасов, например бензина, множество моторных лодок для катания на водных лыжах, ныряния и ловли рыбы. Одна лодка шла по лагуне, оставляя широкий волнистый след; крошечная фигурка на водных лыжах подняла руку и приветственно помахала. Питер подумал, уж не Магда ли это, но тут «трислендер» резко накренился, и в иллюминатор стали видны только кучевые облака, обагренные закатным солнцем.

Посадочная полоса, короткая и узкая, была вырублена посреди плантации, на ровном месте между берегом и холмами, и засыпана дробленными кораллами. На приземление самолет пошел над пальмовой рощей. Питер заметил, что пилот не преувеличил, назвав посадку трудной. Из-за холмов дул сильный поперечный ветер, он раскачивал крылья самолета. Пилот отклонился от курса, повернув отчасти навстречу ветру, и, когда «трислен-

дер» пролетал над самыми верхушками пальм, отключил двигатель, аккуратно опустился на землю в пятидесяти футах от начала полосы, мгновенно включил тормоза и остановил машину.

– Превосходно! – с невольным восхищением воскликнул Питер, и пилот чуть удивленно посмотрел на него, словно это была мелочь, не заслуживающая похвалы. Баронесса Альтман нанимает только лучших.

В конце полосы, среди пальм, ждал электрокар – в таких перемещаются игроки в гольф, – а в нем молодая полинезийка, чуть ниже подмышек завернутая в парео. Цельная полоса алой и золотой ткани спускалась до середины бедер. Ноги оставались голыми, на голове красовался венок из свежих цветов.

Она на огромной скорости вела кар по узкой тропе, вьющейся по саду, полному редких экзотических растений, искусно расположенных, так что за каждым поворотом ждал новый сюрприз.

Бунгало – изолированное, словно это единственная постройка на острове – располагалось над самым берегом, песок начинался под верандой, а океан тянулся до горизонта. Девушка по-детски взяла Питера за руку – жест полной невинности – и провела по бунгало, показывая, как включать кондиционер, свет и видео; все это она объясняла на местном французском и непрерывно улыбалась.

В баре и на кухне оказалось полно припасов, в небольшой библиотеке – самые свежие бестселлеры, газеты и журналы, устаревшие всего на несколько дней. В видеоколлекции – несколько новых фильмов, лауреатов «Оскара».

– Робинзону Крузо следовало бы выплыть на этот берег, – засмеялся Питер, и девушка тоже засмеялась и выгнулась, как веселый дружелюбный щенок.

Два часа спустя она пришла за ним. Он уже успел принять душ, побриться, отдохнуть и переодеться в легкий холщовый костюм с рубашкой-апаш и сандалии.

Полинезийка снова взяла его за руку, и Питер понял, что, если бы принял это за разрешение, девушка бы обиделась и смутилась. Она провела его за руку по тропе, освещенной искусно скрытыми фонарями; вечер был полон рокотом океана и мягким шелестом пальмовых листьев на ветру.

Они подошли к зданию с крышей, напоминавшей длинную ладью, тому самому, что он видел с воздуха. Изнутри доносились негромкая музыка и смех, но когда Питер вышел на свет, смех прекратился и с полдюжины фигур выжидательно повернулись к нему.

Питер не знал, чего ожидал, но определенно не этого веселого сборища, загорелых мужчин и женщин в дорогих элегантных нарядах, с высокими, в изморози, бокалами, в которых пестрели дольки фруктов в соке.

– Питер! – Магда вышла из группы и пошла ему навстречу своей скользящей походкой.

На ней было мягкое блестящее платье, золотистое, как спелая пшеница, высоко собранное у горла тонкой золотой цепочкой, но оставлявшее обнаженными плечи и спину почти до самых ягодиц. От этого зрелища захватывало дух, потому что тело у нее было как розовый лепесток и загорело до цвета свежего меда. Темные волосы собраны в косу толщиной с запястье и уложены короной, а легкие тени на веках делали ее глаза еще более раскосыми, зелеными и загадочными.

– Питер, – повторила она и легко поцеловала его в губы. Прикосновение было легким, как касание крылышка мотылька. Питер ощутил аромат ее духов и волшебное тепло ее тела.

И пришел в смятение. Что бы он ни узнал о ней, он никак не мог спокойно реагировать на ее физическое присутствие.

Баронесса была холодна, красива и спокойна как никогда; ни следа смущения или страшного одиночества, которые он слышал через полмира в ее сдавленных рыданиях. Она отступила на шаг, склонила голову и быстро, с легкой улыбкой, осмотрела его.

– О, cheri, ты выглядишь гораздо лучше. Я так о тебе беспокоилась после нашей последней встречи!

Ему показалось, что он заметил тень в глубине ее глаз, легкую напряженность в рисунке рта.

– А ты еще прекраснее, чем я помню.

Это правда, он может сказать это вполне искренне. Баронесса рассмеялась от удовольствия.

– Ты никогда не говорил мне этого, – ответила она, но ее сдержанность не исчезла. Выражение привязанности и дружелюбия могло бы обмануть его в другое время, но не сейчас. – Спасибо.

Она взяла его под руку, сжала пальцами локоть и подвела к группе ожидающих гостей, как будто не могла больше оставаться с ним наедине, опасаясь что-то выдать.

Там были трое мужчин с женами.

Американский сенатор-демократ, обладающий солидным политическим весом, человек с величественной седой гривой, глазами как мертвые устрицы, в сопровождении красавицы жены по меньшей мере на тридцать лет моложе его, которая посмотрела на Питера, как лев на газель, и задержала его руку на секунду дольше, чем нужно.

Пузатый австралиец с могучими плечами, дочерна загорелый. Вокруг глаз – паутина морщин. Его глаза словно постоянно смотрели сквозь пыль и солнечный блеск на далекий горизонт. Он владел четвертью известных мировых запасов урана, а также скотоводческой фермой площадью вдвое больше Британских островов. Жена у него была такая же загорелая, с таким же крепким рукопожатием, как у мужа.

Третий – испанец, фамилия которого стала синонимом хереса, вежливый и воспитанный дон, но с явно мавританскими чертами тонкого лица. Питер где-то читал, что хересы и коньяки, которые выдерживаются в погребах этого человека, стоят свыше пятисот миллионов долларов и это лишь часть унаследованного им огромного состояния. Жена – смуглая испанская красавица с удивительной белой прядью в черных как ночь волосах.

Когда знакомство состоялось, разговор вернулся к дневным занятиям. Австралиец утром поймал большого марлиня, рыбу свыше тысячи фунтов весом и длиной от клюва до кончика хвоста пятнадцать футов, и все общество бурно переживало это.

Питер почти не принимал участия в разговоре, но украдкой следил за Магдой Альтман. Что не ускользнуло от ее внимания – он понял это по тому, как она держала голову, по тому, как напряглось ее длинное стройное тело... но она смеялась вместе с остальными и на Питера взглянула только раз или два, с улыбкой, однако в глубине ее зеленых глаз оставалась тень.

Наконец она хлопнула в ладоши.

– Начнем пир.

Она взяла за руки сенатора и австралийца и повела на берег. Питеру пришлось вести жену сенатора. Она прижалась к его руке пышным бюстом и провела кончиком языка по губам.

Двое слуг-полинезийцев ждали у длинной груды белого песка. По сигналу Магды они набросились на нее с лопатами и быстро обнажили толстый слой водорослей и банановых листьев, из-под которых вырвался густой ароматный пар. Под этим слоем обнаружилась стойка из стеблей банана, к которой, над вторым слоем листьев, были подвешены яства. Послышались радостные восклицания: аромат рыбы, цыплят и свинины смешался с запахом свежевыпеченного фруктового хлеба и древесного угля.

– Получилось! – радостно объявила Магда. – Если внутрь проходит воздух, все пропадает. Остаются только угольки.

За едой и выпивкой смех и разговоры стали громче и свободнее, но Питер единственную порцию спиртного растянул на весь вечер и спокойно ждал – не участвовал в разговоре и избегал льстивых речей жены сенатора.

Он ждал какого-нибудь указания на то, когда и где это произойдет. Не здесь, он знал, не в этом обществе. А когда придет время, все будет проделано быстро и эффективно, в обычной манере Калифа. Питер вдруг удивился, почему явился на арену, избранную и подготовленную врагом, безоружный и без поддержки. Он знал, что лучшая оборона – нападение, следовало был первым нанести удар, пожалуй, этой же ночью, если представится возможность. Чем быстрее, тем безопаснее. Магда улыбнулась ему через стол, стоявший под пальмами и ломившийся от еды, которой хватило бы на пятьдесят человек. Питер улыбнулся в ответ. Она поманила его легким кивком и, пока мужчины спорили и громко хвастались, извинилась перед женщинами и незаметно скользнула в тень.

Питер посчитал до пятидесяти и последовал за ней. Она ждала на берегу. Он увидел при лунном свете ее белую обнаженную спину и пошел туда, где, глядя на волнуемые ветром воды лагуны, стояла Магда.

Он подошел к ней сзади. Она, не поворачивая головы, прошептала:

– Я рада, что ты прилетел, Питер.

– Я рад, что ты позвала.

Он коснулся ее шеи за самым ухом, которое было заостренным, почти как у эльфов, – он не замечал этого раньше. Волосы на шее – шелковистые на ощупь. Он легко нашел ось, тонкую кость в основании черепа, которую палач ломает, когда казнит на виселице. Он может сделать это пальцами, так же быстро, как веревкой.

– Извини меня за остальных, – сказала она. – Но я избавлюсь от них – боюсь, с неприличной поспешностью. – Магда протянула руку за спину и сняла его руку со своей шеи. Питер не сопротивлялся. Она расправила его пальцы и прижала открытую ладонь к своей щеке. – Они уедут завтра рано утром. Пьер летит с ними назад в Папеэте, и тогда Les Neuf Poissons будут наши, твои и мои... – С хрипловатым смешком баронесса добавила: – И еще тридцати одного слуги.

Он прекрасно понимал, как все будет. Единственные свидетели – верные подданные знатной дамы на островах.

– Теперь нам нужно вернуться. К несчастью, гости у меня очень важные, я не могу надолго бросать их, но наступит завтра. Слишком медленно для меня, Питер, но оно придет. – Она повернулась в его руках и поцеловала, неожиданно крепко, так что его губы прижало к зубам, потом оторвалась от него и прошептала на ухо: – Что бы ни случилось, Питер, у нас, у тебя и у меня, есть нечто ценное. Может быть, самое ценное, что было у меня в жизни. И этого у меня не отнимут.

И, с необыкновенной быстротой и проворством выскользнув из его объятий, она скользнула по тропе обратно к свету. Он медленно пошел за ней, смущенный, не зная, как понять ее последние слова, заключил, что именно такова была их цель – смутить его и вывести из равновесия, – и в этот миг скорее почувствовал, чем услышал за собой движение, мгновенно развернулся и пригнулся.

Человек был в десяти шагах за ним, он двигался, как леопард, молча, под прикрытием лиан и цветущих вьюнков у тропы; только чутье сродни звериному предупредило Питера, и его тело мгновенно приняло боевую стойку – без суеты, готовое развернуться, как стальная пружина, и напасть или защититься.

– Добрый вечер, генерал Страйд.

В последнее мгновение Питер сумел остановиться и медленно распрямился, но руки по-прежнему держал у боков, как ножи.

– Карл! – сказал он. «Значит, «серые волки» были рядом, в нескольких футах, охраняли свою хозяйку даже в самые интимные моменты».

– Надеюсь, я не напугал вас, – сказал телохранитель, и, хотя его лица Питер не видел, в голосе Карла он уловил слабую насмешку. Если ему и требовалось подтверждение, полное и окончательное, то вот оно. Только Калиф нуждается в телохранителях во время романтического свидания. Теперь Питер твердо знал, что до наступления следующего вечера кто-то – либо он, либо Магда Альтман – умрет.

Прежде чем уйти в бунгало, Питер осторожно обошел кусты, окружавшие дом. Ничего подозрительного он не обнаружил; внутри была приготовлена постель, его бритвенные принадлежности вычищены и аккуратно расставлены. Грязную одежду унесли для чистки, а чистую разложили и развесили аккуратнее, чем он сам. Он не знал, обыскали ли остальное его имущество, но безопаснее было предположить, что обыскали. Калиф не упустил бы такую элементарную предосторожность.

Замки на дверях и окнах были слабые – вероятно, ими годами не пользовались, потому что в этом раю не было змеев. До последнего времени. Поэтому Питер расставил стулья и другие препятствия таким образом, чтобы вошедший наткнулся на них в темноте, потом смял постель и положил подушку и одеяла так, что они напоминали спящего, а сам отнес одно одеяло на диван в гостиную. Он вообще-то не ожидал нападения, пока гости на острове, но тем не менее хотел, насколько возможно, нарушить сценарий Калифа.

Спал он беспокойно, просыпаясь от каждого прикосновения пальмовых листьев к крыше, от бликов луны на стене. Перед самым рассветом заснул крепче, но сны его были кошмарными и бессмысленными; когда он проснулся в памяти остались только искаженное ужасом лицо Мелиссы-Джейн и ее крик. Это воспоминание всколыхнуло в нем холод-

ную жажду мести, которая постепенно притихла после ее освобождения, и он обрел новую цель, почувствовал новую уверенность, решимость преодолеть расслабляющий гибельный обман Калифа.

В предрассветной жемчужной полутьме он поднялся и спустился на пляж. Проплыл милю, за риф, потом долго возвращался против сильного течения, но выбрался на берег освеженный, впервые за много недель чувствуя себя сильным, собранным.

«Ладно, – мрачно подумал он. – Пусть приходит. Я готов, как никогда».

На сахарном песке пляжа, выглаженном ночным приливом, давали прощальный завтрак для улетающих гостей: розовое шампанское «Лоран Пьер» и оранжерейная клубника, доставленная самолетом из Новой Зеландии, из Окленда.

На Магде Альтман были зеленые шорты, демонстрировавшие великолепие ее длинных ног, и такого же цвета лифчик, прикрывавший маленькие груди, живот и плечи оставались обнаженными. Тело прекрасно тренированной спортсменки, но нарисованное великим художником.

Питеру она показалась необычно взволнованной, веселье ее было чуть принужденным, а хрипловатый негромкий смех чуть торопливым – и чуть резковатым. Как будто она приняла какое-то трудное решение и собиралась с силами, чтобы осуществить его. Питеру они с Магдой казались подлинными противниками, которые тщательно готовились к предстоящей схватке, – подобно профессиональным боксерам перед взвешиванием.

После завтрака все на электрокарах поехали на летное поле. Сенатор, разогретый шампанским и начинающий потеть на жаре, слишком сердечно принялся прощаться с Магдой, но она искусно уклонилась от его рук и ловко усадила в «трислендер» вслед за другими пассажирами.

Пьер, пилот Магды, в начале взлетной полосы проверил по очереди все три двигателя. Потом отпустил тормоза и, как только самолет набрал скорость, поднял его в воздух. Неуклюжая машина прокатилась по короткой полосе, взлетела над пальмами в пятистах футах от ее конца – и Магда оживленно повернулась к Питеру.

– Я почти не спала ночью, – призналась она и поцеловала его.

– Я тоже, – ответил Питер и про себя добавил: «Уверен, по той же причине».

– Я освободила для нас целый день, – продолжала Магда, – и не хочу терять ни секунды.

Старший лодочник уже подвел к концу причала большую сорокапятифутовую рыболовную яхту Магды – прекрасную, стремительных очертаний, отчего казалось, что даже пришвартованная она летит; очевидно было, что за ней ухаживали с любовью: покраска безупречна, металлические детали надраены до зеркального блеска. Лодочник радостно улыбался, когда Магда что-нибудь говорила ему.

– Баки полны, госпожа баронесса. Баллоны заряжены кислородом, удочки готовы. Водные лыжи в кладовке, а шеф лично доставил переносной холодильник.

Но его широкая улыбка поблекла, когда он узнал, что баронесса отплывает на яхте одна.

– Вы мне не доверяете? – рассмеялась она.

– Да нет же, госпожа баронесса... – Но он не смог скрыть своего разочарования, что приходится передавать командование – даже такому достойному капитану.

Он сам отдал швартовы, беспокойно давая последние советы и наставления Магде, когда брешь между яхтой и берегом начала увеличиваться.

– Ne t'inquiete pas!* – со смехом крикнула она, но он только уныло махнул рукой, когда Магда включила оба двигателя и яхта тронулась с места, сразу словно оторвавшись от поверхности. След за кормой, глубокий, ясный и прямой, ясно был виден на чистой зеленоватой воде лагуны; такой след – результат продуманной формы корпуса. Яхта плавно повернула, Магда направила ее в проход между рифами в открытый океан.

– Куда мы идем?

– За рифом на глубине в сто футов лежит старый японский военный самолет. В сорок четвертом его потопили янки. Там прекрасное место для погружения. Сначала поплывем туда...

«Как? – думал Питер. – Один из аквалангов частично заполнен угарным газом? Сделать это просто. Пропустить выхлоп дизеля через угольный фильтр, чтобы устранить запах, и окись углерода невозможно будет обнаружить. Заполнить цилиндр под давлением в тридцать атмосфер, потом добавить под давлением в сто десять атмосфер чистый воздух. Смерть быстрая, но не настолько, чтобы встревожить жертву. Просто нежный долгий сон. Когда утопленик выпустит загубник, цилиндры сами очистятся от всяких следов газа. Прекрасный способ».

– Потом поплывем на Ile des Oiseaux.** С тех пор как Аарон отучил островитян красть яйца, у нас образовалось одно из самых крупных гнездовий крачек, гагарок и фрегатов в южной части Тихого океана...

А может, подводное ружье. Быстро и действенно. На малом расстоянии, допустим, два фута, гарпун даже под водой пробьет тело человека – войдет между лопаток и выйдет из груди.

– Потом сможем покататься на лыжах...

Что может быть легче, чем включить на полную мощность оба дизеля и потащить ничего не подозревающего лыжника? Если он не разобьется о корпус, гребные винты, вращающиеся со скоростью пятьсот оборотов в минуту, разрубят его аккуратно, как хлеб для тостов.

Питер обнаружил, что его занимает эта игра в догадки. Он пожалел, что так никогда и не узнает, что задумала баронесса, и оглянулся назад с высокого мостика, где они стояли вдвоем. Главный остров уже ушел за горизонт, их может увидеть только тот, у кого есть мощный бинокль.

У него за спиной Магда сняла ленту с головы, и ветер заполоскал темное знамя ее волос.

– Пусть так будет всегда! – перекричала она шум ветра и двигателей.

– Продано дамочке с аппетитным задом! – крикнул в ответ Питер, и ему пришлось напомнить себе, что перед ним одна из наиболее профессиональных убийц, какие ему встречались. И ее смех и красота не должны отвлекать его. И нельзя позволить ей нанести удар первой. В таком случае его шансы уцелеть будут ничтожны.

---

* Не беспокойся! (*фр.*) – *Примеч. пер.*

** Птичий остров (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Он снова оглянулся на землю. «Теперь в любую минуту», – подумал Питер и передвинулся, глядя как будто бы в сторону и заходя баронессе чуть в тыл, но не покидая поля ее бокового зрения; она с улыбкой повернулась к нему.

– Во время прилива здесь всегда есть желтохвосты. Я пообещала шефу привезти пару живьем, – объяснила она. – Спустись, пожалуйста, вниз и возьми две удочки, cheri. Перьевые мушки в переднем правом ящике.

– Хорошо, – кивнул он.

– Когда повернем в пролив, я перейду на траловую скорость. Тогда забрасывай удочки.

– D'accord.* – И, повинуясь внезапному порыву, Питер добавил: – Но сначала поцелуй меня.

Она повернула к нему лицо, и он удивился, зачем ему это. Не для того, чтобы попрощаться. Это точно. Чтобы успокоить ее, немного отвлечь... и однако, когда их губы встретились, он почувствовал глубокую печаль и сожаление. Губы Магды медленно и влажно раскрылись, и ему показалось, что его сердце лопнет. На мгновение мелькнула мысль: «Лучше умереть, чем поднять на нее руку». Темные волны отчаяния поглотили его.

Он положил руку ей на шею, и Магда прижалась к нему всем телом. Питер продолжал гладить ее, отыскивая место, нашел, должным образом расположил большой и указательный пальцы. Пару секунд спустя баронесса мягко отодвинулась от него.

– Эй! – хрипло прошептала она. – Перестань, или я налечу на риф.

Он не мог сделать это голыми руками. Просто не мог. Но нужно действовать быстро, очень быстро. С каждой минутой опасность для него увеличивается.

– Иди! – приказала Магда и игриво ударила его в грудь. – У нас есть для этого время, все время в мире. Будем же наслаждаться им каждым мгновением.

Питер не смог этого сделать и отвернулся. И лишь когда он по стальному трапу спускался вниз, в кубрик, ему пришло в голову, что в момент их поцелуя пальцы правой руки баронессы были любовно прижаты к его горлу под подбородком. При первом же его нажатии Магда могла раздавить ему гортань, парализовать, всадив большой палец в чувствительную область горла.

В кубрике у него явилась новая мысль. Другой рукой баронесса нежно поглаживала его в районе ребер. Эта рука могла ударить снизу вверх, разорвав ему диафрагму. Чутье, должно быть, предупредило его. Магда была настроена на удар больше, чем он. Она была в его объятиях, он не мог защититься, она ждала... Питер слегка вздрогнул на горячем утреннем солнце, понимая, как близок был к смерти.

Это осознание превратилось в нечто иное и скользнуло по спине, как вода по тающей сосульке. Страх – не страх труса, но страх, который ожесточил его и сделал тверже. В следующий раз он не будет колебаться.

Обдумывая свои проблемы, Питер машинально выполнял ее приказ. Поднял крышку рундука под сиденьем. В его обитом мягкими тканями нутре он увидел разнообразные принадлежности рыбной ловли: мотки медной и стальной лески пятидесяти различных размеров, грузила для разных типов воды и дна, наживки из пластика и перьев, из эма-

---

* Хорошо (*фр.*). – *Примеч. пер.*

лированного и полированного металла, крючки для гигантских рыб и для мелочи и в отдельном углублении, сбоку – нож.

Сорокадолларовый нож ниндзя с наборной ручкой, пестрой и изогнутой, чтобы удобнее было держать в руке. Семидюймовое кривое лезвие из притертой стали, шириной три дюйма у рукояти и к концу заостряющееся, как стилет. Жестокое оружие; им можно, вероятно, перерубить дубовое полено, как утверждают в своей рекламе производители. Пробьет тело человека, его кости, словно сыр чеддер.

Питер на пробу взмахнул ножом. Тот великолепно лег в руку. Лезвие свистнуло в воздухе, и, когда Питер слишком торопливо тронул край, ужалило, как бритва, и оставило на подушечке пальца кровавую полосу.

Питер сбросил брезентовые туфли, чтобы резиновые подошвы не скрипнули на палубе, и остался в тельняшке и трусах. Одежда не помешает.

Босиком он неслышно поднялся на первые три ступени трапа и поднял глаза, глядя на мостик.

Магда Альтман стояла у приборов и вела яхту в русло пролива, сосредоточенно глядя вперед.

Волосы ее по-прежнему летели по ветру струящимися густыми спутанными прядями. Голая шея была обращена к нему, четко очерченная ложбинка спускалась по спине, разграничивая твердые мышцы.

Шорты слегка задрались на одной ноге, приоткрыв полумесяц круглой белой ягодицы. Ноги были длинные и стройные, как у балерины, и Магда легко удерживала равновесие, привстав на цыпочки, чтобы заглянуть за нос корабля.

Питер ушел с мостика всего десять секунд назад; она ничего не подозревает.

Питер не повторил свою ошибку: он одним быстрым рывком поднялся по трапу, шум дизелей заглушал звуки его движений.

Действуя ножом, нужно помнить о возможности наткнуться на кость и правильно выбирать место удара.

Питер выбрал участок спины на уровне почек, где кость не защищала внутренности.

Необходимо нанести удар ножом изо всей силы. Это увеличивает шансы не попасть в кость и увеличивает парализующее действие удара.

В свой удар Питер вложит всю инерцию прыжка.

Паралич усиливается, если в момент удара наполовину повернуть лезвие.

Мышцы правой руки Питера были напряжены в ожидании этого момента, он готов был повернуть нож, увеличивая размер раны.

Полоска из нержавеющей стали – приборная доска яхты – была отполирована до блеска, и в ней все отражалось искаженно, как в кривых зеркалах ярмарочного балагана. И только завершая движение, в которое вложил всю силу, Питер понял, что Магда следит за ним по отражению, следит с того момента, как он спустился вниз.

Выпуклая поверхность искажала его лицо – казалось, оно состоит только из огромных глаз. Это отвлекло его за тысячную долю секунды до того, как острие должно было погрузиться в тело. Он не видел ее движения.

Слепая цепенящая боль разорвала его правый бок и руку, возникнув там, где ключица соединяется с предплечьем; одновременно что-то ударило его по руке чуть ниже

локтя. Удар не достиг цели. Лезвие прошло в дюйме от бедра Магды, острие ударило в сталь, оставив на металле глубокую царапину, и онемевшие пальцы Питера не смогли удержать нож. Оружие вырвалось у него из руки, со звоном ударилось о металлические перила и отлетело в кубрик. Питер понял, что Магда ударила назад не глядя, ориентируясь только по отражению на панели управления, пытаясь нанести точный удар в область плеча.

Боль захлестнула его, и самой естественной реакцией было схватиться за ушибленное место. Но он, повинуясь инстинкту выживания, взмахнул левой рукой, защищая шею от следующего удара, тоже нанесенного назад, и ему показалось, что его огрели бейсбольной битой. Он даже не заметил этот удар, так быстро и жестко, мгновенным движением, похожим на взмах крыла колибри, он был нанесен. Он пришелся по мышце, поразительно сильный.

Если бы удар пришелся в шею, куда был нацелен, Питер был бы мгновенно убит; но Магда промахнулась, и у него лишь онемела рука. Сейчас баронесса легко поворачивалась к нему, соединяя бычью силу с быстротой и координированностью движений.

Понимая, что надо попробовать удержаться возле нее, сковывая ее движения весом своего тела, своими габаритами и силой, Питер ухватил Магду правой рукой, но баронесса легко вырвалась. В пальцах у него осталась невесомая полоска эластичной ткани, прикрывавшая ее груди, Магда же увернулась и уклонилась от другой его руки, когда он в отчаянии попытался нанести удар.

Смертельно бледная от бешенства, возбуждения и напряжения, баронесса ощерила зубы, показавшиеся Питеру острыми, как у пантеры. Да и дралась она, как загнанная в угол пантера. Магда с неутихающей яростью снова бросилась на него – без тени страха, утратив все человеческое, нацеленная только на уничтожение.

Взметнулись длинные волосы, хлестнули Питера по глазам, ослепив и выведя из равновесия, и в то же мгновение баронесса кинулась на него снова, как мангуст на кобру, каждое движение плавно переходило в следующее. При каждом ударе упругие груди с красными сосками подпрыгивали.

С огромным изумлением Питер понял, что Магда побеждает. Он едва успевал защищаться; она безостановочно била его ногами по ляжкам и в низ живота, лупила коленом в промежность, и Питер чувствовал, как тают его силы, замедляется реакция. Если повезет, он еще некоторое время будет защищаться, но Магда может одержать верх в любую минуту, ведь она работала руками и ногами, не останавливаясь ни на миг, пытаясь сбить его с ног – а он еще ничего не успел, ни один контрудар не достиг цели. Питер по-прежнему не ощущал своей руки и пальцев. Ему требовалась передышка – и оружие. Питер с тоской вспомнил о ноже, упавшем в кубрик у него за спиной.

Очередная атака заставила его отступить, и ему в спину уперлись перила мостика; в то же мгновение он отразил еще один удар ее кулака – нацеленный ему в горло, тот пришелся в нос. Глаза Питера мгновенно наполнились слезами, по верхней губе и горлу потекла теплая кровь; он стремительно пригнулся и отскочил в сторону, словно выполняя сальто в прыжке с трехметровой вышки. Перила помогли ему повернуться в воздухе, расчет был верным. Согнув колени, чтобы смягчить удар, Питер, как кошка, приземлился на ноги

на палубу в десяти футах под мостиком, утер глаза и принялся сгибать и разгибать руки, чтобы восстановить кровообращение.

И сразу увидел нож. Нож скользнул по палубе и застрял в шпигате – желобе для отвода воды. Питер бросился к нему.

Прыжок застал баронессу врасплох: она как раз готовилась нанести последний, смертельный, удар Питеру в шею. Но мигом опомнилась и устремилась к трапу. Тем временем Питер внизу пытался добраться до ножа ниндзя.

Она прыгнула на него ногами вперед, пролетев десять футов, и ударила его босыми ступнями. Инерция полета усилила удар.

Пинок пришелся Питеру в спину. Его швырнуло на палубу, шарахнуло головой о переборку, и на мгновение в глазах у него потемнело. Сознание померкло, и потребовалось невероятное усилие, чтобы быстро откатиться в сторону и подтянуть колени к груди, защищаясь от следующего – смертельного – удара. На этот раз Питер поставил блок голенью и упрямо устремился к ножу. Едва коснувшись пестрой рукояти распухшими и потерявшими чувствительность пальцами, Питер выпрямился, точно стальная пружина, и двинул ногами. Это был удар вслепую, нанесенный в полном отчаянии.

И первый, который попал в цель; в этот момент она напружинилась, готовая к новому нападению. Ноги Питера врезались ей в живот под ребрами, и, если бы плоть там была мягкой и податливой, он убил бы Магду; но давление приняли на себя жесткие плоские мышцы. Баронессу отбросило к кубрику, она шумно выдохнула, и ее длинное стройное тело согнулось, сведенное болезненной судорогой.

Питер понял: ему повезло случайно, это был его единственный шанс, – но его тело разрывала такая боль, что он с трудом смог приподняться на локте. Слезы и кровь мешали ему смотреть.

Он сам не понимал, как это ему удалось: каким-то невероятным усилием воли, но он поднялся, с ножом в руке, инстинктивно защищая лезвием правый бок; пригнувшись, он двинулся вперед, согнув левую руку как щит. Он знал, что должен быстро прикончить Магду, долго он не выдержит. Силы его были на исходе.

Но у нее тоже оказалось оружие. Двигаясь с невероятной быстротой, она сорвала петлю, удерживавшую у входа в каюту багор.

Восемь футов тяжелого лакированного ясеня с красивой, но смертоносной медной головкой. Магда угрожающе выставила острие перед собой, не давая подойти, пока воздух не заполнит ее густые легкие.

Она приходила в себя быстро, гораздо быстрее, чем сам Питер. Он увидел, как в ее глазах снова вспыхнула жажда убийства. Он долго не выдержит. Нужно рискнуть и все силы вложить в последнюю попытку.

Питер метнул нож, целя Магде в голову. «Ниндзя», не предназначенный для метания, в полете развернулся рукоятью вперед, но баронессе все же пришлось поднять багор, чтобы защититься. Именно этого и ждал Питер.

Когда Магда подняла руки, он, используя инерцию своего движения, поднырнул под багор и ударил ее плечом.

Обоих откинуло к переборке каюты. Питер отчаянно искал, за что бы ухватиться и вцепился в густые блестящие пряди.

Баронесса сопротивлялась, как загнанный в угол зверь; Питер и представить себе не мог такие силу, ярость и храбрость. Правда, сам он получил возможность использовать свое преимущество в силе и весе.

Он притиснул Магду к груди, так что одну ее руку зажало между ними, а своей, оттянув за волосы, запрокинул ей голову, обнажив длинный гладкий изгиб шеи. Одновременно он скрестил ноги на манер ножниц, чтобы баронесса не могла ударить его собственными, и они вместе упали на палубу.

Ценой невероятного усилия Магда сумела вывернуться так, что оказалась сверху – ее груди скользнули по груди Питера, липкой от пота и крови, текущей из носа, – но он использовал весь свой остаток сил на то, чтобы напрячь плечи, перевернулся и навалился на нее.

Они прижались – грудь к груди, лоно к лону – в какой-то чудовищной пародии на любовный акт, разделенные только древком багра.

Питер тянул Магду за волосы, прижимая ее голову к палубе, ее глаза были всего в шести дюймах от его глаз, а кровь из его носа и рта капала ей на лицо.

Никто из них не сказал ни слова, слышалось только тяжелое дыхание.

Они смотрели друг другу в глаза, и в этот миг оба перестали быть людьми, превратились в двух зверей, борющихся за жизнь; Питер быстро передвинулся, и древко багра легло на незащищенное горло Магды. Она не была готова к этому и слишком поздно попыталась увернуться.

Питер знал: нельзя выпустить ее волосы, нельзя расслабить руку, сжимающую ее тело, и ноги, удерживающие ее ноги. Он чувствовал стальную упругость ее плоти. Баронесса собиралась с силами. Если он хоть немного ослабит хватку, она вывернется, и у него не хватит силы снова схватить ее.

Локтем той руки, которой держал ее за волосы, Питер начал давить на древко багра, медленно втискивая его ей в горло.

Магда знала, что проиграла, но не сдавалась. Однако силы постепенно покидали ее, и Питер мог налегать на багор все мощнее. Лицо баронессы медленно наливалось кровью, темнело, губы дрожали при болезненных попытках вдохнуть воздух, в углах рта выступила пена и потекла по щекам.

Она умирала. Ничего страшнее Питер в жизни не видел. Он осторожно подвинулся, чтобы еще сильнее надавить на багор и сломать ей шею, и Магда прочла это в его взгляде.

И впервые заговорила. Это был хрип, срывающийся с распухших губ.

– Меня предупредили.

Ему показалось, что он ослышался, и он удержал последний нажим, продлил на несколько мгновений ее жизнь.

– Я не могла поверить. – Слабый, едва различимый шепот. – Не ты.

Она перестала сопротивляться, тело ее обмякло – она наконец признала необходимость умереть. Свирепый зеленый огонь в глазах погас, в них появилось выражение бесконечной печали, словно Магда признала невероятное предательство всего хорошего и истинного.

Питер не смог заставить себя сделать последний нажим, который прикончил бы баронессу. Он скатился с нее, отшвырнул к кубрику тяжелый багор. Тот с грохотом ударился

о переборку, а Питер, всхлипывая, пополз по палубе прочь от Магды, зная, что она еще жива и потому опасна, но теперь ему было все равно. Он дошел до предела. Пусть бы даже она убила его – ему было все равно, он даже приветствовал такой исход. Это было бы освобождение.

Питер подполз к поручню и попытался подняться, в любой момент ожидая смертельного удара в шею.

Но ничего не происходило, и он встал на колени, дрожа всем телом так сильно, что застучали зубы; каждое измученное сухожилие, каждая закаменевшая мышца просили об отдыхе. «Пусть убивает, – подумал он, это уже не важно. – Теперь ничто не имеет значения».

Придерживаясь за поручень, он медленно повернулся. Перед глазами все плыло, мелькали темные пятна и вспышки алого и белого пламени.

Сознание покидало его. Сквозь мутную пелену он увидел, что Магда стоит на палубе на коленях лицом к нему.

Ее обнаженный торс был испачкан его кровью, гладкая загорелая кожа блестела от предсмертной испарины. Лицо распухло и побагровело, волосы спутались. На горле, там, где было прижато древко багра, ярко алела полоска; дышала Магда с трудом, маленькие груди судорожно поднимались и опускались в такт дыханию.

Они смотрели друг на друга, не в силах заговорить, дойдя до последнего предела.

Магда покачала головой, словно отрицая весь этот ужас, и наконец попробовала заговорить, но не смогла. Тогда она облизала губы и поднесла тонкую руку к горлу, пытаясь смягчить боль.

Со второй попытки она сумела прохрипеть всего одно слово:

– Почему?

Питер целых полминуты не мог ответить, собственное горло казалось ему перекрытым, сросшимся, как старая рана. Он понимал, что не выполнил свой долг, но не испытывал ненависти к себе. Он мысленно сформулировал ответ, будто на чужом языке, и, когда заговорил, его голос звучал незнакомо и хрипло, в нем слышалось признание поражения.

– Не смог, – сказал он.

Магда снова покачала головой и хотела задать следующий вопрос. И снова сумела произнести только:

– Почему?..

У него не было ответа.

Баронесса посмотрела на него, и ее глаза медленно наполнились слезами; слезы потекли по щекам, повисли на подбородке, как утренняя роса на листьях винограда.

Она медленно поползла вперед по палубе. Долгие секунды Питер не находил в себе сил последовать за ней, потом подполз, привстал рядом с Магдой на колени и приподнял ее за плечи, внезапно придя в ужас оттого, что, может быть, все-таки убил ее.

Она дышала. Измученного Питера затопило облегчение; Магда прижалась головой к его плечу, и он увидел, что из ее закрытых глаз по-прежнему катятся крупные слезы.

Он принялся баюкать ее, как ребенка, – без толку, без смысла, – и только тогда до него начал доходить смысл ее слов.

«Меня предупредили», – прошептала она.

«Я не могла поверить», – сказала она.

«Не ты».

И Питер понял: если бы не эти слова, он убил бы ее. Убил бы, привязал к телу груз и выбросил в море. Но слова Магды, хоть и непонятные, проникли куда-то в самые глубины его сознания.

Она пошевелилась у его груди. Что-то пробормотала – его имя? И Питер вернулся к действительности. Яхта продолжала идти по проливу мимо рифов.

Он осторожно положил Магду на палубу и с трудом поднялся по трапу на мостик. Страшная схватка – от удара ножом до того момента, как баронесса потеряла сознание – заняла меньше минуты.

Яхта на автопилоте шла через пролив прямо в открытый океан. Это укрепило уверенность Питера в том, что Магда предвидела нападение. Она изображала полную сосредоточенность у приборов, искушая его напасть, а сама переключила яхту на автопилот, готовая к атаке.

Нет, это не имеет смысла. Он понял только, что допустил какую-то серьезную ошибку. Питер отключил автопилот и сбавил обороты, прежде чем выключить главный двигатель. Дизели негромко урчали, яхта плавно повернула по ветру и пошла в открытый океан.

Питер бросил взгляд за корму. Острова превратились в темную полоску на горизонте. Он кое-как спустился по трапу.

Магда полусидела, быстро приходя в себя. Приближаясь к ней, Питер увидел, как в ее глазах промелькнул страх.

– Все в порядке, – сказал он еще прерывистым голосом. Страх баронессы глубоко задел его. Он не хотел, чтобы она его боялась.

Питер поднял ее. Магда оцепенела от неуверенности, точно кошка, которую взяли на руки против воли, но была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

– Все в порядке, – неловко повторил он и отнес ее в каюту. Все его тело было избито, каждая кость ныла, словно расколотая, но он нес ее так нежно, что ее решимость сопротивляться растаяла и она прижалась к нему.

Питер опустил ее на кожаный диван, но, когда попытался выпрямиться, она обхватила его рукой за шею и удержала.

– Я сама оставила здесь нож, – хрипло прошептала она. – Это была проверка.

– Позволь мне взять аптечку. – Он попробовал высвободиться.

– Нет. – Она покачала головой и сморщилась от боли в горле. – Не уходи, Питер. Останься со мной. Я так боюсь. Я должна была убить тебя, если ты возьмешь нож. И чуть не убила. О Питер, что с нами творится? Мы оба сошли с ума?

Магда отчаянно вцепилась в него, и он опустился на колени и склонился к ней.

– Да, – ответил он, прижимая ее к груди. – Да, должно быть, мы сошли с ума. Я больше не понимаю ни себя, ни происходящего.

– Почему ты взял нож, Питер? Пожалуйста – ты должен мне сказать. Не лги, скажи мне правду. Я должна знать почему.

– Из-за Мелиссы-Джейн... из-за того, что ты с ней сделала...

Баронесса вздрогнула, словно он опять ее ударил, и хотела что-то сказать, но послышался только хрип отчаяния. Питер стал объяснять:

– Я обнаружил, что ты Калиф, и должен был убить тебя.

Казалось, она собрала все силы, но, когда заговорила, послышался лишь хриплый шепот.

– А почему ты остановился, Питер?

– Потому что... – Теперь он знал причину. – Потому что вдруг понял, что люблю тебя. И все остальное потеряло смысл.

Она ахнула и почти минуту молчала.

– Почему ты решил, что я Калиф? – спросила она наконец.

– Не знаю. Теперь я ничего не знаю... знаю только, что люблю тебя. И лишь это имеет значение.

– Что с нами, Питер? – еле слышно пожаловалась она. – О Боже, что с нами?

– Ты Калиф, Магда?

– Но, Питер, это ведь ты пытался убить меня. Ты не выдержал проверки ножом. Ты Калиф.

Под руководством Магды Питер провел яхту через узкий проход в коралловых рифах, окружающих Птичий остров. Над ними, шумно хлопая крыльями, с хриплыми криками летали морские птицы.

В пяти футах от берега, где можно было укрыться от ветра, он бросил якорь, на высоких частотах связался с главным островом и поговорил со старшим лодочником.

– Баронесса решила переночевать на борту, – объяснил он. – Не волнуйтесь.

Когда Питер спустился в каюту, Магда уже настолько пришла в себя, что смогла сесть. Она достала из рундука бархатистый спортивный костюм, а горло закутала полотенцем, чтобы скрыть синяк, который выделялся на коже, как сок переспелой сливы.

Питер отыскал в шкафчике над унитазом аптечку. Магда возражала, но он заставил ее принять две таблетки болеутоляющего и четыре таблетки бруфена, чтобы снять воспаление и побыстрее уничтожить кровоподтеки на горле и теле.

– Глотай, – приказал он и, когда она послушалась, дал ей стакан.

Потом осторожно снял с ее горла полотенце и осторожно, кончиками пальцев, намазал синяк кремом.

– Мне уже лучше, – прошептала Магда, теперь почти совершенно безголосая.

– Посмотрим на твой живот. – Питер осторожно уложил ее на спину и расстегнул молнию костюма. Кровоподтек начинался сразу под маленькими грудями, там, где он ударил ее ногами, и доходил почти до пупка; он и его натер кремом, чуть помассировал, и Магда вздохнула и что-то прошептала, успокаиваясь. Когда он закончил, она сумела – с трудом, болезненно согнувшись, – дойти до ванной и закрылась там на пятнадцать минут, пока Питер занимался собственными ранами, а когда вышла, оказалось, что она умылась и причесалась.

Он налил в два старинных бокала виски «Джек Дэниэлс» и один протянул Магде. Она опустилась на диван рядом с ним.

– Выпей. Будет легче горлу, – приказал он, и она выпила, ойкнула, когда горло обожгло алкоголем, и отставила бокал.

– А ты, Питер? – хрипло, с неожиданной тревогой спросила она. – Как ты?

– Меня беспокоит только одно, – ответил он. – Как ты могла так рассердиться на меня? – Он улыбнулся, и Магда тоже засмеялась, но закашлялась от боли и в конце концов прижалась к нему.

– Мы можем поговорить? – мягко спросил он. – Нужно кое-что выяснить.

– Да, я знаю, но давай чуть позже, Питер. Давай полежим так еще немного.

Он удивился ощущению спокойствия, которое охватило его. Теплое женское тело, прижимаясь к нему, смягчало боль, телесную и душевную. Он гладил ее по волосам, она уткнулась носом в его шею.

– Ты сказал, что любишь меня, – прошептала она наконец. Произнесла вопросительно, неуверенно.

– Да, люблю. Наверное, я всегда знал это, но, выяснив, что ты Калиф, должен был глубоко похоронить это чувство. И признался себе в этом только в самом конце.

– Я рада, – просто ответила она. – Потому что, видишь ли, я тоже люблю тебя. Мне казалось, я никогда не смогу полюбить. Я отчаялась, Питер. А потом встретила тебя. И тут мне сказали, что ты меня убьешь. Что ты Калиф. Я думала, что умру – найти тебя и тут же потерять... Это так жестоко, Питер. Мне нужно было дать тебе шанс доказать, что это неправда!

– Не разговаривай, – приказал он. – Просто лежи и слушай. Мой голос в порядке, поэтому я буду рассказывать первым. Как это было со мной. Как я узнал, что ты Калиф.

И он заговорил, прижимая ее к себе, – негромко, спокойно. В каюте слышались только мягкий плеск волн о корпус и приглушенный гул кондиционера.

– До того дня, как похитили Мелиссу-Джейн, ты знаешь все, абсолютно все. Я информировал тебя, ничего не скрывая, не утаивая... – Он вздрогнул и стал подробно рассказывать о спасении Мелиссы-Джейн.

– Должно быть, за эти дни у меня в сознании что-то нарушилось. Я готов был поверить всему, попробовать все, только бы вернуть ее. По ночам я просыпался, шел в ванную, и меня тошнило при мысли о ее руке в стеклянной бутылке.

Он рассказал, как собирался убить Кингстона Паркера, чтобы выполнить требование Калифа, как тщательно, дотошно планировал покушение, называл подробности – когда, где. Магда, дрожа, прижималась к нему.

– Способность разлагать даже лучших, – прошептала она.

– Молчи, – попросил он и рассказал о телефонном звонке, который привел к Старому Поместью в Ларагхе.

– Найдя свою дочь в таком состоянии, я утратил последние остатки рассудка. Когда я увидел ее, ощутил жар ее тела, услышал, как она кричит от ужаса, я мог бы убить... – Он осекся. Воцарилось молчание. Вдруг Магда чуть слышно охнула, и он понял, что сильно сжал ей пальцы.

– Прости. – Он поднял ее руку и поднес к щеке. – Тогда мне и рассказали о тебе.

– Кто? – шепотом спросила она.

– «Атлас».

– Паркер?

– Да, и Колин Нобл.

– Что они тебе сообщили?

– Что? Как отец ребенком привез тебя в Париж. Что уже тогда ты была умной, красивой и какой-то особенной... – Он продолжал: – Когда был убит твой отец... – Когда он сказал это, Магда беспокойно пошевелилась у его груди. – Ты стала жить с приемными родителями, все они были членами партии, а ты была таким многообещающим ребенком, что за тобой специально приехали из Польши. Кто-то выдал себя за твоего дядю...

– Я поверила, что это мой дядя... – Она кивнула. – И верила в это десять лет. Он писал мне. – Магда заставила себя остановиться, помолчала немного и сказала: – После папы у меня оставался только он.

– Тебя выбрали для отправки в Одессу, – продолжал Питер, почувствовал, как она напряглась, и повторил более резко: – Тебя отправили в специальную школу в Одессе.

– Ты знаешь об Одессе? – прошептала она. – Думаешь, что знаешь. Кто там не бывал, не может знать...

– Тебя учили... – Он смолк, снова представив себе прекрасную девушку в особом помещении, выходящем на Черное море; она учится использовать свое тело как ловушку и приманку, чтобы пленить и обмануть мужчину, любого мужчину. – Тебя учили многому. – Ничего иного он не сумел произнести.

– Да, – подтвердила она, – очень многому.

– Например, как убить человека голыми руками.

– Думаю, что я не смогла бы убить тебя, Питер. Подсознание не позволило бы. Видит Бог, ты не должен был выжить. Я любила тебя и, хотя ненавидела за предательство, не могла заставить себя... – Она вздохнула. – Поэтому при мысли о том, что ты убьешь меня, я испытала едва ли не облегчение. Я готова была принять это. Лучше смерть, чем жизнь без любви, которую, как мне казалось, я нашла.

– Ты слишком много говоришь, – остановил ее Питер. – Побереги горло. – Он приложил палец к губам Магды, заставляя ее замолчать, и продолжал: – В Одессе ты стала одной из избранных, вошла в элиту.

– Это как войти в церковь – прекрасно, таинственно... – прошептала она. – Не могу объяснить. Я все сделала бы для государства, если бы знала, что это нужно «Родине-матери».

– Правда? – Питеру было интересно, не откажется ли она от своих слов.

– От начала и до конца, – кивнула она. – Я никогда больше не буду лгать тебе, Питер. Клянусь.

– А потом тебя отправили обратно во Францию, в Париж? – спросил он, и Магда снова кивнула.

– Ты полностью оправдала и даже превзошла ожидания своих хозяев. Ты была лучшей, самой лучшей. Ни один мужчина не мог устоять перед тобой.

Она не ответила, но и взгляда не опустила. Это не было дерзостью: она подтверждала выводы Питера.

– Были мужчины. Богатые и влиятельные... – Теперь в его голосе звучала горечь. Он не мог с собой справиться. – Много, много мужчин. Никто не знает, сколько именно, и у каждого ты брала капельку нектара.

– Бедный Питер, – прошептала она. – Это мучило тебя?

– Это помогало мне ненавидеть тебя, – просто сказал он.

– Да, понимаю. Ничем не могу тебя утешить – кроме одного. Я никого не любила, пока не встретила тебя.

Магда держала слово. Лжи пришел конец. В этом он был уверен.

– Потом они решили, что тебя можно использовать, чтобы взять под контроль Аарона Альтмана и его империю...

– Нет, – прошептала она, качая головой. – Это я решила насчет Аарона. Он был единственным мужчиной, перед кем я не смогла... – У нее перехватило горло. Она отпила виски, медленно проглотила и продолжила: – Он меня очаровал. Никогда не встречала такого. Такой сильный... такая свирепая сила...

– Ну, хорошо, – согласился Питер. – Ты могла к тому времени устать от своей роли... Куртизанкой быть очень трудно...

Она улыбнулась впервые с тех пор, как он начал говорить, но улыбка вышла печальная и насмешливая.

– Ты все проделала правильно. Вначале стала для него незаменимой. Он уже болел, ему все больше нужна была опора, кто-то, кому он мог бы полностью доверять. Ты дала ему эту опору...

Магда ничего не сказала, но по ее глазам видно было, что она вспоминает: словно солнечный луч осветил зеленые глубины неподвижного пруда.

– И когда он поверил тебе, не осталось ничего, что ты не могла бы дать своим хозяевам. Твоя ценность многократно увеличилась...

Питер продолжал негромко говорить, а снаружи в буре алых и пурпурных вспышек догорал день, свет в каюте мерк, и скоро в ней можно было различить только лицо Магды. Бледное, напряженное. Она внимательно выслушивала обвинения, перечень предательств и обманов. Только иногда делала легкий отрицательный жест, качала головой или сжимала руку Питера. А иногда ненадолго закрывала глаза, словно не могла принять особенно жестокое воспоминание, и раз или два болезненным шепотом восклицала:

– О Боже, Питер! Это правда!

Он рассказывал, как у нее постепенно развивался вкус к власти, которую она получила как жена Аарона Альтмана, как это стремление к власти крепло по мере того, как убывали силы Аарона. Как, наконец, в некоторых вопросах она стала возражать барону.

– Например, относительно поставок оружия правительству Южной Африки, – сказал Питер, и Магда кивнула и сделала одно из своих редких замечаний:

– Да. Мы поспорили. Один из немногих наших споров. – Она чуть улыбнулась, словно какому-то глубоко личному воспоминанию, которое не могла разделить даже с ним.

Питер описал, как вкус к власти, стремление к ее атрибутам постепенно уничтожало ее прежние политические идеалы, как хозяева начали понимать, что теряют ее и попытались вернуть ее под свой контроль.

– Но ты была уже слишком сильна, чтобы поддаться обычному давлению. Ты проникла в связи Аарона с МОССАД, и это давало тебе защиту.

– Невероятно! – прошептала Магда. – Все так похоже, так похоже на правду!

Он ждал пояснений, но она жестом попросила его продолжать.

– Когда они пригрозили, что выдадут тебя барону как коммунистического агента, у тебя не осталось выбора. Нужно было избавиться от него... И ты сделала это – таким образом,

что не только избавилась от угрозы своему существованию, но и получила контроль над «Альтман Индастриз», а вдобавок свободные двадцать пять миллионов для дальнейших действий. Ты организовала похищение и убийство Аарона Альтмана, выплатила себе двадцать пять миллионов и лично проконтролировала их перемещение, вероятно, на кодированный счет в Швейцарии...

– О Боже, Питер! – прошептала она. В темноте каюты ее глаза казались бездонными и огромными, как провалы в черепе.

– Это правда? – впервые спросил подтверждения Питер.

– Это слишком ужасно. Пожалуйста, продолжай.

– Все прошло так гладко, что перед тобой открылся целый мир новых возможностей. Примерно в это время ты стала Калифом. Захват «ноль семидесятого», вероятно, не первый удар после убийства Аарона Альтмана, могли быть и другие. Вена и министры ОПЕК, деятельность Красных бригад в Риме – но при захвате «боинга» ты впервые воспользовалась именем Калиф. Все опять получилось бы, если бы один из офицеров не нарушил приказ. – Он указал на себя. – Только это остановило вас – и тут я впервые привлек твое внимание.

В каюте окончательно стемнело; Магда протянула руку и включила бра, отрегулировав освещение так, чтобы оно стало мягким и золотистым. При этом свете она серьезно и пристально взглянула ему в лицо, а он продолжал:

– К этому времени через свои источники – вероятно, через МОССАД и почти несомненно через французскую разведку – ты узнала, что кто-то начал охоту на Калифа. Оказалось, что это Кингстон Паркер и «Атлас», и никто не мог бы вернее меня подтвердить, что охотник – Паркер. Кроме того, мне проще других было бы убить его. У меня есть специальная подготовка и способности к такой работе. Я мог подобраться к нему очень близко, не вызывая подозрений, нужен был только серьезный мотив...

– Нет, – прошептала она, не в силах оторвать взгляд от его лица.

– Все совпадает, – сказал Питер. – Все.

И она не ответила.

– Получив палец Мелиссы-Джейн, я был готов на все...

– Меня сейчас стошнит.

– Прости. – Он протянул Магде стакан. Она, слегка поперхнувшись, отпила немного темной жидкости и немного посидела с закрытыми глазами, прижимая руку к горлу.

– Ну как? – спросил он наконец.

– Прошло. Продолжай.

– Все складывалось прекрасно, если бы не звонок из Ирландии. Но этого никто не мог предвидеть, даже Калиф.

– Но ведь у тебя нет никаких доказательств! – возразила она. – Это все предположения. Нет доказательств, что я Калиф.

– Есть, – негромко ответил он. – О'Шоннеси, глава банды, похитившей Мелиссу-Джейн, дважды звонил по телефону. По номеру Рамбуйе сорок семь – восемьдесят семь – сорок семь.

Она молча смотрела на него.

– Видишь ли, он докладывал своему хозяину, Калифу. – Питер ждал ответа. Магда молчала, и через минуту он продолжил рассказ о том, как готовил ее убийство, как выбирал место – ипподром или авеню Виктора Гюго, – и баронесса вздрогнула, словно ощутив веянье крыл черного ангела.

– Я была бы там, – призналась она. – Ты выбрал два лучших места. Шестого числа следующего месяца Ив показывает свои модели специально для меня. Я обязательно была бы там.

– Но ты уберегла меня от забот. Пригласила сюда. Я понимал, что это приглашение на казнь – ведь я раскрыл твою тайну, узнал, что ты Калиф. Об этом сказали твои глаза во время нашей встречи в аэропорту Орли. Об этом говорило твое поведение – ты избегала меня, не давала сделать то, что я должен был сделать.

– Продолжай.

– Ты приказала обыскать меня, когда я прилетел на Таити.

Она кивнула.

– Вчера вечером ты и твои «серые волки» обыскали мою комнату, и ты все приготовила на сегодня. Я знал, что должен ударить первым, и ударил.

– Да, – прошептала она. – Ударил. – И потерла горло.

Питер снова сходил к бару за переборкой, вернулся и сел рядом с ней.

Магда чуть пошевелилась, передвинулась в его объятиях. Он молча прижимал ее к себе. Рассказ измотал его, тело ломило, но Питер был рад, что сказал все, как будто вскрыл опухоль – когда выходит гной, становится легче, теперь может начаться выздоровление.

Он чувствовал, что и она устала – ее стройное тело обмякло, – но ее усталость была более глубокой, Магде пришлось пережить слишком многое. Когда Питер взял ее на руки, она не возражала. Точно спящего ребенка, он отнес ее в каюту хозяина и положил на койку.

В ящике под ней он нашел постельные принадлежности. Лег рядом с Магдой, под одно одеяло, и она аккуратно вписалась в изгиб его тела, легко прильнула спиной к его груди, твердые круглые ягодицы прижались к его бедрам, голову она положила Питеру на руку. Другой рукой он обнял ее, его ладонь естественно легла Магде на грудь. Так, прижимаясь друг к другу, они уснули, а когда Питер повернулся, Магда, не просыпаясь, тоже изменила позу: приникла к его спине, уткнув лицо в шею, обхватила Питера одной рукой и закинула на него ногу, словно пыталась обернуться вокруг него.

Один раз он проснулся и не обнаружил ее, и удивился тому, как сильно встревожился; сотни новых сомнений и страхов окружили его в темноте. Потом он услышал журчание и успокоился. Вернувшись, Магда сняла костюм и легла нагая, и ее тело показалось ему нежным и уязвимым.

Проснулись они одновременно, когда каюту через левый иллюминатор залили лучи солнца.

– Боже, должно быть, уже полдень. – Она села и отбросила длинную гриву темных волос на загорелые обнаженные плечи. Но когда Питер попытался встать, он замер и застонал.

– Qu'a tu, cheri?*

---

* Что с тобой, милый? (*фр.*) – *Примеч. пер.*

– Похоже, побывал в бетономешалке, – застонал он. Ушибы за ночь затекли, порванные мышцы и сухожилия протестовали при каждом движении.

– Для нас обоих есть только одно лечение, – сказала Магда. – Оно состоит из трех частей. – И помогла Питеру встать с койки, словно он старик.

Он нарочито преувеличивал свои страдания, чтобы развеселить ее. Смех Магды звучал чуть хрипло, но голос стал чище и сильней, и на палубу она его вела, почти не обращая внимания на собственные ушибы. Она восстанавливалась, как молодая, превосходно подготовленная породистая лошадь.

Они прыгнули с трамплина на корме яхты и поплавали.

– Помогает, – признался Питер, когда теплая соленая вода смягчила ломоту в теле. Они, оба нагишом, поплыли рядом, сперва медленно, потом быстрее, перейдя от спокойных гребков к размашистым, доплыли до рифа и там остановились, тяжело дыша от усталости.

– Лучше? – спросила Магда. Ее волосы плавали вокруг, как стебли прекрасного водяного растения.

– Гораздо лучше.

– Плывем обратно: я тебя перегоню.

Они добрались до яхты одновременно и пошли в кубрик, смеясь, тяжело дыша и разбрызгивая воду. Но, когда Питер потянулся к ней, она позволила только легкую ласку и отстранилась.

– Вторая фаза лечения.

Магда по-прежнему нагишом хлопотала на кухне, повязав цветастый передник, который прикрыл темный кровоподтек на животе.

– Никогда не думал, что передник может быть таким завлекательным.

– Тебе положено готовить кофе, – укорила она и игриво толкнула Питера ягодицами.

Магда приготовила золотистый мягкий омлет, и они съели его на залитой солнцем палубе. Пассат гнал по небу стаи пушистых серебряных облаков, и в прогалинах между ними небо казалось особенно ярко-синим.

Завтракали с огромным аппетитом: яркое новое утро, казалось, прогнало обреченность, охватившую их накануне. Никому не хотелось нарушать это новое настроение, и Питер с Магдой болтали какой-то пустяковый вздор, восхищались красотой дня и бросали чайкам крошки хлеба, как дети на пикнике.

Наконец Магда села ему на колени и притворилась, что считает пульс.

– Пациенту гораздо лучше, – заявила она. – Вероятно, он достаточно силен, чтобы выдержать третью фазу лечения.

– А что это за фаза? – спросил он.

– Питер, cheri, ты, конечно, англичанин, но не настолько же туп? – И она поерзала у него на коленях.

Они любили друг друга в теплом солнечном свете, на одном из надувных матрасов, и ветер гладил их тела невидимыми пальцами.

Началось с подшучивания и смеха, легких вздохов открытия заново, радостного и одобрительного шепота – а потом все изменилось, налилось почти невыносимым напряжением, шквал чувств унес все гадкое, безобразное, все сомнения. Поток подхватил их и понес,

беспомощных, в неведомые измерения, откуда нет пути назад. Все остальное казалось несуществующим.

– Я люблю тебя! – вскрикивала она, будто отрицая все, что ей пришлось сделать. – Люблю тебя одного! – Этот крик рвался из самой глубины души.

Им потребовалось очень много времени, чтобы вернуться издалека, вновь стать двумя отдельными людьми. Но вот это наконец произошло – и оба почувствовали, что никогда уже не смогут разъединиться полностью. Их единство было куда значительнее, чем простое единство двух тел. Это знание отрезвило их и в то же время придало новые силы, вызвало величайший подъем. Они не могли выразить это словами, просто знали.

Они спустили с кормы большую надувную шлюпку «Эйвон С 650», подплыли к берегу, вытянули свое резиновое суденышко за границу воды и привязали к стволу пальмы.

И, держась за руки, пошли в глубь острова, пробираясь между птичьими гнездами, устроенными в земле. Здесь, в одной большой колонии, занимавшей большую часть двадцатиакрового острова, гнездились с полдесятка разновидностей птиц. Яйца были самые разнообразные: от больших, с гусиное, холодно-синих до мелких, с куриное, пестрых, с произвольным, не повторяющимся пятнистым рисунком. Птенцы попадались либо уродливые, с телами, словно обваренными кипятком, либо симпатяшки, как в мультфильмах Уолта Диснея. Остров заполнял непрерывный шорох тысяч крыльев и крики и писк дерущихся и спаривающихся птиц.

Магда знала зоологические названия каждого вида, район его обитания, повадки, а также шансы на гибель или выживание в изменчивой экосистеме океанов.

Питер терпеливо слушал, чувствуя, что за этим лепетом и деланной веселостью скрывается желание подготовиться к ответу на обвинения, которые он предъявил ей.

В конце острова одиноко рос большой бальзамический тополь, его густая зеленая крона широко раскинулась над белым песком. Солнце теперь светило нестерпимо ярко, жара и влажность окутывали их, как шерстяным одеялом, которое окунули в кипяток.

Питер и Магда с благодарностью устремились в тень тополя, сели бок о бок на песок и стали смотреть через спокойные воды лагуны на очертания главного острова в пяти милях от них. С такого расстояния и под таким углом не было видно ни зданий, ни причала, и у Питера возникла иллюзия первобытного рая, где они одни: первый мужчина и первая женщина – на свежей и невинной земле.

Но первые же слова Магды разрушили эту иллюзию.

– Кто приказал тебе убить меня, Питер? Как был отдан этот приказ? Я должна знать, прежде чем расскажу тебе о себе.

– Никто, – ответил он.

– Никто? Не было послания вроде того, в котором тебе приказали убить Паркера?

– Нет.

– А сам Паркер или Колин Нобл? Они не приказывали этого? Не предлагали?

– Паркер подчеркнуто приказал мне не делать этого. Тебя нельзя трогать, пока тебе не будет предъявлено обвинение.

– Это было твое собственное решение? – настаивала она.

– Это был мой долг.

– Отомстить за дочь?

Питер заколебался, не желая говорить, но потом откровенно признался:

– Да, это главное. Мелисса-Джейн. Но я также считал своим долгом уничтожить зло, которое способно угнать «ноль семь ноль», похитить и убить Аарона Альтмана и искалечить мою дочь.

– Калиф все о нас знает. Понимает нас лучше, чем мы сами себя понимаем. Я не трусиха, Питер, но сейчас я по-настоящему боюсь.

– Страх – его главное оружие, – согласился Питер, и Магда молча придвинулась, приглашая его к физическому контакту. Он положил руку на ее голые загорелые плечи, и она легко прислонилась к нему.

– Все, что ты говорил обо мне вчера вечером, правда, вот только выводы и заключения неверны. Смерть папы, одинокие годы в чужих семьях... я помню, как ночами лежала без сна и пыталась одеялом заглушить звуки рыданий. Возвращение в Польшу... да, это было, и школа в Одессе – все было. Когда-нибудь я расскажу тебе об Одессе, если захочешь...

– Вряд ли, – сказал он.

– Наверно, это мудрое решение; хочешь услышать о возвращении в Париж?

– Только если это необходимо.

– Хорошо, Питер. Были мужчины. Для этого меня выбрали и учили. Да, были... – Она замолчала, взяла его лицо в ладони, повернула, чтобы посмотреть ему в глаза. – Это как-то меняет наши отношения?

– Я люблю тебя, – твердо ответил он.

Магда долго смотрела ему в глаза, выискивая признаки обмана, но ничего не обнаружила.

– Да. Это так. Ты говоришь правду. – Она с облегчением вздохнула, прижалась головой к его плечу и заговорила – негромко, с легким акцентом, изредка ошибаясь в построении фраз. – Мне не нравились мужчины, Питер. Я думаю, именно поэтому я выбрала Аарона Альтмана. Один мужчина – да, тогда я могла уважать себя... – Она слегка пожала плечами. – Я выбрала Аарона, и Москва согласилась. Ты правильно сказал – это была трудная работа. Вначале я должна была завоевать его уважение. Прежде он не уважал женщин. Я доказала ему, что с любой работой, которую он мне поручал, справляюсь не хуже мужчин. А когда завоевала уважение, последовало все остальное... – Она помолчала и негромко рассмеялась. – Жизнь выкидывает забавные штуки. Вначале я обнаружила, что он мне нравится, потом научилась уважать его. Он был большой уродливый бык, но сила и власть... Огромная сила и власть, как космическая сила... они стали смыслом моего существования. – Магда подняла голову и коснулась щеки Питера губами. – Нет, Питер. Я так и не полюбила его. Я благоговела перед ним, как первобытный дикарь благоговеет перед молнией и громом. Именно так. Барон заполнил мою жизнь – больше, чем отец, больше, чем учитель. Как Бог. И все же меньше, гораздо меньше, чем любимый. Он был жесток и силен. Он не мог любить, только насиловал, покрывал, как бык. – Она замолчала и серьезно посмотрела на него. – Ты понимаешь, Питер? Может, я плохо объясняю?

– Нет, – ответил он. – Ты очень хорошо объясняешь.

– Физически ничто в нем меня не трогало, ни его запах, ни волосатость. У него плечи напоминали заросли и спина была шерстистой, как шкура. Большой, но твердый, как же-

лезо, живот... – Она вздрогнула. – Но меня учили не обращать на это внимания. Переключаться на что-то другое в глубине сознания. Однако во всех прочих отношениях он меня очаровал. Он учил меня мыслить – нестандартно, запретно, раскрывал такие области в сознании, которые моя подготовка закрыла. Да, он учил меня власти и ее атрибутам. Ты обвинил меня в этом, Питер, и я сознаюсь. Мне понравился вкус власти и денег. Я это люблю. Очень люблю. И научил меня этому Аарон. Он показал мне, что значит ценить красивые вещи, потому что был быком только физически и сам глубоко дорожил прекрасным в жизни... он вдохнул в меня жизнь. И смеялся надо мной. Боже, я до сих пор слышу его громовой хохот и вижу, как трясется при этом его волосатый живот.

Она замолчала, почти с благоговением вспоминая, а потом рассмеялась своим хрипловатым смехом.

– «Моя прекрасная маленькая коммунистка», – насмехался он надо мной. Да, Питер, это я стала жертвой обмана. Он с самого начала знал, кто я такая. Знал и о школе в Одессе. Он принял меня как вызов, однако и любил меня – по-своему. Он взял меня, все зная, и полностью изменил мои политические взгляды. Только тогда я узнала, что вся информация, которую я передавала в Москву, тщательно редактировалась Аароном. Он переиграл меня, хотя я должна была переиграть его. Он работал на МОССАД, но это ты, конечно, знаешь. Был сионистом, ты и это знаешь. И заставил меня понять, что я еврейка и что это значит. Он показал мне все промахи доктрины всемирного коммунизма, убедил меня в преимуществах демократии и западной системы, а потом ввел меня в МОССАД... – Она замолчала и яростно замотала головой. – Поверить, что я могла захотеть уничтожить такого человека! Приказать похитить и изуродовать его... Когда дело шло к концу, он испытывал сильные боли, слабел, и тогда я ближе всего подошла к тому, чтобы полюбить его – как мать любит ребенка. Теперь он зависел от меня, утверждал, что лишь мое прикосновение смягчает боль. Я часами сидела и растирала его волосатый живот – чувствуя, как эта ужасная штука в нем растет с каждым днем, точно цветная капуста или какой-то чудовищный зародыш. Он не позволил резать себя. Ненавидел врачей. «Мясники», вот как он их называл. «Мясники с ножами и резиновыми трубками...» – Магда замолчала, и Питер увидел, что ее глаза полны слез. Прижал ее чуть сильнее к себе и стал ждать продолжения.

– Должно быть, в это время Калиф вступил в контакт с Аароном. Оглядываясь назад, я вспоминаю, как он вдруг стал очень беспокойным, взвинченным. Я тогда ничего не заподозрила, но он вдруг начал произносить долгие обвинительные речи по поводу тирании справа, которая ничем не отличается от тирании слева. Имени Калифа он не упоминал; может быть, и сам Калиф тогда еще им не пользовался. Я думаю, со временем Аарон мне все подробно рассказал бы, если бы остался жив. Такой он был. Даже со мной он мог быть и подавляющим, и осторожным, и хитрым. Он мог бы сообщить мне о Калифе, но Калиф позаботился о том, чтобы он этого не сделал. – Она отодвинулась от Питера, чтобы снова видеть его лицо. – Ты должен понять, cheri, что многое я узнала только недавно, в последние несколько недель. И сейчас должна складывать отдельные кусочки, как головоломалку... прошу прощения, головоломку, – быстро поправилась она. – Но вот что должно было происходить. Калиф обратился к Аарону с определенным предложением. Очень простым. Стать партнером Калифа. Аарон должен

был внести крупный вклад в специальный фонд и предоставить в распоряжение Калифа все свои знания, связи и влияние. В обмен он получал возможность участвовать в создании «прекрасного нового мира». Тут Калиф и допустил ошибку, возможно, до сих пор единственную. Он неверно оценил Аарона Альтмана. Тот отверг его предложение. Но беда была в другом: Калиф опрометчиво раскрыл перед Ааароном свою подлинную личность. Я думаю, ему пришлось это сделать, чтобы убедить Аарона. Видишь ли, барон был не таким человеком, чтобы участвовать в игре с шифрами и вымышленными именами. Это Калиф определил верно, поэтому ему пришлось вести с Ааароном переговоры лицом к лицу. Но, обнаружив, что тот не собирается участвовать в его кампании убийств и вымогательств, каким бы похвальным ни был конечный результат, он убил его после страшных пыток. Ему нужна была информация, в основном, наверное, информация о связях Аарона с МОССАД. А меня он заставил заплатить выкуп. И таким образом убил сразу двух зайцев. Заставил замолчать Аарона и добавил к своим фондам двадцать пять миллионов.

– Как ты узнала все это? Если бы ты только объяснила мне раньше... – Питер слышал в собственном голосе горечь.

– Когда мы впервые встретились, я не знала этого, cheri, поверь. Я объясню тебе, как я все это узнала, но, пожалуйста, будь терпелив. Позволь рассказать, что произошло.

– Прости, – только и ответил Питер.

– Впервые я услышала имя Калиф в тот день, когда доставила выкуп. Я ведь рассказывала тебе об этом?

– Да.

– И тут на сцене появишься ты. О тебе я услышала во время штурма «ноль семидесятого» в Йоханнесбурге. Я сразу подумала, что ты можешь помочь мне в охоте на Калифа. Я добыла сведения о тебе, Питер. Даже из компьютера... – Она помолчала, в ее глазах вспыхнул озорной огонек. – Должна признаться, что меня поразил внушительный список твоих женщин.

Питер поднял обе руки, сдаваясь.

– Завязал, – пообещал он. – Только ни слова больше – согласна?

– Согласна. – Она рассмеялась и добавила: – Я голодна, и горло болит после всех этих разговоров.

Они снова пересекли остров, обжигая босые ноги о раскаленный песок и камень, и вернулись на борт яхты.

Шеф-повар забил холодильник едой, и Питер открыл бутылку «Вдовы Клико».

– У тебя серьезные запросы, – заметил он. – Не знаю, смогу ли я содержать тебя на свое жалованье.

– Я думаю, мы договоримся с твоим боссом о повышении, – заверила она, подмигнув.

За обедом они по молчаливому согласию не упоминали о Калифе.

– Ты должен понять еще одно, Питер. Да, я в МОССАД, но не я его контролирую, а наоборот. Так же было и с Ааароном. Мы оба были очень ценными агентами, может быть, самыми ценными в их сети, но не я принимаю решений, и у меня нет доступа к их секретам. Единственная цель МОССАД – безопасность государства Израиль. У него нет других причин

для существования. Я считаю, что Аарон передал МОССАД всю информацию о Калифе, все сведения о его личности, и еще, что МОССАД приказал ему сотрудничать с Калифом.

– Зачем? – резко спросил Питер.

– Точно не знаю, но, думаю, по двум причинам. Калиф, должно быть, такая влиятельная особа, что его поддержка очень ценна. И наверное, Калиф настроен произраильски – или утверждает, что настроен так. МОССАД всюду находит союзников и не вникает в их нравственные принципы. Думаю, Аарону велели поработать с Калифом, но...

– Что но? – поторопил Питер.

– Но такому человеку, как Аарон, нельзя приказать идти против его глубочайших убеждений. Несмотря на грозную внешность, он был очень человечен. Я думаю, причиной его беспокойства был именно конфликт между долгом и убеждениями. Чутье предупреждало его, что нужно уничтожить Калифа, а долг... – Она пожала плечами, взяла граненый бокал и, поворачивая тонкими сильными пальцами, стала смотреть на пузырьки, медленно поднимающиеся в бледно-золотом вине. А когда заговорила снова, сменила тему. – Тысячу раз пыталась я понять, чем мои отношения с тобой отличаются от отношений с другими мужчинами, которых я знала. Никому из них не удалось задеть меня за живое... а тебе это удалось мгновенно... – Магда снова взглянула на него, словно ждала ответа. – Конечно, я многое знала о тебе. У тебя есть качества, которыми я восхищаюсь в людях, и поэтому я была расположена к тебе... но есть что-то, что не отражено ни в компьютерных файлах, ни на фотографиях. Что-то в тебе заставляло меня... – Она сделала беспомощный жест, словно искала слово. – Заставляло меня звенеть.

– Какое хорошее слово, – улыбнулся Питер.

– Чего прежде никогда не бывало. Поэтому мне требовалась полная уверенность. Для меня это было нечто совершенно новое: хотеть мужчину, просто потому что он мягок, силен и... – она усмехнулась, – сексуален. Ты очень сексуален, Питер, но не только... – Магда замолчала. – Ну, хватит лести. Не хочу, чтобы ты зазнался. – Смешав французскую и английскую идиомы и на этот раз не поправившись, она продолжала: – Калиф, должно быть, понял, что я приобрела опасного союзника, и предпринял попытку убить тебя тем вечером на дороге в Рамбуйе...

– Охотились на тебя, – вмешался Питер.

– Кто, Питер? Кто охотился на меня?

– Русские. Они к этому времени уже знали, что ты двойной агент.

– Да, знали. – Магда наклонила голову и сощурилась. – Конечно, я думала об этом. Еще раньше было две попытки, но вряд ли на дороге в Рамбуйе были русские.

– Ну хорошо, пусть Калиф – но ему нужна была ты, а не я, – предположил Питер.

– Возможно, только я так не думаю. Чутье подсказывает мне, что они правильно вышли на цель. Им нужен был ты.

– Вынужден согласиться с тобой, – признал Питер. – Я думаю, тем вечером в Париже за мной следили... – Он рассказал ей о «ситроене». – Они знали, что я один в «мазерати».

– Тогда мы должны признать, что это Калиф, – сказала она.

– ...Или МОССАД, – прошептал Питер, и глаза Магды медленно расширились и потемнели, а Питер продолжал: – МОССАД, возможно, не понравилось, что человек из «Ат-

ласа» близок их лучшему агенту, и они не захотели, чтобы у тебя был союзник в охоте на Калифа. И чтобы я нарушил их тщательно разработанные планы.

– Питер, это слишком мутная вода...

– ...и в ней много акул.

– Оставим на время этот вечер в Рамбуйе, – предложила Магда. – Он лишь усложняет историю, которую я хочу рассказать тебе.

– Хорошо, – согласился Питер. – Мы можем вернуться к этому, если захотим.

– Следующим серьезным шагом стало похищение Мелиссы-Джейн, – сказала она, и его лицо застыло. – Жертву выбрали гениально, – продолжала Магда. – Но для этого не требовалось слишком уж хорошо знать тебя и твое семейное положение. Не секрет, что у тебя единственный ребенок, и достаточно лишь поверхностно познакомиться с твоим характером, чтобы понять, какой это мощный рычаг... – Магда окунула кончики пальцев в шампанское, задумчиво облизала их, поджала губы и чуть нахмурилась. – Пойми, к тому времени я осознала, что влюблена в тебя. Подарок должен был подтвердить это... – Под загаром она залилась легким румянцем, и это показалось Питеру трогательным и детским. Он никогда не видел, как она краснеет, и в его груди что-то перевернулось.

– Книга, – вспомнил он. – Первое издание Корнуэлла Харриса.

– Мой первый дар любви. Я купила ее, когда окончательно убедилась... но решила не выдавать себя. Я достаточно старомодна и считаю, что мужчина должен признаться первым.

– Я признался.

– Боже, я этого никогда не забуду, – выпалила Магда, и обоим вспомнилась свирепая схватка накануне, которая неожиданно завершилась признанием в любви.

– Я пытался быть оригинальным, – сказал Питер, и она с улыбкой покачала головой.

– Тебе это удалось, mon amour, еще как. – Тут она снова стала серьезной. – Я была влюблена в тебя. Твое горе стало моим. Твоя красавица дочка очаровала меня, когда мы встретились. А главное, я чувствовала себя в ответе за ее беду. Я вовлекла тебя в охоту на Калифа, и из-за этого ты потерял дочь.

Питер чуть склонил голову, вспоминая, как поверил, что она организовала это. Магда поняла его жест.

– Да, Питер. То, что ты считаешь меня виновной, было для меня жестоким ударом. Чего бы я не сделала, лишь бы вернуть тебе дочь... но я ничего не могла. Контакты с французской разведкой ничего не дали. Там ничего не знали о ребенке, где его держат и почему, а со своим руководителем из МОССАД я отчего-то не могла связаться. У меня почему-то было ощущение, что у МОССАД есть ключ к похищению. И если он не прямо с этим связан, то знает больше других. Я уже говорила, что, с моей точки зрения, Аарон сообщил им, кто такой Калиф на самом деле. Если так, в МОССАД должны были обладать информацией, которая помогла бы тебе вернуть ребенка. Но в Париже я не могла получить эту информацию. Пришлось самой лететь в Израиль и добиваться встречи со своим куратором. Это была единственная возможность убедить их помочь. Они могли счесть, что моя ценность как агента стоит того, чтобы дать мне нить к Мелиссе-Джейн...

– Ты пригрозила, что уйдешь? – удивленно спросил Питер. – Ради меня?

– О Питер, как ты не понимаешь... я полюбила тебя... я никогда прежде не любила. Я бы все для тебя сделала.

– Даже страшно, – сознался он.

Магда не ответила, немного подумала, словно наслаждаясь его словами, вздохнула, довольная, и продолжала:

– Я бросила все свои дела в Париже. Пьер доставил меня в Рим на «лире»; оттуда я позвонила тебе, но не могла сказать, куда лечу. Потом я сменила личность и коммерческим рейсом прилетела в Тель-Авив. Выполнить намеченное в Израиле оказалось трудно, гораздо труднее, чем я предполагала. Лишь через пять дней мой руководитель согласился встретиться со мной. Это мой старый друг. Нет! Слово «друг» здесь не слишком подходит, но мы знаем друг друга очень давно. Он заместитель директора МОССАД. Вот как высоко там ценят мою работу. Дали мне такого высокопоставленного надсмотрщика... Но все же встречи пришлось ждать целых пять дней, и держался он холодно. Сказал, что они ничем не могут мне помочь. Что ничего не знают. – Магда усмехнулась. – Ты еще не видел, какова я, когда чего-нибудь действительно захочу, Питер. Ха! Это была схватка! Я знаю многое, что могло бы поссорить МОССАД с его влиятельными союзниками на Западе – с Францией, Великобританией, США. Я пригрозила, что созову пресс-конференцию в Нью-Йорке. Он оттаял, но напомнил, что безопасность государства превыше личных чувств, а я бросила что-то очень неделикатное и напомнила о некоторых незавершенных делах, которые так и останутся незавершенными. Он еще чуточку оттаял, но на все это ушли дни, много дней. Я сходила с ума. Вспомнила, каким выдали тело Аарона, и не могла спать по ночам, думая о ребенке. Ты, Питер, никогда не узнаешь, как я молилась Богу, в которого не слишком верю. Никогда не узнаешь, как хотела быть с тобой рядом, утешать тебя. Как отчаянно хотела хотя бы услышать твой голос, но не могла выдать себя звонком из Тель-Авива. Не могла ни позвонить, ни послать письмо... – Она помолчала. – ...Я надеялась, что ты не поверишь наговорам. Не поверишь, что мне было все равно, что я не готова помочь тебе. Я надеялась раздобыть для тебя сведения, которые помогли бы тебе найти дочь. Но мне и в голову не могло прийти, что ты поверишь, будто это я похитила твою дочь и пытала ее.

– Прости, – очень тихо сказал он.

– Нет, Питер, не нужно просить прощения. Мы оба стали игрушками в руках Калифа. Ты не виноват. – Магда накрыла его руку своей и улыбнулась. – Не ты один поверил в дурное. Наконец я заставила своего куратора из МОССАД дать мне кое-какую информацию. Вначале он категорически отрицал, что им вообще известно о Калифе, но я рискнула и солгала ему. Дескать, Аарон не скрыл от меня, что сообщил им о Калифе. И он сдался. «Да, – признался он. – Мы знаем о Калифе, но не знаем, кто он такой». Я продолжала требовать, продолжала ежедневно бить в одну точку, сводила его с ума и сама сходила с ума, пока он не пригрозил, что вышлет меня из страны. Но при каждой нашей встрече я узнавала от него еще кое-что. Наконец он признался: «Хорошо, мы знаем Калифа, но он очень опасен, очень могуществен – и станет еще сильнее, если на то будет Божья воля. Он станет одним из самых могущественных людей в мире, и он друг Израиля. Точнее, мы верим, что он друг Израиля». Я не отставала, и он сказал: «Рядом с Калифом, очень близко к нему, мы поместили своего агента и не можем подвергать его опасности. Это ценный

агент, очень ценный и очень уязвимый. Нельзя допустить, чтобы Калиф проследил утечку информации и вычислил его. Нам нужно защищать своего человека». Я продолжала угрожать, и он назвал мне кодовое имя агента на случай, если мы вступим в контакт. Это кодовое имя – ЦВЕТОК КАКТУСА.

– И все? – разочарованно спросил Питер.

– Нет, мой куратор дал мне – как подачку и как предупреждение – еще одно имя, имя столь близкого к Калифу человека, что практически это одно и то же. И снова предупредил меня, что это для моей же защиты.

– Кто это? – спросил Питер.

– Ты, – негромко сказала она. – Страйд.

Питер сделал досадливый жест отрицания.

– Мое имя здесь ни при чем. Зачем мне похищать и калечить собственную дочь? А Цветок Кактуса? Это все равно, что сказать «кентуккийские жареные цыплята».

– Теперь моя очередь сказать «прости».

Питер справился с собой. Он понял, что чересчур поспешно отметает эти обрывки сведений. Поднявшись, он возбужденно зашагал по палубе, хмурясь.

– Цветок Кактуса, – повторил он. – Ты раньше о нем слышала?

– Нет. – Магда покачала головой.

– А с тех пор?

– Тоже нет.

Он пытался вспомнить, найти какой-то отзвук. Ничего.

– Ну хорошо. – Он решил, что пока это не важно. – Просто запомним это. Перейдем к моему имени... Питер Страйд. Как ты это восприняла?

– Я испытала шок. Странно, но я тогда подумала не о тебе, подумала о том, что теперь не поймешь, кто похититель, кто жертва.

– Страйд? – спросил он. – Не понимаю.

– Мелисса-Джейн ведь тоже Страйд.

– Да, конечно. Значит, тебе не назвали имя «Питер Страйд»?

– Нет. Только Страйд.

– Понятно. – Питер замер на полушаге, задумчиво глядя туда, где океан встречается с горизонтом.

– Но позже мне назвали твое полное имя, – прервала она ход его мысли.

– Когда?

– После того как стало известно об освобождении Мелиссы-Джейн. Я хотела немедленно вернуться в Париж, быть с тобой. Я могла бы улететь из аэропорта Бен-Гурион через шесть часов после получения известий. Сердце мое пело, Питер. Мелисса-Джейн была в безопасности, а я влюблена. В аэропорту, когда я проходила таможню, меня позвали в комнату досмотра. Там меня ждал мой куратор, прилетевший из Тель-Авива, чтобы перехватить меня прежде, чем я вернусь домой. Он был очень встревожен. Только что пришло срочное сообщение от Цветка Кактуса. Генерал Питер Страйд действует как Калиф и при первой же возможности убьет меня, сказал мне мой руководитель. Я рассмеялась, но он был очень серьезен. «Моя дорогая баронесса, – сказал он. – Цветок Кактуса – первоклассный агент. Вы должны серьезно отнестись к этому предупреждению». Он все время повто-

рял это. – Магда пожала плечами. – Я по-прежнему не верила, Питер. Мне это казалось невозможным. Я любила тебя и знала, что ты любишь меня, – хотя, может быть, ты сам еще не понимал этого. Слова куратора показались мне бредом. Но в самолете у меня было время подумать. Мой куратор из МОССАД никогда еще не ошибался. Можешь себе представить, какая передо мной встала дилемма. Я очень хотела тебя увидеть и в то же время была в ужасе – нет, я не боялась, что ты убьешь меня. Это заботило меня меньше всего. Я боялась, что ты можешь оказаться Калифом. Вот что в действительности испугало меня. Понимаешь, прежде я никогда не любила. И думала, что не вынесу.

Она немного помолчала, вспоминая свою боль и смятение, потом покачала головой и густой водопад темных волос заструился по ее плечам.

– Добравшись до Парижа, я прежде всего убедилась, что вы с Мелиссой-Джейн в безопасности, в «Тисовом аббатстве». И тогда я начала собирать подтверждения данным Цветка Кактуса. И не могла оставаться с тобой наедине, пока не решу, насколько это безопасно. Каждый раз, как ты пытался связаться со мной, я вынуждена была отказывать и чувствовала, что понемногу умираю. – Магда взяла его за руку, разжала пальцы, наклонилась и поцеловала ладонь, потом прижала ее к своей щеке и продолжала: – Сотни раз я внушала себе, что это неправда, и уже готова была отправиться к тебе. Питер, мои силы были на исходе. Я решила встретиться с тобой в Орли и так или иначе покончить с ужасной неопределенностью. Как ты помнишь, со мной были «серые волки». Я предупредила их, что возможны неприятности... я не приказывала им следить за тобой, – быстро объяснила она, как бы стараясь уничтожить всякое воспоминание о предательстве, – но если бы ты попытался добраться до меня, они бы... – Она замолчала и позволила ему убрать руку от ее щеки. – В тот миг, когда ты вошел в VIP-зал Орли, я поняла: все это правда. Я увидела вокруг тебя ореол смерти. Это был самый страшный и опустошительный миг в моей жизни. Ты казался совершенно другим человеком, ты не был Питером Страйдом, которого я знала. Твое лицо изменилось, на нем читались ненависть и гнев. Я поцеловала тебя на прощание, потому что знала: больше мы никогда не встретимся. – Воспоминания опечалили Магду, и словно темное облако прошло по ее лицу. – Я даже подумала, что ради собственной безопасности надо бы... – Она поперхнулась словами. – Понимаешь, ты стал частью Калифа, и было бы разумно пойти на такой шаг. Признаю, что подумала об этом, Питер. Ты был бы убит до того, как попытался убить меня... но это была только мысль, и дальше я не пошла. Напротив, я продолжала жить по-прежнему. Работа всегда давала мне забвение. Когда я занята работой, я обо всем забываю. Но на этот раз так не получилось. Я уже говорила, но повторю, потому что это многое объясняет. Я никогда раньше не была влюблена, Питер, и теперь не могла так просто отказаться от любви. Я измучилась, меня терзали сомнения – насчет предупреждения Цветка Кактуса и насчет того, что я так ясно увидела в Орли. Это не могло, просто не могло быть правдой. Я любила тебя, а ты любил меня и просто не мог меня убить. Я почти убедила себя в этом.

Она коротко рассмеялась, но смех ее прозвучал невесело, в нем слышалась горечь разочарования.

– Я прилетела сюда, – Магда указала на море и острова, – чтобы быть подальше от искушения прийти к тебе. В убежище, где я могла бы оправиться от ран и покончить с тобой. Но ничего не вышло, Питер. Стало только хуже. Появилось больше времени для размыш-

лений, я мучила себя рассуждениями и нелепыми теориями. Был только один выход. Наконец я признала это. Я приведу тебя сюда и дам тебе шанс убить меня. – Она снова рассмеялась, на этот раз в смехе звучала прежняя хрипловатая теплота. – Ничего более безумного я в жизни не делала. Но слава Богу, что я решилась.

– Мы подошли к самому краю, – согласился Питер.

– Питер, почему ты не спросил меня прямо, Калиф ли я? – хотела она знать.

– По той же причине, по какой ты не спросила, готовлюсь ли я убить тебя.

– Да, – согласилась она. – Мы оба попали в паутину, сплетенную Калифом. У меня только еще один вопрос, Питер, cheri. Если я Калиф, неужели ты подумал, что я настолько глупа, чтобы дать свой телефонный номер в Рамбуйе похитителю Мелиссы-Джейн и разрешить ему дружески болтать со мной, когда ему захочется?

Питер удивился.

– Я подумал... – начал он и осекся. – Нет, не думал. Я не был способен ясно думать. Конечно, ты так не поступила бы – и все же даже самые умные преступники совершают элементарные ошибки.

– Только не те, кто учился в Одесской школе, – напомнила Магда и, по-видимому, сразу пожалела о своих словах, потому что торопливо продолжила: – Такова моя сторона истории, Питер. Возможно, я что-то упустила. Если можешь что-то придумать, спрашивай, дорогой, и я постараюсь ответить.

И они начали с самого начала, подробно рассматривая все мелочи, отыскивая то, что могли упустить с первого раза, тщательно и всесторонне обдумывая каждый факт, напрягая всю силу своего тренированного мозга, – но так и не смогли найти ничего нового.

– Одно ни за что нельзя упускать из виду. Возможность противодействия, – подвел итоги Питер, когда солнце в сопровождении величественной процессии облаков уже спускалось к западной части горизонта. Облака поднимались над островами, как беззвучные атомные взрывы.

– Здесь множество слоев, множество причин. Похищение Мелиссы-Джейн должно было заставить меня убить не только Кингстона Паркера, но и тебя – двух зайцев из пословицы, а за ними явился бы и третий. Если бы мне это удалось, я бы навсегда попал во власть Калифа.

– Куда же мы с тобой пойдем отсюда, Питер? – спросила она, тактично предоставляя ему сформулировать решение.

– Домой, и сейчас же, – предложил он. – Если, конечно, не хочешь провести здесь еще одну ночь.

Питер обнаружил, что его вещи успели незаметно перекочевать из бунгало в великолепные личные апартаменты хозяина на северной оконечности острова.

Туалетные принадлежности были аккуратно разложены в ванной с зеркалами, примыкавшей к ванной хозяйки. Одежда, вычищенная и выглаженная, оказалась в гардеробной, где сто пятьдесят пять футов полок были забраны жалюзи; Питер рассчитал, что тут можно развесить по меньшей мере триста костюмов. Специально разработанные вращающиеся полки могли вместить еще триста рубашек. Бесконечные полки для обуви были совершенно пусты.

Его собственный светлый холщовый костюм казался одиноким верблюдом в глубине Сахары. Ботинки были начищены до блеска так, как никогда не удавалось даже его денщику. Вопреки собственному желанию Питер быстро обыскал комнаты, надеясь найти следы прежних обитателей, и испытал нелепое облегчение, когда ничего не обнаружил.

– Мог бы привыкнуть обходиться и без этих удобств, – сказал он своему отражению в зеркале, причесывая влажные темные волосы.

Гостиная в его апартаментах располагалась на трех уровнях и была уставлена плетеной мебелью и украшена тропическими цветами, которые росли в греческих амфорах или в саду с декоративными камнями, и все это вписывалось в общий декор. Вьюнки и большие глянцевитые листья перекликались с рисунком джунглей на занавесях и густой порослью экзотических растений за высокими окнами, откуда открывался отличный вид. В комнате было прохладно и приятно, гудение кондиционеров скрывал шум водопада, искусно сооруженного на стене. В бассейне, куда падала вода, плавали тропические рыбы, комнату наполнял аромат цветов, сверкавших в приглушенном свете.

Маленькая смугло-золотистая полинезийка принесла поднос с четырьмя покрытыми изморозью высокими стаканами, чтобы Питер выбрал. Во всех стаканах были фрукты. Питер уловил сладкий запах добавленного к фруктам рома, решил, что для него это смертельно, и попросил виски, а потом пожалел об этом, потому что девушка расстроилась.

– Я сама это приготовила, – чуть не плакала она.

– В таком случае... – Он отхлебнул, а она с тревогой ждала.

– Великолепно! – воскликнул он, и девушка благодарно хихикнула и завертела задиком под коротким парео, как довольный щенок.

Появилась Магда в шифоновом платье, таком легком, что оно плыло вокруг нее, точно облако зеленого тумана. Сквозь платье просвечивало ее великолепное тело.

Когда она подошла к нему, у Питера захватило дух и он задумался, сумеет ли когда-нибудь привыкнуть к ее красоте.

Она взяла у него напиток и попробовала.

– Приятно, – сказала она и вернула стакан. Но когда девушка принесла поднос, с улыбкой отказалась.

Они прошлись по комнате, Магда держала его за руку и показывала редкие растения и рыб.

– Я построила это крыло после смерти Аарона, – сказала она, и Питер понял: она хочет сказать, что тут ничто не напоминает о другом мужчине. Его позабавило, что она находит это важным, но он тут же вспомнил, как только что сам торопливо обшаривал комнату, и теперь уже посмеялся над собой.

Магда приказала заменить стулья на низкий диван, чтобы они могли сидеть рядом на низком диване перед аквариумом.

– Не хочу быть далеко от тебя, – объяснила она и принялась накладывать ему на тарелку лучшие кусочки.

– Это особенное блюдо Les Neuf Poissons. Больше нигде в мире ты не сможешь его попробовать. – Она выбирала маленьких глубоководных моллюсков из горячего креольского соуса со специями и кокосовым молоком, а в конце обеда взялась тонкими пальцами

отщипывать виноградинки от гроздьев, привезенных из Австралии. С точностью хирурга она отделяла розовыми ногтями стебельки и клала ягоды Питеру в рот.

– Ты меня избалуешь, – улыбнулся он.

– В детстве у меня не было куклы, – с улыбкой объяснила она.

Спиральная каменная лестница вела на пляж в пятидесяти футах под столовой; они оставили обувь на верхних ступенях и пошли босиком по ровному влажному песку, ставшему во время отлива твердым, как камень. Несколько дней назад было полнолуние, и отражение луны серебряной дорожкой тянулось до самого горизонта.

– Калиф должен поверить, что его план удался, – неожиданно сказал Питер, и Магда рядом с ним вздрогнула.

– Я хотела бы хоть на одну ночь забыть о Калифе.

– Нельзя ни на миг забывать о нем.

– Ты прав. Как заставить его в это поверить?

– Тебе придется умереть... – Он почувствовал, как Магда напряглась. – ...Короче, все должны в это поверить. Словно я убил тебя.

– Объясни-ка, – негромко попросила она.

– Ты говорила, что позаботилась о возможности исчезнуть.

– Да.

– Как бы ты исчезла отсюда, если бы понадобилось?

Она немного подумала.

– Пьер увез бы меня на Бора-Бора. У меня там друзья. Хорошие друзья. На самолете островной линии с другим паспортом я бы добралась до Папеэте-Фааа, а оттуда обычным рейсом, но с тем же паспортом в Калифорнию или в Новую Зеландию.

– У тебя есть другие документы?

– Да, конечно. – Она так удивилась его вопросу, как будто хотела добавить: «А разве они есть не у всех?»

– Прекрасно, – сказал Питер. – А здесь мы организуем несчастный случай. Неисправность акваланга, нападение акулы на глубине, трупа нет.

– Ладно! – согласилась она.

– Ты будешь официально считаться мертвой, пока мы не выйдем на Калифа, – сказал Питер. Это прозвучало как приказ, но Магда не возразила, и он продолжал: – Если я исполню желание Калифа и убью тебя, я стану для него ценным приобретением. Я докажу свою нужность. Он начнет ценить меня. И даст возможность подойти поближе. По крайней мере у меня будет возможность проверить несколько безумных идей.

– Только не делай мою смерть чересчур убедительной, любовь моя. Полиция Таити меня очень любит, – сказала Магда. – Мне бы не хотелось, чтобы ты окончил свои дни на гильотине в Туаруру.

Питер проснулся первым и, приподнявшись на локте, принялся рассматривать ее лицо, находя все новые и новые черточки, радуясь бархатистой коже, такой чистой, что поры становились заметными только с очень близкого расстояния. Потом он перевел взгляд на ее загнутые ресницы, которые темным частоколом окаймляли веки спящей, вдруг Магда открыла глаза, огромные черные озера зрачков быстро сократились, взгляд сфокусировал-

ся, и Питер впервые заметил, что радужка у нее не сплошь зеленая, в ней множество золотых и фиолетовых точек.

Удивление от того, что она увидела его над собой, сменилось удовольствием. Магда закинула руки за голову, прогнула спину, как пробудившаяся пантера. Атласная простыня соскользнула до пояса. Магда потягивалась чуть дольше, чем было необходимо, сознательно демонстрируя свое тело.

– Теперь каждое утро, когда я буду просыпаться без тебя, для меня потеряно, – хрипло прошептала она, протянула руки, чтобы обнять Питера, грациозно обхватила его голову, по-прежнему изгибая шею, и выступающие темно-красные соски задели густые волосы у него на груди. – Притворимся, что так будет вечно, – прошептала Магда. Ее губы были в дюйме от лица Питера, ее дыхание благоухало розами, от нее исходил аромат зрелой, начинающей возбуждаться женщины; она широко раскрыла губы, прижалась к губам Питера, с низким стоном желания глубоко втянула его язык. Ее смуглое стройное тело прижалось к нему, руки переместились с шеи на спину, длинные ногти впились в его торс, остановившись на самом пороге боли.

Питер возбудился так быстро и так мощно, что Магда снова застонала. Ее только что напряженное тело стало мягким, словно фигура из воска, которую слишком близко поднесли к огню, ресницы затрепетали и закрылись, бедра раздвинулись.

– Такой сильный... – пролепетала она низко, и Питер приподнялся над ней, чувствуя себя неуязвимым и могущественным.

– О Питер! – воскликнула она. – Да, так. Пожалуйста, так!

Оба приблизились к мгновению, когда каждый теряет себя и на краткое мгновение становится частью божества.

Потом они долго лежали рядом в огромной постели. Лежали на спине, вытянувшись, не касаясь друг друга, только переплетя пальцы рук.

– Я уйду... – прошептала Магда, – я должна уйти, но не сейчас. Еще нет.

Он ничего не ответил – это оказалось ему не под силу, – а ее голос все звучал, томный от наслаждения.

– Я заключу с тобой сделку. Дай мне еще три дня. Только три дня счастья. У меня так впервые. Я никогда такого не знала. К тому же, кто знает, вдруг это в последний раз...

Питер хотел приподняться и возразить, но Магда сжала его пальцы, заставляя замолчать, и продолжала:

– ...может быть, в последний, – повторила она. – И я хочу получить все возможное. Три дня, в которые мы не будем упоминать Калифа, не будем думать о крови, трудах и страдании. Если ты подаришь их мне, я сделаю все, что скажешь. Договорились, Питер? Скажи «да».

– Хорошо. Да.

– Тогда скажи снова, что ты меня любишь. Не могу сказать, что ты меня этим балуешь.

Он часто повторял это на протяжении трех волшебных дней и не лгал; и всякий раз Магда воспринимала эти его слова с нетускнеющей радостью. Все это время они не разлучались.

Не разлучались, когда неслись по теплой глади лагуны, откидываясь назад, прямыми руками держа буксир. Лыжи гневно свистели, вздымая сверкающие водные крылья, когда парочка разворачивались в па-де-де, смеясь сквозь ветер и рев двигателей яхты, а Хапити, лодочник-полинезиец, сочувственно посматривал на нее с мостика.

Не разлучались, когда спокойно плыли сквозь загадочные голубые и пятнистые глубины, и единственным звуком был свист воздуха в аквалангах и мягкий шорох вечного биения океана; не разлучались, когда, держась за руки, спускались к забытому корпусу японского самолета, заросшему водорослями и населенному множеством прекрасных маленьких существ.

Не разлучались, когда молча опускались с крутого стального утеса покатой кабины, казалось, уходившей в бесконечные глубины, отчего внезапно нападал страх лишиться опоры и кануть туда, где свет с поверхности тускнел и исчезал.

Они вместе заглядывали сквозь стекло масок в отверстия, проделанные в корпусе снарядами и взрывчаткой, а потом пробирались в эти отверстия, осторожно, точно дети в доме с привидениями, и, торжествующие, выныривали с сумками, полными трофеев: монет, посуды, медных деталей.

Рука об руку бродили, нагие, по залитым ярким солнцем закрытым пляжам внутренних островов.

Рыбачили в проливе во время бурного наступления воды, вскрикивая от возбуждения, когда большой золотой желтохвост с зеркально-блестящим брюхом выскакивал из воды, чтобы схватить приманку, и фибергласовые удилища кивали и дергались.

Шли в океане, когда острова то и дело исчезали за гребнями волн и слышался только треск и шорох снастей, дрожал наполненный ветром парус, и двойной корпус катамарана с шумом рассекал волны.

Вместе разглядывали в лунном свете с длинных изогнутых берегов небесные тела, которые так трудно увидеть в беспокойном небе Европы: охотник Орион и Плеяды, ахая, когда всходили незнакомые созвездия во главе с Южным крестом.

Каждый день начинался и заканчивался чудом и загадкой большой постели, любовью, которая сплавляла их тела и души все крепче.

На четвертый день Питер, проснувшись, обнаружил, что Магды нет, и на мгновение испытал ужасное чувство потери.

А когда она вернулась, в первое мгновение не узнал ее.

Потом он понял: Магда срезала длинные темные пряди, подстриглась так коротко, что волосы пушились у самой кожи, как лепестки темной хризантемы. От этого Магда казалась еще выше, ее шея стала как будто бы длиннее и походила на стебель цветка – но с лебединым изгибом, который теперь был особенно заметным.

Она увидела его лицо и прозаично заметила:

– Я подумала, что нужно изменить внешность, раз уж я буду жить под новым именем. Отращу снова, если захочешь.

Она и сама совершенно изменилась, томное любовное настроение уступило место прежней резкой деловитости. За их последним завтраком (сладкая желтая папайя со свежим соком лайма) Магда объясняла свои намерения и быстро просматривала содержимое конверта цвета буйволовой кожи, который секретарь положил рядом с ее тарелкой.

В конверте оказался красный израильский дипломатический паспорт.

– Я решила жить под именем Руфи Леви, – она взяла толстую стопку авиабилетов, – и вернуться в Иерусалим. Там у меня есть дом. Не на мое имя, и вряд ли о нем знают те, кто не имеет отношения к МОССАД. Идеальное убежище – вдобавок под боком у моего куратора. Попробую помочь тебе, если смогу, добыть информацию для твоей охоты... – Магда протянула ему машинописный листок. – Здесь телефон МОССАД, по которому можно оставлять для меня сообщения. На имя Руфи Леви.

Питер запомнил номер. Магда смяла листок и продолжала говорить.

– Я изменила план своего отъезда, – сказала она. – Мы пойдем на яхте на Бора-Бора. Это всего в ста милях отсюда. Я заранее свяжусь по радио с друзьями. Они встретят меня на берегу после наступления темноты.

С погашенными огнями они прошли по узкому проливу в кораллах. Лодочнику Магды хватало света заходящей луны и своего знания островов.

– Я хотела, чтобы Хапити видел, что я сошла на берег живая, – негромко прошептала Магда, прижимаясь к Питеру в последние минуты перед расставанием. – Я не преувеличиваю опасность местной полиции, если мы хотим, чтобы Калиф подумал то, что нам нужно. Хапити будет молчать, – заверила она, – и поддержит твой рассказ о нападении акулы, если только ты не прикажешь ему сказать правду.

– Ты обо всем подумала.

– Я только что нашла вас, мсье, – усмехнулась она, – и не хочу снова потерять. Я решила даже поговорить с начальником таитянской полиции, когда буду там. Он мой старый друг. Когда вернетесь на Les Neuf Poissons, пусть мой секретарь свяжется с Таити...

Магда продолжала негромко говорить, подробно рассказывая о своих приготовлениях, и Питер не мог найти никаких упущений. Их прервал негромкий оклик из темноты, и Хапити тут же выключил двигатели. По инерции они продолжали приближаться к неясным очертаниям острова. О борт ударилось каноэ. Магда быстро обняла Питера, прижалась губами к его губам.

– Пожалуйста, будь осторожен, Питер, – только и сказала она, потом оторвалась от него, шагнула в лодку, и Хапити передал ей ее единственный чемодан. Каноэ сразу отчалило и исчезло в темноте. Помахать было некому, и Питеру так было легче, но, когда яхта вслепую пошла обратно, он продолжал смотреть с кормы во тьму.

В груди у него образовалась странная пустота, будто он лишился части себя; он попытался заполнить ее воспоминаниями о Магде, которые позабавили его, потому что давали пример ее быстрого и прагматичного мышления.

– Когда на рынке станет известно о твоей смерти, акции Альтмана упадут. – Это пришло ему в голову в последнее утро во время их разговора. – Я только сейчас сообразил. – Его расстроило это осложнение.

– А я сообразила уже давно, – безмятежно улыбнулась Магда. – Полагаю, за первую неделю они упадут на сто франков.

– И это тебя не тревожит?

– Нет. – Она улыбнулась с неожиданным озорством. – Сегодня утром я послала телекс в Цюрих. Приказала скупать акции. Когда курс акций стабилизируется, я думаю получить

прибыль не менее миллиона франков. – И снова озорной блеск зеленых глаз. – Мне ведь полагается компенсация за все эти неудобства, tu ne penses pas?*

И хотя Питер улыбнулся воспоминанию, пустота внутри оставалась.

«Трислендер», посланный Питером, доставил на Les Neuf Poissons представителей таитянской полиции. Последовали два дня расспросов и заявлений. Почти все жители островов пожелали дать показания, потому что на островах редко случались такие волнующие происшествия.

Почти все заявления представляли собой сопровождаемые плачем и причитаниями дифирамбы «госпоже баронессе». Но очевидец был один, Хапити, и он извлекал из своего нового положения важной особы все возможное, приукрашивая историю и прибавляя новые и новые подробности. Он даже исхитрился назвать акулу белой смертью – английское словосочетание удивило Питера, но он вспомнил, что в видеотеке острова есть фильм «Челюсти»; несомненно, именно он питал вдохновение лодочника. Хапити описал акульи зубы, длинные и острые, как ножи для рубки тростника, изобразил звук, с каким они сомкнулись на «госпоже баронессе»... Питер с удовольствием заткнул бы лодочнику рот кляпом, чтобы помешать дальнейшему полету воображения, но на сержанта-полицейского рассказ произвел большое впечатление, и он удивленными восклицаниями поощрял Хапити продолжать.

В последний вечер на берегу был устроен прощальный пир в честь Магды. Этот трогательный обряд даже Питера не оставил равнодушным. Женщины-островитянки раскачиваясь плакали на берегу и бросали цветы в прибой, который уносил их за рифы.

На следующее утро Питер вместе с полицией улетел на Таити. По дороге в жандармерию города полицейские незаметно охраняли его. Однако здесь Магда определенно кое-что уже предприняла: встреча Питера с начальником полиции оказалась короткой, держались с ним вежливо, и хоть полицейский не стал подмигивать Питеру и подталкивать его локтем, его прощальное рукопожатие было крепким и дружественным.

– Друг госпожи баронессы – наш друг, – сказал он, используя настоящее время, после чего на своей машине отвез Питера в аэропорт.

В Калифорнии самолет рейса УТА садился в сернистом едком слое желтого воздуха, который застаивается между морем и горами. Питер не поехал из аэропорта в город; он побрился и сменил рубашку в мужском туалете, а в салоне первого класса рейса «Пан-Американ» отыскал вчерашний номер «Уолл-стрит джорнал». Сообщение о смерти Магды Альтман обнаружилось на третьей странице. Колонка была большая, и Питер поразился тому, насколько сильна связь «Альтман Индастриз» с американскими финансами. Перечислялся целый комплекс владений, затем следовала краткая биография барона Аарона Альтмана и его вдовы. Сообщалось, что, по данным таитянской полиции, баронесса трагически погибла во время глубоководного ныряния в обществе друга – генерала Питера Страйда; причина смерти – нападение акулы. Питер почувствовал мрачное удовлетворение от упоминания своего имени. Калиф, кто бы он ни был, прочтет это и сделает соответствующий вывод. Теперь можно было ожидать развития событий; он не знал,

* Ты не думаешь? (*фр.*) – *Примеч. пер.*

какого именно, но чувствовал, что его начинает притягивать к центру, как кусочек железа к магниту.

Он умудрился с час поспать в кресле, прежде чем стюардесса разбудила его. Самолет садился в лондонском аэропорте Хитроу.

Питер сразу позвонил своей невестке Пат Страйд. Та обрадовалась, услышав его голос.

– Стивен в Испании, но, если встреча оправдает его ожидания, завтра я надеюсь увидеть его дома еще до ленча. Они хотят построить в Сан-Эстебане большой комплекс полей для гольфа... – Стивен владел множеством туристических отелей на побережье Испании – и ему приходится улаживать разные вопросы с властями. Почему бы тебе сегодня вечером не приехать в «Тисовое аббатство»? Здесь Алекс и Присцилла, на уик-энд соберутся гости...

По деловитому тону невестки он понял, что Пат невольно прокручивает в голове список его возможных партнерш.

Он ответил согласием, повесил трубку, набрал кембриджский номер и с облегчением услышал голос мужа Синтии Джорджа Барроу.

«Лучше уж наткнуться на интеллектуала-большевика, чем на бывшую жену-невротичку», – подумал он, тепло здороваясь с отчимом Мелиссы-Джейн. Синтия была на собрании ассоциации профессорских жен, а Мелисса-Джейн участвовала в постановке оперетты Гилберта и Салливена в местном драматическом обществе.

– Как она? – спросил Питер.

– Я думаю, теперь все в порядке, Питер. Рука зажила. Она как будто успокоилась... – Они поговорили еще несколько минут, и разговор иссяк. Единственное, что у них было общего, это две женщины.

– Передай привет Мелиссе-Джейн, – сказал Питер и на пути к стойке «Эйвис»* взял со стенда экземпляр «Файнешнл таймс». Он оформил аренду «компакта» и, ожидая, пока машину приведут, быстро просмотрел страницы газеты в поисках упоминаний о Магде Альтман. На внутренней стороне обложки он нашел текст, который явно был продолжением сообщения о ее смерти. Лондонская и европейская фондовые биржи отреагировали очень бурно, на парижской бирже падение акций Альтмана на сто франков, которое предвидела Магда, уже было превышено, и снова в связи с обстоятельствами ее смерти бегло упоминалось его имя. Питер был доволен и этим, и тем, что прогнозы Магды сбываются и ее решение покупать акции верно. В сущности, все шло даже слишком гладко. По спине Питера пробежал холодок дурного предчувствия – его личный барометр предвещал бурю.

Как всегда, приезд в «Тисовое аббатство» напоминал возвращение в отчий дом. Пат встретила Питера на гравийной подъездной дороге, поцеловала с сестринской нежностью, взяла за руки и повела в старый дом.

– Стивен обрадуется, – пообещала она. – Думаю, сегодня вечером он позвонит. Он всегда звонит, когда уезжает.

На тумбочке у кровати в комнате для гостей, выходящей на конюшни и всегда отводимой Питеру, ждал конверт. Сообщение, отправленное из тель-авивского аэропорта Бен-

---

* Компания по прокату автомобилей. – *Примеч. пер.*

Гурион, состояло только из одного слова – это был заранее обговоренный с Магдой знак, что она добралась благополучно и без осложнений. Сообщение вызвало у него острую боль желания, и, лежа в глубокой горячей ванной, Питер думал о ней, вспоминая мелкие подробности разговоров и всего того, что они пережили вместе. Все это вдруг приобрело огромную ценность.

Вытираясь, он критически рассматривал в зеркале свое отражение. Поджарый, собранный, загоревший под солнцем Тихого океана, как араб в пустыне. Наблюдая за игрой мышц под упругой кожей, Питер понял, что он в отличной форме и готов ко всему. Магда в безопасности, она вне пределов досягаемости когтей Калифа, и теперь всю свою энергию он может сосредоточить на этой – чутье подсказывало ему, что финальной – стадии охоты.

Обмотавшись полотенцем, он прошел в спальню и лег на кровать, ожидая, когда в налаженном и жестко упорядоченном хозяйстве Пат Страйд наступит час коктейлей.

Он гадал, почему не сомневается, что ниточка приведет его к Калифу, ведь она кажется такой тонкой. Но уверенность его была непоколебимой, а в сердце – сталь.

Питер снова обдумал перемены в своей жизни, произошедшие после первого зловещего появления Калифа. Смертоносные пары разложения, которые тот распространял вокруг себя, точно ядовитый туман, как будто полностью поглотили Питера.

Ему вспомнилась казнь светловолосой девушки в Йоханнесбурге; казалось, это было тысячу лет назад; с легким удивлением Питер понял, что с тех пор прошли не годы, а месяцы.

Он вспомнил свою готовность убить и Кингстона Паркера, и Магду, и понял, что соприкосновение с насилием способно ожесточить, заставить отказаться от принципов, с которыми он прожил почти сорок лет и которые считал незыблемыми.

А если так, то что будет после Калифа – конечно, если удастся уничтожить его? Останется ли он сам прежним? Или чересчур далеко выйдет за рамки допускаемого обществом поведения? И сможет ли вернуться? Тут он подумал о Магде Альтман и понял: в ней его надежда на будущее. После Калифа будет Магда.

«Сомнения ослабляют, – сказал он себе. – Сейчас я на арене с врагом, и отвлекаться нельзя. Нельзя и сомневаться – нужно полностью сосредоточиться на предстоящей схватке».

Он встал с постели и начал одеваться.

Как и предсказывала Пат, Стивен обрадовался, застав Питера в «Тисовом аббатстве».

Он тоже загорел за время недолгого пребывания в Испании, но опять прибавил в весе. Всего несколько фунтов, но это грозило превратиться в серьезную проблему: вкусная еда и хорошая выпивка – наиболее очевидные опасные спутники успеха, хотя это и не самые серьезные искушения из тех, что могут подстерегать человека, чьи средства не ограничены.

Во время ленча Питер украдкой следил за братом, изучая красивое лицо, очень похожее на собственное, с тем же широким лбом и прямым аристократическим носом, и в то же время очень отличающееся в небольших, но важных деталях – и дело было не только в темных усах Стивена.

«Легко быть крепким задним умом», – сказал себе Питер, наблюдая за своим близнецом. Только теперь эти небольшие отличия, увиденные словно впервые, обрели для него значение. Глаза более узкие и посажены чуть ближе; когда Стивен смеется с глубоким грудным придыханием, в его глазах не гаснет холодный свет, рот остается решительным и жестким, как у человека, который не потерпит преград на пути своего честолюбия, препон своим желаниям.

За ленчем разговор шел преимущественно о перспективах скачек: сезон открылся в прошлый уик-энд в Доркастере, и Питер со знанием дела участвовал в беседе; при этом ему вспоминались подробности из прошлого, которые могли бы встревожить его, не заглуши он их своей инстинктивной и безусловной верностью брату.

Когда Стивена отчислили из Сандхерста, Питер, ничего не выясняя, знал: с братом поступили несправедливо. Ни один Страйд не был способен на то, в чем обвинили Стивена, и Питеру даже в голову не пришло обсуждать с ним то, что произошло. Он лишь подтвердил свою верность рукопожатием и несколькими неловкими словами.

– Спасибо, Питер. Я никогда этого не забуду, – ответил Стивен, глядя ясным взглядом в глаза Питеру.

В послевоенные годы, когда даже более опытным людям казалось, что заработать по-крупному невозможно, Стивен стремительно богател; нужно было обладать особыми способностями и идти на большой риск, чтобы добиться того, чего добился Стивен.

Теперь, сидя за столом брата и лакомясь седлом барашка с первыми в этом сезоне хрупкими белыми побегами спаржи, привезенными с континента, Питер ступил на запретную почву и задумался над собственной верностью, которую раньше считал безусловной. Но все это были соломинки, развеянные ветром времени. Возможно, эти далекие события не имели никакого значения. Питер стал думать о настоящем.

«Страйд», – сказал руководитель Магды в Тель-Авиве. Только два имени, двое близких к Калифу людей: Цветок Кактуса и Страйд. Это факт, а не предположение.

Сэр Стивен Страйд во главе стола перехватил взгляд брата.

– За дружбу старую до дна. – Стивен в старинном приветствии поднял бокал кларета.

– За счастье прежних дней, – без запинки подхватил Питер. Небольшой ритуал, наследие Сандхерста. Питер подавил глубокое сожаление. «Наверное, Калиф не сумел еще растлить меня до конца», – подумал он и выпил.

После ленча настало время для другого ритуала, принятого между братьями. Стивен сделал знак, и Питер коротко кивнул. Старая армейская шинель Питера висела внизу, в шкафу, рядом с ящиком с высокими сапогами. Расположившись бок о бок на монашеской скамье, где так часто сиживали в прошлом, они переоделись в теплую грубую одежду.

Потом Стивен сходил в оружейную, достал из шкафа дробовик и сунул в карман горсть патронов.

– У лисы где-то внизу выводок, она частая гостья у местных цыплят, – объяснил он, когда Питер вопросительно посмотрел на него. – Нужно ее остановить. Вот наконец дошли руки... – Он прошел через заднюю дверь в сад и направился к ручью.

В первый день пребывания Питера в «Тисовом аббатстве» братья всегда обходили границы старого имения – еще одна традиция; в это время они обменивались новостями и восстанавливали контакт друг с другом.

Они вместе прошли по берегу речки; когда тропа сузилась, зашагали след в след – Стивен впереди, – потом повернули и углубились в лес.

Брат был взбудоражен успешным визитом в Испанию, хвастал тем, что удалось купить очередной участок берега под новое поле для гольфа: можно расширить отель на пятьсот номеров.

– Сейчас время покупать. Запомни мои слова, Питер: мы на пороге нового подъема.

– Падение цены на нефть очень кстати, – согласился Питер.

– Ну, это только начало, старина. – Стивен оглянулся через плечо и понимающе подмигнул Питеру. – В следующие шесть месяцев цена упадет еще на пять процентов, запомни мои слова. Арабы образумились, – быстро продолжал Стивен и стал перечислять отрасли промышленности, которым наиболее выгодно снижение цены на сырую нефть, а потом ведущие компании в этих отраслях. – Если у тебя лежит без дела пара фунтов, вот куда их нужно вложить. – Заговорив о деньгах, Стивен менялся до неузнаваемости. Сквозь облик деревенского сквайра, который он так тщательно сохранял, проглядывала его подлинная сущность – глаза блестели, усы топорщились, как у крупного хищника.

Когда братья вышли из леса и зашагали по открытому полю к развалинам римского лагеря на невысоком холме, Стивен продолжал говорить, негромко и убедительно:

– Людям по-прежнему нужно говорить, что им делать. Проклятые торгаши из Вестминстера профукали империю, но наши обязательства никто не отменял. – Стивен переложил дробовик из одной руки в другую; при этом ружье раскрылось и стали видные блестящие медные капсюли патронов в казеннике. – Править должны только достойные. – Он еще несколько минут развивал эту тему.

И вдруг смолк, будто решил, что и так сказал слишком много, даже такому доверенному человеку, как собственный брат-близнец. Питер тоже молчал. Они поднимались на холм, под ногами хлюпала влажная почва. В этой минуте было что-то совершенно нереальное. Питер шел по хорошо знакомым местам, в прекрасном, мягком солнечном свете английского весеннего полдня, шел с человеком, которого знал с рождения – и которого как будто совсем не знал.

Он не впервые слышал от него такие речи, но, может быть, впервые прислушался. Он вздрогнул, и Стивен взглянул на него.

– Замерз?

– Зябко, – объяснил Питер, и Стивен кивнул. Они поднялись на невысокую насыпь, обозначавшую периметр римского лагеря, и постояли на краю, под ветвями красавицы березы, одетой великолепием весенней листвы.

Стивен тяжело дышал после подъема на холм: начинал сказываться лишний вес. Щеки налились нездоровым румянцем, на подбородке выступили капельки пота.

Он с металлическим щелчком захлопнул ружье и прислонил его к стволу дерева, стараясь отдышаться.

Питер небрежно передвинулся и оперся плечом о ствол, однако руки в карманы не убрал, держался за отвороты шинели и чуть покачивался, сохраняя равновесие. Он казался

полностью расслабленным, на самом же деле был напряжен, как пружина, готовый к самым решительным действиям. Дробовик оставался в пределах досягаемости его правой руки.

Питер видел, что Стивен зарядил дробовик «четвертым номером». С десяти шагов такой выстрел мог вырвать человеку внутренности. Когда раскрываешь и закрываешь ствол, курок взводится автоматически.

Стивен достал из бокового кармана пальто серебряный портсигар и постучал сигаретой по крышке.

– Жаль Магду Альтман, – неловко сказал он, не глядя Питеру в глаза.

– Да, – негромко согласился Питер.

– Рад, что все прошло цивилизованно. У тебя могли возникнуть осложнения.

– Могли.

– Как теперь твоя работа в «Нармко?»

– Еще не знаю. И не буду знать, пока не вернусь в Брюссель.

– Ну, мое предложение остается в силе, старина. Мне нужна помощь. Правда, нужна. Нужен человек, которому я мог бы доверять. Ты бы сделал мне большое одолжение.

– Очень благородно с твоей стороны.

– Нет, я серьезно. – Стивен прикурил от золотой зажигалки «Данхилл» и с явным удовольствием затянулся.

Немного погодя Питер спросил:

– Надеюсь, у тебя не очень много акций Альтмана? Они сильно падают.

– Знаешь, это странно. – Стивен покачал головой. – Я их продал несколько недель назад. Мне понадобились деньги для Сан-Эстебана.

– Повезло.

Но одним везением это нельзя было объяснить. Питера удивило, что Стивен так легко рассказал о продаже акций. «Впрочем, – подумал он, – сделка крупная, и ее легко проследить».

Теперь он сосредоточенно разглядывал брата. «Возможно ли? – спрашивал он себя. – Неужели Стивен – тот мозг, в котором идеологические и эгоистические мотивы переплелись с иллюзиями всемогущества?»

– В чем дело, старина? – спросил Стивен, хмурясь с легким сочувствием.

– Да вот подумал, что весь этот замысел и казни кажутся мне невероятными, Стивен. Ни за что не поверил бы, что ты способен на это.

– Прости, Питер, я не понимаю. О чем ты?

– Калиф, – негромко сказал Питер.

«Вот оно!» – Питер увидел сразу. Мгновенная неподвижность, как у вспугнутого лесного хищника, – движение глаз, остановленное усилием воли.

Выражение лица Стивена не изменилось, баронету превосходно удалось сохранить вежливо-вопросительное выражение, которое медленно переходило в изумление.

– Боюсь, я не понимаю тебя, старик.

«Ах, молодец!» – Питер невольно восхитился. В его брате таились такие глубины, о которых он и не подозревал. И это – его упущение. Как ни крути, нужны необыкновенные способности, чтобы вопреки самым серьезным препятствиям добиться того, чего достиг Стивен за двадцать лет. Как бы он это ни сделал, он определенно гений.

Стивен может быть Калифом. Питер наконец принял этот факт – и сразу получил фокус для своей ненависти, которую так долго вынашивал.

– Единственная твоя ошибка до сих пор, Стивен, в том, что ты сообщил Аарону Альтману свое подлинное имя, – негромко продолжал Питер. – Вероятно, ты тогда не знал, что он агент МОССАД и что твое имя сразу попадет в компьютер израильской разведки. А эту память не может стереть никто и ничто. О тебе знают, Стивен.

Стивен взглянул на дробовик. Этот невольный неконтролируемый взгляд дал Питеру последнее необходимое подтверждение.

– Нет, Стивен. Это не для тебя. – Питер покачал головой. – Это моя работа. Ты слишком толст и не в форме, ты никогда не тренировался. Для настоящих убийств тебе приходится нанимать других. Сам ты не справишься.

Стивен снова посмотрел в лицо брату. Его выражение по-прежнему не изменилось.

– Мне кажется, ты спятил, старик.

Питер не обратил на это внимания.

– Ты лучше кого бы то ни было знал, что я способен убить любого. И заставил меня сделать это.

– Мы окончательно запутались, – возразил Стивен. – Зачем тебе кого-то убивать?

– Стивен, ты оскорбляешь нас обоих. Я знаю. Нет смысла и дальше ломать комедию. Нам нужно выяснить, что же нам теперь делать. – Он намеренно сформулировал свою мысль так, чтобы оставить возможность для компромисса. И увидел сомнение в глазах Стивена, легкое подергивание рта. Тот должен принять решение. – Только, пожалуйста, трезво оценивай опасность, в которой ты оказался, Стивен. – С этими словами Питер достал из кармана пару старых черных перчаток и начал надевать. В этом простом действии было что-то угрожающее, и взгляд Стивена снова потянуло к нему как магнитом.

– Зачем ты это делаешь? – Впервые голос Стивена дрогнул.

– Я не трогал ружье, – объяснил Питер. – На нем только твои отпечатки.

– Господи, Питер, тебе это не сойдет с рук.

– Почему, Стивен? Бродить с заряженным ружье по грязной неровной почве опасно.

– Ты не сможешь хладнокровно убить меня. – В голосе Стивена послышались истерические нотки.

– Неужели? Ты же убил принца Хасида Абдель Хаека?

– Я твой брат... а он всего лишь грязный араб. – Стивен испуганно посмотрел на Питера. Выражение его лица менялось: он понял, что проговорился.

Не сводя с брата глаз, Питер протянул руку к ружью.

– Подожди! – воскликнул Стивен. – Подожди, Питер!

– Зачем?

– Дай мне объяснить.

– Ладно, валяй.

– Нельзя просто сказать «валяй». Все это слишком сложно.

– Ну, хорошо, Стивен. Начнем сначала – с рейса «ноль семь ноль». Скажи, зачем ты это сделал.

– По необходимости, Питер. Как ты не понимаешь! В эту страну вложено свыше четырех английских миллиардов и еще три миллиарда американских. Это главный в мире про-

изводитель золота и урана, хрома и десятка других стратегических материалов. Боже мой, Питер. Эти ослы, у которых вместо головы задница, ведут страну к гибели. Ее нужно отобрать у них, заменить их контролируемым правительством. Если мы этого не сделаем, через десять лет там будут красные. Вероятно, даже гораздо быстрее.

– Вы дали бы им другое правительство?

– Конечно, – настойчиво сказал Стивен, глядя на ружье, которое Питер теперь держал в руках. – Все было спланировано в мельчайших подробностях. Это заняло бы два года.

– Хорошо, – кивнул Питер. – Теперь расскажи об убийстве принца Хасида.

– Это не убийство. Клянусь, это было совершенно необходимо. Вопрос жизни и смерти. Они своей детской безответственностью разрушают западную цивилизацию. Опьяненные властью, они больше не слушают голос разума, точно избалованные дети в кондитерской. Либо мы их остановим, либо вся капиталистическая система рухнет. Эти люди нанесли непоправимый ущерб престижу доллара, они взяли фунт стерлингов в заложники и ежедневно грозят ему перспективой отозвать из Лондона свои колоссальные капиталы. Мы должны были привести их в чувство – и смотри, какой малой ценой! Мы можем постепенно довести цену на нефть до уровня семидесятого года. Можем восстановить устойчивость западных валют и обеспечить процветание сотен миллионов людей – разве все это не стоит одной жизни?

– К тому же он был грязный араб. Верно? – усмехнулся Питер.

– Послушай. Я совсем не это имел в виду. Ты ведешь себя неразумно.

– Постараюсь исправиться, – спокойно сказал Питер. – Скажи, а что дальше? Кого вы возьмете под контроль? Английские профсоюзы, может быть?

Стивен некоторое время молча смотрел на него.

– Черт возьми, Питер. Что за догадка! Но только представь себе: замораживание зарплаты на пять лет и никаких забастовок. Или они, или мы. Мы можем снова стать одной из главных промышленных держав Запада. Великой Британией!

– Ты очень убедителен, Стивен, – признал Питер. – Меня тревожат только некоторые мелочи.

– Какие, Питер?

– Зачем понадобилось организовывать убийство Кингстона Паркера и Магды Альтман?

Стивен смотрел на него, разинув рот от изумления.

– Нет! – Он покачал головой. – Это неправда.

– Зачем понадобилось убивать барона Альтмана, а перед смертью пытать его?

– Это не я. Да, это факты. Но я не имею с этим ничего общего. С убийствами – нет, Питер. Да, я знал, но... – Он умолк, беспомощно глядя на брата.

– Начнем с начала, Стивен. Расскажи-ка мне все... – Питер говорил почти мягко.

– Не могу, Питер. Ты не понимаешь, что может случиться – что произойдет, – если я тебе расскажу...

Питер взвел курок. Щелчок прозвучал в тишине неестественно громко. Стивен Страйд вздрогнул и отступил на шаг.

– Боже, – прошептал он. – Ты действительно это сделаешь.

– Расскажи об Аароне Альтмане.

– Можно, я закурю?

Питер кивнул, и Стивен закурил, держа сигарету чуть дрожащими руками.

– Прежде чем я объясню, ты должен понять, как работает схема.

– Ну растолкуй.

– Меня приняли...

– Стивен, не лги мне. Ты Калиф.

– Нет, о Господи, нет, Питер. Ты ошибаешься! – воскликнул Стивен. – Это цепь. Я только звено в цепи Калифа. Я не Калиф.

– Значит, ты часть Калифа?

– Звено в цепи.

– Только звено в его цепи, – язвительно повторил Питер.

– Есть человек, которого я давно знаю. Мы работали вместе. Он богаче и влиятельнее меня. Все это произошло не сразу. Выросло из многих споров и бесед на протяжении долгого времени, нескольких лет. Мы оба выражали озабоченность тем, что власть достается группам и людям, не способным воспользоваться ею...

– Ладно, – мрачно кивнул Питер. – Твои политические и идеологические взгляды мне известны. Пока оставим их.

– Хорошо, – согласился Стивен. – Наконец этот человек спросил меня, готов ли я вступить в союз политических и финансовых руководителей Запада, цель которого – отдать власть в достойные руки.

– Кто этот человек?

– Питер, я не могу тебе сказать.

– У тебя нет выбора, – сказал Питер, и они долго смотрели друг другу в глаза; потом Стивен вздохнул, сдаваясь.

– Это... – Он назвал имя владельца большей части мировых запасов ядерного топлива, золота и драгоценных камней.

– Значит, именно он контролировал бы новое правительство Южной Африки, если бы после захвата «ноль семидесятого» вам удалось свергнуть существующий режим в этой стране? – спросил Питер, и Стивен молча кивнул. – Хорошо. Продолжай.

– Его, как и меня, завербовали, – объяснил баронет. – Но я не знаю кто. В свою очередь, я тоже должен был привести в организацию одного нужного человека – но при этом тот знал бы только меня. Так обеспечивается безопасность цепи. Каждое звено знает только двоих: своего вербовщика и своего завербованного.

– А Калиф? – спросил Питер. – Кто такой Калиф?

– Этого не знает никто.

– Но ведь он должен вас знать.

– Да, конечно.

– Тогда у вас должен быть какой-то способ передавать информацию Калифу, – настаивал Питер. – Например, привлекая нового члена, ты должен как-то сообщить об этом. А если Калифу что-то от тебя нужно, он должен связаться с тобой.

– Да.

– Как?

– Боже, Питер. Тут ставка больше, чем моя жизнь.

– Мы еще вернемся к этому, – нетерпеливо сказал Питер. – Расскажи мне об Аароне Альтмане.

– Это была катастрофа. Для вербовки я выбрал Аарона. Он казался именно тем человеком, какой нам нужен. Я ведь знал его много лет. Знал, что он может быть очень жесток, когда необходимо. Я связался с ним. Вначале он очень заинтересовался. Заставил меня объяснить, как действует Калиф. Я радовался, что могу вовлечь в организацию такого влиятельного человека. Он намекнул, что передаст в наши фонды двадцать пять миллионов долларов. Тогда я известил Калифа. Сообщил, что мне почти удалось привлечь Аарона Альтмана...

Стивен нервно остановился, бросил окурок на влажную землю и растоптал.

– Что же произошло потом? – спросил Питер.

– Калиф отозвался немедленно. Мне было приказано прервать все контакты с Аароном Альтманом. Я понял, что, по-видимому, выбрал потенциально опасного человека. Ты теперь сказал мне, что он входил в МОССАД. Я этого не знал, а Калиф, должно быть, знал. Я послушался и выронил Аарона, как горячий каштан... а через четыре дня его похитили. Я не имею к этому отношения, Питер. Клянусь. Мне он очень нравился. Я восхищался им...

– Однако его похитили и жестоко пытали. Ты должен был знать, что это сделал Калиф и что именно ты виноват в этом.

– Да, – откровенно ответил Стивен. Питер почувствовал легкое восхищение.

– Его пытали, чтобы узнать, передал ли он информацию о Калифе в МОССАД?

– Да. Наверное. Я не знаю точно.

– Если представление, которое сложилось у меня об Аароне Альтмане, верно, никакой информации от него не получили.

– Да. Он был такой. Должно быть, в конце концов они потеряли терпение – и так с ним обошлись. Тогда я впервые утратил иллюзии относительно Калифа, – мрачно заметил Стивен.

Оба некоторое время молчали. Наконец Питер вспылил:

– Боже мой, Стивен, разве ты не видишь, в какое недостойное дело ввязался?

Стивен молчал.

– Неужели не видишь? – настаивал Питер, в голосе его звучал гнев. – Разве это не было ясно с самого начала?

– Нет. – Стивен жалобно покачал головой. – Казалось, найдено прекрасное лекарство от всех болезней западного мира... а стоило начать, и я словно оказался в экспрессе. Спрыгнуть невозможно.

– Ну хорошо. Потом ты попытался убить меня на дороге в Рамбуйе.

– Боже, нет! – Стивен искренне ужаснулся. – Ты же мой брат!..

– Калиф сделал это, чтобы помешать мне сблизиться с вдовой Аарона Альтмана, которая собиралась отомстить за смерть мужа.

– Я ничего об этом не знал, клянусь. Если Калиф и сделал это, то понимал, что мне об этом незачем знать. – Стивен говорил умоляющим голосом. – Поверь.

Питер почувствовал, как его решимость дрогнула, но заставил себя забыть, что перед ним брат, которого он всю жизнь любил.

– Каково же было следующее задание Калифа? – спросил он, не позволяя голосу смягчаться.

– Никакого задания не...

– Черт возьми, Стивен, не лги мне! – Голос Питера хлестнул, словно бичом. – Ты знал о принце Хасиде Абдель Хаеке!

– Ну хорошо. Я организовал это. Калиф передал мне, что и как делать.

– А потом ты похитил Мелиссу-Джейн и приказал искалечить ее...

– О Господи! Нет! – Теперь Стивен чуть не плакал.

– Чтобы заставить меня убить Кингстона Паркера...

– Нет, Питер, нет!

– ...а потом Магду Альтман...

– Питер, клянусь, с Мелиссой-Джейн я ни при чем. Я люблю ее, как собственную дочь. Ты ведь знаешь это. Я понятия не имел, что это работа Калифа. – Стивен умолял. – Ты должен мне поверить. Я никогда не допустил бы подобного ужаса!

Питер смотрел на него со стальным безжалостным блеском в глазах, холодных и острых, как топор палача.

– Я все сделаю, чтобы доказать тебе, что не имею отношения к похищению Мелиссы-Джейн. Все, что скажешь, Питер. Использую любую возможность, чтобы доказать. Клянусь.

Искренность и отчаяние Стивена Страйда не вызывали сомнений. Он побледнел, губы стали мраморно-белыми и тряслись.

Питер молча протянул брату дробовик. Удивленный Стивен некоторое время держал его в вытянутой руке.

– У тебя большие неприятности, Стивен, – негромко заговорил Питер. Он понимал, что отныне ему нужна полная и безоговорочная поддержка брата. То, чего он от него потребует, нельзя сделать под прицелом.

Стивен понял смысл жеста и медленно опустил ружье. Большим пальцем нажал на механизм затвора, ружье раскрылось. Стивен достал из обоих стволов патроны и положил в карман.

– Пошли в дом, – все еще взволнованным голосом сказал Стивен. – Мне нужно выпить...

В кабинете у Стивена в глубоком, высотой в рост человека камине горел огонь. Камин был помещен в резное обрамление алтаря немецкой церкви XVI столетия; эту резьбу спасли после налета авиации союзников, контрабандой вывезли в Швейцарию, а там ее купил у испанского дилера Стивен.

Напротив камина окна – старинное неровное стекло в свинцовых переплетах – выходили в розарий. На двух других стенах кабинета размещалось собрание редких фолиантов; каждая книга помещалась в специальном кожаном футляре с тисненным золотом названием. Полки поднимались от пола к высокому потолку. Братья разделяли эту страсть.

Стивен стоял у камина, спиной к огню, разведя одной рукой фалды пиджака, чтобы согреться. В другой руке он держал большой хрустальный стакан с почти не разбавленным виски.

Он был по-прежнему бледен от потрясения и каждые несколько минут невольно вздрагивал, хотя в комнате с плотно закрытыми окнами было очень жарко.

Питер, скрестив ноги, сунув руки в карманы и в глубокой задумчивости свесив голову на грудь, полулежал в парчовом кресле в стиле Людовика XIV.

– Сколько ты внес в фонд Калифа? – неожиданно спросил он.

– Я, увы, не Аарон Альтман, – негромко ответил Стивен. – Пять миллионов фунтов за пять лет.

– Итак, мы должны предположить существование сети, растянутой поверх всех границ. Влиятельные люди в каждой стране, каждый вносит огромные суммы – почти неограниченная информация и влияние...

Стивен кивнул и отхлебнул виски.

– Нет никаких причин считать, что в каждой стране только один такой человек. В Англии их может быть десять, еще десять в Западной Германии, пятьдесят в Соединенных Штатах...

– Возможно, – согласился Стивен.

– Значит, Калиф легко мог организовать похищение Мелиссы-Джейн через другую свою цепь в этой стране.

– Ты должен поверить, что я не имею к этому отношения.

Питер нетерпеливо отмел этот протест и продолжал рассуждать вслух.

– Возможно, Калиф вообще не один человек, а группа лиц, основавших организацию...

– Я так не думаю... – Стивен помолчал в нерешительности. – У меня сложилось впечатление, что это кто-то один. Вряд ли комитет был бы способен на такие быстрые и решительные действия. – Он покачал головой, стараясь точнее выразить свое мнение. – Вспомни, что я говорил о Калифе только с одним человеком, с тем, кто привлек меня к участию. Но поверь, мы с ним обсуждали этот вопрос подробно и долго. Я не собирался вкладывать пять миллионов, пока не буду удовлетворен. Нет, решения принимает один человек – но эти решения отвечают общим интересам.

– Однако нет никакой уверенности, что каждое звено цепочки информируют обо всем?

– Нет. Конечно, нет. Это было бы безумием. Безопасность – ключ к успеху.

– И ты мог довериться человеку, которого никогда не встречал, доверить ему крупную сумму денег и судьбу мира, каким мы его знаем?

Стивен снова помолчал, подбирая слова.

– Калифа окружает аура, которая обволакивает всех нас. Тот, кто завербовал меня... – Стивен не хотел снова называть этого человека по имени: по мнению Питера, лишнее доказательство влияния на него Калифа. – ...Тот, чье мнение я глубоко уважаю... Он верил – и это помогло убедить меня.

– А теперь что ты думаешь? – неожиданно спросил Питер. – Твои убеждения остаются прежними?

Стивен допил виски и легким нервным жестом пригладил усы.

– Давай, Стивен, – подбодрил Питер.

– Я по-прежнему думаю, что основная идея Калифа верна, – неохотно ответил Стивен. – Правила изменились, Питер. Мы боремся за выживание мира, каким мы его знаем. Мы действуем в соответствии с новой моралью... – Он подошел к серебряному подносу на углу своего стола и снова налил себе виски. – До сих пор руки у нас были скованы за спиной... а красные, крайне левые и третий мир воюют с нами обеими руками, и в каждой держат по кинжалу. Калиф просто снял с нас наручники.

– Что же заставило тебя изменить мнение? – спросил Питер.

– Я не уверен, что изменил его... – Стивен повернулся к Питеру.

– Однако? – настаивал Питер.

Стивен пожал плечами.

– Убийство Аарона Альтмана, похищение Мелиссы-Джейн... – Он помолчал. – Другие действия, за которые, как я думаю, отвечает Калиф. Они направлены не на общую пользу. Их цель – обеспечить личную безопасность Калифа. А еще они выдают жажду неограниченной власти. – Стивен снова покачал головой. – Я считал Калифа благородным человеком, но в том, что он делает, нет благородства. Он действовал в собственных интересах. Я верю в идею Калифа, но теперь знаю, что мы выбрали не того человека. Его развратила власть, которую мы отдали ему.

Питер внимательно слушал, склонив голову, глядя по-прежнему вопросительно.

– Хорошо, Стивен. Итак, мы обнаружили, что Калиф не божество, но человек, жадный и эгоистичный.

– Да, ты прав. – На покрасневшем лице Стивена отразилось сожаление. – Калиф не то, во что я верил.

– Ты признаешь теперь, что он зло, подлинное зло?

– Да, признаю. – И баронет с силой добавил: – Но как бы я хотел, чтобы он был таким, каким я его считал сначала.

Это Питер понимал. Он кивнул.

– Он был тем, что нужно нашему безумному миру... – с горечью продолжал Стивен. – Нам нужен сильный человек, который сказал бы, что нам делать. Я думал, что Калиф – именно такой человек. И очень хотел быть в его лагере.

– Значит, теперь ты понимаешь, что Калиф не тот человек?

– Да, – просто ответил Стивен. – Но если бы такой человек появился, я бы, не задумываясь, пошел за ним.

– Ты сказал, что сделаешь все, чтобы доказать мне, что не виноват в похищении Мелиссы-Джейн. Ты поможешь мне уничтожить Калифа?

– Да. – Стивен не колебался.

– Это большой личный риск, – заметил Питер, но теперь Стивен твердо встретил его взгляд.

– Я это знаю. Я знаю Калифа лучше тебя.

Питер понял, что любовь к брату теперь подкрепляется восхищением. У Стивена много достоинств. Сила, храбрость, ум, и, может быть, главный его недостаток в том, что этих качеств слишком много.

– Что я должен сделать, Питер?

– Я хочу, чтобы ты организовал встречу с Калифом – лицом к лицу.

– Невозможно, – сразу ответил Стивен.

– Ты сказал, что у тебя есть возможность связаться с ним.

– Да, но Калиф никогда не согласится на встречу.

– Стивен, какова слабость – единственная слабость, которую до сих пор проявил Калиф?

– Он не проявил слабости.

– Нет, проявил.

– В чем же?

– Он одержим необходимостью хранить тайну своей личности и обеспечивать свою безопасность, – сказал Питер. – Едва это оказывается под угрозой, он немедленно обращается к похищениям, пыткам, убийствам.

– Это не слабость, – возразил Стивен. – Это сила.

– Вот если бы ты донес ему, что он под угрозой... Что кто-то – враг – сумел проникнуть сквозь его защиту и приблизиться к нему... – сказал Питер, и Стивен надолго задумался.

– Он будет реагировать очень бурно, – согласился он наконец. – Но очень скоро поймет, что я лгу. И я тут же лишусь его доверия, а это, как я уже говорил, большой риск.

– Это не ложь, – мрачно возразил Питер. – Рядом с Калифом находится агент МОССАД. Совсем рядом.

– Откуда ты знаешь? – резко спросил Стивен.

– Не спрашивай. Но информация абсолютно верная. Я даже знаю кодовое имя агента. Даю тебе слово, что информация подлинная.

– В таком случае... – Стивен снова задумался. – Калиф, вероятно, уже что-то заподозрил и примет мое предупреждение к сведению. Но он потребует, чтобы я сообщил ему имя по обычным каналам.

– А ты откажешься. Потребуешь встречи. Скажешь, что информация слишком личная. Что под угрозой твоя собственная безопасность. Как он ответит?

– Вероятно, на меня будет оказано давление, чтобы я все-таки сказал...

– А если ты не уступишь?

– Тогда, вероятно, он согласится на встречу. Как ты заметил, он этим одержим. Но если мы встретимся, тайна его личности будет раскрыта.

– Думай, Стивен. Ты должен знать, как работает его мысль.

Прошло всего несколько секунд, и выражение лица Стивена изменилось, на нем появился ужас.

– Господи, ну конечно! Если я заставлю его согласиться на личную встречу, вряд ли ее переживу.

– Совершенно верно, – кивнул Питер. – Если от нашей приманки невозможно будет отказаться, Калиф согласится на встречу, но примет меры, чтобы ты немедленно замолчал, прежде чем сможешь рассказать о нем кому-то.

– Дьявол, Питер, меня бросает в дрожь. Как ты сегодня заметил, я не в форме. Я не ровня Калифу.

– Калиф и это примет во внимание, решая, соглашаться ли на встречу.

– Да ведь это просто самоубийство, – настаивал Стивен.

– Ты обещал проявить твердость, – напомнил Питер.

– Твердость – одно дело, глупость – совсем другое.

– Пока ты молчишь, ты в безопасности. Калиф не решится уничтожить тебя, пока ты не сообщишь ему имя. Даю слово, что тебе не придется идти на встречу с Калифом.

– О большем я, вероятно, просить не могу. – Стивен поднял руки. – Когда я должен с ним связаться?

– А как ты с ним связываешься?

– Раздел частных объявлений, – ответил Стивен, и Питер с невольным восхищением улыбнулся. Эффективно, точно и абсолютно анонимно.

– Свяжись как можно скорее, – сказал он.

– В понедельник утром, – кивнул Стивен и некоторое время пристально рассматривал брата.

– В чем дело, Стивен?

– Просто думаю. Если бы Калифом был такой человек, как ты...

– Я? – Питер впервые по-настоящему удивился.

– Король-воин, абсолютно безжалостный там, где дело касается установления справедливости и выполнения долга.

– Я не такой, – возразил Питер.

– Нет, такой, – уверенно ответил Стивен. – Ты именно такой человек, каким я представлял себе Калифа. Именно такой человек, какой нам нужен.

Питер предполагал, что Калиф следит за ним. После убийства баронессы Альтман он должен был очень интересовать Калифа. И потому действовать предсказуемо.

В понедельник он первым рейсом улетел в Брюссель и еще до полудня сидел за своим столом в здании «Нармко». Здесь он опять оказался в самом центре игры интересов и власти. «Альтман Индастриз» потеряла своего руководителя, и уже начались интриги и возникли сложные подводные течения. Несмотря на множество намеков и тонких подходов, Питер держался от всего этого в стороне.

Во вторник вечером Питер взял со стойки в вестибюле «Хилтона» газету. Просьба Стивена о встрече ничем не выделялась среди других объявлений.

И пошли сыны Израилевы, и плакали перед Господом до вечера, и вопрошали Господа: вступать ли мне еще в сражение?

Книга Судей, 20:23.

Цитата, выбранная Калифом, казалось, символизирует его взгляд на самого себя. Он видел себя божеством, высоко вознесенным над прочими людьми.

Стивен объяснил Питеру, что Калиф ответит по истечении сорока восьми часов.

После того как объявление появится в газете, Стивену предписывалось ежедневно ждать за столом в своем кабинете на Лиденхолл-стрит от полудня до двадцати минут первого. На это время он не должен был назначать никаких дел, не допускать посетителей и не занимать некий незарегистрированный телефон.

В среду связи не было, но Стивен ее еще и не ждал. В четверг он нервно расхаживал по персидскому ковру в ожидании звонка. Он уже надел пиджак, котелок и зонтик ждали у стола; этот стол, французский, с украшениями из позолоченной бронзы, как благожелательное чудовище, стоял у окна, смотрящего на биржу Ллойда.

Стивен Страйд боялся и откровенно признавался себе в этом. Интриги составляли часть его существования на протяжении почти всей жизни, но игра всегда шла по определенным правилам. Теперь он сознавал, что углубляется в новые джунгли, в дикую чащу, где нет никаких правил, выходит за пределы своих возможностей; Питер сказал ему об этом, и Стивен понимал, что тот прав. Питер говорил сущую правду, и Стивен боялся как никогда в жизни. Но он понимал и другое: он будет действовать. Он слышал, что признавать страх, но обуздывать его, не теряя способности выполнять свой долг, – это признак подлинного мужества.

Однако он не чувствовал в себе мужества.

Телефон прозвонил один раз, слишком громко и резко. Стивен внутренне напрягся и, парализованный страхом, застыл посреди своего драгоценного, изумительной красоты ковра.

Телефон прозвонил вторично, и его настойчивый звонок прогремел в ушах Стивена трубами Страшного суда. Его медленно затопил липкий маслянистый страх, который с трудом удавалось сдерживать.

Телефон зазвонил в третий раз, и Стивен огромным усилием воли заставил себя сделать три шага к столу.

Он поднял трубку и услышал резкие помехи общественной телефонной сети.

– Страйд, – сказал он резко, напряженным фальцетом, и услышал звяканье опущенной в автомат монеты.

Голос в трубке привел баронета в ужас. Электронное гудение, бесчеловечное, бесполое, без следа живых чувств, без модуляций.

– Олдгейт и Лиденхолл-стрит, – произнес этот голос.

Стивен повторил место встречи, и связь немедленно прервалась.

Страйд положил трубку, схватил котелок и зонтик и заторопился к выходу.

Красивая седая секретарша взглянула на него и выжидательно улыбнулась. Она работала у Стивена уже пятнадцать лет.

– Сэр? – Она по-прежнему называла его так.

– Я выйду на полчаса, Мэй, – ответил Стивен. – Присмотрите за лавочкой. – Он прошел в частный лифт и быстро спустился в подземный гараж, где рядом с личными машинами старших служащих стоял его «роллс».

Взглянув в зеркало на стене лифта, он проверил, под каким углом надет котелок, чуть наклонил его вправо и поправил гвоздику в петлице своего костюма с Сэвил-роу,* темно-синего, с еле заметной элегантной светлой полоской. В течение следующих нескольких минут важно было выглядеть и действовать совершенно естественно. Его штат заметит любое отклонение от нормы.

В гараже он не подошел к своему темно-бордовому «роллс-ройсу», который блестел в приглушенном свете, точно драгоценность. Вовсе нет – сэр Стивен прошел к калитке в стальной отодвигающейся двери гаража. Охранник в застекленной будочке у двери оторвался от купонов футбольного тотализатора, узнал хозяина и вскочил.

– Добрый день, сэр.

---

* Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных. – *Примеч. пер.*

– Здравствуйте, Гарольд. Я не возьму машину. Просто пройдусь несколько минут.

Он вышел на улицу и свернул налево, к перекрестку Лиденхолл-стрит и Олдгейт. Шел он быстро, но внешне не торопился. Времени Калиф дал в обрез, чтобы его подчиненный не успел ни с кем связаться. Стивен знал, что от его кабинета до телефона-автомата всего несколько минут ходу. И Калиф тоже точно знал, сколько на это нужно времени.

Телефон в красной стеклянной будке зазвонил, когда Стивен был в двадцати шагах от него. Оставшуюся часть пути Стивен пробежал.

– Страйд, – сказал он, слегка запыхавшись. Немедленно звякнула монета, и тот же электронный голос назвал ему место следующего контакта. Телефон-автомат на Хай-стрит у входа на станцию метро «Олдгейт». Стивен повторил. Голос в трубке встревожил его: с ним словно говорил робот из фантастического кино. Если бы он услышал обычный человеческий голос, ему было бы легче.

Он еще дважды выслушивал указания, и всякий раз они оказывались непредсказуемыми, а расстояние между точками связи было тщательно измерено, чтобы он едва успевал вовремя и не мог ни с кем связаться. При этом невозможно было проследить, откуда звонят. Очевидно, Калиф или его агент переходил из автомата в автомат в какой-то другой части города. Выследить его было невозможно.

Модулятор голоса, которым пользовался Калиф, представлял собой несложное приспособление размером с карманный калькулятор. Питер рассказывал Стивену, что такой прибор можно купить у множества фирм, производящих электронное оборудование для шпионажа и контршпионажа. Стоил он меньше пятидесяти долларов и так искажал голос, меняя тональность всех звуков, что никакое записывающее устройство не позволяло сравнить этот голос с образцами, хранящимися в памяти компьютера. Невозможно даже определить, говорит мужчина, женщина или ребенок.

Дорога к очередной точке оказалась необычно безлюдной, но Стивену пришлось постоять у автомата, ожидая, пока светловолосый молодой человек в розовом пятнистом комбинезоне закончит разговор. Система Калифа позволяла пользоваться общественными телефонами, и едва молодой человек повесил трубку, Стивен вошел в будку и сделал вид, что роется в справочнике.

Телефон зазвонил, и Стивен, хотя ожидал этого, тем не менее вздрогнул от неожиданности. От ходьбы и нервного напряжения он вспотел, голос его звучал прерывисто.

– Страйд, – выдохнул он.

Упала монета, и Стивена снова привел в ужас безличный голос Калифа.

– Да?

– У меня сообщение.

– Да?

– Калифу грозит опасность.

– Да?

– Разведка одного из правительств поместила рядом с ним своего агента. Этот агент исключительно опасен.

– Источник информации?

– Мой брат. Генерал Питер Страйд.

Питер велел ему там, где возможно, говорить правду.

– Назовите правительство, которому принадлежит разведка.

– Не могу. Информация слишком деликатная. Я должен быть уверен, что Калиф получил ее лично.

– Назовите имя или должность агента.

– Не могу. По той же причине. – Стивен взглянул на свои золотые танковые часы от Картье на черном ремешке крокодиловой кожи. Разговор шел уже пятнадцать секунд. Он знал, что связь не продлится больше тридцати – дольше Калиф рисковать не будет – и не стал ждать очередного вопроса или инструкции. – Я передам информацию только Калифу и должен быть уверен, что это именно он, а не один из его агентов. Я требую личной встречи.

– Это невозможно, – ответил нечеловеческий голос.

– Тогда Калифу будет грозить большая личная опасность. – Стивен нашел мужество сказать это.

– Повторяю: назовите имя и должность агента.

Прошло двадцать пять секунд.

– Повторяю: не могу. Для передачи информации вы должны организовать личную встречу.

Капля пота сорвалась с виска Стивена и пробежала по щеке. Он задыхался в тесной телефонной будке.

– С вами свяжутся, – послышался голос, и на линии щелкнуло.

Стивен достал из нагрудного кармана белый шелковый платок и вытер лицо. Потом тщательно уложил платок в карман, но с нарочитой небрежностью, не складывая аккуратно.

Расправил плечи, поднял подбородок и вышел из будки. Теперь он впервые почувствовал себя смелым. Это ему понравилось, и он пошел назад, размахивая зонтиком в такт шагам.

Всю неделю Питер держался поблизости от телефона. Он много часов занимался различными проектами «Нармко», которые запустил до своего отлета на Таити и которые, казалось, созрели все сразу. Совещания начинались утром и продолжались до темноты. Ему пришлось совершить две поездки: в Осло и Франкфурт; он улетал утренним рейсом, а к вечеру возвращался в свой кабинет. И всегда рядом был телефон, номер которого знал Стивен Страйд; даже в офицерском гимнастическом клубе НАТО, где Питер совершенствовал свою физическую форму, даже в подземном тире, где «кобра» становилась продолжением его руки, правой или левой, и он способен был с пятидесяти ярдов поразить цель стоя, лежа, с колена – из любой позиции, – все это время он находился в непосредственной близости от телефона.

Питер чувствовал себя, как профессиональный боксер на тренировочных сборах; он полностью сосредоточился на столкновении, которое – он знал это – ждало его впереди.

Приближался уик-энд, утомительно скучный. Питер отклонил приглашение одного из своих коллег по «Нармко» погостить в его загородном доме и предложение другого коллеги слетать в Париж на субботние скачки. Он сидел один в своем номере в «Хилтоне» и ждал звонка Стивена.

Утром в субботу он попросил принести ему все газеты: английские, американские; французские и немецкие – на этих языках он читал лучше, чем говорил, и даже голландские и итальянские – тут он спотыкался на каждом третьем слове.

Он тщательно просмотрел их все в поисках намеков на деятельность Калифа. Похищения, захваты самолетов, другие террористические акты могли бы дать ему новую нить к Калифу.

Италию охватил политический хаос. Смятение было так велико, что оставалось только догадываться, в чем виноваты левые, а в чем – правые. В Неаполе были убиты пять известных деятелей террористической организации «Красные бригады»; всех пятерых аккуратно уложили одной гранатой – гранатой стандартного образца, принятого на вооружении НАТО. Казнь совершилась на кухне конспиративной квартиры «Красных бригад» в трущобах, у полиции не оказалось никаких зацепок. Почерк напоминал Калифа. Не было никаких оснований считать, что его «цепь» не включает видных итальянских промышленников. «Итальянский миллионер, живущий в собственной стране, – вид, наиболее близкий к уничтожению, после голубого кита», – сухо думал Питер. И эти миллионеры вполне могли призвать на помощь Калифа.

Закончив просматривать континентальную прессу, Питер с облегчением перешел к английской и американской. «Воскресенье, скоро полдень. Как прожить оставшиеся до утра понедельника часы?» – Он был уверен, что до тех пор Стивен не получит ответа на свое требование.

Он начал читать английские газеты, растягивая это занятие.

Пятнадцатую неделю продолжалась забастовка на заводах английской «Лейланд Мотор Компани», и никаких перспектив ее прекращения не было. «Еще одна возможность для Калифа, – подумал Питер, вспоминая свой разговор со Стивеном. – Ударить по нескольким головам для их же блага».

В утренних газетах нашлось еще только одно интересное сообщение. Президент Соединенных Штатов назначил специального посредника, чтобы попытаться решить проблему израильской оккупации спорных территорий на Ближнем Востоке. Этим посредником он назначил доктора Кингстона Паркера, о котором сообщалось, что он близкий личный друг президента, входящий в тесный круг его советников, человек, которого высоко оценивают все стороны, участвующие в конфликте, идеальный кандидат на такую должность. И Питер согласился с этим. Энергия и возможности Кингстона Паркера казались неисчерпаемыми.

Питер отложил последнюю газету, и перед ним замаячила перспектива скучного дня. У него были с собой три книги, а в портфеле крокодиловой кожи – множество материалов «Нармко», однако он знал, что не сможет сосредоточиться: возможное столкновение с Калифом затмевало все остальное.

Он прошел в зеркальную ванную номера и достал пакет, который купил накануне в косметической секции «Галери Анспах», одного из самых больших универсальных магазинов города.

Парик из натуральных волос. Хорошее качество, не какой-нибудь блестящий нейлон. Цвет его, но волосы гораздо длиннее, чем у Питера. Он тщательно приладил парик и при-

нялся за работу, подравнивая его ножницами. Добившись желаемого результата, начал красить виски серебристой краской «Италиен бой».

Это заняло почти всю вторую половину дня: Питер не торопился и критически оценивал проделанную работу. Каждые несколько минут он поглядывал на снимок, сделанный Мелиссой-Джейн в «Тисовом аббатстве» на Новый год: дочь снимала новой полароидной камерой, рождественским подарком Питера. На снимке оба брата стоят рядом, снисходительно подчиняясь командам Мелиссы-Джейн.

Снимок подчеркивал сходство братьев, но одновременно и различие. Цвет волос одинаковый, но у Стивена волосы длиннее, завиваются на концах, а на висках значительно больше седины.

Лицо у Стивена более тяжелое, мясистое. Видны первые намеки на отвислость щек, более яркий румянец – первый угрожающий признак неполадок в деятельности сердца, результат сытой жизни. Впрочем, когда Питер надел парик, лицо его заметно пополнело.

Затем Питер занялся усами и подровнял их в стиле «офицер-пехотинец», как предпочитал Стивен. В косметической секции оказался большой выбор накладных усов, а также бровей и ресниц, но ни одни не подошли. Питеру пришлось осторожно поработать ножницами, а потом слегка подкрасить усы серебром.

Когда он с помощью специального клея приладил их на место, результат оказался поразительным. Усы сделали его лицо еще полнее, а глаза у близнецов и так были одинаковой формы и цвета. Носы у обоих прямые и хрящеватые. Рот у Питера был чуть шире, и складка губ не такая жесткая, но усы это скрыли.

Питер отступил и осмотрел себя в зеркале. Они с братом были одного роста, одинаково широки в плечах. Стивен полнее, у него толще шея, она придает ему сходство с быком. Питер слегка изменил осанку. И не ошибся. Теперь вряд ли кто-то, недостаточно близко знакомый с ними, мог заметить подмену. Едва ли Калиф или его ближайшие помощники лично знали Стивена или Питера.

Час он провел, подражая походке Стивена, наблюдая за собой в зеркале, стараясь передать жизнерадостную простоту Стивена, его манеру стоять, сунув руки под полы пиджака, пальцем разглаживать усы – от ложбинки под носом, сначала правый, потом левый.

Одеться соответствующим образом не составило труда. Со времен Сандхерста братья одевались у одного портного, и привычки Стивена в одежде не изменились. Питер точно знал, что надел бы Стивен в том или ином случае.

Питер снял парик и усы, аккуратно убрал их в фирменный пакет «Галери Анспах» и снова спрятал в отделении своего чемоданчика.

Затем из другого отделения достал свой «парабеллум-кобра», по-прежнему в замшевой кобуре. Питер привычно взвесил оружие в руке и неохотно решил, что не возьмет его с собой. Встреча почти несомненно состоится в Англии. Контакт, который был у Стивена во вторник, состоялся в Лондоне. Нет оснований думать, что для очередного сеанса связи выберут другой город. А проходить британскую таможню с оружием слишком рискованно. Его задержат, это попадет в газеты. И Калиф немедленно насторожится. В Англии можно

будет получить другое оружие – в «Торе». Колин Нобл даст ему оружие, как только Питер объяснит ему суть дела: в этом он был уверен.

Питер спустился вниз и спрятал пистолет в сейф отеля, вернулся в номер и принялся ждать. К этой обязанности солдата он так и не смог привыкнуть. Он всегда ненавидел ожидание.

Тем не менее он сел и принялся читать «Войну в тени» Робера Эспри, большой том, посвященный истории и практике партизанской войны. Постепенно чтение увлекло его, и, взглянув на часы он с легким удивлением обнаружил, что уже восемь вечера. Питер попросил прислать ему в номер омлет, и через десять секунд после того, как он положил трубку, зазвонил телефон. Питер решил, что это запрос из кухни относительно ужина.

– Да, в чем дело? – раздраженно сказал он.

– Питер?

– Стивен?

– Он согласился на встречу.

Питер почувствовал, как сильно забилось сердце.

– Где? Когда?

– Не знаю. Я завтра должен вылететь в Орли. В аэропорту меня будет ждать инструкция.

Калиф укрывается, путает следы. Этого следовало ожидать. Питер попытался припомнить парижский аэропорт. Нужно встретиться со Стивеном на территории Орли и подменить его. Мысль о встрече в зале или туалете он тут же отмел. Оставалось одно.

– Когда ты там будешь? – спросил Питер.

– В «Куке»* мне дали билет на утренний рейс. Прибытие в одиннадцать пятнадцать.

– Я буду раньше, – сказал Питер. Он наизусть помнил расписание рейсов «Сабены», а специальные карточки, которые были у всех управляющих «Нармко», позволяли улететь любым рейсом. – Сниму номер в отеле у южного терминала Орли, на четвертом этаже – на твое имя, – продолжал он. – Буду ждать в вестибюле. Сразу отправляйся к администратору и попроси свой ключ. Я пойду за тобой, чтобы проверить, нет ли слежки. Не узнавай меня ни при каких обстоятельствах. Ты понял, Стивен?

– Да.

– До завтра.

Питер дал отбой, прошел в ванную и снова посмотрел на себя в зеркало.

– Ну что ж, брать оружие в «Торе» не придется.

Калиф не назначил встречу в Англии. Теперь ясно, что Париж – только промежуточный пункт; Калиф, по обыкновению, осторожный, назначит встречу где-нибудь в другом месте. Возможно, будет еще несколько промежуточных пунктов.

Человек придет на встречу безоружным и неподготовленным, и Питер не сомневался, что Калиф примет все меры, чтобы он никому ничего не смог рассказать.

«Я тяну две карты в прямом флеше, а сдает Калиф, и у него достаточно времени для подготовки, – холодно подумал Питер. – Зато ожидание окончено». И он начал упаковывать свои туалетные принадлежности в непромокаемую сумку «Гуччи».

---

* Известное бюро путешествий. – *Примеч. пер.*

* * *

Сэр Стивен Страйд вошел в вестибюль южного терминала аэропорта Орли в пять минут первого, и Питер довольно улыбнулся про себя. Стивен был в синем двубортном пиджаке, белой рубашке с галстуком крикетного клуба, серых шерстяных брюках и черных английских ботинках ручной работы – Стивен никогда не носил модную итальянскую обувь.

Стивен оделся как обычно, Питер ошибся только относительно галстука, решил, что тот будет с цыганским рисунком. Сам Питер тоже в двубортном пиджаке, серых брюках под пальто, в черных ботинках из «Баркерз».*

Стивен оглядел вестибюль, мимоходом взглянул на Питера, сидящего в углу с «Ле Монд» в руках, и уверенно направился к стойке администратора.

– Моя фамилия Страйд, у вас для меня зарезервирован номер. – Стивен говорил густым баритоном, медленно: мало кто из этих людишек хорошо понимал по-английски.

Служащий быстро проверил, кивнул, пробормотал какое-то приветствие и протянул Стивену бланк и ключ.

– Четыреста шесть, – громко произнес Стивен, чтобы Питер услышал. Тот тем временем внимательно наблюдал за входом; к счастью, в последние минуты после появления Стивена в вестибюль почти никто не входил, а среди вошедших не было таких, в ком можно было бы заподозрить агентов Калифа. Конечно, если это был только промежуточный пункт – а Питер в этом не сомневался, – Калифу незачем следить за Стивеном; следить он начнет, когда тот подойдет к нему ближе.

Стивен в сопровождении носильщика с единственным небольшим чемоданом направился к лифту, а Питер пересек вестибюль и присоединился к небольшой группе желающих подняться.

В заполненном лифте он поднимался плечом к плечу со Стивеном, но они делали вид, что не знают друг друга, и, когда брат с носильщиком вышли, Питер поднялся еще на три или четыре этажа, прошел по коридору, вернулся и спустился в лифте на этаж Стивена.

Стивен оставил дверь 406-го номера открытой, и Питер распахнул ее и вошел, не постучав.

– Мой дорогой мальчик! – Стивен уже был без пиджака и включил телевизор, но теперь приглушил звук и с явным облегчением и радостью пошел навстречу.

– Никаких проблем? – спросил Питер.

– Ни единой, – ответил Стивен. – Хочешь выпить? У меня есть бутылочка из «дьюти фри».

Пока он брал в ванной стаканы, Питер быстро осмотрел комнату. Взамен обычных живописных видов центра Парижа – вид на приземистые функциональные здания рынка; занавеси и покрывала на двух кроватях – одного рисунка; между кроватями телевизор и радиоприемник; современная бездушная мебель... гостиничный номер, не больше и не меньше.

Стивен принес стаканы и протянул один Питеру.

– Твое здоровье!

---

* Один из крупнейших универсальных магазинов Лондона. – *Примеч. пер.*

Питер попробовал виски. Слишком крепкий, а парижская вода отдает хлором. Он отставил стакан.

– Как Калиф передаст тебе инструкции?

– Я их уже получил. – Стивен протянул руку к пиджаку, висящему на спинке стула, и достал из внутреннего кармана длинный белый конверт. – Это ждало меня у информационной стойки «Эр Франс».

Питер взял конверт, распечатал его и сел в кресло. В конверте оказались три документа.

Билет первого класса на рейс «Эр Франс», квитанция на лимузин с шофером и квитанция на заказанный в отеле номер.

Билет на самолет можно купить за наличные в любом отделении «Эр Франс», заказать машину и номер тоже можно анонимно. Ни по одному из этих документов невозможно никого выследить.

Питер развернул билет и прочел пункт назначения. По его коже поползли мурашки, словно от прикосновения насекомого-паразита. Сложив билет, Питер просмотрел квитанции – и почувствовал, что его бессовестно предали. Кончики пальцев онемели, на языке появился горький медный привкус.

Билет на вечерний рейс из Орли в израильский аэропорт Бен-Гурион, машина для одной-единственной поездки в Иерусалим, а номер заказан в отеле «Царь Давид» в этом старинном святом городе.

– В чем дело, Питер?

– Ничего, – ответил Питер, поняв, что не сумел скрыть обиду и отвращение. – Иерусалим, – продолжал он. – Калиф хочет, чтобы ты летел в Иерусалим.

Кое-кто уже находился там. Питер почти непрерывно думал о ней, с тех пор как в последний раз обнял в темноте на острове Бора-Бора – так страшно давно.

«Калиф в Иерусалиме и Магда Альтман тоже там...» – Питер не мог избавиться от тошнотворного ощущения предательства.

Коварство Калифа.

«Нет, – твердо сказал он себе. – По этой дороге я уже прошел. Это не Магда».

Изобретательный гений Калифа – деятельный, успешный, воплощение зла.

«Возможно, – пришлось Питеру признаться. – С Калифом все возможно. Каждый раз, как Калиф бросает кости, выпадают новые номера, соотношения меняются, сумма получается разная – но результат всегда невероятно правдоподобен и убедителен».

Одно из основных положений его профессии: любовь ослепляет и оглушает человека, лишает его разума. Питер был влюблен и знал это.

«Хорошо. Значит, теперь мне нужно освободить ум и постараться все трезво обдумать».

– Питер, что с тобой? – снова спросил Стивен, теперь с искренней озабоченностью.

«Невозможно думать, когда Стивен стоит над душой. Надо избавиться от него».

– Я лечу в Иерусалим вместо тебя, – сказал Питер.

– Но послушай, старина!

– Мы с тобой меняемся местами.

– Дудки. – Стивен решительно покачал головой. – Калиф сразу раскусит тебя.

Питер взял чемоданчик и ушел в ванную. Быстро натянул парик, прилепил усы и позвал:

– Стивен, зайди.

Они стояли рядом и смотрели в зеркало.

– Боже! – ахнул Стивен. Питер слегка изменил осанку и стал еще больше похож на брата. – Невероятно. Никогда не думал, что ты такой красавец, – усмехнулся Стивен и удивленно покачал головой.

Питер точно повторил его жест.

– Черт возьми. – Смех замер на устах Стивена. – Хватит. У меня мурашки по спине.

Питер стянул парик.

– Все получится.

– Да, – согласился Стивен. – Возможно. Но откуда ты узнал, в каком я буду костюме?

– Секрет фирмы, – ответил Питер. – Не волнуйся. Давай займемся бумагами.

В спальне они выложили свои документы двумя стопками и быстро их просмотрели.

Фотографии на паспортах подойдут.

– Тебе придется сбрить свое сито для супа, – сказал Питер, и Стивен с сожалением провел по усам пальцами – от середины направо, потом налево.

– Это необходимо? Я себя буду чувствовать так, словно вышел к обществу без брюк.

Питер достал из внутреннего кармана ручку с золотым пером, взял со столика листок бумаги с грифом отеля. Некоторое время он рассматривал подпись Стивена в паспорте, потом попробовал изобразить ее на листке.

– Нет. – Покачал головой и попробовал снова. Похоже на походку Стивена, дерзкую и уверенную, «Т» перечеркнуто решительным росчерком пера.

Через шестьдесят секунд подписи было невозможно различить.

– С этим париком на голове ты можешь однажды войти в мой банк и получить по чеку всю сумму, – с беспокойством заметил Стивен. – А потом пойти ко мне домой и лечь в постель с Пат.

– А что, неплохая мысль. – Питер задумался.

– Не надо так шутить, – взмолился Стивен.

– А кто шутит? – Питер просматривал кредитные карточки, клубные карточки, водительские права и другие документы, которые всегда имеет при себе цивилизованный человек.

Стивен с большим трудом освоил подпись брата, но через двадцать минут практики подписывался достаточно похоже, чтобы не возбудить подозрений у служащих отеля.

– Вот адрес отеля на левом берегу. Великолепный ресторан, и работники проявляют полное понимание, если тебе вздумается угостить барышню у себя в номере выпивкой.

– Изыди, сатана! – Стивен не без удовольствия подумал о такой возможности.

– Всего на несколько дней, Стивен. Не привлекай внимания. За все плати наличными. Держись подальше от «Георга Пятого» и «Мориса», «Ле Дуаена» и «Максима» – от тех мест, где тебя знают.

Пока Стивен сбривал усы и натирал кожу кремом, они внимательно прошлись по всем подробностям обмена личностями.

– Теперь тебе лучше уйти, – сказал наконец Питер. – Одевайся. – Он протянул Стивену пальто. – И поменяемся галстуками.

Стивен неловко стоял у двери в тесноватом для него пальто.

– Стивен, можно спросить? – Питер не знал, почему ему захотелось это узнать: так давно и глубоко это было в нем похоронено. Но сейчас ему почему-то вдруг стало очень важно знать.

– Конечно, старик. – Стивен, по-видимому, тоже радовался возможности отодвинуть прощание.

– Сандхерст. – Питер старался скрыть замешательство в своем голосе. – Я тебя никогда не спрашивал... но ведь ты этого не делал?

Стивен спокойно и твердо встретил его взгляд.

– Нет. Не делал. Даю слово.

Питер крепко пожал протянутую руку брата. Нелепо испытывать такое облегчение.

– Я рад, Стивен.

– Будь осторожен, старик.

– Буду, – кивнул Питер. – Но если что-нибудь случится... – Он замялся. – Мелисса-Джейн...

– Не беспокойся. Я о ней позабочусь.

Почему англичанам всегда так трудно говорить о любви и привязанности?

– Ну, я пошел, – сказал Стивен.

– Береги конец и не дай застукать себя в трусах, – ответил старой непристойностью Питер.

– Можешь не сомневаться, не подведу. – Стивен вышел в коридор и плотно закрыл за собой дверь, оставив брата думать об Иерусалиме.

Изменилось только название – с Лод на Бен-Гурион, все остальное осталось таким, каким помнилось Питеру: один из немногих аэропортов мира, где достаточно багажных тележек и пассажирам не приходится за них бороться.

В зале прибытия ждал молодой израильский шофер. На грифельной доске мелом было написано: «СЭР СТИВЕН СТРАЙД». Шофер был в легком белом костюме, сандалиях и темно-синей фуражке с черным кожаным козырьком: только это в его облике и напоминало о форме. Английский молодого человека отличался обычным сильным американским акцентом. Держался водитель свободно, не без фамильярности: сегодня он сидит за рулем лимузина, а завтра может вести танк «центурион».

– Шалом, шалом, – приветствовал он Питера. – Это весь ваш багаж?

– Да.

– Беседер.* Поехали. – Не предлагая взять у Питера тележку, он, дружелюбно болтая, проводил его к лимузину.

Их ждал длинный «Мерседес-бенц 240 D», почти совершенно новый, любовно отполированный, но сзади на кузове с обеих сторон кто-то нарисовал по паре раскосых глаз.

---

* Хорошо (*ивр.*).

Не успели они отъехать от аэропорта, как салон «мерседеса» заполнил характерный для Израиля аромат – запах цветов апельсина из садов по обочинам дороги.

Почему-то этот запах встревожил Питера, ему показалось, что он что-то упустил, не заметил чего-то очень важного. Он пытался заново продумать все с самого начала, но шофер трещал как сорока, отвлекая его. Тем временем они въехали на новую скоростную автостраду с двусторонним движением и через сосновые леса направились к Иерусалиму.

Питер пожалел, что уничтожил наброски, сделанные в отеле в Орли. Он попытался восстановить их в памяти.

Там было двенадцать пунктов в графе «плюс». Третий из них: «Магда рассказала мне о Цветке Кактуса. Сделала бы она это, если бы была Калифом?»

Прямо напротив, в графе «минус»: «Если Магда – Калиф, Цветка Кактуса не существует. Он выдуман для какой-то неясной цели».

Вот что мешало ему, как гвоздь в сапоге. Он постоянно возвращался к этому – не хватало какого-то логического звена, и Питер пытался его восстановить. Решение таилось где-то близко, у самой поверхности, и чутье подсказывало ему, что, если он не разгадает эту загадку, последствия будут ужасны.

Шофер не умолкал ни на минуту. Каждые несколько минут он оборачивался, чтобы взглянуть на Питера, и требовал подтверждения:

– Верно ведь?

Питер хмыкнул. Парень начинал раздражать его – недостающее звено рядом, совсем близко. Он видит его очертания. Почему же его так тревожит запах апельсиновых цветов? Запах цветов? Цветок Кактуса? В этом что-то есть, он что-то упустил....

«Если Магда не Калиф, тогда...» Что тогда? Он не знал.

– Не возражаете? – спросил шофер.

– Простите, о чем вы?

– Хочу забросить посылочку теще, – снова объяснил шофер. – От жены.

– А вы не можете сделать это на обратном пути?

– Я сегодня не поеду назад... – Шофер виновато улыбнулся. – А к теще по дороге. Всего пять минут. Я пообещал жене, что завезу сегодня.

– Ну хорошо, – буркнул Питер. Что-то в этом человеке ему не нравилось, и он потерял нить рассуждений.

Ему казалось, что он играет в шахматы со значительно более сильным противником. Он просмотрел ладью на открытой линии или коня, который может сделать вилку на короля и ферзя.

– Сейчас свернем, – объяснил шофер и повернул в район бесконечных шеренг новостроек из кремово-желтого иерусалимского камня – отчаянная попытка Израиля предоставить жилье всем новым гражданам. В этот вечерний час улицы были пусты, семьи собрались за обеденным столом.

Словоохотливый шофер уверенно проехал по лабиринту внешне совершенно одинаковых улиц, затормозил и остановил машину у приземистого желтого здания, похожего на ящик.

– Две минуты, – пообещал он, выскочил из «мерседеса», прошел назад и открыл багажник. Послышался скрежет, легкий удар металла о металл, крышка захлопнулась, шофер

появился снова и показал Питеру коричневый бумажный пакет. Он улыбнулся, нелепо сдвинув фуражку на затылок, опять крикнул в закрытое окно:

– Две минуты. – И исчез в здании.

Питер понадеялся, что парень задержится. Тишина бесценна. Он закрыл глаза и сосредоточился.

«Если Магда не Калиф, тогда... тогда...»

Со щелканьем остывал двигатель. Или это что-то щелкает на приборной доске? Питер забыл об этом звуке.

«...тогда... тогда Цветок Кактуса существует. Да, точно! Цветок Кактуса существует, и он достаточно близок к Калифу, чтобы узнать, что сэр Стивен Страйд грозится раскрыть его...»

Питер выпрямился, застыл на сиденье. Полагая, будто до встречи с Калифом Стивен Страйд будет в полной безопасности, он совершил роковую ошибку!

«Цветок Кактуса должен помешать Стивену Страйду встретиться с Калифом. Да, конечно. Боже, как я не понял этого раньше? Цветок Кактуса из МОССАД, а я сижу в машине на одной из улиц Иерусалима, родного дома МОССАД, и переодет Стивеном Страйдом. Боже! – Теперь он был уверен, что ему грозит смертельная опасность. – Цветок Кактуса, вероятно, сам все подготовил. Если Магда не Калиф, тогда я иду прямо к нему в пасть».

Проклятые часы продолжали тикать. Этот звук действовал на нервы, как протекающий кран.

«В городе Цветка Кактуса... в машине... тиканье. О Боже! Приборная доска ни при чем».

Питер повернул голову. Щелкает сзади. В багажнике, который шофер открывал и что-то там передвинул. Именно там что-то негромко тикает.

Питер рванул ручку, ударив дверцу плечом; одновременно он инстинктивно схватил свой чемоданчик.

Металлическую перегородку между пассажирскими местами и задней частью кузова убрали, чтобы усилить действие взрывной волны. Между ним и тем, что тикает сзади, только кожаная обивка. Поэтому так ясно слышно.

Казалось, время замедлилось. Питер успевал думать все это, а секунды капали, как густой мед.

«Адская машина», – подумал он. Почему ему в голову пришел этот нелепый термин девятнадцатого века, Питер не знал: вероятно, воспоминания детства, он тогда читал «Газету для мальчишек».

Едва не потеряв равновесие, когда ноги коснулись разбитого неровного тротуара, он выскочил из мерседеса.

«Вероятно, пластиковая взрывчатка с таймером у детонатора, – подумал он и побежал. – Сколько времени должно было пройти до взрыва? Тридцать секунд? Нет, шоферу нужно уйти подальше. Он сказал «две минуты», сказал дважды...»

Мысли неслись стремительно, а ноги казались закованными в кандалы, Питер переставлял их с огромным трудом. Это было все равно что бежать по пояс в воде по песку, когда прибой тащит тебя обратно.

«Должно быть, две минуты уже прошли, шофер ушел далеко...»

Прямо перед ним возникла низкая каменная загородка – цоколь цветочной клумбы. Высотой по колено, двойной ряд кирпичей, в середине углубление, наполненное сухой желтой землей; в нем несколько привядших олеандров.

Питер головой вперед нырнул за загородку, ударившись при падении плечом и рукой, и откатился под защиту низкой преграды.

Над его головой оказались большие окна первого этажа. Лежа на спине и глядя на них, Питер увидел, как в зеркале, отражение «мерседеса».

Он зажал уши. От «мерседеса» его отделяло всего пятьдесят футов. Питер смотрел на отражение лимузина, сгруппировавшись и широко открыв рот, чтобы погасить удар взрывной волны.

«Мерседес» взорвался. Сверкающий металл раскрылся с кажущейся медлительностью, точно цветок при замедленной съемке, изогнулся гротескными черными лепестками, за ними мелькнуло яркое пламя – и больше Питер ничего не увидел, потому что оконные стекла над ним исчезли, разлетелись под ударом взрывной волны на миллионы сверкающих осколков. Теперь окна зияли, как раскрытые беззубые рты дряхлых стариков. В этот миг волна накрыла Питера.

Загородка прикрыла его, и все же ему показалось, что волна смяла ему ребра, вышибла воздух из легких. В голове прокатился страшный грохот взрыва, перед глазами замелькали радужные огни.

Питеру показалось, что он ненадолго потерял сознание. Вокруг градом сыпались осколки. Что-то ударило его в спину и привело в чувство.

Он с трудом встал, стараясь отдышаться, понимая, что нужно уносить ноги, да поскорее, пока не прибыли силы безопасности. Иначе его подвергнут интенсивному допросу, и тогда, несомненно, обнаружится, что он не сэр Стивен.

Питер побежал. Улицы по-прежнему были пустынны, хотя вокруг уже начинался шум. Слышались крики боли и страха.

Добежав до угла, Питер перешел на шаг и быстро добрался до следующего поворота. Фонари не горели, и он остановился в тени. Теперь уже десятки людей, выкрикивая на ходу вопросы и предположения, направлялись в дыму и пыли к месту взрыва.

Питер отдышался, отряхнул пиджак и брюки от пыли, подождал, пока шум и смятение достигнут пика. И незаметно ушел.

По дороге он сел в автобус и доехал до Яффа-роуд.

На автобусной остановке он отыскал кафе и прошел в мужской туалет. Ран нет, но он бледен и напряжен, взрыв не прошел для него бесследно: когда он причесывался, его руки слегка дрожали.

Питер вернулся в кафе и заказал фалафель, лепешку и кофе.

Здесь он просидел с полчаса, обдумывая свой следующий ход.

«Если Магда Альтман не Калиф... – повторял он головоломку, которую решил как раз вовремя и тем спас себе жизнь. – Магда Альтман не Калиф!» Теперь он был абсолютно в этом уверен. Цветок Кактуса попытался помешать сэру Стивену Страйду добраться до Калифа со своим разоблачением. Следовательно, Магда сказала ему правду. Его накрыла теплая волна облегчения, и первым порывом Питера было позвонить ей в МОССАД по но-

меру, который она ему оставила. Но он тотчас осознал опасность такого хода. Ведь Цветок Кактуса – из МОССАД. Питер не смеет приближаться к Магде – еще не время.

«Что же делать?»

Он уже знал ответ. То, ради чего он прилетел. Найти Калифа. И единственная тонкая ниточка к нему – та, которую оставил сам Калиф.

Питер вышел из кафе и на стоянке за углом нашел такси.

– Отель «Царь Давид», – сказал он, усаживаясь на заднее сиденье.

«По крайней мере теперь я представляю себе, как опасен Цветок Кактуса, – мрачно подумал он. – И не буду действовать вслепую».

Питер одним взглядом окинул оставленную для него комнату. В задней части отеля, окна выходят на высокую башню YMKA,* откуда может выстрелить снайпер.

– Я заказывал многокомнатный номер, – сказал он дежурному, сопровождавшему его.

– Простите, сэр Стивен. – Тот засуетился. – Должно быть, произошла ошибка.

Еще один взгляд, и Питер отметил с полдесятка мест, куда Цветок Кактуса мог подложить взрывчатку, чтобы подстраховать покушение на «мерседес». Питер скорее предпочел бы провести ночь в яме с гадюками, чем в комнате, приготовленной для него Цветком Кактуса.

Он вышел в коридор и смерил дежурного надменным взглядом. Тот убежал и через пять минут вернулся. Испытывая явное облегчение.

– У нас готов для вас один из лучших номеров.

Из номера 122 открывался великолепный вид на долину Врат Яффы и на стену Старого города; в центре видна была церковь Тайной Вечери.

В садах отеля зеленели роскошные лужайки с сочной травой, высились грациозные пальмы, весело кричали у плавательных бассейнов дети, и прохладный ветерок смягчал жару.

Номер примыкал к открытой низкой террасе, и, оставшись один, Питер первым делом закрыл тяжелые металлические ставни. Человек Цветка Кактуса легко может пройти этим путем. Потом Питер вышел на свой балкон.

Напротив, над высокой каменной оградой французского консульства, на фоне заката полз вниз трехцветный флаг. Питер некоторое время наблюдал за этой церемонией, потом вновь сосредоточился на своей безопасности.

Можно подобраться из соседнего номера, перелезть из окна на балкон. Питер поколебался, потом решил не опускать балконные ставни. Он не мог оставаться в абсолютно закрытой комнате.

Задернув занавески, он заказал в номер большую порцию виски с содовой. Питер нуждался в выпивке. День был долгим и трудным.

Он развязал галстук, снял рубашку, парик, усы и умылся, чтобы ослабить напряжение. А когда вытирался, в дверь постучали.

– Чертова обслуга, – проворчал он, торопливо натянул парик и вышел в гостиную в тот миг, когда в замке повернули ключ. Дверь открылась. Питер поднял полотенце и прикрыл

---

* Ассоциация молодых христиан. – *Примеч. пер.*

им отсутствующие усы, делая вид, что вытирается. – Входите, – сказал он сквозь полотенце и тут же застыл: казалось, сердце ему сжало тисками, стало трудно дышать.

На ней была мужская сорочка с открытым воротом и накладными карманами; узкие бедра облегали брюки цвета хаки, на длинных ногах были брезентовые ботинки с мягкой подошвой. Но держалась она с такой элегантностью, словно оделась в самом модном парижском салоне.

– Сэр Стивен. – Она быстро закрыла за собой дверь и повернула ключ. – Я Магда Альтман, мы с вами встречались. Я пришла предупредить вас о серьезной опасности. – Короткие завитки волос образовали вокруг ее головы ореол, зеленые глаза были полны тревоги. – Вы должны немедленно покинуть эту страну. Мой самолет ждет вас на аэродроме около...

Питер чуть опустил полотенце, чтобы иметь возможность говорить.

– Зачем вы мне это говорите? – резко перебил он. – И почему я должен вам верить?

Он увидел, как гневно вспыхнули ее щеки.

– Вы вмешиваетесь в дела, которых не понимаете.

– Почему же вы меня предупреждаете? – настаивал Питер.

– Потому что... – Магда заколебалась, но потом решительно добавила: – Потому что вы брат Питера Страйда. Только по этой причине я не хочу, чтобы вас убили.

Питер бросил полотенце в ванную, одним движением снял парик и положил на стул.

– Питер! – Она изумленно смотрела на него, краска гнева на щеках поблекла, глаза стали еще глубже и темнее. Он забыл, как она прекрасна.

– Ну, не стой столбом, – сказал он, и длинноногая Магда грациозно подбежала к нему и обняла за шею.

Несколько минут они стояли молча, не в силах подобрать слова. Потом Магда оторвалась от него.

– Питер, дорогой... я не могу долго оставаться. Я ужасно рискую, придя сюда. За отелем следят, все телефонистки – сотрудницы МОССАД. Поэтому я не могла позвонить...

– Расскажи все, что знаешь, – приказал он.

– Хорошо, только обними меня, cheri. Не хочу терять ни минуты.

Когда официант принес виски, она спряталась в ванной, потом села рядом с Питером на диван.

– Цветок Кактуса доложил моему куратору, что Стивен Страйд затребовал свидания с Калифом и намерен разоблачить его. До вчерашнего дня я знала только это, но могла строить предположения. Прежде всего меня поразило, что в сообщении Цветка Кактуса фигурирует Стивен Страйд, а не ты, Питер... – Она гладила плотные, ровные мышцы на его груди. – Мне это не приходило в голову, хотя когда мы с тобой говорили об этом, упоминалась только фамилия Страйд.

– Я тоже догадался, только когда покинул Les Neuf Poissons.

– Но потом я решила, что ты все рассказал Стивену и назвал ему свой источник. Конечно, это был бы безумный ход – не в твоем обычном стиле, совсем нет. Но я подумала, что он ведь твой брат... – Магда смолкла.

– Именно это я и сделал...

– Питер, мы можем говорить в постели, – прошептала она. – Я так долго была без тебя.

Ее обнаженная кожа казалась горячим атласом. Они лежали обнявшись, и Магда прижималась к нему гладким твердым животом, касалась губами его уха.

– ...Требование Стивена о свидании ушло к Калифу по другому пути, минуя Цветок Кактуса. Он не смог задержать его...

– Но кто этот Цветок Кактуса? Ты узнала?

– Нет. – Она покачала головой. – Я по-прежнему не знаю. – И Магда легко провела ногтями по его животу.

– Когда ты так делаешь... я не могу думать, – запротестовал Питер.

– Прости. – Она погладила его по щеке. – Ну вот, Калиф приказал Цветку Кактуса организовать встречу со Стивеном. Я не знала, что готовилось... пока не заметила имя сэра Стивена в списке прилетающих. Я не искала специально, но как только увидела, сразу догадалась, что произойдет. Подумала, что Цветок Кактуса заманил его сюда, поскольку здесь его легче перехватить. Мне потребовалось три часа, чтобы узнать, где он остановился.

Они оба замолчали, она опустила лицо и прижалась к его шее, счастливо вздыхая.

– О Боже, Питер. Как мне тебя не хватало.

– Послушай, дорогая. Ты должна мне рассказать все остальное. – Питер нежно приподнял ее лицо за подбородок, чтобы видеть; взгляд Магды постепенно сфокусировался.

– Ты знала, что Стивена хотят убить?

– Нет, но для МОССАД это логичный ход, чтобы защитить Цветок Кактуса.

– Что еще?

– Ничего.

– Ты не знаешь, как именно подготовлена встреча Стивена с Калифом?

– Не знаю, – призналась она.

– И по-прежнему никаких догадок насчет личности Калифа?

– Никаких.

Они снова замолчали, но, когда Питер заговорил, Магда приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо.

– Цветок Кактуса организует встречу так, как приказал Калиф. Он не сможет ловчить – не с Калифом.

Магда молча кивнула.

– Поэтому мы должны считать, что Калиф сейчас близко, очень близко.

– Да. – Она снова кивнула, на этот раз неохотно.

– Это значит, что я должен и дальше изображать Стивена.

– Питер, нет. Тебя убьют.

– Уже пытались, – мрачно сказал Питер и коротко рассказал о взрыве «мерседеса». Магда коснулась синяка на его спине, там, куда ударил обломок.

– Тебя не подпустят к Калифу.

– Возможно, у них не будет выбора, – ответил Питер. – Калиф так озабочен своей безопасностью. Он настоит на встрече.

– Тебя снова попытаются убить, – жалобно сказала она.

– Может быть, но я ручаюсь, что встреча с Калифом состоится очень скоро. Другую сложную ловушку, как с «мерседесом», организовать не сумеют, а я буду начеку... Мне нельзя остановиться, Магда.

– О Питер...

Но он коснулся ее губ, заставив замолчать, и продолжал рассуждать вслух:

– Предположим, МОССАД узнает, что я не Стивен Страйд, что моя подлинная цель – не разоблачение Цветка Кактуса. Что при этом меняется для них?

Она задумалась.

– Не знаю.

– Если в МОССАД узнают, что Стивена Страйда изображает Питер Страйд, разве их не заинтересует, зачем ему встреча с Калифом?

– Питер, ты предлагаешь мне сообщить моему куратору?..

– Ты сделаешь это?

– Милостивый Боже, – прошептала она. – Питер, дорогой, я подпишу тебе смертный приговор.

– ...А может, спасешь мне жизнь.

– Не знаю. – Она села в постели и подняла руки к коротким волосам. Кожа ее светилась при свете лампы, маленькие красивые груди шевелились в такт движениям рук. – О Питер, не знаю.

– Может быть, это наш единственный шанс подобраться к Калифу, – настаивал он, и ее милое лицо превратилось в маску нерешительности.

– Калиф считает, что я убил тебя; он считает, что через своего брата я передал ему предупреждение. Он будет меньше опасаться меня. Другого такого шанса у нас не будет.

– Я боюсь за тебя, Питер. Боюсь остаться без тебя... – Она не договорила, согнула длинные голые ноги и прижала колени к груди. Защитная зародышевая поза.

– Ты сделаешь это? – мягко спросил он.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала своему куратору о твоей подлинной личности, о том, что ты не намерен разоблачать Цветок Кактуса... что у тебя другая, неизвестная мне цель...

– Верно.

Магда повернула голову и посмотрела на него.

– Я сделаю это в обмен на одно обещание, – решила она.

– Какое?

– Ты должен обещать мне вот что. Если после встречи с куратором я решу, что ты по-прежнему в опасности, что тебе по-прежнему намерены помешать встретиться с Калифом, ты немедленно отправишься к моему «лиру» и Пьер увезет тебя в безопасное место.

– Ты меня не обманешь? – спросил он. – Будешь честно судить о реакции МОССАД? И если будет хоть слабый шанс добраться до Калифа, позволишь мне сделать это?

Магда кивнула, но он мрачно продолжал:

– Поклянись.

– Я не буду мешать тебе, пока есть шансы на успех.

– Поклянись, Магда.

– Клянусь своей любовью к тебе, – негромко сказала она, и Питер слегка успокоился.

– А я, в свою очередь, клянусь, что если шанса на встречу с Калифом не будет, я улечу на «Лире».

Магда прижалась к его груди, обняла руками за шею.

– Люби меня, Питер. Быстрей! Хоть это у меня будет.

Одеваясь, Магда договаривалась о связи.

– Я не могу связываться через местный коммутатор: я объяснила почему, – говорила она, зашнуровывая брезентовые ботинки. – Ты должен оставаться здесь, в этом номере, чтобы я могла тебя найти. Если здесь станет опасно, я пришлю кого-нибудь. Это будет человек, которому я доверяю. Он скажет просто: «Меня послала Магда», и ты должен будешь пойти с ним. Он отведет тебя к Пьеру и «лиру». – Она выпрямилась, затянула пояс на узкой талии, подошла к зеркалу, чтобы пригладить темные завитки волос. – Если от меня не будет никаких известий, значит, я считаю, что есть шанс встретиться с Калифом... – Она замолчала, и выражение ее лица изменилось. – Ты вооружен, Питер? – Приглаживая волосы, она следила за ним в зеркале.

Он покачал головой.

– Я могу достать тебе оружие – нож, пистолет?

Он снова покачал головой.

– Меня обыщут, прежде чем допустят к Калифу. И если найдут оружие...

– Ты прав, – согласилась Магда. – Она отвернулась от зеркала, застегивая сорочку над сосками, еще вспухшими и темными после любви. – Теперь все произойдет очень быстро, Питер. Так или иначе к завтрашнему вечеру все будет кончено. Я это чувствую здесь... – Она коснулась места между маленькими грудями, оттопыривавшими рубашку. – Теперь поцелуй меня. Я и так пробыла здесь слишком долго – для того, чтобы мы с тобой полагали, будто мы в безопасности.

После ухода Магды Питер, хоть и устал, спал совсем мало. Много раз он просыпался в поту, оцепеневший, нервничая.

Он встал до зари и заказал один из странных израильских завтраков: салат и яйца вкрутую со светло-зелеными желтками.

Потом сел и приготовился ждать.

Ждал он все утро и, не получив к полудню никаких сообщений от Магды, уверился, что МОССАД решил не мешать его встрече с Калифом. Если бы Магда в этом сомневалась, она уже прислала бы кого-нибудь. Легкий ленч он тоже попросил принести в номер.

Яркий свет полудня постепенно сменился теплым масляно-желтым, от подножий пальм робко поползли тени, солнце пересекало небо по высокой дуге, а Питер продолжал ждать.

До темноты оставался час, когда телефон зазвонил снова. Питер вздрогнул, но быстро взял трубку.

– Добрый вечер, сэр Стивен. За вами приехал ваш шофер, – сказала девушка с коммутатора.

– Спасибо. Пожалуйста, передайте ему, что я сейчас спущусь, – ответил Питер.

Он был одет, поскольку весь день провел, готовый немедленно выйти. Оставалось только положить чемоданчик крокодиловой кожи в шкаф и запереть его. Питер вышел из номера и прошел по коридору к лифту.

Он не знал, предстоит ли ему встреча с Калифом или его увезут из Израиля на «лире» Магды.

– Ваш лимузин ждет снаружи, – сказала хорошенькая девушка за стойкой. – Желаю приятно провести вечер.

– Спасибо. Хотелось бы, – ответил Питер.

Машина оказалась небольшим японским «компактом», шофер – женщиной, светловолосой, не первой молодости, с дружелюбным некрасивым лицом. «Похожа на Голду Меир», – подумал Питер.

Он сел на заднее сиденье, ожидая слов «Меня послала Магда».

Но женщина только вежливо сказала: «Шалом, шалом», завела мотор, зажгла фары, и машина отъехала от отеля.

В сгущающихся сумерках они спокойно объехали внешнюю стену старого города и начали спускаться в долину Кедрон. Оглядываясь, Питер видел над холмами элегантные новые здания еврейской части города.

Когда он в последний раз приезжал в Иерусалим, тут лежали пустынные развалины: все дома были разрушены арабами.

«Восстановление этого священного для иудаизма места символизирует дух удивительного народа», – подумал Питер.

Хорошее начало для разговора... и он сообщил свою мысль женщине-шоферу.

Та ответила на иврите, явно отказываясь говорить по-английски. Питер попробовал французский – с тем же результатом.

Он решил, что женщине приказали держать язык за зубами.

Когда они огибали нижние склоны горы Олив, спустилась ночь; позади остались последние здания арабского района. Женщина прибавила скорость, дорога была почти пуста. Она полого спускалась в темную неглубокую долину. По обе стороны широкой щебеночной дороги теперь тянулась пустыня.

Небо было чистым, без облаков и дымки, звезды казались большими и ярко-белыми, последние остатки дня таяли позади, на западе.

То и дело мелькали указатели. Питера везли на восток, к Иордану и Иерихону; через двадцать пять миль он увидел в свете фар надпись на английском, арабском и иврите: они спускались в долину Мертвого моря.

Питер снова попытался вовлечь женщину в разговор, но та ответила что-то односложное. Питер решил, что ей нечего ему сказать. Машина взята напрокат. На дверце табличка с названием компании, адресом и тарифом. Женщина знает только пункт их назначения, а это он и сам скоро узнает.

Больше Питер не пытался заговаривать с ней, но оставался настороже и незаметно провел подготовку, как парашютист перед прыжком, по очереди напрягая мышцы, чтобы тело не оцепенело от долгой неподвижности и можно было мгновенно перейти к действиям.

Впереди в свете фар показался светофор на перекрестке; машина пошла медленнее, женщина включила левый сигнал поворота. Свет упал на дорожный знак, и Питер увидел, что они двинулись в сторону Иерихона, отворачивая от Мертвого моря и направляясь в долину Иордана к Галилее на севере.

Над горными вершинами за долиной медленно поднялись бычьи рога новой луны, стало видно окружающую пустыню.

Женщина опять сбавила скорость, на этот раз в самом Иерихоне, старейшем населенном пункте планеты: свыше шести тысяч лет люди живут здесь, и их отбросы подняли город на сотни футов над уровнем пустыни. Археологи уже раскопали обрушившиеся стены, которые пали при звуках боевых труб Иисуса Навина.

«Ну и штука, – в темноте улыбнулся про себя Питер. – Не хуже атомной бомбы».

Выехав из города, машина свернула. Теперь она шла по узкой вспомогательной дороге между многочисленными тесно расположенными сооружениями: сувенирными киосками, арабскими кафе, лавками торговцев древностями; поверхность была неровная, и машина шла медленно.

По-прежнему не очень быстро они поднялись на холмы, и на вершине женщина свернула на грязную тропу. Тончайшая пыль заполнила машину, и Питер чихнул.

Полмили спустя показался щит на подмостках, преграждавший поворот направо.

«Военная зона, – было написано на нем. – Проезд запрещен».

Женщине пришлось прижаться к самой скале, чтобы объехать этот щит; часовые их не остановили.

Неожиданно Питер увидел большой черный утес, встающий прямо перед ним в звездной ночи и закрывающий половину неба.

Что-то ожило в его памяти: высокий утес над Иерихоном, выходящий на долину Мертвого моря; конечно – он сразу вспомнил: сцена последнего искушения Христа. Как это у Матфея? Питер вспомнил точную цитату:

Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их...

«Неужели Калиф сознательно выбрал это место из-за этой мистической ассоциации? И это часть того псевдорелигиозного представления, которое сложилось у Калифа о себе самом?»

Ангелам своим заповедаю о Тебе, и на руках понесут Тебя...

«Может ли быть, что Калиф видит себя наследником абсолютной власти над всеми земными царствами, той власти, которую в древних хрониках называют «шестым ангельским чином», «престолами»?»

Питер почувствовал, что его дух дрогнул перед столь грандиозным безумием, перед громадным и грозным видением, рядом с которым он показался себе ничтожным и слабым. Страх охватил его, как сеть гладиатора, подточил его решительность, лишил сил. Питер молча сражался с ним, стараясь высвободиться из сети, прежде чем она доставит его, беспомощного, во власть Калифа.

Женщина резко остановила машину, повернулась, включила свет в салоне и несколько мгновений молча смотрела на Питера. Показалось ли ему или действительно на ее старом некрасивом лице промелькнула жалость?

– Здесь, – негромко сказала она.

Питер достал из кармана пиджака бумажник.

– Нет. – Она покачала головой. – Вы мне ничего не должны.

– Тода раба, – поблагодарил ее Питер на ломаном иврите и открыл дверцу.

Воздух пустыни был неподвижен и холоден, низкие колючие кустарники пахли шалфеем.

– Шалом, – сказала женщина в открытое окно и резко развернула машину. Свет фар упал на рощу финиковых пальм впереди, потом снова ушел в пустыню. Небольшая машина набрала скорость и двинулась по извилистой дороге обратно, туда, откуда они прибыли.

Питер повернулся к ней спиной, давая глазам привыкнуть к слабому свету рогатого месяца и белому блеску пустынных звезд.

Через несколько минут он двинулся по тропе через пальмовую рощу. Здесь пахло дымом костров, меж деревьев висел голубоватый туман.

Где-то в глубине рощи жалобно заблеяла коза, послышался детский плач – должно быть, там, в оазисе, была стоянка бедуинов. Питер пошел на звук и неожиданно оказался на открытой поляне в кольце пальм. Земля здесь была утоптана копытами множества животных. Питер споткнулся, но тут же восстановил равновесие.

В центре поляны виднелся обнесенный каменным парапетом глубокий колодец с пресной водой. Над парапетом был примитивный блок, рядом располагался еще один темный предмет, который Питер не сразу опознал. Темный и бесформенный, он находился на самом парапете.

Питер осторожно двинулся к нему и почувствовал, как у него екнуло сердце: предмет пошевелился.

Человек в длинной просторной одежде, касавшейся песчаной почвы; казалось, он плывет в темноте.

Фигура сделала несколько шагов, и Питер увидел, что ее голову закрывает монашеский капюшон из той же темной шерсти, и лица в темноте не видно.

– Кто ты? – спросил Питер, и собственный голос резанул его слух. Монах не ответил, он высвободил одну руку из широкого рукава и поманил, повернулся и пошел по тропе в пальмовую рощу.

Питер пошел за ним; ему пришлось идти быстро, чтобы не потерять монаха из виду. Легкие городские туфли не предназначены для ходьбы по песку и каменным обломкам.

Они вышли из рощи, и прямо перед ними, менее чем в четверти мили, встал утес, подобный черному каменному водопаду.

Монах вел Питера по грубой, но хорошо утоптанной тропе, и хотя Питер пытался сократить расстояние между ними, он понял, что для этого ему пришлось бы бежать: монах в просторной рясе казался тучным и неповоротливым, однако двигался легко и быстро.

Они достигли утеса, и тропа зигзагами пошла в гору под таким углом, что Питеру пришлось наклониться вперед. Поверхность была покрыта глинистым сланцем и сухой землей, тропа поднималась все круче. Потом нога ощутила камень: пошли изношенные ступени в скале.

С одной стороны вниз уходила пропасть, с другой давила стена утеса, прижимая Питера к краю.

А монах все время шел впереди, резво, не уставая; он бесшумно шагал по древним ступеням, и звуков тяжелого дыхания не было слышно. Питер подумал, что такой грузный и такой выносливый человек должен быть необычайно силен. Двигался он не так, как Божий человек, привыкший к молитвам. В нем чувствовались уравновешенность и собранность бойца, неосознанная гордость и сила воина. «У Калифа все не таково, каким кажется», – подумал Питер.

Они поднимались все выше, и панорама внизу становилась все величественнее, огромное пространство пустыни и гор с огромным щитом Мертвого моря, блестящего серебром при свете звезд.

Все царства мира и слава их... – вспомнилось Питеру.

Ни разу за время подъема они не остановились передохнуть. «Высоко ли мы? – подумал Питер. – Тысяча футов? Может, полторы?» Сам он дышал глубоко и ровно, совсем не устал, и легкий пот, выступивший на лбу, остывал на прохладном ночном воздухе.

Что-то показалось ему знакомым, и он принюхался к легкому запаху. Не очень ясно, но раз или два во время подъема он уловил этот аромат.

Как все некурящие, Питер обладал обостренным обонянием, запахи всегда имели для него особое значение. А этот был важен, но он не мог точно вспомнить его. Это его обеспокоило, но вскоре слабый аромат поглотили более мощные запахи – запахи множества людей.

Дым кухонных костров, запах пищи и легкая вонь разложения и примитивной канализации.

Давным-давно он видел фотоснимок древнего монастыря, построенного на вершине величественного утеса; скалу покрывали пещеры и подземные кельи, над ними возвышались каменные стены, построенные людьми, умершими тысячи лет назад.

Но, когда они преодолевали последнюю сотню футов крутого подъема, ускользающий запах еще тревожил Питера. Они вдруг оказались у подножия каменной башни и мощной крепостной стены, в которой была тяжелая бревенчатая дверь двенадцати футов высотой, усаженная металлическими остриями.

При их приближении дверь распахнулась. Показался узкий каменный коридор, освещенный единственной лампой в нише.

Питер прошел в ворота, и с обеих сторон к нему приблизились еще две фигуры; он инстинктивно занял оборонительную стойку, но тут же спохватился и, пока его тщательно обыскивали в поисках оружия, стоял спокойно, с поднятыми руками.

Оба человека были одеты в армейские полевые комбинезоны, оба в десантных ботинках. Головы обмотаны шерстяными шарфами; шарф закрывал рот и нос, виднелись только глаза. У каждого вездесущий автомат «Узи», заряженный, со взведенным курком.

Наконец они, удовлетворенные, отступили, и монах повел Питера через лабиринт узких коридоров. Где-то шла служба, резкие голоса читали молитвы на греческом. Эти звуки и запах ладана становились все явственнее, и наконец монах ввел Питера в огромную тускло освещенную церковь, вырубленную в скале.

В полутьме на деревянных скамьях неподвижно сидели ряды греческих монахов, похожих на мумии. Их древние лица заросли густыми черными бородами. Только глаза блестели под стать самоцветам, золоту и серебру, украшавшим иконы на стенах.

Запах благовоний стал невыносимо густым; поющие монахи ни на миг не запнулись, когда Питер и его сопровождающий быстро прошли через их ряды.

В непроницаемой тьме в глубине церкви монах вдруг исчез, но Питер, подойдя к этому месту, увидел, что резная скамья отодвинута и за ней темнеет потайной проход в стене.

Питер осторожно двинулся по нему в непроглядной тьме. Под ногами он ощутил невысокие гладкие каменные ступени и начал подниматься по спиральной лестнице в скале. При этом он считал ступени. Их оказалось пятьсот, каждая примерно шесть дюймов высотой.

Неожиданно он снова вышел на холодный воздух ночной пустыни. Он оказался на мощенном камнем дворе, под шатром ослепительно ярких звезд, прямо впереди вздымался утес, низкий парапет отделял от обрыва над пропастью.

Питер понял, что для свидания Калиф выбрал самое отдаленное место, которое легче всего защитить. К тому же тут оказались охранники.

Они подошли – двое – и снова обыскали его, даже тщательнее, чем при входе в монастырь.

Пока они занимались своим делом, Питер быстро осмотрелся. Мощеный двор, как гнездо орла, располагался на краю пропасти, окруженный парапетом в пять футов высотой. Видны были овальные входы в пещеры в самом утесе. Вероятно, сюда удалялись монахи в поисках одиночества.

На дворе были еще люди в той же форме, в арабских головных уборах. Двое устанавливали маячок – пирамидку со вспыхивающим фонарем.

Питер узнал сигнальный огонь для самолета. Нет, не для самолета. Единственная машина, которая сможет сюда добраться, – вертолет.

Итак, маячок должен привести сюда вертолет.

Один из вооруженных охранников проверил пояс Питера, потянул за него, чтобы убедиться, что в нем не скрывается нож.

Потом отступил и сделал Питеру знак проходить. У входа в одну из каменных келий терпеливо ждал рослый монах.

Питер, пригнувшись, прошел в низкий проем. Келью тускло освещала керосиновая лампа, стоявшая в нише над узкой кроватью. У одной стены помещался грубый деревянный стол, на другой единственное украшение – простой крест.

В скале была высечена полка, на ней с десяток переплетенных в кожу книг и немного посуды. Было и примитивное сиденье.

Монах указал на него, но сам остался стоять у входа, сунув руки в глубокие карманы рясы, отвернувшись, хотя лицо его по-прежнему было скрыто капюшоном.

Наступила полная тишина, но тишина напряженная, электрически заряженная.

Неожиданно Питер вновь уловил знакомый запах, здесь, в грубой каменной келье, и с легким потрясением узнал его. Запах исходил от монаха.

Он сразу понял, кто этот человек, и это на мгновение вызвало замешательство.

И тут же, словно щелкнул хорошо смазанный замок, все встало на место. Теперь он знал.

Он уловил аромат дорогих голландских сигар и пристально посмотрел на монаха.

Послышался звук, напомнивший Питеру биение крыльев насекомого о стекло лампы, и монах чуть наклонил голову, вслушиваясь.

Питер измерял расстояние, время, взвешивал возможности.

«Монах, пятеро вооруженных во дворе, приближающийся вертолет...»

Опаснейший монах. Теперь, когда Питер знал, кто он, он знал также, что перед ним один из самых высококлассных бойцов, человек, с которым сам он вряд ли сравнится.

«Пятеро во дворе... – Питер неожиданно понял: – Их там не будет. Очень просто. Калиф не допустит, чтобы его увидел кто-то, кроме самого доверенного помощника и того, кому предстоит умереть. Монах уже отослал бойцов. Они ждут неподалеку, но им потребуется время, чтобы принять участие в событиях».

Остаются только монах и Калиф. Питер знал, что приближающийся вертолет несет на свидание Калифа. Теперь, судя по звуку, вертолет висел прямо над ними. Внимание монаха было приковано к нему. Питер видел, как он повернул голову под капюшоном. Впервые он утратил бдительность.

Звук изменился: пилот менял скорость вращения винта, собираясь посадить вертолет на маленькую каменную площадку двора. Безжалостно ярким светом вспыхнули посадочные огни и осветили через дверь внутренность кельи.

Поднялась пыль, бледными клубами проникла внутрь, и монах ожил.

Он подошел к двери и выглянул, на мгновение отвернув от Питера укрытое тканью лицо.

Именно этого момента ждал Питер, напрягшийся, точно гадюка перед броском. Едва монах отвернулся, как он бросился через келью.

Ему предстояло преодолеть десять футов, рокот винта вертолета заглушал остальные звуки, но чутье бойца предупредило монаха, и тот повернулся навстречу. Голова под капюшоном оборонительно пригнулась, и Питеру пришлось изменить направление удара. Он не мог больше целить в шею и выбрал правое плечо. Рукой твердой, как лезвие топора, он ударил монаха туда, где шея соединяется с плечевой костью. Питер слышал, как треснула ключица; этот резкий звук перекрыл шум вертолета.

Левой рукой Питер схватил монаха за локоть поврежденной руки и свирепо дернул, так что один край сломанной кости заскрежетал о другой, края перелома разрезали плоть, и монах закричал, согнувшись и стараясь облегчить невыносимую боль.

Шок парализовал его, большое мощное тело под пальцами Питера обмякло.

Используя всю свою силу и инерцию прыжка, Питер ударил монаха головой о дверной косяк. Череп с глухим стуком ударился о камень, и рослый человек упал лицом на каменный пол.

Питер быстро оттащил его в сторону и задрал полы рясы. Под ней обнаружились десантные ботинки и синий «торовский» комбинезон. На поясе – вороненая сталь и каштановая рукоять мощного «браунинга» в быстро расстегивающейся кобуре. Питер достал оружие и быстрым движением левой руки взвел курок. Он знал, что пистолет заряжен разрывными пулями «Велекс».

Складки капюшона упали с головы Колина Нобла: широкий добродушный рот расслабленно раскрыт, карие глаза остекленели от сотрясения, большой крючковатый нос профессионального солдата разбит – хорошо знакомые черты, такие близкие и дорогие черты друга.

По лицу Колина текла кровь, скатываясь по подбородку за ухо, но он был в сознании.

Питер приставил к его переносице ствол «браунинга». Пули «Велекс» расколют ему череп. В эти отчаянные секунды с Питера свалился парик, и он понял, что Колин узнал его.

– Питер! Нет! – отчаянно прохрипел Нобл. – Я Цветок Кактуса!

Это потрясло Питера. Он ощутил под пальцем курок «браунинга». Несколько мгновений он держал пистолет, потом отвернулся и выскочил за дверь, оставив Колина на каменном полу кельи.

Вертолет садился на двор. Это был пятиместный «Белл Джет Рейнджер», выкрашенный в синие и золотые тона «Тора», с эмблемой «Тора» на борту и надписью: «ТОР КОММЬЮНИКЕЙШНЗ». Прилетели двое: пилот за приборами и еще кто-то – этот человек уже вышел из кабины и направлялся ко входу в келью.

Он сгибался чуть ли не вдвое, чтобы уберечься от потоков воздуха, поднятых винтом вертолета, и, однако, нельзя было не узнать эту мощную фигуру. Ветер ерошил львиную гриву на благородной голове идущего, посадочные огни ярко освещали его, точно центральный персонаж шекспировской трагедии; стать, поступь – все говорило о силе и подавляющей мощи.

Выйдя из-под вращающихся лопастей, Кингстон Паркер выпрямился и одно напряженное мгновение смотрел на Питера. Без парика он сразу узнал его.

Он стоял, как старый загнанный лев.

– Калиф! – хрипло крикнул Питер, и последние его сомнения исчезли: Кингстон Паркер развернулся, невероятно быстро для такого рослого человека, и почти добрался до вертолета, прежде чем Питер успел поднять «браунинг».

Первая пуля попала Паркеру в спину и втолкнула его в кабину, но выстрел пришелся слишком высоко и ушел вправо. Питер знал, что рана не смертельна. А вертолет уже быстро поднимался.

Питер пробежал двадцать футов и вскочил на каменный парапет. «Рейнджер» висел прямо над ним – белое брюхо, раздутое, как у акулы-людоеда, слепящие посадочные огни. Внизу зияла пропасть.

Питер взял «браунинг» в обе руки и принялся стрелять вверх, по баку с горючим в задней части, где фюзеляж соединяется с длинным тонким хвостом. Он стрелял разрывными пулями, и отдача встряхивала его руку до самого плеча.

Он видел, что пули «Велекс» пропарывают тонкий металл, но машина продолжала подниматься. Питер считал выстрелы. Еще немного, и он расстреляет все патроны.

Одиннадцать, двенадцать... и вдруг в небе над ним полыхнуло зарево, порыв воздуха ударил в камень под ногами.

Объятый ярким пламенем вертолет перевернулся вверх дном, двигатель испустил предсмертный вопль, и горящая машина полетела в пропасть. В пропасть, на краю которой стоял Питер.

Питер обернулся, поглядел во двор и увидел, что тот заполняется вооруженными людьми.

Люди «Тора», лучшие из лучших – он сам натаскивал их. В «браунинге» оставался один патрон. Питер знал, что не прорвется, но попытался продвинуться к лестнице – единственному возможному выходу.

Он побежал по парапету, как канатоходец, и истратил последний патрон, чтобы выстрелом отвлечь внимание преследователей.

Просвистевшая рядом с головой пуля на мгновение ошеломила Питера. Он вздрогнул, потерял равновесие, отшатнувшись от края пропасти... и тут пули начали рвать его тело.

Он услышал глухие резиновые шлепки, с какими они входили в его плоть, словно боксер-тяжеловес лупил по груше, и начал падать за край стены в бездонную ночь.

Он думал, что будет лететь бесконечно долго, в расстилавшуюся далеко внизу пустыню, где погребальным костром Калифа горел вертолет.

Но в десяти футах под парапетом оказался узкий выступ, где вырос колючий куст. Питер упал в него, и шипы впились в его тело и одежду.

Он повис над пропастью. Чувства покидали его.

Последнее, что он запомнил, был крик Колина Нобла:

– Не стрелять!

И Питер с головой погрузился в небытие.

Тьма, а в ней редкие, короткие просветления, разделенные вечностями боли и чудовищных гримас сознания.

Он помнил, как его заносили в самолет – он лежал на «торовских» носилках, надежно привязанный и спеленатый, как младенец.

Помнил он и салон «лира» Магды Альтман. Он узнал раскрашенный вручную потолок кабины. Над ним висели бутылочки с плазмой, рубиновая кровь напоминала прекрасный кларет в хрустальном бокале; опустив взгляд, Питер увидел трубки, ведущие к иглам, воткнутым в вены. Но он ужасно устал, усталость, казалось, раздавила ему душу, и он закрыл глаза.

Когда Питер снова открыл их, он увидел над головой потолок. Его быстро везли по коридору. Он узнал скрип колес больничной каталки. Негромкие голоса говорили по-французски, а бутылочку с прекрасной яркой кровью держала над ним длинная стройная рука, которую он хорошо знал.

Питер чуть повернул голову и на самом краю поля зрения увидел любимое лицо Магды.

– Я люблю тебя, – сказал он и с удивлением понял, что не произнес ни звука. Губы его оставались неподвижными. Не в силах бороться с усталостью, он опять закрыл глаза.

– Как он? – услышал он голос Магды, и кто-то по-французски ответил:

– Пуля прошла рядом с сердцем. Нужно немедленно извлечь ее.

Потом он ощутил укол и вкус пентотала. И опять навалилась тьма.

Он медленно приходил в себя, и первое, что он ощутил – бинты. Они сдавливали грудь и мешали дышать.

Потом он увидел Магду Альтман и поразился тому, как она прекрасна. По-видимому, она все время была тут, пока он блуждал во тьме. Он увидел, как ее лицо озарилось радостью: Магда поняла, что он очнулся.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо, что ты вернулся ко мне, дорогой.

Дальше – комната в «Ла Пьер Бенит», высокий позолоченный потолок, вид на террасы лужаек и озеро. Деревья на берегу были покрыты свежей листвой, воздух заряжен весной и ожиданием новой жизни. Магда заполнила комнату цветами и большую часть каждого дня проводила с ним.

– Что произошло, когда ты снова появилась в совете «Альтман Индастриз»? – был один из его первых вопросов.

– Все пришли в ужас, cheri. – Она засмеялась своим негромким хрипловатым смехом. – Они уже начали делить добычу.

Питер находился в «Ла Пьер Бенит» уже восемь дней, когда появился посетитель. Питер к тому времени уже мог сидеть у окна.

Магда стояла рядом с ним, готовая защитить при первых признаках утомления – физического или эмоционального.

Колин Нобл вошел в комнату, как застенчивый сенбернар. Правая рука у него была в гипсе и на перевязи. Он коснулся ее здоровой левой.

– Если бы я знал, что это ты, а не сэр Стивен, ни за что не повернулся бы к тебе спиной, – сказал он и умиротворяюще улыбнулся.

Питер напрягся, лицо его застыло. Магда положила руку ему на плечо.

– Спокойно, – прошептала она.

– Скажи мне одно, – просипел Питер. – Ты организовал похищение Мелиссы-Джейн?

Колин покачал головой:

– Даю слово, нет. Паркер использовал одного из своих агентов. Я не знал о том, что должно произойти.

Питер смотрел на него жестко, не прощая.

– Я узнал, что это дело рук Калифа, только когда мы вернули Мелиссу-Джейн. Иначе я никогда бы этого не допустил. Калиф это знал. Потому и не вводил меня в курс дела. – Колин говорил быстро и настойчиво.

– Чего же хотел Паркер? – Голос Питер по-прежнему звучал зло.

– Он преследовал три разные цели. Прежде всего убедить тебя в том, что он не Калиф. Поэтому ты получил приказ убить самого Паркера. Конечно, тебя никогда не подпустили бы к нему. Затем тебе позволено было вернуть дочь. Это Калиф назвал имя О'Шоннеси и подсказал, где найти его. Потом тебя натравили на Магду Альтман... – Колин виновато взглянул на нее. – После ее убийства ты был бы привязан к Калифу чувством вины.

– Когда ты узнал все это? – спросил Питер.

– Через день после того, как мы нашли Мелиссу-Джейн. Но тогда я уже ничего не мог сделать, иначе раскрыл бы себя как Цветок Кактуса... я смог только через МОССАД передать предупреждение Магде Альтман.

– Это правда, – негромко сказала Магда.

Плечи Питера медленно расслабились.

– Когда Калиф сделал тебя своим главным помощником? – спросил он. Голос его слегка смягчился.

– Как только я принял у тебя командование «Тором». Он никогда не верил тебе, Питер. Именно поэтому он противился твоему назначению на пост главы «Тора», поэтому ухва-

тился за первую же возможность тебя уволить, поэтому пытался убить тебя на дороге в Рамбуйе. И только когда эта попытка провалилась, понял твою потенциальную ценность для него.

– Другими отрядами «Атласа» тоже командуют помощники Калифа? Таннер в «Меркурии», Петерсон в «Диане»?

– Мы все трое. Да! – Колин кивнул, и наступило долгое молчание. – Что еще ты хотел бы узнать, Питер? – наконец негромко спросил Нобл. – У тебя есть еще вопросы?

– Не сейчас. – Питер устало покачал головой. – Потом вопросов будет много.

Колин вопросительно взглянул на Магду Альтман.

– Он достаточно окреп? Я могу ему рассказать остальное?

Она поколебалась и наконец решила:

– Да. Расскажите сейчас.

– «Атлас» должен был стать кинжалом в рукаве западной цивилизации, которая выхолостила себя, унизилась перед врагами. С его помощью мы могли бы отвечать силой на откровенное насилие. «Атлас» – это цепь влиятельных людей из разных стран, а Калиф должен был стать исполнительным главой этой цепи. «Атлас» – единственная организация, способная действовать, невзирая на границы. Его цель – сохранение западной цивилизации в том виде, в каком мы ее знаем. «Атлас» по-прежнему существует, его структура не затронута, только Калиф мертв. Он погиб в авиакатастрофе над долиной Иордана, но «Атлас» остался. И будет существовать – часть, отравленная Калифом, выкорчевана. «Атлас» – наша надежда в обезумевшем мире.

Питер никогда не слышал, чтобы Колин Нобл говорил так четко и убедительно.

– Ты, конечно, знаешь, Питер, что первоначально именно ты должен был возглавить «Атлас». Однако тебя заменили неподходящей кандидатурой. Впрочем, тогда никто не знал, что он не тот человек; его скрытые пороки проявились только много позже. – Колин начал перечислять, загибая пальцы здоровой руки: – Во-первых, Паркер был трусоват и поэтому, одержимый заботой о собственной безопасности, использовал огромную власть прежде всего для личной защиты. Во-вторых, он оказался невероятно тщеславным, его обуревала необузданная жажда власти. И «Атлас» быстро превратился в орудие захвата этой власти. Первой целью Паркера стал пост президента Соединенных Штатов. С помощью «Атласа» он уничтожал своих политических противников. Стань он президентом, никто не мог бы предсказать, какой бы стала его следующая цель. – Колин опустил руку и сжал кулак. – Решение о встрече с Кингстоном Паркером на утесе над Иерихоном принимал не один человек – и не из одной страны. – Колин улыбнулся – по-мальчишески, обезоруживающе. – Я даже не знал, что это ты. Пока не повернулся к тебе спиной, я считал, что ты Стивен Страйд.

– Расскажите главное, – негромко попросила Магда. – И заканчивайте, Колин. Он чересчур слаб.

– Да, – согласился Колин. – Сейчас. Вчера в полдень ты был тайно утвержден на посту главы «Атласа» вместо доктора Кингстона Паркера.

Питер почувствовал, что перед ним открывается последняя дверь, давно закрытая, запертая, и сквозь нее он впервые ясно увидел свое будущее.

– Ты человек, которого природа и опыт делают лучшим преемником Кингстона Паркера.

Даже сквозь усталость и слабость Питер почувствовал, как в нем открываются источники силы и решимости, о существовании которых он не подозревал. Как будто они ждали своего времени, своей задачи.

– Ты примешь командование «Атласом»? – спросил Колин. – Какой ответ мне передать?

Длинные пальцы Магды сжали плечо Питера. Колин и Магда ждали его решения. Он принял его почти мгновенно. Питер знал, что у него нет выбора – это его судьба.

– Да, – четко сказал он. – Я беру на себя эту ответственность.

Момент был торжественный. Никто не улыбнулся, все долго молчали.

Потом Магда прошептала:

– Калиф умер. Да здравствует Калиф.

Питер Страйд поднял голову, посмотрел на нее и ответил таким ледяным тоном, что слова замерзали у него на устах.

– Никогда не называй меня так. Никогда.

Магда сделала легкий покорный жест, наклонилась и поцеловала его в губы.

Орел в небе

Эту книгу я посвящаю своей жене Низо, бесценному сокровищу моей жизни,
с бесконечной любовью и искренней признательностью
за благословенные годы нашей совместной жизни.

В процессе написания этой истории я воспользовался помощью многих людей. Майор Дик Лорд и лейтенант Питер Куки консультировали меня и давали советы относительно технического оснащения и оборудования современных боевых самолетов. Доктор Робин Сандел и доктор Дэвид Дэйвис помогли мне с медицинскими описаниями. Преподобный Боб Редрап, постоянный компаньон по рыбалке, помог с выбором названия. Всем им я искренне благодарен.

Целому ряду жителей государства Израиль я благодарен за радушный прием и неоценимую помощь. К сожалению, не могу привести здесь все их имена.

Три вещи непостижимы для меня,
И четырех я не понимаю:
Пути орла в небе,
Пути змея на скале,
Пути корабля среди моря
И пути мужчины к девице.

Книга притчей Соломоновых,
30:18–19

В горах Готтентотской Голландии лежал снег, и ветер дул оттуда, скуля, как заблудившийся зверь. Инструктор, стоя в дверях крошечной мастерской, поежился в своей летной куртке и глубже засунул руки в карманы, отороченные овчиной.

Он смотрел, как большой «кадиллак» с чернокожим шофером едет между огромными железными амбарами, и недовольно хмурился. Барни Вентер остро завидовал всем приметам богатства.

«Кадиллак» свернул к стоянке для посетителей у стены ангара; из задней двери с мальчишеской живостью выскочил подросток, что-то сказал цветному шоферу и заторопился к Барни.

Он двигался с неожиданным для его возраста изяществом, держался прямо, не спотыкался на чересчур длинных для его тела ногах. Пока юный отпрыск богатой семьи приближался к инструктору, зависть Барни росла. Он ненавидел этих неженок, но по иронии судьбы именно ему приходилось много времени проводить в их обществе. Только очень богатые люди могут позволить своим детям постигать тайны полета.

Заниматься этим его вынуждал естественный процесс старения, постепенный износ тела. Два года назад, в возрасте сорока пяти лет, он не прошел строгую медицинскую комиссию, определяющую пригодность военных летчиков, и с тех пор катился под горку, чтобы окончить свои дни обычным летуном-бродягой, который водит изношенные машины каких-нибудь полулегальных чартерных компаний по тайным и неизведанным маршрутам.

Эти мысли заставили его рявкнуть на остановившегося перед ним мальчика:

– Мистер Морган, я полагаю?

– Да, сэр, но вы можете звать меня Дэвид. – Мальчик протянул руку, и Барни машинально пожал ее, сам того не желая. Рука была узкая и сухая, но крепкая, сплошные мышцы и сухожилия.

– Спасибо, Дэвид. – В голосе Барни звучала ирония. – А ты можешь и дальше называть меня «сэр».

Он знал, что мальчику четырнадцать, но он был почти одного роста с Барни, с его пятью футами семью дюймами. Дэвид улыбнулся, и Барни ощутил почти осязаемое воздействие его красоты. Казалось, каждая черта этого лица создана великим художником. Возникало впечатление некой театральности, близкой к ненастоящести. Казалось, волосы на самом деле не могут так виться и блестеть, кожа – быть такой шелковистой и нежно окрашенной, а глаза – обладать такой глубиной и огнем.

Барни понял, что любуется мальчиком, во власти его очарования, и резко отвернулся.

– Пошли. – Он прошел в мастерскую, где стены украшали голые блондинки и предупредительные надписи, касающиеся кредиторов и тех, кто выполняет правый поворот.

– Что ты знаешь о полетах? – спросил он у мальчика, когда они оказались в прохладной полумгле ангара, где длинными рядами стояли пестро раскрашенные самолеты, а потом через противоположную дверь снова вышли на яркое зимнее солнце.

– Ничего, сэр.

Признание откровенное, и Барни приободрился.

– Но хочешь узнать?

– О да, сэр!

В ответе звучал энтузиазм, и Барни внимательнее взглянул на мальчика. Глаза у него темные, почти черные, только прямой солнечный свет окрашивает их густой синевой.

– Хорошо, тогда приступим.

Самолет ждал на бетонированной площадке перед ангаром.

– Это «Сессна-150», моноплан с высоким расположением крыла.

Барни начал круговой обход-проверку, а Дэвид внимательно следил за ним. Но когда Барни начал рассказывать о приборах и правилах взлета и выравнивания, он понял, что мальчик знает больше, чем следовало бы. Его ответы на риторические вопросы Барни были верны и точны.

– Ты читал, – обвинил его Барни.

– Да, сэр, – с улыбкой признался Дэвид. Зубы у него были белые и идеально ровные, а улыбка – неотразимая. Вопреки себе Барни почувствовал, что мальчик начинает ему нравиться.

– Ну хорошо, садись.

В тесной рубке они пристегнулись, разместившись плечом к плечу. Барни объяснил назначение всех приборов и аппаратов и начал стартовую процедуру.

– Общий включатель. – Он нажал красную кнопку. – Поворачивай ключ, как в машине.

Дэвид наклонился вперед и повернул. Пропеллеры завертелись, двигатель ожил, несколько раз кашлянул и заработал со вполне правильным гулом. Они съехали с площадки. Дэвид быстро привыкал к рулям. Самолет остановился для последней проверки и радиоконтроля, потом вырулил на взлетную полосу.

– Хорошо, выбери предмет в конце полосы. Целься в него и осторожно открывай дроссель.

Машина ожила и покатила к далекой изгороди.

– Руль на себя, полегче.

И вот они уже в воздухе и быстро уходят от земли.

– Спокойней, – сказал Барни. – Не прилипай к приборам. С ней нужно обращаться как с... – Он смолк. Хотел сравнить машину с женщиной, но вовремя сообразил, что такое сравнение неуместно. – Обращайся с ней как с лошадью. Полегче. – И тут же почувствовал, как ослабла хватка Дэвида на руле. – Вот так, Дэвид.

Он искоса взглянул на мальчика и вдруг почувствовал разочарование. Чутье подсказывало ему, что перед ним *птица*, один из тех редких представителей рода человече-

ского, для кого голубое небо – естественная среда. Но в первые мгновения полета на лице мальчика застыло выражение ужаса. Губы и ноздри обвело мраморно-белыми полосками, в темно-синих глазах показались тени, словно акулы под поверхностью летнего моря.

– Левое крыло вверх! – рявкнул он разочарованно, надеясь вывести мальчика из шока. Крыло тут же поднялось и застыло, никакая правка не требовалась. – Выровняй машину. – Его руки лежали на приборной панели, но вмешательство было ни к чему. – Закрой дроссель. – Правая рука мальчика безошибочно нашла дроссель. Барни снова посмотрел на него. Выражение лица Дэвида не изменилось, и Барни неожиданно понял, что это не ужас, а экстаз.

«Он *птица*», – удовлетворенно подумал Барни, и пока они выполняли обычный полет с разным набором высот и поворотов, он вспоминал, как тридцать лет назад другого мальчика в старом желтом «тигровом мотыльке» охватил такой же восторг.

Они обогнули голубые горы в белых снежных шапках и полетели по ветру.

– Ветер как море, Дэвид. На большой высоте он может мешать, а может и облегчить полет. Следи за ним. – Дэвид кивнул. Получая первые уроки летной науки, он наслаждался каждым мгновением полета.

Они повернули на север над мрачными голыми землями, розоватыми и коричнево-дымчатыми, лишенными своих богатых золотистых одежд – пшеницы.

– Теперь колесо и руль одновременно, Дэвид, – сказал Барни. – Попробуем резкий поворот. – Крыло пошло вниз, и горизонт перед носом самолета повернулся.

Прямо впереди морские волны разбивались о длинные полосы желтовато-белого прибрежного песка. Атлантический океан, холодно-зеленый, зыбился под ветром, украшенный белыми пятнами пены.

Снова на юг, вдоль береговой линии, откуда на них, прикрывая глаза руками, смотрели меленькие фигурки, на юг, к большой плоской горе, которая обозначала границу суши: под таким углом ее очертания казались незнакомыми. В заливе было множество кораблей, а под крутыми склонами горы теснились здания, в их окнах отражалось зимнее солнце.

Еще один поворот, быстрый, уверенный; Барни убрал руки с приборов; «сессна» пролетела над Тайгербергом и взяла курс на аэродром.

– Теперь я, – сказал Барни. Он перехватил управление, посадил машину и подрулил назад на площадку. Выключил двигатель.

Они немного посидели молча. Оба чувствовали, что произошло что-то очень важное.

– Все в порядке? – спросил наконец Барни.

– Да, сэр, – кивнул Дэвид. Они отстегнули ремни и выбрались на бетон. Молча пошли в ангар. У входа остановились.

– В следующую среду? – спросил Барни.

– Да, сэр. – Дэвид направился к ожидающему «кадиллаку», но, пройдя с десяток шагов, остановился, повернул назад. – Так здорово мне еще никогда не было, – застенчиво сказал он. – Спасибо, сэр. – И пошел к машине. Барни смотрел ему вслед.

«Кадиллак» тронулся, набрал скорость и исчез за деревьями у последнего здания. Барни усмехнулся, печально покачал головой и побрел в мастерскую. Сел в старое враща-

ющееся кресло и положил ноги на стол. Достал из пачки смятую сигарету, расправил ее и закурил.

– Здорово? – переспросил он улыбаясь. – Болтовня! – Он бросил спичку в корзину для бумаг, но промахнулся.

Телефон разбудил Митци Морган, и она, выбравшись из-под подушки, ощупью отыскала трубку.

– Да?

– Митци?

– Папа, ты прилетишь? – Она почти проснулась, услышав голос отца и вспомнив, что сегодня он должен прилететь к ним в загородный дом.

– Прости, девочка. Тут кое-что произошло. Не вырвусь до следующей недели.

– О, папа! – выразила Митци свое разочарование.

– Где Дэви? – быстро спросил отец, чтобы избежать дальнейших упреков.

– Хочешь, чтобы он тебе перезвонил?

– Нет, я подожду. Позови его.

Митци встала, подошла к зеркалу и попыталась пригладить волосы. Светлые, вьющиеся, они приходили в беспорядок от первого же прикосновения солнца, соли или ветра. А ненависть к своим веснушкам она испытывала всякий раз, когда видела свое отражение.

– Ты похожа на китайского мопса, – сказала она вслух, – на маленького толстого китайского мопса с веснушками, – и отказалась от попыток пригладить волосы. Дэвид видел ее такой много раз. Накинув на голое тело шелковый халат, она вышла в коридор и направилась мимо родительской спальни, где спала мать, в жилую часть дома.

Дом состоял из ряда открытых галерей и флигелей – стекло, сталь, белая сосна... Галереи поднимались по дюнам от берега, сливаясь с морем и небом, только стекло отделяло людей от природы, и сейчас рассвет наполнял дом странным мерцающим светом, в котором массивный мыс Робберг, резко очерченный на фоне неба, казался легким перышком.

В салоне все говорило о вчерашней вечеринке; двадцать постоянных гостей дома и множество других из летних домов на дюнах оставили следы своего пребывания: пролитое пиво, переполненные пепельницы, пластинки, небрежно вынутые из конвертов.

Митци пробралась через этот кавардак к лестнице, ведущей к комнатам гостей. Осторожно толкнула дверь Дэвида: открыто. Вошла. Постель не смята, но джинсы и свитер брошены на стул, туфли небрежно скинуты.

Митци улыбнулась и отправилась на балкон, высоко нависавший над пляжем, на уровне чаек, которые уже подбирали то, что за ночь выбросило море.

Митци быстро запахнула халат, перелезла через перила и шагнула через пропасть на перила соседнего балкона. Спрыгнула на балкон, раздвинула занавески и прошла в спальню Марион.

Марион – ее лучшая подруга. В глубине души Митци знала, что их прекрасные отношения сохраняются только потому, что ее, Митци, внешность составляет контраст с замечательной фигурой Марион и ее кукольной глазастой красотой. Кроме того, Митци – это бесконечные подарки и вечеринки, бесплатный отдых в каникулы и прочие радости.

Подруга казалась во сне особенно хорошенькой, золотые волосы разметались по груди Дэвида. Митци переключила все свое внимание на двоюродного брата; глядя на него, она почувствовала стеснение в груди и какую-то вязкую тяжесть внизу живота. Ему всего семнадцать, но тело у него как у взрослого мужчины.

Она решила, что любит его больше всех на свете. Он так красив, высок, строен и прекрасен, а его глаза способны разбить вам сердце.

Пара в постели теплой ночью сбросила простыни; на груди у Дэвида волосы, густые, темные, курчавые, руки и ноги мускулистые, плечи широкие.

– Дэвид, – негромко позвала Митци, касаясь его плеча. – Проснись.

Он открыл глаза и мгновенно очнулся. Взгляд стал сознательным, сфокусировался.

– Митц? Что?

– Надевай штаны, воин. Папа у телефона.

– Боже. – Дэвид сел, переложив голову Марион на подушку. – Который час?

– Уже поздно, – сказала Митци. – Нужно ставить будильник, когда ходишь в гости.

Марион что-то забормотала и натянула на себя простыню, когда Дэвид выбрался из постели.

– Где телефон?

– В моей комнате – но можешь поговорить по параллельному из своей.

Она прошла за ним по балкону и свернулась в его постели, а Дэвид взял телефон и, волоча за собой шнур, принялся беспокойно расхаживать по ковру.

– Дядя Пол? – сказал Дэвид. – Здравствуйте!

Митци порылась в кармане халата, нашла пачку «Голуаз», прикурила от своего «Данхилла», но на третьей затяжке Дэвид протянул руку, взял у нее из губ сигарету и глубоко затянулся.

Митци сморщила нос, чтобы скрыть смятение, которое вызывало в ней его обнаженное тело, и взяла другую сигарету.

«Он бы умер, если бы знал, о чем я думаю», – сказала она себе и немного утешилась этой мыслью.

Дэвид закончил разговор, положил трубку и повернулся к ней.

– Он не приедет.

– Знаю.

– Но пришлет за мной Барни на «лире». Большое совещание.

– Похоже на него, – сказала Митци и заговорила, убедительно подражая отцу: – Мы должны подумать о твоем будущем, мой мальчик. Ты должен готовиться к ответственности, которая вскоре ляжет на тебя.

Дэвид усмехнулся и порылся в ящике шкафа в поисках шортов.

– Вероятно, придется сказать ему.

– Да, – согласилась Митци. – Придется.

Дэвид надел шорты и повернулся к двери.

– Молись за меня, куколка.

– Тебе нужно больше, чем молитвы, воин, – успокоительно сказала Митци.

После отлива пляж стал гладким и твердым, на песке – ни следа человека. Дэвид бежал легко, длинными прыжками, оставляя за собой влажную цепочку отпечатков.

Взошло солнце и бросило розовый отблеск на море, горы Утениква окрасились пламенем, но Дэвид бежал, ничего не видя. Его мысли занимала предстоящая встреча с опекуном.

Переломный момент в его жизни. Школа окончена, впереди открывается множество дорог. Он знал, что та, которую он выбрал, вызовет яростное сопротивление, и использовал последние часы одиночества, чтобы набраться сил для схватки.

Туча чаек, собравшихся вокруг выброшенной на берег рыбы, при его приближении поднялась в воздух, их крылья закрыли низкое солнце; когда Дэвид пробежал, птицы снова сели.

«Лир» он сначала увидел и только потом услышал. Самолет летел низко над горизонтом, поднимаясь и опускаясь, повторяя профиль горы Робберг. Потом совсем снизился и пролетел над берегом.

Дэвид остановился, легко дыша даже после пробежки. Он приветственно вскинул обе руки. Сквозь перплексовое покрытие кабины виднелась голова Барни, тот улыбнулся и в ответ на приветствие тоже поднял руку.

«Лир» повернул к морю, одним крылом почти касаясь гребней волн, потом вернулся. Дэвид стоял на берегу, а длинный стройный нос самолета все опускался и опускался, нацеливаясь на него, как копье.

Как ужасная хищная птица, несся на него самолет; в последнее мгновение нервы Дэвида не выдержали, и он бросился на мокрый песок. Его ударил порыв воздуха, «лир» набрал высоту и повернул в сторону летного поля.

– Сукин сын! – пробормотал Дэвид, вставая и отряхиваясь. Он представил себе, как довольно ухмыляется сейчас Барни.

«Я хорошо выучил его», – думал Барни, сидя в кресле второго пилота. Он смотрел, как Дэвид искусно ведет самолет на такой высоте, где мастерство не поможет без удачи.

Барни слегка отяжелел, с тех пор как перешел на хлеба Морганов, живот чуть выдавался над поясом. Начавшие отвисать щеки придавали ему сходство с обиженной жабой, а шевелюра поредела и побелела.

Глядя на Дэвида, Барни испытывал теплое чувство, хоть это никак не отражалось на его лице. Он уже три года был главным пилотом компании Морганов и понимал, чье влияние принесло ему эту должность. Теперь положение его было прочным и завидным. Он возил влиятельных людей в шикарных самолетах, и знал, что когда придет пора удалиться на пастбище, трава там будет сочной и густой. Компания Морганов заботилась о своих людях.

И это успокаивало его, когда он смотрел, как его ученик ведет машину.

Полет на такой высоте требует полнейшей концентрации внимания, и Барни напрасно ожидал от своего ученика хоть каких-то признаков расслабленности.

Под ними пролетали длинные золотые пляжи Африки, перемежавшиеся скалами, дачными домиками и небольшими рыбацкими деревушками. «Лир» точно следовал береговой линии; они предпочли прямому курсу будоражащую радость полета.

Перед ними открылась очередная полоска пляжа, но, подлетая, они заметили, что этот пляж занят.

Две крошечные женские фигуры показались из воды и в панике побежали туда, где лежали полотенца и сброшенные бикини. Белые ягодицы резко контрастировали с загорелыми ногами. Барни и Дэвид рассмеялись.

– Здорово ты их шуганул, Дэвид. – Барни с улыбкой оглядывался на исчезающие фигурки. Самолет летел на юг.

У мыса Агулас они повернули в глубь суши, быстро набрали высоту над горами, потом снова снизились, и Дэвид повел машину к городу.

Когда они шагали к ангару, Барни взглянул на Дэвида – снизу вверх: теперь Дэвид был выше его на шесть дюймов.

– Не позволяй ему растоптать тебя, парень, – предупредил он. – Ты принял решение. И держись его.

Дэвид повел свой зеленый спортивный английский «эм джи» по Де-Вааль-драйв и со склона горы взглянул на квадратное здание корпорации Морганов – монумент богатству и власти.

Дэвид наслаждался его очертаниями, четкими, функциональными, как крыло самолета, но он знал, что парящая свобода этих линий обманчива. Это крепость и тюрьма.

На перекрестке он свернул и, прежде чем спуститься в подземный гараж, подъехал к береговой линии, поглядывая на здание.

Кабинеты высших руководителей располагались на самом верхнем этаже. Войдя, Дэвид миновал длинный ряд секретарш, которых отбирали по двум критериям: профессионализм и экстерьер. Их красивые лица расцвели улыбками, превращая окружающее в сад, полный экзотических цветов, и Дэвид поздоровался с каждой. В здании корпорации Морганов с ним обращались как с законным наследником престола.

Марта Гудрич в собственном кабинете охраняла внутреннее святилище. Строгая, деловитая, она подняла голову от машинки.

– Доброе утро, мистер Дэвид. Дядя вас ждет. И, я думаю, вам следовало надеть костюм.

– Вы прекрасно выглядите, Марта. Похудели, и мне очень нравится ваша новая прическа. – Как всегда, это подействовало. Выражение ее лица смягчилось.

– Не пытайтесь подольститься, – предупредила она. – Я не одна из ваших девчонок.

Пол Морган стоял у окна, откуда открывался прекрасный вид на город. Он быстро повернулся к Дэвиду.

– Здравствуйте, дядя Пол. Простите, у меня не было времени переодеться. Я решил явиться побыстрее.

– Прекрасно, Дэвид. – Пол Морган окинул взглядом цветастую рубашку Дэвида, расстегнутую почти до пояса, широкий кожаный ремень, белые шорты и открытые сандалии. На нем все выглядит прекрасно, неохотно признал он. Даже самые дикие иностранные костюмы мальчишка носит с удивительным изяществом.

– Приятно тебя увидеть. – Пол пригладил лацканы своего темного строгого пиджака и взглянул на племянника. – Входи. Садись вот здесь, у камина. – Как всегда, Дэвид, стоя, подчеркивал малый рост дяди. Пол был невысоким, широкоплечим, с толстой мускулистой

шеей и квадратным подбородком. Как и у дочери, волосы у него были редкие, жесткие, лицо плоское и несколько свиноподобное.

Все Морганы были таковы. Такими им и полагалось быть; экзотическая внешность Дэвида нарушала естественный порядок вещей. Конечно, это со стороны матери. Темные волосы, сверкающие глаза, буйный темперамент.

– Ну что ж, Дэвид. Прежде всего поздравляю тебя с результатами выпускных экзаменов. Я очень рад. – Пол Морган мог бы добавить, что испытывает большое облегчение. Обучение Дэвида протекало необычайно бурно. Высоты достижений сменялись глубинами провалов, и Дэвида спасало только влияние и богатство Морганов. Взять хоть интрижку с молодой женой учителя физкультуры. Пол так и не узнал правды, но сумел замять дело, пожертвовав школьной церкви новый орган и добившись для учителя стипендии в зарубежном университете. Сразу после этого Дэвид завоевал вожделенную премию Весселя за успехи в математике, и все было забыто – до тех пор, пока он не решил опробовать новый спортивный автомобиль своего воспитателя, разумеется, без ведома этого джентльмена, и не вписался в крутой поворот на скорости девяносто миль в час. Машина не выдержала испытания; Дэвид выбрался из-под обломков и захромал домой с глубоким порезом на ноге. Снова потребовалось все влияние Морганов, чтобы загладить случившееся. Воспитателя удалось утихомирить покупкой новой, более дорогой машины, а «Группа Морган» добавила к сооружениям школы новый спортивный корпус.

Парень легкомысленный, Пол знал это. Но еще он знал, что может с ним справиться. А тогда в руках его окажется оружие острое как бритва. У мальчишки были все качества, которые Пол Морган хотел видеть в своем наследнике. Живость и уверенность, способность быстро соображать и дух авантюризма, но главное – агрессивное отношение к жизни, желание соперничать, побеждать, то, что Пол называл «инстинктом убийцы».

– Спасибо, дядя Пол. – Дэвид сдержанно принял поздравления. Они молчали, поглядывая друг на друга. Им никогда не было легко в общении, слишком они были разными – и в то же время очень похожими. Казалось, их интересы всегда вступают в противоречие.

Пол Морган подошел к окну, так чтобы солнце светило из-за спины. Старый трюк, ставящий собеседника в неудобное положение.

– Конечно, меньшего мы от тебя и не ожидали, – рассмеялся он, и Дэвид улыбнулся, обрадованный тем, что дядя почти развеселился. – А теперь пора подумать о твоем будущем. – Дэвид молчал. – Перед тобой широкий выбор, – сказал Пол Морган и тут же принялся сужать диапазон: – Но мне кажется, юридический факультет одного из американских университетов – то, что нужно. Я нажал кое на какие пружины, чтобы обеспечить тебе место в моем старом колледже...

– Дядя Пол, я хочу летать, – негромко сказал Дэвид, и Пол Морган смолк. Выражение его лица слегка изменилось.

– Мы обдумываем твою будущую карьеру, а не отдых.

– Нет, сэр. Я имел в виду... полет как образ жизни.

– Твоя жизнь здесь, в «Группе Морган». У тебя нет свободы выбора.

– Я с вами не согласен, сэр.

Пол Морган отошел от окна и перешел к камину. Он выбрал сигару из хьюмидора на каминной полке; обрезая кончик сигары, он негромко заговорил, не глядя на Дэвида.

– Твой отец был романтиком, Дэвид. Он выбрался из морган овской системы, когда отправился в пустыню воевать, танкистом. Похоже, ты унаследовал его романтичность. – По его тону можно было решить, что он говорит о заразной болезни. Пол подошел к сидящему Дэвиду. – Скажи мне, чего ты хочешь.

– Я записался в военно-воздушные силы, сэр.

– Да? Уже подписал контракт?

– Да, сэр.

– На какой срок?

– На пять лет. Кратчайший возможный срок службы.

– Пять лет... – прошептал Морган. – Что ж, Дэвид, не знаю, что сказать. Ты знаешь, что ты последний из Морганов. У меня нет сына. Печально будет видеть огромное предприятие, где у руля нет никого из нас. Интересно, что бы подумал об этом твой отец...

– Удар ниже пояса, дядя Пол.

– Не думаю, Дэвид. Мне кажется, это ты ведешь себя нечестно. Тебе принадлежит большое количество акций корпорации Морганов, тебе передано и многое другое, и всегда подразумевалось, что ты примешь свои обязанности...

«Хоть бы он заорал на меня, – в отчаянии подумал Дэвид. Он понимал, что именно об этом предупреждал его Барни. – Если бы он просто приказал, тогда бы я знал, как ответить». Но перед ним был человек – искусный манипулятор другими людьми, человек, всю жизнь распоряжавшийся людьми и деньгами, и в его руках семнадцатилетний мальчишка был податлив, как тесто.

– Видишь ли, Дэвид, ты рожден для этого. Все остальное трусость или самообман... – «Группа Морган» тянула свои щупальца, как огромное хищное растение – шевелящиеся побеги, чтобы схватить его и сожрать... – Мы можем аннулировать твой контракт. Стоит лишь позвонить...

– Дядя Пол! – Дэвид повысил голос, пытаясь заглушить этот мерный поток слов. – Мой отец. Он сделал это. Он вступил в армию.

– Да, Дэвид. Но тогда было другое время. Один из нас должен был это сделать. Он был моложе – и, конечно, были и другие, личные соображения. Твоя мать... – Он помолчал, потом продолжил: – А когда все было кончено, он вернулся и занял свое законное место. Нам его не хватает, Дэвид. После его смерти никто не сумел заполнить эту брешь. Я всегда надеялся, что ты это сделаешь.

– Но я не хочу. – Дэвид покачал головой. – Не хочу провести жизнь здесь. – Он указал на гигантское сооружение из стекла и бетона, в котором они находились. – Не хочу ежедневно перелистывать стопы бумаг...

– Это совсем не так, Дэвид. Здесь есть все – острые ощущения, вызов, бесконечное разнообразие...

– Дядя Пол, – снова возвысил голос Дэвид. – Как называется человек, который досыта набил живот – и продолжает есть?

– Ну послушай, Дэвид. – В голосе Пола Моргана прозвучали первые нотки раздражения, он нетерпеливо отмел вопрос.

– Как вы назовете такого человека? – настаивал Дэвид.

– Вероятно, его можно назвать обжорой, – ответил Пол Морган.

– А как назвать обладателя многих миллионов, который кладет жизнь на то, чтобы заработать новые миллионы?

Пол Морган застыл. Он долго смотрел на своего подопечного, прежде чем заговорил.

– Ты меня оскорбляешь, – сказал он наконец.

– Нет, сэр. Я не хотел этого. Вы не обжора, но я им стану.

Пол Морган отвернулся и направился к своему столу. Сел в кожаное кресло с высокой спинкой и наконец закурил сигару. Они долго молчали, потом Пол Морган вздохнул.

– Тебе придется потратить время на глупости, как и твоему отцу. Но мне жаль этих пяти лет.

– Я не потрачу их зря, дядя Пол. Я получу диплом бакалавра в области проектирования летательных аппаратов.

– Вероятно, тебе следует сказать нам спасибо и за это.

Дэвид встал и подошел к нему.

– Спасибо. Для меня это очень важно.

– Пять лет, Дэвид. После этого ты мне нужен. – Он чуть улыбнулся: – Ну, по крайней мере тебя заставят подстричься.

Дэвид Морган летел в поднебесье, как молодой Бог. Земля с высоты в пять миль казалась куском теплого мяса. Солнечный фильтр на шлеме Дэвида был опущен и скрывал восхищенное, почти благоговейное выражение его лица. Пять лет нисколько не притупили в нем ощущения силы и одиночества, которые он всегда испытывал в полетах на истребителе-перехватчике «мираж».

Солнечный свет отразился от металла машины, одевая ее ослепительным сиянием, маленькие облака далеко внизу казались на фоне земли совсем незначительными, они бежали врассыпную от волка-ветра.

Сегодняшний полет вызывал у Дэвида еще и печальное чувство утраты. Завтра последний день его службы. В полдень кончается его контракт, и Пол Морган ожидает, что он станет мистером Дэвидом, его собственным мальчиком в «Группе Морган».

Он отбросил эту мысль и сосредоточился на наслаждении последними минутами; но очень скоро очарование было нарушено.

– Зулу Ударник один. Это центр контроля. Доложите свое положение.

– Центр контроля, говорит Зулу Ударник один, нахожусь по курсу в пятидесяти милях.

– Ударник один, курс чист. Ваши цели в направлениях восемь и двенадцать. Начинайте поворот.

Горизонт перед носом «миража» резко повернулся, одно крыло поднялось, самолет пошел вниз в резком контролируемом пике, как падающий сокол.

Правая рука Дэвида быстро переместилась на управление оружием, он включил ракетное реле.

Земля внизу выпрямилась, огромная, однообразная, усеянная низкими кустами, которые уносились назад, под крылья; «мираж» продолжал снижаться. На этой высоте от ощущения скорости захватывало дух. Впереди показалась и стала стремительно увеличиваться первая цель.

«Пять», «шесть», «семь» – мелькали черные цифры на белом циферблате.

Легкий поворот руля налево, прикосновение к рукоятке – оба движения автоматические, – и впереди загорелась схема наведения ракетного огня, концентрические круги, сужающиеся к цели, «кокс» на жаргоне летчиков, точное указание на центр цели.

На скорости чуть выше звуковой Дэвид продолжал низко вести смертоносную машину. Он сосредоточенно выжидал. Когда нужный момент наступил, Дэвид приподнял нос «миража» и правой рукой в перчатке коснулся рычага пуска.

Ревущая серебряная машина приняла положение для ракетного залпа в тот самый миг, когда цель оказалась в центре круга прицела.

Маневр был проделан с автоматизмом, приобретенным в результате множества разнообразных тренировок, и Дэвид нажал на спуск. В движении машины ничто не изменилось, свист ракет почти потерялся в шуме мощного реактивного двигателя, но под крыльями показались две узкие дымовые полоски, и, чувствуя, что попал точно, Дэвид переключил дроссель, чтобы получить добавочное ускорение для подъема.

– Прекрасно, – улыбнулся он, полулежа в кресле и глядя в яркую голубизну, куда устремился нос «миража»; перегрузка прижала его к спинке.

– Привет, Ударник один. Это центр контроля. Точно в цель. Заслужили конфетку. Отличный выстрел. Жаль терять вас, Дэвид. – Это неслыханное нарушение дисциплины переговоров тронуло Дэвида. Ему тоже жаль терять – терять их всех. Он нажал кнопку своего джойстика и заговорил в микрофон шлема:

– Говорит Ударник один, спасибо и пока. Конец связи.

Наземная команда ждала его. Он со всеми обменялся рукопожатиями и грубоватыми шутками, в которых сказывались годы привязанности. Потом пошел в огромную металлическую пещеру, где сильно пахло смазкой и бензином и стояли ряды сверкающих перехватчиков. Даже на отдыхе они создавали впечатление скорости и напряжения.

Дэвид коснулся холодного металла одного из них. Дневальный нашел его рядом с машиной; Дэвид пристально смотрел на изображение летающей кобры на фюзеляже.

– Командир передает свои поздравления, сэр, и просит вас немедленно явиться к нему.

Полковник Растус Науд – сухощавый, со сморщенным обезьяньим лицом – небрежно носил свой мундир и ленточки многочисленных наград. Он водил «харрикейны» в битве над Британией, «мустанги» в Италии, «спитфайры» и «Мессершмит-109» в Палестине и «сабры» в Корее и был слишком стар для своей нынешней должности, но ни у кого не хватало храбрости сказать ему об этом, тем более что он летал лучше и стрелял точнее отборных молодых летчиков своей эскадрильи.

– Итак, мы наконец избавимся от вас, Морган, – приветствовал он Дэвида.

– Только после прощальной вечеринки, сэр.

– Ja, – кивнул Растус. – Вы мне доставили много беспокойства за эти пять лет. С вас ведро виски. – Он указал на жесткий стул у своего стола. – Садитесь, Дэвид.

Он впервые назвал Дэвида по имени. Дэвид положил шлем на край стола и, неуклюжий в своем летном высотно-компенсирующем комбинезоне, опустился на стул.

Растус долго набивал трубку крепкой магалисбергской махоркой, внимательно глядя на сидящего перед ним молодого человека. Он видел в нем те качества, которые так высо-

ко ценил Пол Морган: агрессивность, стремление к соперничеству, все то, что делало его отличным пилотом-перехватчиком.

Наконец он закурил, выпустил большой клуб голубого дыма и подвинул по столу к Дэвиду листки бумаги.

– Прочтите и подпишите, – сказал он. – Это приказ.

Дэвид быстро просмотрел документы, поднял голову и улыбнулся.

– Вы сдаетесь нелегко, сэр, – признал он.

Один документ содержал контракт на дополнительные пять лет службы, другой – приказ о производстве в очередное звание – из капитана в майоры.

– Мы затратили много денег и времени, чтобы сделать вас таким, какой вы есть. Вы необычайно талантливы, мы развили ваш талант, и вот вы стали – не буду преуменьшать – отличным пилотом.

– Простите, сэр, – искренне сказал Дэвид.

– К дьяволу! – гневно ответил Растус. – Почему вы родились Морганом? Все эти деньги, они подрезают вам крылья, приковывают к столу.

– Не в деньгах дело, – быстро ответил Дэвид. Он почувствовал, что при этом обвинении начинает сердиться.

Растус цинично кивнул.

– Ja, – сказал он, – я их тоже ненавижу. – Он взял документы, которые Дэвид отодвинул, и хмыкнул. – Недостаточно заманчиво, а?

– Полковник, это трудно объяснить. Просто я чувствую, что есть еще кое-что, более важное, и я должен это найти. И оно не здесь. Мне придется поискать.

Растус тяжело кивнул.

– Ну хорошо, – сказал он. – Я сделал все, что мог. Теперь можете отвести своего многострадального командира в столовую и потратить часть миллионов Морганов на то, чтобы напоить его виски. – Он встал и лихо надел на поседевшую голову форменную фуражку. – Сегодня вечером мы с вами напьемся, потому что оба что-то теряем. И я, возможно, больше вашего.

Любовь к мощным прекрасным машинам Дэвид унаследовал от отца. Клайв Морган с женой на новом спортивном «феррари» врезался в грузовик на неосвещенном перекрестке. Транспортная полиция определила, что в момент столкновения «феррари» шел со скоростью сто пятьдесят миль в час.

Распоряжения Клайва Моргана касательно имущества, переходившего по наследству к его одиннадцатилетнему сыну, оказались тщательно продуманными и очень искусно составленными. Опекуном мальчика стал его дядя, Пол Морган, а все состояние было разделено на ряд трастовых фондов.

Достигнув совершеннолетия, Дэвид получил доступ к первому такому фонду, что обеспечивало ему доход, скажем, преуспевающего хирурга. В этот день старый зеленый «эм джи» был заменен мощным голубым «мазерати», в традиции истинных Морганов.

В двадцать третий день рождения к Дэвиду перешел контроль над овечьими ранчо в Карру, скотоводческими фермами в Юго-Западной Африке и Джабулани, огромным охот-

ничьим хозяйством в Саби-Сэнд; управление этим имуществом успешно осуществляли доверенные лица.

Двадцать пятый день рождения позволит ему распоряжаться фондом номер два, который наряду с большим количеством ценных бумаг предоставит ему два вклада в недвижимость: комплекс офисов и торговых центров и мощный строительный комплекс.

К тридцати годам перед ним откроется еще один фонд, по размерам превосходящий два предыдущих: начнется передача основных ценностей его наследства.

Затем через каждые пять лет, вплоть до достижения Дэвидом пятидесяти, ему будет открываться доступ к новым фондам и новым частям огромного состояния Морганов. Перед ним открывалась ошеломляющая перспектива богатства. Но, как прилавок, на котором слишком много съестного, она словно бы притупляла аппетит.

Дэвид быстро ехал на юг, шуршали мишленовские металлизированные шины; он думал об этом богатстве, об огромной золотой клетке, о ненасытной пасти корпорации Морганов, которая раскрылась, чтобы проглотить его. Тогда он, как клетка тела медузы, станет частью целого, пленником собственных денег.

Эта перспектива приводила его в ужас, к боли в глазах – следствию вчерашней глупости, когда он пытался пить наравне с полковником Растусом Наудом, – добавлялось ощущение пустоты в желудке.

Он быстрее погнал «мазерати», пытаясь забыться в опьянении мощью и скоростью, и часы полетели так же стремительно, как мили. Было еще светло, когда он вошел в квартиру Митци на холме, выходящем на берег Клифтона, к холодному зеленому Атлантическому океану.

В квартире Митци царил хаос, это по крайней мере не изменилось. У Митци постоянно жили гости, пили и ели за ее счет и без конца ссорились друг с другом, устраивая жуткий кавардак.

В первой спальне, куда заглянул Дэвид, спала незнакомая темноволосая девушка в мужской пижаме. Во сне она сосала большой палец.

Во второй спальне ему повезло больше. Она оказалась пустой, хотя постель не убрана, а на столике тарелки с остатками завтрака – яичницы.

Дэвид бросил сумку на постель и достал плавки. Мигом переоделся, спустился по боковой лестнице на пляж и побежал – вначале рысцой, потом быстрее, потом понесся так, словно за ним гналось какое-то чудовище. В конце пляжа, где начинались скалы, он бросился в ледяной прибой и поплыл к груде водорослей. Холодная вода обжигала, и, выйдя из нее, он посинел и дрожал. Но ощущение, что его преследуют, исчезло, а возвращаясь рысцой в дом Митци, он слегка согрелся.

Чтобы принять ванну, пришлось снять с веревок над ней множество трусиков и бюстгальтеров. Он до краев заполнил ванну горячей водой, погрузился в нее, и в этот момент дверь распахнулась и, как северный ветер, влетела Митци.

– Где ты, воин? – Дверь хлопнула. – Я засекла твою машину в гараже и поняла, ты здесь!

– Здесь, куколка, – отозвался он. Митци встала на пороге ванной, и они улыбнулись друг другу. Дэвид увидел, что она снова поправилась: пояс юбки распирало, под алым свитером большая бесформенная грудь. Она наконец отказалась от безнадежной войны с

близорукостью, и на ее маленьком носике сидели очки в металлической оправе, а волосы торчали под самыми неожиданными углами.

– Ах ты, красавчик, – воскликнула она, подходя, чтобы поцеловать его. При этом она вымазала свитер мыльной пеной. – Выпивка или кофе? – спросила она, и Дэвид сморщился при мысли об алкоголе.

– Кофе было бы замечательно, куколка.

Она принесла ему чашку и села на крышку унитаза.

– Рассказывай все! – приказала она.

Они болтали, когда заглянула красивая темноволосая девушка, все еще в мужской пижаме и с припухшими после сна глазами.

– Это мой брат Дэвид. Правда, красавец? – представила его Митци. – А это Лиз.

Девушка села на ведро в углу и посмотрела на Дэвида с таким восхищением, что Митци предупредила:

– Спокойней, дорогая. Даже отсюда я слышу, как у тебя стучит ниже пояса, словно шариками для пинг-понга.

Но девушка оказалась таким молчаливым эфирным созданием, что они забыли о ней и говорили, словно наедине. Наконец Митци без перехода добавила:

– Папа тебя ждет и облизывается, словно голодный людоед. Я ужинала с ним в субботу вечером, он тебя вспомнил миллион раз, не меньше. Странно будет видеть тебя на верху здания Морганов, в угольно-черном костюме, на утреннем совещании в понедельник...

Дэвид неожиданно встал в ванне, выплеснув потоки воды и мыльной пены, и принялся яростно растирать промежность. Девушки с интересом следили за ним, глаза темноволосой так расширились, что, казалось, заполнили все лицо.

Дэвид снова сел, опять выплеснув воду через край.

– Не пойду! – сказал он. Повисла долгая тяжелая тишина.

– Как это – не пойдешь? – робко спросила Митци.

– А вот так, – ответил Дэвид. – Не пойду в «Группу Морган».

– Но ты должен!

– Почему? – спросил Дэвид.

– Ну, то есть, это решено. Ты обещал папе, что когда закончишь службу...

– Нет, – ответил Дэвид, – я ничего не обещал. Это он так решил. Вот ты сейчас сказала про совещание утром в понедельник, и я понял, что не вынесу этого. Наверно, я всегда это знал.

– Куда же ты пойдешь? – Митци опомнилась от удивления, и ее пухлые щеки залил румянец волнения.

– Не знаю. Знаю только, что не буду смотрителем чужих достижений. «Группа Морган» не для меня. Ее создали дедушка, папа и дядя Пол. Слишком большое и холодное...

Митци, разрумянившись, блестя глазами, кивнула в знак согласия, очарованная перспективой непослушания и открытого вызова.

Дэвид тоже приободрился.

– Я сам найду себе дорогу. Должно быть что-то другое, большее.

– Да. – Митци кивнула так энергично, что очки чуть не свалились с носа. – Ты не такой, как они. Ты засохнешь и умрешь в деловом костюме.

– Мне нужно найти свою дорогу, Митци. Она должна где-то быть.

Красный от обжигающей воды, окутанный легкими струйками пара, Дэвид вышел из ванны. Он натянул махровый купальный халат и отправился в спальню, а девушки шли следом и кивали, одобряя провозглашение Дэвидом Морганом независимости. Но Митци, однако, все испортила.

– А что ты скажешь папе? – спросила она.

Вопрос остановил поток Дэвидова красноречия; задумавшись, Дэвид поскреб волосы на груди. Девушки ждали.

– Он тебя вторично не отпустит, – предупредила Митци. – Без отчаянной борьбы.

В этот миг храбрость покинула Дэвида.

– Я уже все сказал ему однажды и повторять не буду.

– Сбежишь молчком? – спросила Митци.

– Я не собираюсь бежать, – с ледяным достоинством ответил Дэвид, доставая бумажник с кредитными карточками. – Просто оставляю за собой право самому определять свое будущее. – Он подошел к телефону и начал набирать номер.

– Куда ты звонишь?

– В аэропорт.

– И куда полетишь?

– Туда, куда летит первый рейс.

– Я тебя прикрою, – преданно заявила Митци. – Ты правильно поступаешь, воин.

– Еще бы, – согласился Дэвид. – Иду своим путем – и трахну всех остальных.

– У тебя найдется для этого время? – хихикнула Митци, и тут темноволосая девушка впервые заговорила, хриплым напряженным голосом, не отрывая взгляда от Дэвида:

– Не знаю, как остальные, но можно я буду первая?

Поднеся телефонную трубку к уху, Дэвид взглянул на нее и с некоторым удивлением понял, что она говорит совершенно серьезно.

Дэвид вышел в безличный бетонно-стеклянный зал прибытия аэропорта Шипол и остановился, чтобы порадоваться своему бегству и ощущению анонимности в равнодушной толпе. Кто-то коснулся его локтя, он повернулся и увидел высокого улыбающегося голландца, глядящего на него сквозь безободковые очки.

– Мистер Дэвид Морган? – Дэвид смотрел на него, разинув рот. – Я Фредерик Ван Гент, из «Голландско-Индонезийской транспортной компании». Мы имеем удовольствие представлять в Голландии интересы компании «Перевозки Морганов». Большая честь познакомиться с вами.

– О Господи, нет! – устало прошептал Дэвид.

– Простите?

– Ничего. Прошу прощения. Приятно познакомиться. – Дэвид, сдаваясь, пожал руку голландца.

– У меня для вас два срочных сообщения, полученных по телексу, мистер Морган. – Ван Гент театрально протянул бумаги. – Я специально приехал из Амстердама, чтобы доставить их.

Первое – от Митци, поклявшейся не выдавать его.

«Глубочайшие извинения твое местопребывание вырвано на дыбе клещами тчк будь храбр как лев зпт яростен как орел с любовью Митци».

Дэвид сказал:

– Заложила, сучка. – И открыл второй конверт.

«Твои сомнения понятны ты прощен тчк уверен здравый смысл со временем приведет тебя к выполнению долга тчк твое место всегда ждет тебя с любовью Пол Морган».

Дэвид сказал:

– Хитрый старый ублюдок. – И сунул оба конверта в карман.

– Будет ли ответ? – спросил Ван Гент.

– Спасибо, нет. С вашей стороны было очень благородно так обеспокоиться.

– Никакого беспокойства, мистер Морган. Могу я вам чем-нибудь помочь? Вам что-нибудь нужно?

– Ничего, но еще раз спасибо.

Они обменялись рукопожатием, Ван Гент поклонился и ушел. Дэвид подошел к прилавку «Эйвис»,* и девушка за стойкой улыбнулась ему.

– Добрый вечер, сэр.

Дэвид предъявил карточку «Эйвис».

– Мне нужен небольшой автомобиль.

– Минутку. У нас есть «мустанг мах один». – Девушка была яркой блондинкой с чистым розовым лицом.

– Превосходно, – заверил ее Дэвид.

Заполняя бланк, она спросила:

– Впервые в Амстердаме, сэр?

– Говорят, самый интересный город Европы. Это верно?

– Если знаешь, куда пойти, – ответила она.

– Может, покажете? – спросил Дэвид, и она притворно-равнодушно, а на самом деле расчетливо, взглянула на него, приняла решение и продолжила писать.

– Пожалуйста, подпишите здесь, сэр. Сумму снимут с вашего счета. – И добавила, понизив голос: – Если у вас возникнут какие-нибудь вопросы по контракту, можете связаться со мной по этому телефону – после работы. Меня зовут Гильда.

Гильда жила в квартире над каналом вместе с тремя другими девушками, которые не выразили удивления и не возражали, когда Дэвид принес по крутой лестнице свой единственный чемодан. Гильда показала ему несколько дискотек и кофейных баров, где мелкие отчаявшиеся людишки распинались о революции и откровениях гуру. Через два дня Дэвид убедился, что от всей этой малосъедобной дряни его тошнит и что умишко Гильды так же гладок и пуст, как ее личико. Он с беспокойством глядел на людей, которые съезжались в этот город отовсюду, привлеченные известием, что в Амстердаме самая понимающая полиция. Дэвид замечал в них симптомы собственного беспокойства, узнавал товарищей по несчастью. Но вот с низин, как души мертвых в Судный день, начал подниматься влажный холод, а если ты рожден под солнцем Африки, жалкое зимнее солнце севера не может его заменить.

---

* Компания по прокату и аренде автомобилей. – *Здесь и далее примеч. пер.*

При расставании Гильда не проявила никаких эмоций, и Дэвид, на полную мощность включив нагреватели, понесся в «мустанге» на юг. На окраине Намюра на обочине стояла девушка в поношенных коротких брюках, из которых торчали загорелые ноги, несмотря на холод, голые. Она склонила золотую голову и подняла палец.

Дэвид притормозил; шины протестующе взвизгнули. Он сдал задним ходом туда, где стояла девушка. Лицо ее было по-славянски плоским, светлые волосы свисали густыми прядями. Он решил, что ей лет девятнадцать.

– По-английски говорите? – спросил он через окно. На холоде ее соски под тонкой тканью блузки казались твердыми шариками.

– Нет, – ответила она, – но говорю по-американски. Подойдет?

– Конечно. – Дэвид открыл дверцу, и она бросила на заднее сиденье сумку и скатанный спальный мешок.

– Я Филли, – сказала она.

– Дэвид.

– Ты в шоу-бизнесе?

– Боже, нет, а почему ты спрашиваешь?

– Машина... лицо... одежда.

– Машина взята в аренду, одежда украдена, и на мне маска.

– Забавный парень, – сказала она, свернулась на сиденье, как котенок, и уснула.

Он остановился в деревне у края Арденнского леса и купил свежего хлеба, большой кусок копченой свинины и бутылку шампанского. Когда он вернулся к машине, Филли проснулась.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Конечно. – Она потянулась и зевнула.

Он отыскал ведущую в лес просеку, по ней они добрались до поляны, где соборную зеленую полумглу пронизывали лучи яркого солнца.

Филли выбралась из машины и осмотрелась.

– Красиво, Дэви, – сказала она. Дэвид налил вина в бумажные стаканчики и нарезал перочинным ножом мясо, а Филли наломала хлеб. Они сидели на поваленном дереве и ели.

– Так мирно и тихо, совсем не похоже на поле битвы. Здесь немцы предприняли последнее крупное наступление. Ты знаешь это?

Рот Филли был набит хлебом и мясом, но это не помешало ей ответить:

– Видела кино – Генри Фонда, Роберт Райан. Муть!

– После всех этих смертей и безобразия в таком месте нужно заниматься чем-нибудь прекрасным, – сонно сказал Дэвид, а она проглотила хлеб, допила вино, поднялась и лениво пошла к «мустангу». Достала свой спальный мешок и разложила на мягкой траве.

– Больше дела, меньше слов, – сказала она Дэвиду.

Некоторое время в Париже казалось, что может произойти что-то значительное, что они чем-то важны друг для друга. Они сняли комнату с душем в маленьком, чистом и приятном пансионе недалеко от Сен-Лазара и весь день бродили по улицам, от площади Согласия до площади Звезды, потом мимо Эйфелевой башни и назад к Нотр-Дам. Поужинали

в открытом кафе на бульваре, но в середине ужина зашли в эмоциональный тупик. Разговаривать вдруг стало не о чем, они одновременно почувствовали это, поняли, что совершенно чужие друг другу, их связывает только плоть, и от осознания этого обоим стало холодно. Они все-таки провели ночь вместе, даже механически занимались любовью, но утром, когда Дэвид вышел из душа, Филли, сидя на кровати, сказала:

– Сматываешься.

Это был не вопрос, а утверждение, и отвечать не требовалось.

– Деньги есть? – спросил он. Она покачала головой. Дэвид достал два тысячефранковых банкнота и положил на стол. – Я оплачу внизу счет. – Он подхватил свой чемодан. – Живи спокойно.

Париж для него потерял свою прелесть, и он двинулся на юг, к солнцу, потому что небо затянули черные тучи и еще до поворота на Фонтенбло пошел дождь. Дождь был такой, какой он считал возможным только в тропиках, настоящий потоп, все шоссе залило, дворники не успевали сметать воду с ветрового стекла, и Дэвид плохо видел дорогу.

Его беспокоила неспособность установить длительные отношения с другим человеком. Все машины сбавили скорость, но он ехал по-прежнему быстро, чувствуя, как скользят шины по мокрому асфальту. Сейчас скорость его не успокаивала, и когда он южнее Вьенны выехал из полосы дождя, одиночество, казалось, бежало за ним следом, как волчья стая.

Но первые лучи солнца поняли ему настроение, а потом за каменными стенами и строгими зелеными линиями виноградников показался ветровой конус, свисавший со столба как мягкая белая сосиска. В полумиле был съезд с шоссе и указатель: «Аэроклуб Прованса». Он доехал по узкой дороге до маленького аккуратного летного поля среди виноградников; на стоянке стоял самолет – «Марчетти Ф206». Дэвид вышел из машины и смотрел на него, как пьяница смотрит на первую за день порцию виски.

Француз в конторе клуба напоминал гробовщика-неудачника и, даже когда Дэвид показал ему летную лицензию, летную книжку и много других бумаг, отказывался дать ему «марчетти». Дэвид может выбрать один из других самолетов, но «марчетти» не сдается. Дэвид добавил к груде документов пятисотфранковую купюру, и она тут же как по волшебству исчезла в кармане француза. Однако тот все равно не разрешил Дэвиду лететь в «марчетти» одному и настоял на том, чтобы сопровождать его в качестве инструктора.

Дэвид медленно повел машину по полю. Это был акт протеста, он сознательно делал резкие остановки и повороты. Француз с глубоким чувством воскликнул: «Sacre bleu*!» – и оцепенел, но у него хватило ума не вмешиваться. Дэвид завершил маневр подъема и тут же повернул назад, пролетая в пятидесяти футах над виноградниками. Француз заметно расслабился, увидев руку мастера, а когда час спустя Дэвид приземлился, печально улыбнулся ему.

– Замечательно! – сказал он и разделил с Дэвидом свой обед – свиную колбасу с чесноком и бутылку молодого красного вина. Хорошее настроение после полета и аромат чеснока оставались с Дэвидом до самого Мадрида.

---

* Дьявольщина (*фр.*).

* * *

В Мадриде все и началось, словно было намечено заранее, словно он лихорадочно пересек пол-Европы, зная, что в Мадриде его ждет нечто очень важное.

Он добрался до города к вечеру, торопясь поспеть к первому в сезоне бою быков, который должен был состояться на следующий день. Он читал Хемингуэя, Конрада и другие романтические описания корриды. И подумал: может, в этом для него что-то есть. В книгах все так замечательно – красота, благородство, возбуждение, и храбрость, и риск, и миг последнего решающего удара. Он хотел сам оценить все это, посидеть на обширной Плаза Дель Торро, а если понравится, позже отправиться на большой праздник в Памплоне.

Дэвид остановился в «Гран Виа», где былую элегантность сменил простой комфорт, и коридорный раздобыл для него билет на следующий день. Дэвид устал от долгой езды и рано лег спать, а проснулся освеженный, с нетерпением ожидая начала дня. Нашел дорогу на арену и припарковал «мустанг» рядом с туристскими автобусами, которые даже в начале сезона заполонили всю стоянку.

Снаружи арена показалась ему зловещей, точно храм какой-то языческой варварской религии: без ярусов сидений и узоров из керамических плиток; зато что ждет внутри, он знал по фильмам и фотографиям. Кольцо арены, засыпанное гладким чистым песком, флаги на фоне усеянного облаками неба, оркестр, исполняющий нечто бравурное, – и возбуждение.

Возбуждение собравшихся зрителей, более сильное, чем на боях боксеров или международных футбольных матчах; толпа – бесконечные ряды напряженных белых лиц – гудела, и музыка усиливала напряжение.

Дэвид сидел с группой молодых австралийцев в сувенирных сомбреро. Они передавали друг другу бурдюк с плохим вином, девушки чирикали и щебетали, как воробьи. Одна заметила Дэвида, потянула его за плечо и предложила вина. Хорошенькая кошечка – и по ее взгляду было ясно, что она предлагает не только вино, но он решительно отказался от обоих предложений и пошел за пивом к одному из разносчиков. Слишком свеж был опыт общения с девушкой в Париже. Когда Дэвид вернулся на место, австралийка неодобрительно взглянула на его пиво, повернулась и заулыбалась своим спутникам.

Опоздавшие разыскивали свои места, напряжение быстро возрастало. Двое поднимались по ступеням прохода к тому месту, где сидел Дэвид. Молодая пара, лет двадцати с небольшим, но Дэвида прежде всего поразила аура дружбы и любви, которая окутывала их, обособляя от всех прочих.

Держась за руки, они поднялись по ступеням, прошли мимо Дэвида и сели через проход от него и на ряд сзади. Девушка была высокой, длинноногой, в коротких черных сапогах и темных брюках, а поверх – оранжево-зеленый замшевый жакет, недорогой, но отличного качества и покроя. Ее волосы блестели на солнце, как свежевырубленный уголь, и мягкой волной падали на плечи. Лицо широкое, загорелое; особенно красивым его нельзя было назвать – рот великоват, да и глаза слишком широко расставлены, зато они были цвета дикого меда, темно-карие с золотыми искорками. Ее смуглый спутник тоже был высок и строен, с виду настоящий силач. Он вел ее на место, обнимая мускулистой загорелой рукой, и Дэвид почувствовал острый укол досады и зависти.

«Громила хренов», – подумал он. Парочка сблизила головы и заговорила шепотом, а Дэвид отвернулся; их близость обострила его собственное одиночество.

Начался парад тореадоров; блестки на их плащах и шитье на костюмах сверкали, словно чешуйки огромного ящера. Грянул оркестр, и на песок бросили ключи от бычьих загонов. Тореадоры расстелили плащи на барьере перед своими поклонниками и удалились.

В наступившей паузе Дэвид снова взглянул на пару. Он вздрогнул, заметив, что они оба смотрят на него и девушка при этом что-то говорит. Она склонилась на плечо своего спутника, ее губы почти касались его уха, и Дэвид почувствовал, как внутри у него все сжимается под взглядом этих медово-золотых глаз. Мгновение они смотрели друг на друга, потом девушка вздрогнула и виновато отвела взгляд – но ее спутник продолжал открыто смотреть на Дэвида, чуть улыбаясь, и на сей раз взгляд отвел Дэвид.

Внизу на арену выскочил, высоко подняв голову, бык и забуксовал по песку.

Прекрасный, черный, блестящий, мышцы на шее и плечах вздувались, когда он поводил головой из стороны в сторону, и толпа взревела; бык повернулся и галопом понесся по арене за убегающим розовым пятном. Его провели по кругу, передавая от плаща к плащу, показывая его скорость и ловкость, совершенные серпы рогов с кремовыми кончиками. Потом привели лошадь.

Ее появление приветствовали трубы, и пели они насмешливо, славя храбрость изъезженной клячи с тощей шеей и вздрагивающей шкурой, с одним завязанным слезящимся глазом – завязанным, чтобы она не видела ужаса, с которым ей предстояло встретиться.

Лошадь развинченно шла по арене, слишком тощая, чтобы нести вооруженного пикадора; ее поставили перед быком – и тут всякая красота кончилась.

Бык, наклонив голову, ринулся к ней, отбросил клячу к барьеру, а всадник наклонился над гладкой черной спиной и вогнал в нее пику, разорвав плоть, налегая на древко всей тяжестью, пока кровь, черная, как необработанная нефть, не потекла по гладкому боку и по ноге быка не полилась на песок.

Взбешенный болью, бык рвал и бодал защитные подушки, закрывавшие бока клячи; они разошлись с легкостью театрального занавеса, и бык добрался до тощей плоти лошади, пронзая ее своими страшными рогами; лошадь закричала: он распорол ей брюхо и оттуда на песок вывалились пурпурно-розовые внутренности.

У Дэвида от ужаса пересохло во рту, а толпа вокруг ревела, взбудораженная видом крови. Лошадь рухнула в водовороте песка и собственных внутренностей.

Быка оттащили и стали бить упавшую лошадь; ее дергали за хвост, пока не заставили встать. И дрожащую, спотыкающуюся о собственные внутренности, наконец увели с арены.

Дэвид хотел крикнуть: «Прекратите!» Но его мутило; виновато замерев от ощущения сопричастности этому безбожному ритуалу, он сидел молча. Тем временем быка поставили в центр арены, песок вокруг него был весь изрыт после ужасной схватки. Бык стоял, опустив голову, мордой почти касаясь песка, кровь и пена капали из его ноздрей, из разинутой пасти. Даже сквозь гул толпы Дэвид слышал резкий свист его тяжелого дыхания. Ноги быка дрогнули, он выпустил тонкую струю желтого навоза, испачкав задние ноги. Дэвиду это показалось последним унижением, и он обнаружил, что шепчет:

– Нет! Нет! Прекратите! Пожалуйста, прекратите!

Наконец появился человек в блестящем костюме и балетных туфлях, его шпага уткнулась в кость, лезвие согнулось, сверкая на солнце, и бык с трудом поднялся, разбрасывая большие капли крови.

Шпагу подняли с песка и отдали человеку, и тот снова приблизился к умирающему животному, но клинок снова уткнулся в кость, и Дэвид наконец обрел голос и закричал:

– Прекратите! Грязные ублюдки!

Двенадцать раз человек в центре арены ударял шпагой, и каждый раз она вылетала у него из рук; наконец бык упал сам, ослабев от медленной потери крови, с сердцем, разбитым болью и унижением. Он еще раз попытался встать, но силы покинули его, и он был убит на месте кинжалом в основание шеи, а потом его потащила упряжка мулов; ноги быка нелепо торчали в воздухе, кровь оставляла на песке длинную темную полосу.

Ошеломленный чудовищной жестокостью всего этого, Дэвид медленно повернулся и взглянул на девушку. Спутник склонился к ней и что-то шептал, пытаясь утешить.

Она медленно качала головой, отказываясь понимать, ее глаза цвета меда налились слезами. Губы дрожали, щеки покраснели и блестели от слез.

Спутник помог ей встать и мягко повел вниз по ступеням, как недавно овдовевшую с могилы мужа.

Вокруг толпа смеялась и бурлила, наслаждаясь кровью и болью, и Дэвид чувствовал себя отверженным, отделенным от всех. Сердце его устремилось к плачущей девушке, во всей толпе только она казалась ему реальной. Он увидел достаточно, и знал, что никогда не поедет в Памплону. Он встал и вслед за девушкой ушел с арены, хотел поговорить с ней, сказать, что разделяет ее горе, но, когда добрался до стоянки, пара уже садилась в побитый старый «Ситроен CV100», и хотя он побежал, машина тронулась с места, выпустила облако голубого дыма, затрещала, как газонокосилка, и покатила на восток. С чувством утраты, смывшим хорошее настроение последних дней, Дэвид смотрел ей вслед.

Два дня спустя, оставив всякую мысль о Памплоне и направляясь на юг, он снова увидел старый «ситроен». Машина под толстым слоем пыли и со стертыми покрышками выглядела еще более изношенной. Подвеска, казалось, с одной стороны просела, отчего у машины был подгулявший вид.

Она стояла на заправочной станции у Саратоги, на дороге в Барселону, и Дэвид съехал с шоссе и припарковался у бензиновых насосов. Служащий в грязном комбинезоне под присмотром мускулистого молодого человека заправлял «ситроен». Дэвид быстро огляделся в поисках девушки: в машине ее не было. И тут он ее увидел.

Она была в кантине * на другой стороне улицы, разговаривала с пожилой женщиной за стойкой. Девушка стояла спиной к нему, но Дэвид сразу узнал массу темных волос, теперь зачесанных наверх. Он быстро перешел через улицу, вошел в магазинчик и остановился у нее за спиной. Он не знал, что делать, и действовал по наитию.

На девушке было короткое цветастое платье, обнажавшее спину и плечи, на ногах – открытые сандалии. Вблизи кожа ее казалась гладкой, как пластик, и эластичной, словно ее недавно умастили маслом, на шее росли мягкие волоски.

---

* Винный погребок, закусочная (*исп.*).

Дэвид приблизился; она взяла свою покупку – сушеные финики – и пересчитывала сдачу. Он ощутил ее запах, легкие летние духи, которыми веяло от ее волос, и почувствовал искушение погрузить лицо в эту душистую гриву.

Девушка с улыбкой повернулась и увидела его рядом с собой. И немедленно узнала: такое лицо не забудет ни одна женщина. Она вздрогнула. Улыбка исчезла, девушка стояла неподвижно, глядя на Дэвида – совершенно равнодушно, но губы слегка разошлись, а глаза мягко сверкали золотом. Эту ее своеобразную неподвижность ему еще предстояло хорошо узнать.

– Я видел вас в Мадриде, – сказал он, – на бое быков.

– Да. – Она кивнула, голос ее не стал ни более дружеским, ни более враждебным.

– Вы плакали.

– Вы тоже. – Теперь ее голос звучал негромко и четко, произношение слишком безупречное для испанки.

– Нет, – возразил Дэвид.

– Вы плакали, – негромко настаивала она. – Вы плакали внутри. – И он согласно склонил голову. Неожиданно она протянула ему бумажный пакет с финиками. – Попробуйте, – сказала она и улыбнулась. Он взял один, надкусил сладкую мякоть, а девушка двинулась к выходу, каким-то образом передав ему приглашение идти с нею.

Он вышел следом, и они через улицу взглянули на «ситроен». Служащий закончил заполнять бак, и спутник ждал девушку, опершись о капот старой машины. Он прикуривал сигарету, но поднял голову и посмотрел на них. Очевидно, он тоже узнал Дэвида, быстро выпрямился и бросил горящую спичку.

Послышался мягкий воющий звук и тяжелый гул сотрясения воздуха. На асфальте вспыхнула лужица бензина. Огонь мгновенно охватил тыльную часть «ситроена» и принялся жадно пожирать кузов.

Дэвид оставил девушку и побежал через дорогу.

– Отойди от насоса, идиот! – кричал он на бегу застывшему от неожиданности водителю.

Прекрасное пятое ноября,* замечательное пиротехническое зрелище, но Дэвид отключил ручной тормоз, поставил передачу в нейтральное положение, и вместе с водителем они откатили машину подальше от заправки на открытое место, а вокруг, словно бы прямо из-под земли, материализовалась толпа зевак; они ободряюще покрикивали, держась на безопасном расстоянии.

Молодые люди успели даже вытащить с заднего сиденья багаж, прежде чем машину полностью охватило пламя, и тут появился запоздавший служитель с огромным алым огнетушителем. Под радостные аплодисменты толпы он залил жалкий маленький автомобиль потоком пены – и все кончилось. Толпа быстро рассеялась, смеясь, болтая и поздравляя любителя-пожарного: прекрасный номер с огнетушителем! А трое печально смотрели на почерневший обожженный остов «ситроена».

---

* В Англии пятого ноября по традиции фейерверками отмечают провал так называемого «Порохового заговора».

– Вероятно, это своего рода милосердие: старушка жутко устала, – сказала наконец девушка. – Все равно что пристрелить лошадь со сломанной ногой.

– Вы застрахованы? – спросил Дэвид, и спутник девушки рассмеялся.

– Вы шутите – кто такое застрахует? Я заплатил за нее всего сто американских долларов.

Парочка собрала свое имущество, и девушка быстро заговорила со своим спутником на каком-то чужом, слегка гортанном языке. Его звуки показались Дэвиду знакомыми. Он понял, о чем речь, и потому не удивился, когда девушка взглянула на него.

– Нам нужно встретить кое-кого в Барселоне сегодня вечером. Это важно.

– Поехали, – ответил Дэвид.

Они отнесли багаж в «мустанг», и спутник девушки, поджав длинные ноги, уместился на заднем сиденье. Звали его Иосиф, Джозеф, но по совету девушки Дэвид называл его Джо. А она была Деброй – уменьшительное имя казалось пока еще неважным. Она сидела рядом с Дэвидом, плотно сдвинув колени и положив на них руки. Одним взглядом она оценила «мустанг» и его содержимое. Дэвид видел, что она отметила дорогие чемоданы, никоновскую камеру и цейссовский бинокль в отделении для перчаток, кашемировый джемпер, брошенный на сиденье. Потом искоса взглянула на него, казалось впервые заметив шелковую сорочку и золотые часы марки «Пиаже» на руке.

– Блаженны нищие, – сказала она, – но, наверно, приятно быть богатым.

Дэвиду это понравилось. Он хотел произвести на Дебру впечатление, заставить сравнивать его с рослым мускулистым парнем на заднем сиденье.

– Поехали в Барселону, – рассмеялся он.

Дэвид неторопливо проехал через окраины города, и Дебра оглянулась через плечо.

– Тебе удобно? – спросила она на том же гортанном языке, каким пользовалась раньше.

– Если ему неудобно, может бежать за машиной, – на том же языке ответил Дэвид.

Она удивленно взглянула на него и восхищенно воскликнула:

– Эй! Ты говоришь на иврите!

– Не очень хорошо, – признался Дэвид. – Большую часть забыл. – И в его памяти ожила картина: он, десяти лет, сражается со странным, загадочным языком, на котором пишут справа налево, алфавит которого состоит из головастиков, а звуки произносят гортанью словно полощут горло.

– Ты еврей? – спросила Дебра, поворачиваясь к нему. Она больше не улыбалась; вопрос явно имел для нее большое значение.

Дэвид покачал головой.

– Нет. – Эта мысль показалась ему забавной. – Я полуубежденный непрактикующий монотеист, выращенный и воспитанный в недрах христианской протестантской традиции.

– Тогда зачем ты учил иврит?

– Этого хотела моя мать, – объяснил Дэвид, снова чувствуя себя виноватым. – Она погибла, когда я был еще ребенком. И тогда я бросил это. Когда она умерла, это не казалось мне важным.

– Твоя мать, – настойчиво продолжала Дебра, склоняясь к нему, – была еврейка?

– Да. Конечно, – согласился Дэвид. – Но отец – протестант. Поднялся настоящий ад, когда папа на ней женился. Все были против. Но они все равно поступили по-своему.

Дебра повернулась к Джо.

– Ты слышал: он один из нас.

– Да ну! – возразил Дэвид, продолжая смеяться.

– *Мазалтов!* – сказал Джо. – Встретимся в Иерусалиме.

– Вы израильтяне? – с новым интересом спросил Дэвид.

– Сабры,* оба, – с гордостью и глубоким удовлетворением сказала Дебра. – Мы здесь в отпуске.

– Должно быть, интересная страна, – сказал Дэвид.

– Ну, как заметил Джо, тебе нужно встретиться с нами в Иерусалиме и посмотреть самому, – небрежно предложила она. – Ты имеешь право вернуться. – И сразу сменила тему. – Может эта машина идти быстрее? Нам нужно в семь быть в Барселоне.

Отношения между ними заметно изменились, как будто исчезла невидимая преграда, как будто Дебра сделала какой-то очень важный вывод. Они выехали из города; впереди лежала открытая дорога, спускающаяся в долину Эбро, к морю.

– Прошу не курить и пристегнуться, – сказал Дэвид и выпустил «мустанг» на свободу.

Она сидела рядом с ним совершенно неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела прямо вперед, а повороты прыгали им навстречу, и голубые потоки воздуха обтекали тело «мустанга». На губах Дебры играла легкая восторженная улыбка, в глазах плясали золотые огоньки, и Дэвид понял, что скорость опьяняет ее, как и его.

Он забыл обо всем, кроме девушки, сидящей рядом, и необходимости удерживать могучую ревущую машину на полосе покрытия.

Однажды, когда они серией резких крутых поворотов спускались в сухую пыльную долину и руки Дэвида метались от руля к переключателю скоростей, а ноги плясали на педалях, Дебра возбужденно рассмеялась.

В деревенской кантине они купили хлеба, сыра и бутылку белого вина и поели на парапете старинного каменного моста, а под ними журчала вода, мутная от растаявшего в горах снега.

Дэвид бедром касался Дебры, когда они сидели рядом. Он чувствовал сквозь одежду ее упругое тело, она не отодвигалась. Щеки ее раскраснелись чуть больше, чем можно бы было ожидать даже на резком холодном ветру.

Дэвида изумлял Джо. Тот, по-видимому, совершенно не понимал, что Дэвид нацелился на его девушку, и радовался как дитя, бросая камешки в проплывавших внизу форелей. Неожиданно Дэвиду захотелось, чтобы соперник сопротивлялся – тогда борьба будет более интересной, а Дэвид решил, что обязательно вступит в борьбу.

Он перегнулся через Дебру за новым куском острого белого сыра, и его рука коснулась мучительно привлекательной двойной выпуклости ее груди. Джо, казалось, ничего не замечал.

«Ну, давай, горилла, – презрительно подумал Дэвид. – Возмутись. Не сиди сиднем».

---

* Евреи, родившиеся в Израиле.

Он хотел попробовать себя в схватке с этим парнем; по движениям Джо, по тому, как тот держался, Дэвид видел, что парень отлично умеет рассчитывать силы и уверен в себе. Лицо грубое, некрасивое, но Дэвид знал, что некоторым женщинам это нравится, да и медленная ленивая улыбка Джо его не обманывала – глаза у парня были быстрые и проницательные.

– Хочешь за руль, Джо? – неожиданно спросил он, и по лицу Джо, как масло по воде, расплылась медленная улыбка. Глаза блеснули в предвкушении.

– Неплохо бы, – ответил он, и Дэвид тут же пожалел о своем предложении: пришлось скорчиться на узком заднем сиденье. Первые пять минут Джо ехал осторожно, проверяя тормоза, переключая скорости, увеличивая обороты, чтобы освоиться и привыкнуть к характеру машины.

– Да не бойся ее, – сказал Дэвид. Джо негромко хмыкнул, лицо его стало сосредоточенным, лоб прорезала морщина. Потом он кивнул самому себе, крепче взялся за руль, и Дебра взвизгнула, когда он переключил скорость. Джо аккуратно вписал машину в первый поворот, а Дэвид в это время машинально нажимал на несуществующую педаль и пытался проглотить комок в горле.

Когда Джо остановил машину на стоянке аэропорта в Барселоне и выключил мотор, все несколько секунд молчали. Наконец Дэвид негромко сказал:

– Сукин сын!

И все рассмеялись. Дэвид почувствовал легкое сожаление из-за того, что придется отбить у этого парня девушку, – Джо начинал ему нравиться, он, сам того не желая, наслаждался его медлительной речью и движениями, спокойной уверенной улыбкой. Приходилось укреплять свою решимость.

Они приехали за час до прибытия самолета, который должны были встретить, и отыскали в ресторане столик, откуда было видно на посадочную полосу. Дэвид заказал глиняный кувшин сангрии, а Дебра, сидевшая рядом с Джо, взяла его за руку, продолжая говорить, и отношение Дэвида к Джо подверглось новому испытанию.

Когда официант принес вино, как раз садился частный самолет, и Джо поднял голову.

– Знаешь что-нибудь о полетах? – вызывающе спросил Дэвид.

– Немного, – признался Джо, но Дебра приняла вызов.

– Джо служит в военно-воздушных силах, – гордо сказала она, и Дэвид удивленно посмотрел на них.

– Дебра тоже, – рассмеялся Джо, и Дэвид перенес внимание на нее. – Она лейтенант в войсках связи.

– Я резервистка, – сказала Дебра, – а Джо настоящий пилот. Пилот истребителя.

– Пилот, – тупо повторил Дэвид. Он должен был сразу понять это по ясному устойчивому взгляду – признаку опытного пилота. По тому, как Джо вел «мустанг». Израильский военный летчик, он должен был участвовать во многих операциях. Дьявол, да они, поднимаясь в воздух, всякий раз участвуют в настоящих операциях. Он чувствовал, как его уважение к Джо растет.

– На чем летаешь? На «фантомах»?

– «Фантомы!» – Джо скорчил гримасу. – Это не полет. Все равно что работать на компьютере. Нет, мы летаем по-настоящему. Когда-нибудь слышал о «миражах»?

Дэвид помигал, потом кивнул.

– Да, – сказал он, – я о них слышал.

– Ну вот, я летаю на «мираже».

Дэвид засмеялся, качая головой.

– В чем дело? – спросил Джо, переставая улыбаться. – Что в этом смешного?

– Я тоже летаю на «миражах», – сказал Дэвид. Бесполезно сердиться, решил он. – Налетал больше тысячи часов на «мираже».

Тут настала очередь Джо удивленно смотреть на него, а в следующее мгновение они одновременно заговорили – Дебра быстро поворачивала голову от одного к другому.

Дэвид заказал еще один кувшин сангрии, но Джо не позволил ему заплатить. Он в пятый раз повторил:

– Ну что за парень. – И ударил Дэвида по плечу. – Как он тебе, Дебра?

Когда допивали второй кувшин, Дэвид прервал возбужденный разговор об авиации и спросил:

– Кстати, кого мы встречаем? Мы проехали пол-Испании, а я и не знаю, кто этот парень.

– Парень? Это девушка, – рассмеялся Джо, а за ним и Дебра.

– Ханна, – она улыбнулась Джо, – его невеста. Она медицинская сестра в госпитале Хадашша и смогла вырваться только на неделю.

– Твоя невеста? – прошептал Дэвид.

– Они поженятся в июне. – Дебра повернулась к Джо. – Потребовалось два года, чтобы он решился.

Джо в замешательстве улыбался, и Дебра схватила его за руку.

– Твоя невеста? – повторил Дэвид.

– Да что ты заладил одно и то же? – спросила Дебра. Дэвид указал на Джо, потом на Дебру.

– А я-то думал... – запинаясь, начал он. – Да черт возьми...

Дебра неожиданно поняла и ахнула. Она обеими руками прикрыла рот, глаза ее сверкали.

– Ты хочешь сказать... ты подумал... О нет!.. – Она захихикала. Указала на Джо, потом на себя. – Ты об этом подумал?

Дэвид кивнул.

– Он мой брат, – заявила Дебра. – Джо мой брат, дурак! Иосиф Исаак Мардохей и Дебра Руфь Мардохей – брат и сестра.

Ханна оказалась рослой девушкой с ярко-медными волосами и веснушками величиной с золотой соверен. Она была ниже Джо всего на дюйм-два, но, когда Ханна прошла таможню, Джо подхватил невесту и заключил в объятия.

Казалось совершенно естественным, что их четверка держалась вместе. Проявив чудеса упаковки, разместили весь багаж в «мустанге» и поместились сами, причем Ханна сидела на заднем сиденье на коленях у Джо.

– У нас есть неделя, – сказала Дебра. – Целая неделя! На что мы ее потратим?

Они единодушно решили, что Торремолинос исключается. Он далеко на юге, да к тому же с тех пор, как Миченер написал своих «Рыбаков», он стал излюбленным местом всех бродяг и чудаков.

– Я разговорилась с соседом в самолете. Выше по берегу есть место, называется Колера. У самой границы.

Добрались они туда на следующее утро. Было самое начало сезона, поэтому они без труда нашли приятные номера в маленьком отеле на извилистой главной улице. Девушки поселились вместе, но Дэвид настоял, чтобы у него была отдельная комната. У него были определенные планы насчет Дебры, требовавшие уединения.

У Дебры было голубое узенькое бикини, не вмещавшее грудь, которая оказалась еще пышнее, чем предполагал Дэвид. Шелковистая кожа сильно загорела, но сзади, когда девушка наклонялась за полотенцем, открывалась поразительно белая полоска. Талия у Дебры была тонкая, ноги длинные, она отлично плавала – когда они отправились к скалистому острову в полумиле от берега, она постоянно обгоняла Дэвида.

Островок был в полном их распоряжении. Они нашли плоскую скалу, защищенную от ветра и освещенную солнцем, лежали на ней, сплетя пальцы. Соленая вода приклеила волосы Дебры к плечам, и они стали похожи на накидку из меха выдры.

Они лежали на солнце и разговаривали. Им многое нужно было узнать друг о друге.

Отец Дебры был одним из самых молодых полковников в Военно-воздушных силах США во время Второй мировой войны, но потом переселился в Израиль. И с тех пор там, теперь он генерал-майор. Они живут в старой части Иерусалима; дому уже пятьсот лет, но жить в нем хорошо.

Она старший преподаватель английского языка в еврейском университете в Иерусалиме и – добавила она застенчиво – хочет писать. Уже вышел небольшой сборник ее стихов. Это произвело на Дэвида впечатление, он приподнялся на локте и посмотрел на нее с возрастающим уважением и с легкой завистью, как на человека, ясно видящего свой путь.

Дебра лежала на солнце, закрыв глаза, капли воды, как драгоценные камни, сверкали на ее густых темных ресницах. Ее не назовешь прекрасной, решил он осмотрительно, но она хороша и очень-очень сексуальна. Конечно, она будет принадлежать ему. Дэвид в этом не сомневался, но почему-то ему не хотелось торопиться. Ему нравилось ее слушать; Дебра говорила необычно, и акцент ее куда-то пропал, хотя порой слышались отголоски ее американского происхождения – теперь, когда он об этом знал. Она сказала, что поэзия – это только начало. Она собирается написать роман о молодежи и о жизни в Израиле. У нее уже были общие наброски сюжета, и Дэвиду они показались интересными. Потом Дебра заговорила о своей земле и о живущих на ней людях. В Дэвиде вдруг что-то шевельнулось – ностальгия, глубокая расовая память. Он снова ощутил зависть. Эта девушка была так уверена в себе, в своем месте в жизни – она знала, где и каково ее предназначение, и это делало ее сильной. Рядом с ней Дэвид чувствовал себя незначительным и лишенным цели в жизни.

Неожиданно она открыла глаза, слегка сощурилась на солнце и посмотрела на Дэвида.

– О Боже, – улыбнулась она. – Ты загрустил, Дэвид. Я тебя заговорила? – Он покачал головой, но не ответил на улыбку, и Дебра тоже стала серьезной.

Она принялась внимательно рассматривать его лицо. Солнце подсушило его волосы, они стали мягкими, пушистыми и очень темными. Четко были очерчены тонкие, идеальных

пропорций кости скул и челюстей, глаза, ясные и слегка миндалевидные, полные твердые губы, прямой нос с широкими ноздрями.

Она протянула руку и коснулась его щеки.

– Ты очень красив, Дэвид. Я такого красивого мужчины еще не видела.

Он не шелохнулся. Она провела пальцами по его шее и груди, взлохматила темные курчавые волосы.

Он медленно наклонился и накрыл ее губы своими. Губы у Дебры оказались теплыми, мягкими и солеными. Она подняла руки и обвила его шею. Они целовались, потом Дэвид протянул руку и расстегнул ее купальник на загорелой спине. Девушка сразу напряглась и попыталась отодвинуться.

Дэвид держал ее мягко, но крепко, пробормотал что-то успокаивающее, снова поцеловал. Она медленно расслабилась, он продолжал ее целовать, но когда его руки перебрались ей на спину, Дебра снова напряглась и задрожала.

Руки у него были опытные, привычные, он сумеет преодолеть сопротивление, не напугает ее. Дэвид сдвинул тонкий материал бикини и удивился упругости и тяжести ее груди, большие коричнево-розовые соски оказались каменно-твердыми под его прикосновением.

Поразительно, совершенно для него непостижимо, необычно: Дэвид не привык к отказам, но Дебра положила руки ему на плечи и оттолкнула его с такой силой, что он потерял равновесие и соскользнул со скалы, ободрав локоть и остановившись у самой кромки воды.

Он гневно вскочил на ноги, Дебра гибким движением тоже поднялась, на ходу застегивая купальник. Одним прыжком оказалась на краю скалы, нырнула, без брызг уйдя под воду, вынырнула на поверхность и крикнула:

– Я тебя перегоню на обратном пути.

Дэвид не принял вызова и с достоинством поплыл назад. Когда он, мрачный, вышел на берег, Дебра некоторое время разглядывала его лицо, потом улыбнулась.

– Когда ты сердишься, ты кажешься десятилетним ребенком, – сказала она не слишком тактично, и Дэвид мрачно побрел в свою комнату.

Он по-прежнему держался достойно и отчужденно, когда они вечером обнаружили дискотеку «2001 год», которую проводили ниже по берегу несколько парней-англичан. Они остановились у стола, за которым уже сидели две стюардессы и несколько оборванных бородачей. Музыка была достаточно громкой и ритмичной, чтобы сместить позвонки и вытряхнуть все внутренности, и стюардессы смотрели на Дэвида с почти набожным восторгом; Дебра с холодным интересом обратила на это внимание и предложила потанцевать. Слегка смягченный этой женской игрой, Дэвид отказался от своей маски ледяного короля.

Они хорошо чувствовали друг друга, быстро уловили резкий ритм и с изяществом, привлекшим внимание остальных танцоров, исполнили примитивный танец, от которого несло Африкой.

Когда ритм сменился, Дебра прижалась к Дэвиду всем телом. Он чувствовал, что от нее исходит какая-то электризующая, будоражащая сила, и понял, что отношения с этой жен-

щиной никогда не будут спокойными и безмятежными. Слишком глубоки ее чувства, слишком сильны и всегда готовы к мгновенному выплеску.

Когда музыка кончилась, они оставили Джо и Ханну за графином красного вина, а сами пошли по тихой улице к берегу.

Луна освещала темные прибрежные утесы на берегу и отражалась в море множеством желтых бликов. Шумел легкий прибой, шуршал камешками; они разулись и пошли вдоль берега босиком, по щиколотку в воде.

Потом отыскали углубление в утесе, почти скрытое со всех сторон, и остановились, чтобы снова поцеловаться. Дэвид ошибочно принял мягкость Дебры за приглашение продолжить с того места, где остановился днем.

Дебра решительно отстранилась и гневно сказала:

– Черт тебя побери! Ты умеешь чему-нибудь учиться? Я не хочу этого! Неужели нужно каждый раз начинать заново?

– В чем дело? – Ее тон обидел Дэвида, сопротивление рассердило. – Сейчас двадцатый век, дорогая. Девственницы в этом сезоне не в моде. Ты разве не слышала?

– А избалованные мальчишки должны сперва подрасти, – ответила она.

– Спасибо! – рявкнул он. – Терпеть оскорбления от профессиональной девственницы я не собираюсь.

– Тогда почему бы тебе не уйти? – вызывающе сказала она.

– Отличная мысль! – Он повернулся к ней спиной и пошел по берегу. Этого она не ожидала, хотела побежать за ним, но остановила гордость. Дебра прислонилась к скале.

«Он не должен торопить меня, – жалобно думала она. – Я хочу его, так хочу, но ведь после Дуду он будет первым. Если бы он только дал мне время, все было бы в порядке, он не должен меня торопить. Если бы только он шел с той же скоростью, что я, помогал бы мне.

Странно, как плохо я теперь помню Дуду. Прошло всего три года, но воспоминания о нем меркнут так быстро, что теперь я сомневаюсь, на самом ли деле любила его. Даже лицо его помню плохо, а вот в лице Дэвида знаю каждую черточку.

Наверно, нужно догнать его и рассказать о Дуду, попросить его быть терпеливым, помочь мне. Наверно, нужно так сделать». Но она не сделала этого и медленно пошла по пляжу, через тихий город, в отель.

Кровать Ханны пустовала. «Она теперь с Джо, лежит с ним, любит его. Мне следовало бы быть с Дэвидом, – подумала она. – Дуду мертв, а я жива, и я хочу Дэвида и должна быть с ним», – но она медленно разделась, легла в постель и долго лежала без сна.

Дэвид стоял у входа на дискотеку и всматривался в мигающие огни и дым, в теплые испарения сотни тел. Стюардессы по-прежнему сидели за столом, но Джо и Ханна ушли.

Дэвид пробрался между танцующими. Одна из стюардесс, высокая и светловолосая, с нежным румянцем на белом личике и кукольными глазами, подняла голову, увидела Дэвида, оглянулась в поисках Дебры, удостоверилась, что ее нет, и только тогда улыбнулась.

Они потанцевали, не касаясь друг друга, потом Дэвид прислонился к ней и положил руки ей на бедра. Она прижалась к нему, раскрыв губы.

– Комната у тебя есть? – спросил Дэвид. Она кивнула, проведя кончиком языка по губам.

– Пошли, – сказал Дэвид.

Было уже светло, когда Дэвид вернулся в свой номер. Побрился и собрал чемодан, удивляясь силе собственного гнева. Отнес багаж к стойке и заплатил по счету.

Из столовой вышла Дебра, за ней Джо и Ханна. Они были одеты для пляжа, махровые халаты накинуты на купальники, они весело смеялись – пока не увидели Дэвида.

– Эй! – окликнул его Джо. – Куда ты?

– Хватит с меня Испании, – ответил ему Дэвид. – Принимаю добрый совет и уезжаю. – И почувствовал прилив торжества, заметив боль во взгляде Дебры.

Джо и Ханна взглянули на нее, и она тут же справилась с собой. Улыбнулась, немного излишне весело, и подошла, протягивая руку.

– Спасибо за помощь, Дэвид. Жаль, что тебе нужно уезжать. Было славно. – Голос ее слегка дрогнул. – Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь. Удачи.

Она быстро отвернулась и вышла из холла. Ханна с застывшим лицом коротко кивнула Дэвиду и пошла за Деброй.

– Пока, Джо.

– Я отнесу твой багаж.

– Не беспокойся. – Дэвид попытался остановить его.

– Никакого беспокойства. – Джо отнес чемодан к «мустангу». Бросил его на заднее сиденье. – Проеду с тобой до вершины подъема, а оттуда вернусь пешком. – Он забрался на пассажирское сиденье и удобно устроился. – Мне нужно прогуляться.

Дэвид повел машину, они молчали. Джо зажег сигарету и выбросил спичку в окно.

– Не знаю, Дэвид, что произошло, но могу догадаться.

Дэвид не ответил, он не отрывался от дороги.

– У нее было трудное время. В последние дни все изменилось. Она стала другой. Счастливой. И мне показалось, что все кончится хорошо.

Дэвид продолжал молчать, не помогая Джо. Почему этот болван лезет не в свое дело?

– Она особенная, Дэвид. Не потому, что она моя сестра. На самом деле. Я думаю, ты это уже понял. Не думай о ней слишком плохо.

Они добрались до вершины холма над городком и заливом. Дэвид подвел машину к обочине, но мотор не выключал. Посмотрел на ярко-синее море, туда, где оно встречалось с утесами и поросшим соснами плоскогорьем.

– Она собиралась замуж, – негромко сказал Джо. – За отличного парня, старше ее, они вместе работали в университете. Он был водителем танка, резервистом, и на Синае сгорел в своем танке.

Дэвид повернулся и взглянул на него, выражение его лица слегка смягчилось.

– Она тяжело это перенесла, – упрямо продолжал Джо. – Последние несколько дней я впервые видел ее улыбку. Видел, что ее отпустило. – Он пожал плечами и улыбнулся, как большой сенбернар. – Прости, что посвящаю тебя в семейные дела, Дэви. Просто подумал, что тебе это поможет. – Он протянул широкую загорелую ладонь. – Приезжай к нам. Ты знаешь, это ведь и твоя страна. Мне хотелось бы показать ее тебе.

Дэвид пожал ему руку.

– Может, я так и сделаю, – сказал он.

– Шалом.

– Шалом, Джо. Удачи. – Джо вылез из машины, и, отъезжая, Дэвид видел, как он стоит, подбоченясь. Он помахал рукой, и тут его скрыл поворот дороги.

В Остии, на дороге, ведущей в Рим, располагалась школа, где готовили гонщиков для «Формулы 1». Использовали заброшенный бетонный трек. Курс длился три недели и стоил 500 американских долларов.

Дэвид остановился в «Эксцельсиоре» на Виа Венето и ежедневно ездил на трек. Он прошел весь курс, но уже к концу первой недели понял, что ему нужно не это. После свободного полета в небе ограничения трека действовали на него угнетающе, а ревущая мощь «тирелл форда» не могла сравниться с силой двигателя истребителя-перехватчика. И хотя он занимался без увлечения, природный талант гонщика и координация движений поставили его во главе списка успешно закончивших курс, и он получил предложение выступать за новую компанию, которая собиралась выпустить свою команду в соревнованиях «Формулы 1». Конечно, плату предлагали мизерную, и мерой его отчаяния служит то, что он едва не подписал контракт, но в последний момент Дэвид изменил решение и уехал.

Он провел неделю в Афинах, скитаясь по яхт-клубам Пирея. Хотел купить моторную яхту и ходить чартерными рейсами к островам. Море, солнце и красивые девушки – эта перспектива казалась ему привлекательной, а сами яхты, белоснежные, с лакированными деревянными переборками – невыразимо прекрасными. Но за неделю он понял, что чартерные рейсы – это всего лишь плавучие гостиницы для скучающих загорелых туристов, страдающих морской болезнью.

На седьмой день в Афинской гавани бросил якоря Шестой американский флот. Дэвид сидел за столиком в кафе на берегу и пил на солнце темное узо, рассматривая в бинокль самолеты на палубе авианосца. Он видел ряды «крусейдеров» и «фантомов» со сложенными крыльями. Глядя на них, он испытал чувство неодолимого влечения, почти духовную потребность. Он обшарил землю, и, кажется, на ней ничего подходящего для него нет. Дэвид отложил бинокль и посмотрел на небо. Высокие облака казались на голубом фоне серебристыми.

Дэвид поднял стакан узо, нагревшегося на солнце, и отхлебнул сладковатый напиток.

– Лучше всего дома.

Он произнес это вслух, и тут в его воображении появился Пол Морган в своем высоком кабинете из стекла и стали. Как терпеливый рыболов, он расставил сети по всему миру. И вот леска, ведущая в Афины, дернулась. Дэвид представил себе то глубокое удовлетворение, с каким его дядя сматывает леску, вытаскивая слабо сопротивляющегося Дэвида. «Дьявол, – подумал он, – я всегда могу летать в резерве, и еще остается «лир», если удастся увести его у Барни».

Дэвид осушил стакан и резко встал, чувствуя, как слабеет его воля к сопротивлению. Он остановил такси и поехал в свой отель на площади Синдагма.

Сопротивление его слабело так быстро, что ужинал он с Джоном Динопулосом, агентом «Группы Морган» в Греции, элегантным, изысканным стройным мужчиной с гладким загорелым лицом, седыми волосами и в безупречном костюме.

Джон подобрал для Дэвида в спутницы звезду, снимающуюся в итальянских спагетти-вестернах. Молодая женщина с роскошной грудью и темными сверкающими глазами; грудь бурно заволновалась, а глаза возбужденно засверкали, когда Джон представил Дэвида как алмазного миллионера из Африки.

Алмазы – самое великолепное, хотя и не самое значительное из вложений «Группы Морган».

Вечер был теплый, и они сидели на террасе «Диониса». Ресторан был вырублен в скале холма Ликабетта, под самым собором Святого Павла.

Внизу, по извилистой дороге через сосновый лес, от церкви двигался крестный ход с горящими свечами, в неподвижном ночном воздухе ясно слышалось пение. На далекой вершине холма виднелись освещенные величественные колонны Акрополя, словно вырезанные из слоновой кости, а за ними по глади залива рассыпались огни Шестого американского флота.

– Великолепная древняя Греция, – сказала звезда итальянских вестернов, словно изрекая старинную мудрость, и положила руку в кольцах и перстнях на бедро Дэвида, а другой подняла стакан с красным самосским вином и бросила из-под густых ресниц многозначительный взгляд.

Ее сдержанность производила впечатление, и только после того, как они насладились главным блюдом – молодым мясом, завернутым в виноградные листья и приправленным лимонным соком, она предложила, чтобы Дэвид финансировал ее следующую картину.

– Давайте найдем место поспокойнее, где мы могли бы поговорить об этом... – сказала она, а какое место лучше ее номера?

Джон Динопулос с улыбкой помахал им вслед и понимающе подмигнул – чем привел Дэвида в крайнее раздражение: он сразу увидел пустоту всего этого эпизода.

У звезды оказался роскошный номер с толстыми белыми коврами и массивной кожаной мебелью. Дэвид налил себе выпить; она тем временем переоделась в костюм, более подходящий для обсуждения важных финансовых вопросов, и распустила волосы, густую гриву локонов. Дэвида вдруг затошнило от всего этого.

– Простите, – сказал он. – Джон пошутил... Я не миллионер и предпочитаю мальчиков.

Закрывая за собой дверь номера, он услышал, как разбился брошенный в нее стакан.

У себя в отеле он заказал кофе и потом, повинуясь порыву, снова снял трубку и вызвал Кейптаун. Ответ пришел поразительно быстро, голос девушки на другом конце спросонок звучал хрипло.

– Митци, – рассмеялся он. – Как дела, девочка?

– Где ты, воин? Дома?

– В Афинах, куколка.

– В Афинах? Боже! Весело?

– Ужасно!

– Да! Еще бы. Греческие девушки никогда не будут такими, как в древние времена.

– А как ты, Митци?

– Я влюблена, Дэви. Правда влюблена. Мы собираемся пожениться. Здорово, правда?

Дэвид ощутил обиду и зависть, услышав ее счастливый голос.

– Здóрово, куколка! Я его знаю?

– Сесил Лавли, знаешь. Один из папиных сотрудников.

Дэвид вспомнил рослого, плосколицего очкастого мужчину, всегда серьезного.

– Поздравляю. – Дэвид чувствовал себя одиноким. Вдали от дома, а жизнь без него продолжается.

– Хочешь поговорить с ним? – спросила Митци. – Я его разбужу. – На том конце послышался шепот, потом трубку взял Сесил.

– Молодчина, – сказал ему Дэвид, и не солгал. Доля Митци в «Группе Морган» значительно превышала долю Дэвида. Сесил приобрел настоящую нефтяную скважину.

– Спасибо, Дэви. – В голосе Сесила даже на расстоянии в пять тысяч миль слышалось замешательство – ведь его застали за разработкой скважины.

– Послушай, Ромео. Попробуй только обмануть эту девочку, и я лично вырву тебе печень и заткну в глотку, ясно?

– Ясно, – ответил Сесил, теперь в его голосе звучала тревога. – Даю тебе Митци.

Она наболтала еще на пятьдесят долларов, прежде чем повесить трубку. Дэвид лежал, закинув руки за голову, и думал о своей мягкосердечной сестре и ее новом счастье. И вдруг совершенно неожиданно принял решение, которое исподволь зрело в сознании все эти недели после Испании. Он снова поднял трубку и позвонил в аэропорт.

– Простите, что беспокою в такое время, – сказал он, – но мне нужно как можно быстрее улететь в Израиль. Пожалуйста, устройте это.

Небо было затянуто мягкой золотистой дымкой, поднимавшейся из пустыни. Гигантский «Боинг-747» пробил ее, и перед самой посадкой Дэвид мельком увидел темно-зеленые цитрусовые сады. Аэровокзал самый обычный, как во всех аэропортах мира, но за его дверями земля, какой Дэвиду не приходилось видеть. Толпа, которая сражалась с ним за место в одном из больших черных шерутов, общественных автобусов, увешанных плакатами и наклейками, делала даже итальянцев образцом сдержанности и хороших манер.

Но внутри, однако, все было как на семейном пикнике, и он чувствовал себя членом этой семьи. С одной стороны парашютист в берете и маскировочном костюме, с крылатой эмблемой на груди и автоматом «узи» на шее, предложил ему сигарету, с другой стороны девушка в мундире цвета хаки, с темными газельими глазами, которые становились еще темнее и задушевнее, когда она смотрела на Дэвида (а происходило это часто), поделилась с ним сандвичем из пресного хлеба с жареным нутом, вездесущей питой – круглым плоским хлебцем, и фалафелью * и принялась практиковаться в английском. Пассажиры с передних сидений повернулись и приняли участие в разговоре, шофер тоже, однако при этом он не сбросил скорость, зато подчеркивал свои замечания яростными гудками клаксона и гневными криками в адрес пешеходов и других водителей.

Запах цветов апельсина тяжело, как морской туман, лежал в береговых низинах, и для Дэвида он навсегда стал запахом Израиля.

---

* Ближневосточное блюдо из бобов, турецкого гороха и петрушки.

Автобус поднялся на Иудин холм, и Дэвид ощутил приступ ностальгии, когда они по извилистой дороге проехали через сосновые рощи мимо бледных блестящих склонов, где белые камни сверкали на солнце, как кости, а серебряные оливы изгибали стволы в грациозной агонии на террасах – памятнике шести тысячам лет терпеливого человеческого труда.

Так похоже и в то же время чуть не похоже на милые сердцу холмы юга, которые он называл своим домом. Он не узнавал цветов, алых, как пролитая кровь, и вспышек солнечно-желтых соцветий на склонах, но вдруг у него перехватило горло, словно от физической боли: он увидел среди деревьев яркие шоколадно-белые крылья и узнал головку с хохолком – африканский удод, птица, ставшая символом его родины.

Он чувствовал, как в нем нарастает возбуждение, неопределенное, ненаправленное, но усиливающееся: он приближается к женщине, за которой прилетел, и еще к чему-то, еще неведомому.

И еще он испытывал чувство сопричастности. Симпатию к молодым людям, которые набились в автобус.

– Смотрите! – воскликнула девушка, касаясь его руки и указывая на рассеянные вдоль дороги напоминания о войне: сгоревшие кузовы грузовиков и бронемашин, сохраненные в память о людях, погибших на дороге в Иерусалим. – Здесь был бой.

Дэвид повернулся, заглянул ей в лицо, и увидел ту же силу и уверенность, которыми восхищался в Дебре. Эти люди живут одним днем и лишь по его завершении могут думать о новом дне.

– А еще бои будут? – спросил он.

– Да, – без малейшего колебания ответила девушка.

– Почему?

– Потому что... если тебе хорошо, ты должен за это драться, – и она широко развела руки, словно хотела обнять землю и весь ее народ, – все это наше, и все это хорошо, – сказала она.

– Ты права, девочка, – согласился Дэвид, и они улыбнулись друг другу.

Так они въехали в Иерусалим с его высокими, строгими жилыми кварталами из желтого камня, сгрудившимися на холме вокруг стен древней крепости – сердца города.

TWA.* забронировала номер в отеле «Интерконтиненталь», когда Дэвид еще летел. Из окна номера открывался вид на Гефсиманский сад, на старый город с его башенками и шпилями, на золотой купол на вершине холма – центр христианства и иудаизма, святое место для мусульман, поле битвы последних двух тысячелетий, возрожденная древняя земля, и Дэвид ощутил глубочайшее благоговение. Впервые в жизни он осознал и начал постигать еврейскую часть своей души и подумал, что правильно поступил, прилетев в этот город.

– Может быть, – вслух сказал он, – может быть, здесь я найду все.

Под вечер Дэвид расплатился с таксистом на стоянке университета и позволил солдату у главного входа обыскать себя. Эти обыски при входе были настолько обычны, что

---

* Trans-World Airlines – авиакомпания «Всемирные авиалинии».

скоро он перестал их замечать. Он удивился, увидев почти пустынный кампус, но потом вспомнил, что сегодня пятница, и темп жизни уже замедляется: наступает суббота.

Иудины деревья на главной площади и вокруг бассейна были в полном цвету. Дэвид направился в административный корпус и обратился к дежурному, который уже собирался уходить.

– Мисс Мардохей. – Тот сверился со списком. – Да. Кафедра английского языка. На втором этаже Лейтермановского корпуса. – Он показал через стеклянную дверь. – Третье здание справа от вас. Идите сразу туда.

Дебра была со студентами в аудитории. Поджидая ее, Дэвид отыскал на террасе скамью на солнце. Неожиданно он ощутил холодок неуверенности. Впервые после Афин он усомнился, есть ли у него основания ожидать, что Дебра Мардохей встретит его с распростертыми объятиями. Несмотря на прошедшее время, он затруднялся оценить, как он вел себя с ней. Дэвид, с его внешностью и богатством, никогда не грешил самокритикой. И вот, поджидая ее, он впервые в жизни подумал, что, вероятно, Дебра права и он вел себя как избалованный ребенок. Он все еще думал об этом, когда послышались голоса, застучали каблуки по плитам и на террасе показалась группа студентов с охапками книг. Проходя мимо, большинство девушек задумчиво поглядывали на него.

Через некоторое время появилась Дебра. Она несла под мышкой книги, через плечо – сумку на ремне, волосы ее были забраны наверх и перевязаны на затылке; не накрашена, но платье – яркое, в больших оранжевых завитках. Кожаные сандалии на босу ногу. Рядом с ней шли две студентки, она о чем-то говорила с ними и не замечала Дэвида, пока он не встал. И тут она застыла – эту абсолютную неподвижность он заметил у нее еще в кантине в Сарагосе.

Дэвид удивился тому, как неловко себя чувствует, словно руки и ноги у него выросли на десяток размеров. Он улыбнулся и неуверенно пожал плечами.

– Здравствуй, Деб. – Собственный голос показался ему хриплым. Дебра вздрогнула и в панике попыталась пригладить волосы у висков, но ей помешали книги.

– Дэвид... – Она сделала шаг к нему, остановилась, оглянулась на студенток. Те почувствовали ее смятение и исчезли, и она снова повернулась к нему.

– Дэвид... – повторила она, и тут на ее лице появилось крайнее отчаяние. – О Боже, а я даже губы не накрасила!

Дэвид с облегчением рассмеялся и пошел к ней, расставив руки, а она бросилась к нему, но книги и сумка мешали, и Дебра, задыхаясь, раздраженно забормотала что-то. Наконец она избавилась от них, и они с Дэвидом обнялись.

– Дэвид, – шептала она, обеими руками обнимая его за шею. – Ах ты, скотина, почему так долго? Я уже почти потеряла надежду.

У Дебры был мотороллер, который она вела так отчаянно, что распугивала даже таксистов, пользовавшихся репутацией людей хладнокровных и бесстрашных до предела.

Дэвид, примостившись на заднем сиденье, обнимал ее за талию и упрекал, когда она, обогнав транспортный поток, резко сворачивала перед носом у встречных машин. Мотороллер весело гудел.

– Я счастлива, – объяснила Дебра через плечо.

– Отлично. Тогда поживи еще немного, чтобы насладиться этим.

– Джо удивится.

– Если мы до него доберемся.

– Что случилось с твоими нервами?

– Только что все их растерял.

Она по извилистой дороге спустилась в долину Эйн Карем, словно вела «мираж», а сама через плечо рассказывала о местах, через которые они проезжали.

– Это монастырь Источника Марии, где она встретила мать Иоанна Крестителя – согласно христианскому учению, в котором ты такой дока.

– Оставь историю, – взмолился Дэвид. – На повороте автобус.

Под сенью олив лежала лишенная возраста деревня, в бока холма вросли церкви, монастыри, сады, окруженные высокими стенами, – оазис живописной древности, а в небе над вершиной маячили высотные дома современного Иерусалима.

С главной улицы Дебра свернула в узкий переулок; по обе стороны поднимались высокие, изъеденные временем стены. Она затормозила у прочных металлических ворот.

– Мы дома, – объявила она, завела мотороллер в сторожку у ворот, заперла ее и только потом открыла боковую калитку, таившуюся в углу стены.

Они оказались в саду, обнесенном высокими стенами, чистыми, сверкавшими белизной. Во дворе росли оливковые деревья с толстыми кривыми стволами. На стены взбирались виноградные лозы и раскидывали над головой листву. На них уже висели зеленые гроздья.

– Бриг – заядлый археолог-любитель. – Дебра указала на римские и греческие статуи у олив, на выставку глиняных амфор у стен и древние мозаичные плиты, выстилавшие дорогу к дому. – Разумеется, это запрещено законом, но он все свободное время проводит на раскопках древних поселений.

Кухня была гигантская, с огромным открытым очагом; современная электрическая печь казалась в ней неуместной, но медные котлы были начищены до блеска, пол, выложенный плиткой, надраен, и пахло чрезвычайно приятно.

Мать Дебры, высокая, стройная, со сдержанными манерами, казалась ее старшей сестрой. Сходство было поразительным, и, здороваясь с ней, Дэвид с удовольствием подумал, что так же будет выглядеть Дебра в ее возрасте. Дебра познакомила их и заявила, что Дэвид останется поужинать – факт, о котором до этой минуты он не подозревал.

– Прошу вас, – слабо сопротивлялся он, – я не хотел бы вторгаться к вам. – Он знал, что вечер пятницы – особое время в еврейском доме.

– Вы не вторгаетесь. Мы будем рады. – Мать Дебры отклонила его возражения. – Здесь дом большинства парней из эскадрильи Джо, и нам это нравится.

Дебра принесла Дэвиду пиво «Голдстар», и они сидели на террасе, когда появился отец. Он прошел в калитку, пригнувшись под каменным карнизом; входя в сад, снял форменную фуражку.

На нем был мундир; куртка, с матерчатыми нашивками, свидетельствующими о звании, и с крыльями на нагрудном кармане, расстегнута. Плечи слегка сутулые, вероятно, оттого, что ему часто приходится забиваться в тесную кабину истребителя, голова – лысая, с монашеским венчиком седых волос, под колючими усами сверкал золотой зуб. Большой крючковатый нос, нос библейского воина, темные глаза с такими же золотистыми искорка-

ми, как у Дебры. Властность и уверенность в себе этого человека мгновенно вызвали уважение Дэвида. Он встал, чтобы пожать генералу руку, и совершенно естественно обратился к нему «сэр».

Бриг быстро и проницательно осмотрел Дэвида, но от оценок воздержался и не проявил ни удовольствия, ни разочарования.

Позже Дэвид узнал, что Бриг – это сокращенное от Бриганд,* так прозвали его англичане в сорок восьмом году, когда он контрабандой провозил в Палестину оружие и самолеты. Теперь все, даже собственные дети, называли его так, и только жена звала его по имени – Джошуа.

– Дэвид делит с нами сегодняшний шабатный ужин, – сказала ему Дебра.

– Добро пожаловать, – ответил Бриг и повернулся, чтобы со смехом обнять своих женщин, потому что не виделся с ними с предыдущего шабата: обязанности удерживали его на базах и контрольных пунктах, рассеянных по всей стране.

Появился Джо, тоже в мундире, небрежно расстегнутом летнем хаки; увидев Дэвида, он забыл свою медлительность, со смехом подбежал и заключил его в медвежьи объятия, бросив через плечо Дебре:

– Ну, я оказался прав?

– Джо говорил, что ты приедешь, – объяснила Дебра.

– Похоже, я один об этом не знал, – заметил Дэвид.

На обед собралось пятнадцать человек, и огонь свечей отражался в полированном дереве большого стола и больших серебряных субботних кубках. Бриг прочел короткую молитву – атласная, с золотой вышивкой ермолка выглядела на его лысой голове слегка неуместно, – потом своей рукой наполнил кубки вином, приветствуя каждого гостя. С Джо была Ханна, ее медные волосы блестели при свечах, с Дэвидом она поздоровалась сдержанно. Пришли два брата Брига с женами, детьми и внуками, за столом было шумно, дети требовали внимания, и разговор постоянно переходил с иврита на английский. Пища была экзотическая, острая, хотя вино, на вкус Дэвида, сладковатым. Сидя рядом с Деброй и разделяя ее принадлежность к этому счастливому обществу, он чувствовал приятное спокойствие. И вздрогнул, когда к нему обратился один из двоюродных братьев Дебры.

– Вам, должно быть, нелегко... первый день в такой необычной стране, как Израиль. Вы ведь не еврей, не понимаете иврит...

Слова звучали не зло, но разговор внезапно замер. Бриг, слегка нахмурившись, строго взглянул на того, кто невежливо обошелся с гостем.

Дэвид видел, что Дебра пристально смотрит на него, как будто ждет, что он скажет, и неожиданно подумал о трех отречениях, которые существуют в христианстве, мусульманстве и, наверное, в законе Моисея. Он не хочет покидать этот дом, этих людей. Не хочет снова оказаться в одиночестве. Ему хорошо здесь.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Необычно, да, но не так трудно, как вы думаете. Я понимаю иврит, хотя не очень хорошо говорю на нем. Видите ли, я еврей...

---

* По-английски разбойник, бандит.

Рядом с ним Дебра негромко вздохнула от удовольствия, и они с Джо быстро переглянулись.

– Еврей? – переспросил Бриг. – Вы непохожи. – И Дэвид все объяснил, а когда он закончил, Бриг кивнул. Казалось, он слегка оттаял.

– К тому же он летчик, – похвастала Дебра, и усы Брига встопорщились, как живые, ему пришлось приглаживать их платком, пока он внимательно разглядывал Дэвида.

– Налет? – резко спросил он.

– Тысяча двести часов, сэр, из них почти тысяча на реактивных.

– Реактивные?

– «Мираж».

– «Мираж»! – Зубы Брига сверкнули. – Эскадрилья?

– «Кобра».

– Отряд Растуса Науда? – Ожидая ответ, Бриг смотрел на Дэвида.

– Вы знаете Растуса? – удивился Дэвид.

– Мы вместе летали на первых чешских «спитфайрах» – в сорок восьмом. Мы тогда называли его Батч Бен-Йок, Сын Нееврея. Как он? Тогда он был словно на пружинах.

– Проворен, как всегда, сэр, – тактично ответил Дэвид.

– Что ж, если вас учил летать Растус, должно быть, вы недурной пилот, – признал Бриг.

Как правило, Военно-воздушные силы Израиля не используют иностранцев, но перед генералом был еврей, по всем признакам – первоклассный пилот. Бриг заметил удивительную стремительность, порыв, энергию, которые Пол Морган, строгий судья молодежи, тоже разглядел в племяннике и высоко оценил. Если только он не ошибся в своей оценке, а ошибался он очень редко, перед ним редкий экземпляр. Он снова посмотрел на молодого человека, отметив спокойный пристальный взгляд, который, казалось, был устремлен к далекому горизонту. Взгляд отличного стрелка, а все его пилоты хорошие стрелки.

Для подготовки пилота истребителя требуются годы и не менее миллиона долларов. Время и деньги – для его страны это вопрос жизни и смерти, а из правил можно сделать исключение.

Генерал взял бутылку вина и тщательно наполнил кубок Дэвида. «Позвоню Растусу Науду, – про себя решил он, – и узнаю побольше об этом молодце».

Дебра смотрела, как ее отец расспрашивает Дэвида о причинах его приезда в Израиль, о планах на будущее.

Она точно знала, о чем думает отец, потому что предвидела это. И потому, расчетливо и изобретательно, пригласила Дэвида на обед, чтобы представить его Бригу.

Она снова переключила внимание на Дэвида, чувствуя при взгляде на него тепло и напряжение внизу живота и электрическое покалывание кожи.

«Да, жеребец, – думала она, – теперь тебе не так легко будет ускользнуть. На этот раз я постараюсь тебя удержать, а вместе со мной и Бриг».

Она подняла кубок, ласково улыбаясь Дэвиду.

«Получишь то, что тебе нужно, но под звуки труб и колокольный звон», – молча пригрозила она, а вслух сказала:

– Лэхаим! За жизнь! – И Дэвид повторил ее тост.

«На этот раз я так легко не отступлюсь, – твердо сказал он себе, глядя, как огоньки свечей золотыми искорками взрываются в ее глазах. – Я получу тебя, моя черноволосая красавица, чего бы мне это ни стоило».

Телефон у постели разбудил Дэвида на рассвете. Голос Брига звучал резко и напряженно, словно в конце рабочего дня:

– Если у вас нет срочных дел на сегодня, я хотел бы кое-что показать вам.

– Конечно, сэр. – Дэвид был захвачен врасплох.

– Я подберу вас у отеля через сорок пять минут, успеете позавтракать. Ждите в вестибюле.

Бриг приехал на маленькой невзрачной машине с гражданским номером, вел он ее быстро и умело. На Дэвида произвели впечатление точный расчет времени и координация движений: в конце концов Бригу уже перевалило за пятьдесят, и Дэвид взирал на столь почтенный возраст с благоговением и страхом.

Они двинулись по главному шоссе в сторону Тель-Авива, и Бриг нарушил долгое молчание.

– Вчера вечером я разговаривал с вашим командиром. Он удивился, услышав, что вы здесь. Сказал, что перед вашим уходом предлагал вам очередное звание и повышение...

– Это был подкуп, – ответил Дэвид, и Бриг кивнул и заговорил. Дэвид молча слушал, с удовольствием разглядывая быстро меняющиеся пейзажи; они повернули на юг и стали спускаться с пологих холмов в сторону Беер-Шевы и пустыни.

– Я везу вас на базу военно-воздушных сил. Могу добавить: в нарушение всех запретов и правил сохранения военной тайны. Растус заверил меня, что вы можете летать, но я хочу сам убедиться в этом.

Дэвид быстро взглянул на него.

– Мы полетим? – Он почувствовал глубокое приятное возбуждение, когда Бриг кивнул.

– Мы воюем, поэтому вы примете участие в боевой операции, а это означает нарушение всех возможных правил. Впрочем, вы еще успеете убедиться, что мы часто действуем не по правилам.

Он продолжал негромко говорить, объясняя свой личный взгляд на Израиль, его борьбу, цепь непрерывных успехов, и впоследствии Дэвид припоминал его отдельные фразы.

«Мы создаем нацию, и кровь, на которой нас вынудили замесить фундамент, укрепила нас...»

«Мы не хотим превращать Израиль в заурядное убежище для неудачников евреев со всего света. Нам нужны крепкие, умные евреи...»

«Нас три миллиона, а вокруг сто пятьдесят миллионов врагов, поклявшихся уничтожить нас...»

«Проигрывая битву, они теряют несколько миль пустыни; проигрывая битву, мы теряем право на существование...»

«Придется еще раз побить их. Они ничему не научились. Считают, что в сорок восьмом году их подвело вооружение, а потом линия Суэца была восстановлена, и они ничего не

потеряли; думают, что в шестьдесят седьмом их обманули. Придется еще раз побить их, чтобы оставили нас в покое...»

Он говорил как друг и союзник, и Дэвида согревало его доверие; он оживился в ожидании полета.

Вдоль дороги защитным экраном росли эвкалипты, Бриг затормозил у изгороди из колючей проволоки, где красовалась надпись на двух языках: «Агротехнический экспериментальный центр Хаим Вайсман».

Они свернули на проселок, проехали через плантации и оказались у новой изгороди и пропускного пункта среди деревьев.

Охранник у ворот бегло просмотрел документы Брига: очевидно, здесь генерала хорошо знали. Они поехали дальше, между аккуратными участками различных зерновых. Дэвид узнал овес, ячмень, пшеницу и кукурузу – все это пышно разрослось на теплом весеннем солнце. Между полями тянулись длинные прямые дороги, вымощенные бетоном под цвет окружающей местности. Было что-то неестественное в этих ровных двухмильных полосах, пересекавшихся под прямыми углами; Дэвиду они показались знакомыми. Бриг заметил его интерес и кивнул.

– Да, – сказал он, – взлетные полосы. Самолеты под землей. Мы не хотим использовать ту же тактику, что в шестьдесят седьмом.

Дэвид обдумывал это, пока они быстро ехали к гигантскому бетонному бункеру, возвышавшемуся в отдалении. На полях работали ярко-алые тракторы, над головой ирригационное оборудование выбрасывало в воздух сверкающие страусиные перья брызг.

Они достигли цели, и Бриг провел машину в широкие ворота примыкавшего к бункеру сооружения, похожего на амбар. Дэвид поразился, увидев вдоль стен амбара аккуратные ряды автобусов и автомобилей. Этого транспорта хватило бы для многих сотен пассажиров, однако он пока что заметил лишь нескольких трактористов.

Тут тоже была охрана, солдаты в форме парашютистов, и когда Бриг повел Дэвида к округлому бункеру, тот неожиданно понял, что это маскировка. В этом прочном массивном сооружении из бетона размещалось все сложнейшее электронное и радарное оборудование современной военно-воздушной базы. Тут находились и центр управления, и ангар для четырех эскадрилий истребителей типа «мираж», сжато объяснил Бриг, когда они на лифте спускались под землю.

Вышли они в приемной, где документы Брига снова проверили и вызвали майора-парашютиста, чтобы пропустить внутрь Дэвида; майор разрешил – неохотно и только по настоянию Брига. Потом Бриг провел Дэвида по покрытому ковром и снабженному кондиционированием подземному тоннелю в помещение, где переодевались пилоты. Оно оказалось крытым черепицей, безупречно чистым, и хоть имело душевые и туалеты, но выглядело как гардеробная в каком-нибудь сельском клубе.

Бриг заранее заказал обмундирование для Дэвида, на глаз определив размер, очень точно. Капрал без труда подобрал для него комбинезон, выдал сапоги, высотно-компенсирующий комбинезон, перчатки и шлем.

Бриг взял форму из личного шкафчика, и они пошли в комнату ожидания, неуклюже двигаясь в раздутых комбинезонах, со шлемами в руках.

Дежурные пилоты оторвались от шахмат и журналов, узнали генерала и встали, приветствуя его, но атмосфера была легкой и неформальной. Бриг пошутил, все посмеялись, и они с Дэвидом отправились в помещение для инструктажа.

Быстро, но не опуская никаких подробностей, генерал рассказал о предстоящем патрульном полете, проверил, как Дэвид владеет радиоаппаратурой, помнит ли опознавательные сигналы и другие необходимые сведения.

– Все ясно? – спросил он наконец и, когда Дэвид кивнул, продолжил: – Помните, что я вам говорил. Мы воюем. Если увидим чужих, нападаем немедленно. Ясно?

– Да, сэр.

– Последние несколько недель прошли спокойно, но вчера произошел конфликт у Эйн Нахава, нападение на пограничный патруль. Так что сейчас мы настороже. – Он взял шлем и планшет с картами, потом повернулся к Дэвиду, набычился, глядя на него своими свирепыми карими глазами с золотистыми искрами. – Погода ясная. Когда поднимемся на сорок тысяч, увидите все, каждый дюйм, от Рош Ханикры до Суэца, от горы Хермон до Эйлата; увидите, какая она маленькая, наша страна, как она уязвима для врагов, окружающих нас. Вы говорили, что ищете достойного дела... Может быть, защита судьбы и будущего трех миллионов человек – достойное занятие для мужчины?

На маленькой электрической тележке они проехали по длинному подземному коридору и оказались в бетонном бункере, которым заканчивался луч звезды; центром этой звезды было огромное бетонное сооружение на поверхности. Здесь они слезли с тележки.

В ряд стояли шесть «миражей», стройные, гладкие, с носами-иглами; они присели, как нетерпеливые звери на поводке; очертания их были привычны, хотя коричнево-зеленая маскировочная пустынная окраска и звезда Давида на фюзеляже казались странными.

Бриг расписался за две машины; он улыбнулся, ставя под номером Дэвида имя «Батч Бен-Йок».

– Прозвище не хуже других, летать не помешает, – сказал он. – У нас страна анонимов и вымышленных имен.

Дэвид, чувствуя, что вернулся домой, разместился в тесной кабине. Абсолютно знакомо здесь было все, его руки привычно потянулись к массе переключателей, рычажков, приспособлений и приборов: он начал предполетную проверку.

В замкнутом пространстве бункера гром двигателей ударил по барабанным перепонкам; этот грохот можно было вытерпеть только благодаря перфорированным стальным глушителям в стенах сооружения.

Бриг – на голове у него был пестро раскрашенный шлем – взглянул на Дэвида и дал сигнал на взлет. Дэвид ответил тем же и протянул руку, чтобы закрыть перплексовый фонарь. Перед ними взвилась вверх стальная стена, лампочки над головой сменили красный цвет на зеленый.

Никакой рулежки к месту взлета, никаких наземных процедур. Крыло к крылу они вынырнули по рампе из бункера на солнечный свет. Перед ними тянулась длинная коричневая взлетная полоса, и Дэвид до предела передвинул дроссель, включил форсаж, отмечая для себя, как тяга могучих двигателей передается через обивку сиденья. Они неслись меж зеленых полей, нос истребителя нацелился в синеву неба, и Дэвид снова испытал эйфорию полета на реактивной тяге.

На высоте в сорок тысяч футов, выше потолка обычных пассажирских рейсов, они выровнялись, и Дэвид поместил свою машину под хвостом истребителя Брига, передвинул дроссель назад, переходя на крейсерскую скорость; его руки наслаждались знакомым ритуалом полета, голова в шлеме неустанно поворачивалась, осматривая каждый участок неба; время от времени он раскачивал машину, чтобы устранить слепое пятно за хвостом.

Воздух был нереально прозрачен, и в этой хрустальной чистоте самые дальние горные хребты выступали резкими силуэтами, голубая дымка расстояния их почти не скрывала. На севере сверкало расплавленное серебро Средиземного моря, море в Галилее было мягкого зеленого цвета, а еще дальше к югу темнело на своем глубоком ложе иссушенной пустыни мрачное Мертвое море.

Они полетели на север над хребтом Кармель и белыми зданиями Хайфы, с ее оранжево-золотыми пляжами, на которые волны накатывались мягким кремовым кружевом. Потом повернули назад, уменьшили скорость и стали медленно опускаться на патрульную высоту двадцать тысяч футов как раз над горой Хермон, где в ущельях еще лежал последний снег, обрамляя большую круглую вершину, как седины – лысину старика.

Мягкая сонная зелень и пастельные тона радовали Дэвида, который привык к однообразной сепии Африки. Деревни жались к вершинам холмов, белые стены сверкали, как диадемы, над террасами склонов и темными пятнами обработанной земли.

Потом они снова повернули на юг, пронеслись над долиной Иордана, над Галилейским морем, с его спокойными зелеными водами в окружении зарослей финиковых пальм и тщательно возделанных полей кибуцев; земля вздыбилась неровными, словно изорванными когтями огромного хищника, холмами, и «миражи» начали медленное снижение.

Слева поднимались горы Эдома, враждебные и неприступные, а под ними в пустыне зеленел оазис: Иерихон. Впереди мерцала поверхность Мертвого моря. Бриг пошел вниз, и они пролетели над соленой водой так низко, что выхлопы реактивных двигателей взволновали ее поверхность.

В шлемофонах прозвучал голос Брига:

– Вам никогда не придется летать ниже – тысяча двести футов ниже уровня моря.

Над шахтами добычи полезных ископаемых на южном берегу они опять начали подъем, перед ними открылись обожженные горные пустыни юга.

– Кактус один, говорит Цветок Пустыни. – Молчание в эфире снова было нарушено, но на этот раз Дэвид узнал позывные командного пункта. С ними говорили непосредственно из Главного центра управления Военно-воздушных сил, размещенного в каком-то тайном подземном бункере, местонахождение которого Дэвид никогда не узнает. Там тщательно отмечали их положение на экранах радаров.

– Слушаю, Цветок Пустыни, – ответил Бриг, и разговор сразу стал неформальным, словно болтали два старых друга. Впрочем, так оно и было.

– Бриг, это Мотти. Мы только что получили просьбу о поддержке из вашего района, – он быстро назвал координаты, – моторизованный патруль пограничной полиции подвергся нападению неопознанного самолета. Займись этим, ладно?

– *Беседер*, Мотти, о'кей. – Бриг переключился на частоту полета. – Кактус два, иду на скорости перехвата, подтвердите, – сказал он Дэвиду, и они вместе повернули в новом

направлении. – Включать радар нет смысла, – проворчал Бриг. – Объект сливается с поверхностью. Среди гор мы эту свинью не различим. Просто смотрите внимательней.

– *Беседер*. – Дэвид уже подцепил это словечко. Любимое еврейское слово в стране, где редко когда все было в порядке.

Дэвид увидел первым – с земли поднимался тонкий столб черного дыма, словно кто-то чиркнул карандашом по ослепительно синему горизонту.

– Наземный дым, – сказал он в микрофон шлема. – На одиннадцать часов, низко.

Бриг чуть повернул голову, отыскивая дым, и обнаружил его у границы своего поля обзора. Он хмыкнул. Растус прав по крайней мере в одном: у этого молодого человека глаз как у ястреба.

– Перехожу на атакующую скорость, – сказал он, и Дэвид подтвердил и включил форсаж. Кожаная обивка сиденья у него за спиной прогнулась от перегрузки, Дэвид ощутил, как его прижимает к креслу: «мираж» перешел звуковой барьер.

Возле столба дыма на тусклом коричневом фоне поверхности что-то на мгновение сверкнуло, Дэвид прищурился и разглядел крошечную фигурку, быструю, как птица; маскировочная раскраска помогала самолету слиться с пустыней, и он был нереален, как тень.

– Бандит справа от дыма. – Он назвал координаты.

– Вижу, – сказал Бриг и переключился на командную волну: – Цветок Пустыни, вижу нарушителя. Прошу разрешения атаковать. – Решение должно быть принято на командном уровне.

В ответ послышалось краткое:

– Бриг, это Мотти. Бей его!

Во время этих переговоров истребители продолжали нестись вниз с такой скоростью, что стали видны подробности разыгравшейся драмы.

На пыльной пограничной дороге стояли три полицейские машины. Раскрашенные камуфляжными пятнами, они казались игрушечными в обширности пустыни.

Одна машина горела. Грязно-черный дым прямым столбом поднимался в воздух – это и был привлекший их сигнал. На дороге распростерлось тело, человек застыл в нелепой неподвижности смерти, и вид его вызвал у Дэвида такое же глубокое и горькое негодование, как бой быков в Мадриде.

Остальные машины стояли на дороге под разными углами; в кустах и среди камней Дэвид заметил их экипажи. Некоторые стреляли по самолету, который выполнял разворот, собираясь снова напасть.

Дэвид раньше никогда не видел таких машин, но сразу узнал по фотографиям, которые так часто изучал. Русский «МиГ-17» Военно-воздушных сил Сирии. Невозможно ошибиться при виде этой высокой хвостовой плоскости. На пятнистом пустынном камуфляже видны красные, белые и черные розетки со звездчатыми зелеными серединами.

«МиГ» завершил поворот и быстро шел к земле, приближаясь к машинам. Все внимание пилота сосредоточилось на беспомощных людях среди камней, и он не подозревал о страшной мести, которая неслась к нему с высоты.

Бриг заходил сирийцу в хвост, атакуя в классическом стиле, сзади и сверху, а Дэвид держался за ним, охраняя его хвост, готовый поддержать атаку, если Бриг промахнется.

Сириец открыл огонь, и рядом с людьми и машинами показались разрывы. Еще одна машина взорвалась, взметнув столб пламени и дыма.

– Ублюдок, – прошептал Дэвид, держась за Бригом и глядя на опустошение, которое сириец произвел на земле, среди его народа. Впервые он подумал об этих людях как о своем народе и испытал холодную ненависть пастуха, на чье стадо напали.

В памяти Дэвида всплыла поэтическая строчка: «Ассириец набросился, как волк на стадо», а руки его тем временем сами готовили указатели цели, выводили наружу из мягкой обкладки рукояти джойстика спусковой рычаг. Вспыхнул мягким зеленым огнем экран целеуказателя, и Дэвид, щурясь, взглянул на него.

Бриг нападал, быстро догоняя неуклюжий «МиГ», но в ту секунду, когда, знал Дэвид, генерал должен был стрелять, геометрия крыльев «МиГа» изменилась. В последний момент сириец увидел нападающего и сделал то единственное, что можно было сделать в его положении. Он полностью выпустил крылья, резко снизив скорость, и одновременно накренил крыло и пошел вниз, к земле.

Бриг открыл огонь в тот миг, когда сириец ринулся вниз, ныряя под залп, как боксер под сильный удар. Дэвид видел, как высоко над ним прошла очередь, разорвав воздух над самолетом в пустынной окраске. Бриг уже пролетел дальше; ни один его снаряд не попал в цель, и он поднимался по большому кругу, сердясь на себя за неудачу.

Увидев маневр противника, Дэвид среагировал мгновенно, чисто рефлекторно. Уменьшил тягу двигателей и нажал на воздушные тормоза «миража», чтобы хоть немного сбросить скорость.

«МиГ» резко повернул вправо, стоя на крыле, которое, казалось, упиралось в черную пустынную землю. Дэвид отпустил тормоза, готовясь к следующему маневру, и тоже встал на крыло, повторяя отчаянные повороты сирийца на предельно низкой скорости, рискуя, что двигатель «миража» может заглохнуть.

Сириец поворачивал ему навстречу, он летел медленнее и потому легче мог маневрировать; палец правой руки Дэвида все время касался рычага пуска, но «МиГ» постоянно уходил из центра целеуказателя.

Перед двумя кружащими самолетами появилась цепь крутых утесов, изрезанных глубокими ущельями.

«МиГ» не сделал попытки пролететь над ней, он выбрал узкий проход и юркнул в него, как хорек, отчаянно старающийся оторваться от преследователя.

Дэвид вслед за сирийцем углубился в горное ущелье; стены утесов по обе стороны, казалось, касались крыльев. Ущелье резко повернуло налево, Дэвид опустил крыло и тоже повернул. Ущелье продолжало поворачивать направо и налево, на приборной доске перед Дэвидом вспыхнул предупреждающий красный огонь: маневренность «миража» находилась на пределе.

Впереди в тоннеле меж скал летел «МиГ». Пилот оглянулся через плечо, увидел преследующий его «мираж», снова повернулся к приборам управления и опустил машину еще ниже, прижимаясь к неровным каменным стенам.

Воздух в горах был горячим и неспокойным. «Мираж» подпрыгивал, упирался, рвался вверх, на свободу, а сириец впереди продолжал отклоняться от центра прицельного экрана Дэвида.

Ущелье снова повернуло и сузилось, потом резко пошло вверх и уперлось в сплошную пурпурную стену из гладкого камня.

Сириец оказался в ловушке. Ему пришлось начать крутой подъем, а направление его полета ограничивали скалы по обе стороны и впереди.

Дэвид передвинул дроссель, включил форсаж, могучая машина взревела и рванулась к хвосту сирийца.

Тянулись бесконечные микросекунды смертельной схватки, сириец лениво вполз в центр круга прицела, нос «мираж», казалось, касался его хвостовой плоскости. Дэвид почувствовал, как бьет по его машине реактивная струя «МиГа».

Он нажал спуск. «Мираж» подпрыгнул, выпуская свой смертоносный груз двойным потоком пушечных залпов.

Сириец распался, исчез во вспышке серебряного дыма, прорезанного яркими белыми молниями, отлетело выброшенное тело пилота. На мгновение оно повисло на экране Дэвида: руки и ноги широко раскинуты, крестом, на голове шлем, порывы ветра треплют одежду. И исчезло из вида. «Мираж» быстро поднялся из ущелья в открытое небо.

Вокруг машин перемещались солдаты, подбирали раненых, укрывали мертвых, но все подняли головы, когда Дэвид летел назад. Он пролетел над ними так низко, что разглядел лица. Загорелые, некоторые с бородами или усами, сильные молодые лица с разинутыми ртами: они выкрикивали ему благодарности.

«Мой народ», – подумал он. В крови по-прежнему бушевал адреналин, Дэвид испытывал необычайное возбуждение. Он по-волчьи улыбнулся людям внизу и поднял руку в перчатке, прежде чем подняться туда, где кружил в ожидании Бриг.

После яркого солнца искусственное освещение бункера казалось тусклым. Инженер помог Дэвиду выбраться из кабины, его помощники окружили «мираж» – заправка, пополнение боезапаса. В небольших по численности военно-воздушных силах это была неотложная необходимость – в считанные мгновения подготовить самолет к новой схватке. Машина могла вернуться на поле битвы намного раньше соперника.

Неловко выбравшись из тесной кабины, Дэвид пошел туда, где Бриг уже разговаривал с контролером полетов.

Держа на руке пестрый шлем, он снимал перчатки, но когда Дэвид подошел, повернулся и сверкнул в улыбке золотым зубом.

Генерал легонько шлепнул Дэвида по руке.

– Да! – сказал генерал-майор Джошуа Мардохей. – Ты нам подходишь!

Дэвид опоздал на встречу с Деброй, но она уже знала от отца почему.

Они отправились в ресторанчик за башней Давида, в старый город за воротами Яффы. Помещение без особых претензий, макраме на стенах – все это не подготовило Дэвида к великолепной еде, которую им без задержки подал владелец-араб: мусака из цыплят с орехами и пряностями и на гарнир – кускус.

Ели почти молча, Дебра быстро разобралась в настроении Дэвида и понимала его. После схватки его отпустило напряжение – это было своеобразное адреналиновое похмелье, – но вкусная еда и вино постепенно привели его в чувство, и за чашкой турецкого кофе, черного, сильно пахнущего кардамоном, Дебра смогла наконец спросить:

– Что сегодня произошло, Дэвид?

Прежде чем ответить, он отхлебнул кофе.

– Я убил человека. – Она поставила чашку и серьезно смотрела на него, а он заговорил, рассказывая о подробностях преследования и убийства, и закончил, запинаясь: – Тогда я испытывал удовлетворение. Чувство достижения цели. Я знал, что поступаю как должно.

– А теперь? – спросила она.

– А теперь мне грустно. – Он пожал плечами. – Грустно, что пришлось сделать это.

– Мой отец, который всегда был солдатом, говорит, что только те, кто действительно участвовал в боях, понимают, как нужно ненавидеть войну.

Дэвид кивнул:

– Да, теперь я тоже это понимаю. Мне нравится летать, но я ненавижу уничтожение.

Они снова помолчали, каждый по-своему думал о войне, оба пытались найти слова, чтобы выразить свое понимание.

– И тем не менее это необходимо, – нарушила молчание Дебра. – Мы должны сражаться. У нас нет выбора.

– Да, выбора нет, за спиной у нас море, а арабы держат нас за горло.

– Ты говоришь как израильтянин, – негромко сказала Дебра.

– Я сегодня принял решение. Вернее, меня заставил его принять твой отец. Он дал мне три недели на изучение иврита и завершение всех иммиграционных формальностей.

– А потом? – Дебра наклонилась к нему.

– Служба в военно-воздушных силах. Единственное, в чем я его одолел, – я поставил условие, чтобы у меня было то звание, какое я получил бы дома. Он торговался как старьевщик, но перевес был на моей стороне, и он это знал. Так что я получил что хотел. Майор – с испытательным сроком и подтверждением звания через двенадцать месяцев.

– Замечательно, Дэви, ты будешь одним из самых молодых майоров в авиации.

– Да, – согласился Дэвид, – и после уплаты налогов у меня останется почти столько же, сколько получает водитель автобуса на моей родине.

– Не важно. – Дебра впервые улыбнулась. – Я помогу тебе с ивритом.

– Я как раз хотел попросить тебя об этом, – ответил он на ее улыбку. – Пошли отсюда, я сегодня нервничаю, мне хочется пройтись.

Они пошли по христианскому району. Открытые прилавки по обе стороны улицы были завалены яркими экзотическими товарами, кожей и украшениями; на узких улочках, где стены домов словно сходились над головой, почти ощутимой стеной стоял запах пряностей и пищи, канализации, затхлый запах скопления людей.

Дебра завела его в магазинчик древностей на Виа Долороса, и владелец вышел к ним, приветственно кланяясь.

– Ах, мисс Мардохей, как поживает ваш высокоуважаемый отец? – И бросился в глубину лавчонки за кофе.

– Этот продавец почти честен и смертельно боится Брига.

Дебра выбрала антикварную звезду Давида на тонкой золотой цепочке, и хотя Дэвид прежде никогда не носил драгоценностей, он покорно склонил голову и позволил Дебре надеть цепочку ему на шею. Золотая звезда легла на темные завитки волос на груди.

– Это твой единственный знак отличия: у нас медалей обычно не дают, – со смехом сказала Дебра. – Добро пожаловать в Израиль.

– Она прекрасна. – Дэвид был тронут и смущен подарком. – Спасибо. – Он застегнул рубашку и наклонился, чтобы поцеловать Дебру, но она быстро увернулась.

– Не здесь. Он мусульманин и оскорбится до глубины души.

– Ну хорошо, – сказал Дэвид. – Давай найдем место, где мы не оскорбим ничьи чувства.

Они прошли сквозь Львиные ворота в большой стене и нашли укромную каменную скамью среди олив, близ мусульманского кладбища. В небе висел полумесяц, серебряный и таинственный, теплая ночь была полна ожидания и волнения, как новобрачная.

– Ты не можешь оставаться в «Интерконтинентале», – сказала Дебра, и они оглянулись на освещенный силуэт здания за долиной.

– Почему?

– Ну во-первых, это слишком дорого. На свое жалованье ты не можешь этого себе позволить.

– Ты ведь не думаешь, что я буду жить на одно жалованье? – возразил Дэвид, но Дебра, словно не слыша, продолжала:

– И что гораздо важнее, ты больше не турист. Поэтому ты не должен жить как турист.

– Что же ты предлагаешь?

– Можно найти тебе квартиру.

– Кто будет заниматься домашним хозяйством, стиркой, готовкой? – яростно возразил он. – Я этого не умею.

– Я, – сказала Дебра, и он на мгновение застыл, потом медленно повернулся и посмотрел на нее.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что буду вести хозяйство, – прямо ответила она, но тут ее голос дрогнул. – Если, конечно, ты этого хочешь.

Он долго молчал.

– Послушай, Деб. Ты говоришь о совместной жизни? То есть общий дом, и все такое прочее?

– Именно.

– Но... – Он не знал, что сказать. Идея была новой, захватывающей и открывала невероятные возможности. Весь предыдущий опыт общения Дэвида с противоположным полом был не очень глубок, и он обнаружил, что стоит у границы неизвестной территории.

– Ну? – спросила наконец Дебра.

– Ты хочешь выйти за меня замуж? – Он запнулся и откашлялся.

– Я не уверена, что ты лучший товар на брачном рынке, милый Дэвид. Ты прекрасен, как рассвет, с тобой приятно, но ты слишком эгоистичен, незрел и избалован.

– Большое спасибо.

– Мне незачем подбирать слова, Дэвид: я ведь собираюсь отбросить всякую осторожность и стать твоей любовницей.

– Ну и ну! – воскликнул он. Голос его оттаял. – Когда ты говоришь об этом так прямо, у меня голова идет кругом.

– У меня тоже, – призналась Дебра. – Но есть условие: сперва мы найдем собственную квартиру. Ты должен помнить, что скалистые острова и жесткие пляжи меня не возбуждают.

– Никогда не забуду, – согласился Дэвид. – То есть ты не хочешь за меня замуж? – Он обнаружил, что его смертельный ужас перед браком быстро рассеивается.

– Я этого не сказала, – ответила Дебра. – Но давай примем решение, когда оба будем готовы.

– Хорошо, куколка, – сказал Дэвид с широкой, почти идиотской улыбкой счастья.

– А теперь, майор Морган, можете поцеловать меня, – разрешила она. – Но пожалуйста, помни условие.

Много времени спустя они оторвались друг от друга, чтобы перевести дух, и Дэвида встревожила неожиданная мысль.

– Боже, – воскликнул он, – а что скажет Бриг?

– Его мы с собой не возьмем, – ответила Дебра, и они оба рассмеялись, возбужденные нарушением приличий.

– Серьезно, что ты скажешь родителям?

– Навру с три короба, а они сделают вид, что верят. Предоставь мне беспокоиться об этом.

– *Беседер*, – с готовностью согласился он.

– Неплохо, – захлопала она в ладоши. – Попробуй снова поцеловать меня. – Это было сказано на иврите.

– Я люблю тебя, – сказал он на этом языке.

– Умничка, – прошептала она. – Из тебя получится отличник.

Оставалось одно сомнение, и Дебра высказала его у железных ворот, когда Дэвид наконец отвел ее домой.

– Ты знаешь, что такое обрезание, в Ветхом Завете?

– Конечно. – Он улыбнулся и постриг пальцами как ножницами. В неярком свете было видно, что Дебра покраснела, голос ее звучал еле слышно.

– Как ты на этот счет?

– А вот это, – строго ответил Дэвид, – очень личный вопрос, и ответ на него девушки получают на личном опыте, – голос его стал сладострастным, – очень нелегком...

– Всякое знание драгоценно, как золото, – негромко ответила она, – и не сомневайся – я буду искать ответ очень прилежно.

Дэвид обнаружил, что найти квартиру в Иерусалиме – задача, сравнимая с поиском святого Грааля. Хотя многоэтажные дома воздвигались с невероятной энергией, спрос на квартиры намного превышал предложение.

Отец одной из студенток Дебры оказался агентом по продаже недвижимости и принял ее затруднения близко к сердцу. Список очередников, ожидающих новые квартиры, был бесконечен, но изредка освобождалось жилье в старых зданиях, и он использовал все свои связи, чтобы получить его.

Днем, в самое неожиданное время, Дебра отправляла срочный сигнал, Дэвид забирал ее из университета, и они ехали смотреть новый вариант.

Последняя квартира напомнила Дэвиду кадры из фильма «Лоуренс Аравийский»: безжизненная пальма перед домом, выставка яркого разноцветного белья на каждом балконе и окне и все звуки и запахи арабского верблюжьего рынка вместе с игровой площадкой детского сада – об этом напоминал гул детских голосов во дворе.

Две комнаты и общая ванная. Розы и завитки на обоях поблекли, за исключением тех участков, где их закрывала мебель предыдущих жильцов.

Дэвид распахнул дверь ванной и, не входя, осмотрел рваный линолеум на полу, грязную побитую ванну; раскрыв дверь чуть пошире, он увидел в полумраке унитаз с сиденьем, висящим криво, как нимб пьяного ангела.

– Вы с Джо сможете что-то переделать, – неуверенно сказала Дебра. – Не так уж плохо.

Дэвид вздрогнул и закрыл дверь, словно это была крышка гроба.

– Ты шутишь, конечно, – сказал он, и решимость Дебры дрогнула, яркая улыбка исчезла, губы задрожали.

– О, Дэвид, так мы никогда не найдем себе дом!

– Верно. – Дэвид энергично потер ладони. – Пора подключать передовой отряд.

Он не знал, в каком виде представлена «Группа Морган» в Иерусалиме, но нашел в списке деловых учреждений Морганов финансовый институт. Исполнительным директором оказался рослый мрачный джентльмен по имени Арон Коган, обладатель роскошной конторы в здании банка Леуми, напротив главпочтамта. Он пришел в отчаяние, узнав, что член семейства Морганов уже десять дней находится в Иерусалиме, а он об этом не ведает.

Дэвид объяснил, что ему нужно, и через двадцать часов все было подписано и оплачено. Пол Морган подбирал работников очень тщательно, и Коган был тому свидетельством. Разумеется, платой за это должен был стать полный отчет о пребывании Дэвида в Иерусалиме, его координаты и планы на будущее. Все это уже на следующее утро лежало на столе Пола Моргана, но дело того стоило.

Некий предприниматель заново перестроил квартал Монтефиоре – над каньоном Хинном, напротив горы Сион, с ее впечатляющими вершинами и острыми пиками. Все дома были сложены из прекрасного золотистого иерусалимского камня, все построены в традиционном стиле и казались неподвластными времени. Но внутри скрывались роскошные современные интерьеры, высокие прохладные комнаты, ванные с выложенными мозаикой стенами, сводчатые потолки, как в церквях крестоносцев. Почти все квартиры имели отдельные закрытые террасы. Арон Коган выбрал лучшую квартиру, выходящую на улицу Малик. Цена оказалась астрономической. Как только Дебра вновь обрела дар речи, она сразу спросила об этом. Она ошеломленно стояла на террасе под единственным оливковым деревом. Камень террасы был отполирован так, что напоминал старую слоновую кость, солнце гладило лучами резную деревянную дверь. Голос Дебры звучал глухо, на лице застыло недоумение.

– Дэвид! Дэвид! Сколько это стоит?

– Это не важно. Важнее, нравится ли тебе здесь.

– Слишком прекрасно. Слишком хорошо, Дэвид. Мы не можем себе это позволить.

– Уже оплачено.

– Оплачено? – Она взглянула на него. – Сколько, Дэвид?

– Если бы я сказал: полмиллиона или миллион израильских фунтов, какая разница? Это всего лишь деньги.

Она руками закрыла уши.

– Нет! – воскликнула она. – Молчи! Я почувствую себя такой виноватой, что не смогу тут жить.

– Вот как! Значит, ты согласна тут жить?

– Прекрати! – подчеркнуто сказала она. – Не искушай меня, любовь моя!

Они стояли в центральной комнате, выходящей на террасу, – светлой, просторной. В ней не чувствовалась жара, но слегка пахло свежей краской и мастикой.

– Что мы будем делать с мебелью? – спросил Дэвид.

– С мебелью? – повторила Дебра. – Я об этом не подумала.

– Ну, я про то, что нам понадобится просторная кровать.

– Сексуальный маньяк. – Она поцеловала его.

Современная мебель выглядела неуместной под сводчатым потолком и на плитах пола. Поэтому они принялись искать на базарах и в антикварных магазинах.

Главную проблему Дебра решила, обнаружив на свалке огромную медную кровать. Они отдраили ее, отполировали так, что она засверкала, купили новый пружинный матрац и покрыли его кремовым кружевным покрывалом из нижнего ящика комода Дебры.

Они купили также келим* и у араба в старом городе выбрали из груды несколько тканых шерстяных половиков, покрыли ими каменный пол, набросали кожаных подушек для сидения, поставили низкий столик оливкового дерева с инкрустацией из слоновой кости и перламутра – в качестве обеденного. Остальную мебель предстояло поискать. Если не найдут, Дебра собиралась заказать ее знакомому арабскому мастеру. И кровать и стол оказались невероятно тяжелыми, и им потребовалась помощь, поэтому они пригласили Джо. Они с Ханной приехали в маленькой японской машине и, после того как опомнились от роскоши квартиры, с энтузиазмом принялись за работу под руководством Дэвида. Джо крякал, таская тяжести, а Ханна вместе с Деброй удалилась на кухню, где с завистью и восхищением осматривала посудомоечную машину, сушилку, стиральную машину и все прочие принадлежности современного дома. Она помогла приготовить первый обед.

Дэвид припас ящик пива «Голдстар», и после работы они собрались за столом оливкового дерева, чтобы «согреть дом и смочить крышу».

Дэвид ожидал, что Джо будет вести себя сдержанно: ведь в конце концов речь идет о его младшей сестре; но Джо держался совершенно естественно, наслаждался пивом и обществом, так что Ханне пришлось наконец вмешаться.

– Уже поздно, – твердо сказала она.

– Поздно? – переспросил Джо. – Еще только девять часов.

– В такой вечер это поздно.

– Что это значит? – удивился Джо.

---

* Ковер.

– Джозеф Мардохей, ты превосходный дипломат, – с иронией сказала Ханна, и неожиданно выражение Джо изменилось, он виновато взглянул на Дэвида и Дебру, залпом допил остатки пива, а второй рукой поднял Ханну со стула.

– Пошли, – сказал он. – И чего мы столько сидим?

Дэвид оставил свет на террасе; он пробивался сквозь прорези ставен, слабо озаряя комнату, а толстые стены приглушали звуки внешнего мира, и те доносились словно издалека и скорее подчеркивали уединение, чем мешали ему.

Медные прутья кровати тускло блестели в полумгле, кружевное покрывало пахло лавандой и нафталином.

Дэвид лежал на кровати и смотрел, как Дебра медленно раздевается, сознавая, что он смотрит на нее, и стыдясь, как никогда не стыдилась раньше.

Тело у нее было стройное, с гибкой талией и красивыми ногами, молодое и нежное, неуклюжая детская грация странно не вязалась с бедрами и грудью зрелой женщины.

Она села на край кровати, и он снова поразился блеску и гладкости ее кожи, мягким тонам загара там, где солнце окрасило ее в цвет горелого меда, контрасту бело-розовых грудей и темных густых завитков волос внизу мягко круглящегося живота.

Она склонилась над ним, по-прежнему стыдливо, пальцем коснулась его щеки, провела по горлу и груди, где на твердых мышцах лежала звезда Давида.

– Ты прекрасен, – прошептала она и поняла, что сказала правду. Ведь Дэвид был высок и строен, с мускулистыми плечами, узкими бедрами и плоским животом. Черты лица были чистыми и совершенными, и, возможно, единственным их недостатком было излишнее совершенство. Лицо казалось почти нереальным, как будто Дебра возлегла с ангелом или языческим богом.

Она забралась на кровать с ногами, вытянулась рядом с Дэвидом на кружеве покрывала, и они лежали лицом друг к другу, не притрагиваясь, но так близко, что она чувствовала тепло его живота около своего, как ласковый пустынный ветер, а его дыхание шевелило темные мягкие волоски у нее на щеке.

Она вздохнула – счастливо и удовлетворенно, как путник, достигший конца тяжелого и долго пути.

– Я люблю тебя, – впервые сказала она, взяла его голову, обхватила ее руками и нежно прижала к своей груди.

Много времени спустя ночная прохлада проникла в комнату, и они сонно встали и забрались под одеяло.

Когда они снова погружались в сон, Дебра пробормотала:

– Я так рада, что операция не понадобится.

И он слегка усмехнулся.

– Разве не лучше было обнаружить это самой?

– Намного лучше, любимый. Намного лучше, – согласилась она.

Дебра целый вечер объясняла Дэвиду, что для поездок с базы домой на улицу Малик дорогая спортивная машина вовсе не нужна: она уже знала вкусы своего мужчины. Она подчеркивала, что это страна молодых первопроходцев, и экстравагантность и роскошь тут

неуместны. Дэвид яростно спорил, зная, что в этот момент Арон Коган и его агенты обыскивают ради него всю страну.

Дебра предложила японский компакт, такой же, как у Джо, и Дэвид сказал, что серьезно над этим подумает.

Посыльный Арона Когана доставил «Мерседес-бенц 350 SL», принадлежавший немецкому поверенному в делах в Тель-Авиве. Этот джентльмен возвращался в Берлин и хотел избавиться от машины – за соответствующую сумму наличными. Единственного телефонного звонка оказалось достаточно, чтобы договориться об оплате через Швейцарский банк в Цюрихе.

Машина была бронзово-золотистая, меньше двадцати тысяч миль пробега, и за ней ухаживали с любовью и вниманием знатока-любителя.

Дебра, возвращаясь на мотороллере из университета, обнаружила в начале улицы Малик, где тяжелая цепь препятствовала проезду любых моторизованных средств передвижения, великолепную машину.

Она бросила на нее один взгляд и тут же без малейших сомнений поняла, чья она. И действительно сердилась, когда ворвалась на террасу, но постаралась притвориться еще более рассерженной.

– Дэвид Морган, ты совершенно невозможен.

– Ты быстро все схватываешь, – покорно согласился Дэвид; он загорал на террасе.

– Сколько ты за нее заплатил?

– Спроси о чем-нибудь другом, куколка. Этот вопрос мне уже наскучил.

– Ты на самом деле... – Дебра смолкла в поисках слов. Наконец нашла нужное и выпалила: – Испорченный!

– Ты не знаешь подлинного смысла этого слова, – мягко ответил Дэвид, вставая и лениво идя к ней. Хотя они были любовниками всего три дня, Дебра узнала этот блеск его глаз и торопливо попятилась. – Я объясню тебе его значение, – пообещал Дэвид. – Я дам тебе практический урок испорченности в таком чувствительном месте, что ты долго этого не забудешь.

Она спряталась за оливой, и ее книги разлетелись по террасе.

– Оставь меня! Убери руки, животное!

Он сделал ложный выпад вправо и схватил ее, когда она купилась на уловку. Легко поднял и прижал к груди.

– Дэвид Морган, предупреждаю, я закричу, если ты меня не отпустишь.

– Послушаем. Давай! – И она закричала, но криком леди, чтобы не обеспокоить соседей.

Джо, напротив, восхитился, увидев «трехсотпятидесятый». Они вчетвером отправились в пробную поездку по диким местам Иудеи к берегам Мертвого моря. Дорога испытывала подвески машины и водительское мастерство Дэвида, и на поворотах четверка вопила от возбуждения. Даже Дебра преодолела первоначальное неодобрение и наконец признала, что машина прекрасная – хотя все равно она признак испорченности.

Они плавали в прохладной воде оазиса Эйн Геди, там, где ручей образует глубокую заводь в скалах, прежде чем устремиться вниз и слиться с соленой водой моря.

Ханна прихватила с собой фотоаппарат и сфотографировала Дебру и Дэвида на камнях у пруда.

Оба в купальных костюмах, узкое бикини Дебры обнажает ее прекрасное юное тело, она полуобернулась, улыбаясь Дэвиду. Он улыбается ей в ответ, лицо его видно в профиль, темные волосы падают на лоб. Яркий свет пустыни подчеркивает его чистые черты, телесную красоту.

Ханна распечатала снимок для всех, и впоследствии только он остался у них напоминанием о радости и веселье тех дней, как прекрасный цветок, сорванный с дерева жизни, высушенный и сплюснутый, утративший цвет и запах.

Но будущее не омрачало этот счастливый яркий день. На обратном пути в Иерусалим машину вел Джо. Дебра настояла, чтобы они прихватили группу молодых танкистов, отправлявшихся домой в увольнение, и хотя Дэвид твердил, что это невозможно, они втиснули в маленький кузов еще троих. Так Дебра откупалась от своего чувства вины; она сидела на заднем сиденье, обняв Дэвида за шею, и они пели самую популярную в тот год песню израильской молодежи «Да будет мир».

Последние несколько дней перед поступлением на службу Дэвид нервничал, бесцельно бродил, занимался мелкими делами вроде пошива мундира. Он не согласился с Деброй, заявившей, что если обычное обмундирование хорошо для ее отца, генерал-майора, то подойдет и ему. Арон Коган представил Дэвида своему личному портному. Арон начинал уважать стиль Моргана-младшего.

Стараниями Дебры Дэвида приняли в университетский спорт-клуб, и он ежедневно занимался в первоклассном спортзале, заканчивая тем, что двадцать раз подряд преодолевал дорожку олимпийского плавательного бассейна, чтобы поддержать форму.

Но чаще он просто загорал на террасе или чинил электропроводку и выполнял другие мелкие работы, о которых просила Дебра.

Проходя по прохладным приятным комнатам, он время от времени натыкался на принадлежащие Дебре предметы: книгу или, может быть, брошь, подбирал, начинал рассматривать. Платье, небрежно брошенное в ногах кровати, аромат духов Дебры вызывали у него физическую тоску, остро напоминали о ней. Он прижимал платье к лицу, вдыхал его запах и ненавидел часы ожидания перед ее возвращением.

Но больше всего ему рассказали о Дебре ее книги, больше, чем открыли бы годы знакомства. Во второй спальне, которую они использовали как временную кладовку, пока не найдут подходящие шкафы и книжные полки, она поставила целый ящик книг. Однажды Дэвид начал рыться в этом ящике. Самые разные книги: Гиббон и Гор Видал, Шекспир и Норман Мейлер, Солженицын и Мэри Стюарт вместе с другими, столь же необычными, соседями. Художественная литература и биографии, история и поэзия, на английском и на иврите, брошюры и тома в кожаных переплетах – и небольшая книжка в зеленой обложке, которую он чуть не пропустил, но его внимание привлекло имя автора. Д. Мардохей. Чувствуя, что вот-вот сделает открытие, он раскрыл книгу. «В этом году, в Иерусалиме», сборник стихотворений Дебры Мардохей.

Он отнес книгу в спальню, не забыв сбросить обувь, прежде чем лечь на кровать – Дебра строго следила за этим, – и принялся читать.

Пять стихотворений. Первое – с тем же названием, что и вся книга, о двухтысячелетнем еврейском обещании «На следующий год в Иерусалиме», воплотившимся в жизнь. Патриотический гимн своей стране, и даже Дэвид, чей вкус был воспитан Маклином и Роббинсом,

почувствовал, что стихотворение превосходно. Встречались строки поразительной красоты, красноречивые и проницательные. Хорошо, по-настоящему хорошо, и Дэвид ощутил своеобразную гордость собственника – и благоговение. Он не догадывался о таких глубинах в ней, они оставались для него скрытыми.

Дойдя до пятого стихотворения, он обнаружил, что оно самое короткое. Это была любовная поэма – вернее, плач по умершему возлюбленному, и неожиданно Дэвид понял разницу между просто хорошими стихами и волшебством.

Он дрожал от музыки ее слов, ощущал, как волосы встают дыбом от поразительной печальной красоты, и сам задохнулся от острого чувства безвозвратной потери. Глаза Дэвида наполнились слезами, и ему пришлось долго моргать, когда он прочел последние пронзительные строки – этот ужасный вопль, пронзивший его сердце.

Он положил книгу на грудь, вспоминая, что рассказывал Джо о том солдате, погибшем в пустыне. Его внимание привлекло какое-то движение, он виновато попытался спрятать книгу и сел. Это такое личное, эти стихи... он чувствовал себя вором.

Дебра стояла на пороге спальни и смотрела на него, прислонившись к косяку, сжав руки, смотрела спокойно и внимательно.

Он сел на кровати, взвешивая книгу в руке.

– Прекрасно, – сказал он наконец, голос его звучал хрипло и был полон чувства.

– Я рада, что тебе понравилось, – сказала Дебра, и он понял, что она стесняется.

– Почему ты не показывала мне раньше?

– Боялась, что не понравится.

– Ты его, наверно, очень любила? – негромко спросил он.

– Да, – ответила она, – но теперь я люблю тебя.

Наконец пришло назначение, и в этом ясно угадывалась рука Брига, хотя Джо признался, что и он использовал все семейное влияние, чтобы ускорить прохождение документов.

Дэвиду предписывалось явиться в эскадрилью «Сверкающее копье» – отряд истребителей-перехватчиков «миражей», размещавшийся на той самой скрытой под полями базе, где Дэвид уже побывал. В той же эскадрилье служил и Джо Мардохей, и когда он позвонил на улицу Малик, сообщая о назначении, то не проявил никакого недовольства по тому поводу, что Дэвид будет выше его по званию; напротив, он не сомневался, что они регулярно будут летать вместе. Он целый вечер рассказывал Дэвиду об эскадрилье – от «Дофина», командира, иммигранта из Франции, до самого последнего механика. Еще много недель спустя, постепенно входя в сплоченную команду летчиков, Дэвид будет находить полезными советы и подсказки Джо.

На следующий день портной привез мундир, и Дэвид надел его, чтобы удивить Дебру, когда та, с зачесанными назад волосами, в темных очках, сдвинутых на лоб, нагруженная книгами и продуктами, появилась из кухонной двери, толкнув ее грудью.

Она бросила свой груз у раковины и подошла к нему, подбоченясь и критически наклонив голову.

– Мне бы хотелось, чтобы завтра ты в этом мундире заехал за мной в университет, – сказала она наконец.

– Зачем?

– За корпусом Лейтермана постоянно слоняется несколько шлюх. Одни из них мои студентки, другие – коллеги. Хочу, чтобы они хорошо тебя разглядели – и сглодали от зависти свои крошечные сердца.

Он рассмеялся.

– Ты меня не стыдишься?

– Морган, для одного человека ты слишком красив, тебе следовало бы родиться двойней.

Это был их последний день вместе, поэтому он подчинился ее капризу и в мундире заехал за ней на кафедру. И удивился тому, как действовал его мундир на незнакомых людей на улице: девушки улыбались ему, старушки говорили «шалом», даже охранник у входа в университет пропустил его с улыбкой и шуткой. Для всех он стал ангелом-хранителем, одним из тех, кто охраняет их от смерти с неба.

Дерба заторопилась навстречу ему, поцеловала и гордо пошла рядом, собственнически держа его под руку. Она повела его обедать в преподавательскую столовую, в круглый стеклянный корпус.

За обедом он обнаружил, какое прикрытие Дебра использовала, чтобы защитить свою репутацию.

– Вероятно, первые несколько недель я не смогу покидать базу, но я напишу тебе на улицу Малик...

– Нет, – быстро сказала она, – я там не останусь. Без тебя в большой постели будет слишком одиноко.

– Куда же тогда? Домой, к родителям?

– Ну, так мы сразу себя выдадим. Стоит тебе приехать в город, и я покидаю родительский дом... Нет, они считают, что я живу в общежитии при университете. Я сказала, что хочу быть поближе к факультету...

– У тебя там есть комната? – Он смотрел на нее.

– Конечно, Дэви. Приходится быть скрытной. Я не могла объяснить своим родственникам, друзьям и нанимателям, что обихаживаю майора Дэвида Моргана. Возможно, на дворе двадцатый век и Израиль – современная страна, но я еврейка, и за мной традиция чистоты и целомудрия.

Впервые Дэвид начал понимать глубину пропасти, которую должна была преодолеть своим решением Дебра. Он сам воспринимал все гораздо легче.

– Мне будет не хватать тебя, – сказал он.

– Мне тоже, – ответила она.

– Поехали домой.

– Да, – согласилась она, откладывая нож и вилку. – Поесть можно в другое время.

Однако когда они вышли из корпуса, она воскликнула:

– Черт возьми, мне обязательно нужно сегодня сдать книги. Зайдем в библиотеку? Прости, Дэви, это недолго.

Поэтому они снова поднялись на террасу, миновали ярко освещенные окна студенческого ресторана и в быстро сгущающихся сумерках пошли к квадратной башне библиотеки,

где уже тоже светились окна. Они поднялись по лестнице к входу в библиотеку, но вынуждены были посторониться – из стеклянной двери выходила группа студентов.

Они смотрели в ту сторону, откуда пришли, за усаженные цветущими деревьями террасы, на ресторан.

Неожиданно вечерние сумерки осветила ослепительно-яркая белая вспышка взрыва, и стеклянные окна ресторана превратились в ливень осколков. Как будто штормовой прибой ударил в стены каменного утеса, разбрасывая сверкающие клочья пены, но это был смертоносный дождь – от осколков погибли две студентки, проходившие в этот момент мимо окон.

Сразу за вспышкой налетела взрывная волна, она сотрясла деревья и заставила Дебру и Дэвида ухватиться за столбы библиотечной веранды. Волна ударила с такой силой, что у них заболели уши и захватило дух.

В мгновения ужасной тишины, последовавшей за взрывом, Дэвид схватил Дебру и прижал к себе. На их глазах из разбитых окон ресторана повалили облака мягкого белого фосфорного тумана и потянулись к террасе.

Тогда до их потрясенного слуха наконец донеслись звуки: звон стекла, треск опадающей штукатурки и разбитой мебели. Женский вопль нарушил это жуткое очарование.

Послышались крики и топот. Какая-то студентка поблизости истерически крикнула:

– Бомба! Взорвали кафе!

Одна из девушек, сбитых потоком осколков стекла, поднялась и бесцельно забегала, описывая неширокие круги и тонко невыразительно воя. Она вся была покрыта известковой пылью, и из-под пыли ручейками текла кровь, смачивая ей платье.

Дебру в руках Дэвида затрясло.

– Свиньи, – прошептала она, – грязные свиньи, убийцы.

Из дымящегося разрушенного здания медленно показалась другая фигура. Волна сорвала с человека одежду, и та свисала лохмотьями, превращая его в подобие пугала. Он добрался до террасы, медленно снял чудом уцелевшие очки и принялся протирать их обрывками одежды. С его подбородка капала кровь.

– Пошли, – сказал Дэвид. – Мы должны помочь. – И они вместе сбежали с крыльца.

Взрывом обрушило часть крыши и придавило двадцать три студента, которые пришли поговорить за ужином.

Остальных словно разбросал по большому залу капризный ребенок, и их кровь превратила столовую в подобие смрадной бойни. Некоторые ползли, другие корчились среди разбитой мебели, осколков посуды и остатков пищи. Люди лежали с перекошенными лицами, оскалившись в издевательской усмешке смерти.

Впоследствии было установлено, что две девушки, состоявшие в организации «Эль Фатах», пользуясь поддельными документами, поступили в университет и ежедневно проносили в кампус небольшие порции взрывчатки, пока не накопили ее достаточно. Оставив сумку с часовым механизмом под столом, террористки вышли и благополучно скрылись. Неделю спустя они по телевидению Дамаска хвастались своим успехом.

Пока же, однако, никто не мог объяснить причины взрыва, этого ужасного всплеска насилия. Он казался бесцельным и в то же время был устрашающе эффективен, как природные катастрофы. Уцелевшие работали в лихорадочной спешке, чтобы помочь раненым и вытащить из-под обломков останки погибших.

Их положили в ряд под цветущими деревьями и накрыли простынями, взятыми в ближайшем общежитии. Длинный аккуратный ряд укрытых белым тел – Дэвид знал, что это воспоминание останется с ним навсегда.

Прибыли медики, сирены «скорой помощи» ревели, вспыхивали мигалки; убирали жатву смерти. Полиция уже огородила место взрыва, когда Дэвид и Дебра рука об руку пошли к оставленному на стоянке «мерседесу». Оба были в пыли и крови, измучены зрелищем и криками боли. Они молча поехали на улицу Малик, смыли под душем пыль и кровь. Дебра замочила мундир Дэвида в холодной воде, чтобы отстирать. Потом сварила кофе, и они пили его, сидя рядом на медной кровати.

– Так много хорошего и сильного умерло сегодня вечером, – сказала Дебра.

– Смерть – не самое худшее. Смерть естественна, это логическое завершение бытия. Разбитая и разорванная, но еще живая плоть – вот что ужасно. В смерти есть достоинство, но искалеченные – это непристойно.

Она почти со страхом взглянула на него.

– Это жестоко, Дэвид.

– В Африке есть прекрасное свирепое животное. Черная антилопа. Они держатся стадами по сотне и больше, но когда одну антилопу ранит выстрелом охотник или искалечит лев, самец-вожак рогами прогоняет ее из стада. Помню, когда отец рассказывал мне об этом, он добавил, что победитель должен сторониться побежденных – несчастье заразительно.

– Боже, Дэвид, какой жестокий взгляд на жизнь.

– Может быть, – согласился Дэвид, – но, видишь ли, жизнь вообще жестока.

Потом они любили друг друга, впервые за все это время с ноткой отчаяния, словно перед расставанием им напомнили об их смертности.

Утром Дэвид отправился в эскадрилью, а Дебра заперла квартиру на улице Малик.

Ежедневно в течение семнадцати дней Дэвид совершал по два, а иногда и по три вылета. По вечерам, если не нужно было лететь на ночной перехват, слушал лекции, смотрел учебные фильмы, а после этого оставались силы только на быстрый ужин и сон.

Полковник, Дофин, однажды полетел с Дэвидом. Это был маленький человек со свободными манерами и быстрыми проницательными глазами. Он быстро выносил суждения.

С первого же дня Дэвид и Джо летали вместе, и Дэвид занял в подземном бункере, где дежурили экипажи, шкафчик рядом со шкафчиком Джо.

За эти семнадцать дней дружба между ними окончательно окрепла. Нетерпеливость и порывистость Дэвида отлично уравновешивала абсолютная надежность Джо.

Дэвиду всегда предназначалась роль звезды, а Джо довольствовался ролью аккомпаниатора: надежный парень, превосходный фон, ведомый без всяких личных амбиций, не стремящийся к славе; его главное назначение – вывести свой первый номер на позицию для удара.

Из них быстро сложилась замечательная команда, тем более что связь в воздухе действовала почти на сверхчувственном уровне и напоминала мгновенную одновременную реакцию стаи птиц или косяка рыб.

Джо, летящий за Дэвидом, был для него все равно что страховка в миллион долларов. Хвост Дэвида был в безопасности, и это позволяло ему полностью сосредоточиться на выполнении задачи, чему очень помогали орлиное зрение и мгновенная реакция. Дэвид был стрелком, а в его профессии стрелки ценились превыше всего.

Израильские военно-воздушные силы первыми поняли ограниченность применения ракет класса «воздух-воздух» и вернулись к классическому типу воздушного боя. Ракета не способна действовать разумно. Компьютер действует по определенной программе, и при сбоях в этой программе беспомощен. А потому из трехсот ракет лишь одна достигает цели.

Но если прямо перед вами прирожденный стрелок и палец его лежит на двойной гашетке тридцатимиллиметровой пушки, способной выпустить двенадцать тысяч снарядов в минуту, шансов у вас значительно меньше, чем триста к одному.

У Джо тоже был свой особый талант. Передний сканирующий радар «миража» – сложная и совершенная комбинация электронных приборов, требующих очень проворной работы рук. Радаром управляют исключительно левой рукой, и ее пальцы должны двигаться точно, как у виртуоза-пианиста. Однако еще важнее особое «чувство» инструмента, легкое любовное прикосновение, дающее максимальные результаты. У Джо это «чувство» было, у Дэвида нет.

Они совершали тренировочные вылеты днем и ночью, практиковались на низких и высоких целях. Иногда летели на бреющем полете, а иногда поднимались высоко над Средиземным морем и устраивали учебные воздушные бои.

Однако Цветок Пустыни тактично уводил их подальше от возможных стычек и боевых действий. За Дэвидом внимательно наблюдали.

К концу этого периода на стол генерал-майора Мардохея легло служебное досье Дэвида. За личный состав отвечал персонально Бриг, и хотя он регулярно просматривал все офицерские досье, он специально запросил дело Дэвида.

Папка была тонкой сравнительно с разбухшими личными делами некоторых старых служак, и Бриг быстро пролистнул собственную рекомендацию и летные испытания Дэвида. Потом внимательно прочел отчет о результатах наблюдений. И с удовлетворением отметил, что умеет найти пилота в любой толпе.

Наконец он добрался до заключения Дофина.

«Морган – пилот исключительных способностей. Рекомендую подтвердить его назначение и перевести его в ряды летного состава, сняв всякие ограничения».

Бриг взял красную ручку – это была его особая прерогатива – и написал: «Согласен».

Все это касалось Моргана-пилота. Теперь можно было подумать и о Моргане-человеке. Лицо Брига стало мрачным и суровым. Внезапное желание Дебры покинуть дом сразу после появления в Иерусалиме Дэвида человеку, привыкшему анализировать подспудные мотивы и смыслы, не могло показаться простым совпадением.

Потребовалось два дня и несколько телефонных звонков, чтобы установить: Дебра использует комнату в университетском общежитии в качестве прикрытия и на самом деле ее жилищные условия гораздо более комфортабельны.

Бриг не одобрял этого, решительно и безоговорочно. Но он понимал, что тут он не властен. Он уже знал, что у дочери не менее сильная воля, чем у него самого. Стычки меж-

ду ними приводили к катастрофическим результатам, потрясали семью до основания и редко заканчивались к общему удовольствию.

Хотя он много времени проводил с молодежью, ему все еще было трудно жить в новом мире – и принимать его. Свое долгое трудное ухаживание за Руфью он вспоминал с гордостью, как ветеран – старые сражения.

– Ну, что ж, по крайней мере у нее хватило здравомыслия ничего не выставлять напоказ, не позорить семью. Хоть от этого она избавила свою мать. – Бриг захлопнул досье.

Дофин вызвал Дэвида к себе в кабинет и сообщил об изменении его статуса. Теперь он регулярно будет находиться на «зеленом» положении, что означает четыре ночных дежурства на базе в неделю.

Теперь Дэвиду предстоят парашютные тренировки и подготовка к бою без оружия. Сбитый над арабской территорией пилот имеет гораздо больше шансов выжить, если владеет всеми способами боя.

Из кабинета Дофина Дэвид отправился прямо к телефону в комнате отдыха личного состава. И поймал Дебру, прежде чем та вышла из корпуса Лейтермана на обед.

– Согрей постель, девчонка, – сказал он. – Завтра вечером буду дома.

Они с Джо поехали в Иерусалим на «мерседесе». Дэвид не слушал гулкий голос Джо, пока Джо не ткнул его пальцем в ребра.

– Прости, Джо, я задумался.

– Перестань. От твоих мыслей ветровое стекло запотевает.

– Что ты говорил?

– О свадьбе – нашей с Ханной.

Дэвид сообразил, что до свадьбы всего месяц и теперь женщины взбудоражены и наэлектризованы, словно воздух перед грозой. Письма Дебры переполняли сведения о подготовке.

– Буду счастлив, если ты встанешь рядом со мной и будешь свидетелем. Для разнообразия полетай ведомым, а я возьму на себя цель.

Дэвид понял, что ему оказывают большую честь, и принял предложение с соответствующей серьезностью. В глубине души он забавлялся. Как большинство молодых израильтян, с которыми приходилось разговаривать Дэвиду, Джо и Ханна заявляли, что не религиозны. Но он знал, это притворство. Все они очень хорошо осознавали свое религиозное наследие, отлично знали историю и практику иудаизма. И исполняли те законы веры, которые не угнетали их и соответствовали современному образу жизни.

Для них религиозность означала черные одежды и широкополые шляпы крайних ортодоксов из «Меа Шеарим» и жизнь в строгом соответствии со всеми, даже самыми мелкими религиозными ограничениями.

Бракосочетание будет традиционным – все церемонии, весь сложный ритуал, вся древняя символика, и отступления будут сделаны только для соблюдения строжайших мер предосторожности.

Церемония пройдет в саду Брига, ведь Ханна сирота. К тому же закрытый, окруженный почти крепостными стенами сад легче охранять.

Среди гостей будет много влиятельных фигур из правительства и армейской верхушки.

– У нас в списке не менее пяти генералов и восемнадцати полковников, – сказал Джо, – а к этому нужно добавить кабинет почти в полном составе. Сама Голда обещала постараться и побывать у нас. – Джо нахмурился, прикурил две сигареты и протянул одну Дэвиду. – Если бы не Ханна – ты ведь знаешь, как женщины относятся к свадьбе, – я бы просто пошел и зарегистрировался.

– Так я тебе и поверил, – улыбнулся Дэвид. – Ты тоже этого ждешь.

– Конечно. – Лицо Джо прояснилось. – Хорошо будет иметь свой дом, как у вас с Деб. Я бы хотел, чтобы Ханна была так же разумна. Целый год игры в прятки. – Джо покачал головой. – Слава Богу, это кончается.

Дэвид высадил Джо в переулке у дома Брига в Эйн Кареме.

– Не стану тебя приглашать, – сказал Джо. – Вероятно, у тебя другие планы.

– Угадал. – Дэвид улыбнулся. – Не заглянете с Ханной к нам на ужин сегодня вечером?

Джо снова покачал головой.

– Я везу Ханну в Ашкелон на могилы ее родителей. Так полагается перед свадьбой. Может быть, в субботу.

– Ну хорошо. Дебра захочет с вами увидеться. Шалом, Джо.

– Шалом, шалом, – сказал Джо, и Дэвид отъехал. Спустившись с холма, он погнал «мерседес» как на ралли. Он вдруг отчаянно заторопился.

Дверь террасы была открыта, его ждали. Дебра, дрожа от ожидания, сидела в новом кожаном кресле, подобрав под себя ноги. Ее только что вымытые волосы блестели, как крыло грача. На ней был просторный шелковый халат цвета меда, подчеркивавший золото глаз.

В вихре шелка она вскочила с кресла и босиком побежала ему навстречу.

– Дэвид! Дэвид! – воскликнула она, и он подхватил ее и закружился, смеясь вместе с ней.

Потом она гордо провела его по комнатам и показала перемены и усовершенствования, за время его отсутствия превратившие эту квартиру в настоящий дом. Дэвид убедил ее, что цена не имеет значения, и они вместе подбирали рисунок мебели. Мебель изготовил и доставил знакомый араб, и Дебра расставила ее так, как они придумали. Мягкая кожа и темное дерево, блестящая медь, повсюду пушистые ковры. Но одного предмета Дэвид никогда раньше не видел – большой картины маслом; Дебра повесила ее без рамы на свежевыбеленной стене напротив террасы. Картина была там единственным украшением, но рядом с ней всякое другое украшение было бы неуместно. Это был мрачный пейзаж, пустыня, пленяющая своей дикостью; цвета напряженные и горячие; картина, казалось, освещала комнату лучами пустынного солнца.

Пока Дэвид рассматривал картину, Дебра держала его за руку, беспокойно ожидая его реакции.

– Ну и ну! – сказал он наконец.

– Нравится? – облегченно спросила она.

– Потрясающе. Где ты ее взяла?

– Подарок от художника. Она моя старая подруга.

– Она?

– Да. Завтра мы едем в Тиверию и будем с ней обедать. Я рассказала ей о тебе, и она хочет с тобой познакомиться.

– Какая она?

– Одна из наших ведущих художников, зовут ее Элла Кадеш, но описывать ее я не могу. Могу только пообещать, что тебе будет интересно.

Дебра приготовила особое блюдо из баранины с оливками, которое они ели на террасе под оливковым деревом. Речь снова зашла о свадьбе Джо, и посреди разговора Дэвид неожиданно спросил:

– А почему ты решила жить со мной – без брака?

После короткого молчания она ответила:

– Я поняла, что люблю тебя и что ты слишком нетерпелив для игры в ожидание. Я знала, что, если не сделаю этого, могу снова потерять тебя.

– Я до последнего времени не подозревал, чего тебе стоило такое решение, – медленно сказал он, а она отпила вина и ничего не ответила. – Давай поженимся, Деб, – нарушил он молчание.

– Да, – кивнула она. – Великолепная мысль.

– Побыстрее, – продолжал он. – Как можно быстрее.

– Не раньше Ханны. Не хочу красть у нее этот день.

– Хорошо, – согласился Дэвид, – но сразу вслед за этим.

– Морган, ты назначил дату, – заключила она.

До Тиверии было три часа езды, поэтому они встали, едва солнце пробилось сквозь ставни и раскрасило стену над медной кроватью тигриными полосками. Чтобы сберечь время, вместе вымылись в ванной, сидя лицом друг к другу по пояс в мыльной пене.

– Такой грубиянки, как Элла, ты не встречал, – предупредила Дэвида Дебра. В это утро, с волосами, перевязанными красной лентой, она казалась маленькой девочкой. – Чем большее впечатление ты на нее произведешь, тем грубее она будет, а отвечать надо мягко. Так что, пожалуйста, Дэвид, не срывайся.

Дэвид набрал пены пальцем и вымазал ей нос.

– Обещаю, – сказал он.

Они поехали к Иерихону, а оттуда повернули на север вдоль долины Иордана, вдоль высокой пограничной ограды из колючей проволоки с надписями, предупреждающими о минных полях, и бесконечных моторизованных патрулей.

В долине было жарко, и они ехали с открытыми окнами. Дебра высоко, до самого пояса подобрала юбку, чтобы длинным коричневым ногам было прохладнее.

– Лучше так не делай, если не хочешь опоздать на обед, – предупредил Дэвид, и она торопливо одернула подол.

– С тобой никогда не чувствуешь себя в безопасности, – заявила она.

Наконец они выехали из голой пустыни в плодородную землю кибуцев под Галилеей, и снова в воздухе так сильно запахло апельсиновым цветом, что стало трудно дышать.

И вот впереди среди финиковых пальм блеснули воды озера. Дебра коснулась руки Дэвида.

– Помедленней, Дэви. Дом Эллы в двух милях по эту сторону Тиверии. Прямо впереди – поворот.

К берегу озера вела проселочная дорога, она оканчивалась у стены из древних каменных глыб. Поблизости стояло пять машин.

– У Эллы гости, – заметила Дебра и повела Дэвида к калитке в стене. За стеной оказался небольшой полуразрушенный замок. Обвалившиеся стены образовывали причудливые груды, камень потемнел от времени; на развалинах утвердились пышные заросли бугенвиллеи, высокие пальмы шелестели листвой на легком ветерке, долетавшем с озера. На зеленых лужайках росли другие экзотические растения.

Часть развалин была переоборудована и превращена в живописный необычный дом на берегу озера, с широким двориком-патио, с каменным причалом, около которого стояла моторная лодка. За зелеными водами озера поднимались темные, гладкие, похожие на спины китов, Голанские высоты.

– Это крепость крестоносцев, – пояснила Дебра. – Она охраняла дорогу вдоль озера и подходы к большому замку на отрогах Хиттема, который уничтожили мусульмане, когда изгнали крестоносцев со Святой земли. При администрации Алленби дед Эллы купил этот замок, но он лежал в развалинах, пока она не восстановила его после войны за независимость.

Тщательность, с которой были внесены изменения – таким образом, чтобы не испортить романтическую красоту развалин – объяснялась художественным вкусом Эллы Кадеш, который полностью противоречил внешности самой женщины.

Она оказалась невероятно огромной; не просто высокой и полной, но с гигантскими ступнями, с пальцами, унизанными множеством колец, ногти на ногах в открытых сандалиях выкрашены в ярко-алый цвет, подчеркивающий их величину. Ростом она была с Дэвида, платье, смахивающее на шатер кочевника, скрывало ее мощное тело и, казалось, способно было вместить двух Дэвидов. Кудрявый парик ярко-рыжего цвета, в ушах – длинные золотые серьги. Казалось, краску на глаза Элла накладывала лопатой, а румяна на щеки – краскопультом. Элла извлекла изо рта толстый окурок сигары и поцеловала Дебру, а потом повернулась, рассматривая Дэвида. Голос у нее был хриплый, и пахло от нее сигарами и коньяком.

– Не думала, что ты такой красавец, – сказала она, и Дебра вздрогнула, увидев выражение глаз Дэвида. – Не люблю красоту. Она часто обманчива или вообще шелуха. Обычно за ней скрывается что-то злое, как за смертоносной красотой кобры. Или она как конфетный фантик, – под ней сладкая оболочка и пустая сердцевина. – Художница потрясла густо облитыми лаком локонами парика и продолжала разглядывать Дэвида маленькими проницательными глазками. – Нет, я предпочитаю красоте безобразие.

Дэвид улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

– Да, – согласился он, – посмотрев твои работы, а потом встретившись с тобой, я могу с этим согласиться.

Она хрипло рассмеялась и снова сунула окурок в рот. «Ну, по крайней мере ясно, что перед нами не шоколадный солдатик». Большой сильной рукой она обняла Дэвида за плечи и повела навстречу обществу.

Присутствовало больше десяти человек, все интеллектуалы: художники, писатели, преподаватели университета, журналисты, и Дэвид ограничился тем, что сидел рядом с Деброй на солнце, наслаждался пивом и прислушивался к разговору. Но Элла не оставила

его надолго в покое, и когда они сели под открытым небом за обед, достойный Гаргантюа, – холодная рыба, домашняя птица, – снова набросилась на него.

– Ваше военное искусство и ваши пристрастия, ваша напыщенность и побрякушки... Чума на них, вот что я вам скажу, пусть сгниют ваш патриотизм, ваша храбрость, ваше бесстрашие и ваша рыцарская доблесть. Это все внешнее, предлог для того, чтобы усеивать землю падалью.

– Интересно, ты бы осталась при этом мнении, если бы тебя изнасиловал взвод сирийцев? – вызывающе спросил Дэвид.

– Мой мальчик, в наши дни мне так трудно найти любовника, что я бы благодарила небо за такую удачу. – Она оглушительно расхохоталась, и ее парик съехал набекрень. Поправив его, Элла снова бросилась в атаку. – Ваша мужская напыщенность, эгоистическое высокомерие! Для тебя эта женщина, – она ткнула ножкой индейки в Дебру, – лишь вместилище для спермы. Тебе плевать, что перед ней огромное будущее, что в ней росток великого писательского дара. Нет, для тебя она только удобство, возможность...

Дебра вмешалась:

– Довольно, я не хотела бы публично обсуждать особенности своей спальни. – И Элла, воинственно блестя глазами, обрушилась на нее.

– Твой дар нельзя зарыть в землю! Ты за него в долгу перед человечеством. Ты обязана развивать свой талант, дать ему возможность расти и расцветать, плодоносить. – Элла пользовалась ножкой индейки как судейским молотком, стуча ею по краю тарелки, чтобы заглушить возражения Дебры. – Написала ли ты хоть слово с тех пор, как допустила к сердцу этого молодого Марса? Что с романом, который мы обсуждали на этой самой террасе год назад? Животная страсть заглушила все остальное? Неужели вопль твоих яичников...

– Прекрати, Элла! – Теперь Дебра рассердилась, щеки ее раскраснелись, брови нахмурились.

– Да! Да! – Элла отбросила кость и шумно облизала пальцы. – Тебе должно быть стыдно, ты должна сердиться на себя...

– Черт тебя побери! – крикнула Дебра.

– Согласна – но он заберет и тебя, если ты не будешь писать. Пиши, женщина, пиши! – Она уселась поудобнее, и плетеное кресло протестующе заскрипело. – Ну ладно, айда купаться. Дэвид еще не видел меня в бикини. Посмотрит ли он после этого на свою тощую девчонку?

Вечером они уехали в Иерусалим, загорев на солнце, и хотя сиденья «мерседеса» не предназначались для любовников, Дебра умудрилась прижаться к Дэвиду.

– Ты знаешь, она права, – нарушил он удовлетворенное молчание. – Ты должна писать, Деб.

– О, я буду, – легко ответила она.

– Когда? – настаивал он, и, чтобы отвлечь его, она прижалась теснее.

– Как-нибудь, – ответила она, удобнее укладывая свою темную голову ему на плечо.

– Как-нибудь, – передразнил он ее.

– Не понукай меня, Морган. – Она уже засыпала.

– Перестань уклоняться от ответа. – Свободной рукой он погладил ее волосы. – И не спи, когда я с тобой разговариваю.

– Дэвид, дорогой, перед нами вся жизнь – и даже больше, – прошептала она. – Ты сделал меня бессмертной. Мы с тобой будем жить тысячу лет, и для всего найдется время.

Возможно, темные боги услышали ее слова, переглянулись и сардонически усмехнулись.

В субботу Джо и Ханна пришли в дом на улице Малик, и после обеда было решено совершить восхождение на гору Сион за долиной. Они вступили в лабиринт коридоров, ведущих к могиле Давида, увешанный великолепными вышитыми тканями, изображениями короны и покровами Торы. Отсюда всего несколько шагов до комнаты, где – в этом самом здании – происходила тайная вечеря Христа, так тесно переплелись в этой крепости традиции иудаизма и христианства.

Потом они через врата Сиона вступили в старый город и вдоль стены прошли к центру иудаизма. Скошенная в манере Иродовых времен стена – все, что осталось от знаменитого второго храма Ирода, уничтоженного две тысячи лет назад римлянами.

У входа их обыскали, и они присоединились к потоку верующих, стремящемуся к стене. У Стены плача они долго стояли в молчании. Дэвид снова ощутил, как возрождается в нем расовая память, ощутил душевную пустоту, которую так хочется заполнить.

Молились, стоя лицом к стене; среди молящихся было много ортодоксов со свисающими на щеки пейсами; хасиды раскачивались в религиозном экстазе. В закрытом помещении справа молились женщины.

Наконец Джо заговорил, в его голосе звучало легкое замешательство.

– Я, наверно, тоже пойду помолюсь.

– Да, – согласилась Ханна. – Пойдешь со мной, Дебра?

– Минутку. – Дебра достала что-то из сумочки. – Я сделала это тебе для свадьбы, – сказала она. – Но надевай сейчас.

Это была ермолка, вышитая молитвенная шапочка из атласа.

– Иди с Джо, – сказала Дебра. – Он покажет тебе, что делать.

Девушки направились в женское помещение, а Дэвид надел ермолку и вслед за Джо пошел к стене.

К ним подошел служитель – шамаш, старик с длинной серебряной бородой, и привязал к правой руке Дэвида маленький деревянный ящичек с частицей Торы.

– Твои слова лягут тебе на сердце и на душу, и ты свяжешь их правой рукой...

Потом он набросил на плечи Дэвиду талес, шерстяную шаль с кисточками, и повел к стене, и Дэвид вслед за шамашем начал повторять:

– Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один...

Голос его звучал все увереннее, он припоминал слова и смотрел на стену из массивных каменных блоков, которая возвышалась над ним. Тысячи верующих писали свои молитвы на обрывках бумаги и вкладывали в щели меж камнями; вокруг молились. Дэвиду показалось, что от этого святого места к небу восходит золотая дымка молитв.

Потом они по древним ступеням поднялись в еврейский квартал, и доброе чувство не покидало Дэвида, ему было приятно и тепло.

Вечером, когда они вместе сидели на террасе, пили пиво «Голдстар» и щелкали семечки подсолнуха, разговор сам собой перешел на Бога и веру.

Джо сказал:

– Я израильтянин и еврей. Вначале моя страна, а только потом религия.

Но Дэвид помнил, с каким выражением молился Джо у Стены плача.

Они проговорили допоздна, и Дэвид все отчетливее видел свое огромное религиозное наследие.

– Я хотел бы больше узнать об этом, – сознался он. Дебра ничего не ответила, но когда собирала его в этот вечер на базу, положила на чистый мундир книгу Германа Воука «Это мой Бог».

Он прочел ее и, когда в следующий раз приехал на улицу Малик, попросил еще что-нибудь. Она подбирала ему книги, вначале на английском, потом на иврите – он все лучше овладевал языком. Не только религиозную литературу, но и книги по истории, исторические романы, и его интерес к древнему центру цивилизации, этому перекрестку культур и в течение трех тысяч лет полю битвы, все усиливался.

Он читал все, что она ему давала, от Иосифа Флавия до Леона Юриса.

Это рождало стремление самому увидеть и исследовать землю. И вот большую часть своего свободного времени они стали уделять исследованиям. Начали с крепости Ирода на вершине холма Масада, где зилоты убили друг друга, чтобы не подчиняться Риму, а там сошли с избитых туристских троп и занялись менее известными историческими местами.

Долгими летними днями им случалось перекусить на развалинах римского акведука, любуясь тем, как сокол взмывает вверх на идущих от пустыни теплых воздушных потоках, а потом рыться на дне сухого вади в поисках древних монет и наконечников стрел, которые вымыло последним дождем.

Вокруг поднимались высокие утесы из розового и золотого камня, свет был так чист и резок, что, казалось, можно увидеть все, а тишина так обширна, будто Дебра и Дэвид были единственными живыми существами на земле.

Это были самые счастливые дни в жизни Дэвида. Они наполняли смыслом утомительные часы дежурств, а когда день заканчивался, его всегда ждал дом на улице Малик, с его теплом, смехом и любовью.

В день свадьбы Джо и Дэвид получили увольнительную. Время было спокойное, и Дофин не возражал, тем более что сам был в числе гостей.

Накануне они приехали в Иерусалим и были немедленно мобилизованы для подготовки к торжеству. Дэвид трудился в основном таксистом и перевозчиком грузов. «Мерседес» перевозил все – от цветов и музыкальных инструментов до дальних родственников.

Сад Брига украсился пальмовыми листьями и разноцветными флагами. В центре воздвигли хупу – навес, украшенный синими и золотыми религиозными символами, звездой Давида, гроздьями винограда, колосьями пшеницы, гранатами и другими символами плодородия. Под хупой совершится брачная церемония. Столы расставили на подмостках под оливковыми деревьями, покрыли яркими скатертями, и они запестрели букетами и блюдами с фруктами. Были приготовлены места для трехсот гостей, открытая площадка для танцев и помост для оркестра.

Обслуживание поручили профессионалам; шеф-повар тщательно обсудил меню с женщинами. Планировалось два главных блюда: огромный фаршированный голубой тунец, еще

один символ плодородия, и ягненок по-бедуински, который будет подаваться на больших медных подносах.

В день свадьбы, в воскресенье, Дэвид отвез Дебру к дому главного хирурга госпиталя Хадашша. Ханна работала операционной сестрой, и хирург настоял, чтобы она использовала его дом для подготовки к свадьбе. Дебра должна была помочь ей, и Дэвид оставил ее там и поехал на Эйн Карем. Переулок, ведущий к дому, был перегорожен и кишел агентами службы безопасности и десантниками. Пока Джо одевался, терял и находил кольца, нервничал, Дэвид валялся на его кровати и давал ему дурные советы. Они слышали, как в саду собираются гости, и Дэвид наконец встал и подошел к окну. У ворот тщательно расспрашивали и обыскивали полковника военно-воздушных сил, который отнесся к этому совершенно спокойно.

– Рисковать не собираются, – заметил Дэвид.

– Ханна просила, чтобы в саду было как можно меньше охранников. Поэтому они особенно тщательно проверяют входящих. – Джо наконец оделся, и под мышками на его мундире уже появились темные пятна пота. – Как я выгляжу? – беспокойно спросил он.

– Чудовищный красавец, – сказал Дэвид.

– Иди ты, Морган. – Джо улыбнулся, схватил фуражку и взглянул на часы. – Пошли, – сказал он.

В кабинете Брига вместе с хозяином и несколькими гостями ждал главный армейский раввин. Этот спокойный мягкий человек лично освобождал Гробницу патриархов в войну 67 года. Во время наступления на Хеврон он промчался на джипе через ряды впавших в панику арабов, расстрелял из пулемета дверь Гробницы и разогнал охрану, которая с криками сбежала через дверь в задней стене.

Джо сел за стол Брига и подписал ктубу – брачный контракт, потом раввин подал ему льняной платок, который Джо поднял (это означало формальное согласие) под хор приветственных возгласов свидетелей: «*Мазалтов!*»

Компания жениха вышла в заполненный людьми сад, чтобы ждать прибытия невесты, и она появилась в сопровождении главного хирурга, который выступал в роли ее отца, и группы празднично одетых женщин, среди них были Дебра и ее мать. Все несли зажженные свечи.

Дэвиду Ханна никогда не казалась особенно привлекательной – слишком высокая, слишком худая и строгая, – однако белое свадебное платье и накидка преобразили ее.

Казалось, она плывет, как облачко, в своих белых развевающихся юбках, вуаль и внутреннее ощущение счастья смягчили ее черты, зеленые глаза светились. Рыже-золотые волосы обрамляли щеки, веснушки исчезли под косметикой, нанесенной искусной рукой Дебры. Дебра постаралась смягчить резкие линии носа, и Ханна была красива как никогда.

Джо, рослый красавец в мундире защитного цвета, вышел ей навстречу, чтобы опустить ей на лицо вуаль в церемонии «бадекен ди кале».

Он отвел невесту к хупе, где ждал раввин в наброшенном на плечи талесе. Вслед за Джо женщины – по-прежнему с горящими свечами – ввели Ханну; раввин читал молитву, а женщины и Ханна обошли вокруг Джо семь раз – магическое число, которое в прошлом

отгоняло злых духов. Наконец невеста и жених встали рядом, лицом к храму, гости и зрители столпились вокруг, и церемония началась.

Раввин произнес молитву над кубком вина, а потом невеста и жених отпили из него. Джо повернулся к Ханне, лицо которой все еще было скрыто вуалью, и надел ей на палец золотое кольцо.

– Будь обручена мне этим кольцом по закону Моисея и Израиля.

Затем Джо разбил стакан, и резкий звук послужил сигналом к взрыву музыки, песен и веселья. Дэвид оставил Джо и через веселящуюся толпу пробрался туда, где его ждала Дебра.

На ней было желтое платье, в блестящие темные волосы она вплела цветы. Дэвид ощутил их запах, когда, обняв Дебру за талию, прошептал ей на ухо:

– Следующая ты, моя красавица.

И она тоже шепотом ответила:

– Да!

Джо взял Ханну за руку, и они пошли на импровизированную танцплощадку. Оркестр заиграл легкий веселый мотив, и вся молодежь присоединилась к новобрачным, а старшие расселись за столами под сенью деревьев.

Но в этот смех и веселье вносили мрачную нотку мундиры; почти каждый второй мужчина был с шевронами, а у входа в сад и на кухню стояли десантники в форме, каждый с автоматом «узи» через плечо. Легко было распознать и агентов спецслужб. Они были в штатском, но не улыбались, держались настороженно и внимательно.

Дэвид и Дебра танцевали, и она была в его руках такой легкой, теплой и сильной, что, когда оркестр сделал передышку, Дэвид рассердился. Он отвел Дебру в сторону. Они стояли и в самом неуважительном тоне обсуждали гостей; после особенно непристойного замечания Дебра захихикала и шлепнула Дэвида по руке.

– Ты ужасен. – Она прижалась к нему. – Я умираю от жажды, принеси чего-нибудь попить.

– Стакан холодного белого вина? – предложил он.

– Прекрасно, – ответила она улыбаясь.

Мгновение они смотрели в глаза друг другу, и неожиданно Дэвид ощутил, как в глубине его существа поднимается что-то темное, ужасное отчаяние, предчувствие безвозвратной потери. Ощущение было физическим: холод охватывал грудь, гасил радость, счастье.

– В чем дело, Дэвид? – Выражение лица Дебры тоже изменилось, она сжала его руку.

– Ничего. – Он вдруг отстранился, стараясь подавить это чувство. – Ничего, – повторил он, но странное ощущение не проходило, и к горлу подкатила тошнота. – Сейчас принесу вино, – сказал он и пошел прочь.

Он направился к бару, пробираясь сквозь толпу. На другом краю сада Бриг поймал его взгляд и улыбнулся уголками губ. Джо стоял с отцом, он окликнул Дэвида, смеясь; одной рукой он обнимал новобрачную. Ханна отбросила вуаль, под косметикой проступили веснушки, ярко выделяясь на снежно-белом лице. Дэвид помахал им, но продолжал двигаться к открытому бару в конце сада; он по-прежнему был охвачен странной печалью и не хотел разговаривать с Джо.

Он был отрезан от Дебры, когда в зеленые ворота сада вошла процессия официантов в белых куртках. Каждый нес большой медный поднос, от которого даже на теплом солнце поднимались облачка пара, и сад наполнили запахи мяса, рыбы и специй. В толпе гостей послышался одобрительный гул.

Гости расступились, открывая официантам проход к столу на террасе, откуда можно было пройти на кухню и в дом.

Процессия официантов прошествовала рядом с Дэвидом, и вдруг все его внимание привлекло лицо второго в цепочке официанта. Это был мужчина среднего роста, смуглый, с кожей цвета красного дерева, с длинными висячими усами. Он потел. Внимание Дэвида привлекло именно его блестящее от пота лицо. Капли висели на усах и скатывались по щекам. Он высоко поднимал большой поднос, и были видны мокрые подмышки белой куртки.

Когда он проходил рядом с Дэвидом, их взгляды на мгновение встретились. Дэвид понял, что этот человек во власти какой-то сильной эмоции – страха или возбуждения. Официант нервно отвернулся.

Дэвид внезапно что-то заподозрил; трое официантов тем временем поднимались на террасу и выстраивались за столом.

Официант снова посмотрел на Дэвида, увидел, что тот продолжает наблюдать за ним, и краем губ что-то сказал своему товарищу. Тот тоже посмотрел на Дэвида, перехватил его взгляд, и выражения его лица оказалось довольно, чтобы в сознании Дэвида прозвучали громкие сигналы тревоги. Он уверился: что-то затевается – что-то опасное и отвратительное.

Он быстро огляделся в поисках охранников. Двое стояли на террасе за официантами, еще один возле Дэвида рядом с воротами.

Дэвид начал отчаянно пробиваться к нему, не обращая внимания на сердитые замечания гостей. Он смотрел в сторону официантов и потому видел, как все произошло.

Очевидно, все было тщательно отрепетировано, потому что официанты под смех и аплодисменты гостей одновременно поставили подносы на стол и сняли пластмассовые пластины, на которых лежала маскировавшая их смертоносный груз пища.

Смуглолицый официант достал из-под пластмассовой крышки ручной пулемет и двумя короткими залпами в упор расстрелял двух стоявших за ним десантников. Грохот автоматных очередей оглушительно прозвучал в закрытом саду, поток пуль, как огромным ножом, почти надвое перерезал охранникам животы.

Слева от Дэвида официант со сморщенным обезьяньим лицом и яркими черными ягодами глаз тоже схватил со своего подноса автомат и выстрелил в десантника у ворот.

Сначала они выбивали охрану. Автомат в руках официанта взревел, пули с глухим звуком рвали плоть.

Десантник у ворот уже сорвал «узи» с груди и целился, когда первая пуля ударила его в рот и резко запрокинула голову; его берет высоко взлетел в воздух. Автомат выпал у него из рук и заскользил по плитам дворика к Дэвиду. Дэвид нырнул на нижние ступени террасы, а арабы в это время повернули оружие к гостям и принялись поливать толпу тройным потоком пуль. К треску очередей присоединились вопли и отчаянные крики.

Агент службы безопасности на другом краю двора выхватил пистолет, присел и с двух рук дважды выстрелил, попав в обезьяньелицего террориста и отбросив его к стене,

но тот удержался на ногах и направил на агента автомат; агент упал и покатился по каменным плитам.

Во дворе метались охваченные паникой люди, кричали, падали, ползли и умирали под непрерывным огнем.

Две пули ударили Ханну в грудь, швырнули на стол, и вокруг нее разлетелись, разбиваясь, стаканы и бутылки. Яркая кровь ударила из ран, окрасив белоснежное свадебное платье.

Террорист, стоявший в центре, расстрелял все патроны, отбросил автомат и быстро схватил с подноса две гранаты. Он бросил их в толпу; оглушительно прозвучал двойной взрыв, взметнулись два столба пламени, засвистели осколки. Женские крики стали такими же оглушительными, как выстрелы, а террорист снова наклонился и достал очередные гранаты.

Все это заняло лишь несколько секунд, но за эти мгновения праздник превратился в бойню.

Дэвид покинул свое убежище на каменных ступенях, быстро перекатился по плитам к лежащему «узи» и, держа его, привстал на колени. Многочасовые тренировки сделали его движения почти автоматическими.

Раненый террорист увидел его и повернулся, пошатываясь, с трудом отталкиваясь от стены. Одна рука его была перебита и безжизненно свисала в разорванном окровавленном рукаве куртки, но другой он поднял автомат и прицелился в Дэвида.

Дэвид выстрелил первым. Пули выбили облачка штукатурки из стены за арабом, и Дэвид поправил прицел. На этот раз пули отбросили араба назад, пригвоздили к стене, его тело подпрыгнуло, задрожало и задергалось. Он скользнул вниз, оставляя на белой стене ярко-алую полосу крови.

Дэвид повернул автомат в сторону араба у кухонной двери. Тот готовился бросить следующую гранату, занеся правую руку; в левой он тоже держал смертоносный стальной шар. Он что-то кричал, дерзко, с торжеством, и его голос был отчетливо слышен сквозь крики жертв.

Но бросить гранату он не успел: Дэвид дал по нему очередь. Десяток пуль развороти ли арабу грудь и живот. Араб уронил обе гранаты к своим ногам и согнулся, прижимая руки к изуродованному телу, стараясь перекрыть ладонями поток крови и уходящей с ней жизни.

Гранаты взорвались почти сразу, окутав умирающего облаком огня и разорвав в клочья. Тот же взрыв поразил и третьего убийцу в конце террасы, и Дэвид вскочил и побежал по ступеням.

Третий, последний, араб был смертельно ранен, осколки гранаты искромсали ему голову и грудь, но он, еще живой, дергался, пытаясь дотянуться до автомата, лежавшего рядом в луже его крови.

Дэвида охватил страшный гнев. Он услышал собственный дикий крик, прижался к верхней площадке лестницы и прицелился в умирающего араба.

Тот все-таки дотянулся до автомата и теперь поднимал его с мрачной сосредоточенностью пьяного. Дэвид выстрелил, пуля попала в террориста, не произведя никакого видимого эффекта, и тут патроны в «узи» Дэвида кончились, курок щелкнул вхолостую.

На террасе, слишком далеко, чтобы добраться одним прыжком, араб, с лицом, залитым потом и кровью, дрожащими руками пытался нацелить оружие. Он быстро умирал – в нем догорали последние искры жизни, – но использовал все остающиеся силы.

Дэвид застыл. Он стоял с бесполезным автоматом в руках, и темный ствол оружия араба нашел его. Дэвид видел, как сузились глаза террориста, как на лице его появилась убийственная мрачная улыбка, когда он поймал в прицел противника. Палец араба напрягся на курке.

На таком расстоянии пули ударят по нему, как струя из брандспойта. Дэвид ожил, собираясь упасть на ступени и понимая, что опоздает. Через мгновение араб выстрелит... и в этот миг сбоку от Дэвида щелкнул пистолетный выстрел.

Тяжелая пуля срезала арабу половину головы. Террориста отбросило к стене, содержимое его черепа расплескалось по ее белой чистой поверхности, и в предсмертной агонии араб разрядил автомат в виноградные лозы.

Дэвид ошеломленно повернулся и увидел рядом с собой Брига с пистолетом мертвого охранника в руках. Мгновение они смотрели друг другу в глаза, затем Бриг прошел мимо него и наклонился к телам двух других арабов. И каждому прострелил голову.

Дэвид отвернулся и выпустил из рук «узи». По лестнице спустился в сад.

По одному и грудами лежали мертвые и раненые, жалкие останки людей. Негромкие крики и стоны раненых, горький плач ребенка, голос матери – эти звуки были ужаснее боевых выкриков и стрельбы.

Весь сад был залит кровью. Пятна и полосы на белых стенах, лужи и ручейки на вымощеной площадке, из трупа музыканта, свесившегося за край оркестровой площадки, капала на землю и уходила в нее, образовав темное пятно, кровь. Тошнотворный сладковатый запах смешивался с пряными ароматами пищи и пролитого вина, с мучным привкусом известковой пыли и горьким запахом горящей взрывчатки.

Облака дыма и пыли, затянувшие сад, не могли скрыть страшную картину бойни. Пули сорвали кору со стволов олив, обнажив белую влажную древесину. Уцелевшие, раненые и ошеломленные, ползли по осколкам стекла и посуды. Они бранились и молились, что-то шептали, стонали, звали на помощь.

Дэвид, словно повинуясь чужой воле, спустился с лестницы; его мышцы онемели, тело утратило чувствительность, только кончики пальцев покалывало.

Внизу, у одной из изуродованных олив, стоял Джо. Стоял, как колосс, расставив мощные ноги, запрокинув голову и обратив лицо к небу; глаза его были закрыты, рот перекошен в молчаливом крике боли. На руках он держал тело Ханны.

Свадебная накидка упала с ее головы, густая копна медных волос падала почти до земли. Ноги и одна рука безжизненно свисали. Золотые веснушки ярко выделялись на мертвенно-бледном лице, на белоснежном свадебном платье, как лепестки пуансеттии, цвели кровавые раны.

Дэвид отвел взгляд. Он не мог видеть боли Джо и медленно пошел по саду, страшась того, что мог обнаружить.

– Дебра! – Он хотел позвать громко, но издал только хриплый стон. Его ноги скользнули по луже густой темной крови, он переступил через тело женщины в ярком цветастом платье, лежавшей лицом вниз, широко раскинув руки. Он не узнал в ней мать Дебры.

– Дебра! – Он старался идти быстрее, но ноги не повиновались ему. И тут он увидел ее, в углу стены, там, где и оставил.

– Дебра! – В горле у него пересохло. Она кажется невредимой, стоит, прижавшись к мраморной греческой статуе, в волосах по-прежнему цветы, весело и празднично горит желтый шелк ее платья.

Она стояла отвернувшись к стене, склонив голову, как на молитве. Темная волна волос свесилась вперед, скрывая лицо. Руками Дебра закрывала глаза.

– Дебра. – Он опустился рядом с ней на колени и робко коснулся ее плеча.

– Ты не ранена, дорогая? – Она медленно опустила руки, по-прежнему сжимая их. В груди у Дэвида похолодело: он увидел, что ее пригоршни полны крови. Алой крови, яркой, как вино в бокале.

– Дэвид! – прошептала она, поворачиваясь к нему лицом. – Это ты?

Дэвид беззвучно ахнул, увидев залитые кровью глаза, темную желатинообразную массу, залепившую ресницы и превратившую милое лицо в страшную маску.

– Это ты, Дэвид? – снова спросила она, наклонив голову, как слепой прислушивающийся ангел.

– О Боже, Дебра! – Он смотрел ей в лицо.

– Я не вижу, Дэвид. – Она ощупью схватилась за него. – О, Дэвид... я ничего не вижу.

Он сжал ее влажные от крови руки; ему казалось, что сердце его разорвется от горя.

Темный современный силуэт больницы Хадашша выделялся на фоне неба над поселком Эйн Карем. Быстрота, с которой появились медики, спасла жизнь многим серьезно раненным: больница всегда была готова принять неожиданных жертв войны.

Трое мужчин – Бриг, Джо и Дэвид – всю ночь несли бессонную вахту на жестких деревянных скамьях в приемном покое. Время от времени появлялся агент службы безопасности и шепотом сообщал Бригу новые подробности расследования террористического акта.

Один из убийц был давним и считавшимся вполне надежным работником фирмы, обслуживающей свадьбы, а остальные двое – его «двоюродные братья», которых временно наняли по его рекомендации. Их документы оказались поддельными.

Премьер-министр и кабинет задержались из-за незапланированного срочного заседания, но уже ехали на свадьбу, когда началось нападение. Их спасла счастливая случайность, и премьер-министр прислала личные соболезнования родственникам пострадавших.

В десять часов радио Дамаска передало заявление «Эль Фатах»; эта организация приняла на себя ответственность за теракт, который совершили ее боевики-смертники.

Незадолго до полуночи из операционной появился главный хирург, по-прежнему в зеленом халате и бахилах, маску он опустил под подбородок. Он сказал Бригу, что жизнь Руфи Мардохей в безопасности. Ей удалили пулю, пробившую легкое и застрявшую под лопаткой. Легкое сохранили.

– Слава Богу, – прошептал Бриг и на мгновение закрыл глаза, представив себе жизнь без женщины, с которой прожил двадцать пять лет. Потом снова открыл глаза. – Как моя дочь?

Хирург покачал головой.

– Она все еще в малой операционной. – Он помолчал. – Несколько минут назад во время операции умер полковник Халман.

Пока погибло одиннадцать человек, еще четверо находились в критическом состоянии.

Рано утром в длинных черных лимузинах прибыли гробовщики со своими плетеными корзинами. Дэвид отдал Джо ключи от «мерседеса», чтобы тот мог поехать и проследить за приготовлениями к погребению.

А сам остался сидеть рядом с Бригом, осунувшийся, с горящими глазами; они пили кофе из бумажных стаканчиков.

Позже к ним подошел глазной хирург. Это был моложавый мужчина лет сорока с гладким лицом; с этим молодым лицом и яркими голубыми глазами не вязались седеющие волосы.

– Генерал Мардохей?

Бриг напрягся и встал. За ночь он постарел на десять лет.

– Я доктор Эдельман. Пройдите со мной, пожалуйста.

Дэвид встал, собираясь идти с ними, но доктор Эдельман остановился и взглянул на Брига.

– Я ее жених, – сказал Дэвид.

– Вероятно, нам лучше поговорить наедине, генерал. – Эдельман выразительно посмотрел на Брига, тот кивнул.

– Пожалуйста, Дэвид.

– Но... – начал Дэвид, и Бриг сжал ему плечо. Это было первое проявление личной привязанности, которое он себе позволил.

– Пожалуйста, мой мальчик. – И Дэвид неохотно вернулся на жесткую скамью.

В своем крошечном кабинете Эдельман сел на угол стола и закурил. У него были длинные и тонкие, девичьи, пальцы, а зажигалкой он пользовался точными, скупыми расчетливыми движениями хирурга.

– Я полагаю, вам не нужно золотить пилюлю? – Он правильно оценил Брига и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Глаза вашей дочери не пострадали. – И тут же поднял руку, предупреждая облегченный возглас Брига. Эдельман повернулся к сканеру с рентгеновским снимками и включил его. – Глаза не затронуты, вообще лицо почти не повреждено, но проблема вот здесь... – он коснулся дымчато-серого завитка на снимке, – это стальной осколок, очень маленький, почти, несомненно, осколок гранаты. Размером не больше грифеля карандаша. Он пробил череп в правой височной области, разорвал вену, вызвав сильное кровотечение, и наклонно прошел за глазными яблоками, не задев ни их, ни каких-либо других жизненно важных центров. Затем, однако, он пробил костную оболочку хиазмы перекреста глазных нервов, – говоря это, хирург водил по изображению головы Дебры, – и как будто повредил или перерезал глазной нерв, после чего застрял в твердой оболочке за ним.

Эдельман глубоко затянулся и выжидательно посмотрел на Брига. Никакой реакции не последовало.

– Вы понимаете, что это значит, генерал? – спросил он, и Бриг устало покачал головой. Эдельман выключил сканер и вернулся на свое место на столе. Взял со стола блокнот, а из нагрудного кармана – карандаш. Быстро начертил схему: глазные яблоки, глазной нерв, мозг в разрезе – вид сверху. – Глазные нервы, по одному от каждого глаза, уходят в эту

узкую щель, здесь они сливаются, потом снова разветвляются и уходят в разные полушария мозга.

Бриг кивнул, и Эдельман подчеркнул то место на схеме, где глазные нервы образовывали перекрест. На утомленном напряженном лице Брига появилось понимание.

– Ослепла? – спросил он, и Эдельман кивнул. – На оба глаза?

– Боюсь, что да.

Бриг склонил голову и осторожно потер пальцами веки. Не глядя на Эдельмана, спросил:

– Это навсегда?

– Она не будет видеть, не будет отличать света от темноты. Трасса осколка проходит через перекрест глазных нервов. Все как будто свидетельствует, что они перерезаны. Медицина не владеет способами исправить это повреждение. – Эдельман шумно выдохнул и продолжил: – Короче говоря, ваша дочь полностью и навсегда ослепла на оба глаза.

Бриг вздохнул и медленно поднял голову.

– Вы ей сказали?

Хирург отвел взгляд.

– Я надеялся, что ей скажете вы.

– Да, – согласился Бриг, – так будет лучше. Я могу с ней увидеться? Она в сознании?

– Под легким наркозом. Боли нет, легкое неудобство. Поверхностная рана незначительна. Мы не пытались извлечь осколок. Это серьезная нейрохирургическая операция. – Он встал и показал на дверь. – Да, вы можете с ней увидеться. Я отведу вас к ней.

Коридор, ведущий к операционным, был уставлен носилками, и Бриг узнавал на них многих своих гостей. Он несколько раз останавливался, чтобы коротко поговорить с тем или другим, потом вслед за Эдельманом прошел к палате в конце коридора.

На высокой кровати у окна лежала Дебра. Она была очень бледна, в волосах виднелась засохшая кровь, на глазах – толстая повязка.

– Здесь ваш отец, мисс Мардохей, – сказал ей доктор Эдельман, и она быстро повернула к ним голову.

– Папа?

– Я здесь, девочка.

Бриг взял протянутую ему руку и наклонился поцеловать дочь. У нее были холодные губы, чувствовался сильный запах лекарств.

– Как мама? – беспокойно спросила она.

– Она в безопасности, – ответил Бриг, – но Ханна...

– Да. Мне сказали, – остановила его Дебра; у нее перехватило горло. – Как Джо?

– Он сильный, – ответил Бриг. – Справится.

– А Дэвид?

– Он здесь.

Она быстро приподнялась на локте, лицо ее радостно осветилось, она завертела перевязанной головой.

– Дэвид, где ты? Черт бы побрал эти повязки. Не волнуйся, Дэвид, просто мои глаза должны отдохнуть.

– Нет. – Бриг не отпускал ее руку. – Он снаружи, ждет. – Дебра разочарованно откинулась на подушку.

– Попроси его зайти ко мне, пожалуйста, – прошептала она.

– Да, – согласился Бриг, – но немного погодя. Мы с тобой должны кое о чем поговорить.

Должно быть, она догадалась, почувствовала по его тону, потому что немедленно застыла. Впала в свою необычную неподвижность испуганного зверька.

А он был солдатом и действовал по-солдатски, хотя и пытался смягчить свои слова; но горе, звучавшее в его голосе, мешало. Единственным доказательством того, что дочь слышала его, были ее руки; они напряженно, судорожно сжимались, как корчится маленькое раненое животное, потом расслаблялись и замирали в его костлявых руках.

Она ни о чем не спрашивала, и, когда генерал договорил, оба некоторое время молчали. Он первым нарушил молчание.

– Сейчас я позову к тебе Дэвида, – сказал он, но Дебра тотчас яростно выпалила.

– Нет! – Она схватила отца за руку. – Я не могу сейчас с ним встречаться. Мне нужно подумать.

Бриг отправился в комнату ожидания. Дэвид нетерпеливо встал ему навстречу; чистые линии его лица, казалось, были вырезаны из бледного полированного мрамора, темные глаза резко выделялись на этом фоне.

Бриг поспешно сказал:

– Никаких посетителей. – Он взял Дэвида за руку. – До завтра ты не сможешь с ней увидеться.

– Что-нибудь не так? Что? – Дэвид пытался добиться ответа, но Бриг остановил его и повел к выходу.

– Ничего. Она выздоровеет, но сейчас ей вредно волноваться. Увидишься с ней завтра.

Вечером Ханну похоронили в семейном склепе на горе Олив. На похоронах присутствовало не много народу: трое мужчин, с полдесятка родственников, у которых были причины оплакивать и других погибших и раненых.

Брига ждала машина, чтобы отвезти на заседание Главного штаба: там будут рассматриваться ответные меры – новый поворот безжалостного колеса уничтожения, катящегося по этой беспокойной земле.

Джо и Дэвид сели в «мерседес» и молчали, Дэвид не спешил включить мотор. Джо раскурил две сигареты. Молодые люди чувствовали, что жизнь их лишилась цели и направления.

– Что ты собираешься делать? – спросил Дэвид.

– У нас две недели, – ответил Джо. – Съездим в Ашкелон... – Он смолк. – Не знаю. Мне теперь нечего делать.

– Может, выпьем вместе?

Джо покачал головой:

– Не хочется. Наверно, вернусь на базу. Сегодня ночью полеты истребителей-перехватчиков.

– Да, – быстро согласился Дэвид. – Я поеду с тобой. – Все равно до завтра он с Деброй не увидится, а в квартире на улице Малик без нее одиноко и холодно. Он вдруг затосковал по мирному ночному небу.

Месяц на мягкой черноте небес казался сарацинским ятаганом, ярко сверкали серебристые звезды.

Они летели высоко над землей, далекие от ее горестей и печалей, полностью сосредоточенные на ночном перехвате.

Целью служил «мираж» из их собственной эскадрильи, и они увидели его на своих экранах далеко над пустыней Негев. Джо следил по экрану, докладывая направление и дальность, а Дэвид осматривал темное небо, пока не разглядел движущуюся звезду реактивного выхлопа. Она казалась красной на фоне бархатной черноты ночного неба.

Дэвид повел истребители на перехват, зашел снизу, потом резко поднялся по вертикали, чуть не задев крылья цели, как барракуда, затаившаяся в глубинах и стремительно всплывающая к поверхности моря. Они пронеслись совсем рядом с целью, которая до этого мгновения не подозревала об их присутствии.

После полета Джо, вымотанный и измученный, уснул, но Дэвид не спал; он лежал на койке в нижнем ярусе и слушал дыхание друга. На рассвете он встал, принял душ и ушел, оставив Джо досыпать. Дэвид поехал в Иерусалим и добрался до больницы, когда солнце уже встало и одело холмы мягким золотом и розовым перламутром.

За столом сидела ночная дежурная, неприветливая и озабоченная.

– Приезжать нужно в часы посещения.

Дэвид вложил в адресованную ей улыбку все очарование, на какое его хватило.

– Я просто хочу узнать, все ли в порядке. Утром мне нужно вернуться в эскадрилью.

Сестра не осталась равнодушной ни к этой улыбке, ни к летной форме и взялась за список.

– Должно быть, вы ошиблись, – сказала она наконец. – У нас только миссис Руфь Мардохей.

– Это ее мать, – сказал Дэвид, и сестра быстро проглядела другой список на столе.

– Неудивительно, что я ее не нашла, – раздраженно сказала она. – Ее выписали вчера вечером.

– Выписали? – Дэвид, не понимая, смотрел на нее.

– Да, она вчера вечером уехала домой, теперь я вспомнила. Я как раз пришла на дежурство, когда за ней явился отец. Красивая девушка с повязкой на глазах...

– Да. – Дэвид кивнул. – Спасибо. Большое спасибо. – И побежал к «мерседесу», испытывая облегчение: наконец гнетущее сомнение оставило его.

Дебра поехала домой. С ней все в порядке.

Дверь ему открыл Бриг и впустил в тихий дом. Он по-прежнему был в мундире, измятом и потрепанном. Лицо осунулось, ясно выделялись морщины, глаза припухли и покраснели от горя и бессонницы.

– Где Дебра? – спросил Дэвид.

Бриг вздохнул и посторонился, давая ему возможность пройти.

– Где она? – повторил Дэвид.

Бриг повел его в свой кабинет и указал на стул.

– Почему вы не отвечаете? – Дэвид начинал сердиться. Бриг устало опустился в кресло в большой, пустой, аскетически обставленной комнате, где не было почти ничего, кроме книг и археологических находок.

– Я вчера не мог тебе сказать, Дэвид; она просила не говорить. Прости.

– В чем дело? – Дэвид не на шутку встревожился.

– Ей нужно было подумать, принять решение. – Бриг снова встал и заходил по кабинету; его шаги гулко звучали на голом деревянном полу; он останавливался, дотрагивался до того или иного реликта, как будто черпал в этом уверенность и утешение.

Дэвид слушал молча, изредка качая головой, словно выражая несогласие, отказываясь верить тому, что слышит.

– Это окончательно, и никакой надежды нет. Она ослепла, Дэвид, полностью ослепла. Ушла в мир тьмы, куда за ней никто не может последовать.

– Где она? Я хочу к ней, – прошептал Дэвид, но Бриг пропустил это мимо ушей и продолжал:

– Ей требовалось время, чтобы принять решение, и я дал ей его. Вчера вечером после похорон я приехал к ней, и она была готова. Она посмотрела правде в глаза, смирилась с ней и решила, как будет жить дальше.

– Я хочу ее видеть, – повторил Дэвид. – Хочу поговорить с ней.

Бриг взглянул на него, чернота в его глазах рассеялась, они сочувственно смягчились.

– Нет, Дэвид. Это ее решение. Ты больше с ней не увидишься. Для тебя она мертва. Так она сама сказала. Скажи ему, что я мертва, пусть помнит меня живой...

Дэвид перебил, вскочив на ноги:

– Где она, черт возьми? – Голос его дрожал. – Я хочу увидеть ее.

Он подошел к двери и резко распахнул ее, но Бриг сказал:

– Здесь ее нет.

– Где она? – повернулся к нему Дэвид.

– Не могу тебе сказать. Я дал слово.

– Я ее найду.

– Возможно, если хорошенько поищешь, – но тогда лишишься всякой ее любви и уважения, – безжалостно продолжал Бриг. – Передам тебе и другие ее слова: «Скажи ему, что всей нашей любовью, всем, что было между нами, я заклинаю его оставить меня, не искать».

– Но почему? – в отчаянии спросил Дэвид. – Почему она меня отвергла?

– Она знает, что безнадежно изменилась. Знает, что никогда не станет прежней. Знает, что никогда не даст тебе того, чего ты вправе ожидать... – Он резким гневным жестом остановил возражения Дэвида. – Послушай меня, она знает, что надолго тебя не хватит. Она не может стать твоей женой. Ты слишком молод, слишком полон жизни, слишком высокомерен... – Дэвид недоумевающе смотрел на него. – Она понимает, что ваши отношения обречены. Через неделю, через месяц, ну, через год твоя любовь умрет. И ты окажешься в ловушке, привязанный к слепой женщине. Она не хочет этого. Она хочет, чтобы все это умерло быстро, без мучений, не тянулось...

– Прекратите! – крикнул Дэвид. – Хватит, черт возьми! Довольно! – Он упал на стул. Некоторое время они молчали. Дэвид сидел скорчившись, закрыв лицо руками. Бриг стоял возле узкого окна, утренние лучи освещали свирепое лицо старого воина.

– Она попросила меня взять с тебя слово, – неуверенно заговорил генерал, и Дэвид поднял голову. – Обещай, что не будешь разыскивать ее.

– Нет, – упрямо покачал головой Дэвид.

Бриг вздохнул.

– Отказываешься... Ну тогда она просила тебе напомнить... сказала, ты поймешь, хотя я не понял... что в Африке есть прекрасное дикое животное, черная антилопа, и иногда одну из антилоп ранит охотник или лев.

Эти слова подействовали как удар бича. Дэвид вспомнил, как говорил ей об этом, когда оба они были молоды, сильны и казались неуязвимыми.

– Хорошо, – сказал он наконец, – если она этого хочет, обещаю не пытаться отыскать ее. Но не могу обещать, что откажусь от попыток переубедить ее.

– Возможно, тебе лучше уехать из Израиля, – сказал Бриг. – Вернуться туда, откуда ты приехал, и забыть обо всем случившемся.

Дэвид помолчал, ненадолго задумавшись, потом ответил:

– Нет, все, что у меня есть – здесь. Я останусь.

– Хорошо. – Бриг принял его решение. – В этом доме тебе всегда рады.

– Спасибо, сэр, – ответил Дэвид и вернулся к своему «мерседесу». Поехал на улицу Малик и сразу заметил, что кто-то уже побывал здесь до него.

Он медленно прошел в гостиную: книги со стола оливкового дерева убраны, над диваном нет картины Кадеш. В ванной он открыл стенной шкафчик: все туалетные принадлежности Дебры пропали, все эти ряды экзотических бутылочек, тюбиков и флакончиков, даже зубная щетка.

Платяной шкаф опустел, платья исчезли, полки были пусты, уничтожен был всякий ее след, остался только легкий запах духов и кружевное покрывало на постели.

Он подошел к кровати и сел на нее, поглаживая кружева и вспоминая, как все было.

И тут его пальцы нащупали под покрывалом что-то жесткое. Он отвернул кружева и взял тонкую зеленую книжечку.

«В этом году в Иерусалиме». Прощальный подарок.

Название расплылось перед его глазами. Все, что от нее осталось.

Казалось, бойня в Эйн Карем послужила сигналом к новому всплеску враждебности и насилия по всему Ближнему Востоку. Это было запланированное нагнетание международной напряженности, и арабские страны, гремя своим внушительным, купленным на нефтяные доллары вооружением, вновь поклялись не оставить ни одного еврея на земле, которую они называют Палестиной.

Последовали безжалостные свирепые нападения на легкую добычу: незащищенные посольства и консульства по всему миру, бомбы в посылках, ночные нападения на школьные автобусы в пустынных местах.

Провокации становились все более наглыми, они целили в самое сердце Израиля. Стычки на границах, вторжение отрядов командос, нарушения воздушного пространства,

артиллерийские обстрелы, угрожающее сосредоточение армий вдоль границ крошечной клинообразной территории государства.

Израильтяне ждали, молясь о мире, но готовые к войне.

День за днем, месяц за месяцем Дэвид и Джо совершали вылеты, поддерживая себя в такой форме, когда чутье и мгновенная реакция опережают сознательную мысль и продуманные действия.

На колоссальных сверхзвуковых скоростях только такая подготовка определяет преимущество в схватке. Даже превосходной реакции тщательно отобранных и подготовленных молодых людей может не хватить, когда погрешность измеряется сотыми долями секунды.

Отыскать, опознать, сблизиться, уничтожить, уйти – это требовало полнейшей сосредоточенности и, к счастью, не оставляло времени на размышления и переживания.

Однако печаль и гнев, которые разделяли Джо и Дэвид, казалось, вдвойне вооружили их. Ими владело всепоглощающее чувство мести.

Вскоре их включили в состав избранных экипажей, которым Цветок Пустыни поручал самые деликатные операции. Снова и снова они отправлялись в полет, и доверие к ним командования постоянно возрастало.

Дэвид сидел в тесной кабине, с ног до головы затянутый в высотно-компенсирующий комбинезон, дышал кислородом через маску, хотя «мираж» находился под землей; под кокпитом самолета были нарисованы четыре миниатюрные розетки, красные, черные и белые. Скальпы врагов.

Знаком высшего доверия Цветка Пустыни было то, что именно эту эскадрилью избрали для пребывания в состоянии полной боевой готовности. Сжатый воздух готов был рвануться в компрессоры и оживить мощные двигатели, наземные команды ждали рядом, и «миражи» могли взлететь в считанные секунды. Дэвид и Джо сидели в комбинезонах, которые сохранят их невредимыми в почти безвоздушном пространстве на высоте шестьдесят тысяч футов, где в незащищенном человеческом теле кровь мгновенно вскипает, как шампанское.

Дэвид утратил счет бесконечным дням и часам, проведенным в кабине в полной боевой готовности. Только регулярные пятнадцатиминутные перерывы нарушали однообразие.

– Проверка. Одиннадцать пятнадцать. Пятнадцать минут до смены, – сказал Дэвид в микрофон и тут же услышал дыхание Джо:

– Второй готов. *Беседер*.

Сразу после смены, когда новые экипажи займут места в самолетах, Дэвид переоденется в тренировочный костюм и пробежит пять-шесть миль, чтобы избавиться от оцепенелости и как следует пропотеть. Он с нетерпением ждал этой возможности, а потом...

В шлемофонах послышался резкий треск и новый голос произнес:

– Красная тревога, вперед!

Команду повторили и через громкоговорители в бункере, и наземный экипаж мгновенно перешел к действиям. Все предварительные процедуры были уже проделаны; Дэвид просто переместил дроссель в стартовое положение и сразу услышал гул двигателей. Они ожили, и Дэвид поставил мощность на сотое деление процентной шкалы.

Перед ним поднимались ворота.

– Сверкающее копье два, ведущий производит взлет на полной мощности.

– Второй подтверждает, – сказал Джо, и они покатили по рампе и взлетели в небо.

– Алло, Цветок Пустыни, Сверкающее копье в воздухе и набирает высоту.

– Сверкающее копье, говорит Бриг. – Дэвид не удивился, узнав, кто дежурит на командном пункте. Знакомые голоса и использование личных имен предотвратит даже малейшую возможность вмешательства врага и искажение приказов. – Дэвид, нарушитель подходит на большой высоте, в наше воздушное пространство он войдет через четыре минуты, если будет двигаться прежним курсом. Мы следим за ним на высоте семьдесят пять тысяч футов; следовательно, это либо американский «У-2», что маловероятно, либо русский шпион, прилетевший взглянуть на наше расположение.

– *Беседер*, сэр, – ответил Дэвид.

– Как только цель окажется в нашем пространстве, попробуйте вертикальный подъем.

– *Беседер*, сэр.

– На высоте двадцать тысяч футов выровняйтесь, поверните на сто восемьдесят шесть градусов и готовьтесь к вертикальному подъему.

На высоте двадцать тысяч футов Дэвид выровнял машину; взглянув в зеркало, он увидел за своим хвостом «мираж» Джо.

– Сверкающее копье два, говорит ведущий. Горизонтальное ускорение.

– Второй подтверждает.

Дэвид включил форсаж на максимум. «Мираж» рванул вперед, и Дэвид слегка опустил нос самолета, давая скорости возможность резко возрасти. Они прошли звуковой барьер, и Дэвид перешел на управление в сверхзвуковом режиме.

Скорость продолжала быстро увеличиваться, от 1,2 до 1,5 скорости звука.

С «миражей» сняли все, кроме самого необходимого: под ними не висели ракеты, их не тормозили дополнительные баки с горючим, и их единственным оружием оставались две 30-миллиметровые пушки.

Легкие машины быстро набирали скорость и пролетели от Беер-Шевы до Элиата за время, за которое пешеход минует городской квартал. Их скорость достигла 1,9 скорости звука, на самом пределе теплового барьера.

– Дэвид, говорит Бриг. Мы следим за вами. Вы на правильном курсе, и у вас достаточная скорость для перехвата. Подготовьтесь к подъему через шестнадцать секунд.

– *Беседер*, сэр.

– Начинаю отсчет. Восемь, семь, шесть... два, один. Вперед!

Дэвид весь напрягся, поднял нос «миража», раскрыл рот и закричал, чтобы смягчить воздействие перегрузки. Но несмотря на эту предосторожность и сжатие высотно-компенсирующего комбинезона, резкая смена направления вдавила его в кресло, кровь отхлынула от головы, на мгновение все перед глазами посерело, потом почернело.

«Мираж» встал на хвост, продолжая двигаться почти с двойной скоростью звука; когда перед глазами прояснилось, Дэвид взглянул на гравиметр и обнаружил, что, добиваясь подъема без потери скорости, подверг свое тело действию девятикратной перегрузки.

Дэвид лежал на спине и смотрел в небо, а стрелка альтиметра рвалась вверх, и скорость постепенно падала.

Быстрый взгляд показал, что «мираж» Джо устойчиво держится рядом. Послышался голос Джо, спокойный и уверенный:

– Ведущий, говорит второй. Контакт с целью.

Даже при перегрузке вертикального подъема Джо не забыл о своем любимом радаре и обнаружил высоко над ними самолет-шпион.

Их маневр привел к набору высоты за счет потери скорости: чем больше высота, тем меньше скорость.

Они летели, как две стрелы, пущенные вертикально вверх. Тетива может выбросить их лишь на определенную высоту, там они на мгновение зависнут, а затем земля снова неудержимо потянет их вниз. Вот за эти несколько мгновений нужно обнаружить и уничтожить врага.

Теперь истребители достигли верхних слоев стратосферы, поднявшись намного выше самых высоких видимых с земли облаков. За стенами кабины был разреженный воздух, не способный поддерживать жизнь, он едва поддерживал работу двигателей «миражей» – а мороз был минус шестьдесят.

Два самолета медленно теряли энергию, приближаясь к высшей точки гигантской параболы. Ощущение полета исчезло, они плыли по темным запретным океанам пространства, далеко внизу странно светилась земля, причудливым неестественным светом.

Но наслаждаться этим зрелищем было некогда, «мираж» дергался в этом предательском воздухе, поверхности его крыльев не встречали сопротивления и не создавали подъемной силы.

Джо спокойно следил за целью, а самолеты уже начинали спуск с негостеприимных высот.

Дэвид смотрел вперед, приподнимая нос «миража», на приборной доске уже горел красный предупреждающий сигнал. Время почти истекло, высота была почти предельной.

И вдруг он увидел, поразительно близко, призрак на огромных крыльях, подобный черному скату-манте в черном и молчаливом море пространства, – впереди и чуть ниже; призрак двигался спокойно, бесшумно, высота создавала у него обманчивое впечатление безопасности.

– Цветок Пустыни, говорит Сверкающее копье, установлен визуальный контакт с нарушителем, прошу разрешить атаку. – Холодный тон Дэвида скрыл внезапный приступ гнева и ненависти, которые он испытал при виде противника.

– Доложите данные о цели, – приказал Бриг. Ему предстояло принять ответственное решение о нападении на неизвестную цель.

– Цветок Пустыни, цель – «Ильюшин 17-11». Никаких опознавательных знаков.

Но и без знаков они понимали: самолет мог принадлежать только одной стране. Дэвид быстро приближался к нарушителю; он не мог сбросить скорость и стремительно догонял противника, чьи огромные крылья были приспособлены для парения в разреженной стратосфере.

– Я быстро сближаюсь, – предупредил Дэвид. – Возможность для атаки исчезнет приблизительно через десять секунд.

В наушниках наступило молчание. Дэвид тем временем снял пушки с предохранителей, глядя, как быстро увеличивается в размерах вражеский самолет.

Неожиданно Бриг принял решение; возможно, он подвергал свою страну опасности мщения, но фотокамеры нарушителя фиксировали все жизненно важные подробности их подготовки к отражению агрессии и эту информацию немедленно передадут врагу.

– Дэвид, – резко и коротко приказал он, – говорит Бриг. Атакуй!

– *Беседер*. – Дэвид слегка опустил нос «миража», и машина с готовностью откликнулась.

– Второй, ведущий атакует.

– Второй подтверждает.

«Ильюшин» приближался так быстро, что у Дэвида оставалось всего несколько секунд для того, чтобы открыть огонь.

Он нажал гашетку, когда целеуказатель был наведен на основания крыльев, и увидел, как нарушитель вздрогнул, словно большая рыба после удара гарпуном.

В течение трех секунд Дэвид расстреливал самолет из пушки, наблюдая, как разрывы снарядов вспыхивают на темном силуэте чужака. И вот он уже пролетел мимо, проскользнул под гигантским брюхом, истратив все заряды, падая, как оболочка прогоревшей ракеты.

Сзади, поддерживая атаку, летел Джо, в его прицеле беспомощно висел на широких крыльях огромный самолет, длинный закругленный нос смотрел в черное небо с холодными равнодушными звездами.

Джо нажал гашетку, и самолет разлетелся в ярких вспышках разрывов. Одно крыло оторвалось у основания, и корпус начал медленное падение с небес.

– Цветок Пустыни, говорит ведущий «Сверкающего копья». Цель уничтожена. – Дэвид старался говорить спокойно, но руки его дрожали, а внутри все похолодело от ненависти, которую не утолила даже гибель врага.

Он нажал кнопку переговорного устройства.

– Джо, еще один за Ханну.

Но на этот раз ответа не было; послушав несколько секунд, Дэвид отключился, активировал свой допплеров компас, чтобы определить направление на базу. Джо молча следовал за ним.

Дебра всегда отрезвляюще действовала на Дэвида, в ее присутствии он взрослел. Теперь он реагировал на все так бурно, что Джо приходилось исполнять обязанности ведомого не только во время полетов, но и когда они уходили с базы.

Почти все свободное время они проводили вместе, и хотя никогда не упоминали о своих потерях, общее горе их сблизило.

Джо часто ночевал на улице Малик, потому что родной дом действовал на него угнетающе. Бриг редко бывал дома в это беспокойное время, Дебра исчезла, а ее мать ужасные испытания превратили в седую сломленную женщину, выглядевшую намного старше своих лет. Пулевые ранения заживали, но другие раны не заживут никогда.

Дэвид стремился забыться в постоянной деятельности. По-настоящему он успокаивался только в полете, а на земле становился беспокойным и непредсказуемым. Джо, большой и спокойный, всегда был рядом, медлительной улыбкой и небрежными замечаниями тактично избавлял его от неприятностей.

После гибели самолета-шпиона сирийцы перешли к тактике провокаций, преднамеренного нарушения воздушного пространства Израиля, причем, как только появлялись мстители, нарушитель улетал. Когда показывались перехватчики, нарушители уходили, уклонялись от схватки, возвращались на свою территорию.

Дважды Дэвид видел зеленые отблески этих вражеских патрулей на экране сканирующего радара, и каждый раз удивлялся тому холодному чувству ненависти и гнева, которое камнем ложилось ему на сердце, когда он вел Джо на перехват. Однако всякий раз сирийцев предупреждали их радары, они поворачивали, увеличивали скорость и уходили, будто издеваясь.

– Сверкающее копье, это Цветок Пустыни. Цель более не враждебна. Прекратить нападение. – Сирийский «МиГ-21» пересек границу.

И каждый раз Дэвид спокойно отвечал:

– Второй, это ведущий. Прекратить атаку, возвращаемся к наблюдению.

Такая тактика исправно действовала на нервы обороняющимся, и во всех эскадрильях быстро росло напряжение. Терпение летчиков было на исходе. С трудом удавалось избегать инцидентов, а самые горячие головы приводили свои перехватчики на грань вооруженного столкновения. Но интервенция все не начиналась, и Цветок Пустыни старался удержать летчиков на привязи. В эскадрилью приехал Бриг. Но, стоя на помосте и глядя на полное людей помещение, он понял, что нечестно дрессировать сокола, а потом набросить ему на глаза клобучок, надеть на ноги путы и удерживать его на запястье, когда над головой пролетают дикие утки.

Он начал философски, пользуясь полученными о молодых пилотах сведениями:

– ...цель войны – мир, высшая стратегия любого полководца – мир... – Аудитория не отзывалась. Бриг перехватил безжизненный взгляд собственного сына. Как утихомирить воина, который только что похоронил изуродованное тело жены? Бриг мужественно продолжал: – Только глупец может начать схватку на поле, избранном противником. – Теперь они слушали внимательно. – Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из вас, волчата, толкнул нас к тому, к чему мы еще не готовы. Нельзя дать им повод. Именно к этому они стремятся... – Теперь слушатели оттаяли; генерал видел, как они задумчиво кивают, слышал одобрительный ропот. – Если вам хочется неприятностей, совсем не обязательно рваться в Дамаск: вы все знаете мой адрес, – впервые рискнул он пошутить и получил в ответ улыбки. Летчики рассмеялись. – Ну хорошо. Мы не ищем неприятностей. Мы стараемся избежать их, но вставать на колени не намерены. Когда придет время, я сам шепну вам словечко – крепкое словцо, вторую щеку мы не подставим... – Они заворчали, негромко и свирепо, и Бриг закончил: – Но вы должны его дождаться.

Встал Дофин и тоже произнес речь.

– Ну ладно, все здесь, и у меня есть кое-какие новости. Они охладят горячие головы, надумавшие нарушить сирийскую границу. – Он сделал знак в сторону кинобудки в глубине помещения, свет погас, послышалось шарканье ног, кашель. Кто-то протестующе сказал:

– Неужели еще один фильм?

– Да, – ответил полковник. – Еще один фильм. – На экране появилось изображение, и он продолжил: – Фильм снят военной разведкой. Вы видите новые ракеты класса «земля-

воздух», предоставленные Советской армией арабским странам. Кодовое название этой системы «Змей», и она превосходит существующую систему «Сэм-3». Насколько нам известно, такие ракеты установлены вдоль всей границы Сирии и вскоре появятся в Египте. Расчеты курируют русские инструкторы. – Полковник продолжал говорить, а Бриг сел и в серебристом свете экрана наблюдал за лицами пилотов. Все были внимательны и серьезны, они впервые увидели ужасные снаряды, способные стать причиной их гибели.

– Пуск производится с передвижных установок. Вот здесь на снимке видна колонна этих установок на марше. Обратите внимание: на каждой машине две ракеты. Несомненно, они представляют чрезвычайную опасность...

Бриг заметил удивительно чистый профиль Дэвида Моргана – молодой человек склонился вперед, изучая изображение на экране, – и ощутил прилив сочувствия и печали, но в то же время возросшее уважение. Мальчик доказал, что способен поверить в идеал и хранить ему верность.

– Мы точно не знаем, каковы преимущества системы «Змей», но полагаем, что снаряд развивает большую скорость, вероятно, не ниже двух и пяти десятых скорости звука, и что его система наведения основана одновременно на инфракрасных лучах и компьютеризированном радарном контроле.

Глядя на прекрасное юное лицо, Бриг впервые усомнился в верности решения Дебры. Возможно, этот мальчик способен... нет, Бриг покачал головой и потянулся за сигаретой. Он слишком молод, слишком полон жизни, слишком красив и избалован богатством. Он не справится. Дебра права как всегда. Она выбрала верный курс. Ей не удалось бы удержать его, и потому правильно отпустить его на свободу.

– Теоретически «Змей» способен поражать цели на высотах от полутора до семидесяти пяти тысяч футов. – Слушатели зашевелились: они понимали опасность этого нового оружия. – Боеголовка заряжена четвертью тонны взрывчатки и снабжена устройством, которое производит взрыв на расстоянии в сто пятьдесят футов от цели. В этих границах «Змей» уничтожает все.

Бриг продолжал следить за Дэвидом. Уже несколько месяцев они с Руфью не видели мальчика в своем доме. После нападения террористов он дважды приходил с Джо и проводил с ними вечер шабата. Но атмосфера оставалась искусственной и принужденной, все старательно избегали упоминания имени Дебры. А после второго посещения он больше не появлялся – почти шесть месяцев.

– Тактика уклонения на этой стадии та же, что и с «Сэмом-3»...

– Молитва и удача! – прервал кто-то, вызвав смех.

– ...максимально крутой поворот в сторону снаряда, чтобы скрыть излучение ваших двигателей и попытаться вызвать перелет. Если ракета продолжает идти за вами, уходите в сторону солнца и выполняете еще один крутой поворот. Снаряд может принять излучение солнца за новую, более предпочтительную цель...

– А если и это не подействует? – спросил кто-то, и ему ответил легкомысленный голос:

– «Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один...» * – Но на этот раз никто не рассмеялся.

---

* Молитву «Слушай, Израиль» произносят в последний миг перед смертью.

Уходя, Бриг подгадал так, чтобы оказаться рядом с Дэвидом.

– Когда мы тебя увидим, Дэвид? Ты давно у нас не был.

– Простите, сэр. Надеюсь, Джо передавал мои извинения.

– Да, конечно. Но почему бы тебе не приехать с Джо сегодня вечером? Бог свидетель, еды хватит.

– Я сегодня вечером очень занят, – спокойно ответил Дэвид.

– Понимаю. – Они оказались у дверей кабинета командира, и Бриг остановился. – Помни, мы всегда тебе рады. – И резко отвернулся.

– Сэр! – Бриг остановился и оглянулся. Дэвид заговорил быстро, почти виновато. – Как она, сэр? – И снова: – Как Дебра? Вы ее видели... недавно?

– Все в порядке, – тяжело ответил Бриг. – Насколько это вообще возможно.

– Вы скажете ей, что я спрашивал?

– Нет, – ответил Бриг, не обращая внимания на умоляющее выражение темно-синих глаз. – Нет. Ты знаешь, я не могу этого сделать.

Дэвид кивнул и отвернулся. Мгновение Бриг смотрел ему вслед, затем, нахмурившись, вошел в кабинет полковника.

Дэвид высадил Джо в Эйн Карем, у входа в переулок, поехал в торговый район Восточного Иерусалима и остановил машину у большого супермаркета, чтобы сделать покупки на уик-энд.

Он задержался у прилавка с замороженными продуктами, делая трудный выбор между котлетами из ягненка и бифштексом, когда почувствовал, что за ним наблюдают.

Дэвид быстро поднял голову и увидел величавую женщину с густой гривой светлых волос. Она стояла чуть дальше в проходе. Она была старше его, волосы крашеные (он видел более темные корни), бедра и грудь – по-женски тяжелые, в углах рта тонкие морщинки. Она смотрела на него, оценивая, с бесстыдно чувственным выражением, и Дэвид сразу почувствовал, как у него перехватило дыхание и появилась тяжесть внизу живота. Он гневно и виновато уставился на поднос с мясом, разозленный коварством собственного тела. Он уже очень давно не ощущал сексуального притяжения. И считал, что этого больше никогда не будет. Он хотел бросить бифштекс обратно и уйти, но стоял, как прикованный, задыхаясь, ощущая близкое присутствие женщины: тепло ее рук, ее запах – аромат косметики, смешанный с естественным запахом возбужденной самки.

– Бифштекс хорош, – сказала незнакомка. Голос у нее был легкий и приятный, и Дэвид сразу почувствовал, что у нее тоже захватывает дух. Он посмотрел на нее. Зеленые глаза, зубы не слишком ровные, но белые. Она была даже старше, чем он подумал, примерно лет сорока. На ней было платье с глубоким вырезом, и Дэвид увидел, как покраснела кожа на груди – большой, тяжелой... и неожиданно Дэвиду захотелось прижаться к ней лицом. Она была такой мягкой, теплой, такой безопасной. – Надо поджарить его с грибами, чесноком и красным вином, – продолжала незнакомка. – Получится очень вкусно.

– Правда? – хрипло спросил он.

– Да, – кивнула она улыбаясь. – Кто вам его поджарит? Ваша жена? Мама?

– Нет, – ответил Дэвид. – Я сам. Я живу один. – И она придвинулась ближе, коснувшись грудью его руки.

* * *

Голова у Дэвида кружилась от коньяка. Он купил бутылку в супермаркете и выпил, смешав с имбирным элем, чтобы устранить вкус спирта. Выпил быстро и теперь стоял над ванной, чувствуя, как дом вокруг него раскачивается. Он ухватился за край ванны и устоял.

Плеснул в лицо холодной воды, стряхнул капли, глупо улыбнулся своему отражению в зеркале. Влажные волосы прилипли ко лбу; он закрыл один глаз, и отражение в зеркале перестало двоиться и прищурилось, глядя на него.

– Спокойней, парень, – сказал он и потянулся за полотенцем. Вода смочила ему рубашку, и это вызвало его раздражение. Он бросил полотенце и вернулся в гостиную.

Женщина исчезла. На кожаном кресле еще сохранилась вмятина, на столе оливкового дерева стояли грязные тарелки. В комнате было душно от сигаретного дыма и запаха ее духов.

– Где ты? – хрипло позвал он, слегка покачнувшись в дверях.

– Здесь, мальчуган. – Он пошел в спальню. Она лежала на постели, нагая, полная и белая, с большими мягкими грудями. Он смотрел на нее.

– Иди сюда, Дэви. – Ее одежда валялась на столике. Он увидел, что ее белье давно не стирано. На белом покрывале волосы женщины казались желтыми.

– Иди к маме, – хрипло прошептала она, приглашающе раздвигая ноги. Она лежала на медной кровати, на покрывале, принадлежавшем Дебре, и Дэвид вдруг разозлился.

– Вставай, – с трудом сказал он.

– Ну иди, мальчик.

– Вставай с кровати. – Голос его окреп; женщина уловила новый тон и, слегка встревожившись, привстала.

– В чем дело, Дэви?

– Убирайся отсюда. – Голос его становился все резче. – Убирайся, шлюха. Прочь! – Теперь он дрожал, лицо его побледнело, глаза приобрели свирепое выражение.

Дрожа от страха, она торопливо вскочила с постели, большие белые груди и ягодицы нелепо дрожали, когда она в спешке надевала грубое нижнее белье.

Когда она ушла, Дэвид прошел в ванную, и его вырвало. Потом он прибрался в доме, вымыл тарелки, протер бокалы так, что они заблестели, раскрыл окна, чтобы прогнать запах сигарет и косметики, и, наконец, постелил свежие простыни и тщательно разгладил покрывало, так что на нем не осталось ни одной складки.

Потом надел чистую рубашку и форменную фуражку и поехал к воротам Яффы. Остановил машину на стоянке у ворот, прошел через старую часть города к синагоге в еврейском квартале.

В этом зале с высоким сводчатым потолком было очень тихо и мирно, и Дэвид долго сидел на жесткой деревянной скамье.

Джо, с обеспокоенным лицом, морща лоб, сидел напротив Дэвида: он изучал шахматную доску. Еще трое или четверо пилотов придвинули стулья поближе и тоже сосредоточились на игре. Шахматные сражения между Дэвидом и Джо превращались в эпические события и привлекали большое количество зрителей и болельщиков.

Дэвид уже несколько ходов преследовал ладью Джо и наконец загнал ее в ловушку. Еще два хода – и королевская защита будет разбита, а третий ход вызовет неизбежную сдачу. Дэвид самоуверенно улыбнулся, когда Джо принял решение и сделал ход конем.

– Это тебя не спасет, дорогуша – Дэвид едва взглянул на коня и взял ладью белым слоном. – Мат через пять ходов, – предсказал он, бросая фигуру в ящик, и только тут – с опозданием – увидел, как подчеркнутое страдание на лице Джо медленно превращается в торжествующую улыбку. Джозеф Мардохей умел завлекать в ловушки. Дэвид с тревогой взглянул на столь невинно выглядящего коня и вдруг увидел, что этот ход – опасная приманка.

– Ублюдок! – простонал Дэвид. – Хитрый ублюдок!

– Шах! – провозгласил Джо, делая конем вилку, и Дэвиду пришлось отдать ферзя. – Шах! – повторил Джо, с довольным видом снимая ферзя с доски, и вновь преследуемый король вынужден был сделать единственный остававшийся возможным ход. – И мат, – вздохнул Джо, переводя своего ферзя из задней линии в нападение. – Не в пять ходов, как ты предсказал, а в три.

Послышался взрыв одобрительных возгласов и аплодисменты, и Джо подмигнул Дэвиду.

– Еще партию? – спросил он, но Дэвид покачал головой.

– Бери кого-нибудь из этих простофиль, – ответил он. – Я теперь целый час буду дуться. – Он освободил место, которое тут же заняла новая жертва, и Джо принялся расставлять фигуры. Дэвид, неуклюжий в своем высотно-компенсирующем комбинезоне, направился к кофеварке, налил в чашку густой черной жидкости, бросил туда четыре ложечки сахара и отыскал свободное место в спокойном уголке рядом с худым кудрявым кибуцником, с которым в последнее время подружился. Тот читал толстый роман.

– Шалом, Роберт. Как дела?

Тот что-то буркнул, не отрываясь от книги, и Дэвид принялся отхлебывать сладкий кофе. Рядом беспокойно ерзал и покашливал Роберт, а Дэвид погрузился в собственные мысли, впервые за много месяцев думая о доме. Как там Митци и Барни Вентер, много ли в этом году желтохвостов в заливе Фалсбай? Он вспоминал, как выглядят цветы протеи на горах Хельдерберга...

Роберт снова заерзал в кресле и откашлялся. Дэвид взглянул на него и увидел, что тот охвачен глубоким чувством, губы его дрожат, а глаза блестят слишком ярко.

– Что ты читаешь? – заинтересовался Дэвид, нагибаясь и пытаясь прочесть название. И сразу увидел на суперобложке знакомый рисунок. Пустынный пейзаж, написанный яркими красками, полный света и пространства. Вдалеке две фигуры, мужчина и женщина, идут по пустыне, взявшись за руки, и весь рисунок производит странное, загадочное впечатление. Дэвид понял, что его мог нарисовать только один художник – Элла Кадеш.

Роберт опустил книгу.

– Что-то невероятное. – Голос его дрожал от чувств. – Говорю тебе, Дэви, это прекрасно. Одна из лучших книг в мире.

Со странным предчувствием, с абсолютной уверенностью, уже зная, что увидит, Дэвид взял у него книгу и прочел на первой странице название: «Наш собственный мир».

Роберт продолжал говорить.

– Мне дала ее сестра. Она работает в издательстве. Плакала всю ночь, читая ее. Новый роман, напечатан только на прошлой неделе, но это будет самая популярная книга, написанная в этой стране.

Дэвид почти не слышал его, он смотрел на оттиснутое мелким шрифтом имя автора.

Дебра Мардохей.

Он провел пальцами по глянцевитой бумаге суперобложки, погладил имя.

– Дай почитать, – негромко сказал он.

– Когда прочту, – пообещал Роберт.

– Я хочу сейчас!

– Не получится! – с явной тревогой воскликнул Роберт и чуть не выхватил книгу из рук Дэвида. – Тебе придется подождать своей очереди, друг!

Дэвид поднял голову. С другого конца комнаты за ним следил Джо, и Дэвид укоризненно посмотрел на него. Джо быстро опустил взгляд к шахматной доске, и Дэвид понял, что он знает о книге. Он начал подниматься, хотел подойти к Джо, сказать ему... но в этот момент в бункере послышалось:

– Всем пилотам «Копья» – «красная» тревога. – И тут же вспыхнули огоньки указателей маршрутов.

– «Сверкающее копье».

– «Красное копье».

– «Огненное копье».

Дэвид застегнул шлем и вместе с остальными неуклюже побежал к электрическим тележкам, которые доставят пилотов по бетонному тоннелю к машинам. Он занял место рядом с Джо.

– Почему ты не сказал? – спросил он.

– Я собирался, Дэви. Правда.

– Да, еще бы, – саркастически выпалил Дэвид. – Сам-то читал? – Джо кивнул, и Дэвид продолжал: – О чем книга?

– Не могу сказать. Ты должен прочесть сам.

– Насчет этого не беспокойся, – мрачно сказал Дэвид. – Прочту. – Они были уже в ангаре, и он спрыгнул с тележки и побежал к своему «миражу».

Двадцать минут спустя, уже в воздухе, они получили приказ Цветка Пустыни лететь к Средиземному морю на скорости перехвата: получен срочный вызов от «каравеллы» Эль Аль,* ей угрожал египетский «МиГ-21».

Когда появились «миражи», египтянин отвернул и полетел к берегу, под защиту своих ракет. Они позволили ему уйти, проводили авиалайнер до аэропорта и вернулись на базу.

По-прежнему в высотно-компенсирующем комбинезоне, Дэвид зашел в кабинет Дофина и получил двадцатичетырехчасовую увольнительную.

За десять минут до закрытия он вбежал в один из книжных магазинов на Яффа-роуд.

На столе в центре магазина он увидел стопку «Нашего собственного мира».

– Очень хорошая книга, – сказала девушка-продавщица, заворачивая ему экземпляр.

---

* Израильские авиалинии.

* * *

Он открыл банку «Голдстар», сбросил обувь и лег на покрывало.

Начал читать, и остановился только чтобы включить лампу и прихватить еще пива. Книга была толстая, а читал он медленно, смакуя каждое слово и иногда возвращаясь и кое-что перечитывая.

Это была их история, его и Дебры, вплетенная в сюжет, о котором она рассказывала ему на острове Коста-Брава, вся проникнутая ощущением земли и ее народа. Он узнавал многих второстепенных персонажей и смеялся от удовольствия и радости. А в конце задохнулся от жалости: героиня, у которой бомбой террористов оторвало пол-лица, умирала в больнице Хадашша и не позволила своему возлюбленному прийти к ней. Хотела уберечь его, хотела, чтобы он запомнил ее прежней.

Уже рассвело, но Дэвид не заметил, как пролетела ночь. Он встал, голова слегка кружилась от бессонницы. Его переполняло удивление тому, как ясно Дебра сумела все это уловить и выразить, как глубоко заглянула ему в душу, описала чувства, для которых он сам не нашел бы слов.

Он принял ванну, побрился, оделся в штатское и подошел к лежавшей на постели книге. Снова принялся разглядывать переплет, повернул страницу. Вот оно, на клапане суперобложки: «Рисунок Эллы Кадеш».

В такое раннее утро на дороге почти никого не было, и он быстро ехал навстречу восходящему утреннему солнцу. У Иерихона он повернул на север вдоль границы, вспомнил, как Дебра сидела рядом с ним и ее юбка задралась, обнажив ноги, а темные волосы развевались на ветру.

Воздух, вспарываемый «мерседесом», казалось, негромко шептал: «Быстрее, быстрее!» Машина несла его вперед.

Он остановил «мерседес» у стены старого замка крестоносцев и прошел через сад к берегу озера.

Элла сидела на своем патио перед мольбертом. На ней была соломенная шляпа размером с вагонное колесо, украшенная пластмассовыми вишнями и страусиными перьями, просторный комбинезон колыхался, как цирковая палатка, и был весь покрыт засохшей краской типичных для Кадеш ярких тонов. Она спокойно подняла голову от картины, держа в руке кисть.

– Привет, юный Марс! – сказала она. – За что такая честь моему скромному маленькому дому?

– Элла, хрен тебя побери, ты очень хорошо знаешь, почему я здесь.

– В самую точку, – заметила она, и он увидел неуверенность в ее маленьких ярких глазах. – Жаль, что такие прекрасные губы произносят столь вульгарные слова. Хочешь пива, Дэви?

– Не хочу. Хочу знать, где она.

– Кто именно?

– Послушай, я прочел книгу. Я видел суперобложку. Ты знаешь, черт побери, знаешь!

Она молча смотрела на него. Потом медленно наклонила свою красочную шляпу в знак согласия.

– Да, знаю.

– Скажи, где она.

– Не могу, Дэви. Мы с тобой оба дали слово. Да, я знаю о твоем обещании.

Она видела, как он побледнел. Прекрасное юное тело с высокомерно развернутыми плечами вдруг словно обмякло; он неуверенно стоял на солнцепеке.

– Ну, как насчет пива, Дэви?

Она тяжело поднялась со стула и величественно прошествовала на террасу. Вернулась и протянула ему высокий стакан с пенной шапкой; они сели в конце террасы, укрывшись от ветра, на солнце.

– Я жду тебя уже целую неделю, – сказала она. – С тех пор как напечатали книгу. Я знала, что ты загоришься. Слишком это заразительно, я сама плакала два дня, как протекающий кран... – Она неловко рассмеялась. – Трудно поверить, что такое возможно, верно?

– Это книга о нас, о Дебре и обо мне, – сказал Дэвид. – Она написала о нас.

– Да, – согласилась Элла, – но это не меняет ее решения. Кстати, я считаю его верным.

– Она описала мои чувства, Элла. Все, что я чувствовал и все еще чувствую, но я никогда не сумел бы выразить этого в словах.

– Это прекрасно и верно, но разве ты не понимаешь, что это подтверждает правильность ее решения?

– Но я люблю ее, Элла... и она меня любит, – воскликнул он.

– Она хочет, чтобы это сохранилось. Не хочет, чтобы любовь умерла. – Он запротестовал было, но художница с удивительной силой схватила его за руку и заставила замолчать. – Она понимает, что теперь не может идти с тобой в ногу. Посмотри на себя, Дэвид: ты прекрасен, полон жизни, быстр; она станет обузой, и со временем тебе это надоест.

Дэвид снова хотел вмешаться, но она сдавила его руку в своем большом кулаке.

– Ты будешь стреножен, ты никогда не сможешь оставить ее беспомощную, она будет висеть на тебе всю жизнь... подумай об этом, Дэвид.

– Она нужна мне, – упрямо возразил он. – До встречи с ней у меня ничего не было и сейчас нет.

– Это не навсегда. Она кое-чему научила тебя, а душа в молодости заживает так же быстро, как тело. Она хочет, чтобы ты был счастлив, Дэви. Она так сильно тебя любит, что дарит тебе свободу. Она так тебя любит, что во имя этой любви отказывается от нее.

– О Боже! – простонал он. – Если бы только я мог с ней увидеться, коснуться ее, поговорить несколько минут...

Элла покачала массивной головой, отвисший подбородок печально заколыхался.

– Она не согласится.

– Но почему, Элла, скажи, почему? – В голосе Дэвида звучали отчаяние и боль.

– Она недостаточно сильна; она понимает, что если ты окажешься рядом, она дрогнет, и тогда вас обоих ждет еще большая катастрофа.

Они посидели молча, глядя на озеро. За Голанскими высотами поднялись облака, ярко-белые в зимнем свете солнца, отливающие голубым и серым, они ряд за рядом надвигались на озеро. Дэвид вздрогнул: на него дохнул ледяной ветер.

Он допил пиво и принялся медленно вертеть стакан в пальцах.

– Передашь ей кое-что? – спросил он наконец.

– Не думаю...

– Пожалуйста, Элла. Два словечка. – Она кивнула. – Скажи ей, что она правильно описала в книге, как я ее люблю. Скажи, что любовь превыше всего. Что я хочу попытаться. – Элла молча слушала, и Дэвид пошевелил пальцами, словно нашаривал в воздухе самые убедительные слова. – Скажи ей... – Он помолчал и покачал головой. – Нет, это все. Скажи, что я люблю ее и хочу быть с нею.

– Хорошо, Дэвид. Я скажу.

– И передашь мне ее ответ?

– Как с тобой связаться?

Он дал ей номер помещения экипажей на базе.

– Ты скоро позвонишь, Элла? Не заставляй меня ждать.

– Завтра, – пообещала она. – Утром.

– До десяти. Позвони до десяти.

Он встал, потом неожиданно наклонился и поцеловал ее в обвисшую покрасневшую щеку.

– Спасибо, – сказал он. – Ты вовсе не такая уж плохая баба.

– Брысь, подлиза. Тебе придется привести с собой всех сирен Одиссея. – Элла вздохнула. – Ну, пошел вон. Кажется, я зареву, а для этого мне нужно побыть одной.

Она смотрела, как он уходит по газону под финиковыми пальмами. У калитки он остановился и оглянулся. Секунду они смотрели в глаза друг другу, потом Дэвид вышел.

Она слышала, как заработал мотор «мерседеса». Звук начал удаляться, стал выше, машина повернула на юг. Элла тяжело встала, пересекла террасу и пошла по дорожке к причалу, где, скрытая от дома частью древней стены, стояла ее моторная лодка. За стеной пряталось еще несколько каменных домиков.

Лодка покачивалась на мелких волнах озера. Элла прошла к самому дальнему домику и остановилась в открытой двери.

Внутри все было заново побелено. Стояла простая удобная мебель. Для тепла каменный пол покрывали ковры из чистой шерсти, толстые и пушистые. В нише стены, недалеко от очага, стояла большая кровать.

У противоположной стены примостилась газовая плита, над ней несколько кастрюль. Дальше дверь вела в спальню и туалет. Эту пристройку Элла сделала совсем недавно.

Единственным украшением комнаты был пейзаж Эллы Кадеш с улицы Малик, он висел на противоположной от входа стене. Казалось, он освещает и согревает всю комнату; под ним за рабочим столом сидела девушка. Она внимательно слушала запись собственного голоса на иврите. С внимательным, напряженным выражением она смотрела в стену.

Элла с порога наблюдала, как она работает. Американский издатель купил права на англоязычное издание «Нашего собственного мира». Дебре авансом заплатили тридцать тысяч долларов и добавили еще пять тысяч за перевод. Она почти закончила работу.

Со своего места Элла видела шрам на виске Дебры. Он казался розовато-белым на смуглой, загорелой коже: так ребенок рисует чайку в полете; шрам в форме галочки, не

больше снежинки; он лишь подчеркивал ее красоту – крошечный недостаток, усиливающий воздействие прекрасных правильных черт.

Она не пыталась его скрыть, длинные темные волосы были убраны назад и перевязаны кожаным шнурком. Косметикой Дебра не пользовалась, и кожа ее выглядела чистой и блестящей, загорелой и гладкой.

Громоздкий шерстяной костюм не мог скрыть такую же, как прежде, стройность и гибкость ее тела: Дебра ежедневно плавала, даже когда с севера дули холодные снежные ветры.

Элла вошла и молча направилась к столу, глядя в глаза Дебре, как она часто делала. Когда-нибудь она нарисует их. Никаких признаков повреждения, того, что эти глаза не видят. Казалось, они спокойно смотрят куда-то вглубь и видят все. В них было загадочное спокойствие, глубина понимания; они странно беспокоили Эллу.

Дебра нажала кнопку магнитофона и сказала, не поворачивая головы:

– Это ты, Элла?

– Как ты это делаешь? – удивленно спросила Элла.

– Я почувствовала движение воздуха, когда ты вошла, а потом ощутила твой запах.

– Я действительно так велика, что могу поднять бурю, но неужели я еще и дурно пахну? – смеясь, возразила Элла.

– Ты пахнешь скипидаром, чесноком и пивом, – принюхалась Дебра и тоже рассмеялась.

– Я писáла, потом чистила чеснок для мяса и пила пиво с другом. – Элла села в одно из кресел. – Как работа?

– Почти закончила. Завтра можно отдавать машинистке. Хочешь кофе? – Дебра встала и направилась к газовой плите. Элла уже усвоила, что помощь лучше не предлагать, хотя сердце у нее сжималось всякий раз, когда она видела, как Дебра управляется с огнем и кипятком. Девушка была полна стремления к независимости, хотела жить самостоятельно, сама готовила себе еду, много работала.

Раз в неделю из Иерусалима приезжал шофер, увозил в издательство ее записи, и там их перепечатывали вместе со всей ее корреспонденцией.

Раз в неделю они с Эллой на лодке отправлялись по озеру в Тиверию, там вместе делали покупки; ежедневно около часа Дебра плавала у каменного причала. Иногда появлялся старый рыбак, с которым она подружилась в последнее время, и она уплывала с ним (они гребли по очереди), наживляла свои крючки.

В замке крестоносцев ее всегда ждало общество Эллы, умная беседа; здесь, в маленьком домике, – тишина, безопасность и работа, заполняющая долгие дневные часы. А по ночам ужасные приступы одиночества, молчаливые горькие слезы в подушку, слезы, о которых знала только она одна.

Дебра поставила рядом с креслом Эллы чашку кофе, а свою отнесла к рабочему столу.

– А теперь, – сказала она, – можешь рассказать мне, что заставляет тебя ерзать и барабанить пальцами по ручке. – Она улыбнулась удивлению Эллы. – Тебе нужно что-то сказать мне, и ты волнуешься.

– Да, – немного погодя ответила Элла. – Да, ты права, моя дорогая. – Она глубоко вздохнула и продолжала: – Он приходил, Дебра. Приходил ко мне, как мы и предвидели.

Дебра поставила кофе на стол. Руки ее не дрожали, лицо было лишено всякого выражения.

– Я ему не сказала, где ты.

– Как он, Элла? Как он выглядит?

– Немного похудел, мне кажется, побледнел, но ему идет. По-прежнему самый красивый мужчина, какого я видела.

– У него отросли волосы? – спросила Дебра.

– Да, кажется. Они мягкие, темные, густые и сзади вьются.

Дебра с улыбкой кивнула.

– Я рада, что он их не состриг. – Они снова замолчали, а потом Дебра робко спросила: – Что он сказал? Что ему нужно?

– Он просил передать тебе кое-что.

– Что?

Элла точно повторила слова Дэвида. Когда она закончила, Дебра отвернулась к стене.

– Пожалуйста, уходи, Элла. Я хочу побыть одна.

– Он просил передать ему твой ответ. Я пообещала, что позвоню завтра утром.

– Я приду к тебе позже. А сейчас, пожалуйста, уйди. – И Элла увидела скользнувшую по ее щеке блестящую каплю.

Элла громоздко встала и двинулась к двери. Позади она услышала всхлипывание, но не обернулась. Прошла по причалу и вернулась на террасу. Села перед холстом, взяла кисть и принялась писать. Мазки были широкими, грубыми, гневными.

Дэвид, потея в облегающем, тесном высотно-компенсирующем комбинезоне, беспокойно ждал у телефона и каждые несколько минут поглядывал на часы.

В десять часов – через семь минут – они с Джо должны будут занять положение готовности «красной» тревоги, а Элла до сих пор не позвонила.

Лицо Дэвида было мрачно, а в сердце гнев и отчаяние. Кадеш обещала позвонить до десяти.

– Пошли, Дэви, – окликнул от выхода Джо. Дэвид тяжело поднялся и направился вслед за Джо к электрической тележке. Садясь рядом с Джо, он услышал звонок в помещении экипажей.

– Подождите, – сказал он водителю, видя, что Роберт снял трубку и через стеклянную перегородку помахал ему рукой.

– Это тебя, Дэви. – И Дэвид побежал к телефону.

– Прости, Дэвид, – донесся издалека голос Эллы. – Я пыталась дозвониться раньше, но тут...

– Да, да, – оборвал ее Дэвид, все еще сердясь. – Ты с ней говорила?

– Да, Дэви. Да, говорила. Я передала ей твои слова.

– Что она ответила?

– Ответа нет.

– Какого черта, Элла? Она должна была сказать что-то.

– Она сказала... – Элла колебалась. – Вот ее точные слова: «Мертвые не могут говорить с живыми. Для Дэвида я умерла год назад».

Он держал трубку обеими руками, но она тряслась. Немного погодя Элла спросила:

– Ты меня слышишь?

– Да, – прошептал он. – Слышу.

Она снова замолчала, но наконец молчание нарушил Дэвид.

– Вот и все, – сказал он.

– Да. Боюсь, что так, Дэви.

Джо просунул голову в дверь.

– Эй, Дэви, закругляйся. Нам пора.

– Мне нужно идти, Элла. Спасибо за все.

– До свидания, Дэвид, – ответила она, и он уловил сочувствие в ее голосе. И еще сильнее рассердился. Усевшись рядом с Джо, он поехал в бункер, где ждали «миражи».

Впервые Дэвиду стало неуютно в кабине. Он чувствовал себя в ловушке, ему было жарко, он был рассержен, а между проверками проходило, казалось, не по пятнадцать минут, а целые часы.

Наземная команда на бетонном полу под ним играла в трик-трак – смех, шутки. Чужое веселье разожгло его гнев.

– Табби! – рявкнул он в микрофон, и его голос через динамик разнесся по всему бункеру. Полный серьезный молодой человек, главный механик эскадрильи, быстро поднялся к кабине и беспокойно посмотрел на пилота через покрытие.

– У меня на лобовом стекле грязь, – выпалил Дэвид. – Как я должен разглядеть «МиГ», когда у меня фонарь заляпан вашим завтраком, будь он неладен?

Недовольство Дэвида вызвала крошечная частичка угля, нарушившая совершенство его лобового стекла. Табби сам присматривал за его очисткой и полировкой, а частичку после этого принесло ветром. Но он старательно убрал ее и любовно протер стекло замшей.

Выговор был публичный и несправедливый, это было очень не похоже на их лучшего пилота. Но все понимали, как действует на нервы постоянное ожидание, а пятнышко на щите способно очень рассердить летчика. Оно выглядит точно как приближающийся «МиГ».

– Так-то лучше, – проворчал Дэвид, прекрасно понимая, что был несправедлив. Табби улыбнулся, поднял большой палец и спустился вниз.

В этот момент в шлемофонах что-то щелкнуло, и послышался голос Брига:

– «Красная» тревога – вперед!

Включив на полную мощь двигатели и форсаж, Дэвид отозвался:

– Алло, Цветок Пустыни, Сверкающее копье в воздухе, набираю высоту.

– Дэвид, это Бриг. У нас контакт, приближается к границе. Похоже на очередную вылазку сирийцев. Идут на высоте двадцать шесть тысяч футов и пересекут границу примерно через три минуты. Мы собираемся использовать план «Гидеон». Ваш курс сорок два градуса, и я хочу, чтобы вы приступили немедленно.

Дэвид дал подтверждение и тотчас опустил нос машины. По плану «Гидеон» они должны были подкрадываться понизу, используя рельеф местности как прикрытие, чтобы их не

засекли радары противника, пока не окажутся в положении для вертикального взлета и нападения.

Они летели над самой землей, поднимаясь и снижаясь вместе с пологими холмами, летели так низко, что стада черных персидских овец под ними в панике разбегались. Истребители с ревом неслись в сторону Иордана.

– Алло, Сверкающее копье, мы вас не видим. – «Хорошо, – подумал Дэвид, – значит, и противник не видит». – Враждебная цель в секторе... – Бриг назвал координаты. – Попытайтесь установить контакт.

Почти сразу послышался голос Джо:

– Ведущий, это второй. Есть контакт.

Дэвид опустил взгляд к экрану и изменил настройки. Джо тем временем передавал данные. Опасное отвлечение, когда летишь на нулевой высоте со сверхзвуковой скоростью. На его экране по-прежнему не было ни следа контакта.

Они неслись еще много секунд, прежде чем у самой границы экрана Дэвида появились туманные очертания.

– Контакт подтвержден. Расстояние девять морских миль. Параллельный курс и слежение. Высота 25 500 футов.

Дэвид почувствовал, как знакомое ощущение гнева и ненависти ожило, развернулось в животе, точно гигантская змея.

– *Беседер*, второй. Не теряй цель, переходим на сверхзвуковую.

Скорость возросла, Дэвид посмотрел вперед и вверх и увидел вершины грозовых туч, громоздящихся впереди. Эти серебристо-голубые горы четко вырисовывались на фоне неба и пленяли воображение: башни и шпили со множеством вымпелов и знамен, героические фигуры воинов, гордо прямые или скорбно ссутуленные, лошади, вставшие на дыбы, большая пушистая волчья стая, другие, фантастические, животные, а между ними – глубокие пропасти, через которые переброшены радужные мосты. Их были сотни, этих ярких сверкающих фигур, они поворачивались, величественно сопровождая полет «миражей». А над ними – неестественно синее небо, усеянное серой рябью перистых облаков, оттуда на два летящих самолета лился поток солнечного света. И ни следа цели. Она пряталась где-то в этих тучах. Дэвид снова взглянул на экран радара. Он сменил настройку – с поиска на привязку к цели, и теперь они быстро сближались и он мог оценивать их взаимное расположение.

Цель летела параллельно их курсу, в двадцати милях по правому борту, гораздо выше их, и двигалась с вдвое меньшей скоростью. Солнце было за целью, почти в зените, и Дэвид рассчитал, каким курсом выйти в точку справа от цели и выше ее, чтобы атаковать.

– Поворот направо, – предупредил он Джо, и они одновременно повернули и пересекли курс цели, чтобы скрыться в лучах солнца. Джо продолжал называть расстояния и углы, цель двигалась спокойно и неторопливо. Никаких признаков, что она обнаружила далеко внизу охотников.

– Второй, говорит ведущий. Полная огневая готовность.

Не отрывая взгляда от экрана радара, Дэвид нажал кнопку на панели вооружения. Он привел в действие две ракеты класса «воздух-воздух», подвешенные под крыльями, и сразу услышал негромкий электронный гул в шлемофоне. Гул свидетельствовал о том, что

ракеты еще не проснулись, не отыскали инфракрасный источник, который их активировал. Когда они его найдут, гул усилится, ракеты запоют в предчувствии, будут, как охотничьи псы, рваться с привязи. Дэвид убавил громкость, чтобы не слышать их.

Далее он подготовил к стрельбе две тридцатимиллиметровые пушки; кнопка пуска находилась сразу под его креслом. Из прорези поднялась головка джойстика, Дэвид положил на нее руку, чтобы снова ощутить знакомое прикосновение.

– Второй, говорит ведущий. Хочу установить визуальный контакт. – Это было предупреждение Джо, чтобы он сосредоточил все внимание на экране и постоянно сообщал данные Дэвиду.

– Цель на десяти часах, выше, расстояние две и семь морской мили.

Дэвид старательно осматривал белые груды облаков, время от времени отрываясь, чтобы взглянуть вниз или оглядеть слепое пятно за самолетом: охотник всегда может превратиться в дичь.

И тут он их увидел. Пять самолетов, они появились неожиданно высоко на фоне облака, как черные мухи на только что выглаженной простыне.

– Расстояние одна и три морской мили, – но очертания были такими четкими, что Дэвид ясно различал дельтавидную форму крыльев и высокую хвостовую плоскость: вне всякого сомнения «МиГи».

– Визуальный контакт с целью, – сообщил Дэвид Джо. – Пять самолетов «МиГ-21-Ж». – Говорил он спокойным нейтральным тоном, но это было притворство – теперь ему было на чем сосредоточить свой гнев, и гнев этот изменился, он больше не был черным и щемящим, а стал ярким и острым, как лезвие сабли.

– Цель по-прежнему враждебна, – подтвердил Джо; значит, они на территории Израиля. Но Джо не умел так владеть голосом, как Дэвид. Он говорил хрипло, и Дэвид понял, что Джо захлестнул такой же гнев.

Через пятнадцать секунд они завершат поворот за хвостом цели, и Дэвид видел, что у них превосходная позиция. Строй из пяти самолетов продолжал спокойный полет, не подозревая о находящихся сзади охотниках; «миражи» скрывались в слепом пятне, где их не мог обнаружить радар, и быстро приближались к положению против солнца. Как только они окажутся там, Дэвид начнет вертикальный подъем, чтобы набрать высоту и получить тактическое превосходство над противником. Поглядев вперед, он увидел, что судьба дает им еще одно преимущество: большое облако скроет их вертикальный подъем к солнцу. Он использует это прикрытие, как охотник-бур в Африке подкрадывается к стаду диких быков под прикрытием домашнего скота.

– Цель меняет курс направо, – предупредил его Джо. «МиГи» поворачивали к сирийской границе. Они завершали свой провокационный полет, возвращались в безопасность, помахав цветом ислама в лицо неверным.

Дэвид чувствовал, как холодное лезвие гнева все глубже вонзается в его внутренности, с усилием заставляя себя выждать последние секунды перед началом вертикального подъема. Но вот этот момент наступил, и по-прежнему спокойным бесстрастным голосом Дэвид сказал Джо:

– Второй, говорит ведущий, вертикальный подъем.

– Второй подтверждает.

Дэвид вжался в спинку сиденья, самолеты поднялись так круто, что, казалось, желудок выскочит наружу.

И едва они начали подъем, Цветок Пустыни обнаружил их на своих экранах.

– Алло, оба самолета Сверкающего копья. Мы видим вас. Включите систему ОВД.

Оба пилота лежали в креслах, продолжая подъем, оба нажали кнопку ОВД – «Отличие врага от друга». Это означало, что на экранах радаров в пункте слежения вокруг их самолетов появился радужный ореол; теперь, даже когда они сойдутся в схватке с врагом, их всегда отличат от противника.

– *Беседер*, мы видим вашу систему ОВД, – сказал Бриг, и истребители ворвались в облачный столб и понеслись вверх. Дэвид попеременно поглядывал то на прибор контроля полета вслепую, то на экран, где четко виднелись силуэты вражеских самолетов. Они были теперь так близко, что виден был каждый в отдельности.

– Цель увеличивает скорость и крутизну поворота направо, – предупредил Джо, и Дэвид внес поправки на маневр противника.

Он был убежден, что их по-прежнему не видят, что совпадение поворотов – случайность. Взгляд на экран показал, что нужная высота набрана. Теперь Дэвид находился на две мили выше противника, солнце было прямо у него за спиной. Идеальная позиция для сближения.

– Поворот на курс атаки, – сказал он Джо, и они сразу начали поворот. Завершая его, они достигнут максимальной скорости.

Цель находилась теперь прямо впереди, и на приборной доске вспыхнули огни прицелов. Ракеты под крыльями впервые нащупали инфракрасное излучение цели и негромко заворчали в наушниках.

По-прежнему скрываясь в сером облаке, истребители продолжали полет и вдруг вырвались на открытое пространство. Впереди и внизу зияла глубокая щель, долина между облачными горами, а сразу под ними серебристо сверкали в солнечном свете пять «МиГов», красивые, похожие на игрушки, с празднично-яркими красно-бело-зелеными опознавательными знаками, видны были геометрические очертания крыльев и хорошо уравновешенного хвоста, акульи пасти двигателей, всасывающие воздух.

Они летели в V-образном строю, по двое за ведущим, и в течение нескольких секунд Дэвид произвел оценку. Четыре ведомых – сирийцы, это видно по неуклюжему полету, по неполному контролю. Они летели без настоящей уверенности аса, по-ученически. Это легкая добыча.

Но Дэвид и без трех красных колец на фюзеляже ведущего узнал бы в нем русского инструктора. Какой-то ветеран с соколиной кровью в жилах, коварный и выносливый, опасный, как разъяренная черная мамба.

– Бери две левые цели, – приказал Дэвид Джо, оставив себе ведущего и двух правых ведомых. Ракеты под крыльями уловили выхлопы двигателей и ревели, готовые к убийству.

Дэвид переключился на командную частоту.

– Алло, Цветок Пустыни, говорит Сверкающее копье, вышел на цель, прошу разрешения атаковать.

И сразу получил ответ:

– Дэвид, на связи Бриг... – генерал говорил быстро, настойчиво... – прекратите атаку. Повторяю, отойдите от цели. Цель более не враждебна. Возвращайтесь на базу.

Пораженный этим приказом, Дэвид взглянул вниз и увидел, как быстро уходит назад долина Иордана. Они пересекли невидимую линию, и их роли мгновенно переменились: из обороняющихся они превратились в агрессоров. Однако они продолжали быстро сближаться с целью. А та по-прежнему не замечала их.

– Мы нападем на них, – принял решение Дэвид, чувствуя, как в нем разгорается холодное пламя гнева, отключил связь с командованием и заговорил с Джо: – Второй, ведущий нападает.

– Нет! Повторяю: нет! – настойчиво сказал Джо. – Цель больше не враждебна!

– Вспомни Ханну! – крикнул Дэвид в маску. – Подтверди! – И он положил палец на гашетку и коснулся руля, чтобы ближайший «МиГ» оказался в центре прицела. «МиГ», казалось, разбухал на глазах.

Несколько мгновений Джо молчал, потом послышался его сдавленный напряженный голос:

– Второй подтверждает.

– Бей их, Джо! – крикнул Дэвид и нажал на спуск. Послышалось двойное шипение, едва различимое сквозь гул двигателей, и из-под крыльев вырвались ракеты; чуть покачиваясь, они устремились к целям, оставляя за собой темный след, и в этот момент «МиГи» обнаружили нападающих.

По приказу ведущего строй распался, брызнул в стороны, как косяк сардин от барракуды.

Замыкающий сириец оказался чересчур медлительным: он только начал поворот, когда ракета села ему на хвост, повторила поворот и заключила «МиГ» в смертоносные объятия.

Машину Дэвида подбросило взрывной волной, но звук взрыва был почти не слышен; «МиГ» окутался зеленоватым облаком и разлетелся на кусочки. Оторванное крыло высоко взлетело и, раскрываясь как цветок, быстро пронеслось над головой Дэвида.

Вторая ракета нацелилась на самолет с тремя красными кольцами, на ведущего, но русский реагировал мгновенно и повернул так круто, что ракета пролетела мимо, не в состоянии следовать за целью. Дэвид, разворачивая свой «мираж» вслед за русским, видел, как она самоуничтожилась в зеленоватом облаке взрыва далеко за облачным ущельем.

Русский резко повернул направо, Дэвид – за ним. Глядя вперед, он видел вражескую машину во всех подробностях: алый шлем пилота, яркие розетки, вязь арабской надписи, даже отдельные царапины на блестящем борту «МиГа».

Дэвид изо всех сил надавил на джойстик: перегрузка затрудняла управление, увеличивала напряжение, грозила оторвать крылья «миража» от фюзеляжа.

Она тяжким грузом придавила и Дэвида. Кровь отхлынула от его мозга, в глазах потемнело, шлем врага стал темно-коричневым, и Дэвид почувствовал, как его вжимает в кресло.

Высотно-компенсирующий комбинезон свирепо, как голодный питон, сдавил его талию и ноги, пытаясь предотвратить отток крови из верхней части тела.

Напрягая каждую мышцу, стараясь уменьшить потерю крови, Дэвид поднял «мираж» по стене воображаемой бочки. Он вращался, как мотоциклист на вертикальной стене, пытаясь снова получить преимущество в высоте.

Поле его зрения сузилось, мир посерел, он видел только внутренность кабины. Его прижало к креслу, и он лежал, раскрыв рот, выпучив глаза; требовались геркулесовы усилия, чтобы держать правую руку на приборах управления.

Краем глаза Дэвид видел, что цвет индикатора меняется с розового на красный, предупреждая: он на грани катастрофы.

Дэвид набрал в грудь воздуха и отчаянно завопил, собственный голос долетел до него как сквозь серый туман. Это усилие вернуло в мозг немного крови, перед глазами на мгновение прояснилось, и он увидел, что «МиГ», предугадав его маневр, последовал за ним, поднимаясь по стене бочки и заходя под незащищенные брюхо и бок.

У Дэвида не оставалось выбора: нужно было уйти в сторону, пока «МиГ» не открыл огонь. Он резко отвернул «мираж» и начал новый крутой поворот – налево, форсаж по-прежнему работал на полную мощность, в огромных количествах поглощая топливо и грозя положить конец этим отчаянным маневрам.

Точно и грациозно, как балетный танцор, русский повторил маневр. Дэвид видел, как он снова выходит на позицию для атаки, и снова повернул направо, на мгновение потеряв сознание.

Отчаянный поворот. Дэвид правильно оценил противника. Русский смертельно опасен, он стремителен и жесток, он предвидит все маневры Дэвида и всегда оказывается в более выгодном положении. Поворот, еще поворот, по крутым параболам, подъем, поворот, инверсионные следы вычерчивают затейливые узоры на жесткой синеве неба.

Плечи и руки у Дэвида болели, он пытался контролировать работу амортизаторов, преодолеть перегрузку. Все больше адреналина поступало в кровь. Холодный гнев превратился в холодное отчаяние: каждый его маневр противник разгадывал, и зияющая пасть «МиГа» все время нацеливалась ему в живот и в бок. Весь опыт Дэвида, вся его природная одаренность оказались бесполезны перед огромным преимуществом врага в мастерстве.

В какой-то миг, когда они летели крыло к крылу, Дэвид взглянул в сторону и увидел лицо противника. Только глаза и лоб над кислородной маской: бледная кожа, глубокие, как у черепа, глазницы... и в следующее мгновение Дэвид снова повернул; он кричал, борясь с перегрузкой и в первых приступах страха.

Он выполнил поворот и тут же, почти бессознательно, начал разворачивать машину в обратном направлении. «Мираж» протестующе задрожал, скорость резко упала. Русский увидел это и устремился к нему сверху и справа. Дэвид продвинул джойстик до предела вперед, нажал на левый руль, нырнув под пушечный залп, и «мираж» вошел в «штопор». Кровь хлынула обратно, в верхнюю часть тела, заполняя голову, в глазах покраснело – яркая краснота направленной вверх силы тяжести. Под давлением лопнул сосуд в носу, и кислородную маску неожиданно заполнил поток теплой душащей крови.

Русский держался сзади, он повторил спуск, нацеливаясь для второго залпа.

Дэвид закричал, ощущая металлический привкус крови во рту, и отчаянно рванул на себя джойстик, круто поднимая машину вверх. И снова кровь отхлынула от головы, в одно мгновение он перешел от красного беспамятства к черному – но увидел, что русский угодил

в его ловушку и повторяет маневр. На вершине подъема он на мгновение оказался на прицеле у Дэвида, и струя зарядов из пушки пронеслась по небу, разбрызгиваясь, как вода из садового шланга.

«МиГ» был под прицелом, вероятно, лишь десятую долю секунды, но за это время Дэвид увидел вспышку света, яркое мерцание прямо под кабиной пилота, и сразу вслед за этим Дэвид резко отклонился, потом повернул обратно: русский снова оказался на прицеле, он раскачивался, как перышко, и из-под кабины уходила назад струя белого пара.

«Я попал в него», – возбужденно подумал Дэвид, и его страх исчез, сменившись яростным торжествующим гневом. Он снова поднял «мираж» по спирали, но на этот раз «МиГ» не смог последовать за ним, и Дэвид обрушился на него сверху. Он дал залп зажигательными снарядами и увидел, как на фюзеляже «МиГа» яркими цветами распустились огни.

Русский выходил из поворота неторопливо, он больше не уклонялся – вероятно, пилот был уже мертв. Дэвид зашел ему в хвост и еще раз нажал гашетку.

«МиГ» начал разламываться. Небольшие обломки отлетели к Дэвиду, но русский оставался в машине.

Дэвид снова выстрелил, и на этот раз «МиГ» клюнул носом и устремился вертикально вниз, как серебряное копье. Дэвид не мог последовать за ним без риска оторвать собственные крылья. Он приотстал от русского и смотрел, как тот на скорости больше двух звуковых врезался в землю. Он взорвался как бомба, и высокий столб пыли и дыма надолго повис над коричневыми равнинами Сирии.

Дэвид отключил форсаж и взглянул на указатель горючего. Стрелка стояла почти на нуле, и Дэвид понял, что последний отчаянный нырок вслед за «МиГом» привел его на высоту пять тысяч футов, что он над вражеской территорией и – слишком низко над ней.

Тратя драгоценные остатки топлива, он повернул на запад и пошел на скорости перехвата, быстро набирая высоту и осматривая небо в поисках Джо и остальных «МиГов». Впрочем, он решил, что сирийцы теперь либо в садах Аллаха со своими гуриями, либо благополучно вернулись домой, к маме.

– Сверкающее копье два, говорит ведущий. Ты меня видишь?

– Ведущий, говорит второй, – немедленно отозвался Джо. – Я тебя вижу. Ради Бога, убирайся оттуда!

– Какова моя позиция?

– Мы в пятидесяти милях от границы сирийской территории, наш курс на базу двести пятьдесят градусов.

– Как у тебя дела?

– Одного сбил, второй удрал, а потом я следил за тобой...

Дэвид помигал и удивился: из-под шлема лился пот, маска стала скользкой от кровотечения из носа. Руки и плечи по-прежнему болели, он чувствовал опьянение и головокружение от воздействия перегрузки, руки его на приборах ослабли и дрожали.

– Я сбил двух, – сказал он, – двух свиней, одного за Дебру, второго за Ханну.

– Заткнись, Дэви, – напряженно сказал Джо. – Сосредоточься на том, чтобы уйти отсюда. Ты в пределах досягаемости зенитного огня и наземных ракет. Включай форсаж – и уходим.

– Нет, – ответил Дэвид. – У меня недостаточно горючего. Где ты?

– На шести часах и на двадцать пять тысяч футов выше. – Отвечая, Джо наклонился вперед, глядя на клинообразные очертания машины Дэвида далеко внизу. Она медленно поднималась ему навстречу, слишком медленно. И была низко, слишком низко. Дэвид был уязвим, и Джо боялся за него; он беспокойно нахмурился под маской, неустанно оглядывая небо и землю в поисках опасности. Через две минуты они вырвутся, но эти две минуты могут чересчур затянуться.

Первую ракету он едва не проворонил. Ракетчики, должно быть, позволили Дэвиду миновать установку и лишь тогда пустили снаряд ему вслед, потому что Джо увидел трассу сразу за самолетом Дэвида. Ракета быстро догоняла «мираж».

– Ракета, поворачивай налево! – крикнул Джо в маску. – Вперед! Вперед! – Он увидел, как Дэвид мгновенно повернул, повернул круто и избежал попадания ракеты. – Она тебя потеряла! – крикнул Джо, а снаряд продолжал безумный полет в пространстве, пока не взорвался. – Двигайся, Дэви, – подбодрил Джо, – но будь настороже. Она не последняя.

Следующую они увидели одновременно, когда она снялась с замаскированной установки. В ущельях сожженной солнцем равнины скрывалась целая сеть таких установок. «Змей» отделился от скалы и взлетел в небо, быстро догоняя маленькую машину Дэвида.

– Подготовь форсаж и жди, – предупредил Джо.

Он следил, как снаряд на огромной скорости догоняет «мираж» Дэвида.

– Поворот направо! Вперед! Вперед! – крикнул Джо, и Дэвид тут же увел машину в сторону. И опять «змей» пролетел мимо, но на этот раз не утратил контакт и повернул для нового нападения, его целеуказатель по-прежнему отслеживал машину Дэвида.

– Он идет за тобой! – кричал Джо. – Быстрее к солнцу, Дэви! Попробуй спрятаться за солнцем, – и «мираж» задрал нос к сверкающему шару, который горел высоко над горами среди темных облаков. «Змей» с целеустремленностью автомата тоже пошел наверх. – Он все еще за тобой, Дэви! Отворачивай! Вперед!

Дэвид прекратил вертикальный подъем, повернул и «мираж» вошел в крутое пике, а «змей» сосредоточился на инфракрасном излучении солнца и устремился к нему, оставив «мираж» в покое.

– Он тебя потерял. Уходи, Дэви! – молил Джо, но в эту минуту «мираж» был совершенно беспомощен. В отчаянном подъеме к солнцу он потерял скорость и теперь двигался неуклюже и медленно. Пройдет немало секунд, прежде чем он снова станет проворным и послушным, а к тому времени будет уже поздно: Джо видел, как в воздух поднялась третья ракета и в облаке дыма и пламени устремилась к «миражу» Дэвида.

Не вполне сознавая, что делает, Джо на полной скорости бросил свою машину вниз. Он двигался со скоростью, вдвое превышающей скорость звука, и выровнялся на уровне хвоста Дэвида, пересекая курс приближающегося «Змея».

«Змей» засек его своим маленьким циклопьим зрачком радара, ощутил жар его выхлопов – более близкую, более заманчивую цель, и потому переключился на нее и повернул за ней, оставив Дэвида в покое.

Дэвид видел, как самолет Джо на огромной скорости пронесся мимо и «Змей» немедленно повернул за ним. Дэвиду потребовались лишь доли секунды, чтобы осознать: Джо сознательно увел от него снаряд, вызвал на себя огонь, который неминуемо уничтожил бы Дэвида.

Скованный ужасом, он смотрел, как Джо на предельной скорости выходит из пике, чтобы подняться к солнцу. Ракета неотступно следовала за ним, без усилий догоняя. Джо в зеркале следил за ракетой и в последний миг ушел в сторону, но на сей раз «змей» не обманулся: он повернул следом за Джо, и тот оказался в таком же беспомощном положении, в каком только что был Дэвид. Он рискнул, но не получилось. Ракета нашла его, и в яркой вспышке взрыва Джо и «мираж» погибли одновременно.

Дэвид – его «мираж» снова обрел маневренность – летел один, горло у него перехватило от ужаса, страха и горя. Он обнаружил, что кричит:

– Джо, нет, Джо! О Боже, нет! Ты не должен был этого делать.

Впереди в разрывах туч показался Иордан.

– Ты должен был вернуться домой, Джо, – процедил Дэвид. – Ты, а не я. – И он ощутил горький комок в горле.

Однако инстинкт самосохранения был по-прежнему силен, и Дэвид отклонился от курса, оглядываясь назад, на слепое пятно. И тут же увидел последнюю идущую за ним ракету. Маленькую черную точку далеко позади, хищно следившую за ним злым маленьким глазом.

И, увидев ее, он сразу, без тени сомнений, понял, что это его ракета, та самая, которую приготовила для него судьба. Горячка боя, чего он до сих пор избегал, до предела взвинтила его нервы, мешала рассуждать здраво. Глядя, как снаряд догоняет его, он ощутил фаталистическое отчаяние; тем не менее он собрался для последнего решающего усилия.

Глаза Дэвида сузились в щелки, пот залил лицо, затопив маску, левой рукой Дэвид полностью открыл дроссель, правой отчаянно вцепился в руль. И выжидал.

Снаряд почти догнал его, когда он с яростным криком повернул «мираж» – и промахнулся, всего на долю секунды. Ракета пронеслась мимо, но так близко, что засекла «мираж» своим электронным глазом. Глаз подмигнул, и ракета взорвалась.

«Мираж» в это мгновение поворачивал, и кабина оказалась прямо по центру взрыва. Взрывная волна ударила по самолету; как споткнувшийся бегун, он сразу утратил высоту и скорость.

Лобовое стекло пробили стальные осколки. Один ударился о сталь кресла, отскочил и впился в левую руку Дэвида над локтем; он перерезал кость, рука бессильно повисла.

Ледяной ветер ворвался в кабину, «мираж» подбросило в воздухе. Дэвида удержали ремни, ребра его затрещали, кожу на плечах сорвало, сломанная рука болезненно подвернулась.

Стараясь держаться в кресле прямо, он потянулся вверх, к спуску катапульты. Он ожидал, что под креслом взорвется заряд и его выбросит из обреченного «миража», но ничего не произошло.

Дэвид в отчаянии отпустил ручку и постарался дотянуться до второго взрывного механизма, размещенного под креслом, между ног пилота. Отчаянно рванул – вновь безрезультатно. Механизм не работал, он был поврежден. Предстояло продолжать полет – со сломанной рукой и ничтожным запасом высоты. Он крепче сжал правой рукой рубчатую рукоять джойстика и в безумном падении – «мираж» качало, он рыскал – начал отчаянную борьбу за управление. Теперь Дэвид действовал на автомате, потому что был тяжело ранен, и небо и горизонт, земля и облака головокружительно вертелись у него перед глазами.

Он понимал, что быстро теряет высоту, поскольку всякий раз, как земля перед ним поворачивалась, она грозно придвигалась все ближе, но продолжал упрямые попытки повернуть против вращения.

Земля была уже совсем близко, когда Дэвид почувствовал, что машина начинает отзываться, ее вращение слегка замедлилось. Действуя попеременно джойстиком и рулем, он предпринял еще одну попытку, и «мираж» наконец послушался. Мягко, как любовник, он уговаривал машину, и та неожиданно вышла из пике, и вот он уже летит горизонтально... но самолет был поврежден. Взрыв ракеты смертельно ранил его, и теперь «мираж» отзывался на команды с трудом и болезненно. По сильной вибрации, сотрясавшей самолет, Дэвид догадался, что сорваны лопасти компрессора и машина теряет равновесие. Через несколько секунд или минут она может распасться на куски. Пытаться поднять ее бесполезно.

Дэвид быстро огляделся и потрясенно увидел, насколько низко он опустился. До земли оставалось не больше двух или трех сотен футов. Он не был уверен, куда летит, но, мельком взглянув на допплеров компас, удивился: самолет по-прежнему шел к базе.

Вибрация усиливалась, Дэвид слышал резкий скрежет рвущегося металла. До базы он не дотянет, это несомненно, а для того, чтобы открыть кабину, отпустить ремни и попытаться выбраться, высота недостаточна. Оставалось одно: посадить «мираж».

Приняв решение, Дэвид здоровой рукой сразу потянулся к приборам. Зажав джойстик между коленями, он выпустил шасси и слегка опустил нос. Переднее колесо отчасти погасит скорость и помешает машине перевернуться.

Он взглянул вперед и увидел низкий каменистый кряж с редкой растительностью. Здесь его ждет катастрофа, но дальше – открытые поля, распаханная земля, правильные прямоугольники садов, аккуратные здания. Это хорошо. Порядок и тщательность обработки свидетельствовали о том, что он пересек границу Израиля.

Дэвид пролетел над самыми скалами, поджимая живот, словно помогал «миражу» приподняться над хищными гранитными зубами, и перед ним открылись поля. Он видел, как женщины, работавшие в одном из садов, повернулись и смотрели на него. Дэвид пролетел так близко, что ясно разглядел выражение удивления и ужаса на их лицах.

На голубом тракторе работал мужчина, он выпрыгнул из кабины и бросился на землю, когда Дэвид пролетел в нескольких футах над его головой.

Закрыть подачу топлива, отключить приборы, затем главный включатель – Дэвид выполнял процедуру вынужденной посадки.

Перед ним было ровное коричневое поле, открытое и гладкое. Если повезет, можно благополучно приземлиться.

«Мираж» быстро терял скорость, стрелка указателя скорости двигалась назад: 200 миль в час, 180, не за горами и 150 – скорость падения самолета.

И вдруг Дэвид увидел, что поле перед ним изрезано глубокими бетонными ирригационными канавами. Двадцать футов шириной, десять глубиной, они представляли смертельную опасность, их хватило бы, чтобы уничтожить танк «центурион».

И Дэвид ничего не мог сделать, чтобы избежать их зияющих челюстей. Он опустил «мираж», слегка коснувшись поверхности.

«Тихо, как кот, писающий на бархатное покрывало», – с горечью подумал он, понимая, что теперь все его мастерство бесполезно. – Даже Барни гордился бы мной». Поле и впрямь

было неровное, «мираж» опустился на него, качаясь и подпрыгивая, бросая Дэвида на стены кабины. Теперь он двигался уже на трех колесах, терял скорость, шасси приняло на себя удар и выдержало. Тем не менее машина еще шла на скорости в 90 миль, когда налетела на первую ирригационную канаву.

Шасси лопнуло, как сухой кренделек, «мираж» опустил нос и ударился им о дальний край канавы, бетон рассек металл, как серпом, машину отбросило; самолет, кувыркаясь, отлетел в поле вместе с привязанным к креслу Дэвидом. Крылья оторвались, а корпус продолжал скользить по мягкой земле и, наконец, остановился, как выброшенный на сушу кит.

Левая сторона тела Дэвида онемела, он не чувствовал ни руки, ни ноги, только режущие жесткие объятия ремней. Внезапно наступившая тишина ошеломила его.

Много секунд сидел он неподвижно, неспособный двигаться или рассуждать. А потом почувствовал – всепроникающий запах горючего из разорванных баков и трубопроводов. И оцепенел от вечного страха пилота перед огнем.

Правой рукой Дэвид схватился за рычаг подъема лобового стекла и потянул. Он потратил на это десять драгоценных секунд, но рычаг прочно заело. Тогда он обратился к стальному ножу в нише под рычагом. Это орудие специально предназначалось для такого случая. Он схватил нож, откинулся в кресле и набросился на перплексовый купол у себя над головой. Запах горючего становился все сильнее, он заполнил всю кабину, и Дэвид слышал легкий звон добела раскаленного металла.

Левая рука мешала, он ее не чувствовал, не мог ею пользоваться. Ремни так прочно держали его в кресле, что ему пришлось остановиться, чтобы ослабить их.

Потом он начал снова. Проделал в перплексе отверстие размером с кулак и пытался расширить его, а в это время где-то в фюзеляже разорванный трубопровод выпустил в воздух струю горючего. Тяжелые брызги, как из садового оросителя, упали на фонарь кабины, потекли по бокам и через отверстие, прорубленное Дэвидом, залили его. Он чувствовал его на лице, ледяной холод коснулся щек и глаз, пропитал плечи и переднюю часть компенсирующего комбинезона, и Дэвид начал молиться. Впервые в жизни слова молитвы приобрели для него смысл, и он почувствовал, как отступает ужас.

– Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один...

Он молился вслух, продолжая крушить податливый перплекс и ощущая на лице мягкий дождь смерти. Он изо всех сил напрягал руки, отдирал полосы прозрачного материала, пропарывая перчатки и оставляя на краях кровавые следы.

– Восславится Его славное имя, Чье царствие славы во веки веков...

Теперь отверстие было достаточно велико. Дэвид приподнялся в кресле и обнаружил, что его держат линии радиосвязи и подачи кислорода, присоединенные к шлему. Искалеченной левой рукой Дэвид не мог до них дотянуться. Он взглянул на нее и увидел, что рукав весь в крови. Боли не было, но рука торчала под неестественным углом.

– Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем... – прошептал он и правой рукой оторвал подбородочный ремень и швырнул шлем на пол кабины. Горючее впиталось в его мягкие темные волосы, побежало по шее за ушами, и он подумал о пламени ада.

Он с огромным трудом выбрался через отверстие в перплексе, и теперь даже молитва не сдерживала приступ темных войск ужаса, наступавших на его душу.

– В гневе Господь сожжет все...

Он с трудом прополз по скользкому металлу остатка крыла и упал на землю. Упал ничком и несколько мгновений лежал неподвижно, обессилев от страха и напряжения.

– ...помни, все во власти Господа...

Он лежал, прижавшись лицом к пыльной земле, но услышал голоса, приподнял голову и увидел, что по полю к нему бегут женщины из сада. Резкая гортанная речь. Иврит. Он дома.

Придерживаясь за разбитый корпус «миража», он встал, сломанная рука повисла. Дэвид хотел крикнуть:

– Уходите! Берегитесь! – Но из его горла вырвался только резкий хрип, а женщины все бежали к нему. Их платья и передники казались яркими пятнами на фоне сухой коричневой земли.

Он оттолкнулся от самолета и шатаясь двинулся навстречу бегущим.

– Уходите! – хрипел он в отчаянии, сжатие комбинезона мешало ему двигаться, испаряющееся горючее в волосах и на лице холодило.

В разбитом корпусе «миража» лужица горючего нагрелась от раскаленной оболочки компрессора. Горючее обладает высокой летучестью, и одной искорки от умирающего электронного оборудования хватит.

С глухим ревом «мираж» окутали алое пламя и черный дым; ветер рвал огонь на большие полотнища и вымпелы, и Дэвид оказался в ревущей печи, там, где, казалось, горел сам воздух.

Он задержал дыхание – иначе пламя сожгло бы ему легкие. Плотно зажмурился и продолжал бежать вслепую. Тело и конечности были защищены несгораемым компенсирующим комбинезоном, сапогами и перчатками, но голова обнажена и вдобавок облита горючим.

Он бежал, пылая, как факел. Волосы сгорели мгновенно, и пламя перекинулось на кожу. Сгорели уши и бóльшая часть носа, кожа отслаивалась охваченными огнем полосами, а потом пламя вгрызлось в плоть, уничтожив губы, обнажив зубы и часть челюсти. Сожгло веки и сожрало щеки.

Дэвид не останавливаясь бежал сквозь горящий воздух и дым. Он не верил, что возможна такая боль. Она превосходила всякое воображение, заглушала все чувства, лишала рассудка, но он каким-то образом понимал, что не должен кричать. Боль была чернотой и ярким пламенем перед его плотно закрытыми глазами, она ревела в ушах, как все ветры мира, а на теле Дэвид ощущал бичи и крючья самого ада. Но он знал, что нельзя впустить этот ужасный огонь в себя, и потому бежал молча.

Женщины из сада остановились перед преградой из пламени и черного дыма; это пламя объяло и корпус машины, и бегущего пилота.

Перед ними поднималась сплошная стена огня. Ее опаляющее дыхание заставило их в ужасе отступить. Они стояли сбившись в кучку, тяжело дыша, ошеломленные, не верящие своим глазам.

Вдруг порыв ветра разорвал тяжелые завитки дыма, и оттуда, спотыкаясь, выбежало ужасное существо, живой факел.

Оно слепо двигалось в дыму: одна рука безвольно свисала, ноги спотыкались на мягкой земле. Женщины в ужасе смотрели на то, что молча приближалось к ним.

И тут одна из девушек – сильная, загорелая, с копной темных волос – сочувственно вскрикнула и бросилась ему навстречу.

На бегу она сорвала тяжелую, просторную шерстяную юбку, обнажив стройные ноги. Добежав до Дэвида, она набросила юбку ему на голову, гася пламя, поедавшее его плоть. Остальные женщины последовали ее примеру, закутав его в свою одежду и уложив на землю.

И только тут Дэвид закричал, закричал безгубым ртом сквозь обнажившиеся зубы. Никто из них никогда не забудет этот крик. Глаза Дэвида оставались открыты, хотя ресницы, брови и бóльшая часть век обгорела. Синие глаза на блестящей маске влажного сгоревшего мяса. Тут мелкие кровеносные сосуды, запечатанные огнем, начали лопаться, испуская фонтанчики крови. Дэвид кричал, кровь и лимфа лились сквозь остатки ноздрей, тело его дергалось, сотрясаемое спазмами невероятной боли.

Женщинам пришлось удерживать его, чтобы он не содрал пальцами остатки лица.

Он все еще кричал, когда врач из кибуца скальпелем разрезал рукав его комбинезона и прижал иглу с морфием к дергающимся, пляшущим мышцам руки.

Бриг видел, как с экрана радара исчезло последнее изображение, и услышал формальный доклад младшего офицера: «Контакта нет». В командном бункере повисло тяжелое молчание.

Все смотрели на него. А он стоял, склонившись над схемами, сжав большие костлявые кулаки. Лицо было лишено выражения, но глаза ужасны.

Казалось, из динамика над головой еще доносятся лихорадочные голоса пилотов, переговаривающихся друг с другом во время смертельной схватки.

Все слышали голос Дэвида, хриплый от горя и страха: «Джо! Нет, Джо! О Боже, нет!» – и поняли, что это означает. Они потеряли обоих, и Бриг был ошеломлен такой непредвиденной развязкой.

В миг, когда он утратил контроль над летчиками, он понял, что катастрофа неминуема, и вот теперь его сын мертв. Он хотел закричать, запротестовать. На несколько секунд он плотно закрыл глаза, а когда открыл, снова владел собой.

– Общая готовность! – рявкнул он. – Всем эскадрильям – «красная» тревога. – Он знал, что они столкнулись с международным кризисом. – Прикрыть весь район, где разбились парни. Возможно, кому-то удалось катапультироваться. Накрыть всю эту территорию зонтиком, задействовать «фантомы». Немедленно направить туда вертолеты с командами парашютистов и медиков...

Все в бункере занялись подготовкой общей боевой тревоги.

– Соедините меня с премьер-министром, – сказал Бриг. Предстояло многое объяснять, но он потратил несколько драгоценных секунд на то, чтобы горько проклясть Дэвида Моргана.

Военный врач бросил взгляд на обожженную голову Дэвида и негромко выругался.

– Нам повезет, если мы спасем его.

Он плотно обмотал голову пилота бинтами с вазелином, и укутанное в одеяла тело Дэвида поместили в вертолет «Белл-205», ждавший в саду.

«Белл» коснулся посадочной площадки больницы Хадашша, где его уже ждал отряд медиков. Через час сорок три минуты после того, как «мираж» угодил в ирригационную канаву, Дэвида провезли через стерильный блок и поместили в специальное противоожоговое отделение на третьем этаже больницы – в спокойный закрытый мир, где все ходят в

масках и длинных зеленых халатах, где единственный контакт с внешним миром возможен через двойные застекленные окна и даже воздух многократно очищен и отфильтрован.

Но Дэвид, окутанный мягкими темными облаками морфия, не слышал негромких голосов фигур в масках, склонившихся над ним.

– Третья степень по всей области...

– Никаких попыток очистить, вообще никаких прикосновений, сестра, пока положение не стабилизируется. Опрыскивать эпигардом, и каждые четыре часа – внутримышечные инъекции тетрациклина против инфекций...

– Трогать его можно будет не раньше, чем через две недели.

– Хорошо, доктор.

– Да, сестра, пятнадцать миллиграммов морфия через каждые шесть часов. Ему будет очень больно.

Боль была бесконечностью, безбрежным океаном, волны которого непрерывно били в берега его души. Иногда прилив боли был настолько высок, что грозил уничтожить рассудок. Но иногда он спадал, стихал, и Дэвид плыл по океану боли, одурманенный морфием. Потом туман рассеивался, яркое солнце ударяло в голову, и Дэвид начинал кричать и биться. Череп его, казалось, распухал и готов был лопнуть, обнаженные нервные окончания молили положить этому конец.

И тут долгожданный укол, и снова его окутывал туман.

– Мне это не нравится. Посев взяли, сестра?

– Да, доктор.

– И что же проросло?

– Боюсь, стрептококк.

– Да. Я тоже так считаю. Перейдем на клоксациллин; может, он подействует лучше.

Вместе с болью Дэвид начал ощущать запах. Запах падали, гниющей плоти, запах паразитов в грязных одеялах, запах рвоты и экскрементов, запах влажного мусора, разлагающегося в темных переулках, – и понял, что это запах его собственного тела: стрептококковая инфекция пожирала его незащищенные ткани.

С болью боролись при помощи наркотиков, но теперь к ней присоединились горячка – следствие заражения – и ужасная жажда, которую не могло утолить никакое количество жидкости.

С лихорадкой пришли кошмары, которые преследовали его, загоняя к самим границам выносливости.

– Джо, – кричал он, терзаемый болью, – иди к солнцу, Джо. Налево – вперед! – И из изуродованного сожженного рта доносились рыдания: – О Джо! О Боже, нет! Джо!

Наконец ночная сестра не вытерпела, подошла со шприцем, и крики сменились лепетом и бормотанием наркотического забытья.

– Завтра начнем накладывать акрифлавиновые повязки, сестра.

Теперь каждые сорок восемь часов ему под общим наркозом меняли повязки; вся его голова представляла собой сырое мясо, лишенная черт голова, как на детском рисунке, грубые черты и резкие цвета, без волос, без ушей, испещренная желтыми полосами гноя и разложения.

– Похоже, клоксациллин подействовал, сестра. Теперь он выглядит немного лучше.

Плоть глазниц стянулась, отодвинулась назад, как блестящие лепестки розы, обнажив глазные яблоки, открыв их для прямого воздействия воздуха. Глазницы залили желтой мазью, чтобы увлажнить их, предохранить от инфекции, затронувшей голову. Но мазь мешала смотреть.

– Пора делать брюшной стебель. Подготовьте на завтра операционную, сестра.

Наступило время ножа, и Дэвиду предстояло узнать, что боль и нож живут в греховном союзе. С его живота срезали длинную полосу кожи и мышц, оставив ее прикрепленной нижним концом, свернули в толстую сосиску, потом закрепили на боку здоровую руку, ту, которая не была в гипсе, и пришили к ней свободный конец сосиски, чтобы та начала питаться кровью из руки. Потом Дэвида привезли из операционной и оставили метаться, слепого и беспомощного, с прикрепленным к руке стеблем, как акулу с прилипалой на брюхе.

– Ну что ж, глаза мы спасли. – В голосе звучала гордость, почти благостная доброжелательность. Дэвид осмотрелся и впервые увидел их. Они собрались вокруг его койки: кольцо склоненных голов, рты и носы закрыты хирургическими масками. Но перед его глазами пока еще все было туманным от мази и искажено капельным смачиванием.

– Теперь займемся веками.

Снова нож. Съежившиеся обгоревшие веки разрезали, сформировали заново, сшили. Нож и боль. Знакомый сладковатый запах разложения и антисептических повязок, казалось, проникал во все поры его тела.

– Прекрасно, замечательно, мы избавились от инфекции. Можно приступать.

Голову очистили от потеков гноя; теперь она была влажной и блестела, лысая, ярко-красная, цвета вишневого коктейля. Вместо ушей два искореженных кусочка плоти, поразительно сверкают белые зубы, не закрытые сгоревшими губами, длинная полоска челюстной кости обнажена, вместо носа пенек с ноздрями, как двойной ствол винтовки, и только глаза по-прежнему прекрасны – поразительно синие, с безупречным белком между алыми веками и аккуратными черными стежками швов.

– Начнем с шеи. Подготовьте на завтра операционную, сестра.

Новая вариация темы ножа. С бедер срезали участки кожи и устлали ими обнаженную плоть, каждый раз покрывая новый небольшой участок, оценивая каждую попытку, а Дэвид лежал на койке и покачивался на длинных волнах боли.

– Получается неудачно. Боюсь, придется срезать и начинать заново.

На бедрах нарастала новая кожа, а тем временем пласты ее снимали с икр, и каждый раз это донорство приносило новую боль.

– Прекрасно. Теперь пришьем оба конца.

Постепенно «заплатки» на шее и голове приживались. Образовывались чередующиеся участки, как рыбья чешуя, более поздние казались жесткими и неровными.

– Теперь можно переместить стебель.

– Операция сегодня, доктор?

– Да, пожалуйста, сестра.

Дэвид уже знал, что в ожоговом отделении оперируют по четвергам. И привык бояться этих четвергов, когда по утрам вокруг него собирался весь штат: его рассматривали, трогали, обсуждали необходимые действия с равнодушной откровенностью, которая приводила его в ужас.

Толстую сосиску плоти срезали с живота, и она повисла на руке Дэвида, как какой-то нелепый нарост, живущий собственной жизнью, высасывающий кровь и жизненные соки.

Руку подняли и привязали к груди, а другой конец стебля разрезали и пришили к челюсти и остатку носа.

– Приживается неплохо. Завтра начнем формировать. Оперируем его первым. Подготовьте все необходимое, сестра.

Из живой плоти, срезанной с живота, сформировали грубое подобие носа, узкие натянутые губы и новое покрытие челюсти.

– Отек спал. Сегодня я займусь челюстью.

Ему разрезали грудь, раскололи четвертое ребро, взяли длинную полоску кости и приживили к поврежденной челюсти, потом укрыли плотью «стебля» и зашили.

По четвергам нож и запах анестезии, а во все остальные дни боль изуродованной плоти.

Новый нос подровняли, заново прорезали ноздри, потом закончили восстановление век. Положили последние участки кожи за ушами, двойным зигзагом рассекли кожу у основания челюсти, где подживающий рубец начинал притягивать подбородок к груди. Новые губы приросли к мышцам, и Дэвид научился пользоваться ими, снова смог говорить отчетливо и ясно.

Наконец нашили последние участки срезанной кожи. Дэвид больше не подвергался риску инфекции, и его перевели из стерильного блока. Он снова увидел лица людей, а не только глаза над белыми хирургическими масками. Лица были дружеские, веселые. Врачи гордились своим достижением, они спасли ему жизнь и восстановили сгоревшую плоть.

– Вам теперь можно принимать посетителей, надеюсь, это вас подбодрит, – сообщил врач. Это был молодой, полный достоинства хирург, который оставил высокооплачиваемое место в швейцарской клинике, чтобы возглавить здесь отделение ожогов и пластической хирургии.

– Не думаю, чтобы ко мне кто-то пришел. – За девять месяцев своего пребывания в ожоговом отделении Дэвид утратил контакт с реальностью внешнего мира.

– Конечно, придут. Многие регулярно осведомлялись о вашем состоянии, – сказал хирург. – Верно, сестра?

– Совершенно верно, доктор.

– Можете сообщить, что посещения разрешены.

Хирург и его свита собрались уходить.

– Доктор, – обратился к нему Дэвид, – я хочу взглянуть в зеркало.

Все в замешательстве смолкли. Уже несколько месяцев ему отказывали в этой просьбе.

– Черт возьми! – Дэвид рассердился. – Вы ведь не можете вечно оберегать меня.

Хирург знаком велел всем выйти. Когда палата опустела, он подошел к койке Дэвида.

– Хорошо, Дэвид, – мягко произнес он. – Мы найдем для вас зеркало, хотя здесь мы ими пользуемся не часто.

Впервые за много месяцев Дэвид осознал глубину его сочувствия и удивился. Человек, постоянно окруженный болью и травмами, сохранил способность сопереживать.

– Вы должны понять, что не всегда будете таким, как сейчас. Пока мы сумели только залечить ваши раны и заставить функционировать все органы. Никаких ограничений восприятия не будет, но не стану вас уверять, что вы прекрасны. Однако мы еще многое можем сделать. Например, уши можно реконструировать с помощью материала, который я сберег для этой цели. – Доктор указал на остаток стебля, все еще свисавший с руки Дэвида. –

Многое можно сделать с носом, ртом и глазами. – Он молча прошелся по палате, посмотрел в окно на солнце, потом повернулся и подошел к Дэвиду. – Буду с вами откровенен. Мои возможности ограничены. Мышцы, определяющие мимику, крошечные мускулы вокруг глаз и губ, уничтожены. Их невозможно восстановить. Выгорели фолликулы всего волосяного покрова – ресниц, бровей, волос головы. Конечно, вы сможете носить парик, но...

Дэвид повернулся к тумбочке и достал из ящика свой бумажник. Раскрыл его и вынул фотографию. Тут самую, которую когда-то сделала Ханна: Дэвид и Дебра сидят на берегу пруда в оазисе Эйн Геди и улыбаются друг другу. Он протянул ее хирургу.

– Вот как вы выглядели, Дэвид? Я не знал. – На лице хирурга промелькнула тень сожаления.

– Можете сделать так, чтобы я выглядел по-прежнему?

Хирург еще некоторое время рассматривал фотографию, лицо молодого бога с копной темных волос и чистыми линиями профиля.

– Нет, – ответил он. – Даже приблизительно – нет.

– Это все, что я хотел знать. – Дэвид взял у него фотографию. – Вы говорите, что теперь я способен функционировать. Остановимся на этом.

– Вы не хотите дальнейшей пластики? Мы еще многое можем сделать...

– Доктор, я девять месяцев прожил под ножом. У меня во рту постоянный вкус антибиотиков и анестезии, в ноздрях вонь. Я хочу только избавиться от боли, хочу покоя и чистого воздуха.

– Хорошо, – с готовностью согласился хирург. – То, что мы сейчас делаем, не так уж важно. Вы сможете вернуться к нам в любое время. – Он направился к двери палаты. – Идемте. Я найду вам зеркало.

Оно обнаружилось в сестринской, за двойными дверями в конце коридора. В помещении было пусто, зеркало висело на стене над умывальником.

Хирург остался в дверях, прислонясь к косяку. Он закурил, наблюдая, как Дэвид впервые смотрит на свое отражение.

В синем больничном халате поверх пижамы, высокий и отлично сложенный. Широкие плечи, узкие бедра, прежнее гибкое прекрасное мужское тело.

Но голова, венчавшая это тело, словно была взята из кошмара. Дэвид громко ахнул, и отражение сочувственно раскрыло щель рта. Тонкого и безгубого, как у кобры, окруженного побелевшими рубцами и шрамами.

Помертвев Дэвид приблизился к зеркалу. Густая грива волос раньше скрывала его продолговатый череп. Он никогда не знал, что его голова выглядит так – но теперь волосы исчезли, осталась лысая морщинистая поверхность в утолщениях и рубцах.

Лицо сплошь состояло из кусочков, разделенных шрамами, кожа на скулах была туго натянута, что делало его немного похожим на азиата, глаза – круглые, с уродливыми веками – окружала припухшая плоть.

Нос – бесформенная шишка, совершенно не гармонирующая с лицом, уши – безобразные наросты, как будто случайно прикрепленные к голове.

Страшное, отталкивающее зрелище.

Ротовое отверстие снова спазматически дернулось и застыло.

– Я не могу улыбаться, – сказал Дэвид.

– Да, – согласился хирург. – Вы не можете контролировать выражение лица.

Это оказалось самым ужасным – не изуродованная искалеченная плоть, не многочисленные рубцы и шрамы – лишенная выражения маска. Застывшие черты казались мертвыми, чуждыми человеческому теплу и чувствам.

– Да! Но видели бы вы того парня! – негромко произнес Дэвид, и хирург невесело улыбнулся.

– Завтра мы наложим последние швы за ушами, я сниму стебель с вашей руки, и вас можно будет выписать. Возвращайтесь к нам, когда созреете.

Дэвид осторожно провел ладонью по морщинистому голому черепу.

– Сэкономлю целое состояние на парикмахерских и бритвенных лезвиях, – пошутил он, и хирург быстро отвернулся и ушел по коридору, оставив Дэвида привыкать к новой внешности.

Ему принесли дешевую, плохо подогнанную одежду – брюки, открытую рубашку, легкий пиджак, сандалии; он попросил какой-нибудь головной убор, любой, лишь бы прикрыть череп. Одна из сестер отыскала для него панаму, а потом сказала, что в офисе администрации больницы его ждет посетитель.

Это оказался майор военной полиции, худой седовласый человек с холодными серыми глазами и жестким суровым ртом. Он представился, не подавая руки, и раскрыл папку, лежавшую перед ним на столе.

– Мое начальство предложило мне принять у вас рапорт об увольнении из Военно-воздушных сил Израиля, – сообщил он, и Дэвид уставился на него. В долгие, лихорадочные, полные боли ночи мысль о полетах казалась ему раем.

– Не понимаю, – пробормотал он, потянулся за сигаретой, сломал первую спичку, зажег вторую и торопливо затянулся. – Вы хотите, чтобы я подал в отставку? А если я откажусь?

– Тогда придется отдать вас под трибунал за нарушение долга и отказ выполнить в боевых условиях приказ командира.

– Понятно. – Дэвид тяжело кивнул и снова затянулся. Дым щипал глаза. – Похоже, у меня нет выбора.

– Я подготовил все необходимые документы. Пожалуйста, подпишите здесь и здесь, а я распишусь как свидетель.

Дэвид склонился к бумагам и подписал. В тишине комнаты перо громко царапало по бумаге.

– Благодарю вас. – Майор собрал документы и убрал в папку. Он кивнул Дэвиду и направился к двери.

– Итак, я отверженный, – негромко сказал Дэвид, и майор остановился. Мгновение они смотрели друг на друга, потом выражение лица майора неуловимо изменилось, в холодных серых глазах вспыхнула ярость.

– Вы виновны в гибели двух дорогостоящих военных самолетов. Вы виновны в гибели офицера и в том, что поставили нашу страну на грань войны, а это вызвало бы гибель многих тысяч молодых людей – и, может быть, угрожало бы самому нашему существованию. Вы привели в замешательство наших друзей за рубежом и придали сил нашим врагам. – Он помолчал и перевел дух. – Наша служба рекомендовала предать вас трибуналу и требовать

смертной казни. Вас спасло только личное вмешательство премьер-министра и генерал-майора Мардохея. На вашем месте я бы не оплакивал свою судьбу, а считал, что крупно повезло.

Он резко повернулся, и его шаги гулко зазвучали в коридоре.

В пустом безликом вестибюле больницы Дэвид неожиданно ощутил острое нежелание выходить за стеклянную дверь на весеннее солнце. Он слышал, что заключенные, много лет проведшие в тюрьме, после освобождения испытывают такое же чувство.

Он отошел от двери и направился в больничную синагогу. Долго сидел в углу квадратного зала. Витражи высоких окон наполняли помещение разноцветными отблесками, и постепенно Дэвид проникался покоем и красотой этого места. Наконец он набрался мужества, вышел на улицу и сел в автобус, идущий в Иерусалим.

Он нашел себе место сзади, у окна. Автобус тронулся и начал медленно взбираться на холм.

Дэвид почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял голову и на сиденье впереди увидел женщину. Неряшливо одетая, усталая, преждевременно постаревшая, она держала на руках ребенка и кормила его из пластмассовой бутылочки. Был и второй ребенок – девочка ангельского вида, лет четырех-пяти. У нее были огромные черные глаза и густые вьющиеся волосы. Она стояла на сиденье и смотрела назад, сунув в рот большой палец. Смотрела на Дэвида, изучала его лицо с детской откровенностью. Дэвид ощутил внезапное теплое чувство к этому ребенку, потребность в человеческом обществе, которого был лишен эти долгие месяцы.

Он наклонился вперед, пытаясь улыбнуться, и протянул руку, чтобы коснуться руки девочки.

Она вытащила палец изо рта и отшатнулась, повернулась к матери, прижалась к ней, пряча лицо.

На следующей остановке Дэвид сошел и поднялся с дороги на каменистый склон.

День был теплый и сонный, жужжали пчелы, из персиковых садов пахло цветами. Дэвид поднялся по террасам и остановился на вершине. Он почувствовал, что тяжело дышит и дрожит от усталости. За месяцы в больнице он отвык от ходьбы, но дело было не только в этом. Случай с девочкой вывел его из равновесия.

Он тоскливо взглянул на небо. Оно было чистое и ярко-голубое, с высокими серебристыми облаками на севере. Он хотел бы подняться к этим облакам. Только там он найдет покой.

На улице Малик он вышел из такси. Входная дверь была не закрыта, она распахнулась, прежде чем он вставил ключ в замок.

Удивленный и встревоженный, Дэвид прошел в гостиную. Все было так, как много месяцев назад, но кто-то все вымыл и вычистил, и в вазе на столе оливкового дерева стояли свежие цветы – огромный букет ярко-желтых и алых георгинов.

Дэвид почувствовал запах пищи, острой и пряной, особенно после пресной больничной диеты.

– Эй, – позвал он. – Кто здесь?

– Добро пожаловать домой! – послышался знакомый громкий голос из ванной. – Я не ждала тебя так скоро, ты застал меня с задранной юбкой и без штанов.

Послышались шаркающие звуки, в туалете громко полилась вода, и дверь распахнулась. В ней величественно появилась Элла Кадеш. На ней был просторный кафтан, ярко и примитивно раскрашенный. На голове зеленая шляпа с огромной брошью и пучком страусиных перьев на полях.

Улыбаясь, она широко развела тяжелые руки в приветственном жесте. Но улыбку тут же сменило выражение ужаса. Художница застыла.

– Дэвид? – Голос ее звучал неуверенно. – Это ты, Дэвид?

– Привет, Элла.

– О Боже! О милостивый Боже! Что они с тобой сделали, мой прекрасный юный Марс...

– Слушай, старуха, – резко сказал он, – если ты начнешь нести эту чепуху, я спущу тебя с лестницы.

Она с огромным трудом справилась с собой, удержала появившиеся на глазах слезы, но губы ее дрожали и голос звучал хрипло, когда она обняла Дэвида и прижала к мощной груди.

– В холодильнике пиво... и я приготовила жаркое. Тебе понравится мое жаркое, оно у меня всегда хорошо получается...

Дэвид ел с огромным аппетитом, запивая огненную еду холодным пивом, и слушал Эллу. Слова из нее били фонтаном, она пыталась скрыть замешательство и жалость.

– Мне не разрешали навещать тебя, но я звонила каждую неделю и все время узнавала новости. Мы даже подружились с сестрой, она дала мне знать, что тебя сегодня выписывают. Поэтому я приехала и позаботилась о встрече...

Она упорно избегала смотреть ему в лицо, а когда смотрела, в глазах ее появлялась тень, и она заставляла себя говорить еще веселее. Когда он наконец поел, Элла спросила:

– Что ты теперь будешь делать, Дэвид?

– Хотел бы летать. Мне это больше всего нравится. Но меня заставили подать в отставку. Я нарушил приказ, мы с Джо перелетели через границу, и больше я им не нужен.

– Чуть не началась война, Дэвид. Это был безумный поступок.

Дэвид согласился:

– Да, я обезумел. Я тогда не мог рассуждать логически... после Дебры...

Элла быстро прервала его:

– Да, я знаю. Хочешь еще пива?

Дэвид рассеянно кивнул.

– Как она, Элла? – Именно этот вопрос он хотел задать с самого начала.

– Хорошо, Дэви. Начала новую книгу, и та будет лучше первой. Я думаю, она становится очень хорошим писателем...

– Как ее глаза? Есть улучшения?

Элла покачала головой.

– Она примирилась. Слепота ее больше не тревожит, она приняла случившееся.

Дэвид не слушал.

– Элла, все это время, все время в больнице я надеялся... Я понимал, что это бессмысленно, но надеялся что-нибудь получить от нее. Открытку, слово...

– Она не знает, Дэви.

– Не знает? – Дэвид наклонился над столом и схватил Эллу за руку. – Чего не знает?

– После смерти Джо... отец Дебры очень рассердился. Он считал, что ты виноват.

Дэвид кивнул, лицо-маска скрывало его чувство вины.

– Он сказал Дебре, что ты покинул Израиль, вернулся домой. Мы поклялись молчать, и Дебра поверила.

Дэвид отпустил руку Эллы, взял стакан с пивом и отхлебнул.

– Ты не ответил на мой вопрос, Дэвид. Что ты собираешься делать?

– Не знаю, Элла. Мне нужно подумать.

Сильный теплый ветер дул с холмов, волнуя поверхность озера, покрывая его темными волнами с белыми гребешками. Пришвартованные у причала рыбачьи лодки качало, сети, выложенные для просушки на их палубах, развевались, как фата невесты.

Ветер подхватил волосы Дебры и поднял их густым облаком. Он прижал шелковое платье к ее телу, подчеркнув высокую грудь и длинные ноги.

Она стояла на башне замка крестоносцев, легко опираясь обеими руками на трость, и смотрела на воду, как будто что-то видела.

Элла, сидя за ее спиной на обломке стены, говорила, придерживая рукой шляпу и внимательно наблюдая за Деброй, оценивая ее реакцию:

– Тогда казалось, что так лучше. Я согласилась утаить от тебя правду, потому что не хотела, чтобы ты мучила себя...

Дебра резко бросила:

– Больше никогда так не делай. – Элла недовольно поморщилась и продолжала: – Я не знала, насколько он тяжелый, меня к нему не пускали. Думаю, я просто струсила.

Дебра гневно покачала головой, но промолчала. Элла снова удивилась тому, что эти слепые глаза могут быть так выразительны. На лице Дебры, повернутом к Элле, ясно отразились ее чувства.

– Не время было отвлекать тебя. Разве ты не понимаешь, дорогая? Ты так славно приспособилась, работала над книгой. Я не видела ничего хорошего в том, что все тебе расскажу. И решила поддержать твоего отца. Посмотреть, как все повернется.

– Тогда почему ты мне все это говоришь сейчас? – спросила Дебра. – Что заставило тебя передумать? Что с Дэвидом?

– Вчера днем Дэвида выписали из больницы Хадашша.

– Из больницы? – Дебра удивилась. – Ты хочешь сказать, что он все это время был в больнице? Девять месяцев? Это невозможно!

– Но это правда.

– Должно быть, он страшно пострадал. – Гнев Дебры сменила тревога. – Как он, Элла? Что случилось? Сейчас он здоров?

Элла молчала, и Дебра подошла ближе.

– Ну?

– Самолет Дэвида загорелся, и у него сильно обгорела голова. Теперь он здоров. Ожоги зажили... но...

Элла смолкла, и Дебра ощупью нашла ее руку.

– Продолжай, Элла! Но?..

– Дэвид больше не самый прекрасный мужчина из всех, кого я видела.

– Не понимаю.

– Ушли быстрота, жизнелюбие... Любой женщине трудно будет рядом с ним... тем более любить его.

Дебра внимательно слушала, ее лицо было сосредоточенным, глаза смотрели в одну точку.

– Он очень чувствителен к своей новой внешности. Мне кажется, он ищет место, где мог бы спрятаться. Говорит о полетах, как о спасении, о бегстве. Он знает, что теперь он один, отрезан от всего мира своей маской...

Взгляд Дебры затуманился.

Элла заговорила мягче.

– Есть человек, который никогда не увидит его маску. – Она прижала к себе девушку. – Человек, который помнит его только таким, каким он был.

Дебра крепче сжала руку Эллы и улыбнулась.

– Он нуждается в тебе, Дебра, – негромко сказала Элла. – Ты – все, что у него осталось. Может быть, ты передумаешь?

– Привези его ко мне, Элла. – Голос Дебры дрожал. – Привези как можно скорее.

Дэвид поднимался по длинной лестнице к студии Эллы. Светило яркое солнце, на Дэвиде были легкие сандалии, шелковые брюки бронзового цвета и рубашка с короткими рукавами и V-образным вырезом. Руки у него были бледные, темные волосы на груди резко контрастировали с желтоватой кожей, голову прикрывала широкополая белая соломенная шляпа, она защищала шрамы от солнца и бросала тень на лицо.

Он остановился, внезапно покрывшись испариной, начиная задыхаться. Он презирал слабость своего тела и дрожь в ногах. Терраса была пуста. Он пересек ее и вошел.

Элла Кадеш, сидевшая на самаркандском ковре посреди мощеного пола, представляла собой поразительное зрелище. На ней было узкое бикини, вышитое розами; костюм почти полностью скрывали могучие волны плоти, набегавшей с живота и груди. Элла сидела в позе лотоса, и ее мощные ноги были перевиты, как кольца питона. Руки она держала перед собой, прижав ладонь к ладони, глаза были закрыты в медитации; на голове – квадратный рыжий парик, как у судьи.

Дэвид остановился в дверях и захохотал. Сначала у него вырвался легкий визгливый смешок, но потом он рассмеялся по-настоящему, приступы смеха сотрясали его беспомощное тело. Это был катарсис, очищение от страданий, момент возвращения к жизни. Дэвид вновь обрел силы принять вызов, брошенный судьбой.

Элла, должно быть, все поняла, поэтому даже не шелохнулась и сидела на цветастом ковре, как жизнерадостный Будда, прикрыв один маленький глаз. Эффект получился еще более комический, а Дэвид без сил рухнул в кресло.

– Твоя душа – пустыня, Дэвид Морган, – заявила Элла. – Ты не способен оценить красоту, всю прелесть, например, кучи навоза... – Но продолжить она не смогла, потому что сама рассмеялась, поза лотоса была забыта, растаяла, как желе в жаркий день; Элла ответила хохотом на хохот. – Я застряла, – сказала она наконец. – Помоги мне, Дэвид. Ты осел.

Он наклонился к ней, пытаясь расплести ей ноги. Наконец они с легким хрустом и хлопающими звуками разъединились, и Элла со стоном упала лицом вниз на ковер, продолжая смеяться.

– Убирайся отсюда, – простонала она. – Дай спокойно умереть. Иди к своей женщине, она там, на причале.

Она смотрела, как он быстро уходит, потом с трудом поднялась и направилась к двери. Перестала смеяться и сказала:

– Мои бедные маленькие покалеченные котята... Правильно ли я поступила? – Тень сомнения упала на ее лицо, потом рассеялась. – Ну, сейчас уже поздно об этом беспокоиться, Кадеш, суетливая старуха. Нужно было думать об этом раньше.

На причале лежали пестрое купальное полотенце, пляжный костюм и транзистор. Оглушительно гремел тяжелый рок. Далеко в заливе в одиночестве плыла Дебра, делая мощные гребки. Ее загорелые руки влажно блестели на солнце, вода пенилась под ударами ног.

Она остановилась. Купальная шапочка у нее была белая, и Дэвид заметил, что Дебра прислушалась к звуку радио и снова поплыла, прямо к причалу.

Она вышла из воды, сняла шапочку и встряхнула волосами. Тело у нее было загорелое, покрытое каплями, мышцы твердые; она уверенно поднялась на причал и взяла полотенце.

Дебра вытиралась, а Дэвид стоял рядом и напряженно смотрел; казалось, он пожирает ее глазами, старается за минуту вместить то, чего ему так не хватало месяцами. Он так ясно представлял ее себе, однако так много позабыл. Волосы у нее мягче и пышнее, чем он помнил. Изменились пластичность и блеск кожи – та теперь была темнее, чем раньше, почти цвета ее волос: должно быть, она ежедневно много часов проводила на солнце.

Вдруг Дебра непринужденно сбросила полотенце, расстегнула купальник и рукой поправила тяжелую грудь. Дэвид так сильно нуждался в ней, что не сумел сдержаться. Он переступил с ноги на ногу, и под его подошвой скрипнул гравий.

Она мгновенно повернула к нему голову и застыла, прислушиваясь. Глаза ее были широко раскрыты. Выразительные и умные, они были направлены чуть в сторону, и Дэвиду пришлось подавить желание повернуться и взглянуть туда, куда смотрит она.

– Дэвид? – негромко спросила Дебра. – Это ты, Дэвид?

Он хотел ответить, но голос изменил ему, и он издал звук, похожий на всхлип. Она побежала к нему, быстрая, длинноногая, как вспугнутый жеребенок, протянув руки, с сияющим от радости лицом.

Он схватил ее, и она прижалась к нему яростно, почти гневно, как будто тоже сдерживалась слишком долго.

– Как мне тебя не хватало, Дэвид. – Даже голос ее звучал яростно. – Боже, ты никогда не узнаешь, как мне тебя не хватало. – И она прижалась ртом к щели в его маске из плоти.

За все эти месяцы к нему впервые кто-то отнесся без оговорок, без осторожной жалости. Дэвид почувствовал, что его сердце разрывается, и еще крепче обнял ее.

Наконец Дебра оторвалась от него, бесстыдно прижалась к нему бедрами, возбужденная его возбуждением, гордая, что вызвала его; быстро, пытливо провела пальцами по его лицу, ощупывая новые очертания, неожиданные плоскости и углы.

Она почувствовала, что Дэвид отстраняется, но остановила его и продолжала ощупывать.

– Пальцы говорят мне, что ты по-прежнему прекрасен...

– Пальцы лгут, – прошептал он, но Дебра не обратила на это внимания и продолжала дразняще прижиматься.

– А с юга ко мне доходит еще одно срочное сообщение. – Она беззвучно рассмеялась. – Идемте со мной, сэр.

Держа его за руку, Дебра легко взбежала по ступеням, увлекая его за собой. Дэвида поразили ловкость и уверенность ее движений. Она втащила его в коттедж и, пока он осматривался, подмечая все подробности, заперла дверь на замок. В комнате стало прохладно, полутемно, интимно.

В постели ее тело было все еще влажным и холодным после купания, но губы, которыми она прижималась к нему, обжигали. Два прекрасных молодых тела жадно слились, как будто пытались найти убежище друг в друге, плоть отчаянно искала пристанища в плоти, в сплетении рук и ног; они искали и находили спасение от одиночества и тьмы.

Физический акт любви, сколь бы часто он ни повторялся, был для них недостаточен; даже в перерывах они отчаянно цеплялись друг за друга; прижимались засыпая, ощупью искали и находили друг друга, боясь, что сон хотя бы на мгновение разъединит их. Они разговаривали, держась за руки, и Дебра время от времени касалась его лица, а он смотрел в ее золотые глаза. Даже когда она готовила простую еду, Дэвид стоял рядом или за ней, так что она всегда могла приникнуть, ощутить его. Они словно жили в страхе, что в любое мгновение могут разлучиться.

Прошло два дня, прежде чем они смогли выйти из святилища коттеджа, выкупаться в озере и полежать рядом на теплом песке. Но даже когда Элла помахала им с террасы, Дэвид спросил:

– А нам нужно идти к ней?

– Нет, – быстро ответила Дебра, – еще нет. Я не готова делить тебя с кем-то еще. Пожалуйста, подожди, Дэвид.

Прошло еще три дня, прежде чем они поднялись по тропе в студию. Элла приготовила один из своих достойных Гаргантюа обедов, но других гостей не пригласила, и Дебра с Дэвидом были благодарны ей за это.

– Я думала, за тобой придется посылать носилки, Дэви, – приветствовала их Элла, сально посмеиваясь.

– Не груби, – сказала ей Дебра, заливаясь легким румянцем, и Элла загоготала. Ее смех был настолько заразителен, что они его подхватили.

После все сидели под пальмами и пили вино из глиняных кувшинов, много ели, смеялись, болтали без умолку; Дэвид и Дебра были так поглощены друг другом, что не замечали оценивающих задумчивых взглядов Эллы.

Дебра разительно изменилась: исчезли холодность и сдержанность, слетела броня, которую она надела на себя. Она была полна жизни, радости, расцветала от любви.

Сидя рядом с Дэвидом, Дебра радостно смеялась его шуткам и все время старалась дотронуться до него, словно хотела убедиться: он здесь.

Элла порой взглядывала на Дэвида, стараясь непринужденно улыбаться ему, но виновато сознавая, что по-прежнему испытывает отвращение – отвращение и жалость, – когда глядит на эту чудовищную голову. Она знала, что даже если будет видеть ее ежедневно в течение двадцати лет, чувство останется прежним.

Дебра рассмеялась чему-то сказанному Дэвидом и повернулась к нему, с трогательной невинностью подставляя рот.

– Ты говоришь ужасные вещи. Мне кажется, тебе пора совершить обряд раскаяния. Она с готовностью ответила на поцелуй, когда большая изуродованная голова склонилась к ней и узкая щель рта коснулась ее губ.

Чудовищно было видеть прекрасное женское лицо рядом с этой маской изувеченной плоти – и в то же время странно трогательно.

«Я поступила правильно», – решила Элла, глядя на них со смутной завистью. Эти двое были прочно связаны друг с другом, сильны взаимной страстью. Прежде это было притяжение плоти, но сейчас – нечто совсем иное.

Элла с сожалением вспомнила множество своих любовников, уходящих за пределы ее памяти; их лица казались теперь призрачными. Если бы что-то привязало ее к одному из них, если бы можно было вспомнить что-нибудь, кроме полузабытых слов, коротких встреч и совокуплений! Она вздохнула, и Дебра с Дэвидом вопросительно взглянули на нее.

– Печальный звук, Элла, дорогая, – сказала Дебра. – Мы эгоисты, прости нас.

– Вовсе не печальный, дети мои, – горячо возразила Элла, изгоняя фантомы из памяти. – Я рада за вас. У вас есть нечто – сильное, яркое и удивительное. Защищайте его, как защищали бы свою жизнь. – Она взяла стакан с вином. – Предлагаю тост. За Дебру и Дэвида, за их любовь, ставшую непобедимой в страданиях.

Они серьезно выпили золотое вино, сидя на золотисто-желтом солнечном свете, но потом снова развеселились.

Когда были удовлетворены физические потребности, когда молодые люди сблизились настолько, насколько могли себе позволить, началось слияние душ. Раньше они никогда не разговаривали так, даже в доме на улице Малик: там слова были лишь поверхностными символами.

Только сейчас они учились общаться по-настоящему. Часто ночами они не спали, а проводили часы темноты, исследуя ум и тело друг друга; они радовались, понимая, что это познание никогда не кончится, потому что разум человека безграничен.

Днем слепая девушка учила Дэвида видеть. Он обнаружил, что никогда раньше не пользовался зрением в полной мере, а теперь, когда ему приходилось смотреть за них обоих, нужно было использовать все возможности глаз. Он должен был научиться описывать цвета, формы, движения точно и ясно, потому что требования Дебры были неистощимы.

В свою очередь, Дэвид, чью веру в себя его уродство потрясло до основания, учился внушать уверенность Дебре. Она привыкала, безусловно, рассчитывать на него, и он старался угадывать ее потребности. Она училась смело идти рядом с ним, зная, что он предупредит ее прикосновением или словом.

С потерей зрения ее мир сократился до пределов коттеджа и причала, где она все могла найти на ощупь. Теперь, когда Дэвид был рядом, границы ее мира снова раздвигались, и она могла идти куда угодно.

Вначале они совершали вылазки очень осторожно, бродили по берегам озера или поднимались на холмы к Назарету; каждый день плавали в зеленой воде озера, каждую ночь любили друг друга в занавешенном алькове.

Дэвид похудел, снова стал гибким и жилистым, загорел; оба они казались вполне довольными.

Когда Элла спросила:

– Дебра, когда же ты начнешь новую книгу? – Та рассмеялась и легко ответила:

– Ну, как-нибудь в следующую сотню лет.

Неделю спустя уже Дебра спросила:

– Ты решил, что будешь делать, Дэвид?

– То, что делаю сейчас.

Дебра попятилась.

– Всегда! – сказала она. – Пусть всегда так будет!

А потом, без размышлений, без подготовки они пошли в люди.

Дэвид взял напрокат моторную лодку, получил у Эллы список необходимых покупок, и они поплыли в Тиверию; белый пенный след тянулся за ними, а ветер и капли воды касались их лиц.

Они причалили в маленькой гавани Лидо-Бич и поднялись в город. Дэвид был так поглощен Деброй, что толпа вокруг казалась ему нереальной, и хотя он заметил несколько любопытных взглядов, они ничего не значили для него.

Сезон еще только начинался, а город уже кишел туристами: у подножия холма стояло множество автобусов.

Сумка Дэвида становилась все тяжелее, и наконец из нее начали вываливаться покупки.

– Теперь хлеб, и на этом все. – Дебра мысленно проглядывала список.

Они спустились с холма под эвкалиптовыми деревьями и отыскали на стене гавани столик под ярко раскрашенным зонтиком.

Сидели, касаясь друг друга, пили холодное пиво, заедая фисташками, не обращая внимания на окружающее, даже когда остальные столики заполнились. Озеро блестело, мягко закругленные холмы казались совсем близкими в ярком свете. Однажды над долиной пронеслась эскадрилья «фантомов», они летели низко, по какому-то загадочному делу, и Дэвид без всякого сожаления посмотрел им вслед.

Когда солнце садилось, они пошли к лодке, и Дэвид помог Дебре спуститься в нее. На стене стояла группа туристов, все они оживленно разговаривали.

Дэвид включил мотор и оттолкнулся от берега, направляясь к выходу из гавани; Дебра сидела рядом с ним, лодка негромко урчала.

Полный краснолицый турист посмотрел на них со стены и, считая, что мотор заглушит его голос, сказал жене:

– Взгляни на этих двоих, Мейвис. Красавица и чудовище, верно?

– Помолчи, Берт. Они могут понять.

– Да ну! Они говорят только на идиш!

Дебра почувствовала, как напрягся Дэвид, как начал отодвигаться от нее, ощутила его гнев и отчаяние; она схватила его и удержала.

– Поехали, Дэвид, дорогой. Не обращай на них внимания.

Но даже в безопасном одиночестве коттеджа Дэвид был молчалив; атмосфера была напряженной.

Ужинали они хлебом, сыром, рыбой и инжиром все в том же драматичном безмолвии. Дебра не могла сообразить, как отвлечь его, заставить забыть легкомысленные слова, которые так глубоко его ранили.

Она без сна лежала рядом с ним. Дэвид вытянулся на спине, не касаясь ее, сжав кулаки. Наконец, не выдержав, она повернулась к нему и стала гладить его лицо, по-прежнему не зная, что сказать. Дэвид нарушил молчание:

– Я хочу уйти от людей. Они нам не нужны. Правда?

– Да, – прошептала она. – Нам они не нужны.

– Есть такое место. Оно называется Джабулани. В глубине африканского вельда, далеко от ближайшего города. Тридцать лет назад отец купил его как охотничий заповедник. Теперь оно принадлежит мне.

– Расскажи мне о нем. – Дебра положила голову ему на грудь. Дэвид начал гладить ее по волосам и заговорил, постепенно успокаиваясь:

– Там широкая равнина, на ней растут леса деревьев мопани и мохобахоба, кое-где – старые баобабы и пальмы фителефас. На полянах – золотистая трава, а листья пальм илала кажутся пальцами нищих. На краю равнины – цепь холмов, издалека они кажутся голубыми, вершины их напоминают башенки волшебного замка, венчающие гранитные стены. Между холмами – ручей, большой, он никогда не пересыхает, и вода в нем чистая и сладкая...

– А что значит Джабулани? – спросила Дебра, когда он кончил описывать местность.

– Место радости, – ответил Дэвид.

– Я хочу отправиться туда с тобой.

– А как же Израиль? Разве ты не будешь скучать по нему?

– Нет. – Она покачала головой. – Видишь ли, я заберу его с собой – в своем сердце.

Элла поехала с ними в Иерусалим, заполнив заднее сиденье «мерседеса». Она поможет Дебре отобрать мебель, которую они увезут с собой, присмотрит за упаковкой и отправкой. Остальное реализует. Арон Коган продаст квартиру. Дэвиду и Дебре взгрустнулось при мысли о чужих людях, которые поселятся в ней.

Дэвид оставил женщин хлопотать, поехал в Эйн Карем и остановил «мерседес» у железных ворот в стене сада.

Бриг ждал его в мрачной пустой комнате, выходящей в сад. Когда Дэвид поздоровался, Бриг холодно взглянул на него, в его лице не было ни тепла, ни жалости.

– Ты пришел ко мне с кровью моего сына на руках, – произнес он, и Дэвид оцепенел.

Через несколько мгновений Бриг указал на высокий стул у дальней стены, Дэвид быстро пересек комнату и сел.

– Если бы ты сам так не пострадал, я бы призвал тебя к ответу, – сказал Бриг. – Но ненависть и месть опустошают – как ты уже понял.

Дэвид опустил взгляд.

– Я не поддамся ненависти, хотя мое сердце требует мести, потому что не хочу, чтобы ты испытывал такие же чувства. Ты неистов и молод. Неистовство – радость глупцов и последнее средство разумного человека. Единственное твое оправдание – молодость. Ты злоупотребил данной тебе властью, погубил моего сына и привел мою страну на грань войны. – Бриг встал из-за стола, подошел к окну и посмотрел в сад.

Они помолчали.

Бриг поглаживал усы, вспоминая сына. Наконец он тяжело вздохнул и отвернулся от окна.

– Зачем ты пришел ко мне? – спросил он.

– Я хочу жениться на вашей дочери, сэр.

– Ты просишь ее руки... или ставишь меня в известность? – Бриг, не дожидаясь ответа, вернулся к своему столу и сел. – Если ты злоупотребишь и этим, если причинишь ей боль и страдания, я отыщу тебя. Будь уверен.

Дэвид встал и надел на изуродованную голову шляпу, опустив поля.

– Мы хотим, чтобы вы присутствовали на бракосочетании. Дебра особенно просит об этом – вас и свою мать.

Бриг кивнул:

– Передай ей, что мы будем.

Синагога Иерусалимского университета – сверкающее белое здание, построенное в форме шатра кочевника, с теми же волнообразными линиями и поверхностями.

Багряник стоял в полном цвету. Людей собралось больше, чем ожидалось: кроме членов семьи присутствовали коллеги Дебры, Роберт и еще кое-кто из летчиков эскадрильи, Элла Кадеш, доктор Эдельман, моложавый глазной хирург, лечивший Дебру, Арон Коган и с десяток других.

После простой церемонии все прошли в одно из помещений университета, снятое Дэвидом. Сидели тихо, почти не смеялись и не разговаривали. Пилотам из эскадрильи Дэвида вскоре пришла пора возвращаться на базу, и с их уходом всякая претензия на веселье исчезла.

Мать Дебры все еще не оправилась полностью, и перспектива отъезда дочери заставляла ее непрерывно плакать. Дебра безуспешно пыталась утешить ее.

Перед уходом доктор Эдельман отвел Дэвида в сторону.

– Следите за любыми признаками атрофии глаз, за помутнением, краснотой – любыми жалобами на резь, головную боль...

– Прослежу.

– При любом сомнении, сколь бы тривиальным оно вам ни показалось, пишите мне.

– Спасибо, доктор.

Они обменялись рукопожатиями.

– Удачи вам в вашей новой жизни, – сказал Эдельман.

Дебра проявляла железную волю, но в конце концов сдалась и она, и в аэропорту, у барьера, отделяющего зал отлета, все три женщины – Дебра, ее мать и Элла Кадеш – одновременно не сдержались, вцепились друг в друга и расплакались.

Дэвид и Бриг, чувствуя себя неловко, стояли рядом, стараясь показать, что не имеют отношения к плачущим. Наконец уведомление о начале посадки дало им возможность пожать друг другу руки, Дэвид взял Дебру за руку и мягко увел ее.

Они, не оглядываясь, поднялись по трапу в ожидающий «боинг». Огромный самолет взлетел и повернул на юг, и, как всегда, ощущение полета успокоило Дэвида: все напряжение, все заботы последних дней остались внизу и позади, он почувствовал прилив бодрости, волнение предвкушения.

Он сжал руку Дебры.

– Здравствуй, Морган, – сказал он, и она повернулась к нему и улыбнулась счастливо – и слепо.

Прежде чем они смогли сбежать на север, в свое укрытие в Джабулани, пришлось провести несколько дней в Кейптауне.

Дэвид снял номер в отеле «Маунт Нельсон» и там решал вопросы, накопившиеся за время его отсутствия.

Управляющие его фондами потребовали десять дней и провели это время в гостиной их номера за документами и счетами.

За два года его доходы многократно превысили расходы, и неиспользованную их часть следовало инвестировать. Вдобавок вскоре ему открывался доступ к третьему фонду, и необходимо было выполнить некоторые формальности.

Дебру поразили размеры состояния Дэвида.

– Ты, наверно, почти миллионер, – сказала она со страхом: большего богатства она не могла себе представить.

– Я не только хорош собой, – согласился Дэвид, и она почувствовала облегчение оттого, что он так легко говорит о своей наружности.

К ним в номер пришли с визитом Митци и ее супруг. Но встреча оказалась нелегкой. Хотя Митци пыталась вести себя так, словно ничего не случилось, и по-прежнему называла его «воином», но и она, и ее чувства явно изменились.

Она была на последних сроках беременности и настолько бесформенна, что такого Дэвид и представить себе не мог. Лишь в середине вечера он догадался о подлинной причине ее беспокойства. Вначале Дэвид думал, что ее тревожит его безобразие, но после того как Митци произнесла получасовую хвалебную речь об успешном продвижении Сесила в «Группе Морган» и о необыкновенном доверии к нему Пола Моргана, он понял все.

Сесил невинно спросил:

– Вы собираетесь присоединиться к нам в «Группе»? Я уверен, мы найдем для вас что-нибудь подходящее – ха-ха!

Дэвид спокойно ответил:

– Нет, спасибо. Можете не тревожиться на мой счет, Сесил, старина. Принимайте управление у Пола Моргана – с моего благословения.

– Боже, я совсем не это имел в виду! – Сесил был шокирован, но Митци оказалась более откровенной:

– Он на самом деле большой молодец, воин, а тебя ведь это никогда не интересовало, верно?

С того вечера они не виделись, Пол Морган находился в Европе, поэтому Дэвид счел свои семейные обязанности выполненными и сосредоточился на подготовке к переселению в Джабулани.

Барни Вентер провел с ним целую неделю, выбирая самолет, который смог бы садиться на взлетную полосу вельда и в то же время давал бы Дэвиду возможность получать удовольствие от полета. Наконец они выбрали двухмоторный «пайпер-навахо», шестиместную машину с двумя двигателями по триста лошадиных сил и трехколесным шасси.

Барни руки в боки обошел самолет.

– Ну, это, конечно, не «мираж». – Он пнул колесо, потом спохватился и быстро посмотрел Дэвиду в лицо.

– Хватит с меня «миражей», – отозвался Дэвид. – Они кусаются.

В последний день Дэвид вместе с Деброй поехал на ферму близ Паарла. У хозяйки была сука со щенятами, и молодожены отправились на псарню; один из щенков лабрадора подошел к Дебре, прижался к ее ноге холодным носом, вдыхая ее запах. Дебра присела на корточки, ощупью нашла его голову, погладила, а потом наклонилась и, в свою очередь, вдохнула запах его шерсти.

– Он пахнет старой кожей, – сказала она. – Какого он цвета?

– Черный, – ответил Дэвид. – Черный, как зулус.

– Так мы его и назовем, – решила Дебра. – Зулус.

– Ты выбрала этого? – спросил Дэвид.

– Нет, – рассмеялась Дебра. – Это он нас выбрал.

Когда на следующее утро они вылетели на север, щенок, посаженный на заднее сиденье, негодовал; он перебрался на плечо Дебры, потом улегся у нее на коленях, и это устроило обоих.

– Похоже, у меня появился соперник, – печально констатировал Дэвид.

От коричневой равнины высокогорного вельда земля спускалась к кустарниковому бушевому вельду Южной Африки.

Дэвид узнавал знакомые ориентиры: крошечная деревенька Баш Бак Ридж, длинная извилистая лента реки Саби среди лесов. Он взял чуть севернее и через десять минут увидел низкую линию голубых холмов, внезапно вставших на краю равнины.

– Вот оно, прямо перед нами, – сказал он, и его тон оказался заразительным. Дебра прижала к себе щенка и наклонилась к Дэвиду.

– На что это похоже?

Холмы были покрыты густым лесом, среди деревьев виднелись скалы. У основания холмов росли кусты – африканский буш. В темной листве блестели омуты.

– Мой отец назвал их Жемчужными бусами, очень похоже. Они возникают от дождевой воды, стекающей с холмов. Могут так же неожиданно уйти в почву, – объяснял Дэвид, а самолет огибал холмы, медленно теряя высоту. – Именно они придают Джабулани особую прелесть, обеспечивают влагой всю дикую живность равнины. Птицы и животные приходят к Бусам за сотни миль. – Он выровнял машину. – У дома белые стены и тростниковая крыша, в нем прохладно в самую жаркую погоду; есть широкие затененные веранды и комнаты с высокими потолками – тебе понравится.

Посадочная полоса казалась ровной и безопасной, хотя ветровой конус свисал с шеста обрывками. Перед приземлением Дэвид сделал круг, и они подъехали к маленькому кирпичному ангару среди деревьев. Дэвид нажал на тормоза и выключил двигатели.

– Приехали, – выдохнул он.

Джабулани входит в число поместий, непосредственно примыкающих к национальному парку Крюгера – самому великолепному заповеднику на Земле. В поместьях не ведется сельское хозяйство, они малопригодны для выращивания зерновых, хотя кое-где пасут стада. Их огромная ценность заключается в нетронутой дикой природе буша и вельда; здесь мирно живут дикие животные, и богачи готовы заплатить целое состояние за кусочек этого Lebensraum.*

Дед Дэвида, покупая Джабулани, платил по несколько шиллингов за акр, потому что в те дни дикого приволья было в достатке.

В течение многих лет Джабулани служило семье охотничьими угодьями и, так как Пол Морган никогда этим не интересовался, отошло к отцу Дэвида, а потом и к самому Дэвиду.

---

* Жизненное пространство (*нем.*).

Теперь восемнадцать тысяч акров буша и равнины, не занятые посевами, превратились в бесценное сокровище.

Но в последние пятнадцать лет семья Морганов почти забыла о нем. Отец Дэвида был страстным охотником, и Дэвид большую часть школьных каникул проводил здесь. Однако после смерти отца посещения Джабулани стали редкими и непродолжительными.

В последний раз он был здесь семь лет назад, когда привозил с собой группу офицеров из эскадрильи «Кобра».

Тогда имением безукоризненно управлял Сэм, чернокожий смотритель, дворецкий и охотник-егерь.

Под присмотром Сэма постели всегда были застелены свежевыглаженными простынями, полы натерты, внешние стены здания выбелены, тростниковая крыша цела. В холодильниках – достаточный запас мяса, много выпивки, и каждой бутылке велся счет.

Сэм тщательно следил за порядком и руководил полудюжиной веселых, жизнерадостных слуг.

– Где Сэм? – прежде всего спросил Дэвид, когда двое слуг торопливо подошли от дома к самолету.

– Ушел.

– Куда? – Ответом стало красноречивое африканское пожатие плечами. Одежда слуг была грязной, нуждалась в починке, держались они равнодушно.

– Где «лендровер»?

– Вышел из строя.

Они прошли к дому, и тут Дэвида ждал новый ряд неприятных сюрпризов.

Здание обветшало, выглядело заброшенным, тростник на крыше почернел и прогнил. Стены были грязными, серо-коричневыми, от них пластами отваливалась штукатурка.

Внутри было полно пыли, птичьего помета: в тростниковой крыше поселились птицы и ящерицы.

Противомоскитная сетка, которая должна была защищать веранды от насекомых, разорвалась.

Огород зарос, ограда развалилась. Двор заполнили сорняки, и не только «лендровер» вышел из строя. В имении не оказалось ни одного исправного механизма: водяной насос, цистерна туалета, электрический генератор, другие машины – ничего не действовало.

– Запущено, все жутко запущено, – сказал Дэвид Дебре, когда они сидели на крыльце и пили сладкий чай. К счастью, они догадались захватить запас продуктов.

– О Дэвид. Так жалко. Мне здесь понравилось. Мирно, спокойно. Я чувствую, как меня отпускает.

– Не жалей. Мне ведь не жаль. Старый дом дед построил еще в двадцатые годы, и даже тогда он был не очень хорош. – В голосе Дэвида звучала целеустремленность, решимость, которой она уже так давно не слышала. – Прекрасный предлог все снести и построить заново.

– Наш собственный мир? – спросила она.

– Да, – радостно воскликнул Дэвид. – Именно так!

На следующий день они полетели в Нелспрёйт, ближайший город. Всю следующую неделю заняли планирование и подготовка, и они забыли о других проблемах. Вместе с архитектором они тщательно спланировали новый дом, принимая во внимание все необыч-

ные потребности жильцов – большой, просторный кабинет для Дебры, мастерская и кабинет для Дэвида, кухня, устроенная таким образом, чтобы ею было удобно пользоваться слепой хозяйке, комнаты без опасных углов и ступенек и, наконец, детская. Когда Дэвид описывал это добавление, Дебра осторожно спросила:

– У тебя есть какие-то планы, о которых я должна знать?

– Ты и так о них знаешь, – заверил он ее.

Они спланировали отдельный дом для гостей, снабженный всем необходимым и расположенный довольно далеко от главного дома, а еще в четверти мили – жилье для слуг, заслоненное деревьями и скалой, поднимавшейся за имением.

Дэвид заплатил владельцу строительной фирмы в Нелспрёйте, чтобы тот отодвинул все другие заказы, и рабочие на четырех тяжело груженных машинах приехали в Джабулани.

Они начали сооружение главного дома, а пока они работали, Дэвид приводил в порядок летное поле, чинил водяные насосы и другие механизмы, которые еще можно было запустить. Однако «лендровер» и электрический генератор пришлось поменять.

Через два месяца в новом доме уже можно было жить, и они переселились туда. Дебра установила магнитофоны под большими окнами, выходящими в заросший сад; здесь было прохладно, и ветерок доносил аромат цветов красного жасмина и пуансеттии.

Пока Дэвид приводил Джабулани в пригодное для жизни состояние, Дебра занималась собственными приготовлениями.

Она исследовала и запомнила все ближайшее окружение. Через несколько недель она уже передвигалась по новому дому с уверенностью зрячего и приучила слуг ставить каждый предмет строго на место. И всегда за ней, как черная тень, бежал Зулус, щенок лабрадора. Он очень скоро решил, что Дебра нуждается в постоянном присмотре, и сделал это своей главной задачей.

Он довольно быстро усвоил, что бесполезно смотреть на нее или вилять хвостом: чтобы привлечь внимание хозяйки, нужно было коснуться ее или шумно задышать. Да и в других отношениях хозяйка проявляла слабость ума, а потому помешать ей споткнуться о забытое слугой ведро или не дать упасть со ступенек можно было только, ткнувшись в нее носом или толкнув лапой.

Дебра организовала свой день так, что каждое утро до полудня работала в своем кабинете, а Зулус лежал клубком у ее ног.

В саду за ее окнами Дэвид установил большую купальню для птиц, и фоном для диктофонных записей теперь служил щебет десятка разных пород пернатых. Дебра отыскала в Нелспрёйте машинистку, которая знала иврит, и Дэвид, отправляясь на самолете в город за припасами, увозил с собой записи, а привозил отпечатанные страницы для проверки.

Этим они занимались вместе: Дэвид читал жене машинопись и письма и под диктовку Дебры вносил правку. У него появилась привычка все, от газет до романов, читать вслух.

– Когда ты рядом, нет никакой потребности в Брайле, – заметила Дебра, но ей от него нужны были не только написанные или напечатанные слова. Нужна была каждая подробность, каждая частичка нового окружения. Они никогда не видела ни одной из мириад птиц, которые купались и пили у нее под окнами, но скоро научилась различать их и сразу распознавала новичков.

– Дэвид, вот эта новая, правда? Как она выглядит?

И ему приходилось описывать не только оперение, но и поведение и привычки. А еще он должен был рассказать, насколько новое здание гармонирует с окружающей местностью, живописать прыжки лабрадора Зулуса, или внешность слуг, вид из окна ее кабинета – и сотни других деталей ее новой жизни.

Со временем дом был закончен, и чужаки покинули имение, но только когда из Израиля прибыли ящики с мебелью и другими вещами с улицы Малик, Джабулани начало становиться их подлинным домом.

Стол оливкового дерева поставили под окном в кабинете.

– Я не могла работать по-настоящему, все чего-то не хватало. – Дебра ласково провела пальцами по гладкой черной поверхности. – До сих пор.

Ее книги расставили на полках у стола, и кожаные переплеты очень неплохо смотрелись рядом со звериными шкурами и шерстяными коврами.

Над камином Дэвид повесил пейзаж Эллы Кадеш, причем Дебра ощупью указала ему точное место.

– Ты уверена, что не нужно поднять на шестнадцатую дюйма? – серьезно спросил Дэвид.

– Хватит сомневаться, Морган, я точно знаю, где он должен висеть.

В спальне установили большую медную кровать, постелили кружевное покрывало. Дебра счастливо подпрыгнула на постели.

– Теперь не хватает только одного, – заявила она.

– Чего именно? – с деланным беспокойством спросил он. – Это что-то важное?

– Иди сюда. – Она поманила его пальцем. – Я покажу тебе, насколько это важно.

За все месяцы подготовки они не покидали ближайших окрестностей дома, но вдруг суета и приготовления закончились.

– В нашем распоряжении восемнадцать тысяч акров и множество четвероно их соседей. Давай знакомиться с ними, – предложил Дэвид.

Они захватили холодной еды и втроем сели в «лендровер»; Зулусу отвели заднее сиденье. Дорога, естественно, вела к Жемчужным бусам, потому что именно там был центр всей животной жизни поместья.

Они оставили «лендровер» среди хинных деревьев и пошли к развалинам тростникового летнего домика на берегу главного пруда.

Вода пробудила инстинкты Зулуса, он бросился в озеро и с удовольствием принялся плескаться. Вода была прозрачной, как воздух, но чернела в глубине.

Дэвид порылся во влажной почве и извлек толстого розового дождевого червя. Бросил его в воду, и тут же из глубины метнулась темная тень, длиной в его руку, и разорвала водную гладь.

– Ну и ну! – рассмеялся Дэвид. – Кое-что еще осталось. В следующий раз прихватим удочки. Ребенком я тут проводил целые дни.

Лес был полон воспоминаниями; они брели по нему, и Дэвид рассказывал о своем детстве, но постепенно смолк, и Дебра спросила:

– Что-нибудь не так, Дэвид? – Она научилась чувствовать его настроение.

– Нет животных. – Он говорил удивленно. – Птицы, да. Но мы не встретили ни одного животного, даже дукера,* с тех пор как вышли из дома. – Он остановился там, где берег, не заросший тростником, полого уходил к воде. – Здесь был самый посещаемый водопой. Он был занят днем и ночью, стада буквально стояли в очереди, чтобы напиться. – Дэвид оставил Дебру и подошел к краю воды, старательно осматривая землю. – Ни одного следа, только несколько куду и небольшое стадо бабуинов. Уже несколько месяцев, а может, и лет здесь не появлялись стада.

Когда он вернулся к ней, Дебра мягко спросила:

– Ты расстроен?

– Джабулани без животных ничто, – ответил он. – Пойдем посмотрим остальное. Тут что-то очень странное.

Ленивая прогулка превратилась в отчаянные поиски. Дэвид вглядывался в заросли, изучал поляны, двигался по высохшим ручьям, то и дело останавливая «лендровер» и осматривая местность в надежде найти следы.

– Нет даже импал.** – Он недоумевал и был встревожен. – Их здесь паслись тысячи. Я помню их стада, они, шелковисто-коричневые и грациозные, как балетные танцовщики, стояли буквально под каждым деревом.

Он повернул «лендровер» на север и покатил по заросшей тропе между деревьями.

– Эту траву никто не трогал. Пышная, как на газоне.

К полудню они добрались до пыльной неровной дороги, проходящей по северной границе Джабулани. Ограда вдоль дороги была разрушена, проволочная сетка разорвана и провисла, многие участки просто обвалились.

– Черт знает что, – буркнул Дэвид, поворачивая на дорогу. Они ехали еще две мили, до поворота на усадьбу.

Даже бронзовая доска, которую отец Дэвида повесил на каменном столбе ворот и которой так гордился, покосилась.

– Ну что ж, нам предстоит большая работа, – с некоторым оживлением сказал Дэвид.

Через полмили проселок резко поворачивал, по обе его стороны росла высокая трава, а прямо на дороге стоял великолепный бык куду,*** призрачно-серый, со светлыми полосами на мощном теле. Он высоко поднял голову, вооруженную длинными кривыми черными рогами, и насторожил уши.

Всего долю секунды стоял он так и, хотя до «лендровера» было больше двухсот ярдов, стремительно бросился наутек. Прижав большие рога к спине, он длинными упругими прыжками пробился сквозь кустарник и исчез быстро, как привидение. Дэвид описал его Дебре.

– Он удрал, едва увидев нас. А я помню времена, когда их приходилось палками прогонять из огорода.

Он снова свернул с главной дороги на заросшую тропу, уже густо покрытую молодым подлеском. И направил прочную машину прямо на эту новую поросль.

– Что ты делаешь? – Дебре пришлось перекрикивать треск ломающихся веток.

---

* Южноафриканская антилопа.

** Черно-пятнистая антилопа.

*** Лесная антилопа.

– В этой стране, сбившись с дороги, прокладываешь новую.

Через четыре мили они неожиданно опять выехали на мощеную дорогу у восточной границы Джабулани, отделявшей поместье от национального парка, который был больше всей территории государства Израиль – пять миллионов акров девственного леса, триста восемьдесят пять километров в длину и восемьдесят в ширину, приют для миллиона с лишним животных, наиболее важный очаг дикой жизни, оставшийся в Африке.

Дэвид остановил «лендровер», заглушил мотор и выскочил из машины. Прошло несколько мгновений удивленного гневного молчания, и он начал браниться.

– Ты что так радуешься? – спросила Дебра.

– Ты посмотри, ты только посмотри! – выпалил Дэвид.

– Хотела бы.

– Прости, Деб. Изгородь. Преграда на пути животных.

Восьмифутовая изгородь была изготовлена из тяжелой прочной проволоки на столбах твердого дерева толщиной с человека.

– Они отгородились от нас. Работники национального парка нас отрезали. Неудивительно, что не стало животных.

На обратном пути Дэвид объяснил Дебре, что граница национального парка Крюгера всегда была открыта. Всех это устраивало – обильные пастбища и вода Джабулани помогали стадам заповедника прокормиться в засуху и неурожай.

– Для тебя эта история с дикими животными очень важна? – наконец спросила Дебра. Все время, пока Дэвид говорил, она молча слушала, поглаживая лабрадора по голове.

– Да. Когда они здесь были, я считал это само собой разумеющимся. Но вот они исчезли, и это очень важно. – Неожиданно он горько рассмеялся. – Интересно, как часто в Африке повторяли эти слова: теперь они исчезли, и это важно.

Милю или две они ехали молча, потом Дэвид решительно сказал:

– Я заставлю их снести изгородь. Они не имеют права так отрезать нас. Я немедленно свяжусь с главным хранителем.

Дэвид помнил Конрада Берга с детства: тогда тот еще не был главным хранителем, а распоряжался южной частью парка. В течение многих лет его окружали легенды, и две из них ясно показывали, что это за человек.

Однажды в заповеднике у него вышла из строя машина, и он пошел пешком. На него напал взрослый самец-лев. В схватке Берг был серьезно ранен, у него было сорвано мясо со спины и плеча, прокушена рука. Но он умудрился убить животное маленьким ножом. Он бил его в горло до тех пор, пока не попал в яремную вену. Потом встал и прошел за ночь еще пять миль, а стая гиен сопровождала его, ожидая, когда он упадет.

В другом случае один из владельцев соседних с парком поместий убил льва в пределах территории парка, за полмили от границы. Браконьер был влиятельным человеком, он занимал важный пост в правительстве и посмеялся над Конрадом Бергом.

– И что же вы собираетесь делать, мой друг? Вам не нравится ваша работа?

Упрямо преодолевая давление сверху, Берг собрал необходимые доказательства и обратился в суд. По мере приближения дня суда нажим становился все сильнее, но Берг не дрогнул. Важное лицо предстало перед судом и было наказано. Его приговорили к тысяче фунтов штрафа и к шести месяцам принудительных работ.

Впоследствии он пожал Бергу руку и сказал:

– Спасибо за урок мужества.

Возможно, именно из-за этого случая Берг был назначен главным хранителем.

Он стоял у проволочной изгороди в условленном по телефону месте встречи. Рослый, широкоплечий, крупный, мускулистый, с толстыми мощными руками в шрамах после нападения льва, с красным загорелым лицом.

На нем было летнее обмундирование и фетровая шляпа с мягкими полями – форма работников парка, а на рукаве зеленые нашивки.

За ним стоял грузовик «шеви» с эмблемой парка на дверце, на сиденьях два чернокожих егеря. Один из них держал тяжелое ружье.

Берг стоял с мрачным лицом, сжимая кулаки, сдвинув шляпу на затылок. Он так напоминал дикого самца, охраняющего свою территорию, что Дэвид негромко шепнул Дебре:

– Нас ждут неприятности.

Он остановил машину у изгороди, вместе с Деброй они вышли и направились к проволоке.

– Мистер Берг. Я Дэвид Морган. Я помню вас с детства. Мой отец был хозяином Джабулани. Позвольте представить мою жену.

Лицо Берга дрогнуло. Естественно, он слышал рассказы о новых хозяевах Джабулани: местность изолированная, а его работа заключалась в том, чтобы знать обо всем происходящем. Но он не готов был увидеть страшно изуродованного молодого человека и его прекрасную слепую жену.

С неловкой галантностью Берг снял шляпу, но понял, что Дебра не видит его жеста. Он пробормотал приветствие и, когда Дэвид просунул руку сквозь изгородь, осторожно пожал ее.

Дэвид и Дебра вместе направили все свое обаяние на Берга, человека простого и прямого. Он медленно оттаивал. Восхитился Зулусом: у него тоже были лабрадоры, и это послужило темой для разговора, пока Дебра доставала и открывала термос с кофе, а Дэвид наполнил для всех чашки.

– А это не Сэм? – Дэвид указал на егеря, державшего ружье Берга.

– Ja, – осторожно согласился Берг.

– Раньше он работал в Джабулани.

– Он пришел ко мне по собственному желанию, – объяснил Берг, отводя невысказанный упрек.

– Он меня, конечно, не узнает, особенно с моей нынешней внешностью. Но он отличный смотритель, и без него у нас все пришло в упадок, – сообщил Дэвид, прежде чем начать наступление. – И еще нас уничтожила эта ваша изгородь. – Дэвид пнул один из столбов.

– Неужели? – Берг взболтал кофейную гущу и выплеснул ее.

– Зачем вы это сделали?

– У меня было достаточно оснований.

– Отец заключил с советом парка джентльменское соглашение: граница всегда остается открытой. У нас есть пастбища и вода, которые вам нужны.

– При всем уважении к покойному мистеру Моргану, – тяжело сказал Берг, – я всегда был противником открытых границ.

– Почему?

– Ваш батюшка был спортсменом. – Он выплюнул это слово, словно гнилое мясо. – Когда мои львы, узнав его, привыкали держаться по эту сторону границы, он приводил пару ослов и привязывал их на своей стороне. Искушал львов.

Дэвид открыл рот, собираясь возразить, и медленно закрыл. Его лицо под шрамами вспыхнуло от стыда. Берг говорил правду: он помнил ослов и мягкие, влажные львиные шкуры, расстеленные для просушки возле дома.

– Он никогда не браконьерствовал, – защищал Дэвид отца. – У него была лицензия владельца, и все львы были застрелены на его территории.

– Да, он не браконьерствовал, – признал Берг. – Для этого он был слишком умен. Знал, что я нацеплю ему на хвост такую ракету, что он окажется первым человеком на луне.

– Вот почему вы поставили изгородь.

– Нет.

– Но тогда почему?

– Потому что четырнадцать лет хозяин Джабулани отсутствовал и ему было плевать, что тут творится. Старый Сэм, – указал он на егеря в грузовике, – делал, что мог, но это поместье превратилось в рай для браконьеров. Ваши хваленые пастбища и вода притягивали мою дичь из парка, и ее убивал любой спортсмен, у которого зачесался палец на курке. Когда Сэм попытался что-то сделать, его сильно избили, а когда он и после этого не угомонился, кто-то поджег его хижину. Двое его детей сгорели...

Дэвид почувствовал, как все в нем дрожит при мысли о пламени, пожирающем плоть.

– Я не знал, – произнес он, чувствуя неловкость.

– Да, вы были слишком увлечены деланием денег, или какое там у вас еще занятие. – Берг рассердился. – Тогда Сэм пришел ко мне, и я взял его на работу. И поставил изгородь.

– В Джабулани ничего не осталось, несколько куду да пара дукеров – вся остальная дичь ушла.

– Вы правы. Им понадобилось немного времени, чтобы всех перебить.

– Я хочу вернуть животных.

– Зачем? – фыркнул Берг. – Чтобы стать спортсменом, как ваш батюшка? Чтобы привозить на уик-энд приятелей из Йобурга и бить моих львов? – Берг взглянул на Дебру, и его красное лицо мгновенно побагровело пуще прежнего. – Простите, миссис Морган, сорвалось.

– Все в порядке, мистер Берг. По-моему, вы выразились очень красочно.

– Благодарю вас, мэм. – И он сердито повернулся к Дэвиду. – Частное сафари Моргана – это вам нужно?

– Я не позволю сделать ни одного выстрела в Джабулани, – сказал Дэвид.

– Конечно – только для пропитания. Обычная история. Для пропитания – и битва при Ватерлоо начнется заново.

– Нет, – ответил Дэвид. – Для пропитания – тоже нет.

– Будете покупать мясо? – недоверчиво спросил Берг.

– Послушайте, мистер Берг. Если вы снесете изгородь, я провозглашу Джабулани частным природным заповедником.

Берг собирался что-то сказать, но заявление Дэвида лишило его дара речи, и он замер с открытым ртом. Потом он медленно закрыл его.

– Вы понимаете, что это значит? – вымолвил он наконец. – Вы полностью перейдете под нашу юрисдикцию. Мы свяжем вас договором и другими документами. Никакой лицензии владельца, никакой стрельбы по львам, даже если они – на вашем скотном дворе.

– Да, знаю. Я изучал этот закон. Но есть кое-что еще. Я обнесу остальные три стороны Джабулани изгородью и буду содержать достаточный, с вашей точки зрения, штат егерей – все за мой счет.

Конрад Берг задумчиво приподнял шляпу и почесал редкие волосы на затылке.

– Парень, ну что я могу на это ответить? – Он заулыбался, впервые за все время встречи. – Похоже, вы настроены серьезно.

– Мы с женой собираемся находиться здесь постоянно. И не хотим жить в пустыне.

– Ja, – кивнул Берг, вполне понимая, что должен чувствовать в таком случае мужчина. Сильное отвращение, которое он испытал вначале при виде этого уродливого лица, быстро рассеивалось.

– Я думаю, прежде всего мы должны позаботиться о ваших браконьерах. Поймаем парочку, пусть будет наука всем прочим, – продолжал Дэвид.

Широкое лицо Берга расплылось в счастливой улыбке.

– Я думаю, мне начинает нравиться ваше соседство. – Он снова просунул руку через изгородь. Давид сморщился, когда его ладонь исчезла в огромной ладони Берга.

– Приедете к нам сегодня на обед? Вместе с супругой? – с облегчением спросила Дебра.

– С величайшим удовольствием, мэм.

– Я припас бутылочку виски, – произнес Дэвид.

– Вы очень добры, – серьезно сказал Берг, – но мы с миссус пьем только английский джин «Олд бак», разбавленный водой.

– Это мы устроим, – так же серьезно заверил его Дэвид.

Джейн Берг оказалась хрупкой женщиной, ровесницей мужа. У нее было сухое лицо, морщинистое и загорелое. Волосы выгорели на солнце и поседели, и, как заметила Дебра, на всем свете Берг, вероятно, побаивался только ее.

– Вот что я скажу, Конни. – Этого было достаточно, чтобы прервать поток красноречия могучего мужа; стоило ей только взглянуть на свой пустой стакан, и супруг со слоновьей торопливостью бросался его наполнять. Конраду с большим трудом удавалось заканчивать свои истории, потому что Джейн все время вторила ему, а он терпеливо ждал, пока она закончит.

Дебра тщательно продумала главное блюдо, чтобы никого не оскорбить. Она взяла из морозильника бифштексы. Конрад с нескрываемым удовольствием съел четыре, хотя отказался от вина, предложенного Дэвидом.

– Это яд. Сгубил моего дядю. – И сохранил верность джину «Олд бак» даже за десертом.

Потом они сидели у огромного очага, в котором пылали целые стволы, и Конрад – с помощью Джейн – объяснял, какие проблемы ждут Дэвида в Джабулани.

– Иногда черные приходят с племенных территорий на севере...

– Или из-за реки, – добавила Джейн.

– Или из-за реки, но не это главная беда. Они обычно ограничиваются силками и много не убивают...

– Но страшно смотреть, как мучаются бедные животные. Они несколько дней проводят в ловушке, и проволока разрезает им тело до кости, – вмешалась Джейн.

– Я уже сказал, как только у нас появится несколько егерей, это немедленно прекратится. Истинный ущерб наносят белые браконьеры с их современными ружьями и охотничьими лампами...

– Лампами-убийцами, – поправила Джейн.

– Лампами-убийцами. Они за пару сезонов прикончили всю дичь у вас в Джабулани.

– Откуда они? – спросил Дэвид, чувствуя, как его охватывает гнев, тот самый гнев пастуха-защитника, что он испытывал в небе Израиля.

– В пятидесяти милях к северу, в Фалаборе, медная шахта, там сотни скучающих рабочих, которые любят мясо. Они приходили и убивали все живое, но теперь им незачем здесь появляться. И к тому же они всего лишь любители, браконьеры на уик-энд.

– А кто же профессионалы?

– Там, где дорога из Джабулани соединяется с большим национальным шоссе, в тридцати милях отсюда...

– В местечке, которое называется Бандольер-Хилл, – подсказала Джейн.

– ...есть универсальный магазин. Одна из тех торговых точек, что живут не за счет торговли на дороге, а за счет окружающих племен. Владелец магазина здесь уже восемь лет, и я все время за ним охочусь, но это хитрый ублюдок... простите, миссис Морган... – хитрее я не встречал.

– Это он и есть? – спросил Дэвид.

– Да, – кивнул Берг. – Поймайте его, и с половиной ваших бед будет покончено.

– Как его зовут?

– Эккерс. Иоганн Эккерс, – сообщила Джейн с легкой запинкой из-за выпитого джина.

– Как нам схватить его за руку? – задумался Дэвид. – В Джабулани теперь нет ничего соблазнительного. Несколько последних куду совершенно одичали, да и не стоят они усилий.

– Примерно к середине сентября у вас появится чем искусить его...

– Скорее в первую неделю, – твердо сказала Джейн, поправив слегка разлохматившиеся волосы.

– ...в первую неделю сентября начнут плодоносить деревья марула у ваших прудов, и мои слоны навестят вас. Когда появляются ягоды марула, они не могут устоять, сносят изгородь и идут туда. И прежде чем я успеваю восстановить изгородь, вслед за джамбо на вашу сторону уходит немало другой дичи. Можем поспорить на что угодно: наш друг Эккерс сейчас смазывает ружья и пускает слюнки. О том, что изгородь снесена, он узнает через час.

– Но его будет ждать сюрприз.

– Будем надеяться.

– Я думаю, – негромко добавил Дэвид, – что завтра нам следует съездить в Бандольер-Хилл и взглянуть на этого джентльмена.

– В одном можете быть уверены, – все же выговорила Джейн Берг, – он не джентльмен.

Дорога на Бандольер-Хилл была изрыта глубокими колдобинами и покрыта толстым слоем белой пыли, которая столбом вздымалась за «лендровером» и долго потом висела в воздухе. Сам холм,* круглый и лесистый, стоял в стороне от главного шоссе, покрытого щебенкой.

---

* Хилл, Hill, по-английски холм.

Магазин располагался ярдах в пятистах от перекрестка, в глубине рощи манговых деревьев с темно-зеленой блестящей листвой. Такие торговые точки встречаются по всей Африке – некрасивое кирпичное здание с голой гофрированной крышей, стены увешаны рекламными плакатами, расхваливающими товары – от чая до батареек.

Дэвид остановил «лендровер» в глубине пыльного двора у крыльца со ступеньками. Над крыльцом висела поблекшая вывеска: «Универсальный магазин Бандольер-Хилл».

Сбоку стоял старый зеленый грузовик «форд» с местным номером. В тени крыльца сидело с десяток потенциальных покупателей, женщины с племенных территорий, одетые в длинные хлопчатобумажные платья; их неопределенного возраста терпеливые лица не отразили никакого интереса к пассажирам «лендровера». Одна из женщин кормила ребенка большой длинной грудью; ребенок стоял рядом с ней и смотрел на прибывших, не вынимая изо рта морщинистый черный сосок.

В центре двора помещался толстый гладкий столб высотой пятнадцать футов, а на его вершине – деревянное сооружение, похожее на собачью конуру. Дэвид вскрикнул: из конуры показалось большое лохматое животное. Оно в быстром падении спустилось вниз, легко, как птица; к столбу одним концом была приделана прочная цепь, другой ее конец крепился к толстому кожаному ремню на шее животного.

– Я такого большого самца бабуина никогда не видел. – Дэвид быстро описал его Дебре, а бабуин подошел, насколько позволяла привязь, и, упираясь кулаками в землю, принялся неторопливо обходить вокруг столба, таща за собой цепь. Он шел высокомерно, распушив густую шерсть. Завершив круг, сел против «лендровера» в отвратительно человекоподобной позе, выставил вперед нижнюю челюсть и принялся разглядывать чужаков маленькими, близко посаженными глазами.

– Отвратительное животное, – сказал Дэвид Дебре. – Весит не менее девяноста фунтов, с длинной собачьей мордой и мощными желтыми зубами. После гиены это самое мерзкое животное вельда – хитрое, жестокое, алчное: все пороки человека и никаких его добродетелей.

Бабуин смотрел не мигая и каждые несколько секунд агрессивно наклонял голову.

Пока Дэвид разглядывал обезьяну, из магазина вышел мужчина и прислонился к одной из опор веранды.

– Чем могу быть полезен, мистер Морган? – спросил он с сильным акцентом. Высокий и поджарый, одетый в слегка измятые и не совсем чистые брюки цвета хаки и рубашку с открытым воротником, в тяжелых ботинках.

– Откуда вы меня знаете? – Дэвид поднял голову и увидел мужчину средних лет, его седеющие волосы были коротко острижены. В искусственных зубах – черная жевательная резинка, кожа обтягивала скулы, глубоко посаженные глаза придавали лицу сходство с черепом. В ответ на вопрос Дэвида он улыбнулся.

– Это можете быть только вы – лицо в шрамах и слепая жена. Новый владелец Джабулани. Я слышал, вы построили новый дом и собираетесь жить там.

У мужчины были огромные руки, не соответствующие размерам тела, явно очень сильные, а мышцы на них – тугие, как канаты.

Он небрежно прислонился к опоре, достал из кармана складной нож и палочку вяленого мяса – джерки Северной Америки, букан района Карибского моря, билтонг Африки, – отрезал кусок, как от плитки табака, и сунул в рот.

– Я спросил – чем могу быть полезен? – Он жевал шумно, при каждом укусе его зубы скрипели.

– Мне нужны гвозди и краска. – Дэвид выбрался из «лендровера».

– Я слышал, вы все покупаете в Нелспрёйте. – Эккерс с расчетливой наглостью осмотрел его с ног до головы, особенно внимательно разглядывая обезображенное лицо. Дэвид увидел, что у него мутно-зеленоватые глаза.

– Я думал, закон запрещает держать на цепи диких животных. – Эккерс сразу вызвал у Дэвида неприязнь, и это отразилось в его тоне.

Эккерс, продолжая жевать, улыбнулся.

– Вы юрист?

– Просто спросил.

– У меня есть разрешение, хотите взглянуть?

Дэвид покачал головой, повернулся к Дебре и на иврите быстро описал ей Эккерса.

– Я думаю, мы теперь знаем, что нас ждет; он напрашивается на неприятности.

– Я останусь в машине, – сообщила Дебра.

– Хорошо. – Дэвид поднялся по ступеням.

– Так как же насчет краски и гвоздей? – спросил он Эккерса.

– Заходите. – Тот продолжал улыбаться. – У меня там помощник-ниггер, он вам все покажет.

Дэвид поколебался, потом вошел в здание. Внутри пахло карболовым мылом, керосином и кукурузной мукой. На полках были разложены дешевые товары, патентованные лекарства, одеяла, груды набивных тканей. С потолка свисали связки старых армейских ботинок и мундиров, топоры и полевые лампы. Пол был уставлен жестяными трубами, кирками, мешками с мукой и сотнями других предметов, которые составляют традиционный запас товаров сельского торговца. Дэвид нашел африканца-помощника и занялся покупками.

Снаружи Дебра вышла из «лендровера» и прислонилась к дверце. Лабрадор выполз за ней и начал с интересом обнюхивать бетонные опоры веранды там, где до него другие собаки обрызгали штукатурку.

– Хорошая собака, – сказал Эккерс.

– Спасибо. – Дебра вежливо кивнула.

Эккерс искоса взглянул на своего бабуина, и неожиданно лицо его приобрело коварное выражение. Нить понимания протянулась между человеком и животным. Бабуин нервно склонил голову, потом встал на четвереньки и побрел назад к столбу. Он быстро взлетел наверх и исчез в своей конуре.

Эккерс кивнул и тщательно отрезал ломтик билтонга.

– Вам нравится в Джабулани? – спросил он у Дебры, протягивая вяленое мясо собаке.

– Мы там счастливы, – сдержанно ответила Дебра, не желая вступать в разговор.

Зулус обнюхал протянутый кусок, и хвост его заходил, как метроном. Ни одна собака не устоит перед насыщенным запахом и вкусом билтонга. Пес жадно проглотил мясо. Эккерс еще дважды давал ему кусочки. Глаза у Зулуса блестели, пасть покрылась слюной.

Ожидающие в тени веранды женщины теперь смотрели с живым интересом. Они уже видели, как это происходит с собаками, и теперь ждали. Дэвид находился в здании. Дебра ни о чем не подозревала.

Эккерс отрезал большой кусок мяса и показал Зулусу, но когда тот потянулся за ним, отвел руку, дразня собаку. Узнав вкус билтонга, Зулус снова двинулся к мясу. И снова в последний момент мясо убрали. Черный нос Зулуса беспокойно дрожал, мягкие уши поднялись.

Эккерс спустился по ступенькам, Зулус охотно последовал за ним. Тогда Эккерс еще раз дал обнюхать собаке мясо, потом негромко, но убедительно сказал:

– На, парень. – И бросил кусок к основанию столба бабуина.

Зулус, по-щенячьи чуточку неуклюжий, поскакал вперед и оказался в круге, где земля была плотно утрамбована лапами обезьяны. Он подбежал к столбу и жадно схватил кусок мяса.

Бабуин коричнево-серым неясным пятном мелькнул у выхода из конуры и спикировал на пятнадцать футов; лапы его были расставлены, пасть раскрыта, торчали ужасные клыки, длинные, желтые, острые. Он молча ударился о землю – мышцы погасили удар – и бросил свое длинное сильное тело на ничего не подозревающего щенка. Бабуин двинул Зулуса плечом, всеми своими девяноста фунтами.

Зулус перевернулся, с испуганным визгом прокатился на спине, но встать не успел: бабуин набросился на него.

Дебра услышала визг щенка и двинулась вперед, удивленная, но еще не встревоженная.

Зулус лежал на спине, его живот, чуть прикрытый шелковистой черной шерстью, был незащищен, жалобно торчал маленький пенис. Бабуин прыгнул прямо на щенка, прижал его мощными волосатыми лапами, наклонил голову и погрузил длинные желтые клыки в живот.

Зулус страшно кричал от боли. Дебра тоже закричала и кинулась к нему.

Эккерс выставил ногу, когда она пробегала мимо него, и Дебра упала.

– Осторожнее, леди, – бросил он, по-прежнему улыбаясь. – Вы можете пострадать, если вмешаетесь.

Бабуин впился длинными клыками в щенка, потом с силой отбросил его. Живот Зулуса разорвался, показались розовые внутренности, они свисали с челюстей бабуина.

Щенок снова завизжал, и Дебра слепо покатилась, пытаясь встать.

– Дэвид! – дико заорала она. – Дэвид, на помощь!

Дэвид выбежал из здания; остановившись, он мгновенно окинул взором происходящее и выхватил кирку из груды лежавших у двери. Спрыгнул с веранды и в три огромных прыжка оказался возле щенка.

Бабуин увидел его и выпустил жертву. С невероятным проворством он повернулся, подскочил к столбу, взлетел по нему к конуре. Клыки его покраснели от крови, он ревел, подпрыгивая от возбуждения и торжества.

Дэвид бросил кирку и осторожно поднял искалеченное тельце. Отнес Зулуса в «ленд-ровер», разорвал куртку на полосы и попытался перевязать живот, кулаком вталкивая внутренности в рану.

– Дэвид, что это? – умоляла Дебра; он в нескольких сжатых фразах на иврите объяснил ей, что произошло.

– Садись, – попросил он, и она разместилась на пассажирском сиденье «лендровера». Он положил ей на колени раненого лабрадора и побежал к водительскому месту.

Эккерс стоял у входа в магазин, заложив большие пальцы за подтяжки, и хохотал. При этом искусственные зубы его челюсти лязгали; смеясь, он покачивался взад и вперед.

Бабуин в своей конуре торжествующе вопил, разделяя веселье своего хозяина.

– Эй, мистер Морган, – съязвил Эккерс, – гвозди не забудьте.

Дэвид повернулся к нему. Лицо его вспыхнуло, шрамы, покрывавшие щеки и лоб, покраснели, глаза сверкали страшным гневом. Он начал подниматься по ступенькам. Рот его превратился в тонкую бледную щель, он сжал кулаки.

Эккерс быстро сделал шаг назад и протянул руку под прилавок. Поднял крупнокалиберную двустволку и быстрым движением взвел оба курка.

– Самозащита, мистер Морган, в присутствии свидетелей, – с садистской радостью усмехнулся он. – Еще шаг, и мы посмотрим и на ваши кишки.

Дэвид остановился. Ружье было нацелено ему в живот.

– Дэвид, быстрее, пожалуйста, быстрее! – беспокойно крикнула из «лендровера» Дебра, держа обмякшего щенка на коленях.

– Мы еще встретимся, – хрипло сказал Дэвид.

– Это будет забавно, – ответил Эккерс.

Дэвид развернулся и сбежал со ступенек.

Эккерс смотрел вслед «лендроверу», пока тот не повернул и не исчез в облаке пыли, потом отставил ружье. Вышел на солнце. Бабуин спустился со столба и подбежал к нему. Обнял его, прильнул, как ребенок.

Эккерс достал из кармана конфету и нежно сунул ее в ужасные желтые клыки.

– Ах ты, старина, – посмеивался он, почесывая череп обезьяны, а бабуин сморщил морду со щелочками глаз и негромко забормотал.

Несмотря на плохую дорогу, Дэвид доехал до Джабулани за двадцать пять минут. Он резко затормозил у ангара и, подхватив щенка, побежал к самолету.

Во время полета Дебра держала Зулуса на руках, и ее юбка была влажна от темной крови. Щенок успокоился, притих и лишь изредка стонал. Дэвид по радио попросил встретить их в Нелспрёйте на машине, и через сорок пять минут после взлета Зулус уже лежал на операционном столе в ветеринарной клинике.

В течение двух часов хирург сосредоточенно работал, сшивая разорванные внутренности и мышцы живота.

Зулус был тяжело ранен, большую опасность представляла инфекция, поэтому они не решились возвращаться в Джабулани, пока существует угроза. Пять дней спустя они улетели домой. Щенок был еще слаб, но опасность миновала. Дэвид изменил курс, чтобы пролететь над универсальным магазином в Бандольер-Хилле.

Железная крыша сверкала на солнце, как зеркало, и Дэвид ощутил гнев, холодный, суровый, непримиримый.

– Этот человек опасен, – сказал он. – По-настоящему опасен для нас и для того, что мы собираемся сделать в Джабулани.

Дебра согласно кивнула, гладя голову щенка, но не решилась заговорить. Гнев ее был так же яростен, как гнев Дэвида.

– Я до него доберусь, – пообещал Дэвид, и в памяти его всплыли слова Брига: «Единственное оправдание насилия – стремление защитить то, что принадлежит тебе».

Он круто свернул и нацелился на посадочную полосу Джабулани.

Конрад Берг приехал, чтобы еще раз отведать джина «Олд бак», он сообщил Дэвиду, что его просьба объявить Джабулани частным природным заповедником одобрена советом, вскоре будут готовы необходимые документы.

– Хотите, чтобы я снес изгородь?

– Нет, – мрачно ответил Дэвид. – Пусть стоит. Не хочу спугнуть Эккерса.

– Ja, – тяжело согласился Берг. – Нам нужно поймать его. – Он подозвал Зулуса и осмотрел зигзагообразный шрам на животе щенка. – Сволочь, – пробормотал он и виновато оглянулся на Дебру. – Простите, миссис Морган.

– Я совершенно с вами согласна, мистер Берг, – негромко отозвалась она; Зулус внимательно смотрел на ее губы, слегка наклонив голову.

Как все молодые существа, он выздоравливал быстро и без последствий.

Деревья марула, большими рощами подступавшие к подножиям холмов вдоль Жемчужных бус, зацвели.

Прямые мощные стволы, обширная ветвистая густая крона и красные цветы являли собой великолепное зрелище.

Почти ежедневно Дэвид и Дебра бродили по окрестностям, спускались по тропе к пруду, и во время этих неторопливых прогулок Зулус набирался сил; прогулка всегда заканчивалась плаванием, после чего он обычно стряхивал океан брызг на ближайшего соседа.

Потом ветви деревьев густо покрылись похожими на сливы зелеными плодами, которые начали желтеть, созревая, и теплый вечерний ветер далеко разносил их дрожжевой запах.

Со стороны Саби в ожидании богатого урожая марулы пришло стадо. Его вели два старых самца, которые вот уже сорок лет совершали ежегодное паломничество к Жемчужным бусам. С ними было пятнадцать кормящих самок, множество детенышей и молодь.

Они медленно двигались с юга, кормились по пути, мелькали в открытом буше, как призрачные серые галеоны, в их перегруженных животах урчало. Иногда внимание какого-нибудь из самцов привлекало отдельное дерево, он упирался лбом в ствол и, ритмично раскачиваясь, набирал инерцию, потом неожиданно напрягался и с треском валил дерево. Удовольствовавшись несколькими охапками нежной листвы, он отправлялся дальше на север.

Когда они добрались до изгороди Конрада Берга, два самца прошли вперед и осмотрели ее, стоя рядом, словно советовались, размахивая большими серыми ушами; каждые несколько минут они набирали хоботом песок и бросали себе на спину, отгоняя назойливых мух.

Они бродили уже сорок лет и прекрасно знали границы заповедника. Разглядывая изгородь, они будто сознавали, что ее разрушение – преступный акт, он повредит их репутации и положению.

Конрад Берг совершенно серьезно обсуждал с Дэвидом, как «его» слоны представляют себе, что хорошо, а что плохо. Он говорил он них, как о школьниках, которые обязаны вести себя прилично, а когда совершают проступок, их наказывают.

Наказание заключалось в том, что слонов отгоняли, стреляли в них снотворным, а в крайнем случае – тяжелыми пулями. Последнее наказание предназначалось для неисправимых, для тех, что травили культурные посадки, преследовали машины и представляли опасность для людей.

Испытывая сильное искушение, самцы отошли от изгороди и вернулись к пасущемуся среди деревьев стаду, которое терпеливо дожидалось их решения. Три дня стадо бродило вдоль изгороди, паслось, отдыхало, ждало, потом ветер вдруг резко изменился и принес с собой густой, клейкий, сладкий запах плодов марулы.

Дэвид остановил «лендровер» на мощеной дороге и радостно рассмеялся.

– Прощай, изгородь Конни!

Из соображениям престижа, а может, просто из озорства, во имя радости разрушения, ни один слон не воспользуется пробоиной, сделанной другим.

Каждый из них выбрал собственный столб, твердое дерево, углубленное в цемент, и без всяких усилий сломал его на уровне земли. Целая миля изгороди была снесена, проволочная сетка лежала на просеке.

Слоны использовали сломанные столбы в качестве мосточков, чтобы не пораниться об острые концы колючей проволоки. Миновав изгородь, они собрались на берегу пруда и всю ночь пировали, пожирая желтые ягоды; на рассвете они перебрались через снесенную ограду в безопасность парка. Возможно, их гнало чувство вины и раскаяния, и они надеялись, что Конрад Берг обвинит какое-нибудь другое стадо.

Теперь на пути других животных, которые давно стремились к тучным пастбищам и сладкой воде, больше не было преграды.

Уродливые маленькие голубые гну с чудовищными головами, нелепыми воинственными гривами и изогнутыми рогами напоминали могучих быков. Комедианты буша, они прыгали от радости и кругами носились друг за другом. Их спутники, зебры, вели себя с бóльшим достоинством и, не обращая внимания на это шутовство, деловито проходили мимо упавших столбов. Их полосатые крупы блестели, головы и уши были настороженно подняты.

Берг встретил Дэвида у остатков изгороди; он выбрался из своего грузовика и осторожно перелез через проволоку. Его сопровождал Сэм.

Конрад покачал головой, осматривая разрушения и печально усмехаясь.

– Это старый Мохаммед и его приятель Одноглазый, я узнал их след. Ишь, не могли удержаться, мерзавцы... – И он быстро взглянул на сидевшую в «лендровере» Дебру.

– Вы совершенно правы, мистер Берг, – предупредила она его извинения.

Сэм прохаживался взад и вперед вдоль дороги, потом подошел к ним.

– Добрый день, Сэм, – поздоровался Дэвид. Сэма пришлось очень долго убеждать, что это ужасное изуродованное лицо принадлежит молодому нкози Дэвиду, которого Сэм учил идти по следу, стрелять и забирать из диких ульев мед, не потревожив пчел.

Сэм цветисто приветствовал Дэвида. Он очень серьезно относился к своей форме и держался с большим достоинством. Трудно было определить его возраст (у него было широкое, плоское, лунообразное лицо нгуни, аристократического воинственного племени Африки), в его густых кудрях, на висках под мягкой фетровой шляпой, появились белые полоски, а Дэвид знал, что до своего ухода Сэм проработал в Джабулани сорок лет. Вероятно, сейчас ему было около шестидесяти.

Он быстро доложил Конраду о своих наблюдениях, описал виды животных, перешедших через изгородь, и их количество.

– Еще стадо буйволов, сорок три штуки. – Сэм говорил по-зулусски, и Дэвид понимал его. – Те самые, что были на водопое у дамбы Райпейп вблизи Хлангулене.

– Эккерс бегом прибежит: из филе буйвола получается лучший билтонг, – сухо заметил Конрад.

– Когда он узнает, что изгородь снесена? – спросил Дэвид. Конрад пустился в длинный разговор с Сэмом, и после нескольких фраз Дэвид перестал понимать, о чем идет речь. Но в конце концов Конрад перевел:

– Сэм говорит, что он уже знает. Все ваши слуги и их жены покупают товары в его магазине, и он платит им за такую информацию. Оказывается, между Сэмом и Эккерсом кровная вражда. Сэм подозревает, что именно Эккерс организовал ту засаду ночью на дороге, когда его избили. Сэм три месяца пролежал тогда в больнице. Он считает, что это Эккерс поджег его дом, чтобы изгнать из Джабулани.

– Все сходится, верно? – сказал Дэвид.

– Старина Сэм постарается помочь нам поймать Эккерса, и у него есть свой план действий.

– Давайте послушаем.

– Ну, пока вы в Джабулани, Эккерс будет приходить только по ночам и стрелять в свете лампы. Он все здесь знает, и его не поймать.

– Итак?

– Вы должны сказать слугам, что уезжаете на две недели, отправляетесь по делам в Кейптаун. Эккерс узнает сразу, как только вы уедете, и поверит, что Джабулани в его распоряжении...

Примерно с час они обсуждали подробности, потом обменялись рукопожатием и расстались.

Возвращаясь домой, они выехали из леса на открытую поляну, поросшую высокой травой, и Дэвид увидел ослепительно белых цапель, плывущих, как снежные хлопья, над качающимися верхушками золотистой травы.

– Там что-то есть, – объявил он и выключил двигатель. Они терпеливо ждали, пока Дэвид не увидел движение в траве, стебли расступались и смыкались, пропуская тяжелые тела. Потом медленно поплыл ряд из трех сидящих цапель, их несло на спине скрытое растительностью животное.

– Буйвол! – воскликнул Дэвид, когда из травы показался большой черный силуэт. Буйвол остановился, увидев в тени деревьев «лендровер», и, высоко подняв морду, принялся рассматривать его из-под широких рогов. Он не встревожился: животные в парке привыкают к человеку почти так же, как домашний скот.

Постепенно из высокой травы появилось все стадо. Каждое животное, в свою очередь, осматривало машину и вновь принималось щипать траву. Всего буйволов оказалось сорок три, как и определил Сэм, и среди них – несколько старых самцов не менее пяти с половиной футов в холке и весом в две тысячи фунтов. Рога их росли из центра головы, из массивного утолщения, и закруглялись к тупым концам, поверхность блестела, как отполированная.

Возле тяжелых тел и мохнатых ног буйволов вились многочисленные пестрые птицы с алыми клювами и блестящими маленькими глазками. Они выклевывали клещей и других кровососущих насекомых. Время от времени один из могучих буйволов фыркал и вздрагивал, обмахиваясь хвостом, когда острый клюв болезненно задевал уязвимые части тела – под хвостом или у свисающей тяжелой мошонки. Птицы, трепеща крыльями, чирикая, разлетались, ждали, пока буйвол успокоится, и возвращались к своему занятию.

Дэвид фотографировал стадо, пока не стемнело, и домой они приехали в темноте.

За ужином Дэвид открыл бутылку вина, и они выпили ее на веранде, сидя рядом и вслушиваясь в ночные звуки буша: крики ночных птиц, гудение насекомых и их удары о проволочную сетку, шуршание мелких животных.

– Помнишь, я как-то сказала тебе, что ты избалован и не годишься для брака? – негромко спросила Дебра, прижавшись головой к его плечу.

– Я этого никогда не забуду.

– Готова официально отказаться от своих слов, – продолжала она, и Дэвид осторожно отодвинулся, чтобы видеть ее лицо. Почувствовав на себе его взгляд, она расцвела легкой застенчивой улыбкой. – Я влюбилась в испорченного мальчишку, который думал только о скоростных автомобилях и ближайшей юбке, – сказала она. – Теперь передо мной мужчина, взрослый мужчина. – Она снова улыбнулась. – И он мне нравится еще больше.

Он привлек Дебру к себе, их губы слились в долгом поцелуе, наконец она счастливо вздохнула и снова положила голову ему на плечо. Некоторое время они молчали, потом Дебра снова заговорила:

– Эти дикие животные столько для тебя значат...

– Да, – подбодрил он ее.

– Я начинаю понимать. Я их никогда не видела, но и для меня они становятся важны.

– Я рад.

– Дэвид, это наше место, оно такое мирное, такое совершенное. Маленький рай до грехопадения.

– Мы превратим его в рай, – пообещал он...

Ночью его разбудили выстрелы. Он живо поднялся, оставив Дебру спокойно спать в теплой постели, и вышел на веранду.

Звуки возобновились, едва слышные в тишине ночи; расстояние превратило их в легкие хлопки. Он почувствовал, что в нем пробуждается гнев, представил себе, как длинный белый луч прожектора рыщет по лесу, пока не выхватит из мрака ошарашенное животное; оно ошеломленно застывает, глаза сверкают, как драгоценности, – отличная мишень для телескопического прицела.

Затем вдруг выстрел нарушает тишину, длинное пламя вырывается из ствола. Прекрасная голова под ударом пули откидывается назад, тело с глухим стуком падает на жесткую землю, последние судорожные движения, и все снова затихает.

Он понимал, что сейчас преследование бесполезно, браконьер следит за окружающими холмами – едва осветятся окна в доме или заработает мотор машины, там вспыхнут сигнальные огни. Прожектор мгновенно потушат, и браконьер ускользнет. Дэвид тщетно будет обыскивать ночные джунгли Джабулани. Его противник хитер, он опытный убийца, и взять его можно только еще большей хитростью.

Дэвид не мог уснуть. Он без сна лежал рядом с Деброй и прислушивался к ее негромкому дыханию и – с перерывами – к далеким выстрелам. Дичь была непуганая, к ней было легко подойти, в парке она привыкла к безопасности. После каждого выстрела животные убегали, но недалеко, а потом останавливались, не понимая, что это за загадочный ослепительный свет приближается к ним из темноты.

Всю ночь гнев не давал Дэвиду спать, а наутро отовсюду начали слетаться стервятники. На фоне розового рассветного неба появились черные точки, все больше и больше; они высоко плыли на широких крыльях, описывая круги, перед тем как устремиться к земле.

Дэвид позвонил Конраду Бергу в лагерь Скукуза, потом, тепло одевшись – утро выдалось холодное, – они с Деброй и Зулусом забрались в «лендровер». И поехали туда, куда слетались птицы, где браконьер встретился со стадом буйволов.

Когда они приблизились к первой туше, пожиратели падали разбежались: горбатые гиены, отвратительные и трусливые, бросились в заросли, оглядываясь и виновато улыбаясь; маленькие красные шакалы с серебристыми спинами и настороженными ушами отошли на почтительное расстояние, потом остановились и беспокойно обернулись.

Птицы-стервятники оказались не столь робкими; они облепили тушу, точно толстые коричневые личинки, дрались, спорили, все марали своим вонючим пометом и усеивали перьями и покинули мертвое животное, только когда «лендровер» подъехал совсем близко; тогда они тяжело взлетели на деревья и сидели там, выставив нелепые лысые головы.

Вдоль тропы, по которой бежало стадо, лежало шестнадцать туш. У каждой был вспорот живот и искусно вырезана филейная часть.

– Он убил их ради нескольких фунтов мяса? – недоверчиво спросила Дебра.

– Да, – мрачно подтвердил Дэвид. – И это еще не самое плохое. Иногда буйвола убивают, чтобы сделать метелочку из его хвоста, а жирафа – ради его костного мозга.

– Не понимаю. – В голосе Дебры звучало отчаяние. – Что заставляет человека так поступать? Неужели ему так отчаянно нужно это мясо?

– Нет, – ответил Дэвид. – Дело серьезнее. Он убивает, потому что ему нравится убивать, он хочет увидеть, как падает животное, услышать его предсмертный крик, ощутить запах его крови... – Дэвид задохнулся... – Скажи спасибо, что ты этого не видишь, – негромко закончил он.

Конрад Берг отыскал их возле туш и тут же велел егерям заняться разделкой.

– Незачем терять столько мяса. Оно прокормит множество людей.

Потом пустил Сэма по следу. В отряде браконьеров было четыре человека, один в обуви с рубчатой подошвой, остальные босые.

– Один белый, рослый, длинные шаги. Трое черных, они несли мясо, кровь накапала.

Они медленно двигались за Сэмом по лесу. Он раздвигал траву длинной палкой, направляясь к дороге.

– Тут они шли задом наперед, – заметил Сэм, и Конрад мрачно объяснил:

– Старый браконьерский трюк. Пересекая границы, они идут задом наперед. Если, охраняя территорию, вы натолкнетесь на подобные отпечатки, то решите, что они не вошли, а вышли, и не пойдете за ними.

След привел к бреши в ограде, пересек дорогу и углубился в племенную территорию за ней. И кончился там, где в зарослях стояла машина. Грузовик оставил на песке колеи, ведущие к дороге.

– Попробуем снять отпечатки? – спросил Дэвид.

– Напрасная трата времени. – Конрад покачал головой. – Можете не сомневаться, перед каждой вылазкой шины меняют, для такого случая держат специальный набор.

– А гильзы? – настаивал Дэвид.

Конрад коротко рассмеялся.

– Все у него в кармане, это стреляный воробей. Такой не станет разбрасывать улики. Он все забирает с собой и уходит. Нет, его надо заманить. – И он деловито заговорил: – Вы выбрали место, где будет ждать Сэм?

– Я подумал, что его можно поместить в одной из рощ возле Жемчужных бус. Оттуда ему будет видна вся территория, он увидит пыль на дороге, а высота там достаточная для двусторонней радиосвязи.

После ленча Дэвид погрузил сумки в багажное отделение «навахо». Заплатил слугам за две недели вперед.

– Заботьтесь о доме, – предупредил он. – Я вернусь в конце месяца.

Он оставил машину у открытого ангара: ключ в зажигании, все готово к рывку. Направил самолет на запад, пролетел над самим Бандольер-Хиллом и над зданием среди манговых деревьев. Там не было никаких признаков жизни, но Дэвид не менял курс, пока холм не исчез за горизонтом, потом сделал широкий круг и полетел в Скукузу, главный лагерь национального парка Крюгера.

Конрад Берг в своем грузовике ждал у посадочной полосы, Джейн поставила в комнате для гостей свежие цветы. Джабулани осталось в пятидесяти милях к северо-западу.

Словно эскадрилья в ожидании «красной» тревоги, «навахо» стоял в тени большого дерева в конце посадочной полосы Скукузы, радио было постоянно включено и настроено на частоту передатчика Сэма, который терпеливо ждал на вершине холма у прудов.

День был гнетуще жарким, на востоке угрожающе поднимались грозовые тучи, их массивные груды, как великаны, разлеглись над бушевым вельдом.

Дебра, Дэвид и Конрад Берг сидели в тени крыла самолета, потому что в кабине было слишком жарко.

– Он не придет, – незадолго до полудня сказала Дебра.

– Придет, – возразил Конрад. – Эти буйволы – слишком сильное искушение. Может, не сегодня, но завтра или послезавтра придет обязательно.

Дэвид встал и поднялся в кабину.

– Сэм, – заговорил он в микрофон. – Ты меня слышишь?

Последовала долгая пауза. Очевидно, Сэм пытался справиться с радио, потом послышался его голос, негромкий, но ясный:

– Слышу, нкози.

– Видел что-нибудь?

– Ничего.

– Продолжай следить.

– Йехо, нкози.

Джейн принесла на полосу холодную еду, и они, несмотря на напряжение, с аппетитом поели и уже принимались за сливочный торт, когда неожиданно загудело радио. До них явственно долетел голос Сэма:

– Он пришел!

– «Красная» тревога – вперед! – закричал Дэвид, и они бросились к самолету; Дебра наступила прямо на сливочный торт Джейн, но Дэвид взял ее за руку и усадил в кабину.

– Сверкающее копье в воздухе и набирает высоту. – Дэвид возбужденно рассмеялся, и тут воспоминания ударили его, как острым ножом. Он вспомнил, как Джо держался рядом, прямо сзади, но заставил себя не думать об этом, оторвался от земли и, не теряя времени на набор высоты, полетел над самыми вершинами деревьев.

Конрад Берг скорчился на сиденье за ним, лицо его покраснело больше обычного, казалось, он вот-вот лопнет, как перезрелый помидор.

– Где ключ от «лендровера»? – озабоченно спросил он.

– В зажигании, и бак полон.

– Быстрее лететь можете?

– А радио с вами? – проверил Дэвид.

– Вот! – В одной огромной руке Берг держал радио, в другой – двуствольный «Магнум-450».

Дэвид скользнул над высокими деревьями, пролетел – всего в нескольких футах – над вершиной холма. Они миновали изгородь на границе и направились к холмам Джабулани.

– Готовьтесь, – сказал он Конраду, посадил «навахо» на полосу и подъехал к ангару, где ждал «лендровер».

Как только Дэвид затормозил, Конрад выпрыгнул, захлопнул дверцу машины и включил двигатель. А Дэвид повернул обратно на полосу, собираясь сразу взлететь.

Поднимаясь, он видел, как «лендровер» пересек полосу, волоча за собой шлейф пыли.

– Вы меня слышите, Конни?

– Отчетливо. – Донесся из шлемофона голос Конрада, и Дэвид повернул к серой ленте общественной дороги, которая показалась меж деревьями за холмами.

Он летел вдоль дороги на высоте пятьсот футов и осматривал местность.

Зеленый «форд» был скрыт от наблюдения с земли, он прятался в густом кустарнике, но с высоты его было хорошо видно. Эккерсу не пришло в голову, что его будут искать с воздуха.

– Конни, вижу грузовик. Он в роще эбеновых деревьев, в полумиле от берега ручья Лузана. Вам лучше всего проехать по дороге до моста, затем по сухому руслу и отрезать его, прежде чем он доберется до грузовика.

– О'кей, Дэвид.

– Пошевеливайтесь.

– Стараюсь.

Дэвид видел над деревьями поднятую «лендровером» пыль. Конрад бешено гнал машину.

– Я отыщу его и погоню прямо к вам в руки.

– Давайте!

Дэвид начал длинный поворот в сторону холмов. Под ним блестели пруды, он поднялся чуть выше, чтобы миновать вершины.

С ближайшего холма отчаянно махала руками маленькая фигурка.

– Сэм, – определил Дэвид. – Исполняет воинственный танец. – Он слегка изменил курс, чтобы пролететь поближе, и Сэм прекратил подражать ветряной мельнице и показал вытянутой рукой на запад. Дэвид кивнул в ответ и повернул, спускаясь вдоль западных склонов.

Перед ним расстилалась равнина, испещренная, как спина леопарда, темными пятнами кустов и золотистыми – травы. Через минуту Дэвид увидел медленно движущуюся черную массу, темную и бесформенную на фоне светлой травы. Остатки стада буйволов неслись не разбирая дороги, отчаянно пытаясь уйти от убийц.

– Буйволы, – пояснил Дэвид Дебре. – Бегут. Что-то их вспугнуло.

Она напряженно и неподвижно сидела рядом с ним, сложив руки на коленях, устремив вперед невидящие глаза.

– Ага! – закричал Дэвид. – Мы его поймали, прямо с кровью на руках.

В центре большой поляны лежал черный, похожий на жука, мертвый буйвол, с раздутым брюхом и задранными ногами.

Вокруг стояли четыре человека, очевидно, только приступая к разделке туши. Трое африканцев, у одного в руке нож.

Четвертый – Иоганн Эккерс. Невозможно было не узнать эту высокую фигуру. На нем была старая черная мягкая шляпа, помочи перекрещивались на темной рубашке. В правой руке он держал ружье. Услышав гудение самолета, он резко повернулся и уставился на небо, застыв от неожиданности.

– Свинья! Кровавая свинья! – прошептал Дэвид, чувствуя, как растут его гнев и ненависть к этим губителям животных. – Держись! – предупредил он Дебру и ринулся круто вниз, прямо на Эккерса.

Группа вокруг мертвого буйвола разбежалась в разные стороны, но Дэвид выбрал целью высокую фигуру в черной шляпе и пустился за ней. Лопасти пропеллера срезали сухую траву. Он быстро догонял Эккерса.

Подгоняемый яростным гневом, он собирался налететь прямо на него, изрубить его лопастями пропеллера.

Дэвид приготовился к удару, но в этот миг Эккерс оглянулся через плечо. Лицо его посерело от страха, глаза, казалось, глубоко ввалились. Увидев всего в нескольких футах от себя смертоносные лезвия, он бросился в траву.

«Навахо» пролетел в дюймах над ним. Дэвид круто повернул, концом крыла задев траву, и увидел, что Эккерс встал и бежит к деревьям. Он был всего в пятидесяти футах от них.

Дэвид выровнял машину, снова нацелился, уже понимая, что не успеет добраться до беглеца, тот добежит раньше. Он быстро пересекал поляну, но Эккерс уже очутился около деревьев, повернулся и поднял ружье. Прицелился в приближающийся самолет, хотя оружие в его руках дрожало.

– Вниз! – закричал Дэвид, пригибая голову Дебры под лобовое стекло и круто поднимая машину.

Он слышал, как тяжелые пули пробивают фюзеляж.

– Что случилось, Дэвид?

– Он стрелял в нас, но мы заставили его бежать. Теперь он рванет к грузовику, а там его будет ждать Конрад.

Эккерс скрывался среди деревьев; кружа над рощей, Дэвид видел высокую фигуру, целенаправленно двигающуюся к спасению.

– Дэвид, вы меня слышите? – неожиданно загремел в маленькой кабине голос Конрада.

– В чем дело, Конни?

– У меня неприятности. Я наскочил на камень, ударился о пень, и «лендровер» пробит. Масло вытекает.

– Какого дьявола вы это сделали?

– Пытался срезать. – В голосе Конрада звучала досада.

– Далеко до ручья Лузана?

– Примерно три мили.

– Боже, он вас обгонит. – Дэвид выбранился. – Он в двух милях от грузовика и мчится так, словно за ним гонится сборщик налогов.

– Вы еще не видели, как бегает старый Конни. Я буду ждать его там, – пообещал Берг.

– Удачи, – пожелал Дэвид, и связь прервалась.

Между тем Эккерс уже огибал подножие холма, его черная шляпа мелькала среди деревьев. Дэвид старался держаться над ним.

И тут на открытом склоне холма он увидел какое-то движение. На мгновение ему показалось, что это животное, но потом, затаив дыхание, он понял, что ошибался.

– Что случилось? – спросила Дебра, почувствовав его напряжение.

– Сэм, проклятый дурак. Конни велел ему не покидать поста, он безоружен, но бежит вниз по склону, наперерез Эккерсу.

– Ты не можешь остановить его? – беспокойно спросила Дебра, но Дэвид не потрудился ответить.

Он четырежды вызывал Конни, прежде чем получил ответ. Голос Конрада звучал прерывисто, тот задыхался от бега.

– Сэм бежит к Эккерсу. Я думаю, он попытается его остановить.

– Будь он проклят! – простонал Конрад. – Я испинаю его черный зад.

– Не отключайте связь, – распорядился Дэвид. – Я хочу взглянуть поближе.

Дэвид видел все очень ясно. Он был на высоте триста футов, когда Эккерс заметил бегущую вниз по склону фигуру. Он резко затормозил и приподнял ружье; возможно, выкрикнул предупреждение, но Сэм продолжал бежать к человеку, который сжег его детей.

Эккерс приложил приклад к плечу, прицелился и выстрелил. Ружье в его руках подпрыгнуло, отдача дернула ствол вверх. Ноги продолжали нести Сэма вниз, но верхняя часть тела резко откинулась назад от удара тяжелой пули с мягким наконечником.

Маленькая фигура в коричневом покатилась по склону и застыла у кустов, росших у подошвы холма.

Эккерс перезарядил ружье, наклонился, подбирая гильзу, и взглянул на кружащий над ним самолет. Дэвид мог ошибиться, но ему показалось, что человек внизу смеется – своим непристойным, издевательским смешком. Потом он снова побежал к грузовику.

– Конни, – хрипло произнес Дэвид в микрофон, – он только что убил Сэма.

* * *

Конрад Берг тяжело бежал по неровной песчаной почве. Он потерял шляпу, пот заливал его большое красное лицо, ел глаза, волосы прилипли ко лбу. Рация болталась у него на шее, а приклад ружья периодически ударял в бок.

Он бежал с мрачной сосредоточенностью, не обращая внимания на готовое лопнуть сердце, на жжение в груди. Колючий куст разорвал кожу на правой руке, прочертив кровавые штрихи, но Берг не остановился.

Подняв красное напряженное лицо к небу, он увидел самолет Дэвида: тот кружил впереди и чуть слева. Указывал положение Эккерса. Становилось ясно, что Берг отстает.

Радио запищало, но Конрад не обратил внимания на вызов: остановиться он не мог. Если он перестанет бежать, то упадет от изнеможения. Тяжелый рослый человек, жаркий воздух расслабляет; Конрад уже пробежал три мили по трудной местности, он почти исчерпал силы. И тратил сейчас последние резервы.

Неожиданно земля под ним ушла вниз, он упал и прокатился по крутому склону берега ручья Лузана и остановился, лежа на спине в белом речном песке, чистом и зернистом, как сахар. Рация болезненно впилась в его тело, и он вытащил ее из-под себя.

По-прежнему лежа, он дышал быстро, как собака, пот слепил его; он нажал кнопку вызова.

– Дэвид, – хрипло прокричал он, – я на дне ручья, вы меня видите?

Самолет пронесся прямо над ним, и Дэвид отозвался немедленно:

– Я вас вижу, Конни, вы в ста ярдах ниже по течению от грузовика. Эккерс здесь, он только что добежал до грузовика, сейчас он двинется к вам по дну.

С трудом, задыхаясь, Конрад Берг заставил себя подняться на колени – и тотчас услышал шум мотора. Он отстегнул рацию и отложил ее в сторону, потом снял ружье, проверил заряд и встал на ноги.

Удивляясь слабости своего массивного тела, он шатаясь побрел к середине пересохшего ручья.

Сухое русло представляло собой канаву глубиной восемь футов, с размытыми половодьем крутыми берегами, которые в этом месте достигали в ширину пятнадцати футов. Дно было покрыто чистым белым песком, в котором виднелись круглые, обкатанные водой булыжники размером с бейсбольный мяч. Прекрасная естественная дорога в Джабулани, и на песке – четкие следы грузовика Эккерса.

Конрад услышал, как за поворотом ревет мотор «форда».

Он стоял посреди русла, держа ружье поперек перед собой, и пытался справиться с дыханием. И вот грузовик появился из-за поворота и понесся к нему. Из-под бешено вращающихся задних колес летели струи песка.

За рулем сидел Иоганн Эккерс: черная шляпа надвинута на лоб, лицо посерело и блестит от пота. Он увидел преградившего ему дорогу Конрада.

– Стой! – закричал Берг, поднимая ружье. – Стой, или я стреляю!

«Форд» раскачивался и проскальзывал, мотор протестующе выл. Эккерс рассмеялся. Конрад видел его раскрытый рот и трясущиеся плечи. Грузовик не замедлил движения.

Берг поднял ружье и посмотрел вдоль длинного ствола. С такого расстояния он мог попасть Эккерсу в глаз, но тот, не делая никакой попытки уклониться, смеялся; Конрад

ясно видел его зубы. Берга и грузовик разделяло около пятидесяти футов, машина не останавливалась.

Нужно особое состояние духа, чтобы сознательно и хладнокровно застрелить человека. У солдата оно превращается в рефлекс, оно знакомо сотрудникам полиции, возникает у человека, которого преследуют. Или в неуравновешенном мозгу безумца.

Конрад Берг не попадал ни в одну из этих категорий. Как большинство рослых крупных людей, он был добряком. Всю жизнь он защищал и оберегал жизнь – он не мог нажать на курок.

Когда грузовик был в пятнадцати футах от него, Берг прыгнул в сторону, а Иоганн Эккерс бешено завертел руль, сознательно пытаясь раздавить его.

Борт нанес Бергу скользящий удар, отбросив его к берегу ручья. Потерявший управление грузовик пронесся мимо и врезался в дальний берег, подняв облако земли и булыжников. Машина дико раскачивалась: Эккерс пытался совладать с управлением. Справившись, он нажал на акселератор и понесся вниз по ручью, оставив Конрада лежать на песке под берегом.

Когда грузовик задел его, Конрад почувствовал, что его бедренная кость дробится, будто стеклянная; от тяжелого удара в грудную клетку воздух вышибло из легких.

Он лежал на боку и чувствовал, как изо рта медленно течет кровь. У нее был горько-соленый вкус, и он понял, что сломанное ребро, как копьем, пробило ему легкое и кровь льется из глубины его тела.

Он повернул голову, увидел в десяти шагах от себя рацию и пополз к ней, волоча сломанную ногу, вывернутую под нелепым углом.

– Дэвид, – прошептал он в микрофон, – я не смог остановить его, он ушел, – и выплюнул кровь, наполнившую рот, на песок.

Дэвид увидел грузовик, когда тот, подпрыгивая на дренажных канавах, промчался под каменным мостом через ручей Лузана и выбрался на дорогу. Быстро набрал скорость и понесся к Бандольер-Хилл и шоссе. Пыль летела из-под колес, ясно указывая положение машины, и Дэвид, обогнав ее на две мили, повернул.

За Лузаной дорога резко поворачивала, обходя скальный выступ, и потом две мили, прямая как стрела, шла по густому лесу и полям.

Повернув, Дэвид выпустил шасси и отвел назад дроссель. «Навахо» начал снижаться, нацеливаясь на пыльную дорогу, как на посадочную полосу.

Прямо впереди виднелось пыльное облако – грузовик. Они шли встречными курсами, но Дэвид холодно сосредоточился на том, чтобы посадить самолет на узкую полосу между деревьями. Он негромко разговаривал с Деброй, успокаивая ее и объясняя, что собирается делать.

Он легко коснулся земли и сразу вновь продвинул вперед дроссель, удерживая самолет на середине дороги носом книзу. Скорость была достаточной, чтобы поднять «навахо», если Эккерс предпочтет столкновение сдаче.

Перед ним возник еще один холм, и вдруг, в каких-нибудь ста ярдах впереди, на вершине показался зеленый грузовик.

Обе машины быстро сближались на общей скорости свыше двухсот миль в час, и это потрясение оказалось слишком сильным для Иоганна Эккерса.

Появление посреди дороги самолета, который несся прямо на него, сверкая пропеллером, воздействовало на его и так уже взвинченные нервы.

Он резко выкрутил руль, и грузовик свернул в сухой кювет, проскочив мимо правого крыла «навахо», который продолжал нестись вперед.

Передние колеса попали в дренажную канаву, и «форд» дважды перевернулся; брызнули осколки оконных стекол, раскрылась дверца. Машина остановилась, уткнувшись в деревья.

Дэвид закрыл дроссель и нажал ногой на тормоза. «Навахо» остановился.

– Жди здесь, – крикнул он Дебре и выпрыгнул. Когда он бежал по дороге к разбитому грузовику, лицо его оставалось застывшей маской, но глаза гневно сверкали.

Эккерс увидел его и с трудом встал. Его выбросило из кабины, и теперь он, шатаясь, устремился к машине. Он видел лежащее в кабине ружье и попытался дотянуться до него через открытую дверцу. Кровь из глубокой царапины на лбу заливала ему глаза и слепила, он вытер ее тыльной стороной ладони и оглянулся.

Дэвид был близко, он перепрыгнул через ирригационную канаву и бежал к нему. Эккерс отскочил от разбитого зеленого корпуса и нащупал на поясе охотничий нож. Восемь дюймов шеффилдской стали, с костяной рукояткой, с острым как бритва лезвием.

Он держал нож, пряча его, приняв классическую стойку бойца, ладонью свободной руки вытирая кровь с лица.

Он чуть присел, стоя лицом к Дэвиду; лезвие целиком скрывалось в его большом кулаке.

Дэвид остановился перед ним. Его глаза устремились к ножу, и тут Эккерс захохотал. Хрипло, визгливо – истерическим смехом человека на грани безумия.

Лезвие медленно, гипнотизирующе поворачивалось, как поднятая голова кобры, от него отразился солнечный свет. Дэвид смотрел на нож, тоже пригибаясь и поворачиваясь, призывая весь свой опыт борца и десантника, успокаиваясь при виде обнаженной стали.

Эккерс сделал быстрый выпад, а когда Дэвид увернулся, вновь рассмеялся.

Они опять закружили; Эккерс скалил зубы, не сводя с противника глубоко посаженных мутно-зеленых глаз. Дэвид медленно отступал; Эккерс оттеснил его к корпусу грузовика.

И прыгнул, как раненый леопард. Его скорость и сила изумляли. Нож устремился вверх, к животу Дэвида.

Блокируя удар, Дэвид перехватил запястье руки, державшей нож, отвел клинок вниз. Теперь они стояли грудь к груди, лицо к лицу, как обнявшиеся любовники, и до Дэвида донеслось зловонное дыхание Эккерса.

Они молча напрягались, перемещаясь как танцоры, поддерживая равновесие толчков и ударов.

Дэвид чувствовал, как запястье противника вывертывается из его пальцев. У этого человека были железные руки и ноги, его невозможно было дольше удерживать. Через несколько секунд Эккерс высвободится, и сталь пронзит живот.

Дэвид напряг ноги и быстро развернулся. Движение застало Эккерса врасплох, и он не удержал равновесия. Дэвид успел схватить его руку с ножом другой рукой, но даже обеими руками ему было трудно удерживать ее.

Они раскачивались и толкались, тяжело дыша и крякая, пока не упали, по-прежнему вместе, у капота грузовика. Горячий металл пах маслом.

Дэвид сконцентрировал все силы на ноже, но чувствовал, как свободная рука Эккерса подбирается к его горлу. Он вобрал голову в плечи, прижал подбородок к груди, но пальцы противника были словно из стали и мощны, как поршни. Они безжалостно впивались в его плоть, заставляли приподнять подбородок, пытались вцепиться в горло, выдавить жизнь.

Дэвид отчаянно дернул руку, сжимающую нож; теперь, когда Эккерс сосредоточился на попытке задушить его, она поддалась.

У плеча Дэвида находилось ветровое стекло открытой кабины грузовика, оно было разбито, и из металлической рамы торчали острые осколки, образуя грубые зубья, как у пилы.

Дэвид чувствовал, как пальцы впиваются ему в горло, давят на гортань, пережимают артерию, питающую мозг. Перед глазами у него помутилось, начало быстро темнеть, как при перегрузке в восемь «g».

Последним резким усилием Дэвид рванул руку Эккерса с ножом и потащил прямо к обломкам стекла, отчаянно при этом ее выворачивая.

Эккерс закричал, его давящая хватка ослабла, а Дэвид все тянул, вспарывая, разрывая кожу и мышцы противника, перерубая нервы, артерии и сухожилия; рана раскрылась, точно алая роза, нож выпал из безжизненных пальцев, и Эккерс истошно, по-бабьи, завопил.

Дэвид вырвался и оттолкнул его. Эккерс, воя, упал на колени, а Дэвид принялся массировать горло, хватая ртом воздух и чувствуя свежий приток крови к мозгу.

– Господи Иисусе, я умираю. Я истеку кровью. О Господи Иисусе, помоги мне! – голосил Эккерс, прижимая изуродованную руку к животу. – Помоги мне, Боже, не дай мне умереть! Спаси меня, Иисус, спаси меня!

Кровь била из его руки, заливая брюки. Вставные челюсти выпали изо рта, оставив на побледневшем лице пустую темную яму.

– Ты убил меня. Я умру от потери крови! – кричал он Дэвиду. – Ты должен меня спасти, не дай мне умереть!

Дэвид оттолкнулся от грузовика и сделал два торопливых шага навстречу склонившемуся человеку, потом размахнулся и всю силу вложил в удар под подбородок. Голова Эккерса откинулась назад.

Он упал и лежал неподвижно, а Дэвид стоял над ним, всхлипывая и хватая ртом воздух.

Вынося приговор, судья Барнард из Трансваальского отделения Верховного суда принял во внимание четыре предыдущих обвинительных приговора: два за нарушения закона «О сохранении дикой природы», один за хулиганство и один за нападение с нанесением тяжких телесных повреждений.

Он счел Иоганна Эккерса виновным в нарушении двенадцати статей закона «О сохранении дикой природы» и приговорил его к трем годам каторги без права замены штрафом и к конфискации огнестрельного оружия и машины, использованных при совершении этих преступлений.

Он счел его виновным в нападении и приговорил к трем годам каторги без права замены штрафом.

Прокурор изменил формулировку обвинения с покушения на убийство на нападение с нанесением тяжких телесных повреждений. Эккерс был признан виновным по этому обвинению и получил пять лет каторги без права замены.

И наконец, по последнему обвинению – в убийстве – он также был признан виновным, и судья Барнард сказал на открытом судебном заседании:

– Вынося приговор по этому обвинению, я вынужден был принять во внимание, что обвиняемый действовал, как загнанное в ловушку животное, и предварительного умысла не имел...

Приговор – восемнадцать лет заключения; все сроки суммируются. Апелляция была отклонена.

Лежа на больничной койке, Конрад Берг – нога в гипсе, стакан джина «Олд бак» в руке – сказал:

– Ну, в течение следующих двадцати восьми лет нам нечего беспокоиться из-за этого ублюдка – прошу прощения, миссис Морган.

– Двадцать девять лет, дорогой, – твердо поправила его Джейн Берг.

В июле вышло американское издание «Нашего собственного мира» – и сразу кануло в голодный бездонный омут равнодушия, где тонет столько хороших книг. И, канув, не оставило ни следа, ни ряби на поверхности.

Бобби Дуган, новый литературный агент Дебры в Америке, написал, что ему очень жаль и он очень разочарован. Он ждал, что после публикации появятся хоть какие-то отклики, пусть даже критические.

Дэвид воспринял это как личное оскорбление. Целую неделю он бушевал; одно время казалось, что он действительно отправится в Америку, чтобы физически расправиться с этой страной – устроить этакий Вьетнам наоборот.

– Идиоты, – говорил он. – Это лучшая из написанных людьми книг.

– О Дэвид! – скромно протестовала Дебра.

– Да! И я хочу поехать туда и ткнуть их в нее носом.

Дебра представила, как он пинком открывает двери издательств в Нью-Йорке, как в панике бегут литературные критики, выпрыгивают из окон небоскребов или запираются в женских туалетах, чтобы спастись от гнева Дэвида.

– Дэвид, дорогой, ты необъективен по отношению ко мне. – Она рассмеялась, но ей было больно. Очень больно. Она чувствовала, как пламя ее желания писать гаснет, колеблемое в холоде равнодушия.

Когда она садилась за свой стол перед микрофоном, слова больше не рвались с языка, мысли не теснили друг друга. Раньше Дебра видела, как разворачивается действие, словно смотрела пьесу, видела, как ее герои смеются, плачут, поют. Теперь перед ее глазами были только темные тучи, и в них – никаких очертаний.

Часами сидела она теперь за столом и слушала голоса птиц в саду.

Дэвид чувствовал ее отчаяние и пытался помочь. Когда часы, проведенные за столом, оказывались бесплодными, он брал ее с собой к новым изгородям на границах имения или на рыбалку, на глубокие пруды, за крупным мозамбикским лещом.

Дебра уже знала все в пределах дома и его ближайших окрестностей, и Дэвид начал знакомить ее с более отдаленными уголками. Каждый день они пешком ходили к прудам, и Дебра запоминала ориентиры вдоль тропы; она нащупывала их своей резной тростью. Зулус осознал свою роль в этих походах, и Дэвиду пришла в голову мысль привязать к его

ошейнику маленький серебряный колокольчик, чтобы Дебре было легче следовать за ним. Вскоре она уже могла ходить туда без Дэвида, следуя за колокольчиком Зулуса и сверяясь с ориентирами.

Дэвид тем временем был занят: он убрал проволочную изгородь Конрада, который по-прежнему был прикован к постели; вдоль трех уязвимых границ Джабулани нужно было ставить новые изгороди. Вдобавок следовало нанять африканцев егерей и подготовить их к работе. Дэвид придумал для них форму, организовал егерские посты в тех местах, где на территорию имения было легче всего проникнуть. Он часто летал в Нелспрёйт, чтобы обсудить эти приготовления с Конрадом Бергом, и с его легкой руки начал разведку водных запасов. Ему хотелось открыть поверхностные источники воды в удаленных от прудов районах Джабулани, и он изучал возможность постройки дамб или рытья скважин. Он работал с утра до вечера, похудел и загорел. Но по-прежнему ежедневно много часов проводил в обществе Дебры.

Из лаборатории вернули 35-миллиметровые слайды, которые он сделал перед тем, как Иоганн Эккерс уничтожил стадо буйволов. Слайды оказались безнадежно плохими. Крупные животные будто находились на горизонте, а птицы, поедающие насекомых на их спинах, превратились в крошечные точки. Эта неудача подстегнула Дэвида, и из одной из очередных поездок в Нелспрёйт он вернулся с 600-миллиметровым телескопическим объективом.

Пока Дебра пыталась сочинять, Дэвид установил рядом с ней камеру и фотографировал птиц через открытое окно. Результаты оказались неодинаковыми. Из тридцати шести снимков тридцать пять можно было выбросить. Но один оказался прекрасен – сероголовый сорокопут в полете, расставивший крылья; солнце отражалось в его ярком оперении и блестящих глазах.

Дэвид стал ярым фотолюбителем, и последовали новые партии объективов, треножников и другого оборудования, пока Дебра не заявила протест: это увлечение было целиком связано со зрением, и она не могла его разделить.

И тут Дэвида охватило вдохновение, знакомое гениям. Он заказал пластинки Джун Стеннерд с записями птичьих голосов – и Дебра была очарована. Она внимательно слушала их и восхищалась, узнавая знакомые.

И естественно, захотела сама делать записи: и звон колокольчика Зулуса, и гудение «лендровера» Дэвида, и голоса слуг на кухне – и слабый, очень слабый писк скворца.

– Не получается, – пожаловалась Дебра. – Как же ей удается получать такие четкие записи?

Дэвид кое-что почитал и соорудил для нее параболический рефлектор. Выглядел он не очень изящно, но действовал. Нацеленный на источник звука, он собирал звуковые волны и направлял в микрофон.

Со временем они отказались от окна кабинета Дебры. Дэвид построил удобные постоянные укрытия у водопоев на прудах, а когда егеря докладывали о гнезде интересных птиц, они сооружали временное укрытие из тростника и брезента, иногда на высоких подпорках, и там Дэвид и Дебра проводили много радостных часов вместе, фотографируя и записывая звуки. Даже Зулус научился лежать тихо и неподвижно, колокольчик с него в таких случаях снимали.

Постепенно возникла профессиональная фото- и аудиостудия. Наконец Дэвид набрался храбрости и послал в «Журнал дикой жизни Африки» десяток своих лучших снимков. Две недели спустя его известили, что снимки будут напечатаны, и прислали чек на сто долларов. Это составляло примерно двадцатую часть одного процента той суммы, что он затратил на оборудование. Дэвид воспылал энтузиазмом, Дебра радовалась за него. За обедом они распили две бутылки «Вдовы Клико», и под влиянием возбуждения и шампанского их любовь была особенно изобретательной.

Когда в «Дикой жизни» были напечатаны фотографии Дэвида в сопровождении текста Дебры, неожиданно со всего света пришло множество писем от людей, у которых были аналогичные интересы, а издатели заказали большую иллюстрированную статью о Джабулани и о планах Моргана превратить это поместье в заповедник.

Для Дэвида, которые делал снимки для журнала, позировала Дебра; она написала текст статьи, а Дэвид делился с ней мыслями и замечаниями.

Новая книга Дебры была забыта, но девушка выбросила из головы и мысли о своем разочаровании, увлеченная совместной работой.

Переписка с другими любителями природы оказалась мощным интеллектуальным стимулом, а потребность в человеческом общении удовлетворялась во время бесед с Конрадом и Джейн Бергами. Дэвид и Дебра по-прежнему болезненно реагировали на посторонних и старались избегать лишних встреч.

Статья для «Дикой жизни» была написана и почти подготовлена к отправке, когда пришло письмо от Бобби Дугана из Нью-Йорка. Издательница журнала «Космополитен» случайно наткнулась на распродаже на «Наш собственный мир». Книга ей понравилась, и журнал решил печатать этот роман с продолжением, возможно, в сопровождении иллюстрированной статьи о Дебре. Бобби хотел, чтобы Дебра прислала свои фотографии и автобиографическую статью на четыре тысячи слов.

Фотографии были уже готовы – они делались для «Дикой жизни». Дебра в течение трех часов написала четыре тысячи слов, а Дэвид подсказывал идеи и вносил предложения, иногда дельные, а иногда непристойные.

Они отправили статью и снимки с той же почтой, что и статью в «Дикую жизнь». В течение месяца ответа не было. А потом произошло событие, которое заставило их думать о другом.

Как-то вечером они тихо сидели в маленьком тростниковом оштукатуренном укрытии. Камера Дэвида стояла на треножнике у окна, над крышей был поднят рефлектор Дебры, он был замаскирован и приводился в движение ручкой над их головами.

Вода в пруду была черной и неподвижной, только иногда на поверхность выпрыгивал кормящийся лещ. На берег рядом с квохчущими цесарками опустилась стая голубей, они набирали воду, потом устремляли клювы к небу, и вода стекала в горло.

Неожиданно Дэвид предостерегающе схватил Дебру за руку; по напряженности его пожатия она поняла, что происходит нечто необычное, прижалась к нему, чтобы расслышать его шепот, а правой рукой включила магнитофон и начала направлять рефлектор.

К водопою приближалось стадо редких и пугливых антилоп ньяла, они до последней возможности скрывались в безопасности леса. Уши у них были насторожены, ноздри дрожали, втягивая воздух, большие черные глаза блестели во тьме, как фонари.

Девять безрогих самок благородного каштанового цвета, с белыми полосками, изящно шли следом за двумя самцами. Те так отличались от самок, словно принадлежали к другому виду. Искрасна-черные, мохнатые, увенчанные толстыми изогнутыми рогами с кремовыми кончиками, а меж глаз широкий белый треугольник.

Они делали несколько шагов, останавливались с безграничным терпением диких зверей, высматривающих опасность, и медленно двигались дальше.

Ньяла прошли так близко от укрытия, что Дэвид побоялся нажать на спуск камеры: щелчок мог их спугнуть.

Они с Деброй сидели неподвижно. Антилопы дошли до воды. Дебра счастливо улыбнулась, услышав негромкий звук: это шедший первым самец подул на воду, прежде чем начать пить, и сделал первый глоток.

Когда начало пить все стадо, Дэвид осторожно нацелил камеру, но при первом же щелчке ближайший самец вздрогнул и испустил хриплый тревожный крик. И ньяла мгновенно исчезли среди темных деревьев, как сонм призраков.

– Записала! Записала! – восторгалась Дебра. – Уф! Он был так близко, что у меня чуть не лопнули перепонки.

Джабулани охватило лихорадочное возбуждение. Никогда раньше, даже во времена отца Дэвида, антилопы ньяла не показывались в имении, поэтому были приняты все меры, чтобы побудить их остаться. Всем егерям и слугам было запрещено приближаться к пруду, чтобы присутствие человека не спугнуло стадо, пока оно привыкает и осваивает территорию.

Приехал Конрад Берг; он опирался на палку и сильно припадал на ногу. Хромать ему предстояло всю оставшуюся жизнь. Вместе с Дэвидом и Деброй он из укрытия полюбовался стадом, а потом, в доме, сидя у очага, ел огромный бифштекс, пил «Олд бак» и высказывал свое мнение:

– Они не из парка, мне кажется. Я узнал бы самца, если бы хоть раз видел его раньше. Вероятно, перешли из какого-то другого поместья. Вы ведь еще не закончили изгородь?

– Еще нет.

– Ну, там они и прошли. Им, вероятно, надоели все эти туристы. Вот они и забрели сюда в поисках тишины и покоя. – Он сделал глоток джина. – У вас тут много животных соберется, Дэви; еще пару лет, и можете устраивать шоу. У вас есть на этот счет какие-то планы? Можете принимать посетителей и зарабатывать хорошие деньги, как в Мала-Мала. Пятизвездочные сафари по соответствующей цене...

– Конни, я слишком эгоистичен, чтобы поделиться этим с кем-нибудь.

Все эти события помогли Дебре оправиться от провала «Нашего собственного мира» в Америке, и однажды утром она снова села за стол и начала работать над вторым романом. А вечером сказала Дэвиду:

– Мне мешает отсутствие названия. Как ребенок: пока не дашь ему имя, он не личность.

– А теперь ты придумала название?

– Да.

– Скажешь?

Дебра колебалась, не решаясь в первый раз произнести его вслух.

– Я решила назвать роман «Святое и радостное», – наконец созналась она, и Дэвид немного погодя повторил.

– Нравится? – беспокойно спросила она.

– Здорово! – ответил он. – Нравится. Правда.

Теперь Дебра ежедневно работала над романом, и каждый день был заполнен любовью, смехом и работой.

Звонок прозвучал, когда Дэвид и Дебра сидели в саду за шашлыком. Дэвид побежал в дом.

– Мисс Мардохей? – Дэвид удивился, имя показалось ему странно знакомым.

– Нью-Йорк вызывает мисс Дебру Мардохей, – нетерпеливо повторила девушка-оператор, и Дэвид сообразил, о ком речь.

– Сейчас она подойдет, – ответил он и позвал Дебру.

Звонил Бобби Дуган, и она впервые услышала его голос.

– Чудо-девушка! – кричал он на другом конце линии. – Сядьте, чтоб не упасть. У папочки для вас новости, от которых вы очумеете! Две недели назад «Космополитен» напечатал о вас статью. И прекрасные снимки, дорогая, на всю полосу – Боже, да вас слопать хочется...

Дебра нервно рассмеялась и знаком попросила Дэвида послушать.

– ...журнал появился в киосках в субботу, а утром в понедельник в книжных магазинах началась суматоха. В них посрывали двери. Вы захватили воображение всех читателей, дорогая. За пять дней было продано семнадцать тысяч книг в твердом переплете, у вас теперь пятое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» – это что-то необычайное, чудо, феномен. Дорогая, да мы левой пяткой продадим миллионный тираж вашей книги. Все крупные газеты и журналы просят экземпляр для обзора – те, что я посылал им месяц назад, они потеряли. «Даблдей» печатает пятидесятую тысячу, и я им сказал: не дурите, нужно уже напечатать сто тысяч, и это только начало, на следующей неделе огонь охватит все побережье, и по всей стране будут вопиять в поисках вашей книжки. – Он говорил еще долго. Бобби Дуган кипел и бурлил, полный планов и надежд, а Дебра негромко смеялась и повторяла: «Нет! Я не могу в это поверить!» и «Это неправда!»

Вечером они выпили три бутылки «Вдовы Клико», и незадолго до полуночи Дебра забеременела.

«Мисс Мардохей удачно сочетает прекрасный язык с несомненным литературным мастерством и увлекательностью подлинного бестселлера», – писала «Нью-Йорк таймс».

«Кто сказал, что литература должна быть скучной? – спрашивала «Тайм». – Талант Дебры Мардохей воспламеняет читателя».

«Мисс Мардохей хватает вас за горло, прижимает к стене, швыряет на пол и пинает в живот. И оставляет вас слабым и потрясенным, как после автокатастрофы», – добавляла «Фри пресс».

Дэвид гордо преподнес Конраду Бергу подписанный экземпляр «Нашего собственного мира». К этому времени Конрад наконец отказался от обращения «миссис Морган» и стал звать Дебру по имени. Но книга так его поразила, что он вернулся к прежнему обращению.

– Как вы все это придумываете, миссис Морган? – с благоговейным страхом спросил он.

– Дебра, – тут же поправила она.

– Она не придумывает, – вмешалась Джейн. – К ней просто приходит. Это называется вдохновение.

Бобби Дуган оказался прав: издателям пришлось напечатать еще пятьдесят тысяч экземпляров.

Казалось, судьба, устыдившись своей прежней жестокости, решила осыпать их дарами.

Дебра (ее беременность становилась все заметнее) ежедневно сидела за столом оливкового дерева. Слова, как раньше, лились потоком, словно прозрачная вода Жемчужных бус. Но у нее оставалось время помогать Дэвиду в подготовке иллюстрированного описания хищных птиц бушевого вельда, сопровождать его в ежедневных экспедициях в разные уголки Джабулани и продумывать размещение мебели в пока еще пустующей детской.

Конрад Берг тайком пришел к ней, чтобы заручиться ее поддержкой. Он хотел, чтобы Дэвида включили в совет директоров Комитета национального парка. Они обсудили этот план во всех подробностях. Место в совете директоров означало огромное уважение и обычно предназначалось для значительно более пожилых и влиятельных людей, чем Дэвид. Однако Берг был убежден, что имя Морганов вместе с богатством Дэвида, его владением Джабулани, явным интересом к сохранению дикой природы, уже продемонстрированной способностью уделять этому занятию много сил и времени преодолеют все препятствия.

– Да, – решила Дебра. – Неплохо бы снова начать встречаться с людьми. Нам здесь грозит опасность стать затворниками.

– Он согласится?

– Не беспокойтесь, – заверила его Дебра. – Я об этом позабочусь.

Дебра оказалась права. После первого беспокойного заседания совета, когда его члены привыкли к страшному лицу и поняли, что за ним скрывается сильный и искренний человек, с каждым полетом в Преторию Дэвид становился все увереннее. Обычно Дебра летала с ним, и во время заседаний они с Джейн Берг занимались приданым для будущего ребенка, покупали те предметы роскоши и деликатесы, которые нельзя было достать в Нелспрёйте.

Но к ноябрю до родов стало рукой подать. Дебра располнела и с трудом помещалась в крохотной кабине «навахо». Особенно отечность проявилась с началом сезона дождей, когда небо покрывалось грозовыми тучами и от земли поднимались сильные термальные потоки. К тому же она была погружена в заключительные главы своей новой книги.

– Мне здесь хорошо, – настаивала она. – Есть телефон, и меня охраняют шесть егерей, четверо слуг и свирепый пес.

Все пять дней до заседания Дэвид спорил и протестовал и согласился, только когда выработали специальный график.

– Я вылечу до рассвета и успею к девяти на заседание. Закончим мы около трех, и самое позднее в шесть тридцать я вернусь, – сказал он. – Если бы не вопрос о бюджете и финансировании, я не полетел бы, сослался бы на плохое самочувствие.

– Это очень важно, дорогой. Ты должен лететь.

– Ты уверена?

– Я даже не замечу твоего отсутствия.

– Не слишком радуйся, – печально ответил он. – А то мне придется остаться.

На рассвете высоко над крошечным самолетом собрались облака цвета вина, пламени и спелых плодов. Они поднялись почти до предела высоты, доступной «навахо».

Дэвид находил между облаками коридоры открытого пространства, его охватила привычная эйфория полета. Он то и дело менял курс, обходя грозовые тучи: в них таились смерть и уничтожение, сильный ветер способен оторвать крылья и швырнуть машину вверх, туда, где человек погибнет от недостатка кислорода.

Он приземлился в Центральном аэропорту. Его уже ждала машина, и по дороге в Преторию он читал утренние газеты. И только увидев предупреждение метеорологов о приближающейся со стороны Мозамбика буре, ощутил легкое беспокойство.

Прежде чем войти в зал заседаний, он попытался позвонить в Джабулани.

– Двухчасовая задержка, мистер Морган.

– Ну хорошо, соедините меня, когда появится связь.

Во время перерыва на обед он снова попробовал позвонить.

– Что с моим заказом?

– Простите, мистер Морган, я собиралась вам сказать. Линии оборваны. Там идет сильный дождь.

Легкая тревога усилилась.

– Будьте добры, соедините меня с метеослужбой.

Прогноз был очень неутешительным. От Барьертона до Мпунды Милиа и от Лоренсо Маркеш до Махадодорпа шли тяжелые непрерывные дожди. Толщина облачного покрова достигала двадцати тысяч футов, он спускался почти до самой земли. А на «навахо» не было кислородного и электронного навигационного оборудования.

– Надолго это? – спросил Дэвид у метеоролога. – Когда прояснится?

– Трудно сказать, сэр. Через два или три дня.

– Черт побери! – с горечью произнес Дэвид и отправился в кафе на первом этаже правительственного здания. Конрад Берг с двумя другими членами совета директоров сидел за угловым столиком, но, увидев Дэвида, вскочил и захромал ему навстречу.

– Дэвид. – Он взял его за руку. Красное лицо Берга было тревожно-серьезным. – Я только что узнал: ночью сбежал из тюрьмы Иоганн Эккерс. Убил охранника и сбежал. Семнадцать часов назад.

Дэвид смотрел на него, лишившись дара речи.

– Дебра одна?

Дэвид кивнул; его лицо, покрытое шрамами, оставалось неподвижным, но глаза потемнели, и в них отразился страх.

– Тебе лучше лететь туда.

– Погода... ни один самолет не может взлететь.

– Возьми мой грузовик! – настойчиво сказал Конрад.

– Это медленно.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Нет, – ответил Дэвид. – Если тебя не будет, они не одобрят новый бюджет. Поеду один.

* * *

Работая за своим столом, Дебра услышала шум ветра. Она выключила магнитофон и в сопровождении собаки вышла на веранду.

Стояла, прислушиваясь, не уверенная в том, что слышит. Вздохи, далекий гром, словно прибой на каменистом берегу.

Собака прильнула к ее ногам, и Дебра присела, держа руку на ее шее, слушая усиливающийся шум ветра. Начали шелестеть деревья.

Зулус заскулил, и она плотнее прижала его к себе.

– Спокойно, мальчик. Тише, тише, – прошептала она, и тут ветер ударил по веранде, с треском пронесся через кроны, застучали сломанные сучья.

Оборванные ветви бросило на противомоскитную сетку веранды. Оглушительно захлопали двери и окна. Столбом поднималась пыль.

Дебра вскочила и побежала к себе в кабинет. Она затворила ближайшее окно, потом то же самое проделала с остальными и тут натолкнулась на одного из слуг.

Вдвоем они закрыли все окна и двери в доме.

– Мадам, приближается большой дождь. Очень большой.

– Идите к своим семьям, – сказала Дебра.

– А ужин, мадам?

– Не беспокойтесь, я справлюсь сама.

И они с облегчением ушли в облаках пыли к своим домам за рощей.

Ветер дул еще пятнадцать минут, а Дебра стояла у проволочной сетки и чувствовала, как он толкает ее. Его необузданность была заразительна, и Дебра возбужденно рассмеялась.

Потом ветер неожиданно улегся, так же быстро, как начался, и она услышала, как он шумит в холмах за прудами.

В наступившей полной тишине весь мир ждал, напряженно ждал следующего наступления стихии. Дебра почувствовала холод, быстрое падение температуры, как будто открылась дверь в большой холодильник. Она обхватила себя руками и вздрогнула. Она не видела темных грозовых туч, накатывающихся на Джабулани, но ощутила в наступившей прохладе эту грозную величественность.

С треском ударила первая молния; казалось, весь воздух вокруг вспыхнул. Прогремел гром; казалось, задрожало и небо, и сама земля. Дебра от неожиданности громко вскрикнула.

Дебра повернулась, ощупью прошла в дом и закрылась в своей комнате, но стены не могли скрыть ярости хлынувшего ливня. Дождь барабанил, ревел, оглушал, стучал в окна, стены и двери, потоком хлестал на веранду.

Лило как из ведра, но Дебре на нервы больше действовали молнии и гром. Она не видела разрядов, и раскаты грома неизменно заставали ее врасплох; ей чудилось, что огненные стрелы нацелены прямо в нее.

Дебра скорчилась на диване, прижимая к себе в поисках уверенности теплое тело Зулуса. Она уже пожалела, что отпустила слуг, ей казалось, что ее нервы не выдержат этой бомбардировки.

Наконец она сдалась. Ощупью пробралась в гостиную. В отчаянии чуть не заблудилась в собственном доме, но наконец отыскала телефон и поднесла трубку к уху.

И тут же поняла, что телефон не работает: ничего не было слышно. Она в отчаянии нажимала на рычаг, кричала в трубку, но в конце концов выпустила ее из рук.

Всхлипывая, Дебра вернулась к себе, придерживая свой большой живот, упала на диван и обеими руками заткнула уши.

– Прекратите! – закричала она. – О Боже, пусть это кончится!

Новое национальное скоростное шоссе, широкое и ровное, с шестью полосами движения, тянется до самого города угольщиков, Витбанка. Дэвид вывел взятый напрокат «понтиак» на скоростную линию и все время нажимал на акселератор. Машина шла на скорости сто тридцать миль в час, шла так спокойно, что ею почти не нужно было управлять. Воображение Дэвида рисовало ему страшные картины, он вспоминал лицо Иоганна Эккерса, когда тот стоял перед ним в суде. Глубоко посаженные мутные глаза, губы сложились словно для плевка. Когда охранники уводили его, Эккерс вырвался и закричал:

– Я до тебя доберусь, Уродская Морда. Мне придется подождать двадцать девять лет, но я все равно до тебя доберусь.

С тем его и увели.

После Витбанка дорога сузилась. Движение было напряженным, повороты – опасными и коварными. Дэвиду пришлось сосредоточиться, чтобы удерживать большую машину на дороге, и это изгнало призраков из его сознания.

У Лейденбурга он повернул, срезая угол треугольника, и поток машин сократился до редких встречных грузовиков. Дэвид смог снова увеличить скорость. И тут дорога неожиданно повернула, начался спуск в низкий вельд.

На выходе из тоннеля Эразмус Дэвид попал под сильный дождь. Вода сплошной серой стеной заполнила воздух и била по корпусу «понтиака». Дорогу затопило, Дэвид с трудом отыскивал ее в полотнищах дождя, ветровое стекло заливало, и дворники не справлялись.

Дэвид включил фары и ехал так быстро, как только осмеливался, подавшись вперед, чтобы всматриваться в сине-серую пелену ливня.

Темнота под низкими темными облаками наступила рано, влажный асфальт слепил Дэвида отражением его собственных фар, а капли казались крупными, как градины. На дороге, ведущей к Бандольер-Хилл, Дэвиду пришлось еще немного сбросить скорость.

В потемках он пропустил поворот и возвращался к нему, двигаясь по немощеной поверхности. Сплошная грязь и лужи, скользко, как на масле. Один раз машина съехала в кювет. Дэвид подложил под колеса камни и, включив мотор на полную мощность, выбрался на дорогу.

К тому времени, как в начале девятого показался мост через ручей Лузана, он провел за рулем «понтиака» уже шесть часов.

Дождь неожиданно прекратился – случайный просвет в сплошных облаках. Прямо над головой в тумане появились звезды, а вокруг по-прежнему клубились грозовые тучи, медленно поворачиваясь, как на оси большого колеса.

Фары прорезали тьму, осветили бурую воду и противоположный берег в ста ярдах. Мост на пятнадцать футов ушел под воду, которая текла так быстро, что водовороты казались вырезанными на темном мраморе; течение несло стволы поваленных деревьев.

Невероятно, но высохшее русло, по которому Эккерс гнал свой зеленый грузовик на Конрада, превратилось в бурный поток.

Дэвид вышел из «понтиака» и подошел к ручью. Он стоял, а вода быстро подступала к его ногам, продолжая прибывать.

Он взглянул на небо и подумал, что затишье продлится недолго.

Приняв решение, он побежал к «понтиаку». Отвел его повыше и остановил. Фары по-прежнему светили на поверхность воды. Стоя у машины, Дэвид разделся. Вытащил из брюк ремень и опоясался им. Потом снял туфли и привязал за шнурки к ремню.

Босиком подбежал к ручью и медленно начал нащупывать путь. Уровень воды быстро поднимался. Через несколько шагов Дэвид погрузился по колено, и поток ударил его, стараясь сбить с ног.

Дэвид стоял, сдерживая натиск стихии, и ждал, глядя вверх по течению. Он видел быстро приближающийся ствол, его корни торчали, как воздетые в мольбе руки. Он проплывет совсем рядом.

Дэвид рассчитал момент и прыгнул. С полдесятка мощных гребков приблизили его к дереву, и он ухватился за корень. И его тут же унесло из лучей фар и бросило в ревущую ярость реки. Ствол крутился и раскачивался, Дэвид погружался в воду и с кашлем выныривал.

Что-то нанесло ему скользящий удар; Дэвид почувствовал, как лопнула рубашка и кожа под ней. И снова погрузился в воду, отчаянно цепляясь за ствол.

Неожиданно ствол наткнулся на какое-то препятствие, повернулся и снова устремился вперед.

Дэвида ослепила грязная вода, он понимал, что силы его на исходе и долго он не выдержит. Он и так быстро слабел. Движения его замедлялись, как у терпящего поражение боксера в десятом раунде.

Он все поставил на то, что препятствие – это противоположный берег, отпустил корень и отчаянно поплыл поперек течения.

Рука его уперлась в свисающие ветви колючего кустарника. Шипы разорвали ему ладонь, но он продолжал сжимать ветви, кричал от боли, но держал.

Медленно выбрался Дэвид из потока и выполз на берег, кашляя и отплевываясь. Потом упал лицом в грязь, и его вырвало, изо рта и носа полилась проглоченная вода.

Он долго лежал в изнеможении, пока кашель не прекратился и он не смог снова дышать. С трудом встал на ноги и побрел во тьму. На ходу поднес руку к лицу и зубами начал вырывать впившиеся колючки.

Над головой по-прежнему горели звезды; в их слабом свете Дэвид отыскал дорогу и побежал по ней, с каждым шагом все быстрее. Стало очень тихо, только капли, падавшие с деревьев, и отдаленные раскаты грома нарушали тишину.

За две мили от дома Дэвид увидел на дороге какой-то темный силуэт и лишь в нескольких шагах от него разглядел, что это машина – «шеви» последней модели. Машина была пуста, она застряла в луже.

Дверь была открыта, и Дэвид включил свет в салоне и фары. На месте водителя – засохшая кровь, темное пятно, на заднем сиденье сверток – одежда. Дэвид быстро развернул ее и сразу узнал грубую ткань обычного костюма арестантов. Он тупо смотрел на нее некоторое время, пока до него не дошло все значение находки.

Машина украдена, кровь, вероятно, принадлежит ее несчастному владельцу. Тюремный костюм сменила другая одежда, наверняка снятая с трупа хозяина «шеви».

И Дэвид уверился, что Эккерс в Джабулани и приехал он раньше, чем залило мост через Лузану – не менее трех-четырех часов назад.

Дэвид швырнул тряпки и побежал.

Иоганн Эккерс проехал по мосту через ручей Лузана, когда вода уже почти скрывала колеса, а дождь падал слепящими белыми полосами.

Вести было трудно. Грязная вода билась о корпус машины, просочилась в кабину, залила пол, бурлила у ног Эккерса, но он благополучно добрался до противоположного берега и поехал дальше. Колеса скользили по мягкой грязи, «шеви» пьяно покачивался.

Чем ближе Эккерс подбирался к Джабулани, тем безрассудней становилась его торопливость.

Уже до приговора и заключения Эккерс был не вполне нормален, подвержен приступам ярости. Считая, что остальные отвергают его, он жил в мире насилия, но все же держался в границах здравого смысла.

Однако два года, проведенные в тюрьме, гнев и жажда мести вывели его за эти границы.

Месть стала единственной целью его существования, и Эккерс сотни раз за день воображал ее себе. Он так рассчитал свой побег, чтобы три дня оставаться на свободе, а потом хоть трава не расти. Трех дней ему хватит.

Он изувечил себе челюсть, глубоко вонзив в десну загрязненную собственными экскрементами иглу. Как он и думал, его отправили в зубную клинику. Охранник оказался не очень внимателен, а дантист под угрозой приставленного к горлу скальпеля, согласился ему помочь.

За пределами тюрьмы Эккерс пустил скальпель в ход, и его слегка удивило, сколько крови может вытечь из человеческого горла. Оставив дантиста лежать на руле, он надел поверх тюремного костюма его белый халат и ждал у светофора.

Сверкающий новый «шеви» остановился на красный свет, и Эккерс открыл дверцу и сел рядом с водителем.

Водитель, невысокий, пухлый, выглядящий преуспевающим, с бледным гладким лицом и мягкими безволосыми руками, покорно выполнил приказ Эккерса.

Тот спрятал его обмякшее раздетое тело в зарослях густой травы на обочине проселочной дороги и через сорок минут выбрался из города.

Он держался объездных путей, медленно продвигаясь на восток. Несмотря на укол, сделанный дантистом, страшно болела челюсть, искалеченной рукой трудно было вести машину, потому что разорванные нервы и сухожилия так и не срослись. Рука оставалась мертвой и бесчувственной.

С осторожностью дикого хищника, слушая новости по радио, Эккерс благополучно миновал расставленную на него сеть, но теперь, в Джабулани, больше не мог сдерживаться.

На скорости сорок миль в час он засел, «шеви» загудел, буксуя, глубоко увязнув в грязи.

Эккерс оставил машину и быстро пошел под дождем на своих длинных ногах. Однажды он захихикал и принялся насвистывать сквозь зубы, но потом снова замолчал.

Из рощи за домом в Джабулани он вышел, когда уже стемнело. Он два часа пролежал под дождем, дожидаясь темноты. Когда смерклось, он принялся высматривать огни и забеспокоился – огней не было.

Он покинул рощу и в осторожно спустился с холма. Обошел дома слуг, пересек посадочную полосу.

Во тьме наткнулся на стену ангара и ощупью нашел дверь.

Лихорадочно развел руки в поисках самолета, которому полагалось тут стоять. Поняв, что самолета нет, испустил стон разочарования.

Они ушли. Он напрасно все спланировал и осуществил, все его отчаянные усилия пошли прахом.

Рыча, как зверь, Эккерс ударил сжатой в кулак здоровой рукой по стене, радуясь боли; его трясло от страшного гнева и ненависти. Он громко закричал – бессмысленно и беспощадно.

Неожиданно дождь прекратился. Тяжелые удары капель о крышу ангара смолкли так внезапно, что Эккерс отвлекся. Он подошел к двери и выглянул.

Над ним в тумане плыли звезды, и слышалось только журчание воды и падение капель с деревьев.

В слабом свете он разглядел среди деревьев белые стены дома. «Все-таки напакостить можно, – решил Эккерс. – Можно дать выход своему гневу. Разломать мебель, а крыша загорится даже в такую погоду, если поджечь изнутри».

Под темными влажными деревьями он двинулся к дому.

Дебра проснулась в тишине. В разгар бури она уснула; может, искала прибежища во сне.

Она попыталась нащупать теплое успокаивающее тело собаки, но ничего не нашла. На диване рядом с ней еще сохранилось нагретое место, где лежал Зулус.

Дебра внимательно прислушалась, но услышала лишь слабое журчание воды и далекий гром. Она вспомнила свой страх и устыдилась.

Встав, она почувствовала, что мерзнет в своем просторном платье и эластичных брюках, приспособленных к ее выросшему животу. Потрогала пол ногой, нашла легкие туфли и сунула в них ноги.

«Схожу в гардеробную за свитером, потом согрею себе кофе», – решила Дебра.

И тут залаял Зулус. В саду. Очевидно, пес вышел через маленькую дверцу, которую специально для него Дэвид проделал в стене веранды.

Собака может лаять по-разному, и Дебра всегда понимала значение лая.

Легкий взвизг соответствует крику часового: «Десять часов вечера, все в порядке».

Более громкое завывание: «Сегодня полнолуние, волчья кровь в жилах не дает мне уснуть».

Резкий отрывистый лай: «Что-то движется у насоса. Может быть, лев».

Наконец громкий отчаянный крик: «Страшная опасность! Берегитесь!»

Именно такой лай услышала Дебра, потом послышалось рычание и звуки борьбы. Пес словно что-то грыз.

Дебра вышла на веранду, чувствуя, как намокают в лужах туфли. Зулус на кого-то напал в саду, она слышала звуки борьбы, рычание. Стояла молча, не зная, что делать, понимая только, что не может выйти к Зулусу. Она слепа и беспомощна перед неизвестным противником. Пока она колебалась, послышался тяжелый удар. Треснула кость, что-то тяжело упало. Рычание Зулуса мгновенно оборвалось. С собакой что-то случилось. Теперь Дебра была абсолютно одна в тишине.

Нет, не в тишине. Она услышала чье-то дыхание – тяжелое, затрудненное.

Дебра прижалась к стене веранды, слушая и выжидая.

Она услышала шаги, шаги человека, они со стороны сада приближались к парадней двери. Под ногами чавкала грязь, плескалась в лужах вода.

Она хотела окликнуть идущего, но горло у нее перехватило. Хотела побежать – ноги словно парализовало. Чужак поднимался по ступеням крыльца.

Рука задела проволочную сетку, потом взялась за ручку, повернула ее.

И тут Дебра обрела дар речи.

– Кто здесь? – негромко окликнула она, ее панический голос прозвучал в ночной темноте.

Шум мгновенно прекратился, чужак ошеломленно застыл. Она представляла себе, как он стоит на верхней ступеньке, всматривается через сетку в темноту веранды, пытается разглядеть ее во тьме. И неожиданно обрадовалась, что на ней темные платье и брюки.

Она неподвижно ждала, прислушиваясь. Ветер шелестел в кронах деревьев, вызывая неожиданный дождь капель. У дамбы крикнула охотящаяся сова. Дебра слышала рокот грома вдалеке над холмами, в кустах пуансеттии хрипло закричал козодой.

Тишина затянулась, и Дебра поняла, что больше не выдержит: ноги у нее задрожали, холод, страх, тяжесть ребенка сдавливали мочевой пузырь. Она хотела сбежать, но бежать было некуда.

И вдруг тишина взорвалась. В темноте послышался смех. Поразительно близкий, отчетливый, полный безумия. Казалось, ее схватили за горло и выдавили весь воздух из легких. Ноги Дебры еще больше ослабли, она вздрогнула, давление на пузырь стало невыносимым: она узнала этот безумный смех, вспомнила его.

Рука задергала дверную ручку. Потом на дверь нажали плечом. Дверь была непрочная, она не предназначалась для защиты от такого натиска. Дебра знала, что она скоро поддастся.

Она повернулась, заскочила в кабинет и заперлась на замок.

Притаилась, лихорадочно размышляя. Она понимала, что, ворвавшись в дом, Эккерс включит свет. Электрический генератор сработает, и ей некуда будет деваться. Единственная ее защита – темнота. В темноте у нее преимущество, потому что она к ней привыкла.

Она слышала крики козодоя и совы – значит, ночь уже наступила; вероятно, тучи скрывают луну и звезды. В лесу темно. Нужно выйти из дома и попытаться добраться до слуг.

Она заторопилась к черному ходу, а по дороге соображала, что можно использовать в качестве орудия самообороны. Огнестрельное оружие заперто в сейфе в кабинете Дэвида, ключ у него. Она пробежала через кухню – тяжелая резная палка ждала на своем обычном месте у двери. Дебра с благодарностью схватила ее и открыла заднюю дверь.

В этот миг парадная дверь сломалась, и Эккерс ввалился в гостиную. Дебра закрыла за собой дверь кухни и двинулась через двор. Стараясь не бежать, считала шаги. Заблудиться нельзя. Надо найти тропу через рощу, ведущую к домам слуг.

Первый ориентир – ворота в изгороди, окружающей усадьбу. Не доходя до них, Дебра услышала, как заработал электрический генератор на насосной станции у гаража. Эккерс нашел выключатель.

Она слегка сбилась с направления и наткнулась на колючую проволоку. Отчаянно пыталась нащупать путь, найти ворота. Над ней затрещала дуговая лампа, одна из тех, что были укреплены на изгороди и по вечерам освещали сад.

Должно быть, Эккерс обнаружил щит на кухне. Дебра поняла, что теперь ярко освещена.

Она услышала его крик и поняла, что он ее увидел. И в этот момент нашла ворота, со всхлипом облегчения раскрыла их и побежала.

Надо уйти от света дуговых ламп, найти темноту. Свет смертельно опасен, тьма – убежище.

Тропа раздваивалась, левая ветвь вела к прудам, правая – к хижинам. Дебра пустилась по правой. Сзади хлопнули ворота. Он преследовал ее.

На бегу она считала – пятьсот шагов до скалы слева от дороги, здесь новая развилка. Дебра споткнулась о камень, грузно упала, ободрав голень.

Встав на колени, она не обнаружила своего посоха. И не могла тратить драгоценные секунды на поиски. Ощупью нашла тропу и помчалась дальше.

Через пятьдесят шагов Дебра поняла, что бежит не по той тропе. Эта вела вниз, к насосной станции, и была плохо ей знакома. Обычно Дебра здесь не ходила.

Она пропустила поворот и наткнулась на неровную поверхность. Пошатнулась, высокая трава обвилась вокруг ее ног, и она тяжело упала на бок.

Теперь она заблудилась, но знала, что ушла из освещенной лампами полосы. Если повезет, удастся скрыться в темноте... Сердце отчаянно билось. Дебру тошнило от ужаса.

Она попыталась справиться со своим судорожным дыханием и прислушаться.

И услышала его тяжелые шаги, ясно звучавшие, хотя почва была мягкой и влажной. Казалось, он идет прямо к ней – и Дебра приникла к мокрой земле, закрыла лицо руками, чтобы заглушить свое дыхание.

В последний момент его шаги прозвучали рядом. Она обмякла от облегчения, но радость была преждевременной: шаги неожиданно смолкли, он стоял так близко, что Дебра слышала его тяжелое хрипение.

Он прислушивался, стоя совсем близко от того места, где она лежала в траве. Так они ждали долгие минуты. Дебре это время показалось вечностью. Но тут послышался его голос:

– Ага! Вот ты где! – захихикал он. – Я тебя вижу.

Сердце ее дрогнуло: он был даже ближе, чем она думала. Она чуть не шарахнулась, хотела побежать, но что-то глубоко внутри остановило ее.

– Я вижу: ты здесь прячешься, – продолжал он. – У меня большой нож, я прижму тебя и вырежу...

Она вжалась в траву, слушая, как из его рта льется поток диких непристойностей. И вдруг поняла, что все еще в безопасности. Ее скрывали ночь и густая трава, он ее потерял. Он

пытался напугать ее, заставить пуститься наутек и тем самым выдать себя. И она все силы сосредоточила на том, чтобы лежать молча и неподвижно.

Наконец угрозы и садистские вопли Эккерса смолкли. Он прислушивался с терпением охотника. Потянулись долгие минуты.

Боль в мочевом пузыре жгла раскаленным железом, Дебре хотелось громко закричать. Что-то отвратительное переползло с влажной травы ей на руку. Она чувствовала многочисленные лапки насекомого на своей коже, но заставляла себя лежать неподвижно.

Что-то мелкое – скорпион или паук – перебралось на шею, и она поняла: еще несколько секунд – и у нее сдадут нервы.

Неожиданно Эккерс снова проявился:

– Ну, хорошо! – сказал он. – Я иду за фонариком. Тогда посмотрим, далеко ли ты уйдешь. Скоро вернусь, не думай, что перехитришь старину Эккерса. Он забыл больше хитростей, чем ты за всю жизнь узнаешь.

Он тяжело, шумно затопал по тропе, и Дебра хотела сбросить многоногую тварь с шеи и бежать, но инстинкт остановил ее. Она выждала пять минут, потом десять. Насекомое переползло в волосы.

В темноте совсем рядом с ней заговорил Эккерс.

– Ну ладно, хитрая шлюха. Все равно я до тебя доберусь.

Он зашагал по тропе, и она поняла, что на сей раз он действительно ушел.

Дрожа от ужаса, Дебра сбросила ползучую тварь с волос. Потом встала и неслышно пошла в лес. Холодными онемевшими пальцами расстегнула брюки – с трудом справилась – и присела, облегчая палящую боль в нижней части живота.

Потом снова встала, чувствуя, как шевелится ребенок. Это движение разбудило в ней защитный материнский инстинкт. Она должна найти безопасное место для своего ребенка. Может, спрятаться у прудов?

Но как до них добраться? Теперь она окончательно заблудилась. Но потом вспомнила, что говорил ей Дэвид о ветре: он приносит дождь с запада; теперь ветер почти стих, и она ждала его легкого прикосновения к щеке. Оно подсказало ей направление. Дебра повернулась спиной к следующему порыву и пошла через лес, вытянув руки, чтобы не наткнуться на ствол. Если только она доберется до пруда, то вдоль его берега сможет дойти до укрытия.

Но в центре циклона ветры кружат, непрерывно меняя направление, и Дебра, доверясь им, начала широкий бесцельный круг по лесу.

Эккерс метался по ярко освещенному дому: распахивал двери, пинками раскрывал шкафы.

Он нашел оружейный сейф в кабинете Дэвида и перевернул ящики стола в поисках ключей. Но не нашел и долго бранился от разочарования.

Потом отыскал стенной шкаф. В нем на полке нашелся электрический фонарь и десяток пакетов с патронами. Он схватил фонарь и нажал кнопку. Яркий белый луч был виден даже в освещенном помещении, и Эккерс ощерился и радостно захихикал.

Кинулся в кухню, выбрал длинный изогнутый нож из нержавеющей стали и побежал через двор к воротам, а оттуда на тропу.

В луче фонаря на мягкой земле ясно видны были следы Дебры. Эккерс шел по ним до того места, где она сбилась с тропы, и обнаружил ее укрытие.

– Хитрая сука, – снова хихикнул он и пошел за ней через лес. Дебра оставила заметный след, идти по нему было легко – он пролегал по высокой траве, с которой она сбила капли. Глаз охотника читал его без труда.

Через каждые несколько минут Эккерс останавливался и светил фонарем вперед, в гущу деревьев. Его охватила охотничья страсть – примитивная забава, составлявшая основу его существования. Предыдущие заминки и неудачи делали охоту еще интересней.

Он осторожно шел по петляющему следу, который поворачивал по широкому кругу.

Остановился, направил луч фонаря вперед, поверх мокрых верхушек травы, и заметил, как у самого края поля зрения что-то переместилось, что-то бледное и округлое.

Он еще раз направил туда луч и увидел бледное напряженное женское лицо. Женщина шла вперед медленно и неуверенно. Шла как во сне, вытянув перед собой руки.

Она двигалась прямо на него, не зная, что он осветил ее фонарем. Остановилась, подхватив тяжелый живот, и всхлипнула от усталости и страха.

Ее брюки промокли от дождя, туфли на ногах порвались, и когда она подошла ближе, он увидел, что ее руки и губы посинели и дрожат от холода.

Эккерс стоял неподвижно, глядя, как Дебра приближается к нему, точно цыпленок к кобре.

Темные влажные волосы упали ей на плечи и занавесили лицо. Тонкое платье, тоже промокшее от капель с деревьев, облепило выпуклый живот.

Он дал ей подойти поближе, наслаждаясь сознанием того, что теперь она – в его власти. Извлекая из мести блаженство, смакуя каждое мгновение, как скупец.

Когда Дебра оказалась в пяти шагах от него, он направил луч прямо ей в лицо и захихикал.

Лицо ее исказилось, она закричала, повернулась и бросилась бежать, как дикое животное. И через двадцать шагов наткнулась на ствол дерева марула.

Упала на спину, перевернулась и громко всхлипнула, схватившись за исцарапанную щеку.

Поднялась на ноги и стояла, дрожа, поворачивая голову и прислушиваясь.

Эккерс медленно обошел ее, приблизился, встал сзади и снова захихикал.

Она снова вскрикнула и сорвалась с места, обезумев от ужаса, ее нога попала в муравейник, женщина тяжело упала на землю и лежала поскуливая.

Эккерс неторопливо, молча подошел к ней, впервые за два года чувствуя себя счастливым. Как кошка, он оттягивал финал, хотел растянуть удовольствие.

Наклонившись, он прошептал грязное ругательство, и Дебра мгновенно вскочила и снова кинулась бежать меж деревьев – отчаянно, вслепую. Он последовал за ней, и в его извращенном, больном сознании она превратилась в символ тех тысяч животных, которых он загнал и убил.

Босой Дэвид легко бежал по мягкой земле. Он торопился, не чувствуя боли ссадин и царапин, не замечая протестов сердца и легких.

Там, где дорога поднималась на холм, а потом начинала спуск к дому, он резко остановился и, тяжело дыша, уставился на дуговые лампы, залившие ярким светом двор

Джабулани. В этом не было смысла, и Дэвид встревожился. И еще быстрее помчался вниз с холма.

Пробежал через пустые разгромленные комнаты, звал Дебру по имени – эхо насмехалось над ним.

Выскочив на переднюю террасу, он увидел, как за разбитой дверью что-то движется в темноте ему навстречу.

– Зулус! – Он двинулся вперед. – Эй, парень! Парень! Где она?

Собака поднялась на ступени, приветственно виляя хвостом, но она явно была ранена. Сильный удар по голове сломал ей челюсть, и та свисала под нелепым углом. Пес все еще не опомнился от удара, и Дэвид склонился к нему.

– Где она, Зулус? Где она?

Собака, казалось, с трудом собирается с силами.

– Где она, парень? Ее нет в доме. Где она? Ищи ее, парень, ищи!

Он привел лабрадора во двор, и у задней двери Зулус взял след на влажной почве. Он решительно направился к воротам, и Дэвид увидел в свете дуговых ламп отпечатки ног Дебры и большие мужские следы.

Пока Зулус пересекал двор, Дэвид вернулся в свой кабинет. Фонаря на полке не было, остался небольшой карманный фонарик. Он взял его и прихватил горсть патронов. Потом быстро открыл сейф. Схватил из стойки ружье и на бегу зарядил его.

Зулус уже бежал по тропинке за воротами, и Дэвид заторопился за ним.

Иоганн Эккерс перестал быть человеком, он превратился в зверя. Вид бегущей добычи воскресил в нем животную страсть преследования и убийства, приправленную кошачьей любовью к мучению. Он играл со своей раненой добычей, отпускал, хотя мог прикончить, затягивал процесс, откладывал кульминацию – последний смертельный удар.

Наконец этот миг наступил; древняя атавистическая память об охотничьем ритуале (потому что убийство тоже имеет свои правила) подсказала Эккерсу: надо кончать.

Он приблизился к бегущей фигуре со спины, протянул руку, схватил за темные волосы, быстрым движением запястья повернул ей голову, открывая ножу доступ к длинному белому горлу.

Дебра набросилась на него с яростью, которой он не ожидал. Тело у нее оказалось гибким, крепким и сильным, и теперь, когда она знала, где он, она рвала его с силой загнанного зверя.

Эккерс не был готов к этому, нападение сбило его с ног, а она не удержалась и упала на него. Он выронил нож и фонарь и вскинул руку, защищая глаза, потому что Дебра пыталась вцепиться в них длинными острыми ногтями. Он чувствовал, как она разрывает ему щеку и нос, воя, точно кошка, потому что в этот миг сама превратилась в зверя.

Он отпустил ее волосы и отпихнул от себя женщину, удерживая ее правой рукой. И ударил. Хрястнул будто деревянной дубиной, жестоко и сильно. Так он оглушил лабрадора и сломал ему челюсть. Удар пришелся Дебре в висок, глухой, как стук топора по древесному стволу. Она перестала бороться. Эккерс встал на колени и, держа ее здоровой рукой, другой безжалостно бил ее, бил по голове. В свете упавшего фонаря было видно, как у нее носом пошла кровь, а удары продолжали сыпаться на ее голову. Дебра давно уже отключи-

лась, а он все не мог остановиться. Наконец успокоился и встал. Подошел к фонарю и посветил в траву. Блеснул нож.

Существует древняя церемония, завершающая охоту. И кульминация этой церемонии – потрошение, когда торжествующий охотник вспарывает добыче брюхо, просовывает в разрез руку и вытаскивает еще теплые внутренности.

Иоганн Эккерс подобрал нож и поставил фонарь так, чтобы он освещал тело Дебры.

Он подошел к ней и ногой перевернул на спину. Темная грива влажных волос закрыла ей лицо.

Он склонился к ней и просунул согнутый палец под платье. Рывком разорвал, и в свете фонаря блеснул ее большой вздутый живот. Белый, спелый, с черной ямкой пупка в середине.

Эккерс захихикал и ладонью отер с лица дождь и пот. Потом покрепче взял рукоять ножа, чтобы одним махом вспороть живот от самой грудной клетки, но при этом не задеть внутренности – искусный, как у хирурга, удар; он делал это за свою жизнь десять тысяч раз, не меньше.

И тут краем глаза он уловил какое-то движение и поднял голову. На него молча летела черная собака, ее глаза горели в свете фонаря.

Он успел вскинуть руку, защищая горло, и мохнатое тело обрушилось на него. Они покатились по земле. В конце концов Зулус оказался наверху, не способный вцепиться во врага из-за искалеченной челюсти.

Эккерс изменил наклон ножа и ударил собаку в грудь, сразу найдя ее верное сердце. Зулус взвизгнул и затих. Эккерс отбросил его в сторону, подобрал нож и направился к тому месту, где лежала Дебра.

Но Зулус дал Дэвиду возможность успеть вовремя.

Дэвид бежал к Эккерсу. Тот смотрел на него мутными зеленоватыми глазами. Он угрожал Дэвиду длинным ножом, руки его были в собачьей крови. При этом он склонял голову так же агрессивно, что и его бабуин.

Дэвид ткнул ружьем прямо ему в лицо и выстрелил из обоих стволов. Заряд снес Эккерсу голову до самого рта, превратил ее в ничто. Эккерс упал на траву, ноги его конвульсивно задергались, а Дэвид отбросил оружие и подбежал к Дебре.

Он склонился к ней и прошептал:

– Моя дорогая, о моя дорогая! Прости меня, пожалуйста, прости. Я не должен был оставлять тебя.

Он осторожно поднял ее и, прижимая к груди, отнес в дом.

На рассвете родился ребенок. Девочка, крошечная, сморщенная, недоношенная. Если бы медицинская помощь была доступна, возможно, она бы и выжила, потому что отчаянно боролась за жизнь. Но Дэвид был неуклюж, неумел и невежествен. Вздувшаяся река отрезала его от мира, телефон по-прежнему молчал, а Дебра не приходила в себя.

Когда все кончилось, он завернул маленькое тело в чистую простыню и нежно положил в приготовленную для ребенка колыбель. Его терзало тяжкое чувство вины: он не сумел защитить тех двоих, что нуждались в нем.

В три часа дня Конрад Берг переправился через ручей Лузана – вода кипела вокруг колес его большого грузовика, – а в шесть Дебра уже лежала в отдельной палате нелспрёйтской больницы. Два дня спустя она пришла в сознание, но лицо у нее распухло и потемнело от кровоподтеков.

* * *

С вершины холма над домом, с естественной смотровой площадки, открывался вид на все поместье Джабулани. Это было одинокое тихое место, и здесь похоронили девочку. Дэвид своими руками вырубил в скале могилу.

Хорошо, что Дебра не держала ребенка в объятиях, не прижимала к груди. Не слышала плача девочки, не ощущала ее детского запаха. Поэтому ее печаль не была горькой и разъедающей. Они с Дэвидом часто навещали могилу. Однажды воскресным утром они сидели там на каменной скамье, и Дебра впервые заговорила о другом ребенке.

– Ты так долго тянул с первым, Морган, – пожаловалась она. – Надеюсь, теперь ты освоил методику.

Они спустились в дом, прихватили удочки и корзину с едой и поехали в «лендровере» к прудам.

За час до полудня начали клевать мозамбикские лещи, они сражались из-за толстых желтых древесных личинок, насаженных на крючки Дэвидом. Дебра поймала пять (все не менее трех фунтов весом), а Дэвид – больше десятка крупных голубых рыбин, прежде чем клев прошел. Тогда они оставили удочки и открыли корзину.

Потом лежали на одеяле под распростертыми ветвями хинных деревьев и пили холодное вино из переносного холодильника. Африканскую весну сменило лето, буш полнился шорохами и невидимой деятельностью. Ткачики, склоняя черные головы, вили свои гнезда-корзинки, сверкая во время работы ярко-желтыми перьями. На дальнем берегу пруда маленький блестящий зимородок сидел на сухой ветви над неподвижной водой, потом неожиданно срывался, голубая вспышка разрывала поверхность, и он выныривал с серебряной рыбешкой в клюве. Стаи желтых, бронзовых, белых бабочек лепились к краю воды. На вершине утеса, высоко над спокойными прудами, на пути к улью мелькали, как золотистые пятна света, пчелы.

Вода привлекала к себе жизнь, и вскоре после полудня Дэвид коснулся руки Дебры.

– Здесь ньяла... – прошептал он.

Они вышли из рощи на дальней стороне пруда. Робкие, пугливые, подходили на несколько шагов, останавливались, чтобы осмотреться большими темными глазами, поворачивая морды, расставив уши; полосатые, изящные, прекрасные, они сливались с тенями рощи.

– Самки все стельные, – сказал Дэвид. – Отел начнется через несколько недель. Все плодоносит. – Он повернулся к ней, она почувствовала это и потянулась ему навстречу. Когда ньяла напились и исчезли, а над головой, издавая свой причудливый охотничий крик, на темно-каштановых крыльях закружил белоголовый орел, они занялись любовью в тени у спокойной воды.

Дэвид рассматривал лицо Дебры. Она лежала под ним, закрыв глаза, темные волосы разметались по одеялу. Синяки на лице пожелтели и побледнели: прошло уже два месяца, как она вышла из больницы. На фоне бледно-голубого синяка ясно выделялся шрам от осколка гранаты. Щеки Дебры раскраснелись, легкая испарина выступила на лбу и верхней губе, она издавала легкие воркующие звуки и иногда начинала скулить, как щенок.

Дэвид смотрел на жену, охваченный страстью. Сквозь листву пробился случайный солнечный луч и упал на ее лицо, омыв его теплым золотым светом, придавая ему сходство с

лицом Мадонны с какой-нибудь средневековой фрески. Для Дэвида это было слишком, любовь обрушилась на него как волна, и Дебра ощутила это и застонала. Она широко раскрыла глаза, и он заглянул в их испещренную золотыми искорками глубину. Зрачки казались огромными черными озерами, но когда солнечный свет ударил прямо в них, они сузились и превратились в точки.

Даже опьяненного нежными чувствами Дэвида поразило это явление, и когда потом они тихо лежали рядом, Дебра спросила:

– Что случилось, Дэвид? Что-то произошло?

– Нет, дорогая. Что могло случиться?

– Я почувствовала это, Дэви. Ты посылал такой сильный сигнал – я уловила бы его и на краю света.

Он рассмеялся и почти виновато отодвинулся от нее. Возможно, ему показалось, почудилось. Он постарался прогнать эту мысль.

В прохладе вечера он собрал удочки и одеяло, проводил Дебру к «лендроверу», и они направились домой кружным путем, потому что Дэвид хотел взглянуть на южную ограду. Двадцать минут они ехали молча, но потом Дебра коснулась его руки.

– Когда ты готов будешь рассказать, что тебя беспокоит, я охотно выслушаю.

Он тут же заговорил, чтобы отвлечь ее, хотя по-прежнему испытывал чувство вины.

Ночью он встал и пошел в туалет. Вернувшись, долго стоял у кровати и смотрел на спящую Дебру. Он так бы ничего и не предпринял, но у прудов зарычал лев. Звук ясно пролетел в тишине ночи две мили, отделявшие их.

Именно такой повод нужен был Дэвиду. Он взял со столика фонарик и направил луч на лицо Дебры. Спокойное безмятежное лицо; он испытывал сильное желание наклониться и поцеловать его, но вместо этого позвал:

– Дебра! Проснись, дорогая!

Она зашевелилась и открыла глаза. Он светил ей в глаза фонариком и опять безошибочно увидел, как сократились ее темные зрачки.

– В чем дело, Дэвид? – сонно спросила она, и он хрипло ответил:

– У пруда дает концерт лев. Я подумал, тебе захочется послушать.

Она зашевелилась, отворачивая лицо, словно мощный луч фонаря был неприятен ей, но ответила довольным голосом:

– О да. Мне нравится его рев. Как ты думаешь, откуда он?

Дэвид выключил фонарик и скользнул в постель к ней под бок.

– Вероятно, пришел с юга. Ручаюсь, это он вырыл под изгородью яму, через которую можно проехать на машине. – Он старался говорить непринужденно, они обнялись под простыней и лежали, тихие и теплые, прислушиваясь к далекому реву, пока тот не затих в отдалении – лев направился в сторону заповедника. Потом снова любили друг друга, после чего Дэвид не мог уснуть и лежал, обнимая Дебру, до рассвета.

Неделю спустя он написал письмо:

Дорогой доктор Эдельман.

Мы договорились, что я сообщу, если произойдут какие-нибудь изменения с глазами Дебры или вообще с ее здоровьем.

Недавно произошел несчастный случай, во время которого Дебра получила несколько сильных ударов по голове и два с половиной дня была без сознания.

Ее поместили в больницу, подозревая трещину в черепе и сотрясение мозга, но десять дней спустя выписали.

Это произошло около двух месяцев назад. Однако я заметил, что после этого случая ее глаза стали чувствительны к свету. Как вы хорошо знаете, раньше этого не было, и до настоящего времени она никак не реагировала на свет. Она также жалуется на головную боль.

Я несколько раз повторял свои наблюдения при солнечном и искусственном освещении, и нет никакого сомнения: она реагирует на сильные источники света, ее зрачки немедленно сокращаются, в такой же степени, как у здоровых людей.

Мне кажется, что ваш первоначальный диагноз можно пересмотреть, но — особенно подчеркиваю это — действовать следует с крайней осторожностью. Не хочу возбуждать ложные надежды.

Буду очень признателен за совет по данному поводу и с нетерпением жду ответа.

Искренне ваш,
Дэвид Морган.

Дэвид запечатал письмо, надписал адрес, но, когда на следующей неделе вернулся из очередного полета в Нелспрёйт, конверт по-прежнему лежал в кармане его кожаной куртки.

Дни шли спокойно, обычным чередом. Дебра завершила первый вариант своего нового романа и получила от Барри Дугана приглашение выступить с лекциями в пяти крупнейших городах Соединенных Штатов. «Наш собственный мир» уже тридцать две недели входил в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», и агент сообщал, что публика вцепилась в книгу, как клещ в собачье ухо.

Дэвид заметил, что, по его мнению, как кое во что совсем другое. Дебра фыркнула: «Развратник, не знаю, что я, такая приличная девушка, делаю рядом с тобой...» Потом написала агенту и отказалась от лекций.

— Кому нужны люди? — согласился с ней Дэвид, зная, что она приняла такое решение ради него. Он понимал также, что Дебру, красивую слепую писательницу, автора бестселлера, ждет несомненный успех, и эти выступления переведут ее в высшую категорию.

Это делало промедление с письмом еще более несправедливым. Он пытался придумать рациональную причину не спешить с отправкой. Твердил себе, что чувствительность к свету вовсе не означает, что к Дебре вернется зрение, что сейчас она счастлива, приспособилась, нашла место в жизни, и было бы жестоко вырвать ее из найденной ниши и отдать во власть ложной надежды, а может, и подвергнуть болезненной операции.

Во всех своих рассуждениях он пытался на первое место ставить потребности Дебры, но это был самообман, и Дэвид понимал это. Он медлил ради Дэвида Моргана: ведь если к Дебре вернется зрение, тщательно уравновешенное здание его личного счастья рухнет.

Однажды утром он один поехал в «лендровере» в дальний угол Джабулани и остановил машину в укромном месте среди зарослей верблюжьей колючки. Выключил мотор, потом, не выходя из машины, приспособил зеркало и принялся разглядывать свое лицо. Целый час изучал он изуродованные черты, стараясь найти хоть что-нибудь знакомое, и не обна-

ружил ничего, кроме глаз. В конце концов он понял, что ни одна женщина не сможет приблизиться к нему, не сможет улыбнуться, поцеловать это лицо, дотронуться до него, ласкать в миг любви.

Он медленно поехал домой. Дебра ждала его в прохладной тени на веранде; услышав рев «лендровера», она рассмеялась и побежала мужу навстречу. На ней были потертые брюки и ярко-розовая блузка. Когда он вышел из машины, Дебра подняла к нему лицо и слепо, но радостно принялась губами искать его губы.

Этим вечером Дебра организовала шашлык. Хотя они сидели у открытого огня, прислушиваясь к ночным звукам, было прохладно. Дебра набросила на плечи кашемировый свитер, а Дэвид – свою летную куртку.

В его кармане по-прежнему лежало письмо и, казалось, жгло его. Он расстегнул карман и достал конверт. Дебра счастливо щебетала рядом, протягивая руки к огню, а Дэвид медленно поворачивал письмо в руках.

Потом неожиданно, словно это был живой скорпион, бросил его в огонь и смотрел, как конверт чернеет и свертывается, превращаясь в пепел.

Но отделаться от письма оказалось не так-то легко, и когда ночью Дэвид лежал без сна, чудесно сохранившиеся строки всплывали перед глазами. Он не забыл ни слова. И теперь не знал покоя; и хотя глаза его были закрыты, а голова гудела от усталости, уснуть он не мог.

В последующие несколько дней он был молчалив и раздражителен. Хотя он и пытался сдерживаться, Дебра чувствовала это и встревожилась не на шутку, считая, что он сердится на нее. Она полностью сосредоточилась на попытках найти причину беспокойства Дэвида и устранить ее.

И эта ее заботливость заставляла Дэвида еще острее ощущать свою вину.

Однажды вечером, близкие к отчаянию, они поехали к Жемчужным бусам и, оставив «лендровер», рука об руку пошли к краю воды. Нашли бревно, скрытое в тростниках, и сели. Некоторое время оба молчали.

Большое красное солнце садилось за рощу, среди деревьев сгущались сумерки, в тени показались робкие антилопы ньяла.

Дэвид подтолкнул Дебру, и она повернула голову, прислушиваясь, и придвинулась поближе к нему, а он прошептал:

– Сегодня они нервничают, двигаются словно на пружинах, я отсюда вижу, как дрожат их мышцы. Старые самцы как будто на грани нервного срыва, они прислушиваются так внимательно, что уши у них вытянулись вдвое длиннее обычного. Должно быть, в тростниках прячется леопард... – Он смолк, а потом негромко воскликнул: – А, вот в чем дело!

– Что это, Дэвид? – Дебра настойчиво тянула его за руку, подстегиваемая любопытством.

– Теленок! – В голосе Дэвида звучала радость. – Одна из самок родила. О Боже, Дебра! Ноги у него еще подгибаются, и он светлый... кремово-бежевый... – Он описал теленка, который неуверенно вышел вслед за матерью на открытое пространство.

Дебра слушала его внимательно: акт рождения и материнство что-то задевали в глубине ее души. Возможно, она вспоминала собственного погибшего ребенка. Она сильнее сжала руку мужа, слепые глаза, казалось, сверкали в темноте – и вдруг заговорила. Голос ее звучал негромко, но болезненно ясно, полный тоски и печали, которые она всегда скрывала:

– Я хотела бы увидеть это, – сказала она. – О Боже! Боже! Позволь мне увидеть! Пожалуйста, позволь мне увидеть! – И неожиданно заплакала, сотрясаясь от рыданий.

За прудом ньяла вздрогнули и исчезли среди деревьев. Дэвид прижал голову Дебры к своей груди и почувствовал, как рубашка намокает от ее слез. Ледяные ветры отчаяния врывались в его душу.

В тот же вечер у газовой лампы он переписал письмо. Дебра в той же комнате вязала свитер, обещанный ему на зиму, и думала, что он занят отчетами об экономическом состоянии поместья. Дэвид обнаружил, что помнит каждое слово своего письма, и ему потребовалось всего несколько минут, чтобы написать и запечатать его.

– Ты завтра работаешь над книгой? – небрежно спросил он и, когда Дебра подтвердила, продолжил: – Мне нужно на пару часов слетать в Нелспрёйт.

Дэвид летел высоко, словно отрекаясь от земли. Он не мог поверить в то, что собирался сделать. Что способен на такую жертву. Можно ли любить так сильно, чтобы уничтожить эту любовь ради любимой? Он понял: можно. Летя на юг, он нашел в себе силы взглянуть в лицо будущему.

Дебра больше других людей нуждается в зрении: без него ее писательский талант ущербен. Если она не видит мир, она не может его описать. Судьба наделила ее писательским даром, а потом половину его отняла. Он понимал ее плач: «О Боже! Боже! Дай мне увидеть! Пожалуйста, дай мне увидеть!» Он и сам желал того же ради нее. Рядом с этой необходимостью его собственные нужды казались жалкими и незначительными, и он молча молился: «Боже, дай ей видеть вновь».

Он посадил «навахо» в аэропорту, взял такси и поехал прямо на почту. Водитель ждал, пока Дэвид наклеивал марки и бросал письмо в ящик.

– Куда теперь? – спросил шофер, когда Дэвид вышел с почты, и Дэвид уже хотел сказать: «В аэропорт», но тут ему пришла в голову новая мысль.

– В винный магазин, – попросил он.

Там Дэвид купил ящик шампанского «Вдова Клико».

С легкой душой летел он домой. Колесо повернулось, колокольчик звякнул – теперь он ничего не мог изменить. Он избавился от сомнений, от вины – что бы ни случилось, он был готов встретить это.

Дебра почти сразу ощутила перемену и с облегчением рассмеялась, обнимая его за шею.

– Но что произошло? – спрашивала она. – Несколько недель ты был сам не свой. Я так волновалась, что чуть не заболела – а потом ты улетаешь на несколько часов и возвращаешься, гудя, как динамо. В чем дело, Морган?

– Я понял, как сильно тебя люблю, – отозвался он, отвечая объятием на объятие.

– Очень?

– Очень!

– Вот молодец! – Она зааплодировала.

«Вдова Клико», как всегда, пришлась кстати. В пачке корреспонденции, которую Дэвид привез из Нелспрёйта, было письмо от Бобби Дугана. Он пришел в восторг от первых глав романа, которые посылала ему авиапочтой Дебра, и не только он, но и издатели; Бобби умудрился в качестве аванса получить сто тысяч долларов.

– Ты богата! – рассмеялся Дэвид, поднимая голову от письма.

– Только поэтому ты на мне и женился, – согласилась Дебра. – За денежками охотился! – Она возбужденно смеялась, и Дэвид был горд и счастлив за нее.

– Им понравилось, Дэвид. – Дебра стала серьезной. – Правда понравилось. Я так беспокоилась. – Деньги не имели значения, разве только как мерило ценности книги. Большие деньги – самая искренняя похвала.

– Дураки они были бы, если бы им не понравилось, – заметил Дэвид. – Кстати, я привез – случайно – ящик французского шампанского. Пожалуй, поставлю на лед бутылочку, а то и десять.

– Морган, ты такой предусмотрительный, – сказала Дебра. – Теперь я понимаю, за что люблю тебя.

Следующие несколько недель были хороши как никогда. Грозовые тучи на горизонте обострили ощущения Дэвида, пора изобилия делала возможные годы засухи и неурожая еще более страшными. Он пытался растянуть это время. Прошло целых пять недель, прежде чем он снова полетел в Нелспрёйт, и то только потому, что Дебра хотела получить новости от издателей и агента. Кроме того, нужно было забрать ее рукопись у машинистки.

– Я хотела бы постричься, хотя понимаю, что на самом деле мне это не нужно. Но может, нам стоит встречаться с людьми – хотя бы раз в месяц, как ты думаешь? Мы уже полгода ни с кем не виделись.

– Неужели так долго? – невинно спросил Дэвид, хотя подсчитывал и взвешивал каждый проведенный вместе день, наслаждаясь им, предвидя тяжелые времена.

Дэвид оставил Дебру в салоне красоты; уходя, он слышал, как она просила девушек не делать ей мелкие завитки и не лить слишком много лака.

Их абонентский ящик был забит доверху, и Дэвид быстро разобрал корреспонденцию, отложив три письма Дебре из Америки и два с израильскими марками. Одно из них было написано неразборчивыми каракулями – типичный почерк врача, и Дэвид удивился, что оно дошло по адресу. Почерк второго письма он узнал безошибочно, буквы шли ровными рядами, каждая строка на своем месте, над буквами вздымались росчерки, как копья над строем солдат.

Дэвид нашел в парке скамью под пурпурным палисандровым деревом и в первую очередь открыл письмо Эдельмана. Оно было на иврите, что делало расшифровку еще более трудной.

Дорогой Дэвид,

Ваше письмо удивило меня, и я снова изучил рентгеновские снимки. Они совершенно недвусмысленны, и, интерпретируя их, я бы без всяких сомнений повторил свой первоначальный диагноз...

Вопреки собственному желанию Дэвид ощутил некоторое облегчение.

Однако если я и усвоил что-то за двадцать пять лет практики, так это необходимость быть смиренным и скромным. Могу только поверить, что Ваши наблюдения за чувствительностью зрачков миссис Морган к свету верны. Но в этом случае приходится признать,

что глазные нервы по крайней мере частично сохранили способность функционировать. Это означает, что нервы разорваны не полностью и что теперь — возможно, в результате сильных ударов по голове — в некоторой степени восстановили свои функции.

Главный вопрос: на сколько? Я вновь должен предупредить Вас, что восстановление может быть минимальным и связанным только с чувствительностью к свету, что нисколько не затрагивает собственно зрения. Но вероятно, тут нечто большее; и в разумных пределах можно надеяться, что правильное лечение вернет — хотя бы частично — и способность видеть. Впрочем, я считаю, что достигнуть можно только смутного различения цвета и формы, и следует принять решение, стоит ли этим заниматься — ввиду обязательной хирургической операции в столь уязвимой области.

Я, конечно, с радостью осмотрел бы Дебру. Однако, вероятно, вам неудобно возвращаться в Иерусалим, и поэтому я взял на себя смелость написать своему кейптаунскому коллеге, одному из ведущих хирургов мира в области травм зрения. Это доктор Рувим Фридман. Прилагаю копию своего письма к нему. Я также отправил ему все снимки и историю болезни Дебры.

Настоятельно рекомендую Вам при первой же возможности показать Дебру доктору Фридману и советую полностью доверять ему. Могу добавить, что больница «Гроот Шуур» широко известна в мире и оборудована всем необходимым для лечения — там не ограничиваются только пересадкой сердца!

Я позволил себе показать Ваше письмо генералу Мардохею и обсудить с ним этот случай...

Дэвид тщательно сложил письмо. «Какого черта он втягивает в это Брига? Все равно что привести боевого коня в розовый сад». Он распечатал письмо генерала.

Дорогой Дэвид,

Со мной говорил доктор Эдельман. Я позвонил Фридману в Кейптаун, и тот согласился осмотреть Дебру.

Я уже несколько лет откладываю поездку с лекциями в Южную Африку, несмотря на уговоры Всемирного еврейского конгресса. Сегодня я написал туда и попросил их подготовить мой визит.

Это даст тебе возможность отвезти Дебру в Кейптаун. Скажи ей, что у меня недостаточно времени, чтобы побывать на вашей ферме, но я хочу с ней увидеться.

Позже я сообщу сроки своей поездки и надеюсь тогда встретиться...

Типичный стиль Брига, резкий, командный, заранее предполагающий согласие. Теперь дело уходило из рук Дэвида. Обратной дороги нет, но остается возможность фиаско. Дэвид понял, что надеется на это, и собственный эгоизм вызвал у него отвращение. Он сложил письмо Брига и тут же написал подложное, в котором сообщалось только о планах приезда в Южную Африку. Это для Дебры; ему показалось забавным подражать стилю Брига, и вечером он очень убедительно продемонстрировал это жене.

Та пришла в восторг, и Дэвиду стало совестно за свой обман.

– Как хорошо будет увидеться с ним. Может, и мама приедет...

– Он об этом не написал, так что вряд ли. – Дэвид разложил письма из Америки в хронологическом порядке по штемпелям и прочел их ей. Первые два содержали критические отклики, и он отложил их для дальнейшего, более подробного изучения, но третье нанесло им новый удар.

«Юнайтед артистс» хотели экранизировать «Наш собственный мир» и предлагали крупную сумму за права, а также небольшой процент с прибыли. Однако Бобби Дуган был уверен, что если Дебра поедет в Калифорнию и сама напишет сценарий, гонорар превысит двести пятьдесят тысяч долларов. Он просил ее подумать над тем, что даже известных писателей редко просят самих написать сценарий, что от такого предложения нельзя легко отказываться, и советовал Дебре принять его.

– Кому нужны люди? – Дебра рассмеялась – поспешно, чересчур поспешно, – и Дэвид заметил печальное выражение ее лицо, прежде чем она отвернулась и весело спросила: – У тебя еще осталось шампанское, Морган? Я думаю, это можно отпраздновать... Как ты считаешь?

– При твоих запросах, – ответил он, – пора делать большие запасы. – И отправился к холодильнику. Дэвид наполнил бокалы – пена поднялась до самого края – и, передавая жене стакан, принял решение.

– Давай серьезно отнесемся к его совету и подумаем о твоей поездке в Голливуд, – сказал он, вкладывая бокал ей в руки.

– Чего об этом думать? – заметила она. – Наше место здесь.

– Нет, давай подождем с ответом...

– Как это? – Она поставила бокал, не пригубив.

– Подождем, пока... скажем, пока не увидимся с Бригом в Кейптауне.

– Почему? – удивилась она. – Что тогда изменится?

– Нипочему. Просто слишком важное решение... а выбор времени случаен, конечно.

– *Беседер!* – с готовностью согласилась Дебра и подняла бокал. – Я люблю тебя!

– А я люблю тебя, – заверил он, радуясь, что из множества слов она выбрала именно эти.

Бриг должен был приехать в Кейптаун через три недели, и Дэвид наслаждался каждым часом, предвидя изгнание из их личного рая.

Это были счастливые дни, и, казалось, природа делала все, чтобы они были еще лучше. Постоянно шли теплые дожди, они начинались в середине дня, после облачного предгрозового утра, пронизанного предчувствием грома. Вечером в облаках играли молнии, а гневное солнце темнело до цвета бронзы и румянца девственницы. Когда потом они лежали обнявшись в темноте, слышался громовой удар, молния высвечивала у кровати ослепительный квадрат окна, а дождь шумел точно лесной пожар, стучал, словно копыта бегущего стада. Но Дебра не боялась, ведь Дэвид был рядом.

После дождя наступало ясное прохладное утро, деревья отмывались дочиста, их листья блестели на раннем солнце, почва темнела от влаги, блестели лужи.

В период дождей все расцветало, и каждый день приносил свои маленькие открытия – неожиданных посетителей, странные происшествия.

Скопы извлекли своих двух птенцов из большого неряшливого гнезда на дереве мобахоба и учили их сидеть на голых ветвях. Так эти птенцы и сидели день за днем,

словно набираясь храбрости. А родители лихорадочно готовили их к великому дню первого полета.

И однажды утром, когда Дэвид и Дебра завтракали на веранде, они услышали хор торжествующих птичьих криков. Дэвид взял Дебру за руку, и они спустились с веранды на открытое место. Дэвид задрал голову и увидел в голубом небе четырех больших птиц, парящих на широко расставленных крыльях. Они поднимались большими ровными кругами, пока не превратились в точки и не исчезли, отправившись на осень к реке Замбези, за две тысячи миль к северу.

Но в эти последние дни произошел случай, опечаливший их обоих. Однажды утром они прошли четыре мили за линию холмов к узкой клинообразной равнине, где росли высокие свинцовые деревья.

Пара африканских воинственных орлов избрала самое высокое из них для спаривания. Прекрасная молодая самка и самец, уже переживший свои лучшие годы. На высокой развилке они начали вить гнездо, но работу прервало появление одинокого самца, большой молодой птицы, яростной, гордой и жадной. Дэвид видел, как этот орел летает на границе территории, не вторгаясь пока в пределы пространства, которое пара считала своим, сидит на холмах над равниной, набираясь храбрости для схватки. Неизбежное столкновение имело особое значение для Дэвида, и все его симпатии были на стороне старого орла, который воинственно клекотал, сидя на своем свинцовом дереве, или летал вдоль границ своей территории, не пересекая их.

В этот день Дэвид решил отправиться на равнину и выбрать место, откуда можно было бы фотографировать птиц. К тому же его интересовал исход первобытного поединка двух самцов.

По чистой случайности он выбрал именно тот день, когда кризис подошел к разрешению.

Дэвид и Дебра миновали холмы и тяжело дыша остановились на скальном выступе. Поле битвы расстилалось прямо под ними.

Старая птица сидела в гнезде – темный сгорбленный силуэт; голова втянута в плечи. Дэвид поискал пришельца, осматривая в бинокль окрестные холмы, но его не было видно. Дэвид опустил бинокль на грудь, и они с Деброй начали негромко разговаривать.

И вдруг внимание Дэвида привлекло поведение старого орла. Тот неожиданно взлетел, взмыл вверх на своих больших крыльях, и в его полете чувствовались тревога.

Он пролетел прямо над их головами. Дэвид ясно увидел кривой клюв и темные пятна на груди.

Орел раскрыл желтый клюв и резко, воинственно закричал. Дэвид быстро повернулся, когда старый воин скрылся в облаках. Он сразу понял его военную хитрость. Молодой орел избрал этот момент для нападения и выбрал направление атаки с мастерством, не характерным для своего возраста. Дерзкий нарушитель парил в вышине, отчетливо видный на фоне солнца, бросая вызов старому орлу, и Дэвид, чувствуя, что по спине бегут мурашки, сочувственно наблюдал, как медленно поднимается защитник на широких крыльях.

Быстро, слегка задыхаясь, он описал происходящее Дебре, и та схватила его за руку. Она тоже сочувствовала старому орлу.

– Рассказывай! – приказала она.

Молодая птица медленно, выжидающе кружила, наклонив голову и наблюдая за приближением соперника.

– Он нападает! – Голос Дэвида звучал напряженно: атакующий опустил крыло и начал снижаться.

– Я его слышу, – прошептала Дебра, и до них ясно донесся шум крыльев, похожий на лесной пожар в буше: молодой орел устремился вперед.

– Поворот налево! Давай! – Дэвид понял, что кричит старому орлу, как своему ведомому, он так сжал руку Дебры, что женщина поморщилась. Казалось, старый орел услышал его: он сложил крылья и ушел от удара, нападающий просвистел мимо, бессильно вытягивая когти, скорость увлекла его почти к самой земле.

Старая птица сложила крылья и устремилась вслед за молодой. Одним маневром она вернула себе преимущество.

– Бей его! – надрывался Дэвид. – Бей на повороте!

Молодая птица неслась к вершинам деревьев, к явной гибели. она отчаянно размахивала крыльями, чтобы избежать столкновения и уйти от врага. В этот миг она была уязвима; старый орел вытянул свои страшные когти и, не сбавляя скорости, ударил противника в самый момент поворота.

До наблюдателей ясно донесся звук схватки, полетели перья – черные с крыльев и белые с груди.

Старый орел вцепился когтями в молодого, обе птицы падали, переворачиваясь, перья летели с их сцепившихся тел, и ветер уносил их, как семена чертополоха.

По-прежнему сцепившись в смертельном поединке, они ударились о верхние ветви свинцового дерева, провалились сквозь них и, наконец, неряшливым комком перьев и бьющих крыльев застряли в развилке ствола.

Ведя Дебру по неровной почве, Дэвид заторопился вниз с холма, сквозь жесткую остролистую траву, к дереву.

– Ты их видишь? – беспокойно спрашивала Дебра, и Дэвид направил бинокль на борющуюся пару.

– Они застряли, – сказал Дэвид. – Старик полностью вогнал когти в спину врага. Он не может высвободиться, и теперь они висят на развилке, по разные стороны ствола.

Над ними раздавался клекот гнева и боли, орлица беспокойно летала над свинцовым деревом, вплетая свой резкий крик в звуки битвы.

– Молодая птица умирает. – Дэвид, рассматривая орла в бинокль, видел, как алые капли падали из желтого клюва, рубинами блестели на белоснежной груди.

– А старая? – Дебра с поднятым лицом вслушивалась в шум, в ее темных глазах застыла тревога.

– Он не может освободиться, его когти сжимаются автоматически, под давлением, и он не в состоянии их расцепить. Он тоже погибнет.

– Нельзя ли что-то сделать? – Дебра тянула его за руку. – Ты можешь ему помочь?

Он мягко попытался объяснить ей, что птицы сцепились в семидесяти футах над землей. У свинцового дерева совершенно гладкий ствол, и первые ветви появляются на высоте в пятьдесят футов. Потребуется несколько дней, чтобы добраться до птиц, а к тому времени они уже погибнут.

– Дорогая, даже если бы до них можно было дотянуться, это дикие птицы, свирепые и опасные, их когти и клювы могут вырвать глаза, разодрать тело до костей – природа не терпит вмешательства в свои замыслы.

– Разве совсем ничего нельзя сделать?

– Можно, – негромко ответил он. – Утром и посмотрим: может, они сумеют освободиться. Но на всякий случай я прихвачу с собой ружье.

На рассвете они вернулись к свинцовому дереву. Молодой орел издох, он безжизненно висел, но старик еще жил, прикованный когтями к трупу соперника, он ослаб, он умирал, но его желтые глаза горели по-прежнему яростно. Он услышал голоса, повернул лохматую голову и испустил последний вызывающий крик.

Дэвид зарядил ружье, закрыл стволы и посмотрел на старого орла. «Не ты один, старый друг», – подумал он, поднес приклад к плечу и выстрелил из обоих стволов картечью. Орлы остались висеть на ветвях, роняя капли крови на землю. Дэвиду казалось, что этим залпом он уничтожил часть самого себя, и эта тень долго преследовала его.

Эти несколько дней пролетели для Дэвида стремительно, и их остаток они с Деброй провели в походах по Джабулани, навещая любимые места, отыскивая стада разнообразных животных, словно прощались с друзьями. Вечером они оказались среди хинных деревьев на берегу пруда и сидели там, пока солнце не зашло в великолепии пурпурных и розовых оттенков. Потом над головами зазвенели москиты, и Морганы рука об руку вернулись к дому – уже в темноте.

Этим вечером они упаковались и выставили сумки на веранду, чтобы выехать пораньше. Потом пили шампанское у костра, на котором жарилось мясо. Вино подняло им настроение, они смеялись в маленьком островке света посреди бескрайней африканской ночи, но Дэвид все время слышал эхо этого смеха и чувствовал: что-то закончилось, начинается нечто новое.

Рано утром они взлетели. Дэвид, медленно поднимаясь, сделал два круга над домом. Пруды металлически сверкали в лучах восходящего солнца. Земля под покрывалом роскошной зелени разительно отличалась от мрачных просторов северного полушария. Во дворе дома стояли слуги, заслоняя глаза и махая руками; их длинные узкие тени лежали на красноватой земле.

Дэвид повернул и двинулся по курсу.

– Летим в Кейптаун, – сказал он, Дебра улыбнулась и положила руку ему на колено в теплом дружеском молчании.

Они заказали номер в отеле «Маунт Нелсон», предпочтя его старинную элегантность и просторный пальмовый сад современным постройкам из стекла и бетона на побережье. Два дня они провели в номере, ожидая прибытия Брига, потому что Дэвид отвык от людей и с трудом выдерживал быстрые любопытные взгляды и сочувственные слова.

На второй день прилетел Бриг. Он постучал в дверь номера и вошел – решительно, агрессивно. Он по-прежнему был худым, поджарым, загорелым, каким помнил его Дэвид; обняв Дебру, он протянул Дэвиду сухую крепкую руку, но посмотрел на него с каким-то новым, оценивающим, выражением.

Пока Дебра принимала душ и одевалась к вечеру, он отвел Дэвида в свой номер и, не спрашивая, налил ему виски. Протянул стакан и тут же начал рассказывать о своих приготовлениях.

– Фридман будет на приеме. Я познакомлю его с Деброй и дам им поболтать, потом он будет сидеть рядом с ней за обедом. Это даст нам возможность убедить Дебру дать себя осмотреть...

– Прежде чем мы пойдем дальше, сэр, – перебил его Дэвид, – я хочу взять с вас слово, что вы ни при каких условиях не скажете Дебре о возможности вернуть ей зрение.

– Хорошо.

– Я хочу подчеркнуть – ни при каких условиях. Даже если Фридман решит, что операция необходима, для нее придется найти какой-то другой предлог...

– Вряд ли это возможно, – гневно ответил Бриг. – Если дело зайдет так далеко, Дебра должна знать. Нечестно...

Настала очередь Дэвида рассердиться. Застывшая маска его лица оставалась неподвижной, но безгубый рот побледнел, и синие глаза яростно сверкнули.

– Позвольте мне решать, что честно, а что – нет. Я знаю ее так, как вы никогда не знали. Я знаю, что она чувствует и о чем думает. Если вы упомянете о возможности вернуть зрение, перед ней встанет та же дилемма, какая встала передо мной, когда я узнал об этом. Я хочу уберечь ее от этого.

– Не понимаю, – напряженно произнес Бриг. Враждебность заполнила комнату, она казалась предчувствием грома в летний день.

– Позвольте объяснить. – Дэвид смотрел тестю прямо в глаза, выдержав свирепый взгляд старого воина. – Мы с вашей дочерью необыкновенно счастливы.

Бриг склонил голову, признавая это.

– Да, верю, но это состояние искусственное. Словно в теплице, в изоляции; это не имеет отношения к реальному миру. Как во сне.

Дэвид чувствовал, что вот-вот обезумеет от гнева. Никто не смеет так говорить об их жизни с Деброй. Но в то же время он понимал справедливость этих слов.

– Можно сказать и так, сэр. Однако для нас с Деброй это самая настоящая явь. Необыкновенно ценная.

Теперь Бриг смолчал.

– Скажу вам откровенно, я долго и напряженно размышлял, прежде чем признать, что у Дебры есть шанс, но и в этом случае я мог бы эгоистически скрыть его...

– Я по-прежнему не понимаю. Ты-то здесь при чем?..

– Посмотрите на меня, – негромко попросил Дэвид, и Бриг сурово взглянул на него, ожидая продолжения, но, не дождавшись его, смягчился и долго разглядывал Дэвида, словно впервые видя его уродливую голову, извращенные черты лица – и неожиданно понял точку зрения зятя. Ведь до сих пор он рассуждал только как отец.

Он опустил глаза и занялся виски.

– Если я могу вернуть ей зрение, я сделаю это. Это будет очень дорогой дар с моей стороны, и она должна принять его. – Голос Дэвида дрожал. – Но я убежден, что она так меня любит, что способна отказаться от него, если появится такая возможность. Не хочу, чтобы она мучилась выбором.

Бриг поднял стакан и сделал большой глоток, одним махом уничтожив половину содержимого.

– Как хочешь, – согласился он, и – может быть, из-за виски – в его голос проникли чувства, о которых Дэвид и не подозревал.

– Спасибо, сэр. – Дэвид поставил свой нетронутый стакан. – А теперь прошу прощения. Мне нужно переодеться. – И он направился к двери.

– Дэвид! – окликнул его Бриг, и Дэвид обернулся. Под темной полоской усов блеснул золотой зуб, и на лице Брига появилась неловкая улыбка.

– Ты справишься, – сказал он.

Прием устраивали в банкетном зале отеля «Хееренграхт». Когда Дэвид и Дебра поднимались в лифте, она, казалось, ощутила его страх, потому что крепче сжала его руку.

– Будь сегодня рядом со мной, – прошептала она. – Ты мне нужен.

Он с благодарностью понял, что жена хочет отвлечь его. Они будут настоящим цирком уродов, и хотя большинство гостей было подготовлено, Дэвид чувствовал, что ему предстоит нелегкое испытание. И прижался к ней щекой.

Волосы Дебры были распущены – мягкие, темные, блестящие, солнце вызолотило ее лицо. Простое зеленое узкое платье, прямого силуэта, спускалось до пола, руки и плечи обнажены. Сильные гладкие плечи, особый блеск кожи. Почти никакой косметики, только губы чуть тронуты помадой. Серьезное выражение лица подчеркивало грациозность походки, когда Дебра шла с Дэвидом под руку, вселяя в него столь необходимое ему мужество войти в заполненный зал.

Съехалось избранное общество: женщины в шелках и драгоценностях, мужчины в темных костюмах (их грузность и осанка свидетельствовали о власти и богатстве), но Бриг даже в штатском выделялся в толпе – жесткий и поджарый среди пухлых и самодовольных – как ястреб в стае фазанов.

Он привел с собой Рувима Фридмана и небрежно представил его. Фридман оказался невысоким человеком плотного телосложения, с непропорционально большой головой. Волосы на его круглом черепе были коротко подстрижены и поседели, но Дэвиду понравились маленькие, блестящие птичьи глаза и непринужденная улыбка. Ладонь у него была теплая, но сухая и крепкая. Дебре он тоже понравился, и она улыбалась, слыша его голос, чувствуя обаяние его личности.

Когда они садились за стол, она спросила Дэвида, как выглядит Фридман, и радостно засмеялась, когда Дэвид ответил:

– Похож на коалу.

За первым блюдом они весело болтали. Жена Фридмана, молодая, в роговых очках, не красивая, но приятная, держалась с мужем по-дружески, принимала участие в разговоре, и Дэвид услышал, как она спросила:

– Не хотите заглянуть к нам завтра на обед? Если выдержите толпу визжащих детей...

– Обычно мы не ходим... – начала Дебра, но Дэвид заметил в ее голосе колебание, когда она повернулась к нему. – Можно?

Он согласился, и потом они смеялись как старые друзья, но Дэвид был молчалив и отчужден, понимая, что это предлог; его неожиданно начал угнетать гул голосов и звон посуды. Он понял, что тоскует по ночной тишине бушевого вельда, по одиночеству, которое делил только с Деброй.

Когда распорядитель встал, представляя оратора, Дэвиду полегчало: испытание близилось к концу, скоро он сможет уйти и скрыться с Деброй от этих внимательных, понимающих взглядов.

Вступительная речь была гладкой, профессиональной (несколько шуток вызвали общий смех), но бессодержательной: пять минут спустя уже невозможно было вспомнить, о чем в ней говорилось.

Потом встал Бриг и огляделся – с олимпийским спокойствием, с презрением воина к этим мягкотелым неженкам. И хоть эти влиятельные богачи вздрогнули под его взглядом, Дэвид чувствовал, что это им нравится. Этот человек доставлял им странное извращенное удовольствие. Он внушал глубокую уверенность, на него можно было положиться. Он был одним из них и в то же время совсем другим. В нем сосредоточились вся сила и гордость нации.

Даже Дэвида поразило ощущение мощи, исходящее от старого воина, то, как он подчинил себе аудиторию. Он казался бессмертным и неуязвимым, и Дэвид почувствовал, что сердце забилось быстрее: его тоже подхватило течение.

– ...но за все нужно платить. Часть этой платы – постоянная бдительность. Каждый из нас должен быть готов в любую минуту откликнуться на призыв к защите, каждый должен быть готов к любой жертве. Может быть, к жертве самой жизни или чего-нибудь не менее дорогого...

Неожиданно Дэвид обнаружил, что генерал имеет в виду его, они смотрели друг на друга через зал. Бриг слал ему поддержку, внушал храбрость, но собравшиеся неправильно поняли его.

Они заметили молчаливый обмен взглядами этих двоих. Многие знали, что уродство Дэвида и слепота Дебры – результат войны. Они неверно поняли упоминание Брига о необходимости жертвы, и кое-кто зааплодировал.

И сразу люди начали подниматься со своих мест, рукоплескания превратились в гром. Собравшиеся смотрели на Дэвида и Дебру, хлопали, поворачивали к ним головы. Отодвигались стулья, аплодисменты продолжали звучать, от них сотрясался зал. Теперь уже стояли все.

Дебра не знала точно, что происходит, но ощутила настроение Дэвида.

– Пошли отсюда, быстро. Они все смотрят на нас.

Она чувствовала, как дрожат его руки, чувствовала его отчаяние, вызванное мерзким любопытством толпы.

– Пошли. – Она встала – сердце щемило от сочувствия – и, сопровождаемая овацией, пошла рядом с мужем, его голова беззащитно склонилась, словно под ударами противника, глаза блестели на изуродованном лице.

Даже когда они добрались до своего номера, он продолжал дрожать, как в лихорадке.

– Ублюдок, – шипел он, наливая себе виски. Бутылка звякала о край стакана. – Проклятый ублюдок, зачем он так с нами обошелся?

– Дэвид. – Дебра подошла и нащупала его руку. – Папа не нарочно. Я знаю, он хотел добра. Я думаю, он пытался сказать, что гордится тобой.

Дэвид испытывал стремление бежать, спрятаться в своем убежище в Джабулани. Искушение сказать: «Идем» – он знал, что Дебра послушается без всяких вопросов – было так велико, что ему пришлось почти физически бороться с ним.

Виски показалось горьким и приторным. Оно не давало спасения, и он поставил стакан на край стойки и повернулся к Дебре.

– Да, – прошептала она, – да, мой дорогой. – В ее голосе звучала гордость, радость женщины, которая знает, что в ней источник силы мужчины. Как всегда, она смогла пролететь с ним над бурей, на неистовых крыльях любви унести их обоих далеко, чтобы они потом оторвались друг от друга, ощущая мир, спокойствие, безопасность.

Среди ночи Дэвид проснулся. Дебра спала. В балконную дверь светила луна, и он ясно видел лицо жены, но скоро ему уже не хватало света, и он включил лампу на столике у кровати.

Дебра зашевелилась во сне, медленно пробуждаясь, неуверенной рукой отвела с глаз темные волосы, и Дэвид ощутил приближение неизбежной утраты. Он знал, что не сдвинул постель, зажигая лампу, и точно понял: Дебру разбудил свет. На этот раз даже любовь не смогла отвлечь его.

Жилище Рувима Фридмана ясно свидетельствовало о занимаемом им положении. Дом стоял у моря, ровные лужайки уходили к самому берегу, большие темно-зеленые деревья – африканский мимузопс – окружали плавательный бассейн с купальными кабинами и площадкой для барбекю.

Толпа детей Марион Фридман по случаю визита Дебры и Дэвида несколько уменьшилась. Вероятно, их разослали по друзьям, но двое самых маленьких остались. Они несколько минут со страхом разглядывали Дэвида, но после выговора от матери отправились к бассейну плескаться и играть.

У Брига было очередное выступление, поэтому четверо взрослых остались одни, и немного погодя напряжение спало. Почему-то тот факт, что Рувим врач, успокоил Дэвида и Дебру. Девушка сказала об этом, когда речь зашла об их ранах, и Рувим заботливо спросил:

– Вы не возражаете, если мы поговорим об этом?

– С вами нет. Почему-то раздеваться перед доктором легче.

– Не делайте этого, моя дорогая, – предупредила ее Марион. – Не раздевайтесь перед Руви, взгляните на меня, на моих шестерых детей.

И все рассмеялись.

Рувим, который встал сегодня рано, похвастался пойманными раками – он ловил их среди скал на собственной охотничьей территории.

Он завернул раков в водоросли и испек на углях, так что они стали алыми, а мясо у них под панцирем было молочно-белым и сочным.

– Разве это не самый нежный цыпленок? – заявил Рувим. – Мы все готовы поклясться, что у него две ноги и перья.

Дэвид согласился, что никогда не ел такого вкусного мяса, и запил его сухим рислингом. Они с Деброй наслаждались беседой, и поэтому он пережил настоящее потрясение, когда Фридман перешел к истинной цели их встречи.

Наклонившись к Дебре, чтобы наполнить ее стакан, он спросил:

– Давно ли осматривали ваши глаза, дорогая? – мягко взял ее за подбородок и приподнял голову, чтобы заглянуть в глаза.

Нервы Дэвида натянулись как струны; он заерзал, внимательно глядя на Дебру.

– Ни разу после Израиля. Впрочем, в больнице сделали несколько рентгеновских снимков.

– Голова болит? – спросил Рувим, и она кивнула. Фридман хмыкнул и выпустил ее подбородок.

– Вероятно, меня следовало бы уволить, за то, что я беззастенчиво заманиваю пациентов. Но я думаю, вам следует периодически проходить осмотры. Два года – большой срок, а у вас в черепе инородное тело.

– Я об этом и не думала. – Дебра слегка нахмурилась и коснулась шрама на виске.

Дэвид почувствовал приступ раскаяния и виновато присоединился к заговору.

– Ну, это ведь не повредит, дорогая. Пусть Руви посмотрит тебя, раз уж мы здесь. Когда у нас будет другая такая возможность?

– Ох, Дэвид, – с сомнением сказала Дебра. – Я знаю, тебе хочется домой, мне тоже.

– Еще день-два не имеют значения, ведь теперь, когда об этом зашла речь, мы будем беспокоиться.

Дебра повернула голову к Рувиму.

– Сколько это займет?

– День. Утром я вас осмотрю, а во второй половине сделаем несколько снимков.

– Когда вы сможете уделить ей внимание? – поинтересовался Дэвид. Он знал, что эта встреча назначена еще пять дней назад.

– Да, пожалуй, завтра, хотя кое-что ради этого придется передвинуть. У вас особый случай.

Дэвид взял Дебру за руку.

– Хорошо, дорогая? – спросил он.

– Хорошо, Дэвид, – с готовностью согласилась она.

Смотровой кабинет Фридмана располагался в Медицинском центре, возвышающемся над гаванью и выходящем на Столовый залив, где сильный юго-восточный ветер срезал верхушки волн, покрывая их белой пеной и затягивая противоположный берег залива туманом, серым, как древесный дым.

Помещения были убраны заботливо и со вкусом: висели два оригинальных пейзажа работы Пернифа и несколько хороших ковров, самаркандских и вышитых золотом африканских, даже секретарша походила на девушку из плейбой-клуба. Ясно было, что Рувим Фридман ценит стиль жизни.

Секретарша ждала их, но не совладала со своим лицом: глаза ее распахнулись, щеки вспыхнули, когда она взглянула на Дэвида.

– Доктор Фридман ждет вас, мистер и миссис Морган. Он хочет, чтобы вы вошли оба.

Без животика, нависающего над купальными трусами, Рувим выглядел совсем иначе, но он тепло приветствовал их и взял Дебру за руку.

– Позволим Дэвиду остаться с нами? – шутливым тоном заговорщика спросил он.

– Позволим, – ответила она.

После обычных расспросов, которым Рувим следовал неуклонно, он как будто удовлетворился, и они отправились в смотровой кабинет. Кресло показалось Дэвиду таким же, как у дантиста. Рувим приспособил его так, чтобы Дебре было удобнее лежать, и принялся осматривать ее глаза, по очереди освещая их фонариком.

– Прекрасные здоровые глаза, – высказал он наконец свое мнение, – и к тому же очень красивые, не правда ли?

– Очень, – согласился Дэвид, и Рувим посадил Дебру прямо, прикрепил к руке электроды и придвинул сложный электронный аппарат.

– ЭКГ? – предположил Дэвид.

Рувим усмехнулся и покачал головой:

– Нет, это мое собственное небольшое изобретение. Я им очень горжусь, но по существу это усовершенствование старого детектора лжи.

– Снова допросы? – поинтересовалась Дебра.

– Нет. Мы направим вам в глаза луч света и посмотрим, какую подсознательную реакцию это у вас вызовет.

– Мы это и так знаем, – сообщила Дебра, и оба поняли, что она нервничает.

– Может быть. Но это обычная процедура, – успокаивал ее Рувим, потом сказал Дэвиду: – Встаньте сзади, пожалуйста. Свет очень сильный, и я не хочу, чтобы вы смотрели прямо на него.

Дэвид отодвинулся, и Рувим приладил машину. Из-под движущегося стержня показался лист бумаги, на нем вычерчивалась кривая. На особом зеленом экране показалась светлая точка, она проносилась по его поверхности в размеренном ритме, оставляя за собой тающий хвост, как комета. Прибор напомнил Дэвиду экран радара истребителя-перехватчика. Рувим выключил освещение, и комната погрузилась в темноту, светился только зеленоватый экран.

– Вы готовы, Дебра? Смотрите прямо вперед, пожалуйста. Не закрывайте глаза.

Неожиданно помещение залил яркий голубой свет, и Дэвид отчетливо увидел, как зеленая точка на экране подпрыгнула, на одно-два мгновения линия резко изменилась, потом приобрела прежний вид. Дебра увидела вспышку, хоть и не подозревала об этом. Ее мозг зарегистрировал этот факт и отреагировал на него, а машина записала эту реакцию.

Игра со светом продолжалась минут двадцать, Рувим менял направление и силу луча. Наконец он удовлетворился и включил освещение.

– Ну как? – оживленно спросила Дебра. – Я прошла?

– Мне от вас больше ничего не нужно, – заверил ее Рувим. – Вы вели себя великолепно, и теперь у нас есть все необходимое.

– Мне можно идти?

– Дэвид отведет вас пообедать, но я хочу, чтобы после полудня вы побывали у рентгенолога. Моя секретарша договорилась о приеме на два тридцать. – Рувим аккуратно отразил все попытки Дэвида остаться с ним наедине. – Я дам вам знать, как только будут готовы снимки. Вот тут я записал адрес рентгенолога. – Он нацарапал адрес на листочке из рецептурной книжки и протянул Дэвиду. – Загляните ко мне завтра в десять утра, один.

Дэвид кивнул и взял Дебру за руку. Он смотрел на Рувима, стараясь хоть что-нибудь угадать по его поведению, но тот лишь пожал плечами и по-опереточному закатил глаза: как знать...

Обедали они в своем номере в «Маунт Нелсон» (Дэвид по-прежнему не выносил общественных помещений), где к ним присоединился Бриг. Он задействовал все свое очарование, как будто почувствовал, что необходима его помощь, и все они весело смеялись, слушая его рассказы о детстве Дебры и о первых днях семейной жизни после отъезда из

Америки. Дэвид был благодарен ему, и время пролетело так быстро, что ему пришлось поторопить Дебру.

– ...Я собираюсь применить к вам два разных способа, моя дорогая...

Дэвид подумал: «Что же такое в Дебре заставляет всех мужчин старше сорока обращаться с ней, как с двенадцатилетней девочкой?»

– Прежде всего сделаем пять снимков, которые мы называем полицейскими: спереди, сзади, с боков и сверху. – Рентгенолог был краснолицым седовласым мужчиной с большими руками и плечами профессионального борца. – Мы даже не заставим вас раздеться... – Он захихикал, но Дэвид уловил в его голосе сожаление. – Потом мы схитрим и сделаем несколько последовательных снимков содержимого вашей головы. Это называется томография. Голову мы закрепим неподвижно, а камера будет описывать круг, фокусируясь на том месте, от которого исходят все неприятности. Мы узнаем все, что происходит в этой хорошенькой головке...

– Надеюсь, содержимое не шокирует вас, доктор, – ответила Дебра, и он вначале удивился, а потом радостно захохотал. Дэвид слышал, как он с удовольствием рассказывал об этом сестре.

Процедура оказалась долгой и скучной, и когда они наконец освободились и вернулись в отель, Дебра прижалась к Дэвиду и произнесла:

– Давай поедем домой, Дэвид. Как только сможем.

– Как только сможем, – согласился он.

Дэвид очень не хотел, но Бриг настоял на том, чтобы на следующее утро сопровождать его в приемную доктора Фридмана. Это был один из тех редких случаев, когда Дэвиду пришлось солгать Дебре; он объяснил, что ему предстоит встреча с управляющими фондами Морганов, и оставил ее в зеленом бикини у плавательного бассейна отеля, загорелую, стройную, прекрасную в свете солнца.

Рувим Фридман был краток и деловит. Он усадил их напротив своего стола и сразу перешел к сути.

– Джентльмены, – сказал он, – перед нами проблема, и очень серьезная. Я буду показывать вам рентгеновские снимки, чтобы проиллюстрировать свои слова... – Он придвинулся к сканеру и включил его. – С этой стороны материалы, которые Эдельман прислал мне из Иерусалима. На них виден осколок гранаты. – Темный, с острыми краями, маленький треугольный кусочек стали на фоне туманно очерченной кости. – Видно, как осколок прошел через оптический канал, виден нанесенный ущерб. Первоначальный диагноз Эдельмана – он основан на этих снимках и полной неспособности Дебры различать свет или форму – кажется очевидным. Глазной нерв разрезан, и с этим все. – Он быстро достал пластинки и вставил в сканер другие. – Второй набор снимков сделан вчера. Сразу заметно, что осколок гранаты инкапсулирован и врос в кость. – Четкие очертания смягчились, закрылись костной тканью. – Это хорошо, и мы ожидали этого. Но вот здесь, в глазном канале, заметно некое разрастание, которое позволяет сделать несколько предположений. Возможно, это рубец, осколок кости или опухоль – доброкачественная или злокачественная. – Рувим поместил в сканер еще несколько пластинок. – Наконец, эти снимки сделаны способом томографии и позволяют точно определить контуры разрастания. Они показывают весь глазной канал, кроме одного места. – Рувим указал на маленькую полукруглую

зарубку на наросте. – Вот здесь расположена главная ось мозга, а дальше проход забирает вверх в виде перевернутой буквы «U». Возможно, это наиболее значительное открытие нашего исследования. – И Рувим выключил сканер.

– Я ничего не понял, – резко бросил Бриг. Он не терпел, когда его подавляли специальными знаниями.

– Конечно, – спокойно согласился Рувим. – Я просто подготовил почву для объяснения. – Он вернулся к столу, манеры его изменились. Теперь он не читал лекцию, он излагал свое авторитетное мнение. – Вот каково мое заключение. Нет никакого сомнения, что глазной нерв хотя бы отчасти сохранен. Он по-прежнему передает в мозг импульсы. По крайней мере часть его не тронута. Возникает вопрос: насколько не тронута, насколько могут быть восстановлены функции нерва? Возможно, осколок перерезал только пять нитей из шести, или четыре, или три. Мы этого не знаем, мы знаем только, что такое повреждение неустранимо. И Дебра может остаться с тем же, что есть сейчас, – ни с чем.

Рувим смолк. Двое мужчин напротив напряженно смотрели ему в лицо, подавшись вперед в своих креслах.

– Это темная сторона. Если дело обстоит именно так, то для всех практических целей Дебра слепа и такой останется навсегда. Но есть и другая сторона. Возможно, глазной нерв почти не поврежден, может быть, вообще не поврежден, слава Богу...

– Тогда почему она не видит? – гневно вопросил Дэвид. Он чувствовал, что его куда-то ведут, приманивают, как быка в далеком прошлом. – Выберите уж что-нибудь одно.

Рувим посмотрел на него и впервые разглядел за этой неподвижной маской искалеченной плоти чувства, понял, какую боль испытывает Дэвид, увидел, что она таится в его темных глазах, сизых, как ружейная сталь.

– Простите, Дэвид. Меня увлек этот сложный случай, я смотрел на него со своей академической точки зрения, а не с вашей. Больше я не буду отвлекаться. – Он откинулся в кресле и продолжал: – Помните рубец в глазном канале? Я считаю, что это сам нерв, изогнутый и смещенный со своего обычного положения. Обломок кости пережал его, как садовый шланг, а давление металлического осколка было таково, что нерв не мог передавать импульсы в мозг.

– Удары по виску... – начал Дэвид.

– Да. Этих ударов оказалось достаточно, чтобы слегка сместить обломок кости или сам нерв, так что минимум импульсов стал передаваться в мозг – так, дергая перегнутый садовый шланг, можно пропустить немного воды, хотя основной поток будет заперт. Но едва шланг распрямится, поток хлынет в полную силу.

Они молчали, обдумывая услышанное.

– Как глаза? – спросил наконец Бриг. – Они здоровы?

– Абсолютно, – ответил Рувим.

– Как узнать... Я хочу сказать, какие шаги нужно предпринять? – негромко осведомился Дэвид.

– Есть только одна возможность. Придется осмотреть место травмы.

– Операция? – ужаснулся Дэвид.

– Да.

– Вскрыть Дебре череп? – В его взгляде светился страх.

– Да, – кивнул Рувим.

– Ее голову... – Дэвид с дрожью вспоминал безжалостный нож. Он увидел искаженное любимое лицо, боль в слепых глазах. – Нет, я не позволю вам резать ее. Не позволю обезобразить, как это сделали со мной...

– Дэвид! – Голос Брига прозвучал, словно треснувший лед, и Дэвид съежился в кресле.

– Я понимаю, что вы испытываете, – мягко, контрастно Бригу, заговорил Рувим. – Но мы проникнем со стороны волос, никакого обезображивания не будет. Как только отрастут волосы, шрам скроется, да и разрез будет очень невелик...

– Я не хочу, чтобы она страдала. – Дэвид пытался справиться со своим голосом, но тот по-прежнему дрожал. – Она достаточно натерпелась, разве вы не видите?..

– Мы говорим о возврате зрения, – снова вмешался Бриг, холодно и жестко. – Легкая боль – небольшая плата за это.

– Боли будет очень немного, Дэвид. Меньше, чем при удалении аппендикса.

Они снова замолчали. Двое старших мужчин наблюдали за молодым, не способным решиться.

– Каковы шансы? – Дэвид просил о помощи, хотел, чтобы решение принял за него кто-то другой, хотел отдать его в их руки.

– Неизвестно. – Рувим покачал головой.

– О Боже, я не могу рисковать, когда все так сомнительно! – воскликнул Дэвид.

– Хорошо. Позвольте мне сформулировать так: существует реальная возможность – не вероятность, а возможность – что зрение восстановится частично. – Рувим тщательно подбирал слова. – И совсем небольшая возможность, что зрение восстановится полностью или почти полностью.

– Это в лучшем случае, – согласился Дэвид. – А в худшем?

– А худший – никаких изменений не будет. Она напрасно перенесет боль и неудобства.

Дэвид вскочил с кресла и подошел к окну. В широком заливе стояли танкеры, а вдали в яркое небо дымчатой голубизной поднимались холмы Тайгерберга.

– Ты знаешь, каким должен быть выбор, Дэвид. – Бриг не позволял ему отступить, безжалостно гнал навстречу судьбе.

– Ну хорошо. – Дэвид сдался и повернулся к ним. – Но с одним условием. Я на этом настаиваю. Дебра не должна знать, что есть шанс вернуть ей зрение...

Рувим Фридман не согласился:

– Ей нужно сказать.

Бриг яростно ощетинил усы.

– Почему? Почему ты не хочешь, чтобы она знала?

– Вам известно, почему, – ответил Дэвид, не глядя на него.

– Но как вы объясните ей? – спросил Рувим.

– У нее сильные головные боли... Сообщим, что у нее опухоль... ее нужно удалить. Это ведь правда, не так ли?

– Нет, – возразил Рувим. – Я не могу сказать ей это. Не могу обманывать.

– Тогда я сам это сделаю. – Голос Дэвида снова звучал твердо. – И я объясню ей, каков будет исход операции. Благоприятный или нет. Я сделаю это. Вам понятно? Вы согласны?

Немного погодя они кивнули, принимая условия Дэвида.

Дэвид попросил шеф-повара отеля собрать корзину для пикника, а бар предоставил ему переносной холодильник с двумя бутылками шампанского.

Дэвиду хотелось ввысь, на простор, но нужно было уделять все внимание Дебре, а не механизмам, и он неохотно отказался от мысли лететь с ней; вместо этого они по канатной дороге поднялись на крутые склоны Столовой горы. С верхней станции на плато уходила тропа, и они рука об руку шли по ней, пока не набрели на прекрасное место на краю утеса, где смогли уединиться в безбрежном океане пространства.

Снизу, за две тысячи футов, до них долетали звуки города, еле слышные и неузнаваемые, их приносили случайные порывы ветра: автомобильный гудок, шум локомотивов на грузовой станции, крик муэдзина, призывающего правоверных на молитву, крики детей, отпущенных после уроков. Но все эти далекие шумы человечества лишь подчеркивали их одиночество, а ветер с юга казался сладким и чистым после грязного городского воздуха.

Они пили вино, и Дэвид набирался решимости. Он уже хотел заговорить, но Дебра опередила его.

– Хорошо быть живой и любимой, дорогой, – сказала она. – Мы очень счастливы, ты и я. Ты это знаешь, Дэвид?

Он издал звук, который можно было принять за согласие, и храбрость покинула его.

– Если бы могла, ты хотела бы что-нибудь изменить? – выдавил он наконец, и Дебра рассмеялась.

– Конечно. Полной удовлетворенности не бывает до самой смерти. Я поменяла бы многое в мелочах, но не главное. Ты и я.

– А что бы ты конкретно изменила?

– Я бы хотела лучше писать, например.

Они снова смолкли, прихлебывая вино.

– Скоро солнце сядет, – сказал он ей.

– Расскажи, – потребовала она, и Дэвид попытался найти слова, чтобы описать оттенки облаков, которые мерцали над океаном, слепили последними золотыми и кровавыми лучами. И понял, что никогда не сумеет. Он смолк на середине фразы.

– Сегодня я разговаривал с Рувимом Фридманом, – внезапно произнес он, не способный к более мягкому подходу, и Дебра застыла рядом с ним в своей особой неподвижности робкого дикого зверька, почуявшего свирепого хищника.

– Так плохо?! – сникла она.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ты привел меня сюда, чтобы рассказать... и потому что ты боишься.

– Нет, – возразил Дэвид.

– Да. Я очень ясно чувствую это. Ты боишься за меня.

– Неправда, – попытался заверить ее Дэвид. – Я слегка обеспокоен, вот и все.

– Расскажи.

– Небольшой нарост. Не опасный – пока. Но с ним нужно что-то делать... – Он, запинаясь, изложил тщательно подготовленное объяснение, а когда закончил, она долго молчала.

– Это необходимо, абсолютно необходимо? – осведомилась она наконец.

– Да, – ответил он, и Дебра кивнула, полностью доверяя ему. Потом улыбнулась и схватила его за руку.

– Не мучай себя, Дэвид, дорогой. Все будет в порядке. Вот увидишь, нас это не коснется. Мы живем в своем особом мире, и там никто не может нас тронуть. – Теперь она пыталась успокоить его.

– Конечно, все будет хорошо. – Он прижал ее к себе и наклонился, чтобы отпить вина.

– Когда? – спросила она.

– Завтра ты ложишься в больницу, а операция на следующее утро.

– Так быстро?

– Я подумал, что лучше покончить с этим побыстрее.

– Да. Ты прав.

Она тоже отпила вина, задумчивая, испуганная, несмотря на напускную храбрость.

– Мне разрежут голову?

– Да.

Дебра вздрогнула.

– Риска нет, – заверил он.

– Конечно. Я в этом уверена, – быстро согласилась она.

Дэвид проснулся среди ночи и сразу понял, что он один, что Дебры, мягкой и сонной, рядом нет.

Быстро выскользнув из постели, он направился в ванную. Пусто. Он прошел в гостиную и включил свет.

Она услышала щелчок выключателя и отвернулась, но Дэвид успел увидеть у нее на щеках слезы, легкие серые жемчужины. Быстро подошел.

– Дорогая, – произнес он.

– Я не могла уснуть.

– Все в порядке. – Он наклонился к дивану, на котором она сидела, но не касался ее.

– Мне снился сон, – стала рассказывать она. – Большой пруд с чистой прозрачной водой, и в нем плаваешь ты и зовешь меня. Я хорошо вижу твое лицо, прекрасное, смеющееся...

Дэвид неожиданно понял, что во сне она видит его таким, каким он был раньше, а не ужасное чудовище, каким он стал сейчас.

– ...И вдруг ты начал тонуть, уходить под воду, вниз, вниз, твое лицо расплывалось, исчезало... – Голос ее прерывался, она ненадолго смолкла. – Ужасный сон. Я заплакала и хотела плыть за тобой, но не могла пошевельнуться, и ты исчез в глубине. Вода потемнела, и я проснулась с тьмой в голове. Ничего, кроме клубящейся тьмы.

– Это всего лишь сон, – сказал он.

– Дэвид, – прошептала она, – завтра, если завтра что-то случится...

– Ничего не случится, – чуть ли не рявкнул он, но Дебра поднесла руку к его лицу, нашла губы и без слов коснулась их, чтобы он замолчал.

– Что бы ни случилось, – промолвила она, – помни: мы были счастливы. Помни, что я любила тебя.

Больница «Гроот Шуур» была расположена на нижних склонах Вершины Дьявола, высокой скалы, отделенной от Столовой горы глубокой седловиной. Вершина скалы была серой, а под ней лежали темные сосновые леса и открытые травянистые луга большого поместья, которое Сесил Родс завещал государству. На этих лугах спокойно паслись стада оленей и антилоп, а юго-восточный ветер окутывал вершину летящим облачным знаменем.

Больница представляла собой массивный комплекс ослепительно белых зданий, прочных прямоугольников, крытых красной черепицей.

Рувим Фридман использовал все свое влияние, чтобы получить для Дебры отдельную палату, и дежурная сестра ждала ее. Дебру отобрали у Дэвида и увели, оставив его, одинокого и растерянного, но когда вечером он пришел навестить ее, она сидела в постели в мягкой пижаме, которую он подарил ей, окруженная заказанными им цветами.

– Они прекрасно пахнут, – поблагодарила она. – Я словно в саду.

На голове у Дебры был тюрбан, серьезные золотые глаза смотрели куда-то вдаль, и вид у нее был экзотический и загадочный.

– Тебе побрили голову! – в отчаянии вскрикнул Дэвид. Он не ожидал, что придется пожертвовать ее роскошной черной гривой. Ему почудилось в этом крайнее унижение, и Дебра, похоже, думала так же, потому что не ответила и принялась оживленно рассказывать, как хорошо с ней обращаются и как заботятся о ее удобствах.

– Можно подумать, я королева, – рассмеялась она.

С Дэвидом пришел Бриг, он был резок, решителен и совершенно неуместен в этом окружении. Его присутствие сковывало, и они испытали облегчение, когда появился Рувим Фридман. Оживленный, обаятельный, он поздравил Дебру с успешно проведенной подготовкой.

– Сестра говорит, что вы вели себя прекрасно, теперь вы побриты и готовы. Простите, но вам ничего нельзя есть или пить, примите только снотворное, которое я прописал.

– Когда операция?

– Когда вы как следует выспитесь. Завтра в восемь утра. Я очень доволен, что оперировать будет Билли Купер, нам с ним повезло, он мне кое-чем обязан. Конечно, я буду ассистировать, и у него одна из лучших в мире хирургических бригад.

– Руви, вы знаете, некоторые женщины предпочитают, чтобы их мужья присутствовали при родах?..

– Да, – неуверенно ответил Рувим, захваченный врасплох ее вопросом.

– Не может ли Дэвид быть со мной завтра? Мы были бы вместе, ради нас обоих, когда это произойдет.

– При всем моем уважении, голубушка, вы ведь не рожаете.

– Нельзя ли ему быть там? – умоляла Дебра, красноречиво глядя на Фридмана с таким выражением, что смягчило бы и самое жестокое сердце.

– Простите. – Рувим покачал головой. – Это совершенно невозможно. – Но тут его лицо прояснилось: – Вот что я вам скажу. Я могу провести его в помещение для студентов. Все равно что присутствуешь на операции, ему будет видно даже лучше, чем в операционной. У нас местное телевидение, и Дэвид все увидит.

– О, пожалуйста! – Дебра немедленно согласилась. – Мне приятно будет знать, что он рядом, что между нами контакт. Мы не любим, когда нас разлучают, правда, дорогой? – Она улыбнулась в ту сторону, где, как ей казалось, стоял Дэвид, но тот успел передвинуться, и ее улыбка была направлена в пустоту.

У него сжалось сердце.

– Ты ведь будешь там, Дэвид? – спросила Дебра, и хотя у него вызвала отвращение мысль о скальпеле, он заставил себя непринужденно заявить:

– Буду. – И чуть не добавил: «Всегда», но не произнес этого слова.

Рано утром в маленьком лекционном зале с двумя полукруглыми рядами мягких сидений и телевизором присутствовало еще только двое: полная симпатичная студентка, кудрявая, как пудель, и высокий молодой человек с бледной кожей и плохими зубами. У обоих из карманов белых халатов с рассчитанной небрежностью торчали стетоскопы. После первого удивленного взгляда они перестали обращать внимание на Дэвида и разговаривали друг с другом на медицинском жаргоне.

– Куп сегодня режет.

– Вот-вот, поглядим...

Девушка курила «Галуаз» из синей пачки, запах сигарет заполнял маленькое помещение. Дэвиду жгло глаза: он мало спал ночью, и дым раздражал его. Он то и дело поглядывал на часы, представляя себе, что происходит с Деброй в эти минуты: унизительное очищение тела, переодевание, успокоительные и антисептические уколы.

Наконец минуты перестали тянуться, экран осветился, на нем появилась операционная. Телевизор был цветной, и одетые в зеленое фигуры вокруг операционного стола сливались с зелеными стенами. Они казались укороченными. Микрофоны поймали обрывок разговора хирурга с ассистентами.

– Готовы, Майк?

У Дэвида засосало под ложечкой, и он пожалел, что отказался от завтрака. Может, тогда пустота была бы заполнена.

– Хорошо. – Голос врача зазвучал резче: теперь он говорил в микрофон. – Камера включена?

– Да, доктор, – сообщила операционная сестра, и хирург с ноткой покорности заговорил, обращаясь к невидимой телевизионной аудитории:

– Начинаем. Пациент – женщина двадцати шести лет. Полная слепота на оба глаза, вероятная причина – повреждение глазного нерва в оптическом канале. Проводится хирургическая операция на месте повреждения. Хирург доктор Уильям Купер, ассистент доктор Рувим Фридман.

Пока он говорил, картинка сменилась, и Дэвид понял, что смотрит на Дебру и не узнает ее. Лицо и нижнюю часть головы закрывали стерильные повязки, открытым оставался

только выбритый череп. Выглядел он нечеловечески, был похож на яйцо и вымазан антисептической мазью, которая блестела в ярком верхнем свете.

– Сестра, скальпель.

Дэвид напряженно подался вперед в кресле, вцепился в подлокотники, костяшки пальцев побелели: Купер сделал первый надрез на гладкой коже. Кожа разошлась, и из мелких кровеносных сосудов немедленно забили фонтанчики крови. На экране появились руки в резиновых перчатках, желтые и безликие, но быстрые и уверенные.

Был вырезан овальный участок кожи и тканей, он свисал, обнажая блестящую кость. По спине у Дэвида побежали мурашки. Хирург взял сверло, очень похожее на плотницкий коловорот или бурав. Продолжая бесстрастный комментарий, он начал сверлить; сверкающая сталь быстро углублялась в череп. Врач проделал четыре круглых отверстия – по углам квадрата.

– Подъемник надкостницы, сестра.

У Дэвида свело живот. Хирург ввел сверкающий стальной инструмент в одно из просверленных отверстий и начал осторожно поворачивать, пока его верхушка не появилась из соседнего. Купер искусно пользовался длинной стальной острой проволокой. Он перепилил кость. Четырежды повторял он эту процедуру, пропиливая стороны квадрата, и когда наконец поднял вырезанный участок кости, открылся доступ в череп Дебры.

Дэвида замутило, он с трудом сдерживался, чувствуя холодную испарину на лбу, но когда камера нацелилась в отверстие, его ужас сменился удивлением: он видел бледную аморфную массу – мозг Дебры. Купер искусно проделал отверстие в мозговой оболочке.

– Мы обнажили фронтальную долю, теперь необходимо сместить ее, чтобы добраться до основания черепа.

По-прежнему работая быстро, но очень осторожно, Купер с помощью ретрактора из нержавеющей стали в форме рожка для обуви приподнял массу мозга и сдвинул ее в сторону. Мозг Дебры – глядя на него, Дэвид, казалось, заглядывал в самую основу ее существования – был обнажен и уязвим, но в нем заключалось все то, что и было Деброй. «Какая часть этой бледной мягкой массы содержит ее талант писателя? – подумал он. – Из каких извилин бьет плодотворный источник ее воображения, где заключена любовь к нему, в каком укромном местечке прячется ее смех, а где слезы?» Он внимательно следил, как ретрактор все глубже и глубже уходит в отверстие. Камера медленно перемещалась, заглядывая внутрь черепа Дебры.

Купер сопровождал свою работу комментариями:

– Мы обнажили переднюю часть пазухи в клиновидной кости; заметьте, что здесь имеется доступ в глазной канал...

Дэвид заметил, что тон хирурга изменился: искусные руки приближались к цели, напряжение нарастало.

– Вот это интересно, прошу увеличение на экране. Да! Отчетливо видна деформация кости...

Хирург был доволен, и двое студентов рядом с Дэвидом что-то воскликнули и придвинулись ближе. Дэвид видел мягкие влажные ткани и твердую блестящую поверхность на дне раны, видел концы стальных инструментов – металлические пчелы на тычинках розово-желтого цветка. Купер пробивался к осколку гранаты.

– Мы приближаемся к инородному телу. Рентгеновские снимки, сестра.

Тут же появился снимок, и снова студенты ахнули. Девушка с сигаретой пускала клубы вонючего дыма.

– Спасибо.

На экране снова возникло операционное поле, и Дэвид увидел темную черточку – осколок гранаты, впившийся в белую кость.

– Я думаю, пора им заняться. Вы согласны, доктор Фридман?

– Я тоже считаю, что его нужно извлечь.

Длинные, стройные стальные насекомые осторожно подбирались к темному участку; наконец послышалось удовлетворенное хмыкание, и Купер осторожно извлек осколок. Дэвид слышал звон: осколок бросили в подготовленный заранее сосуд.

– Хорошо! Хорошо! – подбодрил себя Купер, заполняя оставшееся от осколка отверстие пчелиным воском, чтобы предотвратить кровотечение. – Теперь займемся глазным нервом.

Это были два белых червя, Дэвид ясно их видел: они тянулись двумя нитями, встречались у входа в глазной канал и исчезали в нем.

– Здесь у нас новообразование – костный нарост, явно связанный с только что удаленным инородным телом. Он как будто блокирует канал и перерезает или прижимает нерв. Предложения, доктор Фридман?

– Я полагаю, нужно подрезать этот нарост и попытаться определить, какой ущерб нанесен нерву в этой области.

– Хорошо. Да, я согласен. Сестра, я воспользуюсь раздробителем кости.

Снова быстрый выбор инструмента, и Купер занялся наростом, напоминавшим коралл в тропическом море. Хирург острой сталью откусывал кусочки кости и каждый сразу старательно убирал.

– Мы имеем осколок кости, который металлический фрагмент загнал в глазной канал. Довольно большой осколок; он находился под значительным давлением и консолидировался...

Врач работал тщательно, и постепенно в канале стал виден белый червь нерва.

– А вот это интересно. – Тон Купера снова изменился. – Да, взгляните-ка сюда. Можно покрупнее?

Камера придвинулась ближе, изображение прояснилось.

– Осколок протолкнул нерв вперед и прижал его. Нерв зажат... но, кажется, невредим.

Купер убрал еще один обломок кости, и нерв обнажился на всю длину.

– Поразительно. Один шанс из тысячи, даже из миллиона. Сам нерв не задет, хотя стальной осколок прошел так близко, что мог коснуться его.

Купер осторожно приподнял нерв тупым концом своего инструмента.

– Абсолютно цел, только расплющен давлением. Мне кажется, никакой атрофии нет. Доктор Фридман?

– Думаю, можно ожидать восстановления нормальных функций.

Несмотря на маски, легко читалось довольное выражение лиц обоих врачей, и, глядя на них, Дэвид испытал противоречивые чувства. В этом сложном состоянии он смотрел, как

Купер закрывает отверстие в черепе, пришивает участок кожи, и снаружи почти не остается свидетельства глубокого проникновения в череп. На экране появилось изображение другой операционной, где маленькой девочке удаляли грыжу, и интерес студентов переместился туда.

Дэвид встал и вышел из зала. Поднялся на лифте и ждал в приемной, пока двери лифта не раскрылись снова и два санитара в белых халатах не покатили Дебру к ее палате. Она была смертельно бледна, вокруг глаз и губ – темные круги, голова закрыта белой повязкой. На укрывавших ее простынях виднелись кровавые пятна, а после того, как ее увезли, в коридоре остался острый запах анестезии.

Потом появился Рувим Фридман, он переоделся в дорогой серый костюм и надел галстук за двадцать гиней от Диора. Выглядел он загорелым здоровым и очень довольным.

– Смотрели? – спросил он, и когда Дэвид кивнул, возбужденно продолжил: – Замечательно. – Он засмеялся и радостно потер руки. – Боже, вот после таких операций чувствуешь себя хорошо. Даже если больше ничего не сделаешь, все равно жизнь прошла не напрасно. – Он больше не мог сдерживаться и игриво толкнул Дэвида в плечо. – Замечательно! – повторил он.

– Когда вы будете знать? – негромко осведомился Дэвид.

– Я уже знаю. Готов рискнуть своей репутацией.

– Она сможет видеть сразу, как только придет в себя после наркоза?

– Боже, конечно, нет! – усмехнулся Рувим. – Нерв был зажат несколько лет, и потребуется время, чтобы он восстановился.

– Сколько?

– Это как нога, которая затекла во время сна. Когда в нее снова устремляется кровь, она еще некоторое время не действует, пока не восстановится нормальное кровообращение.

– Сколько? – повторил Дэвид.

– После того как миссис Морган очнется, нерв начнет сходить с ума, посылая в мозг массу противоречивых сигналов. Она увидит цвета и образы, словно в наркотическом сне, и необходимо какое-то время, чтобы это прекратилось – по моему мнению, от двух недель до месяца, но потом нерв полностью восстановит свои функции, и к ней вернется зрение.

– Две недели, – вторил за ним Дэвид, испытывая облегчение приговоренного, которому объявили об отсрочке.

– Вы, конечно, сообщите ей хорошую новость. – Рувим опять жизнерадостно рассмеялся, хотел еще раз толкнуть Дэвида, но передумал. – Какой прекрасный подарок вы ей преподнесете!

– Нет, – ответил Дэвид. – Я пока ничего ей не скажу, выберу подходящее время позже.

– Но если ей не сообщить, она решит, что видит галлюцинации, и встревожится.

– Мы объясним ей, что это нормальные последствия операции. Она привыкнет к ним, и тогда мы ей расскажем.

– Дэвид, я... – серьезно начал Рувим, но остановился, увидев свирепый взгляд голубых глаз на изуродованном лице-маске.

– Я сам скажу ей! – В голосе Дэвида звучала такая ярость, что Фридман на шаг отступил. – Таково было условие, и я скажу, когда решу, что время пришло.

* * *

В темноте появился крошечный янтарный огонек, бледный и далекий, но она видела, как он расползается, словно делящаяся амеба, превращается в два огонька, каждый из них, в свою очередь, делится, и вскоре вся вселенная заполнилась мерцающими звездами. Свет бился и пульсировал, дрожащий и торжествующий, он менялся от янтарного к ослепительно белому, как искристый блеск бриллианта, потом превратился в солнечную голубизну тропического океана, в мягкую зелень лесных полян, в золото пустынь – бесконечная череда цветов, изменчивых, сливающихся, тускнеющих, вспыхивающих.

Потом цвета обрели форму, они вращались, как огромные колеса фейерверка, взрывались, испускали потоки огненных искр, вспыхивали новыми каскадами света.

Дебру поглотило многообразие обступивших ее цветов и форм, ошеломила эта красота. Она больше не могла молчать и закричала.

И тут же ощутила руку, знакомую сильную руку, и голос, любимый, успокаивающий, твердый.

– Дэвид! – облегченно воскликнула она.

– Спокойней, дорогая. Ты должна отдыхать.

– Дэвид, Дэвид. – Она слышала слезы в своем голосе, новые потоки цвета обрушились на нее, невыносимые в своем богатстве и разнообразии.

– Я здесь, дорогая, здесь.

– Что со мной, Дэвид? Что со мной?

– Все в порядке. Операция прошла удачно.

– Цвета, – воскликнула она. – Они заполняют мою голову. Я никогда такого не видела.

– Это результат операции. Свидетельство ее успеха. Опухоль удалили.

– Я боюсь, Дэвид.

– Нет, дорогая. Нечего бояться.

– Обними меня, Дэвид. Крепче. – В кольце его рук страх отступал, и она медленно училась плавать по океанам цвета, приняла их и наконец ощутила удивление и радость. – Это прекрасно, Дэвид. Когда ты меня обнимаешь, я не боюсь. Удивительно.

– Расскажи, что ты видишь.

– Не могу. Это невозможно. Не могу найти слов.

– Попытайся! – промолвил он.

Дэвид был один в номере. В полночь его соединили с Нью-Йорком.

– Роберт Дуган. С кем я говорю? – Бобби говорил резко и деловито.

– Дэвид Морган.

– Кто?

– Муж Дебры Мардохей.

– А, здравствуйте, Дэвид. – Тон агента изменился. – Рад слышать. Как Дебра?

Было очевидно, что интерес Дугана к Дэвиду начинается с его жены и оканчивается ею же.

– Поэтому я и звоню. Ей сделали операцию, и сейчас она в больнице.

– Боже! Надеюсь, ничего серьезного.

– Все будет в порядке. Через несколько дней ее выпишут, а еще через пару недель она сможет работать.

– Рад слышать, Дэвид. Замечательно.

– Послушайте, я хочу, чтобы все подготовили – контракт и все прочее – насчет сценария «Нашего собственного мира».

– Она собирается его написать? – Радость Дугана ясно чувствовалась даже на расстоянии в шесть тысяч миль.

– Да.

– Замечательная новость, Дэвид.

– Подготовьте хороший контракт.

– Положитесь на меня, приятель. Ваша девчушка – чистый бриллиант. И если ей хорошо заплатят, думаю, это ей не повредит.

– А сколько времени уйдет на сценарий?

– Контракт хотят заключить на шесть месяцев, – сказал Дуган. – Продюсер сейчас находится на съемках в Риме. И вероятно, захочет, чтобы Дебра поработала с ним там.

– Хорошо, – согласился Дэвид. – Ей понравится Рим.

– Вы будете с ней?

– Нет, – осторожно ответил Дэвид. – Она будет одна.

– А она сможет обойтись без вас? – встревоженно спросил Дуган.

– Отныне она все сможет делать сама.

– Надеюсь, вы правы, – с сомнением произнес Дуган.

– Я прав, – отрезал Дэвид. – Еще одно. Эти выступления... Предложение еще в силе?

– Да у меня дверь срывают с петель. Я уже сказал: вцепился как клещ.

– Организуйте после завершения сценария.

– Эй, Дэвид, парень! Вот это дело! Вот теперь мы работаем по-настоящему. Ваша девчурка станет очень дорогим приобретением.

– Сделайте это, – попросил Дэвид. – Пусть она будет занята, слышите меня? Не давайте ей времени задуматься.

– Сделаю. – Бобби словно что-то уловил в голосе Дэвида. – Что-то вас беспокоит? Какие-то семейные трудности? Хотите поговорить об этом?

– Нет, об этом я говорить не хочу. Просто позаботьтесь о ней. Хорошо позаботьтесь.

– Позабочусь. – Дуган посерьезнел. – И, Дэвид...

– Да?

– Сочувствую. Что бы у вас ни случилось, сочувствую.

– Все в порядке. – Дэвид оборвал разговор. Руки его тряслись так, что он сбил телефон со столика, и пластмасса разлетелась. Он оставил его лежать на полу и вышел в ночь. Одиноко брел по спящему городу, пока наконец к утру не устал достаточно, чтобы уснуть.

Постепенно потоки цвета сменились подвижными орнаментами. Неожиданные взрывы яркости, пугавшие Дебру, исчезли. После серых подвижных масс слепоты, которые, как мягкой шерстью, все эти годы заполняли ее голову, появление цвета подействовало на нее возбуждающе. Спустя несколько дней самые неудобные последствия операции прошли, ее

заполнило замечательное ощущение здоровья, оптимистическое ожидание, какого Дебра не испытывала с детства, когда приближались каникулы.

Как будто в глубине ее подсознания таилась уверенность: зрение вернется. Но в сознании ничего подобного пока не было. Она понимала: что-то меняется, приветствовала расставание с миром тьмы и переход к новой яркости, но не сознавала, что произойдет, когда цвета обретут форму и предметность.

Каждый день Дэвид ждал от нее слов, которые бы показали, что она понимает: к ней возвращается зрение; он надеялся на это и в то же время страшился – но напрасно.

Ежедневно бóльшую часть времени он проводил в ее палате, насколько позволял больничный распорядок, и берег каждую минуту, подсчитывая время, как скупец считает монеты в своей пустеющей казне. Но кипучее настроение Дебры было заразительно, и он не мог не смеяться вместе с ней, не разделять радостного волнения, с которым она ждала выписки из больницы и возвращения в их убежище в Джабулани.

У нее не было ни тени сомнения в их чувствах, ничто не омрачало ее безоблачных мыслей, и постепенно Дэвид поверил, что так будет и дальше. Что их счастье бессмертно и любовь вынесет любые испытания. Их любовь была так сильна, когда они были вместе, что Дебра обязательно выдержит потрясение, когда впервые посмотрит на него.

Но он все еще не мог ей сказать, времени впереди было много. Две недели, сказал Рувим Фридман, две недели, прежде чем она сможет увидеть его, и для Дэвида важно было извлечь за эти две недели все возможное.

Одинокими ночами он метался без сна. Вспомнил, как хирург говорил, что его можно сделать менее безобразным. Еще не поздно вернуться и опять лечь под нож, хотя его плоть содрогалась при этой мысли. Может, у Дебры появится возможность взглянуть на что-то менее ужасное.

На следующий день он храбро выдержал взгляды многочисленных покупателей в большом универсальном магазине Статтафордов на Аддерли-стрит. Продавщица, придя в себя, отвела его в занавешенное помещение и принялась подбирать парик, который прикрыл бы его череп в рубцах и шрамах.

Дэвид осмотрел красивые вьющиеся волосы над застывшими развалинами своего лица и впервые смог рассмеяться, хотя впечатление от смеха было еще ужаснее: тонкие губы корчились, как животные в западне.

– Боже! – хохотал он. – Настоящий Франкенштейн!

Для продавщицы это оказалось слишком. Она тоже смущенно заулыбалась.

Он хотел рассказать Дебре об этом, каким-то образом подготовить к тому, какое у него лицо, но не сумел найти слов. Прошел еще один день, и он ничего не добился, зато они провели вместе несколько счастливых часов.

На следующий день Дебра проявила первые признаки беспокойства.

– Когда меня выпустят отсюда, дорогой? Я прекрасно себя чувствую. Нелепо заставлять меня лежать в постели. Я хочу вернуться в Джабулани, там у нас столько дел. – Тут она хихикнула. – Я здесь уже десять дней. Я не привыкла к монастырской жизни и, честно говоря, мой большой похотливый любовник, готова лезть на стены...

– Можно закрыть дверь, – предложил Дэвид.

– Боже, я вышла замуж за гения, – радостно воскликнула она, а после всего добавила: – Впервые это происходит со мной в цвете. Мне очень понравилось.

Когда он вечером вернулся в номер, там его ждали Рувим Фридман и Бриг, которые сразу перешли к делу.

– Ты слишком медлишь, Дэвид. Дебра должна была все узнать уже несколько дней назад, – заметил Бриг.

– Он прав, Дэвид. Вы несправедливы к ней. Ей нужно время, чтобы привыкнуть, приспособиться.

– Скажу, когда будет можно, – упрямо ответил Дэвид.

– Это когда? – спросил Бриг. Золотой зуб ярко сверкал в своем мохнатом гнезде.

– Скоро.

– Дэвид, – уговаривал его Рувим, – это может произойти в любое время. Она выздоравливает поразительно быстро, и зрение может вернуться гораздо раньше, чем я ожидал.

– Я это сделаю, – пообещал Дэвид. – Можете меня не понукать? Я сказал, что сделаю – и сделаю. Отстаньте.

– Хорошо, – заявил Бриг. – У тебя есть время до завтрашнего полудня. Если к тому времени ты ей не скажешь, скажу я.

– Старая дрянь, – горько произнес Дэвид, и от Рувима не укрылось, с каким трудом Бриг сдержался.

– Я понимаю твое нежелание, – спокойно заговорил он, – и сочувствую тебе. Но главная моя забота – Дебра. Ты потакаешь себе, Дэвид. Ты тонешь в жалости к самому себе, но я не позволю больше причинять ей боль. Хватит с нее. Никаких отсрочек. Скажи ей, и покончим с этим.

– Да, – кивнул Дэвид, весь его запал исчез. – Я скажу ей.

– Когда? – настаивал Бриг.

– Завтра, – сдался Дэвид. – Завтра утром.

Утро выдалось яркое и теплое, сад у него под окном пестрел цветами. Дэвид нарочно долго завтракал в номере, прочел от начала до конца утренние газеты, оттягивая неизбежный момент. Потом облачился в темный костюм и бледно-сиреневую рубашку; одевшись, принялся разглядывать свое лицо в зеркале.

– Столько времени прошло, а я еще не привык, – сказал он своему отражению. – Будем молиться, чтобы кому-нибудь ты понравился больше, чем мне.

Такси ждало его у выхода, и он с ощущением свинцовой тяжести в животе устроился на заднем сиденье. Поездка в это утро показалась Дэвиду короче обычной, и, заплатив шоферу и поднявшись по широким ступеням в главный вестибюль «Гроот Шуур», он взглянул на часы. Самое начало двенадцатого. Дэвид едва замечал любопытные взгляды в вестибюле и в лифте.

В комнате для посетителей на этаже Дебры его ждал Бриг. Он вышел в коридор, высокий и мрачный, в непривычном штатском костюме.

– Что вы тут делаете? – спросил Дэвид, негодуя при столкновении с этим неприкрытым вмешательством.

– Я подумал, что могу помочь.

– Вы очень добры! – сардонически хмыкнул Дэвид, не пытаясь скрыть злость.

Но Бриг не ответил ни словом, ни намеком, пропустил шпильку мимо ушей и мягко спросил:

– Пойти с тобой?

– Нет. – Дэвид отвернулся. – Справлюсь сам, спасибо. – И зашагал по коридору.

– Дэвид! – негромко окликнул его Бриг. Дэвид остановился и обернулся.

– Что?

Они долго смотрели друг на друга, потом Бриг резко покачал головой.

– Ничего, – ответил он. Под его взглядом высокий молодой человек с головой чудовища повернулся и быстро направился к палате Дебры. Шаги его глухо звучали в пустом коридоре, словно он поднимался по ступеням на эшафот.

Утро было теплое, дул легкий бриз. Дебра сидела в кресле у открытого окна, и теплый ветерок доносил до нее запах сосны. Смолистый и чистый, он смешивался со слабым запахом моря и водорослей. Она чувствовала глубокое спокойствие и довольство, хотя Дэвид сегодня запаздывал. Во время обхода она поговорила с Фридманом, и тот, подшучивал над ней, намекнул, что через неделю она сможет выписаться. Эта новость еще улучшила ее настроение.

В конце концов Дебру разморило; она закрыла глаза, умеряя мощный поток цвета, захлестывающий ее, и задремала.

Дэвид так и нашел ее, в глубоком кресле, с подобранными под себя ногами, лицо освещено солнцем. На голове у нее был чистый, накрахмаленный белый тюрбан, и платье тоже было белое, как у невесты, с каскадами тонких кружев.

Он стоял перед креслом, внимательно разглядывая ее, Дебра была бледна, но темные круги под глазами посветлели, а серьезная складка полных губ придавала ее лицу мирное выражение.

С бесконечной нежностью он наклонился и положил руку ей на щеку. Дебра сонно зашевелилась и открыла глаза, полные золотистых искорок. Прекрасные глаза, туманные и слепые, и вдруг он увидел, как они меняются, она смотрела пристально и остро. Взгляд ее сфокусировался, стал устойчив. Она смотрела на него – и видела.

Дебра проснулась от прикосновения к щеке, легкого, как падающий лист. Раскрыла глаза, увидев золотистую дымку, и вдруг, словно утренний ветер унес море тумана, облака разошлись, она посмотрела и увидела, как к ней плывет чудовищная голова, колоссальная голова без тела, возникшая, казалось, из самого ада, голова с резкими щелями и звериными чертами, сработанными грубо, как у дьявола. Она вжалась в кресло, подняла руки к лицу и закричала.

Дэвид повернулся и выскочил из палаты, захлопнув за собой дверь. Его башмаки простучали по коридору. Бриг услышал и вышел навстречу.

– Дэвид! – Он протянул руку, пытаясь его удержать, но тот резко толкнул тестя – удар заставил Брига пошатнуться и схватиться за грудь – и побежал.

Его быстрые шаги прозвучали на наружной лестнице.

– Дэвид! – хрипло позвал Бриг. – Подожди!

Однако он исчез, его шаги стихли, и Бриг не пошел за ним. Он повернулся и заторопился туда, где из-за закрытой двери слышались истерические всхлипывания его дочери.

Услышав, как открывается дверь, она отвела руки от лица, и ужас в ее глазах сменился удивлением.

– Я тебя вижу, – прошептала она. – Вижу.

Он быстро подошел к ней и заключил в защитный круг своих рук.

– Все в порядке, – неловко произнес он, – все будет в порядке.

Она прижалась к нему, переставая всхлипывать.

– Я видела сон, – сказала она, – страшный сон, – и снова вздрогнула. Потом резко отстранилась от него.

– Где Дэвид? Я должна его видеть!

Бриг застыл, понимая, что она не распознала реальность.

– Я должна его видеть, – повторила Дебра, и он тяжело ответил:

– Ты его уже видела, девочка.

Несколько секунд она не понимала, потом до нее медленно дошло.

– Дэвид? – прошептала она хриплым голосом. – Это был Дэвид?

Бриг кивнул, ожидая, что на ее лице появится отвращение и ужас.

– О Боже! – Лицо Дебры исказилось. – Что я наделала? Я закричала, увидев его. Что я наделала? Я прогнала его!

– Хочешь снова взглянуть на него? – спросил Бриг.

– Как ты можешь спрашивать? – крикнула Дебра. – Больше всего на свете! Ты должен это знать!

– Даже на такого, какой он сейчас?

– Если ты думаешь, что для меня есть разница – тогда ты меня не знаешь! – Выражение ее лица снова изменилось, стало сосредоточенным. – Найди его для меня! – приказала она. – Быстрее, пока он не натворил глупостей.

– Я не знаю, куда он пошел, – ответил Бриг, встревоженный намеком Дебры.

– Есть лишь одно место в мире, где он может быть после такой раны, – объяснила Дебра. – В небе.

– Да, – согласился Бриг.

– Иди в центр контроля воздушного пространства, поговори с ним. – И когда Бриг повернулся к двери, Дебра сказала ему вслед: – Найди его для меня, папа. Пожалуйста, найди.

«Навахо» словно по своей воле повернул на юг. И только когда его гладкий закругленный нос лег на курс, поднимаясь к невероятно голубому и незапятнанно чистому небу, Дэвид понял, что делает.

Назад уходила гора с плоской вершиной, с блестящими клубами облаков. Это была последняя кромка земли, а впереди – только огромные пространства ледяной воды.

Дэвид взглянул на указатель горючего. Перед глазами по-прежнему была пелена, но он видел, что стрелка немного не дошла до середины шкалы.

Вероятно, предстоит около трех часов полета, и Дэвид ощутил холодное облегчение от того, что скоро его мучения закончатся. Он ясно видел, как это произойдет – в районе, далеком от судоходных путей. Он будет набирать высоту, пока двигатель не захлебнется и не смолкнет. И тогда направит нос самолета вертикально вниз и камнем упадет с неба, как

смертельно раненный орел в последнем полете. Все завершится быстро, и металлический фюзеляж увлечет его на дно, в могилу, но даже там он будет не так одинок, как сейчас.

Радио затрещало и ожило. Он услышал сквозь треск помех вызов диспетчера и потянулся выключить приемник, но его остановил хорошо знакомый голос.

– Дэвид, говорит Бриг.

Точно такие же слова и голос Дэвид слышал в другой кабине, в другой стране.

– Однажды ты не выполнил мой приказ. Больше так не делай.

Рот Дэвида сжался в тонкую бесцветную линию, он снова протянул руку к выключателю. Он знал, что они видят его на экране радара, знают его курс и что Бриг догадался о его намерении. Что ж, ничего не поделаешь.

– Дэвид. – Голос Брига смягчился, он инстинктивно подбирал единственно нужные слова, к которым Дэвид должен был бы прислушаться. – Я только что разговаривал с Деброй. Она ждет тебя. Ты отчаянно нужен ей.

Рука Дэвида застыла над выключателем.

– Выслушай меня, Дэвид. Ты нужен ей – ты всегда будешь ей нужен.

Дэвид мигнул, слезы снова обожгли глаза. Его решимость дрогнула.

– Возвращайся, Дэвид. Ради нее – возвращайся.

Из тьмы души он увидел свет; этот свет разгорался, пока не заполнил его без остатка ослепительной яркостью.

– Дэвид, на связи Бриг. – Снова говорил старый вояка, резко и безапелляционно. – Немедленно возвращайся на базу.

Дэвид улыбнулся и поднес микрофон ко рту. Нажал кнопку передачи и произнес на иврите:

– *Беседер!* Ведущий «Сверкающего копья», направляюсь на базу. – И резко развернул «навахо».

Голубая гора низко лежала на горизонте, и он начал постепенно нацеливать на нее нос. Он знал, что легко не будет, потребуется все его мужество и терпение, но знал также, что результат стоит того. Неожиданно ему отчаянно захотелось оказаться наедине с Деброй в мире и тишине Джабулани.

Оглавление

Золото 5
Охотники за алмазами 157
Свирепая справедливость 293
Орел в небе 563

Сайт Уилбура Смита в Интернете:
www.wilbursmithbooks.com

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Смит Уилбур

Золото

Охотники за алмазами

Свирепая справедливость

Орел в небе

Сборник

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В погоне за прибылью южноафриканские золотопромышленники готовы пойти на страшное преступление...

Смерть владельца прибыльной компании по добыче алмазов становится началом кровавой войны между его наследниками...

Четыреста ни в чем не повинных пассажиров «боинга» оказываются в заложниках у террористов, которые подчиняются таинственному Калифу...

Отважный летчик мстит преступникам, по вине которых его возлюбленная лишилась зрения...

Лучшие приключенческие романы Уилбура Смита!
Потрясающие воображение истории о страстях и запретной любви, дерзких преступлениях и финансовых аферах, изощренных интригах и отчаянном мужестве.

www.ast.ru
www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-073023-0
9 785170 730230